This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

Digitized by Google

MPIL

1307

Digitized by Google

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА **на 1908 годъ** НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННЫЙ

МІРЪ

Журналъ ставитъ своей задачей распространеніе среди читателей идей послѣдовательнаго политическаго и соціальнаго демократизма и освобожденія личности. Наряду съ вопросами политической и общественной жизни, журналъ удѣляетъ серьезное вниманіе вопросамъ естествознанія, литературы, исторіи и искусства.

Журналъ издается при ближайшемъ участіи:

Ѳ. Батюшкова, Ник. Іорданскаго, Вл. Кранихфельда, М. Куприной, А. Куприна, Евг. Ляцкаго, М. Невѣдомскаго и Е. Тарле.

Въ 1908 г. будутъ напечатаны, въ числѣ другихъ, слѣдующія произведенія:

I. Въ отдѣлѣ **беллетристики**: „Казнь“ разсказъ **Леонида Андреева**; „Три брата“ разсказъ **М. Арцыбашева**; „Изъ книги „Храмъ Солнца“, разсказъ **И. Бунина**; „Этапъ“ разсказъ **В. Вересаева**; „Вѣшалка № 584“, разсказъ **А. Вережникова**; „Мамонтъ“, разсказъ **В. Ирецкаго**; „Безъ родины“ (изъ финляндскихъ мотивовъ), **О. Ковальской**; „Яма“, повѣсть **А. Куприна**; **его-же**: „Половодье“, разсказъ; **его же**: „Вечерокъ“, разсказъ; „Разсказъ заключеннаго“, **Вл. Ладыженскаго**; „Разлюмъ“, разсказъ **Н. Олигера**; „Логика“, повѣсть **Н. Осиповича**; повѣсть **И. Потапенко**; разсказъ **А. Серафимовича**, „Небо“,

Digitized by Google

разсказъ **С. Сергѣева-Ценскаго**; „Скиталецъ“, повѣсть **В. Сѣрошевскаго**; „Разсчетъ“; повѣсть **Тана**, „Защита“, разсказъ **Н. Телешова**; „Янкель Хаймовичъ“ (изъ записной книжки случайнаго сибиряка) **М. Франкфурта**; „Простецы“, разсказъ **Николая Шиханова**; „Подвигъ“, романъ **А. Ѳедорова**.

Кромѣ того, будутъ помѣщены „Изъ воспоминаній петрашевца“ **Д. Ахшарумова** и „На волѣ“ (изъ впечатлѣній шлиссельбуржца) **М. Новорусскаго**.

Кромѣ поименованныхъ, принимаютъ участіе въ отдѣлѣ беллетристики и стиховъ: *Д. Айзманъ, Allegro, М. Альбовъ, К. Бальмонтъ, Юл. Безродная, Валерій Брюсовъ, Л. Василевскій, П. Вейнбергъ, Г. Галина, П. Ганзенъ, Л. Гуревичъ, Гусевъ-Оренбургскій, Г. Даниловскій, С. Елеонскій, С. Елпатьевскій, Б. Зайцевъ, А. Каменскій, К. Ковальскій, С. Кондурушкинъ, А. Крандіевская, Маркъ Криницкій, В. Ладыженскій, А Лукьяновъ, С. Маковскій, В. Муйжель, Н. Никандровъ, М. Ольминскій, М. Первухинъ, А. Петрищевъ, Ѳ. Поступаевъ, Скиталецъ, С. Соколовъ, Р. С., Вацл. Сѣрошевскій, Ев. Тарасовъ, Ивг. Тхоржевскій, Д. Цензоръ, Е. Чернобаевъ, Евг. Чириковъ, О. Чюмина, О. Шапиръ, А. Яблоновскій* и др.

II. Въ отдѣлѣ **публицистическихъ и научныхъ статей:** „Борьба за Тихій Океанъ“ **Н. Азбелева**; **его-же**: „Въ Америкѣ“ (путевыя впечатлѣнія); „Романтическая философія и авантюризмъ въ соціологіи“, **Л. Аксельродъ (Ортодоксъ)**; „Эдгаръ Поэ“ **Е. Аничкова**; **его же** „Вопросы морали въ современномъ романѣ“; „Бюрократія въ русской литературѣ“, **С. Ашевскаго**; „Современное состояніе русской промышленности“, **М. Туганъ-Барановскаго**; „Очерки по исторіи соціализма“, **М. Бернацкаго**; „Разрѣшеніе земельнаго вопроса партіями и жизнью“, **Вл. Горна**; **его же**: „Три избирательныхъ кампаніи“; „Русскій либерализмъ и національное освобожденіе“, **Ник. Іорданскаго**; „Семь смертныхъ грѣховъ“, **Ѳ. Зѣлинскаго**: „Очерки безработицы въ Россіи“ **Л. Клейнборта**; „Элементы современныхъ литературныхъ исканій въ творчествѣ гр. Л. Толстого“ **Вл. Краснихфельда**; „Очерки по исторіи литературы XIX вѣка“, **Евг. Ляцкаго**; „Почему мы не разсыпаемся“? (космологическій этюдъ), **Н. Морозова**; „Внѣшніе займы, какъ причина промышленнаго подъема“, **П. Маслова**; „Философскія драмы Ибсена“, **М. П. Невѣдомскаго**; рядъ статей **Г. Плеханова** подъ общимъ назв: „Критика теоріи и практики синдикализма“; „Народная школа въ свободной Швейцаріи“, **Ю. Рейхесберга**; „Очерки изъ

Digitized by Google

исторіи революціоннаго движенія въ 70-хъ годахъ", **С. Сватикова**; „Очерки по исторіи рабочаго класса во Франціи въ эпоху Учредительнаго Собранія", **Е. Тарле**; **Ч. Вѣтринскаго (Чешихина)** „П. И. Якушкинъ въ Н. Новгородѣ". Рядъ статей **В. Агафонова** подъ общимъ заглавіемъ „Наука и жизнь": 1) „Половой вопросъ въ области науки, литературы и жизни", 2) „О возрастѣ земли и будущности человѣчества", 3) О превращеніи вещества и о повторяемости идей въ исторіи человѣчества" (по поводу новѣйшихъ открытій), 4) „Законы и гипотезы въ наукѣ и жизни", „Новые взгляды на эволюцію" и другіе.

Въ публицистическомъ и научномъ отдѣлѣ, кромѣ того, принимаютъ участіе слѣдующія лица: *Н. Абрамовичъ, Ѳ. Батюшковъ, Вл. Береншгамъ, П. Берлинъ, К. Богдановичъ, Т. Богдановичъ, В. Богучарскій, акад. П. Бородинъ, проф. Брандтъ, В. Вальтеръ, Л. Василевскій (Плохоцкій), К. Вейдемюллеръ (Мих. Днѣпровъ), Б. Витмеръ, проф. Випперъ, И. Гинцбургъ, Л. Герасимовъ, А. Давидовъ, Д. Жбанковъ, проф. Зомбартъ, Хр. Инсаровъ, Л. Клейнбортъ, Д. Кольцовъ, М. Ковалевскій, А. Коллонтай, Н. Котляревскій, проф. Ф. Левинсонъ-Лессингъ, М. Лемке, І. Любарскій, проф. Д. Овсянико-Куликовскій, М. Оленовъ, проф. Оршанскій, П. Пильскій, Э. Пименова, К. Покровскій, С. Раппопортъ, М. Рейснеръ, проф. М. Ростовцевъ, И. Рубиновъ, А. Рыкачевъ, М. Славинскій, Ев. Смирновъ, В. Сторожевъ, В. Тотоміанцъ, А. Фаминцынъ, А. Финнъ-Енотаевскій, В. Хижняковъ, проф. Н. Холодковскій, проф. Челпановъ, В. Шарый, Л. Шейнисъ, П. Щеголевъ* и др.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ:

Исторія литературы, критика. Критическія статьи **Ѳ. Д. Батюшкова, Вл. П. Кранихфельда, Е. А. Ляцкаго, М. П. Невѣдомскаго** и другихъ.

Литературные отклики (журнальное обозрѣніе) **Вл. Кранихфельда.**

Вопросы текущей жизни (политическое обозрѣніе) **Ник. Іорданскаго.**

На родинѣ (провинціальный обзоръ) **І. Ларскаго.**

Корреспонденціи изъ провинціи.

Иностранное обозрѣніе.

Digitized by Google

Корреспонденціи изъ-заграницы.

Наука и жизнь (обзоръ новѣйшихъ успѣховъ науки) **В. Агафонова.**

Изъ прошлаго русскаго общества (Воспоминанія, монографіи, обзоръ историческихъ журналовъ).

Искусство (Статьи по исторіи искусства и критическая оцѣнка современныхъ явленій въ области искусства).

Библіографія. Обзоры новѣйшей литературы по отдѣльнымъ отраслямъ знанія и отзывы о новыхъ книгахъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ . .	**8** р. — к.	Съ доставкой и пересылкой во всѣ города имперіи.
» полгода .	**4** » — »	
» 3 мѣс. .	**2** » — »	
» мѣсяцъ .	— » **80** »	
За границу .	**10** » — »	

Допускается разсрочка по третямъ года: **3** р. при подпискѣ; **3** р. въ апрѣлѣ; **2** р. въ августѣ.

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ—**7** р. Учащіеся могутъ выплачивать по **1** р. въ мѣсяцъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

кромѣ главной конторы

С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 7.

въ **Спб.**—Книжн. магаз. Т-ва М. Вольфъ. Уг. Морской и Невскаго пр. Книжн. магаз. Карбасникова. Гостинный дворъ, 19.

Москвѣ—Контора Н. А. Печковской и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-Издательница *Л. Э. Ватсонъ.*

По состоявшемуся соглашенію между издателями журналовъ **„СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ“** и **„МІРЪ БОЖІЙ“**, всѣмъ подписчикамъ журнала

„МІРЪ БОЖІЙ“

высылаются книжки **„Современнаго Міра“** въ теченіи всего времени пріостановки журнала **„Міръ Божій“**.

Digitized by Google

Типографія Монтвида. Конная ул., д. № 3—5.

h-303

Годъ XVII (III). № 1.

Современный МІРЪ

T. Ə.-T. İ. İ.
ƏİLMİ KİTABXANƏ
T. R.-K. Ə. T.
НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА
№ h-303
Казан—Казань

ЯНВАРЬ

1908

(Sovremennyi mir.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1908.

Digitized by Google

No anal

Типографія Монтвида, Конная улица, домъ. № 3—5.

Digitized by Google

AP50
S73
1908:1-2
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

		стр.
1.	ПОДВИГЪ. Романъ **А. Ѳедорова**.	1
2.	АРАБИКЪ. ПО БЛѢДНОЙ ДОРОГѢ; Стихотворенія **К. Бальмонта**	36
3.	СЕМЬ СМЕРТНЫХЪ ГРѢХОВЪ. Проф. **Ѳ. Зѣлинскаго**	38
4.	ПОВОЛЬНИКЪ. Стихотвореніе **Валерія Брюсова**. .	46
5.	ВЕЛИКАНЪ. **Леонида Андреева**.	47
6.	КРАСОТА. (Стихотвореніе въ прозѣ). **Скитальца**.	50
7.	ТЕОРІЯ СТОИМОСТИ И ДІАЛЕКТИЧЕСКІЙ МАТЕРІАЛИЗМЪ. (Къ 40-лѣтію „Капитала“ 1867—1907). **Л. Аксельродъ (Ортодоксъ)**.	53
8.	РАЗЛОМЪ. Разсказъ **Николая Олигера**.	69
9.	СѢЯТЕЛЬ. Стихотвореніе **Валерія Брюсова**. . .	89
10.	СТРОИТЕЛИ АНГЛІЙСКОЙ ЖИЗНИ. (Очерки реформъ и соціальныхъ движеній). **С. И. Рапопорта**.	90
11.	РЫБАЛКА. Стихотвореніе **Ивана Бунина**. . . .	110
12.	ОТВЕРНУЛАСЬ. Эскизъ **Н. Осиповича**.	111
13.	ПАМЯТИ ЛЕВИТАНА. Стихотвореніе **Вл. Бѣлостоцкаго (Вѣтвицкаго)**.	116
14.	НА ВОЛѢ. Послѣ шлиссельбургскаго заточенія. **М. Новорусскаго**.	117
15.	БОЛЬНАЯ Я ЛЕЖАЛА. Стихотвореніе. **Р. С.** . .	145
16.	ЛѢСЪ ЗИМОЙ. Разсказъ *Кнута Гамсуна*. Переводъ съ норвежскаго **Р. Тираспольской**.	146
17.	ВЪ МІРОВОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ. **Николая Морозова**.	159
18.	ЧААДАЕВЪ. **В. Г. Плеханова**.	176
19.	ГОЛОСЪ КРОВИ. (Zwischen den Rassen) Романъ **Генриха Мана**. Переводъ съ нѣмецкаго *М. Славинской* и *Р. Ландау*.	197
20.	НАУКА И ЖИЗНЬ. Грядущая революція въ области мірового производства. (Дешевый кислородъ и азотъ). **В. Агафонова**.	1

Digitized by Google

стр.

21. ЭДВАРДЪ ГРИГЪ. Очеркъ. **А. Давидова.** . . . 33
22. „СПАСИТЕЛИ РОССІИ". Этюдъ политической статистики). **Вл. Горна** 50
23. РАБОЧІЙ ВОПРОСЪ У ПРАВЫХЪ. **Мих. Оленова.** 67
24. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТКЛИКИ. „Вѣсовское дѣйствіе надъ нѣкіимъ мужемъ, а также преніе Живота со Смертью"—представленіе для публики А. Ремизова.—„Маковъ Цвѣтъ"—драма г.г. Мережковскаго, Философова и г-жи Гиппіусъ.—„Тьма"—разсказъ Л. Андреева.—„Творимая легенда (Навьи чары)"—романъ Ѳ. Сологуба. **Вл. Кранихфельда.** 86
25 НА РОДИНѢ. Университетскія событія. **І. Ларскаго.** . 101
26. ВОПРОСЫ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ. Два процесса. **Ник. Іорданскаго.** 117
27. БИБЛІОГРАФІЯ И КРИТИКА. *Н. Телешовъ.* Разсказы. Т. II—*Евгеній Тарасовъ.* Земныя дали.—*Исторія Россіи* въ XIX вѣкѣ.—*Декабристы.* Тайныя общества.—*Ивановъ-Разумникъ.* Что такое махаевщина.—*Пьетро Орси.* Современная Италія.—*А. Оларъ.* Ораторы революціи.—*Е. В. Тарле.* Рабочіе національныхъ мануфактуръ во Франціи въ эпоху революціи.—*Б. Великовъ.* Теорія и практика пропорціональнаго представительства.—*Н. Каблуковъ.* Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи.—*А. И. Шингаревъ.* Вымирающая деревня.—Проф. *И. Х. Озеровъ.* Что такое общество потребителей, какъ его основать и вести.—*С. В. Бородаевскій.* Сборникъ по мелкому кредиту.—*В. А. Гагенъ.* Право бѣднаго на призрѣніе.—*Отчетъ* о состояніи народнаго здравія и организаціи врачебной помощи въ Россіи за 1905 годъ. . . . 132
28. НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА (съ 1-го декабря 1907 г. по 20 декабря 1907 г.). 158
29. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Digitized by Google

Подвигъ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Плодовыя деревья были въ полномъ цвѣту, и садъ стоялъ весь бѣлый, какъ въ снѣгу, такой нѣжный, что, кажется, дуновенія вѣтра, заревого холодка достаточно было, чтобы уничтожить этотъ трогательный воздушный уборъ.

На веселомъ весеннемъ солнцѣ онъ весь млѣлъ и свѣтился, и розоватый цвѣтъ абрикосовъ выступалъ, какъ румянецъ, на матовой бѣлизнѣ яблонь и черешень. Среди цвѣтовъ гудѣли пчелы, наполняя воздухъ торжественнымъ, какъ бы пасхальнымъ звономъ, въ который голоса птицъ вливались легкими журчащими струйками.

Стволы и вѣтки въ этой бѣлизнѣ казались черными, какъ будто опаленными, а зеленые, едва распускавшіеся листики сквозили изумрудными брызгами, и такими же брызгами зеленѣла земля на огородахъ. Они тянулись правильными грядками по лиловатому отъ солнца полю, похожіе на строки весенней поэмы.

Но большія старыя деревья стояли еще въ почкахъ, наливщихся, какъ сосцы, питающіе своими соками перелетный хмѣльной вѣтеръ, и только пятна ржавыхъ туй и сосенъ одиноко и глухо темнѣли на этомъ нѣжномъ праздничномъ фонѣ.

Алексины были рады, что они уже на дачѣ. Съ этимъ переѣздомъ начиналась новая жизнь. Дача стояла довольно далеко отъ города: знакомые и всякіе посѣтители являлись

Digitized by Google

рѣдко; самый ходъ жизни становился ровнѣе, спокойнѣе и въ немъ чувствовалась та осмысленная тишина и ясность, которыми проникнуто было все въ этой степи, далеко размахнувшейся отъ моря.

Алексину и Николаю еще приходилось ѣздить въ городъ каждый день: было самое горячее время въ университетѣ. Они мчались на велосипедахъ, больше похожіе на двухъ товарищей, чѣмъ на отца съ сыномъ, и къ обѣду возвращались запыленные, нервные, взвинченные городской суетой и тамошними интересами.

Вода въ морѣ была еще холодная, но они смѣло бросались въ нее и выскакивали оттуда освѣженные, бодрые.

Анна Гавриловна поднималась на дачѣ раньше всѣхъ и это случалось какъ то само собою, точно между ею и солнцемъ разъ навсегда состоялся договоръ. И она любила вставать рано. Любила эти ласковые нежаркіе лучи и раннія свѣтотѣни и невысохшую росу на землѣ и листьяхъ послѣ смуглыхъ южныхъ ночей.

Первый моментъ встрѣчи съ Верховской не обрадовалъ Алексину такъ, какъ она думала объ этомъ въ городѣ: не будетъ прежняго покоя и этого безраздѣльнаго пользованія всѣмъ, что ее окружало.

Все же она привѣтливо бросилась къ своей подругѣ, какъ только увидала ее передъ террасой. Онѣ заключили другъ друга въ объятія и въ воздухѣ звучно, какъ щелчки, раздались ихъ поцѣлуи.

Въ сторонѣ стояла хорошенькая дѣвушка лѣтъ семнадцати. Особенное очарованіе придавалъ ей выразительный ротъ; въ немъ-то, казалось, и таилось сверканіе безотчетнаго смѣха. Смѣхъ искрился и въ ея черныхъ, немного щурившихся глазахъ. Она посматривала на явно преувеличенныя чувства цѣловавшихся женщинъ съ нетерпѣніемъ. Послѣ долгой разлуки эти привѣтствія всегда неумѣренны и нѣсколько фальшивы.

Выраженіе ея лица сразу измѣнилось, когда она на террасѣ увидѣла Алексина. Но прежде, чѣмъ успѣли поздороваться, его жена уже держала руки дѣвушки въ своихъ и, откинувши назадъ голову, съ покраснѣвшимъ отъ поцѣлуевъ лицомъ, глядя то на нее, то на ея мать, удивленно воскликнула:

Digitized by Google

— Дина! Диночка! Нѣтъ, я просто глазамъ не вѣрю: такъ развилась, такъ выросла!

И Дина въ ту же минуту почувствовала на своихъ щекахъ ея полныя губы вмѣстѣ съ запахомъ пудры, одеколона и еще свѣжаго отъ купанія тѣла.

Алексина обнимала ее, а она черезъ плечо ея съ особеннымъ вниманіемъ глядѣла на профессора: онъ цѣловалъ руку ея матери, а та прижала губы къ его лбу.

Такъ вотъ онъ какой! Совсѣмъ не тотъ, какимъ она себѣ его представляла по далекому воспоминанію. Лучше или хуже того, она еще не знала, а совсѣмъ иной. Но какъ только онъ заговорилъ, ей хотѣлось закрыть глаза и слушать его голосъ, какъ воспоминаніе.

— Я не рѣшаюсь назвать васъ—Дина. Вы совсѣмъ большая и уже не „стрижъ".

Она протянула ему обѣ руки и воскликнула голосомъ очень похожимъ на голосъ матери, но только болѣе искреннимъ и нѣжнымъ безъ той сипоты, которая свойственна большинству оперныхъ „пѣвицъ".

— Ахъ нѣтъ, я хочу остаться для васъ тѣмъ же „стрижемъ", какъ вы меня прозвали. Я въ вашихъ глазахъ... то есть вы въ моихъ глазахъ... Нѣтъ я просто не могу говорить... Мнѣ сначала показалось... а теперь я вижу, что вы совершенно такой, какимъ я васъ все время представляла. И голосъ вашъ все такой же.

— Въ такомъ случаѣ...

Профессоръ весело сжалъ ея руки. Но жена съ притворнымъ ужасомъ прервала его:

— Гдѣ твой галстукъ?

Онъ схватился за растегнутый воротъ мягкой рубашки.

— Простите.—И мальчишескимъ прыжкомъ, нисколько не дѣлавшимъ его, однако, смѣшнымъ, несмотря на высокій ростъ и солидный возрастъ, очутился на террасѣ.

— Полно, Георгій Алексѣевичъ! Передъ кѣмъ стѣсняться!

— Нѣтъ, нѣтъ! Какъ можно! Я сейчасъ. Ахъ, чортъ побери!

— Твой мужъ прелесть... прелесть! Я тебѣ завидую.—Обратилась къ подругѣ Верховская.—Ты, Дина, находишь, что Георгій Алексѣевичъ нисколько не измѣнился, а на мой взглядъ онъ немного постарѣлъ, похудѣлъ.

— Очень вѣроятно,—согласилась Алексина.—Такое время. А вѣдь онъ не можетъ въ сторонѣ держаться. А гдѣ же твой братъ?—съ неестественной легкостью спросила она.

Digitized by Google

— Онъ тамъ расплачивается за экипажъ.—Наклонившись къ ней, она тихо спросила:—Тебя не волнуетъ эта встрѣча?

— Нисколько.

Въ послѣднихъ фразахъ, которыми онѣ обмѣнялись, было что-то черезъ чуръ скользящее, какъ тотъ тусклый блескъ, который прошелъ въ это время по ихъ глазамъ; и, еще не вполнѣ освободившись отъ него, Верховская окинула взглядомъ ея капотъ и съ завистью протянула:

— Ахъ, какой чудный у тебя капотъ! Я непремѣнно сдѣлаю себѣ такой же.

Она дольше, чѣмъ слѣдовало, засмотрѣлась на капотъ. Кажется, послѣ этихъ незначительныхъ фразъ имъ не о чемъ было больше разговаривать.

А Дина стояла всторонѣ и уже безъ улыбки, хмуря брови, задумчиво чертила на пескѣ какой-то завитокъ.

Слѣва изъ-за угла дачи показалась невысокая, худощавая фигура Верховскаго. Помахивая шляпой и поправляя на ходу волосы, онъ шелъ такъ свободно и просто, какъ будто постоянно жилъ здѣсь, и только въ приподнятой головѣ его и въ щурившихся глазахъ выражалось любопытство человѣка безпокойнаго, но уже нѣсколько усталаго.

Алексина невольно оглянулась на террасу, какъ то безотчетно выпрямилась и, тускло улыбаясь, протянула гостю руку.

Онъ мелькомъ взглянулъ въ ея глаза и, отвѣтивъ ей такой же отраженной улыбкой, наклонился къ ея рукѣ.

Профессоръ появился на террасѣ въ бѣломъ шелковомъ галстухѣ, повязанномъ бантомъ.

— Ну, вотъ теперь другое дѣло! А, Сергѣй! очень радъ тебя видѣть. Ого, однако, ты порядочно измѣнился. И посѣдѣлъ. Какъ не стыдно!

Въ то время, какъ они обнимались, Верховская замѣтила:

— Нѣтъ, это забавно. Георгій Алексѣевичъ больше похожъ на художника, а Сергѣй на профессора. А гдѣ же Коля?—внезапно заинтересовалась она.

— Да, да. А гдѣ же Коля?—подхватила Дина.

— Долженъ быть къ завтраку.

— Вѣрно возится съ рыбаками,—прибавилъ профессоръ.

— Совсѣмъ не живетъ дома. Такъ загрубѣлъ и притомъ безумствуетъ: для него, что буря, что не буря—все равно.

— Ахъ, все же я завидую, что у тебя мальчикъ.

Digitized by Google

— Мама, я право не виновата въ этомъ.

— Дина!

Но профессоръ смѣхомъ остановилъ выговоръ и только тутъ спохватился:

— Однако, что же это мы стоимъ здѣсь? Пожалуйте, господа.—Свободнымъ жестомъ пригласилъ онъ гостей.

— Тамъ для васъ все уже готово и я только прикажу дать воды. Или, если хочешь, ко мнѣ.—Предложила хозяйка и засуетилась.

- Нѣтъ, я уже посижу здѣсь. Тутъ такъ чудесно. Да зачѣмъ ты сама... Вотъ Дина...

Но Дина уже не слышала ея словъ: подхвативъ свою короткую по англійски юбку, она стремглавъ полетѣла на встрѣчу своему товарищу дѣтства.

За эти четыре года онъ выросъ, возмужалъ; былъ одѣтъ не въ гимназическую кутку, а въ матроску, но она издали узнала его и обошлась съ нимъ совсѣмъ запросто, съ разбѣга чмокнула въ щеку, обвѣтренную до пятенъ и, глядя въ его растерянное лицо, стала хохотать, на распѣвъ повторяя дразнилку, сочиненную на него въ дѣтствѣ:

„Дельфинъ, дельфинъ,
Нырни въ графинъ".

Онъ тоже вспомнилъ и, заливаясь смѣхомъ, отвѣтилъ:

„Стрижъ, стрижъ,
Съ вѣтки кшишь".

И они, какъ въ дѣтствѣ, схватились за руки и стали вихремъ кружиться, откинувъ легкія стройныя тѣла другъ отъ друга.

Всѣ улыбались, глядя на нихъ.

— Какая красавица стала Дина,—сказалъ профессоръ.

Верховскій тономъ знатока замѣтилъ:

— Не нахожу. Фигура слишкомъ тонка, лицо совсѣмъ неправильное, большой ротъ, и при томъ—веснушки.

Его сестра простодушно дополнила:

— Только и есть моего, что глаза да голосъ; но у нея молодость и этому нельзя не завидовать. Это все.

— Ну, ты и сама очень моложава,—съ скрытой досадой сказалъ братъ. — Ты старше меня, а у тебя ни сѣдыхъ волосъ, ни морщинъ.

Они были похожи другъ на друга: у обоихъ невысокіе упрямые лбы и чувственныя капризныя губы.

Digitized by Google

Она ничуть не обидѣлась за напоминаніе о старшинствѣ.

— Единственно, за что я благодарна сценѣ: приходилось дорожить своимъ голосомъ, а значитъ и здоровьемъ.

Однако, его укололи ея слова: онъ почувствовалъ въ нихъ намекъ на свою распущенную жизнь. Хотѣлъ отвѣтить какой то колкостью, но профессоръ освѣдомился о голосѣ Дины.

— Голосъ изумительный, но она не хочетъ учиться пѣть, — отвѣтила Верховская. — Не любитъ театра. Ей подай высшія матеріи,—университетъ.

— Да-а?—удивился профессоръ. — Отлично! Извините,— спохватился онъ.

— Не извиняйтесь, пожалуйста, я совсѣмъ оставила сцену.

Возвращаясь, Алексина услышала ея послѣднія слова.

— Не вѣрю. Съ твоимъ голосомъ, съ твоей наружностью!

— Я не скажу, чтобы мнѣ легко было сдѣлать это. Голосъ у меня, пожалуй, и не хуже, хотя въ немъ появилась царапина. Но дождаться, когда станешь жалкой, смѣшной какъ... Ну—какъ многія... Это было бы ужасно.

Она закончила, очевидно, много разъ повторенной ею фразой.

— Я предпочла уйти, скорѣе, какъ маленькій побѣдитель, чѣмъ большой побѣжденный.

— Удивляюсь. Если бы у меня послѣ операціи не пропалъ голосъ, я бы не ушла со сцены. Мнѣ и теперь еще, особенно весной, кажется, что ко мнѣ вернется голосъ.

— О, тебѣ можно только позавидовать! Ты живешь не для публики, а для себя. Здѣсь прямо чудесно. Это море, скалы. Совсѣмъ, какъ декорація изъ Летучаго Голландца. А этотъ бѣлый садъ. Какъ странно, что я тогда не обратила на все вниманія.

— До того ли тебѣ было. Ты и видѣла это проѣздомъ, всего на три дня: только за Диной заѣхала.

— Нѣтъ, не то; я и сама не разобралась, въ чемъ тутъ... Но мнѣ кажется, что съ тѣхъ поръ, какъ я окончательно порвала со сценой, я иначе начинаю смотрѣть на все... Гдѣ то въ душѣ открываются какъ будто новые глаза.

Алексина съ удивленіемъ на нее посмотрѣла, не вѣря ея искренности. „Просто объѣлась успѣхомъ“ —подумала она про себя, „А отдохнетъ и опять набросится на прежнее“.

Digitized by Google

Но и бесѣдуя съ ней, и думая про себя, она не могла отдѣлаться отъ неуловимаго стѣсненія, которое раздражало ее, какъ раздражаетъ глазъ соринка на рѣсницахъ. Она то и дѣло украдкой взглядывала на Верховскаго, бесѣдовавшаго съ ея мужемъ, и старалась поймать смыслъ ихъ разговора. Все казалось, что они должны говорить о ней.

Теперь она уже окончательно чувствовала, что ее стѣсняетъ его присутствіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ было жаль его за то, что онъ такъ измѣнился, какъ будто тѣнь вины въ этомъ падала на нее.

Верховскій раздраженно отвѣчалъ профессору:

— Хорошо тебѣ говорить такъ, а вотъ мнѣ, какъ художнику, эти постоянныя волненія, кровопролитіе и борьба мѣшаютъ работать. Точно на кораблѣ во время качки. Надо непремѣнно держаться за что нибудь, чтобы не упасть.

— А развѣ у насъ не тоже самое: молодежь, студенты... Наука тоже женщина ревнивая.

— Да, но у тебя есть гдѣ отдохнуть, а я одинокъ.

— Э, какой можетъ быть отдыхъ въ такое время!

— А мнѣ вотъ въ такое время именно хочется уйти въ себя отъ всей этой сумятицы и кошмара,—какъ будто злясь на себя и вмѣстѣ съ тѣмъ не довѣряя Алексину, возразилъ Верховскій. И какъ бы въ подтвержденіе послѣдняго, глядя въ ту сторону, гдѣ Николай разговаривалъ съ Диной, обличительно добавилъ:—Однако я не думаю, чтобы онъ въ это время былъ менѣе дорогъ тебѣ.

— Мой сынъ?

— Да, твой сынъ.

— Нѣтъ, напротивъ.

— Ага.

— Что—ага? Мало ли какія есть у насъ привязанности... даже недостатки. Вотъ я въ карты играю... выпить люблю съ хорошими людьми. Можетъ быть, и еще кое въ чемъ грѣшенъ, — понизивъ голосъ, добавилъ онъ. — Но чортъ возьми, вѣдь я же человѣкъ, а не правило. Что же касается сына... — Онъ какъ то сразу вспыхнулъ и поднялся съ мѣста. Если потребуются отъ насъ жертвы... родина позоветъ насъ. — Онъ вдругъ сконфузился своего пафоса и уже съ какой-то застѣнчивой, молодой улыбкой докончилъ. — Мы пойдемъ съ нимъ вмѣстѣ рука объ руку.

Алексина полушутливо откликнулась:

— А я вцѣплюсь и не пущу.

Digitized by Google

— Кого? — испытующе и серьезно спросилъ Верховскій, прямо смотря въ ея глаза.

Она чуть-чуть поблѣднѣла, но выдержала его взглядъ и также серьезно отвѣтила:

— Обоихъ.—Но тутъ же отвернулась и громко крикнула: по направленію къ обрыву:—Николай!

Верховская подхватила этотъ крикъ:

— Дина, что же ты не пускаешь Колю поздороваться съ нами?

И два голоса въ разъ отвѣтили:

— Сейчасъ.

Но Дина все еще держала Николая за руку и съ крутого обрыва смотрѣла внизъ, въ глубину, гдѣ шли холмы вдоль моря.

— У, какая вышина! Что, если броситься внизъ съ этого обрыва, вѣдь разобьешся на смерть?

— Да, навѣрняка. Внизу камни. Ну, мы заболтались, пойдемъ скорѣе.

— Нѣтъ, нѣтъ, пойдемъ солидно: докажемъ, что мы не дѣти.

Онъ подалъ ей руку, и они пошли по аллеѣ только что начинавшей зацвѣтать сирени, похожіе на брата и сестру.

— Здѣсь чудно, а въ Петербургѣ скверно: — ни съ того ни съ сего сказала она.— Терпѣть не могу эти бѣлыя ночи: точно снятое молоко.

Верховская слѣдила за ними въ лорнетъ и опустила его только тогда, когда Николай уже былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея.

Онъ оставилъ руку Дины и неторопливо шелъ поздороваться съ гостьей, слегка переваливаясь съ ноги на ногу.

Она придала своему моложавому лицу выраженіе счастливаго изумленія, неизмѣнно появлявшееся у ней уже лѣтъ двадцать при приближеніи мужчины, все равно происходило то на сценѣ, или въ жизни. Протянула ему руку въ полуоткрытой перчаткѣ, но онъ рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать съ этими пальцами, унизанными драгоцѣнными камнями въ золотыхъ кольцахъ: его руки должны были пахнуть рыбой и просмоленной лодкой, которую онъ только что вытягивалъ съ рыбаками на берегъ.

Но она не дала ему задуматься; нѣжные пальцы прижались къ его вискамъ и онъ почувствовалъ на своемъ лбу долгій поцѣлуй, заставившій его покраснѣть. И сама она

Digitized by Google

сдѣлала видъ, что спохватилась и, оглядывая его и переводя глаза на всѣхъ, говорила:

— Ахъ, что я надѣлала! Обошлась съ нимъ, какъ съ мальчикомъ, а онъ совсѣмъ мужчина.

Онъ сказалъ, хмуро оглядывая свой костюмъ:

— Простите, я только что съ рыбной ловли.

— Вы ловили рыбу? Ахъ, какъ это должно быть весело! Ну, что-жъ много наловили?

— Не особенно. Но дѣло не въ томъ...

— Что же ты не здороваешься съ Сергѣемъ Александровичемъ?

— Не узналъ васъ. Навѣрно если бы встрѣтились прошелъ бы мимо.

— Конечно, какъ узнать! Мы видѣлись пять лѣтъ тому назадъ, мелькомъ. Вамъ было тогда лѣтъ тринадцать, четырнадцать.

— Да, четырнадцать. Они погодки съ Диной.

— Пять лѣтъ. А мнѣ кажется, что это такъ давно: столько пережито за это время.

— Ахъ, и не говорите, просто страшно жить.

— Какъ это люди не замѣчаютъ, что часто въ такъ называемое спокойное время гораздо страшнѣе жить.

— Для васъ, ученыхъ — дѣятелей, конечно, это время интересное...—вступилъ въ разговоръ Верховскій.—Ну, а для насъ...

Онъ не докончилъ и съ гримасой развелъ руками.

— При чемъ тутъ моя ученость?

Но Верховская запротестовала:

— Пожалуйста, пожалуйста, не скромничайте. Читали о вашихъ необыкновенныхъ трудахъ.

Дина съ лукавымъ видомъ остановила мать:

— Мама, это я читала́ и говорила тебѣ.

— Не все ли равно ты, или я. О, она такая ваша поклонница! Всѣ статьи ваши чуть ли не наизустъ знаетъ.

— Ахъ, что тамъ... Развѣ я одна... вся молодежь... Это естественно.

— Ну, ну, пожалуйста, не отпирайся. Вы знаете, что дѣвочкой она была влюблена въ васъ, Георгій Алексѣевичъ.

Дина покраснѣла и, какъ-то неестественно поднявъ рѣсницы, смотрѣла ему въ лицо. Только когда мать, смѣясь, разсказала, какъ ея дѣвочка выливала на себя по полфла-

Digitized by Google

кона скраденныхъ у нея духовъ, чтобы плѣнить профессора, Дина не выдержала, разсмѣялась и подтвердила это:

— Да, да. Это правда. Это правда!

Алексина также разсмѣялась.

— А я не подозрѣвала тогда, что у меня такая опасная соперница.

Дина сразу перестала смѣяться и, серьезно, но мелькомъ взглянувъ на Алексину, обратилась къ матери:

— Позволь мнѣ, мама, выкупаться въ морѣ: Коля говоритъ, что вода восемнадцать градусовъ.

Николай тихонько дернулъ ее за рукавъ.

— Всего пятнадцать.

— Тс...

— Въ самомъ дѣлѣ, Рита. Только у насъ еще кабинку не поставили.

— Не все-ли равно, я люблю такъ, на свободѣ.

— А купальный костюмъ?

Но Николай успокоилъ Верховскую:

— Тутъ можно безъ всякаго костюма: на женскомъ берегу никого нѣтъ.

— Ну, иди, если хочешь; только, пожалуйста, будь осторожна.

— Вотъ будетъ прелесть! Опять нырнуть въ зеленую глубину!

— Да, чудесно. Я каждый день купаюсь.

— Неужели?—позавидовала Верховская подругѣ.—А мнѣ доктора говорятъ,—даже палецъ вредно обмокнуть въ море. Я ужъ пойду къ себѣ.

Она обняла Алексину и они направились къ террасѣ.

— Я бы тоже, пожалуй, рискнулъ выкупаться.

— Такъ пойдемте, если хотите, — предложилъ Николай Верховскому.—Я сейчасъ возьму простыни и мы отправимся съ вами на мужской берегъ.

— Это что же за мужской берегъ?

— А это одно названіе, они отдѣляются только большимъ камнемъ.

— Значитъ, все осталось, какъ прежде?—воскликнула Дина.

— Все, какъ прежде.

— И бесѣдка въ видѣ гриба, и развалины?

— И бесѣдка, и развалины.

— Подумайте. А? Все, какъ прежде. И я такая же. Ну,

Digitized by Google

вотъ совсѣмъ такая, какъ тогда. И такъ же зацвѣтаетъ сирень, и садъ въ бѣломъ цвѣту. — Она взволнованно взглянула на Алексина и задумчиво, какъ бы про себя, закончила: —Ахъ, какъ все это удивительно!

Верховская съ любопытствомъ спросила:

— Что же тутъ удивительнаго?

— А ну, какъ это объяснить? Удивительно, да и все тутъ. Вотъ Георгій Алексѣевичъ это понмаетъ.

Алексинъ внимательно посмотрѣлъ на нее и вздохнулъ:

— Да, да, понимаю. И удивительнѣй всего, что я и самъ не могу привыкнуть къ этому. Все мнѣ кажется, что я въ первый разъ вижу, какъ цвѣтутъ деревья, и въ воздухѣ носится цвѣточная пыль, такъ божественно просто оплодотворяющая ихъ. И эти облака, и это небо и море, все какъ будто вижу въ первый разъ.

Дина съ восторгомъ слушала его и, когда онъ кончилъ, точно обрадовавшись чему-то, подтолкнула Николая.

— Ну, скорѣе, дельфинъ, простыню!

Николай нѣсколькими прыжками очутился на террасѣ и исчезъ за виноградной сѣткой, а черезъ минуту вернулся съ простынями.

— И я, пожалуй, пошелъ бы выкупаться, да некогда,— сказалъ Алексинъ.—Надо кое-что просмотрѣть. Нынче у насъ въ университетѣ защищаетъ диссертацію одинъ господинъ. Круглый невѣжда, при томъ же дрянной человѣчишка. Желаетъ занять профессорскую каѳедру. Ему покровительствуютъ. Ну да, надо надѣяться профессорская коллегія не допуститъ.

Николай съ негодованіемъ добавилъ:

— Представьте себѣ, онъ хотѣлъ подкупить насъ, зная, что мы стѣснены въ средствахъ. Пріѣзжалъ къ намъ, осмѣлился предлагать взятку папѣ.

— Ну, полно. Это не совсѣмъ такъ, — старался замять разговоръ Алексинъ.

— Какъ не совсѣмъ такъ! Я только не хотѣлъ тебѣ говорить, отецъ. Когда это не выгорѣло съ тобой, онъ пытался дѣйствовать такимъ образомъ черезъ маму.

— Ну, ужъ вотъ это низость. Воображаю, какъ она ему славно отвѣтила!

— Онъ былъ такъ жалокъ, что она растерялась.

— Напрасно. Такихъ господъ щадить нечего. Ихъ прямо надо пинками. Однако, идемте, я провожу васъ до спуска.

Digitized by Google

Николай и Дина пошли впередъ.

Только что зацвѣтающая сиреневая аллея шла внизъ къ морю; изъ налившихся сиреневыхъ бутончиковъ проливался едва уловимый диковатый ароматъ, точно дыханіе дѣтскихъ губъ во снѣ.

Профессоръ шелъ рядомъ съ гостемъ и рѣшительно не находилъ, о чемъ съ нимъ говорить. Глаза его нѣтъ-нѣтъ да останавливались на этой молодой парѣ, которая подвигалась впередъ такъ весело и легко, какъ будто каждое движеніе для нихъ было радость. Только теперь, видя своего сына рядомъ съ этой дѣвушкой, онъ почувствовалъ себя какъ бы отрѣзаннымъ отъ той полосы жизни, на которой стояли они. Не было ничего опредѣленнаго, ясно разграниченнаго. Онъ ощущалъ въ себѣ молодую бодрость и свѣжесть, но въ этомъ ощущеніи было теперь еще нѣчто, отчего каждый ихъ взглядъ и звукъ голоса имѣлъ для него иной, уже утраченный имъ смыслъ.

„Да, да,—думалъ онъ, непріятно задѣтый этимъ открытіемъ.—Вечерняя заря похожа на утреннюю: небо, облака, самый воздухъ—все окрашено почти также. Но одно—восходъ солнца—пробужденіе; другое—закатъ—печаль".

Дина нѣсколько разъ оглядывалась на него на ходу, съ тѣмъ особеннымъ скрытымъ вниманіемъ, которое непонятно его волновало. Онъ внутренно встряхивался, но его начинали раздражать мысли, никогда не приходившія раньше въ голову. Теперь это было особенно не кстати. Когда въ послѣдній разъ она оглянулась на него, онъ подавилъ улыбку, которой все время отвѣчалъ ей.

Она остановила на немъ почти испуганный вопросительный взглядъ.

Онъ принужденно улыбнулся.

Верховскій спросилъ, пристально глядя вслѣдъ Николаю:

— Ты очень любишь его?

Этотъ вопросъ былъ такъ неожиданъ, что Алексинъ остановился.

— Почему ты это спросилъ какъ-то такъ?..

— Какъ такъ?

— Такъ, совсѣмъ особенно.

Верховскій все еще глядѣлъ на Николая и загадочно отвѣтилъ:

— Можетъ быть потому, что я завидую тебѣ.

— Очень-ли люблю? Это не тотъ вопросъ. И на него

Digitized by Google

нельзя такимъ же словомъ отвѣтить. Любить можно женщину, науку, природу и все такое... но любить своего ребенка... этого слова мало. Оно какъ-то, понимаешь, не обнимаетъ чувства отца. Я съ перваго дня его рожденія былъ съ нимъ, слѣдилъ за его развитіемъ, какъ садовникъ слѣдитъ за развитіемъ дорогого растенія; старался сдѣлать изъ него свое безсмертіе и свое искупленіе. Это, видишь-ли, трудно передать, разъ у тебя не было ребенка.

Верховскій уронилъ пепелъ съ папиросы на плоскій носокъ сапога и движеніемъ ноги сталъ стряхивать его.

— Почему ты думаешь?

— Да въ самомъ дѣлѣ? Этакая наивность!

Алексинъ засмѣялся и добавилъ въ свое оправданіе:

— Я, видишь-ли, не только съ своей точки зрѣнія, но и по натурѣ своей никакъ не могъ бы допустить, чтобы мой ребенокъ жилъ не со мной.

— Однако, бываютъ такія обстоятельства, — странно-печальнымъ тономъ сказалъ Верховскій.

Алексинъ считалъ неудобнымъ продолжать этотъ разговоръ. Онъ предпочелъ бы вернуться домой и заняться дѣломъ.

II.

Они подошли къ обрыву, откуда круто внизъ шла тропинка къ морю. Самое время было разойтись. Онъ сказалъ вскользь для ухода:

— Да, я замѣчаю, ты измѣнился. Въ тебѣ и слѣда нѣтъ прежней мальчишеской дурачливости и легкомыслія.

Но занятый своими мыслями Верховскій ничего не отвѣтилъ на это.

Разсѣянно взглянувъ внизъ съ обрыва, онъ увидѣлъ Дину. Снявъ шляпу, закинувъ назадъ голову, она смотрѣла вверхъ, вся освѣщенная солнцемъ, улыбаясь и щурясь отъ солнца и отъ радости, которая свѣтилась у нея изнутри.

— Макъ!—кричала она.—Вонъ тамъ на обрывѣ макъ! Онъ качается, какъ красное пламя по вѣтру. Онъ притягиваетъ, какъ талисманъ. Кто сорветъ его, тотъ получитъ счастье...

Николай, смѣясь, добавилъ въ тонъ ей:

— И сломаетъ шею, сорвавшись съ этой крутизны.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я его сорву, но только не сейчасъ,—ве-

Digitized by Google

село крикнула она и пустилась бѣжать съ холма, размахивая пиляпой и простыней.

Николай посмотрѣлъ ей вслѣдъ и позвалъ Верховскаго.

— Иду.

Онъ кивнулъ профессору и сталъ быстро спускаться съ тропинки.

Когда Дина скрылась за холмами, Алексинъ повернулъ назадъ, опустивъ голову, задумчиво кусая зеленый листикъ, машинально сорванный имъ по пути съ вѣткой. Запахъ зацвѣтающей сирени обступалъ его съ обѣихъ сторонъ и нѣжно трогалъ, какъ необъяснимые намеки на что-то невозвратное. Съ тихой отравляющей грустью онъ обернулся назадъ, посмотрѣлъ въ голубую пустоту, бросилъ вѣтку и, когда опять повернулся и прямо взглянулъ передъ собою, увидѣлъ свою жену въ красномъ свѣтящемся капотѣ, по которому, чередуясь, свѣтъ и тѣни сливались, какъ вода, легкой зыбью. Лицо ея при этомъ яркомъ капотѣ показалось какъ-то мутно-блѣднымъ.

Алексинъ даже остановился, пораженный тѣмъ, что она въ эту минуту представилась ему не той, что всегда послѣ почти двадцатилѣтней совмѣстной жизни.

Однако, сдѣлалъ нѣкоторое усиліе, чтобы погасить въ лицѣ невольно засвѣтившееся выраженіе.

Еще на ходу, оглядываясь на блестѣвшія отъ солнца стекла дачныхъ оконъ, она осторожно заговорила:

— А знаешь, меня не очень-то обрадовалъ ихъ пріѣздъ.

— Вотъ тебѣ и на! Но вѣдь ты сама уговорила ихъ снять съ нами дачу.

Она медленнымъ движеніемъ языка обвела свои губы и эта знакомая ему привычка теперь показалась непріятной.

— Я сама не представляла. И потомъ я разсчитывала, что пріѣдетъ только Рита съ дочерью. Странно, они какъ будто были совсѣмъ другими.

— Не нахожу.

— Ну да, я сама отлично вижу, что Рита совсѣмъ не измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я ее видѣла. Значитъ, я сама измѣнилась за эти пять лѣтъ?

Онъ разсѣянно посмотрѣлъ на нее.

— Я не замѣчаю. Даже нахожу, что у васъ во внѣшности, въ манерахъ есть что-то неуловимо общее.

Его отвѣтъ почему-то обидѣлъ ее; она заговорила, поводя плечами:

Digitized by Google

— Вотъ уже ровно ничего. Мы рѣшительно не похожи.

— Да, но ваша профессія, насколько я замѣтилъ... Какъ бы это сказать... роднитъ васъ, окрашиваетъ въ свой особенный тонъ...

Онъ не сказалъ прямо того, что думалъ: что эта профессія обезличиваетъ людей.

Но она почувствовала это въ его тонѣ и раздраженно отвѣтила:

— Однако, я прежде ничего этого не замѣчала.

— Чего именно?

— Ты такъ разсѣянно спрашиваешь и смотришь, точно не желаешь со мной говорить.

— Что за вздоръ!

— Да, да, когда люди слушаютъ, они слушаютъ и глазами и всѣмъ лицомъ. А въ твоихъ глазахъ что-то другое...

— Полно, полно. Какъ часто ты поднимаешь исторіи изъ-за пустяковъ.

У нея скривились губы.

— Я это вижу. Тогда перестанемъ говорить.

— Ты напрасно... Я, кажется, тебѣ отвѣчалъ впопадъ.

— Такъ и во снѣ можно отвѣчать.

Онъ натянуто улыбнулся, отлично зная, что она все равно не перестанетъ говорить, пока не выскажется.

— Ну, ну, хорошо. Такъ чего ты именно не замѣчала?

— Да хоть напримѣръ, что она все какъ будто на сценѣ. Вотъ-вотъ запоетъ. И потомъ... эта зависть. Ты замѣтилъ, что она рѣшительно всему завидуетъ: капотъ мой увидѣла—завидуетъ; что я твоя жена—завидуетъ, и что я здѣсь живу—завидуетъ, и что у меня сынъ—завидуетъ. Да что! она даже дочери своей завидуетъ.

— Это все сцена надѣлала. На сценѣ всѣ другъ другу завидуютъ, все на тщеславіи.

— Нѣтъ, у нея все это какъ то особенно. Тутъ натура.

— Можетъ быть!

Профессоръ вспомнилъ, хотѣлъ засмѣяться, но смѣхъ у него не вышелъ.

— Вотъ братъ ея тоже завидуетъ.

— Что? Онъ!..

— Завидуетъ тому, что у меня семья, сынъ, а онъ одинокъ. Чортъ знаетъ, что за люди такіе! Живутъ всю жизнь въ свое удовольствіе... Кукуютъ себѣ во всѣхъ садахъ, какъ

Digitized by Google

дома и вдругъ меланхолія. И какъ будто даже по настоящему страдаютъ.

— Онъ страдаетъ! — полупрезрительно отозвалась она. Это эгоистъ, какихъ мало. У него ровно ничего нѣтъ внѣ его самого.

— Вотъ, вотъ, именно потому, что онъ эгоистъ, онъ и долженъ страдать теперь.

— Ахъ, у тебя все теоріи.

— Нѣтъ ужъ это не теорія, а практика. Я это наблюдалъ много разъ и особенно ясно наблюдаю теперь. Люди удивительно опредѣляются въ такое время.

— Онъ осмѣлился съ тобой объ этомъ говорить?

Алексинъ внимателъно посмотрѣлъ на нее.

— Ты черезъ-чуръ строга. Почему бы и не говорить со мной? Мы знакомы съ юности.

Она сжалась при мысли, что могла неосторожно возбудить его подозрѣніе.

— Не стоило бы говорить объ этомъ,—если бы..

— Что если бы?

— Если бы за этими интимными передрягами не было глубокихъ острыхъ для нашего времени обобщеній.

Онъ вдругъ расхохотался отъ внезапно озарившей его мысли:

— Однако, хороши мы! пригласили на дачу гостей, можно сказать пріятелей и не успѣли еще они сами умыться, какъ мы промываемъ имъ косточки. Впрочемъ, оно такъ почти всегда бываетъ, если люди, сжившіеся сами по себѣ, притянутъ къ своей жизни постороннихъ. Ну, однако, я долженъ дѣлать дѣло.

Онъ уже пошелъ прочь отъ жены, когда отъ гриба, по аллеѣ увидѣлъ бѣгущаго Николая. Тотъ испуганно махалъ руками и кричалъ что-то.

Алексинъ страшно перепугался и бросился навстрѣчу сыну.

— Веревку, хоть какую нибудь веревку!

Эти слова испугали Алексина. Но появленіе вслѣдъ за Николаемъ Верховскаго нѣсколько умѣрило его испугъ.

— Что случилось? Дина! Что нибудь съ нею?

Николай, совсѣмъ запыхавшійся, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, торопливо ему сообщилъ:

— Вскарабкалась почти на отвѣсъ, вотъ къ этому обрыву... но до самаго верха... понимаешь... чтобы выбраться сюда...

Digitized by Google

ей невозможно долѣзть... Спуститься внизъ также нельзя: тѣ камни и неровности, по которымъ она забралась...

Онъ не докончилъ, махнулъ рукой и бросился за веревкой.

— Но какъ же можно было оставить ее такъ?

Верховскій отвѣтилъ за Николая:

— Онъ пробовалъ къ ней добраться: немыслимо. Даже эти кустики, за которые она хваталась, повырваны ею самой.

Алексинъ, ни слова не говоря, пустился по тропинкѣ и скоро исчезъ внизу.

Въ окнѣ появилась Верховская.

— Что случилось? Боже мой....

Ей не успѣли отвѣтить, какъ она сбѣжала съ террасы въ аллею.

— Что случилось? Что случилось? Дина! Утонула?

— Да нѣтъ, она просто съ обрыва не можетъ спуститься,—успокоилъ ее братъ.

— Ничего опаснаго нѣтъ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Ровно ничего.

— Слава Богу.

Она глубоко вздохнула и присѣла на скамейку, все еще тяжело дыша отъ волненія.

— Я такъ перепугалась. Слышу—Дина!.. Веревку!.. переполохъ... Ахъ, озорная дѣвочка. Я думала, Богъ вѣсть что.

Она закрыла лицо руками отъ солнца, которое сверкающими пятнами пробивалось сквозь листву и, окончательно придя въ себя, спохватилась:

— Не успѣла изъ-за нея даже зонтика захватить!

Проворно достала платокъ и, вскинувъ его на голову надъ лицомъ, поспѣшно вернулась за зонтикомъ.

Верховскій нетерпѣливо ожидалъ Николая.

— Однако, что же это онъ нейдетъ? Глина вѣдь осыпается, какъ осыпались уступочки, по которымъ она вскарабкалась.

— Какъ вы могли допустить?

— Это случилось неожиданно. Мы не успѣли опомниться, какъ уже она была наверху.

Алексина встревоженная поспѣшила къ обрыву, откуда предполагалось опустить веревку.

Верховскій машинально закурилъ папиросу и шелъ за ней. Сквозь овладѣвшую имъ тревогу у него пробивалось,

Digitized by Google

помимо воли, безотчетное впечатлѣніе почти забытыхъ переживаній.

Ея высокая колеблющаяся фигура, въ красномъ капотѣ, безпокоила его неразрѣшенной загадкой прошлаго. Даже въ ея тѣни, скользившей по песку, ему чувствовались какіе-то раздражающіе призывы неоправданныхъ надеждъ.

Она подошла къ самому краю обрыва, ни разу не оглянувшись назадъ, какъ будто его тутъ не было совсѣмъ. Выставивъ лѣвую ногу, она, напряженно вытянувшись, наклонилась надъ самой глубиной и тотчасъ же отшатнулась, закрывъ обѣими руками лицо.

Сажени на двѣ отъ обрыва, внизу, стояла Дина на маленькомъ выступѣ, оканчивавшемся въ безпорядкѣ наваленными камнями. Отъ этихъ камней, вверхъ поднимался ея мужъ, ударами ногъ пробивая въ обрывѣ уступчики.

— Что онъ дѣлаетъ? Ради Бога, скорѣе веревку!—внѣ себя обратилась она къ Верховскому, возмущенная его бездѣйствіемъ и дымящейся во рту папиросой.

Онъ машинально повиновался ей и поспѣшно направился къ дому, гдѣ Николай вмѣстѣ съ прислугой метался въ поискахъ веревки.

Но, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, ни одной веревки не находилось, хотя на-дняхъ только на веревкахъ развѣшивали бѣлье. Тогда Верховскій вспомнилъ, что веревками была перевязана корзина его сестры.

Они съ Николаемъ отправились наверхъ, въ то время, какъ Маргарита Александровна съ распущеннымъ кружевнымъ зонтикомъ спѣшила по аллеѣ къ обрыву.

Пока они развязывали веревку, Алексинъ былъ уже почти подлѣ Дины. Куски глины и маленькіе камешки вырывались изъ подъ его ногъ и, шурша, какъ мыши, летѣли внизъ, оставляя за собой дымящійся слѣдъ пыли. Ему нечего было бояться сорваться: попавшимся подъ руку острымъ камнемъ онъ дѣлалъ въ глинѣ выемки на случай спуска. Гораздо больше его безпокоило положеніе Дины. Она прямо таки удерживалась какимъ-то чудомъ. Прислонившись спиной къ обрыву, держа въ одной рукѣ такъ дорого доставшійся ей цвѣтокъ мака, а другой рукой уцѣпившись за кустикъ вереска, красными жилистыми вѣтками падавшаго изъ отвѣсной стѣны.

Онъ почти не сводилъ съ нея глазъ, стараясь по выра-

Digitized by Google

женію лица угадать, насколько она далека отъ опасности. Чтобы ободрить ее, онъ говорилъ:

— Держитесь, Дина, держитесь! Ахъ, безумный Стрижъ!

Ея глаза смѣялись въ отвѣтъ, хотя лицо было блѣдно и по движеніямъ губъ видно было, что она волнуется.

Иногда она старалась заглянуть наверхъ, надъ собою, какъ будто оттуда ждала главной опасности.

— Скорѣе!—шептала она.—Скорѣе! Не бойтесь, я еще могу держаться.

Ей ничего не было видно вверху, но она отлично слышала крики о веревкѣ и больше всего боялась и волновалась, что Алексинъ не успѣетъ добраться до нее и ей придется воспользоваться спасеніемъ сверху.

Отъ этого пребыванія на высотѣ у нея начинала кружиться голова и дрожать колѣни; въ глазахъ рябило отъ сверкавшихъ искръ на морѣ, и по временамъ казалось, что море приливаетъ къ самому обрыву и настойчиво тянетъ къ себѣ. Тогда этотъ маленькій кусочекъ почвы какъ бы пытался ускользнуть изъ подъ ногъ, но она дѣлала надъ собой усиліе, овладѣвала своими нервами и глубоко вбирала въ себя воздухъ, и это помогало ей сохранить необходимую легкость, чтобы удержаться. Ее страшило даже не то, что она можетъ полетѣть внизъ и разбиться о камни, или искалѣчить себя, въ это она какъ то инстинктивно не вѣрила. Но сорваться и полетѣть внизъ, тычась лицомъ въ землю, съ безпорядочно взвѣвающимися и завертывающимися юбками, показаться смѣшной и жалкой передъ нимъ, этого она боялась больше всего. И ужъ, конечно, ее удерживала не эта тонкая жилистая вѣточка, уступавшая и грозившая оторваться каждый разъ, какъ она сильнѣе сжимала ее въ рукѣ.

Она начинала машинально твердить молитву, съ чувствомъ, похожимъ на то, которое испытывала во время экзамена. Глаза ея съ нѣжностью останавливались на Алексинѣ и какъ будто въ немъ находили опору отъ притягательной власти крутизны.

Солнце ослѣпительнымъ свѣтомъ и жаромъ обливало его вспотѣвшіе свѣтлые волосы и покраснѣвшее отъ усилій лицо, по которому струился потъ.

— Господи, помоги! Помоги, Господи!

Ей страстно хотѣлось, чтобы ея желанія обладали притя-

Digitized by Google

гательной силой: о, тогда онъ въ одно мгновеніе былъ бы около нея!

Вскорѣ послѣ ухода Верховскаго, она услышала надъ собою снова не то стонъ, не то сдержанный крикъ, узнала въ этомъ мать и засмѣялась про себя, представивъ, какъ та ужасается наверху. Она услышала ея голосъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Не могу! Мнѣ отъ этой высоты дѣлается дурно. Ахъ, озорная, озорная дѣвочка! Что она со мной дѣлаетъ!

Алексина успокаивала и останавливала ее, никакъ не воображая, что Дина слышитъ ея тихія увѣщанія:

— Успокойся, Рита, ты можешь напугать ее. Все будетъ отлично, ты увидишь. Вонъ они уже бѣгутъ съ веревкой.

Дина задрожала при послѣднихъ словахъ: сейчасъ ея затѣя рушится. Она уже слышитъ шаги бѣгущихъ наверху и каждый звукъ отдается въ ней тоскливыми ударами. Она стала шептать внизъ:

— Скорѣе... Скорѣе...

Онъ еще не рѣшался протянуть ей руку; самъ едва-едва удерживая равновѣсіе, но вверху раздались голоса.

— Дина, лови веревку!

Алексинъ укрѣпился тверже, и теперь они стояли лицомъ къ лицу, оба взволнованные, смѣясь торжествующимъ внутреннимъ смѣхомъ, сами хорошо не зная чему.

Веревка, извиваясь. качалась между ними, но они дѣлали видъ, что не замѣчаютъ ее.

Надо было спѣшить, чтобы тамъ не замѣтили маневра. Она взяла цвѣтокъ въ зубы, выпустила изъ рукъ вѣтку и осторожно склонилась въ его сильныя руки. Ей было бы трудно спускаться за нимъ по этимъ ненадежнымъ уступочкамъ; къ тому же они слишкомъ далеко стояли одинъ отъ другого.

Она съ лукавой улыбкой сообщила ему это умышленно громко, чтобы всѣ тамъ поняли такъ, какъ оно ей хотѣлось:

— Берись же Дина за веревку, мы вытащимъ тебя наверхъ. Только держись крѣпче.

— Нѣтъ, нѣтъ, она сорвется! — съ ужасомъ выкрикнула ея мать.

Дина обрадовалась этому предлогу:

— Да, да. Я могу сорваться,—отвѣтила она, еле удерживая громкій смѣхъ, но не выпуская изо рта цвѣтка.

Изъ за нѣжныхъ лепестковъ мака блестѣли ея зубы,

Digitized by Google

точно и въ нихъ свѣтились искорки смѣха, прыгавшія въ глазахъ.

Обвивъ руками его шею, она положила ему голову на плечо, предоставивъ ему поддерживать ее за талію и почувствовала, какъ онъ ее легко и бережно прижалъ къ себѣ и осторожно сдѣлалъ первое движеніе внизъ.

Дина закрыла глаза и ей казалось, что какая-то большая волна плавно покачиваетъ ее вверхъ и внизъ и опускаетъ на дно сквозь зеленую прозрачную стихію, въ которой легко и сладко дышится. Ей хотѣлось, чтобы это продолжалось безъ конца, и когда онъ останавливался, чтобы передохнуть или утвердить ногу на новой опорѣ, у нея замирало сердце: неужели конецъ?

Она слышала какіе-то вздохи и восклицанія сопутствующія имъ сверху. Только, когда Николай громко закричалъ:

— Браво, отецъ, браво! — она поняла, что сейчасъ оборвется ее легкая волнующая греза.

„Развѣ притвориться, что мнѣ дурно?—озарила ее рискованная мысль. Но она тутъ же сообразила, что можетъ его напугать этимъ и рѣшила примириться съ необходимостью.

— Есть!—весело воскликнулъ Алексинъ, останавливаясь, когда впереди уже не предвидѣлось никакой опасности.

Она тоже остановилась и съ неохотой открыла глаза.

Тогда она освободила его шею и сразу ощутила свое тѣло тяжелымъ, какъ будто лишеннымъ воздушности, которую придавала близость къ нему.

Но ей все еще казалось, что-то вродѣ того, какъ чувствуется на землѣ послѣ долгаго плаванья.

Онъ пристально глядѣлъ на нее, стараясь умѣрить прерывистость своего дыханія, чтобы не выказать усталости.

Она глубоко вздохнула и подняла на него взглядъ.

Онъ улыбнулся.

— Ну, что-жъ, пойдемте отдуваться за нашу выходку.

Она ничего не сказала, только опять затихла и, склонивъ голову, пошла впередъ, какъ будто дѣйствительно чувствовала себя виновной.

— Что, небойсь, испугались, что васъ поставятъ въ уголъ?

Она обернулась, подняла голову.

— Для этого понадобился бы слишкомъ большой уголъ... И чтобы въ немъ цвѣли бѣлыя яблони... И ихъ ласкалъ солнечный свѣтъ, а рядомъ синѣло море подъ обрывомъ, на которомъ растетъ макъ.

Digitized by Google

И вдругъ, прыснувъ смѣхомъ, закончила:—А я бы опять полѣзла за макомъ, а вы бы опять карабкались за мной...

Продолжая смѣяться, она пустилась вверхъ, какъ мальчишка размахивая руками, и въ минуту очутилась на обрывѣ.

Онъ догналъ ее. Она успѣла ему шепнуть:

— Вотъ посмотрите, мама сейчасъ скажетъ: Дина, это ни на что не похоже.

И едва она успѣла произнести эти слова, какъ мать, дѣйствительно, протянула обидчиво:

— Дина, это ни на что не похоже.

— Но вы, въ самомъ дѣлѣ, могли разбиться, — натянуто сказала Алексина.

— И главное, подвергала опасности Георгія Алексѣевича.

— Ахъ, да, я еще не поблагодарила васъ за спасеніе. Вотъ.

Она быстрымъ движеніемъ подала ему цвѣтокъ мака, но въ ту же минуту его тонкіе, нѣжные лепестки осыпались.

Дина съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ взглянула на нихъ и вдругъ, какъ то неожиданно для самой себя, и особенно для другихъ, поцѣловала Алексина.

— Дина!—вскрикнула мать.

Но та уже стремглавъ неслась внизъ.

— Ай, да Дина! —со смѣхомъ воскликнулъ Николай.

— Ловко, — щуря глаза на профессора, отозвался Верховскій.

Тотъ бормоталъ въ замѣшательствѣ, посмѣиваясь и поглядывая на жену:

— Вотъ неожиданность. Но куда же она опять побѣжала? Дина, Дина!

Николай бросился къ грибу.

— Дина!.. Она мчится внизъ. Тропинка такая крутая.

Верховская была внѣ себя:

— Она разобьется. Дина!

Алексинъ, все еще смущенный, глядѣлъ ей вслѣдъ.

— Тутъ и такъ трудно идти, а она скачетъ, какъ безумная.

Мать снова крикнула:

— Дина! Нѣтъ, я изъ за нея сорву себѣ голосъ. Дина! Это ни на что не похоже!

Она обернулась къ Алексинымъ и виновато проговорила:

— Не знаю, что и думать объ этой дикой выходкѣ. Ты,

Digitized by Google

пожалуйста, не придай, Анна, какого нибудь... такого значенія.

— Полно, это очень мило и совсѣмъ по ребячески.

Алексинъ продолжалъ слѣдить за Диной.

— Сбѣжала таки. Настоящая серна. Посмотрите, какъ она несется по холмамъ къ развалинамъ.

— Нѣтъ, она побѣжала купаться. Видите, схватила простыню.

— Теперь я буду дрожать, пока она въ водѣ. Навѣрное заплыветъ Богъ знаетъ куда. Нѣтъ, я положительно не могу, Проводите меня къ ней, Коля.

— Пойдемте. А вы, что же не пойдете купаться?—обратился онъ къ Верховскому и въ ту же минуту, замѣтивъ мать, склоненную надъ обрывомъ, быстро подошелъ къ ней взялъ ее за руку и отвелъ въ сторону:

— Мама, не стой тутъ. Я этого не могу видѣть. Пойдемте, Маргарита Александровна. Мы съ тобой встрѣтимся въ городѣ, отецъ?

— Да, я, немного погодя, ѣду.

— Такъ, можетъ быть, я задерживаю васъ?—обратилась къ Николаю Верховская.

— Нѣтъ, нѣтъ, нисколько. Я поѣду часа черезъ два.

— До свиданья покуда,—кивнулъ гостямъ профессоръ.

III.

Верховскій и Алексина остались на обрывѣ вдвоемъ.

Онъ стоялъ въ сторонѣ отъ нея, но тѣнь отъ него касалась ея ногъ и она, замѣтивъ это, машинально отодвинулась.

Онъ понялъ ея движеніе.

— Вы боитесь даже моей тѣни?

— Я ничего не боюсь, а просто непріятно.

— Это еще хуже.

— А на что же вы расчитывали?..

— Вы знаете, что я не расчитываю...

— Потому и пріѣхали сюда?

— Потому и пріѣхалъ.

Но ему несвойственна была такая манера разговаривать. Съ тою простотой, которая всегда отличала его въ отношеніи къ женщинамъ, онъ сказалъ съ грустной улыбкой:

— Мы точно на театрѣ сцену ведемъ. Зачѣмъ это?

Digitized by Google

У нея исчезло съ лица строгое пренебрежительное выраженіе, оно стало жалкимъ и сразу какъ-бы поблекшимъ.

— Уѣзжайте, уѣзжайте отсюда; я прошу васъ.

— Я не могу уѣхать, Анна. Я хочу жить возлѣ моего сына.

Она вся вздрогнула и инстинктивно оглянулась во всѣ стороны, какъ будто ей было страшно, что не только кто-нибудь, но земля, трава, деревья услышали эту тайну.

— Это безчестно,—забормотала она сухимъ и осѣвшимъ голосомъ.—Вы не имѣете права такъ называть его.

— Я знаю. Но вѣдь прошлаго вернуть назадъ нельзя.

— Зачѣмъ вамъ это?

Онъ заговорилъ искренно и безпомощно:

— Я вамъ скажу всю правду. Я не знаю, что сталось со мной. Я сошелъ съума, растерялся... Я почувствовалъ себя чужимъ всему, всей жизни, которая пошла какъ-то по новому, мимо меня. Я какъ будто ни для кого и ни для чего не нуженъ. Моя жизнь, какъ-вонъ тотъ наростъ на деревѣ. И именно, когда я такъ мучительно почувствовалъ ненужность жизни, меня охватилъ страхъ смерти. И меня потянуло къ нему. Не думайте, что я раньше не вспоминалъ о немъ.

Онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ взволнованъ.

Но, самъ замѣчая, что приливы голоса какъ бы заливаютъ слова, перевелъ дыханіе и заговорилъ совсѣмъ монотонно, точно пронизывая каждое слово упрямымъ и сосредоточеннымъ взглядомъ:

— Онъ одинъ, въ комъ я найду успокоеніе. И когда я увидѣлъ его теперь, я почувствовалъ это... почувствовалъ, какъ онъ мнѣ дорогъ. Я хочу жить возлѣ него сейчасъ... послѣ... Можетъ быть, всегда.

Эти слова засыпали ее, какъ земля. Они тяжелыми комьями падали на голову, забивали ротъ, такъ что трудно становилось дышать, проникали въ уши, въ глаза и больно было смотрѣть и стѣснительно сдѣлать движеніе. Но она еще не допускала мысли, что это, дѣйствительно, такъ страшно. Онъ, конечно, не посмѣетъ настаивать на своемъ чудовищномъ желаніи.

Верховскій, замѣтивъ ея блѣдность и съ непоколебимой рѣшительностью сжатыя губы, поспѣшилъ добавить.

— Не бойтесь, я не хочу зла. Я сдѣлаю все, чтобы онъ полюбилъ меня такъ.

Digitized by Google

Это было бы для нея страшнѣе всего. Она рѣзко отвѣтила:

— Этого никогда не будетъ. Онъ васъ не знаетъ.

— Не говорите со мной, какъ съ врагомъ. Вы видите, что я самъ страдаю.

Въ его тонѣ и въ послѣднихъ словахъ ей показалось колебаніе. Подавляя острое накипавшее чувство вражды къ нему, она склонила себя на хитрость:

— Да, теперь, когда я увидѣла васъ, я сама почувствовала къ вамъ жалость. Мнѣ представилось, что вы страдаете отъ одиночества, что поблекъ вашъ талантъ или вы потеряли въ него вѣру...

— Да, да. Я не могу работать, какъ прежде.

— Не здѣсь же вы найдете то, что вамъ нужно для работы. Я не говорю о себѣ... о насъ. Вы, повидимому, мало думали о томъ, съ чѣмъ вы пришли въ нашу семью. Стойте,—повелительно остановила она его.—Но и вамъ это ничего не принесетъ, кромѣ мученій. Какая ужъ тутъ работа!

— Работа придетъ. Ахъ, да и въ ней ли теперь дѣло! Мученіе же вы хотите создать сами.

Она не совладала съ собой. Въ ней закипѣла обида и злоба къ нему:

— На что же вы расчитывали? Вы, что же, думали, что я буду спокойно выносить вашу близость и ваши эти... какъ ихъ... притязанія?

— Вы не хотите меня понять.

— Да, не хочу и не могу. Вы должны уѣхать, вотъ и все.

— Я не могу уѣхать. Мнѣ некуда уѣхать.

Она видѣла, что разговоръ попалъ въ какое-то колесо, что онъ будетъ такъ безплодно вертѣться, каждую минуту ударяя ее все больнѣе и больнѣе, и при этомъ ощутила страшную усталось, такъ что ноги у нея задрожали. Подъ грибомъ стояла скамейка, ей хотѣлось сѣсть на нее, но тутъ же почудилось, что онъ можетъ принять это за слабость съ ея стороны; сядетъ рядомъ съ нею, и будетъ похоже на то, что между ними устанавливается какая-то связь, ведущая къ низкой, почти торгашеской сдѣлкѣ. Уйти? Онъ пойдетъ за ней. И ей было бы тяжело войти въ домъ, гдѣ еще за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ ей было такъ спокойно, почти счастливо. Наконецъ, хотѣлось сказать ему

Digitized by Google

послѣднее рѣшительное слово; выбросить это слово, какъ грузъ во время крушенія.

Онъ стоялъ на краю обрыва, и ее охватило дикое желаніе, готовое вотъ-вотъ осуществиться: незамѣтно подойти и однимъ напряженнымъ толчкомъ сбросить его внизъ... на камни. Она даже оглянулась: видитъ ли кто-нибудь ихъ.

Аллея молчала; стекла открытыхъ оконъ сверкали на солнцѣ. Но съ моря слышался плескъ и голоса. На зеленовато-синей прозрачной поверхности его, недалеко одна отъ другой виднѣлись двѣ головы и ослѣпительно блестѣли, опускаясь и поднимаясь надъ водой, голыя плечи и руки, точно крылья стрекозъ.

Ея дикая вспышка погасла и остріе раздраженія обратилось на самое себя. Зацвѣтаетъ сирень, цвѣтутъ яблони: плодоносная пыль носится въ воздухѣ, падаютъ, какъ снѣгъ бѣлые лепестки; красота и радость идутъ другъ за другомъ, а тамъ эти молодые голоса и веселые всплески воды... Все это теперь какъ будто отъ нея за стекломъ. Вотъ оно, то зло, о которомъ она хотѣла совсѣмъ забыть; оно должно было появиться. И чтобы разбить это стекло, надо въ кровь изрѣзать себя... Если бы только себя!..

Голосъ и плескъ, по мѣрѣ удаленія, пріобрѣтали хрустальную прозрачность. Съ берега покрывая ихъ, раздался голосъ Верховской, встревоженной за дочь:

— Дина! Вернись назадъ.

Голосъ прозвучалъ такъ полнозвучно и сочно, что Верховской самой доставило это видимое удовольствіе, и она повторила послѣднее слово широко, пѣвуче и сильно:

— На-а-задъ.

Этотъ голосъ непонятно ободрилъ Алексину. Она взглянула на Верховскаго и рѣзко бросила ему:

— Этого не будетъ. Вы уѣдете.

Онъ оскорбился этимъ тономъ и откровенной злобой. Когда онъ говорилъ о своемъ безпомощномъ одиночествѣ, онъ расчитывалъ съ ея стороны на чувства менѣе унизительныя для себя, чѣмъ жалость. Въ немъ было попрано самолюбіе мужчины, мстительное и настойчивое.

— Если вы не хотите даже допустить, чтобы я жилъ около него, я добьюсь того, что буду жить съ нимъ.

Съ его стороны это было слишкомъ самонадѣянно. Для нея ясно было, что онъ зарвался, и это вызвало въ ней

Digitized by Google

презрѣніе къ нему. Она, торжествуя, отвѣтила, грубо и уничтожающе:

— Ого! Для васъ, однако, это очень просто. Любопытно знать, какими же средствами вы этого добьетесь?

Онъ не въ состояніи былъ умѣрить себя и у него заносчиво сорвалось:

— У меня есть ваши письма.

Онъ самъ покраснѣлъ послѣ этихъ словъ, но съ тѣмъ большимъ упорствомъ обратилъ на нее напряженные, немигающіе глаза.

Ошеломленная его словами, она не замѣтила его жалкаго состоянія, и даже ея злобное чувство къ нему обрадовалось имъ.

— Такъ, такъ. Эта низость, конечно, поможетъ вамъ заслужить его любовь! Такъ вы очень легко и скоро достигнете своей цѣли. О, Боже, Боже!—Она, стиснувъ зубы, пронизала его взглядомъ, полнымъ ненависти, и закрыла лицо. И въ этомъ движеніи и взглядѣ такъ больно сказалось ея уничтожающее, мучительное отношеніе, не только къ этой минутѣ, но и къ прошлому, такъ унизительно обманувшему ее. Прошлое представилось ей уже не ошибкой, а преступленіемъ. Теперь ей было бы еще тяжелѣе сносить эту надвигавшуюся пытку. Она сознавала, что не въ состояніи будетъ терпѣть этотъ обманъ и безъ того стоившій ей не мало мученій.

Руки ея упали съ лица, и оно сразу какъ будто вытянулось и похудѣло.

— Я скажу ему все сама.

Она не отдавала себѣ отчета, дѣйствительно ли вслухъ произнесла эти слова, и убѣдилась въ этомъ только по его отвѣту.

— Чтобы онъ презиралъ васъ! Ни одна любящая мать не рѣшится на это. Наконецъ, есть мужъ.

Онъ самъ внутренно началъ бояться той мертвой петли, которая вотъ-вотъ готова была захлестнуть живыхъ людей. Они не были его врагами, не сдѣлали ему никакого зла. Но она могла счесть за трусость его отступленіе, да онъ и не въ состояніи былъ отступить.

А ею овладѣло отчаяніе, изъ котораго она не видѣла новаго выхода.

— Я скажу и ему... Все скажу...

Digitized by Google

Чтобы уязвить и его за свою боль и безнадежность, она добавила:

— Люблю и все-таки скажу.

Онъ хотѣлъ образумить ее, но вмѣсто этого толкалъ все ближе къ пропасти.

— Ни одна любящая жена этого не сдѣлаетъ.

Она мрачно стиснула руки, напомнивъ ему мученицу на картинѣ Рибейра, и какъ будто для себя самой отвѣтила:

— Пусть они презираютъ меня. Пусть не захотятъ меня знать, я сдѣлаю это.

И вдругъ въ ней все содрогнулось отъ того холода ужаса и мрака, который дохнулъ на нее изъ этого провала жизни, и она, торопливо, какъ бы убѣждая самое себя, пробормотала, не глядя на него:

— Да, да. Я сдѣлаю это, если вы не уѣдете.

Послѣднее поддержало его недовѣріе къ ея угрозамъ. Онъ пытливо посмотрѣлъ въ ея какъ-то сразу увядшіе глаза съ устало набѣгающими вѣками и упрямѣе, чѣмъ раньше, отвѣтилъ:

— Ни одна женщина на это не пойдетъ.

Она даже глазъ не подняла, только губы ея пошевелились съ горькой ненавистью и отвращеніемъ, можетъ быть, къ самой себѣ еще больше, чѣмъ къ нему.

Ни слова не говоря, она пошла прочь отъ него, опустивъ голову и руки, неестественно ровной походкой, и тѣнь ея, иногда уродливо двигавшаяся рядомъ съ нею, служила нѣмымъ, мрачнымъ выраженіемъ ея печали.

IV.

Лишь только она отошла отъ него, онъ почувствовалъ себя странно одинокимъ, какъ будто изъ подъ ногъ его вынули еще одинъ камень, на который онъ опирался. Присутствіе ея, даже страдающей, даже ненавидящей его, давало ему какой-то упоръ, и ея мученія вызывали въ немъ не жалость, а непонятное раздражающее удовлетвореніе.

Она ушла, и онъ почувствовалъ себя только теперь какъ бы покрытымъ пылью. Явилось настойчивое желаніе освободиться отъ этой пыли, смыть ее, не только съ тѣла, но и съ глазъ, раздраженныхъ ѣдкимъ налетомъ.

Онъ съ завистью взглянулъ на купающихся и быстро

Digitized by Google

пошелъ къ нимъ съ той фальшивой рѣшительностью, за которой таился обманъ. Хотѣлось купаться съ Николаемъ въ одной водѣ, видѣть голымъ его тѣло рядомъ съ своимъ обнаженнымъ тѣломъ.

Онъ поспѣшилъ туда, боясь опоздать. Онъ сталъ спускаться крутой тропинкой, по которой сбѣжала Дина: такъ ближе. Ноги съ трудомъ удерживались на крутизнѣ, скользили, и наконецъ, онъ не выдержалъ и запрыгалъ внизъ, поднимая пыль и рискуя то и дѣло оступиться и полетѣть. Пыль поднималась изъ подъ ногъ и крутилась за нимъ, и куски сухой глины мчались во слѣдъ и стукались о его ноги. Сразу вспотѣвъ и тяжело дыша, онъ остановился наконецъ внизу, среди холмовъ, покрытыхъ дикими травами и кустарникомъ. Здѣсь пахло богородицыной травкой, молодой полынью, и еще какими-то растеніями; и эти ароматы вмѣстѣ съ запахомъ моря освѣжали дыханіе и успокаивали кровь.

Онъ почти бѣгомъ пустился туда, гдѣ купался Николай и засталъ его плывущимъ обратно, въ перегонки съ Диной.

— Гдѣ тебѣ гнаться со мной!—кричалъ Николай Динѣ, нѣсколько отставшей отъ него всторонѣ, и его блестѣвшія на солнцѣ плечи легко и красиво поднимались надъ водой.

— Ну да, еще бы. Я вѣдь сколько времени не плавала.— Въ ея голосѣ было явное огорченіе, и чтобы утѣшить ее, Николай сказалъ:

— И все же ты отлично плаваешь. Главное не по бабьи. Терпѣть не могу, когда женщины и руками и ногами поднимаютъ такую бучу, какъ будто колесный пароходъ идетъ.

— Ты же и научилъ меня плавать.

— А и вы пришли!—крикнулъ Николай, увидѣвъ Верховскаго.—Отлично. Чудесная вода.

Онъ пересталъ работать руками, попробовалъ встать, но погрузился съ головой, тотчасъ же вынырнулъ, смѣясь, и очутился по грудь въ водѣ въ то время, какъ Дина исчезала за выступомъ берега съ красными осыпями скалъ.

Николай выходилъ изъ воды, нисколько не стѣсняясь своей наготы: онъ не только не думалъ о своемъ тѣлѣ, но какъ бы даже не ощущалъ его совсѣмъ. Была какая-то крылатая легкость и свѣжесть, свойственная только короткимъ днямъ чистой и полной гармоническихъ силъ юности, когда тѣло какъ бы теряетъ свою физическую тяжесть. Вода сливалась съ его гладкой, нѣсколько успѣвшей загорѣть кожи,

Digitized by Google

вмѣстѣ съ солнечными лучами, впивавшимися въ нее съ буйной смѣющейся дрожью. Все тѣло блестѣло отъ воды и солнца красотою еле уловимыхъ радугъ отъ преломленія свѣта, стекающаго во влагѣ, тутъ же испарявшейся на тѣлѣ.

Взглядъ художника съ наслажденіемъ уловилъ эти перламутровые переливы, сіявшіе столько же на тѣлѣ, сколько и въ облегавшемъ его контуръ воздухѣ. Это былъ какъ бы сіяющій ореолъ молодости и силы среди созвучной ему стихіи, напитанной весеннимъ солнцемъ, отражающей опьяненные весенней лаской небеса, съ той безотчетной улыбкой радости, которая свѣтилась и въ бѣлоснѣжныхъ лепесткахъ цвѣтущаго сада. Но наслажденіе художника вливалось въ другое, болѣе полное и могущественное чувство, близкое къ восторгу творца, обрадованнаго и изумленнаго своимъ созданіемъ.

Съ новой для себя невыразимой гордостью, еще болѣе значительной, что приходилось ее таить въ себѣ, онъ любовался имъ, и внутри его кричалъ и пѣлъ торжествующій голосъ: Это мой сынъ! Онъ не только не завидовалъ его сіяющей молодости, какъ это было бы, если бы передъ нимъ стоялъ чужой, посторонній, но любовался имъ, какъ своимъ собственнымъ отраженіемъ, и еле сдержалъ крикъ восторга, когда замѣтилъ на груди, пониже соска, родимое пятно, какое онъ зналъ у себя. Это сразу внушило ему сознаніе своего превосходства передъ тѣмъ, кто часъ тому назадъ вызывалъ въ немъ чувство близкое къ злобѣ и зависти человѣка, открывшаго и оцѣнившаго свое сокровище въ чужихъ рукахъ. Это было ни съ чѣмъ несравнимое чувство, заставлявшее его внутренно хохотать отъ злорадства торжества. Оно привело его сюда, и если бы даже онъ ушелъ, все равно ушелъ бы съ торжествомъ. И что могли значить предъ этимъ торжествомъ чувства того, который сравнивалъ себя съ садовникомъ, взлелѣявшимъ и воспитавшимъ растеніе и не понимавшимъ своей жалкой нищенской роли!

— А гдѣ же ваша простыня? — спросилъ Николай, вытирая лицо мохнатымъ полотенцемъ. — Или вы не будете купаться?

— Нѣтъ, буду. Я вытрусь вашимъ.

Ему доставила удовольствіе мысль, что онъ хоть такимъ образомъ черезъ полотенце прикоснется къ нему.

Digitized by Google

— Ахъ, чертъ возьми, но вѣдь оно мокрое,—спохватился Николай.—Впрочемъ, я вытиралъ имъ только лицо.

— Пустяки. Вытирайтесь, какъ слѣдуетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я никогда не вытираю тѣла. Такъ дольше носишь въ себѣ свѣжесть моря. А мнѣ это такъ нужно: я сейчасъ ѣду въ городъ. Да оно сейчасъ высохнетъ.

И только тутъ замѣтивъ на себѣ пристальный взглядъ Верховскаго, онъ нахмурился и сталъ быстро одѣваться.

Блестящія песчинки прилипли къ его ногамъ, онъ стеръ ихъ руками, обулся и крикнулъ въ пространство:

— Досвиданія, Маргарита Александровна, Дина.

И съ полуоткрытымъ ртомъ выждавъ ихъ откликъ:—Досвиданія,—кивнулъ Верховскому.

— Извините, долженъ спѣшить.

— Но вѣдь, кажется, въ университетѣ нѣтъ занятій.

— А, что университетъ! Есть дѣла поважнѣе.

Онъ многозначительно шевельнулъ бровями и захрустѣлъ торопливо по песку запыленными ботинками, на ходу расчесывая волосы.

Верховскому хотѣлось остановить его, но онъ не находилъ предлога. Не трудно было догадаться, на что намекнулъ Николай: это было въ Николаѣ отраженіе другого, и стало досадно и безпокойно за него.

Николай скоро исчезъ, но на пескѣ оставались еще его слѣды, полотенце, и сохла влага на камешкахъ, по которымъ онъ выходилъ изъ воды.

Струился воздухъ, горячій песокъ сверкалъ, и прозрачная вода съ легкими вздохами наоѣгала на него, оставляя на пескѣ убѣгавшій узорами вдаль фіолетовый слѣдъ. Камни подъ водою блестѣли, какъ разноцвѣтная мозаика, и вода была такъ прозрачна, что казалось, шевелится не она, а самое дно.

Верховскій сталъ медленно раздѣваться. Какія то непріятныя мысли смутно зазвучали, какъ эхо недавней сцены съ Алексиной, но солнце, впиваясь въ обнаженное тѣло, сушило ихъ лѣнивой истомой, и наконецъ, онѣ совсѣмъ исчезли, лишь только онъ вступилъ въ воду и, окунувшись съ головой, весь отдался ея трезвой, ласковой власти.

Онъ почувствовалъ себя сразу какъ бы помолодѣвшимъ и съ бодрой энергіей поплылъ впередъ, почти не будоража воду, съ удовольствіемъ чувствуя плавность каждаго своего

Digitized by Google

движенія и иногда переворачиваясь на спину, чтобы видѣть надъ собою небо оъ голубизной, почти видимо стекающей на море.

Возвращаясь къ берегу, онъ увидѣлъ на пескѣ свою сестру и Дину. Дина все еще была въ одной рубашкѣ ослѣпительно бѣлѣвшей на солнцѣ, какъ будто само воплощеніе бѣлаго, цвѣтущаго сада сошло на этотъ берегъ.

Верховскій чистымъ взглядомъ скользнулъ по смугловатой, матовой кожѣ ея обнаженныхъ рукъ и ногъ, по контурамъ ея тонкаго тѣла, сквозившаго на солнцѣ изъ подъ легкой ткани, и сознался, что смотрѣлъ бы иначе если бы это была не Дина, а другая дѣвушка. Это его удивило и обрадовало: значитъ, чтобы тамъ не говорили, кровная связь не предразсудокъ. А если и предразсудокъ, то очевидно, онъ вошелъ въ кровь.

Чтобы выразить какъ нибудь полноту своего настроенія, онъ возбужденно крикнулъ:

— Дина. Каково купанье!

— Удивительное. Я еще хочу купаться, да мама не позволяетъ.

— А ты что, Рита, не купаешься?

— Доктора,—уныло отвѣтила та.

Верховскій захохоталъ:

— Плюнь на нихъ, и баста.

И, отвѣтивъ ему такимъ же хохотомъ, она рѣшила:

— Я таки, кажется, такъ и сдѣлаю.

— Отлично, мамусикъ, мы вмѣстѣ и будемъ купаться.

— Я съ тобой не хочу разговаривать: твое поведеніе я нахожу безсмысленнымъ и неприличнымъ.

— Ахъ, мама.

— То, что было простительно дѣвочкѣ тринадцати лѣтъ, совсѣмъ не простительно семнадцатилѣтней барышнѣ. Поцѣловать, а потомъ броситься бѣжать куда то, сломя голову.

— А что же по твоему лучше было бы мнѣ остаться?

— Самое лучшее было бы придать этому такой видъ, что ты его поцѣловлаа ну... какъ родного, что ли... Вѣдь онъ въ сущности, дѣйствительно, по своему возрасту могъ бы быть тебѣ отцомъ.

— Онъ? моимъ отцомъ!

— Что это такъ изумляетъ тебя.

Дина покачала головой:

— Во всякомъ случаѣ, себя-то бы я никакъ не могла

Digitized by Google

представить его дочерью. Какъ Николая не могла бы представить твоимъ сыномъ.

Верховская смутилась; съ досадой почувствовала это смущеніе и невольно пробормотала:

— Ну, это совсѣмъ другое дѣло.

Дина опустила голову и задумалась. Казалось, она внимательно всматривается въ свое отраженіе въ водѣ, у самаго берега.

Мать ея сидѣла на пескѣ подъ своимъ краснымъ зонтикомъ, и ея высокая грудь плавно поднималась отъ стѣсненнаго зноемъ дыханія. Кровь какъ то ощутительно переливалась по тѣлу и хотѣлось все снять съ себя и потягиваться на пескѣ, у самой воды, лѣниво лепечущей тонкими хрустальными струйками.

Раздѣваться было лѣнь. Она полузакрыла глаза и ей сразу представилась фигура Николая, какъ она видѣла ее съ берега въ водѣ. Это извивавшееся подъ зыбкой влагой тѣло и сильныя крутыя плечи подъ водою. Стало еще тяжелѣе дышать. Она на минуту отставила зонтикъ, разстегнула воротъ и глубоко вздохнула, заламывая надъ головой руки.

— Мама,—не поднимая головы, внезапно окликнула ее Дина.

Та очнулась.

— Ну, что?

— Уѣдемъ отсюда.

— Что за вздоръ. Сама такъ сюда рвалась, и вдругъ — уѣдемъ.

Дина обернулась, подняла голову и съ настоящей мольбой воскликнула:—Уѣдемъ!—Въ ея большихъ глазахъ какъ-то странно путались недоумѣніе и испугъ.

— Перестань говорить пустяки. Что такое взбрело тебѣ въ голову? Почему? Ну, почему?

— Почему? Сонъ мнѣ такой приснился,—упрямо настаивала она.

— Всего нѣсколько часовъ, какъ мы пріѣхали, и ты уже успѣла сонъ увидѣть.

— Успѣла. На яву.

— Вѣчно ты съ дурачествомъ. Тебѣ просто, вѣрно, стыдно показаться на глаза Аннѣ Гавриловнѣ и Георгію Алексѣевичу.

Дина неожиданно разсмѣялась.

Digitized by Google

— Правда, мамочка, правда. Скажи, это не вышло театрально? Я больше всего боюсь, чтобы это ему не показалось театральнымъ. Знаешь, какъ у энженю въ плохой пьесѣ. Вѣдь онъ терпѣть не можетъ театра.

— Опять ты съ нелѣпостями.

— Ну, хорошо, хорошо, мамочка, оставимъ эти нелѣпости.

И съ неожиданнымъ приливомъ трогательной, почти дѣтской чувствительности, она говорила, ступая ногами въ воду:

— Милыя струйки. Безпечныя струйки. Ласковыя струйки! Какъ славно вы переливаетесь подъ солнцемъ и лепечете свои признанія. Кому? Солнцу?.. Небу?... Вотъ тому облаку?.. Или этимъ безчисленнымъ песчинкамъ?.. Вы цѣлуете заливаете ихъ, какъ счастіе.

Придерживая выше колѣнъ сорочку, она отошла отъ берега, и ея стройныя ноги свѣтились въ водѣ и казались трепещущими отъ легкой ласкающей ихъ зыби. Ей видно было все дно, усѣянное камешками, мелкими и гладенькими къ берегу, крупными, покрытыми мягкимъ зеленымъ, колеблющимся мхомъ, дальше. Маленькіе усатые бычки выскакивали изъ подъ камней и, пронизывая воду, исчезали въ разныя стороны; выползъ крабъ, съ любопытствомъ посмотрѣлъ на эти палевыя, нѣжныя ноги и, осторожно двигая клешнями, сталъ подкрадываться къ ней. Она испугалась, вскрикнула и выскочила на песокъ.

— Ну, что тамъ еще такое?—встревоженно спросила мать.

Но Дина уже смѣялась надъ собой.

— Ничего, ничего страшнаго: крабъ.

Она въ восторгѣ и изумленіи развела руками:

— Какое это чудо! Ой! Ой! Какая красота!.. Сила! Вонъ маленькій парусъ. Онъ точно на воздухѣ. И я сама какъ будто такой же легкій парусъ, и вокругъ меня стихія, а надо мной и подо мной бездна.

Дина была въ какомъ-то знойномъ экстазѣ. Голосъ ея дрожалъ, глаза были полны слезъ, и, наконецъ, она не выдержала, бросилась прямо къ матери, ткнулась ей лицомъ въ колѣни, какъ бывало въ дѣтствѣ, раскинула руки по песку и замерла.

— Дѣвочка моя, милая дѣвочка,—взволнованно забормотала мать, лаская ея пышные шелковистые волосы.—Мы съ тобой обѣ безумныя. Да, да, я чувствую это сейчасъ.

Digitized by Google

Все это вѣдь не декорація, а настоящее. Понимаешь ли, настоящее.

И оставивъ ея волосы, она погружала руки въ песокъ и горстями захватывала его, съ страстной тоской и жадностью, какъ будто вмѣстѣ съ нимъ она хотѣла захватить какую-то тайну земли, которую почувствовала въ первый разъ. Но чѣмъ сильнѣе она старалась сжать въ рукахъ песокъ, тѣмъ скорѣе ускользали изъ подъ пальцевъ песчинки, струйками стекая на ея платье.

Она снова захватывала его полныя горсти, и опять повторялось тоже самое, и оставалось только нѣсколько жалкихъ песчинокъ, прилипшихъ къ рукамъ. Это было откровеніемъ ея собственной жизни, и она какъ то сразу почувствовала это теперь. Маленькія, жалкія воспоминанія, ничего настоящаго.

— Ахъ, ну, что ты, Дина! я не могу! Я не могу! Ты такъ меня разстроила,—старалась она оправдать себя въ своихъ собственныхъ глазахъ, чувствуя, какъ слезы поднялись изъ груди, защекотали горло, колкія, какъ искры шампанскаго, и брызнули сквозь рѣсницы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Федоровъ

Digitized by Google

АРАБИКЪ.

Вотъ Арабскій цѣнный камень, онъ зовется—арабикъ.
Онъ какъ будто бѣлый пламень, онъ какъ будто нѣжный ликъ'
Онъ какъ будто бы изваянъ изъ слоновой кости бѣлой,
Онъ какъ будто посланъ Раемъ—и застылъ здѣсь, онѣмѣлый.
Ибо тамъ онъ былъ какъ Ангелъ, какъ лучистый легкій сонъ,
Видя тяжесть, превратился въ бѣлый камень—и смущенъ,
Онъ сіяетъ какъ стыдливость, какъ внезапное мечтанье,
Онъ желаетъ снова сказки, чьи воздушны очертанья,
Ждетъ, что вотъ пройдетъ метатель и, схвативъ его въ пращу,
Въ Рай вметнетъ, сказавъ: „Такого—камня я давно ищу".

ПО БЛѢДНОЙ ДОРОГѢ.

По блѣдной долинѣ приходятъ, уходятъ, проходятъ несчетные духи,
Тамъ юноши, взрослые, малыя дѣти, и старцы идутъ, и старухи.

Съ Востока на Западъ, съ Заката къ Востоку, и снова на Западъ съ Востока,
Приходятъ, уходятъ, и ходятъ, и бродятъ, не знаютъ ни часа, ни срока.

Встрѣчаясь, качаютъ они головами, и шепчутъ о благости Бога.
И всѣ, проходя, проиграютъ цѣпями, и вѣчно, и вѣчно дорога.

Digitized by Google

И вдругъ отъ Востока на Западъ прольется разливное красное пламя,
Одинъ усмѣхнется, другой ужаснется, но каждый почувствуетъ знамя.

И вдругъ отъ Заката къ Востоку вернется и злато, и бархатъ и алость,
И духи считаютъ, колдуютъ, гадаютъ, пока не сомнетъ ихъ усталость.

Тогда, безконечно взывая о мести, о чести, о словѣ, о чарахъ,
Несчетные духи согбенно проходятъ, какъ тѣни, въ безмѣрныхъ пожарахъ.

По блѣдной долинѣ, въ пустынѣ, какъ въ сплинѣ, донынѣ безумствуютъ духи.
И юноши сѣды, и дряхлые—дѣти, и юны, межь старцевъ, старухи.

К. Бальмонтъ.

Digitized by Google

Семь смертныхъ грѣховъ.

Въ настоящей статьѣ идетъ рѣчь объ одномъ изъ популярнѣйшихъ вопросовъ христіанской моральной теологіи. Какъ пластическое искусство, такъ и поэзія сдѣлали все возможное, чтобы дать понять его значеніе также и тѣмъ людямъ, которые не затронуты прямо церковной догмой. Не говоря о первомъ, т. е. объ искусствѣ живописи или скульптурѣ, мы приведемъ для характеристики этого вопроса въ поэзіи хотя бы одно имя Данте. Въ основу его описанія горы въ чистилищѣ легло именно интересующее насъ здѣсь раздѣленіе.

Оба странника Виргилій и Данте, пройдя черезъ круги адской воронки, снова вышли на противоположную нашему міру часть земли. Передъ ними высокая горная громада, которая, поднимается, постепенно съуживаясь семью концентрическими кругами и доходитъ до самого неба. Это—гора чистилища (Purgatorio, canto IX). Три ступени ведутъ къ его воротамъ. Первая, бѣлая, олицетворяетъ собою справедливость, вторая, темная, разбитая – раскаяніе, третья, пылающая, пурпурная – любовь. На верхней, алмазно-прозрачной ступени сидитъ ангелъ; острымъ концомъ меча онъ чертитъ на челѣ Данте семь знаковъ P. (peccati или piaghe). Проходя семь кругъ, онъ всякій разъ очищается отъ одного изъ этихъ знаковъ, т. е. отъ одного изъ семи грѣховъ. Первый кругъ служитъ мѣстомъ покаянія для тѣхъ, чей главный грѣхъ—*гордость*. Они медленно ползутъ, отягченные каменной ношей, и имѣютъ достаточно времени, чтобы разсматривать изображенія на горной стѣнѣ, посвященныя прославленію смиренія. Во второмъ кругѣ показывается *зависть*; тѣмъ, кто при жизни смотрѣлъ слишкомъ острымъ взглядомъ на всѣ преимущества ближняго, теперь глаза зашиты желѣзными нитками. Въ третьемъ кругѣ приносятъ покаяніе тѣ, кто были подвержены гнѣву; они окружены густымъ дымомъ,—это чувственный образъ того, какъ ихъ страсть затемняла ясность ихъ ра-

Digitized by Google

зума и способность познанія. Четвертый кругъ назначенъ для *ленивыхъ*; громкимъ крикомъ и метаніемъ они искупаютъ лѣнь и бездѣйствіе своей земной жизни. *Скупости* и скупымъ опредѣленъ пятый кругъ; они плачутъ, распростертые и обращенные лицомъ къ землѣ, богатствъ которой они чрезмѣрно добивались при жизни. Слѣдующій, шестой, кругъ содержитъ тѣхъ, которые были преданы *обжорству*; ихъ кара состоитъ въ непрерывномъ голодѣ и жаждѣ, и ужасная худоба обнаруживаетъ это. Въ седьмомъ, наконецъ, находятся *сладострастники*, окруженные вѣчнымъ огнемъ, медленно пожирающимъ ихъ нечистыя вожделѣнія. Изъ этого послѣдняго круга, черезъ послѣднюю лѣстницу достигается земной рай, въ которомъ возвышается дерево познанія.

Таковы семь смертныхъ грѣховъ. Въ обычныхъ перечисленіяхъ мы встрѣчаемъ ихъ въ нѣкоторой послѣдовательности и притомъ другой, чѣмъ у Данте. Въ латинскихъ источникахъ они слѣдуютъ въ томъ порядкѣ, чтобы ихъ начальныя буквы составляли безсмысленное, но удобное для запоминанія слово „Saligia“: superbia, avaritia, luſuria, ira, gula, invidia и acedia. Такое классическое построеніе мы находимъ въ „сентенціяхъ“ Петра Ломбардскаго, знаменитѣйшаго и вліятельнѣйшаго теолога XII вѣка; можно прослѣдить развитіе этого ученія, идя далеко назадъ въ глубину ранняго христіанства. Но гдѣ надо искать ихъ *происхожденіе*? Это долгое время оставалось загадкой.

Предположеніе о томъ, что христіанская церковь заимствовала ученіе о семи смертныхъ грѣхахъ изъ античной этики, само по себѣ не встрѣчаетъ никакихъ историческихъ препятствій; дѣйствительно, нельзя отрицать очевидную, тѣсную связь и зависимость христіанской морали отъ античной, философской и, спеціально, стоической. Воспринявъ это наслѣдіе античности, христіанство проникло его своимъ духомъ, внеся особенно специфически-христіанское ученіе о благодати; оно измѣнило въ частностяхъ многія теоріи, приспособляя ихъ къ новымъ, воззрѣніямъ; но въ своемъ отношеніи къ общему построенію античной этики христіанство осталось вѣрно тому основному принципу, который откровенно и прекрасно высказали первые апологеты: „то, что хорошо, принадлежитъ христіанству“. Чтобы брать только наиболѣе извѣстное, напомнимъ хотя бы четырехъ кардинальныхъ добродѣтеляхъ христіанства — справедливости, мудрости, воздержаніи и храбрости; онѣ восходятъ отъ святого Амвросія Медіоланскаго къ Цицерону, отъ него къ стоической морали и находятъ свою основу въ Пла-

Digitized by Google

тоновской психологіи. Ничего поэтому нѣтъ удивительнаго и въ томъ, если, наряду съ основными добродѣтелями, мы сможемъ найти въ античности и основные грѣхи христіанства; это во всякомъ случаѣ будетъ такая аристократическая генеологія, которой стыдиться нечего.

Но на этотъ вопросъ ни Амвросій, ни Цицеронъ уже не даютъ отвѣта, и мы должны искать другихъ путей. И тутъ мы наталкиваемся на поразительные результаты.

Припомнимъ теперь только что сказанное, что послѣдовательность семи смертныхъ грѣховъ такова: Гордость, скупость, сладострастіе, гнѣвъ, обжорство, зависть, лѣнь. Зная это, разберемъ внимательно то мѣсто изъ перваго посланія Горація, гдѣ поэтъ высказываетъ ту мысль, что изучая Греческую философію, человѣкъ можетъ, если не уничтожить совсѣмъ, то хотя бы нѣсколько смягчить многія изъ общественныхъ золъ. Вотъ это мѣсто (Ep. I, 1, 33).

„Fervet *avaritia* miseroque cupidine pectus?
Sunt verba et voces, quibus hunc lenire dolorem.
Possis, et magnam morbi deponere partem.
Laudis amore tumes? Sunt certa piacula, quae te
Ter pure lecto poterunt recreare libello.
Invidus, iracundus, iners, vinosus, amator,
Nemo adeo ferus est, ut non mitescere possit,
Si modo culturae patientem commodet aurem [1]).

Ежели *скупость* кипитъ въ груди и несчастная алчность,
Есть голоса и слова, которыми можешь мученье
Ты унять и недугъ облегчить на добрую долю.
Если раздуть ты *желаньемъ похвалъ*, заговоръ есть вѣрнѣйшій:
Книжка, что трижды прочтешь съ чистотою, и станешь здоровымъ.
Будь онъ *завистливъ и золъ, лѣнтяй, пьянчуга, распутникъ*,
Не закоснѣлъ же никто до того, чтобъ не могъ укротиться,
Лишь бы ухо склонилъ терпѣливо къ нравоученьямъ.

Здѣсь названы опять семь грѣховъ, и какъ разъ нужныхъ намъ семь. Положимъ, вмѣсто „гордости“ названы „любовь славы“, а вмѣсто „обжорства“—„пьянство“ но это ничему не мѣшаетъ; данныя слова являются почти синонимами, и поэтъ не обязанъ придерживаться строгой терминологіи. Къ тому же техническое gula (собств. „глотка“) дѣйствительно шире русскаго „обжорства“, обнимая всякое вообще чревоугодіе.

Итакъ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что наша перво-

[1]) Въ переводѣ Фета.

Digitized by Google

начальная гипотеза подтверждается фактами. Семь смертныхъ грѣховъ—античнаго происхожденія. Но такой выводъ самъ по себѣ ничего не значитъ и еще болѣе подстрекаетъ наше любопытство; у насъ сейчасъ же является вопросъ, какъ произошла эта эволюція, въ чемъ причина специфическаго характера и опредѣленнаго числа средневѣковыхъ смертныхъ грѣховъ и каковъ, въ концѣ концовъ, мостъ между античностью и христіанствомъ.

Правда, пытаясь дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, нужно помнить, что историческая наука вовсе не обязана отвѣчать на всѣ ей ставящіеся вопросы, а менѣе всего, исторія идей. Часто возможность такого отвѣта обусловливается только счастливымъ случаемъ; но здѣсь какъ разъ мы имѣемъ дѣло съ таковымъ.

Для того, чтобъ отвѣтить на возбужденный нами только что вопросъ, мы должны ознакомиться съ однимъ изъ наиболѣе сложныхъ и важныхъ, полурелигіознымъ,—полуфилософскимъ движеніемъ эпохи синкретизма „смѣшенія религій", которое мы называемъ *герметизмомъ*, по имени его миѳическаго пророка Гермеса Трисмегиста (Трижды Величайшаго). Его колыбель Аркадія, гдѣ оно связано съ мѣстнымъ богомъ Гермесомъ. Основной его характеръ—хтроническій, связанный съ культомъ душъ и магіей; съ этой чертой соединяются философскіе, платоническіе и астрономическіе элементы, и въ такомъ видѣ культъ Гермеса распространяется черезъ Кирену на Египетъ въ III в. до Р. Х. Здѣсь онъ сталкивается съ египетской и, что еще важнѣе, съ израильской религіей, послѣдняя какъ разъ въ это время дѣлается доступной всему цивилизованному міру благодаря греческому переводу семидесяти толковниковъ. Изъ такого сочетанія самыхъ разнородныхъ элементовъ образовалось *герметическая космогонія*; сущность ея въ общихъ чертахъ такова:

По порученію высшаго Бога, называемаго первоначально Зевсомъ, позже „Высшимъ Разумомъ", его сынъ — Гермесъ, позже Деміургъ—создаетъ, или вѣрнѣе сказать, устраиваетъ міръ, переводитъ его изъ прежняго хаотическаго состоянія въ нѣчто стройное и законосообразное. Въ этомъ ему помогаетъ третье божественное существо, Логосъ, созданный Гермесомъ (позже Высшимъ Богомъ). Это устройство состоитъ, прежде всего, въ ясномъ разграниченіи элементовъ; изъ нихъ три: земля, воздухъ и вода остаются внизу и образуютъ природный міръ; огонь же, устремившійся вверхъ, дѣлится на семь сферъ, изъ которыхъ каждая управляется своимъ демономъ или планетнымъ богомъ. Создавъ, такимъ образомъ, міръ, Высшій Богъ творитъ Человѣка по своему образу и подобію; полюбивъ его безмѣрно, онъ помѣщаетъ его

Digitized by Google

выше всѣхъ сферъ. Но человѣкъ отплачиваетъ Творцу неблагодарностью; онъ не повинуется его закону—оставаться внѣ міра, проникаетъ чрезъ всѣ сферы и спускается къ Природѣ. *При этомъ каждый изъ семи планетныхъ духовъ надѣляетъ его своимъ даромъ*, Природа узнаетъ въ немъ отраженіе своего Создателя; пораженная, или влюбленная, она старается привлечь его къ себѣ и для этого употребляетъ обманъ: въ элементѣ влаги онъ видитъ свое отраженіе и идетъ къ нему. Соединившись съ Человѣкомъ, Природа рождаетъ, соотвѣтственно семи дарамъ планетъ, семь двуполыхъ человѣческихъ существъ. Но черезъ нѣкоторое время они раздѣляются и образуютъ семь разнополыхъ паръ и Высшій Богъ благословляетъ ихъ, говоря: „ростите въ ростъ и множитесь во множествѣ, и да познаетъ мыслящій человѣкъ самого себя, что онъ безсмертенъ, и что причина смерти—любовь".

Такова герметическая космогонія. Не говоря уже о послѣднихъ словахъ Бога, ея связь съ Ветхимъ Завѣтомъ очевидна; разница въ томъ, что паденіе ангеловъ связано съ паденіемъ перваго человѣка. Намъ осталось однако невыясненнымъ, въ чемъ состоятъ дары планетъ первому человѣку. Ясно лишь, что они приносятъ несчастье, такъ какъ ихъ непосредственное слѣдствіе—его паденіе. Эта загадка разрѣшится при дальнѣйшемъ изложеніи.

Дѣло въ томъ, что изъ герметической космогоніи вытекаетъ герметическое ученіе о спасеніи. Человѣкъ произошелъ отъ божественнаго Человѣка и Природы; въ этомъ кроется основа его дуализма, онъ состоитъ, въ противоположность прочимъ животнымъ, изъ преходящаго тѣла и безсмертной души. Душа эта, тѣмъ не менѣе, грѣховна; однако она можетъ найти дорогу къ жилищу Высшаго Бога, къ Огдоадѣ. Это возможно только въ томъ случаѣ, если она готовится къ этому всю жизнь путемъ аскетизма и воздержанія отъ всякаго грѣха; грѣхъ, находящійся въ ней потенціально, не долженъ переходить въ энергію. Въ случаѣ такой побѣды надъ собою душа можетъ пройти въ обратномъ порядкѣ тѣ семь сферъ, которыя когда-то прошелъ ея родоначальникъ. При этомъ она возвращаетъ всякому планетному демону даръ, „не осуществивъ его", и очищенная вступаетъ въ Огдоаду.

Здѣсь сразу является мысль: не могутъ ли эти семь планетныхъ даровъ, отъ которыхъ душа должна очиститься, быть родоначальниками нашихъ смертныхъ грѣховъ? На первый взглядъ та гипотеза покажется ошибочной; герметизмъ вызываетъ другіе дары, чѣмъ нами установленные грѣхи. Въ Poimandr'ѣ, 25. говорится: такъ стремится человѣкъ вверхъ черезъ гармонію сферъ и отдаетъ первой изъ нихъ (луна) силу роста и убыли

Digitized by Google

второй (Меркурій) хитрость, третьей (Венера) обманъ вожделѣнія, четвертой (солнце)—властолюбіе, пятой (Марсъ) безбожную отвагу и безумную смѣлость, шестой (Юпитеръ) стремленіе къ богатству, седьмой (Сатурнъ) ложь и коварство". Въ этомъ отрывкѣ мы видимъ стремленіе связать каждое дурное свойство человѣческой души съ предполагаемымъ характеромъ каждой планеты; благодаря этому не получается толковаго систематизированія грѣховъ. Напр., ростъ и убыль связаны съ луной благодаря ея смѣняющимся фазамъ; но это свойство, будучи однимъ изъ признаковъ несовершенства смертной человѣческой природы въ сравненіи съ неизмѣнностью Божества, тѣмъ не менѣе не можетъ считаться грѣхомъ. Отъ ловкаго обманщика Меркурія получена въ даръ хитрость, отъ злокозненнаго Сатурна—ложь и коварство, но эти два дара такъ близки между собою, что ихъ очень трудно разграничить. Далѣе, понятно, что Солнцу, какъ царицѣ планетъ, съ полнымъ правомъ приписанъ даръ властолюбія, но благодаря этому Юпитеръ лишенъ своего аттрибута, и сопоставленіе его съ жаждой богатствъ является очень натянутымъ. Такимъ образомъ, мы видимъ,что изложенная система нуждается въ поправкахъ. Мы знаемъ, какую большую литературу породилъ герметизмъ; большинство изъ памятниковъ ея погибло; спрашивается, нельзя ли предположить, что среди нихъ были другія изложенія свойствъ, располагающихъ дары ихъ иначе и правильнѣе?

Предполагать, конечно, мало; возможность безъ доказательствъ насъ не удовлетворитъ. Но здѣсь насъ выручаетъ тотъ счастливый случай, о которомъ мы говорили выше. Такое исправленіе герметической системы дѣйствительно существовало, и хоть самый памятникъ погибъ, но ссылку на него мы имѣемъ, и при томъ у такого автора, у котораго мы бы съ трудомъ ее ожидали—у Сервія, древняго толкователя Виргилія (Эн. VI, 714). Вотъ его слова: „Философы говорятъ о томъ, что спускающаяся душа теряетъ во всякой сферѣ. Вмѣстѣ съ этимъ и астрологи увѣряютъ, что наши тѣла и души подчинены власти каждаго планетнаго бога, такъ что, спускаясь, души берутъ съ собою *лѣнь* Сатурна, *гнѣвъ* Марса, *сладострастіе* Венеры, *жадность* Меркурія и *властолюбіе* Юпитера. Эти вліянія смущаютъ души и лишаютъ ихъ способности проявить собственныя силы и здоровье".

Такимъ образомъ объяснены пять изъ семи смертныхъ грѣховъ; связь съ качествами каждой изъ планетъ совершенно ясна,

Digitized by Google

кромѣ, пожалуй, Сатурна; но и здѣсь аттрибутъ лѣни можно объяснить тѣмъ, что Сатурнъ—наиболѣе далекая планета, время, вращенія его наиболѣе долгое и могло подать мысль о медленности и лѣни.

Теперь передъ нами вопросъ о послѣднихъ двухъ грѣхахъ; видимо, Сервій говоритъ только о планетахъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова и не касается ни солнца, ни луны. Можемъ-ли мы связать съ ними необъясненные еще грѣхи — обжорства (gula) и зависти? Мы имѣемъ на это право, въ виду и самихъ свойствъ солнца и луны; если ужъ надо было приписывать жизнедавцу-солнцу какой-нибудь злой даръ, то естественнѣе всего было принять во вниманіе его „всепожирающую“ силу; также близокъ къ образу блѣдной луны грѣхъ зависти.

Такимъ образомъ мы получили полный отвѣтъ. Идея о семи смертныхъ грѣхахъ произошла изъ астрологіи и получила свою переработку въ герметическомъ ученіи о спасеніи, вѣроятно черезъ посредство стоической философіи; главный представитель ея, послѣдній въ I в. до Р. Х., Посидоній, былъ въ то же время горячимъ приверженцемъ и защитникомъ астрологіи. Отъ Посидонія воспринялъ ее и Горацій, герметизмъ же глубокомысленно связалъ ее съ еврейской легендой о грѣхопаденіи. Первый человѣкъ нарушаетъ повелѣніе своего Творца, проникаетъ черезъ гармонію семи сферъ и спускается къ физической природѣ; въ этомъ пути планетные демоны заражаютъ его своими злыми дарами. Съ тѣхъ поръ эти дары, обратившись въ наслѣдственные грѣхи, властвуютъ надъ его потомствомъ, и задача каждой отдѣльной человѣческой души бороться съ ними, держать ихъ задавленными для того, чтобы, поднимаясь снова по смерти на небо, вернуть ихъ „неосуществленными“ ихъ злымъ подателямъ.

Герметизмъ гордо признавалъ эту способность свободной воли человѣка; иначе судило христіанское смиреніе. Намъ теперь трудно составить себѣ и представленіе о томъ, какъ тяжело лежалъ на человѣкѣ гнетъ астрологіи съ ея фатализмомъ; человѣкъ былъ всецѣло подчиненъ планетному вліянію, онъ былъ рабъ сферической гармоніи (en harmonias dulos); христіанство также не рѣшилось отрицать этого вліянія планетъ и ихъ демоновъ, но оно противопоставило этому свое спасеніе, говоря, что Христосъ избавляетъ отъ этого рока своихъ послѣдователей. Воспринимая герметическое ученіе, христіанство внесло въ него существенную и характерную поправку; душа имѣетъ силу побороть вліяніе планетнаго дара, родового семиричнаго грѣха; не

Digitized by Google

сильна она не сама по себѣ, но благодатно и прообразомъ Христа; нечистыя вліянія демоновъ планетъ смываются святою водою крещенія. Такимъ образомъ, ученіе о семи смертныхъ грѣхахъ сдѣлалось достояніемъ христіанской этики. Съ теченіемъ времени первоначальная связь ихъ съ астрологіей ослабла, и роль послѣдней была забыта; но система, благодаря традиціи, жила и развивалась. И стыдиться этого нехристіанскаго античнаго наслѣдія церкви не было основанія: „что хорошо, то принадлежитъ христіанству“.

Проф. *Ѳ. Зѣлинскій.*

Digitized by Google

ПОВОЛЬНИКЪ.

Здравствуй, буйная ватага, удалыхъ годовъ друзья!
Вотъ и снова я—бродяга, вотъ опять—повольникъ я!

Я въ затворахъ жилъ подолгу, выпилъ чашу рабской доли,
Но я молодъ,—видя Волгу, я могучъ—подъ вѣтромъ съ воли!

Повинуйтесь снова кличу, становитесь въ бранный кругъ!
Какъ бывало, на добычу поведу за стругомъ стругъ.

Ахъ, какъ сладки лязги сабли, какъ безсильно свищутъ пули!
Что ударъ мой не ослабъ ли? голосъ слышенъ ли и въ гулѣ?

А теперь дѣли, что взято! всѣмъ по рѣвну, безъ грѣха!
Горстью мѣрь сребро и злато, а на локоть мѣрь мѣха.

Спрятавъ знатные товары, мы костеръ зажжемъ надъ плесомъ,
Будутъ звонко вторить чары нашимъ пѣснямъ стоголосымъ;

А когда луна остудитъ волны Волги и песокъ,
Всѣмъ по очереди будетъ съ полоняночкой часокъ!

Валерій Брюсовъ.

Digitized by Google

Великанъ.

...— Вотъ пришелъ великанъ, большой, большой великанъ Такой большой, большой. Вотъ пришелъ онъ, пришелъ. Такой смѣшной великанъ. Руки у него толстыя, огромныя и пальцы растопырены, и ноги тоже огромныя, толстыя, какъ деревья, такія толстыя. Вотъ пришелъ онъ... и упалъ! Понимаешь, взялъ и упалъ! Зацѣпился ногой за ступеньку и упалъ! Такой глупый великанъ, такой смѣшной—зацѣпился и упалъ! Ротъ раскрылъ—и лежитъ себѣ, и лежитъ себѣ, такой смѣшной, какъ трубочистъ. Ты зачѣмъ пришелъ сюда, великанъ? Ступай, ступай отсюда великанъ! Додикъ такой милый, такой славный, славный; онъ такъ тихонько прижался къ своей мамѣ, къ ея сердцу—къ ея сердцу—такой милый, такой славный. У него такія хорошія глазки, милыя глазки, ясныя, чистыя, и всѣ такъ его любятъ. И носикъ у него такой хорошій и губки, и онъ не шалитъ. Это прежде онъ шалилъ — бѣгалъ — кричалъ — ѣздилъ на лошадкѣ. Ты знаешь, великанъ, у Додика есть лошадка, хорошая лошадка, большая съ хвостомъ, и Додикъ садится на нее и ѣздитъ, далеко, далеко, на рѣчку ѣздитъ, въ лѣсъ ѣздитъ. А въ рѣчкѣ рыбки, ты знаешь, великанъ, какія бываютъ рыбки? Нѣтъ, ты не знаешь, великанъ, ты глупый, а Додикъ знаетъ: такія маленькія, хорошенькія рыбки. Солнышко свѣтитъ въ воду, а они играютъ, такія маленькія, хорошенькія, такія быстрыя. Да, глупый великанъ, а ты не знаешь...

Digitized by Google

— Какой смѣшной великанъ! Пришелъ и упалъ! Вотъ смѣшной! Шелъ по лѣстницѣ—разъ—разъ,—зацѣпился за порожекъ и упалъ. Такой глупый великанъ! А ты не ходи къ намъ, великанъ, тебя никто не звалъ, глупый великанъ. Это прежде Додикъ шалилъ и бѣгалъ—а теперь онъ такой славный, такой милый, и мама такъ нѣжно—нѣжно—его любитъ. Такъ любитъ—больше всѣхъ любитъ, больше себя, больше жизни. Онъ ея солнышко, онъ ея счастье, онъ ея радость. Вотъ теперь онъ маленькій, совсѣмъ маленькій, и жизнь его маленькая, а потомъ онъ выростетъ большой, какъ великанъ, у него будетъ большая борода и усы большіе, большіе, и жизнь у него будетъ большая, свѣтлая, прекрасная. Онъ будетъ добрый, и умный, и сильный, какъ великанъ, такой сильный, такой умный, и всѣ будутъ его любить, и всѣ будутъ смотрѣть на него и радоваться. Будетъ въ его жизни горе, у всѣхъ людей есть горе, но будутъ и большія, свѣтлыя, какъ солнце, радости. Вотъ войдетъ онъ въ міръ, красивый и умный, и небо голубое будетъ сіять надъ его головой, и птицы будутъ пѣть ему свои пѣсенки и вода будетъ ласково журчать. И онъ взглянетъ и скажетъ: „какъ хорошо на свѣтѣ—какъ хорошо на свѣтѣ“...

Вотъ... Вотъ... Вотъ... Этого не можетъ быть. Я крѣпко, я нѣжно, нѣжно держу тебя, мой мальчикъ. Тебѣ не страшно, что тутъ такъ темно? Посмотри, вонъ въ окнахъ свѣтъ. Это фонарь на улицѣ, стоитъ себѣ и свѣтитъ, такой смѣшной. И сюда посвѣтилъ немного, такой милый фонарь. Сказалъ себѣ: дай и туда посвѣчу немножко, а то у нихъ такъ темно—такъ темно. Такой длинный, смѣшной фонарь. И завтра будетъ свѣтить—завтра. Боже мой, завтра!

— Да, да, да. Великанъ. Конечно, конечно. Такой большой, большой великанъ. Больше фонаря, больше колокольни, и такой смѣшной: пришелъ и упалъ! Ахъ, глупый великанъ, какъ же ты не замѣтилъ ступеньки! Я вверхъ смотрѣлъ, мнѣ внизу не видно—говоритъ великанъ басомъ, понимаешь, такимъ толстымъ, толстымъ голосомъ. Я вверхъ смотрѣлъ! А ты внизъ лучше смотри, глупый великанъ, тогда и будешь видѣть. Вотъ Додикъ мой милый, милый, и такой умный, онъ выростетъ еще больше, чѣмъ ты. И такъ будетъ шагать—прямо черезъ городъ, прямо черезъ лѣса и горы. Онъ такой будетъ сильный и смѣлый, онъ ничего не будетъ бояться—ничего. Подошелъ къ рѣчкѣ—и перешагнулъ. Всѣ смотрятъ, рты разинули, такіе смѣш-

Digitized by Google

ные—а онъ взялъ и перешагнулъ. И жизнь у него будетъ такая большая, и свѣтлая и прекрасная, и солнышко будетъ сіять, милое, родное солнышко. Выйдетъ себѣ утречкомъ и свѣтитъ, такое милое... Боже мой!

— Вотъ... Вотъ пришелъ великанъ—и упалъ. Такой смѣшной—смѣшной—смѣшной же!

Такъ, глубокою ночью, говорила мать надъ умирающимъ ребенкомъ. Носила его по темной комнатѣ, и говорила, и фонарь свѣтилъ въ окно—а въ сосѣдней комнатѣ слушалъ ея слова отецъ и плакалъ.

Леонидъ Андреевъ.

Digitized by Google

Красота.

(Стихотвореніе въ прозѣ).

Я видѣлъ ее когда мнѣ было шестнадцать лѣтъ, и это было очень давно. Я видѣлъ её только одинъ разъ въ жизни, и больше, навѣрное, не увижу, да и не хочу видѣть, потому что красоты ея уже нѣтъ теперь, и она увяла, какъ тотъ цвѣтокъ, который она уронила, а я поднялъ и берегу до сихъ поръ...

А она была хороша.

Когда я вошелъ, она сидѣла въ глубинѣ комнаты, подъ аркой, увитой зеленью. Гдѣ-то тутъ, какъ серебряный ручеекъ, звенѣлъ маленькій органчикъ, а она держала на колѣняхъ лютню и бѣлоснѣжными тонкими пальцами перебирала струны. О, это была рука, передъ которой хотѣлось пасть на колѣни.

Серебристые звуки органчика сливались съ нѣжнымъ пѣніемъ лютни. Звуки эти мнѣ показались сказочно-чудными. Они торопились и бѣжали и, звеня, падали куда-то: такъ падали крупныя слезы моей матери, когда въ дни моего печальнаго дѣтства я лежалъ на маленькой постелькѣ, а надо мной витала смерть.

Звуки лились и падали, и въ тактъ имъ качались листы тропическихъ растеній и удивленно шептали: „Она прекрасна! Она прекрасна!“ А она сидѣла, вся въ бѣломъ, чудно-стройная, лучезарная!

Я вошелъ,—и самъ не зналъ, какъ остановился среди комнаты: я взглянулъ на нее! Боже мой, какъ она была хороша! Я больше не могъ сдвинуться съ мѣста. Я не слышалъ, что мнѣ говорили, потому что громко и радостно пѣло во мнѣ мое печальное сердце.

Я смотрѣлъ на ея лицо и не могъ отвести глазъ, и не могъ произнести ни слова; о, ея лицо! Сколько

Digitized by Google

воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ, но я его помню, какъ-будто я сейчасъ вижу его передъ собою! Когда утечетъ моя молодость и станетъ для меня далекимъ прошлымъ, когда въ моемъ сердцѣ погаснутъ огни и опадутъ, какъ осенніе листья моей юности,—о, и тогда при воспоминаніи о ея лицѣ на душѣ моей вспыхнетъ заря и весна зазеленѣетъ!

Въ дни дѣтства я любилъ смотрѣть на облака: я видѣлъ тамъ дворцы и замки и цѣлый міръ, причудливый и невѣдомый мнѣ. Иногда въ ясный день ко мнѣ оттуда выглядывало бѣлоснѣжное, чистое лицо, съ серебряными крыльями, и я думалъ: это ангелъ!

Ея лицо было такое-же бѣлоснѣжно-облачное, съ такимъ-же чудно-прекраснымъ выраженіемъ, какъ это былъ житель неба, полный любви и жалости къ скучному, маленькому міру.

Но, когда она взглянула на меня своими голубыми, какъ небо, и свѣтлыми, какъ звѣзды, глазами, изъ-подъ длинныхъ, какъ стрѣлы, рѣсницъ,—мнѣ что-то хлынуло въ душу и по ней пошли волны. Въ сердцѣ заиграла музыка. Мнѣ показалось, что у меня въ груди натянулись струны и зазвучали.

Это былъ сначала отзвукъ того, что было предо мною: звенѣлъ серебряный ручей. Въ немъ отражалось голубое небо и казалось золотыя звѣзды, цвѣты наклонялись надъ ними, и плылъ душистый ароматъ.

Но струны натягивались все выше и выше, и звенѣли все громче и, какъ стая перелетныхъ птичекъ, во мнѣ вспорхнули мысли-пѣсни.

О, милая! Если-бы я былъ красивъ и смѣлъ, ты-бы узнала, какое море любви и огня у меня въ душѣ, ты подарила-бы меня любящимъ взглядомъ и у меня бы выросли орлиныя крылья и я полетѣлъ бы надъ міромъ!

Если-бы я имѣлъ милліоны, я купилъ-бы вселенную и изъ-всего, что есть въ ней лучшаго, выстроилъ-бы тебѣ дворецъ. Дворецъ изъ мрамора, холоднаго и твердаго, какъ твое сердце, изъ хрусталя, чистаго, какъ любовь поэта!

Если-бъ я былъ царемъ,—я за взглядъ твой бился-бы съ цѣлымъ міромъ и за вѣнокъ изъ цвѣтовъ, сплетенныхъ твоими руками,—уступилъ тебѣ свою корону.

Если-бъ я былъ Богомъ, всемогущимъ Богомъ, я-бы твои чудные бѣлокурые волосы убралъ небесными звѣздами, мѣ-

Digitized by Google

сяцъ сталъ-бы твоимъ кокошникомъ, я-бы повелѣлъ носить тебя херувимамъ, и за любящій взглядъ твой отдалъ-бы тебѣ свое всемогущество!

Но увы, я только бѣдный поэтъ и ничего не могу предложить тебѣ, кромѣ пѣсенъ. Вставайте-же вы, мои пѣсни, вылетайте на волю! Звучите, струны души моей, громче звучите про любовь и красоту, звучите о тѣхъ счастливыхъ, кого любитъ женщина! И пусть отцвѣтешь ты, прекрасная, пусть отъ жгучихъ слезъ земного горя померкнутъ твои небесныя очи и смоется алый румянецъ; пусть въ бѣлокурыхъ твоихъ локонахъ засеребрится сѣдина — въ моихъ пѣсняхъ будетъ жить твой образъ неувядаемый и вѣчный!

Я смотрѣлъ на нее и думалъ.

А она встала, и мнѣ показалось, что она не выпила, а поплыла по воздуху. Она исчезла, и я не видалъ ее больше никогда.

Скиталецъ.

Digitized by Google

Теорія стоимости и діалектическій матеріализмъ.

(Къ 40-лѣтію „Капитала“ 1867—1907).

Нѣкоторыя мѣста изъ сохранившагося письма Маркса къ его благородному, просвѣщенному отцу бросаютъ яркій свѣтъ на философское развитіе геніальнаго творца историческаго матеріализма. Эти мѣста обнаруживаютъ съ полной отчетливостью процессъ созрѣванія матеріалистической діалектики, составляющей философскую основу „Капитала“. Юный, девятнадцатилѣтній Марксъ пишетъ въ этомъ письмѣ: „Я долженъ былъ заниматься правомъ, но чувствовалъ, что прежде всего мнѣ надо одолѣть философію“. Начавъ съ вопросовъ философіи и этики въ широкомъ смыслѣ этого слова, чувствуя въ себѣ могучіе задатки общественнаго реформатора, юноша испытываетъ непреодолимую потребность въ выработкѣ общаго философскаго міросозерцанія, изъ котораго должны вытекать принципы научнаго изслѣдованія и методы практической дѣятельности. Охваченный жгучей любознательностью, страстнымъ, неудержимымъ стремленіемъ разрѣшить міровыя проблемы, юный Марксъ проводитъ безсонныя ночи въ лихорадочной, напряженной духовной борьбѣ. Онъ излагаетъ результаты своихъ размышленій, онъ недоволенъ этими результатами, замѣчая и чувствуя вездѣ пробѣлы и недочеты; онъ пишетъ и безъ сожалѣнія сжигаетъ написанное. Бурный, стремительный, безпокойный, но въ той же мѣрѣ терпѣливый, настойчивый, энергичный умъ ищетъ разрѣшенія величайшей проблемы, поставленной классической философіей. Проблема эта—„отношеніе бытія къ долженствованію“. [1]) Сознательно и *критически* эта проблема была поставлена Кантомъ. Глубокая и оригинальная постановка вопроса объ отношеніи бытія къ долженствованію

[1]) Aus dem literarischen „Nachlass“ I B-d S. 17.

Digitized by Google

отцомъ критицизма нисколько, однако, не помѣшала ему разрѣшить этотъ вопросъ въ духѣ старой христіанской метафизики. Бытіе—это чувственная, измѣнчивая, призрачная природа; долженствованіе принадлежитъ міру духовному, стоящему по ту сторону конкретной реальной дѣйствительности. Трагическій конфликтъ между разумомъ и чувственной природой, между идеалами и дѣйствительностью, между необходимостью и свободой находитъ свое окончательное разрѣшеніе въ первоначальномъ источникѣ разума, свободы и идеаловъ, въ потустороннемъ царствѣ. Противъ этого дуализма возставали многіе, а наиболѣе энергично борьбу велъ противъ него Фейербахъ. Но Гегель, ставшій на почву исторической діалектики, разрѣшилъ эту задачу съ наибольшимъ глубокомысліемъ. Что разумно, то дѣйствительно, и что дѣйствительно, то разумно, гласитъ классическій отвѣтъ на классическій вопросъ. *Разумъ, идеалы, долженствованіе, вытекающіе съ необходимостью изъ дѣйствительности, должны съ необходимостью стать дѣйствительностью.* Противорѣчіе бытія и долженствованія имѣетъ мѣсто на всякой данной ступени историческаго развитія, поскольку исторія идетъ впередъ, но это противорѣчіе находитъ свое постоянное разрѣшеніе на протяженіи всего историческаго процесса, *непрерывно достигая единства и непрерывно удаляясь отъ него.* Долженствованіе, порожденное дѣйствительностью, становится въ противорѣчіе къ послѣдней и, само превращаясь въ дѣйствительность, порождаетъ новое долженствованіе. Если такимъ образомъ съ дуалистической точки зрѣнія Канта примиреніе этого противорѣчія возможно *въ абсолютномъ покоѣ*, то согласно діалектикѣ Гегеля оно находитъ свое разрѣшеніе *въ непрерывномъ движеніи.* Марксъ примкнулъ къ общей точкѣ зрѣнія Гегеля, принявъ общій принципъ исторической діалектики, уничтожившій кантовскій дуализмъ. Но діалектика Гегеля исходитъ изъ идеалистическаго начала. Діалектическій процессъ ведетъ свою родословную отъ потусторонней платоновской идеи. Согласно идеалистическому исходному пункту Гегеля содержаніемъ діалектическаго развитія является идея, пустая абстракція; вслѣдствіе этого сама діалектика, лишенная всякаго дѣйствительнаго содержанія, превращается въ пустую софистику чистыхъ, отвлеченныхъ понятій.

Марксъ, стремившійся не только къ умозрительному объясненію міра, но и къ измѣненію его, въ конкретной дѣятельности искалъ твердую точку опоры. Идя черезъ метафизику и проникая во всѣ ея тайны, Марксъ ведетъ противъ нея рѣшительную борьбу и одерживаетъ надъ ней блестящую побѣду.

Digitized by Google

Эта борьба и эта побѣда изображена Марксомъ въ вышеупомянутомъ письмѣ: „Вначалѣ, пишетъ Марксъ, я изложилъ такъ милостиво окрещенную мною метафизику права, это значитъ— основоположенія, размышленія, опредѣленія, понятія, оторванныя отъ всякаго живого права и какой бы то ни было живой дѣйствительной формы, точь въ точь, какъ мы это встрѣчаемъ у Фихте, только у меня это вышло болѣе современно и менѣе содержательно. Къ этому присоединилась еще ненаучная форма математическаго догматизма, соотвѣтственно которому субъектъ суетится вокругъ объекта, резонерствуетъ по поводу его, вмѣсто того, чтобы развернуть самую вещь, вмѣсто того, чтобы обнаружить ея богатое, развивающееся, живое содержаніе. Этотъ метафизическій методъ является съ самаго начала препятствіемъ къ истинному пониманію предмета. Въ конкретномъ выраженіи живого міра идей, какимъ является право, государство, природа, вся философія, предметъ долженъ быть прослѣженъ въ своемъ развитіи, произвольная, предвзятая классификація не должна имѣть мѣста; изслѣдователь долженъ раскрыть *разумъ самой вещи, присущія ей противорѣчія, однимъ словомъ, онъ долженъ развернуть и обнаружить процессъ ея внутренней борьбы и показать путь, на которомъ она достигаетъ своего единства*“ [1]). Тутъ ясно обнаруживается сила и методъ автора „Коммунистическаго манифеста“, „Zur Kritik der Politischen Oekonomie“ и „*Капитала*“, и, стало быть, вполнѣ опредѣляются *гносеологическіе* принципы, которыми руководился Марксъ въ своей теоретической и практической дѣятельности. И не даромъ же онъ помѣстилъ формулировку своей философско-исторической концепціи въ предисловіи къ „Zur Kritik der politischen Oekonomie“ и также не даромъ счелъ нужнымъ въ предисловіи къ „*Капиталу*“ указать читателю на то, что принятая имъ діалектика Гегеля поставлена у него на ноги. Сдѣланныя Марксомъ указанія на методъ, помѣщенныя въ предисловіяхъ къ экономическимъ трудамъ, имѣли своей явной цѣлью объяснить читателю, что эти труды написаны съ точки зрѣнія діалектическаго матеріализма, и что, слѣдовательно, всѣ экономическіе и соціологическіе выводы, добытые творцомъ научнаго соціализма, обязаны именно этому методу.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній перейдемъ къ разсмотрѣнію главныхъ принциповъ теоріи стоимости съ точки зрѣнія гносеологіи.

---

[1]) „Aus dem literarischen Nachlass“ S. 17 I. B. d. Курсивъ нашъ.

Digitized by Google

Какъ извѣстно, основное ядро „Капитала“ представляетъ теорія стоимости и вытекающая изъ сущности стоимости теорія прибавочной стоимости. Теорія стоимости, признающая трудъ за основу обмѣна, открыта не Марксомъ. Раннее развитіе капиталистическихъ отношеній въ Англіи подсказало мыслителямъ этой страны, что единственнымъ регуляторомъ обмѣна является трудъ.

О томъ, что мѣновая стоимость опредѣляется затраченнымъ на производство товаровъ трудомъ, мы читаемъ у Гоббса, у Локка; этотъ взглядъ развитъ у Пети; а у Адама Смита—и въ особенности у Рикардо теорія стоимости, исходящая изъ труда, становится центральнымъ положеніемъ экономическихъ изслѣдованій этого великаго экономиста.

Тѣмъ не менѣе, всѣ эти предшественники Маркса, начертавшіе путь, по которому должна слѣдовать политическая экономія, оставили автору „Капитала“ обширное невоздѣланное поле для самостоятельной, оригинальной обработки. Самый блестящій представитель классической экономіи, Рикардо, разсматривалъ капиталистическія отношенія односторонне, подъ угломъ ихъ бытія, но не съ точки зрѣнія ихъ возникновенія и исчезновенія. Имѣя дѣло съ готовыми формами, изслѣдуя лишь ихъ временное содержаніе, геніальный экономистъ смотрѣлъ на капиталистическій порядокъ, какъ на естественный законъ общественной жизни. Вслѣдствіе этого методологическаго недостатка изслѣдованія Рикардо страдаютъ неполнотой и неясностью. Совсѣмъ иначе приступилъ Марксъ къ рѣшенію сложной общественной задачи.

Перевернувъ систему Гегеля и придя къ гносеологическому выводу, что „идеальное есть переведенное и переработанное въ человѣческой головѣ матеріальное“, онъ начинаетъ изслѣдованіе сложныхъ общественныхъ отношеній съ матеріи, съ объекта, устраняя съ самаго начала сознаніе, психологію и всю субъективную надстройку, которая согласно полученной имъ философской формулѣ появляется post factum. „Богатство общества, въ которомъ господствуетъ капиталистическій способъ производства, является „огромнымъ скопленіемъ товаровъ“, а отдѣльный товаръ его элементарной формой“. „Товаръ есть прежде всего внѣшній предметъ, вещь, которая своими свойствами удовлетворяетъ какую либо человѣческую потребность. Характеръ этой потребности, возникаетъ ли она, напримѣръ, въ желудкѣ или въ фантазіи нисколько не измѣняетъ дѣла. Рѣчь не идетъ также и о томъ, какимъ образомъ вещь удовлетворяетъ человѣческой потребности; непосредственно, какъ предметъ потребленія, или косвенно, какъ средство производства“. Эти первыя вступительныя строки уже ясно опре-

Digitized by Google

дѣляютъ объективный матеріалистическій методъ. Анализъ начинается не съ готовыхъ сложныхъ формъ общественной жизни, а съ отдѣльнаго объекта, товара. Товаръ есть прежде всего внѣшняя вещь, удовлетворяющая человѣческую потребность. Природа потребности съ самаго начала исключается изъ области политической экономіи. Природа потребности, качество послѣдней, ея цѣлесообразность, иначе сказать, различныя и многообразныя отношенія *субъекта къ объекту* могутъ составить предметъ психологіи, этики, эстетики, но не служатъ *основой* общественныхъ отношеній. Это первое опредѣленіе сразу устраняетъ ту путаницу понятій, которую вносили и до сихъ поръ вносятъ эклектики въ экономическую область, благодаря грубому смѣшенію экономическихъ и психическихъ явленій.

Подвергая тонкому, всестороннему и, мы бы сказали, жестокому анализу товаръ, Марксъ постепенно обнаруживаетъ, что физическія, химическія, и пр. тѣлесныя свойства не могутъ быть регуляторомъ мѣновыхъ отношеній. Путемъ изоляціи *данной природой матеріи* съ одной стороны и *природы потребностей субъекта* съ другой, Марксъ приходитъ къ заключенію, что мѣновая стоимость основана на заключающемся въ товарахъ трудѣ.

Но авторъ „Капитала“ не успокаивается на этомъ выводѣ. Глубокій и безпощадный аналитикъ идетъ дальше и глубже, открывая въ самомъ трудѣ двѣ стороны и это открытіе имѣетъ огромное значеніе, на которомъ, по справедливому замѣчанію Маркса, *„зиждется все пониманіе политической экономіи“*. Сообразно этому открытію трудъ долженъ разсматриваться съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны, трудъ является общимъ, однообразнымъ, лишеннымъ всякой индивидуальности элементомъ, поскольку всѣ товары представляютъ собою продуктъ труда, т. е. траты рабочей силы, присущей всякому человѣку. А съ другой стороны общій, безразличный трудъ проявляетъ себя въ различныхъ индивидуальныхъ формахъ, поскольку онъ является создателемъ индивидуальныхъ вещей, приспособленныхъ къ разнообразнымъ потребностямъ.

Трудъ ткача и трудъ портного равнокачественны, такъ какъ представляютъ собою трату тождественной по качеству силы или равнокачественное отчужденіе человѣческаго существа. Но, одинаковые по существу, трудъ ткача и трудъ портного расходуются въ различныхъ индивидуальныхъ формахъ; форма, въ которой ткачъ тратитъ свою силу, отличается отъ формы, въ которой портной тратитъ свою. Трудъ, воплощенный въ—ставшихъ безсмертными—холстѣ и сюртукѣ, *тождественъ и различенъ съ*

Digitized by Google

одно и то же время. Трудъ, стало быть, заключаетъ въ себѣ *основное противорѣчіе.* Какъ трата простой силы, онъ представляетъ собою одинаковую субстанцію, присущую всѣмъ произведеннымъ предметамъ, но какъ цѣлесообразное, конкретное проявленіе, онъ выступаетъ на сцену дѣйствительности въ различныхъ, другъ на друга непохожихъ формахъ. Противорѣчивый характеръ труда порождаетъ противорѣчіе, свойственное товару. Товаръ есть потребительная стоимость и мѣновая. Конкретная, цѣлесообразная форма труда относится къ потребительной стоимости, общій, безразличный трудъ составляетъ основу мѣновой. Товары, какъ потребительныя стоимости—отличаются другъ отъ друга, какъ мѣновая—они тождественны. Это коренное противорѣчіе является однимъ изъ необходимыхъ условій обмѣна [1]). Товары вообще вступаютъ въ обмѣнъ потому, что они различны, а обмѣнъ совершается въ опредѣленныхъ количествахъ, въ которыхъ одинъ товаръ приравнивается къ другому, на томъ основаніи, что товары тождественны. Далѣе, данный товаръ, тотъ же сюртукъ, не въ состояніи конкретно выразить свою стоимость безъ отношенія къ другому, отличному отъ него продукту труда.

Онъ выражаетъ свою стоимость помощью тѣла другого товара. Общій безразличный трудъ, воплощенный въ сюртукѣ, находитъ конкретную форму выраженія въ индивидуальномъ трудѣ другого товара, въ холстѣ. Общій трудъ, воплощенный въ сюртукѣ, сбрасываетъ съ себя на мгновеніе свою собственную сюртучную форму для того, чтобы выразить тождество своей души съ душой холста. Тотъ моментъ, когда холстъ застываетъ въ качествѣ эквивалента, представляетъ начало развитія денегъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что заключающееся въ трудѣ противорѣчіе послужило Марксу исходной точкой для его глубокаго анализа происхожденія и развитія такого общественнаго и сложнаго явленія, какимъ являются деньги. Деньги прежде всего товаръ и какъ всякій товаръ — продуктъ труда. Съ того времени, какъ одинъ товаръ становится эквивалентомъ, его тѣло, его конкретная форма дѣлается формой проявленія общаго, безразличнаго общественнаго труда, воплощеннаго во всѣхъ противостоящихъ ему това-

---

[1]) Трудъ, его двойственный характеръ и вытекающее изъ этой двойственности раздѣленіе труда существуютъ сами по себѣ во всѣхъ общественныхъ организаціяхъ. Тѣмъ не менѣе формы проявленія этихъ категорій и ихъ значеніе различаются въ зависимости отъ формы общественной организаціи. Въ обществѣ, въ которомъ возникаетъ обмѣнъ продуктовъ частныхъ производителей, двойственный характеръ труда проявляется какъ основа развитія эквивалента.

Digitized by Google

рахъ. Выдѣленный и застывшій въ качествѣ эквивалента товаръ обладаетъ способностью отражать всѣ товары, потому что онъ, какъ товаръ, является продуктомъ противорѣчиваго труда. Однимъ словомъ, стоитъ внимательно и серьезно вникнуть въ анализъ, представленный Марксомъ въ первой и самой трудной главѣ „*Капитала*“, стоитъ прослѣдить всѣ звенья этого анализа отъ вскрытія *общественныхъ* свойствъ товара до законченной эквивалентной формы, чтобы понять, что вся сложная цѣпь изслѣдованія беретъ свое начало въ открытомъ Марксомъ *двойственномъ характерѣ труда*.

Благодаря этому открытію, Марксу удалось найти генезисъ денегъ, обнаружить процессъ развитія этого пріятнаго, но весьма таинственнаго предмета и опредѣлить его функціи [1]). Спрашивается теперь, какимъ методомъ руководился Марксъ? Тѣмъ методомъ, который намѣченъ въ вышеприведенномъ письмѣ, который формулированъ въ предисловіи къ „Zur Kritik“ и о которомъ говорится въ предисловіи къ „Капиталу“.

По Гегелю односторонній, ограниченный разсудокъ, стремясь избѣгнуть противорѣчія, впадаетъ въ противорѣчіе съ противорѣчивой дѣйствительностью. Чтобы не впасть въ трагическое или комическое противорѣчіе съ противорѣчивой дѣйствительностью необходимо ее изслѣдовать въ ея противорѣчивомъ проявленіи и развитіи. Въ послѣднемъ, окончательномъ итогѣ сущность гносеологической проблемы всегда сводилась къ вопросу объ отношеніи множества къ единству, индивидуальныхъ, конкретныхъ явленій къ общей проявляющейся въ этихъ явленіяхъ субстанціи. Метафизика, въ своемъ стремленіи избѣжать противорѣчія, сосредоточивала свое вниманіе либо на единствѣ и субстанціальности вселенной, либо на конкретномъ мірѣ явленій, воспринимаемомъ нашими чувствами. Въ первомъ случаѣ она отрицала дѣйствительность конкретной, являющейся нашимъ чувствамъ природы, объявляя конкретный міръ явленій призракомъ и обманомъ чувствъ; во второмъ случаѣ она признавала конкретный міръ явленія, но отрицала единство [2]).

Тамъ субстанція, оторванная отъ міра явленій, образовывала потусторонній умопостигаемый міръ, тутъ міръ явленій, оторван-

---

[1]) По Марксу деньги: 1) всеобщій товаръ; 2) мѣрило цѣнности; 3) орудія обращенія; 4) сокровище; 5) орудіе платежа.

[2]) Само собою разумѣется, что мы имѣемъ здѣсь въ виду главныя, основныя направленія философской мысли, абстрагируя отъ различныхъ, многообразныхъ оттѣнковъ и теченій эклектическаго и дуалистическаго свойства.

Digitized by Google

ний отъ субстанціи, представлялъ собою безсмысленный, разровненный и несвязный хаосъ. Тамъ признаніе единства приводило къ отрицанію множества, тутъ изъ признанія множества слѣдовало отрицаніе единства; *тамъ было найдено единство міра, но былъ потерянъ міръ; тутъ признавался міръ явленій, но было потеряно единство.* Изъ односторонности перваго рода мышленія слѣдовала догматическая идеалистическая метафизика; изъ ограниченнаго мышленія второго рода—догматическій метафизическій скептицизмъ, который большей частью находилъ свое дополненіе въ религіозныхъ мистическихъ вѣрованіяхъ.

Діалектика не отдѣляетъ множества отъ единства, индивидуализаціи отъ единаго бытія, модуса отъ субстанціи, міръ явленій отъ вещи въ себѣ [1]).

Этой именно діалектической точки зрѣнія придерживался Марксъ. Но тутъ насъ прерываетъ грозный „марксистообразный" махистъ, новый ревизіонистъ и углубитель теоріи Маркса. „Какъ, восклицаетъ послѣдователь послѣдней философской книжки, развѣ Марксъ, исходившій изъ опыта, признавалъ субстанцію, независимую отъ ощущенія вещь въ себѣ? Да, признавалъ. Но признавалъ не метафизическую субстанцію, оторванную отъ міра явленій, и представляющую *объективированное субъективное сознаніе*, перенесенное за предѣлы чувственной, воспринимаемой природы и превращенное такимъ образомъ въ самостоятельное существо.

Дѣйствительная, реальная природа,—*матерія*, существующая внѣ воспринимающаго субъекта и проявляющаяся въ конкретномъ мірѣ явленій была исходнымъ философскимъ положеніемъ убѣжденнаго матеріалиста Маркса, перевернувшаго идеалистическую систему Гегеля.

Философское матеріалистическое міровоззрѣніе составляетъ центральную основу, точку отправленія глубокой и геніальной критики, направленной Марксомъ противъ Бруно Бауэра и компаніи. Бруно Бауэръ, возрождавшій субъективный идеализмъ

---

[1]) Кстати, т. П. Юшкевичъ выражаетъ удивленіе по поводу того, что я въ своихъ „Философскихъ очеркахъ" доказываю существованіе вещи въ себѣ и въ то же время признаю ея познаваемость (у меня, къ сожалѣнію, сейчасъ нѣтъ подъ рукой того № „Новой книги", въ которомъ т. П. Юшкевичемъ указано на мое якобы противорѣчіе, но я увѣрена, что меня память не обманываетъ). Причиной такого удивленія является незнаніе т. П. Юшкевичемъ того, что терминомъ вещи въ себѣ опредѣляется не только ея непознаваемость, но и ея существованіе *независимо отъ воспріятія субъекта.* Удивляюсь, что т. П. Юшкевичъ, пишущій такъ бойко по философіи, не знаетъ общеизвѣстныхъ вещей.

Digitized by Google

Фихте, доказывалъ, что внѣшняя реальная природа есть продуктъ безконечнаго сознанія. Подобно Маху и махистамъ, Бруно Бауэръ исходилъ изъ отрицанія внѣшней реальной дѣйствительности, разсматривая ее, какъ плодъ творчества субъекта [1]). Что же отвѣчалъ Марксъ этому субъективному идеалисту? Вотъ что: „въ своей критикѣ субстанціи онъ (Бруно Бауэръ. Л. А.) оспариваетъ *не метафизическую иллюзію, а ея дѣйствительное мірское содержаніе* (тоже самое дѣлаетъ Махъ, Л. А.); онъ отрицаетъ природу, *ея существованіе внѣ человѣка* и ея существованіе въ самомъ человѣкѣ. *Не предполагать субстанціи ни въ какой области значитъ для него* (и также для Маха, Л А.) *не признавать отличнаго отъ мышленія бытія*", „отличнаго отъ субъекта объекта", „отличнаго отъ „я" „ты" [2]). Какъ видите, Марксъ признавалъ субстанцію, признавалъ независимое отъ мышленія бытіе, признавалъ независимый отъ субъекта объектъ. Марксъ, стало быть, критиковалъ махизмъ, когда велъ горячую борьбу противъ „гносеологіи" критической критики. И можно только удивиться тому неслыханному и непостижимому легкомыслію, съ которымъ махообразные соціалдемократы искажаютъ взгляды геніальнаго творца научнаго соціализма. Можно не понимать теоріи Маркса, можно, не понимая этой теоріи, критиковать ее, но искажать взгляды ея основателя... *нельзя.*

Но вернемся къ теоріи стоимости. Съ точки зрѣнія діалектическаго матеріализма Марксъ подошелъ къ изслѣдованію мѣновой стоимости и съ помощью этого метода было имъ сдѣлано открытіе двойственнаго характера труда. Теорія стоимости и происхожденіе и развитіе денегъ насквозь пропитаны діалектическимъ матеріализмомъ. Стоитъ только вспомнить, какое объясненіе давалось деньгамъ разными экономистами—для того, чтобы не забыть сущности теоріи денегъ автора „капитала". Деньги представляютъ собою простой знакъ, созданный для удобства обмѣна; онѣ ничто иное, какъ продуктъ сознательнаго соглашенія, и т. д. Правда, школа Адама Смита отлично понимала и сильно подчеркивала мысль, что деньги есть товаръ, какъ всѣ прочіе

---

[1]) Субъективный идеализмъ Бруно Бауэра интеллектуальнаго характера, между тѣмъ какъ субъективный идеализмъ Маха и компаніи сенсуальнаго свойства. Но это различіе въ оттѣнкахъ не мѣняетъ сути дѣла,—отрицательнаго отношенія къ объективной дѣйствительности. Что сущность интеллектуальнаго и сенсуальнаго субъективнаго идеализма одна и та же, сознаетъ самъ Махъ, считающій себя солидарнымъ съ имманентной школой, возрождающей фихтіанство.

[2]) „Nachlass" S. 251 II B. d.

Digitized by Google

товары, выдѣленный людьми для удобства обмѣна, но и отсюда, какъ совершенно правильно заключаетъ Зиберъ, слѣдовало, „что, если бы люди хорошенько захотѣли, то и при нынѣшнихъ условіяхъ производства они прекрасно могли бы обойтись безъ денегъ, и если они этого не дѣлаютъ, то единственно потому, что это повлекло бы за собою нѣкоторыя неудобства при обмѣнѣ однихъ произведеній на другія“ [1]). А это, разумѣется, большое заблужденіе. Чего же не понимали представители классической школы? Они не понимали того, что деньги являются продуктомъ постепеннаго общественнаго развитія, обусловленнаго ростомъ раздробленія общественнаго труда, которое приводитъ къ тому, что продукты производятся не для удовлетворенія потребностей производителей, а для удовлетворенія потребностей другихъ людей; а при такой общественной организаціи деньги *органически* связаны со всѣмъ общественнымъ механизмомъ. Мы не можемъ здѣсь входить въ подробный анализъ вопроса объ отношеніи теоріи Маркса къ классической экономіи [2]), да это и не входитъ въ задачу нашей статьи. Насъ интересуетъ методъ, и нашимъ замѣчаніемъ о недостаткахъ классической школы мы имѣли въ виду указать лишь на то, что отсутствіе метода развитія помѣшало и яснымъ головамъ придти къ правильнымъ, исчерпывающимъ выводамъ.

Матеріалистъ и діалектикъ Марксъ слѣдитъ шагъ за шагомъ за ходомъ общественнаго развитія и связаннымъ съ этимъ развитіемъ выдѣленіемъ и развитіемъ общаго эквивалента. За спиной людей, безъ ихъ сознательнаго согласія постепенно выдѣляются быкъ и корова и, становясь эквивалентомъ, получаютъ отличныя отъ ихъ тѣлесной конкретности идеальныя, сверхчувственныя абстрактныя, общественныя свойства. И эти весьма конкретныя и матеріальныя существа превращаются впослѣдствіи въ металлическія и бумажныя деньги, въ математическія отвлеченныя выраженія, понятныя всѣмъ людямъ всего земного шара. И люди, создавшіе этотъ феноменъ, придающіе ему одинаковое значеніе, не понимаютъ его дѣйствительнаго содержанія. Будучи созданіемъ общественной дѣятельности людей, деньги, какъ *общественное явленіе*, остаются для нихъ непроницаемой, мистической тайной. Раскрывъ эту тайну и обнаруживъ сущность денегъ

[1]) „Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ“ стр. 226, изданіе 3-е.

[2]) Въ русской экономической литературѣ этотъ анализъ сдѣланъ въ очень обстоятельной и серьезной упомянутой здѣсь работѣ Зибера, а затѣмъ есть много цѣнныхъ и глубокихъ замѣчаній въ экономическихъ статьяхъ Плеханова.

Digitized by Google

Маркс приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Работа научной мысли, изслѣдующей формы человѣческой жизни и, слѣдовательно, стремящейся къ ихъ научному анализу, идетъ вообще путемъ, совершенно противоположнымъ тому, которымъ идетъ реальное развитіе. Научное изслѣдованіе начинается post factum и, стало быть, исходитъ отъ готовыхъ результатовъ процесса развитія. Формы, которыя превращаютъ продукты труда въ товары и потому предшествуютъ товарному обращенію, обладаютъ уже устойчивостью естественныхъ формъ общественной жизни прежде, чѣмъ люди начинаютъ отдавать себѣ отчетъ—не въ историческомъ характерѣ этихъ формъ, которыя наоборотъ кажутся имъ неизмѣнными, а въ ихъ содержаніи“ [1]). Въ высказанной здѣсь мысли не трудно узнать знаменитое положеніе Гегеля, что сова минервы вылетаетъ ночью. Но у идеалиста Гегеля *понятіе* было вначалѣ и потому его строго матеріалистическій выводъ, что сознаніе появляется post factum стоялъ въ рѣзкомъ противорѣчіи къ исходной идеалистической посылкѣ. Марксъ устранилъ это противорѣчіе. Согласившись съ Гегелемъ въ томъ, что ходъ развитія совершается путемъ внутреннихъ противорѣчій, Марксъ, вставшій на матеріалистическую почву, сдѣлалъ діалектику содержательной; или, выражаясь точнѣе, онъ понялъ истинное содержаніе діалектики. Теорія стоимости представляетъ блестящій, классическій образецъ діалектическаго мышленія и неоспоримое подтвержденіе правильности и плодотворности этого метода, Теорія стоимости и всѣ ея звенья, представленныя въ „Капиталѣ“ не логическія абстракціи, какъ это голословно утверждаютъ буржуазные „критики“, а на дѣлѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительной исторіи развитія обмѣна и исторіи эквивалента. Методъ, выведенный Марксомъ изъ разума дѣйствительности, далъ ему острое оружіе къ пониманію дѣйствительности и проникновенію во всѣ ея скрытыя формы.

Мы показали вкратцѣ и, конечно, далеко не полно тѣсную связь діалектики, историческаго матеріализма съ главными положеніями теоріи стоимости. Теперь встаетъ передъ нами другой вопросъ, вопросъ, составляющій центръ тяжести всѣхъ „критическихъ“ походовъ, направленныхъ противъ системы взглядовъ автора „Капитала“, а именно, стоитъ ли въ связи и соединялъ ли самъ Марксъ—философскій матеріализмъ съ матеріализмомъ историческимъ? Откровенно говоря, это вопросъ архинелоговый,

---

[1]) „*Капиталъ*“ 1 т. стр. 31—32, рус. пер. 2-ое изд. подъ редакціей П. Струве. Цитируемъ всюдѣ по этому переводу.

Digitized by Google

ибо связь философскаго матеріализма съ историческимъ выступаетъ рѣшительно во всѣхъ произведеніяхъ основателя діалектическаго матеріализма, проникая собою абсолютно всѣ его взгляды. И приходится только удивляться „усердію", „любознательности" и „теоретической" основательности „критическихъ" соціалдемократовъ, ищущихъ ясности тамъ, гдѣ предметъ ясенъ до поразительности. Но пока „критики не перестанутъ путать, мы не перестанемъ объяснять". Исходя изъ этого соображенія мы опять поставили этотъ вопросъ, а для отвѣта позволимъ себѣ привести обстоятельныя выдержки изъ „Капитала", въ которыхъ прямо и непосредственно показано, что матеріалистическое пониманіе природы служило фундаментомъ матеріалистическаго объясненія исторіи и всѣхъ экономическихъ принциповъ.

„Трудъ, читаемъ мы тамъ, есть прежде всего процессъ, происходящій между человѣкомъ и природой, процессъ, въ которомъ человѣкъ посредствомъ своей дѣятельности содѣйствуетъ обмѣну веществъ между собою и природой, регулируетъ и контролируетъ его. По отношенію къ данной природой матеріи онъ самъ выступаетъ, какъ сила природы. Онъ приводитъ въ движеніе присущія его организму естественныя силы,—руки, ноги, голову для того, чтобы присвоить себѣ матерію въ пригодной для него формѣ. Дѣйствуя въ этомъ процессѣ на внѣшнюю природу и измѣняя ее, онъ въ тоже время измѣняетъ и свою собственную природу. Онъ развиваетъ дремлющія въ немъ силы и дѣлаетъ себѣ подвластной работу этихъ силъ" [1]). Процессъ труда заключаетъ въ себѣ слѣдующіе простые моменты: цѣлесообразную дѣятельность или самый трудъ, предметъ труда; земля (экономически въ нее включается вода), надѣляющая съ самаго начала человѣка пищей, готовыми средствами существованія, является безъ всякаго его содѣйствія всеобщимъ объектомъ человѣческаго труда. Всѣ предметы, въ отношеніи которыхъ трудъ лишь разрываетъ ихъ непосредственную связь съ землей, суть объекты труда, данные природой" [2]). „Орудіе труда,—это предметъ или совокупность предметовъ, которые рабочій ставитъ между собой и объектомъ труда и которые служатъ проводниками его воздѣйствія на данные объекты труда. Онъ пользуется механическими, физическими, химическими свойствами тѣлъ, чтобы соотвѣтственно своей цѣли заставить ихъ дѣйствовать, какъ силы, на другія тѣла" [3]).

---

[1]) „*Капиталъ*" 1 т. стр. 109.
[2]) Ibid. стр. 110.
[3]) Стр. 110.

Digitized by Google

„Само данное природой вещество становится органомъ дѣятельности человѣка, органомъ, который онъ присоединяетъ къ своимъ собственнымъ органамъ, удлиняя такимъ образомъ, вопреки библіи, свое тѣло. Земля, которая является первоначальной кладовой его мѣстныхъ припасовъ, образуетъ также и первоначальный арсеналъ его орудій труда“ [1]).

Просимъ читателя серьезно вникнуть въ содержаніе приведенныхъ выдержекъ. Природа *внѣшняя, дѣйствительная*, является первой, необходимой предпосылкой всего построенія Маркса. Природа не продуктъ безконечнаго сознанія, не комплексъ субъективныхъ ощущеній человѣка а, наоборотъ, человѣкъ ея часть. Въ процессѣ воздѣйствія на внѣшнюю природу *онъ*—человѣкъ измѣняетъ свою собственную природу.

Въ постоянномъ взаимодѣйствіи силъ внѣшней, окружающей природы и внутренней природы человѣка растутъ, развиваются, усложняются и совершенствуются его субъективныя силы и его пониманіе окружающаго міра, его сознаніе. Въ природѣ человѣкъ находитъ нѣкоторыя орудія готовыми, и съ помощью найденныхъ орудій, подъ ихъ вліяніемъ, онъ начинаетъ производить орудія самостоятельно, комбинируя, видоизмѣняя данную природой матерію, согласно развивающимся *въ этомъ же процессѣ* потребностямъ. Вспомнимъ теперь, что орудія труда лежатъ въ основѣ матеріалистическаго пониманія исторіи; вспомнимъ, что орудіями и степенью ихъ развитія опредѣляется историческое движеніе и общественное строеніе всякой данной эпохи, и намъ станетъ ясна неразрывная, органическая связь, существующая между философскимъ и историческимъ матеріализмомъ.

Матеріалистическое пониманіе исторіи насъ учитъ, что двигательной силой историческаго развитія является не духъ, не чистое сознаніе, не субъективныя ощущенія, а видоизмѣненная человѣкомъ реальная, дѣйствительная природа—орудіе труда.

Попробуемъ теперь уничтожить фундаментъ марксовскаго зданія, вычеркнемъ дѣйствительность природы и согласимся съ идеалистами, что человѣкъ не часть природы, а ея создатель, что бытіе природы—не истинное бытіе, а плодъ субъективнаго сознанія или субъективныхъ ощущеній,—сдѣлаемъ это, и мы придемъ къ непреложному, очевидному заключенію, что отъ всей системы Маркса не останется ни одного атома.

Ибо, если мы станемъ исходить изъ идеалистическаго начала, намъ придется вездѣ и повсюду, какъ въ области научнаго изслѣ-

[1]) Ibid стр. 110.

Digitized by Google

дованія, такъ и въ сферѣ практической дѣятельности, имѣть дѣло не съ существующими, сложившимися *внѣ насъ* конкретными объективными условіями, а съ „всемогущимъ", „творящимъ" конкретную, реальную дѣйствительность отвлеченнымъ сознаніемъ, или субъективнымъ ощущеніемъ.

Но идеалистъ никогда не былъ послѣдователенъ; всемогущая, властная дѣйствительность, шутя и издѣваясь надъ нимъ, заставляла его отступать отъ занятыхъ имъ позицій. И если великіе идеалисты, творцы классической философіи, были часто вынуждены измѣнять идеализму и становиться на конкретную, матеріалистическую почву, впадая такимъ образомъ въ непослѣдовательность и совершая самый страшный грѣхъ съ точки зрѣнія философскаго мышленія, то идеалисты нашего времени являются прямо-таки жалкими игрушками объективнаго хода вещей, выступившаго въ нашу эпоху съ такой силой и такой яркостью, какъ никогда.

Современные идеалисты чувствуютъ свою безпочвенность. Чрезвычайно типичнымъ примѣромъ этой безпочвенности могутъ служить хотя бы разсужденія Уильяма Джемса. Этотъ серьезный ученый задавшись цѣлью защищать идеализмъ во что бы то ни стало, вынужденъ въ заключеніе своей защиты сказать слѣдующее: „Однимъ словомъ, мы агитируемъ противъ матеріализма, такъ же точно, какъ стали бы агитировать, если бы представился къ этому случай, противъ второй французской имперіи или противъ римской церкви, или вообще противъ чего нибудь такого, къ чему мы чувствуемъ достаточно сильное отвращеніе, чтобы рѣшиться на энергичное противодѣйствіе, хотя это *отвращеніе и слишкомъ смутно, чтобы мы могли выразить его въ ясныхъ доказательствахъ*" [1]). Не правда ли интересное признаніе? Къ матеріализму чувствуется „достаточное отвращеніе" для того, чтобы вести противъ него энергичную агитацію, не имѣя въ своемъ распоряженіи ясныхъ доказательствъ! Что же заставляетъ серьезнаго, мыслящаго ученаго *агитировать* противъ матеріализма *безъ ясныхъ доказательствъ*? Вотъ что: возставая противъ соціалистическаго идеала со всей силой своего краснорѣчія, Джемсъ пишетъ: „Мы смотримъ на эти утопіи, погруженные въ восхитительную смѣсь предразсудковъ и реальностей, стремленій и разочарованій, надеждъ и страховъ, страданій и восторговъ, смѣсь, характеризующую наше теперешнее состояніе, и утопіи

[1]) „Зависимость вѣры отъ воли" (и другіе вопросы популярной философіи) стр. 109, рус. пер. С. И Церетели 1904 г. (Курсивъ нашъ).

Digitized by Google

эти порождаютъ въ нашихъ сердцахъ лишь taedium vitae (отвращеніе къ жизни). Наши сумрачныя натуры, рожденныя для борьбы, для моральнаго chiaroscuro въ Рембрандтовскомъ духѣ, для чередованія лучей съ мракомъ, находятъ такія свѣтозарныя картины пошлыми и невыразительными, не понимаютъ ихъ и не наслаждаются ими. Если *таковы* (курсивъ автора) плоды одержанной побѣды, говоримъ мы, если цѣлыя поколѣнія людей страдали и жертвовали жизнію, если пророки исповѣдывали свою вѣру, а мученики съ наслажденіемъ умирали на кострѣ, если всѣ эти святыя слезы проливались лишь для того, чтобы народилось новое поколѣніе такихъ несказанно-пошлыхъ существъ, для того, чтобы оно могло saecula in saeculorum (во вѣки вѣковъ) наслаждаться своей безпечной и безобидной жизнью—въ такомъ случаѣ лучше потерять сраженіе, чѣмъ выиграть его, или, по крайней мѣрѣ лучше опустить занавѣсъ передъ послѣднимъ актомъ драмы для того, чтобы дѣло, начатое такъ серьезно, не закончилось столь плоско и неинтересно“ [1]). Въ этой краснорѣчивой тирадѣ авторъ ведетъ агитацію противъ соціализма и, какъ видитъ читатель, такъ же *безъ ясныхъ доказательствъ*, ибо нельзя же считать доказательствомъ потребность „нашихъ сумрачныхъ натуръ“ въ контрастахъ въ Рембрандтовскомъ духѣ, выражаясь проще, потребность буржуазныхъ натуръ въ народныхъ страданіяхъ для контраста къ необузданнымъ наслажденіямъ привилегированныхъ классовъ, или, еще проще, потребность капиталистовъ въ прибавочной стоимости. Но это между прочимъ. Въ приведенныхъ цитатахъ насъ занимаютъ не поверхностныя разсужденія талантливаго ученаго о соціализмѣ, а та связь, которая несомнѣнно существуетъ между его *бездоказательной* агитаціей противъ матеріализма и глубокимъ отвращеніемъ къ соціализму. Джемсъ грѣшитъ противъ науки и логическаго мышленія, пользуясь матеріализмомъ для своихъ научныхъ изслѣдованій и агитируя въ то же время противъ него, не имѣя *ясныхъ доказательствъ*. Тѣмъ не менѣе тутъ есть своя послѣдовательность и своя логика. Рѣшительно отвергая соціализмъ, Джемсъ считаетъ своимъ долгомъ энергично агитировать противъ матеріализма, ибо noblesse oblige. Подобно Джемсу, всѣ буржуазные мыслители ведутъ *агитацію* противъ матеріализма и, разумѣется, тоже безъ всякихъ доказательствъ. И позорнѣе всего то, что этимъ агитаторамъ усердно помогаютъ люди изъ соціалистическаго лагеря. Этимъ людямъ слѣдовало бы поучиться у буржуазныхъ мыслителей, отдающихъ

[1]) Ibid. 192—193.

Digitized by Google

себѣ ясный отчетъ въ философскихъ концепціяхъ и вытекающихъ изъ этихъ концепцій практическихъ задачахъ.

Научный соціализмъ вытекаетъ изъ матеріалистическаго объясненія исторіи и предполагаетъ матеріалистическое объясненіе природы. Общее философское міровоззрѣніе Маркса-Энгельса несравненно шире матеріалистическаго взгляда на исторію, составляющаго часть общаго міросозерцанія. По отношенію къ общимъ задачамъ познанія историческій матеріализмъ играетъ методологическую роль. Историческая теорія Маркса показала намъ, какіе реальные элементы двигаютъ науку и познаніе истины впередъ и какія условія задерживаютъ это великое движеніе.

Уровнемъ производительныхъ силъ, мѣрой власти человѣка надъ природой, общественнымъ бытіемъ и борьбой классовъ опредѣляется степень нашего пониманія законовъ вселенной, наше усвоеніе ясной, научной истины,—какъ, съ другой стороны, наши заблужденія, наши ошибки и наше уклоненіе отъ дѣйствительнаго познанія.

Двѣ великія истины лежатъ въ основѣ міровоззрѣнія Маркса-Энгельса. Одна истина состоитъ въ томъ, что въ познаніи вселенной необходимо руководствоваться *движеніемъ матеріи*, другая—что *объективной силой* историческаго процесса является движеніе экономическихъ интересовъ. Первая истина, лежащая *фактически* въ основѣ современной естественной науки, ведетъ насъ къ все болѣе и болѣе сознательному воздѣйствію на могучія силы природы; вторая открываетъ намъ широкій путь къ побѣдѣ надъ слѣпыми силами исторіи. Обѣ истины находятся между собою въ тѣснѣйшей органической связи, обѣ истины другъ друга пополняютъ, сливаясь въ конечномъ счетѣ въ единое, общее всеобъемлющее міровоззрѣніе, охватывающее природу и исторію человѣчества.

Цѣльность, единство, послѣдовательность, а главное, истинность міровоззрѣнія Маркса-Энгельса оказываютъ властное дѣйствіе и на его критиковъ, ибо, какъ выразился Якоби „en repoussant la verité, on l'embrasse“—отталкивая истину, ее обнимаютъ.

Л. Аксельродъ (Ортодоксъ).

Digitized by Google

Разломъ.

РАЗСКАЗЪ.

Вечерами, когда солнце садилось, въ городѣ темнѣло не сразу. Верхній, красновато-желтый край солнца прятался за синей горой, а небо оставалось совсѣмъ свѣтлымъ, и долго еще бросало внизъ всей шириной этотъ свой безразличный, разсѣянный свѣтъ съ вялыми, мутноватыми тѣнями, безъ рѣзкихъ бликовъ, безъ игры красокъ. Напоминали эти сумерки далекій сѣверъ, хотя городъ стоялъ на берегу теплаго моря и въ его окрестностяхъ выдѣлывали хорошее вино, вкусное и пахучее, а въ оградахъ садовъ росли стройные и мертвые кипарисы.

Еще долго послѣ того, какъ солнце скрывалось, нельзя было зажигать огня, потому что онъ не могъ бороться съ сумерками, а только вносилъ въ нихъ что-то свое, желтое и, какъ будто, нездоровое.

На лѣстницѣ, по которой Иванъ Ильичъ поднимался каждый вечеръ, какъ разъ въ часъ сумерокъ, — пожилой и жирный швейцаръ протиралъ стекло у лампы и стучалъ спичечной коробкой. А когда Иванъ Ильичъ доходилъ до площадки, передъ нимъ, на стѣнѣ, вдругъ обрисовывалась его собственная тѣнь, прыгающая и кривая, стѣна желтѣла, а снизу доносилось звяканье стекла, надѣтаго на горѣлку. До площадки было четырнадцать ступенекъ, а отъ площадки до двери—восемь. У двери Иванъ Ильичъ останавливался, нажимая кнопку и разстегивалъ у пальто верхнюю пуговицу. Звукъ у звонка былъ странный, очень низкій, и, прислушиваясь къ нему,—а онъ висѣлъ въ прихожей, сейчасъ-же надъ дверью, — Иванъ Ильичъ почему-то слегка улыбался и отстегивалъ вторую пуговицу.

Дверь открывала горничная, а у входа въ гостинную

Digitized by Google

стояла Софья Борисовна, держала сложенныя руки на уровнѣ таліи и щурилась, чтобы всмотрѣться, хотя хорошо знала, кто это пришелъ.

Иванъ Ильичъ передавалъ горничной пальто, протиралъ стекла очковъ, громко и внимательно сморкался, а потомъ протягивалъ Софьѣ Борисовнѣ руку и говорилъ:

— Ну, вотъ и я... Здравствуйте.

Большой рыжій котъ, Тоська, спрыгивалъ съ дивана, поднималъ хвостъ трубой и терся объ ноги Ивана Ильича.

— Здравствуйте, дорогой! — ласковымъ груднымъ голосомъ отвѣчала Софья Борисовна и отступала шага на два назадъ, чтобы дать дорогу Ивану Ильичу, а затѣмъ прибавляла: — Отстань, Тоська... Прогоните его. Онъ вамъ брюки испачкаетъ своей шерстью.

На душѣ у Ивана Ильича было спокойно, такъ какъ по голосу Софьи Борисовны онъ чувствовалъ, что съ прошлаго вечера здѣсь не случилось ничего непріятнаго и выдающагося. Онъ нагибался, гладилъ Тоську по пушистой спинѣ и, съ еще бьющимися отъ прилива крови висками, садился въ кресло съ обдавленнымъ ямочкой сидѣньемъ.

— Пустяки. Это легко очищается. Только взять щетку, разъ, два—и готово... Отъ Пети имѣете что-нибудь?

Софья Борисовна садилась на диванъ, клала подъ локоть сафьяновую кавказскую подушку, расшитую цвѣтами, похожими на стручковый перецъ.

— Отъ Пети? Нѣтъ еще. Вѣдь онъ на этой недѣлѣ писалъ уже... Ничего тамъ, все по прежнему... Да я, кажется, уже разсказывала?

Иванъ Ильичъ кашлялъ и крѣпко теръ рукой объ руку, такъ что чисто вымытая кожа на ладоняхъ скрипѣла.

— Холодно.., Должно быть, будетъ штормъ на морѣ... Знаете тамъ, въ гниломъ углу, тучи собираются.

Не спѣша, задумчиво, говорили о погодѣ, пока длинные сумерки не кончались и не темнѣло совсѣмъ. Тогда на диванѣ бѣлѣли только волосы Софьи Борисовны, — густые и волнистые, съ сильной голубоватой сѣдиной, да кружевная вставка на ея платьѣ. Тоська лежалъ на колѣняхъ у гостя и громко, всхрипывая отъ удовольствія, мурлыкалъ. Иванъ Ильичъ гладилъ его длинными, ровными движеніями отъ ушей по круглой шеѣ до конца спины, и казалось, что именно отъ прикосновенія къ мягкой теплой шерсти было такъ спокойно, легко и пріятно сидѣть въ этой комнатѣ.

Digitized by Google

Софья Борисовна звонила.

— Наташа, лампу!

Съ огнемъ комната дѣлалась другая, но тоже пріятная и спокойная. И было въ ней какъ-то немножко грустно,— должно быть, потому, что вся мебель была въ ней одинаковая, очень чистая, и давно уже стояла на своихъ мѣстахъ, такъ что успѣла соскучиться.

Когда зажигали лампу, Иванъ Ильичъ осматривался кругомъ, медленно скользилъ взглядомъ по всѣмъ стѣнамъ, начиная отъ колонки съ фарфоровой вазой, и опять возвращаясь къ этой колонкѣ,— и вспоминалъ свою собственную квартиру, изъ которой только что вышелъ.

Она была велика, — слишкомъ велика для одного. Тамъ были слишкомъ широкія двери и слишкомъ высокія окна съ толстыми, какъ въ магазинахъ, стеклами. По вечерамъ въ кабинетъ изъ пустыхъ комнатъ доносились смутные, непріятные шорохи, и рѣзко и больно чувствовалось одиночество.

Это одиночество овладѣло Иваномъ Ильичемъ даже не въ тотъ день, когда отъ него уѣхала жена, а гораздо раньше. И большая квартира такъ срослась съ одиночествомъ, что Иванъ Ильичъ чувствовалъ его даже по утрамъ, въ рабочіе часы, когда въ пріемной сидѣли, переговариваясь въ полголоса короткими фразами, кліенты.

И, вглядываясь при свѣтѣ лампы въ лицо гостя, Софья Борисовна поправляла у себя на груди кружевную вставку и говорила:

— А у васъ, дорогой, опять глаза провалились. Вы хандрили?

У Ивана Ильича не было секретовъ отъ Софьи Борисовны, но почему-то онъ, все-таки, опускалъ глаза книзу и отвѣчалъ неувѣренно, даже не пытаясь выдать свою ложь за правду:

— Нѣтъ, это опять почки. Вы знаете...

— Да, да...

Замолкали,—и было очень хорошо, что не надо искать темы для разговора и развлекать другъ друга, насилуя мысль.

Сидѣли долго молча и думали, а потомъ кто-нибудь изъ двоихъ случайно произносилъ вслухъ послѣдній обрывокъ мысли.

Digitized by Google

— ...Или не вызывать его домой, а поѣхать къ нему, за границу... Какъ вы думаете?

Иванъ Ильичъ зналъ, о комъ идетъ разговоръ, но не спѣшилъ отвѣтить. Спускалъ кота съ колѣнъ, дулъ на обшлага, къ которымъ прилипли желтыя шерстинки.

— Да, конечно. Поживете съ нимъ вмѣстѣ въ курортѣ. Отдохнете. И ему не будетъ такъ скучно, какъ у васъ въ имѣніи, въ Чумаевѣ.

— Тамъ и домъ, кажется, совсѣмъ развалился. А ремонтировать не стоитъ.

— Пожалуй... Будетъ дуть отъ оконъ, въ полахъ—щели. Я не люблю старыхъ домовъ.

Иванъ Ильичъ откидывался на спинку кресла, такъ что изъ подъ коротко остриженной бородки выставлялся худощавый кадыкъ. Что-то начинало щекотать его по темени, но онъ зналъ, что это не муха, а острый листъ пальмы,— цикаса,— которая стоитъ за кресломъ. Слегка морщился и поднималъ одну бровь выше другой.

— А помните, какъ тогда, въ іюлѣ... Все было, совсѣмъ, какъ новое, и пахло краской...

Софья Борисовна смотрѣла, на него добрыми глазами и улыбалась.

— Тогда только что кончился ремонтъ... Я помню. А дальше мнѣ не хочется вспоминать. Правда?

— Да... А тогда было хорошо. И волосы у васъ были не сѣдые, а совсѣмъ черные, черные... Мальчика вы взяли на руки и убѣжали съ нимъ вмѣстѣ въ садъ, къ пруду.

— Какъ давно... Теперь уже онъ студентъ. Можетъ быть, онъ самъ... Вы не чувствуете, какъ это давно?

— Не всегда.

Софья Борисовна переставала улыбаться и лицо у нея принимало дѣловое выраженіе.

— Вотъ мы кстати, дорогой, заговорили объ имѣніи.. Управляющій прислалъ мнѣ письмо и отчетъ. Ну, и мнѣ кажется, что тамъ есть какое то плутовство. Посмотрите, пожалуйста... Я сейчасъ принесу вамъ.

Уходила къ себѣ въ спальную, гдѣ хранила бумаги, а въ комнатѣ оставалось послѣ нея что то такое невидимое, но почти осязаемое. Комната не казалась пустой. И легкій запахъ дорогихъ, но старомодныхъ духовъ оставался висѣть въ воздухѣ—прозрачный остатокъ, признакъ прежняго кокетства.

Digitized by Google

Иванъ Ильичъ закрывалъ глаза и видѣлъ заросшій акаціей уголъ помѣщичьяго дома, потомъ нервный смѣхъ, запахъ тѣхъ же духовъ и—поцѣлуй, внезапный, къ которому не готовились и который, поэтому, обжегъ пламенемъ.

Да, это давно. Можетъ быть, столько дней назадъ, сколько сѣдыхъ нитей... сѣдыхъ серебряныхъ нитей въ черныхъ когда то волосахъ.

— Видите: это—письмо, а это—отчетъ.

Раскладывала, возвратившись изъ спальной, бумаги передъ Иваномъ Ильичемъ и нагибалась къ нему такъ близко, что задѣвала его щеку своимъ платьемъ. И по этому прикосновенію, и по тому спокойствію, съ какимъ онъ самъ начиналъ разсматривать бумаги, Иванъ Ильичъ чувствовалъ, что *то*, дѣйствительно, было очень давно и что въ старомъ помѣщичьемъ домѣ теперь должны быть большія, гнилыя щели въ полахъ и окнахъ. И сквозь щели дуетъ холодомъ.

— Здѣсь у него написано: отъ продажи лѣса выручено восемьсотъ сорокъ два рубля семнадцать копѣекъ, а въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ...

Разбирались, считали, немного спорили. Затѣмъ Иванъ Ильичъ аккуратно складывалъ бумаги и пряталъ ихъ въ боковой карманъ сюртука.

— Я посмотрю дома... Онъ развелъ у васъ такую сложную бухгалтерію, что сразу не разберешься.

Софья Борисовна опять садилась на диванъ, подкладывала подъ локоть подушку, вышитую стручками краснаго перца. Лампа на столѣ горѣла свѣтло и ровно, и тѣнь отъ обшитаго кружевами абажура дѣлила комнату на двѣ равныя части: верхнюю—розоватую, и нижнюю — свѣтлую, бѣлую. На стѣнѣ висѣлъ большой старый портретъ Софьи Борисовны и то, что голова его оказывалась въ темноватой розовой половинѣ, очень шло къ нему,

— А какъ вы сами думаете насчетъ лѣта?—спрашивала Софья Борисовна, кладя руку,—длинную и блѣдную, безъ колецъ, но съ массивнымъ золотымъ браслетомъ,—на сонетку.

— Конечно, я хотѣлъ бы, какъ всегда, поѣхать съ вами вмѣстѣ... Но все зависитъ отъ того, какъ пойдетъ дальше процессъ Теръ-Матусова. Возможно, что мнѣ нельзя будетъ...

— Наташа, готовьте чай!

— ...нельзя будетъ отлучиться. Тогда я запоздаю.

Digitized by Google

— Нужно захватить хотя осенній сезонъ... А еще лучше— вмѣстѣ...

— Да, я не могу представить себѣ, какъ буду безъ васъ переѣзжать границу. Мнѣ кажется, что я растеряюсь, смалодушничаю и вернусь обратно.

Горничная въ сосѣдней комнатѣ звенѣла чашками. Иванъ Ильичъ зналъ, что сейчасъ будетъ чай и къ нему печенье, такое, какое онъ любитъ — бисквиты, песочники съ миндалемъ и маленькіе сладкіе кренделькн, густо обсыпанные кристалликами сахара. А у самовара немножко продавленъ одинъ бокъ, и его давно уже хотятъ отдать въ починку, потому что это некрасиво, но никакъ не соберутся.

— Вы у кого берете теперь чай? Мнѣ утромъ подаютъ такую гадость, что нельзя пить. Пахнетъ березовымъ вѣникомъ.

— Это потому, что перестаивается. Нужно только залить кипяткомъ, а не кипятить. Я даже на самоваръ не ставлю. Получается не такъ густо, но ароматъ лучше·

— Да, у васъ очень вкусный чай. Докторъ говорилъ, что нельзя пить крѣпкій, и мнѣ ужасно досадно.

Переходили въ столовую, а въ гостиной убавляли огонь у лампы, чтобы не начала коптить. За чаемъ опять говорили объ имѣніи, о заграницѣ, о сынѣ Софьи Борисовны, которому еще три года учиться до инженера. Часто повторяли то же самое, что говорили еще до чая, въ гостиной, но это было нисколько не досадно, а пріятно.

Бѣлые, аккуратные кусочки сахара таяли и разсыпались, какъ весенній ледъ, въ прозрачныхъ стаканахъ. Вкусно пахло печеньемъ и не такъ хотѣлось пить и ѣсть, какъ сидѣть за скатертью съ выпуклыми, хорошо заглаженными складочками, мѣшать сахаръ горячей серебряной ложечкой и думать, что взять къ тому стакану,—кренделекъ или песочникъ.

Иногда, невзначай, сквозь незначительныя, таявшія такъ же легко, какъ сахаръ, фразы, прорывалось вдругъ что то шероховатое, съ острыми гранями, больно и жутко тревожившее мысль.

Имя женщины. которая когда то уѣхала отъ Ивана Ильича, или того больного, желчнаго мужчины, который былъ мужемъ Софьи Борисовны, ревновалъ ее къ Ивану Ильичу, нехорошо ругался и иногда даже билъ. И эти имена вдругъ разворачивали многое, что такъ хорошо было

Digitized by Google

прикрыто бѣлой скатертью съ заглаженными складочками.

Иванъ Ильичъ морщился, поднималъ одну бровь выше другой и говорилъ:

— Не надо... Ахъ, не надо... Ну, зачѣмъ теперь это все?

И Софья Борисовна отодвигалась такъ, что ея лица не было видно изъ за самовара съ помятымъ бокомъ, и, звеня ложечкой, отвѣчала такими мягкими, бархатистыми словами, отъ которыхъ все тревожное блѣднѣло и пряталось:

— Я нечаянно, дорогой... И, вѣдь, въ сущности говоря, это принесло намъ не одно только горе. Теперь мы постарѣли, успокоились и... и намъ уже не такъ худо, правда?

— Конечно, не худо. Мы успокоились. Вѣдь со старостью часто приходитъ спокойствіе. Но поэтому не нужно вспоминать.

— Забудьте, дорогой... Хотите еще стаканъ? И вы, кажется, не брали варенья. Слива съ миндалемъ — это очень вкусно.

Въ столовой, противъ буфета, висѣли длинные часы въ потемнѣвшемъ дубовомъ футлярѣ. Вокругъ циферблата, среди затѣйливыхъ завитушекъ, было вырѣзано прямыми и мертвыми латинскими буквами: „Amicitia vincit horas". Сквозь прорѣзъ футляра сверкало мѣдное, серьезное лицо маятника. Онъ дѣловито стучалъ, отрубая секунды, и при каждомъ размахѣ внутри стараго, сантиментальнаго футляра что то вздрагивало и жалобно всхлипывало.

За пять минутъ до одиннадцати дубовый футляръ издавалъ еще какой-то особенный звукъ, болѣе громкій и болѣе жалобный, чѣмъ другіе.

Иванъ Ильичъ допивалъ стаканъ и подымался, стряхивая съ усовъ крошки сахарныхъ крендельковъ.

— Пора...

Софья Борисовна не удерживала.

— Идите себѣ, дорогой... И сейчасъ же ложитесь спать, а не работайте. Вамъ вреднѣе всего — засиживаться по ночамъ.

Гость бралъ ея руку,—блѣдную и продолговатую,—прикладывалъ къ губамъ. И всегда въ усахъ у него оставалась крошка, которая колола кожу.

— Отчетъ я вамъ завтра занесу, если успѣю просмотрѣть... Не забудьте поклонъ отъ меня, если будете писать заграницу.

Въ прихожей, пока горничная въ крошечномъ бѣломъ

Digitized by Google

чепчикѣ на самой макушкѣ головы снимала съ вѣшалки пальто, вспоминалось еще что-нибудь нужное, — и, пока кончали разговоръ, старые часы въ столовой начинали бить. Между ударами прокашливались сухимъ и тягучимъ стариковскимъ кашлемъ:

— Кхе... кхе... бумъ!.. кхе... бумъ!..

Иванъ Ильичъ надѣвалъ шапку, надвигая ее низко, такъ что уши пригибались и начинали торчать.

— Дорогой, а вы не забыли кашнэ? Конечно, забылъ... Ахъ, какой! Дайте, я сама повяжу вамъ шею. У человѣка катарръ горла, а онъ не бережется. Теперь такая сырость...

Когда Иванъ Ильичъ выходилъ на улицу, ему казалось что тамъ очень темно и холодно. На бульварахъ деревья безъ листьевъ были голы и узловаты, какъ пальцы скелета, а кипарисы поднимались кое-гдѣ некрасиво и неумѣстно, болѣе черные, чѣмъ темнота ночи и похожіе на унылые, неподвижные призраки.

Иванъ Ильичъ дѣлалъ большіе шаги, торопился. Идти было недалеко: миновать коротенькій бульваръ, пересѣчь площадь и за площадью обогнуть еще одинъ кварталъ. По дорогѣ всегда попадался сонный извощикъ и предлагалъ подвезти, но Иванъ Ильичъ молча поднималъ плечи и доходилъ пѣшкомъ.

Дома сейчасъ же раздѣвался и передъ тѣмъ, какъ лечь въ постель, принималъ какихъ-то темныхъ, вонючихъ капель отъ безсонницы. Но капли уже плохо помогали, потому что Иванъ Ильичъ принималъ ихъ нѣсколько лѣтъ подрядъ.

Лежалъ, насильно закрывая глаза, такъ что вѣкамъ становилось больно и щекотно, а въ большой квартирѣ было неуютно, какъ на улицѣ, и непріятные шорохи доносились изъ сосѣднихъ нежилыхъ комнатъ.

Утромъ, изломанный и усталый, принималъ кліентовъ, затѣмъ ѣздилъ въ судъ съ толстымъ портфелемъ подъ мышкой, часто говорилъ тамъ скучныя рѣчи о деньгахъ, банкротствахъ и неисполненныхъ подрядахъ. А къ вечеру усталость проходила и, когда опускались бѣлые сумерки онъ шелъ опять по знакомымъ улицамъ къ Софьѣ Борисовнѣ спокойный и почти здоровый.

Сѣдѣли волосы, а лѣнивые кипарисы на бульварѣ успѣли замѣтно вырости, но ничто не измѣнялось въ содержаніи жизни и было оно всегда одинаковое, какъ нестарѣвшееся,

Digitized by Google

молодое и красивое лицо на большомъ портретѣ Софьи Борисовны.

Однажды на бѣломъ столѣ, рядомъ съ вазочкой для варенья и корзиночкой съ крендельками, появился продолговатый кусокъ печатной бумаги,—накрасивый, грязноватый и пахнущій краской. Это была вечерняя телеграмма о войнѣ. Въ грязныхъ строкахъ торопливые люди оттиснули неряшливо и спѣшно вѣсти о томъ, сколько людей успѣло уже перебить и ранить другъ друга гдѣ-то тамъ, далеко на краю свѣта. Кусочекъ бумаги показался Ивану Ильичу тревожнымъ и угрожающимъ. Онъ былъ какъ пятно на чистотѣ и внесъ что-то новое, о чемъ не вспоминалось въ прошломъ. И Софья Борисовна тоже была нервнѣе обыкновеннаго и чаще бросала ненужныя слова, отъ которыхъ Иванъ Ильичъ сжался и съ жалобой въ голосѣ говорилъ:

— Не надо... Зачѣмъ?

Послѣ этого каждый вечеръ появлялись все такіе же продолговатые листки, и сначала это было очень жутко и больно, а сердце пронизывала острая, болѣзненная жалость къ тѣмъ незнакомымъ, но живымъ людямъ, которые гибли за живое дѣло. Не было видно этихъ смертей, крови и ужаса, но они чувствовались глубоко и живо, просвѣчивали сквозь грязноватыя строки, открывали какую-ту глубокую, жадную бездну, въ которую падало все живое, сильное и стремящееся жить.

Оставались нетронутыми сахарные кренделькн въ хорошенькой корзиночкѣ, и сытый швейцаръ позже обыкновеннаго распахивалъ дверь на улицу. А кровавое зло висѣло кошмаромъ, отъ котораго нельзя было укрыться, и направляло слова и мысли все по одному и тому же руслу... И живо и больно чувствовалось, что старая, бѣдная, измученная земля трепещетъ отъ новыхъ неслыханныхъ страданій, и нельзя больше жить такъ спокойно, какъ прежде, въ спокойныхъ и блѣдныхъ сумеркахъ.

...Шли дни, недѣли, мѣсяцы.

...Росло число убитыхъ и искалѣченныхъ, ширилось зло, углублялось страданіе, но ужасъ и негодованіе вдругъ какъ-то остановились и не шли дальше. И когда раньше говорили: убито трое, ранено четырнадцать, — это было страшно, и когда кто-нибудь изъ сидѣвшихъ за чайнымъ столомъ закрывалъ глаза, онъ ясно видѣлъ передъ собою три растерзанныхъ трупа съ выкатившимися глазами, съ

Digitized by Google

разорванными кровавыми животами, изъ которыхъ вываливались красныя тряпки внутренностей. Но когда Иванъ Ильичъ читалъ уже, что убиты многія тысячи, что все огромное поле сраженія сплошь завалено людьми, которые вчера были еще живы, а сегодня гнили и заражали воздухъ своимъ тлѣніемъ, — его голосъ не вздрагивалъ отъ внутренней боли. Онъ не могъ этого себѣ представить и оставался почти холоденъ.

— Знаете дорогой, — говорила Софья Борисовна,—кажется, ко всему можно привыкнуть. Даже и къ этому каждодневному гнусному преступленію, къ этому народному позору...

Иванъ Ильичъ принималъ изъ ея рукъ свѣжій стаканъ чая, выбиралъ пирожное. Говорилъ спокойно, роняя крошки на измятый бюллетень.

— Это вполнѣ объяснимо съ точки зрѣнія психологіи! Повторныя психическія ощущенія притупляютъ опредѣленные нервные центры... Удары попадаютъ все въ одно и то же мѣсто... Чувствительность ослабѣваетъ... И, знаете-ли, это обстоятельство имѣетъ свои выгоды. Мы имѣемъ теперь возможность болѣе объективно разсматривать существующій фактъ, благодаря чему въ кругъ изученія попадаютъ очень существенныя детали, которыя ранѣе ускользали отъ нашего вниманія...

И пока онъ говорилъ это, онъ походилъ на самого себя въ тотъ моментъ, когда стоялъ въ судѣ, за адвокатскимъ пюпитромъ.

Софья Борисовна внимательно слушала и въ тактъ его словамъ кивала своей красивой головой, убранной густыми, голубоватыми сѣдинами. Она соглашалась. И хотя въ свѣтлой столовой, за бѣлой, хорошо заглаженной скатертью, теперь каждый день слышались слова негодованія и бичующаго обличенія,—въ ней было попрежнему свѣтло, уютно и спокойно.

А когда старые часы кашляли и били одиннадцать, Софья Борисовна въ прихожей повязывала своему гостю кашнэ, и толстый швейцаръ, внизу лѣстницы, почтительно кланяясь, распахивалъ дверь съ толстыми шлифованными стеклами.

На улицѣ опять было темно и слишкомъ просторно. Иванъ Ильичъ шелъ по тротуарамъ, отбивая подошвами кожаныхъ калошъ дробные шаги, и казался совсѣмъ маленькимъ, и слегка горбился, какъ будто просилъ у кого-то

Digitized by Google

извиненія за то, что онъ, такой маленькій и слабый, живетъ въ этомъ большомъ и темномъ мірѣ.

Къ концу войны Софья Борисовна сказала гостю:

— Дорогой мой, это странно, но мнѣ кажется, что вы сегодня лучше выглядите. Вы помолодѣли.

Иванъ Ильичъ схватилъ ея послѣднее слово. Улыбнулся, и казалось, что ему теперь не только спокойно, но даже радостно.

— Я помолодѣлъ. Вы правы. Когда на старости лѣтъ вдругъ увидишь, что воскресаетъ то чистое и свѣтлое, чему поклонялся и служилъ въ молодости,—то это такъ хорошо. И тогда молодѣешь.

Досталъ изъ кармана смятую, тонкую бумажку, похожую на тѣ, на которыхъ печатались однообразно-кровавыя и однообразно-безумныя извѣстія съ войны. Прочелъ ее съ начала до конца, отъ заголовка до подписи, какимъ-то особеннымъ, немножко приподнятымъ тономъ и, когда кончилъ, серьезно и многозначительно посмотрѣлъ на Софью Борисовну.

— Вы понимаете, какъ далеко уже зашло все это? Движеніе охватываетъ все болѣе и болѣе широкіе слои. Это—начало конца, я увѣренъ...

Съ этого времени меньше и меньше говорили о войнѣ, хотя рѣдко молчали, а бой старыхъ часовъ то и дѣло заставалъ Ивана Ильича еще въ столовой.

За гранью существующаго, сквозь пестроту и нервность сегодняшняго дня поднимались, какъ въ прежніе дни покоя, образы прошлаго,—но это были уже другіе образы, хорошо забытые, изгладившіеся и только теперь воскресшіе съ непонятой рѣзкостью.

Они родились еще до встрѣчи въ дворянской усадьбѣ, до фруктоваго парка, до того поцѣлуя, который положилъ начало новымъ мукамъ.

Вечеринки, выработка міросозерцанія, дорогія, недосказанныя мысли и ширяна, безконечная ширина жизни. Весь міръ въ одной тѣсной студенческой комнатѣ. А потомъ—звяканье тяжелыхъ, злобно-неуклюжихъ ключей на поясѣ чужого и грубаго человѣка, и клочекъ неба, блѣдный и пустой, разрѣзанный на правильные, скучные квадраты прутьями желѣзной рѣшетки.

Разсказывая объ этомъ, Иванъ Ильичъ чувствовалъ, какъ въ его сознаніи шевелится что-то похожее на маленькую,

Digitized by Google

стыдливую гордость, и не жаль было теперь тѣхъ самыхъ юныхъ, кипучихъ мѣсяцевъ, которые погасли, какъ въ смрадномъ подвалѣ, за холодной стѣной тюрьмы. Они оставили послѣ себя чистую и прозрачную, кристальную память.

Софья Борисовна слушала и смотрѣла на своего друга большими, вдумчивыми глазами—почти влюбленными.

Въ это лѣто не поѣхали заграницу. Такъ хотѣлъ Иванъ Ильичъ, и Софья Борисовна уступила.

Потомъ Иванъ Ильичъ засталъ ее за недоконченнымъ письмомъ, и она вышла въ гостиную, стирая съ пальца чернильное пятнышко.

— Я пишу ему, чтобы онъ не пріѣзжалъ. Пусть останется тамъ, за границей. Мнѣ будетъ скучно, но такъ, все-таки, лучше.

Иванъ Ильичъ не понялъ.

— Развѣ вы думаете, что его здоровье такъ плохо?.. Мы давно уже его не видѣли. Онъ выросъ, измѣнился. Какъ реагируетъ онъ на все, что происходитъ теперь? Мы не знаемъ.

Она старалась не смотрѣть прямо въ глаза и нагнулась, какъ будто ее очень интересовали вышитые на подушкѣ красные разводы. И выговорила скользко, между прочимъ:

— Я хочу его сохранить. Онъ слишкомъ молодъ, онъ увлекается... А здѣсь?

Въ этотъ вечеръ Ивану Ильичу не было свѣтло и уютно. Онъ все ежился, и поднималъ одну бровь выше другой, а потомъ пролилъ чай изъ стакана и желтоватая, липкая жидкость смочила и испачкала бѣлую скатерть.

Изъ-за синей горы день за днемъ сползали длинные, бѣлые сумерки. Тянулись долго, и ихъ свѣтъ безъ тѣней былъ нѣмъ и загадоченъ. Прямыми, холодными полосами онъ падалъ въ высокія, пыльныя по угламъ, окна большой квартиры, въ которой жилъ Иванъ Ильичъ, сѣялъ тоску и тревогу.

Иванъ Ильичъ надѣвалъ шляпу, старательно застегивалъ пальто,—по вечерамъ бываетъ сыро и можно схватить лихорадку,—и выходилъ на улицу.

Однажды онъ поймалъ себя на мысли, что ему не хочется идти туда, куда ведетъ его, по знакомымъ тротуарамъ, старая привычка. Это было ново. Онъ сѣлъ на бульварную скамейку и постарался вспомнить.

Нѣтъ, вчера они не ссорились. Все было, какъ всегда.

Digitized by Google

Только что-то почти неуловимое, нѣмое и загадочное, какъ эти сумерки, вставало временами въ длинныхъ, лѣнивыхъ паузахъ между словами, таяло и назрѣвало вновь. И не было такъ просто, спокойно и ясно, какъ прежде, когда беззвучно и однообразно шла вся жизнь.

– Можетъ быть, не пойти?—спросилъ Иванъ Ильичъ кого-то другого, котораго онъ не видѣлъ, но чувствовалъ. Другой не отвѣтилъ, а только напомнилъ о томъ, что черезъ полчаса ровно и ясно загорится лампа въ уютной гостиной, а хозяйка съ серебряными волосами будетъ сидѣть въ уголкѣ дивана. И все будетъ попрежнему, и онъ тоже долженъ быть тамъ.

Иванъ Ильичъ пошелъ. А затѣмъ уже пересталъ прислушиваться къ внутреннему грубому голосу и старался воспринимать только то, что совсѣмъ походило на прежнее.

Поднимался по лѣстницѣ, а швейцаръ зажигалъ огонь, и знакомая тѣнь на стѣнѣ прыгала, ломалась и кланялась. Но тягостное назрѣвало.

Погода мѣнялась, и у Ивана Ильича отъ летучаго ревматизма ныло колѣно. Онъ старался устроить ногу поудобнѣе, то подгибалъ ее, то вытягивалъ и, придвинувъ стулъ, клалъ, какъ бревно. Ломота не проходила, и раздражала, какъ зубная боль, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше хотѣлось забыть о ней.

Софья Борисовна теребила концами пальцевъ толстый шнурокъ, которымъ была обшита подушка, и говорила.

— Ничего нельзя достичь сразу, насиліемъ, кровью. Я сочувствую движенію отъ всей души, я понимаю, что необходимость назрѣла. Но я никогда не соглашусь, что можно создать все однимъ разрушеніемъ, безъ строительства. А строительства я не вижу. Гдѣ оно? Помиритесь на томъ, что даютъ вамъ теперь, держитесь за это крѣпко. Стройте на немъ, какъ на фундаментѣ.

У Ивана Ильича сдѣлалось странное лицо, — можетъ быть, разсѣянное. Онъ, морщась, перемѣнилъ позу и заглянулъ въ окно, хотя ничего не было видно сквозь освѣщенную тюлевую занавѣску.

— Какъ незамѣтно подошла нынче осень... Вы не замѣтили? Уже желтые листья падаютъ, а всѣ лотки завалены виноградомъ. Очень скоро кончилось лѣто:

— Да, каждый день приноситъ многое, но вся жизнь мчится быстро! — согласилась Софья Борисовна. Ея гостю

Digitized by Google

показалось, что онъ уже много разъ слышалъ гдѣ-то эти слова, и ему было досадно, что она не придумала ничего болѣе умнаго. А Софья Борисовна опять заговорила о томъ, чего онъ не хотѣлъ слышать.—Согласитесь, что у насъ до сихъ поръ слишкомъ большую роль играютъ юноши, почти дѣти. Для созданія новаго строя мало одной только отваги и добрыхъ стремленій. Нужны глубокія знанія, опытъ, наконецъ—сдержанность

Онъ могъ бы возразить, разбить сѣтью доводовъ каждое ея слово, но ему захотѣлось уколоть ее больнѣе. Попрежнему глядя въ окно, онъ напомнилъ:

— Я читалъ вчера, что аграрные безпорядки придвинулись совсѣмъ близко къ вашему имѣнію. Какихъ-нибудь верстъ восемьдесять или сто... Вы не боитесь?

Она отвѣчала, что не боится, но въ ея поблѣднѣвшемъ лицѣ и въ маленькихъ, вѣеромъ расположенныхъ морщинкахъ близъ угловъ глазъ, онъ прочелъ плохо прикрытый, малодушный страхъ за свое собственное существованіе. Тогда онъ всталъ, сказалъ ей, что у него слишкомъ разгулялся ревматизмъ, и ушелъ домой,—до чая.

На слѣдующій вечеръ Иванъ Ильичъ лежалъ въ постели у себя дома, закутанный толстымъ одѣяломъ. Суставы болѣли сильнѣе, и онъ былъ почти доволенъ, что благодаря этой болѣзни, можетъ не вставать и никуда не идти. Сумерки пришли и погасли, и поздно вечеромъ горничная въ чепчикѣ на макушкѣ головы принесла записку. Софья Борисовна тревожилась о его здоровьѣ, умоляла отвѣтить,—и беречь себя, какъ можно лучше.

И вечеръ—тотъ одинокій вечеръ—былъ безстыдно длиненъ, и казалось, что все происходящее въ мірѣ такъ далеко и чуждо, и что такъ хорошо было бы теперь умереть, а не привычно цѣпляться за старую, сѣдую жизнь.

Два дня лежалъ, а на третій сидѣлъ у Софьи Борисовны и медленно отхлебывалъ изъ стакана горячій чай съ тонкимъ, чуть замѣтнымъ запахомъ жасмина. Но въ плетеной корзиночкѣ, вмѣсто сахарнаго печенья, какъ-то грубо и неуклюже лежали неровные ломтики простого, сѣраго и не совсѣмъ свѣжаго хлѣба. Была забастовка.

Софья Борисовна волновалась. Ей казалось, что сверху нависло что-то огромное, неимовѣрно тяжелое, и каждое мгновеніе оно можетъ рухнуть и раздавить все существую-

Digitized by Google

щее. Движенія ея были быстры и не размѣрены, а ложечки лихорадочно позвякивали въ стаканахъ.

Я жду ужасовъ... Я не знаю, что будетъ дальше, но, во всякомъ случаѣ, всѣ прежнія волненія — только дѣтскія забавы, смѣшныя и невинныя пародіи въ сравненіи съ тѣмъ, что еще случится... Народъ такъ долго жилъ въ рабствѣ. Если онъ вырвется на свободу сразу, однимъ ударомъ—онъ обезумѣетъ, какъ сломавшій клѣтку звѣрь.

Иванъ Ильичъ ѣлъ черствый хлѣбъ, вынимая изъ корзинки кусокъ за другимъ, хотя совсѣмъ не было голоденъ, и это было весело. Онъ никогда не ѣлъ такого вкуснаго хлѣба,—и нарочно не мазалъ его масломъ, что-бы не испортить вкуса.

— Оставьте вы ваши тревоги... Все идетъ прекрасно. Да, звѣрь скоро сломаетъ клѣтку, голубушка, но не безпокойтесь, онъ не взбѣсится. Онъ не прольетъ ни одной капли крови больше той, которая нужна для дѣла свободы. Это—хорошій, благородный звѣрь. Можетъ быть, онъ будетъ даже слишкомъ благороденъ и проститъ тѣхъ, кого не слѣдовало-бы прощать. Зачѣмъ ему месть, злоба, ненависть, когда онъ сдѣлается свободнымъ, трижды свободнымъ? Вѣдь въ его рукахъ будетъ лучшее торжество, — торжество правды?.. Почему вы не ѣдите? Это такъ вкусно.

Но она не могла ѣсть, и руки у нея дрожали. Иванъ Ильичъ былъ слишкомъ разсѣянъ. Онъ не замѣчалъ, что ее гнететъ еще что-то, болѣе личное, чѣмъ грозное величіе забастовки, пока она сама не сказала ему.

— Сегодня утромъ я получила письмо... Можетъ быть, послѣднее, потому-что почта, вѣдь, тоже собирается бастовать... Онъ пишетъ, что не хочетъ больше оставаться зрителемъ. И въ этомъ письмѣ есть слова... ужасно похожія на ваши... Но онъ, я знаю, не будетъ только говорить.

— Да, онъ не будетъ только говорить! — Иванъ Ильичъ ударилъ ладонью по скатерти.— Онъ не старый, потертый инвалидъ. Онъ молодъ и силенъ, — и онъ имъ покажетъ... Дорогая, я не могу больше... Я напишу ему.

Она поднялась со своего стула,—блѣдная и высокая,—и у нея было такое лицо, какого ни разу не видѣлъ еще ея гость.

— Вы не сдѣлаете этого.—Она подошла къ нему вплотную. Слова у нея шипѣли и падали, раскаленныя и тяжелыя, каждое отдѣльно.—Вы не сдѣлаете этого. Я мать и я

Digitized by Google

вамъ запрещаю. Слышите вы это? Я берегу его, я не отдамъ его на растерзаніе вашей кровожадной злой революціи. Онъ—мой и моимъ останется. Я не отдамъ его. Теперь я знаю уже, какую пользу принесли ему ваши прежнія письма. И, слушайте, я прямо скажу вамъ: вы поступали нечестно, да, нечестно. Вы втихомолку развращали его, вы прививали ему ваши крайнія, красныя идеи, а теперь хотите бросить его въ самое жерло борьбы, на муки, на смерть... Но я не хочу этого. И вы не напишите ему... ни строчки, ни слова...

Она задыхалась отъ волненія, и въ глазахъ у нея жили гнѣвъ и презрѣніе къ своему старому, сѣдому другу, къ тому человѣку, съ которымъ она столько лѣтъ дѣлила вечера своей жизни.

Иванъ Ильичъ инстинктивно поднялъ руку въ уровень съ глазами. Пересталъ видѣть уютную комнату, бѣлую скатерть и складочки на ней, заглаженные аккуратно, хотя и была забастовка.

— Софья Борисовна, но вы понимаете ли... Вы понимаете ли, что послѣ... только что сказаннаго, я не могу больше оставаться съ вами и что, слѣдовательно... пришелъ конецъ?

И бѣлая скатерть уходила все дальше, а Софья Борисовна не отвѣчала. Она вдругъ тяжело упала на стулъ, спрятала лицо въ ладоняхъ и зарыдала громко, съ судорожными всхлипываніями.

— Я не могу... Я такъ измучилась...

Иванъ Ильичъ поднялся и тихо на носкахъ, вышелъ изъ комнаты, какъ будто старался, чтобы она не замѣтила его ухода. Самъ, безъ помощи горничной, одѣлся и пошелъ домой по совсѣмъ темнымъ, безъ фонарей, улицамъ. Хорошая, молодая радость, которая только что окрыляла его, испуганно исчезла, и остались одни разрозненные, безсвязные и жуткіе обрывки мыслей, какъ разсыпанныя кости истлѣвшаго трупа.

Въ темнотѣ и одиночествѣ шли долгія, долгія недѣли, и вотъ, занялся день—новый. Онъ пришелъ, какъ всѣ другіе, съ тихой зарей, съ утреннимъ прохладнымъ дыханіемъ. Ничѣмъ не отличился отъ другихъ. Сѣрая, каменистая земля и круглое, глубокое небо, и упавшее на гору мягкое облако—все было старое. Но еще не начало спускаться сократившее свой путь солнце, когда всѣ узнали,

Digitized by Google

что день этотъ--дѣйствительно новый и даетъ старой землѣ новую жизнь. Это былъ день побѣды.

И радость воскресла, и всѣ увидѣли, что жизнь имѣетъ теперь другой, хорошій и большой смыслъ,—и всѣ казались одинъ другому лучше, красивѣе и выше.

Иванъ Ильичъ пришелъ къ Софьѣ Борисовнѣ днемъ, съ манифестомъ о свободахъ въ рукахъ. Можетъ быть, только потому, что онъ давно уже не видалъ гостиной при свѣтѣ солнца, но эта комната показалась ему сегодня совсѣмъ не такой, какъ по вечерамъ. Были въ ней только двое—онъ и хозяйка, а комната шумѣла и все блестѣло въ ней ярко, какъ новое.

Софья Борисовна не удивилась его приходу и не вспоминала о ссорѣ. Только темныя пятна подъ глазами были у нея очень велики и черны, а кончикъ носа припухъ отъ слезъ. Должно быть, она часто плакала.

Ея гость хотѣлъ ей что-то объяснить, торопился и путался.

Недавно они поссорились, разорвали всѣ старыя, тѣсныя узы, но сегодня начинается новая жизнь, и о прежнемъ нужно забыть. Да, такъ забыть, какъ будто его совсѣмъ не было.

Софья Борисовна остановила его.

— Дорогой мой, я понимаю... Не вспоминайте же и вы. Развѣ я сегодня не счастлива?

И крѣпко поцѣловала его въ лобъ, какъ цѣлуютъ тѣхъ, съ которыми разставались надолго, и неожиданно встрѣтились.

— А не чувствуете вы, что мы выросли? Даже мы, старики?—спрашивалъ Иванъ Ильичъ и на щекѣ у него блестѣла круглая, прозрачная слезинка. Поблестѣла, скатилась и спряталась въ бородѣ.

Опять приходили вечера, и два старыхъ человѣка сидѣли въ чистой, уютной комнатѣ, и жили вмѣстѣ. Чувствовали себя опять хорошо и спокойно, хотя говорили о томъ огромномъ, что вышло изъ нѣдръ народнаго движенія. Не спорили.

Хорошо было жить. А въ безсонныя ночи не приходила зловѣщая мысль о ненужности жизни и о томъ, какъ хорошо было бы умереть, быстро и безъ боли. Бодрость времени заражала своимъ вѣяніемъ.

Но дни уходили и снова, нежданный, но знакомый, по

Digitized by Google

висъ кошмарный ужасъ. Пришелъ кто-то, жадный, и сказалъ:

— Крови!

Софья Борисовна плакала.

— Я ждала, я ждала... Не даромъ у меня такъ болѣло сердце...

Общій ужасъ, общее страданіе не разъединили ихъ. Было такъ, какъ въ первые дни войны, пока никто не привыкъ еще къ зловонію преступленія.

Только жизнь сжалась еще сильнѣе,—стала опять тѣсная и гнусная, и хотѣлось опять закрыть глаза, чтобы не видѣть зла, потому что не было силъ бороться съ нимъ.

А дни проходили, бороздили душу, тяжелые и острые— и что-то опять назрѣвало уже здѣсь, въ маленькомъ уголкѣ за чайнымъ столомъ.

Въ голосѣ Софьи Борисовны прорывались злыя, рѣзкія ноты. Она чувствовала, какъ ея спокойствіе, завоеванное долгой и сѣрой жизнью, все быстрѣе уносится куда-то далеко въ бурномъ потокѣ,—и она обвиняла.

Хотѣли достичь невозможнаго, безумно обманывали себя въ своихъ силахъ и теперь снова порабощены, раздавлены. Еслибы они терпѣли...

Иванъ Ильичъ морщился, ронялъ ложечку.

— Конечно, рано было еще торжествовать. Побѣда не дается такъ легко. Но обвинять въ этихъ ужасахъ именно того, кто прилагалъ всѣ силы, чтобы отвратить ихъ навсегда—это стыдно.

И губы у него дрожали, а одна бровь поднималась выше другой.

Пришелъ зимній вечеръ. Съ моря дулъ холодный, ледяной штормъ. Деревья безъ листьевъ размахивали, какъ розгами, голыми вѣтвями и жаловались.

Когда Иванъ Ильичъ подходилъ къ подъѣзду, его обогналъ почтальонъ съ тяжелой сумкой черезъ плечо; громко стуча каблуками, поднялся по лѣстницѣ и позвонилъ.

Иванъ Ильичъ, по привычкѣ, потянулъ руку изъ-за его спины къ тому же звонку, но остановился и началъ ждать. Отъ почтальона пахло плохимъ, горькимъ табакомъ и отсырѣвшей суконной одеждой.

Хотѣлось спросить, откуда пришло это письмо, но у почтальона было усталое, злое лицо, и ему, должно быть, совсѣмъ не хотѣлось разговаривать съ каждымъ встрѣч-

Digitized by Google

нымъ. Когда дверь открылась, онъ сунулъ горничной простой, квадратный пакетъ изъ синеватой бумаги и сейчасъ же сбѣжалъ внизъ, придерживая лѣвой рукой тяжелую сумку.

Иванъ Ильичъ снималъ въ прихожей шубу, откашливался, а Софья Борисовна стояла на порогѣ, вертѣла въ рукахъ конвертъ и не рѣшалась распечатать.

— Изъ-за границы?—спросилъ Иванъ Ильичъ и поздоровался.

Она разсѣянно пожала ему руку и пошла къ дивану, осторожно и, какъ будто, брезгливо, надрывая край конверта.

— Нѣтъ, я не знаю, откуда... Штемпель почтоваго вагона—и больше ничего... А почеркъ... чей это почеркъ?

Когда письмо, наконецъ, выпало изъ конверта, который былъ слишкомъ малъ для большого, плотнаго листа, Софья Борисовна вздрогнула и густо покраснѣла, а потомъ сейчасъ же краска сбѣжала съ лица и осталась только на скулахъ, неровными пятнами, непохожими на румянецъ.

Большіе, темные глаза быстро-быстро бѣгали по строчкамъ, Иванъ Ильичъ слѣдилъ за ихъ движеніемъ и чувствовалъ, что они видятъ неожиданное и роковое,—и что сейчасъ совершится то, что онъ ждалъ уже въ длинной тоскѣ безсонныхъ ночей.

Софья Борисовна опустила на колѣни руки съ письмомъ.

— Онъ въ Россіи. Пишетъ, что не могъ больше выдержать. И теперь ѣдетъ... на работу... то есть, значитъ, въ тюрьму... на смерть...

Совсѣмъ не ея голосъ,—чужой. И глаза тоже смотрѣли, какъ чужіе, на блѣднаго и взволнованнаго человѣка, который стоялъ передъ нею и не находилъ слова, чтобы отвѣтить.

А она встала съ дивана и твердой, деревянной поступью уходя въ другую комнату, бросила ему по дорогѣ:

— Спасибо.

Иванъ Ильичъ ушелъ домой рано, и сумерки еще не погасли. Забылъ застегнуть пальто, и ледяной вѣтеръ пронизывалъ насквозь, до старыхъ, ноющихъ костей.

Завтра, можетъ быть, будетъ совсѣмъ другой день, теплый и ясный. Но тѣ, прежніе дни не вернутся—и солнце будетъ свѣтить гдѣ-то далеко и чуждо.

Digitized by Google

Прошелъ мимо, стремясь впередъ, кто-то могучій, и по пути, не замѣчая, растопталъ двухъ людей, маленькихъ и слабыхъ. И кромѣ самихъ раздавленныхъ, никто больше не ощущалъ ихъ тоски и боли, и легло на нихъ страданіе непосильной, огромной тяжестью,—потому что были они совсѣмъ слабы и совсѣмъ одиноки.

А могучій шелъ дальше. Онъ смотрѣлъ только впередъ...

Николай Олигеръ

Digitized by Google

СѢЯТЕЛЬ.

Я сѣятель труда, упорно и сурово
Свершилъ въ краю пустомъ.
И всколосилась рожь на нивахъ; время снова
Мнѣ стать ученикомъ.

Отъ радостной толпы, отъ славы и привѣтствій,
Бѣгу въ лѣсной тайникъ,
Чтобъ снова приникать, какъ въ отдаленномъ дѣтствѣ,
Къ ключамъ безсмертныхъ книгъ;

Чтобъ снова испытать раздумій одинокихъ
И огненность и ледъ,
И встрѣтить странныхъ грезъ, стокрылыхъ и стоокихъ,
Забытый хороводъ.

О радость творчества, свободнаго, безъ цѣли,
Ко мнѣ вернешься ты!
Мой утомленный духъ проснется въ колыбели
Восторженной мечты!

Вновь, какъ Адамъ въ раю, невѣдомымъ и новымъ
Весь міръ увижу я,
И буду заклинать, простымъ и вѣщимъ словомъ,
Всѣ тайны бытія!

Валерій Брюсовъ.

Digitized by Google

Строители англійской жизни.

(Очерки реформъ и соціальныхъ движеній).

Женское дѣло.

I.

Англійская женщина избрала благую часть, которая, какъ и у евангельской Маріи, „не отнимется у нея“. Въ строительство жизни она внесла не столько архитектурныхъ плановъ, сколько архитектурныхъ украшеній. Ея участіе выразилось не въ какомъ-либо крупномъ законодательномъ творчествѣ и не въ широкихъ общественныхъ реформахъ, мѣняющихъ самый строй государства, а въ смягченіи участи и въ уменьшеніи страданій тамъ, гдѣ дѣло идетъ не столько о новомъ законодательствѣ, сколько о любви и симпатіи къ людямъ. Можно сказать, что на поприщѣ соціальныхъ улучшеній женщиной двигало больше сердце, чѣмъ умъ; это была инициатива чувства больше, чѣмъ мысли. Вотъ почему мы и видимъ въ Англіи вліяніе женской агитаціи и женской предпріимчивости не въ уголовномъ законодательствѣ, а въ бытѣ арестантовъ, въ тюремномъ режимѣ; не въ санитарно-общественной охранѣ, а въ уходѣ за больными, не въ реформѣ питейнаго дѣла, а въ обращеніи пьяницъ и т. д. Женщину какъ бы волнуютъ и занимаютъ не причины, подчасъ скрытыя и непомѣрно сложныя, а слѣдствія, видимыя и ощущаемыя. Эти вполнѣ конкретныя слѣдствія ударяютъ по струнамъ ея сердца, лишаютъ ее покоя и заставляютъ ее выступать въ пользу непосредственнаго ихъ улучшенія или устраненія, иногда совершенно независимо отъ причинъ, ихъ вызвавшихъ. Благодаря этому характеру женской инициативы, послѣдняя, такъ сказать, болѣе разсѣяна, болѣе частна и мелка, касаясь больше отдѣльныхъ жертвъ общественнаго недуга, чѣмъ общей причины его. Жертвы такого недуга могутъ быть многочисленны, вызывая одновременно въ разныхъ

Digitized by Google

мѣстахъ женскія симпатіи и порождая одновременно въ сердцахъ многихъ изъ нихъ рѣшимость добиваться улучшеній и реформъ. Инициатива той или другой реформы можетъ поэтому принадлежать съ одинаковымъ правомъ многимъ женщинамъ. И дѣйствительно, изучая исторію соціальныхъ улучшеній, внесенныхъ женщинами, то и дѣло встрѣчаешься съ именами многихъ женщинъ, дѣйствовавшихъ одновременно на одномъ и томъ же поприщѣ исключительно въ силу личной предпріимчивости и отзывчивости, а не какъ послѣдовательницы или преемницы кого-либо другого. Однако, не намѣреваясь дать здѣсь полнаго описанія всѣхъ реформъ или улучшеній, явившихся въ Англіи дѣломъ женщины, мы все же безъ труда можемъ остановиться на трехъ или четырехъ вопросахъ, въ которыхъ инициатива и энергія той или другой женщины сказались особенно выпукло и ярко. И замѣчательно, что женская инициатива приняла свой надлежащій общественный характеръ лишь во второй половинѣ XIX в. Вся дѣятельность англійской женщины на пользу общества до того времени остается какъ бы безъ слѣда и вліянія, несмотря на то, что и въ первой половинѣ XIX столѣтія и въ XVIII, не идя уже дальше, выступало не мало дѣятельницъ въ Англіи, горѣвшихъ желаніемъ добра, исполненныхъ безграничнаго самоотверженія и несокрушимой энергіи. Достаточно, напр., упомянуть хотя бы Анну Моръ (1745—1833) и сестру ея Марту, или Елизавету Фрай (1780—1845), Анну Бакстонъ и др., работавшихъ на пользу распространенія образованія, улучшенія быта заключенныхъ и другихъ видовъ филантропіи. Эти женщины дѣлали все, что можно было достигнуть личными усиліями, но дальше вліяніе ихъ не распространялось. Онѣ не создали движенія, которое было бы подхвачено другими и расширялось бы въ томъ же направленіи. Это были выдающіяся филантропки, но не вожди, и не потому, чтобы въ нихъ не было всѣхъ данныхъ для вдохновенія другихъ на трудъ и подвигъ, но потому что тогдашнее общество въ Англіи оказывалось еще очень плохой почвой для женской агитаціи. Вліяніе женщины, какъ общественной дѣятельницы, было тогда слишкомъ ограничено. Сферой женщины, особенно средняго класса, откуда главнымъ образомъ исходитъ инициатива въ Англіи, считалась исключительно семейная и домашняя жизнь. Выступленіе женщины поэтому въ другой сферѣ дѣятельности не могло найти того отклика и сочувствія, какія встрѣчали женщины-дѣятельницы позже, въ 50-хъ и 60-хъ годахъ XIX столѣтія, не говоря уже о нашемъ времени, съ его женщинами избирательницами и фабричными инспектрисами. Не удивительно поэтому, что только во

Digitized by Google

второй половинѣ XIX вѣка агитація женщинъ и инициатива ихъ начинаютъ приносить богатые плоды и дѣлаться тѣмъ, что обыкновенно называется „общественнымъ движеніемъ“, т. е. заинтересовываютъ широкіе слои общества и правительства.

II.

Нечего говорить, что раньше всего проснувшаяся общественная дѣятельность женщины была обращена на дѣло улучшенія положенія самой женщины. Мы не говоримъ о политическомъ положеніи, объ избирательныхъ правахъ въ парламентъ. Вопросъ о правѣ женщинъ въ Англіи избирать и быть избранными въ парламентъ еще ждетъ своего рѣшенія, а между тѣмъ въ настоящихъ очеркахъ рѣчь идетъ не о стремленіяхъ и задачахъ, которымъ еще предстоитъ рѣшеніе, а о надеждахъ, уже осуществившихся, хотя бы отчасти. Мы здѣсь поэтому говоримъ лишь объ экономическомъ и соціальномъ положеніи женщины. И характерно въ этомъ отношеніи то, что женщины средняго круга, выступившія въ срединѣ XIX-го столѣтія съ агитаціей въ пользу женщинъ, имѣли въ виду интересы только лицъ ихъ же круга. Дѣло шло не о положеніи женщины въ рабочихъ классахъ, а въ среднемъ классѣ общества, о дочеряхъ чиновниковъ, духовныхъ лицъ, мелкихъ купцовъ, докторовъ и проч. Положеніе этихъ полуинтеллигентныхъ, необезпеченныхъ, ни къ какому дѣлу не приспособленныхъ представительницъ средняго класса было воистину печальное. Простой трудъ онѣ считали ниже себя, да и не годились для него. Профессій же они никакихъ не знали, да и не допускались ко многимъ изъ нихъ. А между тѣмъ промышленная эволюція выбрасывала на рынокъ труда все больше и больше одинокихъ женщинъ, которыя не только не могли разсчитывать на поддержку со стороны мужей или родителей, но часто имъ приходилось еще поддерживать своими заработками цѣлыя семейства. Будучи лишены надлежащей подготовки, женщины средняго класса въ поискахъ за хлѣбомъ обыкновенно прибѣгали къ работѣ иголкой, къ работѣ, которую онѣ болѣе или менѣе знали, и которая не требовала особаго физическаго напряженія и искусства, или же къ профессіи гувернантки. Въ срединѣ XIX вѣка поэтому англичанки переполняли ряды гувернантокъ даже заграницей. На эту профессію шли и тѣ изъ одинокихъ женщинъ, которыя не имѣли къ ней никакого призванія и не знали элементарнѣйшихъ правилъ воспитанія дѣтей. Но жизнь между тѣмъ шла, и перепись 1851 г. обнаружила знаменательный фактъ, что въ то время,

Digitized by Google

какъ число женщинъ между 1841 и 1851 гг. въ Англіи увеличилось въ отношеніи 7 къ 8, число тѣхъ изъ нихъ, которыя оказались обезпеченными, какъ занятыя независимо въ промыслахъ, возросло въ отношеніи 3 къ 4. Изъ шести милліоновъ женщинъ, насчитанныхъ въ Великобританіи въ 1851 г. свыше 20 л., около двухъ милліоновъ жили собственнымъ трудомъ. Удивительно ли, что положеніе этихъ труженицъ, которымъ мужская часть населенія не только не облегчала поисковъ занятій, но еще прямо и безжалостно препятствовала, должно было, наконецъ, обратить серьезное вниманіе хотя бы самихъ женщинъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которыя обладали наибольшей наблюдательностью и чуткостью. И такими именно женщинами оказались Гарріетъ Мартино и Джесси Бушеретъ, которыхъ не безъ справедливости считаютъ піонерами развитія женскаго профессіональнаго труда и знаній въ Англіи и, слѣдовательно, иниціаторами улучшенія, несомнѣнно наступившаго въ экономическомъ положеніи одинокой женщины.

Заслуга Мартино, этой даровитой и необычайно плодовитой писательницы, извѣстной своими беллетристическими „иллюстраціями“ къ политической экономіи, состояла въ томъ, что она сумѣла собрать воедино разные имѣвшіеся тогда матеріалы о женскомъ профессіональномъ трудѣ въ Англіи, и въ обширной статьѣ, напечатанной въ 1859 г. въ „Edinburgh Rewiew“, указать на крайнюю необходимость открытія женщинамъ доступа въ разные промыслы и профессіи, до тѣхъ поръ считавшіеся для нихъ заповѣдными. Приведенные въ этой статьѣ цифры и факты должны были страшно поразить всякаго, интересовавшагося вопросомъ. Напримѣръ, въ Стафордширскомъ гончарномъ дѣлѣ, гдѣ женщины занимались живописью на фаянсѣ, ихъ заставляли работать безъ подставки, на которую опирается рука, дабы работа ихъ не была такъ совершенна, какъ мужская. Часовой мастеръ, жена котораго стала заниматься гравированіемъ металлическихъ крышекъ для часовъ, получилъ предостереженіе, что будетъ лишенъ мѣста, если жена его будетъ продолжать этотъ мужской промыселъ. Даже для должностей продавщицы въ магазинѣ дамскихъ принадлежностей, женщина оказывалась не всегда удобной, такъ какъ дамы-покупательницы предпочитали имѣть дѣло съ приказчиками мужчинами. „Положеніе дѣла,—писала Мартино,—отвѣчавшее потребностямъ общества, половина котораго оставалась дома, а другая была на работѣ, не можетъ годиться для общества, въ которомъ одна лишь четверть остается дома, а три четверти должны искать занятій. Это совершенно ясно. Но отсюда

Digitized by Google

вовсе не слѣдуетъ, что требуются какія либо обширныя законодательныя перемѣны, или что необходимо революціонизировать мысль и дѣло. Естественные законы общественнаго развитія сами сдѣлаютъ свое дѣло, если только имъ не будутъ мѣшать. Все, чего мы требуемъ, это то, чтобы на положеніе женщины, ищущей занятій, обратили вниманіе". И заканчивая свою высоко-любопытную статью, начавшую собою какъ-бы новую эпоху, авторъ ея говоритъ: „Исторія очень простая, кто бы ее ни разсказывалъ. Не только мы, „кормильцы", не содержимъ всѣхъ женщинъ, а на самомъ дѣлѣ половина ихъ зарабатываетъ сама свой хлѣбъ, а третья часть ихъ совершенно независимы отъ мужчинъ. Съ этимъ новымъ положеніемъ дѣла должны возникнуть новыя обязанности и новые взгляды. Старыя помѣхи должны быть снесены, и какъ въ національной, такъ и въ частной жизни, мы должны поставить себѣ цѣлью свободное развитіе и полное использованіе всѣхъ способностей каждаго отдѣльнаго члена общества. Другими словами, необходимо улучшить и расширить до высшей степени, до какой только возможно, образованіе, и затѣмъ открыть поле дѣятельности проявившимся способностямъ. Это обезпечитъ наше благосостояніе, національное и домашнее, которому врядъ ли что можетъ такъ способствовать, какъ независимый трудъ нашихъ соотечественницъ".

Гарріетъ Мартино уже было 57 лѣтъ, когда она написала свою статью. Здоровья она была очень слабаго, и хотя прожила до 1876 г., она въ теченіе 25 или 30 лѣтъ каждую минуту ждала смерти, страдая отъ какой-то внутренней опухоли, затруднявшей дыханіе и причинявшей сильныя страданія. Она сама поэтому практически уже не могла предпринять что-либо для осуществленія своей собственной программы. Но среди ея читательницъ оказалась одна энергичная и богатая женщина, на которую статья произвела глубокое впечатлѣніе. Это была Джесси Бушеретъ, которая, какъ и Гарріетъ Мартино, происходила отъ французовъ—гугенотовъ, эмигрировавшихъ въ Англію въ 17-мъ вѣкѣ. „Нѣтъ, такъ оставить нельзя!"—воскликнула Бушеретъ, прочитавъ статью, и сейчасъ же начала дѣйствовать. Какъ водится въ Англіи, первое дѣло было организовать общество, и уже въ іюнѣ того-же 1859 года, по иниціативѣ Бушеретъ, былъ созванъ комитетъ для обсужденія способовъ развитія среди женщинъ техническихъ знаній. Осенью того же года подъ президентствомъ графа Шефтсбюри было основано общество для поощренія занятій женщинъ. Это общество, „Society for promoting employment of women", существуетъ и понынѣ. Программа

Digitized by Google

общества была двоякая: во-первыхъ, пропаганда въ пользу предоставленія занятій и открытія разныхъ профессій женщинамъ, и во-вторыхъ, подготовка женщинъ къ этимъ занятіямъ и профессіямъ. Главнымъ руководителемъ и вдохновителемъ общества оставалась Бушеретъ, открывавшая разные классы, мастерскія, конторы, и старавшаяся создавать центры для техническаго образованія въ разныхъ городахъ въ провинціи, гдѣ уже работали подготовленныя ею молодыя дѣвушки. Спустя 10—15 лѣтъ роль общества, основаннаго Бушеретъ, была уже въ сущности сыграна, такъ какъ поднятая имъ волна женскаго техническаго образованія быстро разрослась, подхваченная сотнями муниципальныхъ учрежденій, правительствомъ и разными организаціями. Но все же общество не прекратило еще своего существованія, стараясь открывать все новыя и новыя поприща для женскаго труда.

Бушеретъ умерла въ 1905 г., старухой 85 лѣтъ. Она оставалась замѣчательно энергичной и дѣятельной до конца своей жизни, вѣчно занятая „женскимъ вопросомъ", не пропуская ни одного засѣданія въ многочисленныхъ комитетахъ, членомъ которыхъ она состояла, и выступая даже нерѣдко ораторшей на митингахъ, хотя особеннымъ даромъ слова не обладала. Чтобы достойно оцѣнить разницу въ положеніи женскаго профессіональнаго труда, происшедшую за время между началомъ дѣятельности Бушеретъ и ея кончиной, достаточно раскрыть хотя бы „Ежегодникъ англійской женщины" (The Englishwoman's Year-Book), за 1907 годъ. Между прочимъ, мы въ немъ находимъ таблицу 80 профессій и занятій, которыя не только доступны для женщинъ, но въ большинствѣ которыхъ женщины занимаютъ всѣ мѣста. Среди этихъ профессій мы встрѣчаемъ не только такія издавна женскія, какъ должности кухарки, гувернантки, портнихи, няни и пр., но и бухгалтера, садовника, фармацевта, парикмахера, инспектора на фабрикахъ, или школьнаго и санитарнаго, почтовыхъ служащихъ и т. под., бывшія долгое время исключительно мужскими. Въ отчетѣ общества поощренія женскаго труда за 1906 г. мы находимъ слѣдующій отзывъ о Бушеретъ по поводу ея смерти: „Въ октябрѣ прошлаго года (1905). Общество понесло невознаградимую утрату въ лицѣ умершей миссъ Джесси Бушеретъ. Начиная съ 1859 г., когда она при содѣйствіи нѣсколькихъ другихъ дамъ, основала Общество, она отдавала свое время, свою мысль и деньги цѣлямъ его. Она еще при жизни успѣла увидѣть разрушенными многіе предразсудки, мѣшавшіе работѣ основаннаго ею Общества въ первые дни его существованія, и многія занятія, бывшія закрытыми для жен-

Digitized by Google

щинъ, сдѣлались для нихъ доступными. Отсутствіе систематической подготовки бросало тѣнь на работу женщинъ, и благодаря въ большей части усиліямъ Бушеретъ эта тѣнь снята. Она умерла съ удовлетвореннымъ сознаніемъ, что усилія ея не были напрасны, и что благодаря имъ многія женщины могли устроиться въ жизни. До послѣдней минуты она сохранила интересъ къ дѣламъ Общества и ко всякому движенію, направленному къ устраненію препятствій экономическаго улучшенія положенія женщинъ. Свою жизнь, свои думы и энергію она посвятила благу собственнаго своего пола".

III.

Для пробудившейся жажды общественной дѣятельности у англійской женщины средины 19-го вѣка, рядомъ съ участью самой женщины, наврядъ ли могло быть нѣчто, болѣе достойное вниманія, чѣмъ участь дѣтей. Что можетъ болѣе глубоко трогать сердце женщины, какъ видъ дѣтей, страдающихъ по винѣ ихъ родителей и окружающаго ихъ общества? Особенно печально, да и глубоко возмутительно, было положеніе, такъ называемыхъ, „несовершеннолѣтнихъ преступниковъ", содержавшихся въ англійскихъ тюрьмахъ. Какая-то тупая жестокость, выступавшая еще болѣе рѣзко отъ сопровождавшаго ее лицемѣрнаго соболѣзнованія, словно толстымъ ледянымъ слоемъ, оковала всѣхъ, начиная съ судей и кончая земско-муниципальными и парламентскими дѣятелями, въ рукахъ которыхъ находилась участь малолѣтнихъ преступниковъ. Всѣ отлично знали положеніе дѣла, всѣ понимали всю безсмысленность и жестокость такой мѣры, какъ заключеніе 9 или даже 7 лѣтняго ребенка въ тюрьму, хотя бы и образцовую. Всѣ видѣли страшный вредъ, какой такое заключеніе производитъ въ душѣ и тѣлѣ малолѣтняго. Но никто ничего не предпринималъ для коренной перемѣны этой безобразно-жестокой системы наказанія. Правда, кое-что предпринималось. Иной городъ выстроитъ тюрьму со спеціальнымъ дворикомъ для дѣтей; а въ другомъ мѣстѣ въ тюремныхъ стѣнахъ устраивалась школа; въ третьемъ мѣстѣ дѣтей водили часто въ тюремную церковь, гдѣ имъ читались назидательныя проповѣди сладкоустымъ пасторомъ или дамой миссіонершей. Предпринимались еще и другія „реформы" такого же рода и никому не приходило въ голову, что всѣ эти улучшенія и реформы лишь насмѣшка надъ здравымъ смысломъ и оскорбленіе человѣческаго чувства. То есть въ голову-то приходило, да сердце оставалось глухимъ.

Digitized by Google

Въ 1847 г. былъ даже изданъ отчетъ комитета лордовъ, спеціально занимавшагося вопросомъ о положеніи малолѣтнихъ преступниковъ и вполнѣ откровенно признавшаго необходимость коренной реформы и полной перемѣны системы наказанія. Но и послѣ этого отчета прошло четыре года, и никто палецъ о палецъ не ударилъ, чтобы осуществить предложенія комитета. И нужно было имѣть глубокій религіозный энтузіазмъ и самоотверженную душу Мэри Карпентеръ, чтобы энергично двинуть дѣло, разбудить общественное мнѣніе, повліять на парламентъ и правительство и чтобы черезъ какіе-нибудь три-четыре года работы совершенно пересоздать и перестроить отношеніе англійскаго общества къ преступнымъ дѣтямъ. Отчетъ комитета лордовъ попался Карпентеръ въ руки въ 1850 г. и, основательно ознакомившись съ его матеріалами, она была глубоко поражена, что ничего еще не сдѣлано для перемѣны условій содержанія и воспитанія малолѣтнихъ преступниковъ. Это свое удивленіе она и не замедлила выразить въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей и сейчасъ же принялась за дѣло.

Ей тогда уже было 49 лѣтъ. Но энтузіазмъ, переполнявшій все ея существо въ молодые годы не только не оставилъ ее, но какъ будто еще разростался. Родившись въ духовной семьѣ и обладая экзальтированной натурой, Мэри Карпентеръ была глубоко религіозна и вѣроятно кончила бы свою жизнь, какъ многія другія религіозныя англичанки, чувствующія потребность въ какой-либо богоугодной дѣятельности. Она, вѣроятно, занялась бы раздачей нравоучительныхъ брошюръ среди солдатъ и пьяницъ, или отправилась бы въ Африку или Китай для обращенія язычниковъ въ христіанство, или же увлеклась бы какимъ-нибудь шарлатанствующимъ проповѣдникомъ и миссіонеромъ и попала бы въ его христолюбивыя сестры. Къ счастью для англійскихъ малолѣтнихъ преступниковъ, Мэри Карпентеръ вмѣстѣ съ крайне восторженной натурой обладала и недюжиннымъ умомъ, и всестороннимъ и обширнымъ образованіемъ и, что особенно замѣчательно, большой долей здраваго смысла и организаторской способностью. Не удивительно поэтому, что, когда въ 1836 г. ея семейство посѣтилъ какой-то миссіонеръ, работавшій на островахъ Полинезіи, и сталъ уговаривать ее и сестеръ ея отправиться туда съ нимъ распространять слово Божіе, она отвѣтила вполнѣ искренно, что рада бы поѣхать, да такъ много работы дома, у себя въ Англіи, что предпочитаетъ оставаться здѣсь.

Необходимость болѣе дѣйствительныхъ средствъ исправленія дѣтей, чѣмъ тюрьма, сдѣлалась ей очевидной сейчасъ же, какъ

Digitized by Google

только она стала заниматься обученіемъ уличныхъ дѣтей въ школѣ для оборвышей (kagged school), открытой ею въ Бристолѣ, гдѣ отецъ ея былъ пасторомъ. Занятія въ этой школѣ убѣдили ее, что въ преступленіяхъ дѣтей виноваты не сами дѣти, а родители ихъ и общія окружающія условія жизни, и что заключеніе малолѣтнихъ въ тюрьмахъ не только не исправляетъ, а, наоборотъ, довершаетъ испорченность дѣтской натуры и вноситъ полную деморализацію. Заинтересовавшись вопросомъ, она стала посѣщать разныя мѣста заключенія, знакомиться съ смотрителями, пасторами и прочими попечителями, близко стоящими къ тюремному дѣлу, и отовсюду она выносила одно и то же впечатлѣніе о вредѣ тюремнаго содержанія для дѣтей. Въ то же время она знакомилась и съ системами исправленія дѣтей за границей, и въ концѣ концовъ, не могла не придти къ заключенію, что необходимы серьезныя реформы. Какъ мы уже сказали, она была, конечно, очень удивлена, когда узнала что предложенія комитета лордовъ 1847 г., столь близко совпадавшія съ ея собственными выводами, оставались безъ движенія.

Первымъ дѣломъ она рѣшила освѣжить въ памяти общества факты, касающіеся преступности дѣтей и наказанія ихъ. Съ этой цѣлью она воспользовалась, какъ отчетомъ комитета 1847 г., такъ и многими личными наблюденіями, свидѣтельствами лицъ компетентныхъ и другими источниками, и издала въ 1851 г. большую книгу съ довольно многословнымъ заглавіемъ: „Исправительныя школы для дѣтей погибающихъ и опасныхъ классовъ и для малолѣтнихъ преступниковъ“ (Reformatory schools for the children of the perishing and adndangerons classes, and for juvenile offenders“). Въ какомъ настроеніи писалась ею эта книга, видно изъ ея писемъ того времени. Вотъ, напримѣръ, строчки, писанныя, когда книга заканчивалась: „Я чувствую себя счастливой, что мнѣ удалось, хотя и не въ совершенномъ видѣ, раскрыть до нѣкоторой степени глубочайшія движенія моего сердца и души. Я не могу читать корректуры безъ того, чтобы не кипѣть негодованіемъ и не испытывать сердечной боли за бѣдныхъ дѣтей. Хочется вѣрить, что хоть частица этихъ же чувствъ будетъ возжена и въ сердцахъ читателей“.

Какъ и въ агитаціи по поводу экономическаго положенія женщинъ, начатой Гарріетъ Мартино, заслуга Мэри Карпентеръ состояла въ томъ, что она первая освѣтила передъ англійскимъ обществомъ рѣшительно всѣ стороны вопроса объ исправительныхъ школахъ, приведя не только всѣ факты, но и всѣ аргументы за и противъ той или другой системы исправленія и съ

Digitized by Google

неопровержимой логикой доказавъ превосходство одной системы передъ другой. Но въ то время, какъ инціатива въ женско-экономическомъ вопросѣ раздѣлилась между писательницей и практической дѣятельницей, въ вопросѣ объ исправленіи дѣтей на долю автора книги выпало и осуществленіе возвѣщенныхъ имъ принциповъ. Для М. Карпентеръ книга „Reformatory Schools“ была лишь первымъ шагомъ на трудномъ пути очень дѣятельной и упорной агитаціи. Издавъ книгу, она немедленно начала хлопотать о созывѣ конференціи изъ сочувствующихъ реформѣ лицъ.

„Мои старанія теперь направлены, — писала она въ октябрѣ 1851 г. своему другу миссъ Сэнфордъ,—на то, чтобы объединить друзей бѣдныхъ дѣтей. До сихъ поръ я чувствовала себя до нѣкоторой степени какимъ-то Петромъ Отшельникомъ, старающимся поднять крестовый походъ, и какъ Гофредо, которому поручена эта миссія. Я всегда сочувствовала его скромной, но горячей преданности дѣлу и его пламенной душѣ, полной самоотреченія... До сихъ поръ я была единственнымъ ядрышкомъ агитаціи, прибавляя lettere a lettere, messi a messi въ приглашеніяхъ на конференцію“.

Эта конференція и состоялась въ декабрѣ того же 1851 г., въ Бирмингемѣ. Замѣчательно, что хотя Карпентеръ все время присутствовала на засѣданіяхъ конференціи, она ни разу на ней не говорила, будучи очень застѣнчивой, главнымъ образомъ желая узнавать мнѣнія другихъ. Конференція, однако, признала всецѣло предложенія Карпентеръ, какъ они были формулированы въ ея книгѣ, и приняла резолюцію о необходимости учрежденія троякаго рода школъ: во-первыхъ, для дѣтей бѣдныхъ и преступныхъ родителей, не находящихъ себѣ мѣста въ обыкновенныхъ школахъ; во вторыхъ, для дѣтей, уже попавшихъ въ руки полиціи, какъ бродяжки, попрошайки и за мелкія нарушенія закона и, въ третьихъ, для дѣтей, уже осужденныхъ за преступленія, обнаруживающія испорченность характера. Для приведенія этихъ резолюцій въ исполненіе былъ образованъ комитетъ, взявшій на себя доведеніе ихъ до свѣдѣнія правительства и выработку соотвѣтственнаго законопроекта. Вскорѣ, однако, обнаружилось, что комитетъ понимаетъ задачу реформы иначе, чѣмъ Карпентеръ. Она считала, что исправительная школа не должна имѣть ничего общаго съ характеромъ наказанія, что исправленіе не слѣдуетъ смѣшивать съ карой; комитетъ же полагалъ, что и въ исправительной школѣ безъ наказанія нельзя обойтись и что отдача малолѣтняго въ такую школу должна быть сопряжена въ умѣ его съ карательнымъ воздѣйствіемъ.

Digitized by Google

Чтобы доказать на дѣлѣ возможность исправленія безъ всякихъ каръ, Карпентеръ открыла собственную школу для преступныхъ дѣтей. И перваго юнаго преступника, который по распоряженію суда былъ отданъ на ея попеченіе, она встрѣтила поцѣлуемъ. Во всякомъ случаѣ, поднятая агитація уже не улеглась, покуда требуемая реформа не была произведена. Въ 1852 г. былъ образованъ опять парламентскій комитетъ для изученія вопроса о преступности дѣтей, и данныя передъ нимъ показанія Карпентеръ замѣчательны между прочимъ однимъ глубокимъ наблюденіемъ, которое не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія. Чтобы показать, насколько вся тюремная дисциплина чужда моральнаго воздѣйствія и имѣетъ лишь чисто внѣшній характеръ, она указала на тотъ фактъ, въ которомъ она убѣдилась по личнымъ наблюденіямъ, что тѣ малолѣтніе преступники, которые ведутъ себя наиболѣе хорошо и послушно въ тюрьмѣ, наиболѣе всего склонны къ рецидивизму по освобожденіи. Въ 1853 г. она издала новую книгу „Малолѣтніе преступники“ (Juvenile delinquents), въ которой дано богатое описаніе среды, откуда выходятъ малолѣтніе преступники, данъ рядъ характеристикъ отдѣльныхъ классовъ и отдѣльныхъ личностей преступниковъ, описаніе разныхъ исправительныхъ системъ и анализъ ихъ.

И наконецъ, въ 1854 г. парламентъ принялъ законъ, сразу поставившій дѣло исправленія дѣтей въ Англіи на новую почву. Слѣдуетъ сказать, что и до тѣхъ поръ существовали кое-гдѣ въ Англіи такъ назыв. исправительныя школы, не имѣвшія, однако, офиціальнаго значенія. Онѣ были дѣломъ филантропіи и не имѣли принудительнаго характера. Дѣти могли быть отправлены туда или нѣтъ—по усмотрѣнію суда и полиціи, и во всякомъ случаѣ не могли быть насильно водворены туда, если бѣжали оттуда. Законъ-же 1854 г. придалъ исправительнымъ школамъ, открываемымъ частными учрежденіями и лицами, офиціальное значеніе, подвергнувъ ихъ правительственной инспекціи, даровавъ имъ субсидіи и сдѣлавъ ихъ для судей обязательными вмѣсто тюремъ. Законъ 1854 г., такимъ образомъ, какъ бы совершенно исключилъ малолѣтнихъ до 16-лѣтняго возраста изъ тюремныхъ стѣнъ. Говоримъ „какъ бы“, потому что онъ все же сохранилъ карательный принципъ въ видѣ двухнедѣльнаго предварительнаго, какъ бы очистительнаго, тюремнаго заключенія—до отправки юнаго преступника въ исправительное заведеніе. Но законъ 1854 г. былъ еще далеко не совершененъ, и въ 1855, 1856, въ 1861 г. и въ разные другіе годы парламенту приходилось вносить въ него улучшенія, пока не создалась дѣйствующая нынѣ система.

Digitized by Google

Мери Карпентеръ умерла въ 1877 г., когда въ Англіи окончательно уже осуществился ея идеалъ школъ не только для дѣтей, уже впавшихъ въ преступность, но и для тѣхъ, которыя по винѣ родителей и общества находятся на наклонномъ пути къ преступленію.

IV.

Если въ отношеніи профессіональнаго образованія женщинъ и исправленія преступныхъ дѣтей англійская женщина въ общемъ слѣдовала уже имѣвшимся за-границей и даже въ самомъ Соединенномъ Королевствѣ образцамъ, какъ напримѣръ исправительныя заведенія въ Шотландіи, то въ защитѣ женской свободы и женской чести ей несомнѣнно принадлежитъ пальма первенства, и въ этомъ отношеніи она оказалась глубоко національной по чувствамъ и иниціативѣ. Мы говоримъ о великомъ „крестовомъ походѣ“, предпринятомъ и исполненномъ англійской женщиною противъ попытки ввести въ Англіи систему насильственнаго врачебнаго осмотра для проститутокъ и регламентаціи позорнаго ремесла. Это движеніе, извѣстное подъ именемъ аболиціонизма, многими, особенно изъ лицъ, принадлежащихъ къ врачебной профессіи, третируется свысока и даже со строгимъ осужденіемъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Чувства собственнаго достоинства и свободы многимъ чужды даже въ отношеніи самихъ себя, а тѣмъ болѣе въ отношеніи другихъ, да и еще въ отношеніи такой части общества, которая сама безсильна бороться и отстаивать свою личность. При томъ высокомѣріе и нетерпимость всякаго профессіональнаго жречества, среди котораго медицинское занимаетъ не послѣднее мѣсто, не могли не сказаться по отношенію къ движенію, которое было затѣяно „не спеціалистами“, да еще женщинами. Вотъ почему для многихъ и теперь борьба аболиціонистовъ въ Англіи, увѣнчавшаяся такимъ успѣхомъ, казалась и кажется не только не важной, но даже вредной. А между тѣмъ эта борьба была одной изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ исторіи дѣятельности женщинъ, самымъ высокимъ и благороднымъ подвигомъ и самымъ глубокимъ и важнымъ по значенію. Только полное невѣжество критиковъ этой борьбы, не понимавшихъ ея истиннаго смысла и размѣра, и ихъ нравственное и политическое убожество могли открыть въ ней элементы для насмѣшекъ и порицанія. Мы здѣсь не станемъ доказывать, что обвиненія въ извращеніи фактовъ и цифръ не только несправедливы, но съ большимъ основаніемъ могутъ быть

Digitized by Google

направлены противъ самихъ обвинителей. Ложность и неосновательность фактовъ, приводимыхъ анти-аболиціонистами, подчасъ ясны даже для поверхностнаго наблюдателя. Но дѣло тутъ вовсе не въ статистикѣ и фактахъ. Споръ ведется обѣими сторонами на совершенно разныхъ плоскостяхъ. Одна сторона грубо матеріальна, другая идеальна; первая вѣритъ въ полицейскій режимъ и допускаетъ полицейскій гнетъ, а вторая почитаетъ человѣческую личность и признаетъ ея свободу. Первая, наконецъ, заботится о томъ, чтобы получше и безопаснѣе устроить домъ терпимости, а вторая стремится къ очищенію и освобожденію личности, къ поддержанію и развитію въ ней чувства достоинства.

Въ Англіи вопросъ о врачебномъ осмотрѣ женщинъ, занимающихся проституціей, возникъ въ 60-хъ годахъ 19-го вѣка, когда парламентъ принялъ законъ, извѣстный подъ именемъ „акта о заразительныхъ болѣзняхъ“. На основаніи этого закона, принятаго въ 1864 г. въ видѣ опыта, а затѣмъ расширеннаго въ 1866 г. и получившаго дальнѣйшее расширеніе и подтвержденіе въ 1869 г., во всѣхъ городахъ, имѣющихъ военный гарнизонъ, и на 15 миль вокругъ нихъ каждая женщина, которую какой-либо изъ спеціально для того назначенныхъ шпіоновъ обвинитъ въ проституціи, обязывалась подпиской „добровольно подчиняться“ медицинскому осмотру каждыя двѣ недѣли, или же доказать передъ мировымъ судьей ложность шпіонскаго доноса. Такимъ образомъ англійскія гражданки, съ цѣлью предохранить распутничающихъ солдатъ отъ возможныхъ зараженій, отдавались подъ надзоръ полицейскихъ шпіоновъ, въ рукахъ которыхъ оказывалась честь и доброе имя всякой женщины, какъ бы она порядочна ни была, если только она была бѣдна и не было за ея спиной сильной защиты. Но этого мало. Неприкосновенность личности, освященная въ Англіи вѣками политической жизни, хартіями, актами и петиціями, неприкосновенность, которая можетъ быть нарушена лишь приговоромъ суда за совершенное дѣяніе, тутъ вся пошла на смарку, потому что рѣчь шла не о мужчинахъ, а о женщинахъ. Любой негодяй мужского пола можетъ безнаказанно вносить заразу въ свою и чужія семьи, и никому не придетъ въ голову подвергать его періодическимъ освидѣтельствованіямъ, а для женщины такое насиліе надъ личностью оказывается естественнымъ и справедливымъ. Чудовищность такого отношенія къ личности могла еще быть понятна на континентѣ, откуда Англія заимствовала свой законъ 1869 г. На континентѣ вообще неприкосновенность личности, особенно женской, никогда строго не соблюдалась, особенно въ первой половинѣ 19-го вѣка, когда

Digitized by Google

сталъ вводиться, съ легкой руки Наполеона I-го, институтъ принудительныхъ и періодическихъ освидѣтельствованій. Тамъ обыватель всегда былъ въ рукахъ полиціи и шпіоновъ, опекавшихъ его на яву и во снѣ. Тамъ населеніе привыкло къ регламентаціи, касающейся даже личной и частной жизни гражданъ, и поэтому подчиненіе проститутокъ гнуснымъ и совершенно безцѣльнымъ униженіямъ въ рукахъ врачей и полицейскихъ не только не вызвало протеста, но еще нашло сильную поддержку въ лицѣ врачебнаго сословія и всѣхъ грубо заинтересованныхъ въ развратѣ лицъ. Въ Англіи же такой возмутительный законъ, дѣлающій издѣвательство надъ человѣческой личностью государственной функціей и низводящій формальнымъ образомъ женщину до положенія скота и неодушевленнаго товара, могъ пройти только потому, что онъ касался не мужчинъ, а лишенныхъ правъ женщинъ.

Нужно ли говорить, что онъ сразу же долженъ былъ поднять на ноги всякую уважающую себя англичанку, если не всякаго мужчину! Но со стороны женщины выступить съ протестомъ противъ несправедливаго закона требовало на этотъ разъ огромнаго мужества и энергіи. Подумайте только, вѣдь рѣчь шла о такомъ не салонномъ, грязномъ предметѣ, какъ публичный развратъ; нужно было говорить о томъ, о чемъ „приличнымъ дамамъ“ въ „приличномъ“ обществѣ не принято и заикаться; приходилось выступать въ защиту проститутокъ, отверженныхъ членовъ общества, этихъ живыхъ олицетвореній полной потери человѣческаго достоинства. Впереди предстояла не только оппозиція на почвѣ фактовъ и логики, но и насмѣшки, и брань, и клеветы, какъ со стороны пустоголовыхъ развратниковъ, любящихъ видѣть въ женщинѣ рабыню, такъ и со стороны болѣе серьезныхъ сторонниковъ полицейскаго регламента. Но нашлась женщина, которая, не задумываясь, приняла на себя крестъ борьбы и, вооруженная огромными дарованіями и знаніями, безграничной любовью къ падшимъ сестрамъ и глубокой вѣрой въ свое дѣло, ринулась въ бой и спасла свободу и честь англійской женщины.

Этимъ славнымъ борцомъ была Джозефина Батлеръ (Butler). Какъ она сама потомъ разсказывала въ своихъ воспоминаніяхъ (Personal Reminiscences), напечатанныхъ въ 1896 г., для нея, какъ и для значительной части ея соратницъ, это не была лишь борьба женщины противъ господства мужчины. Это была гораздо болѣе широкая борьба. „Я чувствовала потребность выступить въ защиту права,—пишетъ она,—раньше всего какъ гражданинъ

Digitized by Google

свободной страны, а уже потомъ какъ женщина!" И вотъ именно съ этой-то широкой точки зрѣнія борьба за уничтоженіе законовъ 1866 и 1869 г.г. и имѣетъ огромное значеніе для политическаго роста Англіи и даже для развитія политической мысли З. Европы.

Собственно говоря иниціаторомъ движенія былъ мужчина, нѣкій Даніилъ Куперъ, бывшій секретаремъ общества спасенія падшихъ женщинъ. Уже въ 1868 г. онъ составилъ брошюру противъ регламентаціи проституціи и разослалъ ее членамъ парламента, пасторамъ, муниципальнымъ дѣятелямъ и др. лицамъ. Но этимъ дѣло тогда и кончилось. Никто на его призывъ не обратилъ вниманія, и въ 1869 г. парламентъ, какъ мы видѣли, даже усугубилъ зло. Куперъ и опустилъ руки, пока не явилась Батлеръ, которая сдѣлала вопросъ объ отмѣнѣ несправедливаго закона дѣломъ своей жизни.

Много помогло Джозефинѣ Батлеръ въ начатой ею агитаціи ея близкое знакомство съ жизнью и характеромъ проститутокъ. Занимаясь раньше филантропической дѣятельностью среди падшихъ женщинъ, она сумѣла открыть, не въ романахъ и повѣстяхъ, а въ дѣйствительной жизни, еще до созданія ихъ авторской фантазіей, много восторженныхъ и нѣжныхъ Сонь Мармеладовыхъ, разныхъ добросердечныхъ и готовыхъ на самопожертвованіе Boule de Suif Мопассана или его же гордо-патріотичныхъ Рашелей о которыхъ она потомъ разсказывала въ печати. Это сознаніе, что не всякая проститутка утеряла высокія душевныя качества, придавало ей особую смѣлость и мужество въ борьбѣ противъ унизительнаго для женщины закона, хотя собственно за проституток она тогда и не думала заступаться.

Агитація началась съ появленія 1-го янв. 1870 г. въ „Daily News" „Протеста женщинъ", подписаннаго 19 наиболѣе извѣстными тогда въ Англіи женщинами, среди которыхъ была и Батлеръ, какъ „почетный секретарь", собравшая подписи.

Въ этомъ протестѣ приведены восемь пунктовъ, можно сказать всесторонне исчерпывающихъ основные аргументы противъ закона о принудительномъ періодическомъ врачебномъ осмотрѣ... Газеты въ Лондонѣ и провинціи не замедлили перепечатать протестъ и 2000 женщинъ сейчасъ же прислали свои подписи для присоединенія къ нему. Первый снѣжный комъ, обратившійся потомъ вовсесокрушающую лавину, былъ брошенъ. И хотя газеты впослѣдствіи какъ бы раскаялись въ своемъ великодушіи и упорно, вплоть до 1874 г., старались замалчивать движеніе, послѣднее росло, помимо

Digitized by Google

нихъ, и въ концѣ-концовъ заставило и ихъ присоединиться къ общему хору.

Послѣ появленія протеста, Батлеръ начала объѣзжать страну для устройства публичныхъ митинговъ. Мы здѣсь не имѣемъ мѣста для разсказа объ этихъ высокоинтересныхъ собраніяхъ, столь талантливо описанныхъ самой Батлеръ въ ея „Воспоминаніяхъ". Достаточно сказать, что, не полагаясь особенно на поддержку „культурныхъ" и богатыхъ классовъ, она обратилась къ совѣсти простого народа и не ошиблась. Митинги эти однако вовсе не были такимъ легкимъ дѣломъ, такъ какъ часто сопровождались враждебными демонстраціями, угрожавшими даже жизни ораторовъ. Особенно опасными они оказывались тамъ, гдѣ Батлеръ и друзья ея выступали противъ парламентскихъ кандидатовъ на выборахъ. И безъ того разгоряченныя политическія страсти находили себѣ новую силу во вмѣшательствѣ аболиціонистки, уговаривавшей подавать голоса лишь за того, кто обѣщается поддерживать отмѣну ненавистнаго закона. Въ сторону ея тогда летѣли не только насмѣшки и брань, которая въ концѣ концовъ „на вороту не виснетъ", но и болѣе серьезныя и вещественныя стрѣлы изъ булыжниковъ, дерева и пр. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходило до того, что гостинницы отказывались отдавать ей комнаты и даже въ частныхъ домахъ пребываніе ея держалось въ секретѣ отъ хулиганствовавшей черни, подкупленной и настроенной недобросовѣстными партійными политиками.

Для содѣйствія агитаціи было основано до тридцати обществъ въ провинціи съ центральнымъ обществомъ въ Лондонѣ и многочисленными комитетами, какъ въ провинціи, такъ и столицѣ. Вскорѣ движеніе перекинулось и за-границу, на европейскій континентъ, и въ 1875 г. была основана „Общая федерація", соединившая всѣ общества и союзы всѣхъ странъ, имѣющіе одну и ту же цѣль уничтоженія позорнаго законодательства о регистраціи и періодическихъ осмотрахъ проститутокъ. Увлекшись болѣе широкой международной агитаціей, Батлеръ неминуемо должна была немного пожертвовать своей дѣятельностью на родинѣ. Но агитація все же продолжалась, хотя и съ меньшей силой. Къ этой агитаціи удалось привлечь и бывшихъ членовъ кабинета министровъ и другихъ вліятельныхъ политическихъ людей, и, наконецъ, въ 1883 г. законъ 1869 г. былъ пріостановленъ дѣйствіемъ, а въ 1885 г. совершенно отмѣненъ.

Джозефина Батлеръ умерла 79 лѣтъ весною 1907-го года. Но хотя она добилась въ 1885 г. отмѣны закона 1869 г., она не считала свою задачу покончennой, и до конца дней своихъ на-

Digitized by Google

ставала на необходимости „беречь принципы". „Нужно,—писала она въ 1896 г.,—всегда держать свѣжими въ памяти принципы, за которые мы боролись, потому что они далеко еще не настолько ясно признаны, чтобы нашимъ дѣтямъ или дѣтямъ нашихъ дѣтей не приходилось еще и еще разъ выступать въ ихъ защиту".

V.

Среди именъ, подписанныхъ подъ упомянутымъ выше „Протестомъ женщинъ", кромѣ знакомыхъ уже намъ Карпентеръ и Мартино, значилось еще одно, которое само собою просится подъ перо, когда пишешь о „женскомъ дѣлѣ" въ Англіи. Имя это—Флоренсъ Найтингелъ. Объ этой замѣчательной женщинѣ столько писалось, имя ея пользуется такой популярностью и даже всемірной славой и оно настолько, такъ сказать, уже захватано писаніями разныхъ сентиментальныхъ біографовъ, что стоитъ только произнести его, чтобы воображеніе начало рисовать умирающаго воина и склоненнаго надъ нимъ ангела-хранителя въ лицѣ изящной, самоотверженной сестры милосердія.

Несомнѣнно, самое ощутительное, видное для всѣхъ, дѣло Найтингелъ была ея поѣздка съ отрядомъ сестеръ милосердія на мѣсто дѣйствій во время крымской войны и организація тамъ отличнѣйшаго ухода за больными и ранеными. Ея отзывчивость, ея организаторскія способности, ея нѣжность, сопряженная съ твердостью воли, ея искусство въ уходѣ за больными—все это должно было произвести глубокое впечатлѣніе на армію и народъ, въ то время потрясенный извѣстіями о царствовавшемъ на войнѣ госпитальномъ хаосѣ. Корреспонденціи представителя „Times'a", Вильяма Говарда Рёсселя, этого перваго военнаго корреспондента, о страданіяхъ заболѣвшихъ и раненыхъ, оставшихся безъ помощи, поразили до дна сердца и души англичанъ.

„Неужели среди насъ,—писалъ этотъ корреспондентъ,—нѣтъ преданныхъ женщинъ, способныхъ и готовыхъ отправиться на службу больнымъ и страдающимъ, находящимся на Востокѣ, въ госпиталяхъ Скутари? Неужели въ этотъ часъ крайней нужды не найдется среди дочерей Англіи желающихъ принять на себя такую работу милосердія?"

И этотъ призывъ Рёсселя не только нашелъ быстрый откликъ, но среди дочерей Англій „нашлась и такая, которая своими заботами о больныхъ и раненыхъ, превзошла все то, что было когда либо сдѣлано до тѣхъ поръ. Госпитальный хаосъ въ Скутари подъ ея руководствомъ быстро обратился въ образцовый порядокъ.

Digitized by Google

Раненые и больные солдаты вдругъ почувствовали вокругъ себя какую-то нѣжную заботливость, благоразумную предупредительность и такъ сказать атмосферу любви и милосердія, которыхъ они никогда раньше не испытывали. И образованная, высококультурная, богатая англійская женщина сдѣлалась кумиромъ солдатъ, спѣшившихъ цѣловать тѣнь ея, мелькавшую на полу и стѣнахъ, когда она съ лампочкой въ рукахъ обходила по ночамъ лазареты. „The lady with the lamp" (дама съ лампочкой) сдѣлалась какимъ-то легендарнымъ, какимъ-то призрачнымъ, сверхъестественнымъ существомъ, котораго больные въ госпиталяхъ Скутари ожидали по ночамъ съ религіознымъ благоговѣніемъ. Не даромъ, дама съ лампочкой вдохновила и такого поэта, какъ Лонгфелло, воспѣвшій ее въ тепломъ и граціозномъ стихотвореніи.

Въ воображеніи современниковъ крымской кампаніи дѣятельность Найтингелъ поэтому съ особенной силой и блескомъ выступаетъ именно въ связи съ этой войной. Найтингелъ была первая женщина, которая, именно какъ женщина, какъ гражданка, а не какъ монахиня или сестра какого либо ордена, выступила съ врачебно-санитарной помощью на театрѣ войны. До нея на театры разныхъ войнъ шли лишь маркитантки, проститутки и мародерки. Начиная-же съ 1854 г., съ почина Найтингелъ, на театрѣ войны оказалось мѣсто и для подвиговъ любви и милосердія, для дѣятельности женщинъ, наиболѣе чистыхъ и возвышенныхъ.

Однако, дѣятельность Найтингелъ въ Скутари была лишь отдѣльнымъ эпизодомъ въ великомъ дѣлѣ, которому была посвящена вся жизнь этой сестры милосердія. Уходъ за больными составлялъ ея призваніе, потребность души, и она вся отдается ему съ первыхъ дней ея сознательной жизни. И главная заслуга ея состоитъ въ томъ, что она совершенно измѣнила взгляды англійскаго общества на профессію сидѣлки и дала толчекъ къ организаціи ухода за больными, которою Англія можетъ теперь гордиться. Благодаря дѣятельности и почину Найтингелъ самый бѣдный человѣкъ въ Англіи, даже въ самой захолустной деревнѣ, не остается теперь безъ вполнѣ профессіональнаго женскаго ухода. „До 1840 г.,—читаю я въ одной біографіи Найтингелъ,—сидѣлки принадлежали къ самому худшему классу рабочихъ женщинъ. Доктора никогда не требовали отъ нихъ какихъ-либо рекомендацій, такъ какъ все равно ни одинъ порядочный человѣкъ въ сидѣлки не шелъ. Среди нихъ были распространены всѣ пороки, и помощь ихъ умирающимъ состояла лишь въ томъ, что онѣ своими жестокостями ускоряли неизбѣжную смерть".

Digitized by Google

Всякій, кто читалъ романъ Диккенса „Мартинъ Чезлвитъ", знакомъ съ отвратительнымъ типомъ англійской сидѣлки того времени, съ миссисъ Гэмпъ, этой пьяной, прожорливой, лживой, болтливой и вороватой бабой. Но стоило энергичной, умной и любвеобильной Найтингелъ взяться за дѣло, какъ Гэмпъ исчезли, какъ дымъ, и на ихъ мѣсто появились знающія, добросовѣстныя и, подчасъ, образованныя „сестры милосердія", конечно, какая-нибудь Гэмпъ можетъ встрѣтиться и теперь, но уже не какъ типъ для цѣлой профессіи, а какъ печальное исключеніе.

Къ профессіи сестры милосердія Найтингелъ начала готовиться рано, съ юныхъ лѣтъ. Уходъ за больными она изучала въ разныхъ госпиталяхъ Англіи и заграницей, практиковала долгое время въ институтѣ діакониссъ въ Кайзерсвертѣ, близъ Дюссельдорфа, въ этой первой по времени школѣ для сидѣлокъ. И когда она откликнулась на зовъ военнаго корреспондента съ театра крымской войны, она уже стояла во главѣ небольшого учрежденія въ Лондонѣ. Когда по окончаніи войны, она возвратилась въ Англію, благодарная нація преподнесла ей собранную по подпискѣ сумму въ полмилліона рублей, кромѣ ордена, пожалованнаго королевой. Но Найтингелъ этихъ денегъ не надо было, и она ихъ пожертвовала на устройство школы для сидѣлокъ. Эта школа, открытая въ 1860 г. и существующая по настоящее время при больницѣ св. Ѳомы, составляла одно время чуть ли не единственный разсадникъ профессіональныхъ сестеръ милосердія въ Англіи. Теперь, конечно, такихъ подготовительныхъ заведеній, явившихся результатомъ славнаго почина считается много въ провинціи и Лондонѣ.

Флоренсъ Найтингелъ, которая еще жива (ей теперь уже 87 лѣтъ), уже давно перестала принимать какое-либо дѣятельное участіе въ начатомъ ею движеніи. Но послѣднее нашло отличныхъ подражателей въ лицѣ другихъ женщинъ, вдохновленныхъ на общественную работу примѣромъ и совѣтами героини крымской кампаніи. Впрочемъ, сама Найтингелъ вовсе не считаетъ себя героиней, или дѣло свое—подвигомъ. И въ этомъ отношеніи очень интересны слѣдующія ея слова, которыми мы и закончимъ настоящіе очерки и которыя такъ характерны для ея любви къ избранной ею дѣятельности:

„Я только говорю о результатѣ моего 25-лѣтняго опыта,— писала она въ 60-хъ годахъ, — если заявляю, что наиболѣе счастливы, наиболѣе любятъ свое дѣло и наиболѣе удовлетворены своей дѣятельностью именно тѣ, которые ухаживаютъ за боль-

Digitized by Google

ными. И представлять себѣ жизнь сидѣлки, какъ жертву и мученичество, есть только злоупотребленіе этими словами. Конечно, и въ этомъ дѣлѣ были мученики — всякое почти улучшеніе въ жизни человѣчества требовало жертвъ, но сами мученики менѣе всего думали, что они приносятъ жертву. Для блага людей необходимо всегда жертвовать собою. Но — и въ этомъ все дѣло — жертвователь не долженъ чувствовать, что онъ чѣмъ-либо жертвуетъ. Наоборотъ, жизнь его должна ему казаться наиболѣе счастливой. Вотъ почему желающій работать на пользу людей долженъ вступать на общественное поприще не только въ порывѣ энтузіазма, быстро проходящаго, но и съ сильной волей и съ вполнѣ сознанной рѣшимостью".

С. Ц. Рапопортъ.

Digitized by Google

РЫБАЛКА.

Вода за холодные сѣрые дни въ октябрѣ
На отмеляхъ стала прозрачная, легкая, чистая.
Въ пескѣ серебристомъ оттиснулась лапка лучистая:
Рыбалка сидѣла на утренней ранней зарѣ.

Въ болотѣ лѣсномъ подъ высокимъ коричневымъ шпажникомъ,
Гдѣ цѣпкая тина съ листвою купавъ сплетена,
Все лѣто жила, тосковала о дружкѣ она—
О дружкѣ, убитой заѣзжимъ охотникомъ-бражникомъ.

Зарею она улетѣла на дальній Дунай
И горе забудетъ. Но жизнь дорожитъ и рыбалкою:
Ей надо помучить кого-нибудь пѣсенкой жалкою—
И Груня жалкуетъ, поетъ... Вспоминай! Вспоминай!

Иванъ Бунинъ.

Digitized by Google

Отвернулась.

эскизъ.

Въ крѣпости наступила перемѣна. Въ глухихъ казематахъ со слѣпымъ окномъ перемѣнили стекла. Матовое, похожее на огромное бѣльмо вынули и вставили обыкновенное прозрачное. И въ мертвую камеру послѣ долгихъ лѣтъ заглянули небольшіе куски неба, лазурные, далекіе и удивительно чистые. На потолкѣ, на его угрюмыхъ сводахъ, трепеща, распростерся и завертѣлся—заплясалъ въ веселой пляскѣ „зайчикъ", свѣтлымъ кружечкомъ, какъ живой.

Вечеромъ пришли звѣзды.

Въ эту ночь она не спала. Прислонилась къ стѣнѣ, что у окна, стояла безмолвно, стояла цѣлые часы. Долго смотрѣла на блѣдно-голубые куски ночного неба, на искристый свѣтъ звѣздъ.

Взобралась на подоконникъ, открыла форточку, — въ прежнемъ слѣпомъ окнѣ не было форточки, — глубоко дышетъ... Въ черные квадратики рѣшетки дохнуло теплымъ дыханьемъ: вѣтеръ зашуршалъ у желѣзныхъ полосъ. Зашуршалъ, что-то пролепеталъ. Смолкъ.

— Оттепель или весна?

— Весна.— Вѣтеръ дохнулъ зеленымъ запахомъ травы... Молодой травы.

Женщина прислонилась лбомъ къ стеклу. Лобъ чистый, нѣжный, какъ бы ясный. Кажется вотъ-вотъ и на немъ засіяетъ свѣтлое сіяніе... Глаза—два голубыхъ солнца, рѣсницы—пукъ лучей.

— Весна...—сдержанно вздохнула.

Далеко-далеко—за тысячи верстъ отъ этой клѣтки—въ Кіевской губерніи теперь тоже ночь. Украинская ночь... У нихъ на хуторѣ—въ саду ужъ расцвѣла акація. Одуряюще

Digitized by Google

пахнетъ. Черешня—она вся въ бѣломъ. Убралась, какъ дитя предъ причастіемъ... Тополь...

Полукруглыя стежки сада влажны. Только что садовникъ полилъ ихъ. Заботливо полилъ и на мокромъ гравіи остались темные кружечки водяныхъ капель... По краямъ дорожекъ, у взбухшихъ выступовъ старыхъ корневищъ, въ „пѣтушкахъ“ таинственными огоньками искрятся свѣтляки... Что-то барахтается,—птица! Она, чѣмъ-то спугнутая, забилась растопыреннымъ крыломъ, перелетѣла на другое дерево, шумно прервала нѣжную тишину ночи...

...Радостный разсвѣтъ, пышныя гривы утреннихъ тучъ на восходѣ, лиловые отливы заката...

— О, какъ тоскливо надоѣли холодныя сумерки тюрьмы, неизмѣнныя, сѣрыя.

— Хочется знойнаго вечера! Страстно жаждешь душной мглы южной ночи!

Она слѣзла съ окна, заходила по камерѣ—медленно задумчиво съ большими остановками. Прошлась нѣсколько разъ, опять стала у окна.

...Маленькой дѣвочкой любила она лѣтомъ въ предвечернюю пору лежать на землѣ, возлѣ матери. Мама, по обыкновенію, сидитъ на большомъ плоскомъ камнѣ у садовой калитки, а она примостилась тутъ же: завернулась, закуталась въ длинный шлейфъ маминаго пеньюара. Лежитъ и смотритъ.

...Вотъ что-то трескуче хлопнуло: бичъ пастуха. За выгономъ вздернулась пыльная завѣса, радужная и съ голубыми просвѣтами. Блеянье, бѣгущій топотъ... Овчарка Каштанъ свирѣпо подгоняетъ разсѣянную телку. Та отстала, и Каштанъ менторски лаетъ. Телка опомнилась, шарахнулась и обиженно затрусила.

Пѣсни... Изъ какой-то хаты выскочила цѣлая ватага ребятишекъ и съ веселымъ шумомъ шаловливыхъ дѣтей разсыпчато кинулись на встрѣчу стаду... Заскрипѣли досчатыя ворота плетней, журавли криницъ... На селѣ усталыя хлопоты: дивчата собираютъ вечерять. Понесло паленымъ запахомъ: надъ деревней задумчиво стелется, разрыхляется сизый дымъ. Трогательный покой. Пришелъ вечеръ, и тихая отрада почила надъ бѣлыми хатами, надъ гаемъ, надъ болтливой рѣчкой...

— Охх-ххо-хо!—пригорюнилась.

— Какъ хотѣлось бы увидѣть мать, ребенка... онъ

Digitized by Google

остался грудным... Теперь выросъ... большой... Скорбно закинула за голову руки, скрестила пальцы...

...Сухой, долгій кашель рѣзко запрыгалъ въ тяжеломъ молчаніи крѣпостного острога, прорвалъ его, точно силится пробиться сквозь камень стѣнъ туда, за глухой заборъ — на волю, къ людямъ...

...Шумъ! Грубый топотъ солдатскихъ сапогъ. Звонъ шпоръ... Негодующіе возгласы... Злобная возня... Что-то грузно ухнуло, упало и зловѣще смолкло... Крикъ—острый, рѣжущій... Еще! Громкій, безумный бредъ...

Дрожащими пальцами женщина безпомощно водитъ по жесткому вороту арестантской рубахи. Въ головѣ все спуталось, завертѣлось. Сразу выросла щемящая тревога — выросла и затопила свѣтлыя воспоминанія. Смѣшиваясь и сплетаясь, растерянно бьются разорванныя мысли. Быстро смѣняя другъ друга, возникая и пропадая, онѣ опять появляются, невѣдомо почему. Неожиданно въ нихъ встаютъ непонятныя, ничѣмъ не связанныя слова, образы, обрывки картинъ...

Она пытается удержать эти бѣгущія вереницы, внести въ нихъ порядокъ, подчинить сознанію— ничего не выходитъ. Онѣ продолжаютъ свой странный бѣгъ, какъ въ чудовищномъ снѣ, какъ въ кошмарѣ...

Долго, нѣсколько разъ пытается направить сознаніе къ опредѣленному. Тщетно. Выбилась изъ силъ. Отошла отъ окна, легла на койку. И когда легла, почувствовала тяжесть и ломоту въ углахъ лба—у висковъ. Вотъ теперь она можетъ разобраться.

...Она никогда не выйдетъ отсюда... Не увидитъ своего мальчика... Никто не выйдетъ... Всѣхъ тутъ заморятъ - доведутъ до гибели... Нѣтъ спасенья никому, никому... Вчера въ полночь въ корридорѣ раздавались подозрительные шорохи: какъ будто кого-то выносили,.. тѣло...

Она заснула только къ утру. И былъ у нея сонъ. Ей снилась желѣзная клѣтка, а въ клѣткѣ мечется умирающій человѣкъ.

II.

Полдень. На сѣрой стѣнѣ каземата безпомощно треплется тонкое, желтое пятно, блѣдный отблескъ ликующаго дня. Тамъ, за крѣпостнымъ валомъ, въ сверкающихъ высотахъ полуденнаго неба ярко горитъ солнце.

Digitized by Google

Въ корридорѣ почтительное движеніе. Шаги. Подходятъ къ каземату. Покорно хрипитъ засовъ, визжитъ ключъ. Кроткій скрипъ, и медленно раскрывается дверь.

...Маленькій старичекъ, тщедушный и въ пенснэ. Штатскій сюртукъ, на груди звѣзда. Вошелъ скромно, безъ военной свиты. Сухое, какъ пергаментъ, лицо, борода и усы ебриты. Вошелъ, осмотрѣлся. Привѣтливая улыбка почтительно улеглась въ глубокихъ скобкахъ анемичнаго рта.

— Какъ себя чувствуете?

— Какъ вы себя чувствуете? быстро поправился: значительное удареніе на *вы*.

Она недоумѣло приподнялась со стула: десять лѣтъ во все время заточенія—никто изъ нихъ съ нею *такъ* не разговаривалъ: вѣжливо, учтиво,—они всѣ „тыкали“.

Собирается отвѣтить, надѣла очки... Гнѣвное негодованіе спазмами сдавило гортань,—остановило слово.

— Онъ! Этотъ... этотъ бездушный полицейскій!

...Шесть лѣтъ тому назадъ, на пятый годъ ея заточенія, онъ былъ здѣсь...

Въ этой же камерѣ онъ предлагалъ ей свободу... Осмѣлился предложить... совѣтовать, чтобъ она попросила... Выгнала его! Съ тѣхъ поръ съ ними всѣми обращеніе стало невыносимымъ. Грубо... И это наглое *ты*... О этотъ маленькій старичекъ съ голубыми невинными глазами — мстителенъ. Онъ мстителенъ, какъ провокаторъ...

— Уходите!—Топнула ногой. Негодующе сѣла.

— Виноватъ... Не волнуйтесь, пожалуйста.—Онъ засуетился, заговорилъ торопливо, торопливо...

— Послушайте только... Я вамъ принесъ поклонъ отъ матушки вашей... И письмо... отъ матушки. Его не вскрыли:.. никто не читалъ. Тамъ и карточка... Дѣтская... Фотографія вашего мальчика... Матушка ваша передала...

Торопливо опустилъ руку въ боковой карманъ, вынулъ большой конвертъ, бѣлый, не распечатанный...

Сильно застукало въ сердцѣ. Встала. Блѣдно улыбнулась. Хочетъ протянуть руку за письмомъ.

...Стонущій крикъ, долгій, безумный, заголосилъ, понесся, затопилъ всѣ углы крѣпостного острога.

Она судорожно остановилась, взволнованно смотритъ. Улыбка застряла въ углахъ рта, и какъ бы вздрагивала на уже побѣлѣвшихъ губахъ.

Digitized by Google

Снова вопль, острый, цѣпенѣющій... Задушенный, прерывистый крикъ. Крики, крики, крики...

— Такъ, пожалуйста, получите!—Онъ ей протягиваетъ письмо.

Она сдѣлала опасливый жестъ, отдернула руку... Шепчетъ:

— Не надо... Не надо мнѣ...

Быстро оправилась, овладѣла собой, выпрямилась, сказала ясно, отчетливо:

— Возьмите обратно. Отъ васъ — сдѣлала небольшую паузу. Отъ васъ я и о матери, и о ребенкѣ не желаю слушать.

Отвернулась. Въ изгибахъ плечъ, въ длинныхъ прядяхъ опущенныхъ косъ смотритъ гнѣвная гордость.

Н. Осиповичъ.

Digitized by Google

* * *

(Памяти Левитана).

Погасъ осенній день, печальный и покорный,
Задумались поля, и даль, какъ вздохъ, грустна;
Отъ старыхъ сосенъ тѣнь каймой ложится чёрной,
И сосны золотитъ задумчиво луна;

Бросаетъ робкій свѣтъ—тѣнь солнечнаго свѣта—
На узкую межу, на темную копну,
И тихо ночьидетъ, и только пѣсня—гдѣ-то
Невнятнымъ отзвукомъ пугаетъ тишину,

Звенитъ и, какъ струна, печально замирая,
Уходитъ далеко, и точно ждетъ она,
Когда замретъ весь міръ и, звѣзды зажигая,—
Протянется, какъ ночь, отъ края и до края,
Настороженная, живая тишина...

Вл. Бѣлостоцкій (*Вѣтвицкій*)

Digitized by Google

На волѣ.

Послѣ шлиссельбургскаго заточенія.

I.

Ужъ больше года живу я на свободѣ. Глухія непроницаемыя стѣны не заграждаютъ болѣе моихъ ушей и моихъ взоровъ.

Подобно всѣмъ людямъ, теперь и я могу ходить по лѣсамъ, полямъ и улицамъ города. И мнѣ доступны теперь красота и поэзія луннаго вечера, задумчивый видъ звѣзднаго неба, мечтательный шумъ сосноваго бора, серебристая гладь воды, или ослѣпительный отблескъ снѣжной равнины. И моимъ глазамъ теперь открывается безконечный просторъ во всѣ стороны. И мои уши могутъ впивать въ себя музыку звуковъ и музыку человѣческихъ голосовъ, со всѣмъ разнообразіемъ ихъ оттѣнковъ дѣтскихъ, женскихъ и мужскихъ. И мнѣ теперь доступны и обаянье весенней природы, и смутныя чары сѣверныхъ блѣдныхъ ночей, и пріятная прохлада лѣтняго вечера, и суровыя прелести зимняго пейзажа.

Все, что даетъ намъ природа, и все, чѣмъ богата благоустроенная общественная жизнь, все это могу созерцать и я.

Послѣ долгаго, очень долгаго промежутка, увидалъ и я живой міръ, и словно юноша, которому „новы всѣ впечатлѣнья бытія“, многократно наслаждался и восторгался этимъ новымъ для меня міромъ, среди котораго, подобно новорожденному, вдругъ очутился и я на 48-мъ году своей жизни.

Немало времени нужно было мнѣ для того, чтобы оглядѣться въ этомъ мірѣ и снова научиться правильно смотрѣть на него.

Теперь мои впечатлѣнія уже значительно улеглись и выровнялись. Теперь я уже ко многому присмотрѣлся и привыкъ воспринимать совершенно спокойно многое такое, что недавно еще

Digitized by Google

повергало меня чуть не въ остолбенѣніе. Теперь я могу болѣе хладнокровно и обдуманно разобраться въ новыхъ впечатлѣніяхъ совершенно новой для меня жизни и дать въ нихъ отчетъ. Могу поэтому отвѣтить и на тѣ запросы, съ какими нерѣдко обращались ко мнѣ знакомые, желавшіе знать, какимъ я нашелъ міръ послѣ 20-лѣтней разлуки съ нимъ!

II.

Если бы я задался цѣлью опредѣлить и перечислить главнѣйшія перемѣны, какія произошли во всей жизни русскаго общества за этотъ промежутокъ времени, мнѣ пришлось бы писать цѣлый соціально-политическій трактатъ. Я могъ бы взять статистическіе справочники и показать въ цифрахъ, сколько въ Россіи было жителей тогда и теперь, сколько она производила богатства или вывозила его за границу, сколько тогда и теперь платила налоговъ и какихъ, кому доставались эти деньги и поскольку; сколько тогда и теперь было школъ, газетъ, учителей и учениковъ, рабочихъ и земледѣльцевъ, городовъ и деревень и пр. и пр.

Словомъ, тогда я провелъ бы, какъ говорятъ, рядъ сравнительныхъ статистическихъ параллелей за истекшее 20-тилѣтіе.

Но чтобы сдѣлать такую работу, не нужно было самому сидѣть въ застѣнкѣ въ теченіи всего этого времени. Это можетъ сдѣлать всякій писатель, имѣющій книги въ рукахъ. Только его работа была бы также суха и безжизненна, какъ сухи и безжизненны ариѳметическія таблицы.

Нѣтъ. Я хочу просто передать нѣсколько своихъ личныхъ наблюденій и переживаній, въ которыхъ, можетъ быть, не будетъ ничего научнаго, но зато въ нихъ будетъ одинъ интересъ, хотя и совершенно специфическій, а именно: *рѣдко кому удалось пережить что-нибудь подобное.*

Я заранѣе оговорюсь, что даже въ томъ небольшомъ уголкѣ Россіи, который я зналъ прежде и который удалось увидать вновь, нелегко было разобрать точно, что въ немъ сохранилось неизмѣннаго, и что нужно считать за новшество.

Когда мнѣ пришлось, напр., побывать въ зданіи духовной академіи, гдѣ я провелъ 4 года и откуда почти прямо былъ переселенъ въ Шлиссельбургъ, я нашелъ тамъ все чуждымъ мнѣ и совершенно незнакомымъ. Только при вторичномъ посѣщеніи и послѣ сильнаго напряженія памяти мнѣ удалось возстановить,

Digitized by Google

что все тамъ осталось почти въ томъ самомъ видѣ, какъ и 20 лѣтъ назадъ,—даже герани на окнахъ корридоровъ были тѣже.

До такой степени ослабленіе памяти и давность лѣтъ дѣлаетъ для насъ далекимъ, постороннимъ и новымъ то, что когда-то было отлично знакомо и близко.

Первое время рѣшительно все поражало меня новизной. Даже у брата, явившагося на свиданіе въ Петропавловскую крѣпость карточки котораго я не разъ получалъ въ послѣдніе годы, я подмѣтилъ странную и совершенно мнѣ незнакомую интонацію голоса. Послѣ вторичной встрѣчи съ нимъ я уже пересталъ замѣчать ее.

Новизна же всего, что я встрѣчалъ, именно *поражала* меня. Передъ всѣмъ я чувствовалъ какую-то растерянность; все волновало и будоражило меня и тѣмъ лишало возможности отнестись трезво къ впечатлѣніямъ и составить по нимъ правильныя сужденія.

III.

Въ долгіе годы заключенія въ Шлиссельб. мы не оставались вполнѣ праздными. Разъ допустивши къ намъ научныя книги, администрація никогда уже не лишала насъ ихъ. А потому все, что касалось научныхъ, техническихъ, механическихъ и пр. изобрѣтеній и нововведеній, все это мы узнавали вскорѣ послѣ ихъ появленія на свѣтъ.

Знали мы все это, и на досугѣ расписывали мечтами.

Знали мы и объ опытахъ летанія по воздуху, и объ электрическихъ трамваяхъ и проч. чудесахъ электричества, объ автомобиляхъ и моторахъ, о подводныхъ лодкахъ и велосипедахъ, о граммофонахъ и кинематографахъ, о рентгеновскихъ х-лучахъ, которыми можно заглядывать въ самое нутро живого человѣка, и о многихъ другихъ таинственныхъ лучахъ, вплоть до лучеиспусканія радія. Знали мы по цвѣтной фотографіи, и о декадентскомъ направленіи въ искусствѣ, о бездымномъ порохѣ и пулеметахъ, о лиддитныхъ бомбахъ и безпроволочномъ телеграфѣ, объ ацетиленовомъ свѣтѣ и о сахаринѣ, о болѣзнетворныхъ микробахъ и прививкахъ ихъ, о множествѣ другихъ приспособленій, облегчившихъ человѣку борьбу за существованіе, и наконецъ о тѣхъ самыхъ телефонахъ, которыми въ Финляндіи, гдѣ я пишу, всѣ пользуются, и которые 20 лѣтъ назадъ въ Петербургѣ были великой рѣдкостью.

Digitized by Google

Все то, что я перечислилъ выше, появилось на свѣтъ въ этотъ промежутокъ времени, и обо всемъ этомъ мы были хорошо наслышаны, или, точнѣе, начитаны. Но ничего этого своими глазами мы не видали, какъ не видали и новыхъ денежныхъ знаковъ, бумажныхъ и золотыхъ, къ которымъ до сихъ поръ я не могу привыкнуть.

Телефономъ, правда, у насъ соединили въ 1902 г. старую тюрьму съ новой, и унтера, дежурившіе въ той и другой, вели другъ съ другомъ переговоры. Мы это изрѣдка слышали, но самихъ насъ къ телефону, конечно, не допускали.

За то мечтали же мы по поводу всѣхъ этихъ нововведеній! На досугѣ намъ казалось, что всѣ они пестрятъ на каждомъ шагу, что напр. отъ велосипедистовъ нѣтъ проходу на улицахъ, а телефоны всецѣло замѣняютъ переписку и свиданія, такъ что люди лежатъ или сидятъ въ удобныхъ позахъ, каждый у себя дома, и бесѣдуютъ со своими иногородними друзьями, или слушаютъ попеременно рѣчи, пѣніе и музыку, раздающіяся въ пустыхъ общественныхъ залахъ.

Всегда такъ бываетъ, что когда мы читаемъ о томъ, чего мы никогда не видали, мы по своему рисуемъ въ умѣ то, что описано въ книгѣ. А когда придется, наконецъ, увидать намъ это въ натурѣ, всегда оказывается, что натура совсѣмъ не похожа на то, что было въ нашемъ воображеніи.

Такъ случилось и съ нами. Жизнь оказалась неизмѣрима бѣднѣе, проще и малоинтереснѣе, чѣмъ рисовали мы ее въ мечтахъ. Я бы сказалъ кстати, что и *самая свобода въ мечтахъ куда очаровательнѣе!* Не даромъ же еще Шиллеръ сказалъ, что „лучшіе сны о свободѣ снятся только въ тюрьмахъ“.

Мечты наши слишкомъ опередили жизнь, и мнѣ положительно грустно теперь видѣть, что напр. телефоны въ Петербургѣ даже для дѣловыхъ сношеній далеко не вошли еще въ общее употребленіе. А музыку, либо парламентскія рѣчи могутъ слушать изъ дому, одни только избранные.

Улицы даже въ столицѣ оказались прозаичнѣе. Самокаты не носились повсемѣстно. Извощики стояли на своихъ мѣстахъ, какъ и 20 л. назадъ, и лошадямъ еще достаточно дѣла. А мы то думали, что ихъ службѣ и ихъ жизни уже пришелъ конецъ, и что „лошадиная сила“ въ перевозкѣ, какъ и въ механикѣ, становится только условнымъ научнымъ терминомъ.

Явилось нѣкоторое разочарованіе.

Но пришло оно гораздо позднѣе. А когда на второй же день по выходѣ изъ Каземата я очутился на Невскомъ пр., я этого

Digitized by Google

чувствовалъ. Даже болѣе. Тогда я рѣшительно ничего не могъ думать, потому что просто напросто потерялъ голову отъ бездны нахлынувшихъ впечатлѣній.

Я сидѣлъ въ полузакрытомъ фаэтонѣ, сильный рысакъ мчалъ меня раннимъ вечеромъ по всей длинѣ проспекта. Предо мной мелькали огни, нарядныя толпы людей, лошади, вывѣски, соблазнительно разложенные товары, вся суточная сутолока, вся та натуральная картина жизни огромнаго города, которую безконечное число разъ воспроизводилъ я въ умѣ во время своего безнадежнаго уединенія, и которая въ воображеніи была со всѣмъ не такой съ ногъ сшибательной, какъ въ дѣйствительности.

Быстро неслись мимо меня отдѣльныя части необыкновенной панорамы, а я сидѣлъ въ оцѣпенѣніи и пьянѣлъ, пьянѣлъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Тутъ я понялъ на собственномъ опытѣ, что выраженіе „пьянѣютъ отъ восторга“ нужно понимать совершенно буквально.

На обратномъ пути по тому же Невскому я ѣхалъ съ молодой барышней, которая живетъ въ Петербургѣ уже лѣтъ 5. Она смотрѣла кругомъ равнодушнымъ невнимательнымъ взглядомъ. Я же весь кипѣлъ отъ волненій, которыя возбуждало во мнѣ все окружающее.

Увы, едва прошелъ годъ, и я ѣздилъ по тому же Невскому съ такимъ же равнодушіемъ, и взглядъ мой также разсѣянно смотрѣлъ и не замѣчалъ того волшебства, которое очаровало меня въ первый разъ.

Привычка, какъ всегда, взяла свое. Первыя впечатлѣнія были ошеломляющими только потому, что нервная система, вынесенная изъ заточенія, была раздражительна до болѣзненности. Затѣмъ они становились спокойнѣе и нормальнѣе, по мѣрѣ того, какъ воспринимающій нервный аппаратъ сталъ приходить въ равновѣсіе. Но долго еще потомъ улицы Петербурга, когда то столь знакомыя и привычныя, казались мнѣ новыми и привлекательными. Ходишь или ѣздишь по этимъ улицамъ, и отъ всего испытываешь легкое радостное волненіе, подъ вліяніемъ котораго все нутро ежеминутно готово восклицать:

Какъ хорошо! Какъ хорошо!

Это „хорошо“ относилось только къ самочувствію. Всякому понятно вѣдь, какъ долженъ ликовать человѣкъ, передъ которымъ послѣ долгаго умиранія раскрылась снова широкая жизнь со всѣми ея прелестями, И, такъ какъ это чувство удовольствія возникало каждый разъ на улицахъ, я сначала думалъ, что сами эти

Digitized by Google

улицы содержатъ теперь множество пріятныхъ вещей, которыхъ онѣ не содержали въ былое время.

Любопытно, что вслѣдствіе получаемыхъ пріятныхъ ощущеній, всѣ предметы, отъ которыхъ они исходили, казались красивыми. Мое *личное* „какъ хорошо“, я переносилъ *во вне*, самъ того не замѣчая. Вслѣдствіе этого, и люди, и природа, и зданія представлялись мнѣ сначала необыкновенно „хорошими“. Выходило такъ, что міръ какъ будто обновился и улучшился за время моего отсутствія изъ него.

Поэтому я сначала думалъ, что и Петербургъ обновился почти весь, и относилъ это къ тому прогрессу, съ которымъ жизнь ушла впередъ за эти два десятка лѣтъ.

Увы! Я сильно ошибался.

Чѣмъ больше затѣмъ я присматривался къ столицѣ, тѣмъ яснѣе и яснѣе выплывали изъ какихъ-то тайниковъ памяти прежніе образы, и я помаленьку сталъ вспоминать, какъ много стараго я вижу, и какъ опрометчивы были первыя сужденія. Особенно на окраинахъ, кромѣ одиночныхъ крупныхъ новыхъ зданій, оказалось, стоятъ все тѣ же убогія деревянныя лачуги, которыя обречены были на сломъ еще въ годы моего студенчества, и которыя такъ не къ лицу великому городу.

Смотришь теперь на какую-нибудь, напр., Большую Дворянскую улицу на Петербургской сторонѣ, и замѣчаешь, что имя ея звучитъ въ ушахъ злой ироніей. Какъ и все спеціально дворянское, стоитъ она десятки лѣтъ недвижимо безъ всякихъ перемѣнъ, старѣетъ и хирѣетъ, и не только не служитъ украшеніемъ столичному городу, а напротивъ, служитъ ему большимъ укоромъ. Вѣдь когда-то, можетъ быть при Екатеринѣ II, она была, дѣйствительно, и *большой* и *дворянской*. Рѣдкіе новые дома, словно нарочно, оттѣняютъ еще замѣтнѣе убожество старыхъ, какъ бы желая подчеркнуть, что хотя новая Россія и нарождается, но остатки старой еще очень обширны и очень живучи.

Словомъ, всмотрѣвшись во внѣшность русской столицы, я нашелъ, что она мало измѣнилась за это время. Одиночные новые дома и новые фасады и не такъ часты, и не такъ изящны, какъ это было бы желательно. Особенно же утомляетъ мой дѣвственный взоръ обиліе зданій чисто казарменнаго типа. Какой это краснорѣчивый памятникъ тому времени, когда даже у архитекторовъ, получившихъ военную муштровку, никакихъ идеаловъ, кромѣ казарменныхъ, въ головѣ не было!

Digitized by Google

IV

Наибольшая перемѣна произошла, конечно, съ людьми. Всѣ мы, сидѣвшіе въ заключеніи, старились одновременно другъ съ другомъ и не замѣчали этого. Оставленныхъ же на волѣ знакомыхъ мы представляли въ своихъ частыхъ воспоминаніяхъ такими, какими покинули ихъ 20 лѣтъ назадъ. И вотъ встрѣчаешь теперь молодыхъ людей, которыхъ зналъ младенцами, барышенъ, которыхъ тогда еще не было на свѣтѣ, родныхъ и друзей, которыхъ время такъ надломило, что ихъ не можешь узнать...

Все это въ порядкѣ вещей, и распространяться объ этомъ не приходится.

Въ наше отсутствіе выросло цѣлое многочисленное молодое поколѣніе, которому приходится теперь взять на свои плечи грядущія судьбы Россіи.

Въ началѣ эти молодые люди казались мнѣ всѣ какими-то недорослями. Я смотрѣлъ на студентовъ, удивлялся и спрашивалъ себя:

„Неужели и мы въ свои студенческіе годы были такими же молокососами? Или за эти 20 лѣтъ люди такъ измельчали?

Конечно, это было одной изъ тѣхъ ошибокъ сужденія, о которыхъ я говорилъ ранѣе. Зависѣло это отъ того, что молодыхъ людей мы вовсе не видали и совершенно забыли внѣшній видъ юношей, едва достигшихъ совершеннолѣтія. Потомъ я вспомнилъ, что въ Шлиссельбургѣ два-три новобранца солдата, которые подметали нашъ корридоръ, въ послѣдній годъ также поражали меня своей необыкновенной моложавостью.

Стоитъ ли прибавлять, что въ самой внѣшности, въ костюмахъ, въ прическѣ студенческой молодежи, особенно въ женской ея половинѣ, и особенно въ передовой ея части, произошла радикальная перемѣна сравнительно съ нашими годами, когда считалось хорошимъ тономъ — щеголять своей растрепанностью и когда въ оффиціальномъ циркулярѣ мин. нар. просв. Деляновъ прямо писалъ, что „неряшливый видъ и грубый тонъ служатъ главными признаками крамолы?“

Я не беру на себя смѣлости утверждать или отрицать, развитѣе ли теперь учащаяся молодежь, чѣмъ она была въ наше время. Нареканія на нее и упреки въ томъ, что она не учится, а только занимается политикой, распространены очень широко. Но я думаю, что они далеки отъ справедливости. Во-первыхъ, политика вѣдь есть тоже наука, а во-вторыхъ и въ наши дни

Digitized by Google

студенческую мысль будили не профессора и не книги, а общеніе съ товарищами. Теперь же это общеніе можетъ совершаться въ такихъ размѣрахъ, которые для насъ казались упоительной и недосягаемой мечтой. Наконецъ, вѣдь всѣмъ извѣстно, что задача университета не въ томъ, чтобы набить голову чужими мыслями, а въ томъ, чтобы разбудить въ человѣкѣ пытливость ума и сдѣлать его способнымъ самостоятельно работать въ той области, какая его заинтересуетъ. А этой цѣли университетъ нашего времени не только не могъ достигать, но ему всячески мѣшали этого достигать, создавая въ департаментахъ по всѣмъ предметамъ свои „образцовыя" программы, забивавшія юношескую мысль въ колодки.

Но что болѣе всего поразило меня во внѣшности петербургской публики, это — обиліе мундировъ. Положительно цѣлая половина мужского населенія заключена въ мундиры: кантики, околыши, пуговицы, нашивки и выпушки на сукнѣ всевозможныхъ цвѣтныхъ оттѣнковъ такъ и мелькаютъ всюду на каждомъ шагу. Эта *мундиромания* нагляднѣе всякихъ описаній свидѣтельствуетъ о той полосѣ русской жизни, когда на всѣхъ, такъ или иначе причастныхъ къ бюрократической машинѣ, смотрѣли какъ на лакеевъ, и снабжали ихъ соотвѣтствующей ливреей.

V.

Мнѣ пришлось бы говорить долго и мелочно, если бы я коснулся домашней обстановки и сталъ перечислять разныя детали комфорта, бросавшіяся мнѣ въ глаза съ перваго взгляда какъ новинка. Всѣ онѣ, начиная хотя бы съ никелированныхъ самоваровъ и кончая открытками или разными бездѣлушками на письменномъ столѣ, также останавливаютъ на себѣ мое вниманіе своей новизной. И я до сихъ поръ еще не переставалъ задавать вопросъ, при видѣ того или другого новаго предмета въ убранствѣ человѣческаго жилища:

— „А была ли эта вещь въ наше время?"

Очевидно, я еще не вошелъ въ современную колею и продолжаю оставаться сыномъ прошлаго вѣка. И едва ли я когда нибудь доживу до того, что перестану замѣчать тотъ огромный перерывъ въ моей жизни, который разбилъ ее на двѣ неравныя, невяжущіяся другъ съ другомъ половины.

Отъ этихъ мимолетныхъ впечатлѣній я лучше перейду къ тѣмъ, которыя я вынесъ изъ деревни. Тамъ я родился и выросъ.

Digitized by Google

Тамъ же я проводилъ каждое лѣто и въ свои юношескіе годы. Такимъ образомъ, наиболѣе богатый запасъ представленій, какой у меня сохранился, относится не къ городу, а къ великорусской деревнѣ.

Изъ книгъ же я давно и хорошо зналъ, что обнищаніе деревни есть фактъ, живописанію котораго посвящена цѣлая громадная литература. Въ печати я читалъ напр., что заграничныя гости, посѣщавшіе недавно Л. Н. Толстого въ Ясной Полянѣ, не могутъ найти словъ, чтобы выразить свое изумленіе предъ убожествомъ и обездоленностью тульской деревни. Читалъ также, что даже редакторъ Гражданина, прогостившій какъ то съ мѣсяцъ въ Парижѣ, при возвращеніи на родину былъ до того охваченъ жалкимъ видомъ, открывшимся ему изъ оконъ вагона на русскія поселенія, что съ обычной своей откровенностью повѣдалъ своимъ читателямъ это наблюденіе какъ новинку.

Все это я зналъ. Но у меня бродили смутныя надежды, что можетъ быть народолюбивые литераторы изъ похвальныхъ цѣлей преувеличиваютъ дѣло. Заграничные же гости просто безсознательно подчиняются контрасту между благоустроенностью Западной деревни и отсталостью нашей русской, и вообще огульно порицаютъ все то, что не похоже на привычные для нихъ образцы.

Поэтому я рвался въ деревню самъ, чтобы провѣрить чужія, можетъ быть предвзятыя сужденія. Я надѣялся на чистоту и трезвость своего взгляда, и на то,—что долговременное воздержаніе освободило мой умъ отъ всякихъ образовъ, извращающихъ и уродующихъ правильность выводовъ. И я поѣхалъ въ родную мнѣ Новгородскую губернію.

VI.

Еще въ мое время губернія отсылала значительный контингентъ молодежи въ Петербургъ на заработки. Населеніе южной части ея не страдало отъ малоземелья. Лѣсовъ кругомъ было много, и разные промыслы, связанные съ близостью лѣсныхъ матеріаловъ, практиковались нерѣдко. Губернія въ цѣломъ теперь, какъ и во дни Великаго Новгорода, не можетъ пропитывать себя собственнымъ хлѣбомъ. Но, благодаря рѣдкости населенію, относительному простору и др. только что названнымъ условіямъ, у нея были всѣ данныя для того, чтобы не только бороться съ обнищаніемъ, неизбѣжнымъ гдѣ нибудь у туляковъ, но и поднять свою промышленную жизнь до уровня почти всеобщей зажиточности.

Digitized by Google

Живетъ же близкая къ ней и еще болѣе сѣверная Финляндія не только не оскудѣвая, но постоянно богатѣя и увеличивая свое внѣшнее и внутреннее благоустройство.

И я достаточно помечталъ на своемъ вѣку о томъ, какъ могла бы устроиться и моя родина и какъ далеко могла бы она уйти по пути культурнаго и промышленнаго развитія. Но далеко ли она на самомъ дѣлѣ зашла по этому пути?

Этого я не зналъ еще, и потому съ понятнымъ нетерпѣніемъ рвался въ дорогу, чтобы поскорѣе взглянуть хоть мелькомъ, хоть однимъ глазомъ на тѣ села и деревни, которыя такъ хорошо были извѣстны мнѣ въ свое время и по наружному виду и по хозяйственному строю.

Но вотъ, наконецъ, я въ Старой Руссѣ. Почти не останавливаясь въ ней,—такъ спѣшу я въ нѣдра деревни,—я сажусь въ сани и выѣзжаю за городъ по дорогѣ, съ которой впервые я познакомился ровно 33 г. назадъ.

Вотъ и первая деревня Соболево.

Припоминаю хорошо, какъ она импонировала мнѣ впервые, когда я изъ глухой отдаленной деревни проѣзжалъ здѣсь ребенкомъ. Тогда на ней замѣтно отражалась близость города. Въ массѣ мелочей, въ которыхъ не въ состояніи былъ дать себѣ надлежащаго отчета, привычный глазъ подмѣчалъ эту близость, и легко констатировалъ, что здѣсь все иначе и лучше, чѣмъ гдѣ нибудь у насъ въ лѣсной глуши.

Такъ было тогда. Но такъ и осталось съ тѣхъ поръ безъ малѣйшей перемѣны въ чемъ бы то ни было. Дома на перечетъ все тѣже. И такъ какъ надъ ними пронеслась суровая рука времени, то она пригнула, покривила и всячески искалѣчила ихъ. И не нашлось буквально ни одного домохозяина, который ухитрился бы за это время что нибудь реставрировать или выстроить заново. А одинъ или двое не устояли въ непосильной борьбѣ и окончательно бросили свои усадьбы на произволъ судьбы, предоставивши имъ разрушаться и разваливаться отъ собственной тяжести и дряхлости.

Запустѣніемъ вѣетъ и отъ всей деревни, запустѣніемъ тѣмъ болѣе непонятнымъ, что она окружена широкими полями, а лѣтомъ всего въ 3 верстахъ отъ нея кипитъ курортная жизнь, и городскіе обыватели не зѣваютъ, а знай—обстраиваются въ русско-швейцарскомъ стилѣ на счетъ пріѣзжихъ больныхъ и дачниковъ.

Таково было мое первое впечатлѣніе отъ деревни послѣ продолжительной разлуки. Я жадно пялилъ глаза направо и налѣво.

Digitized by Google

Я буквально пожиралъ взорами эти захудалыя ветхія жилища, въ которыхъ съ тѣхъ поръ почти наполовину обновилось населеніе. Тутъ много разъ люди рождались, умирали и брачились. Тутъ много пронеслось драмъ сердечныхъ и иныхъ. Не было только одного—надежды и увѣренности, что свое благосостояніе можно поправить, что житейскую обстановку можно улучшить, и что новому поколѣнію можно передать не развалину, которая грозитъ похоронить его подъ собой, а зданіе, въ которомъ серьезно можетъ созрѣть вопросъ о „неприкосновенности жилища“ и въ которомъ обитатель можетъ безъ иронiи повторить:

— „Мой домъ—мой замокъ“.

Мнѣ совершенно новы были эти зрительныя ощущенія. Я такъ давно не видалъ нашей простой деревни, да къ тому же знакомой, что разсматривалъ не отрываясь каждый домъ глазами влюбленнаго, который и видитъ и не видитъ недостатки у своей возлюбленной.

Не одна новизна привлекала и волновала меня. И не живописныя руины открывались предо мной. Я видѣлъ въ натурѣ реальное воплощеніе того, что высокимъ слогомъ зовется народной жизнью. Я видѣлъ впервые вполнѣ осмысленно и конкретно капельку той жизни, о которой такъ долго и такъ мучительно думалъ и для прогресса которой такъ многимъ готовъ былъ пожертвовать. Я видѣлъ не фантастическій и смутный образъ деревни, который проходитъ въ сознаніи спокойно, подобно всякой абстракціи, а подлинную и настоящую деревню, которая властно вторгается въ среду моихъ отвлеченныхъ образовъ о ней, производитъ въ нихъ переполохъ и не смущаясь этимъ, настойчиво заявляетъ:

— „Вотъ я какая“!

Да. Такъ вотъ ты какая! Какъ ни много мечталъ я о твоихъ интересахъ и твоемъ блестящемъ будущемъ, я никакъ не воображалъ, что ты до такой степени жалка въ своей неприкрашенной реальности.

VII.

Это была первая деревня.

Дальше я видѣлъ ихъ уже цѣлые десятки. Были тутъ знакомыя и незнакомыя, большія и малыя, трактовыя и захолустныя, захирѣвшія и оживающія или покрайней мѣрѣ не умирающія. И какую бы изъ нихъ я не встрѣчалъ вновь, я разсматривалъ ее съ тѣмъ же удвоеннымъ неослабнымъ интересомъ, съ какимъ встрѣтилъ и первую.

Digitized by Google

Такъ разсматриваетъ художникъ или ученый предметъ своей спеціальности, о которомъ онъ много читалъ и много знаетъ, но который ему не приходилось еще видѣть собственными глазами.

Въ русскомъ художествѣ деревня занимаетъ весьма видное мѣсто. Не говоря объ изящной словесности, ея внѣшность воспроизводится всюду въ массѣ самыхъ разнообразныхъ снимковъ. Видалъ и я ихъ достаточно въ тюремномъ уединеніи. Но всѣ они не только не давали мнѣ натуральныхъ впечатлѣній, а напротивъ представляли настоящую деревню сквозь дымку поэзіи. Самыя уродливыя и отвратительныя формы на снимкахъ какъ то сглаживались и не зіяли своими чудовищными и отталкивающими язвами.

На послѣдней Парижской выставкѣ французы постарались воссоздать старый Парижъ XVII в. въ натурѣ. Но такое воссозданіе на основаніи описаній и рисунковъ того времени было все-таки плодомъ фантазіи и только приближалось къ дѣйствительности. Я бы предложилъ иначе показывать русскую деревню петербургскому обывателю и заѣзжему иностранцу. А именно: перенести въ столицу цѣликомъ одну—двѣ крестьянскихъ недвижимости изъ тѣхъ, которыя кажутся особенно невѣроятными по своей захудалости. Ихъ нужно установить на широкой площади, еще лучше противъ зданія, гдѣ засѣдаетъ Государственный Совѣтъ, чтобы собравшіеся тамъ бюрократы никогда не забывали, что именно приходится имъ опекать. Надъ такими домиками можно бы устроить спеціальный навѣсъ и хранить ихъ на манеръ домика Петра I—на память отдаленному потомству о томъ, какъ жилъ еще въ XX в. обыватель Россіи, вѣрный подданный, обязанный создавать славу и величіе Имперіи.

Если бы нашелся антрепренеръ для осуществленія моей идеи, онъ сдѣлалъ бы хорошую аферу; до такой степени новой показалась бы этакая хижина для иного привиллегированнаго столичнаго обитателя! У насъ антропологическій интересъ развитъ довольно широко. Въ подцензурной печати, несмѣвшей касаться своихъ собственныхъ язвъ, особенно часто описывали жилища ирокезовъ, папуасовъ, бушменовъ, самоа и пр. и пр. и показывали ихъ въ снимкахъ въ назиданіе незрѣлому юношеству. Смотри, молъ, и поучайся, какіе дикари еще живутъ на свѣтѣ и какъ далеко мы опередили ихъ, благодаря своему просвѣщенному славянскому генію.

Для такихъ этнографовъ хижина изъ Новгородской губ. была бы сущимъ откровеніемъ. Эскимосская или киргизская юрта есть,

Digitized by Google

юрта, а не домъ, т. е. жилище, которое предназначалось для переноски и потому не сдѣлалось еще недвижимостью. Какъ подлежащее періодической разборкѣ, оно не можетъ сосредоточить на себѣ достаточно вниманія, заботливости и трудолюбія своего обителя. Жилище папуасовъ есть шалашъ; и на фонѣ тропической природы, быстро и пышно прикрывающей всѣ изъяны человѣческихъ сооруженій, можетъ быть не чуждо своеобразной поэтической прелести. Не даромъ же говорится: „съ милымъ и въ шалашѣ рай".

Но та изба, которую русскій мужикъ не рѣшается назвать домомъ, та конура, которую западно-европейскій фермеръ не позволилъ бы назвать собачьей,—потому что собаки его пользуются лучшимъ помѣщеніемъ, эта чрезвычайно своеобразная „осѣдлость" есть нѣчто невѣдомое для антропологовъ. Проѣзжая деревней по бойкому недурно обстроившемуся тракту, они выбираютъ избу типа выше средняго съ оригинальными часто не лишенными вкуса украшеніями, снимаютъ ее на бумагу свѣтописью или красками; считаютъ послѣ этого деревню представленной въ натурѣ, для предъявленія кому слѣдуетъ образчиковъ русскаго стиля, русскаго зодчества и русскаго творчества.

Получается нѣчто подобное тому, какъ русскую жизнь представляютъ въ Парижѣ. Устраиваютъ, напр., въ Булонскомъ лѣсу катанье на тройкахъ. И тройки есть и сани есть, но нѣтъ русской зимы, и, чтобъ сани могли катиться по песчанымъ дорожкамъ, къ полозьямъ ихъ прикрѣпляютъ маленькіе колесики.

Что въ деревнѣ есть хорошія избы, что въ ней есть даже и дома, и притомъ настоящіе, съ мягкой мебелью, коврами, роялью и пр. объ этомъ можно не говорить. Всякій, неѣзжавшій никуда дальше линіи Никол. жел. дор., можетъ съ гордостію говорить, что онъ видѣлъ деревню и что въ этой деревнѣ живутъ вродѣ какъ на Пескахъ или на Петербургской сторонѣ. Если бы я увидалъ всюду въ родныхъ краяхъ тоже, что можно видѣть изъ оконъ Николаев. жел. дороги, я нисколько не удивился бы; устроили себѣ люди, наконецъ, сносное жилье, и дѣло въ шляпѣ! Даже бобры вѣдь строятъ себѣ жилье по вкусамъ и по потребностямъ. Скажу болѣе. До такой степени это казалось мнѣ естественнымъ, что выѣхавши, наконецъ, въ деревню изъ Петербурга безъ всякихъ заднихъ мыслей, я инстинктивно ничего другого и не ожидалъ, какъ найти жилье, удовлетворяющее насущнымъ человѣческимъ потребностямъ.

Должно быть съ такимъ же инстинктивнымъ предположеніемъ приступаютъ къ своимъ обязанностямъ члены англійской парла-

Digitized by Google

ментской коммисіи, когда они изслѣдуютъ положеніе безработныхъ или др. обездоленныхъ группъ великобританскихъ гражданъ, вопли о нуждѣ которыхъ дошли, наконецъ, до ушей парламента. И первое, что поражаетъ ихъ при такомъ изслѣдованіи, это то, что не всякій изъ опрашиваемыхъ имѣетъ свою кровать, а изъ имѣющихъ не всякій можетъ покрывать ее простыней. Будучи людьми культурнаго уровня потребностей, они и судить не могли иначе. Какія великолѣпныя реляціи вынесли бы они, если бы волею судебъ пришлось имъ проѣхаться хоть по Старорусскому уѣзду!

Не даромъ же разсказывали, что американцы, увидавши впервые на выставкѣ въ русскомъ отдѣлѣ наши лапти, приняли ихъ за висячія корзинки для разныхъ бездѣлушекъ: до такой степени ихъ уму не свойственна мысль—помѣщать свою ногу въ нѣчто рѣшетчатое и дырявое, непрочное и неуютное.

И вотъ я вижу, наконецъ, это жилье. Мой глазъ равнодушно пробѣгаетъ мимо зданій, которыя болѣе или менѣе близко подходятъ къ идеѣ человѣческаго жилища, создавшейся въ моемъ мозгу. И съ какою-то роковою, непреодолимой силой останавливается на тѣхъ хибаркахъ, которыя сразу же повергаютъ меня въ крайнее недоумѣніе. Что это? Неужели въ *этомъ* (какъ его назвать??) люди живутъ? Назвать такое зданіе свинарникомъ, курятникомъ, псарникомъ—нельзя, не потому, чтобы эти безсловесныя, особенно если они русскаго происхожденія, отказались жить въ немъ, а потому, что тамъ, гдѣ дошли до сознанія необходимости строить для названныхъ животныхъ особое помѣщеніе, строятъ его лучше, крѣпче и приспособленнѣе. Стоитъ *оно* въ линію, въ рядъ съ другими домами, фасадомъ на улицу, имѣетъ окно и въ окнѣ стекла. Очевидно, не амбаръ, не сарай, не „хозяйственное строеніе“. Очевидно, *оно* назначается для людей: Слѣдовъ заброшенности не видно, и значитъ оно обитаемо и въ настоящую минуту.

До какого оголтѣнія, одичанія и апатіи нужно опуститься, чтобы жить въ такой норѣ цѣлыми годами и десятилѣтіями, смириться съ нею и не имѣть изъ нея ни малѣйшаго выхода! Когда-то эта нора была нова, быть можетъ 50, даже 60 лѣтъ назадъ. Когда-то хозяева ея знавали лучшіе дни; они не могли построить прямо такую осѣвшую развалину. Но дни ихъ невозвратно миновали и одичаніе стало ихъ неотвратимымъ удѣломъ.

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ тотъ предѣлъ minimum, а человѣческихъ потребностей, до котораго можно спустить ихъ не умирая? Гдѣ предѣлъ терпѣнію и равнодушію, за которымъ начинается пол-

Digitized by Google

мое разложеніе человѣка и приближеніе его къ скоту? есть ли границы одичанію и духовной и матеріальной оголтѣлости, дойдя до которыхъ человѣкъ устрашился бы открывающейся передъ нимъ бездны и запротестовалъ во имя своего человѣческаго достоинства, или того образа Божія, подобіемъ котораго онъ себя считаетъ?

Жилище не есть нѣчто внѣшнее и постороннее для человѣка. Только Діогены живали въ бочкахъ, да и то, навѣрное, кратковременно. Мы въ своихъ культурныхъ квартирахъ привыкли уже заключать отъ убранства ихъ къ характеру самихъ обитателей. Обстановка, какъ въ широкомъ смыслѣ, такъ и въ узкомъ налагаетъ свою печать на человѣка. Назвать культурными людьми пещерныхъ жителей мы не можемъ. Но къ какой же ступени культуры мы должны отнести владѣльцевъ такихъ развалинъ, которые не только мирятся съ ними, но навѣрное даже не замѣчаютъ всѣхъ ужасовъ такой обстановки, ставшей для нихъ давно привычной?

VIII.

Повторяю, я родился и выросъ въ деревнѣ, и притомъ въ совершенно крестьянской обстановкѣ. Я видалъ, конечно, тогда всякія хибарки, и бывалъ въ нихъ запросто. Наиболѣе убогія изъ нихъ, обыкновенно вдовьи, всегда какъ-то прятались стыдливо на задворкахъ. Но живя среди нихъ и привыкнувъ къ нимъ какъ къ чему-то неизбѣжному и естественному, я совершенно не замѣчалъ той крайней степени убожества, на которой, говоря объективно, стоитъ такое жилище. Точно также не замѣчаетъ этого и множество русскихъ (и притомъ „истинно-русскихъ"), которымъ приходится жить въ деревнѣ или часто бывать въ ней.

Затѣмъ я отвыкъ и многое забылъ. Впечатлѣнія дѣтства сгладились. Новыхъ я не могъ пріобрѣсти. Напротивъ, я привыкъ къ крайнему ограниченію своихъ потребностей, благодаря всяческимъ лишеніямъ, которыя окружали мою подневольную жизнь. Но какъ только мой глазъ встрѣтилъ заново подобныя жилища „свободныхъ" россійскихъ гражданъ, мнѣ стало жутко, больно и обидно.

Положительно необходимо обратиться къ американскимъ капиталистамъ, чтобы съ ихъ помощью увѣковѣчить эти допотопныя зданія. Снаряжаютъ же они цѣлыя экспедиціи для изученія чукчей, камчадаловъ, тунгузовъ, коряковъ и для собиранія всякихъ слѣдовъ ихъ исчезающаго быта. А тутъ не чукчамъ чета! Тутъ живутъ представители „господствующей расы", покорившей когда-то

Digitized by Google

чутъ не 1/6 часть суши и еще недавно имѣвшей претензію насаждать культуру въ Манджуріи и Кореѣ. Какимъ удивительнымъ диссонансомъ отдаются въ моемъ умѣ эти „патріотическія“ притязанія и вся эта оффиціальная похвальба, когда мой глазъ съ сердечнымъ замираніемъ пробѣгаетъ мимо деревенскихъ „жихарей“, отмѣченныхъ печатью разрушенія и запустѣнія!

Конечно, ихъ меньшинство! Конечно, не они задаютъ тонъ въ политикѣ! Конечно, судьба ихъ рѣшена безповоротно, и экономическій прогрессъ снесетъ ихъ съ лица земли, сколько бы ихъ тамъ ни было! Но во первыхъ они еще существуютъ, и самымъ фактомъ своего существованія набрасываютъ черную тѣнь на весь тотъ экономическій прогрессъ, который всетаки задѣлъ кое гдѣ и Россію. Во вторыхъ, какъ бы ни были увлекательны умозрительныя перспективы, а мой глазъ, только что прозрѣвшій для зрительныхъ образовъ, скользитъ по этимъ захудалымъ контурамъ и наперекоръ оптимистическимъ вѣрованіямъ созерцаетъ живую и яркую картину упадка и обветшанія.

И тупая ноющая боль съ какой то большой глубины отдается, словно эхо, въ отвѣтъ на эти зрительныя ощущенія. А мысль сама собой уносится въ ширь и настойчиво ставитъ новый вопросъ: ужъ если здѣсь, среди земельнаго простора и въ лѣсномъ царствѣ не находится лишней сотни бревенъ, чтобы устроить сносный человѣческій кровъ, то что же увидалъ бы мой новорожденный глазъ въ тѣхъ областяхъ деревенской Россіи, гдѣ курицы выгнать некуда и гдѣ дерево является драгоцѣнной рѣдкостью?

Впослѣдствіи мнѣ удалось видѣть и малороссійскія „мазанки“ Сколько бы ихъ ни идеализировали старосвѣтскіе писатели, погружаясь въ вишневые садочки, самое слово „мазанка“ такъ дѣйствуетъ на мое невоспитанное въ рутинѣ ухо, что разрушаетъ всякую поэзію.

IX.

А земельный просторъ у насъ, дѣйствительно большой. Во всемъ старорусскомъ уѣздѣ на 100 т. душъ муж. пола считается 428 т. крестьянской земли. Да у казны и частныхъ владѣльцевъ (обыкновенно отсутствующихъ) въ общей сложности не много меньше этого. И вотъ, углубившись внутрь уѣзда, встрѣчаешь опять знакомыя картины: небольшая деревня, дворовъ 15—30, и затѣмъ скучный пустынный переѣздъ на 5—10 верст. Кругомъ деревни на версту, двѣ, чистое поле, а дальше тянется полоса запустѣнія.

Digitized by Google

Хорошо, если въ этой полосѣ — матерый, высокоствольный лѣсъ, который теперь зима разукрасила своеобразной прелестью. Недурно, если это и убогій лѣсокъ съ рѣдкими, частію вырубленными и очевидно молодыми деревьями. Но совсѣмъ особый видъ чего-то ненужнаго, лишняго и безхозяйственнаго имѣютъ тѣ многочисленныя пространства, которымъ трудно подобрать надлежащее имя. Это просто—заросли, большею частію на заболоченной почвѣ, которыхъ земледѣлецъ не удосужился вычистить и превратить въ покосъ, и на которыхъ онъ постоянно рубитъ мелкую поросль на отопленіе, не давая ей времени подняться и превратиться въ настоящій лѣсъ.

Съ утомительнымъ однообразіемъ тянутся цѣлыя версты такихъ безполезныхъ насажденій, тщетно ожидая, когда трудъ, вооруженный капиталомъ и знаніями, превратитъ ихъ въ тучныя пажити и сдѣлаетъ обладателей ихъ богатыми производителями молочныхъ и иныхъ продуктовъ скотоводства.

И все таки изъ уѣзда ежегодно уходитъ на заработки 1/3 часть всего муж. населенія и значитъ половина всего взрослаго. Всеобщая почти бѣдность и исканіе труда на сторонѣ на фонѣ этого земельнаго богатства, въ тунѣ лежащаго, производитъ впечатлѣніе какой-то особой безсмыслицы, тяготѣющей надъ жизнью нашей деревни. Очевидно, есть какія-то силы, которыя толкаютъ нашего обывателя вонъ изъ насиженныхъ мѣстъ и вынуждаютъ его тратить время и энергію на поиски за невѣрнымъ рублемъ на сторонѣ, вмѣсто того, чтобы посвятить ихъ у себя дома разработкѣ пустующихъ земель.

Но еще печальнѣе выглядятъ тѣ пустыри, на которыхъ росъ дремучій лѣсъ еще на моей памяти. Лѣсъ вырубили, новаго обсѣменѣнія не произошло, насажденій тоже не сдѣлали, но и подъ лугъ почву не разработали. Уныло торчатъ изъ-подъ снѣгу громадные пни бывшаго лѣса: цѣлая равнина покрыта ими какъ могильными памятниками. И вотъ уже слишкомъ 20 лѣтъ, какъ гніютъ они неизмѣнно на тѣхъ же мѣстахъ, превращаясь безполезно въ негодную труху и загораживая собою почву. Точно прошелъ Мамай, повоевалъ и оставилъ однѣ могилы на память потомкамъ.

X.

Это обиліе пустопорожнихъ пространствъ, должно быть, содѣйствовало тому, что общій взглядъ на мужика, какъ на лѣнтяя и лежебока, сталъ у насъ еще болѣе прочнымъ.

Взглядъ этотъ, какъ извѣстно, былъ весьма распространенъ

Digitized by Google

при крѣпостномъ правѣ въ помѣщичьей средѣ, особенно мелкопомѣщичьей. Теперь, благодаря обилію въ деревнѣ всякаго люда, относимаго обыкновенно статистикой въ сборную рубрику „служащихъ и лицъ свободныхъ профессій", число критиковъ мужицкаго трудолюбія сильно возросло.

Прежде въ этой средѣ „критическая мысль" вращалась, главнымъ образомъ, возлѣ кабака и мужицкаго пьянства. Запретить кабакъ — многими считалось верхомъ политико-экономической мудрости. Даже знаменитый церковный „витія", покойный Амвросій, арх. Харьковскій додумался въ 1900 г. до проэкта — объявить пьянство мужика (только одного *мужика*, а отнюдь не всякаго пьяницы!) уголовнымъ преступленіемъ. Теперь кабака нѣтъ, водкой торгуетъ казна. А такъ какъ критическая мысль писателей и ораторовъ этого сорта не дерзаетъ обвинять правительство въ спаиваніи народа, и, значитъ, разореніи его, то вопросъ о пьянствѣ отошелъ на второй планъ. На первый же поставленъ вопросъ о лѣности.

Пришлось и мнѣ близко столкнуться съ этими взглядами. Постоянные жители деревни обыкновенно дивились безпочвенности моихъ сужденій о мужикѣ и засыпали меня фактами, которые, по ихъ мнѣнію, неопровержимо доказывали, что всѣ несчастья мужика проистекаютъ изъ его лѣности. Настойчивость такихъ сужденій, ихъ единообразіе и распространенность заставили меня отнестись къ нимъ внимательнѣе, чѣмъ это принято среди народническихъ писателей, считающихъ такія сужденія либо сплошной клеветой, либо плодомъ недомыслія.

Недомысліе здѣсь, конечно, есть. Но факты остаются фактами, и съ ними нужно считаться.

Извѣстно, что рабъ вездѣ есть рабъ „лѣнивый и лукавый". Извѣстно, что строй жизни, покоющійся на рабствѣ, создаетъ и рабскую психологію. А строй жизни нашей деревни недалеко ушелъ отъ временъ и отношеній крѣпостническихъ. Не диво, что онъ въ изобиліи культивируетъ и типы, возмущавшіе когда-то рабовладѣльческое сердце. Лѣность и пассивность въ такихъ случаяхъ есть средство самозащиты, къ которому прибѣгаетъ забитый, загнанный и ограбленный субъектъ, не видящій выхода изъ своего подневольнаго положенія.

Всякій, кто прошелъ подобную же школу, какъ и я самъ, кто былъ лишенъ всѣхъ правъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ насущныхъ условій, необходимыхъ для плодотворнаго труда и для свободнаго проявленія своихъ способностей и склонностей, отлично понимаетъ, въ чемъ тутъ дѣло: безправіе, отсутствіе гарантій и

Digitized by Google

властный произволъ, особенно финансовый произволъ, не можетъ создать ничего, кромѣ общей вялости, апатіи и индифферентизма. Забывая объ этомъ, господа даже повыше рангомъ, чѣмъ деревенскіе политики, не могутъ выйти изъ предѣловъ подобныхъ же шаблонныхъ сужденій о развращенности и испорченности людей, труду которыхъ они сами обязаны всѣмъ своимъ благополучіемъ.

Мнѣ припоминается подобное же сужденіе, которое Л. Толстой въ ром. „Воскресеніе“ чрезвычайно мѣтко влагаетъ въ уста коменданта Петропавловской крѣпости. Нехлюдовъ проситъ его разрѣшить передать одному заключенному нѣсколько научныхъ книгъ, такъ какъ тотъ хочетъ заниматься. Комендантъ отвѣчаетъ:

— „Не вѣрьте этому. Это не для занятій. А такъ, безпокойство одно“.

И чтобы убѣдить его въ этомъ, разсказываетъ, что заключеннымъ выдается грифель и аспидная доска, на которой имъ дозволяется писать.

— „Могутъ стереть, и опять писать. И тоже не пишутъ!“

Безсмысленнѣе такой писательской дѣятельности, конечно, трудно придумать что-нибудь другое. И всякій, кромѣ такихъ отжившихъ генераловъ понимаетъ съ очевидностью, что писать при такихъ условіяхъ никто не станетъ.

Подобную же безсмыслицу инстинктивно чувствуетъ и крестьянинъ, замѣчая, что плодовъ его труда ему не остается, и что какая-то невидимая рука начисто стираетъ все то, что бы онъ ни ухитрился создать, и ему каждый разъ приходится начинать сызнова.

Въ нашей губерніи, сверхъ того, выработкѣ такой психологіи въ сильной степени содѣйствовали отхожіе промыслы. Все наиболѣе энергичное, трудолюбивое и даровитое уходитъ изъ деревни. Остаются наименѣе дѣятельные, наиболѣе неподвижные, наиболѣе консервативные, которые легче мирятся съ тяжелыми условіями своей жизни. Продолжаясь цѣлыя десятилѣтія, такой печальный отборъ наиболѣе приспособленныхъ къ безправію не могъ не отразиться замѣтнымъ образомъ на всемъ населеніи. И потому нельзя удивляться, что онъ далъ тѣ результаты, которые видятъ всѣ, и которые приписываются „порчѣ нравовъ“ деревни, желающей якобы скорѣе умирать съ голоду, чѣмъ взяться за производительный трудъ.

XI.

Эта „порча нравовъ“ — второй конекъ, на которомъ любятъ выѣзжать люди стараго закала. На нее многократно указывали и мнѣ.

Digitized by Google

Разумѣется, дѣло идетъ главнымъ образомъ о внѣшности. И дѣйствительно, не успѣлъ я достаточно надивиться той деградаціи, до которой можетъ достигнуть постройка, именуемая человѣческимъ жилищемъ, и той безднѣ лишеній, которыя безмолвно можетъ переносить нашъ доморощенный prorrietaire, какъ мое вниманіе невольно остановилось на противоположномъ полюсѣ. Я увидалъ на окнахъ занавѣски.

Да, въ самой рядовой избѣ средняго типа бѣлѣются настоящія занавѣски ажурной ткани, навѣрное собственнаго вязанья. Словомъ, здѣсь теперь, какъ въ барскомъ домѣ!

Ничего подобнаго еще не было 20 лѣтъ назадъ. Очевидно, прогрестъ совершается, и прогрессъ, какъ скажетъ деревенскій моралистъ, въ худшую сторону, т. е. въ сторону суетности, тщеславія и погони за предметами излишней роскоши.

Потомъ мнѣ пришлось увидать, что эта „погоня“ ушла гораздо дальше занавѣсокъ. Достаточно зайти въ праздничный день въ церковь, и тамъ увидишь, что налѣво, на всей женской половинѣ почти каждая женская голова изъ тѣхъ, что помоложе, покрыта *шелковымъ* платкомъ. (Я прекрасно помню то время, когда кумачный платокъ цѣной въ четвертакъ былъ верхомъ желаній всякой рядовой дѣвицы. Я прекрасно помню и то впечатлѣніе, какое производилъ видъ множества женскихъ головокъ въ церкви, гдѣ можно разомъ встрѣтить maximum деревенскаго люда. Теперь почти всѣ онѣ — съ глянцемъ или шелковистымъ отливомъ. И очевидно дочь той матери, которая такъ наивно гордилась кумачомъ, судитъ нынѣ совершенно иначе).

Я оглядываюсь направо, гдѣ полагается быть сплошь однимъ полушубкамъ или сѣрымъ домотканнымъ кафтанамъ. Полушубки, конечно, остались, какъ дань климату и привычкѣ. А вмѣсто сѣрыхъ кафтановъ нерѣдко темнѣютъ черные пальто, часто очень приличнаго вида, и съ мерлушковымъ воротникомъ. Это, навѣрное, молодежь, и, быть можетъ, побывавшая въ Питерѣ.

Да, внѣшній видъ жителей нашей деревни въ этотъ промежутокъ времени замѣтно измѣнился. Я никогда не входилъ въ детали костюма, особенно женскаго. Но помню хорошо тотъ общій видъ, въ какомъ представлялась проѣзжему всякая встрѣчная человѣческая фигура. Вслѣдствіе давней близорукости, я отчетливо распознаю все, встрѣчающееся только вблизи. Издали я вижу, или точнѣе узнаю только цвѣтъ. И вотъ, въ каждой почти деревнѣ, видя издали человѣческую фигуру, я прежде всего замѣчаю теперь, что она не такая, какую я ожидалъ встрѣтить.

Живущему въ Петербургѣ и привыкшему къ виду публики

Digitized by Google

центра города достаточно случайно очутиться гдѣ нибудь на окраинѣ, чтобъ невольно обратить вниманіе на то, что здѣсь публика не та. Разумѣется тоже справедливо и въ обратномъ случаѣ.

Нѣчто подобное испыталъ и я. Деревенская публика нынѣ какъ будто не та. Присмотрѣвшись внимательнѣе и сообразивши въ чемъ дѣло, я удостовѣрился, что и въ будничныхъ костюмахъ, особенно женскихъ, произошла такая же рѣзкая перемѣна, какъ и въ праздничныхъ. Въ тѣ старые дни у насъ еще часто встрѣчались ткани домашняго издѣлія. Пожилыя женщины еще носили синіе сарафаны изъ холста домашней синьки. Черная кофта, душегрѣйка и пальто изъ купленой матеріи были рѣдкостью, которую позволяли себѣ немногіе только для праздничныхъ выходовъ. Теперь же всякая, кажется, женщина одѣта во все покупное.

Эта бросающаяся въ глаза частность говоритъ о замѣнѣ домашней промышленности фабричною. Размѣры ткачества едва ли сократились. Но теперь ткутъ дома почти исключительно одинъ холстъ, и притомъ не для себя, а на продажу. На полученную же выручку покупаются фабричные продукты для всѣхъ принадлежностей костюма. Домашнее ткачество, такимъ образомъ, дѣлается уже промышленностью кустарнаго типа.

И дѣйствительно, холстъ на рубашкахъ въ деревнѣ теперь становится рѣдкостью. Прежде, напр., вся деревенская дѣтвора одѣвалась исключительно въ холстъ. Я не забылъ до сихъ поръ того восхищенія, которое произвела на меня первая ситцевая рубашка, сдѣланная мнѣ исключительно ради храмового праздника, когда мнѣ было уже лѣтъ 7. Теперь же достаточно зайти въ школу, чтобъ увидать, что почти всѣ дѣти одѣты въ ситецъ. Если бъ мы имѣли цвѣтные снимки школы во время занятій тогда и теперь, то они дали бы намъ самое наглядное представленіе объ этой перемѣнѣ, которая произошла здѣсь и въ области экономической, и въ области внѣшней культуры.

Поклонники добраго стараго времени, конечно, крайне недовольны такой перемѣной. Особенно же ихъ возмущаетъ эта погоня за нарядами и стремленіе во что бы то ни стало походить на господъ хоть по внѣшности. Мнѣ говорили, что тамъ, гдѣ теперь почти сплошь я вижу шелковые платки, лѣтомъ я увидалъ бы „городскія“ шляпки. Я помню, бывало, какой „фуроръ“ эти шляпки, производили на мѣстныхъ дѣвицъ, если онѣ видѣли ихъ на головахъ заѣзжихъ на родину питерскихъ горничныхъ.

Очевидно, то, что прежде было предметомъ зависти и недо-

Digitized by Google

ягаемаго благополучія теперь становится обычнымъ „головнымъ уборомъ". Очевидно также, что жизнь все таки идетъ впередъ, не смотря на порицанія и укоры со стороны нѣкоторой части барствующаго меньшинства, не желающаго примириться съ мыслею, что какой нибудь „хамъ" или „хамка" тоже будутъ походить на него, и при томъ до неузнаваемости.

Конечно, такія порицанія, какъ и всегда, ищутъ моральной базы. Выдвигается на первый планъ забота о насыщеніи меньшого брата. „Къ чему для него нарядъ, если ему ѣсть нечего? Не лучше ли эти деньги затратить на пропитаніе „вмѣсто того, чтобы сидѣть впроголодь въ развалившейся хибаркѣ?"

Въ этихъ „заботахъ" и сужденіяхъ, которыя приходится встрѣчать на каждомъ шагу, лучше всего сказывается крѣпостной духъ деревни. На свѣжаго человѣка эти „дружескія" рѣчи, проникнутыя безпокойствомъ о недоѣданіи мужика, производятъ особенно забавное впечатлѣніе. Эти упреки его въ томъ, что онъ не умѣетъ расчетливо расходовать свои жалкія крохи и это дутое негодованіе на то, что онъ не желаетъ развернуть свою могучую силу и сбросить свою безнадежную апатію и лѣнь,—мнѣ черезчуръ знакомы; какъ будто они сейчасъ взяты со страницъ литературы, изображающей старое барство, ограниченное, но не убитое въ 1861 г.

Мужикъ до сихъ поръ еще третируется не какъ личность, имѣющая право располагать своими силами, средствами и досугами по собственному усмотрѣнію, а только какъ *объектъ для мѣропріятій*, прилагаемыхъ къ нему въ натурѣ всѣми, кто власть имѣетъ, и въ фантазіи всѣми, кто лишенъ таковой. У послѣднихъ постановка рѣчи въ замаскированномъ видѣ остается все таже: „вотъ если бы мнѣ власть дали: я бы показалъ этимъ лежебокамъ" и т. д. Жизнь не по средствамъ, щегольство, пьянство и бездѣлье распространены болѣе или менѣе равномѣрно во всѣхъ слояхъ общества, и въ чиновничьей средѣ по преимуществу. Но никто не стремится сдѣлать ту или иную группу (напр. картежниковъ) спеціальнымъ объектомъ своихъ попеченій. Только несчастный мужикъ представляется уму благонамѣренныхъ россійскихъ держиморд'ъ несмысленнымъ ребенкомъ, неспособнымъ ни оцѣнить правильно своего благополучія, ни обезпечить себѣ его.

Извѣстно всѣмъ давно, что понятіе *роскоши* чрезвычайно растяжимо. Когда я былъ ребенкомъ, напр., чаепитіе у насъ было весьма рѣдкимъ явленіемъ и считалось роскошью. Лѣтъ 20 назадъ самоваръ можно было встрѣтить часто, но далеко не въ каждой деревнѣ. Теперь онъ есть едва-ли не въ каждой избѣ.

Digitized by Google

Въ родномъ селѣ я посѣтилъ старую знакомую кузнечиху, которая живетъ съ хромымъ сыномъ и только что не умираетъ съ голоду. Болѣе убогой и жалкой обстановки нельзя найти въ логовищѣ самаго послѣдняго нищаго. Грязное и рваное тряпье вмѣсто одежды и полное отсутствіе всего, что могло бы напоминать хоть отдаленно объ удобствахъ человѣческаго жилья, производили невыразимо тягостное впечатлѣніе даже на меня, отлично знакомаго съ отсутствіемъ всякаго присутствія. Но среди этого убожества и пустоты рѣзко выдѣлялся самоваръ, представитель высшей культуры и зажиточности. Бывали, очевидно, здѣсь всякія невзгоды. Продавалось не разъ все, что только можно было продать, чтобъ не умереть съ голоду. Но самоваръ уцѣлѣлъ, въ удостовѣреніе того, что онъ изъ предмета роскоши превратился уже въ предметъ первѣйшей необходимости.

И дѣйствительно, оказалось, что „чаевое довольствіе“ есть, если не самое дешевое, то самое удобное и сподручное средство пропитанія для этой, какъ и для всякой другой нищенской семьи. Печь не всегда топится. Лѣтомъ ее и совсѣмъ не топятъ. Приварка сдѣлать не изъ чего. Горячей пищи добыть невозможно. И вотъ является на выручку самоваръ, который быстро даетъ горячее. И какъ бы ни были малы кусочки сахара и слаба заварка чаю, они даютъ возможность ѣсть хлѣбъ съ горячей „примочкой“ и хоть механически немного согрѣвать себя. Къ тому же при первомъ же случайномъ и хоть грошовомъ заработкѣ чай и сахаръ всегда можно получить въ готовомъ видѣ въ мелочной лавкѣ, чего нельзя сказать о другихъ продуктахъ.

И только наши власти до сихъ поръ продолжаютъ считать чаепитіе баловствомъ и спѣшатъ отбирать самовары за недоимки.

XII.

Но едва-ли не самыя важныя перемѣны я нашелъ *въ умахъ* деревенскихъ обывателей. Достаточно сказать, что за цѣлый мѣсяцъ (январь 1906 г.), вращаясь исключительно въ средѣ консервативной, я не встрѣтилъ ни одного поклонника бюрократическаго правительства и защитника его дѣяній. Не встрѣтилъ я ни одного убѣжденнаго и защитника абсолютизма, потому что даже младенцы поняли, что подъ именемъ абсолютизма отстаивается самодурство и самоуправство чиновниковъ.

Какъ ни рѣшительна и радикальна перемѣна въ этомъ отношеніи, она вѣроятно создана не столько постепеннымъ разви-

Digitized by Google

тіемъ въ теченіи 20-ти лѣтняго промежутка времени, сколько неудачами войны. Слишкомъ это произошло наглядно, убѣдительно и, главное, внезапно. Еще годъ назадъ оффиціальныя и „патріотическія“ извѣстія на перебой старались изображать мощь и величіе Россіи, силу и благоустроенность правительственной машины, призванной на дѣло чести и славы. Ну, и перестарались. Всѣмъ это теперь такъ памятно, что теперешнія оффиціальныя реляціи какъ бы онѣ правдивы ни были, оцѣниваются не иначе, какъ по справкѣ съ недавнимъ прошлымъ: „врали тогда,—очевидно, врутъ и теперь“.

Этотъ силлогизмъ такъ глубоко втемяшился въ неуклюжую деревенскую башку, что нужны совершенно исключительныя условія для того, чтобы вытурить его оттуда. Замиреніе, конечно, не трудно произвести силой, но примиреніе, а тѣмъ болѣе довѣріе народа къ правительству нужно производить какъ-нибудь иначе.

Побѣдителя, извѣстно, не судятъ. Зато побѣжденнаго не только судятъ, но непремѣнно и осуждаютъ. Эта война создала такую благодарную почву для широкаго распространенія политическихъ идей въ средѣ совершенно равнодушной къ нимъ, что лучшаго никакой агитаторъ и желать не могъ. Да онъ теперь въ нашихъ краяхъ, пожалуй, и совсѣмъ не нуженъ: почва достаточна накалена, горючаго матеріала слишкомъ много. Неудивительно, что происходитъ самовозгараніе, рѣшительно безъ всякихъ планомѣрныхъ воздѣйствій со стороны крамольниковъ.

Все это легко было предвидѣть еще въ томъ уединеніи, въ которомъ я умственно переживалъ развертывающуюся военную драму. Теперь мнѣ оставалось только получать явное опытное подтвержденіе апріорныхъ соображеній, которымъ мы предавались въ Шлиссельбургѣ, какъ только узнали, что началась война.

Легко было также предвидѣть, что война расплодитъ читателей, и что газета, несмотря на всѣ препоны, проникнетъ во всѣ захолустья.

Въ нашемъ захолустьи 25 л. назадъ газету получали только помѣщики. Даже богатые священники считали ее чѣмъ-то вродѣ баловства, и только изрѣдка дерзали подписаться на „Ниву“, да и то для дочерей, ради узоровъ и рисунковъ модъ. Я отлично помню, какъ событіе особой важности, когда въ 1882 г. два сосѣднихъ священника, не получавшихъ ранѣе ничего, подписались въ складчину на духовный журналъ „Странникъ“. О мужикѣ и говорить нечего, хотя школа въ нашемъ селѣ была открыта въ 1867 г. и грамотныхъ было уже много.

Digitized by Google

И вотъ теперь въ этомъ селѣ мнѣ сообщаютъ, что у нихъ получается ровно 10 разныхъ газетъ. А и всего-то тамъ меньше 100 дворовъ. Разумѣется, здѣсь считаются и тѣ, что получаютъ священникъ, псаломщикъ, учитель и 2 купца. Остальныя выписываются также не коллективно всей деревней. Но самый учетъ общаго итога показываетъ, что здѣсь не безразлично уже, что выписываетъ и читаетъ сосѣдъ. Здѣсь происходитъ уже постоянный обмѣнъ сужденій и освѣщеніе фактовъ съ разныхъ сторонъ. Словомъ, происходитъ зарожденіе и выработка настоящаго общественнаго мнѣнія.

Какъ ни мирно всюду населеніе въ этихъ дебряхъ, „критическій духъ“ развитъ повсемѣстно. Вездѣ сказывается и чувствуется явное оппозиціонное настроеніе. Обыватель уже не просто воспріемлетъ данное ему предписаніе, кланяется за вниманіе къ нему или угрюмо молчитъ въ предчувствіи непріятностей. Онъ уже ворчитъ и раздражается. Послѣ безконечныхъ и безсмысленныхъ затратъ, сдѣланныхъ за его счетъ въ Манчжуріи, онъ всякое новое мѣропріятіе правительства оцѣниваетъ съ точки зрѣнія посягательства на его карманъ.

Народъ еще не бунтуетъ, порядокъ и спокойствіе любитъ и казалось бы, всякую мѣру, направленную къ охранѣ этого спокойствія, онъ долженъ цѣнить и принимать съ признательностью. Такъ нѣтъ же! Дали стражниковъ и, прежде чѣмъ они успѣли появиться на своихъ мѣстахъ, они были уже осуждены безповоротно, и, при томъ, вмѣстѣ съ прославшимъ ихъ начальствомъ „Намъ стражники не нужны. А деньги, которыя на нихъ затрачиваются, намъ нужны, и платить ихъ на всякія выдумки мы не согласны“, — таковъ общій приговоръ, составленный не на сходкахъ или политическихъ съѣздахъ, а молчаливымъ соглашеніемъ. Такое соглашеніе — несравненно прочнѣе, чѣмъ какая-нибудь вотированная резолюція, потому что опирается на общій здравый смыслъ и на единство пониманія.

Какъ естественное послѣдствіе такого пониманія, является неплатежъ податей. Извѣстно, что это средство практикуется и одобряется вездѣ и всегда, гдѣ правительство утрачиваетъ довѣріе народа.

XIII.

Если бы меня спросили, замѣтны ли какія-нибудь серьезныя перемѣны въ районѣ моего наблюденія, совершившіяся въ теченіи полжизни одного поколѣнія, я бы затруднился отвѣтомъ.

Digitized by Google

Этихъ перемѣнъ еще слишкомъ мало въ деревнѣ, и онѣ далеко не очевидны. А если онѣ есть, то ихъ еще нужно искать или открывать.

Ясно только одно: *процессъ капитализаціи нашей деревни далеко подвинулся.* Торговый капиталъ орудуетъ ходко. Движеніе по непроѣзднымъ дорогамъ замѣтно усилилось. Намѣчаются явно нѣкоторые узлы, гдѣ торговая дѣятельность концентрируется рельефнѣе.

Гдѣ обходились безъ всякой лавченки, тамъ теперь обзавелись ею. И изъ самыхъ непролазныхъ дебрей, гдѣ при мнѣ знали одну только лучину, пробираются за керосиномъ къ этому новооткрытому разсаднику культуры, не взирая ни на морозъ, ни на вьюгу. Гдѣ прежде одинъ торговецъ едва прокармливался возлѣ своихъ черезчуръ универсальныхъ операцій, теперь сидятъ уже два и три, подѣлившіе между собой предметы торговли.

Если же, благодаря коммерческимъ талантамъ одного, конкурренты не могли усѣсться рядомъ съ нимъ, онъ успѣлъ уже за эти два десятилѣтія превратить свое мелочное заведеніе въ настоящій магазинъ. И бѣглый осмотръ такого магазина даетъ сразу же представленіе о томъ, что вкусы, потребности и покупательная сила эксплуатируемаго имъ населенія несомнѣнно расширились. Онъ самъ и его семья уже не ютятся въ какой нибудь мансардѣ, отличенной отъ ряда другихъ избъ только безграмотной вывѣской, а выстроилъ себѣ надлежащій домъ, обыкновенно ярко окрашенный, который еще больше оттѣняетъ бѣдность и ветхость остального селенія.

А тамъ, гдѣ и ранѣе намѣчался торговый пунктъ, и гдѣ могли прежде существовать рядомъ нѣсколько торговцевъ, тамъ теперь уже бойкое мѣстечко, на улицахъ котораго скопляются возы и люди—точь въ точь какъ на базарной площади уѣзднаго городка. Торговцы тамъ уже не просто торговцы, а купцы 2 й гильдіи; дома ихъ уже не дома, а чуть не хоромы по сравненію съ обветшалой крестьянской избой. И дѣти ихъ уже учатся не у приходскаго дьячка, а въ институтахъ и гимназіяхъ, хотя отцы ихъ до сихъ поръ еле грамотны. Конечно, они продолжаютъ, какъ и начали еще въ 1886 году прибирать къ своимъ рукамъ земли отощавшихъ помѣщиковъ, которые легкомысленно запутались въ льготахъ дворянскаго банка.

Любопытно, что въ самыхъ бойкихъ торговыхъ пунктахъ купцы не остаются разсѣянными, какъ бывало во дни ихъ робкихъ начинаній, а жмутся другъ къ другу и вмѣстѣ выселяются за окраину деревни. Совершается это скорѣе инстинктивно, чѣмъ

Digitized by Google

по взаимному соглашенію, но такимъ образомъ уже заранѣе предначертывается окончательная судьба такого села: торговый выселокъ разростется и лѣтъ еще черезъ 20 станетъ городомъ, а рядовая деревня, почти совсѣмъ не измѣнившись, станетъ простымъ „посадомъ“ или мѣщанской слободкой, служащей придаткомъ городу.

А если къ тому же пройдетъ здѣсь желѣзная дорога, дѣло совершится еще быстрѣе и еще вѣрнѣе. Такая магистраль, какъ Виндаво Рыбинская жел. дорога, которая прошла лѣтъ 10 тому назадъ между прочимъ и по Старорусскому уѣзду, успѣла уже за это короткое время создать близъ самыхъ глухихъ станцій бойкіе торговые поселки. Возлѣ нихъ деревня, давшая свое имя станціи, кажется какимъ-то замороженнымъ пережиткомъ, сохранившимся нерушимо отъ временъ царя Алексѣя Михайловича.

Этотъ процессъ роста торговаго капитала въ деревняхъ нашей губерніи идетъ, можетъ быть, гораздо быстрѣе средняго для Россіи темпа, благодаря отхожимъ промысламъ. Мѣстное населеніе приноситъ съ собой или получаетъ съ почтой деньги со стороны, а расходуетъ ихъ на мѣстѣ. Покупательная сила его растетъ, хотя его собственная хозяйственная дѣятельность и размѣры ея остаются безъ всякихъ перемѣнъ, или даже падаютъ. Въ то же время лица, побывавшія въ столицѣ, возвращаются домой съ нѣсколько повышенными вкусами, и, не имѣя еще средствъ проявить ихъ въ переустройкѣ всего быта, начиная съ жилища, ограничиваются мелкими улучшеніями въ костюмѣ или внутреннемъ убранствѣ. Примѣръ ихъ, конечно, дѣйствуетъ заразительно и на другихъ. Тѣмъ временемъ, за ихъ счетъ, домъ за домомъ воздвигаетъ себѣ владѣлецъ капитала, и такимъ образомъ почти въ каждой деревнѣ ставитъ себѣ этотъ видный памятникъ своей концентрирующей дѣятельности.

Прежде, бывало, подъѣзжая къ селу, глазъ ни на чемъ не могъ остановиться, кромѣ развѣ церкви: такъ все шаблонно, сѣро и мизерно. Теперь, онъ всюду находитъ центры, на которыхъ невольно сосредоточивается вниманіе, а мысль углубляется, въ разгадываніе смысла и свойствъ разыгрывающейся тутъ экономической драмы. То, что я читалъ только въ сухихъ описаніяхъ, теперь проходитъ предо мной въ живыхъ и яркихъ образахъ.

XIV.

Какъ ни наглядны эти перемѣны, общая неподвижность деревни еще нагляднѣе. И если не легко помириться съ присутствіемъ на окраинахъ столицы убогихъ лачугъ, которыя время не успѣло

Digitized by Google

добить окончательно, то вопіющее убожество деревенскихъ лачугъ уноситъ мысль въ совершенно доисторическія времена. Послѣ того, какъ пройдетъ первая оторопь неожиданности, послѣ того, какъ оріентируется въ раскрывающейся всюду печальной картинѣ, память и разсудокъ начинаетъ по немногу просыпаться и хладнокровно подсказывать:

„Чего же ты удивился? Видишь, все стоитъ на своихъ мѣстахъ и въ такомъ же видѣ, какъ было и въ дни твоей юности.

„Всѣ эти блага культуры, которыми ты набилъ себѣ голову, и всѣ новѣйшія завоеванія человѣческаго генія—сюда не проникли. Можетъ быть, въ какихъ нибудь америкахъ они и перевернули міръ за это двадцатилѣтіе. Но Америка для насъ не указъ: у насъ до сихъ поръ еще свято почитались незыблемыя основы исконной жизни. А подъ ихъ тѣнью никакое новшество не въ силахъ прорости.

„Пробужденіе начинается. Но народъ послѣ вѣкового сна не такъ быстро становится на ноги, какъ отдѣльные люди. Слишкомъ тяжки и многосложны цѣпи, которыя его сковываютъ. Въ общественной жизни дѣло совершается иначе, чѣмъ въ столярномъ мастерствѣ. Не достаточно понять, чтобъ тотчасъ и поправить. Переустройство ея длится очень долго. И тотъ умственный переворотъ, который ты встрѣчаешь всюду, и который производится легче всего, есть одна только предварительная ступень къ дѣйствительному и устойчивому прогрессу.

„Ты ждалъ увидѣть въ жизни какую нибудь частицу своихъ фантазій. Ты мечталъ найти въ царствѣ застоя и гнета зарю обновленія, котораго ты такъ страстно и такъ упорно желалъ. Подожди. Ты рано еще вышелъ на свѣтъ. Засни снова лѣтъ на 20. Быть можетъ проснешься тогда при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ, и на пепелищѣ старой обнищалой деревни увидишь картины довольства и кипучей плодотворной жизни“.

М. Новорусскій.

Digitized by Google

* * *

Больная я лежала. Дѣти
Цвѣтовъ мнѣ утромъ принесли—
Цвѣты осенніе въ букетѣ
Дышали сыростью земли,
И запахъ пыли и лекарства
Ихъ ароматамъ уступилъ.
О, голоса земного царства!
О, воплощенье гордыхъ силъ!

И дѣти жалися другъ къ другу,
Въ лицо глядѣли мнѣ въ упоръ.
По ихъ движеньямъ и испугу
Я поняла свой приговоръ.
Ужъ смерть стояла у порога,
И, чтобы скрасить злые дни,
Цвѣтовъ осеннихъ мнѣ такъ много,
Такъ нѣжно принесли они!

Благодарю за этотъ чистый,
Послѣдній драгоцѣнный даръ.
Въ нихъ—холодокъ зари росистый
И солнца ласковаго жаръ,
Печаль смиренная разлуки,
Покорность голосу судьбы,
Изнеможеніе безъ муки
И умиранье безъ борьбы.

Я вижу въ ихъ союзѣ пестромъ
Себя—родную ихъ сестру
И, грудь прижавши къ милымъ сестрамъ,
Я, какъ цвѣтокъ, сама умру.
Мнѣ, какъ и имъ, не страшно тлѣнье,
Я, какъ они, была чиста,
И съ ними въ праздникъ воскресенья
Моя воскреснетъ красота.

Р. С.

Digitized by Google

Лѣсъ зимой.

Кнута Гамсуна.

И вотъ я ушелъ въ лѣсъ.

Не потому, не потому, что я чѣмъ-нибудь обиженъ, не потому въ особенности, что я уязвленъ человѣческой злобой, но разъ лѣсъ не идетъ ко мнѣ, то я долженъ пойти къ нему. Такъ-то вотъ оно.

Я могъ бы конечно нашумѣть изъ-за этого куда больше. Вѣдь я буду тутъ думать и накаливать мои великія мысли до красна.

Ницше сказалъ бы приблизительно такъ: когда я сказалъ послѣднее слово людямъ—они со мной согласились; люди кивнули головой.

Послѣднее же мое слово было, что я ушелъ въ лѣсъ. Потому что тогда я понялъ, что я сказалъ либо что-нибудь безчестное, либо глупое.

Я въ такомъ смыслѣ не высказывался, но просто ушелъ въ лѣсъ.

* * *

Не думайте только, что тутъ ровно ничего не происходитъ. Снѣжные хлопья падаютъ здѣсь, какъ и въ городѣ, а птицы и звѣри занимаются своими дѣлами съ утра до вечера, да и съ вечера до утра.

Я могъ бы посылать отсюда описанія ужасныхъ исторій, но я этого не дѣлаю. Я искалъ лѣсъ ради одиночества и ради моихъ великихъ мыслей, я хочу покоя. Если мнѣ случится когда-нибудь встрѣтить оленя-самца, я можетъ быть воскликну: Царь небесный, вѣдь это самецъ, онъ свирѣпый! Но въ томъ случаѣ, если это произведетъ на меня слишкомъ сильное впечатлѣніе, тогда я скажу: это теленокъ, или пернатое, и превосходно самому себѣ солгу.

Здѣсь ничего не должно происходить!

Digitized by Google

Однажды, я видѣлъ, что встрѣтились двое лапландцевъ. Это были парень и дѣвушка. Для начала они повели себя по человѣчески. Здраствуйте, сказали они другъ другу и улыбнулись. Но сейчасъ же послѣ того они упали въ снѣгъ и довольно таки надолго скрылись съ моихъ глазъ. Тебѣ не мѣшало бы посмотрѣть на нихъ, подумалъ я, когда прошло добрыхъ четверть часа, они пожалуй задохнутся въ снѣгу. Тогда они поднялись и разошлись каждый въ свою сторону.

Никогда въ жизни не видалъ я еще такого привѣтствія.

* * *

И днемъ и ночью я живу въ заброшенной торфяной юртѣ, въ которую мнѣ приходится прямо вползать. Когда-то, давно вѣрно, кто-то сдѣлалъ ее на скорую руку и пользовался ею; его можетъ быть преслѣдовали и онъ скрывался въ ней нѣсколько осеннихъ дней и ночей. Насъ двое въ юртѣ; но если я не сочту мою даму за человѣка, тогда всего одинъ я. Моя дама это мышь, съ которой я вмѣстѣ живу и которой я далъ такое прозвище, чтобъ почтить ее. Она съѣдаетъ все, что я кладу въ уголъ, сидитъ и смотритъ на меня часами.

Въ юртѣ было старое престарое сѣно, его я вѣжливо предоставилъ моей дамѣ; для своей же постели я нарубилъ, какъ и подобаетъ, мягкихъ вѣтокъ. Я взялъ съ собой топоръ, пилу и нѣсколько необходимыхъ чашекъ. Есть у меня также мѣшокъ [1]) изъ овечьихъ шкуръ, мѣхомъ внутрь. Цѣлую ночь у меня горитъ огонь въ очагѣ; а утромъ моя куртка, которая виситъ около костра издаетъ свѣжій смолистый запахъ. Когда мнѣ нуженъ кофе, я наполняю котелокъ чистымъ снѣгомъ и вѣшаю его надъ огнемъ; у меня получается вода.

И это тоже жизнь?

Ну вотъ ты и проговорился. Это жизнь, о которой ты не имѣешь представленья. У тебя въ городѣ домъ, что и говорить, и ты его обставилъ безделушками, картинами, книгами; но зато у тебя жена и прислуга и множество расходовъ. И на яву и во снѣ долженъ ты гнаться то за тѣмъ, то за другимъ и никогда у тебя нѣтъ покоя.

А у меня есть. Пусть остаются при тебѣ твои духовные интересы, и книги, и искусства, и газеты, оставь себѣ также и твои кофейни, и твое виски, отъ котораго мнѣ только каждый разъ бываетъ дурно. Здѣсь я хожу себѣ въ лѣсу и мнѣ хорошо. Если ты предложишь мнѣ духовные вопросы и захочешь поста-

[1]) Въ которомъ норвежцы спятъ, когда бываютъ въ лѣсу.

Digitized by Google

вить меня въ тупикъ, я тебѣ отвѣчу только, что Богъ, напримѣръ, это начало, а люди по истинѣ только точки и клочки во вселенной. Дальше вѣдь и ты не пошелъ. Ну, а если ты подвинулся такъ далеко, что спросишь меня, что такое вѣчность, такъ и я дошелъ какъ разъ до этихъ же поръ и отвѣчаю: вѣчность это несозданное время, совершенно несозданное время.

Милый другъ, приди сюда, я выну изъ кармана зеркало и брошу солнечное пятно на твое лицо и освѣщу тебя, милый другъ.

* * *

Ты лежишь въ кровати до 10 или 11 часовъ дня и тѣмъ не менѣе встаешь усталый и истомленный. Я вижу тебя передъ глазами, когда ты выходишь на улицу, ты щуришь глаза, какъ будто утренній разсвѣтъ наступилъ слишкомъ рано. А я встаю въ 5 часовъ и чувствую, что выспался. Наружи еще темно, но свѣта все же достаточно, чтобъ наблюдать за луной, звѣздами, облаками и примѣтами погоды. Я предсказываю погоду за нѣсколько часовъ раньше. Въ какомъ тонѣ шумитъ въ воздухѣ. Какъ трещитъ ледъ на озерѣ: сухо и легко, или глубоко и далеко. Я прекрасно слышу примѣты, а когда разсвѣтаетъ, къ слуховымъ я присоединяю зрительные и становлюсь болѣе и болѣе знающимъ.

И вотъ показывается узенькая полоска свѣта далеко на востокѣ, звѣзды сами себя поглощаютъ и свѣтъ торжествуетъ. Вотъ начинаетъ кружить надъ лѣсомъ воронъ, тогда я предупреждаю мою даму, чтобъ она не выходила наружу изъ юрты, а то будетъ съѣдена.

А когда выпадаетъ новый снѣгъ деревья, кусты и камни получаютъ какую-то неземную, чудовищную форму, точно они ночью пришли сюда совсѣмъ изъ другого міра. Сваленная вѣтромъ ель съ выкорчеванными корнемъ выглядитъ какъ вѣдьма, которая охромѣла какъ разъ, когда принимала рѣдкостныя позы.

Тамъ проскакалъ заяцъ, а тамъ слѣды одинокаго оленя. Я выношу мой мѣшокъ наружу и вѣшаю его высоко на дерево, благодаря моей дамѣ, которая все пожираетъ, а самъ иду въ лѣсъ по слѣдамъ оленя. Животное путешествовало совершенно спокойно, какъ я вижу, но у него была опредѣленная цѣль, оно направлялось прямо на востокъ, навстрѣчу дневному свѣту. Въ рѣкѣ Шель, которая такъ быстра, что никогда не замерзаетъ, олень напился, разгребъ снѣгъ на холмѣ, ища моха, отдохнулъ немного и пошелъ дальше.

И то, что этотъ олень дѣлалъ, пожалуй единственное, что я узналъ и пережилъ за весь день. Но мнѣ кажется, что это уже

Digitized by Google

кое-что. Дни коротки, и къ двумъ часамъ уже я бреду домой въ совершенныхъ сумеркахъ, наступаетъ тихій благодатный вечеръ.

Тутъ я начинаю стряпать. Въ трехъ ослѣпительно бѣлыхъ снѣжныхъ холмахъ у меня полнымъ-полно зарыто мяса, а впрочемъ у меня есть кое-что и получше: 8 кусковъ жирнаго оленьяго сыра, да еще масло и лепешки.

Пока кипитъ котелокъ, я ложусь, смотрю на костеръ и дремлю. Послѣобѣденный отдыхъ у меня бываетъ обыкновенно до обѣда. А когда я просыпаюсь, котелъ уже кипитъ, въ юртѣ пахнетъ мясомъ и смолой, моя дама мечется взадъ и впередъ по полу и въ концѣ концовъ получаетъ свою долю. Затѣмъ я обѣдаю и закуриваю трубку. День прошелъ. Все было хорошо, и у меня не было никакихъ тревогъ. Среди величественнаго покоя, меня окружающаго, я единственный взрослый человѣкъ, скиталецъ становлюсь будто бы больше, значительнѣе,—ближнимъ Бога. Съ великими мыслями дѣло идетъ хорошо, такъ какъ во вниманье къ своимъ ближнимъ Богъ совершаетъ великія вещи. Я лежу и думаю объ оленѣ, о дорогѣ, по которой онъ шелъ, о томъ, что онъ дѣлалъ у рѣки Шель, и что онъ затѣмъ продолжалъ свой путь. Тамъ онъ прошмыгнулъ подъ нѣсколькими вѣтками и оставилъ знаки на корѣ; тамъ болото, заросшее ивнякомъ принудило его сдѣлать крюкъ, но сейчасъ же за болотомъ онъ самъ отъ себя выпрямилъ дугу и направился прямо на востокъ. Я думалъ обо всемъ этомъ.

Ну а ты? Читалъ-ли ты въ одной газетѣ, въ отличіе отъ другой, каково общественное мнѣніе въ Норвегіи на счетъ страхованія на случай старости?

* * *

Въ непогоду я сижу дома и погружаюсь мыслями въ то или иное. Я также пишу письмо къ одному, или другому знакомому, что мнѣ, молъ, хорошо, надѣюсь и отъ тебя услыхать тоже. Но мнѣ не приходится посылать эти письма и онѣ день ото дня становятся старѣе. Ну, да все равно. Я связалъ письма веревкой, и подвѣсилъ ихъ на потолкѣ, чтобъ мадамъ ихъ не перегрызла.

И вотъ однажды пришелъ ко мнѣ странствующій человѣкъ. Онъ шелъ торопливо и скользя, у него было неважное платье и ничего на шеѣ—рабочій. Онъ несъ мѣшокъ; что это только могло въ немъ быть? Здравствуйте, сказали мы другъ другу, въ лѣсу прекрасная погода.

Я не ожидалъ встрѣтить кого нибудь въ юртѣ, сказалъ человѣкъ и во всемъ его существѣ выразилось недовольство; что-то задорное; онъ безъ малѣйшаго смиренія сбросилъ внизъ свой мѣшокъ.

Digitized by Google

Онъ, пожалуй, что нибудь обо мнѣ, знаетъ, коли онъ такой малый, подумалъ я.

— Давно тутъ живете вы,—спросилъ онъ—и скоро ли вы собираетесь уйти?

— Ужъ не твоя-ли это юрта?—Спросилъ я въ свою очередь.

Тогда онъ окинулъ меня взглядомъ.

— Потому что, если она твоя, тогда совсѣмъ другое дѣло,—сказалъ я.—Но когда я пойду отсюда, я не собираюсь взять ее съ собой, какъ какой нибудь карманщикъ.

Я это проговорилъ кротко и шутливо, чтобъ не попасться въ просакъ.

Но я попалъ въ самую цѣль, человѣкъ сразу потерялъ увѣренность. Тѣмъ или инымъ способомъ я далъ ему понять, что я о немъ знаю больше, чѣмъ онъ обо мнѣ.

Когда я попросилъ его войти онъ съ благодарностью сказалъ:

— Спасибо. Но я нанесу конечно снѣгу къ вамъ.

Онъ тщательно счистилъ съ сапоговъ снѣгъ, взялъ съ собой мѣшокъ и влѣзъ въ юрту.

— Мы можемъ выпить кофе,—сказалъ я.

— Вамъ не слѣдуетъ—тратиться, отвѣтилъ онъ, вытирая лицо и отогрѣваясь;—я прошелъ ночью длинный путь.

— Тебѣ нужно переваливать черезъ горы?

— Это какъ придется. Работы пожалуй не найти зимой по ту сторону горъ.

Онъ получилъ кофе.

— Нѣтъ-ли у васъ чего нибудь поѣсть? Стыдно просить мнѣ у васъ. Кусокъ лепешки, можетъ быть? Я ничѣмъ не запасся..

— Конечно, конечно, лепешки, масло, оленій сыръ. Пожалуйста.

— Ахъ да, многимъ приходится плохо зимой,—сказалъ человѣкъ въ то время, какъ онъ ѣлъ.

— Ты можетъ быть пошелъ бы обратно въ поселокъ съ нѣсколькими моими письмами?—Спросилъ я. Я тебѣ за это заплачу.

Человѣкъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, истинный Богъ, я этого не могу. Вотъ уже чего не могу, такъ не могу. Потому что я во чтобы то ни стало долженъ черезъ горы, я слыхалъ, что въ Хиллингенѣ есть работа, въ Хиллингенскомъ лѣсу. Такъ ужъ я не могу.

— А ну-ка я его опять немного подзадорю, подумалъ я. У него теперь и слѣда нѣтъ живости; кончится тѣмъ, что онъ попроситъ у меня полтинничекъ. Я пощупалъ его мѣшокъ и сказалъ:

— А что это ты несешь? Тяжелое?

Digitized by Google

— Какое вамъ до этого—дѣло? отвѣтилъ онъ и потащилъ къ себѣ мѣшокъ.

— Я не собирался изъ него украсть что нибудь, я не какой нибудь воришка, сказалъ я шутя.

— Я вовсе не интересуюсь знать, что такое вы,—пробормоталъ онъ.

— Время шло. Такъ какъ у меня былъ чужой, то я не хотѣлъ идти въ лѣсъ, я сидѣлъ, болталъ съ нимъ, разспрашивалъ его о томъ, о семъ. Это былъ самый обыкновенный человѣкъ, не особенно интересовавшійся моими мыслями, съ грязными руками и невѣжественными и скучными разговорами; вещи, что у него были въ мѣшкѣ, онъ безъ сомнѣнья укралъ. Позже я узналъ, что онъ былъ уменъ во многихъ мелочахъ,—чему его научила жизнь. Онъ жаловался, что отморозилъ себѣ пятки и снялъ сапоги. Меня не удивило, что онъ ихъ отморозилъ, въ его носкахъ вмѣсто пятокъ были одни лохмотья. Онъ взялъ у меня ножъ, отрѣзалъ лохмотья и надѣлъ опять носки, но подошвами на подъемъ. Надѣвъ поверхъ сапоги онъ сказалъ: вотъ такъ, теперь тепло и хорошо.

Онъ не дѣлалъ никакого безпокойства. Бралъ-ли онъ пилу, или топоръ изъ угла, что бы разсмотрѣть ихъ, онъ клалъ ихъ опять на тоже мѣсто. Разглядывая письма, а можетъ быть попробовавъ прочесть адреса, онъ не бросилъ ихъ, такъ чтобы они завертѣлись, а придержалъ за веревку, чтобы повѣсить ихъ спокойно. Мнѣ рѣшительно не за что было на него жаловаться.

Онъ остался обѣдать; получивъ ѣду, онъ сказалъ:

— Не сердитесь, пожалуйста, вы ничего не будете имѣть противъ, если я пойду нарѣжу себѣ вѣтокъ для сидѣнья?

Онъ пошелъ и нарѣзалъ себѣ нѣсколько мягкихъ вѣтокъ чтобы дать ему мѣсто въ юртѣ, пришлось немного отодвинуть сѣно мадамъ. Потомъ мы лежали, разжигали огонь въ очагѣ и болтали.

Послѣ обѣда онъ не пошелъ дальше, но продолжалъ лежать, будто чтобы убить время. Когда начало смеркаться, онъ подошелъ къ дверной скважинѣ и спросилъ меня.

— Вы думаете, пойдетъ ночью снѣгъ?

— Ты меня спрашиваешь, а я тебя; хотя похоже, что пойдетъ, дымъ стелется по низу.

То обстоятельство, что ночью можетъ быть снѣгъ его сильно обезпокоило, онъ сказалъ, что пойдетъ лучше ночью. Но вдругъ онъ разсвирѣпѣлъ: я лежалъ, протянувшись, и въ задумчивости положилъ руку на его мѣшокъ.

— Я не могу понять, какое вамъ до меня дѣло,— закричалъ

Digitized by Google

онъ и выхватилъ у меня мѣшокъ.—Я предупреждаю васъ, чтобъ вы не смѣли трогать мѣшка.

Я отвѣтилъ, что я сдѣлалъ это безъ намѣренія и не собирался ничего у него украсть.

— Украсть что-нибудь? нѣтъ... Зачѣмъ же? Не думайте впрочемъ, что я васъ боюсь. И не можете этого думать, добрый человѣкъ. На-те, смотрите, что у меня въ мѣшкѣ,—сказалъ онъ, и началъ показывать мнѣ различныя вещи: три пары новыхъ рукавицъ, нѣсколько толстоватое сукно, узелокъ съ крупой, кусокъ сала, 16 свертковъ табаку и нѣсколько большихъ кусковъ сахару. Въ самомъ низу мѣшка туго набитый узелокъ кофе въ зернахъ.

Все это вмѣстѣ были навѣрно товары изъ торговаго мѣстечка за исключеньемъ пачки поломанныхъ лепешекъ, которыя, возможно, что были получены въ другомъ мѣстѣ.

А у тебя, оказывается, и у самого есть лепешки, сказалъ я.

— Если бы вы хорошенько понимали, то вы такъ не разговаривали бы,—отвѣтилъ онъ.—Если я пойду по горамъ и долженъ буду скитаться да скитаться, не нужно мнѣ развѣ напихивать чѣмъ нибудь свой ротъ? Одна насмѣшка это, какъ я послушаю.

И онъ осторожно началъ засовывать опять въ мѣшокъ одну вещь за другою. Онъ старался сложить сало свертками съ табакомъ, такъ что бы отъ него не осталось на сукнѣ жирныхъ пятенъ.

— А вы могли бы у меня купить это сукно,—сказалъ онъ. Я совсѣмъ дешево его продамъ. Это фриз.... Оно мнѣ помѣха.

— А что ты за него просишь?—спросилъ я.

— Тутъ его пожалуй на цѣлый костюмъ, а то и того больше, сказалъ онъ самому себѣ и вытащилъ вонъ сукно.

Я сказалъ ему:

— Ты въ сущности приходишь и приносишь съ собой сюда въ лѣсъ мірскую суету—жизнь, духовные интересы и газеты. Не поговоримъ-ка немного. Скажи мнѣ одно, боишься-ты, что твои слѣды будутъ видны завтра утромъ, если ночью выпадетъ снѣгъ?

— Это ужъ мое дѣло. Я и раньше ходилъ по горамъ, и по разнымъ дорогамъ,—пробормоталъ онъ.—А вы бы могли купить сукно за безцѣнокъ.

Я покачалъ головой и человѣкъ снова уложилъ съ изяществомъ сукно внизъ мѣшка, совсѣмъ такъ, будто оно ему принадлежало.

Онъ сказалъ:

— Я разрѣжу его на брючные отрѣзки. Тогда оно не будетъ такъ велико, и мнѣ скорѣе удастся его продать.

Digitized by Google

— А тебѣ бы лучше отрѣзать на брюки, жилетку и куртку, а остальное разрѣзать на брючные отрѣзки.

— Вы такъ полагаете? Пожалуй, что такъ будетъ лучше.

Мы высчитали, сколько нужно на костюмъ взрослому человѣку и веревкой, которой были связаны письма, аккуратно вымѣрили наше платье. Потомъ мы надрѣзали сукно и разорвали его. Кромѣ цѣлаго костюма, тамъ оставалось на добрыхъ двѣ пары брюкъ.

Послѣ этого человѣкъ попросилъ меня купить у него изъ мѣшка что нибудь другое, и я купилъ часть кофе и нѣсколько свертковъ табаку. Онъ сунулъ деньги въ кожаное портмоне, при чемъ я обратилъ вниманье на совершенную его пустоту, онъ, какъ это дѣлаютъ бѣцняги, хлопотливо спряталъ деньги и ощупалъ послѣ этого карманы.

— Тебѣ удалось продать мнѣ немного,— сказалъ я,—но мнѣ больше не нужно.

— Чтожъ торговля—торговлей, я не стану жаловаться.

Онъ сталъ немного посмѣлѣе.

Въ то время, какъ онъ укладывался, чтобъ отправиться въ путь и не употреблять больше своей постели изъ вѣтокъ, я не могъ не лежать и не сожалѣть о его жалкомъ способѣ воровать.

Воровство по нуждѣ; кусокъ сала, кусокъ сукна, которые онъ пробуетъ продать тутъ же въ лѣсу. Ахъ да, воровство перестало быть чѣмъ то особеннымъ. И это потому, что перестало быть особеннымъ и наказаніе за всякаго рода проступки. Оно стало скучнымъ и гуманнымъ, изъ законовъ изъятъ религіозный элементъ, и въ судьяхъ нѣтъ больше ничего мистическаго.

Я помню послѣдняго судью, толковавшаго значеніе присяги, какъ нужно бы было ее толковать, и какъ она должна бы дѣйствовать. У насъ у всѣхъ встали тогда волосы дыбомъ. Да возвратится снова немного вѣры въ колдовство, въ шестую книгу Моисея, въ грѣхъ противъ духа святого и обязательства, написанныя кровью некрещенныхъ дѣтей. Украдь въ торговомъ мѣстечкѣ мѣшокъ съ деньгами и серебряной посудой и спрячь его въ горахъ, такъ, чтобъ весенними вечерами онъ свѣтилъ надъ мѣстомъ, какъ голубой факелъ. Но не приходи съ 3 парами рукавицъ, ветчиной, саломъ.

Человѣкъ не боялся больше за свой мѣшокъ, онъ выползъ совершенно изъ юрты, чтобъ изслѣдовать погоду. Тѣмъ временемъ я положилъ ему обратно его кофе и табачные свертки, такъ какъ я въ нихъ не нуждался. Когда онъ вернулся, онъ сказалъ,

— Я думаю мнѣ лучше тутъ переночевать, если я васъ не обезпокою.

Digitized by Google

Вечеромъ онъ даже и не притворился, что хочетъ достать свою собственную ѣду. Я сварилъ кофе и далъ ему къ нему сухую лепешку.

Вамъ не слѣдовало бы тратиться,—сказалъ онъ. Затѣмъ онъ опять началъ возиться со своимъ мѣшкомъ, чтобы хорошенько заложить сало, которое могло попортить ему куски сукна; затѣмъ онъ снялъ съ себя кожаный поясъ, перевязалъ имъ мѣшокъ крестъ на крестъ, сдѣлавъ изъ него что-то вродѣ ранца, чтобы нести его на одномъ плечѣ.

— Когда я перекину теперь конецъ мѣшка черезъ другое плечо, нести мнѣ будетъ куда легче,—сказалъ онъ.

Я далъ ему письма, чтобъ онъ снесъ черезъ горы и опустилъ ихъ на почтѣ; онъ хорошо ихъ припряталъ и ощупалъ послѣ того сверху карманъ, деньги на марки онъ завернулъ въ особую бумажку и завязалъ ихъ въ узелокъ въ мѣшокъ.

— Гдѣ ты живешь,—спросилъ я?

— Да гдѣ же бѣдняку жить? Живу около моря. У меня, къ сожалѣнію, есть и жена, и дѣти, что ужъ больше говорить.

— А сколько у тебя дѣтей?

— Четверо. У одного рука сломана; у другого—э, да всякому чего-нибудь не хватаетъ. Такъ вотъ и не очень-то хорошо приходится бѣдняку. Моя жена больна; нѣсколько дней тому назадъ, она ужъ думала, что смерть ея пришла, должна была причаститься.

Въ его тонѣ зазвучали грустныя ноты, но ноты эти были фальшивыя. Онъ мнѣ все налгалъ, конечно. Теперь, если они придутъ изъ поселка его искать, у какого христіанина хватитъ духа его выдать? вѣдь у него такое большое и больное семейство!

Человѣкъ, о человѣкъ, ты хуже мыши!

Я больше его не разспрашивалъ, но попросилъ что-нибудь спѣть, какую-нибудь пѣсню, разъ что мы должны были сидѣть вмѣстѣ.

— На это у меня нѣтъ теперь охоты,—отвѣтилъ онъ.—Я могъ бы еще спѣть псаломъ.

— Ну псаломъ.

— Не теперь. Мнѣ и хотѣлось бы вамъ услужить, но...

Его безпокойство все росло. Немного погодя онъ взялъ мѣшокъ и вышелъ. Я подумалъ: вотъ онъ и ушелъ, но онъ не сказалъ мнѣ обычнаго привѣтствія: оставайтесь съ миромъ!

Хорошо, что я пришелъ въ лѣсъ: тутъ какъ разъ мое мѣсто, и съ этого дня ни одна живая душа не войдетъ въ мои стѣны.

Я заключилъ съ собою очень строгій договоръ, чтобъ съ этихъ

Digitized by Google

норъ не имѣть больше дѣла съ людьми. Мадамъ, иди сюда, сказалъ я; я уважаю тебя и обязываюсь вступить съ тобой въ прелестный союзъ на всю жизнь, мадамъ.

Черезъ полчаса, однако, человѣкъ возвратился, но уже безъ мѣшка.

— А я думалъ, что ты ушелъ,—сказалъ я.

— Ушелъ? Я вѣдь не собака какая-нибудь,—отвѣтилъ онъ.—Я тоже бывалъ раньше въ людскомъ обществѣ и говорю здравствуйте, когда прихожу, и оставайтесь съ миромъ, когда ухожу. Вамъ не слѣдовало бы меня дразнить.

— Что ты сдѣлалъ съ мѣшкомъ?

— Я его отнесъ немного по дорогѣ.

Это дѣлаетъ честь его разсудительности, что онъ отнесъ мѣшокъ на случай, если за нимъ придутъ: легче ускользнуть налегкѣ, чѣмъ съ тяжестью за спиной. Чтобы не дать ему возможности еще лгать о его бѣдности я спросилъ:

— А ты вѣрно былъ большимъ удальцомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, да пожалуй еще и теперь?

— Да, насколько позволяютъ обстоятельства,—сказалъ онъ оживленно.—Я не видывалъ, чтобъ кто легче меня поднималъ бочку съ рыбьимъ жиромъ, а также никто не могъ меня перетанцовать во время рождественскихъ танцевъ.—Шшъ—кто-то идетъ?

Мы прислушались. Онъ въ одинъ мигъ бросилъ взглядъ на дверную скважину и на дыру въ потолкѣ и избралъ для встрѣчи опасности двери. Онъ былъ великолѣпенъ въ своемъ возбужденьи, я видѣлъ какъ дрожали его челюсти.

— Никого нѣтъ, сказалъ я.

Онъ рѣшительно и смѣло, какъ сатана, выползъ изъ юрты и пропадалъ нѣсколько минутъ. Когда онъ вернулся, онъ отдышался и сказалъ:

— Никого нѣтъ.

Мы укладывались на ночь. Во имя Іисуса! сказалъ онъ и протянулся на своихъ вѣткахъ. Я сразу заснулъ и крѣпко проспалъ нѣкоторое время. Посреди ночи безпокойство заставило человѣка вскочить на ноги, я слышалъ, какъ онъ пробормоталъ: оставайтесь съ миромъ! и вышелъ вонъ.

Утромъ я сжегъ вѣтки, на которыхъ спалъ человѣкъ и напустилъ въ юрту тьму дыма.

На дворѣ выпалъ новый снѣгъ.

* * *

Что можетъ быть лучше, какъ снова остаться одному и ходить уединенно и мирно въ лѣсу. Варить кофе набивать трубку и

Digitized by Google

думать объ этомъ по маленьку, медленно. Вотъ теперь я наполню снѣгомъ котелокъ, думаю я, а теперь измельчу камнемъ эти кофейныя зерна; позже мнѣ нужно будетъ хорошенько выбить мой мѣшокъ въ снѣгу, чтобы шерсть внутри стала снова бѣлой. Но гдѣ же тутъ литература, большіе романы, общественное мнѣніе? Зато мнѣ не приходится изъ-за этого кофе бѣжать взапуски. Литература! Когда Римъ владычествовалъ надъ міромъ, онъ былъ едва лепечущимъ ученикомъ Греціи. И онъ все же владычествовалъ надъ міромъ. Или взять другую страну, нашу знакомую: она вела освободительную войну, блескъ которой и до сихъ поръ еще не погасъ, она дала міру величайшія произведенія искусства въ живописи. Но она не имѣла литературы и не имѣетъ ее по сейчасъ.

Изо дня въ день я ближе и ближе знакомился съ деревьями, мхомъ и снѣгомъ на поляхъ, и со всѣмъ этимъ я подружился. Сосновый пень стоитъ и оттаиваетъ на солнцѣ—я чувствую связь съ нимъ и его ростомъ, иногда, стоя около него, я люблю его, въ моей душѣ что-то шевелится къ нему. Кора съ него такъ плохо содрана, его изуродовали зимой, когда лежалъ глубокій снѣгъ, поэтому онъ и торчитъ такой длинный и оголенный. Я представляю себя на мѣстѣ этого пня и чувствую къ нему состраданье. И въ моихъ глазахъ свѣтится, быть можетъ, такое же несложное и животное выраженіе, какъ у людей глубокой древности.

Тутъ ты придерешься, конечно, и поднимешь меня на смѣхъ; насчетъ этого сосноваго пня и меня ты придумаешь много забавныхъ словъ. Но въ глубинѣ души ты все же знаешь, что на моей сторонѣ во всемъ преимущество—за исключеніемъ развѣ того, что у меня не такъ много гражданскихъ понятій и я не студентъ. Ты ничему не научишь меня, что касается лѣса и полей, гдѣ я чувствую то, чего ни одинъ человѣкъ не чувствовалъ.

Случается, что я беру невѣрное направленіе и сбиваюсь съ пути. О да, это случается. Но я не верчусь и не гуляю тутъ же у дверей моей хаты—нѣтъ, это для дѣтей города. Я ухожу мили за двѣ, далеко по ту сторону рѣки Шель и тутъ я сбиваюсь съ пути, и то если нѣтъ солнца, или идетъ густой снѣгъ, такъ что на небѣ не видно ни юга, ни сѣвера. Вотъ тутъ-то мнѣ и можетъ пригодиться знаніе знаковъ и примѣтъ на томъ или иномъ видѣ деревьевъ, о смолѣ на соснахъ, корѣ на лиственныхъ деревьяхъ, о мхѣ, который растетъ внизу у корней, о томъ, растутъ ли вѣтви на южной или сѣверной сторонѣ, какъ обросли мхомъ камни, какой видъ у тѣхъ, или иныхъ листьевъ; съ помощью всего этого мнѣ и удается найти вѣрное направленіе, если еще свѣтло.

Digitized by Google

Но если наступаютъ сумерки, и я вижу, что мнѣ не найти моего дома на сегодня, я говорю самому себѣ: о, Господи, что же это будетъ за ночь! И я брожу, пока не отыщу себѣ уютнаго мѣстечка,—лучше всего подъ навѣсомъ горы, которая защищаетъ отъ непогоды и вѣтра. Я приношу сюда нѣсколько охапокъ вѣтокъ, застегиваю хорошенько мою куртку и долго устраиваюсь. Тотъ, кому не удалось испытать этого, не имѣетъ никакого представленія объ удовольствіи, которое наполняетъ все существо, если въ такую ночь попадаешь въ хорошее убѣжище. Чтобы чѣмъ нибудь заняться, я зажигаю трубку, но такъ какъ я слишкомъ голоденъ, я не выношу табаку; тогда я запихиваю въ ротъ кусочекъ смолы и жую ее и думаю о разныхъ разностяхъ. А снаружи все мететъ, да мететъ; если мнѣ посчастливилось выбрать хорошо мое убѣжище, т. е. если оно лежитъ въ надлежащемъ направленіи, то снѣга насыпетъ такъ много, что надъ моей хижиной образуется крыша. И тогда я вполнѣ спасенъ и сухъ—засну ли я, или нѣтъ, морозъ до моихъ ногъ не доберется.

* * *

Къ моей юртѣ подошли два человѣка, они торопились; одинъ изъ нихъ крикнулъ мнѣ:

— Здравствуйте. Не прошелъ ли тутъ мимо вчера одинъ человѣкъ?

Мнѣ не понравилось его лицо, я не былъ его слугой, и его вопросъ былъ такъ глупъ.

— Здѣсь, можетъ быть, много прошло. Вы вѣрно хотите спросить, не видалъ ли я человѣка, который проходилъ тутъ мимо?

Вотъ на же тебѣ!

— Я сказалъ то, что я хотѣлъ, — сказалъ онъ сердито. — А кромѣ того я васъ спрашиваю, какъ служебное лицо.

Вотъ какъ.

Я не желалъ больше разговаривать съ нимъ и влѣзъ въ юрту. Оба вошли за мной вслѣдъ. Полицейскій скорчилъ гримасу и спросилъ:

— Такъ что же, видѣли вы человѣка, который проходилъ тутъ вчера мимо?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.

Они начали переглядываться, совѣтоваться, а немного погодя вышли изъ юрты и отправились обратно въ поселокъ.

Я думалъ: какое усердіе у этихъ полицейскихъ когда имъ нужно ловить, и какъ въ немъ сквозитъ заурядность! За ловлю и доставку каждаго пойманнаго перепадаютъ лишніе доходы; да и въ этомъ подвигѣ есть также честь. О, все человѣчество должно

Digitized by Google

бы усыновить этого человѣка, ибо онъ его дитя, созданное по его образу! А гдѣ же кандалы? Онъ долженъ бы былъ побрящать немного цѣпью и, поднявъ ее на рукѣ, какъ шлейфъ амазонки, заставить меня почувствовать, что онъ обладаетъ такою властью, отъ которой волосы встаютъ дыбомъ. Ничего подобнаго!

И что это такое за торговля? Этотъ современный торговый король? Онъ замѣчаетъ пропажу того, что человѣкъ можетъ унести въ мѣшкѣ.

Съ этой поры я началъ ожидать весну. Моя торфяная юрта находится все же слишкомъ близко отъ людей, и я собираюсь построить себѣ другую, когда оттаетъ земля. Я уже высмотрѣлъ себѣ мѣсто въ лѣсу, по ту сторону рѣки Шель; тамъ, думаю я, будетъ хорошо. Отъ поселка туда четыре мили, а отъ перевала три.

Переводъ съ норвежскаго *Р. Тираспольской.*

Digitized by Google

Въ міровомъ пространствѣ [1]).

Что это было? Сонъ или дѣйствительность? Гдѣ я былъ? На свободѣ или въ заключеніи? Этого я не могъ опредѣлить.

Но только все происходящее казалось мнѣ такъ живо, такъ ярко, что въ его дѣйствительности, повидимому, трудно было сомнѣваться. Однако оно было такъ странно, такъ необычно, что совсѣмъ не походило на проявленія реальной земной жизни.

Вотъ почему во время нашего удивительнаго путешествія мнѣ часто приходило въ голову: не сплю ли я? Вѣдь сны въ долголѣтнемъ одиночномъ заключеніи замѣняютъ собою дѣйствительность и потому бываютъ такъ поразительно ярки. Я вспоминалъ, какъ очнувшись отъ такого сна къ нашему тусклому прозябанію, я не разъ спрашивалъ себя:

— Чѣмъ могу я отличить то, что вижу теперь, отъ того, что было сейчасъ, передъ этимъ? Можетъ быть все это наше безконечное заключеніе только одинъ мой тяжелый сонъ?

Я такъ привыкъ къ мысли, что все яркое въ моей жизни— сны или грезы, что каждый разъ, когда со мной случалось что-нибудь выходящее изъ рамокъ казеннаго распредѣленія нашихъ дней, похожихъ другъ на друга, какъ листы ничѣмъ неисписанной тетради, сомнѣнія въ дѣйствительности происходящаго сейчасъ же зарождались у меня въ головѣ.

Такъ было и въ этомъ случаѣ, хотя за реальность нашего путешествія было слишкомъ много данныхъ. Всѣ мои друзья, по многолѣтнему и, казалось, уже минувшему заключенію, были здѣсь со мной, въ каютѣ летучаго корабля, высоко, высоко надъ поверхностью земли.

Двѣ изящныя головки одна темно-русая и другая свѣтло-русая (и это были несомнѣнно Вѣра Ф. и Людмила В.)

---

[1]) Изъ популярныхъ очерковъ и разсказовъ по естествознанію, написанныхъ для товарищей въ Шлиссельбургской крѣпости.

Digitized by Google

смотрѣли изъ окна каюты на удаляющуюся, какъ бы падающую внизъ землю, поверхность которой, направо — къ западу—была кое-гдѣ покрыта рѣдкими кучевыми облаками, а налѣво — къ востоку вся заслонена снѣжно-бѣлымъ покровомъ сплошныхъ тучъ, ярко озаренныхъ косыми лучами солнца.

— Прощай, земля! — сказала Людмила, а Вѣра не сказала ничего и лишь молча смотрѣла внизъ. Изъ остальныхъ товарищей здѣсь были на этотъ разъ только Поливановъ и Яновичъ. Другіе остались тамъ, внизу, и гдѣ они были — я уже не могъ теперь разсмотрѣть на этой высотѣ.

Съ невообразимой скоростью мы взлетали все выше и выше, подъ вліяніемъ могучихъ цилиндровъ нашего летучаго корабля, прогонявшихъ сквозь себя міровой эфиръ, и заставлявшихъ этимъ, какъ турбинами, мчаться нашъ корабль вдаль отъ земли ускорительнымъ движеніемъ...

Черезъ нѣсколько часовъ мы уже вышли за предѣлы доступнаго для нашихъ чувствъ земного притяженія и для насъ болѣе не было ни верху, ни низу. Мы почти совсѣмъ потеряли свою тяжесть и могли теперь плавать въ воздухѣ своей каютъ-компаніи, какъ рыбы плаваютъ въ водѣ. Стоило намъ сдѣлать нѣсколько движеній руками и мы переплывали на другую сторону каюты.

Сильное движеніе воздуха, взволнованнаго нашими попытками перебраться съ одного мѣста на другое (такъ какъ иного способа передвиженія уже не оставалось послѣ потери нами тяжести), медленно относило въ уголъ Поливанова. Но онъ все-таки старался на лету срисовать всю эту странную сцену вмѣстѣ съ перспективой блѣдно-зеленоватаго серпа далеко умчавшейся земли, сіявшей на фонѣ созвѣздій Оріона и Близнецовъ и чудно блестѣвшей въ одно изъ большихъ и прочныхъ хрустальныхъ оконъ, не смотря на яркій солнечный свѣтъ, врывавшійся косыми полосами въ противоположное окно корабля.

Свѣтъ этотъ не мѣшалъ созвѣздіямъ повсюду горѣть вокругъ насъ, потому что онъ уже не отражался болѣе въ голубоватой дымкѣ земной атмосферы. Небо было черно, какъ въ глубокую ночь, и все горѣло милліонами своихъ вѣчныхъ огней. Яновичъ отбросилъ свои отмѣтки въ корабельномъ лагбухѣ, листы котораго никакъ не ложились одинъ на другой, а становились торчкомъ, каждый листъ отдѣльно отъ остальныхъ, такъ какъ ничто уже не пригибало ихъ къ столу. Молча плывя въ воздухѣ, онъ смотрѣлъ со своей доброй и ласковой улыбкой на всю эту яркую, странную и удивительную картину.

Digitized by Google

По временамъ онъ съ тревогой взглядывалъ впередъ, но сейчасъ же успокаивался. Всѣ области такъ называемыхъ метеоритныхъ дождей лежали далеко отъ нашего пути...

— Опасности быть не можетъ! — говорилъ Яновичъ. — Вѣдь мы нарочно выбрали такое время года, когда земля пролетаетъ чрезъ пространства, совсѣмъ почти свободныя отъ метеоритовъ. Столкнуться съ ними несравненно менѣе вѣроятно, чѣмъ, напримѣръ, потерпѣть крушеніе на желѣзной дорогѣ.

Я отплылъ по воздуху отъ своего наблюдательнаго пункта и невольно любовался на окружающій меня воздушный акваріумъ, гдѣ плавали мы всѣ.

Вотъ Вѣра взяла плывшій мимо нея стаканъ воды, чтобы напиться, но неосторожнымъ движеніемъ руки нечаянно отдернула его отъ наполнявшей его жидкости. Оставшись въ воздухѣ, вода сейчасъ же приняла шарообразную форму и поплыла среди насъ подобно мыльному пузырю.

— Идите пить воду! Кто первый поймаетъ ее ртомъ, звала насъ Людмила.

Всѣ зашумѣли и, махая руками, какъ веслами, поплыли въ воздухѣ, стараясь перегнать другъ друга.

Движеніе взволнованной среды относило водяной шаръ въ сторону. Мы всѣ смѣялись надъ уморительными положеніями, которыя приходилось принимать каждому изъ насъ при этой ловлѣ. Мы отчаянно барахтались руками, стараясь сильнѣе загребать воздухъ, но это плохо помогало. И насъ, и водяной шаръ относило то къ потолку, то къ окнамъ. Мы дѣлали руками сильный толчекъ въ ту сторону, до которой могли достать, и проплывали въ воздухѣ по инерціи черезъ всю каюту, пока не стукались въ противоположную сторону. Наконецъ, Людмила схватила листъ картона и, пользуясь имъ, удачно подогнала къ себѣ воду и уже совсѣмъ поймала ее ртомъ, но тутъ же отъ неосторожнаго толчка вода раздѣлилась на нѣсколько маленькихъ шариковъ, тихо поплывшихъ въ разныя стороны...

А время все шло. Корабль нашъ быстро приближался къ поверхности луны. Съ каждой минутой сильнѣе разростался ея блѣдный дискъ, на три четверти освѣщенный солнцемъ и погруженный своею третьею четвертью въ глубокую ночь. Скоро пришлось намъ дать задній ходъ машинѣ, чтобы противодѣйствовать постепенно увеличивавшейся силѣ нашего тяготѣнія къ лунѣ. Мы уже не летали болѣе въ воздухѣ каюты, но медленно падали на ея бывшій потолокъ, теперешній полъ нашего помѣщенія. Пришлось перевернуть весь корабль кормой къ лунѣ.

Digitized by Google

Несмотря на свои обычныя свѣдѣнія по космографіи, вынесенныя изъ гимназіи, Людмила сильно удивлялась, смотря вверхъ на нашу отдаленную родину, какимъ образомъ люди не падаютъ съ нея на луну. Вѣдь падаемъ же на нее мы, чувствуя съ каждой минутой, что къ намъ возвращается, хотя и не вполнѣ, наша тяжесть, влекущая насъ туда, въ обратную сторону, къ лунной поверхности. И эта поверхность казалась намъ теперь внизу, а не вверху...

Поливановъ началъ разсуждать, что „мы вошли въ сферу луннаго притяженія“, что то, что было „верхомъ“ теперь стало „низомъ“, что мы и на землѣ каждую ночь повертывались вмѣстѣ со всѣми окружавшими насъ предметами почти вверхъ ногами относительно нашего положенія днемъ, благодаря вращенію земного шара. Но увы! Людмила отвѣчала, что она все это хорошо понимаетъ теоретически, но на практикѣ еще никакъ не можетъ привыкнуть на мысли, что „нашъ низъ“ есть „верхъ“ для кого нибудь другого.

А между тѣмъ лунный дискъ все болѣе и болѣе увеличивался въ нашихъ глазахъ отъ приближенія къ нему насъ и занялъ теперь почти пятую часть небесной сферы. Ярко обрисовались подъ нашими ногами его холмистыя равнины, всѣ испещренныя легкими круглыми или эллиптическими впадинами всевозможныхъ величинъ, какъ песчаное прибрежье отъ недавно упавшихъ на него дожденыхъ капель. Только что это были за капли! Двадцать шесть изъ нихъ превышали 100 километровъ въ діаметрѣ!..

— Вотъ они, знаменитые лунные цирки!—сказалъ Яновичъ.— Наконецъ то удастся узнать, какъ они произошли!

— Самое удивительное здѣсь то, — отвѣтилъ Поливановъ,— что они совершенно неизвѣстны ни на ближайшей подругѣ луны— землѣ, ни на остальныхъ планетахъ, обладающихъ значительной атмосферой. Происхожденіе ихъ должно быть совершенно своеобразнымъ.

— Ихъ считали прежде за вулканы,—сказалъ Яновичъ,— но это только потому, что старые астрономы не могли хорошо разсмотрѣть плоскаго устройства ихъ дна. Фай приписывалъ ихъ происхожденіе приливамъ и отливамъ жидкаго ядра луны, когда она только что покрылась корой. Изъ другихъ астрономовъ — одни объясняли ихъ дѣятельностью коралловъ, располагавшихся большими кругами, какъ въ земныхъ моряхъ, а другіе, сознательной работой мыслящихъ существъ, живущихъ на лунѣ. Но всѣ эти предположенія были лишь простой игрой фантазіи, гдѣ

Digitized by Google

остроуміе замѣняло дѣйствительное знаніе. И вотъ теперь мы на пути узнать все на самомъ мѣстѣ!

Мы летѣли къ той половинѣ луны, которая была въ тѣни. Она росла съ каждой минутой. Она какъ бы надвигалась на насъ, какъ бы грозила разбить насъ своимъ ударомъ. Становилось жутко отъ этой громады, растущей подъ нашими ногами. Невольно, то одинъ, то другой изъ насъ старался посмотрѣть на показатель скорости полета, чтобы убѣдиться, что она не превышаетъ ту, которую наши машины могутъ преодолѣть ранѣе паденія на поверхность луны.

Вотъ луна заняла почти всю половину окружающаго насъ небеснаго пространства. Дюнообразные сыпучіе валы ея цирковъ, какъ будто выбитыхъ ударами гигантскихъ пестовъ въ рукахъ міровыхъ титановъ, отчетливо обрисовывались среди желтовато-зеленоватаго плоскогорья, надъ которымъ низко склонялось солнце. Вотъ горизонтъ луны совсѣмъ надвинулся на солнечный дискъ и намъ, какъ на землѣ, показалось, что солнце зашло... Одинъ мигъ и мы очутились въ длинномъ конусѣ лунной ночи, этомъ темномъ колпакѣ, вѣчно слѣдующемъ за каждой планетой...

„Вверху, тамъ, далеко“, надъ нашими головами и кругомъ, все небо было ярко освѣщено знакомыми созвѣздіями и широкимъ серпомъ земли, на которомъ виднѣлись Сѣверная Америка и часть вѣчныхъ снѣговъ прилегающаго къ ней полюса. „Внизу“ же, на югѣ луны, поднимался прямо подъ нашими ногами циркъ Тихо-Браге съ широкимъ, плоскимъ дномъ и съ полосами бѣлой слегка сѣроватой пыли,л учеобразно разбросанной отъ окружающаго его дюновиднаго вала по сосѣднимъ возвышенностямъ и долинамъ чуть не на восьмую долю поверхности луны. Далеко отъ него, при переходѣ на сѣверное полушаріе луны, виднѣлся совершенно такой же циркъ Коперника, отъ вала котораго снѣговидная пыль перекинулась лучистыми разбросами, какъ тонкое кружево черезъ горный хребетъ лунныхъ Аппенинъ на темноватую равнину близъ сѣвернаго полюса, называемую Моремъ Дождей. За ней направо, на лунномъ востокѣ виднѣлись еще двѣ большія котловины Кеплера и Аристарха, но уже съ меньшими лучистыми отбросами такой же странной бѣловатой пыли...

И на западѣ луны виднѣлись разбросы того же самаго вещества кругомъ цирка Платона и около цирка Анаксагора у самаго сѣвернаго полюса луны. Болѣе мелкіе лучи того же рода виднѣлись и въ другихъ мѣстахъ луны, но всякій разъ кругомъ какого

Digitized by Google

либо изъ меньшихъ лунныхъ цирковъ и съ кучевидными остатками той же снѣговидной пыли на ихъ днѣ.

Вдали отъ насъ, среди темной какъ черноземъ и слабо-зеленоватой отъ земного свѣта равнины, Моря Дождей, лежала уже лишенная только что описанныхъ лучистыхъ разбросовъ огромная тарелко-образная впадина Архимеда, а за ней цѣлый рядъ такихъ-же, но меньшихъ углубленій вплоть до цирка Аристотеля.

Все это быстро приближалось, увеличивалось въ своихъ размѣрахъ, ближайшія горы заслоняли болѣе отдаленныя. Мы миновали всѣ эти цирки, валы которыхъ показались намъ грудами легкой сѣроватой или ярко бѣлой пыли и полетѣли къ сѣверу надъ равниной Моря Дождей по направленію къ отдаленнымъ плоскимъ впадинамъ сѣверныхъ Лунныхъ Цирковъ. Когда мы опустились надъ этой равниной на высоту не болѣе сотни метровъ, намъ показалось, что мы слышимъ странное жужжаніе за бортами корабля, подобное шуму слабаго вѣтра.

— Атмосфера!—воскликнула Вѣра,—слышите, какъ тихо шумитъ она за бортомъ корабля!

Всѣ прислушались. Дѣйствительно, казалось, не было сомнѣнія, что мы летимъ среди рѣдкой атмосферы, но изъ какого газа состоитъ она, этого невозможно было опредѣлить. Отсутствіе солнечнаго свѣта мѣшало произвести спектральный анализъ, а иначе узнать составъ было невозможно, такъ какъ впустить неизвѣстный газъ въ корабль не зная его свойствъ, было бы рискованно. Повидимому это былъ очень тяжелый газъ вродѣ угольнаго ангидрида. Мы ограничились тѣмъ, что набрали его посредствомъ насоса, прикрѣпленнаго къ внѣшней стѣнѣ корабля и приводимаго въ движеніе гальваническимъ приборомъ, въ особый гутаперчевый мѣхъ, тоже находящійся снаружи, и отложили его химическое изслѣдованіе до возвращенія на землю.

Когда мы, продолжая путь, приподнимались нѣсколько выше, шумъ за стѣнами прекращался и снова слышался, когда мы понижали полетъ. По трудно опредѣлимой высотѣ границы этого шума было очевидно, что ощутимая часть лунной атмосферы не достигала въ этомъ мѣстѣ даже и километра въ толщину. Она лежала не только ниже горныхъ цѣпей, идущихъ всюду по краямъ и срединѣ луннаго диска, и отдѣльно стоящихъ горъ, достигающихъ на лунѣ гигантской высоты, но даже и на равнинахъ покрывала лишь наиболѣе низменныя мѣста, подобно морямъ на земной поверхности.

— Какъ странно!—воскликнулъ Яновичъ,—эти мѣста кажутся при наблюденіи съ земли настолько темнѣе остальныхъ, что древ-

Digitized by Google

ніе астрономы приняли ихъ за океаны и моря и дали имъ соотвѣтствующія названія! И вотъ оказывается, что они были правы! Значитъ это Море Тѣней, надъ которымъ мы летимъ, есть дѣйствительно море, но только не водяное, а газообразное. Океанъ Бурь, море Ясности, море Кризисовъ, море Плодородія, повсюду разбросанныя по диску луны и связанныя между собою проливами—все это не пустыя названія, какъ думали въ послѣднее время!

Мы быстро направили свой полетъ къ цирку Платона и остановились надъ его дномъ. Странную необъяснимую форму представляла съ высоты его фигура при мягкомъ отблескѣ сіянія Земли: среди центральной неглубокой котловины въ нѣсколько десятковъ километровъ въ окружности съ совершенно ровнымъ плоскимъ дномъ, валялись кое гдѣ пылеобразныя груды. Невысокій элиптическій дюновидный валъ окружалъ эту котловину, а внѣ его все пространство было засыпано какимъ-то веществомъ, совсѣмъ другого вида, чѣмъ окружающая сыпучая равнина, и среди нея опять таки валялись огромныя груды пыли. Вся поверхность луны на невѣдомую глубину казалось была обращена въ легкую мелкую пыль попеременными дѣйствіями солнечнаго жара двухнедѣльнаго дня и леденящаго холода двухнедѣльной ночи, не умѣряемыми воздушнымъ покровомъ. Да, и сама пыль не склеивалась здѣсь никакой влагой...

Неподвижно вися въ пространствѣ, мы долго любовались этой фантастической картиной лунной пустыни. Казалось мы попали въ пыльныя области песчаной части Сахары, гдѣ малѣйшее дуновеніе вѣтра подняло бы облака мелкой пыли. Наконецъ мы спустились къ самой поверхности вала Платона и пытались набрать съ него рычагомъ нашего корабля нѣсколько кучекъ его легкой сыпучей почвы.

Вдругъ Вѣра и Людмила вскрикнули въ испугѣ. Среди полутьмы лунной ночи вся окрестность озарилась красно-малиновымъ свѣтомъ, яркимъ, какъ свѣтъ солнца. Большой огненный шаръ несся на насъ, разсыпая за собою блестящія искры въ рѣдкой атмосферѣ Моря Тѣней. Казалось, не было никакой возможности миновать губительнаго удара.

— Метеоритъ! послышалось чье-то восклицаніе.

Да, это былъ дѣйствительно метеоритъ и при томъ одинъ изъ тѣхъ, какіе рѣдко можно наблюдать. Такой большой я только разъ видѣлъ въ своей жизни, возвращаясь однажды ночью изъ нашего дома въ деревнѣ во флигель, гдѣ я обыкновенно спалъ. Но тотъ пронесся высоко надъ землею, лишь на минуту озаривъ

Digitized by Google

своимъ волшебнымъ свѣтомъ всю видимую окрестность до самаго горизонта, а этотъ летѣлъ прямо на насъ и слабая атмосфера Луннаго моря была слишкомъ рѣдка, чтобы парализовать его ударъ,

— Неужели, мгновенно бросилось мнѣ въ голову, намъ, пролетѣвшимъ все пространство до луны и ни разу не встрѣтившимъ метеоритовъ, суждено погибнуть у самой цѣли нашего путешествія!

Но прежде чѣмъ я кончилъ свою мысль, страшное сотрясеніе рыхлой сыпучей почвы заставило подпрыгнуть нашъ корабль и свалило его на бокъ. Мы всѣ попадали въ разныя стороны и только слабость нашего тяготѣнія къ лунѣ предохранила насъ отъ серьезныхъ ушибовъ. Черезъ нѣсколько секундъ я уже вскочилъ на ноги, и что за картина предстала передъ моими глазами!

Облака лунной пыли летѣли и падали кругомъ насъ, грозя засыпать весь корабль. Значительная, хотя и не настолько, чтобы быть видимой съ земли, тарелко-образная впадина появилась на склонѣ вала Платона въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ нашего корабля, а куча метеорной пыли лежала въ серединѣ образовавшейся впадины. Я бросился къ Людмилѣ и Вѣрѣ, чтобы узнать, не ушиблись ли онѣ при паденіи, но все обошлось благополучно. Только легкая блѣдность, да безпокойство взгляда выдавали ихъ внутреннее волненіе, когда онѣ, поднявшись на ноги, приникли къ окну, чтобы посмотрѣть на окружающее разрушеніе сквозь дымку все еще быстро падающей пыли.

— Смотрите,—раздался вдругъ громкій голосъ Поливанова,—смотрите! Дверь корабля такъ втиснута въ стѣны, что намъ уже совершенно невозможно отворить ее.

— Нѣтъ ли гдѣ щелей,—бросилось мнѣ въ голову. Вотъ будетъ хорошо, если весь воздухъ вылетитъ изъ корабля и изъ возобновляющаго его прибора и мы останемся подъ давленіемъ въ одну пятисотую долю атмосферы!

Я бросился къ входной двери, но тотчасъ успокоился. Вдавленная внутрь, съ изломаннымъ запоромъ, она тѣмъ сильнѣе прилегала къ окружающей ее стѣнѣ корабля. Гдѣ я не прикладывалъ свою руку къ ея краямъ, нигдѣ не чувствовалъ ни малѣйшаго теченія воздуха.

— Ну, пустяки,—сказалъ Яновичъ,—вернемся на землю и насъ освободятъ изъ этого новаго заключенія.

Поливановъ началъ пробовать дѣйствіе машины, и корабль нашъ медленно поднялся въ окружающемъ насъ пыльномъ облакѣ.

Digitized by Google

Кругловатая неглубокая впадина, выбитая метеоритомъ, вся обнаружилась подъ нами. Она была, какъ двѣ капли воды, похожа на одинъ изъ маленькихъ „цирковъ", всюду разбросанныхъ на валахъ большихъ или между ними. Тоже плоское дно съ нѣсколькими грудами метеорной пыли, тоже кольцеобразное возвышеніе вокругъ него отъ выбитой наружу и приподнятой, какъ валъ, сыпучей рыхлой почвы, все было такъ-же, какъ у остальныхъ цирковъ, и если-бы мы не были свидѣтелями почти мгновеннаго происхожденія передъ нами этой впадины, мы не отличили бы ее отъ остальныхъ.

Безмолвно стоя у окна и глядя на этотъ новый циркъ, я забылъ обо всемъ окружающемъ и долго оставался въ какомъ-то восторженномъ состояніи.

Значитъ, думалъ я, всѣ эти цирки, возбуждавшіе столько гипотезъ, ничто иное, какъ слѣды ударовъ тысячъ большихъ и маленькихъ кометъ и метеоритовъ, встрѣчавшихся съ луной впродолженіе милліоновъ лѣтъ ея существованія! Тамъ, на землѣ, куда конечно такъ-же часто падали метеориты, ихъ разрушительная сила парализовалась густою атмосферою, представляющею громадное сопротивленіе быстро движущимсятѣламъ. Тамъ, на землѣ, они падали внизъ разбитыми на тысячи осколковъ, если были тверды,—сдержанными въ своемъ полетѣ, если были газообразны, и развѣянными въ воздухѣ, если состояли изъ облаковъ космической пыли. Да и падали-то они лишь въ томъ случаѣ, если ударяли по воздуху болѣе или менѣе перпендикулярно. Если нѣкоторые изъ нихъ, а такихъ конечно большинство, летѣли очень косвенно, то они или ихъ отдѣльныя частички должны были рикошетировать по воздуху, какъ пушечныя ядра рикошетируютъ по водѣ, и улетать далѣе въ пространство, оставивъ лишь на мгновеніе огненную полосу надъ землей, да взволновавъ прилегающій воздухъ. Тамъ, на землѣ, если они и были такъ громадны и тверды, что, пролетѣвъ всю толщу атмосферы, выбивали глубокіе провалы въ почвѣ,—эти провалы вскорѣ наполнялись водою, дожди размывали ихъ бока, наполняя пескомъ и глиной дно. Цѣлебное дѣйствіе вѣчнаго круговорота воды и воздуха залѣчивало нанесенную землѣ рану и черезъ нѣсколько десятилѣтій отъ нея оставался лишь незначительный шрамъ въ видѣ небольшого озерка, лежащаго особнякомъ среди равнины. Да и не произошли ли дѣйствительно такимъ путемъ нѣкоторыя отдѣльныя озера?

Мнѣ страстно захотѣлось сейчасъ же летѣть на землю и изслѣдовать дно кругловатыхъ сибирскихъ озеръ. Но множе-

Digitized by Google

ство прямыхъ или слегка согнутыхъ отъ неровностей почвы бороздъ, какъ бы царапинъ, лежащихъ повсюду въ безпорядкѣ на лунѣ, тотчасъ отвлекли мои мысли.

Значитъ,—подумалъ я,—и эти до сихъ поръ необъясненныя полосы должны происходить отъ метеоритовъ, косвенно ударившихся по поверхности луны, а потому рикошетировавшихъ отъ нея и улетѣвшихъ въ пространство, или разсыпавшихся тутъ же на лунѣ, проводя борозду въ ея пылеобразной почвѣ. Я плотно приникъ лицомъ къ окну нашего летучаго корабля.

Безмолвно лежало передъ мною безграничное сыпучее плоскогорье луны, ярко освѣщенное зеленоватымъ серпомъ земли, надъ экваторомъ которой, какъ на дискѣ Юпитера, тянулось вѣчное кольцо облаковъ зимняго дождливаго тропическаго сезона.

Мнѣ стало грустно за луну, которая представлялась теперь моимъ глазамъ, всюду изранепной міровыми непогодами. Она напоминала мнѣ древесный пень, лишенный коры, на которомъ неизгладимо остаются всѣ удары топора, всѣ шрамы, всѣ случайныя поврежденія, нанесенныя людьми и природой, въ то время, какъ окружающія этотъ стволъ зеленыя деревья, растутъ кругомъ него, борясь со всѣми внѣшними вліяніями, полныя жизненныхъ силъ и здоровья, сами залѣчивая свои поврежденія...

Не то же ли самое планета безъ атмосферы, что дерево безъ коры?

Какое громадное значеніе должна въ такомъ случаѣ имѣть эта легкая оболочка планетной поверхности! Кто знаетъ, не выдѣляетъ ли она на своемъ днѣ все остальное тѣло планеты, поглощая въ себя вещества изъ мірового пространства, подобно надкостницѣ и другимъ пленкамъ животныхъ органовъ, которыя образуютъ подъ собою мускулы, кости и другіе органы? Но если бы даже всего этого и не было, то, разнося повсюду водяные пары океана, атмосфера проводитъ по планетѣ артеріальную систему—рѣкъ и ручейковъ, питаетъ ими почву, исцѣляя и зарощая ковромъ растительности всѣ ея болѣзненныя обнаженія и поврежденія...

Мы медленно неслись надъ лунной поверхностью по направленію къ сѣверному полюсу луны.

Весь поглощенный своими мыслями я внимательно разсматривалъ всякій новый циркъ, появлявшійся подъ ногами, и въ каждомъ находилъ неожиданное подтвержденіе своей идеи [1]). Вотъ

---

[1]) Пока авторъ разрабатывалъ эту идею въ Алексѣевскомъ равелинѣ (1882 г.), безъ права имѣть какія либо сношенія съ внѣшнимъ міромъ,

Digitized by Google

маленькая круглая пробоина, такъ называемый „колодезь", почти совсѣмъ безъ вала, съ лучеобразными разбросами вокругъ Она безъ сомнѣнія пробита твердымъ и землистымъ метеоритомъ. ударившимъ вертикально. Вотъ другая, гдѣ метеоритъ налетѣлъ косвенно и высоко приподнялъ противоположный конецъ почвы, отбросивъ отъ него нѣсколько огромныхъ кучъ пыли. Вотъ слабое, едва замѣтное по глубинѣ, тарелко-образное углубленіе несравненно большей величины, очевидно слѣдъ небольшой пылеобразной кометы, разсыпавшейся затѣмъ на поверхности луны, не оставивъ послѣ себя никакихъ другихъ слѣдовъ, кромѣ космической пыли. Вотъ другая, небольшая и глубокая котловина, посрединѣ которой лежитъ и самая груда землистаго метеора, такъ называемый „пикъ котловины". Вотъ наконецъ и отверстіе совершенно похожее на жерло вулкана, гдѣ огромный твердый метеоритъ, летѣвшій очевидно со страшной скоростью, глубоко пробилъ лунную почву и взорвавшись внутри отъ страшнаго сотрясенія взбросилъ надъ собой всю окружающую мѣстность. Я давно уже замѣтилъ, что неглубокіе цирки были несравненно большей величины, чѣмъ глубокіе пробоины и колодцы и теперь понялъ причины этого. Вѣдь твердые метеориты, пробивающіе значительныя отверстія, происходятъ отъ сгущенія газообразныхъ или пылеобразныхъ и потому очевидно должны быть несравненно менѣе послѣднихъ по размѣрамъ.

Я сообщилъ свои мысли окружающимъ меня товарищамъ. Нѣкоторые изъ нихъ сейчасъ же принялись горячо спорить по этому поводу.

— Вѣдь многіе изъ такихъ валовъ,—сказала Вѣра,—достигаютъ въ своихъ наивысшихъ пунктахъ болѣе шести километровъ высоты. Какая страшная сила должна быть употреблена, чтобы произвести такіе результаты!

— Но вѣдь и ударъ распространялся здѣсь на огромную площадь,—возражалъ я,—да и скорость полета метеоритовъ выходитъ за предѣлы всякихъ земныхъ скоростей.

— Ты забылъ кромѣ того,—прибавилъ ставшій на мою сторону Яновичъ,—что сила тяжести на лунѣ слишкомъ въ шесть разъ слабѣе, чѣмъ на земномъ шарѣ, а потому и наивысшія изъ здѣшнихъ горъ, въ шесть километровъ высоты, по работѣ ихъ поднятія соотвѣтствуютъ лишь горамъ въ одинъ километръ на нашей землѣ!

она была разработана и опубликована двумя германскими учеными. Генрихомъ и Августомъ Тиршъ (Tirsch) въ 1883 г. *Позднѣйшее прим.*

Digitized by Google

— Да и это не вѣрно,—замѣтилъ Поливановъ,—потому что плотность поверхностныхъ слоевъ здѣсь почти вдвое менѣе, чѣмъ у насъ на землѣ. Значитъ даже самые высокіе валы у лунныхъ цирковъ соотвѣтствуютъ земнымъ холмамъ высотою не болѣе полкилометра, т. е. всего полуверстѣ на землѣ! Совсѣмъ ужъ не такъ высоко!

— При томъ же, — прибавилъ я, ободренный этой защитой своей идеи, и почва этой стороны луны благодаря въ шестеро меньшей тяжести и отсутствію влаги не могла сложиться въ такія крѣпкія породы, какъ у насъ. Здѣсь вся она должна быть почти пылеобразной, благодаря растрескиванію отъ постоянныхъ двухнедѣльныхъ переходовъ отъ палящаго жара солнечныхъ лучей до леденящаго ночного холода! А произошла она несомнѣнно отъ наносовъ, когда на лунѣ еще была какая-то атмосфера, если не водяная, то изъ кварца или чего-либо другого. Вѣдь низивы здѣсь всѣ темные, какъ черноземъ, тогда какъ плоскогорья несравненно свѣтлѣе!

— Но, замѣчательно, что такіе случаи внезапнаго образованія новыхъ лунныхъ цирковъ ни разу не наблюдались въ телескопы,— замѣтила Вѣра.

— Какъ не наблюдались!—воскликнулъ Поливановъ, задѣтый за живое, потому что дѣло шло объ астрономіи.—Я не буду вамъ говорить о старыхъ астрономахъ, которые не разъ наблюдали новыя пятна на лунѣ, при чемъ появленіе этихъ пятенъ иногда сопровождалось присутствіемъ небольшого облачка вродѣ того, въ которомъ мы сейчасъ были. Вотъ новые факты. Въ 1862 г. Шмидтъ открылъ пятнадцать бороздокъ и группу „колодцевъ“ близъ цирка Аристотеля. Ни онъ, ни другіе астрономы никогда не видали такихъ бороздокъ въ этомъ мѣстѣ. А въ самыя послѣднія времена Клейнъ замѣтилъ у цирка Гигіуса новое кратерообразное возвышеніе.

— Но всѣ эти утвержденія сомнительны, такъ какъ старые рисунки луны, какъ показываетъ ихъ сравненіе съ современными фотографіями, не отличались ни полнотой, ни точностью.

— Да вопросъ этотъ и не требуетъ историческихъ свидѣтельствъ,—возразилъ Поливановъ. Вы всѣ знаете, что каждый годъ земля, а слѣдовательно, и ея спутникъ луна, проходятъ нѣсколько разъ сквозь области, въ которыхъ идетъ непрерывный дождь метеоритовъ, напримѣръ, 3 ноября, 10 августа, 6 декабря и т. д. Если вы взглянете въ эти ночи на небо, то всюду увидите, какъ мелкіе метеориты падающими звѣздочками рикошетируютъ одинъ за другимъ по земной атмосферѣ, какъ камни по

Digitized by Google

поверхности воды. Вообразите же, что должно быть здѣсь, на лунѣ, въ это время! Тутъ каждый метеоритъ будетъ выбивать ямку, какъ дождевая капля на пескѣ, или проводить борозду, если ударитъ косвенно! Вѣдь они летятъ со скоростью отъ 43 до 100 метровъ въ секунду!

— Да,—замѣтилъ Яновичъ,—это должно быть настоящая бомбардировка луны. При такой скорости даже газовые метеориты должны оставлять слѣды своихъ ударовъ на пылеобразной, вслѣдствіе полной сухости, лунной почвѣ. Я не говорю уже о твердыхъ метеоритахъ: тогда потоки лунной пыли будутъ летѣть по всѣмъ направленіямъ.

— Да и отъ мягкихъ метеоритовъ не будетъ лучше,—замѣтилъ Поливановъ,—я самъ не разъ пробивалъ изъ пистолета сальной свѣчей толстыя, деревянныя доски и свѣчка даже мало повреждалась. А вѣдь скорость ея не достигала и сотой доли скорости метеоритовъ. Какое страшное сопротивленіе могутъ представить тѣлу при его быстромъ движеніи жидкости и газы можно видѣть изъ того, что если выстрѣлить изъ револьвера сверху пулей въ стаканъ съ водой, то пуля медленно ляжетъ на дно, не разбивъ стакана, а только расплескавъ часть его воды. Такъ и у насъ на землѣ съ ея атмосферой. А безъ нея даже газообразные и пылеобразные метеориты произвели бы при ударѣ сильныя впадины на всякой рыхлой почвѣ.

— Только газообразныхъ метеоровъ не можетъ быть въ междупланетномъ пространствѣ, замѣтилъ Яновичъ, вслѣдствіе склонности газовъ къ разсѣянію въ густотѣ.

— А однако же они есть!—воскликнулъ Поливановъ. Я самъ не разъ видалъ по ночамъ огненные шары, падающіе въ верхніе слои атмосферы, совершенно круглой и рѣзко очерченной формы. Никакими другими, какъ газовыми, ихъ нельзя представить. Принявъ во вниманіе дальность ихъ вспыхиванія, они должны достигать сотенъ метровъ въ діаметрѣ, а между тѣмъ безслѣдно сгораютъ въ воздухѣ. Жидкіе и твердые непремѣнно обсыпали бы всю окрестность дождемъ капель или осколковъ.

Сильно утомленный всѣми новыми впечатлѣніями этого путешествія, я легъ на одной изъ кушетокъ каютъ-компаніи и не замѣтилъ, какъ заснулъ. Мнѣ снилось, что мы достигли уже цѣли своего путешествія, перелетѣли черезъ высокія вершины горъ, окаймляющихъ всю видимую съ земли половину луны, и спустились по другую ихъ сторону. Зеленоватый серпъ земли съ его бѣлымъ поясомъ экваторіальныхъ облаковъ скрылся за лунными горизонтомъ, и только знакомыя яркія звѣзды повсюду горѣли

Digitized by Google

на черномъ, какъ уголь, фонѣ неба. Нѣсколько времени мы летѣли въ глубокомъ мракѣ. Но вотъ вдали на восточной части луннаго горизонта мелькнула яркая полоска свѣта и восходящее солнце озарило спящую, никогда невиданную съ земли, равнину обратной половины луны, покрытую бѣлымъ снѣжнымъ покровомъ. Легкія облака клубились въ голубоватой дымкѣ, а вдали синѣло на половину уже оттаявшее море.

Мнѣ грезилось, что мы всѣ вскрикнули отъ удивленія и столпились у оконъ. А я... я едва не упалъ на колѣни отъ охватившаго меня восторженнаго чувства.

— Такъ значитъ правы нѣкоторые астрономы, утверждавшіе, что атмосфера, влага и жизнь луны должны сосредоточиваться на противоположной отъ земли сторонѣ, что ея полушаріе, вѣчно обращенное къ намъ, приподнялось отъ тяготѣнія къ землѣ въ видѣ высокаго плоскогорья уходящаго за предѣлы лунной атмосферы! Значитъ луна вовсе не такой „лишенный коры пень“ среди міровыхъ свѣтилъ, какой я счелъ ее, судя по одной видимой нами сторонѣ.

— Какъ хороша вселенная!—воскликнула Людмила, сколько въ ней скрытыхъ жизненныхъ силъ, сколько чудной красоты!

Низко несся воздушный корабль надъ поверхностью луны. Одинъ за другимъ переходили передо мною ея разнообразные ландшафты. Вдали уже было полное лѣто. Луга смѣнялись лѣсами и рощами; рѣчки и ручейки спускались каскадами по склонамъ холмовъ. Ослѣпительно яркое солнце было уже высоко надъ горизонтомъ и длинная полоса свѣта тянулась къ намъ отъ него по поверхности луннаго моря, взволнованнаго легкимъ вѣтромъ. Пернатое населеніе рѣяло въ чистомъ воздухѣ двухнедѣльнаго луннаго дня, а внизу различныя животныя и человѣкообразныя существа, но только маленькія, какъ куклы, двигались среди обработанныхъ полей, лежащихъ квадратиками около крошечныхъ деревушекъ и городковъ. Ихъ зданія, даже много-этажныя, не были выше и просторнѣе нашихъ желѣзнодорожныхъ вагоновъ. И все остальное животное и растительное населеніе было очень не велико по росту и какъ будто говорило намъ своей миніатюрностью, что органическія существа по общимъ законамъ своего развитія всегда находятся въ одномъ и томъ же отношеніи къ величинѣ своей планеты. Роды и виды животныхъ и растеній были различны отъ земныхъ, но типы ихъ, казалось мнѣ, были вполнѣ сходные съ нашими. Законы развитія органическаго міра оказывались и здѣсь, какъ повсюду, одни и тѣ-же, какъ единообразны и формы и химическій составъ всѣхъ звѣздъ и планетъ вселенной...

Digitized by Google

— Да,—сказала Людмила,—воображать небесныя тѣла населенными странными, чуждыми для насъ существами, это значитъ поступать такъ же неправильно, какъ поступали древніе, воображавшіе невѣдомыя имъ земныя страны населенными сатирами, циклопами, центаврами, или, еще хуже этого, считая ихъ необитаемыми пустынями.

Наблюдая этотъ міръ существъ, такъ родственныхъ земнымъ, невольная мысль поразила меня.

— Да точно ли, подумалъ я, мы и они различнаго происхожденія? Ужъ не зародились ли дѣйствительно (какъ думаютъ нѣкоторые), первоначальныя молекулы органическихъ существъ всего нашего звѣзднаго неба одна отъ другой гдѣ нибудь на центральномъ невидимомъ для насъ тѣлѣ, вокругъ котораго обращаются всѣ наши звѣзды и планеты? Не разносятся ли онѣ въ міровомъ эфирѣ, какъ зародыши инфузорій въ воздухѣ, для того, чтобы попавъ въ благопріятныя условія на поверхности планетъ, развиваться на нихъ по общимъ біологическимъ законамъ въ роскошную флору и фауну?

Всѣ мои спутники толпились у двери нашего корабля, чтобы постараться выйти изъ него на луну и близко познакомиться съ ея населеніемъ. Но сотрясеніе отъ удара метеора на валу цирка Платона такъ сильно вдавило дверь въ бока корабля, что не смотря на могучіе удары молотомъ, которые расточалъ ей Поливановъ, не щадя своихъ крѣпкихъ мускуловъ, дверь не поддавалась.

— Ну, ничего не подѣлаешь,—сказалъ онъ угрюмо, опуская свой таранъ. Приходится возвращаться на землю, чтобы насъ расковали гдѣ нибудь на механическомъ заводѣ.

И вдругъ я проснулся... Вокругъ меня все было по прежнему въ нашемъ воздушномъ кораблѣ и даже косыя полосы солнечныхъ лучей, ворвавшіяся черезъ хрустальныя окна, по прежнему пронизывали наши каюты во всю длину... Но только къ моему невыразимому изумленію я уже не лежалъ на кушеткѣ, а снова плавалъ въ воздухѣ, потерявъ свою тяжесть, вмѣстѣ со всѣми своими спутниками.

— Что это значитъ? воскликнулъ я. Гдѣ мы находимся?

— Между луной и землей, на возвратномъ пути,—печально отвѣчала Вѣра. Отъ сильнаго нагрѣванія солнечными лучами, между дверью и стѣной корабля открылась щель и воздухъ началъ выходить вонъ. Пришлось наскоро задѣлать поврежденіе и не медля ни минуты повернуть на землю.

Digitized by Google

— Такъ мы и не видали другой стороны, луны—прибавила Людмила...

Одинъ только я видѣлъ ее, да и то во снѣ!

Съ грустнымъ чувствомъ летѣли мы въ обратный путь, провожая печальными взглядами убѣгающую отъ насъ вѣрную спутницу земли съ ея цирками, горами и равнинами. Все шло благополучно. Только при самомъ концѣ путешествія мы чуть не поломали себѣ членовъ отъ неожиданнаго толчка, потому что врѣзались почти на всемъ ходу въ земную атмосферу, не расчитавъ того, что она быстро движется отъ запада къ востоку вслѣдствіи вращательнаго движенія земли. Это движеніе воздуха, не смотря на его рѣдкость въ вышинѣ, такъ быстро отбросило въ сторону нашъ корабль, что мы всѣ свалились съ ногъ, но и теперь безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій.

Корабль спускался какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ по поверхности земного шара быстро двигалась широкая мглистая полоса сумерокъ, отдѣляющая освѣщенное полушаріе земного дня отъ противоположнаго полушарія, погруженнаго въ длинный конусъ земной ноги, уходящій въ небесномъ пространствѣ за орбиту луны.

Когда мы летѣли по освѣщенной части небеснаго пространства, намъ не было видно этого конуса мрака, который носитъ за собой наша планета, какъ не было видно ни наполняющихъ его сонныхъ грезъ людей, ни скрывающихся въ немъ фантастическихъ духовъ и ночныхъ видѣній дѣтской эпохи человѣческаго рода. Въ чистой глубинѣ междузвѣзднаго пространства, гдѣ нѣтъ никакой пыли, затѣненныя и освѣщенныя части не отдѣляются одинъ отъ другихъ свѣтлыми и темными полосами, какъ въ нашей пыльной комнатѣ; сквозь нихъ также ярко свѣтятся звѣзды, также блещутъ планеты, также проходятъ вѣчныя волненія и теченія мірового эфира, какъ и черезъ другія области, озаренныя солнечнымъ свѣтомъ. Совсѣмъ не то въ нашей атмосферѣ съ ея водяными парами. Здѣсь лучи разсѣиваются всегда въ большой или меньшей степени, и потому между свѣтомъ дня и мракомъ ночи появляется промежуточная *полоса сумерекъ*, гдѣ сіяетъ заря... Лишь въ тотъ моментъ, когда земной горизонтъ заслонилъ отъ насъ не только послѣдній остатокъ солнца, но и полосу зари, мы сразу, почувствовали себя во мракѣ и прохладѣ ночи, освѣщенной луной да милліонами звѣздъ.

— Какъ это странно,—задумчиво сказала Вѣра,—сейчасъ все было такъ свѣтло, и мы не замѣчали впереди никакого мрака. И вдругъ очутились во тьмѣ и уже совсѣмъ не можемъ вообразить,

Digitized by Google

что ясный свѣтлый день сіяетъ надъ ночью тамъ, высоко надъ нами и что полдневный свѣтъ никогда не потухаетъ между нами и этими звѣздами.

Мы всѣ молчали и мечтали, смотря на небо.

И мои мысли также улетѣли далеко въ бездонное небесное пространство, туда, гдѣ за предѣлами нашей земной ночи сіяетъ вѣчный день, гдѣ проносятся вереницы метеоровъ, гдѣ волны солнечнаго свѣта и теплоты вѣчно пересѣкаются между собой и сливаются съ лучами милліоновъ звѣздъ въ одну чудную міровую музыку, наполняющую всю вселенную. Я улетѣлъ мечтою еще далѣе, за предѣлы этого вѣчнаго дня, туда, гдѣ солнечный свѣтъ, постепенно слабѣя, смѣнялся новою областью тьмы, тьмы, подобной земной ночи, только невообразимо, громадной и не освѣщенной блѣднымъ сіяніемъ нашей луны...

Но тамъ, вдали, въ глубинѣ этой ночи, кругомъ ближайшей къ намъ звѣзды, уже свѣтилось яркимъ свѣтомъ зарево новаго вѣчнаго дня, а за нимъ, направо и налѣво повсюду кругомъ небесной сферы, мерцали все новыя и новыя сіяющія точки: милліоны новыхъ солнцъ съ ихъ планетами и спутниками, милліоны вѣчныхъ дней съ ихъ блескомъ и теплотой, милліоны далекихъ островковъ вселеннаго океана, изъ которыхъ съ каждаго доносилось до меня біеніе родной намъ жизни и милліоны мыслящихъ существъ ласково смотрѣли на насъ и нашу землю! Мнѣ казалось, что они желали намъ и всѣмъ нашимъ братьямъ по человѣчеству, скоро и счастливо пройти сквозь окружающій насъ мракъ къ новой высшей жизни на землѣ, къ чудному чувству свободы, любви и братства и къ сознанію своего единства съ безконечностью живыхъ существъ Вселенной.

Николай Морозовъ.

Digitized by Google

Чаадаевъ.

(М. Гершензонъ.—П. Я. Чаадаевъ.—Жизнь и мышленіе.—С.-Петербургъ, 1908).

Это интересная книга. Она даетъ даже больше, чѣмъ обѣщаетъ. Въ ней заключается не только очеркъ жизни и „мышленія“ П. Я. Чаадаева, но также,—въ приложеніяхъ,—его *„философскія письма“*, его *„Апологія сумасшедшаго“*, три письма къ А. И. Тургеневу; письмо къ Сиркуру и, наконецъ, „письмо къ неизвѣстному“. И все это вмѣстѣ взятое,—и очеркъ г. М. Гершензона, и приложенія,—проливаетъ много свѣта на замѣчательную личность П. Я. Чаадаева. Книгу г. Гершензона *долженъ* прочитать всякій, кого интересуетъ историческое развитіе русской общественной мысли.

Но прочитать дѣльную книгу еще не значитъ во всемъ согласиться съ ея авторомъ. Что касается насъ, то наша оцѣнка взглядовъ П. Я. Чаадаева во многомъ расходится съ тою, которая дана г. Гершензономъ. И намъ хочется здѣсь же высказать, въ чемъ именно мы расходимся съ этимъ послѣднимъ.

Г. М. Гершензонъ говоритъ, что по разнымъ причинамъ имя Чаадаева стало достояніемъ легенды: „онъ, рѣшительно осуждавшій все то, чѣмъ наиболѣе дорожила въ себѣ наша передовая интеллигенція—ея исключительно позитивное направленіе и политическое революціонерство,—былъ зачисленъ въ синодикъ русскаго либерализма, какъ одинъ изъ славнѣйшихъ дѣятелей нашего освободительнаго движенія“ (ст. 1). Это недоразумѣніе началось еще при жизни П. Я. Чаадаева, который, по замѣчанію г. Гершензона, былъ слишкомъ тщеславенъ, чтобы отклонять незаслуженные лавры и въ то же время достаточно уменъ, чтобы понимать имъ цѣну. На самомъ дѣлѣ Чаадаевъ былъ не политикомъ, а мистикомъ. Таково заключеніе, къ которому приходитъ въ своей книгѣ г. Гершензонъ.

Digitized by Google

Но если это такъ, то какъ же возникла и чѣмъ поддерживалась разрушаемая нашимъ авторомъ легенда? Какимъ образомъ могло такъ долго существовать недоразумѣніе, которое г. Гершензонъ называетъ чудовищнымъ?

Отвѣты, даваемые г. Гершензономъ на эти вопросы кажутся намъ совершенно неудовлетворительными. Онъ говоритъ: здѣсь сказалась смутная догадка о большей, чѣмъ политическая, о вѣчной истинѣ, о той внутренней свободѣ, для которой внѣшняя и, значитъ, политическая свобода—правда, только подножье, но столь же естественно необходимое, какъ воздухъ для жизни. Нѣтъ лозунга болѣе освободительнаго—даже политически—чѣмъ призывъ: sursum corda. Въ этомъ смыслѣ Чаадаевъ, немолчно твердившій о высшихъ задачахъ духа, создавшій одно изъ глубочайшихъ историческихъ обобщеній, до которыхъ додумался человѣкъ, достоинъ памяти потомства" (ст. 1—2)

Остановимся пока на этомъ. Во-первыхъ, что значитъ: „исключительно позитивное направленіе"? То ли это направленіе, которое чуждо всякаго религіознаго элемента? Если—да, то придется сказать, что, напримѣръ, многіе изъ декабристовъ совсѣмъ не принадлежали къ этому направленію. Но развѣ же слѣдуетъ изъ этого, что ошибочно было бы относить этихъ декабристовъ къ числу дѣятелей нашего освободительнаго движенія. Далѣе. Всѣ ли дѣятели нашего освободительнаго движенія отличались „политическимъ революціонерствомъ"? Нѣтъ, конечно, не всѣ! Между ними были люди, стремившіеся къ политической свободѣ, но въ то же время чуждавшіеся „революціонерства", и точно такъ же между ними были люди весьма склонные къ „революціонерству", но чуждавшіеся *политики*. Стало быть, и тутъ опредѣленіе, даваемое г. Гершензономъ, оказывается слишкомъ *узкимъ*, т. е. *неправильнымъ*. Пойдемъ еще дальше. „Призывъ; sursum corda" на болѣе знакомомъ русскому читателю древнеславянскомъ языкѣ выражается словами: *„горѣ имамы сердца"*! И вотъ мы спрашиваемъ: дѣйствительно ли этотъ призывъ имѣетъ освободительный характеръ „даже политически"? Намъ сдается, что—нѣтъ. Указываемый г. Гершензономъ призывъ слишкомъ неопредѣленъ для того, чтобы можно было вложить въ него „даже политическое" содержаніе. Все дѣло въ томъ, на какой манеръ люди „имѣютъ горѣ сердца". Человѣкъ можетъ имѣть „сердце горѣ" и быть убѣжденнымъ противникомъ политической да и всякой другой свободы. Г. Гершензонъ скажетъ, пожалуй что такой человѣкъ еще не знаетъ, что такое собственно есть настоящее *„sursum corda"*. Но въ томъ-то и дѣло, что намъ, про-

Digitized by Google

стымъ смертнымъ, не озареннымъ никакой сверхъ-естественной благодатью, и невозможно узнать это съ достовѣрностью. Тѣ „вѣчныя истины“, къ разряду которыхъ принадлежитъ истина, упоминавшая г. Гершензономъ, вообще очень—спорныя „истины“. И недостаточно „не только твердить о высшихъ задачахъ духа“, чтобы стать достойнымъ памяти потомства“. Тутъ нужно нѣчто иное. И ужъ во всякомъ случаѣ у Чаадаева есть другія и гораздо болѣе серьезныя заслуги передъ нашимъ освободительнымъ движеніемъ, кромѣ его мистическихъ увлеченій. Если, напримѣръ, Герценъ относился съ большимъ сочувствіемъ къ Чаадаеву, то это происходило, конечно, не потому, что Чаадаевъ былъ мистикомъ.

Описавъ впечатлѣніе, произведенное на Герцена первымъ,—единственнымъ, пользующимся извѣстностью, — „философскимъ письмомъ“ Чаадаева, г. Гершензонъ замѣчаетъ: „Очевидно, настроеніе автора совпадало съ настроеніемъ читателя, и читатель даже не заподозрилъ, что настроеніе автора обусловлено совсѣмъ иными причинами, нежели его собственное. Герценъ говоритъ: „Это былъ выстрѣлъ, раздавшійся въ темную ночь“; да, но Герценъ, не справившись, кто и въ кого стрѣляетъ, мгновенно рѣшилъ, что это—союзникъ, и что выстрѣлъ направленъ въ общаго врага. А общаго только и было, что настроеніе; боль и упрекъ“ (стр. 142).

Стало быть, *настроеніе*-то было все-таки *общее?* Если такъ, то понятно и впечатлѣніе, произведенное авторомъ на читателя. Вѣдь такъ и всегда бываетъ: читатели сочувствуютъ тѣмъ авторамъ, настроеніе которыхъ соотвѣтствуетъ ихъ настроенію. И никакого „чудовищнаго недоразумѣнія“ тутъ нѣтъ. Правда, настроеніе, свойственное въ данномъ случаѣ и автору и читателю, вызывалось у каждаго изъ нихъ, по словамъ г. Гершензона, совершенно различными причинами. Но такъ ли это? Не ошибается ли здѣсь г. Гершензонъ? По нашему—очень ошибается. Въ самомъ дѣлѣ, интересующее насъ настроеніе вызвано было не чѣмъ инымъ, какъ *отрицательнымъ отношеніемъ къ тогдашней россійской дѣйствительности.* И это отношеніе было свойственно Чаадаеву въ такой же мѣрѣ, какъ и Герцену. И именно потому сочувствіе Герцена Чаадаеву было не „мгновеннымъ“, а постояннымъ. Вопреки мнѣнію г. Гершензона, у нихъ обоихъ былъ *общій врагъ*, въ котораго каждый изъ нихъ „*стрѣлялъ*“ по мѣрѣ своихъ силъ и способностей. И когда одинъ дѣлалъ мѣткій выстрѣлъ, другой не могъ не радоваться, не могъ не рукоплескать ему.

Digitized by Google

Такъ и поступилъ Герценъ, прочитавъ „философическое письмо". Гдѣ же здѣсь „недоразумѣніе".

Когда Герценъ лично познакомился, впослѣдствіи, съ Чаадаевымъ, онъ, разумѣется, увидѣлъ, что имѣетъ дѣло съ мистикомъ. Но это не помѣшало ему считать себя его единомышленникомъ въ томъ, что касалось тогдашней нашей дѣйствительности. И таково же было, вѣроятно, отношеніе къ Чаадаеву другихъ, современныхъ ему участниковъ освободительнаго движенія: несмотря на его мистицизмъ, они видятъ достаточное основаніе считать его человѣкомъ одного съ ними лагеря.

Г. Гершензонъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ своей книги: „Письма Чаадаева за послѣднія пятнадцать лѣтъ его жизни показываютъ его намъ всецѣло поглощеннымъ борьбою съ славянофильствомъ. Онъ говоритъ о немъ всегда, по всякому поводу и совсѣмъ безъ повода, во всѣхъ тонахъ, отъ трагическаго и кончая шутливымъ. Пишетъ-ли онъ Шеллингу,—его высшренняя рѣчь подчасъ сбивается на жалостное повѣствованіе объ этомъ „умственномъ кризисѣ", объ этомъ „пагубномъ ученіи" русскихъ націоналистовъ. По поводу Шевыревскаго курса исторіи русской литературы онъ пишетъ Сиркуру пространное письмо, гдѣ тонко отточеннымъ сарказмомъ препарируетъ всю нелѣпость славянофильскаго ученія, какъ студентъ-медикъ мускулатуру руки. Нѣтъ надобности цитировать эти письма: въ нихъ нѣтъ ничего существенно-новаго; Чаадаевъ скорбитъ о національномъ самообманѣ, высмѣиваетъ *ретроспективную утопію* славянофиловъ, ихъ пренебрежительное отношеніе къ западной Европѣ и проч... Однако, главной мишенью его нападокъ были не историческія ошибки и не реакціонныя вожделѣнія славянофиловъ, его ужасала больше всего та атмосфера національнаго самодовольства, въ которую они погрузили общество. Онъ, любившій въ Россіи только ея будущее, т. е. ея возможный прогрессъ, не могъ безъ боли смотрѣть на эту духовную сытость, въ корнѣ враждебную всякому прогрессивному движенію и искажавшую народный характеръ. Это настроеніе умовъ кажется ему смертельной болѣзнью, грозящей подкосить всю будущность русскаго народа, и онъ не устаетъ слѣдить за ея проявленіями, за ея гибельнымъ дѣйствіемъ на все общество въ цѣломъ и на отдѣльныхъ членовъ его" (стр. 176—177).

Чего же Вамъ еще, г. Гершензонъ? Вѣдь вы же сами очень убѣдительно доказываете, что вы не правы, т. е. что между Чаадаевымъ и передовыми людьми того времени было очень много общаго во взглядахъ. Чаадаевъ, по вашимъ собственнымъ сло-

Digitized by Google

вамъ, былъ убѣжденнымъ *западникомъ* и *прогрессистомъ*. Этого совершенно достаточно.

Мало сказать, что Чаадаевъ былъ западникомъ. Надо прибавить къ этому, что онъ явился въ своемъ первомъ „философическомъ письмѣ“ едва-ли не самымъ яркимъ выразителемъ той страшной боли, какую вызывала въ нашихъ западникахъ наша печальная дѣйствительность и наша мрачная исторія. Первое „философическое письмо“ его есть въ своемъ родѣ высоко-художественное произведеніе, значеніе котораго до сихъ поръ еще не оцѣнено во всей его полнотѣ. О немъ безъ малѣйшаго преувеличенія можно сказать, что оно написано кровью сердца. Спора нѣтъ: мистическая,—или какъ вѣрнѣе будетъ сказать въ данномъ случаѣ,—теологическая точка зрѣнія автора даетъ себя чувствовать и въ этомъ письмѣ. Главной причиной, породившей наше мрачное прошлое и наше не менѣе мрачное настоящее является въ глазахъ Чаадаева тотъ фактъ, что христіанство пришло къ намъ изъ Византіи.

„Повинуясь нашей злой судьбѣ,—говоритъ онъ,—мы обратились къ жалкой, презираемой всѣми Византіи за тѣмъ нравственнымъ уставомъ, который долженъ былъ лечь въ основу нашего воспитанія. Волею одного честолюбца (т. е. патріарха Фотія Г. П.), эта семья народовъ только-что была отторгнута отъ всемірнаго братства, и мы восприняли, слѣдовательно, идею, искаженную человѣческою страстью. Въ Европѣ все одушевлялъ тогда животворный принципъ единства. Все исходило изъ него и все сводилось къ нему... Непричастные этому чудотворному началу, мы сдѣлались жертвою завоеванія“. Большинство дѣятелей нашего освободительнаго движенія отказалась бы признать религію самымъ главнымъ „факторомъ“ историческаго развитія человѣчества. Но что изъ этого? Уже строки, непосредственно слѣдующія за только что приведенными, опять напомнили бы и этому большинству о близкомъ родствѣ его воззрѣнія съ воззрѣніями Чаадаева. Въ самомъ дѣлѣ, „Письмо“ продолжаетъ: „Когда же мы свергли чужеземное иго, только наша оторванность отъ общей семьи мѣшала намъ воспользоваться идеями, возникшими за это время у нашихъ западныхъ братьевъ, мы подпали еще болѣе жестокому рабству, освященному, притомъ, фактомъ нашего освобожденія“. Славянофилы никогда не согласились бы назвать порядокъ, господствовавшій въ Московской Руси, рабствомъ еще болѣе жестокимъ нежели монгольское иго. Читая „философическое письмо“, тогдашній западникъ не могъ увидѣть въ его авторѣ своего единомышленника по вопросу, который былъ тогда

Digitized by Google

очереднымъ для русской интеллигенціи: по вопросу о томъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на отношеніе Россіи къ западу. „Письмо“ категорически отвѣчало на этотъ очередной вопросъ: наша оторванность отъ запада является для насъ источникомъ всѣхъ нашихъ бѣдъ. „Весь міръ перестраивался заново,—говоритъ Чаадаевъ,—а у насъ ничего не создалось; мы по прежнему прозябали, забившись въ свои лачуги, сложенныя изъ бревенъ и соломы. Словомъ, новыя судьбы человѣческаго рода совершались помимо насъ“. Справедливость этого долженъ былъ признать всякій западникъ, совершенно независимо отъ того, какъ смотрѣлъ онъ на роль религіи въ культурномъ развитіи человѣчества. Извѣстно замѣчаніе одной свѣтской французской дамы на счетъ книги Гельвеція *„De l'Esprit“*. Въ этой книгѣ Гельвецій, по словамъ этой дамы „a dit le secret de tout le monde“. Свѣтская дама ничего не поняла въ книгѣ знаменитаго матеріалиста. Но о первомъ „философическомъ письмѣ“ можно съ полнымъ правомъ сказать, что въ немъ Чаадаевъ громко, ясно и высоко-художественно выразилъ то, что болѣе или менѣе сильно чувствовали и болѣе или менѣе отчетливо сознавали всѣ люди западнаго лагеря. Чаадаевъ явился ихъ общимъ выразителемъ, лирическимъ поэтомъ западничества. Потому онъ и привлекъ къ себѣ ихъ общія симпатіи, между тѣмъ какъ славянофилы увидѣли въ его „письмѣ“ нѣчто глубоко преступное. Не даромъ Языковъ писалъ, впослѣдствіи, обращаясь къ нему:

Почтенныхъ предковъ сынъ ослушный,
Всего чужого гордый рабъ!
Ты все свое презрѣлъ и выдалъ,
И ты еще не сокрушенъ...

По поводу этихъ грозныхъ виршей Языкова г. Гершензонъ замѣчаетъ: „Легко понять, какъ нелѣпо должно было казаться это обвиненіе человѣку, писавшему, что любовь къ отечеству прекрасная вещь, но есть нѣчто еще болѣе высокое, именно—любовь къ истинѣ“ (стр. 174). Это замѣчаніе кажется намъ тоже не вполнѣ удачнымъ. Въ этомъ случаѣ совсѣмъ нельзя противопоставлять любовь къ отечеству любви къ истинѣ. Невозможно—по той простой причинѣ, что „Письмо“,—какъ и все вообще западничество Чаадаева,—пропитано самой очевидной и самой горячей любовью къ родной странѣ. „Письмо“ было написано человѣкомъ, къ которому всецѣло могутъ быть отнесены слова поэта:

Видѣлъ, имѣющій очи,
И за отчизну болѣлъ.

Digitized by Google

Чаадаевъ, въ своей „Апологіи сумасшедшаго", такъ характеризуетъ свое отношеніе къ родинѣ: „Больше, чѣмъ кто либо изъ васъ, повѣрьте, я люблю свою страну, желаю ей славы, умѣю цѣнить высокія качества моего народа; но вѣрно и то, что патріотическое чувство, одушевляющее меня, не совсѣмъ похоже на то, чьи крики нарушили мое спокойное существованіе и снова выбросили въ океанъ людскихъ треволненій мою ладью, приставшую было у подножья креста. Я не научился любить свою родину съ закрытыми глазами, съ преклоненной головой, съ замкнутыми устами. Я нахожу, что человѣкъ можетъ быть полезенъ своей странѣ только въ томъ случаѣ, если ясно видитъ ее; я думаю, что время слѣпыхъ влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родинѣ истиной. Я люблю мое отечество, какъ Петръ Великій научилъ меня любить его". Какъ видите, любовь къ истинѣ не противопоставляется Чаадаевымъ любви къ родинѣ, а изображается, какъ элементъ, опредѣляющій и направляющій эту любовь; что же касается словъ: я люблю мое отечество, какъ Петръ Великій научилъ меня любить его, то они заставляютъ вспомнить Н. Г. Чернышевскаго, который, въ своихъ „очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы", говоритъ, что русскій долженъ быть патріотомъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ былъ имъ Петръ Великій. Уже изъ этого отношенія къ Петру Великому видно, какъ много было въ общественныхъ взглядахъ Чаадаева точекъ соприкосновенія со взглядами самыхъ передовыхъ изъ нашихъ западниковъ. Наконецъ, самъ же г. Гершензонъ приводитъ справедливое замѣчаніе Вяземскаго о томъ, что „письмо Чаадаева—не что иное, въ сущности своей, какъ отрицаніе той Россіи, которую съ подлинника списалъ Карамзинъ", т. е.—поясняетъ г. Гершензонъ,—основанной на трехъ уваровскихъ началахъ" (стр. 143). Откуда же взялъ, послѣ этого, нашъ авторъ свое „чудовищное недоразумѣніе?" Это прямо непонятно!

Мы ни на минуту не забываемъ того, что въ томъ же своемъ „Письмѣ" Чаадаевъ высказываетъ отрицательное отношеніе къ политической попыткѣ декабристовъ. По его словамъ, эта попытка была „громаднымъ несчастьемъ, отбросившимъ насъ на полвѣка назадъ". Однако такой взглядъ на нее доказываетъ только то, что онъ не былъ политическимъ революціонеромъ. Мы же сказали выше, что политическими революціонерами не были очень многіе изъ участниковъ нашего освободительнаго движенія; значитъ, отношеніе Чаадаева къ названной попыткѣ,—равно какъ и его отношеніе къ революціонному движенію 1830 г.,—еще не подтверждаетъ мысли г. Гершензона. А кромѣ того надо помнить, что

Digitized by Google

въ своемъ первомъ письмѣ Чаадаевъ выступалъ лирическимъ поэтомъ русскаго западничества, а о поэтахъ Фосколо вѣрно сказалъ, что даже когда они учатъ терпѣнію, они растравляютъ раны сердца, потому что сильно потрясаютъ его. Осуждая „политическое революціонерство", Чаадаевъ въ извѣстномъ смыслѣ „училъ терпѣнію". Но, даже „уча терпѣнію", онъ страшно потрясалъ сердца людей, стремившихся завоевать для своей страны лучшее будущее. И они не переставали видѣть въ немъ своего единомышленника, причемъ и самъ Чаадаевъ врядъ-ли *только по тще славію* не пытался разубѣдить ихъ на этотъ счетъ.

Кара, постигшая Чаадаева, явилась какъ бы новымъ доводомъ въ пользу того взгляда на Россію, который выраженъ былъ въ „философическомъ письмѣ". Герценъ сказалъ гдѣ-то,—кажется въ „Быломъ и Думахъ",—что, конечно", и на Западѣ существовалъ деспотизмъ, но все таки тамъ никому не приходило въ голову высѣчь Спинозу или отдать въ солдаты Лессинга. У насъ же непремѣнно сдѣлали бы и то, и другое. У насъ сдѣлали,—если это можно,—еще лучше: у насъ объявили сумасшедшимъ человѣка, позволившаго себѣ рѣзко разойтись съ оффиціальнымъ взглядомъ на Россію. И это жестокое издѣвательство сдѣлало изъ Чаадаева мученика западнической идеи. Онъ явился жертвой нашего,—*идейнаго*, — освободительнаго движенія, и потому естественно, что его имя было записано въ то, что г. Гершензонъ называетъ нашимъ *синодикомъ*.

Довлѣетъ дневи злоба его! Въ настоящее время дѣйствительно только по недоразумѣнію можно было бы отнести человѣка, проповѣдующаго мистицизмъ, къ числу участниковъ освободительнаго движенія. Въ настоящее время мистикъ, даже искренно сочувствующій свободѣ и готовый ради нея на „активныя выступленія", принесъ бы ея дѣлу гораздо больше вреда, нежели пользы. Въ настоящее время истинный,—т. е. *неполовинчатый*,— служитель прогресса долженъ прежде всего очистить свое міросозерцаніе отъ всѣхъ пережитковъ устарѣлыхъ міросозерцаній: въ противномъ случаѣ *неясность* его *идей* непремѣнно приведетъ его къ *непослѣдовательности въ дѣйствіяхъ*. А въ эпоху Чаадаева,—когда такъ страшно узка, а отчасти и совсѣмъ недоступна для мыслящаго человѣка, была область практическаго дѣйствія,—жизнь еще не требовала отъ передовыхъ людей такой строгой послѣдовательности въ мысляхъ, и потому тогда даже мистики могли,—подобно Чаадаеву,—служить свою службу освободительному движенію. Довлѣетъ дневи злоба его!

Да и то сказать: преобладающей чертой въ міросозерцаніи

Digitized by Google

Чаадаева является не мистицизмъ, а именно очень повышенная требовательность по отношенію къ окружающей его дѣйствительности. Г. Гершензону дѣло представляется иначе, но тотъ же г. Гершензонъ опять даетъ въ своей интересной книгѣ матеріалъ, показывающій, что онъ, г. Гершензонъ, ошибается.

Въ самомъ дѣлѣ, когда совершилось „обращеніе“ Чаадаева? По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ г. Гершензономъ, выходитъ, что—„около 1820 года“ (стр. 34). Хорошо. А каковы были раньше того взгляды Чаадаева? Г. Гершензонъ говоритъ, что раньше того „центральнымъ пунктомъ его міровоззрѣнія былъ общественный интересъ“, и что „единственнымъ достойнымъ приложеніемъ силъ, для патріота онъ считалъ то самое, въ чемъ видѣли свой долгъ декабристы“ (стр. 17). И на той же страницѣ г. Гершензонъ приводитъ, изъ письма Чаадаева къ своему брату, отрывокъ, показывающій, что это было въ самомъ дѣлѣ такъ. Въ этомъ отрывкѣ рѣчь идетъ объ испанской революціи; Чаадаевъ пишетъ (25 мая 1820 года); „Еще одна большая новость—этой новостью полонъ весь міръ: испанская революція кончена, король принужденъ подписать конституціонный актъ 1812 г. Цѣлый народъ возсталъ, въ три мѣсяца разыгрывается до конца революція,—и ни капли крови пролитой, никакой рѣзни, ни потрясеній, ни излишествъ, вообще ничего, что могло бы осквернить это прекрасное дѣло,—что ты объ этомъ скажешь? Вотъ разительный аргументъ въ дѣлѣ революцій, осуществленный на практикѣ!“ Такъ писать могъ только человѣкъ, всѣмъ сердцемъ сочувствовавшій освободительному движенію. Теперь спрашивается: что собственно привело Чаадаева къ мистицизму? На этотъ вопросъ г. Гершензонъ отвѣчаетъ очень неопредѣленно, да едва-ли и есть какая-нибудь возможность дать на него опредѣленный отвѣтъ. Извѣстно только то, что уже послѣ своего „обращенія“ Чаадаевъ, по чьему-то совѣту, прочиталъ сочиненія Штиллинга, и что эти сочиненія „вызвали въ немъ тяжелый душевный кризисъ“ (стр. 34). Но вотъ что достойно замѣчанія. „За эти два года,—говоритъ г. Гершензонъ,—отъ выхода въ отставку до отъѣзда за границу, Чаадаевъ чувствовалъ себя совсѣмъ больнымъ... Чаадаевъ, повидимому, отъ природы страдалъ крайней нервной раздражительностью, а подъ вліяніемъ болѣзни и нравственныхъ страданій, обусловленныхъ отставкою и другими, вѣроятно, чисто духовными причинами, въ немъ развилась такая мнительность и такая неустойчивость настроеній, которые дѣлали его настоящимъ мученикомъ“ (стр. 35). Въ письмѣ къ брату изъ Лондона отъ ноября 1823 г. самъ Чаадаевъ такъ характеризуетъ

Digitized by Google

свое болѣзненное состояніе: „Мое нервическое расположеніе—говорю это краснѣя—всякую мысль превращаетъ въ ощущеніе, до такой степени, что вмѣсто словъ у меня каждый разъ вырывается либо смѣхъ, либо слезы, либо жестъ". Въ другомъ письмѣ (отъ апрѣля 1824 г.) онъ пишетъ: „Признаюсь,—хотя я знаю, что ты не очень вѣришь признаніямъ,—нервность моего воображенія дѣлаетъ то, что я часто обманываюсь насчетъ собственныхъ ощущеній и принимаюсь смѣшно оплакивать свое состояніе" (та же стр.). Приводимыя г. Гершензономъ выписки изъ дневника Чаадаева производятъ до послѣдней степени тяжелое впечатлѣніе; кажется, что это записки человѣка, пораженнаго полнымъ психическимъ разстройствомъ (см. стр. 39—43). И такое состояніе продолжается у Чаадаева очень долго. Даже по возвращеніи изъ-за границы онъ остается „одинокимъ, угрюмымъ нелюдимомъ" которому „грозитъ помѣшательство и маразмъ" (стр. 60). По словамъ г. Гершензона, опирающимся на свидѣтельство Д. Давыдова, Чаадаевъ впослѣдствіи признавался гр. Строганову, что писалъ свое „философическое письмо" во время сумасшествія, „въ припадкахъ котораго онъ посягалъ на собственную жизнь" стр. 60). конечно, *мы* беремъ это свидѣтельство cum grano salis: но все-таки мы не можемъ не принять его въ соображеніе. Сопоставленное съ другими данными, оно убѣждаетъ насъ, что *увлеченіе мистицизмомъ было у Чаадаева плодомъ нервной болѣзни*, вызванной, отчасти, можетъ быть, органическимъ предрасположеніемъ, а главное — тяжелыми впечатлѣніями, полученными отъ окружавшей его среды. И, говоря о средѣ, мы имѣемъ въ виду *не только нашу русскую дѣйствительность*", заставившую впослѣдствіи молодого Герцена спрашивать себя въ своемъ „Дневникѣ": *„зачѣмъ мы проснулись?"* Нѣтъ, въ то время, къ которому относится заграничное путешествіе Чаадаева, на западѣ свободолюбивымъ людямъ жилось тоже очень не сладко: это было самое глухое время реакціи, наступившей въ западной Европѣ послѣ того, какъ улеглась буря великой французской революціи. Кинэ говоритъ, что всѣ великіе итальянскіе писатели начала девятнадцатаго вѣка проникнуты пессимизмомъ. Но вѣдь такъ было не въ одной Италіи; достаточно вспомнить Байрона. Правда, на западѣ свободолюбивые люди, говоря вообще, не легко поддавались вліянію мистицизма: тамъ мистика была преимущественно достояніемъ реакціонеровъ. Но это объясняется тѣмъ, что, благодаря большой развитости западно европейскихъ общественныхъ отношеній, тамъ всегда замѣчается гораздо больше соотвѣтствія между *общественными стремленіями* мыслящихъ

Digitized by Google

людей и *теоретическими основами ихъ міросозерцанія.* Кто упускаетъ изъ виду это обстоятельство, тотъ никогда не пойметъ, какимъ образомъ, напримѣръ, въ настоящее время довольно многіе изъ нашихъ „*марксистовъ*“ (гм! гм!) могутъ увлекаться кантіанствомъ, эмпиріомонизмомъ и другими философскими системами, выражающими собою болѣе или менѣе *либеральное*,—или болѣе или менѣе *консервативное*, говорите, какъ хотите, — настроеніе нынѣшней западно-европейской *буржуазіи.* Но объ этомъ распространяться здѣсь неумѣстно. Фактъ тотъ, что Чаадаевъ и на западѣ не могъ тогда найти успокоенія для своей больной души. А онъ не могъ не искать его; и чѣмъ старательнѣе онъ его искалъ, тѣмъ беззащитнѣе онъ становился по отношенію къ мистицизму. Мистицизмъ былъ для него тѣмъ же, чѣмъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ служитъ водка многимъ и многимъ „россійскимъ“ людямъ: средствомъ, ведущимъ къ забвенію. Но водка не устраняетъ тѣхъ причинъ, которыя вызываютъ нравственныя страданія пьющаго. Подобно этому и мистицизмъ не могъ дать Чаадаеву то удовлетвореніе, которое могло быть найдено имъ *только въ общественной дѣятельности.* И именно потому, что мистицизмъ не могъ удовлетворить стремленіе Чаадаева къ общественной дѣятельности, это стремленіе придало весьма своеобразный оттѣнокъ его мистицизму.

Общественный интересъ не рѣдко выступаетъ на первый планъ даже въ религіозныхъ разсужденіяхъ Чаадаева. Въ своемъ первомъ „философическомъ письмѣ“ онъ говоритъ: „въ христіанскомъ мірѣ все необходимо должно способствовать — и дѣйствительно способствуетъ — установленію совершеннаго строя на землѣ; иначе не оправдалось бы слово Господа, что онъ пребудетъ въ церкви своей до скончанія вѣка“. Это какъ нельзя болѣе характерно для Чаадаевскаго мистицизма. Сравните этотъ мистицизмъ хотя бы съ религіознымъ міросозерцаніемъ гр. Толстого, и вы увидите, что само по себѣ увлеченіе религіей еще не опредѣляетъ настроенія человѣка. У Чаадаева мистицизмъ оправдываетъ заботу объ „установленіи совершеннаго строя на землѣ“, а у Толстого религія твердитъ: „царство божіе внутри васъ“, и поворачивается спиною ко всѣмъ общественнымъ стремленіямъ своего времени. А онъ тоже „горѣ имѣетъ сердце“. Мистицизмъ Чаадаева совсѣмъ не похожъ на религіозность Толстого. Это, надѣемся не откажется признать и г. Гершензонъ, называющій мистицизмъ Чаадаева *соціальнымъ* мистицизмомъ. Намъ кажется, что вѣрнѣе было бы назвать его *мистицизмомъ на почвѣ не-*

Digitized by Google

удовлетвореннаго стремленія внести осмысленность въ окружающую жизнь.

Но если *таковъ* былъ этотъ мистицизмъ, то ясно, что автора *„философическихъ писемъ“* не только можно, но и должно было причислять къ дѣятелямъ нашего освободительнаго движенія.

Это какъ будто признаетъ въ концѣ концовъ и г. Гершензонъ; но, во-первыхъ, онъ признаетъ это съ недопустимыми оговорками; а во-вторыхъ—онъ не замѣчаетъ, что это кореннымъ образомъ противорѣчитъ его же мысли о томъ, что дѣятели нашего освободительнаго движенія лишь по чудовищному недоразумѣнію считали Чаадаева своимъ. Онъ говоритъ; „при томъ направленіи, которое приняли мысли Чаадаева съ начала 20-хъ годовъ, общественные интересы, конечно, должны были отойти для него на второй планъ; но заглохнуть совсѣмъ они не могли. Вся психика Чаадаева коренилась въ почвѣ Александровскаго времени и до его зрѣлыхъ лѣтъ питалась тѣми самыми соками, которые взрастили дѣятелей 14 декабря. Люди его поколѣнія, его друзья и сверстники, знали одну страсть, имѣли одну жизненную цѣль—общественность, и, мы видѣли, таковъ былъ въ петербургскій періодъ своей жизни и Чаадаевъ. Онъ остается такимъ всю жизнь, и все, что онъ сдѣлаетъ, будетъ имѣть своимъ объектомъ не личность, а общество. Не замерло въ немъ гражданское чувство и тогда, когда онъ весь отдался религіозному исканію: этому порукой его продолжительное сожительство заграницей съ Н. Н. Тургеневымъ, типичнымъ однодумомъ освободительнаго движенія“ (стр. 61). Прекрасно! Но вѣдь если человѣкъ, чтобы онъ ни дѣлалъ, всегда имѣетъ въ виду общество, то можно-ли сказать, что общественные интересы отошли для него на второй планъ? По здравому разсужденію—нѣтъ. И самъ же г. Гершензонъ спѣшитъ сообщить фактъ, рѣшающій этотъ спорный вопросъ въ самомъ опредѣленномъ смыслѣ, такъ сказать, не давая ни малѣйшаго повода для кассаціи. Вотъ этотъ фактъ. Свербеевъ разсказываетъ, что, встрѣтившись съ нимъ во время своихъ заграничныхъ странствованій,—т. е. во время самаго сильнаго своего увлеченія мистицизмомъ, Чаадаевъ такъ отзывался о тогдашнемъ нашемъ положеніи: „Онъ не скрывалъ въ своихъ рѣзкихъ выходкахъ глубочайшаго презрѣнія ко всему нашему прошедшему и настоящему и рѣшительно отчаявался въ будущемъ. Онъ обзывалъ Аракчеева злодѣемъ, высшихъ властей военныхъ и гражданскихъ—взяточниками, дворянъ—подлыми холопами, духовныхъ—невѣждами, все остальное коснѣющимъ и пресмыкающимся въ рабствѣ“ (стр. 61). Человѣкъ, у котораго общественные интересы отошли бы на вто-

Digitized by Google

рой планъ, такъ говорить не сталъ бы. Нѣтъ тутъ даже въ передачѣ другого лица слышится горячее чувство человѣка, интересующагося *прежде всего* общественными вопросами. Это какъ разъ то чувство, которое нашло себѣ исходъ въ первомъ „философическомъ письмѣ“ и которое сдѣлало это письмо похожимъ на грозную обличительную проповѣдь революціонера.

Г. Гершензонъ спрашиваетъ себя, „время-ли теперь напоминать русскому обществу о Чаадаевѣ?“ и отвѣчаетъ: „Я думаю—да,—и больше, чѣмъ когда нибудь“. Съ своей стороны мы думаемъ, что теперь дѣйствительно очень не мѣшаетъ напомнить читающей публикѣ о Чаадаевѣ. Но соображенія, выдвигаемыя по вопросу объ этомъ г. Гершензономъ, кажутся намъ,—признаемся,—весьма, неудачными. Онъ пишетъ: „Всей совокупностью своихъ мыслей онъ (т. е. Чаадаевъ. Г. П.) говоритъ намъ, что политическая жизнь народовъ, стремясь къ своимъ временнымъ и матеріальнымъ цѣлямъ въ дѣйствительности только осуществляетъ частично вѣчную нравственную идею, т. е. что всякое общественное дѣло по существу своему не менѣе религіозно, нежели жаркая молитва вѣрующаго. Онъ говоритъ намъ о соціальной жизни: войдите, и здѣсь Богъ; но онъ прибавляетъ: помните же, что здѣсь Богъ, и что вы служите ему“ (стр. IV) Эти соображенія свидѣтельствуютъ болѣе о собственной религіозности г. Гершензона, нежели объ ясномъ пониманіи имъ роли религіознаго „фактора“ въ исторіи человѣчества. Напомнить о Чаадаевѣ полезно теперь не потому, что „и здѣсь Богъ“ и т. п., а потому, что мы переживаемъ теперь періодъ крушенія нѣкоторыхъ преувеличенныхъ общественныхъ ожиданій, а такіе періоды всегда очень благопріятствуютъ распространенію мистицизма. И есть нѣкоторое основаніе думать, что мистическое настроеніе начинаетъ распространяться теперь въ средѣ нашей интеллигенціи, не даромъ же „охотники до споровъ модныхъ“ начинаютъ,—хотя пока еще и съ довольно невиннымъ видомъ,—придумывать новыя, а вѣрнѣе сказать, разогрѣвать старыя,—религіи (см. религіозное откровеніе пророка Луначарскаго въ „*Образованіи*“). Примѣръ Чаадаева хорошъ тѣмъ, что онъ показываетъ полнѣйшую несостоятельность мистицизма, какъ средства рѣшенія пока еще не рѣшенныхъ жизнью общественныхъ задачъ. Съ этой стороны „жизнь и мышленіе“ Чаадаева особенно поучительны. Жаль только, что эта сторона не получила въ книгѣ г. Гершензона достаточнаго освѣщенія.

Попробуемъ сами освѣтить ее.

Первое „философическое письмо“ Чаадаева проникнуто са-

Digitized by Google

мымъ полнымъ пессимизмомъ на счетъ исторической судьбы Россіи. „Гдѣ наши мудрецы,—спрашиваетъ онъ тамъ,—наши мыслители? Кто когда-либо мыслилъ за насъ, кто теперь мыслитъ? А вѣдь, стоя между двумя главными частями міра, Востокомъ и Западомъ, упираясь однимъ локтемъ въ Китай, другимъ въ Германію, мы должны были бы соединять въ себѣ оба великихъ начала духовной природы: воображеніе и разсудокъ, и совмѣщать въ нашей цивилизаціи исторію всего земного шара. Но не такова роль, опредѣленная намъ провидѣніемъ. Больше того: оно какъ бы совсѣмъ не было озабочено нашей судьбой. Исключивъ насъ изъ своего благодѣтельнаго дѣйствія на человѣческій разумъ, оно всецѣло предоставило насъ самимъ себѣ, отказалось какъ бы то ни было вмѣшиваться въ наши дѣла, не пожелало ничему насъ научить. Историческій опытъ для насъ не существуетъ; поколѣнія и вѣка протекли безъ пользы для насъ. Глядя на насъ можно было бы сказать, что общій законъ человѣчества отмѣненъ по отношенію къ намъ. Одинокіе въ мірѣ, мы ничего не дали міру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи въ массу идей человѣческихъ, ничѣмъ не содѣйствовали прогрессу человѣческаго разума, и все, что намъ досталось отъ прогресса, мы исказили". Дальше этого некуда идти въ смыслѣ пессимизма, и неудивительно, что Чаадаевъ приходитъ къ такому заключенію: „Въ нашей крови есть нѣчто, враждебное всякому истинному прогрессу. „Мы жили и продолжаемъ жить лишь для того, чтобы послужить какимъ-то важнымъ урокомъ для отдаленныхъ поколѣній, которыя сумѣютъ его понять; нынѣ же мы, во всякомъ случаѣ, составляемъ пробѣлъ въ нравственномъ міропорядкѣ". Какъ не безотраденъ этотъ выводъ, но если бы, подъ вліяніемъ мистицизма, общественные интересы въ самомъ дѣлѣ отошли у Чаадаева на второй планъ, что онъ подчинился бы волѣ провидѣнія, не пожелавшаго „озаботиться" нашей судьбою. Гагаринъ, нашедшій успокоеніе въ католицизмѣ, врядъ-ли много задумывался о будущей судьбѣ Россіи. Но въ томъ-то и дѣло, что общественные интересы продолжали стоять у Чаадаева на первомъ планѣ, и что, поэтому, онъ не могъ помириться съ „беззаботностью" провидѣнія на нашъ счетъ. И вотъ онъ снова и снова возвращается мыслью къ нашему прошлому, пока, наконецъ, не открываетъ въ немъ такой черты, которая сулитъ намъ очень отрадное будущее. И—странно сказать!—этой чертой оказывается та самая изолированность Россіи, которая прежде представлялась Чаадаеву самой главной причиной безплодности нашей

Digitized by Google

исторіи и наиболѣе убѣдительнымъ доводомъ въ пользу той мысли, что провидѣніе не сочло нужнымъ подумать о насъ.

Впервые новый взглядъ Чаадаева на будущее Россіи былъ высказанъ въ книгѣ. Ястребцова „*О системѣ наукъ, приличныхъ въ наше время дѣтямъ, назначаемыхъ къ образованнѣйшему классу*“. Книга эта вышла въ 1833 г., вторымъ изданіемъ, и въ ней,—по словамъ самого Чаадаева,—страницы, посвященныя возможной будущности Россіи, написаны подъ его диктовку. Г. Гершензонъ такъ передаетъ содержаніе этихъ страницъ.

„Культура, представляя собою плодъ коллективной работы всѣхъ предшествующихъ поколѣній, достается каждому пришельцу даромъ. Поэтому счастливъ народъ, родившійся поздно: онъ наслѣдуетъ всѣ сокровища, накопленныя человѣчествомъ; онъ безъ труда и страданій пріобрѣтаетъ средства матерьяльнаго благосостоянія, средства умственнаго и даже нравственнаго развитія добытыя цѣною безчисленныхъ ошибокъ и жертвъ, и даже самыя заблужденія прошедшихъ временъ могутъ служить ему полезными уроками. Таково положеніе Россіи: она во многихъ отношеніяхъ молода по сравненію съ Европой и, подобно Сѣверной Америкѣ, можетъ даромъ наслѣдовать богатства европейской культуры... Но въ наслѣдствѣ, которое досталось Россіи, истина смѣшана съ заблужденіемъ. Его нельзя принять безъ разбора; необходимо отдѣлить плевелы отъ истиннаго добра и воспользоваться только послѣднимъ. И здѣсь-то главное основаніе нашей патріотической надежды: великая выгода Россіи не только въ томъ, что она можетъ присвоить себѣ плоды чужихъ трудовъ, но въ томъ, что она можетъ заимствовать съ полной свободой выбора, что ничто не мѣшаетъ ей, принявъ доброе, отвергнуть дурное. Народы съ богатымъ прошлымъ лишены этой свободы, ибо прошедшая жизнь народа глубоко вліяетъ на все его существованіе“ (стр. 150—151).

Въ такомъ же духѣ высказывается Чаадаевъ въ письмѣ къ А. И. Тургеневу отъ 1832 г. „Пройдетъ немного времени,—говоритъ онъ тамъ,—и, я увѣренъ, великія идеи, разъ настигнувъ насъ, найдутъ у насъ болѣе удобную почву для своего осуществленія и воплощенія въ людяхъ, чѣмъ гдѣ-либо, потому что не встрѣтятъ ни закоренѣлыхъ предразсудковъ, ни старыхъ привычекъ, ни упорной рутины, которыя противостали бы имъ“.

Наконецъ, та же самая мысль почти буквально повторяется и въ „Апологіи сумасшедшаго“, написанной въ 1837 г. Впрочемъ, тамъ Чаадаевъ нѣсколько опредѣленнѣе выражаетъ то, чего онъ ждетъ отъ Россіи. „У меня есть глубокое убѣжденіе,—прибавляетъ онъ тамъ,—что мы призваны рѣшить большую часть про-

Digitized by Google

блемъ соціальнаго порядка, завершить большую часть идей, возникшихъ въ старыхъ обществахъ, отвѣтить на важнѣйшіе вопросы, какіе занимаютъ человѣчество".

Если читатель припомнитъ совсѣмъ еще недавнія разсужденія нашихъ народниковъ и субъективистовъ о возможномъ экономическомъ будущемъ Россіи, то онъ увидитъ, что въ нихъ было очень мало новаго: та же увѣренность въ томъ, что Россія имѣетъ „полную свободу выбора"; то же убѣжденіе въ томъ, что „полная свобода выбора" является плодомъ нашей отсталости; наконецъ, тѣ же ссылки на Петра Великаго, будто бы показавшаго намъ своимъ примѣромъ, что у насъ въ самомъ дѣлѣ есть эта свобода выбора. Такимъ образомъ получается нѣчто совсѣмъ неожиданное: Чаадаевъ оказывается родоначальникомъ нашего народничества и нашего субъективизма. Г. Гершензонъ такъ и говоритъ: „Мысль Чаадаева просочилась черезъ Герцена въ народничество, чрезъ Соловьева—въ современное движеніе христіанской общественности. О прямомъ заимствованіи не можетъ быть рѣчи ни тамъ, ни здѣсь, но преемственно оба эти движенія во всякомъ случаѣ восходятъ къ ученію Чаадаева" (стр. 170).

Но если это такъ, то при чемъ же здѣсь та „идея имманентнаго дѣйствія духа Божія въ исторіи человѣчества" которая составляетъ, по замѣчанію г. Гершензона; „самую сердцевину ученія Чаадаева" (стр. 144)? Вѣдь ни у Герцена, ни у народниковъ, ни у Н. Михайловскаго и его единомышленниковъ такой идеи не было и въ поминѣ, а между тѣмъ они пришли къ одинаковому выводу съ Чаадаевымъ. Не ясно-ли, что дѣло здѣсь вовсе не въ „идеѣ имманентнаго дѣйствія духа Божія", а въ чемъ-то другомъ, общемъ Чаадаеву со многими русскими „интеллигентами", совершенно нераздѣлявшими его мистическихъ взглядовъ. Въ чемъ же другомъ? Да просто на просто въ пріемахъ мысли „интеллигента", не способнаго помириться съ окружающей его дѣйствительностью; стремящагося въ корнѣ передѣлать эту дѣйствительность и... еще не имѣющаго никакого понятія о томъ, что *въ развитіи этой дѣйствительности есть своя собственная, объективная логика, не только не зависящая отъ субъективной логики интеллигенціи, но, въ послѣднемъ счетѣ, опредѣляющая собою даже требованія этой субъективной логики какъ съ ихъ сильной, такъ и съ ихъ слабой стороны.*

Новый взглядъ Чаадаева на возможное будущее Россіи былъ выработанъ съ помощью тѣхъ самыхъ пріемовъ мышленія, которые свойственны были *всѣмъ утопическимъ реформаторамъ*. Утопическіе реформаторы исходили обыкновенно изъ того молча-

Digitized by Google

ливаго предположенія, что каждая данная страна сама и сознательно опредѣляетъ въ каждое данное время дальнѣйшій ходъ своего развитія. Кто находитъ правильнымъ это положеніе,—представляющее собою лишь разновидность того *идеалистическаго объясненія исторіи*, согласно которому „мнѣнія правятъ міромъ“,—кто признаетъ это положеніе правильнымъ, тотъ весьма естественно умозаключаетъ, что всякая данная отсталая страна имѣетъ полную возможность воспользоваться „урокомъ“ болѣе передовыхъ странъ и, минуя болѣе или менѣе ухабистую дорогу ихъ внутренняго развитія, можетъ нѣсколькими могучими прыжками перескочить въ самое завидное будущее. А вѣдь думать такъ и значитъ считать изолированность данной страны и вообще ея опасность вѣрнѣйшимъ закономъ ея будущаго прогресса.

Еще французскіе энъ-симонисты находи, что Франція можетъ избѣжать англійскаго капитализма, воспользовавшись опытомъ Англіи, истолкованнымъ „новой философіей“, т. е. ученіемъ тѣхъ же сэнъ-симонистовъ. Потомъ нѣмецкіе „истинные соціалисты“ стали увѣрять Германію, что ей вовсе не нужно слѣдовать въ этомъ отношеніи примѣру „западныхъ странъ“. Громче дольше и настойчивѣе всѣхъ другихъ распространялись на эту тему наши народники и субъективисты [1]). Само собою разумѣется, что второстепенные и третьестепенные доводы, подкрѣплявшіе это основное положеніе, измѣнялись сообразно экономическимъ и политическимъ особенностямъ той страны, гдѣ оно выдвигалось. Но само это основное положеніе оставалось по своему существу совершенно неизмѣннымъ и было лишь переводомъ на языкъ политической экономіи той общей историко философской мысли, къ которой пришелъ также и Чаадаевъ. Приходя къ этой мысли, Чаадаевъ обнаруживалъ оригинальность развѣ только по сравненію съ тогдашними русскими публицистами. На Западѣ же эта мысль врядъ ли показалась бы кому-нибудь новой.

Но въ высшей степени замѣчательно, что, высказывая эту свою мысль, Чаадаевъ,—по крайней мѣрѣ, съ формальной стороны, т. е. въ смыслѣ пріемовъ своего историко-философскаго мышленія,—очень сближался съ тѣми самыми славянофилами, ученія которыхъ онъ такъ не любилъ и борьба съ которыми наполнила собою, какъ мы уже знаемъ, послѣдній періодъ его жизни. Когда славянофилы благословляли нашу „спасительную неподъ-

[1]) Въ интересахъ справедливости прибавимъ, что и Н. Г. Чернышевскій не разъ повторялъ, что „хорошо тому жить, у кого бабушка ворожитъ“, желая сказать этимъ, что хорошо отсталымъ народамъ, имѣющимъ возможность воспользоваться опытомъ передовыхъ.

Digitized by Google

вижность", они разсуждали совершенно такъ же, какъ разсуждалъ Чаадаевъ. Болѣе того: надо признать, что въ чаяніяхъ Чаадаева было еще больше элементовъ утопій, нежели въ разсужденіяхъ славянофиловъ, какъ ни дико разсуждали подчасъ эти послѣдніе.

Дѣло въ томъ, что у славянофиловъ уже было болѣе или менѣе смутное сознаніе того, что различныя стороны общественной жизни связаны между собой такою связью, которая не можетъ быть нарушена, по усмотрѣнію интеллигенціи. Чаадаевъ,—совершенно такъ же, какъ потомъ народники и субъективисты, — не подозрѣвалъ существованія такой связи или же позабывалъ о ней, задумываясь о будущемъ Россіи. Вотъ почему славянофилы были нерѣдко совершенно правы въ своей критикѣ западничества, какъ оно проявилось въ утопіяхъ Чаадаева, народниковъ и субъективистовъ.

И. С. Аксаковъ, смѣшивая народниковъ съ либералами, писалъ, что въ нашей либеральной печати „народъ существуетъ только одною своею, именно экономическою стороною... всѣ же остальныя стороны его бытія... все это имъ или ненавистно, или глубоко антипатично и презирается ими" [1]). Это было дѣйствительно такъ или почти такъ. Наши западники,—пока они оставались на только указанной нами утопической точкѣ зрѣнія,—въ самомъ дѣлѣ произвольно брали въ своихъ разсужденіяхъ отдѣльныя стороны народной жизни, наивно воображая, что данная, почему-либо симпатичная имъ сторона можетъ быть уединена отъ вліянія другихъ сторонъ и направлена по пути „нормальнаго" развитія. Вся трудность заключалась только въ томъ, чтобы придумать для передовой интеллигенціи хорошую программу дѣйствій. Правъ былъ И. С. Аксаковъ и тогда, когда утверждалъ, что „сходство нѣкоторыхъ ученій, занесенныхъ съ Запада, съ бытовыми воззрѣніями русскаго народа"—онъ имѣлъ въ виду русскую общину съ одной стороны и „коммуну" и „фаланстеръ"—съ другой,—есть чисто внѣшнее сходство. Наконецъ, былъ онъ правъ и тогда, когда указывалъ нашимъ „либераламъ", что симпатичная имъ *экономическая* сторона нашей народной жизни, т. е. опять-таки поземельная община,—органически связана съ нашимъ политическимъ строемъ. Аргументируя такъ, онъ покидалъ область утопіи, изъ которой никакъ не могли тогда выйти наши соціалисты народническаго и „субъективнаго" направленій.

---

[1]) См. сочиненія И. С. Аксакова, томъ II, стр. 621.

Digitized by Google

Славянофилы раньше западниковъ почувствовали необходимость апелляціи къ внутренней, объективной логикѣ нашего общественнаго развитія. Но эта апелляція привела ихъ туда, куда совсѣмъ не стремились попасть, по крайней мѣрѣ, *первоучители* славянофильства.

Въ августѣ 1862 г. И. С. Аксаковъ писалъ въ своемъ „*Днѣ*“: „Мы желали бы, чтобы все, непосредственно содѣйствующее нашему *матеріальному* благосостоянію, было главнымъ, если не исключительнымъ предметомъ законодательныхъ заботъ и стремленій, съ одновременнымъ предоставленіемъ простора дѣятельности мысли и головы“.

Въ такой программѣ утопична была только вотъ эта надежда на „предоставленіе простора дѣятельности мысли и головы“. Что же касается ея *экономической* стороны, то идеалъ И. С. Аксакова былъ, можно сказать, *дѣйствительностью слѣдующаго дня*. Подъ заботами о матеріальномъ благосостояніи славянофильскій публицистъ понималъ главнымъ образомъ развитіе желѣзно-дорожной сѣти, открытіе новыхъ рынковъ для промышленности, покровительственный тарифъ и т. д. Выдвигая такую программу, наше славянофильство само толкало Россію на тотъ путь капиталистическаго развитія, на которомъ гораздо раньше насъ выступилъ „гнилой“ западъ, и который не могъ не привести къ отрицанію нашей, сталь дорогой славянофиламъ, самобытности. Обезнародте народъ,—писалъ тотъ же Аксаковъ,—и тогда западничество будетъ имѣть у насъ свой смыслъ, но капитализмъ именно это и дѣлалъ. Онъ разрушалъ нашу старую самобытность и тѣмъ подготовлялъ почву для появленія у насъ такихъ западническихъ теченій, которыя для своего существованія уже не нуждаются въ утопизмѣ. И. С. Аксаковъ считалъ, что западно-европейскій соціализмъ является логическимъ выводомъ изъ западно-европейской исторіи. На Западѣ соціализмъ былъ, по его мнѣнію, у себя дома; соціалисты—дѣтища всей современной цивилизаціи, а „въ Азіи дѣлать имъ нечего“. [1]). Это было тоже неоспаримо. По скольку Россія оставалась „Азіей“ въ экономическомъ отношеніи, постольку одни утописты могли задумываться объ осуществленіи въ ней передовыхъ идеаловъ Запада. Но выдвинутая И. С. Аксаковымъ программа устраняла „*Азію*“ и тѣмъ самымъ вырывала почву изъ подъ ногъ славянофильства.

Вотъ какъ зла была иронія исторіи нашего внутренняго раз-

[1]) „Русь“ отъ 15 марта 1883 г. Статья, изъ которой мы дѣлаемъ свои выписки, перепечатана во второмъ томѣ сочиненій И. С. Аксакова.

Digitized by Google

витія! *Славянофильство расчищало почву для торжества чуждаго утопій западничества, выставляя программу, сближавшую насъ въ экономическомъ отношеніи,— съ „гнилымъ“ Западомъ!*

Въ то время, когда со славянофилами воевалъ Чаадаевъ, до этого было, правда, еще далеко. Славянофильство вовсе еще не было заражено *капиталистическими* тенденціями, а западничество всѣхъ оттѣнковъ обѣими ногами стояло еще на почвѣ *утопіи*. Только Бѣлинскій сдѣлалъ попытку выработать себѣ *научный* взглядъ на происхожденіе и свойства нашей дѣйствительности; только Бѣлинскій сознавалъ что *трицаніе* дѣятельности должно основываться на *логикѣ ея собственнаго внутренняго развитія*. Но его попытка была осуждена на неудачу, вслѣдствіе полнаго недостатка данныхъ для правильнаго рѣшенія этого чрезвычайно важнаго вопроса 1). Тѣмъ не менѣе мы сочли полезнымъ отмѣтить здѣсь указанную иронію жизни, чтобы напомнить, какъ мало считалась эта жизнь съ тѣмъ, что хотѣлось *„свободно выбрать“* тѣмъ или другимъ группамъ нашей интеллигенціи. У жизни была своя, *объективная*, логика. И если на ея, подчасъ ироническіе выводы вообще крайне слабо повліяла субъективная логика „интеллигентскихъ“ группъ, то уже совсѣмъ равно нулю было вліяніе на нее того элемента во взглядахъ Чаадаева, который характеризуется у г. Гершензона словами: „и здѣсь Богъ“. Мистицизмъ послужилъ Чаадаеву наркотическимъ средствомъ, отчасти уменьшавшимъ его нравственныя муки, ослаблявшимъ,— на время!—симптомы его, столь знакомой россійскому интеллигенту нравственной болѣзни *безнадежности въ борьбѣ съ общественнымъ зломъ* Но онъ не пролилъ ни одного, рѣшительно ни единаго луча на тотъ путь, который можетъ привести къ устраненію зла. Да и неспособенъ былъ продить! По самой своей природѣ онъ могъ только затруднить открытіе этого пути, отвлекая вниманіе увлеченнаго имъ даровитаго человѣка въ сторону прямо противоположную той, въ которую слѣдовало обернуться. Западничество восторжествуетъ у насъ,—а отчасти *уже торжествуетъ malgré tout!*—не подъ знакомъ *мистицизма*, а подъ знакомъ *матеріализма*.

Въ заключеніе—еще одно маленькое замѣчаніе г. Гершензону. Онъ очень ошибается,—какъ ошибся нѣкогда и Пыпинъ,—считая *„Письма объ изученіи природы“* Герцена *матеріалистическимъ* сочиненіемъ (стр. 187). Loin de là! И чтобы г. Гершензонъ могъ

---

1) Объ этомъ см. въ нашей статьѣ *„Бѣлинскій и разумная дѣйствительность“* въ сборникѣ *„За двадцать лѣтъ“*.

Digitized by Google

убѣдиться въ томъ, что это дѣйствительно такъ, мы рекомендуемъ ему взять второй томъ заграничнаго изданія сочиненій Герцена,— этотъ томъ содержитъ въ себѣ, между прочимъ, „Письма объ изученіи природы“,—и почитать въ немъ страницы 259, 260, 282 и 292: онъ увидитъ, что Герценъ не былъ матеріалистомъ въ ту пору, когда писалъ, — *по Гегелю*! — названныя „письма“. Въ томъ же самомъ г. Гершензонъ можетъ убѣдиться и другимъ путемъ: перечитавши *„Дневникъ“* Герцена, напечатанный въ *первомъ* томѣ того же изданія. Изъ *„Дневника“* видно, что въ 1844 г., приступая къ своимъ *„ письмамъ“*, Герценъ еще колебался между идеализмомъ и матеріализмомъ, *при чемъ былъ ближе къ первому, нежели ко второму*. О природѣ онъ такъ говоритъ тамъ: „Въ природѣ идея существуетъ тѣлесно, безсознательно, подчиненная закону необходимости и влеченіямъ темнымъ, не снятымъ свободнымъ разумѣніемъ“ (стр. 377). Пусть самъ г. Гершензонъ судитъ, матеріализмъ-ли это [1]).

Пора намъ, наконецъ, получше познакомиться съ образомъ мыслей и съ исторіей умственнаго развитія нашихъ замѣчательныхъ людей.

Г. Плехановъ.

[1]) Благоря неясности своей точки зрѣнія Герценъ, въ „Письмахъ объ изученіи природы“ говоритъ крайне неясно объ отношеніи мышленія къ бытію и этой своей неясностью заставляетъ вспоминать Іос. Дицгена, въ философіи котораго рѣшительно не достаетъ яснаго пониманія этого предмета.

Digitized by Google

Голосъ крови.

(Zwischen den Rassen).

Романъ *Генриха Мана.*

Переводъ съ нѣмецкаго *М. Славинской* и *Р. Ландау.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Негры, которые вели лошадь подъ уздцы, должны были снять свою госпожу съ сѣдла: ей сдѣлалось дурно; ее переложили на телѣжку, запряженную быками, стали обвѣвать пальмовымъ листомъ; большой свѣтловолосый человѣкъ съ тревогой склонился надъ своей блѣдной женой—и ребенокъ явился на свѣтъ. Огромныя деревья дѣвственнаго лѣса величаво и неподвижно стояли вокругъ. Оттуда, гдѣ лѣсъ рѣдѣлъ, доносился мощный гулъ океана, а изъ чащи—дикій крикъ попугаевъ и обезьянъ.

Ребенокъ учился говорить у своей чернокожей няньки и бѣгалъ по песку между лѣсомъ и моремъ. Съ берега онъ приносилъ раковинки, которыя отламывалъ отъ большихъ камней; а на лѣсной опушкѣ собиралъ упавшіе на землю кокосовые орѣхи: изъ нихъ нянька умѣла доставать такое сладкое молоко! Ручонки его всегда были полны вкусныхъ, сочныхъ фруктовъ, въ саду было столько цвѣтовъ, а надъ головой золотыми искорками рѣяли маленькія колибри.

Затѣмъ подросъ братецъ Нэнэ, такъ что можно было съ нимъ играть. Дѣти стали искать среди трещинъ въ стѣнахъ крошечныя круглыя яйца ящерицъ и ужей. Иногда негры приносили маленькія кольца съ хвоста гремучей змѣи: Нэнэ надѣвалъ ихъ себѣ и сестренкѣ на всѣ пальцы и такъ украшенные они садились въ

Digitized by Google

чанъ и плыли по ручью внизъ, а черныя птицы съ ярко-красными клювами строго смотрѣли на нихъ изъ кустовъ.

А когда переѣхали въ городъ, въ столицу, то узнали, что такое тропическій дождь: по улицамъ плавали лодки, а изъ комнатъ негры все время должны были ушатами вычерпывать воду; а затѣмъ—что за прелесть былъ карнавалъ! Такъ славно было сидѣть на стульчикѣ у балконной двери и смотрѣть внизъ на толпу пестрыхъ масокъ, а красивая мама бросала въ нихъ разноцвѣтныя хлопушки, которыя лопались съ трескомъ.

Весело было и у дѣдушки на Большомъ островѣ: тамъ можно было пробраться въ толпу работающихъ негровъ и посасывать кусочекъ сахарнаго тростника. Или вмѣстѣ съ цѣлой ватагой черныхъ, желтыхъ и бѣлыхъ дѣтей плантаціи слѣдить съ восторгомъ и волненіемъ, какъ дѣдушка зажигалъ бумажныя трубочки и бросалъ ихъ длинными свѣтящимися змѣйками въ море. А какъ хорошо было на берегу! Море обвивало голыя ножки длинными мягкими волнами, рубашенку, подпоясанную кушакомъ, мягко колыхалъ теплый ночной вѣтеръ, а поднимешь, бывало, глаза вверхъ, чуть голова не закружится, такъ крупны и ярки звѣзды!

Жилось великолѣпно. Дѣвочка была какъ всѣ другіе дѣти, и всетаки не совсѣмъ такая: у нея были бѣлокурые волосы. Ни у кого здѣсь этого не было: даже у Нэнэ. Черная Анна немало гордилась этимъ и не уставала завивать локоны Лолы. У нея былъ также свѣтлый папа: кто еще могъ похвастать этимъ? Когда онъ пріѣзжалъ въ гости на Островъ, то водилъ ее съ собой гулять. Онъ былъ выше всѣхъ людей и всегда серьезенъ,—всѣ любовались имъ, и дѣвочка проникалась вся горделивой любовью и благоговѣніемъ къ нему.

Но однажды—что это значило?—послѣ обѣда въ залѣ, гдѣ бабушка плела кружева, мама, красивая мама сидѣла и плакала: да, громко плакала. А когда она увидѣла свою маленькую дочку, то бросилась къ ней, привлекла ее къ себѣ, упала передъ ней на колѣни и рыдая восклицала:

— Лола! Моя Лола! Скажи: ты, вѣдь, моя?

Дѣвочка испуганно—вопросительно взглянула на бабушку: но та сидѣла прямая и серьезная какъ всегда и продолжала свою работу.

— Развѣ ты не моя?—молила мать.

— Да, ма.

— Тебя хотятъ взять у меня. Скажи, что ты не хочешь! Слышишь? Ты, вѣдь, не хочешь уѣхать отъ меня, отъ насъ всѣхъ!

Digitized by Google

— Нѣтъ, ма. Я боюсь. Куда ѣхать?.. Я хочу остаться: съ па, съ тобой, съ Анной. Луизіана мнѣ обѣщала маленькій челнокъ; завтра она его принесетъ.

Но еще въ тотъ же вечеръ маленькую Лолу ждалъ большой челнокъ. Красивая ма лежала въ обморокѣ; Нэнэ съ крикомъ уцѣпился за платье Лолы; но какой-то высокій негръ вырвалъ ее и понесъ на рукахъ къ берегу моря, осторожно переступая голой ногой съ одного камня на другой... Море свирѣпо шумѣло; кругомъ рѣялъ разорванный мракъ; дѣвочку положили въ лодку Она не кричала, лишь неслышно плакала въ темнотѣ; негры молча стали грести и за лодкой потянулась едва мерцающая полоса, точно слѣдъ совершеннаго преступленія.

II.

На борту большого парохода, куда привезли Лолу, стояли па и черная Анна. Какая встрѣча!

— Па, развѣ мы совсѣмъ уѣзжаемъ? А Нэнэ? А ма? И куда мы поѣдемъ?

Свѣтловолосый па ѣхалъ со своей маленькой дѣвочкой къ себѣ домой, чтобы сдѣлать ее нѣмкой.

Девятнадцатилѣтнимъ юношей прибылъ Густавъ Габріель въ Америку, и она стала его второй и любимой отчизной. До тридцати лѣтъ въ немъ не просыпалась тоска по родинѣ. Вспоминалъ онъ о ней какъ о чемъ то мелкомъ и далекомъ и съ гордостью считалъ себя бразильцемъ... Но затѣмъ онъ постепенно сталъ замѣчать, что онъ всетаки чужой въ этой странѣ, что онъ — представитель иной культуры, иныхъ взглядовъ. Онъ сталъ ощущать свое одиночество среди всѣхъ этихъ людей чужой расы, которые были такъ далеки отъ него. Ища вокругъ себя людей, союзниковъ, онъ подумалъ о своихъ дѣтяхъ. Неужели они выростутъ среди чужихъ нравовъ и чужого языка? Неужели не будутъ понимать тѣхъ ласковыхъ словъ, которыми въ дѣтствѣ называла его мать? Онъ замѣтилъ, что когда у него вырывалось невольно нѣмецкое слово, то дѣти переглядывались и улыбались... Этого не должно быть!.. Ихъ родина — не здѣсь, и онъ хотѣлъ вернуть имъ ее! Съ мальчикомъ, правда, это трудно устроить: онъ долженъ былъ унаслѣдовать дѣло отца, но дочь!.. его свѣтлокудрая дочь!.. Ее онъ уже мысленно видѣлъ вмѣстѣ съ собой въ отцовскомъ домѣ или рисовалъ себѣ, какъ они идутъ рядомъ по улицамъ родного города: онъ и его молодая бѣлокурая дочь. У нея свѣтлые локоны—она нѣмка. Она будетъ *его* дочерью; пусть

Digitized by Google

его жена—какой чужой она, въ сущности, осталась для него—удержитъ сына всецѣло для себя: но дочь должна научиться понимать его, должна вернуться домой...

Никогда еще па не былъ такъ нѣженъ съ Лолой! Онъ увѣрялъ ее, что скоро они вернутся назадъ, что ма и Нэнэ пріѣдутъ къ нимъ въ гости туда, куда они сейчасъ плывутъ. И какъ интересно путешествовать, вотъ Лола сама увидитъ.

Но первое время дѣвочкѣ было очень скверно отъ качки; тянулось это три дня. Па самъ ухаживалъ за ней и дѣлалъ все, что собственно должна была бы дѣлать Анна. Въ промежуткахъ между приступами Лола лежала утомленная, но счастливая; а когда она вкладывала свою ручку въ широкую руку своего па, ей казалось, что она вся въ его рукѣ.

Наконецъ, ей можно было уже встать и смотрѣть, какъ матросы выуживали изъ воды рыбу: у одной изъ нихъ была даже длинная сабля на носу!

Затѣмъ появился какой то человѣкъ съ кишкой и сталъ поливать всѣхъ дѣтей. Какъ ни прячешься за трубой или у лѣстницы, всюду тебя найдетъ холодная струя: это было страшно и весело. Промокшія дѣти визжали, а дамы и мужчины громко радовались, что они остались сухи. Вообще, удивительно, до чего всѣ были веселы, любезны другъ съ другомъ и съ Лолой. Казалось, они только и думаютъ о томъ, кого бы теперь обрадовать. Одинъ господинъ угощалъ всѣхъ дѣтей шоколадомъ, и упрашивалъ когда не хотѣли брать. Даже па рѣдко бывалъ теперь серьезенъ. А море и небо сіяли безпрерывно.

Пароходъ въѣхалъ еще разъ въ сѣрую воду, подъ тучи, и его сильно качало. Но Лола теперь уже не страдала; она лежала на палубѣ, укрытая плащемъ па и когда сгибала колѣни въ видѣ крыши, то это былъ точно собственный домъ: пусть волны и катятся поверхъ него сколько угодно! Впрочемъ, скоро ѣзда кончилась, всѣ высадились, и были теперь очень серьезны. Лола съ па и Анной очутилась въ большомъ, некрасивомъ городѣ, по которому приходилось бѣгать до усталости. Но зато здѣсь были такія игрушки, какихъ она дома не видывала, и па накупилъ ей такъ много, что она удивлялась. Потомъ, однажды утромъ поѣхали въ поѣздѣ и попали въ странный городокъ: дома въ немъ были кривые, а улицы то ползли на гору, то спускались внизъ. Въ огромной трясущейся коляскѣ они доѣхали до воротъ какого то дома, затѣмъ черезъ дворъ подкатили къ крыльцу; изъ дому поспѣшно выбѣжала маленькая старушка и бросилась къ па на шею. Лола испугалась, потому что па плакалъ. Отчего это? Но тутъ

Digitized by Google

старушка взяла Лолу за подбородокъ и притянула ея лицо къ себѣ такъ близко, что видно было даже какъ дрожатъ рѣсницы—глаза у старушки были такіе добрые! Но что она хотѣла? Она говорила все такъ непонятно. Лола вопросительно посмотрѣла на па; и когда шли въ домъ, па объяснилъ ей, что старушка—его мама, что сегодня—день ея рожденія, и въ подарокъ ей онъ привезъ Лолу.

Въ домѣ пахло пирожнымъ и цвѣтами; были братья па, и всѣ обнимали его. Одинъ изъ нихъ спросилъ у па что то на ухо и потомъ сказалъ Лолѣ на ея языкѣ, что онъ радъ ея пріѣзду. Она разсмѣялась, и все было бы хорошо, еслибы новая бабушка не вадумала вдругъ изъ нѣжности упасть передъ Лолой на колѣни, обнявъ ее. У Лолы сдѣлалось такое лицо, какъ будто вотъ-вотъ она, заплачетъ. Всѣ стали спрашивать: что случилось, и па перевелъ:

— Что съ тобой, дѣтка?

— Ничего, па.

И прибавила, запинаясь, съ улыбкой:

— Я что то вспомнила.

Точно такъ, какъ теперь бабушка, лежала передъ ней въ тотъ послѣдній день ея красивая ма, но въ слезахъ и въ отчаяніи. Лола думала: „Правда ли, что я скоро вернусь къ ней назадъ?“

Одинъ изъ дядей старался развеселить ее: онъ захлопалъ въ ладоши, и Лола должна была убѣгать отъ него. Дѣлала она это только, чтобы не обидѣть дядю и вѣжливо улыбалась, когда онъ ее ловилъ. Всѣ захотѣли тоже играть. Должны были спрятаться, а веселый дядя — искать. Лолѣ показали очень хорошее мѣсто: подъ темнымъ деревомъ за бесѣдкой. Тамъ она долго стояла, и ее не могли найти. Не слышно было даже шороха въ саду. „Можетъ быть, они забыли обо мнѣ и всѣ ушли?“ Ее охватилъ жуткій страхъ: „Па уѣхалъ, Анны нѣтъ, они меня оставили одну!“ Она закрыла лицо руками. Одна, совсѣмъ одна! Вдругъ послышались шаги. Лола собралась съ духомъ и тонкимъ голоскомъ вскрикнула „ау“. Прошло немного времени; она слушала едва дыша, пискнула еще разъ, и тогда ее нашли.

За ужиномъ Лола оживилась и даже спѣла пѣсенку, въ носъ, какъ пѣли негры, у которыхъ она и выучилась ей. Но въ самый разгаръ веселья, когда и па смѣялся, она вдругъ взяла его за руку и быстро шепнула, какъ будто желая застигнуть его врасплохъ:

— Правда, па, мы скоро поѣдемъ домой?

Па кивнулъ головой, но онъ снова сдѣлался серьезнымъ, и

Digitized by Google

Лола замѣтила, что онъ даже чуть не разсердился. Она растерялась и замолчала.

— Ты не знаешь, когда мы поѣдемъ домой? — спросила она черную Аниу, когда та укладывала ее спать.

Нѣтъ, она не знала, и ей Лола вѣрила. Анна оглядывалась въ комнатѣ, точно въ клѣткѣ, коротко и рѣзко поворачивая голову; глаза Лолы слѣдили за ней, и затѣмъ онѣ обѣ безпомощно глядѣли другъ на друга.

Но зато какъ весела была эта новая бабушка. Всюду, куда она водила съ собой Лолу, случалось что нибудь смѣшное: въ залѣ, гдѣ лежали яблоки, на чердакѣ, откуда она доставала разноцвѣтныя платья и такихъ старыхъ, странныхъ куколъ. Веселый дядя тоже очень развлекалъ ее; затѣмъ было довольно интересно ходить гулять съ Анной. Здѣшніе люди, вѣроятно, никогда не видали негритянки и такъ смотрѣли! Иногда даже бѣжала сзади цѣлая кучка мальчишекъ, которые становились невыносимы: тогда единственнымъ спасеніемъ было бросить имъ конфектъ и убѣжать, пока они дрались...

Однажды въ комнатѣ у бабушки сидѣлъ господинъ съ бѣлой бородой, въ черномъ сюртукѣ и спросилъ Лолу о чемъ то. Па объяснилъ ей, что рѣчь идетъ о томъ, хочетъ ли она перейти въ протестантскую вѣру: онъ совѣтуетъ ей. Лола сказала да, старикъ съ бѣлой бородой далъ ей нѣсколько пестрыхъ картинокъ, а вечеромъ ее повели въ циркъ... Вообще, такъ много было всего, что, навѣрное, уже прошелъ цѣлый годъ.

— Правда, мы уже здѣсь скоро годъ?—спросила она однажды вечеромъ.

Па отвѣтилъ:

— Что ты, дѣвочка? Только шесть недѣль.

— Только? Но, вѣдь, уже опять зима?

— Нѣтъ, дитя, здѣсь такое лѣто.

Лолѣ очень хотѣлось спросить опять, когда они поѣдутъ домой, но па былъ не въ духѣ: у него опять появилась исчезнувшая было складка между бровями. Другіе тоже говорили меньше чѣмъ всегда. Даже бабушка въ этотъ день улыбалась только на половину. Лола ушла спать подавленная.

Ночью ей приснился грустный сонъ: она видѣла, что однаго негра—котораго она не знала, но она ихъ всѣхъ любила,—жестоко бьетъ надсмотрщикъ, негръ плакалъ и стоналъ, и она сама расплакалась при видѣ его и побѣжала жаловаться къ дѣдушкѣ: бѣжала и плакала. Тутъ она проснулась, всхлипывая, а тотъ плачъ все еще продолжался.

Digitized by Google

Черная Анна стояла на колѣняхъ у ея кровати и рыдала:

— Маленькая госпожа, я должна уѣхать. Завтра уже господинъ и Анна отправляются съ пароходомъ домой, въ нашу страну; а маленькая госпожа остается здѣсь.

Когда Лола вскрикнула въ ужасѣ, она зашептала:

— Тише, тише! Аннѣ не позволили ничего говорить: господинъ запретилъ. Анна должна была уѣхать не простившись, но она не могла.

— Ты не уѣдешь отсюда! Слышишь, ты не сдѣлаешь этого! Я тебѣ приказываю!

Голосъ дѣвочки прерывался отъ злобы и волненія.

— Па не оставитъ меня здѣсь одну. Это неправда!

Но нянька все повторяла, жалобно и монотонно:

— Тише, тише! Анна должна уѣхать!

И въ ея шепотѣ злоба дѣвочки постепенно растаяла. Она, вся разбитая, приникла къ плечу Анны, плакала и просила:

— Не уѣзжай!

— Анна должна уѣхать!

— Если ты уѣдешь, тогда...

Дѣвочка была потрясена горемъ. Она прижалась лицомъ къ голому черному плечу своей няни и вмѣстѣ съ маслянистымъ запахомъ этой кожи, который она вдыхала въ свои первые дѣтскіе дни, въ ней поднялась темная волна раннихъ счастливыхъ воспоминаній. Въ возбужденномъ безпорядкѣ замелькали передъ Лолой картины ея дѣтства. Она увидѣла пальмовый лѣсъ, затѣмъ цѣлую кучу негровъ, которые показались ей чудно прекрасными; увидѣла кусокъ ярко-голубого пѣнящагося моря и мохнатыя шапки сахарнаго тростника передъ нимъ; увидѣла Нэнэ, ручей и черныхъ птицъ съ ярко-красными клювами...

шь,—рыдала она,—тогда... все кончено!

утро па вошелъ въ комнату и сказалъ:

— Маленькая моя Лола, па нужно на короткое время уѣхать и ока онъ вернется, оставляетъ тебя здѣсь.

Лола опустила голову.

— Для тебя было бы вредно опять такъ далеко ѣхать,— сказалъ онъ.

Лола подняла голову и вдругъ, рѣшившись съ отчаянія послѣднее средство, произнесла невиннымъ голоскомъ:

— Па, возьми меня съ собой!

— Моя дочурка благоразумна, неправда-ли,— отвѣтилъ па, безъ вопроса въ тонѣ. И у Лолы исчезла ея натянутая улыбка.

Digitized by Google

Па взялъ ее за руку и повелъ въ городъ, черезъ рыночную площадь, къ старому дому, гдѣ они долго звонили у входныхъ воротъ съ большимъ стекломъ.

— Здѣсь живетъ,—сказалъ па,—славная барышня, которая будетъ заботиться о моей Лолѣ, пока па не вернется.

Вошли въ широкій длинный корридоръ; по каменнымъ плитамъ его ходило много дѣвочекъ попарно и по нѣсколько въ рядъ, подъ руки. Другія черезъ дверь съ цвѣтнымъ стекломъ выскальзывали въ садъ. Были и большія и маленькія дѣвочки; но самой маленькой, какъ замѣтила Лола, была она сама. Па и она вошли въ комнату и стали ждать. Въ комнатѣ были бѣлые обои съ золотыми цвѣтами, золотые часы, очень высокія окна, а за ними садъ и Лола, угнетенно вздыхая, смотрѣла то на одинъ предметъ, то на другой. Еще немного времени, и па уже здѣсь не будетъ. Онъ еще держалъ ее за руку, но она уже ощущала, что скоро, скоро онъ покинетъ ее. О, какъ много должна она была ему сказать! неужели онъ этого не чувствуетъ?

Дрожащими губами она только выговорила:

— Погляди-ка, па, какой смѣшной человѣчекъ на часахъ!

И думала: это не то, не то!

Она искоса взглянула на отца. Онъ смотрѣлъ прямо впередъ; губы его были плотно сжаты, складка между бровями рѣзко обозначалась — и Лола почувствовала впервые, что онъ строгъ потому, что ему тоже грустно; онъ притворяется строгимъ, потому что любитъ ее. Ей сдѣлалась тепло и радостно, она сжала руку па; па взглянулъ внизъ, прямо въ ея глаза... Но въ это время въ саду, гдѣ играли дѣвочки, затихъ шумъ, и по лѣстницѣ наверхъ стала быстро подыматься маленькая дама въ черномъ платьѣ. Вотъ она уже близко, вотъ около двери. Неужели нѣтъ спасенія? Отчего па ничего не дѣлаетъ?

У маленькой дамы одно плечо было выше другого, ея блѣдное длинное лицо улыбалось, и отъ улыбки у нея морщился носъ; все это Лола замѣчала съ полной ужаса отчетливостью.

Было какъ во снѣ, когда хочется бѣжать и не можешь двинуться съ мѣста. Тутъ она почувствовала уже тонкіе холодные пальцы дамы на своей рукѣ. Что это она говоритъ? Лола безпомощно оглянулась на па.

— Фрейлейнъ Эрнеста привѣтствуетъ тебя,—объяснилъ па,—и обѣщаетъ, что будетъ тебя любить и учить всему хорошему. Ты должна поблагодарить ее.

— Мерси,—сказала Лола съ усиліемъ.

Digitized by Google

Потомъ дама съ радостными восклицаніями начала сыпать въ лицо Лолы поцѣлуи, отъ которыхъ было больно. Лола не понимала, зачѣмъ это; она испугалась; а дама между тѣмъ все говорила и говорила, и все звучало вопросительно. Лола замѣтила, что она повторяетъ все одно слово и каждый разъ произноситъ его медленнѣе и отчетливѣе. Опять безпомощный молящій взглядъ въ сторону па, но па сидѣлъ не глядя на нее. А дама все строже и строже напирала на нее, съ высоко поднятымъ указательнымъ пальцемъ. Лола не могла больше удержаться и не отводя отъ дамы испуганныхъ глазъ, залилась отчаяннымъ плачемъ. Тутъ случилось нѣчто очень странное. Лицо барышни, такое строгое и требующее послушанія, вдругъ какъ-то поблекло, осунулось и сдѣлалось неувѣреннымъ и безпомощнымъ. Она и раньше была маленькаго роста; но теперь она стала почти такая же, какъ Лола, и склонивъ голову на бокъ она тихонько погладила дѣвочку по рукѣ. Лола снова испугалась; но теперь не за себя. Что съ барышней? Робкая жалость коснулась сердца дѣвочки, и она ей нѣжно улыбнулась. Затѣмъ подняла выше, еще выше барышнину руку и вдругъ коснулась ее губами. Но это длилось одно мгновенье. Тотчасъ же Лола подбѣжала къ па, обняла его за шею и закричала, чтобы отвлечь отъ барышни и отъ ея смущенія: „какая красивая яблоня заглядываетъ въ окно!“ Барышня что-то сказала па, онъ высоко поднялъ Лолу, и она сорвала себѣ яблоко.

Потомъ всѣ трое пошли въ садъ. Лола почему-то вдругъ почувствовала себя счастливой и прежде чѣмъ взрослые успѣли опомниться, она уже сидѣла наверху, въ вѣтвяхъ яблони. Па бранилъ ее, но она чувствовала, что это такъ, въ шутку; барышня хохотала до упаду и со всѣхъ концовъ сада сбѣжались дѣвочки посмотрѣть на маленькую дикарку. Онѣ принялись прыгать вокругъ дерева, кричали и протягивали руки. Па сказалъ Лолѣ, что въ честь ея поступленія фрейлейнъ Эрнеста позволяетъ ей нарвать яблокъ для всѣхъ. Лола стала карабкаться съ вѣтки на вѣтку, съ серьезнымъ лицомъ выбирала какую-нибудь дѣвочку и бросала ей въ передникъ яблоко. Когда она слѣзла, старшія дѣвочки окружили ее, гладили по волосамъ и цѣловали. Но зазвонилъ звонокъ, и всѣ поспѣшили въ домъ. Па и Лола пошли вмѣстѣ съ Эрнестой въ бесѣдку, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ. Лолѣ дали полъ-рюмки вина. Когда поѣли, па взялъ ее къ себѣ на колѣни, расцѣловалъ и сказалъ: — Поди побѣгай.

Но при этомъ не выпускалъ ее изъ рукъ и смотрѣлъ прямо въ глаза. Она выскользнула.

Digitized by Google

— Еще одинъ поцѣлуй, дочурка,—закричалъ па ей въ догонку.

— Сейчасъ!

И она побѣжала за пестрой бабочкой. Было весело на душѣ, она думала: „Какія большія розы!.. Надо посмотрѣть, что это за темная, темная дыра въ заборѣ... Па добрый, эта барышня Эрнеста тоже добрая... Смотри-ка, ящерица, шмыгъ, шмыгъ... Придутъ-ли опять дѣвочки?.. Какой веселый день!“

— Па! па!—ликовала она.

— Онъ не слышитъ меня, потому что садъ —такой большой. Гдѣ же бесѣдка? А, вотъ, нужно пройти мимо этихъ грядъ... Ну, теперь: па! па!

Она побѣжала и сразу остановилась: передъ бесѣдкой стояла барышня, одна.

Лола подошла ближе. Ея взглядъ обыскалъ бесѣдку, скользнулъ повсюду кругомъ и съ мольбой остановился на лицѣ барышни. Что онъ сказалъ ей? Неужели ушелъ?..

Наконецъ, она собралась съ духомъ и спросила:

— Гдѣ па, фрейлейнъ?

Барышня сказала что то, опять нѣсколько разъ подрядъ одно и то же, но не такъ медленно и отчетливо, какъ въ тотъ разъ— и все же Лола поняла ее.

Въ неудержимомъ горѣ она заломила руки.

— Онъ просилъ у меня еще одинъ поцѣлуй. Какъ онъ могъ уйти, когда я еще должна поцѣловать его!

Она отъ боли зашаталась, но затѣмъ быстро побѣжала къ дому. Среди дороги остановилась съ поникшей головкой и опущенными внизъ руками; и хлынувшія слезы смыли съ ея губъ тотъ поцѣлуй, который она не успѣла дать своему па.

III.

Лола была одна.

Она съежилась на скамейкѣ и рыдала долго и безутѣшно. Эрнеста сначала стояла возлѣ нея и шептала изрѣдка слова утѣшенія, но они звучали какъ то вопросительно, точно она сама въ нихъ не вѣрила. Затѣмъ отошла, выжидательно взглянула на Лолу и вошла въ домъ. Вскорѣ она снова появилась и веселымъ тономъ спросила, не хочетъ ли Лола чудесный, сочный персикъ. Когда же ребенокъ злобно и отрицательно покачалъ головой и еще пуще зарыдалъ, Эрнеста поспѣшно ушла, точно спасаясь бѣгствомъ.

Раздался звонокъ, и Лола дала себя увести: Эрнеста ей ска-

Digitized by Google

зала, что сейчасъ придутъ дѣвочки и увидятъ ея слезы. Эрнеста открыла дверь въ свою комнату; маленькій бѣлый шпицъ съ громкимъ тявканіемъ бросился на Лолу, и Лола, которая тамъ, дома не боялась огромныхъ дѣдушкиныхъ собакъ, съ крикомъ отшатнулась назадъ.

— Ами! — крикнула Эрнеста и, нагнувшись къ шпицу, сдѣлала ему серьезный выговоръ. Ничего не помогало,—ребенокъ и собака боялись другъ друга; собаку выгнали изъ комнаты—она жалобно визжала за дверью.

Эрнеста стала рыться въ шкафу, вынула оттуда большую пеструю книгу и протянула ее Лолѣ. Она хотѣла посадить Лолу на скамеечку; Лола поскользнулась и опрокинула стаканъ воды на рукодѣліе, которое лежало тутъ же. Эрнеста погладила дѣвочку по щекѣ и улыбнулась. Затѣмъ открыла пеструю книгу на первой страницѣ; на ней былъ нарисованъ абрикосъ, абажуръ и много другихъ вещей. Эрнеста нѣсколько разъ повторяла одно и то же слово, указывая на абрикосъ. Сначала Лола не обращала вниманія, затѣмъ поняла, что должна повторить, но молчала. Эта месть за все, что она испытала, доставляла ей удовлетвореніе. Не смотря на это, Эрнеста настойчиво указывала пальцемъ на абажуръ и говорила уже другое слово, повторяя его много разъ. Она указала Лолѣ и на бѣлую башню въ углу комнаты и на ширму, на которой были изображены изъ пестраго бисера—дама и дѣвочка, а у ихъ ногъ животное, котораго Лола не знала. Оно казалось кроткимъ и необычайно хрупкимъ, его большіе глаза блестѣли, точно были полны слезъ. Лолѣ стало ужасно жаль его, себя—и она пробормотала то слово, которое ей давно повторяла Эрнеста: „лань“, и заплакала, тихо, безъ упорства.

Когда слезы перестали литься, Эрнеста повела ее къ столу, за которымъ сидѣло много дѣвочекъ; онѣ оживленно болтали, стуча вилками. Лола ничего не ѣла—ей было грустно. Она была ошеломлена всѣмъ происходящимъ вокругъ, вздрагивая, когда ее называли по имени и съ горечью думала:—Чего вамъ отъ меня надо? Отчего я здѣсь? Отчего па не взялъ меня съ собой?— Послѣ обѣда ее повели въ садъ, но она отрицательно покачала головой и пошла за Эрнестой въ ея комнату, къ лани—это вѣдь былъ ея единственный другъ.—Лань, лань,—шептала она. Эрнеста тихо поцѣловала ее въ голову и оставила наединѣ съ другомъ. Когда Лолу укладывали въ кровать, она уже спала, вся въ слезахъ.

Первое, что она увидѣла при пробужденіи — въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ—лань, затѣмъ шпица Ами.

Digitized by Google

Она стала обдумывать все пережитое и вспоминать, знаетъ-ли она уже эту комнату. Съ любопытствомъ оглядывалась вокругъ. Стояла еще одна кровать, но на ней уже никого не было. Лола медленно соскользнула на полъ. Вошла Эрнеста, подняла Лолу на руки и, показывая на себя, повторяла нѣсколько разъ:

— Эрнеста.

У Лолы было красное, заспанное личико. Большіе, внимательные, темные глаза были направлены на ротъ Эрнесты и медленно поворачивались то въ одну, то въ другую сторону. Свѣтлые локоны были сбиты, тонкія губы плотно сжаты; изъ-подъ рубашенки выглядывали маленькія, розовыя ножки. Она ничего не говорила, но когда рѣшила, что та достаточно повторяла—Эрнеста,—задумчиво кивнула въ знакъ того, что поняла.

Она выпила какао, копала въ саду. Когда раздался звонокъ, неожиданно попала къ дѣвочкамъ въ хороводъ, затѣмъ опять пошла съ Эрнестой въ комнату лани. Шпицъ Ами уже только ворчалъ и то помахивалъ при этомъ хвостомъ. Лола снова должна была сегодня повторять „абрикосъ“, „абажуръ“. Она дѣлала это разсѣянно и все время смотрѣла на лань. Она совсѣмъ не думала о тѣхъ вещахъ, на которыя Эрнеста пыталась обратить ея вниманіе. Совершенно случайно замѣтила она, что это была уже вторая страница пестрой книги и что на ней каждая картинка была накрыта бисквитомъ. Снимешь его, подъ нимъ оказывается булочникъ, бумага. Она поспѣшно выучила эти слова, чтобы узнать, что нарисовано на третьей страницѣ.

За столомъ ей захотѣлось разсказать обо всѣхъ впечатлѣніяхъ своей сосѣдкѣ, которая была не на много старше ея. Она заговорила быстро и подробно. Та только смѣялась и подталкивала третью. Лола, разгоряченная своимъ разсказомъ, перешла отъ лани къ животнымъ, которыя были тамъ, дома; потомъ заговорила о томъ, какъ дома хорошо, о Нэнэ и ма. Вдругъ она остановилась, потому что стало очень тихо; всѣ вокругъ молчали и смотрѣли на нее, бѣдную, маленькую Лолу: однѣ насмѣшливо, другія съ любопытствомъ. Теперь только Лола вспомнила, что ее не понимали. Безпомощно краснѣя, взглянула она на нихъ и, едва сдерживая слезы, съ жалобной, одинокой улыбкой, нагнулась надъ своей тарелкой.

Послѣ обѣда всѣ дѣвочки прыгали и пѣли. Лола тоже должна была пѣть, но она дѣлала видъ, что не умѣетъ. Эрнеста схватила ее за обѣ руки и повторяла нѣсколько разъ— „пѣть“. И Лола запѣла. Она спѣла въ носъ ту негритянскую пѣсню, кото-

Digitized by Google

рую часто слышала дома, полузакрывая при этомъ глаза и увидѣла все, что пѣла, увидѣла родину, домъ...

Даже когда она замолчала, то была далеко, далеко отъ тѣхъ, которыя ее теперь окружали.

Нѣсколько минутъ спустя ей вдругъ пришло въ голову, что она пѣла какъ-то разъ эту пѣсню у нѣмецкой бабушки. Странно: о пребываніи у бабушки она ни разу не подумала. Ей казалось, что съ большого острова ее привезли прямо сюда. Все, что было между этими двумя событіями стерлось изъ ея памяти. Вдругъ она вспомнила гримасу, которую скорчилъ какъ-то веселый дядя. Послѣ этого она вспомнила все. Да, это была ея бабушка—па былъ ея сынъ, и она его любила. И мелькнула надежда: не у нея ли остался па? Какъ это Лола раньше объ этомъ не подумала! Па не уѣхалъ, онъ остался у своей мамы! Лола пошла къ Эрнестѣ и сказала: „бабушка". Только это одно просящее слов И Эрнеста ее поняла и отвела туда.

Бабушка раскрыла объятія, но Лола не обращала на нее вниманія и бѣгала вокругъ: —„Па, па!", въ его комнату, въ столовую, въ садъ:—„Па. па"! Она вернулась назадъ послѣ безплодныхъ поисковъ.

— Гдѣ па?

Бабушка говорила ей что-то, Лола понимала что, но не хотѣла вѣрить. Позвали дядю, горничную, всѣ повторили то же самое. Лола не качала больше головой, но оставалась при своемъ. Наконецъ, появился веселый дядя и поздоровался съ Лолой на ея языкѣ.

Онъ повторилъ тѣ два слова, которымъ выучился у па.

— Глупый попугай,—подумала она и потребовала чтобы ее отвели къ Эрнестѣ.

По дорогѣ она заглядывала во всѣ ворота, тащила свою спутницу въ тѣ магазины, въ которыхъ была съ па. На большой, пустой площади, гдѣ дулъ холодный вѣтеръ, остановилась и умоляюще крикнула:—Па!—Отвѣта не было. Лола страшно мерзла. Горничная быстро увела ее.

Теперь ей уже было не до пестрой книги, не до сада, не до лани. Она съ недовѣріемъ смотрѣла на каждаго, кто говорилъ ей слово—одно изъ тѣхъ непонятныхъ словъ, которыя произносились вокругъ. Эрнестѣ она говорила—неправда,—хотя не понимала, что сказала та. При малѣйшемъ прикосновеніи громко вскрикивала. Она имѣла одно желаніе—обойти всѣ улицы, весь городъ, всѣ дома. Это длилось нѣсколько дней.

Затѣмъ Лола потеряла всякую надежду. Она заглядывала

Digitized by Google

всюду, во всѣ уголки, вездѣ звала своего „па“. Но па не хотѣлъ услышать этого зова или, дѣйствительно, уѣхалъ. Да, онъ уѣхалъ—люди правы! Значитъ па самъ ее выдалъ и покинулъ среди чужихъ людей. Кому же вѣрить послѣ этого?

Въ эти дни разразилась гроза. Дома Лола радостно вскрикивала, когда видѣла молнію, здѣсь же испуганно металась изъ угла въ уголъ, блѣдная, со сжатыми губами. Не у кого было искать помощи!

Когда Лолу просили спѣть ея пѣсню, она недовольно пожимала плечами. Она и не говорила больше. И думала о необыкновенныхъ вещахъ:

— Я, можетъ быть, страшно заболѣю и никому не скажу, гдѣ болитъ и буду такъ кричать, какъ тогда негръ...

А лань? Такихъ животныхъ не было тамъ, дома, лань тоже не знаетъ, не понимаетъ Лолу.

— Развѣ ты не слышишь, что я тебѣ говорю?—просила она со слезами.—Лань, милая лань!

Но лань холодно и безучастно смотрѣла на нее.

Лола была одна.

Въ воскресенье ее опять отвели къ бабушкѣ. Она была угрюма и робка, всѣ потеряли терпѣніе и предоставили ее самой себѣ. Недовольная тѣмъ, что никто ею не занимается, она стала бродить по саду. Какъ холодно было въ этой гадкой, чужой странѣ! Боязливо и враждебно взглянула она на сѣрыя облака. Вдругъ увидѣла бесѣдку, въ которой пряталась въ первый день пріѣзда, когда уже предчувствовала, что па покинетъ ее. Бесѣдка была открыта и Лола вошла. Тутъ стояла неуклюжая, старая мебель. Лола попыталась открыть стѣнной шкафъ - - раздался стукъ и шумъ. Она вздрогнула. Шумъ усилился. Похолодѣвъ отъ ужаса, она стала прислушиваться. Вдругъ раздался сильный трескъ.—Лола изо всѣхъ силъ закричала:—Чортъ! чортъ!

Тотчасъ же шумъ прекратился и въ дверяхъ появился веселый дядя; онъ былъ блѣденъ и сердито смотрѣлъ на Лолу. Та еще разъ крикнула.

— Чортъ!—какъ бы въ свое оправданіе и отчасти изъ упрямства.

Дядя бросился къ ней, взялъ за руку и повелъ въ погребъ, подъ бесѣдкой. Онъ показалъ ей, что рубилъ здѣсь дрова и что иногда топоръ ударялся объ полъ. Онъ говорилъ ласковымъ голосомъ, но Лола была озадачена и задумчива. Это шло совершенно вразрѣзъ съ ея опытомъ. Когда тамъ, въ дѣвственномъ лѣсу, раздавался неизвѣстный голосъ, негры шептали другъ другу—

Digitized by Google

чортъ!—когда гдѣ-нибудь внезапно загорался огонекъ, они опять шептали:—чертъ!—Если бы черная Анна была съ Лолой, когда дядя рубилъ дрова, она навѣрное завопила бы:—Чортъ!—Такъ значитъ это совсѣмъ не онъ? Во всякомъ случаѣ не всегда? Хорошо, что дядя научилъ ее этому. Она ласково улыбнулась ему. И вдругъ почувствовала, что полюбила всѣхъ людей, пошла къ бабушкѣ, обняла ее и захлопала въ ладоши при мысли, что и Эрнестѣ сдѣлаетъ что-нибудь пріятное. Мысленно она сравнивала черную Анну съ Эрнестой и съ удивленіемъ замѣтила, что послѣдняя ей гораздо ближе. Черная Анна была просто глупа со своимъ чортомъ.

Когда Лола пришла домой, она стала передъ Эрнестой и довѣрчиво проговорила:

— Абажуръ, бумага, лань, Эрнеста.

При этомъ она застѣнчиво улыбнулась—для 8 лѣтней дѣвочки это, конечно, было слишкомъ мало, но что она могла сказать? Эрнеста поняла Лолу; она была такъ тронута, что заплакала.

Нѣсколько недѣль спустя она предложила Лолѣ написать письмо па.

— Напиши на твоемъ языкѣ.

Лола такъ и сдѣлала; съ искреннимъ удовлетвореніемъ приписала она нѣсколько нѣмецкихъ словъ: одно письмо не могло вмѣстить всѣхъ словъ, которыя она уже знала. Отвѣтъ получился скоро. Па тоже написалъ по—португальски только въ концѣ по нѣмецки:—Люблю тебя.—И—то, что эти слова онъ могъ написать на родномъ языкѣ, доставило ему такую необычайную радость, которой Лола еще не могла понять. Эрнеста долго смотрѣла на эти строки и сказала:

— Хорошенько спрячь это письмо...

А слѣдующее Лола, которая провела уже четыре мѣсяца у Эрнесты, написала по нѣмецки. Отецъ отвѣтилъ на томъ же языкѣ. Между тѣмъ, получилось еще письмо—Лола не знала отъ кого и была страшно взволнована: Она не выдержала и громко вскрикнула:

— Ахъ!

— Отъ кого? спросила Эрнеста.

— Отъ—ма!—и она напряженно стала его разсматривать.

— Что тебѣ пишетъ твоя мама?

— Сейчасъ,—сказала Лола,—сейчасъ я прійду.

Она побѣжала въ комнату и стала разбирать почеркъ ма. Она видѣла его въ первый разъ Красавица ма всегда только лежала въ гамакѣ. Какъ она должно быть любила Лолу, если

Digitized by Google

написала ей! Лола поцѣловала письмо. Она еще разъ попыталась прочесть, но безуспѣшно—она ничего не понимала, только нѣсколько отдѣльныхъ словъ.—Ма, ма,—застонала она и вдругъ заплакала. Тихо сообщила она послѣ Эрнестѣ:

— Ма пишетъ, что теперь очень жарко въ Рio, а здѣсь такъ холодно.

А черезъ день она прибавила:

— Нэнэ былъ боленъ, теперь уже здоровъ.

Она все разбирала письмо; на немъ уже было много пятенъ, слѣдовъ слезъ. Какъ-то утромъ Лола проснулась, держа руку высоко въ воздухѣ. Во снѣ она протянула ее къ ма, которая давала ей фрукты,—а теперь ей пришлось отдернуть пустую руку. Она еще видѣла передъ собой лицо ма, и вдругъ поняла нѣсколько словъ изъ письма.

Новый языкъ совсѣмъ вытѣснилъ изъ головы Лолы тотъ первый, на которомъ она раньше говорила. Новыя лица заслонили собой старыя. Новый колоритъ видоизмѣнилъ все вокругъ. Шелъ снѣгъ; въ первый разъ Лола приняла снѣгъ за сахаръ, а вѣдь ма его никогда и не видѣла. Ма все лежала попрежнему въ своемъ гамакѣ и хотя она была ма, но не знала ничего, что видѣла Лола. Это такъ странно и непонятно! Лола глубоко задумалась. Такъ обдумывала она иногда слово, имя—Эрнеста, какъ можно было такъ называться Эр-нес-та — какъ смѣшно и чуждо звучалъ каждый слогъ. Чѣмъ больше она повторяла это слово, тѣмъ удивительнѣе оно ей казалось. Какъ-то весной, во время прогулки, Лола вдругъ исчезла; ее нашли среди лѣсистыхъ холмовъ—у ручейка. Вокругъ была мокрая трава, сильно пахло кореньями, ручеекъ журчалъ. Лола сидѣла неподвижно. О чемъ она думала? — О ручейкѣ. — Лѣтомъ она часто лежала у края клумбы геліотропа, положивъ голову среди цвѣтовъ и вдыхая ихъ ароматъ.

Случалось, что иногда давно знакомое лицо ей вдругъ казалось новымъ. Такъ, однажды въ классѣ, вмѣсто того, чтобы писать, она, не отрываясь, смотрѣла на свою любимую учительницу, на ея подвижное личико, быстрыя, ловкія движенія.

— Лола, почему ты такъ на меня смотришь?—спросила фрейленъ Мина. Лола отвѣтила:

— Ты—какъ маленькій... птичка.

Учительницу французскаго языка Лола ненавидѣла, особенно съ тѣхъ поръ, какъ она пригрозила, что у Лолы изъ горла вырастетъ вишневое дерево, если она будетъ глотать вишневыя косточки. Лола съ отвращеніемъ смотрѣла на это жирное, сѣрое,

Digitized by Google

пронырливое лицо и такъ живо представляла ее себѣ въ образѣ большой, толстой крысы, что при ея прикосновеніи безсознательно вскрикивала.

Однажды она составила, потѣхи ради, цѣлый заговоръ, въ планъ котораго входило даже воровство. Дѣло касалось „крысы", вполнѣ заслужившей такой продѣлки. Всѣ называли ее такъ; Лола пустила въ ходъ это прозвище и вселила во многихъ отвращеніе къ учительницѣ. Не трудно было убѣдить дѣвочекъ положить „крысѣ" въ кровать большую, уродливую куклу. Нужно было раздобыть маску, чепецъ, кофту, очки. Но гдѣ взять деньги для этого? Всѣ, вѣдь, знали, куда „крыса" прятала свои. Было вполнѣ справедливо, чтобы она сама купила себѣ куклу. Такъ и случилось. „Крыса" сначала упала въ обморокъ, а когда замѣтила пропажу денегъ, зарыдала. Лола смотрѣла на нее, видѣла страданіе этого безобразнаго и скупого существа и переживала его вмѣстѣ съ „крысой", внѣ себя отъ раскаянія. Она видѣла, что мечется толстая, отравленная крыса и охотно проглотила бы предназначенный для той ядъ, если бы это было возможно. Она просила извиненія и даже въ порывѣ раскаянія схватила руку „крысы". Она испытывала къ ней то же отвращеніе, что и прежде, но видѣла, что это существо страдаетъ, чувствовала это безконечно больше другихъ и не понимала, какъ она могла причинить такое страданіе. Гораздо лучше страдать за другихъ. Не разъ ночью ей приходило въ голову:—На чемъ остановиться, если бы надо было выбирать одно изъ двухъ—или меня похоронятъ живой, или умретъ Эрнеста или ма?

Она со вздохомъ переворачивалась съ боку на бокъ. Надо было рѣшиться, надо было взять на себя самое страшное. И вдругъ у нея становилось ясно и свѣтло на душѣ—она себя приносила въ жертву. Лучше пускай меня закопаютъ живой, гораздо лучше!

Въ ней росло стремленіе дѣлать добро, привязаться къ кому-нибудь. Въ это время появился новый учитель исторіи Дитрихъ. Онъ былъ робокъ и насмѣшливъ; обращался съ ними какъ со взрослыми барышнями. Всѣ интересовались имъ, его жизнью, домашней обстановкой. Онъ жилъ съ матерью и сестрами, поддерживалъ уроками всю семью.

Лола представляла себѣ его жизнь прекрасной, полной нѣжныхъ, благородныхъ мыслей! Съ двумя другими ученицами, которыя тоже были влюблены въ него, отправилась она подъ какимъ-то предлогомъ на его квартиру.

На полу его комнаты не было ковра. Самъ Дитрихъ всталъ изъ-за своего письменнаго стола, который при этомъ зашатался,

Digitized by Google

и смущенно прикрылъ подушкой дыру на кожаномъ диванѣ. Въ воздухѣ пахло кислымъ молокомъ. Съ тѣхъ поръ Лола по цѣлымъ днямъ возмущалась тѣмъ, что Эрнеста ему слишкомъ мало платитъ. Всѣ должны были бы побывать у него и дѣлать тотъ же упрекъ Эрнестѣ. Лола часто уединялась, выучивала наизусть урокъ исторіи и, когда разсказывала его Дитриху, ей казалось, что она говоритъ ему что-то ласковое и милое. Однажды въ ясный мартовскій день,—еще лежалъ снѣгъ,—Лола была одна въ саду, и вдругъ взволнованно побѣжала къ Эрнестѣ:

— Эрнеста, теперь я знаю, какой видъ имѣетъ весна!

— Какой же?

— Она похожа на Дитриха!

Лола сіяла. Открытіе, которое она только что сдѣлала, было просто и, какъ ей казалось, необычайно вѣрно.

Эрнеста подумала:—Въ двѣнадцать лѣтъ уже?.. Но сдержалась и сказала:

— Лола, для дѣвочки, которой скоро будетъ тринадцать, это ребячество. Дитрихъ такой же человѣкъ, какъ мы всѣ.

Лола была ошеломлена: неужели, какъ всѣ? Почему же она постоянно о немъ вспоминала? Все время ее преслѣдовалъ запахъ кислаго молока—такъ много она думала о Дитрихѣ.—Я должна хорошенько его разсмотрѣть,—рѣшила она. Какъ разъ въ этотъ день у Дитриха во время урока спустился желтый носокъ и выглядывалъ изъ-подъ сапога. Лола смотрѣла на него мрачно и задумчиво. Подобное случалось и съ другими учителями, но вѣдь, Дитрихъ былъ совсѣмъ другой, такой благородный! Потомъ она замѣтила, что онъ удѣлялъ слишкомъ много вниманія ея антипатіи—противной, толстой Женни.

Та нагло смотрѣла на него, положивъ подбородокъ на жеманно растопыренную руку. Лола замѣтила и то, что онъ покраснѣлъ, поправилъ очки и улыбнулся ей, наглой, толстой Женни. Лолу охватила дрожь и страшная злоба на него. Ей хотѣлось поскорѣе показать ему, что онъ далеко не ея идеалъ. Онъ стоялъ прямо противъ нея; его красная, костлявая рука лежала на ея партѣ и на его манжетахъ она видѣла волосы. Осторожно протянула она два пальца, схватила одинъ волосъ и ловко вырвала его. Дитрихъ вздрогнулъ. Красный, сконфуженный, онъ закричалъ:

— Такъ не поступаютъ!

Лола, немного испуганная своей смѣлостью, внимательно разсматривала волосъ.

— Дай сюда!—и Дитрихъ взялъ его у нея.

Digitized by Google

Когда же послѣ онъ ей задалъ какой-то вопросъ, она ничего не сказала, хотя могла отвѣтить. Она рѣшила письменно высказать ему свое презрѣніе. Весь вечеръ сочиняла она письмо.

— Когда мнѣ нравится человѣкъ, я требую отъ него больше, чѣмъ отъ другихъ. Вы меня разочаровали,—хотѣла она ему сказать,—я слишкомъ горда, чтобы увлекаться тѣмъ, кто любитъ другую.--Но затѣмъ она подумала, что Дитрихъ ничего не зналъ объ ея симпатіи къ нему, что ему нѣтъ никакого дѣла до ея разочарованія. Онъ могъ отдать ей письмо и со смущеннымъ видомъ крикнуть:

— Такъ не поступаютъ!

И она рѣшила, что больше никогда любить не будетъ. Тѣмъ не менѣе, въ ту же зиму влюбилась въ итальянскаго шарманщика. Она лежала на окнѣ и любовалась его глазами. Блѣдный и печальный смотрѣлъ онъ наверхъ. Лола сказала:

— Какъ онъ красивъ! Я никогда еще не видѣла красиваго мужчины!

Толстая Женни не мѣшала ей на этотъ разъ: наоборотъ, она предложила Лолѣ сопровождать ее, если та захочетъ познакомиться съ нимъ. Лола страшно испугалась, сама не зная почему. Но въ воскресенье ждала шарманщика со всѣми своими карманными деньгами за недѣлю. Итальянецъ пришелъ, но былъ пьянъ и грязенъ, затѣялъ ссору и былъ арестованъ. Лола бросила свои десять марокъ внизъ и убѣжала.

Разочарованіе въ этой любви было очень тяжело. Еще долго послѣ этого она вздрагивала, когда кто-нибудь насвистывалъ на улицѣ итальянскую арію, которую игралъ шарманщикъ. Узнавъ, изъ какой это оперы, Лола настойчиво потребовала, чтобы ее повели въ театръ. И согласилась даже отправиться въ сопровожденіи „крысы“. Сердце ея билось, но при попыткѣ вызвать въ своей памяти лицо шарманщика, она замѣтила, что его образъ исчезъ изъ ея души—волновало и умиляло только то, что происходило на сценѣ, волновала музыка и пѣніе. Какъ будто въ первый разъ въ жизни была она сегодня въ театрѣ и все, что она видѣла, казалось было свое, глубоко пережитое.

Когда Лола возвращалась домой, ей показалось, что она получила откровеніе свыше: стать актрисой.

Точно впервые поняла она себя и почувствовала облегченіе и радость.

— Какъ странно!—думала она, лежа въ кровати и уставившись въ темный потолокъ,—неужели это я!—Эрнеста зашевелилась, Лолѣ хотѣлось ее разбудить и сообщить о своемъ рѣшеніи.

Digitized by Google

Но она удержалась—ей самой надо было привыкнуть къ этой мысли. Проснувшись на слѣдующее утро она почувствовала большую радость, быстро одѣлась и побѣжала къ Эрнестѣ. Заговорила она откровенно и оживленно, совсѣмъ какъ тогда, когда сообщила, что весна напоминаетъ Дитриха.

— Эрнеста!—крикнула она,—знаешь, я буду актрисой!

— Вотъ какъ,—спокойно отозвалась Эрнеста, продолжая обвязывать банку съ вареньемъ.

Лола продолжала:

— Я это почувствовала вчера въ театрѣ и увѣрена, что мое призваніе—быть актрисой.

— Ты просто глупый ребенокъ; пей лучше какао.

— Почему глупый? Мнѣ кажется, что у меня есть талантъ.

— Мнѣ это тоже кажется: ты очень мило декламируешь. Но этого не достаточно, чтобы дѣвочкѣ пришла въ голову такая нелѣпая мысль. Не хочешь-ли ложку варенья?

Смущенно проглотила Лола варенье, которое дала ей Эрнеста.

— Теперь можешь идти,—сказала та, и Лола ушла съ опущенной головой. Передъ дверью столовой она выпрямилась и вдругъ повернула обратно къ кладовой.

— Эрнеста!

Лола была блѣдна, ея голосъ дрожалъ. Эрнеста молча взглянула на нее.

— Эрнеста, ты думаешь, что я пошутила. Увѣряю тебя, что я говорила очень серьезно.

— Тѣмъ хуже,—сказала Эрнеста и застучала банками отъ ужаса. Иди въ классную, я сейчасъ задамъ тебѣ штрафную работу.

— Хорошо, я исполню всѣ штрафныя работы, которыя ты мнѣ задашь, Эрнеста. Но останусь при своемъ—я буду актрисой.

Лола говорила эти слова, точно заучила ихъ. Какая-то внутренняя сила побуждала ее высказаться.

— Первый разъ я такъ говорю съ тобой, Эрнеста. Изъ этого ты можешь заключить, насколько серьезно мое рѣшеніе,—сказала она со слезами на глазахъ: ей было жаль Эрнесты. Та опустилась на табуретъ, черные отъ чистки ягодъ пальцы лежали на колѣняхъ, лицо вытянулось.

— Не понимаю, отчего ты противъ этого; увѣряю тебя, что это мое призваніе,—заявила Лола.

Эрнеста вдругъ пришла въ себя и быстро вскочила:

— Твое призваніе? Стать неприличной особой? Господи, неужели для этого я семь лѣтъ возилась и мучилась съ тобой? Ты

Digitized by Google

просто не сознаешь, что говоришь! Женни, дитя мое, она не знаетъ, что болтаетъ. Ради Бога не говори никому того, что здѣсь слышала!

Лола обернулась: въ дверяхъ стояла толстая Женни и смотрѣла на нее съ притворнымъ ужасомъ.

Она торжественно обѣщала Эрнестѣ никому не сказать ни слова и вскорѣ ушла, а за ней и Лола.

Но на первомъ же урокѣ Лола замѣтила, что дѣвочки бросаютъ на нее любопытные взгляды. Во время перемѣны тщательно избѣгаютъ. Лола удивленно обратилась къ Женни, чтобы узнать причину. Та смущенно прошептала, что Лола сама должна это лучше знать и поспѣшно вернулась къ другимъ.

Поведеніе Эрнесты было еще удивительнѣе. Она никогда не могла долго сердиться и первая искала примиренія. Когда Лола шалила, то выходило, что Эрнеста жаждетъ и ждетъ добраго слова отъ дѣвочки. Лола рѣдко просила извиненія. И она дѣлала это только изъ жалости къ Эрнестѣ. Въ такихъ случаяхъ Лола вспомнила свою первую встрѣчу съ Эрнестой, вспоминала, какъ строга была та въ первую минуту и какъ внезапно растрогалась, увидя ея слезы. Такъ бывало всегда: Эрнеста добивалась расположенія со стороны дѣвочки и получала нѣсколько пренебрежительную привѣтливость.

Теперь же было совсѣмъ иначе — Эрнеста отстранялась отъ Лолы, печально и осторожно, точно Лола была тяжело больна и съ ней можно было разговаривать только мало и тихо. Если бы Эрнеста дѣлала ей сцены, Лола бы еще больше настаивала на своемъ. А такъ—ей самой рѣшеніе стать актрисой начинало казаться дикимъ и нелѣпымъ. Никакая другая дѣвочка не была способна на это! — Неужели же я не такая, какъ всѣ? — думала она и чувствовала себя отчужденной отъ остальныхъ.

Она вспоминала свои фантастическія мечты, свои необычайныя впечатлѣнія, которыхъ никто изъ окружающихъ не понималъ. Лучшіе изъ нихъ добродушно насмѣхались надъ ней. Вспомнилось Лолѣ и сравненіе Дитриха съ весной и она, краснѣя, закрыла лицо руками, хотя эти слова были сказаны много лѣтъ тому назадъ.

— И все-таки я не могу поступить иначе!—громко про себя сказала она.—Неужели все это только потому, что я здѣсь чужая. Нѣтъ, нѣтъ, я не такая, какъ всѣ—когда всѣ стонутъ отъ жары—я оживаю. Конечно, мнѣ мѣсто не здѣсь. Ахъ, если бы домой, тамъ было лучше, гораздо лучше!

Передъ ней вдругъ промелькнулъ образъ изъ ея дѣтства; она

Digitized by Google

такъ и затаила дыханіе, но уже онъ исчезъ. Хотѣлось вспомнить подробнѣе, яснѣе, но не удавалось. Казалось, вотъ, вотъ она удержитъ его, но нѣтъ, все не то,—это только картинка тропической флоры, видѣнная ею на-дняхъ въ журналѣ. Лола со вздохомъ подошла къ окну; она вздрагивала, точно ее обдавалъ холодный дождь, который барабанилъ въ стекла.

— Здѣсь я—чужая, а свою родину забыла. Гдѣ же мнѣ жить? Тамъ у меня была семья, друзья. Тамъ меня всѣ понимали. Тамъ я была счастлива.

Она мысленно горько упрекала отца, покинувшаго ее въ чужой странѣ, среди чужихъ людей.

— Почему онъ привезъ именно меня? Почему Нэнэ могъ тамъ оставаться. Вѣрно, па меня никогда не любилъ!

Лола стала вспоминать его письма и рѣшила, что они были написаны холодно и равнодушно. А, между тѣмъ, отецъ писалъ ей каждый мѣсяцъ, и только его корректный стиль дѣлового человѣка былъ виной тому, что письма казались безучастными. Лолѣ трудно было понять, какая нѣжная любовь скрывалась за этими холодными фразами.

— Ни разу не пріѣхалъ онъ повидаться со мной за всѣ эти долгіе годы.

— А какъ онъ былъ суровъ съ ма, бѣдной ма, которая такъ плакала, когда Лолу отнесъ на пароходъ высокій негръ!

Лола ясно вспомнила ту дурную, страшную ночь, и ей хотѣлось крикнуть съ дѣтской тоской:

— Ма!

Протянувъ руки впередъ:

— Ма! Ма!

Лола хотѣла воскресить въ своей памяти ея лицо, но напрасно. Она шептала нѣжныя, ласкательныя слова, въ страшномъ возбужденіи подставляла губы образу матери— напрасно. Желаемый образъ исчезалъ.

Но она не сдавалась, съ тоской искала вокругъ себя помощи, поддержки—ахъ, да—письмо ма!—Она вынимала его изъ папки, и, тяжело всхлипывая, прикладывала старую бумагу къ своей щекѣ.

— Это, вѣдь, отъ ма, отъ дорогой ма! — Каждая маленькая, неровная буква была подаркомъ отъ ма. Она перечитывала это старое письмо, опять и опять. Снова пыталась разгадать нѣкоторыя непонятыя ею слова. Затѣмъ громко произносила ихъ, прислушиваясь къ нимъ съ открытымъ ртомъ и удивленными глазами. Иногда взволнованно смѣялась: да, да, вотъ именно такъ

Digitized by Google

они звучали. А затѣмъ ликуя:—Вотъ голосъ ма! А такъ говорила черная Анна, а такъ—Лола начинала вспоминать имена прежнихъ подругъ; какой-нибудь слогъ вызывалъ въ памяти давно забытое лицо, происшествіе. Лола ужъ не знала, на чемъ раньше остановиться. Ея мысли бросались по разнымъ направленіямъ. Минутами она была вполнѣ счастлива. Затѣмъ все исчезало и Лола рѣшала:—Я должна поѣхать туда! Сейчасъ, сейчасъ напишу объ этомъ па!—Она садилась за письмо, хотѣла быть ласковой, угодить па и не находила словъ.

— Нельзя-ли телеграфировать? Нельзя-ли убѣжать отсюда? Сію минуту, сію минуту!—Она начинала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ и, наконецъ, съ трудомъ собравшись съ мыслями, писала:

— Милый па, не позволишь-ли ты мнѣ поскорѣе пріѣхать къ вамъ? Ты хотѣлъ, чтобы я здѣсь училась. Увѣряю тебя, что я уже многому научилась.

Она взглянула въ зеркало, въ которомъ отражалась чуждая ей комната, чуждая, несмотря на то, что она прожила здѣсь семь лѣтъ. Она вспоминала свое лицо рядомъ съ тѣми чуждыми лицами. Вспоминала голоса, которые раздавались вокругъ нея, которые произносили чуждыя слова, выражали другія, чуждыя ей привычки.

„Я бы тебѣ еще многое сказала, но не умѣю выразиться, такъ какъ, собственно, не владѣю хорошо ни однимъ языкомъ. Пожалуйста, позволь мнѣ пріѣхать. Поклонъ Нэнэ и ма. Нельзя-ли получить карточку ма?“

Лола чувствовала, что отомстила за себя и спокойно пошла къ остальнымъ. Въ этотъ день она была особенно смѣла и рѣшительна, вечеромъ затѣяла споръ и, противъ своего обыкновенія, не сожалѣла о томъ, что наговорила въ пылу раздраженія.

Она была твердо увѣрена — па не откажетъ въ ея просьбѣ, а пока собирала поклонницъ, которымъ во всемъ задавала тонъ, помогала одерживать верхъ надъ другими въ живыхъ картинахъ. Пансіонерки раскололись на двѣ партіи — одна сгруппировалась вокругъ Женни, другая вокругъ Лолы, и обѣ съ одинаковымъ жаромъ боролись за привлеченіе въ свою партію приходящихъ ученицъ. Борьба была упорная и безмолвная. Однажды соревнованіе происходило изъ-за того, кто окажется раньше за завтракомъ. Напрасно встали съ разсвѣтомъ сторонницы Женни—Лола со своими уже сидѣла за столомъ. Дѣло въ томъ, что она связала себя съ другими длинными нитками, которыя протянула подъ дверьми. Каждая дѣвочка была связана съ другой и стоило повернуться одной, какъ просыпались всѣ. Въ эту ночь никто

Digitized by Google

не спалъ, но за то какое радостное чувство побѣды наполняло ихъ.

У Лолы къ чувству превосходства надъ остальными примѣшивалось и презрѣніе къ нимъ. Ей пріятно было чувствовать свою власть, но при этомъ она думала:—Какое мнѣ до васъ дѣло! Сколько это вообще еще продлится! Недѣли черезъ двѣ получится письмо отъ па!—Иногда она поглядывала на Эрнесту, которая ничего не подозрѣвала и съ трудомъ скрывала свое ликованіе. Какъ-то разъ она даже выдала себя. Въ воскресенье послѣ обѣда Женни пѣла что-то приторно-сентиментальное, прижимая руки къ груди. Лола закричала:

— Какая безвкусица!

Сторонницы Женни запротестовали, и даже въ ея партіи не всѣ были согласны съ Лолой. Одна изъ нихъ, дочь депутата, заявила:

— Женни пѣла очень хорошо, въ чисто нѣмецкомъ вкусѣ.

— Въ такомъ случаѣ это была нѣмецкая безвкусица,—повторила Лола.

Всѣ молчали. А когда Лола стала искать поддержки у своихъ сторонницъ, она замѣтила, что онѣ избѣгали ея взгляда и поспѣшили ускользнуть изъ комнаты. Одна изъ нихъ ѣдко проговорила:

— Тебѣ этого, конечно, не понять, ты, вѣдь, бразиліанка.

— Если бы она была хоть этимъ,—возразила дочь депутата.

— Но она ничего, она просто...

И съ пренебрежительно вздернутыми губами докончила:

— Интернаціональная!

Отвращеніе, написанное на лицѣ говорившей, заразило остальныхъ; онѣ перемѣнили тему разговора, точно говорили о чемъ-то позорномъ. Въ это время вошла горничная и передала Лолѣ письмо.

— Отъ па!—Лола выскочила изъ комнаты и заперлась у себя. Она вся дрожала, чувствуя, что рѣшается ея судьба и прошептала:—Боже мой, Боже!

Затѣмъ прочла письмо.

„Милая моя дочь! Твои строки получилъ и съ крайнимъ сожалѣніемъ узналъ, что окружающая тебя обстановка не удовлетворяетъ тебя настолько, насколько я желалъ и ждалъ. А между тѣмъ, весьма полезно удовлетворяться окружающимъ; особенно если эта обстановка временная. Впрочемъ, обѣщаю тебѣ исполнить отчасти твою просьбу и повидаться съ тобой, причемъ увѣряю тебя, что свиданіе это откладывалось не по моей винѣ. Считаю твой пріѣздъ сюда преждевременнымъ. Будь увѣрена, что мы не долго будемъ въ разлукѣ и что, когда будемъ имѣть возмож-

Digitized by Google

ность перемѣнить мѣсто жительства, то сюда, конечно, переѣдетъ и твоя мать. Она тебѣ кланяется, но своей карточки не можетъ прислать, такъ какъ ни одну не находитъ вѣрной.

Жизнь каждаго изъ насъ, милое дитя, находится въ зависимости отъ того, какая кровь течетъ въ нашихъ жилахъ. Среди чуждаго намъ народа мы никогда не можемъ себя чувствовать вполнѣ хорошо. Въ тебѣ, моя дочь, имѣетъ перевѣсъ, какъ я надѣюсь и вѣрю, нѣмецкая кровь, и я мечтаю увидѣть тебя нѣмецкой дѣвушкой. Твоя задача заключается въ томъ, чтобы чувствовать себя въ Германіи совсѣмъ на родинѣ.

Съ любовью прими эти слова твоего отца. Повѣрь, что мое единственное желаніе видѣть тебя довольной и счастливой".

Лола кончила, но не отрывала глазъ отъ письма. Ни карточки, ни согласія на пріѣздъ домой, ничего, ни одного добраго слова! Все здѣсь написанное звучало жестко и безучастно. Чувствовать себя здѣсь, какъ на родинѣ, здѣсь, гдѣ ее только что унизили и оскорбили! Па не зналъ ничего; никто не интересовался Лолой, никто, никто. Все было кончено.

— Что съ тобой? — участливо спросила ее Эрнеста, когда позвонили къ завтраку,—ужъ не дурныя ли вѣсти изъ дому?

— О, нѣтъ, они всѣ здоровы, мнѣ просто какъ-то не по себѣ.

Эрнеста позволила ей лечь, и она была очень рада, когда докторъ заявилъ, что у нея лихорадка. Лежать въ кровати, никого не видѣть, это было хорошо! — А когда она встала, то на правахъ больной могла молчать и быть не въ духѣ. Она сидѣла блѣдная, слабая и, вмѣсто того, чтобы отвѣчать учительницѣ, смотрѣла на нее такъ, будто видѣла въ первый разъ. Какое странное, некрасивое лицо: сердитые глаза, желтые виски, мелкія морщины вокругъ рта! И Лолѣ казалось, что оно становится все старше и старше и превращается, наконецъ, въ мумію. Она съ испугомъ опомнилась, но нѣсколько минутъ спустя уставилась въ лицо отвѣчавшей урокъ ученицы.

Всѣ лица казались ей отталкивающими;—глупость и простота нѣкоторыхъ изъ нихъ раздражали ее. Лола злилась, и ей казалось, что она совершенно отупѣла.

Каждый грубый поступокъ причинялъ ей глубокое страданіе; она запоминала все мелкое, дурное, что видѣла вокругъ себя и испытывала отъ этого какое-то странное чувство мести. Вотъ наковы были ея враги!

Лола была увѣрена, что ее всѣ ненавидятъ и отвѣчала имъ тѣмъ же. Когда собиралось нѣсколько дѣвочекъ и начинали ожи-

Digitized by Google

вленную болтовню, ей казалось, что произносятъ ея имя. Она подходила и просила — „продолжайте, продолжайте, пожалуйста“, — ея голосъ долженъ былъ звучать насмѣшливо, а выходилъ сдавленнымъ и неувѣреннымъ.

Однажды вечеромъ, когда заваривали чай, вспыхнула спиртовая машинка и обдала Лолу синими язычками пламени. Лола салфеткой быстро ихъ потушила и закричала:

— Это ты виновата, Берта! Ты знала, что сегодня мой чередъ варить чай и потому нарочно налила слишкомъ полно машинку.

— Богъ съ тобой, Лола я, вѣдь, не хотѣла чтобы ты сгорѣла.

— А кто мнѣ далъ на-дняхъ страшно горячую чашку въ руки?

— Я этого не знала. Съ другой стороны она была совершенно холодная.

Добродушная дѣвочка чуть не плакала. Эрнеста съ огорченіемъ замѣтила:

— Ты подозрительна, Лола: это очень нехорошая черта.

Лола была подозрительна,. чувствительна, потому что была одинока, всегда на-сторожѣ. Другія имѣли какую-нибудь опору, защиту: положеніе отца, имена тѣхъ, кто ихъ посѣщалъ. Одна маленькая, неуклюжая дѣвочка съ глазами совы вѣчно повторяла, когда чувствовала себя чѣмъ-нибудь обиженной — Я — дворянка, мы называемся „фонъ“, а ты нѣтъ. — Лола тщетно пыталась отомстить. Какъ-то разъ она прочла въ газетѣ, что депутатъ, отецъ ея антипатіи, обанкротился. У нея сердце застучало отъ радости. Если быть „интернаціональной“ — позоръ, то банкротомъ быть—и подавно. Съ газетой въ рукахъ бѣгала Лола отъ одной дѣвочки къ другой; дочь депутата слѣдовала за ней и жалобно говорила:—Это неправда! — Потомъ отправилась къ Эрнестѣ, прося угомонить Лолу.

А когда однажды за столомъ сидѣла рыжая костлявая мать Женни и вела разговоръ, Лола отъ огорченья и досады не могла досидѣть до конца обѣда, убѣжала въ свою комнату и глухо тамъ зарыдала. Никогда, никогда не пріѣдетъ она!

Некрасивые, простые люди любятъ, по крайней мѣрѣ, своихъ дѣтей!

Эрнеста съ недоумѣніемъ слѣдила за вспышками Лолы. Она, которая такъ любила дѣвочку, сильно огорчалась, тѣмъ, что не можетъ ее понять. Иногда она теряла терпѣніе и пыталась дѣйствовать строгостью. Но щепетильное отношеніе къ тайнамъ

Digitized by Google

чужого сердца удерживало ее.—Тутъ что-то есть,—думала она,—пусть дѣвочка сама справится съ этимъ. — Существовало одно предположеніе, но Эрнеста боялась его высказать.

— Скажи, ты все еще хочешь быть актрисой?—спросила она какъ-то Лолу, собравшись съ духомъ.

— Актрисой? — повторила Лола, съ удивленіемъ поднявъ брови.

— Объ этомъ я никогда не думаю теперь.

Лола думала, что и тамъ люди не лучше и рѣшила отказаться отъ сцены. Эрнеста вздохнула съ облегченіемъ: — Слава Богу, слава Богу!

Она подошла къ Лолѣ и поцѣловала ее въ губы. Слезы блестѣли у нея на глазахъ.

— Все остальное будетъ хорошо, — убѣжденно проговорила она. Лолу злило, что Эрнеста такъ легко плакала, и она жалобно взглянула на нее. Та быстро отошла.

— Ты будешь за это вознаграждена,—весело сказала Эрнеста. Скажи-ка, гдѣ бы ты предпочла провести лѣто—въ горахъ или на озерѣ?

— Мнѣ все равно.

— А вотъ подумай.

Но Лола заупрямилась и рѣшила не отвѣчать. Эрнестѣ пришлось самой выбирать; къ началу каникулъ она и Лола отправились въ горы.

— Мы должны много гулять вмѣстѣ, — сказала Эрнеста, но это оказалось невозможнымъ, потому что при подъемахъ у нея начинались приступы сердцебіенія. Лола оставляла ее на скамейкѣ, а сама уходила далеко, далеко въ лѣсъ, гдѣ было дико и безлюдно, гдѣ едва виднѣлась тропинка и было мучительно тихо. Лола была такъ несчастна, что страдала отъ присутствія людей.

Она чувствовала себя некрасивой: постоянно мучило сознаніе, что у нея слишкомъ высокій лобъ, блѣдныя губы, длинныя, угловатыя руки и ноги. Лола отлично понимала, что присутствіе Эрнесты въ старомодной шляпѣ, шерстяныхъ перчаткахъ, старомъ пальто еще больше подчеркиваетъ ея некрасивость. Онѣ были такой странной, комичной парой! Лола съ отчаяніемъ думала, что окружающіе считаютъ ихъ принадлежащими къ одному разряду людей, ее, Лолу, которая была такъ безконечно далека не только отъ Эрнесты, но вообще отъ всѣхъ. Теперь при встрѣчахъ съ людьми она или робко отворачивалась или дерзко смотрѣла имъ въ лицо, точно желая сказать, что ей стыдиться не-

Digitized by Google

чего. Однако, не смотря на это, почти влюбилась въ перваго же молодого человѣка, сосѣда по табльдоту. Не влюбилась только потому, что была слишкомъ горда и знала, что некрасива. Она вообще рѣшила, что ни одинъ человѣкъ не достоинъ любви, что общеніе съ людьми можетъ лишь послужить поводомъ къ новымъ огорченіямъ. Въ одиночествѣ она чувствовала себя лучше—могла углубиться въ книгу, забыть свое мучительное „я“. Тѣмъ ужаснѣе было то, что враги ее и здѣсь настигли. Однажды, когда она сидѣла въ лѣсу, куда по ея мнѣнію не проникалъ еще ни одинъ человѣкъ, вдругъ послышался шумъ многихъ голосовъ. Общество шло, раздѣлившись на двѣ партіи, разными дорогами, но черезъ нѣсколько минутъ снова встрѣтилось — при этой неожиданной встрѣчѣ раздались веселые, радостные крики, смѣхъ. А Лолѣ все это казалось отвратительной комедіей и она ломала руки отъ раздраженія. Наступила тишина. На ближайшемъ деревѣ послышался птичій крикъ. Лола съ ожесточеніемъ швырнула туда камень. Нѣсколько минутъ спустя она лежала въ травѣ и горячо, безутѣшно рыдала.

Когда становилось слишкомъ жарко или приближалась гроза, Лола отправлялась въ лѣсъ и брала съ собой любимую книгу—Ламартина. Съ горы, на которую она поднималась видна была безгранично далекая страна съ черными лѣсами, лугами, красными маковыми полями.

Во время дождя Лола укрывалась въ хижинѣ дровосѣка—дождь шумѣлъ, а мысли уносили ее далеко, далеко. Она слышала какіе-то необычайно нѣжные, сладкіе звуки, казалось, что она садится въ лодку, а съ ней еще кто-то—онъ говоритъ:

— Взгляни снисходительно на юность, которая блистаетъ красотой: уйдетъ молодость, что отъ нихъ останется? Могила поглотитъ ихъ и наступитъ для нихъ вѣчное молчаніе; но тебя, Лола, не забудутъ, хотя смѣнятся столѣтія столѣтіями.

Поэтъ говорилъ это, Ламартинъ. Лола проснулась. Она прижимала ладони къ раскраснѣвшимся отъ стыда и счастья щекамъ и вздрагивала отъ предчувствія того вѣчнаго блаженства, которое ее ждало. Любить и быть любимой безсмертно! Какъ это необъятно, велико! И все же она чувствовала, что ей предначертана такая судьба. Бодрая и радостная замѣтила она, что въ сердцѣ уже нѣтъ той страшной ненависти къ людямъ. Ей предстоялъ не тотъ жизненный путь, по которому шли обыкновенные люди. Люди опредѣленной національности, говорящіе на опредѣленномъ языкѣ, люди съ предразсудками, привязанные къ деньгамъ и землѣ. Эти люди не могли такъ чувствовать, какъ она.

Digitized by Google

Гдѣ-то должны были существовать другіе, болѣе чистые, болѣе добрые, которыхъ стоило любить. Они жили, вѣроятно, на другой планетѣ.

Такъ фантазировала Лола, и теперь возвращалась послѣ грозы, совсѣмъ опьянѣвшая отъ ясной, синѣющей дали, отъ красоты освѣженной природы, отъ всеобъемлющей любви къ людямъ.

Эрнеста съ ужасомъ сказала:

— Лола, ты вся промокла! Да, вѣдь, такъ ты всѣ свои платья испортишь!

И Лола должна забыть о поэзіи и вернуться къ скучной, безцвѣтной дѣйствительности.

Во время грозы Эрнеста ушла къ себѣ въ комнату, но читать не могла: она все думала о томъ, какъ мало радостей доставляетъ ей ея любимица, та Лола, которую она въ душѣ называла своимъ ребенкомъ. Отель былъ изъ очень дорогихъ, Лолѣ не тяжело было платить за себя, но скудныхъ средствъ Эрнесты едва хватало. Обыкновенно она проводила лѣто гдѣ-нибудь въ маленькой деревушкѣ съ другими учительницами и Лолой. Путешествіе въ горы она предприняла исключительно изъ-за Лолы. Дѣвочка росла, и Эрнеста чувствовала, что лишится ея. И ей хотѣлось еще хоть на короткое время имѣть ее для себя, какъ тогда, когда она была еще совсѣмъ маленькой. И что же? Эрнеста постоянно была одна, въ своей комнатѣ: безпрерывно лили дожди, а Лолѣ и въ голову не приходило посидѣть съ ней.

— Она еще молода, занята исключительно собой и не понимаетъ, что дѣлается въ чужой душѣ. Ея поведеніе объясняется, не отсутствіемъ деликатности. Просто я должна высказать, какъ мнѣ хочется побольше быть съ ней. Это моя вина—надо ей сказать.—И Эрнеста краснѣла, хотя была совершенно одна въ комнатѣ.

Сколько молчаливыхъ страданій доставила ей любовь къ этому ребенку! Она до сихъ поръ помнила всѣ наказанія, которымъ подвергла Лолу въ первый годъ ея появленія въ пансіонѣ: такъ тяжело ей было наказывать дѣвочку. Помнила всѣ болѣзненно-нервныя восклицанія маленькой Лолы, которыя та давно забыла. Эрнеста помнила ихъ и со страхомъ спрашивала себя, была ли она достаточна нѣжна съ одинокимъ ребенкомъ. Она вѣдь всегда старалась доставить ей пріятное; приготовляла ея любимыя кушанья, заставляла ворчливаго шпица Ами служить на заднихъ лапкахъ. Ами уже не было. Все измѣнилось. Никогда уже не сидѣла Лола у ногъ Эрнесты, какъ тогда, когда она не умѣла по нѣмецки и тѣ немногія слова, что знала—произносила, какъ ла-

Digitized by Google

скательныя. Никогда больше не прыгала она къ ней въ постель по утрамъ, не будила поцѣлуями.

— Мы нужны дѣтямъ только пока они малы и безпомощны.— Но неужели такова была любовь дѣтей? Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! И все же Эрнеста чувствовала, что Лола скоро уйдетъ отъ нея.

Легко и незамѣтно уходила подрастающая дѣвочка изъ-подъ ея вліянія: такъ легко, точно никогда глубоко не любила Эрнесты. Но, нѣтъ, это было несправедливо по отношенію къ Лолѣ—передъ ней открывалась жизнь, она шла ей навстрѣчу. Правда, въ дѣвочкѣ всегда было что-то странное, чужое, что часто безпокоило Эрнесту. Она не имѣла подругъ, рано стала влюбляться; впрочемъ, это были такія дѣтскія выходки! Наконецъ, влеченіе къ театру—вотъ что не мало волновало Эрнесту! А теперь—замѣтное отчужденіе между ней и дѣвочкой, предчувствіе, неминуемой и близкой разлуки!

— Почему она такая? Въ чемъ она можетъ меня упрекнуть? Неужели все еще думаетъ о театрѣ?

Эрнеста знала, что и другія дѣвочки въ возрастѣ Лолы бываютъ раздражительны, нервны, легко возбуждаются. Но Лола была совершенно не понятна, въ ея замкнутости чувствовалось что-то озлобленное, враждебное. Если она страдала, то почему не открыться своей старой подругѣ?—Она, вѣдь, для меня все, но молодежь надѣется на свою самостоятельность. Когда-нибудь она вспомнитъ меня!

Раздраженная своимъ одиночествомъ, Эрнеста готова была чуть ли не пожелать дѣвочкѣ дурное будущее, чтобы она вспомнила о ней.

Но послышались шаги Лолы и, прежде чѣмъ она открыла дверь, Эрнеста простила ей все.

— Довольно набѣгалась?—весело спросила она ее.

— Сядь-ка поближе къ старой Эрнестѣ!

Она сдѣлала видъ, что очень занята своимъ вязаніемъ и заговорила:

— Знаешь, о чемъ я вспомнила? О томъ платьицѣ, которое ты носила, когда пріѣхала изъ Америки. Оно было такого же цвѣта, какъ то, которое теперь на тебѣ, да и рукава такіе же. Сколько воды утекло за это время!

Лола подняла голову отъ книги, которую держала, подождала немного и продолжала читать.

— Ты пріѣхала какъ разъ, когда я была очень грустна и одинока, продолжала Эрнеста.

Digitized by Google

— Что?—переспросила Лола, и Эрнеста робко повторила сказанную ею фразу.

— Да,—нетерпѣливо проговорила Лола; ей было досадно что Эрнеста отвлекла ее отъ ея мыслей.

— Знаешь, первый годъ ты была ужасно печальна.

Лола опять подняла голову. Задавать вопросы? Къ чему? Ей вовсе не захотѣлось, и она снова углубилась въ книгу.

— Когда человѣкъ такъ одинокъ, какъ я была тогда, онъ быстро привязывается. И я горячо полюбила тебя, одинокаго ребенка—просто сказала Эрнеста. И послѣ небольшой паузы—Лола молчала и не двигалась.

— Ты, вѣдь, никогда не забудешь старую Эрнесту, правда?

Молчаніе.

— Если тебѣ прійдется воспитывать ребенка, ты, навѣрное, вспомнишь обо мнѣ... Ты непремѣнно должна сама его воспитывать... Вотъ, что сказано въ „Эмилѣ“ Руссо:

— „Когда отецъ производитъ на свѣтъ и кормитъ дѣтей, онъ исполняетъ только треть своей задачи... Кто не можетъ исполнить всѣхъ отцовскихъ обязанностей, не имѣетъ права стать отцомъ. Ни бѣдность, ни работа не могутъ освободить его отъ обязанности кормить и воспитывать своихъ дѣтей. Читатели, повѣрьте мнѣ, тотъ, у кого есть сердце и кто не исполнитъ этого святого долга, будетъ долгое время проливать горькія слезы и никогда не забудетъ о своей ошибкѣ“...

Эрнеста подняла глаза. Лола сидѣла блѣдная и пристально смотрѣла на нее.

— Ты говоришь о моемъ отцѣ?

Эрнеста испуганно раскрыла ротъ и не могла выговорить ни слова.

— Ты говоришь о моемъ отцѣ?—повторила Лола.

Красная отъ смущенія Эрнеста проговорила:

— Что ты, дитя мое, Господь съ тобой! Я говорила о насъ, о тебѣ и обо мнѣ. Я вѣдь мысленно всегда называю тебя своей.

Лола все еще недовѣрчиво смотрѣла на нее—нѣтъ, она не говорила о па! Какимъ страннымъ тономъ она сказала: я считаю тебя своимъ ребенкомъ. Лола невольно стала сравнивать старое, плохо сшитое платье Эрнесты со своимъ, которое ей тоже вѣчно приходилось обдергивать. И быстро отвернулась.

Эрнеста склонилась надъ своимъ вязаніемъ и печально подумала:—Бѣдное дитя, ей показалось, что я хочу ее уязвить. Бѣдное, бѣдное дитя!

Когда же нѣсколько минутъ спустя она обратилась къ Лолѣ

Digitized by Google

къ какимъ-то вопросомъ и та ей не отвѣтила, Эрнеста постучала пальцемъ объ столъ и строго замѣтила:

— Если ты будешь затыкать уши, то, конечно, не поймешь меня. Говори, пожалуйста по французски!

И онѣ завели для практики длинный, скучный разговоръ.

Да, положительно, хорошіе люди живутъ на другой планетѣ; вблизи Лола ихъ не видѣла.

Однажды она нашла въ травѣ маленькую птичку, выпавшую изъ гнѣзда и отнесла ее домой.

— Что это собственно за птица?,—спросила Эрнеста.

— Все равно, я ее люблю,—отвѣтила Лола.

— Когда пріѣдемъ въ городъ, надо будетъ освѣдомиться въ учебникѣ зоологіи.

— Нѣтъ, пожалуйста, не дѣлай этого. Мнѣ безразлично къ какому разряду она принадлежитъ. Можетъ быть, она—чужая: я ее уже люблю!

— Какая ты странная! Впрочемъ, какъ хочешь.

Съ нѣкотораго времени въ пансіонѣ не рѣшались ее критиковать—всѣ восхищались ею. Въ эту зиму она совершенно преобразилась и похорошѣла до неузнаваемости. Она сама замѣчала, что ея плечи округлялись, руки и ноги не казались длинными, неуклюжими. И ее охватила страшная радость.

— Неужели это я?—Она уходила, когда только могла въ свою комнату „поиграть съ птичкой", какъ она говорила, но на птичку перестала обращать вниманіе, а любовалась собой.

Вечеромъ она раньше другихъ уходила спать, чтобы подольше оставаться наединѣ со своимъ зеркаломъ. Она видѣла въ немъ огромную волну мягкихъ, золотистыхъ волосъ, нѣжно очерченныя брови надъ чудными, блестящими глазами, тонкія, ярко-красныя губы. Щеки были идеальной формы, заливались нѣжнымъ румянцемъ и неужели этотъ носъ съ тонкой горбинкой былъ еще такъ недавно некрасивымъ и большимъ. Когда она разстегивала платье, то восхищалась своей красивой шеей, изящной грудью. Ей хотѣлось всю себя оглядѣть, но Эрнеста могла войти; все-таки она это сдѣлала, поставила зеркало на полъ, но сейчасъ же быстро потушила лампу и съ бьющимся сердцемъ бросилась на кровать.

Какъ она была хороша! Всѣ пансіонерки мечтали подружиться съ ней. Лола испытывала ихъ, требовала, чтобы ей подарили такой предметъ, который былъ имъ особенно дорогъ, только для того, чтобы почувствовать свою власть. Затѣмъ отдавала подарокъ обратно, заявляя, что не можетъ быть ничьей подругой.

Дружба!—она слишкомъ серьезно понимала это слово. Послѣ

Digitized by Google

того, какъ ее покинули родные, ея другомъ могъ быть только человѣкъ съ другой планеты. А для того, чтобы они встрѣтились, надо было пройти жизнь полную страданій. Чувства этихъ земныхъ людей были слишкомъ низки и ничтожны. Лола больше не прислушивалась къ тому, что говорили о ней. Люди ей казались чуждыми и уродливыми она ихъ ненавидѣла. Онѣ хотѣли быть ея подругами? Эти Берты, Греты, которыя вчера до слезъ ссорились изъ-за какого-то жалкаго пирожнаго.

Теперь, когда Лолѣ надо было написать сочиненіе, она находила его уже готовымъ въ своей тетради. Она получала письма, написанныя той же рукой, въ которыхъ ее молили о дружбѣ. Сначала она ихъ просто выбрасывала, но потомъ заинтересовалась, отъ кого они были. Однажды во время перемѣны она заявила, что хочетъ сообщить что-то необычайно интересное и собрала вокругъ себя всѣхъ пансіонерокъ. Вынувъ изъ кармана письмо, она громко закричала:—Кто написалъ это?—и пристально стала вглядываться въ окружающія лица. Всѣ разглядывали письмо съ любопытствомъ, только длинная Аста стояла въ сторонѣ и смущенно поглядывала на Лолу. Та спрятала письмо и съ короткимъ „спасибо“—повернулась и ушла.

Послѣ обѣда въ одномъ изъ ея учебниковъ очутилось новое письмо. Лола сейчасъ же узнала почеркъ Асты. Послѣдняя просила ее непремѣнно прійти въ шесть часовъ въ бесѣдку—она должна ей что-то сообщить.

Лола рѣшила не идти. Когда стемнѣло, она сѣла у окна своей комнаты. По саду прошла въ калошахъ длинная Аста. Лола задумчиво смотрѣла ей вслѣдъ. И вдругъ накинула пальто и сошла внизъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросила она, неожиданно появляясь изъ-за деревьевъ. Аста испуганно вскочила со скамейки.

— Прости,—застонала она,—прости! Я не хотѣла тебѣ лгать, но въ присутствіи другихъ не въ силахъ была этого сказать.

— Ничего,—успокоительно сказала Лола. Ей стало жаль этой маленькой, худой головы съ жидкими волосами и длиннымъ носомъ. Она подумала о томъ, какъ противно было бы ее поцѣловать, и даже вздрогнула.

Но еще больше боялась она причинить страданіе этому жалкому существу.

— Кто же писалъ за тебя?—мягко спросила она.

Аста опустила глаза.

— Горничная относила въ городъ мои письма, тамъ ихъ переписывали.

Digitized by Google

Она съ трудомъ переводила дыханье.

— Какъ ты добра, что пришла, Лола. Я этого не заслужила.

— Почему?—спросила Лола и сейчасъ же почувствовала, что этотъ вопросъ былъ лишній.

— Ты такъ красива, такъ обаятельна. Всѣ мечтаютъ имѣть тебя своей подругой, и вдругъ я тоже этого добиваюсь. Но, пойми, иначе я не могу. Я знаю, никто не будетъ мнѣ ближе и милѣе тебя. Когда я думаю о тебѣ, мнѣ кажется, что я уже не люблю ни маму, ни брата. Понимаешь ли, не люблю!

И Лола почувствовала, что Аста нѣжно обняла ее. Лола откинула голову назадъ, чтобы не чувствовать дыханья Асты. Нервныя руки лихорадочно скользили по ея тѣлу, по груди. Ей стало страшно. Она пыталась вырваться и услышала за собой смѣхъ. Мысль о томъ, что у нея есть свидѣтели, возмутила ее.—У меня нѣтъ ничего общаго съ длинной Астой, но обижать ее тоже не хочу.—И она быстро нагнулась и поцѣловала Асту въ щеку. Когда она вышла, за ея спиной послышалось глухое рыданіе. Часто, оставаясь одна въ комнатѣ, она удивленно вспомнила объ этомъ.

Женни ей все объяснила. Пасха приближалась, Женни должна была конфирмироваться и имѣла торжественный видъ. Увидѣвъ какъ-то Лолу въ саду, она подошла къ ней и сказала:

— Лола, ты бываешь иногда очень неосторожна: я, какъ старшая, хочу тебя предостеречь. Ты можешь поблагодарить Бога, что я была за деревьями, когда у васъ былъ разговоръ съ Астой, иначе...

— Ахъ, ты не знаешь, какъ дурны нѣкоторыя дѣвушки, а мужчины...

Чутье подсказывало Лолѣ, что она услышитъ нѣчто непріятное, и она захотѣла прервать этотъ разговоръ. Но Женни уже нельзя было удержать. Она не могла терять времени — такъ какъ скоро покидала пансіонъ. Она больше не предлагала Лолѣ познакомить ее съ шарманщикомъ, такія глупости были давно забыты Но наивность Лолы невозможно было оставить безъ вниманія.

— Мнѣ кажется, что я оказала тебѣ истинную услугу,—сказала она, закончивъ свои объясненія и разоблаченія.

— Да, конечно,—проговорила Лола, пожимая плечами. Ей было не по себѣ. Она думала:

— Я отлично поняла, каковы люди. Все, что я сейчасъ узнала. только подтверждаетъ мой взглядъ на нихъ.

— Извини, пожалуйста, я должна покормить свою птичку,— обратилась она къ Женни.

Digitized by Google

Но птичка ей давно надоѣла, она забыла о ней и нѣсколько дней думала только о разоблаченіяхъ Женни. Постепенно она стала о нихъ забывать и только меланхолично размышляла:— Ахъ, почему не существуетъ чистой любви!

Письмо отъ па направило ея мысли въ другую сторону. Па писалъ изъ Аргентины, куда отправился по дѣламъ.

„Обстоятельства такъ складываются, что я начинаю надѣяться осуществить свою завѣтную мечту: поселиться съ семьей въ своей родной странѣ. Раньше всего я поѣду за тобой, дитя мое. Но предварительно мнѣ необходимо побывать въ Ріо".

А тамъ опять его что-нибудь удержитъ на продолжительное время. Знаемъ мы это,—подумала Лола.

Она больше не вѣрила па. Можетъ быть, у него были самыя лучшія намѣренія, но у него, вѣроятно, были и другія заботы, которыя отвлекали его отъ Лолы. Онъ могъ, конечно, помнить о дочери, но любить, врядъ-ли—онъ, вѣдь, совсѣмъ мало зналъ ее.

Она отложила письмо, рѣшивъ, что оно значенія не имѣетъ. Однако, во время работы ощутила какое-то радостное волненіе, замѣтила, что все время думала о пріѣздѣ па и написала все невѣрно. Напрасно увѣряла она себя:—когда я была маленькой, па дурно поступилъ со мной; я этого никогда не забуду.—Какъ только думала о пріѣздѣ па, начинало громко стучать сердце. И постепенно она стала думать только объ этомъ. Сначала она робко надѣялась:

— Когда па пріѣдетъ, я буду жить дома. Наконецъ-то не у чужихъ, а у своего отца!

Затѣмъ она рѣшила:

— Зачѣмъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, гораздо лучше путешествовать. — Она стала вспоминать всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ ей хотѣлось бы побывать. И вдругъ робко, робко спрашивала себя:— А Ріо?— Сначала она ничего не могла отвѣтить, затѣмъ рѣшила:— Конечно, въ Ріо поѣдемъ. Если попрошу па, онъ навѣрное позволитъ мнѣ повидаться съ ма. Вѣдь, это близко. И потомъ для него же удобно: онъ тамъ останется, а я вернусь сюда.—Но всѣ размышленія заканчивались такъ:—Нѣтъ! Я не пріѣду назадъ. Я тамъ останусь. Ничего па со мной не подѣлаетъ, если я прыгну ему на шею! Устно все это совсѣмъ иначе, чѣмъ въ глупыхъ письмахъ. Или, наконецъ, я спрячусь у ма, или у дѣдушки и бабушки, нѣтъ, они уже умерли, или я убѣгу, чѣмъ вернуться сюда! Да, да непремѣнно!—И она захлопала въ ладоши, первый разъ со времени своего дѣтства. Затѣмъ она бѣжала къ Эрнестѣ,

Digitized by Google

чтобы подѣлиться своей радостью. Внезапно она захотѣла погулять. На душѣ было слишкомъ весело—сидѣть дома она не могла. Она стала болтать и беззаботно смѣяться со всѣми. Ни минуты не оставалась она спокойной. То и дѣло повторяла: „какія вы скучныя!“ и „неужели никто не идетъ гулять?“ А когда бродила по улицамъ, то ей казалось, что она приближалась къ завѣтной цѣли.—Когда сидишь дома, время затягиваетъ тебя, какъ болото. „Дальше, дальше, все скорѣе впередъ!“

Однажды она собиралась выйти въ садъ, когда ей подали письмо съ черной каймой. Лола съ удивленіемъ взяла его и снова вернулась въ комнату. Почеркъ былъ ей незнакомъ; началось письмо такъ:

„Милая Лола! Случилось большое несчастье, нашъ отецъ умеръ“.

— Чей отецъ?

Она взглянула на подпись: „Твой братъ Паоло“.

— Паоло? Что за чепуха! Мой братъ назывался Нэнэ.

Она стала читать дальше.

„Отецъ послѣднее время, какъ тебѣ, кажется, извѣстно, разъѣзжалъ по Аргентинѣ и какъ только вернулся, схватилъ желтую лихорадку. Ея жертвой падаютъ почти всѣ некоренные жители Рio, уѣхавшіе на время и затѣмъ возвращающіеся назадъ“.

— Это всетаки кажется, па.

И она продолжала читать:

„Мы съ мамой оплакиваемъ его. Раздѣли наши слезы, сестра!

— Па умеръ?—думала Лола. — А, вѣдь, онъ хотѣлъ пріѣхать.

Она растерянным блуждающимъ взглядомъ оглянулась кругомъ.

Лола упала на колѣни и зарыдала. Все, что она думала до сихъ поръ, все разсѣялось какъ кошмаръ, теперь Лола поняла ясно: „па умеръ“, и мучительныя мысли налетѣли на нее со всѣхъ сторонъ:—Ты не любила его. Ты сердилась на него, не понимала его. Онъ хотѣлъ тебѣ добра и работалъ только для этого. Прочти его письма!

Она прочитала послѣднее письмо и почувствовала теперь, какъ сильно желалъ отецъ увидать ее. Строчки задрожали теперь тоской и нетерпѣніемъ.

— Какъ я могла раньше не замѣтить этого, я называла его холоднымъ. Холодной была я сама. Домой мнѣ хотѣлось изъ упрямства, изъ гордости. Видѣть его мнѣ было мало—онъ же

Digitized by Google

тремился только къ этому. Какъ онъ, должно быть, мучился этимъ передъ смертью!

Страданіе разрывало ей душу, отдавало ее всю покойнику. Какъ онъ былъ нѣженъ съ ней! „Единственное мое желаніе—видѣть тебя счастливой и радостной". Такъ было написано въ письмѣ, гдѣ онъ отказывалъ ей въ пріѣздѣ домой; въ письмѣ, которое она считала такимъ жесткимъ, изъ-за котораго почти ненавидѣла его! Теперь она вслушивалась въ каждое слово и каждое изъ нихъ говорило ей: „Я люблю тебя", какъ написалъ когда-то па въ своемъ первомъ письмѣ.

Лола слышала, вспоминала въ воображеніи тяжелую спокойную походку па, ощущала прикосновеніе его сильной руки, видѣла сдержанное волненіе въ его строгомъ лицѣ. „А тогда на Большомъ островѣ", думала она.—Я была совсѣмъ маленькая, а онъ—такой большой и свѣтлый, больше всѣхъ людей. Всѣ любовались имъ и завидовали мнѣ, когда я шла рядомъ съ нимъ. Какъ я гордилась своимъ па!

При этомъ воспоминаніи Лола со стономъ упала на полъ.

Вошла Эрнеста, но долго не рѣшалась ничего произнести. Лола, не подымаясь и не открывая лица, подала ей письмо, но вся затрепетала, какъ только Эрнеста зашептала ей утѣшенія, наклонившись къ ней. Вдругъ она приподнялась и вскрикнула:

— Я была плохая дочь!

— Что ты, дитя?—пробормотала Эрнеста,—ты, вѣдь, съ ранняго дѣтства не видала твоего добраго отца.

Лола топнула ногой.

— Но я ненавидѣла его! Я—плохая дочь!

— Горе затуманиваетъ тебя, дитя,—сказала Эрнеста, рыдая обняла голову Лолы и прижала къ себѣ. Лола хотѣла вырваться, но Эрнеста держала ее крѣпко, и Лола постепенно обезсилѣла, склонила голову и дала волю слезамъ.

— Ты должна написать матери и брату, — сказала Эрнеста, радуясь, что нашла для Лолы работу, въ которой могло бы излиться ея горе.

Но когда Лола стала собирать свои мысли и сочащіяся свѣжей кровью воспоминанія, то пришли и новые вопросы: „Что я имъ напишу? Что я хочу пріѣхать къ нимъ? Теперь я могу поѣхать, потому что па умеръ".

И тотчасъ же подумала съ ужасомъ: „Господи! вѣдь, это выходитъ какъ будто я радуюсь. Нѣтъ! нѣтъ! я не поѣду домой: па этого не хотѣлъ, и я не заслуживаю.

Digitized by Google

Она написала, что должна еще здѣсь закончить свое образованіе и когда закленла письмо, то почувствовала себя точно выросшей.

Ночью она плакала объ ушедшемъ навсегда отцѣ, о запрещеніи, которымъ еще больше связалъ ее покойникъ, о потерянной родинѣ: все оплакивала она. Эрнеста всю ночь слышала ея слезы, но лежала совсѣмъ тихо. Но на другой день Лолѣ было легче — раскаяніе и жертва, которую она принесла памяти па, успокоили ее; эти страданія, эта жертва принадлежали только ей, это былъ кусочекъ родины.

И она увидала себя ребенкомъ, когда она бродила по городу, заглядывала во всѣ ворота и среди площади, гдѣ дулъ холодный вѣтеръ умоляюще звала: „па! па!“ Тогда онъ тоже оставилъ ее одну, и она не могла, не хотѣла этому повѣрить. Теперь онъ ушелъ еще дальше и повѣрить было еще труднѣе. „Онъ, вѣдь, хотѣлъ, долженъ былъ скоро пріѣхать!.. И почему нѣтъ письма? Я такъ много еще хочу спросить ихъ?“

Лола писала письмо за письмомъ и въ каждомъ ей хотѣлось приписать: „можно ли мнѣ пріѣхать къ вамъ?“ Но она пересиливала себя: Нѣтъ, нѣтъ! этого я не должна дѣлать. Мнѣ такъ суждено: я буду одинока.

И изъ этой вѣры въ свою судьбу она создавала себѣ опору въ жизни, которую ей предстояло пережить.

Въ началѣ осени Лола изъявила желаніе готовиться къ конфирмаціи.

— Уже?—спросила ошеломленная Эрнеста, — Я знала, дитя, что придется разстаться съ тобой, но такъ рано!..

— Отчего рано? мнѣ, вѣдь, шестнадцать уже, — возразила Лола, не обращая вниманія на волненіе Эрнесты. Она говорила холодно и равнодушно, какъ человѣкъ, приготовившійся ко всему, что должно произойти.

— А что ты потомъ будешь дѣлать, дитя? Поѣдешь домой?

— Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ. Ужъ какъ-нибудь устроится.

Тайкомъ Лола стала строить планы будущаго, и теперь она считала ихъ неуязвимыми: она разсчитывала только на самое себя. „Я не буду ни отъ кого зависѣть. Никто не покинетъ меня, никого я не буду оплакивать—одна я пойду своей дорогой“.

Слѣдующей весной, однажды послѣ обѣда Лола сидѣла съ нѣсколькими подругами за чаемъ. Эрнеста позволяла старшимъ воспитанницамъ приглашать подругъ изъ города и оставляла ихъ однѣхъ. Одѣтая въ черное, очень изящное платье — пансіонская

Digitized by Google

портниха втайнѣ отъ Эрнесты выписывала ей многія вещи изъ Парижа — Лола лежала въ качалкѣ и курила папироску, выпуская дымъ въ окно, чтобы потомъ не пахло въ комнатѣ. Вѣтки цвѣтущей яблони склонялись къ самому подоконнику — это была та же комната, въ которой много лѣтъ назадъ маленькую Лолу съ отцомъ впервые привѣтствовала Эрнеста.

— Да, да. Кто знаетъ, что предстоитъ каждой изъ насъ! Большинство изъ васъ, конечно, пойдетъ по общей колеѣ, вы выйдете замужъ и будете спокойно жить.

— Нечего говорить такъ, Лола. Вѣдь, и у тебя кончится тѣмъ же.

— Врядъ ли. Я не могу себѣ представить человѣка, къ которому я бы подходила. У меня странная судьба, милыя мои. Я помню, давно — когда мы еще были совсѣмъ дѣтьми — кто-то изъ васъ со злости назвалъ меня интернаціональной. Сказано это было правильно. Здѣсь я чужая, да и вообще, не знаю, гдѣ я — своя.

— Ну и воображаешь ты о себѣ!

— Я стараюсь себѣ представить, какъ будетъ. Покончивъ съ пансіономъ, я вѣроятно, отправлюсь путешествовать съ компаньонкой. Прежде всего намѣчаю себѣ Испанію и Португалію.

— Но это, вѣдь, будетъ очень трудно для тебя! Прежде всего языкъ.

— Мой родной языкъ—португальскій.

— Но ты давно его забыла.

— Я еще помню немного.

— Ну-ка, скажи что-нибудь!

Лола выпустила дымъ въ окно. Въ это время открылась дверь и Эрнеста вошла, говоря по французски:

— Господа, привожу гостью.

Запахло сладкими духами и въ комнату быстро вошла красивая дама, съ бѣлымъ лицомъ и блестящими черными волосами ввидѣ бандо, еще молодая и очень элегантная. Она приложила къ глазамъ лорнетъ и оглядывала молодыхъ дѣвушекъ, которыя поднялись съ мѣстъ.

— Вотъ она,—сказала Эрнеста и указала на Лолу.

Дама опустила лорнетъ—видъ Лолы видимо смутилъ ее.

— Дѣти растутъ,—замѣтила Эрнеста.

Дама улыбалась.

Лола поблѣднѣла и проленетала дрожащими губами:

— Ма?

Digitized by Google

Дама быстро, быстро заговорила что-то непонятное. Лола сдавленнымъ голосомъ шептала только „ма, ма“ и обѣ стояли нерѣшительно другъ противъ друга, слегка протянувъ впередъ руки. Эрнеста проговорила:

— Какъ это странно, сударыня! Когда въ первый разъ ваша дочь вошла въ этотъ домъ, она не понимала меня; теперь же она не понимаетъ васъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Digitized by Google

Наука и жизнь.

Грядущая революція въ области мірового производства.

(*Дешевый кислородъ и азотъ*).

I.

Характеристика кислорода и азота Лавуазье.—Химическіе и физическіе способы выдѣленія этихъ газовъ изъ атмосфернаго воздуха.

Научное знакомство наше съ кислородомъ и азотомъ имѣетъ уже болѣе чѣмъ столѣтнюю давность: съ 1773 до 1777 гг. появляется описаніе ряда опытовъ *Лавуазье*, которые съ несомнѣнностью установили, что воздухъ не простой элементъ, какъ думали до того, а смѣсь, главнымъ образомъ, двухъ газовъ.

„Изъ описанныхъ опытовъ очевидно, говоритъ Лавуазье, 1) что $^5/_6$ воздуха, которымъ мы дышимъ, представляетъ удушающее вещество, т. е. неспособное поддерживать дыханіе животныхъ, воспламененіе и горѣніе тѣлъ, 2) что только избытокъ, т. е. $^1/_6$ объема атмосфернаго воздуха пригоденъ для дыханія, 3) что въ процессѣ образованія ртутной извести [1]) ртуть поглощаетъ здоровую часть воздуха, оставляя удушающую, 4) что, соединяя уединенныя такимъ образомъ части воздуха, т. е. часть пригодную для дыханія и часть удушающую, мы снова воспроизводимъ воздухъ, подобный атмосферному“.

Лавуазье предложилъ назвать „здоровую“ часть воздуха, поддерживающую горѣніе и дыханіе животныхъ, *кислородомъ* (т. е. производителемъ окисленія), а часть „удушающую“—*азотомъ* (т. е. „не поддерживающую жизни“).

Свойства кислорода, какъ вещества, окисляющаго и поддерживающаго горѣніе и дыханіе, охарактеризованы Лавуазье необыкновенно точно и полно. Свойство азота, какъ „удушающаго“ газа, т. е. негоднаго для дыханія, отмѣчено тоже правильно, но названіе его—„не поддерживающій

[1]) Ртутной известью называли во времена Лавуазье красную окись ртути.

Digitized by Google

жизнь" оказалось невольной клеветой: азотъ въ своихъ соединеніяхъ столь же необходимъ для жизни, какъ и кислородъ. Но нужно помнить, что Лавуазье только еще закладывалъ основы научной современной химіи, и „жизненная" роль азота была отъ него сокрыта.

Всѣ эти свойства кислорода въ настоящее время можно характеризовать способностью его съ необыкновенной энергіей вступать въ соединенія съ другими веществами и выдѣлять при этомъ громадныя количества тепла, достаточныя для того, чтобы многія вещества при этомъ воспламенялись. Такой запасъ энергіи въ кислородѣ дѣлаетъ его, конечно, весьма драгоцѣннымъ для техниковъ. И давно уже человѣческая мысль работала надъ полученіемъ дешеваго кислорода.

Прежде всего являлся вопросъ, откуда *выгоднѣе* всего брать кислородъ? Онъ находится всюду: и въ землѣ, и въ водѣ, и въ воздухѣ. Изъ земли, т. е. изъ различныхъ минераловъ, содержавшихъ кислородъ, извлекать его было бы, конечно всего дороже, такъ какъ нужно добыть этотъ минералъ изъ „нѣдръ" и затѣмъ подвергнуть его болѣе или менѣе сложной химической обработкѣ; и та и другая операція стоитъ очень дорого. Мысль извлекать кислородъ изъ воды пришлось оставить, такъ какъ вода—химическое соединеніе, въ которомъ кислородъ соединенъ съ водородомъ такъ крѣпко, что для разъединенія ихъ—для разложенія воды—нужно затратить громадныя количества энергіи; а энергія -такая же цѣнность, какъ желѣзо, золото или хлѣбъ.

Ясно, что наиболѣе дешевымъ источникомъ кислорода можетъ быть только воздухъ. Во первыхъ потому, что онъ находится всюду въ неисчерпаемомъ количествѣ; во вторыхъ, потому что онъ ничего не стоитъ; и, наконецъ, въ-третьихъ, потому, что въ воздухѣ кислородъ находится въ свободномъ состояніи. такъ какъ воздухъ—простая смѣсь кислорода съ азотомъ, а не химическое соединеніе.

Но какъ отдѣлить кислородъ воздуха отъ азота?

Заранѣе можно было предвидѣть, что мысль будетъ работать въ двухъ направленіяхъ: въ *химическомъ* и въ *физическомъ*. Иначе говоря, одни будутъ искать веществъ, которыя легко соединялись бы съ кислородомъ, а затѣмъ, при какихъ нибудь воздѣйствіяхъ, также легко отдавали бы его. Другіе будутъ пытаться найти способы раздѣлить азотъ и кислородъ на основаніи различія ихъ физическихъ свойствъ. И, дѣйствительно, мы знаемъ цѣлый рядъ попытокъ того и другого рода.

Изъ химическихъ—укажемъ на способъ *Буссенго-Горинъ*, основанный на томъ, что окись барія при темнокрасномъ каленіи въ токѣ воздуха переходитъ въ перекись барія, а затѣмъ, при еще болѣе сильномъ накаливаніи, получившаяся перекись барія снова возстановляется до окиси, выдѣляя, конечно, кислородъ. Таковы же способы *Тиссье де Мотай* (работа идетъ на марганцово-натровой соли), *Касснера* (свинцовыя соли ще-

Digitized by Google

лочных земель) и др. Всѣ эти способы дороги, такъ какъ требуютъ большой траты топлива, сложныхъ приборовъ и нѣкотораго возобновленія основного вещества; эти химическіе конденсаторы кислорода все же не вѣчны.

Изъ физическихъ способовъ раздѣленія кислорода и азота воздуха отмѣтимъ слѣдующіе: способъ *Грема-Маржиса*, основанный на томъ, что кислородъ проникаетъ черезъ каучуковую пластинку въ 2½ раза скорѣе азота. Воздухъ прогоняютъ черезъ рядъ шелковыхъ мѣшковъ, пропитанныхъ каучукомъ, и получаютъ такимъ образомъ воздухъ все болѣе и болѣе богатый кислородомъ. Принципъ очень простъ, но приборъ довольно сложенъ (паровой инжекторъ, холодильникъ, рядъ діализаторовъ), а, главное, очень нѣженъ и требуетъ частаго ремонта.

Способъ *Малле* основанъ на вдвое болѣе сильной растворимости въ водѣ кислорода, чѣмъ азота. Способъ тоже очень дорогой, такъ какъ для него нужны большія количества воды и движущей силы...

Такимъ образомъ, ни химическіе, ни физическіе способы не дали техникамъ того, чего они такъ жадно искали—болѣе или менѣе дешеваго кислорода. И потому до сихъ поръ примѣненіе кислорода крайне незначительно. Его употребляютъ въ медицинѣ—для поддержанія дыханія больныхъ, для дезинфекціи; въ техникѣ же кислородомъ пользуются, главнымъ образомъ, для полученія высокихъ температуръ (особенно въ смѣси съ водородомъ) при плавленіи тугоплавкихъ веществъ (платина и т. п.)...

За послѣднія 15 лѣтъ исканія дешеваго кислорода направились по совершенно новому пути. Толчкомъ къ этому явилось чисто научное открытіе—превращеніе многихъ, такъ называемыхъ „постоянныхъ“ газовъ въ жидкость. Всѣмъ стало яснымъ, что если будетъ найденъ способъ получать большія количества дешеваго жидкаго воздуха, то этимъ самымъ получится возможность добывать дешево и кислородъ. Особенно яснымъ стало это послѣ того, какъ были изучены свойства жидкаго азота и кислорода и, между прочимъ, было найдено, что точки кипѣнія этихъ новыхъ жидкостей отстоятъ другъ отъ друга на $13^{0}5$: жидкій кислородъ кипитъ при $-180^{0}5$, азотъ же при—194^{0}. Это различіе надо оцѣнивать гораздо выше, такъ какъ важность каждаго градуса повышается, по мѣрѣ того, какъ мы спускаемся къ болѣе низкимъ температурамъ и приближаемся къ абсолютному нулю. Разницу въ $13^{0}5$ градусовъ при столь низкихъ температурахъ ($-180^{0}5$,—194^{0}) можно приравнять разницѣ въ 60 градусовъ при температурѣ кипѣнія спирта. Поэтому были всѣ основанія предположить, что простой дистиляціей можно будетъ раздѣлить азотъ и кислородъ жидкаго воздуха такъ же легко, какъ раздѣляется спиртъ и вода, даже легче, такъ какъ точки кипѣнія спирта и воды отстаютъ другъ отъ друга всего на 21 градусъ, и такъ какъ растворы спирта съ водой являются химическими

Digitized by Google

соединеніями, а воздухъ—только простой механической смѣсью кислорода и азота.

Теоретически вопросъ былъ ясенъ и простъ, но для его практическаго разрѣшенія потребовались долгіе годы упорной работы ученыхъ и техниковъ.

Уже тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ впервые были сгущены въ жидкость азотъ и кислородъ, но только, такъ сказать, на дняхъ—въ концѣ прошлаго года способы полученія жидкаго воздуха и раздѣленія его на кислородъ и азотъ стали такъ просты и дешевы, что можно уже съ увѣренностью говорить о возможности примѣненія этихъ элементовъ для нуждъ индустріи и земледѣлія.

Какъ читатель увидитъ ниже, есть всѣ основанія полагать, что въ самомъ непродолжительномъ времени *жидкій кислородъ* станетъ въ десять разъ дешевле желѣза: всего *восемь, десять копѣекъ за пудъ*. Азотъ же, вѣроятно, и того дешевле.

Какой колоссальный переворотъ въ техникѣ, промышленности и земледѣліи произведетъ это появленіе на міровомъ рынкѣ окончательно подчинившихся волѣ человѣка основныхъ элементовъ нашей атмосферы!

II.

Фарадей превращаетъ нѣкоторые газы въ жидкость. — Газы „постоянные". — Критическая температура и критическое давленіе. — Пиктэ и Кайльтэ сжижаютъ постоянные газы. — Охлажденіе, происходящее при расширеніи газа.—Принципъ расширенія съ одной внутренней работой и принципъ расширенія съ внутренней и внѣшней работой. — Первоначальная побѣда въ техникѣ перваго принципа.

Теперь я хочу познакомить читателя съ исторіей той упорной работы ученыхъ и техниковъ, которая увѣнчалась столь блестящей побѣдой.

Мысль о томъ, что газы могутъ переходить при пониженіи температуры и повышеніи давленія въ жидкое и твердое состояніе была уже высказана основателемъ современной химіи Лавуазье. И есть всѣ основанія думать, что всего черезъ 10 лѣтъ послѣ его смерти, въ 1805 году, *Нортмору* удалось получить *хлоръ* (при обычныхъ условіяхъ газообразный) въ жидкомъ видѣ. Но только продолжительныя (съ 1823—1845 г.) работы *Фарадея* показали, что большинство извѣстныхъ тогда газовъ могутъ быть сгущены. Способъ, къ которому прибѣгъ Фарадей, былъ очень простъ. Онъ бралъ двухколѣнную стеклянную трубку и въ одинъ конецъ ея помѣщалъ вещество, выдѣляющее, при соотвѣтственномъ нагрѣваніи, нужный ему газъ; газъ этотъ собирался въ другомъ концѣ трубки, конечно, тоже запаянномъ; этотъ конецъ, въ которомъ помѣщался для измѣренія давленія манометръ, опускался въ сосудъ съ охладительной смѣсью. Благодаря

Digitized by Google

нагрѣванію, вещество выдѣляло все новыя и новыя количества газа; вслѣдствіе этого давленіе въ трубкѣ увеличивалось и когда достигало опредѣленной величины, то газъ начиналъ сгущаться въ охлаждаемой части трубки.

Такимъ способомъ уже въ 1823 году Фарадей сгустилъ въ жидкость слѣдующіе газы:

Г А З Ы.	Температура (по Цельзію).	Давленіе въ атмосферахъ.
Хлоръ.	15,5	4
Синеродъ.	7,2	3,7
Сѣрнистая кислота.	7,3	3
Сѣрнистый водородъ	10	16
Углекислота	0	36
Хлористоводородный газъ.	10	50
Закись азота.	7,2	50

Въ 1845 г. Фарадей построилъ болѣе сложный приборъ, въ которомъ могъ подвергать давленію въ 50 атмосферъ всевозможные газы. Кромѣ того онъ достигъ необычайно низкой для того времени температуры въ — 100° Ц., заставляя испаряться смѣсь эѳира съ жидкой углекислотой. Но несмотря на столь низкую температуру и 50 атмосферъ давленія, Фарадей все же не могъ сгустить кислорода, водорода, азота, окиси углерода и болотнаго газа. Съ геніальной прозорливостью онъ предчувствовалъ истину и приписывалъ свою неудачу тому, что въ его рукахъ нѣтъ достаточно низкой температуры.

Но послѣдующіе изслѣдователи не обладали научнымъ чутьемъ Фарадея и пошли въ своихъ опытахъ сжиженія газовъ по другому пути: они стали увеличивать давленія. Такъ, въ 50-хъ годахъ *Натереръ* достигъ въ своихъ насосахъ колоссальнаго давленія въ 3000 атмосферъ и все же не могъ добиться сжиженія этихъ газовъ. Ему удалось только показать, что при высокихъ давленіяхъ эти газы сжимаются все менѣе и менѣе и, слѣдовательно, съ повышеніемъ давленія все болѣе и болѣе уклоняются отъ закона Бойля Маріота, который гласитъ, что объемъ газовъ обратно пропорціоналенъ давленію. Такъ, напримѣръ, при давленіи 2.700 атмосферъ воздухъ сжимается только въ 800 разъ, а водородъ въ 1.000 разъ.

Для объясненія своего безсилія ученые изобрѣли особый законъ природы, согласно которому существуетъ, якобы, два рода газовъ: сгущаемые и несгущаемые — *постоянные* (указаны нами выше). Такъ дѣло обстояло до конца 60-хъ годовъ, когда работы, главнымъ образомъ, *Менделѣева* и *Андрьюса* создали понятіе о *критической температурѣ*.

Изъ этихъ работъ стало ясно, что постоянные газы не были сгущены въ жидкость только потому, что критическая температура ихъ ниже тѣхъ,

Digitized by Google

которыя употреблялъ Фарадей и другіе при своихъ опытахъ. Оказалось, что каждому газу свойственна своя критическая температура. Если газъ охлажденъ ниже этой температуры, то при давленіи онъ всегда будетъ сгущенъ; если же температура газа выше его критической температуры, то никакія давленія, сколь высоки они ни были бы, не въ силахъ сгустить газа.

Фарадей могъ сгустить перечисленные нами выше газы, такъ какъ ихъ критическая температура была очень высокой. Такъ, напримѣръ, для хлора эта температура $+140^0$, для сѣрнистой кислоты $+155^0$, для углекислаго газа $+31^0$ и т. д. Если же нагрѣть эти газы — каждый до его критической температуры — то ихъ тоже нельзя будетъ сгустить никакими давленіями. Такимъ образомъ, послѣ установленія понятія о критической температурѣ, прежнее дѣленіе газовъ на сгущаемые и „постоянные“ стало совершенно ненаучнымъ. Газы сгущаемые — при извѣстныхъ температурахъ становились постоянными, газы постоянные — должны были быть сгущены, разъ только достигнуть ихъ критической температуры. Но дѣло въ томъ, что критическія температуры „постоянныхъ“ газовъ очень низкія, и ученые долго, даже и послѣ установленія понятія о критической температурѣ, не могли найти способовъ достигнуть столь сильнаго охлажденія.

Приведемъ критическія температуры нѣкоторыхъ изъ бывшихъ „постоянныхъ“ газовъ:

Кислородъ	-118^0
Азотъ.	-146^0
Воздухъ	-140^0
Водородъ.	-252^0

Но для сгущенія газа мало охладить его до его критической температуры,— нужно къ этому присоединить и опредѣленное давленіе. Тотъ минимумъ давленія, который необходимъ для сгущенія газа при его критической температурѣ называется *критическимъ давленіемъ*.

Критическое давленіе для:

Кислорода	50 атмосферъ.
Азота.	33 „
Воздуха	39 „
Водорода.	15 „

Но если мы будемъ охлаждать нашъ газъ ниже его критической температуры, то для сгущенія его намъ уже не нужно будетъ критическаго давленія: переохлажденный газъ будетъ сгущаться и при меньшихъ давленіяхъ. При достаточномъ пониженіи температуры даже „постоянные“ газы

Digitized by Google

сгустятся уже при обыкновенномъ атмосферномъ давленіи. Такъ, напр., воздухъ сгустится при этомъ давленіи въ жидкость, если мы его охладимъ до—191° градусовъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что пониженіе температуры является въ нашихъ рукахъ болѣе могучимъ средствомъ для сгущенія газовъ, чѣмъ давленіе: однимъ пониженіемъ температуры мы можемъ сгустить газы; одно повышеніе давленія, безъ соотвѣтственнаго пониженія температуры, этого сдѣлать не можетъ. Съ другой стороны мы наблюдаемъ, что оба эти фактора—пониженіе температуры и повышеніе давленія—дѣйствуютъ въ процессѣ сжиженія газовъ въ одномъ направленіи: спускается температура ниже критической, понижается ниже критическаго и необходимое для сжиженія давленіе; чѣмъ ниже критическая температура газа, тѣмъ меньше его (но не пропорціонально) критическое давленіе.

Какъ выразить эти зависимости въ механическихъ символахъ?

Современная молекулярная физика представляетъ себѣ газы, состоящими изъ мельчайшихъ упругихъ частицъ (молекулъ), двигающихся съ громадной скоростью по всевозможнымъ направленіямъ. Когда мы начинаемъ охлаждать такой газъ, заключенный въ какомъ нибудь сосудѣ, то мы постепенно отнимаемъ у этихъ движущихся частицъ ихъ энергію и тѣмъ уменьшаемъ скорость ихъ движенія; когда эта скорость падетъ до извѣстной величины, то частицы не въ силахъ будутъ уже сопротивляться взаимному притяженію, онѣ сблизятся, и прямолинейное движеніе превратится въ вихревое; газъ станетъ жидкостью. Но уменьшимъ давленіе этой системы, и образовавшаяся жидкость начнетъ кипѣть или испаряться, такъ какъ сила притяженія между частицами ослабнетъ, и часть ихъ, освободившись отъ взаимной связи, станетъ снова двигаться прямолинейно, хотя и съ меньшей скоростью, чѣмъ до охлажденія. Поэтому понятно, что одно повышеніе давленія не можетъ сжижить газа, такъ какъ давленіе не можетъ отнять энергіи и уменьшить скорости движенія газовыхъ частицъ, оно можетъ ихъ только сблизить, но, сближая ихъ, оно вызываетъ дѣйствіе взаимнаго притяженія между частицами и способствуетъ переходу прямолинейнаго движенія въ вращательное—вихревое, иначе говоря—переходу газа въ жидкость.

Критическая температура, слѣдовательно, есть такая температура, при которой энергія газовыхъ частицъ (а слѣдовательно и скорость ихъ движенія) даннаго газа уже не представляетъ непреоборимаго препятствія для превращенія прямолинейнаго движенія частицъ въ вихревое, при наличности опредѣленнаго *критическаго давленія*. Понятно, что если мы понижаемъ температуру ниже критической, то сжиженіе газа происходитъ уже при давленіи даже менѣе значительномъ, чѣмъ критическое давленіе, такъ какъ при меньшей энергіи движенія газовыхъ частицъ ихъ взаимопритяженіе проявится и при меньшемъ давленіи.

Digitized by Google

Съ точки зрѣнія такого механическаго представленія о газахъ понятно, что газы съ молекулами болѣе тяжелыми, какъ углекислота, хлоръ, газъ сѣрнистой кислоты и др. газы, сжиженные еще Фарадеемъ, требуютъ для прямолинейнаго движенія своихъ частицъ большаго количества энергіи, чѣмъ „постоянные"—болѣе легкіе; слѣдовательно, и критическая температура первыхъ будетъ гораздо выше, и сжижаться они будутъ при атмосферныхъ и температурныхъ условіяхъ нашего земного шара гораздо легче, чѣмъ вторые.

Итакъ, понятіе о критической температурѣ выяснило, почему даже такой геніальнѣйшій экспериментаторъ, какъ Фарадей, не могъ все же сжижить такъ называемыхъ постоянныхъ газовъ. Но даже и послѣ этого сжиженіе „постоянныхъ" газовъ долго—втеченіе цѣлыхъ семи лѣтъ—не могло быть осуществлено, такъ какъ ученые все еще не владѣли способами получать такія низкія температуры, которыя достигали бы критическихъ температуръ этихъ газовъ. И только въ 1877 году двумъ ученымъ—*Раулю Пиктэ и Кайльте* одновременно, но двумя совершенно различными способами, удалось сгустить „постоянные" газы.

Пиктэ построилъ свои приборы на принципѣ, близкомъ къ тому, который употреблялъ Фарадей при полученіи температуры въ — 100°. Какъ читатель помнитъ, Фарадей заставлялъ для этого испаряться смѣсь эфира и *сжиженной* имъ заранѣе углекислоты. Пиктэ для полученія еще болѣе низкой температуры примѣнилъ очень высокое давленіе—до 320 атмосферъ—и послѣдовательное испареніе двухъ сжиженныхъ газовъ: сначала сжижается сѣрнистая кислота, которая при испареніи даетъ холодъ въ—65° Ц., благодаря чему сгущается въ жидкость углекислота; послѣднюю заставляютъ испаряться при незначительномъ давленіи и получаютъ благодаря этому температуру около—115°, что при громадномъ давленіи, примѣнявшемся Пиктэ въ этомъ приборѣ, было достаточно для того, чтобы, когда Пиктэ открылъ быстро выводной кранъ трубки, содержавшей сгущенный кислородъ, часть послѣдняго была съ силой выброшена изъ трубки въ видѣ жидкой струи. Теперь намъ ясно, что эта послѣдняя манипуляція—быстрое открытіе крана и быстрое расширеніе части выброшеннаго кислорода—способствовало дальнѣйшему пониженію температуры и окончательному сжиженію кислорода, такъ какъ безъ этого, при температурѣ—115°, кислородъ не могъ бы быть сжиженъ, ибо критическая температура его ниже, а именно—118°.

Въ этомъ приборѣ Пиктэ удалось показать не только сжиженіе кислорода, но и азота, окиси углерода и многихъ другихъ газовъ.

Идея Пиктэ была разработана рядомъ ученыхъ въ машинахъ такъ называемыхъ *повторныхъ цикловъ*; но уже самая сложность этихъ машинъ указывала на непригодность принципа Пиктэ—Фарадея для практическаго примѣненія.

Digitized by Google

Кайльте примѣнилъ другой принципъ — гораздо болѣе простой, который лежитъ въ основѣ и всѣхъ современныхъ машинъ для полученія жидкаго воздуха, кислорода и азота. При помощи гидравлическаго пресса Кайльте сжималъ кислородъ столбомъ ртути въ толстой стеклянной трубкѣ; онъ доводилъ давленіе до 300 атмосферъ, а затѣмъ рѣзко понижалъ давленіе,—газъ быстро расширялся и вслѣдствіе этого охлаждался столь значительно, что достигалъ своей критической температуры, и Кайльте могъ наблюдать въ трубкѣ густой туманъ, указывавшій на сгущеніе кислорода. Этимъ же способомъ Кайльте сгустилъ азотъ и многіе другіе „постоянные“ газы.

Это было торжество науки, блестящее подтвержденіе опытомъ теоретическихъ соображеній, но потребовалось еще слишкомъ двадцать лѣтъ упорной работы ученыхъ, чтобы жидкій воздухъ, кислородъ, азотъ стали такими же „реальностями“ для большой публики, какъ вода или спиртъ.

Въ опытѣ Кайльте газъ охладился, такъ какъ былъ принужденъ совершать работу расширенія насчетъ тепловой энергіи, полученной имъ во время предшествующаго сжатія. Но ясно, что такимъ способомъ нельзя сжижить сколько нибудь значительнаго количества газа и, что еще печальнѣе, нельзя извлечь его изъ запаянной трубки. Поэтому обратились къ другимъ пріемамъ расширенія сжатаго газа. Старинные опыты Джоуля и Томсона показали, что если газъ, находящійся въ замкнутомъ сосудѣ съ постояннымъ давленіемъ и постоянной температурой, пропускать черезъ узкія отверстія въ другой сосудъ съ той же постоянной температурой, что и въ первомъ сосудѣ, но съ меньшимъ постояннымъ давленіемъ, то этотъ газъ охлаждается. Это охлажденіе тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ниже температура и чѣмъ выше давленіе, при которомъ идетъ опытъ. Если бы газы при этихъ условіяхъ оставались „идеальными“, т. е., если бы между частицами газа не было бы сцѣпленія, то никакого охлажденія при этомъ не наблюдалось бы, наоборотъ, было бы нѣкоторое нагрѣваніе, благодаря тренію газовыхъ молекулъ о стѣнки выходного отверстія; тогда такой истекающій газъ, конечно, не могъ бы произвести никакой внѣшней работы. Въ дѣйствительности же мы видимъ, что газъ при этихъ условіяхъ *охлаждается и способенъ производить работу.* Изъ этого мы съ необходимостью должны заключить, что частицы газа, особенно при низкихъ температурахъ и высокихъ давленіяхъ, обладаютъ нѣкоторой силой сцѣпленія, которую газъ долженъ преодолѣть, чтобы расшириться; поэтому расширяющійся газъ долженъ произвести извѣстную внутреннюю работу; энергію для этой работы газъ можетъ почерпнуть изъ своей тепловой энергіи; поэтому, во время такого истеченія и расширенія, газъ охлаждается и при нѣкоторыхъ условіяхъ охлажденіе это можетъ дойти до такой температуры, что повлечетъ за собой сжиженіе газа. Такое расширеніе газа называется *расширеніемъ съ внутренней работой.*

Digitized by Google

Когда мы сжимаемъ, при помощи нагнетательнаго насоса, какой-нибудь газъ, напримѣръ, воздухъ, то газъ этотъ нагрѣтается: энергія давленія превратилась въ тепловую энергію. Но вся ли механическая энергія въ данномъ случаѣ превращается въ тепловую? Описанное нами явленіе Джоуля-Томсона говоритъ намъ, что часть механической энергіи давленія насоса ушла на повышеніе силы сцѣпленія между молекулами сжимаемаго газа. Отсюда ясно, что когда сжатый газъ расширится до первоначальнаго объема, то онъ затратитъ на это не только тепловую энергію, полученную имъ во время сжатія, но и часть, такъ сказать, собственной тепловой энергіи, которую онъ принужденъ затратить, чтобы ослабить увеличенную сжатіемъ силу сцѣпленія газовыхъ частицъ до ея первоначальной величины. Изъ этого слѣдуетъ, что газъ при этомъ охладится до болѣе низкой температуры, чѣмъ онъ былъ до опыта—до сжатія.

Но, конечно, если расширяющійся газъ мы заставимъ совершать еще какую-нибудь *внѣшнюю* работу, то онъ *охладится еще болѣе*, чѣмъ при расширеніи только съ внутренней работой. Идея эта впервые была высказана знаменитымъ *Карломъ-Вильямсомъ Сименсомъ* еще въ 1857 году, ровно 50 лѣтъ тому назадъ. Онъ съ необыкновенной ясностью утверждалъ, что для произведенія холода нужно взять воздухъ или какую либо эластичную жидкость, подвергнуть ее давленію такимъ образомъ, чтобы затѣмъ ее было возможно охладить до обыкновенной температуры. Сжатую и охлажденную жидкость нужно ввести въ цилиндръ двигателя, гдѣ она должна расширяться и двигать поршень; это *расширеніе съ внѣшней работой* позволитъ вернуть въ видѣ полезной работы часть энергіи, потраченной на сжатіе нашей жидкости; а съ другой стороны, благодаря производимой работѣ, температура расширяющейся жидкости понизится на нѣсколько десятковъ градусовъ. Это пониженіе будетъ еще значительнѣе, если воспользоваться при этомъ приборомъ, изобрѣтеннымъ тѣмъ же Сименсомъ—такъ называемымъ *уравнителемъ температуръ*. Представимъ себѣ, что трубка, по которой въ двигатель поступаетъ сжатый воздухъ (или сжатая жидкость), окружена другой, концентрической ей трубкой, по которой мы станемъ отводить въ *противоположномъ* направленіи ходу сжатаго воздуха, воздухъ уже отработавшій въ машинѣ, расширившійся и *охладившійся*. Благодаря такому устройству два этихъ противоположныхъ тока воздуха будутъ, такъ сказать, обмѣниваться своими температурами. Расширившійся холодный воздухъ будетъ охлаждать сжатый и этотъ послѣдній, попавъ въ машину уже холоднымъ, произведетъ своимъ расширеніемъ температуру нѣсколько болѣе низкую, чѣмъ воздухъ, поступившій въ машину передъ тѣмъ; расширившись и произведя работу, этотъ воздухъ поступитъ въ наружную трубку и охладитъ слѣдующую порцію сжатаго воздуха еще ниже и т. д. Такимъ образомъ, температура будетъ все понижаться и, при достаточномъ охраненіи прибора отъ теплоты окружаю-

Digitized by Google

щаго воздуха, можно достигнуть температуры, при которой воздухъ превратится въ жидкость; жидкость эта будетъ собираться въ нижней части наружной трубки и ее можно сцѣживать при посредствѣ особаго крана R. См. рис. 1.

Сименсу не удалось осуществить своихъ идей. И только въ 1885 году инженеръ *Сольвей* (Solvay) въ своихъ опытахъ полученія низкихъ температуръ примѣнилъ принципъ расширенія газа съ *внѣшней работой*. Онъ пользовался при этомъ очень незначительными давленіями, не превышавшими 5 атмосферъ и механическими двигателями не больше, какъ въ 15 лошадиныхъ силъ. При этихъ условіяхъ Сольвей могъ достигнуть только температуры —95 гр. ниже нуля.

Многіе ученые, вслѣдъ за Сольвеемъ, пытались примѣнить принципъ *расширенія газа съ внѣшней работой* къ полученію низкихъ температуръ, но всѣ потерпѣли неудачу главнымъ образомъ, вслѣдствіе двухъ причинъ:

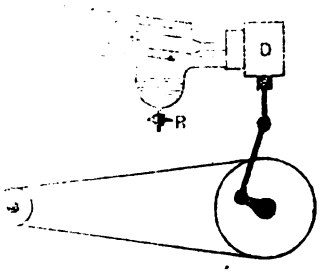

Рис. 1.

1) Отъ невозможности хорошо защитить приборъ отъ нагрѣванія внѣшнимъ воздухомъ.

2) Отъ того, что всѣ извѣстныя смазочныя вещества при низкихъ температурахъ замерзали, и машина останавливалась раньше, чѣмъ могъ образоваться жидкій воздухъ.

Поэтому, несмотря на безспорность того положенія, что принципъ расширенія съ внѣшней работой теоретически самый выгодный и долженъ дать скорѣе и легче болѣе низкія температуры, чѣмъ какой бы то ни было другой, все же пришлось отказаться отъ него. Проф. *Линде* еще въ 1897 году категорически утверждалъ, что съ этимъ принципомъ никогда нельзя будетъ достигнуть нужныхъ для сгущенія воздуха низкихъ температуръ. И мы видимъ, что всѣ ученые и изобрѣтатели обратились въ своихъ опытахъ и исканіяхъ къ принципу расширенія воздуха безъ внѣшней, а *съ одной внутренней работой*. На этомъ принципѣ построено уже много машинъ (Гемпсонъ, Дьюаръ, Линде), имѣющихъ уже не только научное и лабораторное, но уже и индустріальное значеніе. Мы остановимся только на машинѣ Линде, какъ наиболѣе типичной.

Digitized by Google

III.

Машины, построенныя на принципѣ расширенія съ одной внутренней работой (Линде, Дьюаръ, Гемпсонъ).—Маш. Клода постр. на принципѣ расширенія и съ внутр. и съ внѣшн. работой. — Газолины — незамерзающія смазочныя вещества. — Сжиженіе подъ давленіемъ въ сгустителяхъ. — Повторное сжиженіе. — Питаніе сгустителей кислородомъ. — Машины Треппа и Пиктэ. — 1 литръ жидкаго воздуха обходится Линде въ 22 коп., а Клоду въ 12 коп.

Въ машинѣ *Линде* воздухъ, сжатый до 150—200 атмосферъ, поступаетъ въ трубку, на концѣ которой находится расширенный аппаратъ, кранъ и пріемникъ для жидкаго воздуха. Когда кранъ открываютъ, то сжатый воздухъ поступаетъ въ расширительный аппаратъ, расширяется тамъ и охлаждается. Это охлажденіе относительно невелико: опыты показали, что на одну атмосферу паденія давленіе температуры понижается всего на $^1/_4$ градуса; если сжатый до 200 атмосферъ воздухъ заставить расшириться до такой степени, чтобы давленіе его было всего 1 атмосфера, то и тогда температура понизится всего на $49^3/_4$ град. До критической температуры „постоянныхъ“ газовъ еще очень далеко! И въ машинахъ этого типа ея нельзя было бы достигнуть, еслибъ Линде не прибѣгъ къ описанному уже нами пріему Сименса, къ такъ называемому *уравнителю температуръ*. Благодаря этому пріему воздухъ, поступающій въ аппаратъ расширенія, становится постепенно все холоднѣе и холоднѣе, наконецъ достигаетъ своей критической температуры и начинаетъ стекать въ видѣ жидкости въ пріемникъ. Но еслибъ Линде давалъ въ своей машинѣ сжатому до 150—200 атмосферъ воздуху расширяться до 1 атмосферы, то хотя онъ и достигъ бы критической температуры воздуха, но стоило бы это очень дорого. И вотъ почему. Мы уже говорили, что пониженіе температуры въ машинѣ Линде зависитъ отъ разности давленій: на каждую атмосферу разницы между давленіемъ сжатаго воздуха и давленіемъ воздуха, расширяющагося въ аппаратѣ для расширенія, температура, какъ мы уже упоминали, падаетъ на $^1/_4$ градуса. Но механическая работа двигателя, которую нужно затратить для того, чтобы сжать газъ зависитъ не отъ разности давленій—начальнаго и конечнаго, а отъ ихъ *отношенія*. Такъ, напримѣръ, если воздухъ, сжатый въ машинѣ Линде до 200 атмосферъ, заставить расширяться до 1 атм., то хотя пониженіе температуры и будетъ очень значительно и пропорціонально разности (200—1), т. е. 199, но за то и механическая работа, затраченная для этого, будетъ колоссальна: она будетъ измѣряться отношеніемъ $\frac{200}{1} = 200$.

Но предположимъ, что мы заставляемъ тотъ же воздухъ, сжатый до 200 атмосферъ, расширяться не до 1-й атмосферы, а гораздо меньше

Digitized by Google

— всего до 20 атмосферъ. Тогда, конечно, мы получимъ менѣе значительное пониженіе температуры, и поэтому въ жидкость перейдетъ только незначительная часть расширившагося воздуха, предположимъ всего 5%. Но за то оставшійся не сжиженнымъ воздухъ, который мы переведемъ снова въ аппаратъ для новаго сжатія, будетъ имѣть начальное давленіе не въ одну, а въ двадцать атмосферъ, и потому нагнетательный насосъ, который будетъ снова сжимать газъ до 200 атмосферъ, долженъ затратить на эту работу уже въ *20 разъ меньше* чѣмъ въ первый разъ, когда газы поступали въ нагнетательный насосъ подъ давленіемъ одной атмосферы, ибо, если въ первый разъ отношеніе давленій было $\frac{200}{1}=200$, то во второй — это отношеніе будетъ $\frac{200}{1}=10$. Такимъ образомъ Линде, нѣсколько проигрывая въ пониженіи температуры, выигрывалъ неизмѣримо больше въ работѣ. Благодаря же дѣйствію уравнителя температуръ, даже и незначительныя начальныя пониженія температуры постепенно усиливаются и доходятъ до нужныхъ критическихъ температуръ.

Всѣ эти остроумныя соображенія дали возможность Линде уже въ 1896 г. построить большія машины для сжиженія воздуха, въ которыхъ при затратѣ 180 лошад. силъ получается 100 литровъ жидкаго воздуха въ часъ, т. е. *лошадь — часъ* [1]) даетъ около *0,6 л. жидкаго воздуха.*

Такимъ образомъ, вопросъ о полученіи жидкаго воздуха въ большомъ количествѣ былъ рѣшенъ. Кромѣ Линде на томъ же принципѣ *расширенія газа съ внутренней работой* были построены большія машины для сжиженія воздуха *Дьюаромъ* и *Гемпсономъ*. Но всѣ эти машины, несмотря на ихъ теоретическую простоту, требуютъ очень сложныхъ и тонкихъ частей и несмотря на это все же капризятъ во время работы; причина лежитъ въ громадныхъ давленіяхъ (до 200 атмосферъ), которыя неизбѣжны въ аппаратахъ даннаго типа. Но основной ихъ недостатокъ лежитъ глубже—въ самомъ принципѣ расширенія газа съ *одной* только *внутренней* работой, при примѣненіи котораго, какъ бы ни были совершенны машины, все же не можетъ быть использована вся энергія расширяющагося газа. Поэтому неудивительно, съ какимъ интересомъ ученые, техники и подъ конецъ даже предприниматели, слѣдили за упорной работой молодого французскаго изобрѣтателя *Жоржа Клода* (*Georges Claude*), который, несмотря на неудачу, постигшую его знаменитыхъ предшественниковъ, съ необычайной настойчивостью и остроуміемъ, шагъ за шагомъ,

---

[1]) *Лошадь—часъ* — терминъ, обозначающій работу одной паровой лошади въ теченіе 1 часа. Въ Петербургѣ лошадь—часъ обходится заводамъ около 12 копѣекъ; продаютъ же заводы лошадь—часъ за 36 коп. Слѣдовательно, Линде 1 литръ жидк. воздуха обходится около 22 коп.

Digitized by Google

закладывалъ основы для построенія машины для сгущенія воздуха на принципѣ *расширенія газа съ внѣшней работой.*

Клодъ началъ заниматься этимъ вопросомъ въ 1900 году—первое сообщеніе его Парижской Академіи наукъ было сдѣлано 10 сентября 1900 г. и закончилъ теоретическую и опытную разработку его въ концѣ прошлаго года—сообщеніемъ Академіи 22 окт. 1906 г. и созданіемъ машины, которая на каждую *лошадь—часъ* работы даетъ *0,95 литра жидкаго воздуха.*

Обратимся же къ работамъ Клода.

Первоначально (1900 г.) онъ производилъ свои опыты съ двигателемъ съ поршнемъ и золотникомъ; цилиндръ машины имѣлъ всего 1 литръ вмѣстимости. При употребленіи воздуха, *сжатаго до 20 или 25 атмосферъ*, эта машина развивала, при скорости 180 оборотовъ въ минуту около 6 лошад. силъ, которыя и поглощались динамо-машиной. Цилиндръ двигателя былъ въ сообщеніи съ *уравнителемъ температуръ*, поверхность обмѣна котораго равнялась $7^1/_2$ квадратн. метр.

Какъ мы уже указывали выше, главная причина неудачи предшественниковъ Клода заключалась въ томъ, что при дѣйствіи такая машина переходила постепенно отъ температуры окружающей среды къ весьма низкимъ температурамъ, при которыхъ смазочныя масла замерзали и въ концѣ концовъ останавливали машину. Предварительныя изысканія Клода и сосредоточились на томъ, чтобы найдти такія *смазочныя вещества* которыя *не замерзали бы при низкихъ температурахъ*. Послѣ длиннаго ряда опытовъ онъ нашелъ нужныя ему свойства въ легкихъ отгонахъ нефти—въ такъ называемыхъ *нефтяныхъ эфирахъ* или *газолинахъ* съ удѣльнымъ вѣсомъ отъ 0,62 до 0,74. Оказалось, что эти вещества не затвердѣваютъ даже при темп. болѣе низкихъ, чѣмъ критическая температура жидкаго воздуха (—140°); нефтяной эфиръ съ удѣльнымъ вѣсомъ 0,64 не замерзнетъ даже при температурѣ —194°. При обыкновенной температурѣ эти нефтяные эфиры являются очень подвижными жидкостями, совершенно не вязкими и потому не пригодными для смазки машинъ. Но при низкихъ температурахъ, начиная съ—120° и до—190°, они превращаются въ вязкое масло, тѣмъ болѣе плотное, чѣмъ ниже опускается температура, и становятся, слѣдовательно, прекраснымъ смазочнымъ веществомъ. Для смазыванія своей машины Клодъ прибѣгалъ къ слѣдующему способу. Въ началѣ работы, когда температура не опускалась еще ниже—50°, онъ смазывалъ машину обыкновеннымъ смазочнымъ вазелиновымъ масломъ; начиная съ этой температуры до—60°, это масло разбавлялось на половину нефтянымъ эфиромъ (уд. вѣс. 0,64): отъ—60° до—120° смазочная смѣсь состояла уже изъ 75% нефтянаго эфира и только изъ 25% вазелиноваго масла; при температурахъ отъ 120° до 160° количество нефтянаго эфира приходилось повышать до 90% и,

Digitized by Google

наконецъ, когда температура падала ниже —160° употреблялся уже чистый нефтяной эфиръ.

При этихъ условіяхъ Клоду удалось получить жидкій воздухъ даже съ такой маленькой и несовершенной машиной, которую мы только что описали. Но выходъ жидкаго воздуха былъ крайне незначителенъ, вслѣдствіе многихъ недостатковъ аппарата, изъ которыхъ главными были слѣдующіе:

Во первыхъ, расширеніе сжатаго до 20—25 атмосферъ воздуха Клодъ доводилъ очень далеко,—до одной атмосферы; поэтому часть (1/10) расширившагося въ цилиндрѣ воздуха сжижалась, вопреки расчетамъ экспериментатора, послѣ каждаго движенія поршня. Понятно, конечная температура послѣ такого расширенія (1 атмосф.) и сжиженія воздуха опускалась до - 190 градусовъ, потому что такова температура кипѣнія жидкаго воздуха при давленіи въ одну атмосферу. Не сжижившаяся часть воздуха (болѣе 9/10 всего количества, поступившаго въ цилиндръ) выходила изъ цилиндра при этой низкой температурѣ (—190°), поступала въ уравнитель температуръ и тамъ сильно охлаждала шедшій по внутренней трубкѣ сжатый нагнетательнымъ насосомъ воздухъ, благодаря чему онъ поступалъ въ цилиндръ машины, имѣя температуру въ —130° и даже—135°. А при этой температурѣ и давленіи воздухъ весьма близокъ къ сжиженію; это еще не жидкость, но уже почти не газъ. Отсюда слѣдующія печальныя послѣдствія. Во первыхъ, воздухъ приходитъ въ машину гораздо болѣе сжатымъ, чѣмъ того требуетъ расчетъ, и потому въ цилиндръ расширенія приходится вводить воздуха на 90% болѣе, чѣмъ слѣдовало бы. Во вторыхъ, несмотря на такую расточительность, работа расширенія воздуха идетъ слабо, вслѣдствіе малой упругости его, обусловленной тѣмъ, что при этихъ условіяхъ температуры и давленія воздухъ уже близокъ къ сжиженію.

Какъ бороться съ этимъ? Очень просто, отвѣчаетъ Клодъ. Достаточно понизить первоначальную температуру расширенія и тѣмъ удалиться отъ опаснаго сосѣдства съ температурой сжиженія газа. Если, напримѣръ, при давленіи въ 40 атмосферъ было бы возможно поднять начальную температуру съ—135° до—100°, то мы понизили бы излишнюю трату воздуха съ 90% до 20%; съ другой стороны это меньшее количество, но за то болѣе упругаго, воздуха произвело бы своимъ расширеніемъ бо́льшую работу и дало бы болѣе сильный холодъ.

Неправда ли, говоритъ Клодъ, что звучитъ парадоксомъ это предположеніе понизить температуру, когда весь успѣхъ въ дѣлѣ полученія жидкаго воздуха кажется неразрывно связаннымъ съ полученіемъ температуръ какъ можно болѣе низкихъ?

И вотъ какимъ способомъ Клодъ достигъ поставленной имъ себѣ цѣли. Вмѣсто того, чтобы выходящій изъ машины и расширившійся воздухъ посылать прямо въ уравнитель температуръ при—190°, помѣстимъ

Digitized by Google

по дорогѣ между цилиндромъ расширенія и уравнителемъ особый приборъ—*сгуститель* (*Liquéfacteur*) — L, питаемый также частью сжатаго воздуха, который приводитъ въ дѣйствіе всю машину, см. рис. 2. Этотъ воздухъ подъ вліяніемъ 40 атмосфернаго давленія и страшнаго холода, производимаго расширившимся воздухомъ, циркулирующимъ вокругъ него въ сгустителѣ совершенно также, какъ то происходитъ въ уравнителѣ, станетъ сжижаться; но, какъ извѣстно, температура сжиженія газа повышается, если повышается давленіе; слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ воздухъ въ сгустителѣ будетъ сжижаться не при температурѣ—190°, а при болѣе высокой температурѣ—140°—критической температурѣ воздуха. Благодаря этому и расширенный холодный воздухъ, который идетъ изъ цилиндра въ уравнитель по внѣшней трубкѣ тоже нагрѣется до — 140°, такъ какъ сгуститель, какъ мы указали, находится по дорогѣ между цилиндромъ расширенія и уравнителемъ температуръ, и расширенный воздухъ не можетъ миновать сгустителя. Уравнитель температуръ, въ свою очередь, повыситъ температуру всего прибора.

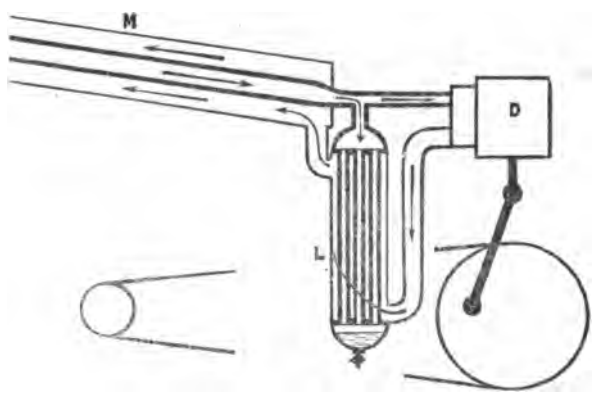

Рис. 2.

Такимъ образомъ цѣль достигнута: воздухъ будетъ поступать въ машину гораздо *менѣе охлажденнымъ*, чѣмъ тогда, когда въ приборѣ не было сгустителя; и все же сжиженіе будетъ совершаться гораздо лучше, чѣмъ прежде. При такихъ условіяхъ, говоритъ Клодъ, механизмъ сжиженія воздуха глубоко измѣняется: вмѣсто того, чтобы каждое расширеніе, при очень низкой начальной температурѣ, вызывало обильное выдѣленіе жидкаго воздуха въ самомъ цилиндрѣ, теперь въ цилиндрѣ происходитъ лишь незначительное образованіе легкаго тумана жидкаго воздуха. *Все сжиженіе происходитъ въ сгустителѣ.*

Благодаря этому *сжиженію подъ давленіемъ* и вызванному имъ повышенію начальной температуры сжиженія, дѣйствіе машины становится во много разъ лучше: вмѣсто 0,2 литра жидкаго воздуха на лошадь—часъ, получившихся въ первомъ приборѣ, теперь получается *0,66 литр.* т. е. выходъ жидкаго воздуха, при ничтожной машинѣ и незначительномъ давленіи въ сорокъ атмосферъ, нѣсколько даже *превышаетъ выходъ*

Digitized by Google

самыхъ большихъ машинъ Линде, работающихъ при громадныхъ давленіяхъ до 200 атмосферъ.

Но Клодъ не остановился на этомъ успѣхѣ. Въ приборѣ съ однимъ сгустителемъ начало процесса идетъ при выгодныхъ условіяхъ, но при дальнѣйшемъ расширеніи условія эти ухудшаются, такъ какъ температура падаетъ все же слишкомъ низко, лишь только начинается расширеніе въ цилиндрѣ. Чтобы избѣжать этого Клодъ придумалъ слѣдующее приспособленіе.

Первое расширеніе, происходящее въ цилиндрѣ—A доводится до такой величины, при которой температура опускается значительно ниже критической температуры воздуха,—положимъ до —160°. Этотъ воздухъ поступаетъ въ внѣшнюю трубку *перваго сгустителя* — L, внутренія трубки котораго, какъ читатель помнитъ, питаются воздухомъ, сжатымъ до 40 атмосферъ. Этотъ сгущенный воздухъ внутреннихъ трубокъ сгустителя благодаря охлажденію, производимому воздухомъ внѣшней трубки сгустителя, сжижается при —140° (критической температурѣ воздуха) и нагрѣваетъ, въ свою очередь, расширенный воздухъ внѣшней трубки сгустителя съ —160° до —140°. При этой температурѣ воздухъ изъ внѣшней трубки 1-го сгустителя поступаетъ въ цилиндръ — B, гдѣ дальнѣйшее расширеніе воздуха происходитъ уже при болѣе выгодныхъ условіяхъ; изъ этого второго цилиндра еще болѣе расширившійся воздухъ идетъ во *второй сгуститель*, совершенно такой же, какъ и первый; здѣсь происходитъ новое сжиженіе, а остальной воздухъ возвращается во внѣшнюю трубку уравнителя температуръ—M, гдѣ, какъ извѣстно, онъ движется въ направленіи, противоположномъ тому, по которому вгоняется въ внутреннюю трубку сгустителя сжатый воздухъ.

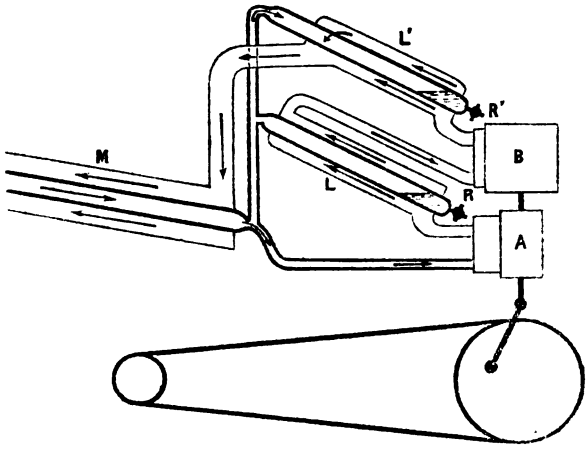

Рис. 3.

Этотъ способъ сжиженія Клодъ называетъ *повторнымъ сжиженіемъ* (*liquéfaction compound*). Здѣсь, какъ мы видимъ, вмѣсто одного цилиндра расширенія и одного сгустителя имѣется *два цилиндра* и *два сгустителя*. Но, конечно, можно достигнуть еще лучшихъ резуль-

Digitized by Google

татовъ, если разбить этотъ процессъ сжиженія воздуха не на два, а еще на большее число этаповъ, такъ какъ тогда сжижилось бы еще большее количество воздуха и трата энергіи была бы менѣе значительна.

Благодаря всѣмъ этимъ усовершенствованіямъ Клодъ достигъ того, что, при машинахъ въ 60—70 лошадиныхъ силъ, на каждую *лошадь—часъ* получается *0,85 литра жидкаго воздуха, содержащаго 35% кислорода.*

Но можно сдѣлать этотъ выходъ еще значительнѣе. Изъ всего предыдущаго ясно, что, если поднять температуру, при которой происходитъ расширеніе воздуха еще выше, чѣмъ критическая температура воздуха, т. е. выше—140°, то выходъ жидкостей, при той же затратѣ энергіи, повысится еще болѣе. Понятно, что разъ сгустители (liquefacteur) охлаждаются воздухомъ, то температура не можетъ быть поднята выше критической температуры воздуха (—140°). Поэтому Клодъ попробовалъ питать эти сгустители кислородомъ, сжатымъ до своего критическаго давленія (50 атм.); при этомъ давленіи кислородъ не можетъ понизить температуры ниже своей критической температуры, т. е. ниже—118° Ц., благодаря чему потери энергіи значительно уменьшатся. Опыты подтвердили теоретическія соображенія Клода и выходъ жидкости *увеличился съ 0,85 до 0,95 литра на одну лошадь—часъ.*

Въ одной изъ своихъ послѣднихъ привилегій Клодъ высказываетъ еще слѣдующую мысль. Вовсе не необходимо, чтобы сжатый газъ, который питаетъ одинъ или всѣ сгустители, былъ тотъ же самый, который расширяется въ цилиндрахъ, производя внѣшнюю работу. Изъ двухъ главныхъ газовъ воздуха—кислородъ имѣетъ болѣе высшую критическую температуру (—180°), чѣмъ воздухъ (—140°), азотъ же болѣе низкую (—146°): слѣдовательно наиболѣе выгодное сочетаніе, наиболѣе значительный выходъ жидкости, будетъ тогда, когда сгустители будутъ питаться кислородомъ (при критическомъ давленіи), а работу расширенія въ цилиндрѣ будетъ совершать азотъ, какъ сохраняющій болѣе упругости при этой низкой температурѣ (—118), чѣмъ воздухъ.

Намъ неизвѣстно, примѣненъ ли этотъ принципъ на практикѣ; въ печати такихъ свѣдѣній не имѣется, а общество *„L'air liquide"* довольно ревниво охраняетъ свои секреты. Во всякомъ случаѣ такого рода усовершенствованіе въ машинахъ Клода возможно,—ибо, какъ читатель увидитъ ниже, въ этихъ машинахъ Клодъ совершаетъ послѣ сжиженія воздуха полное раздѣленіе его на кислородъ и азотъ; поэтому азотъ и кислородъ, взятые для улучшенія хода машины, сжижающей воздухъ, отработавъ въ ней, могутъ поступать обратно въ тѣ части машины, гдѣ они вновь сгущаются въ жидкости.

Что касается вопроса, до какого минимума стоимости можетъ быть при всѣхъ этихъ усовершенствованіяхъ доведенъ жидкій кислородъ, то

Digitized by Google

Клодъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ сообщеній даетъ слѣдующую цифру: для полученія *одного литра жидкаго воздуха* нужно затратить *одну лошадиную силу втеченіе часа*. Иначе говоря, *литръ жидкаго воздуха* обходится ему въ *12 копѣекъ*.

Чтобы закончить эту главу, упомянемъ еще о нѣкоторыхъ машинахъ [1]), основанныхъ также на принципѣ расширенія газа съ внѣшней работой. Это машины *Треппа* (Thrupp) и новыя машины *Рауля Пикте*.

Машина Треппа основана на принципѣ, впервые предложенномъ лордомъ *Рейлигомъ* (Rayleigh) и состоящемъ въ томъ, что сильно сжатый воздухъ заставляютъ съ силой вырываться изъ узкаго отверстія и приводятъ въ дѣйствіе *турбину*. Къ машинѣ присоединенъ также, какъ и у Клода, уравнитель температуръ. Сжиженіе воздуха идетъ въ машинѣ подъ атмосфернымъ давленіемъ; поэтому читателю ясно, что выходъ жидкости будетъ относительно незначителенъ; кромѣ того, быстрое движеніе турбины очень затруднитъ собираніе образующейся жидкости и часть ея живой силы неизбѣжно будетъ превращаться въ теплоту.

На томъ же принципѣ лорда Рейлига построена и машина *Рауля Пикте* 1901 года. Его слѣдующая модель (1902-го года) уже пользуется не турбиной, а обыкновенной поршневой машиной и потому приближается къ первой машинѣ Клода. И противъ этихъ машинъ можно сдѣлать то же возраженіе, что и противъ машины Треппа: разъ не примѣненъ принципъ сжиженія воздуха *подъ давленіемъ*, выходъ жидкаго воздуха будетъ незначителенъ,— а потому обойдется онъ дорого.

Итакъ, изъ всѣхъ машинъ, которыя были до сихъ поръ построены или проэктированы, только послѣдняя машина Клода можетъ дать дешевый жидкій воздухъ, а, слѣдовательно, и дешевый кислородъ.

IV.

Сохраненіе жидкаго воздуха.—Сосуды Дьюара.—Свойства жидкаго воздуха.—Относительная незначительность техническихъ примѣненій жидкаго воздуха.

Воздухъ былъ превращенъ въ жидкость. Ученые стали изучать его свойства. Но для этого прежде всего нужно было найти способъ сохранять эту жидкость болѣе или менѣе продолжительное время. Въ обыкновенныхъ сосудахъ сохранять жидкаго воздуха нельзя, такъ какъ онъ при обычныхъ нашихъ атмосферныхъ условіяхъ почти моментально испаряется. Нужно было изобрѣсть какой-нибудь спеціальный сосудъ. Для того, чтобы замедлить испареніе всякой жидкости, нужно ослабить притокъ къ ней

[1]) Изъ нихъ нѣкоторыя уже построены, нѣкоторыя только проектированы.

Digitized by Google

внѣшней теплоты. Теплота притекаетъ двумя путями: 1) благодаря болѣе или менѣе сильной *теплопроводности* всѣхъ веществъ, въ данномъ случаѣ—воздуха и 2) благодаря *лучеиспусканію*. Въ первомъ случаѣ частицы окружающей среды, напр., воздуха, соприкасаются непосредственно съ сосудомъ, содержащимъ данную жидкость и уступаютъ ему свою теплоту: за ними слѣдуютъ другія частицы и нагрѣваютъ нашъ сосудъ все болѣе и болѣе. Для того, чтобы прекратить этотъ процессъ, нужно преградить доступъ къ нашему сосуду съ жидкимъ воздухомъ газовымъ частицамъ атмосферы. Этого можно достигнуть, окруживъ этотъ сосудъ другимъ, концентрическимъ ему сосудомъ и выкачавъ изъ пространства между стѣнками этихъ сосудовъ воздухъ. Образовавшаяся вокругъ перваго сосуда пустота защититъ находящійся въ немъ жидкій воздухъ отъ теплового воздѣйствія внѣшней среды, ибо пустота, конечно, не можетъ проводить тепла. Въ такомъ сосудѣ съ двойными стѣнками и пустотой между ними жидкій воздухъ испаряется въ 20 разъ медленнѣе, чѣмъ въ обыкновенныхъ сосудахъ. Впервые такіе сосуды были приготовлены *Д'Арсонвалемъ*, а затѣмъ усовершенствованы *Дьюаромъ*. Это усовершенствованіе состояло въ томъ, что Дьюаръ высеребрилъ внутреннія стѣнки нашего двойного сосуда, тѣ стѣнки, которыя ограничиваютъ пустоту; благодаря этому уничтожилось вліяніе лучеиспусканія, такъ какъ посеребренныя и блестящія поверхности почти не испускаютъ тепловыхъ лучей. Испареніе жидкаго воздуха въ такомъ сосудѣ идетъ въ 15 разъ медленнѣе, чѣмъ въ сосудахъ съ внутренней пустотой, но не высеребренной, и, слѣдовательно, въ *300 разъ* медленнѣе, чѣмъ въ обыкновенныхъ сосудахъ. Этимъ Дьюаровскимъ сосудамъ придаютъ различныя формы: трубокъ, балоновъ, чашекъ и доводятъ ихъ вмѣстимость иногда до 10 литровъ. Жидкій воздухъ можетъ сохраняться въ дьюаровскихъ сосудахъ по мѣсяцамъ; чтобы сохранить его, эти сосуды не нужно затыкать пробкой, такъ какъ естественной пробкой является слой холоднаго воздуха, который лежитъ надъ поверхностью жидкости; нужно только защитить эту поверхность отъ циркуляціи воздуха, но для этого достаточно заткнуть отверстіе сосуда ватой.

Когда былъ найденъ способъ сохранять жидкій воздухъ, то изученіе свойствъ его пошло быстрыми шагами. Жидкій воздухъ, когда мы его получаемъ прямо изъ машины, представляетъ собой слабо синеватую жидкость, опалесцирующую, благодаря присутствію въ ней кристалловъ углекислоты; отъ нихъ легко освободиться, профильтровавъ воздухъ черезъ обыкновенную фильтровальную бумагу, которая задерживаетъ эти кристаллы. Тогда получается совершенно прозрачная слабо синеватая жидкость. Синимъ цвѣтомъ жидкій воздухъ обязанъ кислороду: чѣмъ въ этой жидкости больше кислорода, тѣмъ она синѣе; чистый жидкій кислородъ имѣетъ довольно интенсивный цвѣтъ; жидкій же азотъ совершенно безцвѣтенъ.

Удѣльный вѣсъ жидкаго воздуха, при нормальномъ его составѣ, не-

Digitized by Google

много ниже 1, т. е. удѣльнаго вѣса воды. Литръ жидкаго азота вѣситъ 880 гр., литръ жидкаго кислорода—1.120 граммовъ.

Въ началѣ думали, что, благодаря своей страшно низкой температурѣ жидкій воздухъ явится необыкновенно сильнымъ и выгоднымъ источникомъ холода. Оказалось, что это глубокое заблужденіе: килограммъ жидкаго воздуха производятъ такое же охлаждающее дѣйствіе, какъ полтора килограмма льда. Ясно, что жидкій воздухъ можно употреблять тогда лишь, когда намъ важно *качество* холода, напримѣръ, если мы хотимъ достигнуть температуры на 200° ниже нуля: для этого достаточно испарять жидкій воздухъ въ пустотѣ.

Благодаря низкой температурѣ жидкій воздухъ принимаетъ такъ называемое сфероидальное состояніе тогда, когда онъ приходитъ въ соприкосновеніе съ какимъ-нибудь тѣломъ, имѣющимъ нашу обычную температуру (15—17°); иначе говоря, при этихъ условіяхъ между этимъ тѣломъ и жидкимъ воздухомъ образуется промежуточный газовый слой — плохой проводникъ тепла; благодаря этому газовому слою можно безнаказанно опустить руку въ жидкій воздухъ на нѣсколько мгновеній.

При температурѣ жидкаго воздуха легко замерзаютъ почти всѣ жидкости, ртуть становится твердой, какъ сталь, и можетъ служить молоткомъ для вбиванія гвоздей, спиртъ замерзаетъ. Всѣ тѣла становятся необыкновенно твердыми и ломкими: каучукъ пріобрѣтаетъ твердость и ломкость стекла, металлы также легко разбиваются отъ удара, но сила ихъ сопротивленія разрыву увеличивается: такъ, напримѣръ, стальная проволока выдерживаетъ при этой низкой температурѣ вѣсъ въ 8 разъ больше, чѣмъ при температурѣ въ + 16°. Электропроводность металловъ сильно возрастаетъ. Нѣкоторые сплавы, при обыкновенной температурѣ немагнитные, пріобрѣтаютъ сильный магнетизмъ при температурѣ жидкаго воздуха.

Цвѣтъ тѣлъ, ихъ фосфоресценція, флуоресценція и масса другихъ физическихъ свойствъ совершенно мѣняется при этихъ низкихъ температурахъ.

Химическое сродство различныхъ веществъ другъ къ другу въ большинствѣ случаевъ или совершенно пропадаетъ, или сильно ослабляется; одинъ фторъ продолжаетъ энергично соединяться съ водородомъ.

Какія же примѣненія имѣетъ уже въ настоящее время жидкій воздухъ? Имъ пользуются для очистки многихъ химическихъ продуктовъ отъ ненужныхъ примѣсей; этотъ способъ примѣняютъ тогда, когда температуры превращенія въ жидкость раздѣляемыхъ нами веществъ очень низки и различны. Въ послѣднее время этими низкими температурами пользуются для полученія наиболѣе совершенной пустоты, примѣняя при этомъ недавно открытое свойство древеснаго угля поглощать при температурѣ жидкаго воздуха громадныя количества газа. Отмѣтимъ еще, что изъ смѣси жидкаго воздуха и угольной пыли Линде приготовилъ взрывчатую смѣсь, вполнѣ замѣняющую динамитъ.

Digitized by Google

Одно время думали примѣнить жидкій воздухъ къ особаго типа двигателямъ, основываясь при этомъ на слѣдующемъ опытѣ: если жидкій воздухъ заключить въ крѣпкій стальной сосудъ, герметически закрытый, то теплота окружающаго воздуха быстро переведетъ находящуюся въ сосудѣ жидкость въ паръ и повысить давленіе болѣе чѣмъ въ сто разъ. Но слѣдующее простое соображеніе показываетъ, что надежды эти несбыточны. Килограммъ жидкаго воздуха можетъ дать не болѣе $^1/_6$ лошадиначаса; такое количество двигательной силы даетъ одна десятая литра керосина. Слѣдовательно можно будетъ примѣнить жидкій воздухъ, какъ двигательную силу только тогда, когда онъ станетъ въ 10 разъ дешевле керосина. Впрочемъ, есть нѣкоторые спеціальные случаи, когда, несмотря на эту невыгоду, жидкій воздухъ можетъ быть все же употребленъ, какъ двигатель, напримѣръ, въ подводныхъ лодкахъ, гдѣ жидкій воздухъ играетъ роль и двигателя, и вентилятора, и охладителя и гдѣ другого рода двигатели представляютъ гораздо большія неудобства.

Такимъ образомъ мы видимъ, что техническія примѣненія жидкаго воздуха незначительны и цѣнность его лежитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ заключаетъ въ себѣ кислородъ и азотъ, которые можно получить изъ него въ чистомъ видѣ.

V.

Способы обогащенія жидкаго воздуха кислородомъ и полученіе при этомъ почти чистаго азота.—Принципъ Перкинсона. Схема прибора Клода.—Литръ жидкаго воздуха—отъ 0, 4 до 0, 3 копѣйки.—Кривая Бэлей. „Частичное сжиженіе съ обращеніемъ назадъ".

Мы уже упоминали, что способы извлеченія кислорода изъ жидкаго воздуха должны основываться на различіи ихъ точекъ кипѣнія: жидкій кислородъ кипитъ при $-180^0$5 град., жидкій азотъ при -194 градусахъ. Поэтому азотъ начинаетъ испаряться раньше, остающаяся жидкость постепенно обогащается кислородомъ и подъ конецъ состоитъ цѣликомъ изъ кислорода, такъ какъ азотъ весь уже испарился. Одновременно съ этимъ испареніемъ повышается и температура кипѣнія нашей жидкости: съ -194 градусовъ она поднимается до $-180^0$5 градусовъ. Такимъ образомъ, чѣмъ жидкій воздухъ богаче азотомъ, тѣмъ онъ холоднѣе.

Но выгодно ли производить выдѣленіе кислорода изъ жидкаго воздуха столь простымъ способомъ?

Каждый килограммъ жидкаго нормальнаго воздуха содержитъ 230 граммъ жидкаго кислорода, иначе 150 литровъ кислорода въ газообразномъ состояніи. Предположимъ (что, какъ мы увидимъ ниже, совершенно невѣрно), что простое испареніе жидкаго воздуха оставитъ намъ цѣликомъ эти 150 литровъ кислорода на каждый килограммъ жидкаго воздуха. Тогда для по-

Digitized by Google

лученія 1 куб. метра кислорода нужно было бы затратить 7 килограммовъ жидкаго воздуха, т. е. не менѣе 7 лошадь-часовъ. Это дешевле, чѣмъ кислородъ, добытый путемъ электролиза воды (1 куб. метръ—18 лошадь—часовъ), но все же очень дорого. На дѣлѣ результаты такого примитивнаго испаренія еще хуже, такъ какъ испаряющійся азотъ уноситъ съ собой и часть кислорода. Даже въ самомъ началѣ испаренія, когда жидкій воздухъ содержитъ еще нормальное количество кислорода—21%, испаряющійся азотъ уноситъ съ собой 7% кислорода. Это количество по мѣрѣ испаренія послѣдовательно возрастаетъ: такъ, когда испаряющаяся жидкость доходитъ до содержанія въ ней 60% кислорода,—улетающій газъ содержитъ въ себѣ уже 30% кислорода и всего 70% азота. Такимъ образомъ, когда къ концу испаренія килограмма жидкаго воздуха, жидкость будетъ содержать 90% кислорода, ея останется такъ мало, что общее количество кислорода, въ ней будетъ уже не 150 литровъ (перечисленъ на газообразное состояніе), а всего 20, т. к. 130 литровъ улетѣли вмѣстѣ съ азотомъ. Поэтому, при такомъ способѣ полученія кислорода изъ жидкаго воздуха кубическій метръ кислорода обошелся бы уже не въ 7 лошадь—часовъ, а *въ 50*, т. е. въ *три раза дороже кислорода*, получаемаго путемъ разложенія воды. Результатъ удручающій.

Но изобрѣтательная мысль нашла способъ и побѣдила, казалось, непреоборимое препятствіе. Всѣмъ извѣстно, что воду можно кипятить не только на огнѣ какого нибудь источника тепла, но и слѣдующимъ способомъ. Предположимъ, что въ сосудѣ съ водой, которую хотятъ кипятить, помѣщенъ другой, трубчатый сосудъ, куда безпрерывно вводится подъ давленіемъ въ 4 атмосферы струя водяного пара. Этотъ паръ не можетъ имѣть температуру менѣе 150 градусовъ, такъ какъ при давленіи въ 4 атмосферы, температура кипѣнія воды поднимается на 50 градусовъ. Поэтому, когда этотъ паръ поступаетъ во внутренній сосудъ, то онъ, охлаждаясь отъ соприкосновенія съ водой внѣшняго сосуда, сгущается въ жидкость, а воду внѣшняго сосуда соотвѣтственно нагрѣваетъ. Такимъ образомъ, на каждый килограммъ улетѣвшаго водянаго пара изъ внѣшняго сосуда, во внутреннемъ сосудѣ изъ пара сгустится 1 килограммъ воды.

Подобный способъ кипяченія воды былъ бы очень выгоденъ, если вода была бы очень дорога, а водяной паръ намъ ничего не стоилъ бы. Къ водѣ это не примѣнимо, но какъ разъ соотвѣтственныя условія мы наблюдаемъ по отношенію къ воздуху въ газообразномъ и въ жидкомъ состояніи. Газообразный воздухъ ничего не стоитъ, а жидкій стоитъ очень дорого. Слѣдовательно, нужное намъ для отдѣленія кислорода отъ азота испареніе жидкаго воздуха намъ необходимо вести не обычнымъ, а именно вторымъ способомъ, т. е. нагрѣвать жидкій воздухъ его собственнымъ паромъ, иначе говоря, обыкновеннымъ газообразнымъ воздухомъ только нѣсколько сжатымъ. Этотъ сжатый воздухъ, вводимый такъ же, какъ въ

Digitized by Google

описанномъ выше опытѣ водяной паръ, во внутренній трубчатый холодильникъ, заключенный внутри сосуда съ жидкимъ воздухомъ, будетъ сжижаться и уступать свою скрытую теплоту сжиженія внѣшнему жидкому воздуху, благодаря чему этотъ послѣдній испаряется такъ, какъ мы описывали выше, все больше и больше обогащая остающуюся жидкость кислородомъ.

Такимъ образомъ, мы не только получимъ съ одной стороны почти чистый кислородъ и азотъ, но и снова почти возстановимъ истраченное для этого количество жидкаго воздуха. Эта геніальная по своей простотѣ мысль была высказана *Перкинсономъ* еще въ 1892 году. На этомъ принципѣ и построены приборы *(Перкинсона, Линде, Гемпсона, Пикте, Клода)*, хотя и не достигающіе полнаго раздѣленія жидкаго воздуха на кислородъ и азотъ, но все же дающіе жидкій воздухъ сильно обогащенный кислородомъ.

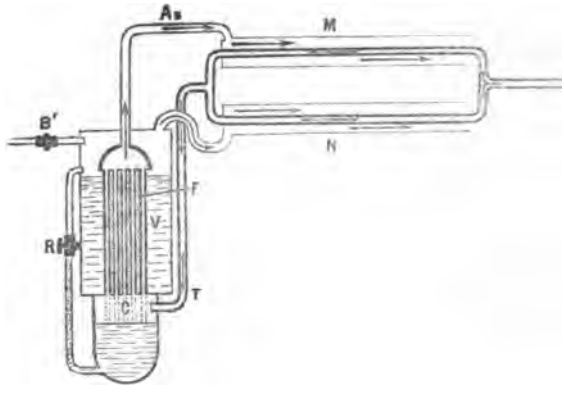

Рис. 4.

Дадимъ наиболѣе простую схему прибора, построеннаго на этомъ принципѣ.

Представимъ себѣ цилиндрическій пріемникъ съ жидкимъ воздухомъ, подлежащимъ испаренію. См. рис. 4. Внутри его вставленъ трубчатый холодильникъ, снабженный внизу сосудомъ, въ который стекаетъ вновь образующійся жидкій воздухъ. Въ этотъ трубчатый холодильникъ вдувается воздухъ, сжатый подъ давленіемъ въ 3—4 атмосферы. Воздухъ этотъ сжижается тѣмъ обильнѣе, чѣмъ болѣе онъ охлажденъ при переходѣ черезъ уравнитель температуръ (совершенно такой же, какой описанъ нами при машинахъ для полученія жидкаго воздуха). По мѣрѣ того, какъ сжатый воздухъ сжижается и собирается въ сосудѣ-коллекторѣ трубчатаго холодильника, жидкій воздухъ, находящійся во внѣшнемъ сосудѣ, испаряется въ соотвѣтственномъ количествѣ. Въ началѣ испаряющійся воздухъ содержитъ всего 7% кислорода, соотвѣтственно 21% содержанію кислорода въ нормальномъ жидкомъ воздухѣ,—но постепенно содержаніе кислорода повышается и въ испаряющемся газѣ и въ остающейся жидкости. Когда эта жидкость доведена до желаемаго процентнаго содержанія кислорода, ее сцѣживаютъ, открывъ соотвѣтственный кранъ, а вмѣсто нея, при посредствѣ другого крана, переливаютъ изъ сосуда-коллектора трубчатаго холодильника обра-

Digitized by Google

зовавшійся тамъ жидкій нормальный воздухъ съ 21% содержанія кислорода. Затѣмъ тотъ же процессъ начинается снова. Конечно, теперь приходится прибавить еще нѣсколько новаго жидкаго воздуха изъ машины его образующей, такъ какъ все-таки не все количество жидкаго воздуха возстановляется при этомъ процессѣ. Главныя потери происходятъ потому, что, несмотря на происходящій тепловой обмѣнъ между внѣшней и внутренней частью прибора, все же испаряющіеся газы выходятъ нѣсколько холоднѣе, не отдаютъ внутренней части прибора всего своего холода, при чемъ обыкновенно разница температуръ между входящимъ и выходящимъ газомъ не менѣе 10 градусовъ. И все же, несмотря на эти потери, *съ однимъ килограммомъ жидкаго воздуха* въ такихъ приборахъ можно обработать отъ *30 до 40 килограммовъ атмосфернаго воздуха.*

Такимъ образомъ, даже эти простые и *всѣмъ доступные* приборы удешевляютъ цѣну добытаго машиной жидкаго воздуха въ 30 и даже 40 разъ. Если допустить, что машина Клода можетъ давать 1 литръ жидкаго воздуха на каждую лошадь-часъ, то при помощи этихъ приборовъ мы доведемъ цѣну жидкаго воздуха до $^1/_{30}$ и даже $^1/_{40}$ лошадь-часа (т. е. отъ 0, 4 до 0, 3 копѣйки); и къ тому же этотъ жидкій воздухъ будетъ обогащенъ кислородомъ.

Мы не станемъ останавливаться на описаніи машинъ этого типа. Скажемъ только нѣсколько словъ объ оригинальномъ усовершенствованіи, внесенномъ въ данные приборы остроумнымъ изобрѣтателемъ, имя котораго мы уже не разъ упоминали на страницахъ этой статьи, — *Клодомъ*. Онъ назвалъ этотъ способъ *„частичное сжиженіе съ возвращеніемъ назадъ“* (Liquéfaction partielle avec retour en arrière).

На основаніи уже упомянутой нами закономѣрной связи между процентнымъ содержаніемъ кислорода въ испаряющемся жидкомъ воздухѣ и въ испаряющихся этой жидкостью парахъ, можно построить кривую, которая заранѣе укажетъ намъ эти соотношенія (*кривая Бэлей* — Baly). Такъ, эта кривая укажетъ намъ, что если такая жидкая смѣсь испаряетъ газовую смѣсь, содержащую 21% кислорода, т. е. испаряетъ нашъ атмосферный воздухъ, то испаряющая жидкость должна содержать 48% кислорода и 52% азота. И, наоборотъ, если атмосферный воздухъ (21% кислорода) постепенно сгущается, то первыя капли образующейся жидкости будутъ содержать 48% кислорода. Можно, конечно, привести и цѣлый рядъ промежуточныхъ взаимоотношеній, которыя указываютъ, что при смѣси *жидкостей* съ опредѣленнымъ содержаніемъ кислорода и азота можетъ существовать только *газовая* смѣсь съ другимъ, тоже опредѣленнымъ содержаніемъ кислорода и азота. Напримѣръ, жидкій воздухъ съ 21% кислорода связанъ съ существованіемъ газа съ 7% кислорода; жидкость съ 48% связана съ газомъ, содержавшимъ 21% кислорода, и т. д.

Предположимъ, что въ пробирку, содержащую жидкій воздухъ съ 21%

Digitized by Google

кислорода, мы опустили до конца пробирки трубочку, черезъ которую выдѣляется газообразный кислородъ; кислородъ поднимается черезъ жидкость въ видѣ пузырьковъ, но когда эти пузырьки появляются и лопаются на поверхности жидкости, то мы видимъ, что это не кислородъ, а азотъ, такъ какъ зажженная спичка въ этомъ газѣ гаснетъ. Ясно, что кислородъ этихъ пузырьковъ сжижился подъ вліяніемъ низкой температуры окружающаго жидкаго воздуха и замѣстился пузырьками болѣе летучаго азота, замѣстился, впрочемъ, не цѣликомъ, такъ какъ въ пузырькахъ еще осталось 7% кислорода (соотвѣтственно 21% кислорода даннаго жидкаго воздуха).

Этими соображеніями и воспользовался Ж. Клодъ для построенія своего прибора *„частичнаго сжиженія съ возвращеніемъ назадъ“*. Главное отличіе его отъ описаннаго нами выше прибора состоитъ въ томъ, что сжатый и холодный (благодаря дѣйствію уравнителя температуръ) воздухъ направляется не въ верхнюю, а въ *нижнюю* часть внутренняго трубчатаго холодильника. Здѣсь этотъ воздухъ начинаетъ сжижаться и, какъ мы уже указывали выше, первыя капли жидкости будутъ содержать 48% кислорода. Обѣдненный вслѣдствіе этого воздухъ станетъ подниматься въ трубчатомъ холодильникѣ выше, и жидкость, которая тамъ образуется, хотя уже и не содержащая точно 48% кислорода, все же еще болѣе обѣднитъ оставшійся газъ; выше газъ выдѣлитъ еще болѣе бѣдную кислородомъ жидкость и т. д. Наконецъ, вверху трубчатаго холодильника газовый остатокъ будетъ состоять уже изъ почти чистаго азота.

Какъ только въ какой-либо точкѣ нашего внутренняго трубчатаго холодильника началъ образовываться жидкій воздухъ, то онъ, въ силу своей тяжести, долженъ падать внизъ, въ обратномъ направленіи восходящимъ газамъ. Это — *возвращеніе назадъ*. Во время этого возвращенія капли жидкаго воздуха приходятъ въ соприкосновеніе съ газомъ все болѣе и болѣе богатымъ кислородомъ сравнительно съ тѣмъ, изъ котораго каждая данная капля образовалась. Поэтому, согласно сказанному выше, между этими падающими внизъ каплями жидкаго воздуха и поднимающимися газами должно ежеминутно возстановляться, требуемое кривой Бэлей, равновѣсіе: часть кислорода газовой смѣси сжижается и замѣщаетъ въ падающихъ каплях болѣе летучій азотъ, который въ силу этого поднимается кверху. Этотъ обмѣнъ происходитъ во всѣхъ точкахъ нашего трубчатаго холодильника такимъ образомъ, что падающая жидкость играетъ по отношенію къ поднимающемуся газу роль холоднаго душа, сжижающаго кислородъ поднимающихся кверху газовъ.

Благодаря этому необычайно остроумному пріему, мы въ простомъ и опять-таки доступномъ для всѣхъ приборѣ сразу получаемъ *почти чистый азотъ* въ газообразномъ состояніи, и *жидкій воздухъ, обогащенный кислородомъ до* 48% (вмѣсто 21% нормальнаго воздуха); но, кромѣ того, извлекая въ видѣ этой жидкости весь кислородъ изъ поступающаго

Digitized by Google

въ приборъ воздуха, мы не нуждаемся, какъ въ предыдущемъ приборѣ, въ дальнѣйшемъ испареніи частей жидкости, заключающихъ отъ 21% до 48% кислорода, причемъ терялась 1/3 всего кислорода обрабатываемаго воздуха. Поэтому Клодъ полагаетъ, что по отношенію къ первому простому прибору выходъ кислорода увеличивается на 50%.

V.

Полное раздѣленіе жидкаго воздуха на чистый кислородъ и чистый азотъ. — Ректификаціонная колонка. — Введеніе Клодомъ принципа „частичнаго сжиженія съ возвращеніемъ назадъ".—Пудъ жидкаго кислорода стоитъ 8—10 копѣекъ.

Теперь намъ остается только познакомить читателя съ приборами, благодаря которымъ производится *полное раздѣленіе жидкаго воздуха* на *чистый азотъ и чистый кислородъ*. Всѣ эти приборы построены на принципѣ, заимствованномъ изъ винокуреннаго производства. Извѣстно, что простой перегонкой нельзя отдѣлить спиртъ отъ воды; первыя части перегона будутъ всегда богаче спиртомъ, чѣмъ послѣдующія. Но если взять первую порцію перегонки и перегонять ее снова, то опять первыя части выдѣляющихся паровъ будутъ еще богаче спиртомъ. Собирая эту часть и снова подвергая ее перегонкѣ, — получимъ жидкость еще болѣе богатую спиртомъ и т. д. Повторяя число этихъ перегонокъ извѣстное число разъ, можно получить спиртъ желаемой крѣпости. Этотъ процессъ называется многократной перегонкой или *ректификаціей*. Въ современномъ винокуреніи эту многократную перегонку ведутъ не послѣдовательными отдѣльными операціями, а *сразу*. Для этого сгущаютъ охлажденіемъ первыя порціи перегона и черезъ образовавшуюся жидкость пропускаютъ пары слѣдующихъ порцій; водяные пары этихъ порцій перейдутъ въ жидкое состояніе и выдѣлятъ, благодаря этому, теплоту; температура жидкости перваго перегона поднимется и спиртъ, заключенный въ ней, перейдетъ въ парообразное состояніе. Чтобы вести послѣдовательный рядъ этихъ операцій *сразу* пользуются слѣдующимъ принципомъ. Если смѣсь паровъ воды и спирта проходитъ по холодной поверхности какихъ-либо тѣлъ, то на поверхности этихъ тѣлъ раньше сгустится и перейдетъ въ жидкое состояніе вода, какъ кипящая выше, чѣмъ спиртъ; эта осѣвшая вода будетъ заключать въ себѣ все же нѣкоторое количество спирта. Въ парообразномъ состояніи останется спиртъ, содержащій нѣкоторое количество воды. Если жидкость, богатую водой, переводить снова въ перегонный кубъ, а пары, богатые спиртомъ охлаждать, то можно достигнуть крѣпости спирта въ 80—95%. Эта операція называется *дефлагмаціей*.

Представимъ себѣ полый цилиндръ, внутри котораго, на извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга стоятъ охлаждающія чашки. Если вводить

Digitized by Google

смѣсь спирта съ водой, которую мы желаемъ раздѣлить, въ нижнюю часть прибора, то постепенно спиртъ, какъ кипящій при болѣе низкой температурѣ, будетъ все болѣе и болѣе обогащать верхнія чашки, а вода стекать въ нижнія.

Благодаря ректификаціи и дефлагмаціи получаютъ почти чистый спиртъ.

Ясно, что тотъ же пріемъ можно примѣнить и къ раздѣленію *жидкаго* воздуха на кислородъ и азотъ. *Азотъ*, какъ кипящій при болѣе низкой температурѣ, будетъ выдѣляться изъ жидкаго воздуха *въ видѣ газа въ верхней* части ректификаціонной колонны, а *кислородъ въ жидкомъ видѣ въ нижней* части ея.

Идея примѣнить къ фракціонной перегонкѣ жидкаго воздуха спиртовую ректификаціонную колонну напрашивалась сама собою каждому, кто занимался этими вопросами. И потому неудивительно, что во всѣхъ безъ исключенія приборахъ, построенныхъ или проэктированныхъ для этой цѣли, имѣется ректификаціонная колонна въ томъ или иномъ видѣ, Первый приборъ такого типа построенъ *Лезюеромъ* (Lesuer) въ 1900 г.; затѣмъ слѣдуютъ приборы *Трёппа* (Thrupp) (1900), *Линде* (Linde) (1902): второй приборъ *Линде* (1903), *Леви* (B. I. Lévy) (1903), *Клода* (1903), *Леви и Гельброннера* (Lévy & Helbronner) (1903).

Мы остановимся кратко только на болѣе простомъ приборѣ *Леви* и на усовершенствованіи, внесенномъ въ этотъ приборъ *Клодомъ*.

Представимъ себѣ описанный уже нами приборъ, въ которомъ производится обогащеніе жидкаго воздуха кислородомъ: внѣшній пріемникъ, въ началѣ полный жидкимъ воздухомъ, въ немъ трубчатый холодильникъ, питаемый, какъ и тогда, сжатымъ (до 3—4 атм.) и холоднымъ воздухомъ; но только къ верхней части этого прибора присоединена ректификаціонная колонна такимъ образомъ, что газы, испаряющіеся изъ жидкаго воздуха внѣшняго пріемника поднимаются въ эту колонну. Какъ мы помнимъ, поступающій сжатый воздухъ сгущается во внутреннемъ трубчатомъ холодильникѣ въ жидкость, содержащую 21% кислорода. Эта жидкость, при посредствѣ соединительной трубки и благодаря давленію (3 — 4 атм.), поддерживаемому въ этомъ внутреннемъ трубчатомъ холодильникѣ, безпрерывно поступающимъ туда воздухомъ, переливается въ верхнюю часть ректификаціонной колонны и непрерывно стекаетъ внизъ съ чашки на чашку. Понятно, что эта стекающая жидкость будетъ находиться въ непрерывномъ соприкосновеніи съ газомъ, поднимающимся вверхъ изъ внѣшняго пріемника. Эти газы постепенно будутъ обѣдняться кислородомъ и обогащаться азотомъ; когда они достигнутъ послѣдней верхней чашки ректификаціонной колонки и будутъ, такъ сказать, пройты жидкимъ воздухомъ этой чашки, содержащимъ 21% кислорода, то въ нихъ останется (вспомнимъ кривую Белей) только 7% кислорода, остальное будетъ азотъ. Этотъ почти чистый азотъ и выводится изъ прибора въ видѣ газа.

Digitized by Google

Жидкость же стекающая сверху ректификаціонной колонны внизъ, по мѣрѣ своего движенія все болѣе и болѣе обогащается кислородомъ такимъ образомъ, что каждая слѣдующая (сверху внизъ) чашка содержитъ жидкость болѣе богатую кислородомъ, чѣмъ чашка, лежащая надъ нею. Наконецъ, на самую нижнюю чашку, а оттуда въ внѣшній пріемникъ нашего прибора, поступаетъ уже почти чистый жидкій кислородъ, который и сливаютъ при помощи особаго крана.

При этомъ способѣ на каждые 100 куб. метровъ воздуха, поступающаго въ приборъ сжижается 15 метровъ кислорода; теряется такимъ образомъ 7 куб. метровъ, уходящихъ изъ прибора вмѣстѣ съ газообразнымъ азотомъ.

Результатъ превосходный. Но *Клодъ* ввелъ усовершенствованіе въ этотъ приборъ, который позволяетъ весь воздухъ, вводимый въ машину, раздѣлить на почти чистый жидкій кислородъ и такой же почти чистый азотъ.

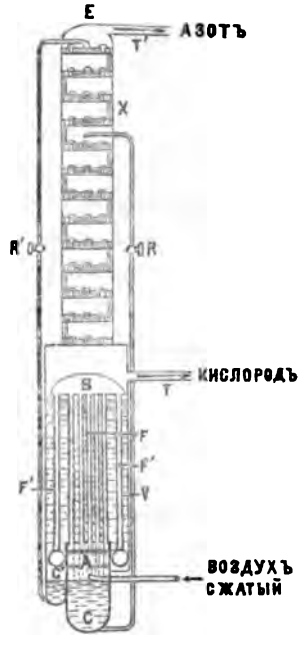

Рис. 5.

Для этого къ описанной выше машинѣ Клодъ присоединяетъ уже знакомый нашему читателю приборъ, см. рис. 5, принципъ котораго Клодъ называетъ *частичное сжиженіе съ возвращеніемъ назадъ* (См. выше). Какъ мы знаемъ, въ этомъ приборѣ сжатый холодный воздухъ поступаетъ не въ верхнюю, а въ *нижнюю* часть внутренняго трубчатаго холодильника, благодаря чему въ пріемникъ собирается жидкость, содержащая до 48% кислорода, а въ верхней части трубчатаго холодильника скопляется почти чистый газообразный азотъ. Этотъ азотъ сгущается теперь въ холодильникѣ, концентрическомъ первому трубчатому, и образуетъ почти чистый жидкій азотъ. Жидкость, богатая, кислородомъ переливается по особой трубкѣ въ среднюю часть ректификаціонной колонны и тѣмъ самымъ извлекаетъ изъ поднимающихся по колоннѣ газовъ кислородъ, доведя содержаніе въ нихъ кислорода до 21% (соотвѣтствен. 48 до содержанія кислорода въ самой жидкости). Жидкій азотъ по другой трубкѣ R^1 поступаетъ въ верхнюю часть ректификаціонной колонны и извлекаетъ изъ поднявшихся газовъ почти всѣ ихъ 21% кислорода. Въ концѣ концовъ— кранъ въ верхней части ректификаціонной колонки доставляетъ намъ *чистый азотъ*, а кранъ, находящійся въ верхней части внѣшняго пріемника, слѣдовательно подъ этой колонной даетъ почти *чистый кислородъ* (98%—99%).

Digitized by Google

Такимъ образомъ грандіозная техническая задача — раздѣленіе атмосфернаго воздуха на кислородъ и азотъ осуществлена, и при томъ столь простымъ и дешевымъ способомъ, что *литръ жидкаго кислорода* обойдется заводчику около $^1/_2$ *копѣйки*. Въ пудѣ приблительно 17 литровъ жидкаго кислорода, слѣдовательно пудъ его стоитъ всего *8—10 копѣекъ*— въ *десять разъ дешевле желѣза*.

VII.

Техническія и соціальныя перспективы.

Посмотримъ же теперь, что готовитъ намъ въ грядущемъ появленіе дешеваго кислорода и азота?

Остановимся сначала на кислородѣ.

Кислородъ, какъ всѣмъ извѣстно, — основа горѣнія. Горѣніе — это энергичное окисленіе, т. е. соединеніе горючихъ веществъ съ кислородомъ. Слѣдовательно, всѣ техническіе процессы, гдѣ необходимо горѣніе, гдѣ происходитъ сжиганіе горючаго вещества, будутъ идти, при воздѣйствіи кислорода, неизмѣримо энергичнѣе, чѣмъ въ обычной атмосферѣ, а, слѣдовательно, потребуютъ гораздо *меньше времени и мѣста*. Одно это уже сильно удешевитъ всякое производство, — ибо въ какомъ производствѣ можно обойтись безъ процессовъ горѣнія?

Кромѣ того, при употребленіи кислорода можно будетъ использовать, какъ топливо, такіе матеріалы, которые при теперешней, *воздушной* топкѣ непримѣнимы: пойдутъ въ дѣло многіе непригодные теперь сорта каменнаго угля, различные отбросы и масса другихъ веществъ, которые при современной техникѣ пропадаютъ зря.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда процессы горѣнія производятся для свѣтовыхъ эффектовъ — для освѣщенія, примѣненіе кислорода окажетъ также громадныя услуги, такъ какъ источники свѣта горятъ въ кислородѣ несравненно ярче, чѣмъ въ простомъ воздухѣ. Вѣроятно, и къ освѣщенію будутъ вслѣдствіе этого примѣнены такіе матеріалы, о которыхъ мы теперь и не думаемъ,

Затѣмъ, нужно отмѣтить также, что горѣніе горючаго газа или угля въ кислородѣ развиваетъ такія высокія температуры, при которыхъ наиболѣе плавкіе металлы текутъ, какъ вода. Ясно, что уже одно это должно произвести глубокую революцію во всей металлургіи и удешевить въ сильной степени металлургическія производства, а, слѣдовательно, и стоимость всѣхъ металлическихъ, особенно же, что всего важнѣе, желѣзныхъ издѣлій. Эти высокія температуры, при которыхъ плавятся не только металлы, но и тугоплавкіе минералы, напримѣръ, кварцъ, будутъ, можетъ быть, также примѣнены и къ извлеченію золота изъ кварцевыхъ породъ.

Digitized by Google

Но не только процессы горѣнія, но и болѣе медленные процессы окисленія, напримѣръ полученіе сѣрной кислоты изъ болѣе низкихъ окисловъ сѣры, станутъ тогда проще, быстрѣе и дешевле.

Кромѣ удешевленія почти всѣхъ производствъ, примѣненіе дешеваго кислорода совершитъ еще другое грандіозное дѣло: оно оздоровитъ, сдѣлаетъ болѣе гигіеничнымъ эти производства, и не только ихъ, но и самые города и дома. Дымъ фабричныхъ трубъ уже не будетъ отравлять воздуха нашихъ большихъ городовъ и фабричныхъ поселковъ. Достаточно будетъ пропускать въ верхнюю часть фабричныхъ печей кислородъ, и онъ уничтожитъ этотъ дымъ, окисливъ его въ углекислый газъ. Вентиляція и дезинфекція фабричныхъ помѣщеній и жилыхъ домовъ при помощи кислорода станетъ осуществимой, хотя бы бѣдность рабочихъ и жадность фабрикантовъ и не уменьшились. Одно это улучшитъ здоровье городского населенія больше, чѣмъ постройка сотенъ больницъ, которыя, конечно, все же нужно будетъ строить и тогда.

Какъ мы знаемъ, вмѣстѣ съ жидкимъ кислородомъ приборы Клода и другихъ доставляютъ и *азотъ*—эту основу жизни и земледѣлія. Къ сожалѣнію, при современномъ положеніи химіи, врядъ ли этотъ азотъ можетъ сейчасъ найти такое же широкое примѣненіе въ техникѣ и индустріи, какъ кислородъ.

Всѣ, конечно, знаютъ, что азотъ—газъ инертный и въ прямыя соединенія вступаетъ съ большимъ трудомъ, при громадной затратѣ энергіи. Но косвеннымъ путемъ можно использовать и это инертное вещество и приготовить изъ него чрезвычайно цѣнный продуктъ. Такъ, въ самое послѣднее время, въ текущемъ году, химикъ *Рудольфи* открылъ, что если азотъ дѣйствуетъ на такъ называемые *карбиды кальція или барія* [1]), то образуются сложныя соединенія (*ціаниды, ціанамиды, амиды*), которыя при медленномъ дѣйствіи на нихъ воды даютъ *амміакъ* [2]). Амміакъ же легко окисляется въ почвѣ въ соли азотной кислоты, такимъ образомъ эти сложныя вещества (ціаниды и т. д.) могутъ явиться столь же хорошимъ минеральнымъ удобреніемъ, какъ и чилійская селитра. Если условія данной реакціи будутъ изучены лучше, то при посредствѣ карбидовъ мы будемъ изъ азота воздуха получать амміакъ въ неограничен-

---

[1]) Карбидами называются химическія соединенія углерода съ металлами. Они впервые выдѣлены (карбидъ желѣза Fe_3C_4) при медленномъ и постепенномъ охлажденіи стали, нагрѣтой до свѣтло-краснаго каленія. Отсюда ясно, что примѣненіе дешеваго кислорода къ металлургическимъ производствамъ облегчитъ добываніе и карбидовъ.

[2]) Вотъ эти реакціи: BaC_2 (карбидъ барія) + N_2 (азотъ) = $Ba(CN)_2$ (ціанидъ барія), или: BaC_2 (карбидъ барія) + N_2 = $BaCN_2$ (ціанамидъ барія) + C_2 (углеродъ); CaC_2 (карбидъ кальція) + N^2 = $CaCN_2$ (амидъ кальція) + C.

Digitized by Google

номъ количествѣ, а отъ амміака легко уже перейти ко всѣмъ соединеніямъ азота. Къ сожалѣнію, свободнаго бѣлка изъ этихъ простыхъ соединеній азота мы получать еще не умѣемъ. Но не такъ ужъ далекъ день, когда химія одержитъ и эту побѣду.

В. Агафоновъ.

Digitized by Google

Эдвардъ Григъ.

ОЧЕРКЪ.

I.

Едва-ли въ Европѣ есть другой народъ, у котораго была бы такъ ярко выражена любовь ко всему національному, какъ у норвежцевъ. Это не простая національная гордость, не тотъ культъ старины или преданій, который часто встрѣчается у другихъ народовъ, нѣтъ, это какой-то своеобразный духъ, который проникаетъ всю ихъ жизнь. Они какъ бы живутъ только для своей страны, своей особенной жизнью, о которой мы узнаемъ случайно изъ неожиданныхъ по силѣ и глубинѣ произведеній ихъ же писателей. Развѣ не необычайной была сила народнаго чувства въ прошедшемъ на нашихъ глазахъ разрывѣ со Швеціей, вызванномъ именно столкновеніемъ національной гордости двухъ родственныхъ народовъ?

Исторія Норвегіи теченіемъ жизни была разорвана на двѣ части. Могущественное государство на 400 лѣтъ было порабощено своими же потомками, оторванными міровымъ переворотомъ, отдѣлившимъ Скандинавію отъ Даніи. Четыреста лѣтъ жили они какъ бы совершенно чужой жизнью — и все-таки не только не восприняли ее, не только не создали въ чуждой имъ культурѣ чего либо выдающагося, но не утратили даже своего облика. Потомки Викинговъ и скальдовъ вернулись къ прежней жизни такъ, какъ будто бы въ ихъ исторіи не было 400 лѣтъ чуждаго ига. И хотя среди ихъ интеллигенціи и есть приверженцы датской культуры, однако, исторія разрыва со Швеціей еще разъ показала, что національнизмъ для нихъ дороже всего.

Когда норвежцы были впервые порабощены еще за 1000 лѣтъ до нашихъ дней, они схоронили свою душу—народныя пѣсни и саги—на далекомъ сѣверѣ въ Исландіи и тамъ бережно хранили ихъ, и оттуда же вернулись сокровища народнаго творчества назадъ въ Норвегію, какъ только она нашла въ себѣ силы сбросить ненавистное ей иго датчанъ.

Пронесшійся надъ Франціей вихрь захватилъ своимъ крыломъ и молчаливыхъ, скрытныхъ норвежцевъ. Тогда всюду повѣяло свободой. Даже

Digitized by Google

искусству стало тѣсно въ золоченыхъ клѣткахъ дворцовъ. Окна и двери распахнулись, въ нихъ ворвался свѣжій воздухъ, принесшій не только клики освобожденныхъ и мольбы несчастныхъ, — онъ вывелъ за собой на свѣтъ Божій и тѣ забытыя сказки и далекія пѣсни, которыя прятались въ потаенныхъ мѣстахъ.

Въ Копенгагенѣ, несомнѣнно подъ вліяніемъ появившагося во Франціи движенія, въ началѣ прошлаго столѣтія образовался получившій потомъ большую извѣстность норвежскій кружокъ, скоро принявшій чисто политическій характеръ. Идеи французскихъ энциклопедистовъ нашли готовую почву среди норвежской молодежи, ставшей во главѣ этого кружка и объявившей войну всему датскому. Послѣ расторженія уніи съ Даніей, кружокъ перенесъ свою дѣятельность въ Христіанію, гдѣ сталъ центромъ, вокругъ котораго группировались партизаны національнаго развитія свободной Норвегіи, и съ этого времени Норвегія стала занимать самостоятельное мѣсто среди европейскихъ народовъ, не только въ политическомъ, но и въ художественномъ отношеніи.

Но все же связь съ Европой, которая должна была установиться во время датскаго ига продолжала существовать. Не остался на нее безъ вліянія и періодъ романтизма, охватившій, вслѣдъ за великой революціей, Европу. Но въ этомъ романтизмѣ уже чувствовалась та самобытность, та обособленность норвежскаго творчества, развившагося на чисто національной почвѣ, которая потомъ такъ ясно дала себя знать. Народная поэзія, народная жизнь, преданія, религіозныя и литературныя, все болѣе и болѣе проникаютъ въ искусство Норвегіи. Окружающая поэтовъ и художниковъ природа, прекрасная въ своей суровости, съ причудливыми красками фіордовъ, бѣлоснѣжными вершинами горъ и блѣднымъ таинственнымъ сумракомъ полярной ночи окутываетъ это искусство фантастической и своеобразной дымкой.

Въ то время общаго подъема творческихъ силъ страны все еще не доставало человѣка, который сумѣлъ бы понять душу своего народа, сохранявшаго гораздо большую склонность къ старымъ богамъ, чѣмъ къ христіанскимъ идеаламъ, искавшаго иногда въ необузданномъ воображеніи подобіе тѣхъ образовъ, которые воплощались въ древнихъ сказаніяхъ и даже считавшаго танцы необходимой принадлежностью религіозныхъ церемоній; человѣка, который сумѣлъ бы не только понять, но и выразить все, что волновало и искало выхода и чего нельзя было сказать человѣческимъ языкомъ. Страна ждала своего пѣвца — и онъ пришелъ.

Правда, еще задолго до его появленія стали замѣтны первые признаки пробужденія музыки къ новой жизни. Но вѣдь всегда и всюду существовали незамѣтные работники, подготовлявшіе почву или собиравшіе матеріалъ, изъ котораго потомъ воздвигалось зданіе другими, затѣвавшими

Digitized by Google

ихъ своей славой. Предвозвѣстники этой весны запѣли еще въ концѣ 18 столѣтія, а вслѣдъ за Людовикомъ Линдеманомъ [1]), собравшимъ 540 норвежскихъ народныхъ напѣвовъ, Транэ [2]), Олэ Булль [3]) и Кьерульфъ [4]) начали подготовлять почву для того, кто долженъ былъ не только сдѣлать музу Норвегіи всемірнымъ достояніемъ, не только создать новую „скандинавскую“ школу, но даже раскрыть самому народу все богатство фантазіи, красоты и содержанія его собственныхъ пѣсенъ. Какъ искусный гранильщикъ онъ умѣлъ отыскивать еще необдѣланные алмазы, едва сверкавшіе среди другихъ неблагородныхъ камней, онъ отшлифовывалъ ихъ и вставлялъ въ причудливую, какъ переливы красокъ фіордовъ, оправу. И тогда они появлялись вновь на свѣтъ, но уже во всеоружіи и блескѣ своей красоты.

Въ 1843 году, 15-го іюня, въ небольшомъ норвежскомъ городѣ Бергенѣ у мѣстнаго торговца Грига, занимавшаго тогда мѣсто англійскаго консула, родился сынъ Эдуардъ. Отецъ его былъ потомкомъ англійскихъ выходцевъ, эмигрировавшихъ во время паденія Стюартовъ въ Норвегію. Мать—Хезина Хагерупъ—была родомъ изъ коренной норвежской семьи богатыхъ крестьянъ, давшихъ много почтенныхъ мѣстныхъ дѣятелей. Сама Хезина Хагерупъ была несомнѣнно очень одаренной натурой. Она писала стихи и была прекрасной музыкантшей,—даже принимала участіе въ концертахъ въ своемъ родномъ городѣ. А это что-нибудь да значило, потому что норвежцы всегда были—и остаются до сихъ поръ—очень требовательными и тонкими слушателями. Мать была первой учительницей своего сына, который въ самомъ раннемъ возрастѣ обнаружилъ несомнѣнныя музыкальныя склонности. Едва достигнувъ 5 лѣтъ, онъ уже пристрастился къ роялю и цѣлыми днями искалъ на клавишахъ такъ нравившіяся ему терціи. А когда ему удавалось найти цѣлый аккордъ, то восторгамъ его не было конца. И вотъ когда ему исполнилось 6 лѣтъ, мать, замѣтившая эту склонность сына, рѣшила серьезно заняться его музыкальнымъ воспитаніемъ. Но это было ужъ далеко не такъ пріятно, какъ искать терціи и квинты, тѣмъ болѣе, что мать была очень строга и не позволяла мечтать за роялемъ. А мальчику въ сущности только это и было нужно.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Григъ такъ пишетъ объ этомъ періодѣ своей

---

[1]) Людвигъ Линдеманъ (1812—1887)—органистъ, композиторъ и замѣчательный теоретикъ, одинъ изъ членовъ многочисленной семьи музыкантовъ, много сдѣлавшихъ для развитія норвежской музыки.

[2]) Транэ (1790—1828)—основатель музыкальнаго лицея въ Христіаніи, плодовитый композиторъ.

[3]) Олэ Вулль (1810—1880)—знаменитѣйшій норвежскій скрипачъ, ученикъ Паганини, всю жизнь скитавшійся по Европѣ и Америкѣ. Жизнь его окружена ореоломъ разныхъ легендъ.

[4]) Кьерульфъ (1815—1863)—талантливый и плодовитый композиторъ былъ профессоромъ музыки въ Христіаніи.

Digitized by Google

жизни: „Во многихъ отношеніяхъ было бы для меня лучше, если бы я оказывалъ больше прилежанія и съ большей ревностью слѣдовалъ бы руководству матушки. Но непростительная склонность къ мечтательности уже тогда начала доставлять мнѣ тѣ же затрудненія, которыя нерѣдко сопровождали меня въ жизни. Если бы я не унаслѣдовалъ отъ своей матери ея рѣшительнаго характера и музыкальныхъ способностей, я едва-ли былъ бы когда-либо въ состояніи перейти отъ мечтаній къ дѣйствіямъ". Это признаніе Грига даетъ намъ путеводную нить къ пониманію нѣкоторыхъ сторонъ его творчества и отчасти выяснятъ тѣ недоумѣнія, которыя возникаютъ при разборѣ его произведеній въ связи съ его жизнью.

Одновременно съ занятіями музыкой началось и школьное ученіе, также мало привлекавшее маленькаго Эдуарда, какъ и экзерсисы. Виною тому, къ сожалѣнію, была не только нѣжная мечтательная натура ребенка, но и та постановка ученія, о которой Григъ вспоминалъ потомъ чуть не съ отвращеніемъ. Особую печать на эти воспоминанія наложилъ одинъ случай, затронувшій самое больное мѣсто впечатлительнаго ребенка. Ему было около 13 лѣтъ, когда на свѣтъ появился его op. I: „Варіаціи на нѣмецкую тему для фортепіано". Правда, у него еще не было издателя, но за то это первое произведеніе было тщательно переписано въ красивую тетрадку самимъ авторомъ и составляло такой предметъ его гордости, что онъ рѣшился даже отнести ее въ школу и показать товарищамъ. Результатъ однако получился совершенно неожиданный: вслѣдъ за минолетнымъ торжествомъ послѣдовала неожиданная трепка со стороны учителя, сопровождаемая строгимъ внушеніемъ: „Лучше держи въ порядкѣ свой нѣмецкій словарь, а эту дрянь оставляй дома".

Такъ врывается черствая ординарность непрошеннымъ гостемъ на праздникъ жизни и вливаетъ въ душу человѣка ту каплю яда, которая отравляетъ ее на долгіе, долгіе годы. Кто знаетъ, что было бы, если бы Эдуардъ не встрѣтилъ въ лицѣ одного лейтенанта, энтузіаста, заинтересовавшагося талантливымъ ребенкомъ. Быть можетъ, учитель нѣмецкаго языка, имя котораго намъ, слава Богу, не сохранила исторія, лишилъ бы Норвегію ея народнаго пѣвца. У лейтенанта, имени котораго я, къ сожалѣнію, также нигдѣ не могъ найти, маленькій Григъ встрѣтилъ дружескую поддержку. Ему онъ носилъ свои первые опыты музыкальнаго творчества и въ немъ нашелъ то признаніе своего дарованія, безъ котораго и взрослымъ, сложившимся людямъ трудно не пасть духомъ. Однако въ то время, несмотря на поощренія лейтенанта, Григъ совсѣмъ не мечталъ быть композиторомъ. Правда, въ немъ уже таилась потребность говорить съ толпой, проповѣдывать; ему хотѣлось, какъ онъ пишетъ, быть пророкомъ. Но тогда, конечно, онъ не подозрѣвалъ, что его устами будутъ говорить тысячи людей, а слушать

Digitized by Google

его будутъ милліоны, и эта непонятая въ своей сущности потребность выливалась въ высокопарныхъ проповѣдяхъ и декламаціяхъ, которыя должны были выслушивать его бѣдныя сестры и мирно дремавшій у камина отецъ.

Разлука съ родительскимъ домомъ наступила внезапно. Судьба вдругъ послала Эдуарду человѣка, слова котораго сразу опредѣлили всю послѣдующую его жизнь. Ему было около 15 лѣтъ, когда въ одинъ прекрасный день къ дому Григовъ на великолѣпной арабской лошади подскакалъ какой-то всадникъ.

„Это былъ онъ, мой добрый геній“, пишетъ Григъ въ своихъ воспоминаніяхъ, „о которомъ я мечталъ, но котораго я никогда не видѣлъ; это былъ *Олэ Булль*. Правда мнѣ не совсѣмъ нравилось, что этотъ геній вошелъ и велъ себя какъ обыкновенный человѣкъ; онъ поздоровался со всѣми нами съ дружеской улыбкой. Но я помню, какъ меня пронизъ электрическій токъ отъ прикосновенія его руки къ моей. Къ сожалѣнію онъ не привезъ своей скрипки, за то онъ началъ говорить, и какъ усердно. Жадно внимали мы чудеснымъ разсказамъ о его поѣздкахъ по Америкѣ. Да это было нѣчто для моего дѣтскаго воображенія! Когда онъ узналъ о моихъ попыткахъ въ композиціи, я долженъ былъ сѣсть за рояль. Всѣ мольбы мои были напрасны. Теперь я не могу понять, что Булль могъ найти въ моихъ дѣтскихъ пьесахъ. Онъ былъ вполнѣ серьезенъ и спокойно разговаривалъ съ моими родителями. Внезапно Олэ Булль подошелъ ко мнѣ, по своей своеобразной привычкѣ потрясъ меня и сказалъ: „Ты долженъ поѣхать въ Лейпцигъ и стать музыкантомъ“.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя Григъ былъ уже въ Лейпцигѣ, съ тоской по родинѣ въ душѣ, но полный мечтами о славѣ и наивной вѣрой въ какое то чудо, которое должно было въ 3 года изъ 15-лѣтняго бергенскаго школьника сдѣлать „чародѣя звуковъ“. Ему чудилась далекая родина, восторженныя привѣтствія, рукоплесканія многотысячной толпы... И все это ждало его впереди; но пока суровая дѣйствительность готовила ему разочарованіе. Насколько впослѣдствіи Лейпцигъ радушно встрѣчалъ Грига, настолько въ первый разъ онъ былъ къ нему суровъ и несправедливъ. Не говоря уже о томъ, что Григъ перенесъ въ Лейпцигѣ плевритъ въ очень тяжелой формѣ, оставившій въ его организмѣ слѣды на всю жизнь, — въ святилищѣ, въ которое онъ вступилъ, въ консерваторіи, онъ наткнулся далеко не на то, чего ожидалъ и на что надѣялся.

II.

Въ то время Лейпцигъ былъ центромъ музыкальной жизни Германіи. Концерты знаменитаго Гевандхауза привлекали виртуозовъ всего міра,

Digitized by Google

добивавшихся на перебой рѣдкой чести, выступить передъ публикой этихъ концертовъ. Понятно, эти концерты задавали тонъ не только Лейпцигу, но и всей Германіи. Особеннаго блеска достигли они въ то время, когда во главѣ ихъ сталъ Мендельсонъ. Обаяніе его генія какъ композитора, и вліяніе, какъ виртуоза и дирижера и, въ особенности, строгаго художника классика, должны были наложить, и конечно наложили, особый отпечатокъ на всю тогдашнюю музыкальную жизнь. Наконецъ, весь городъ самъ по себѣ былъ очень музыкаленъ. Нѣсколько хоровыхъ обществъ, въ которыхъ участвовали положительно всѣ имѣвшіе голосъ горожане, и легіоны любителей, въ хорошемъ смыслѣ этого слова, служили культу строгой Эвтерпы и съ честью поддерживали славу родного города, какъ самаго музыкальнаго въ Германіи. Здѣсь-то, въ 1843 году, Мендельсонъ основалъ консерваторію, долгое время, да пожалуй и теперь, занимавшую первое мѣсто среди учрежденій этого рода. Онъ сумѣлъ собрать вокругъ себя такихъ лицъ, какъ Шуманъ, Хиллеръ, Мошелэсъ, Гаде, Рисъ, Рихтеръ, Гауптманъ, Фердинандъ Давидъ, и проч., и проч. Все это были большею частью его личные друзья, и съ ними онъ заложилъ фундаментъ того строгаго классицизма и консерватизма, который такъ характеризуетъ это учрежденіе, по крайней мѣрѣ, за первые 50 лѣтъ его существованія. Но, освѣщенный талантомъ Мендельсона и его доброжелательствомъ, строгій классицизмъ не замедлилъ превратиться въ рукахъ его преемниковъ въ рутинерство и музыкальную схоластику. Все то, что было создано творческимъ геніемъ нѣсколькихъ мастеровъ, было сочтено за что то вѣчно-незыблемое, а потому все, что уклонялось отъ этихъ образцовъ, и даже только отъ ихъ внѣшней стороны, считалось тѣмъ самымъ не только дурнымъ, но даже прямо недопустимымъ. Какъ ни чуждо было духу Мендельсона творчество Берліоза и Листа, онъ все же чувствовалъ ихъ геній и гостепріимно растворялъ имъ двери Гевандхауза. Даже великій демократизаторъ музыки, Вагнеръ, нашелъ поддержку въ лицѣ тонкаго, чуть не брезгливаго музыкальнаго аристократа. Но прошло всего нѣсколько лѣтъ— и даже невинный Шпоръ былъ взятъ строгими теоретиками Лейпцигской консерваторіи „подъ подозрѣніе“.

Конечно, тонкая и въ высшей степени индивидуальная натура Грига не могла сжиться съ этой холодной музыкальной системой, ни одухотворенной талантомъ, ни поставленной даже, какъ оказалось, съ педагогической точки зрѣнія сколько нибудь удовлетворительно.

Уже первый его профессоръ Пледи, извѣстный фортепьянный педагогъ, привелъ его въ такое отчаяніе, что онъ вынужденъ былъ просить перевести его къ другому. Къ счастью ему это удалось. Въ концѣ концовъ онъ попалъ даже къ „самому“ Мошелэсу. Судя по воспоминаніямъ Грига, занятія у этого профессора, который кромѣ Гайдна, Моцарта и Бетховена, признавалъ еще только себя, были очень плодотворны въ смыслѣ музы-

Digitized by Google

кальнаго развитія, хотя ему и приходилось постоянно выслушивать насмѣшки надъ Шопеномъ и Шуманомъ, столь дорогими и близкими ему композиторами, но за то онъ дѣйствительно научился любить и понимать Бетховена—этого одиноко стоящаго всеобъемлющаго генія, любовное изученіе твореній котораго часто можетъ дать больше для музыкальнаго развитія, чѣмъ цѣлый консерваторскій курсъ теоріи композиціи.

Хуже обстояло дѣло съ теоріей композиціи. Э. Рихтеръ, знаменитѣйшій теоретикъ того времени, былъ яркимъ представителемъ именно того направленія, для котораго, какъ совершенно справедливо говоритъ Григъ, было важнѣе правильное рѣшеніе музыкальныхъ задачъ, чѣмъ сочиненіе хорошей музыки. Это направленіе, конечно, явилось результатомъ подавляющаго вліянія Баха, Моцарта, Бетховена, Мендельсона на менѣе геніальныхъ композиторовъ и особенно теоретиковъ, создавшихъ на основаніи изученія произведеній этихъ художниковъ нѣкій символъ вѣры, отъ него же консерваторіи не могутъ избавиться отчасти и до сихъ поръ

Рихтеръ держалъ Грига на строгомъ контрапунктѣ, который, особенно въ задачахъ, звучитъ по меньшей мѣрѣ не эстетично. Григъ же чувствовалъ, что прежде правилъ должна стоять музыкальная красота, и его яркое дарованіе прослилось наружу, безпомощно барахтаясь въ сѣтяхъ мертваго педантизма. Особенно было ему тяжело въ классѣ гармоніи, ему, который впослѣдствіи такъ умѣлъ очаровывать и ослѣплять своими хроматическими послѣдованіями. Его профессоръ постоянно воевалъ съ нимъ и даже въ отчаяніи разъ воскликнулъ: „Изъ васъ выйдетъ, пожалуй, еще второй Шпоръ“. Бѣдный докторъ Папперитцъ! Думалъ ли онъ тогда, что его ученикъ такъ далеко оставитъ за собой невинные хроматизмы Шпора, и что бы онъ сказалъ, если бы Григъ представилъ ему хоть свой струнный квартетъ, одно изъ лучшихъ своихъ произведеній, но сравнительно не слишкомъ грѣшащее противъ милаго сердцу Папперитца діатонизма.

Еще хуже дѣло обстояло съ курсомъ теоріи композиціи, который онъ въ послѣдній—третій — годъ слушалъ у Рейнеке [1]). Этотъ почтенный и плодовитый композиторъ, вѣрный ученикъ традицій старой школы и до сихъ поръ, тогда только что заступилъ въ консерваторіи мѣсто Мендельсона. Онъ началъ съ того, что предложилъ Григу написать квартетъ для струнныхъ инструментовъ—одинъ изъ самыхъ трудныхъ видовъ композиціи, требующій отъ автора яснаго пониманія музыкальныхъ формъ и техники самыхъ инструментовъ. Григъ былъ ошеломленъ, но затѣмъ все таки взялся за работу и, прилежно изучая творенія великихъ мастеровъ, постарался у нихъ научиться тому, чего ему не захотѣлъ преподавать учитель. Квартетъ былъ написанъ, сыгранъ и даже чуть-чуть не былъ испол-

[1]) Карлъ Рейнеке род. въ 1824 г.

Digitized by Google

немъ публично. Ф. Давидъ отговорилъ молодого автора, совѣтуя не выступать передъ публикой прямо „съ музыкой будущаго“. Самъ Григъ, однако, говоритъ, что это была посредственная работа въ стилѣ Мендельсона, Шумана и Гаде; надо думать поэтому, что квартетъ уже вовсе не былъ такъ страшенъ, какъ это показалось Давиду.

Послѣ этого неожиданнаго успѣха Григу было задано написать увертюру.

Совершенно непонятно, какъ такой музыкантъ, какъ Рейнеке, могъ такъ относиться къ своимъ ученикамъ. Конечно изъ увертюры ничего не вышло, и единственная польза, которую вынесъ изъ этого Григъ, было вновь прилежное изученіе образцовъ и самостоятельное, идущее ощупью ученіе. Такія занятія могли только развить вкусъ и пониманіе, но никакъ не могли дать того, для чего главнымъ образомъ предназначена школа — техники искусства. Съ одной стороны, величавыя произведенія классиковъ и полныя геніальной фантазіи сочиненія Шумана и Шопена будили мысль Грига, тревожили его творчество, съ другой, онъ не могъ справиться съ тѣми планами и смутными порывами, которые носились въ его возбужденномъ мозгу,—у него не хватало для этого умѣнія. Въ результатѣ — недовольство собой, консерваторіей, сомнѣніе въ своихъ силахъ... Григъ совершенно устранился отъ товарищей и отъ всей кипѣвшей вокругъ него жизни. Но унаслѣдованная отъ матери энергія и бодрость духа не покинули его. Если болѣзненное состояніе и тоска по родинѣ и мѣшали его занятіямъ, то все же жажда творчества и, вѣроятно, славы придавали ему силы для самостоятельнаго упорнаго труда.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Григъ говоритъ, что онъ вышелъ изъ консерваторіи „такимъ же дуракомъ, какимъ и вошелъ въ нее“. Конечно, это несправедливо: каково бы ни было преподаваніе, однако въ 1862 году Григъ не только сдалъ благополучно всѣ экзамены, но даже былъ среди избранныхъ для участія на публичномъ испытаніи и здѣсь въ первый разъ дебютировалъ передъ большой публикой какъ композиторъ и какъ піанистъ нѣсколькими пьесами своего сочиненія, появившимися на свѣтъ потомъ какъ op. 1.

Но что же это были за сочиненія? Самъ авторъ называетъ ихъ незрѣлыми и говоритъ, что онъ краснѣетъ за ихъ появленіе.

Всю жизнь Григъ отличался той необычайной скромностью, которой обладаютъ только выдающіеся люди и конечно у него были неизбѣжныя колебанія и сомнѣнія, служащія въ сущности лишь залогомъ и однимъ изъ существенныхъ и ясныхъ признаковъ неостанавливающагося развитія по пути творчества.

Это свойство сказалось и въ его оцѣнкѣ своего перваго вышедшаго въ свѣтъ произведенія—четырехъ небольшихъ пьесъ для фортепьяно. На самомъ же дѣлѣ эти вещицы свидѣтельствуютъ о дарованіи автора. Ко-

Digitized by Google

вечно онѣ мало самостоятельны и вдохновлены все тѣми же великими тѣнями прошлаго, но все же въ нихъ напримѣръ въ № 4, встрѣчаются послѣдованія аккордовъ очень характерныя для Грига, навѣрное приведшіе въ то время въ священный ужасъ его профессоровъ. Достойно замѣчанія, что № 3 уже написанъ въ ритмѣ мазурки, къ которому онъ такъ часто и съ такой любовью возвращался въ теченіе всей своей жизни.

Что же однако дала ему школа? Въ сущности очень мало. Почти все было достигнуто самостоятельнымъ трудомъ. Это имѣло и хорошую, и дурную сторону... Онъ вышелъ изъ консерваторіи хотя и закутанный въ ту музыку, среди которой онъ вращался, но духъ его не только не подчинился этому вліянію, но, напротивъ того, онъ всѣмъ своимъ существомъ протестовалъ противъ того направленія, которое ему навязывала школа. Однако, въ постоянномъ общеніи съ музыкальной жизнью Лейпцига, черпая въ сокровищницѣ классицизма тѣ богатства, которыхъ тамъ несмѣтное количество, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣлъ твердый фундаментъ, давшій ему возможность всю свою жизнь твердо идти по намѣченному пути, совершенно не увлекаясь никакимъ случайнымъ теченіемъ или вѣяніемъ. Такимъ образомъ, онъ оказался совершенно подготовленнымъ для той самостоятельной, оригинальной работы, которой онъ и посвятилъ свою жизнь. Это было то хорошее, что онъ получилъ въ Лейпцигѣ, но крайне нелѣпое преподаваніе теоріи композиціи лишило его той техники, которой часто обладаетъ средній композиторъ. Это онъ самъ чувствовалъ и этотъ недостатокъ никогда не восполнился самостоятельнымъ творчествомъ.

Лейпцигъ онъ покинулъ безъ особаго сожалѣнія. Хотя онъ и пишетъ, что онъ въ то время былъ мечтателемъ безъ всякой способности къ жизненной борьбѣ, безпомощнымъ и тяжелымъ на подъемъ, хотя онъ и указываетъ, что норвежцы развиваются очень медленно, однако не надо забывать, что вѣдь ему тогда не было еще 20 лѣтъ, а потому и говорить о какой-нибудь самостоятельности въ творчествѣ было еще рано. Между тѣмъ та зрѣлость и то пониманіе своихъ силъ, о которыхъ онъ мечталъ были уже недалеко. „Атмосфера Лейпцига точно пелена передъ моими глазами. Когда годъ спустя я пріѣхалъ въ Данію, эта пелена спала и моему изумленному взору предсталъ цѣлый міръ красоты, скрытой для меня въ Лейпцигѣ. Я узналъ самого себя и съ величайшей легкостью поборолъ всѣ трудности, которыя въ Лейпцигѣ казались непреодолимыми. Освобожденная фантазія создавала одно произведеніе за другимъ. Меня не сбило съ толку то, что моя музыка сначала казалась искусственной и рѣзко подвергалась критикѣ. Теперь я зналъ, чего я требовалъ, и бодро стремился къ цѣли, которой хотѣлъ достигнуть“.

Конечно, все это совершилось не такъ просто, какъ ему казалось въ дымкѣ воспоминаній. Нужна была упорная работа надъ изученіемъ парти-

Digitized by Google

туръ и вліяніе такихъ людей какъ Гадэ [1]) и Гартманъ [2]), съ которыми Григъ встрѣтился въ Копенгагенѣ, чтобы онъ могъ вступить на самостоятельный путь и найти самого себя. Рѣшающее вліяніе въ этомъ смыслѣ оказала на него встрѣча съ молодымъ, вскорѣ затѣмъ умершимъ, норвежскимъ композиторомъ Нордраакомъ. Пламенный патріотъ и большой энтузіастъ, онъ указалъ дорогу Григу, такъ какъ первый познакомилъ его и заставилъ полюбить національныя пѣсни и тѣмъ самымъ помогъ разобраться въ томъ, что дѣлалось внутри музыкальнаго міра Грига. Они заключили союзъ противъ „женственнаго скандинавизма въ духѣ Гаде и Мендельсона“ и вступили на тотъ путь, который привелъ къ основанію истинной скандинавской школы. Прежде всего въ 1864—5 г. они основываютъ въ Копенгагенѣ общество „Эвтерпа“ для пропаганды произведеній этой скандинавской школы. А затѣмъ, года два спустя, послѣ путешествія по Европѣ, Григъ уже одинъ становится во главѣ всей музыкальной жизни Норвегіи, группируя вокругъ себя молодыхъ норвежскихъ музыкантовъ. Онъ поселяется сперва въ Христіаніи, а затѣмъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, около Бергена въ собственной виллѣ, которую и покидаетъ лишь для концертныхъ путешествій по Европѣ въ качествѣ композитора, дирижера и, часто, піаниста. Какъ ни тяжелы были первые годы его лейпцигской жизни, однако, онъ на всю жизнь сохранилъ привязанность къ этому городу и съ удовольствіемъ въ него возвращался. Тамъ онъ находилъ своихъ друзей, которыхъ у него было очень много, благодаря доброй и привѣтливой натурѣ, проникнутой прирожденнымъ благородствомъ. Много разъ былъ онъ и въ Англіи, гдѣ его очень цѣнили и любили, а кембриджскій университетъ приподнесъ ему въ 1893 г. почетный докторскій дипломъ. Энергія, проявленная имъ съ самаго начала его дѣятельности въ Норвегіи, была настолько велика и плодотворна, что уже въ 1872 году онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ національно-музыкальной академіи, а въ 1874 г. парламентъ назначилъ ему пенсію.

Около этого времени онъ женился на Нинѣ Хагерупъ, неподражаемой исполнительницѣ его романсовъ, и съ этихъ поръ жизнь Грига текла тихо и мирно, какъ я уже сказалъ,—или въ семейномъ кругу на собственной виллѣ, или на континентѣ среди европейскихъ друзей, всецѣло посвященная любимому искусству.

Какъ бы ни была богата внѣшними событіями жизнь художника, для насъ всегда представляетъ большій интересъ исторія его внутренней жизни, его борьбы, сомнѣній, надеждъ, и только анализъ его творческой лабораторіи является поучительнымъ и необходимымъ для пониманія въ полномъ объемѣ самого художника. Къ сожалѣнію относительно этой стороны

---

[1]) Нильсъ Гадэ (1818– 1890) самый выдающійся датскій композиторъ.
I. Гартманъ (1805—1900) патріархъ датскихъ композиторовъ.

Digitized by Google

жизни Грига въ печати имѣются только очень скудные матеріалы, а потому о развитіи его таланта можно было бы судить только по его произведеніямъ. Однако, до тѣхъ поръ пока не появится подробная біографія этого замѣчательнаго музыканта, многое въ его творческой дѣятельности останется загадочнымъ. И если я такъ долго останавливался на первыхъ шагахъ его въ жизни, то только потому, что изъ нихъ видно, какъ онъ развивался, и они до извѣстной степени даютъ уже ключъ къ пониманію его музыки.

Послѣ того, какъ, по его словамъ, у него открылись глаза, онъ дѣйствительно очень скоро и сразу весь высказался. Подъ вліяніемъ народнаго творчества его собственное творчество точно выкристаллизировалось и приняло одну опредѣленную форму, въ которой и застыло до конца жизни. Разбирая его сочиненія, только въ первыхъ opus'ахъ слышишь исканія и неувѣренность. Но начиная съ фортепьяннаго концерта, op. 16, онъ какъ бы совершенно порываетъ съ европейскими традиціями и вступаетъ на вполнѣ самостоятельный, національный, путь. Съ этого времени, на мой взглядъ, всѣ его произведенія какъ бы принадлежатъ къ одному періоду, и если замѣчается движеніе, то только въ развитіи гармоническаго сопровожденія, въ которомъ онъ доходитъ въ концѣ концовъ до непонятныхъ съ эстетической точки зрѣнія рѣзкостей.

III.

Несомнѣнно, значеніе Грига покоится прежде всего на національномъ направленіи всей его дѣятельности. Онъ не только создалъ національную школу, всячески поддерживая все, что онъ находилъ талантливаго вокругъ себя, не только отвоевалъ ей въ Европѣ мѣсто, не только сдѣлалъ общимъ достояніемъ художественные перлы норвежской народной музыки, онъ прежде всего самъ, въ своемъ творчествѣ, явился столь же національнымъ, какъ напримѣръ у насъ Глинка.

Народное музыкальное творчество въ Норвегіи очень интересно, какъ по своеобразной красотѣ оборотовъ мелодіи и ритма, придающей ей совершенно особый яркій характеръ, такъ и по самой своей структурѣ, часто свидѣтельствующей о томъ, что оно пришло изъ глубины вѣковъ въ полной неприкосновенности. Особенно характерными являются танцы, пріобрѣтающіе еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ религіозный оттѣнокъ, составляя иногда даже часть обряда, такъ какъ въ нихъ принимаетъ участіе самъ священнослужитель въ полномъ облаченіи. Это конечно не возвращеніе къ первоначальному значенію танца, а только сохраненіе въ чистѣйшемъ видѣ преданія давно, давно минувшихъ вѣковъ. Быть можетъ, отъ этого зависитъ и строгій регламентъ самихъ танцевъ, часто

Digitized by Google

очень сложный. Изъ свѣтскихъ танцевъ наиболѣе распространены Springar (3/4) въ ритмѣ мазурки и Halling (2/4), болѣе медленный. Григъ очень часто возвращается къ нимъ. Есть и много другихъ въ родѣ Gangar, Throndjemmer, Vasserullen, и т. д. Всѣ эти танцы сопровождаются обыкновенно музыкой на инструментахъ, также очень стариннаго происхожденія: Krogharpe—нѣчто въ родѣ арфы, Langleike, своеобразный, тожс струнный, инструментъ, Hardangerfele — нѣчто въ родѣ скрипки. Звуки этихъ инструментовъ иногда слышатся у Грига въ его аккомпаниментахъ. Но часто танцы происходятъ подъ звуки одного пѣнія.

Норвежскія пѣсни крайне разнообразны по содержанію: есть любовныя пѣсни, сатирическія, героическія, колыбельныя, свадебныя, пѣсни рыбаковъ, пастуховъ и т. д., и т. д. Много элемента таинственнаго, сверхъестественнаго.

Общій характеръ мелодій скорѣе тягучій, съ неожиданными ускореніями, переходящій иногда прямо въ речитативъ; особенно часто встрѣчается ритмъ мазурки (Springar, Kjaerringa). Мелодіи скорѣе короткія, и пѣсня заключается въ нѣсколькихъ повтореніяхъ одного мотива. Преобладаетъ строй минорный, часто древне-церковный, и вся народная музыка, достигшая своего расцвѣта въ годины бѣдствій (XII—XVI столѣтія), подернута дымкой суровой грусти. Даже въ быстрыхъ танцахъ никогда не слышно истиннаго веселья, а скорѣе какая-то дикая радость. За то въ пѣсняхъ часто трогаютъ обороты, необыкновенные по своей задушевности и мягкости.

Все, что я только что сказалъ о народной норвежской музыкѣ, цѣликомъ можно примѣнить къ музыкѣ Грига, и не только относительно тѣхъ произведеній, гдѣ онъ обрабатываетъ народныя мелодіи; нѣтъ, всѣ его произведенія носятъ именно эти, указанныя выше, особенности норвежской музыки—и болѣе всего, конечно, его прелестныя пѣсни для голоса.

Онъ былъ поэтъ-лирикъ, и почти никогда ему не удавалось достигнуть высоты трагизма или ширины настоящей страсти, то-есть именно тѣхъ качествъ, которыя способны покорить толпу, между тѣмъ онъ съ первыхъ же шаговъ былъ признанъ своимъ народомъ, признанъ какъ народный же пѣвецъ. Его знала вся Норвегія, и едва-ли кто другой, кромѣ развѣ Листа или Вагнера, удостоивался при жизни такихъ знаковъ почитанія. Но эти послѣдніе были именно людьми, дѣйствовавшими на массу: первый—не только своей игрой, но и своимъ творчествомъ, необузданнымъ, бьющимъ черезъ край, проникнутымъ чѣмъ-то дьявольскимъ, а второй — грандіозностью своихъ замысловъ и величіемъ своего генія, покорившаго, даже бросившаго себѣ подъ ноги толпу. Они оба были тонкими, разсчетливыми художниками, не брезгавшими никакими музыкальными и немузыкальными средствами, чтобы достигнуть нужнаго эффекта. Григъ совсѣмъ не былъ похожъ на нихъ: скромный, никогда не ищущій

Digitized by Google

эффекта, полный мечтательно-таинственныхъ, часто суровыхъ, но всегда интимныхъ мыслей, казалось, онъ былъ предназначенъ только для небольшого числа избранныхъ, тонко чувствующихъ музыку людей. Онъ даже какъ будто чуждался оркестра. Ни симфоніи, ни оперъ, этихъ вѣрныхъ и самыхъ скорыхъ путей къ славѣ, у него нѣтъ. Одна увертюра, двѣ-три оркестровыхъ сюиты, музыка къ драмѣ Iorsalfar, танцы, — это все, что написано для оркестра, и то въ тѣхъ же скромныхъ формахъ, какъ и большинство другихъ произведеній. Даже большихъ камерныхъ вещей у него всего пять — три скрипичныхъ сонаты, одна віолончельная и одинъ квартетъ. Всю свою жизнь онъ, главнымъ образомъ, писалъ пьесы для фортепьяно и романсы для голоса. Все же когда Григъ появлялся на родинѣ въ общественныхъ мѣстахъ, публика его привѣтствовала. Когда онъ входилъ въ качествѣ простого слушателя въ концертный залъ, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, вставали, а когда его хоронили въ маленькомъ приморскомъ городѣ Бергенѣ—за его гробомъ шла 40-тысячная толпа.

Его муза была музой Скандинавіи, и въ этомъ была его сила.

Но въ этомъ же была и его слабость.

IV.

Въ свое время много писалось, особенно у насъ, о національнизмѣ въ музыкѣ. Еще многимъ памятна битва между могучей русской кучкой и А. Г. Рубинштейномъ. Здѣсь не мѣсто разбираться, кто правъ кто виноватъ былъ въ этомъ спорѣ, ни даже вообще касаться этого въ сущности не очень важнаго для музыки вопроса. Мнѣ хочется только указать, что несомнѣнно національнизмъ уменьшаетъ міровую цѣнность художественнаго произведенія. Конечно, каждой народности присущи ей одной свойственныя особенности, отражающіяся на всѣхъ сторонахъ ея творчества, которое именно въ силу этихъ особенностей получаетъ національный характеръ. Но въ тотъ моментъ, когда эта особенность начинаетъ заслонять общій характеръ произведенія, когда она начинаетъ преобладать, являться цѣлью или средствомъ, а не неизбѣжнымъ придаткомъ творчества, или даже если этотъ придатокъ случайно пріобрѣтаетъ слишкомъ большое значеніе, произведеніе теряетъ свою доступность внѣ той страны, гдѣ оно возникло. Искусство по самому существу своему должно быть космополитичнымъ. Поэтому цѣнность всякаго художественнаго произведенія должна быть опредѣляема прежде всего съ общечеловѣческой точки зрѣнія.

Въ настоящее время много рускихъ композиторовъ, и не только первоклассныхъ, пробили себѣ дорогу за границей, а Глинка все еще не понятъ. Между тѣмъ, напримѣръ, оперы Чайковскаго нельзя же поставить выше оперъ Глинки по ихъ художественной цѣнности, между тѣмъ первыя исполняются за границей, а вторыя едва-ли когда-либо покинутъ предѣлы Россіи. Между

Digitized by Google

заграничной публикой и Глинкой, стоитъ непроницаемая стѣна рѣзко выраженнаго національнаго его музыки, что дѣлаетъ ее чуждой, иногда прямо непонятной, иностранцу, несмотря на многіе итальянизмы.

Также и въ произведеніяхъ Грига выступаютъ съ необычайной яркостью всѣ стороны его норвежской природы, или скорѣе норвежскаго народнаго творчества. Иногда у него, съ одной стороны, чарующая оригинальность мелодій, ритма, гармоніи привлекаетъ насъ, съ другой, необычайная, иногда до боли рѣжущая ухо послѣдовательность аккордовъ, или назойливость ритма, чуть не отталкиваетъ.

У него есть напр. пьеса „Перезвонъ“ (ор. 54,№ 6). Какъ я ни напрягалъ свою фантазію, я никогда не могъ ни понять, ни примириться съ этой дикой, разнузданной вакханаліей чистыхъ квинтъ. Но одна піанистка, концертировавшая въ Норвегіи, разсказывала мнѣ, что мѣстные жители на ея недоумѣніе по поводу этой пьесы говорили: „Если бы вы слыхали въ горахъ, какъ перекликаются наши церкви по вечерамъ, то вы поняли бы и оцѣнили это произведеніе“. Я охотно этому вѣрю, какъ я охотно не вѣрилъ тому нѣмцу, который сказалъ мнѣ однажды въ Берлинѣ:„ Если-бы вы родились у насъ, вы такъ же стали бы отрицать музыку вашего Мусоргскаго, какъ вы отрицаете нашего Штрауса“. Мнѣ только хотѣлось бы еще вѣрить тому, что на счетъ Штрауса я все-таки не заблуждаюсь.

И такъ, хотя рѣзко выраженный національнизмъ Грига и дѣлаетъ многое въ его произведеніяхъ намъ чуждымъ, въ нихъ есть свойство, часто совершенно искупающее этотъ недостатокъ, а именно искренность его вдохновенія, чуждаго всякой претенціозности или желанія быть глубокомысленнымъ.

Чайковскій не разъ указывалъ на сходство натуръ своей и Грига, и, по моему совершенно вѣрно. И какъ бы различно ни проявлялись онѣ въ музыкѣ, все-таки въ существѣ онѣ оставались, именно въ силу этихъ качествъ, чрезвычайно близкими. Только этимъ свойствомъ дарованія и можно объяснить громадную популярность Грига не только въ Европѣ, но даже и у насъ. Я говорю „даже и у насъ“, хотя, въ силу нѣкоторыхъ особенностей музыки Грига, она должа была бы болѣе чѣмъ кого либо тронуть именно насъ, но, къ сожалѣнію, только теперь, послѣ его смерти, мы начали рыться въ его сочиненіяхъ, а раньше его любили, даже мало зная: Peer Gynt, 2—3 сонаты, фортепьянный концертъ, романсъ „Ich liebe dich“— составляли весь багажъ Григовскаго репертуара въ Россіи. Между тѣмъ онъ издалъ около 30 тетрадокъ прелестнѣйшихъ вещей для фортепьяно и около 70 чудесныхъ романсовъ, часть которыхъ вошла въ эти фортепьянные пьесы въ качествѣ переложеній. Раньше я уже перечислялъ его камерныя и оркестровыя произведенія. Если прибавить къ только что указаннымъ вещамъ еще нѣсколько хоровъ, — этимъ исчерпается все музыкальное

Digitized by Google

творчество Грига почти за цѣлое полстолѣтіе его музыкальной дѣятельности, часто и подолгу прерывавшейся приступами его болѣзни.

Всѣ его произведенія для фортепьяно, за исключеніемъ одной сонаты,— небольшія лирическія вещицы. Таковы же и его романсы, таковъ и его квартетъ, всѣ вещи для оркестра, всѣ сонаты... Какъ ни парадоксально это звучитъ, все же это такъ. Всѣ его крупныя произведенія въ сущности не что иное какъ рядъ лирическихъ моментовъ, иногда даже связанныхъ между собою только съ формальной стороны. И всякій разъ, когда онъ начинаетъ стремиться къ широкимъ формамъ, онъ какъ будто теряетъ свое вдохновеніе. Ни въ его сонатахъ, ни въ его квартетѣ не слѣдуетъ искать той музыкальной логики, того послѣдовательнаго развитія музыкальной мысли, которыя требуются самой формой такихъ произведеній. Правда, у Грига столько мыслей, что онъ не скупится ихъ тратить, но вмѣстѣ съ тѣмъ его нисколько не интересуетъ дѣлать изъ нихъ какія-либо выводы, сопоставлять и вообще разсматривать ихъ, какъ матеріалъ, изъ котораго напр. Бетховенъ умѣлъ возводить такіе грандіозные храмы. Это свойство его дарованія обуславливаетъ элементарныя формы почти всѣхъ его произведеній и крайнюю простоту изложенія.

Точно также во всѣхъ его произведеніяхъ очень мало такъ называемыхъ музыкальныхъ премудростей въ родѣ контрапункта. Гдѣ причина? Отсутствіе ли надлежащаго школьнаго воспитанія въ Лейпцигѣ, или особое свойство его дарованія, особое свойство его мысли? Вотъ загадка, которой нельзя разрѣшить, пока не появится въ печати достаточно свѣдѣній о 45 годахъ его жизни, протекшихъ со времени окончанія консерваторіи до смерти, или, по крайней мѣрѣ, пока не будетъ обнародована хоть часть его переписки. Лично мнѣ кажется, что музыка Грига по самому своему существу не допускала сложности иной, кромѣ гармонической, въ виду ясности и выпуклости мелодическаго рисунка. Слишкомъ стоитъ у Грига на первомъ планѣ, слишкомъ важное мѣсто занимаетъ самая мелодія, чтобы отвлекать отъ нея вниманіе введеніемъ новыхъ самостоятельныхъ голосовъ. Но если это такъ, дѣлалъ ли онъ это сознательно или, въ силу свойствъ своего таланта, безсознательно, или, наконецъ, потому, что у него не хватало умѣнія сдѣлать иначе? Вотъ еще загадка. Но такъ или иначе, а Григъ по возможности ограничиваетъ одежды своей мелодіи однимъ простымъ аккомпаниментомъ.

Григъ понималъ и зналъ оркестръ. Тому свидѣтели оркестровыя сюиты. Но въ оркестрѣ онъ не искалъ эффектовъ, не пользовался его массой для тѣхъ сложныхъ пріемовъ, которыми такъ отличается новѣйшая музыка; онъ только стремился найти подходящій колоритъ для своихъ мыслей, и ему это всегда удавалось. Но отчего же онъ за 45 лѣтъ написалъ менѣе 10 оркестровыхъ произведеній и точно спѣшилъ ихъ скорѣе переложить на фортепіано? У него были попытки написать и оперу, и симфонію; но

Digitized by Google

изъ нихъ до насъ дошли только небольшіе отрывки, мало отличающіеся по формамъ отъ другихъ сочиненій. Въ то время какъ всѣ композиторы попадали подъ вліяніе Вагнера и стали завоевывать міръ по его рецептамъ, Григъ остался вѣренъ скромной музѣ своей юности, вѣренъ, какъ средневѣковый рыцарь — до конца своихъ дней. Вотъ опять загадка, къ разрѣшенію которой я не рѣшаюсь подойти.

Григу несомнѣнно принадлежитъ первое мѣсто среди норвежскихъ музыкантовъ, какъ по оригинальности дарованія, такъ и по тому вліянію, которымъ онъ пользуется. Вмѣстѣ со своимъ сподвижникомъ Синдингомъ [1]) онъ сумѣлъ создать цѣлую школу музыкантовъ, произведенія которой, къ сожалѣнію, остаются у насъ въ Россіи совершенно неизвѣстными. Кромѣ Selmer'a, почти ровесника Грига и стоящаго особнякомъ отъ другихъ по характеру своего творчества, которое мало имѣетъ чертъ національныхъ, идетъ цѣлая плеяда болѣе молодыхъ композиторовъ, составляющихъ несомнѣнно послѣдователей и продолжателей школы Грига и Синдинга.

Schjelderup (род. въ 1859 г.), Ole Olsen (род. въ 1850 г.), Halvorsen (род. въ 1864 г.), Sigurd Lie (1871—1904) и многіе другіе, болѣе молодые, отвоевали почетное мѣсто скандинавской музѣ среди ея европейскихъ сестеръ и остается только пожалѣть, что въ Россіи, которая такъ хорошо оцѣнила главу этой школы, такъ гостепріимно встрѣчала все талантливое, даже если это и было иноземнымъ, никто не даетъ до сихъ поръ возможности познакомиться ни съ симфоническими, ни съ камерными, ни даже съ вокальными твореніями преемниковъ Грига.

Мнѣ не хотѣлось бы закончить этотъ маленькій очеркъ, не приведя словъ нашего популярнѣйшаго композитора, такъ любившаго Грига и нѣсколько разъ встрѣчавшагося съ нимъ за границей [2]):

„Въ комнату вошелъ очень маленькаго роста человѣкъ среднихъ лѣтъ, весьма тщедушной комплекціи, съ плечами очень неравномѣрной высоты, съ высоко взбитыми бѣлокурыми кудрями на головѣ и очень рѣдкой почти юношеской бородкой и усами. Черты лица этого человѣка, наружность котораго почему-то сразу привлекла мою симпатію, не имѣютъ ничего особенно выдающагося, ибо ихъ нельзя назвать ни красивыми ни неправильными; за то у него необыкновенно привлекательные средней величины глаза, неотразимо чарующаго свойства, напоминающіе взглядъ невиннаго, прелестнаго ребенка. Я былъ до глубины души обрадованъ, когда по взаимномъ представленіи насъ одного другому, раскрылось, что носитель этой безотчетно для меня симпатичной внѣшности оказался музыкантомъ, глубоко

---

[1]) Христіанъ Синдингъ (род. въ 1856 г.) несомнѣнно одинъ изъ самыхъ выдающихся норвежскихъ композиторовъ-націоналистовъ.

[2]) Чайковскій. Путешествіе за границу. 1888.

Digitized by Google

прочувство ванные звуки котораго давно уже покорили ему мое сердце. То былъ Эдуардъ Григъ".

Да, его звуки именно покоряли сердца. Все въ мірѣ живетъ и движется теплотой, и печальной и унылой была бы вся наша жизнь, если бы она не была согрѣта сердечностью и искренностью. И популярность Грига можетъ быть еще разъ доказываетъ міру, что сердечная теплота для людей всегда останется самымъ дорогимъ, самымъ сильнымъ двигателемъ, котораго никогда не замѣнитъ никакой блескъ, никакая сила.

Григъ черпалъ эту теплоту въ тысячелѣтней исторіи страданій и борьбы своего народа, она воспламеняла его вдохновеніе, а онъ согрѣвалъ имъ сердца своихъ слушателей. И она же скрасила ему послѣдніе дни его жизни, когда, несмотря на нѣжныя заботы его вѣрной подруги жизни и друзей, онъ, наконецъ, усталъ бороться съ разрушавшей его организмъ неумолимой болѣзнью и тихо угасъ 28 августа 1907 г. въ родномъ городѣ среди сборовъ въ обычную поѣздку на континентъ.

А. Давидовъ.

Digitized by Google

„Спасители Россіи.“

(Этюдъ политической статистики).

По оффиціозному и даже оффиціальному признанію, на долю нашей третьей по счету, но первой послѣ акта 3 іюня, Думы выпала великая роль „спасителя отечества“.

Правда, эта роль, такъ сказать, авансируется, ибо не только спасительныхъ, но вообще никакихъ дѣлъ со стороны Думы еще не послѣдовало, но это обстоятельство возбуждаетъ тѣмъ большій интересъ къ составу третьей Думы, въ которой усматриваются такіе великіе задатки.

Казалось бы, что стоитъ подсчитать число членовъ каждой думской фракціи, произвести несложныя операціи перваго ариѳметическаго дѣйствія, и составъ Думы станетъ яснымъ. Но, не говоря уже о томъ, что группировка депутатовъ по фракціямъ далеко еще не закончилась,—чуть не каждый день газеты приносятъ свѣдѣнія о новообразованіяхъ въ нѣдрахъ третьей Думы, — самыя фракціи представляютъ изъ себя вопросительный знакъ.

Чтобы раскрыть ихъ сущность, обратимся къ изученію соціальнаго состава депутатовъ. Какъ бы ни выдвигался, внѣ и внутри Думы, критерій служенія общегосударственнымъ интересамъ, общенароднымъ нуждамъ, а priori позволительно усомниться въ томъ, чтобы представители различныхъ классовъ сошлись въ единомъ пониманіи этихъ интересовъ и нуждъ.

Это априорное предположеніе превратится въ доказанную теорему о подчиненности, даже внутри Думы, политической группировки группировкѣ классовой, если окажется, что съ одной стороны, разныя фракціи рѣзко различаются по классовому составу своихъ членовъ, а съ другой, что депутаты, принадлежащіе къ одному и тому же классу, тяготѣютъ другъ къ другу и при политической группировкѣ, имѣя общій центръ притяженія въ одной какой-либо фракціи. Установленіе такихъ зависимостей — при знаніи классовой физіономіи всѣхъ членовъ Думы,—дастъ возможность открыть классовыя тенденціи всѣхъ фракцій, и дастъ матеріалъ для объективнаго сужденія, какъ о характерѣ возможнаго большинства, такъ и о

Digitized by Google

содержаніи тѣхъ стремленій, которыя будутъ проводиться этимъ большинствомъ подъ флагомъ удовлетворенія общихъ нуждъ страны.

Въ рѣшеніи этой задачи—цѣль предлагаемаго очерка.

Большинство членовъ 3-й Думы принадлежитъ къ благородному дворянскому сословію. Дворянъ въ третьей Думѣ, по подсчету „Руси"—219 изъ 437, или ровно половина. Но сословность не достаточно характерный признакъ. Мы поставили своей цѣлью выяснить *классовый* составъ тѣхъ, кто занялъ въ Таврическомъ дворцѣ депутатскія скамьи.

Мы остановимся на слѣдующей схемѣ: 1) землевладѣльцы, 2) владѣльческая торгово-промышленная и финансовая буржуазія; 3) крестьяне и ремесленники; 4) служащая интеллигенція и члены свободныхъ профессій; 5) пролетаріи; 6) служащіе, какъ высшая категорія наемнаго труда; 7) бюрократы. Будучи обладателями частицы государственной власти и тѣмъ связанные съ государственной организаціей, бюрократы не могутъ не отличаться своеобразными интересами, противополагающими ихъ, въ извѣстной мѣрѣ, всѣмъ остальнымъ общественнымъ слоямъ. Особенную силу это своеобразіе интересовъ получаетъ въ моментъ обостренной борьбы за существованіе *данной* государственной организаціи. Но, само собой разумѣется, что и внутри бюрократіи соціальныя различія ея членовъ, а не только мѣсто въ служебной іерархіи, играютъ существенную, опредѣляющую роль. Поэтому необходимо, выдѣляя бюрократовъ въ особую группу, расчленять и ихъ по классовымъ признакамъ на тѣ же категоріи: землевладѣльцы, буржуа-владѣльцы капитала и интеллигенты. Какъ отдѣльный слой, близко примыкающій къ бюрократіи, мы будемъ разсматривать духовенство, отдѣляя въ немъ рядовыхъ членовъ отъ начальства (протоіереевъ и епископовъ).

Россійскій соціально-политическій строй выдвигаетъ, какъ нѣкоторое единство, еще одну общественную группу: крестьянское *сословіе*. Принадлежность къ этому сословію самымъ существеннымъ образомъ отражается на всемъ бытѣ его членовъ, какое бы классовое положеніе они не занимали. Тѣмъ не менѣе и сейчасъ среди депутатовъ-крестьянъ наблюдаются рѣзкія и характерныя соціальныя различія. Для констатированія ихъ мы прибѣгнемъ къ тѣмъ же классовымъ признакамъ, т. е. выдѣлимъ частныхъ землевладѣльцевъ, торгово-промышленную буржуазію, интеллигентовъ, самостоятельныхъ производителей-хлѣбопашцевъ. Рабочихъ-крестьянъ отнесемъ въ классъ пролетаріевъ. Какъ особую группу выдѣлимъ прикосновенныхъ къ бюрократической организаціи, волостныхъ писарей и старшинъ. Если намъ не удастся ближайшимъ образомъ опредѣлить соціальную физіономію крестьянина-депутата, мы отнесемъ его въ рубрику „крестьянъ".

При классовой группировкѣ необходимо еще рѣшить вопросъ о выборѣ между классовыми признаками, въ томъ случаѣ, когда лицо обладаетъ нѣсколькими признаками, являясь одновременно членомъ двухъ или

Digitized by Google

болѣе классовъ, напримѣръ, землевладѣльцемъ и капиталистомъ, землевладѣльцемъ и бюрократомъ. Въ виду того первенствующаго значенія, которое имѣетъ аграрный вопросъ въ соціально-политической жизни Россіи, въ виду акта 3 іюня, отдавшаго выборы въ руки, главнымъ образомъ, класса землевладѣльцевъ, принадлежность къ этому классу мы считаемъ важнѣйшимъ признакомъ. Мы дѣлаемъ только одно исключеніе. Одною изъ важнѣйшихъ проблемъ переживаемаго историческаго момента является вопросъ о политическомъ отношеніи между обоими господствующими классами [1]). Образуя особую группу для землевладѣльцевъ, являющихся одновременно торгово-промышленными капиталистами, мы относимъ ихъ при общей группировкѣ къ буржуа, а не къ землевладѣльцамъ, чтобы выдѣлить слабѣе представленный классъ. Не малое значеніе имѣетъ и вопросъ объ отношеніи между бюрократіей и интеллигенціей, съ одной стороны и обоими господствующими классами — съ другой. Въ цѣляхъ его выясненія мы, кромѣ образованія особыхъ графъ для бюрократіи и интеллигенціи, выдѣляемъ въ средѣ землевладѣльцевъ и владѣльческой буржуазіи тѣхъ, кто одновременно принадлежитъ къ трактуемымъ группамъ.

Такой пріемъ позволяетъ намъ и отыскать всѣхъ бюрократовъ и интеллигентовъ и установить ихъ связь съ соціальными господами.

Общая схема нашей классификаціи и общіе итоги ея примѣненія могутъ быть представлены въ такой таблицѣ [2]):

---

[1]) См. наши статьи въ „Современномъ мірѣ", августъ и ноябрь 1907 г.

[2]) Данныя о соціальной характеристикѣ депутатовъ черпались нами изъ „Правительственнаго Вѣстника". Губернскихъ Вѣдомостей, столичныхъ и провинціальныхъ газетъ. Ни полнотой, ни точностью они не отличаются, но эти дефекты не настолько велики, чтобы повліять на существо выводовъ. Были отмѣчены: партійность, сословіе, курія, должность, занятіе, образованіе, а также обладаніе землей и владѣніе торгово-промышленнымъ предпріятіемъ.

Считаемъ не лишнимъ пояснить технику построенія таблицы и способы ея чтенія. Каждая горизонтальная строчка говоритъ намъ о числѣ депутатовъ называемаго ею класса, а относящіяся къ ней вертикальныя графы позволяютъ отдѣлить чистыхъ представителей даннаго класса отъ тѣхъ его членовъ, которые входятъ въ другой какой-либо классъ. Случай совпаденія названія класса въ вертикальной графѣ и горизонтальной строкѣ (напр., землевладѣльцы и землевладѣльцы) даютъ чистыхъ представителей класса. *Курсивомъ* обозначены цифры, которыя повторяются въ таблицѣ и означаютъ, что данная группа уже считалась въ другой горизонтальной строчкѣ, съ тѣмъ наименованіемъ, которое стоитъ въ вертикальной графѣ. Такъ цифра 30, стоящая на горизонтальной строкѣ: „бюрократы", и въ вертикальной графѣ „землевладѣльцы" означаетъ, что эти 30 бюрократовъ уже считались въ горизонтальной строкѣ „землевладѣльцы" въ соотвѣтствующей вертикальной графѣ („бюрократы").

Digitized by Google

Таблица № 1.

Классы:	Землевлад.	Буржуа.	Бюрократы.	Духовенство	Интеллигенты	Служащіе.	Рабочіе.	Крестьяне (классъ).	Итого (безъ повторяющихся	Повторяющіеся.
Землевладѣльны	108	*10*	30	—	14	—	—	—	152	*10*
Владѣльческая буржуазія. .	10	31	2	—	14	—	—	—	57	
Бюрократы	*30*	*2*	17	*15*	14	—	—	—	31	*47*
Духовенство	—	—	15	32	—	—	—	—	47	
Интеллигенты	*14*	*14*	*14*	—	41	—	—	—	41	*42*
Служащіе	—	—	—	—	—	4	—	—	4	
Рабочіе	—	—	—	—	—	—	10	—	10	
Крестьяне (сословіе) [1] . . .	6	5	23	—	3	3	—	49	89	
Итого съ повторяющимися .	168	62	101	47	86	7	10	49	431	*99*

Анализируя эту таблицу, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ [2]):

Изъ 431 члена третьей Думы 152 или больше 1/3 (35,2%) всего состава Думы — землевладѣльцы (крестьяне, владѣющіе купленной землей въ счетъ не идутъ), 57 или 1/8 (13,2%) являются представителями торгово-промышленной и финансовой владѣльческой буржуазіи. Изъ послѣднихъ по меньшей мѣрѣ 10 являются вмѣстѣ съ тѣмъ и землевладѣльцами.

Такимъ образомъ, въ общей сложности соціальные гегемоны владѣютъ почти половиною (48,4%) мѣстъ въ третьей Думѣ. Но эта цифра характеризуетъ только непосредственное представительство владѣльческихъ классовъ, учитываетъ тѣхъ излюбленныхъ людей, которымъ ихъ собратья вручили защиту общихъ интересовъ класса. Такимъ прямымъ, такъ сказать, in natura, представительствомъ господствующіе классы не ограничились. Они выбрали подходящихъ лицъ и изъ другихъ слоевъ и прежде всего изъ политиковъ по профессіи, — бюрократовъ, которые уже испытаны въ умѣньи охранять строй соціальнаго господства. Въ третьей Думѣ, по меньшей мѣрѣ, 31 (7,2%) чистый бюрократъ, не отмѣченный, какъ землевладѣлецъ и буржуа [3]). Подавляющее большинство ихъ, какъ мы увидимъ, вошли въ тѣ же

---

[1]) Въ число крестьянъ входятъ и рядовые (исключая офицеровъ) казаки.

[2]) Всего къ настоящему времени избрано 437, но мы не нашли данныхъ, или пропустили при подсчетѣ свѣдѣнія о 6 членахъ Думы. Обращаемъ вниманіе читателя на то, что свѣдѣнія о землевладѣніи и особенно о владѣніи торгово-промышленнымъ предпріятіемъ не полны. Поэтому цифры наши имѣютъ тенденцію ослабить преобладаніе этихъ слоевъ въ Думѣ. Тѣмъ они выразительнѣе!

[3]) Въ группу бюрократовъ отнесены нами, какъ состоящіе на дѣйствительной службѣ, такъ и отставные члены гражданской и военной бюрократической организаціи: чиновники центральныхъ вѣдомствъ, губернскихъ учрежденій, земскіе начальники, прокуроры, отставные военные. „Отставныхъ“ мы не исключали, такъ какъ по общему правилу

Digitized by Google

парламентскія фракціи, которыя вмѣстили въ себя главную массу помѣщиковъ и капиталистовъ.

Наконецъ, аналогичную гражданской и военной бюрократіи роль въ соціально-политической жизни играетъ и духовенство, особенно духовное начальство. Все число членовъ клира равняется 47 или 11% Думы, причемъ 3,4% (15 человѣкъ) является церковными администраторами (протоіереями и епископами). Складывая вмѣстѣ непосредственныхъ представителей владѣльческихъ классовъ и являющихся ихъ политическимъ орудіемъ гражданскихъ и духовныхъ бюрократовъ, получаемъ цифру 255 (сумма итоговъ первыхъ четырехъ горизонтальныхъ строкъ безъ 32 членовъ рядового духовенства), что составитъ $^6/_{10}$ (59%) всей Думы, т. е. абсолютное и рѣшительное большинство въ ней. Но, быть можетъ, значительная часть депутатовъ этихъ соціальныхъ группъ отреклись отъ защиты своихъ классовыхъ интересовъ, стали на точку зрѣнія интересовъ общегосударственныхъ, стремятся къ удовлетворенію общенародныхъ нуждъ? На этотъ вопросъ намъ отвѣтитъ слѣдующая таблица, гдѣ будетъ указана связь классоваго положенія депутатовъ съ ихъ политической группировкой.

Теперь же мы закончимъ анализъ классоваго состава Думы.

Кромѣ „высшихъ“ классовъ, въ Думѣ представлены: рядовое духовенство, интеллигенція, служащіе, крестьяне (разсматриваемые пока, какъ одно цѣлое) и, наконецъ, рабочіе.

Представительство этихъ слоевъ выражается такими цифрами. Рядовое духовенство даетъ 32 членовъ Думы или 7,4% ея состава, интеллигенція—41 депутата (9,5%), служащіе 4 (1,0%), крестьяне—89 (20,6%), рабочіе — 10 (2,3%). Такимъ образомъ, депутаты „низшихъ“ классовъ занимаютъ 176 (41%) депутатскихъ скамей. Всѣ они, даже при тѣсномъ союзѣ, при отсутствіи перебѣжчиковъ—обречены на роль меньшинства.

Но всмотримся ближе въ соціальный составъ представителей низшихъ классовъ и мы откроемъ среди нихъ не мало элементовъ, тяготѣющихъ, по самому своему общественному положенію къ командующимъ классамъ. Во-первыхъ, таковымъ должно быть признано большинство рядового духовенства, часть интеллигенціи и, наконецъ, не малая доля крестьянъ.

Какъ видно изъ таблицы № 1, среди крестьянъ не меньше 6 (1,4% состава Думы) частныхъ землевладѣльцевъ, въ томъ числѣ есть и довольно крупные, 5 (1,2%) торговцевъ и промышленниковъ, 23 (5,4%) стар-

---

они уносятъ съ собой со службы всѣ пріобрѣтенные психологическіе навыки и политическія тенденціи. Но если бы кто-либо не согласился съ этимъ, то пусть обратитъ вниманіе на то, что включеніе отставныхъ компенсируетъ пробѣлы въ регистраціи дѣйствительныхъ, а также пусть обратится къ дальнѣйшимъ даннымъ о политической физіономіи отнесенныхъ нами въ группу бюрократовъ.

Digitized by Google

чинъ и писарей, которое нерѣдко, вѣроятно, также являются владѣльцами купленной земли или торгово-промышленныхъ заведеній.

Чтобы оцѣнить значеніе классоваго состава третьей Думы, разсмотримъ послѣднюю въ исторической перспективѣ, сопоставивъ вышеприведенныя цифры, съ аналогичными данными о Думѣ-предшественницѣ [1]).

ДЕПУТАТЫ.

Таблица № 2.	Абсолютныя числа. 3-ьей Думы.	2-ой Думы.	%% отношенія. 3-ьей Думы.		2-ой Думы.	
Землевладѣльцы . . .	152	94	35,3	55,7	18,8	26,2
Буржуазія	57	19	13,2		3,8	
Бюрократія	31	18	7,2		3,6	
Духовенство.	47	22	10,9		4,4	
Интеллигенція	41	103	9,5	33,5	20,6	69,4
Служащіе.	4	10	1.0		2,0	
Рабочіе.	10	37	2,3		7,4	
Крестьяне (сословіе) . .	89	196	20,7		39,4	
Итого	431	499	100		100	

Представительство пролетаріата уменьшилось больше чѣмъ втрое, крестьянъ вдвое, служащихъ и интеллигенціи также вдвое, зато вдвое выросла делегація духовенства, бюрократіи и помѣщиковъ, а делегація капитала увеличилась въ $3^1/_2$ раза!

Обѣ думы настолько рѣзко различаются по соціальному составу своихъ классовъ, что являются представительницами разнаго *типа*. Въ то время, какъ въ 3-ей Думѣ абсолютное преобладаніе принадлежитъ классамъ-эксплуататорамъ и ихъ слугамъ (бюрократіи), во 2-ой Думѣ, такое преобладаніе принадлежало представителямъ классовъ эксплоатируемыхъ и къ нимъ тяготѣющихъ слоевъ.

Игнорируя пока духовенство, получимъ, что въ то время, какъ въ 3-ей Думѣ 55,7% голосовъ принадлежитъ землевладѣльцамъ, владѣльческой буржуазіи и бюрократіи, а крестьянамъ, рабочимъ, служащимъ и интеллигенціи 33,5%; во второй Думѣ наблюдались такія соотношенія: первый конгломератъ насчитывалъ всего 26,2%; а второй—69,4%. Въ составѣ этихъ 69,4% одни только рабочіе, крестьяне и служащіе составляли 48,8%, т. е. почти половину Думы, ровно столько, сколько теперь составляютъ владѣльческіе классы (безъ бюрократіи). Мало этого и самый составъ интеллигенціи и крестьянъ кореннымъ образомъ измѣнился. Теперь, какъ-то видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія, депутаты интеллигенціи

[1]) Нами произведенъ самостоятельный подсчетъ по даннымъ оффиціальнаго „Указателя къ стенографическимъ отчетамъ Госуд. Думы второго созыва".

Digitized by Google

дають гораздо большій % защитниковъ привеллигированныхъ классовъ, чѣмъ во 2-ой Думѣ. Что касается соціальнаго состава крестьянъ, то крупный интересъ представляетъ слѣдующая таблица, сравнивающая соціальный составъ этой сословной группы въ обѣихъ Думахъ.

% ОТНОШЕНІЯ.

Депутаты-Крестьяне.

Таблица № 3.	Землевладѣльцы.	Буржуазія.	Бюрократы. Старшины.	Писаря.	Интеллиг.	Служащіе.	Остальные.	Всего.
2-ая Дума . . .	3,0	7,8	5,8	5,8	9,5	6,9	62,8	100
3-ья Дума . . .	6,7	5,6	19,1	6,7	3,4	3,4	55,1	100

Крестьяне третьей Думы далеко не то, что крестьяне второй. Хотя принадлежащихъ къ владѣльческимъ классамъ (землевладѣльцамъ и буржуа) почти одинаковое число (10—11%), но уже прикосновенныхъ къ бюрократическому механизму въ третьей Думѣ въ 2½ раза больше, а интеллигенціи во столько разъ меньше, чѣмъ во 2-ой Думѣ.

Рядовое крестьянство опять таки слабѣе представлено въ третьей Думѣ (55% вмѣсто 63%). Мы не можемъ, къ сожалѣнію выдѣлить болѣе зажиточное крестьянство отъ средняго, но нѣкоторое указаніе даютъ прямыя сообщенія о депутатахъ: „крестьянинъ хлѣбопашецъ". Такія характеристики были даны 38% депутатовъ крестьянъ второй Думы и только 24%—третьей.

Понятна теперь глубокая разница въ политическомъ составѣ крестьянскаго представительства обѣихъ Думъ, что мы сейчасъ увидимъ, перейдя къ вопросу о *связи между классовымъ положеніемъ депутатовъ съ ихъ политическими тенденціями.* Разобьемъ депутатовъ каждаго изъ классовъ по политическимъ партіямъ, руководясь тѣми характеристиками, подъ которыми депутаты проходили на выборахъ.

Классовой характеръ и политическое направленіе депутатовъ III-ьей Думы [1]).

ТАВЛИЦА № 4.	Всего.	Союзъ русск. народа.	Монархисты.	Правые.	Союзъ 17-го окт.	Мирн.-обновл. умѣр. безпарт.	Комо.	Кадеты.	Прогрессисты.	Трудовик. лѣв.	Соц.-демокр.
Землевладѣльцы.	152	14	15	31	56	8	6	18	1	2	1
Влад. буржуазія.	57	2	2	11	26	4	2	8	1	1	—

[1]) Къ правымъ отнесена Бессарабская партія центра, къ октябристамъ—члены конституц. монарх. балтійск. партіи, къ кадетамъ—мусульманск. прогресс. партія.

Digitized by Google

Классовой характеръ и политическое направленіе депутатовъ III-ьей Думы.

ТАБЛИЦА № 4.

		Всего.	Союзъ русск. народа.	Монархисты.	Правые.	Союз. 17-го окт.	Мирн.-обновл. умѣр. безпарт.	Коло.	Кадеты.	прогрессисты.	Трудовик. лѣв.	Соц.-Демокр.
Бюрократы		31	5	3	12	5	—	1	1	2	1	1
Духовенство	бюрократы	15	3	2	8	1	—	1	—	—	—	—
	рядовые	32	3	4	16	1	4	—	1	3	—	—
Интеллигенція		41	1	—	3	3	1	4	20	—	5	4
Служащіе		4	1	—	—	1	1	—	—	1	—	—
Рабочіе		10	—	—	—	—	—	—	1	—	—	9
Крестьяне	Земл. и буржуа.	11	—	2	1	6	—	1	—	1	—	—
	Старш. и писаря	23	2	3	9	1	5	—	—	2	1	—
	Интел. и служ.	6	—	—	1	—	—	—	2	1	2	—
	Рядовые	49	2	7	20	4	5	1	2	3	4	1
Итого въ 3-ьей Думѣ		431	33	38	112	104	28	16	53	15	16	16
Итого во 2-ой Думѣ		499	10	14	64	15	29	42	105	30	121	69

Остановимся прежде всего на предпослѣдней горизонтальной строкѣ которая подбиваетъ итоги партійности депутатовъ 3-ьей Думы. Изъ нея мы видимъ: центръ третьей Думы въ лицѣ октябристовъ насчитываетъ 104 человѣка или 1/4 (2 4%) всей Думы; по бокамъ его расположены два неравновеликихъ фланга. Справа отъ центра—112 (26%) правыхъ, 38 (8,8%) монархистовъ и 33 (7,6%) членовъ союза русскаго народа, а всего 183 члена, больше 4/10 Думы (42,4%); слѣва же: 28 (6,5%) мирнообновленцевъ, умѣренныхъ и безпартійныхъ 16 (3,7%) членовъ коло, 53 (12,3%)—кадетовъ, 15 (3,6%) прогрессистовъ, 16 (3,7%) трудовиковъ и примыкающихъ, и столько же соціалъ-демократовъ, а всего лѣваго фланга 144 члена или только 1/3 (33,4%) всей Думы.

Во второй Думѣ (см. послѣднюю горизонтальную строку) центръ былъ далеко лѣвѣе, имъ были кадеты, составляющіе такую же часть Думы [2]), какъ теперь октябристы. Справа отъ кадетовъ, включая даже мирнообновленцевъ, умѣренныхъ и безпартійныхъ, было всего 132 члена Думы (26%), а слѣва (не считая коло)—190 членовъ—4/10 всей Думы (38%). Понятно, что центромъ второй Думы могла быть только партія компромисса

[1]) Относительно 2-й Думы для сравнимости ея съ 3-ьей приведены итоги партійности не по думскимъ группировкамъ, а по выборнымъ. Въ Думѣ составъ депутатовъ рѣзко полѣвѣлъ (см. нашу статью въ Ноябрьской книжкѣ „Соврем. Міра").

[2]) Если къ кадетамъ отнести и прогрессистовъ, съ большинствомъ которыхъ они и объединились въ Думѣ.

Digitized by Google

съ демократіей, выставлявшая на своемъ знамени общенародныя требованія, правда,—приспособлявшая ихъ къ возможности компромисса съ исторической властью, а центромъ третьей Думы явилась партія компромисса обоихъ господствующихъ классовъ и реальнаго носителя прежней государственной власти,—бюрократіи,—компромисса, направленнаго на борьбу съ демократическими требованіями.

Если у кого явится сомнѣніе въ такомъ опредѣленіи центровъ обѣихъ Думъ, то пусть онъ вглядится въ соціальный составъ кадетовъ второй и октябристовъ третьей Думы.

ТАБЛИЦА № 5.

	Всего.	Землевлад.	Буржуа.	Бюрократы.	Духовенство.	Интеллигенція.	Служащіе.	Крестьяне.	Рабочіе.
Кадеты [1]) во 2-ой Думѣ.	105	24	10	8	5	40	1	16	1
Октябристы въ 3-ьей Думѣ. . .	104	56	26	5	2	3	1	11	—

Въ центрѣ второй Думы преобладающее значеніе имѣли средніе и низшіе слои, въ центрѣ третьей Думы безусловное господство принадлежитъ соціальнымъ гегемонамъ, изъ которыхъ одни землевладѣльцы уже имѣютъ абсолютное большинство голосовъ. Нѣкоторое недоумѣніе можетъ вызвать сравнительно высокій % бюрократовъ среди кадетовъ 2-ой Думы и низкій въ центральной партіи Думы третьей. Но это недоумѣніе разрѣшается такой справкой. Въ то время, какъ у кадетовъ 2-й Думы, среди землевладѣльцевъ и буржуа былъ всего 1 бюрократъ, у октябристовъ 3-ьей такихъ цѣлыхъ 18, такъ что общее число бюрократовъ у первыхъ 9 (8 + 1), у вторыхъ 23 (5 + 18). Но, возразятъ намъ, развѣ существуетъ вообще прямая связь между политическими тенденціями депутата и его классовымъ положеніемъ? Таблица № 4 и приведена нами для доказательства существованія этой связи, анализируемъ ее подробнѣе.

Пробѣгая глазами цифры вертикальныхъ графъ каждой горизонтальной строки мы видимъ, что депутаты опредѣленнаго класса размѣщаются по партіямъ далеко не случайно.

Такъ землевладѣльцы почти на 37% октябристы, на 40% правы (включая въ послѣднихъ монархистовъ и союзниковъ) и только на 23% размѣщаются на скамьяхъ оппозиціи, считая въ составѣ послѣдней и мирнообновленцевъ и коло. Собственно оппозиція съ умѣренными демократическими оттѣнками—кадеты, включаютъ въ себя только 11% землевладѣльцевъ, а строго демократическія фракціи всего 2,5%. Относительно депутатовъ владѣльческой буржуазіи, бюрократіи и духовнаго начальства,

[1]) Вмѣстѣ съ мусульм. партіей и казачьей фракціей.

Digitized by Google

цифръ приводить не будемъ, такъ какъ онѣ вполнѣ аналогичны съ данными о политической группировкѣ землевладѣльцевъ. Отмѣтимъ только, что почти абсолютное большинство (26 изъ 57) буржуа вошли въ союзъ 17 октября, и что среди всѣхъ родовъ бюрократіи преобладаютъ еще болѣе правыя, чѣмъ октябристскія тенденціи. Перейдемъ къ изученію политической физіономіи представителей среднихъ и низшихъ классовъ. Здѣсь мы увидимъ, что подавляющее большинство интеллигенціи и служащихъ (36 изъ 45) и всѣ рабочіе безъ исключенія входятъ въ оппозиціонныя и демократическія фракціи, причемъ 9 изъ 10 рабочихъ—соціалъ демократы; большинство же рядового духовенства и крестьянъ,—за исключеніемъ крестьянъ интеллигентовъ и служащихъ,—пока, по крайней мѣрѣ, сидятъ вмѣстѣ съ „господами“ на правыхъ скамьяхъ Таврическаго дворца.

Таблица 4-я выясняетъ *классовый составъ всѣхъ партій. Союзъ Русскаго Народа, монархисты и правые*, разсматриваемые, какъ одно цѣлое состоятъ на 31% изъ землевладѣльцевъ, на 8% изъ буржуа, на 11% изъ бюрократовъ и на 7% изъ представителей духовнаго начальства. Всѣ вмѣстѣ эти слои составляютъ 57% членовъ всѣхъ этихъ фракцій. Соціальные низы и средніе слои, за исключеніемъ крестьянъ и рядового духовенства, представлены ничтожно. Рабочихъ — нѣтъ совсѣмъ, служащихъ и интеллигентовъ всего 5 человѣкъ (3%), крестьянъ же, не исключая и рядовыхъ, цѣлыхъ 47 депутатовъ или почти 1/4 трактуемыхъ фракцій, а рядового духовенства 23 или 13%.

Составъ *октябристовъ* еще менѣе демократиченъ, если только можно употреблять это слово въ примѣненіи къ этой фракціи. Землевладѣльцы составляютъ 55%, представители капитала 24%, бюрократы 3%, духовенство 2%, интеллигенція и служащіе 4%, крестьяне 11%.

Въ промежуточной группѣ (*мирнообновленцы, безпартійные, умѣренные*) констатируется слѣдующая классовая группировка: 43% помѣщиковъ и капиталистовъ, 4% рядового духовенства, 8% интеллигенціи и служащихъ, 36% крестьянъ (рядовыхъ и старшинъ поровну).

Коло по своему соціальному составу недалеко отъ октябристовъ: 37/8 помѣщиковъ, 12,5% капиталистовъ, 6% духовныхъ, 25% интеллигенціи, и 12% крестьянъ. Переходя къ *кадетамъ*, встрѣчаемся уже съ инымъ соціальнымъ составомъ, вполнѣ своеобразнымъ. Это соединеніе самыхъ разнородныхъ слоевъ, сплачиваемыхъ интеллигенціей, выражающей среднюю равнодѣйствующую всѣхъ составныхъ частей. Интеллигенція составляетъ почти 4/10 (37%), за ней слѣдуютъ—землевладѣльцы, насчитывающіе 1/3 (34%) членовъ фракціи; затѣмъ буржуа (почти исключительно интеллигенты—домовладѣльцы 15%) далѣе крестьяне (интеллигенты и рядовые) (8%), по 2% рабочихъ, бюрократовъ и духовенства. Группа *прогрессистовъ* на 1/4 состоитъ изъ высшихъ классовъ и бюрократіи, и 1/5 изъ ря-

Digitized by Google

доваго духовенства и на 1/15 изъ служащихъ, почти цѣлую половину ея составляютъ крестьяне, главнымъ образомъ, рядовые и интеллигентные.

Изъ *трудовиковъ* 1/2 крестьянъ (рядовыхъ и интеллигентовъ) 1/3 интеллигентовъ, 1/4 высшихъ слоевъ. *Соц.-демократы* наиболѣе однородны: 56% рабочихъ, 25% интеллигентовъ, 6% крестьянъ, 11% высшихъ представителей соціальныхъ слоевъ.

Большой интересъ представляетъ сравненіе *классоваго состава партій* въ третьей и второй думахъ. Для экономіи мѣста, мы объединимъ партіи и классы въ родственныя группы.

ТАВЛИЦА № 6.

	Третья Дума.						Вторая Дума.					
	Всего.	Землевладѣльц. буржуа и бюрокр.	Духовенство.	Интеллигенція и служащіе.	Крестьяне.	Рабочіе.	Всего.	Землевладѣльц. буржуа и бюрокр.	Духовенство.	Интеллигенція и служащіе.	Крестьяне.	Рабочіе.
Соц.-Дем.	16	2	—	4	1	9	69	2	—	22	20	25
Трудовики, Н.-С. С.-Р. .	16	4	—	5	7	—	121	11	5	25	71	9
Прогрессист. и кадеты.	68	31	4	21	11	1	135	45	7	46	36	1
Мир. обн., безпарт., умѣр.	28	12	4	2	10	—	29	3	1	1	24	—
Октябристы и правые .	287	182	38	9	58	—	103	49	5	8	41	—
Всего [1].	415	231	46	41	87	10	457	110	18	102	192	35

Классовый составъ партій въ % отношеніяхъ:

ТАБЛИЦА 7.

	Третья Дума.						Вторая Дума.					
	Всего.	Землевладѣльц. буржуа и бюрокр.	Духовенство.	Интеллигенція и служащіе.	Крестьяне.	Рабочіе.	Всего.	Землевладѣльц. буржуа и бюрокр.	Духовенство.	Интеллигенція и служащіе.	Крестьяне.	Рабочіе.
Соц.-Дем.	100	12,5	—	25,0	6,3	56,2	100	3,0	—	31,8	29,0	36,2
Трудовик., Н.-С., С.-Р. .	100	25,0	—	31,3	43,7	—	100	9,1	4,1	20,0	58,6	7,6
Прогресс. и кадеты. . .	100	45,7	5,8	31,0	16,9	1,4	100	33,3	5,1	34,0	26,9	0,8
Мир. обн., безпарт., умѣр.	100	43,3	14,3	25,0	7,1	—	100	10,3	3,4	3,4	82,9	–
Октябристы и правые .	100	63,0	13,3	3,3	20,3	—	100	47,6	5,0	7,7	39,7	—
Всего	100	55,5	11,1	10,0	21,0	2,4	100	24,1	3,9	22,3	42,0	7,7

Всѣ фракціи въ третьей Думѣ стали менѣе демократичными, всѣ классы представлены болѣе правыми своими сочленами. И то и другое результатъ измѣненія избирательной системы. Какъ при третьихъ выборахъ по-

[1]) Безъ польскаго Коло.

Digitized by Google

мѣщики и капиталисты выбирали, кромѣ своихъ представителей любезныхъ имъ членовъ другихъ классовъ, такъ при выборахъ во 2-ю Думу, крестьяне, рабочіе и демократія городовъ посылали въ думу угодныхъ имъ лицъ, какъ изъ своей среды, такъ изъ класса капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Поэтому во 2-й Думѣ большинство даже представителей классовъ привеллигированныхъ входили въ полудемократическія и демократическія фракціи. Крестьяне, представленные самимъ себѣ, послали подавляющее большинство лѣвыхъ и оппозиціонныхъ депутатовъ [1]) Но несмотря на всѣ эти глубокія измѣненія, и партіи и классы сохранили свои основныя черты.

Среди *соц.-демократовъ* преобладали въ обоихъ выборахъ—рабочіе, (при вторыхъ выборахъ относительно, при третьихъ абсолютно), второе мѣсто среди нихъ занимала и занимаетъ – интеллигенція. Главную массу *народническихъ фракцій*, опять таки при обоихъ выборахъ, составляютъ крестьяне, а за ними также идутъ представители демократической интеллигенціи. Что касается *прогрессистовъ и кадетовъ*, то хотя измѣненіе кадровъ избирателей и выборщиковъ и привело къ замѣнѣ многихъ интеллигентовъ землевладѣльцами, но все же отличительныя особенности кадетской фракціи остались неизмѣнными, и при вторыхъ и при третьихъ выборахъ к.-д. партія даетъ мѣсто въ своей средѣ наибольшему въ сравненіи съ другими партіями % интеллигенціи и среднему % землевладѣльцевъ, высшему, чѣмъ у болѣе демократическихъ партій и низшему, чѣмъ у партій правыхъ. Промежуточную группу мирн. обн., умѣр. и безпарт., какъ малочисленную и непредѣленную—опускаемъ. Среди *октябристовъ и правыхъ*, какъ при вторыхъ выборахъ такъ и при третьихъ преобладаютъ привиллегированные классы (при вторыхъ—относительно, при третьихъ—абсолютно).

Переходя къ изученію политической физіономіи представителей различныхъ классовъ, мы убѣждаемся, что *политическія тенденціи цѣлыхъ классовъ улавливаются и по думскому ихъ представительству.* Для опредѣленій политическихъ симпатій каждаго класса нужно пользоваться тѣми случаями, при которыхъ избирательная система предоставила большую возможность проявиться классовымъ тенденціямъ. Для представительства низшихъ классовъ характерны вторые выборы, для высшихъ — третьи. И мы видимъ, что при вторыхъ выборахъ почти половина депутатовъ крестьянъ, почти всѣ рабочіе депутаты и половина интеллигентовъ уже на выборахъ заявили о себѣ, какъ о членахъ лѣвыхъ фракцій (лѣвѣе кадетовъ). 1/3 крестьянскихъ представителей, почти половина интеллигенговъ прошли на выборахъ какъ члены среднихъ партій: каде-

[1]) Правые крестьяне при вторыхъ выборахъ прошли почти исключительно въ губерніяхъ, гдѣ и при прежней системѣ землевладѣльцы обладали абсолютнымъ или относительнымъ большинствомъ, пользуясь чѣмъ они вступили въ блокъ съ правыми крестьянами, часто составлявшими небольшое меньшинство среди крестьянскихъ выборщиковъ.

Digitized by Google

товъ, прогрессистовъ мирн. обн., безпартійныхъ и умѣренныхъ. Въ качествѣ правыхъ (считая и октябристовъ) прошли лишь 1/6 крестьянъ, 1/10 интеллигентовъ (рабочихъ ни одного). Что касается командующихъ классовъ, то ихъ тенденція наиболѣе рѣзко проявляется въ томъ фактѣ, что при третьихъ выборахъ, когда они были господами положенія, 8/10 заняли правыя скамьи. Необходимо усиленно подчеркнуть, что классовыя тенденціи настолько опредѣленны, что преодолѣваютъ даже рогатки избирательной системы. Такъ, и при вторыхъ выборахъ, почти половина депутатовъ привиллегированныхъ классовъ вошла въ правыя партіи, а при третьихъ 3/4 депутатовъ интеллигенціи заняли скамьи оппозиціи и пополнили собою составъ демократическихъ фракцій. Что касается крестьянъ, то хотя ихъ представительство изуродовано особенно сильно, но и теперь среди нихъ цѣлая 1/3 демократическихъ и оппозиціонныхъ представителей. Не нужно при этомъ быть оптимистомъ, чтобы знать, что въ ходѣ думской работы эта треть превратится по меньшей мѣрѣ въ половину. Уже замѣчается и сейчасъ уходъ правыхъ крестьянъ въ октябристы, а октябристскихъ въ оппозицію (см. ниже). Кромѣ того даже и въ процессѣ третьихъ выборовъ все же сказалась основная тенденція классовъ: въ то время, какъ изъ депутатовъ привиллегированныхъ классовъ цѣлые 8/10 (78,8%) входятъ въ правыя партіи, изъ крестьянскихъ депутатовъ такихъ лишь 2/3 (66%). Всѣ эти данныя показываютъ прочную и строгую связь между классовымъ положеніемъ и политической физіономіей депутатовъ. Этотъ выводъ особенно важенъ при опредѣленіи тѣхъ возможностей, которыя таитъ въ себѣ третья Дума. Онъ даетъ также объективную основу для оцѣнки политической позиціи тѣхъ, кто строитъ свою линію поведенія на возможности образованія октябристско-кадетскаго центра.

Комбинируя классовые признаки съ политическими, мы открываемъ въ третьей Думѣ антидемократическій сплавъ, прочный соціально политическій комплотъ, направленный на борьбу съ экономическими и политическими притязаніями народныхъ массъ.

Будемъ очень щедры въ надѣленіи депутатовъ оппозиціонностью и склонностью къ политическимъ и соціальнымъ уступкамъ массамъ. Допустимъ, что всѣ тѣ представители владѣльческихъ классовъ, бюрократіи, духовенства, которые на выборахъ были лѣвѣе союза 17-го октября; далѣе, всѣ безъ исключенія депутаты, вышедшіе изъ рядовыхъ крестьянъ, крестьянъ-служащихъ и крестьянъ-интеллигентовъ; всѣ депутаты, принадлежащія къ профессіональной интеллигенціи представляютъ изъ себя въ потенціи кадры оппозиціонныхъ и демократическихъ фракцій, — хотя бы теперь они сидѣли рядомъ съ г. Пуришкевичемъ, — и что же мы получимъ? Передъ нами обрисуются очертанія „глыбы“, о которую не разобьются лишь мощныя волны народнаго движенія. Глыба эта составляется изъ 116 землевладѣльцевъ, 41 буржуа, 25 бюрократовъ, 14 духовныхъ

Digitized by Google

бюрократовъ, 25 рядовыхъ членовъ клира, 9 кр-нъ землевладѣльцевъ и буржуа 15 старшимъ и писарей, Всѣ эти депутаты принадлежатъ къ октябристскому союзу и къ фракціямъ правѣе его. Въ общей суммѣ они дадутъ цифру 245 или не много менѣе 6/10 состава Думы (57%). (См. таблицу № 4).

Болѣе чѣмъ странны, поэтому, надежды на возможность образованія въ третьей Думѣ большинства, которое, хотя бы самымъ умѣреннымъ образомъ направило свои усилія въ сторону удовлетворенія требованій демократіи.

Передъ нами прочное воинствующее, противо-демократическое парламентское большинство, нашедшее своего выразителя въ лицѣ октябристскаго союза, всемѣрно и всецѣло, хотя бы и съ ламентаціями, уже два года идущаго и имѣющаго идти впредь рука объ руку съ правительственной властью въ ея борьбѣ съ демократическимъ движеніемъ [1]). Что союзъ 17 октября является дѣйствительнымъ фокусомъ третьей Думы, видно изъ слѣдующихъ фактовъ. Не прошло и трехъ недѣль жизни Думы какъ этотъ союзъ сталъ втягивать въ себя все новыхъ и новыхъ членовъ

---

[1]) Не могу не констатировать полной солидарности съ тѣмъ пониманіемъ характера думскаго большинства и его отношенія къ правительству, которое изложено Ник. Іорданскимъ въ его очередномъ декабрьскомъ обозрѣніи „Вопросовъ текущей жизни“.—„Задачею имущихъ классовъ, говоритъ онъ, оцѣнивая стремленія думскаго большинства, въ настоящій моментъ является не реставрація стараго режима, а такое государственное строительство, при которомъ старыя отношенія были бы ликвидированы съ наименьшимъ ущербомъ для правящихъ группъ дореволюціонной Россіи“. „При этомъ, поясняетъ авторъ, по плану имущихъ классовъ правительству предстоитъ занимать передовыя позиціи въ борьбѣ съ демократическимъ движеніемъ“. Мнѣ хотѣлось бы только добавить, что эти тенденціи какъ нельзя болѣе ярко выразились въ фактѣ упоминанія въ адресѣ о манифестѣ 17 октября и въ голосованіи противъ этого манифеста при формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ по поводу правительственной декларації. Недоумѣніе, вызванное этимъ видимымъ противорѣчіемъ, какъ со стороны „Рѣчи“, такъ и со стороны „Новаго Времени“ совершенно непонятно послѣ слѣдующихъ словъ „лѣваго“ октябриста, г. Петрово-Соловово:

„Если третья Дума обойдетъ подводныя камни, то она въ состояніи будетъ *въ теченіе долгихъ лѣтъ* законодательной работы, создать такія условія, когда осуществленіе манифеста 17 октября для правительства будетъ уже не труднымъ дѣломъ“. Очевидно, что пока еще можно опасаться торжества демократіи, до тѣхъ поръ октябристы не поставятъ въ порядокъ дня ни осуществленія свободъ, ни введенія „общаго“ избирательнаго права, провозглашенныхъ манифестомъ. Упоминаніе о послѣднемъ въ адресѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что отъ участія въ законодательной власти октябристы отказываться не намѣрены. Они хотятъ чтобы борьба правительства съ демократіей проходила и велась при ихъ участіи.

Digitized by Google

во-вторыхъ, онъ сумѣлъ добиться выдѣленія изъ массы правыхъ фракцій группы „умѣренно-правыхъ", которая идетъ въ контактѣ съ нимъ. Ростъ числа членовъ парламентской фракціи союза 17 октября, больше чѣмъ интересенъ. Изученіе его необходимо каждому, кто хочетъ понять характеръ думскаго большинства и его возможную эволюцію. Пользуясь спискомъ, составленнымъ секретаріатомъ октябристской фракціи, и сопоставляя его съ приведенными выше данными о партійности депутатовъ, какъ она опредѣлилась на выборахъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ результатамъ. Изъ октябристской фракціи ушло 13 членовъ и прибыло 66, слѣдовательно она выросла на 53 человѣка или почти въ $1^1/_2$ раза, вмѣсто 107 теперь стало 160 [1]).

Возможно, и даже вѣроятно, что секретаріатъ союза 17 октября съ большимъ легкомысліемъ вписываетъ новыхъ членовъ, многіе изъ которыхъ ходятъ только чтобы посмотрѣть на октябристовъ въ ихъ домашнемъ обиходѣ. Но тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ значительномъ ростѣ октябристскихъ голосовъ, тѣмъ болѣе, что данныя выдерживаютъ, такъ сказать, внутреннюю, логическую провѣрку.

Кто ушелъ отъ октябристовъ и кто пришелъ къ нимъ?

ТАБЛИЦА № 8.

	Землевл.	Буржуа.	Бюрократ.	Духовенств.	Интеллиг.	Служащ.	Крестьяне.	Всего.
Прошли на выборахъ	59	26	5	2	3	1	11	107
Ушли изъ фракціи	7	3	—	1	—	—	2	13
Прибыли изъ оппозиціон. партій.	5	2	1	4	1	—	5	18
„ „ правыхъ партій. .	13	7	7	7	1	—	13	48
Итого прибыло	11	6	8	10	2	—	16	53
Стало къ 20/XI	70	32	13	12	5	1	27	160

Составъ октябристовъ „демократизировался": % землевладѣльцевъ съ 55% упалъ до 44%, доля представителей капитала съ 24% упала до 20%, представители обоихъ господствующихъ классовъ—потеряли такимъ образомъ до 15% доли своего вліянія. Но часть этой убыли пополнили бюрократы, съ 3% членовъ фракціи, поднявшіеся до 8%: велико взаимное тяготѣніе октябристскихъ и чиновничьихъ сердецъ! Усилилось и духовенство: вмѣсто 2%, оно составляетъ теперь 7,5%. Интеллигенція и служащіе остались въ томъ же относительномъ количествѣ (4%). Доля крестьянъ съ 10% увеличилась до 17%. Октябристское ядро стремится подчинить своему вліянію, возможно большее число членовъ Думы, особенно изъ демо-

1) Даемъ цифру 107, а не 104 таблицы № 4, такъ какъ при дальнѣйшей работѣ удалось выяснить еще 3 октябристскихъ депутатовъ, прошедшихъ въ качествѣ таковыхъ и выборахъ.

Digitized by Google

кратическихъ слоевъ. Это такъ понятно: необходимо, играя роль думскаго центра быть „обще-народной“ партіей! Впрочемъ, къ октябристамъ идутъ демократы sui generis: такъ, изъ 16 прибылыхъ крестьянъ —8 старшинъ и 1 буржуа. Кромѣ того несмотря на эту „демократизацію“, безусловное преобладаніе въ октябристской фракціи остается за помѣщиками и капиталистами. И въ настоящемъ расширенномъ составѣ фракціи, они обладаютъ $^2/_3$ мѣстъ, а вмѣстѣ съ бюрократами почти $^3/_4$.

Пополнились октябристы, главнымъ образомъ, изъ неопредѣленныхъ правыхъ (39 человѣкъ), изъ монархистовъ (8 челов.), и 1 перешелъ къ нимъ даже изъ С. Р. Н. Гораздо слабѣе выраженъ переходъ къ октябристамъ изъ группъ, лѣвѣе ихъ стоящихъ. Изъ прогрессистовъ перешло 4, одинъ изъ проходившихъ на выборахъ, какъ примыкающій къ к –д., 13 человѣкъ изъ неопредѣленной группы безпартійныхъ и умѣренныхъ. Въ общемъ слѣва къ октябристамъ прибыло 18 человѣкъ, что, по крайней мѣрѣ, на 1/2 компенсировалось уходомъ на лѣво изъ фракціи союза 17 октября. Справа октябристы пріобрѣли 48 человѣкъ, а отдали правымъ, вѣроятно, около 4-хъ членовъ. Это еще разъ показываетъ кровное родство между октябристами и правыми, особенно той ихъ разновидностью которая проходила на выборахъ подъ кличкой просто „правыхъ“.

Не приходится, поэтому, удивляться образованію фракціи умѣренно-правыхъ, которая намѣрена вступить въ постоянный политическій блокъ съ октябристами. И трудно сомнѣваться, что этотъ блокъ дѣйствительно состоится; единство классоваго состава, наличность общаго врага—демократіи; стремленіе добиться политической власти, что мыслимо лишь для союза обоихъ господствующихъ классовъ, а никакъ не для кого-либо одного изъ нихъ; готовность правительства идти на компромиссъ именно съ союзомъ капитала и землевладѣнія: все это факты, которые приводятъ къ прочному и длительному октябристско-правому блоку, враждебному, хотя бы и не въ одинаковой степени, какъ дикимъ помѣщикамъ и бюрократамъ-реставраторамъ изъ с. р. н. и фракціи монархистовъ, такъ и партіи компромисса съ демократіей, партіи кадетской

Такимъ пониманіемъ мы руководились при нашемъ прогнозѣ о ходѣ выборовъ и о вѣроятномъ составѣ думскаго большинства. До начала избирательной кампаніи, мы писали:

„Характеръ думскаго большинства ясенъ, оно будетъ состоять изъ буржуазныхъ и землевладѣльческихъ октябристовъ“ („Совреи. Міръ“, Августъ, стр. 34).

Послѣ исхода выборовъ,—но до открытія думы, когда усиленно трактовалась тема о возможности октябристско-кадетскаго центра,—мы рѣшительно отвергали эту возможность, продолжая утверждать, что наше предвидѣніе исполнится. Пришлось внести лишь формальную поправку: вмѣсто большинства, состоящаго изъ единой фракціи союза 17-го октября, оказалось, что

Digitized by Google

думское большинство должно составиться изъ блока этой фракціи и группы умѣренно-правыхъ, тогда еще едва намѣчавшейся.

Первый мѣсяцъ дѣятельности третьей Думы цѣликомъ ушелъ на оформленіе и закрѣпленіе этого блока, въ которомъ нашли свое воплощеніе заложенныя актомъ 3 іюня и общимъ политическимъ положеніемъ потенціи.

Несмотря на временныя диверсіи, то въ сторону крайнихъ правыхъ (при выборахъ президіума), то къ равненію налѣво, продиктованному стремленіемъ центра дать отпоръ чернымъ въ ихъ поползновеніяхъ къ политической гегемоніи,—красной нитью проходитъ черезъ всѣ голосованія Думы постепенный и постоянный численный ростъ и внутреннее сплоченіе октябристско-умѣренно-праваго центра. Въ то время какъ при преніяхъ объ адресѣ за отклоненіе самодержавной поправки крайнихъ правыхъ съ октябристами голосовало всего „нѣсколько человѣкъ умѣренно-правыхъ“ (см. газетные отчеты), въ преніяхъ о деклараціи наблюдалось трогательное единеніе между обоими соціальными близнецами и политическими друзьями, составляющими двѣ половины думскаго центра.

Октябристы и умѣренные правые, отмежевавшіеся отъ всѣхъ остальныхъ фракцій едва не получили формальнаго абсолютнаго большинства въ Думѣ: не хватило всего 3 голосовъ. Но не приходится сомнѣваться, что эта нехватка будетъ, если это еще не случилось, пополнена. При переговорахъ объ объединеніи центровъ обѣихъ палатъ, численность центра Государственной Думы опредѣляется въ 220 человѣкъ при 437 избранныхъ до сихъ поръ членовъ Думы.

Весь предыдущій анализъ говоритъ за то, что въ составѣ третьей Думы нѣтъ, да и не можетъ народиться, „человѣческаго матеріала“ ни для какого другого, кромѣ Гучковско-Крупенскаго большинства, и что распадъ этого большинства могъ бы произойти лишь отъ тѣхъ же причинъ, которыя повлекли бы за собой уходъ съ исторической арены самой Думы 3 іюня.

Вл. Горнъ.

Digitized by Google

Рабочій вопросъ у правыхъ.

I.

Энгельсъ замѣтилъ какъ-то, что современныя правительства на Западѣ становятся волей-неволей бонапартистскими. Тѣнь Бонапарта (Наполеона III) рѣетъ въ парламентахъ, когда министры на западѣ излагаютъ свои оффиціальныя симпатіи къ рабочему классу. Въ „реформахъ“ Бонапарта—маякъ для тѣхъ правительственныхъ политиковъ, которые отличаются непреодолимымъ влеченіемъ къ рабочимъ, и которымъ голоса рабочихъ нужны на выборахъ. Всѣ послѣдователи Бонапарта придерживаются основной заповѣди его преобразованій. И заповѣдь эта гласитъ: *права рабочаго класса* слѣдуетъ расширять исключительно въ *экономической* сферѣ; можно обѣщать все, что угодно, но реформа не должна коснуться *политическихъ* рамокъ буржуазнаго строя.

Но ловлей пролетарскихъ голосовъ на западѣ занимаются не только правительственные поклонники бонапартизма, а и всѣ приверженцы существующаго порядка. И какъ ни различны пріемы и соціальный составъ этихъ новыхъ ловцовъ, общимъ для нихъ является скрытый или явный консерватизмъ и тяготѣніе направо. Дѣйствующія лица этой игры въ „расположеніе къ рабочему классу“ безъ конца мѣняются. Сегодня главный лицедѣй Бонапартъ, завтра Бисмаркъ; за ними соціальная монархія бельгійскихъ католиковъ и т. д.

Экономическія организаціи рабочихъ, отъ кассъ взаимопомощи и до производительныхъ кооперацій, всякіе виды страхованія, начиная съ обезпеченія инвалидовъ и до общественныхъ работъ для безработныхъ, все это можетъ сослужить свою службу въ воспитаніи рабочаго класса въ желтомъ, бонапартистскомъ, духѣ—безъ всякой примѣси политики. И все революціонное содержаніе, которое несетъ съ собой пролетарская реформа, можно обезвредить, если вмѣстѣ съ реформой къ сознанію рабочаго удастся привить равнодушіе къ самостоятельной классовой политикѣ.

Сила правыхъ въ тѣхъ привилегіяхъ, которыя буржуазный строй унаслѣдовалъ отъ феодальнаго общества. И почему же, ради сохраненія

Digitized by Google

этихъ привиллегій, не дать тѣхъ или иныхъ льготъ рабочему? Вѣдь въ той поддержкѣ рабочаго класса, ради которой проводится пролетарская реформа, вѣрный оплотъ противъ растущаго вліянія промышленной буржуазіи. А на тотъ случай, когда пролетарію надоѣстъ быть слѣпымъ орудіемъ правыхъ, правые используютъ весь аппаратъ власти предержащей и весь механизмъ мѣръ пресѣченія. И не разъ уже на западѣ бывало такъ, что вслѣдъ за попечительными заботами о рабочемъ классѣ на сцену выступали „исключительные законы противъ соціалистовъ".

Это постоянное колебаніе правыхъ отъ заботъ о рабочемъ къ военно-диктаторскимъ поползновеніямъ имѣетъ на западѣ свои причины. Во-первыхъ, при появленіи на свѣтъ буржуазнаго правопорядка, когда складывалась декларація правъ человѣка и гражданина, рабочаго вопроса (въ современномъ значеніи слова) не было на-лицо. Въ эту эпоху творческія силы буржуазнаго общества направлены къ одной цѣли — къ укрѣпленію буржуазной собственности. Неимущій пролетарій даетъ о себѣ знать и становится объектомъ попеченія имущихъ классовъ много позднѣе, тридцать и болѣе лѣтъ спустя, когда классовое разслоеніе и борьба труда и капитала начинаютъ грозить самому существованію буржуазнаго порядка.

Въ этомъ отношеніи „рабочему вопросу" на Руси уготовлена, повидимому иная судьба, и она много счастливѣе западной.

У насъ не было декларація правъ.—Ее замѣнилъ манифестъ 17 октября, а „обновленный" строй не насчитываетъ и трехъ лѣтъ прозябанія. А загляните въ декларацію политическихъ партій на Руси. Нѣтъ ни одной, гдѣ не было бы пунктовъ и статей о „рабочемъ вопросѣ". Разумѣется, для крайнихъ лѣвыхъ это дѣло естественное, для лѣвыхъ рабочій вопросъ—родная стихія. Естественно, далѣе, что и партіи „внѣклассовой политики" (напр. к.-д.) не могутъ обойти молчаніемъ рабочихъ. Чтобы имѣть право стать внѣ классовъ, надо угодить всѣмъ классамъ, уничтожить (по крайней мѣрѣ, въ программѣ) хотя бы часть путъ, лежащихъ на пролетаріатѣ. И что, на первый взглядъ, идетъ наперекоръ стихіямъ, наперекоръ всей западной исторіи пролетарской реформы, такъ это стремленіе нашихъ правыхъ къ этой реформѣ. Среди нашихъ сторонниковъ пролетарской реформы справа полное смѣшеніе лицъ и состояній. Здѣсь и союзъ русскаго народа, и прогрессивно-экономическая партія; здѣсь и аграрій, и русскій промышленникъ. И едва ли у нихъ найдется что-либо общее, кромѣ этой принадлежности къ правымъ въ политикѣ, да еще заботъ о рабочемъ классѣ.

Казалось бы, какое дѣло монархическимъ партіямъ всѣхъ мастей и оттѣнковъ, союзу русскаго народа, русскому собранію и всѣмъ прочимъ правымъ до русскаго рабочаго. А между тѣмъ, ни союзъ русскаго народа, ни партія правового порядка не ограничиваются, какъ подобаетъ правымъ,

Digitized by Google

при зарожденіи правового порядка, простымъ провозглашеніемъ частной собственности. „Признавая неприкосновенность частной собственности,— гласитъ прокламація русскаго собранія, союза русскаго народа и партіи правового порядка,—мы будемъ стремиться въ Думѣ къ признанію, обезпеченію и улучшенію благосостоянія и быта всѣхъ русскихъ земледѣльцевъ, фабричныхъ и всякаго рода рабочихъ“ [1]).

„Признаніе, обезпеченіе и улучшеніе благосостоянія и быта рабочихъ“ это не совсѣмъ грамотно, но въ достаточной мѣрѣ торжественно. Весь эффектъ „признанія и улучшенія быта“ зависитъ отъ того, какъ и чѣмъ правые собираются обезпечить благосостояніе русскаго рабочаго. И, грѣхъ таить, реформы правыхъ весьма радикальны. Въ воззваніи „сторонниковъ соборности и свободнаго труда въ землѣ русской“ намѣченъ „трудъ вольныхъ рабочихъ общинъ, артелей, получающихъ отъ государственной казны въ оброчное пользованіе необходимыя для оборота и веденія производства основныя и оборотныя средства“ [2]). „Вольныя“ рабочія общины и артели — на „оброкѣ“?! Да самъ Бисмаркъ не могъ бы придумать ничего лучшаго для смѣшенія крѣпостничества и пролетарской реформы.

Отъ сторонниковъ соборности въ землѣ русской не отстаетъ союзъ русскаго народа и обѣщаетъ „содѣйствовать открытію всякаго рода мастерскихъ, заводовъ и фабрикъ на артельныхъ началахъ“. И при томъ — ни слова объ оброкѣ. Наоборотъ, союзъ русскаго народа пишетъ свою хартію пролетарскихъ вольностей въ духѣ новаго (буржуазнаго) порядка. Наряду съ открытіемъ государственнаго промышленнаго банка для устройства кооперативовъ, союзъ русскаго народа берется „содѣйствовать возможному сокращенію рабочаго дня“. Такимъ образомъ, союзъ русскаго народа идетъ даже дальше всѣхъ бонапартистовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Устраивать кооперативы на артельныхъ началахъ для членовъ союза русскаго народа и не забыть русскаго рабочаго вообще — да это альтруизмъ высшей марки, который совсѣмъ не вяжется съ обычнымъ представленіемъ о правыхъ, какъ о яростныхъ крѣпостникахъ [3]).

Какъ ни удивительны и неожиданны всѣ эти посулы о пролетарской реформѣ въ устахъ правыхъ, въ нихъ есть все же извѣстный шаблонъ и

---

[1]) Прокламація относится ко времени созыва II-й Думы и издана въ Кіевѣ.

[2]) Воззваніе издано въ С.-Петербургѣ; время изд. не показано.

[3]) Особенно трогательно звучитъ эта забота о малыхъ сихъ въ Харьковскомъ союзѣ русскаго народа (прокламація въ іюнѣ 1906 г.).

„Мирнымъ путемъ должны быть проведены широкія преобразованія. Для немедленнаго улучшенія положенія крестьянъ и трудящихся маленькихъ людей, нужно надѣленіе нуждающихся землей и упорядоченіе условій труда, чтобы тѣмъ защитить ихъ отъ порабощенія капиталу...“ Стлали мягко, а какъ пришлось бы спать, будетъ видно изъ дальнѣйшаго.

Digitized by Google

обычный привкусъ желтаго реформаторства всѣхъ правыхъ на западѣ. Содѣйствуя возможному сокращенію рабочаго дня и переводя на оброкъ „вольныя общины рабочихъ“, истинно-русскіе люди изъ сторонниковъ соборности не занимаются вовсе о сельскомъ батракѣ. Арена ихъ реформы—въ городской индустріи. Въ селѣ, очевидно, и безъ реформъ хорошо. Это во первыхъ. Затѣмъ, ихъ реформы не задѣваютъ вовсе политическихъ правъ рабочаго. Вотъ почему крайніе правые, хотя они несомнѣнно до всего своимъ умомъ дошли, шествуютъ къ реформѣ по протоптанной дорожкѣ. И потому лавры новаторства ждутъ не ихъ, крайнихъ правыхъ, а ихъ друзей слѣва, умѣренныхъ правыхъ.

Среди умѣренныхъ правыхъ одною изъ первыхъ опубликовала свою декларацію „прогрессивная экономическая партія“. Она задумала „отстаивать неослабное движеніе Россіи на пути совершенствованія, какъ общаго, такъ и хозяйственнаго быта“ и на знамени начертала гордыя слова: „свобода—знаніе—трудъ“. И вотъ, будучи, несомнѣнно, причастна къ русскому капиталу и всей душой сочувствуя „неослабному движенію“ промышленности на Руси, прогрессивная экономическая партія, не въ примѣръ европейскому буржуа и сразу опережая крайнихъ правыхъ, выставляетъ три требованія: во-1-хъ, „предоставленіе фабрично-заводскимъ и инымъ промысловымъ рабочимъ права и возможности общественной и политической дѣятельности“; во-2-хъ, „регулированіе условій труда и рабочей организаціи путемъ международныхъ договоровъ“; въ-3-хъ, „распространеніе фабрично-заводскаго законодательства на иные виды труда, сельско-хозяйственнаго, ремесленнаго и друг.“ [1]).

Уже изъ этихъ трехъ требованій совершенно ясно, что въ проектѣ прогрессивно-экономической партіи забыты вѣковыя традиціи пролетарской реформы у правыхъ на западѣ. Грань между сельскими батраками, которымъ надлежитъ жить по старому, и городскимъ пролетаріемъ, котораго ждутъ новшества, нарушена. И какъ бы въ насмѣшку надъ политическимъ воздержаніемъ, о которомъ возвѣщаютъ деклараціи крайнихъ правыхъ, оба они, и сельскій батракъ, и городской рабочій, въ программѣ буржуазіи допущены въ святыя святыхъ новаго строя, пріобщены къ „общественной и политической дѣятельности“. И духъ реформаторства такъ обуялъ прогрессивно-экономическую партію, что она не довольствуется доморощенными общинами на оброкѣ, во вкусѣ истинно-русскихъ людей, а заговариваетъ о „рабочей организаціи путемъ международныхъ договоровъ“ [2]).

Да, великъ геній реформъ въ русской буржуазіи. Она далеко не израсходовала всей энергіи возможныхъ реформъ на декларацію прогрессивно-экономической партіи. Въ томъ же реформаторскомъ духѣ построена про-

[1]) См. программу прогресс.-экон. партіи, ея „воззваніе къ людямъ труда“.

[2]) См. программу прогресс.-экон. партіи въ Сборникѣ: „Партіи“ стр. 70.

Digitized by Google

грамма торгово-промышленной партіи. Права человѣка и гражданина, какъ ихъ понимаетъ партія, прямо распространены на классъ наемнаго труда. Какъ и полагается программѣ торгово-промышленной партіи, первая часть ея посвящена буржуазной собственности и гласитъ: „въ интересахъ предпріятій нужна свобода, законность и политическія гарантіи, обезпечивающія порядокъ и неприкосновенность частной собственности". Но за первой частью декларації идетъ вторая, и она объявляетъ: „въ интересахъ работающихъ въ этихъ предпріятіяхъ нужно широкое развитіе соціальнаго законодательства, которое бы защищало рабочихъ отъ всякой несправедливой эксплуатаціи, охраняло ихъ личность, какъ свободныхъ гражданъ" [1]).

Даже союзу 17 октября, который по самому имени своему долженъ былъ бы тяготѣть къ умѣренности, даже союзу 17 октября не удалось удержаться въ предѣлахъ реформъ, присущихъ правымъ на западѣ. Правда, союзъ 17 окт. не обнаружилъ такого непримиримаго реформаторства, какое мы видѣли въ торгово-промышленной партіи и у истинно-русскихъ людей. Его политики не упоминали вовсе о порабощеніи капиталу и о международной охранѣ труда и строго отдѣляли сельскій пролетаріатъ (безъ реформъ) отъ городского (съ реформами). Но и въ союзѣ 17 го октября не обошлось безъ увлеченій. Такъ, напримѣръ, въ своей программѣ (о пролетарской реформѣ) онъ задумалъ не отстать „отъ наиболѣе просвѣщенныхъ промышленныхъ государствъ" [2]).

А мѣстами, какъ напримѣръ въ Одессѣ, гдѣ крайнимъ правымъ удалось широко развернуть блестящую дѣятельность истинно-русскихъ людей, союзъ 17-го октября бросился прямо въ объятія торгово-промышленной партіи, со всѣми ея несбыточными мечтаніями. „Если хотите улучшить бытъ рабочихъ, какъ это дѣлается въ наиболѣе просвѣщенныхъ промышленныхъ государствахъ, идите къ союзу 17 октября и торгово-промышленной партіи", скликалъ всѣхъ соединенный комитетъ обѣихъ партій въ Одессѣ. И союзъ 17 октября былъ такъ неосторожен, что согласился на „болѣе демократическое толкованіе въ случаѣ расхожденія въ какомъ-либо изъ отдѣльныхъ пунктовъ" своей программы и программы торгово-промышл. партіи [3]). Что, если бы торгово-промышленная партія настояла на включеніи такихъ пунктовъ своей программы, какъ „защита отъ несправедливой эксплоатаціи" и соціальное законодательство для батраковъ?..

И обозрѣвая широкіе горизонты, намѣченные пролетарской реформой крайнихъ правыхъ и умѣренныхъ правыхъ, невольно спрашиваешь: въ чемъ же дѣло? Откуда эта сокровищница соціальныхъ реформъ, въ ко-

---

[1]) См. программу кіевскаго отдѣла торгово-промышленной партіи.

[2]) См. программу союза 17 окт.

[3]) См. прокламацію „соедин. комитета" обѣихъ партій, изд. въ Одессѣ 27/III 1907.

Digitized by Google

торую вошли и „артели рабочихъ на оброкѣ“ и законодательство о трудѣ „наиболѣе просвѣщенныхъ промышленныхъ государствъ“? Почему крайніе правые такъ упорно тянутъ ноту о благополучіи однихъ только промышленныхъ рабочихъ, а умѣренные поютъ о рабочей реформѣ въ селѣ и въ городѣ?

И, наконецъ, отчего этотъ гимнъ труду, гдѣ нѣтъ и намека на военно-диктаторскія вожделѣнія?

II.

Не трудно угадать, отчего среди правыхъ пробудился такой жгучій интересъ къ пролетарской реформѣ. Причина его въ октябрьскихъ событіяхъ 1905 года. И всѣ увлеченія правыхъ въ изъявленіи своихъ симпатій къ „рабочимъ рукамъ“ тѣмъ болѣе извинительны, что даже офиціозы бюрократіи писали въ эти дни о рабочихъ исключительно въ высокомъ стилѣ. Такъ „Торгово-промышленная газета“ (въ статьѣ „Манифестъ 17 Октября и рабочій вопросъ“) разсыпалась въ изысканныхъ комплиментахъ по адресу пролетаріата за „отважную рѣшимость русскаго рабочаго и его высокія нравственныя качества — самоотреченіе и самопожертвованіе — столь свѣтлыя въ странѣ вчерашнихъ безправныхъ рабовъ“. Торгово-промышленная газета не имѣла ничего противъ „расширенія полученныхъ рабочимъ правъ“ и даже намѣтила первый этапъ на этомъ пути. „Первый этапъ—это легализація движенія, его закономѣрность и органическое развитіе. И гражданскі свободное общество, и культрное правительство будутъ привѣтствовать такое движеніе“ [1]).

Какъ извѣстно, „культурная“ бюрократія не ограничилась только привѣтствіями по адресу движенія, но пыталась содѣйствовать его легализаціи. Изъ этихъ попытокъ ничего путнаго не вышло. Чтобы содѣйствовать расширенію правъ рабочаго, бюрократіи пришлось бы отказаться отъ самой себя. И подобно тому, какъ въ общей сферѣ закона все послѣ 17 октября осталось по старому, такъ и въ примѣненіи къ рабочему движенію бюрократія неуклонно вела свою линію, линію исключительныхъ мѣръ и особыхъ постановленій [2]).

Итакъ, очередь была за „гражданскі свободнымъ обществомъ“. Что могло оно дать въ дѣлѣ легализаціи рабочаго движенія и его органическаго развитія, и при томъ съ одобренія „культурнаго правительства“?

На бѣду въ обществѣ, ставшемъ „гражданскі свободнымъ“ послѣ 17 Октября, далеко не всѣ слои понимали вопросы о легализаціи и ор-

[1]) См. Торгово-промышл. газету (органъ министерства финансовъ) № 230 за 1905 годъ.

[2]) См. объ этомъ нашу статью „Рабочій вопросъ и старый порядокъ“ въ № 5 „Современнаго міра“ за 1906 годъ.

Digitized by Google

ганическомъ развитіи рабочаго движенія въ такомъ же духѣ, какъ „культурная бюрократія“. Только два общественныхъ класса въ своихъ взглядахъ на пролетарскую реформу до нѣкоторой степени могли и хотѣли помочь правительственнымъ начинаніямъ, да и то не безъ серьезныхъ оговорокъ. Въ продолженіе полувѣка послѣ освобожденія „крещеной собственности“ эти два класса давали тонъ всему нашему законодательству о наемномъ трудѣ. Между ними царило даже извѣстное раздѣленіе труда: одинъ изъ этихъ классовъ — дворянство — взялъ на себя опеку рабочихъ въ селѣ; рабочихъ городской индустріи опекалъ другой командующій классъ — торгово-промышленный капиталъ.

Въ дворянствѣ интересъ къ рабочему вопросу обостряется сейчасъ же послѣ оффиціальной отмѣны крѣпостного права. Со всѣхъ концовъ Россіи, гдѣ помѣщикъ сталъ переходить къ интенсивному хозяйству, послышались жалобы на „недостатокъ и дороговизну рабочихъ рукъ“. Дворянству пришли на помощь „временныя правила о наймѣ на сельско-хозяйственныя работы“ (1863 г.). Хотя сельскій рабочій послѣ отмѣны крѣпостного права, являлся „граждански свободнымъ“ „временныя правила“ отдали его въ распоряженіе нанимателя-помѣщика: „за лѣность, пьянство и нерадѣніе“ на рабочаго налагался штрафъ, и всѣ штрафы поступали въ пользу помѣщика. Но дворянству этого было мало. Аграріи не упускали случая какъ-нибудь расширить свои права надъ граждански свободнымъ (въ хозяйственномъ отношеніи) батракомъ. И въ этомъ отношеніи они въ два пріема сложили по-истинѣ перукотворный памятникъ „реформамъ“ крѣпостниковъ.

Первый періодъ реформаторской работы аграріевъ относится къ 70 годамъ, когда еще существовали „временныя правила“ 63-го года. Аграріи пытаются возстановить цѣликомъ крѣпостное право для сельскихъ батраковъ. Съ этой цѣлью они предлагаютъ: установленіе обязательной нормы труда и вознагражденія, пріуроченной къ извѣстной мѣстности и извѣстному времени; изданіе рабочаго устава, причемъ его главная задача „укрѣпить въ рабочихъ понятіе о святости договора“; устройство особыхъ конторъ со списками всѣхъ рабочихъ; возвращеніе ушедшихъ съ работы рабочихъ чрезъ полицію; административныя права землевладѣльца въ кругу его экономической дѣятельности; введеніе тѣлесныхъ наказаній (по приговору мировыхъ судей). Если же рабочій выкажетъ себя благонравнымъ, то устанавливается „награжденіе за содѣйствіе трудамъ и за прослуженіе извѣстнаго срока на одномъ мѣстѣ“. Не все же карать, нужны и милости [1]).

Возстановить крѣпостное право для сельскихъ батраковъ не сумѣла даже всесильная бюрократія. Но создать рабочую кабалу, весьма схожую

[1]) См. докладъ Высочайше утвержденной комиссіи для изслѣдов. нынѣшн. полож. сельск. хозяйства. СПБ. 1873, прил. III, стр. 4. отдѣлъ „мѣръ, предлагаемыхъ для увеличенія производительности рабочихъ силъ“.

Digitized by Google

съ закрѣпощеніемъ, было въ ея силахъ. Вмѣсто „временныхъ правилъ“ (1863 г.) было издано „положеніе о наймѣ на сельскія работы“ (1888 г.). Оно узаконило доставку бѣгуна рабочаго чрезъ полицію, оно предоставило право помѣщику налагать по своему усмотрѣнію штрафы на рабочаго.

Дворянство, однако, не было удовлетворено. Ему недоставало всей полноты власти надъ батракомъ. И потому аграріи, не уставая, требовали созданія „твердаго законодательства“, гдѣ имѣлись бы подходящія средства для „справедливаго возмездія“ за все зло, которое терпитъ помѣщикъ отъ рабочихъ рукъ. Особенно драгоцѣнные перлы въ этомъ смыслѣ далъ всероссійскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ въ 1895 г. На немъ было высказано не мало горькихъ истинъ по адресу правительственнаго положенія (1886 г.) и была предложена цѣлая куча мѣръ, изъ которыхъ наиболѣе любопытны уголовная отвѣтственность рабочаго за уходъ съ работъ [1]), поставка на работы въ экономіи нищихъ, т. е. превращеніе помѣстій въ работные дома; выработка на съѣздахъ хозяевъ особой таксы для оцѣнки ущерба, который причиняется батраками; введеніе рабочихъ книжекъ, взамѣнъ паспортовъ.

На съѣздѣ шли страстныя пренія на тему: „желательно ли, возможно ли закабаленіе нужнаго нашимъ хозяевамъ труда посредствомъ рабочихъ книжекъ?“ И если идея полнаго закабаленія не восторжествовала, такъ это лишь, потому что сами аграріи не вѣрили въ успѣхъ дальнѣйшаго закрѣпленія. И не безъ вліянія на такой исходъ реформаторскихъ исканій аграріевъ въ 1895 году оказалось и то, что они боялись обостренія рабочаго движенія въ деревнѣ. Благодаря отсутствію рабочихъ книжекъ, для рабочаго оставался путь для расторженія договора—уходъ изъ имѣнія. „Уничтожьте этотъ путь — предостерегалъ одинъ аграрій, — и рабочій вопросъ явится у насъ въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ онъ является въ Западной Европѣ; даже не въ томъ видѣ, а, какъ я думаю, въ гораздо худшемъ“. Аграрій благодарилъ небо и за то, что „рабочаго вопроса“ въ деревнѣ нѣтъ [2]).

Въ городской промышленности „рабочаго вопроса“ до 1895 года также не существовало,—по крайней мѣрѣ, по смыслу и духу русскаго законодательства. Еще въ Январѣ 1905 года комитетъ министровъ постановилъ: „никакой систематической борьбы рабочихъ съ предпринимателями въ Россіи нѣтъ: нѣтъ въ ней и самаго рабочаго вопроса“ [3]).

---

[1]) Была высказана даже блестящая мысль сдѣлать отвѣтственнымъ за уходъ рабочаго все населеніе волости, къ которой принадлежитъ рабочій, но затѣмъ эта идея была оставлена: слишкомъ много возни съ круговой порукой.

[2]) См. „Труды“ всероссійскаго союза сельскихъ хозяевъ, созваннаго Императорскимъ обществомъ сельскаго хозяйства 10—20 дек. 1895 г, Отд. II, вопр. 6, стр. 3, 5, 13, 20, 22.

[3]) См. отчетъ засѣданій 28 и 31 янв. 1905 г.

Digitized by Google

И въ самомъ дѣлѣ, къ чему было говорить о „рабочемъ вопросѣ“ въ русской промышленности, когда законъ дѣлалъ все, чтобы удовлетворить предпринимательскіе аппетиты русскаго капитала? Начиная съ перваго закона (1886 года) о „взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ“ и кончая послѣднимъ (о рабочихъ старостахъ 1903 г.), бюрократія не останавливалась ни передъ чѣмъ, лишь бы сохранить и охранить классовыя привилегіи капиталиста. Но угодить русскому купону и русской акціи было нелегко. Не взирая на всѣ льготы, оказываемыя фабричнымъ закономъ, русскіе промышленники тяготились правительственной опекой.

Дѣло въ томъ, что, хотя бюрократія и отрицала наличность рабочаго вопроса въ индустріи, но борьбы труда и капитала своими декретами она не отмѣнила. Подъ давленіемъ этой борьбы бюрократія время отъ времени принуждена была вмѣшиваться въ условія эксплоатаціи, чтобы хоть нѣсколько смягчить ея эксцессы, и, главное, оградить „порядокъ“ въ промышленности. Такъ было и въ вопросѣ о рабочемъ днѣ дѣтей, и въ вопросѣ о ночной работѣ женщинъ, и въ вопросѣ о рабочемъ днѣ взрослыхъ. И въ такіе моменты вмѣшательства закона въ дѣло эксплоатаціи, русскій капиталъ неизмѣнно стоялъ противъ „административной опеки“ и за „свободу народнаго труда“.

Въ фабричныхъ законахъ бюрократіи промышленники усматривали „духъ непріязни или антипатіи къ высшему капиталистическому классу и духъ пристрастнаго покровительства нанимаемымъ, низшему рабочему классу“. Несмотря на такое дѣленіе на „высшій“ и „низшій“ классы, русскіе капиталисты страстно стремились къ „сотрудничеству хозяевъ и рабочихъ“ внѣ опеки фабричнаго закона. Сотрудничество хозяевъ и рабочихъ на фабрикахъ это—заявляли фабриканты—„союзъ, основанный на сходствѣ интересовъ и различіи способностей, дополняющихъ одно другое“ [1]). И въ то время, какъ аграріи старались изгнать изъ своихъ имѣній призракъ „рабочаго вопроса“ путемъ закабаленія батрака и сословной опеки, промышленный капиталъ мечталъ, напротивъ, о той счастливой минутѣ, когда „свобода народнаго труда“ устранитъ всѣ административныя попеченія, а вмѣстѣ съ ними всѣ преграды безудержной эксплуатаціи.

Ждать этой счастливой минуты пришлось капиталу больше сорока лѣтъ. Тѣмъ сильнѣе распалялась жажда промышленниковъ къ „неограниченной свободѣ труда“, безъ вмѣшательства администраціи. И своего апогея она достигла тогда, когда бюрократія вступила на „нелегальный и внѣзаконный способъ рѣшенія рабочаго вопроса“. Имя этому нелегальному и внѣзаконному способу рѣшенія рабочаго вопроса—зубатовщина.

---

[1]) М. Туганъ-Барановскій „Русская фабрика“ 1-е изд. стр. 387 и 389.

Digitized by Google

„Внѣзаконный нелегальный способъ расширенія правъ рабочаго", намѣченный Зубатовымъ, говоря коротко, сводился къ тому, чтобы улучшить кое-какія стороны труда рабочихъ за счетъ прибылей капиталиста. Политическія условія пролетарскаго быта измѣненію не подлежали [1]). При такихъ условіяхъ выступленіе стараго порядка на „нелегальный путь" свидѣтельствовало о полномъ истощеніи его законодательныхъ рессурсовъ. А для буржуазіи въ этомъ былъ несомнѣнный и безспорный признакъ близкаго паденія бюрократической опеки въ промышленности [2]).

Послѣдніе сорокъ лѣтъ, когда складывалась и росла промышленная индустрія, были для русскаго промышленника тяжелымъ сномъ и злыми чарами стараго порядка. Богатырь просыпался. Онъ чувствовалъ страшный приливъ силъ и готовъ былъ начать реформу условій труда съ самаго начала, хотя бы въ духѣ неограниченной и хищнической эксплуатаціи временъ первоначальнаго накопленія. И его порывы сковывала только боязнь, какъ бы „неограниченная свобода труда" не показала своей оборотной стороны въ „смутѣ и бунтахъ". Вотъ почему, отстаивая свободу труда въ экономикѣ, русскій буржуа пока что мирился со старымъ порядкомъ въ политикѣ.

И оставляя вопросъ о рамкахъ „правового государства" открытымъ, промышленники настаиваютъ на одномъ: „слѣдуетъ пріобщить къ гражданскн свободному обществу и рабочаго". Для сего необходимо дать „рабочему право поступать на работу на такихъ условіяхъ, какія онъ найдетъ для себя пріемлемыми". Свобода рабочему—таковъ основной пунктъ промышленной конституціи, которую намѣтила русская буржуазія.

Само собой разумѣется, что промышленная конституція, предложенная буржуа, была не по душѣ аграрію. Правовое государство являлось вообще для аграрія прыжкомъ въ неизвѣстность. И если аграрій не протестовалъ прямо противъ узурпаторскихъ надеждъ буржуазіи, такъ это потому лишь, что близился рѣшительный моментъ политическаго кризиса. Ища спасенія, аграрій вмѣстѣ съ примыкающими къ нему кулаками и міроѣдами деревни занялъ крайній правый флангъ сторонниковъ стараго порядка. И такъ какъ „смута" не прекращалась, промышленная и финансовая буржуазія

---

[1]) См. соображенія объ этомъ Зубатова, напеч. въ „Русскомъ дѣлѣ" за 1906 годъ.

[2]) Глубокимъ заблужденіемъ кажется намъ, говоритъ докладная записка заводчиковъ и фабрикантовъ, приписывать красный оттѣнокъ всѣхъ демонстрацій (рѣчь идетъ о рабочихъ волненіяхъ—М. О.) кознямъ злонамѣренныхъ лицъ. Выводъ отсюда можетъ быть одинъ: рабочіе, какъ и все общество, настолько созрѣли политически, что имъ, какъ и всему русскому обществу, въ интересахъ промышленнаго роста Имперіи, должны быть дарованы политическія права и свободныя учрежденія. „Право", № 4, 1905 г.

Digitized by Google

очутилась также на правомъ флангѣ, нѣсколько болѣе влѣво. Здѣсь формировались кадры умѣренно-правыхъ.

III.

Когда волна политическаго кризиса разбилась, бюрократія, занявшись ликвидаціей освободительнаго движенія, не отказалась отъ мысли легализовать рабочее движеніе. Напротивъ, она еще болѣе укрѣпилась въ своемъ намѣреніи создать путемъ „успокоительныхъ реформъ“ соціальную монархію [1]). Благодаря этому, политическая дифференціація аграріевъ и промышленной буржуазіи пошла быстрымъ темпомъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ все яснѣе и откровеннѣе раскрывалось истинное отношеніе крайнихъ и умѣренныхъ правыхъ къ пролетарской реформѣ.

Для аграріевъ—соціальная монархія представляла собой въ сущности тотъ же старый порядокъ, лишь нѣсколько подновленный. Русскій пролетарій всегда былъ сословіемъ, таковымъ быть ему и впредь. Особыя права рабочаго, обезпечивающія интересы пролетаріата, это „ложь соціалистовъ“. Рабочій долженъ остаться, какъ и прежде, „членомъ рабочаго сословія“, а противъ „лжи соціализма“ слѣдуетъ бороться, усиливая „творческую и свѣтлую дѣятельность государства“. „Отношенія рабочихъ и предпринимателей должны быть упорядочены“ (программа русскаго собранія). Для „рабочаго сословія“ должно выработать „особыя узаконенія“ (русская монархическая партія).

Относительно главныхъ задачъ „особыхъ узаконеній“ для „рабочаго сословія“ мнѣнія крайнихъ правыхъ нѣсколько разошлись. Въ русской народной партіи держались старины и полагали, что „выдвигать рабочій вопросъ, какъ нѣчто самостоятельное, совершенно несправедливо. Всякія ухаживанія за рабочими и стремленія дать имъ организацію для борьбы съ хозяевами, ведутъ лишь къ развращенію рабочихъ“. Равно и русская монархическая партія рекомендовала лишь „неустанное попеченіе о матеріальномъ и, въ особенности, духовномъ благѣ рабочаго (и крестьянскаго) сословія, и о добромъ воспитаніи его въ правилахъ религіозной нравственности“ [2]).

Въ партіи правового порядка также имѣлось въ виду „упрочить за родной промышленностью бодрую дружину двигателей ея, довольныхъ настоящимъ и спокойныхъ... въ будущемъ“. Все это придавало „творче-

---

[1]) Въ 1-й своей декларації (въ 1-й думѣ) бюрократія объявила „неотложнымъ удовлетвореніе нуждъ рабочаго класса путемъ законодательныхъ мѣръ, направленныхъ къ охранѣ наемнаго труда“.

[2]) См. программы этихъ партій въ сборникѣ „Россійскія партіи, союзы и лиги“ изд. „Знанія“ стр. 59, 130 и отдѣльно изд. программу „Кіевской русской монархической партіи“, пунктъ 5-й.

Digitized by Google

ской и свѣтлой дѣятельности государства" весьма важное значеніе. И какъ провести въ жизнь принципъ воспитанія рабочаго сословія въ правилахъ религіозной нравственности и уваженія къ порядку и удовлетворить вмѣстѣ съ тѣмъ „справедливыя требованія рабочихъ"? Партію правового порядка никто не заподозритъ въ неуваженіи къ порядку. А между тѣмъ, даже партія правового порядка, чтобы „упрочить за родной промышленностью бодрую дружину двигателей", вынуждена была согласиться на „возможное сокращеніе рабочаго дня".

„Возможное сокращеніе рабочаго дня" нисколько не противорѣчитъ административной опекѣ рабочаго сословія. Установила же бюрократія рабочій день въ $11^1/_2$ часовъ, съ соотвѣтствующими оговорками въ пользу капиталиста. Все же, уже въ этомъ пунктѣ былъ первый поводъ для столкновенія плановъ о рабочей реформѣ у аграріевъ съ соотвѣтствующими проектами верховъ промышленной буржуазіи. Буржуазія требовала „элементарныхъ условій правового государства для установленія нормальныхъ отношеній между промышленниками и рабочими". И эти „элементарныя условія правового государства", по мнѣнію буржуазіи, слѣдовало свести къ полному невмѣшательству государства въ дѣло эксплуатаціи рабочей силы. Буржуазія настаивала на томъ, чтобы „рабочій день, какъ и прочія условія труда, устанавливался по взаимному соглашенію предпринимателей и рабочихъ". Ей слишкомъ пріѣлась „творческая и свѣтлая дѣятельность государства" при старомъ порядкѣ, чтобы уповать на нее при новомъ.

Натолкнувшись на сопротивленіе буржуазіи въ вопросахъ законодательной регламентаціи условій труда, ладья соціальной реформы крайнихъ правыхъ понеслась по потоку самыхъ широкихъ и ни къ чему не обязывающихъ обѣщаній. Союзъ русскаго народа, который сначала обѣщалъ лишь „нормировать отношенія между рабочими и работодателями", теперь возвѣстилъ о колоссальной затѣѣ. Союзъ „вмѣнилъ себѣ въ обязанность содѣйствовать... устройству русскаго государственнаго промышленнаго банка съ цѣлью облегченія образованія рабочихъ и промышленныхъ артелей и товариществъ и снабженія ихъ дешевымъ кредитомъ" [1]). „Сторонники соборности и свободнаго труда" мечтали, что удастся перевести „рабочія и промышленныя артели" на оброкъ и тѣмъ содѣйствовать „освобожденію отъ ростовщика капиталиста" [2]). Словомъ, правые всячески норовили разыграть роль защитниковъ „отъ всякой несправедливой эксплуатаціи".

Въ иныхъ случаяхъ эта игра въ защиту отъ всякой несправедливой эксплуатаціи обставлялась весьма основательно и конкретно. Уставъ „священнаго союза" истинно-русскихъ людей обѣщалъ „защиту русскихъ людей противъ космополитизма и капитализма". Общество духовнаго обновленія тре-

[1]) См. 2-ю программу Союза русскаго народа; въ 1-й пункта о государств. банкѣ и артеляхъ не было.

[2]) Источникъ указанъ выше.

Digitized by Google

бовало „вознагражденія по разсчету затраченнаго труда,.. участія въ прибыляхъ, и не только частныхъ, но общественныхъ и акціонерныхъ предпріятій“ [1]). И даже русской партіи народнаго центра казалось своевременнымъ „развитіе фабричнаго законодательства въ видѣ выработки нормальныхъ условій возможнаго участія рабочихъ промышленныхъ предпріятій въ ихъ интересахъ и прибыляхъ“ [2]).

Промышленники не остались въ долгу. Такъ какъ аграріи во всѣхъ своихъ программахъ и воззваніяхъ умалчивали о наемномъ трудѣ въ деревнѣ, партіи, тяготѣющія къ промышленникамъ, въ отместку аграріямъ потребовали „распространенія законовъ о наемномъ трудѣ на другіе виды труда (сельско-хозяйственнаго, ремесленнаго и проч.)“. Далѣе основнымъ пунктомъ программы промышленной буржуазіи было выдвинуто устраненіе полицейской опеки и „свободное“ соглашеніе труда и капитала. Это „свободное“ соглашеніе „предпринимателей и рабочихъ“, конечно, мало улыбалось аграріямъ, привыкшимъ предписывать условія найма и работы, несмотря на желаніе или нежеланіе батрака. Но въ программахъ буржуазіи былъ еще другой пунктъ, который дѣлалъ ихъ совершенно непріемлемыми для крайнихъ правыхъ. Это пунктъ о „свободѣ стачекъ“. „Стачка — законная форма экономической борьбы“, гласила программа Московскаго съѣзда промышленности и торговли. Необходимо предоставить рабочимъ свободу стачекъ, заявляла прогрессивно-экономическая партія [3]).

Съ такимъ пониманіемъ вещей партіи, поддерживающія аграріевъ, согласиться не могли. „Стачки рабочихъ, допускаемыя при условіи охраненія свободы труда, являются безсмыслицей, возражала капиталистамъ русская народная партія. Стачки — фактически неосуществимы, а потому не должны быть вводимы и въ законодательство“. А монархическая народная партія облекла свое отношеніе къ стачкѣ въ поэтическую форму и декламировала: „Пусть летитъ забастовка за море, откуда къ намъ пришла“.

Участіе въ прибыляхъ и государственный банкъ для рабочихъ артелей на взглядъ промышленниковъ былъ чѣмъ то худшимъ, чѣмъ самая зубатовщина. Но и для аграріевъ въ проектируемой промышленниками свободѣ труда скрыта была страшная опасность. Узаконить стачки въ деревнѣ для аграрія значило привить деревнѣ язву „рабочаго вопроса“, которая истребила бы тамъ вскорѣ всѣ пережитки крѣпостничества.

Такимъ образомъ въ пролетарской реформѣ отразилась какъ въ зер-

---

[1]) См. Уставъ „союза“ и общества, опубликов. въ концѣ 1905 года.

[2]) См. программу въ „Сборникѣ прогр.“ подъ ред. В. В. Водовозова, вып. IV, стр. 64.

[3]) Торговопромышленная партія (см. объяснит. записку къ программѣ партіи № 2) считала, что „стачки и забастовки... не должны быть наказуемы“. См. сборникъ „Россійскія партіи“ стр. 66 — 67; 69; 74—77.

Digitized by Google

калѣ, борьба двухъ началъ, носителями конхъ были аграріи и промышленники. Напрасно партія центра Бессарабской губерніи предложила уладить споръ передачей всего вопроса на разсмотрѣніе государственной думы. Напрасно союзъ 17 октября, который всегда былъ склоненъ сидѣть между двухъ стульевъ, объединяя проекты аграріевъ и буржуа,—напрасно союзъ 17 октября внесъ въ свою программу кое-что отъ крайнихъ правыхъ и кое-что отъ умѣренныхъ. Въ его программѣ значился пунктъ о свободѣ стачекъ (изъ программы буржуазіи) и наряду поощрялась „творческая и свѣтлая дѣятельность государства“ (желаніе аграріевъ), и все это при непремѣнномъ условіи: при поддержкѣ не только рабочихъ, но и промышленности. Щекотливый вопросъ о стачкахъ и вообще рабочемъ законодательствѣ въ деревнѣ былъ обойденъ совсѣмъ. Вся тонкая политика союза 17 октября не имѣла успѣха. И до созыва первой думы аграріи неизмѣнно пятились назадъ къ сословной опекѣ рабочихъ, а промышленники рвались въ облака „широкой свободы труда“.

Но только до созыва первой думы. Стоило распустить думу — какъ извѣстно, безъ особыхъ послѣдствій, — и вся декорація пролетарской реформы у правыхъ совершенно измѣнилась. Рождалась надежда, что въ политической реформѣ правыхъ и умѣренныхъ удастся сочетать абсолютизмъ и конституцію. А при этомъ условіи не такъ ужъ трудно было нащупать почву для совмѣщенія сословной опеки съ государственнымъ невмѣшательствомъ въ дѣла капиталистической эксплоатаціи.

IV.

Началось все съ деталей и мелочей.

Сейчасъ же послѣ роспуска первой думы союзъ русскаго народа сталъ „приглашать, какъ хозяевъ, фабрикантовъ и ихъ уполномоченныхъ, такъ и рабочихъ, въ особенности фабричныхъ, городскихъ, желѣзнодорожныхъ— всячески стараться разрѣшить возникающія между ними недомолвки, раздоры полюбовно, по Божьи“. Приглашеніе это было напечатано въ „основныхъ положеніяхъ союза русскаго народа“ [1]). Прежнее обѣщаніе „содѣйствовать открытію всякаго рода мастерскихъ, заводовъ и фабрикъ“ исчезло изъ „основныхъ положеній“ само собой. Партія правового порядка сдѣлала еще одинъ шагъ для сближенія своихъ соціальныхъ реформъ съ проектами буржуазіи. Она внесла въ свою избирательную программу свободу стачекъ, къ которой тяготѣла буржуазія [2]). Но всего лучше разрѣшалъ задачу примиренія съ буржуазіей союзъ „Бѣлое знамя“.

---

[1]) См. „Основныя положенія“, августъ 1906 года.

[2]) См. избират. программу одесской партіи правового порядка, время не указано.

Digitized by Google

Союзъ „Бѣлое знамя“ придумалъ особый, „естественный“, способъ и путь для поднятія „благосостоянія рабочихъ“. Секретъ этого поднятія заключался въ „улучшеніи положенія крестьянъ—землевладѣльцевъ“. Чудодѣйственное вліяніе обновленнаго строя деревни, по разсчету союза, выразится въ томъ, что „деревня перестанетъ высылать на фабричный рынокъ массу конкуррентовъ“. Отсюда улучшеніе общей участи рабочихъ: „естественнымъ путемъ поднимется заработная плата. Естественнымъ же путемъ разрѣшится вопросъ о продолжительности рабочаго дня“ (Воззваніе „союза“ 12 декабря 1906 г. Н.-Новгородъ).

Что могъ возразить противъ такого „естественнаго“ пути для пролетарской реформы русскій буржуа? Да ничего, ровнехонько ничего. Онъ ухватился бы за проектъ „Бѣлаго знамени“ обѣими руками, если бы союзъ „Бѣлаго знамени“ явился дѣйствительно выразителемъ мнѣнія всѣхъ крайнихъ правыхъ. Въ политическомъ міросозерцаніи буржуа и въ его непреклонномъ стремленіи къ „свободѣ стачекъ“ произошелъ несомнѣнный переломъ, и вызванъ онъ былъ стачечнымъ движеніемъ второй половины 1906 г.

Первымъ вѣстникомъ этого перелома явился политическій флюгеръ — союзъ 17 октября. Признавая въ принципѣ „свободу стачекъ“ (въ программѣ), „союзъ“ на дѣлѣ агитировалъ противъ стачекъ. „Рабочему хорошо только тогда, когда всюду все спокойно, когда всѣ фабрики и заводы работаютъ, когда торговля и промышленность процвѣтаетъ... Стачка, достигая слишкомъ ничтожнаго, разоряетъ и такъ бѣдную страну“. Во имя „блага и спокойствія страны“ (точнѣе, во имя процвѣтанія торговли и промышленности — М. О.) стачекъ слѣдуетъ избѣгать [1]). И этотъ поворотъ фронта въ союзѣ 17 октября произошелъ, конечно, не даромъ.

Еще только въ январѣ 1905 года русскіе промышленники (въ запискѣ московскихъ фабрикантовъ) объясняли „рабочіе безпорядки“ — „отсутствіемъ прерогативъ, составляющихъ неотъемлемую принадлежность свободной личности въ свободномъ государствѣ“. Дабы обезпечить свободу личности рабочаго, фабриканты намѣтили „элементарныя условія правового государства“. Вмѣстѣ съ тѣмъ были, конечно, предусмотрѣны и условія, гарантирующія „свободу индустріи“. Съ этой цѣлью промышленники рекомендовали такое правило: „личность рабочаго должна быть законодательнымъ порядкомъ ограждена отъ рабочихъ—стачечниковъ“.

Такимъ образомъ, въ дни упоенія политической свободой и предвкушая всѣ выгоды штрейкбрехерства, то бишь... „свободы индустріи“, русскій капиталъ не забывалъ о соотвѣтствующихъ прерогативахъ индустріи или, выражаясь проще, мѣрахъ пресѣченія. И это нисколько не мѣшало русскому промышленнику ратовать за „свободу труда“ и „свободу стачекъ“.

---

[1]) См. Воззваніе отъ союза 17 окт., дозв. цензурой 4 ноября 1906 г., а также брошюру „О стачкахъ и забастовкахъ“, изд. союза.

Digitized by Google

Когда же первый угаръ освободительныхъ восторговъ прошелъ—главнымъ образомъ подъ вліяніемъ стачекъ,—то промышленникъ по необходимости, для защиты все той же свободы труда, потребовалъ примѣненія этихъ „прерогативъ“ полностью.

„Съ изданіемъ манифеста 17 октября,—писали фабриканты въ концѣ 1905 года,—Россія стала правовымъ государствомъ, управляемымъ на точномъ основаніи дѣйствующихъ законовъ, не допускающихъ частичныхъ отступленій, зависящихъ отъ случайнаго усмотрѣнія того или иного органа административной власти“. И хотя въ число „дѣйствующихъ законовъ“ еще не вошли намѣченные промышленниками законы о свободѣ стачекъ, хотя и особыхъ „прерогативъ“, касающихся „свободной личности“ рабочаго, среди нихъ не было, промышленная буржуазія ходатайствовала о слѣдующемъ. Промышленники просили „давать законный ходъ дѣламъ о насиліи на фабрикахъ и заводахъ *внѣ очереди*“. Вотъ какъ понимали теперь фабриканты „элементы правового государства“. Чѣмъ дальше, тѣмъ прерогативы въ защиту „свободной личности рабочаго“ все таяли, замѣняясь неизмѣнно растущими просьбами и требованіями о защитѣ штрейкбрехерства.

И когда въ концѣ 1906 года вопросъ о легализаціи рабочаго движенія вылился въ форму правительственныхъ законопроектовъ, то промышленникъ запротестовалъ. Онъ успѣлъ забыть (два года—срокъ не малый), что самъ предостерегалъ высшія сферы отъ того, чтобы приписывать „красный оттѣнокъ рабочихъ волненій кознямъ злонамѣренныхъ лицъ“. „Рабочіе,—заявилъ онъ въ декабрѣ 1906 года устами представителя петербургскихъ фаброкантовъ, — рабочіе служатъ движущейся (sic!) массой въ рукахъ агитаторовъ, и пока будетъ такое положеніе вещей, рабочаго вопроса нельзя рѣшить правильно“ [1]).

О чемъ бы ни заходила рѣчь: о страхованіи рабочихъ, о рабочемъ договорѣ, о рабочемъ днѣ, промышленникъ примѣнялъ при обсужденіи вопроса въ бюрократическихъ совѣщаніяхъ методъ обструкціи. И цѣлью его не было провести хотя бы плохонькую промышленную конституцію, охраняющую „элементарныя права правового государства“. Нѣтъ, русскій капиталъ домогался „широкой свободы труда“ въ смыслѣ неограниченныхъ условій эксплуатаціи. А когда промышленнику не удавалось обезпечить для капитала всѣхъ выгодъ полной анархіи, добиться полнаго отсутствія какихъ бы то ни было гарантій для наемнаго труда, то русскій промышленникъ шелъ на мировую со старымъ порядкомъ, мирился со „свѣтлой и творческой дѣятельностью государства“. Какого государства? Государства стараго режима, до 17 октября, государства, на которое возлагали всѣ

[1]) См. отчеты „Особаго совѣщанія по рабочему вопросу“ 14—22 декабря 1906 г.

Digitized by Google

свои надежды крайніе правые. И когда поклонники „правового государства", совмѣстно съ будущими авторами „успокоительныхъ реформъ", принимались размежевывать права труда и капитала, то съ неизмѣнной правильностью повторялась одна и та же умилительная картина [1]).

Идя навстрѣчу „назрѣвшей потребности" и желая „найти для рабочаго движенія естественный выходъ", бюрократія начинала съ расширенія экономической власти капитала [2]). А затѣмъ (и это было колоссальнымъ шагомъ впередъ по сравненію съ прежнимъ законодательствомъ!) кое-что намѣчалось и для рабочаго. Такъ, въ законахъ о рабочемъ днѣ въ проектахъ бюрократіи не ставилось фактически никакихъ границъ для расширенія рабочаго дня до 15 часовъ въ сутки, но изъ приличія намѣчалась норма въ $10^1/_2$ часовъ. Въ рабочемъ договорѣ, вмѣсто двухъ недѣль, въ теченіе которыхъ предприниматель долженъ былъ предупредить рабочаго о расторженіи договора, устанавливался срокъ въ три дня. Капиталистъ протестовалъ и противъ срока въ три дня, требуя права разсчитывать рабочаго, когда и какъ вздумается, и противъ $10^1/_2$ часовъ дня, домогаясь отмѣны всякой нормировки рабочаго дня. Когда же бюрократіи показалось неуднымъ внести такія „реформы" въ думу, то промышленникъ выдвинулъ контръ-проекты. И въ нихъ буржуа требовалъ сохраненія прежней нормы $11^1/_2$ часовъ дня и узаконенія не стачекъ, а... локаута [3]).

Ахъ, два сердца бились въ груди его, въ груди русскаго промышленника. Онъ былъ одинъ въ своихъ программахъ, когда добивался „элементарныхъ правъ свободной личности рабочаго", и былъ совсѣмъ другой, когда защищалъ въ своихъ „реформахъ" прерогативы индустріи и гарантіи „широкой свободы труда". И чтобы положить конецъ этой гибельной раздвоенности умѣренныхъ правыхъ, чтобы привести ихъ къ спасительному реализму крайнихъ правыхъ, оставившихъ свои мечты о „защитѣ отъ несправедливой эксплуатаціи", понадобилось вмѣшательство силы. Только такимъ образомъ удалось перевести пролетарскую реформу промышленной буржуазіи на тотъ „естественный путь", къ которому стремились уже послѣ роспуска первой думы крайніе правые. Эту важную задачу выполнилъ новый избирательный законъ 3-го іюня 1907 г.

---

[1]) См. отчеты „Особаго совѣщанія по рабочему вопросу", созванному министерствомъ торговли 17—22 дек. 1906 г.

[2]) См. декларацію, прочитанную во 2-й думѣ.

[3]) См. статью „Рабочій вопросъ и старый порядокъ". „Совр. Міръ", 5, № 1907 г.

Digitized by Google

V.

Къ созыву 3-й думы изъ ряда „успокоительныхъ реформъ", намѣченныхъ бюрократіей, безъ движенія остались главнымъ образомъ преобразованія по рабочему вопросу. Для реформаторства правыхъ, умѣренныхъ и крайнихъ открылся широкій просторъ. Настало время провести въ жизнь намѣченныя ими преобразованія. Но гдѣ они, эти преобразованія, и въ чемъ состоятъ проекты реформы у правыхъ? Увы, ихъ нѣтъ, или почти нѣтъ. Въ борьбѣ съ освободительнымъ движеніемъ программы правыхъ по рабочему вопросу растеряли всѣ наиболѣе заманчивыя и выигрышныя мѣста. Вмѣсто велихъ остались малыя и тихія дѣла.

„Люди русскіе! —уныло тянетъ „Русское знамя" послѣ созыва 3-й думы, настало время перейти отъ словъ къ дѣлу, къ выполненію экономической программы союза русскаго народа. Начнемъ дѣло съ малаго, потомъ перейдемъ къ великому". И пока что—„Русское знамя" рекомендуетъ рабочимъ „образованіе посредническихъ товариществъ по доставкѣ рабочей силы на мѣста" [1]).

„Доставка рабочей силы на мѣста"—это много скромнѣе обѣщанныхъ нѣкогда „промышленныхъ товариществъ". И не только скромнѣе, но и откровеннѣе. Доставка рабочихъ на мѣста имѣетъ весьма важное значеніе для штрейкбрехерской дѣятельности союза. Но доставка на мѣста будетъ служить для удовлетворенія недостатка въ рабочихъ рукахъ не только въ городской индустріи, а и въ деревнѣ, гдѣ недостатокъ этотъ хроническое зло помѣщичьяго хозяйства. Съ организаціей доставки рабочей силы исполнится завѣтная мечта помѣщика, который чуть ли не пятьдесятъ лѣтъ назадъ требовалъ спеціальныхъ конторъ по доставкѣ рабочей силы на мѣста.

„Съ реформами тихо, очень тихо", стонетъ и въ бюллетенѣ умѣренно правыхъ, которые ведутъ теперь самую крупную игру на политической биржѣ „обновленнаго" строя. Среди реформъ умѣренно правыхъ ни слова объ „элементарныхъ гарантіяхъ свободной личности рабочаго", ни слова о „свободѣ стачекъ и союзовъ". „Фракція (умѣренно правыхъ)—должна способствовать огражденію широкой свободы труда" — вотъ глубочайшій смыслъ и выводъ умѣренности и аккуратности, которыя служатъ и „обновленному" строю, и успѣхамъ промышленности и торговли [2]). Маленькій едва замѣтный пунктъ докладной записки фабрикантовъ и промышленниковъ, который гласилъ: „личность рабочаго должна быть законодательнымъ порядкомъ ограждена отъ рабочихъ стачечниковъ", выросъ до цѣлой программы. „Огражденіе свободы труда (для борьбы со стачечниками—М. О.)

---

[1]) Цит. по „Товарищу" № 437, за 1907 г.

[2]) См. ихъ программу въ „Товарищѣ", 17 ноября 1907 г.

Digitized by Google

вотъ малое дѣло умѣренно правыхъ. И дѣло пролетарской реформы въ „работоспособной думѣ“ обстоитъ такъ плохо, что союзъ 17 октября, несмотря на всю свою тонкую дипломатію, въ своемъ маршѣ успокоительныхъ реформъ все не можетъ попасть въ тонъ правымъ.

Въ проектѣ декларации (въ 3-й думѣ) союза 17 октября есть и „правительственныя бюро труда“, что соотвѣтствуетъ конторамъ крайнихъ правыхъ для доставки рабочей силы на мѣста, и „прекращеніе стѣсненій хозяйственныхъ стачекъ“, что замѣняетъ „свободу стачекъ“ и вполнѣ вяжется съ огражденіемъ „свободы труда“ умѣренно правыхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ программѣ реформъ союза 17 октября есть и пунктъ „о сокращеніи рабочаго дня“, пунктъ, который свидѣтельствуетъ, что политики союза 17 октября не отдаютъ себѣ яснаго отчета о жалкихъ рессурсахъ реформъ въ охранительномъ лагерѣ.

Ни крайнимъ, ни умѣреннымъ правымъ, (а вмѣстѣ съ ними и союзу 17 октября) не суждено осчастливить русскаго рабочаго своими реформами въ видѣ, напр., дѣйствительнаго сокращенія рабочаго дня.

Для того, чтобы имѣть какой-нибудь вѣсъ и значеніе въ этомъ смыслѣ политическая партія должна связать свою судьбу съ судьбой наемнаго труда страны. Временный успѣхъ, который имѣло на западѣ буржуазное реформаторство, объясняется тѣмъ, что тамъ буржуазія въ дни „обновленія“ стараго строя шла рядомъ съ пролетаріемъ. Ни въ 1789 ни въ 1848 году между трудомъ и капиталомъ не залегало той пропасти, которая раздѣляетъ трудъ и капиталъ Россіи. А успѣхъ правыхъ на западѣ (христіанскій соціализмъ Германіи, клерикалы Бельгіи) лежитъ въ томъ, что, освобождаясь отъ политической гегемоніи буржуазіи, сознаніе нѣкоторыхъ немногочисленныхъ слоевъ пролетаріата останавливалось въ лагерѣ правыхъ, какъ на временномъ этапѣ.

У насъ все шло и идетъ не такъ, какъ на западѣ. Идейное вліяніе буржуазіи ничтожно, и наемному труду на Руси не пришлось испытать крушенія своей вѣры въ буржуазію. Благодаря этому, у насъ нѣтъ почвы и для успѣшной агитаціи крайнихъ правыхъ. Вотъ почему и крайніе, и умѣренные правые, начавъ въ дни „свободы“ во здравіе реформъ, кончаютъ за упокой пролетарской реформы. Пообѣщавъ „защиту отъ несправедливой эксплуатаціи“, крайніе правые даютъ лишь правительственныя бюро для доставки рабочей силы на мѣста. А умѣренные, начавъ съ „гарантій свободной личности рабочаго“, приходятъ къ законодательной защитѣ штрейкбрехерства.

На такой почвѣ не привьются даже чахлые проекты союза 17 октября. И пролетарской реформѣ не вырасти въ атмосферѣ полицейски-сословной опеки аграріевъ и штрейкбрехерской „свободы труда“ русскаго буржуа.

Мих. Оленовъ.

Digitized by Google

Литературные отклики.

„Вѣсовское дѣйство надъ нѣкіимъ мужемъ, а также преніе Живота со Смертью"—представленіе для публики г. А. Ремизова.—„Маковъ Цвѣтъ"—драма г.г. Мережковскаго, Философова и г-жи Гиппіусъ.—„Тьма" —разсказъ г. Л. Андреева.—„Творимая легенда (Навьи чары)"—романъ г. Ѳ. Сологуба.

Процессъ соціаль-демократической фракціи второй Государственной Думы, процессъ депутатовъ первой Думы, портъ-артурскій процессъ, кіевскій процессъ... таковы наиболѣе выдающіеся факты *современной* русской дѣйствительности.

Шерлокъ Холмсъ, Натъ Пинкертонъ, проблема пола, эллинскіе танцы, средневѣковой театръ, утопіи... таковы преобладающіе интересы нашей *современности* въ области литературы и искусства.

Нуженъ или большой художественный талантъ или, по крайней мѣрѣ, исключительно счастливый случай, чтобы отыскать формулу, которая могла бы подобрать всѣ эти расползшіеся въ стороны элементы современности и слить ихъ въ одномъ обобщающемъ кристаллѣ. Не берусь судить, что именно—талантъ ли, случай ли выручилъ г. Алексѣя Ремизова, но фактъ тотъ, что искомая формула имъ найдена. Вотъ она: „Бѣсовское дѣйство надъ нѣкіимъ мужемъ, а также преніе Живота со Смертью".

Я видѣлъ этотъ остроумный, злободневный шаржъ на сценѣ театра Коммиссаржевской, и тамъ, въ рамкахъ превосходно написанныхъ декорацій художника Добужинскаго, онъ показался мнѣ въ высокой степени удачнымъ. Правда, компетентные люди, монополизировавшіе театръ Коммиссаржевской, пытались привить мнѣ совсѣмъ иную точку зрѣнія на пьесу г. Ремизова. Они старались увѣрить меня, что это вовсе не шаржъ, и даже не злободневный; что въ пьесѣ заложена глубокая философская идея о ничтожествѣ злого начала; что сама пьеса открываетъ новые просвѣты въ области русскаго искусства... и что-то еще въ этомъ же родѣ. Забавно иногда послушать компетентныхъ людей. Они словоохотливы и даже краснорѣчивы. Но каждый разъ, какъ они начинаютъ плести передъ вами свою затѣйливую ткань, васъ неотвязно щекочетъ вопросъ: — какая

Digitized by Google

степень родства сближаетъ компетентныхъ людей съ тѣмъ Андерсеновскимъ портнымъ, который такъ оскандализировалъ злополучнаго короля незримымъ для профановъ платьемъ?

Впрочемъ, на этотъ разъ и самъ авторъ пьесы сознательно и откровенно обошелъ компетентныхъ людей. Не имъ, а намъ, профанамъ, предоставилъ г. Ремизовъ оцѣнку своей пьесы, недвусмысленно назвавъ ее „представленіемъ для публики“. И поэтому я, голосъ изъ публики, съ тѣмъ большимъ правомъ утверждаю, что разъ „Вѣсовское дѣйство надъ нѣкіимъ мужемъ“ произвело на меня впечатлѣніе остроумнаго злободневнаго шаржа, то такого рода воздѣйствіе на меня входило и въ заданіе самого автора.

„Вѣсовское дѣйствіе“ открывается, какъ этого и слѣдовало ожидать отъ злободневнаго шаржа, судебнымъ процессомъ. На сценѣ происходитъ „преніе Живота со Смертію“. Представитель обвиненія—демонъ Аратырь—предъявляетъ суду свитокъ, „весь испещренный грѣхами“ подсудимаго,—прокурорская власть не должна быть стѣсняема въ осуществленіи присущей ей серьезной государственной функціи. Напротивъ, заподозрѣнный и вѣчно ожидающій предсѣдательскаго окрика защитникъ—онъ же „Свѣтлый Духъ“—мало что можетъ сказать для смягченія заранѣе предрѣшенной участи своего подзащитнаго. Наконецъ, онъ все же рѣшается указать суду на смягчающія вину обстоятельства,—„такъ строчки двѣ добрыхъ дѣлъ“, но и тѣ судъ игнорируетъ на томъ основаніи, что онѣ будто бы написаны „неразборчиво“. Но въ сущности, эта процессуальная сторона дѣла даже какъ-то не затрагиваетъ насъ, публику. Мы загипнотизированы присутствующей въ залѣ суда твердою властью, олицетворяемой Смертью, и не можемъ отвести отъ нея нашихъ смущенныхъ взоровъ. Коса, которую держитъ Смерть, зазубрена и изъѣдена ржавчиной, но мы знаемъ, что въ рукахъ твердой власти даже и такая, негодная отъ времени, штука можетъ служить вполнѣ достаточнымъ орудіемъ для „предсмертныхъ мучительствъ“. И мы напряженно выжидаемъ, что вотъ-вотъ, наконецъ, закончится безполезное „преніе“ и наступитъ послѣдній и неизбѣжный актъ развертывающейся передъ нами драмы. И онъ наступаетъ. „Смерть—комментируетъ авторъ въ „краткомъ изложеніи“ пьесы — произноситъ послѣднее слово (декларацію) о мукахъ и начинаетъ съ помощью своихъ безпощадныхъ орудій казни предсмертныя мучительства“.

Такъ закончился прологъ пьесы—скорбная драма современности, какъ она отразилась въ сознаніи художника. И когда занавѣсъ взвилась надъ рампой во второй разъ, мы увидѣли на сценѣ уже нѣчто отъ литературы—„бѣсовское дѣйство надъ нѣкіимъ мужемъ“.

Было время, когда „нѣкій мужъ“ состоялъ оруженосцемъ у Живота. Но въ рѣшительный моментъ спора Живота со Смертью оруженосецъ малодушно покинулъ своего вождя и, спрятавшись за камень, трусливо под-

Digitized by Google

жидалъ тамъ исхода „прeнія“. Споръ кончился. И въ тотъ моментъ, когда ржавое желѣзо смерти коснулось могучаго тѣла Живота, оруженосецъ рѣзко и рѣшительно порвалъ съ прежними иллюзіями и рѣшилъ начать „новую жизнь“. И, Боже мой, какъ нерадостно, какъ томительно безотрадно стало теперь его существованіе! Укрывшись въ пещеру, одинокій, безстрастный и бездѣятельный, глядитъ онъ оттуда, какъ глядимъ и мы изъ своихъ мѣстъ для зрителей, на производимое надъ нимъ „бѣсовское дѣйство“...

Да, читатель, было время, когда и мы съ вами состояли въ оруженосцахъ. Были славные дни, когда мы бодро шагали за нашими вождями, и сама Смерть заискивающе улыбалась намъ. Но дѣланной оказалась улыбка эта. И когда Смерть по-настоящему взглянула на насъ изъ своихъ черныхъ проваловъ, когда съ небывалымъ усердіемъ заработалъ Аратырь, днемъ и ночью пополняя свои безконечные свитки, робость овладѣла нами. И мы укрылись въ наши одинокія, холодныя пещеры. И мы сбросили съ себя доспѣхи оруженосца и превратились въ „нѣкіихъ мужей“, въ публику, безстрастно наблюдающую „бѣсовское дѣйство“.

Постановка „бѣсовскаго дѣйства“ въ театрѣ къ концу утомила зрителей. Рябило въ глазахъ отъ чрезмѣрнаго обилія разношерстныхъ и разноголовыхъ чертей, подавляло ихъ почти безсмѣнное присутствіе на сценѣ въ теченіе четырехъ актовъ, начинала болѣть голова отъ ихъ адскаго шума и визга. Но разъ уже начавъ оцѣнку пьесы съ точки зрѣнія ея злободневности, я хочу быть послѣдовательнымъ до конца и скажу, что въ этомъ много-и разно-ликомъ бѣсовскомъ хорѣ авторъ съумѣлъ зато представить всѣ интересы нашей современности въ области литературы и искусствъ. Не безъ ядовитаго намека на наши театры и газеты, изо дня въ день идеализирующіе похожденія сыщиковъ иностраннаго и домашняго производства, извѣстный намъ Аратырь измѣнилъ свою внѣшность, продѣлалъ въ пещерѣ незамѣтную для человѣческаго глаза лазейку и проникъ туда, „выдѣлывая разныя пакости“. И развѣ не къ пресловутой „проблемѣ пола“ относится лукавое дѣйство чертей надъ Грѣшной Дѣвой, которую они усыпляютъ, дабы, выманивъ „нѣкоего мужа“ изъ пещеры, „предать его грѣху?“ Необутыя лапы демоновъ въ пляскѣ бѣсовской кощунственно шаржировали танцы увлекательной „босоножки“; ихъ трепещущіе хвосты, точно только что срѣзанные съ пожелтѣвшихъ отъ древности старинныхъ лубковъ, какъ бы указывали своими движеніями путь отсюда назадъ, въ лучезарныя поля прекраснаго средневѣковья; тогда какъ три демона, пришпиливъ тѣ же хвосты англійскими булавками и прикрывъ ихъ бѣлоснѣжными одеждами ангеловъ, манили „нѣкоего мужа“ въ утопически-загадочныя дали... И все это смѣшивалось въ какую-то сплошную неразбериху свиста, воя, гримасъ и кривляній...

Къ концу пьесы авторъ становится серьезнымъ и выдвигаетъ на судъ публики два тезиса. Во первыхъ, онъ утверждаетъ, что „бѣсовское дѣй-

Digitized by Google

ство" нимало не повредило „нѣкоему мужу". Но это положеніе я, на основаніи своего личнаго опыта, какъ акуратный читатель современной литературы, какъ посѣтитель театровъ и лекцій, словомъ, какъ мужъ, ежедневно подвергающійся „бѣсовскому дѣйству",—рѣшительно и категорически отвергаю. Нельзя безнаказанно переносить „бѣсовское дѣйство", не рискуя душевной прострацією, какъ самой дешевой цѣной искупленія.

Второй тезисъ авторъ ставитъ какъ бы въ утѣшеніе „нѣкоему мужу", утвердившемуся въ пещерѣ. Онъ говоритъ именно, что и „въ аду скука". И этому можно вѣрить. Ибо черти созданы по образу и подобію человѣка, и когда скучаетъ человѣкъ, скучаетъ и адъ. Разница лишь въ степеняхъ впечатлительности и предпріимчивости. Скучающій человѣкъ, зѣвая и потягиваясь, еще только лѣниво ловитъ смутную мечту о грѣшной дѣвѣ или лучезарномъ средневѣковьѣ, а черти ужъ тутъ какъ тутъ:—и грѣшная дѣва у нихъ на готовѣ, и средневѣковая красота давнымъ-давно зоветъ и ласкаетъ очарованный взоръ.

Въ доброе старое время традиціонной принадлежностью январскихъ книжекъ журналовъ считался „обзоръ литературы за истекшій годъ". Здѣсь нѣтъ такого „обзора", и пусть же мой безхитростный разсказъ о „Бѣсовскомъ дѣйствѣ" хоть отчасти замѣнитъ его. А теперь, съ облегченнымъ сердцемъ, перейду къ нѣкоторымъ частнымъ явленіямъ русской литературы за послѣдній мѣсяцъ, а именно къ явленіямъ, въ которыхъ такъ или иначе нашла свое отраженіе русская революція.

Среди литературныхъ новинокъ этого рода первое мѣсто должно быть отведено драмѣ „Маковъ Цвѣтъ" („Русская мысль" 1907 г., ноябрь). Созданная творческими усиліями цѣлаго тріумвирата—г.г. Мережковскимъ, Философовымъ и г-жею З. Гиппіусъ,—драма эта обращаетъ на себя вниманіе совершенно своеобразной идеей, которой авторы пытаются освѣтить не только русскую революцію, но, пожалуй, и всю русскую исторію.

Умѣло и талантливо обставленная съ технической стороны, драма подкупаетъ яркими характеристиками дѣйствующихъ лицъ и быстрымъ развитіемъ самого „дѣйствія". На пространствѣ небольшихъ четырехъ актовъ здѣсь уложенъ огромный психологическій и историческій матеріалъ. Весь революціонный періодъ нашей исторіи, со всѣми его кровавыми событіями и сложными психическими переживаніями, авторы сдѣлали попытку сконцентрировать въ нѣдрахъ одной семьи, и эта семья—Россія. Въ этомъ—основной узелъ драмы, въ этомъ внѣшній эффектъ ея выдержанной цѣльности, въ этомъ же—безсильная немощь ея аргументаціи. Но не будемъ забѣгать впередъ, а прежде раскроемъ въ немногихъ словахъ ея содержаніе.

Семья, о которой идетъ рѣчь, слагается собственно изъ двухъ поло-

Digitized by Google

винъ, неравныхъ по числу входящихъ въ нихъ лицъ, но связанныхъ близкими родственными узами. Одна половина семьи—гражданская, другая, меньшая,—военная.

Первая половина семьи состоитъ изъ старика Мотовилова, либеральнаго профессора, его жены Наталіи Петровны, двухъ дочерей—Анны и Сони—и сына Андрея. Кромѣ того у Анны, восторженной вдовы, есть свои дѣти—мальчики Вася и Шура. Вторая половина семьи состоитъ изъ брата Наталіи Петровны генерала Львова и сына его поручика гвардейскаго полка Бориса. Не смотря на существующія уже между этими двумя частями одной семьи родственныя связи, въ будущемъ имъ предстоитъ сблизиться еще больше, такъ какъ Борисъ и Соня, вмѣстѣ переживъ на манчжурскихъ поляхъ ужасы пораженій, полюбили другъ друга и теперь ждутъ только разрѣшенія на бракъ отъ архіерея.

Дѣйствіе драмы открывается въ историческій для Россіи день 18-го октября 1905 года,—день иллюзій и разочарованій. Мы—въ столовой Мотовиловыхъ, откуда наблюдаемъ раскрывшуюся и развивающуюся внутри семьи идейную рознь. Въ то время, какъ старый генералъ и сынъ его Борисъ, съ сознаніемъ выполняемаго передъ отечествомъ долга, несутъ тяжелую службу по охранѣ Петербурга,—въ „гражданской“ части семьи происходитъ такая быстрая идейная дифференціація, что члены семьи перестаютъ понимать другъ друга и даже вступаютъ другъ съ другомъ въ явно враждебныя отношенія. Здѣсь есть всѣ оттѣнки оппозиціонной и революціонной мысли. Есть *даже* временные соціалъ-демократы, временные, потому, что, какъ увидимъ ниже, соціалъ-демократія, по идеѣ авторовъ драмы, совершенно чужда рассовому типу русской семьи.

Идейные конфликты въ семьѣ разростаются. Андрей рѣзко разрываетъ съ семьей и ѣдетъ въ Москву, чтобы принять тамъ участіе въ вооруженномъ возстаніи. Туда же, съ полкомъ своимъ, ѣдетъ и Борисъ—подавить возстаніе. Случилось такъ, что среди раненыхъ революціонеровъ Борисъ узналъ своего кузена. Онъ подобралъ умирающаго Андрея и привезъ съ собой въ домъ своего отца. Здѣсь Андрей умеръ, а Соня надъ трупомъ брата отказалась отъ жениха: „Мнѣ тебя страшно, Борисъ... Любви нѣтъ у меня къ тебѣ, Борисъ... и нѣтъ прощенія!“

Несчастья, какія революція опрокинула на семью, на этомъ не кончились. Добродушный генералъ, давно уже по старости тяготившійся своей отвѣтственной службой по охранѣ столицы и мечтавшій объ отставкѣ, не успѣлъ осуществить свою мечту, убитый революціонерами. Борисъ вышелъ въ отставку,—сталъ „ренегатомъ“, по язвительнымъ замѣчаніямъ юнаго монархиста Шуры...

И вотъ всѣ они, Мотовиловы и Львовы, передъ вами. Монархисты и анархисты, охранники и максималисты, кадеты и черносотенцы, они вступаютъ другъ съ другомъ въ кровавую распрю, готовые къ самымъ рѣши-

Digitized by Google

тельнымъ дѣйствіямъ. И все же, въ минуты самыхъ мятежныхъ настроеній и вспышекъ, они остаются членами единой и неразрывной семьи. Какъ бы ни расходились избранные ими пути, какими бы враждебными глазами ни взглядывали они другъ на друга, случайно столкнутые острыми углами ихъ міровоззрѣній, они не перестаютъ быть родными другъ другу. И роднитъ ихъ другъ съ другомъ не только общность крови, но и общность ихъ постоянныхъ настроеній. Ибо всѣ они—неисправимые романтики.

Будучи еще юнымъ, далекимъ отъ революціи студентомъ, Андрей увлекался университетской Денницей и писалъ декадентскіе стихи. Повидимому, никто въ домѣ не раздѣлялъ его декадентскихъ симпатій, но одно изъ написанныхъ имъ стихотвореній сдѣлалось общимъ и дорогимъ достояніемъ всей семьи. Борисъ и Соня тогда-же заучили его наизустъ, хотя Борисъ, напримѣръ, долго спустя признавался, что „ничего не понимаетъ“. Авторы драмы использовали это стихотвореніе, какъ эпиграфъ, а затѣмъ еще разъ, въ одинъ изъ самыхъ рѣшающихъ моментовъ драматическаго дѣйствія, повторили его цѣликомъ устами дѣйствующихъ лицъ. И дѣйствительно, для пониманія драмы эти стихи необходимы.

Въ голубые, священные дни
Распускаются красные маки.
Здѣсь и тамъ лепестки ихъ—огни—
Подаютъ намъ тревожные знаки.

Скоро солнце взойдетъ.
Посмотрите—
Зори красныя.
Выносите
Стяги ясные.
Выходите
Впередъ
Дѣвицы красныя.

Краснымъ полымемъ всходитъ Любовь.
Цвѣтъ Любви на землѣ одинаковъ.
Да прольется горячая кровь
Лепестками разбрызганныхъ маковъ.

Въ этихъ, дѣйствительно изящныхъ и полныхъ граціознаго движенія, стихахъ заложено ядро романтическихъ настроеній, общихъ—по мысли авторовъ „Макова Цвѣта“—всѣмъ безъ исключенія членамъ семьи Мотовиловыхъ-Львовыхъ. „Любовь“, но любовь романтическая, неизбѣжно сопровождаемая въ этой дворянской семьѣ рифмой „кровь“, какъ въ крестьянскихъ низахъ глаголъ „любить“ часто рифмуетъ съ глаголомъ „бить“,—вотъ что связываетъ во едино этихъ и физически и морально родственныхъ между собой людей. Во имя этой романтической любви они входятъ въ острые конфликты другъ съ другомъ, во имя любви проливается здѣсь дорогая родственная кровь, но, ею напоенная и обновленная,

Digitized by Google

„краснымъ полымемъ“ поднимется опять все та же любовь и опять очиститъ и свяжетъ окровавленныя и оборвавшіяся нити,—ибо здѣсь единая и нераздѣльная семья, имя которой—Россія.

Въ сторонѣ отъ этой семьи, чуждый ей по складу своего ума и характера, но пользующійся въ ней значительнымъ вліяніемъ поставленъ еврей Бланкъ. Романтизмъ семьи далекъ и непонятенъ ему, и на протяженіи четырехъ актовъ онъ успѣваетъ прочитать по этому поводу нотаціи чуть ли не всѣмъ ея членамъ. Бланкъ поочередно уличаетъ каждаго изъ нихъ въ нервозности, психопатіи, малодушіи, декадентствѣ, аристократизмѣ, оставаясь во время всѣхъ семейныхъ бурь и бѣдъ твердымъ и непоколебимымъ, какъ скала. Вмѣстѣ съ авторами драмы и онъ, обращаясь къ молодому, революціонно-настроенному поколѣнію семьи, утверждаетъ, что романтизмъ—это „чисто русская черта. Никакой выдержки. Все хотятъ сразу, усиліемъ героевъ. Какой-то обратный аристократизмъ. Теперь дѣло не за героями, а за массами. Нужна дисциплина, повседневная черная работа“.

Надо-ли прибавлять, что среди этихъ издерганныхъ, изнервничавшихся людей спокойный и разсудительный еврей Бланкъ является единственнымъ носителемъ соціалъ-демократическаго міросозерцанія. На короткое время ему удалось подчинить своему вліянію Андрея, но бурный порывъ романтическихъ вихрей сразу снесъ эти чуждыя юношѣ соціалъ-демократическія наслоенія. Потомъ Бланкъ съумѣлъ овладѣть и душою и тѣломъ Сони, сдѣлавъ ее своей гражданской женой. Но въ то время, какъ онъ полюбилъ Соню спокойной, ровной и, конечно, „сознательной“ любовью, онъ не замѣтилъ, что Соня-то собственно отдалась ему только изъ чувства романтическаго протеста противъ своего жениха Бориса, въ которомъ она не могла не видѣть убійцу своего брата. Романтикъ—Борисъ всегда былъ и остается для нея самымъ дорогимъ на свѣтѣ существомъ, тогда какъ холодная логика Бланка только оскорбляетъ ея порывистую натуру.

Андрей и старый генералъ убиты, Бланкъ эмигрировалъ за границу, и въ четвертомъ актѣ драмы мы застаемъ остатки разбитой семьи въ Парижѣ на квартирѣ Мотовиловыхъ. Бланкъ съ Соней, устроившіеся въ Женевѣ тоже пріѣхали сюда навѣстить родныхъ. Здѣсь же и Борисъ. Той злобы, которая когда-то рѣзко отколола Соню отъ Бориса, нѣтъ теперь и въ поминѣ. Измученные, душевно израненные люди мечтаютъ теперь о возстановленіи разрушеннаго союза, объ искупленіи и любви. И среди этихъ мечтательныхъ романтиковъ, непріютныхъ и бездѣятельныхъ въ чуждой имъ атмосферѣ заграничной жизни, попрежнему спокойно высится уравновѣшенная фигура Бланка. Здѣсь, за-границей, онъ чувствуетъ себя не меньше дома, чѣмъ и въ Россіи. И здѣсь, въ Женевѣ и въ Парижѣ, онъ стойко продолжаетъ свою упорную работу, имѣющую цѣлью не счастье завтрашняго дня, а благо грядущихъ поколѣній. Революціонное движеніе въ Россіи,

Digitized by Google

поглотившее всю силу, всю энергію семьи Мотовиловыхъ-Львовыхъ, для Бланка—лишь маленькій эпизодъ въ цѣпи другихъ такихъ же эпизодовъ общечеловѣческой исторіи. „Наше дѣло—говоритъ онъ—такое... не русское оно только,—всемірное дѣло. Россія пока переживаетъ свою революцію. Это необходимо, но это лишь подготовка къ будущей, къ послѣдней, къ настоящей".

Маленькій эпизодъ міровой исторіи для Бланка,—русская революція въ глазахъ Мотовиловыхъ-Львовыхъ пріобрѣтаетъ, напротивъ, всѣ особенности большой семейной драмы, узлы которой они такъ или иначе должны, обязаны распутать или разрубить.

— „У меня кошмаръ—говоритъ Соня:—все кажется, что Андрей дядю Пьера убилъ, а дядя Пьеръ—Андрея".

— „А мнѣ казалось—отвѣчаетъ Борисъ,—что это я Андрея убилъ. И хочется, чтобы меня Андрей убилъ".

— „Хочется?—торжествуетъ Соня, почувствовавъ въ Борисѣ своего единомышленника:—Значитъ, жить просто, вотъ какъ я говорила, просто жить—нельзя?.. Пойми, намъ нельзя. Намъ некуда. Или дядю Пьера убивать, или Андрея,—если жить. Понимаешь?.. Всѣ Андреи, всѣ дяди Пьеры виноваты. Намъ нужно или убивать, или быть убитыми, или... Чѣмъ же намъ жить? Другіе придутъ, они будутъ жить"...

Соглашеніе между бывшими женихомъ и невѣстой состоялось. Соня беретъ въ руки револьверъ. Сейчасъ разыграется кровавая свадьба...

Итакъ, что же такое русская революція и какъ разрѣшается она?

Передъ нами поставлена антитеза.

— Кровь на кровь, смерть на смерть, вина на вину!—говорятъ намъ романтики Мотовиловы—Львовы, какъ бы возвращая насъ назадъ, къ временамъ родового быта и кровавой мести:—Мы начали кровавую распрю въ нашей семьѣ, это *наша* боль, *наша* вина, кровью же мы потушимъ и искупимъ ее,—такъ

Да прольется горячая кровь
Лепестками разбрызганныхъ маковъ.
Краснымъ полымемъ всходитъ Любовь,
Цвѣтъ Любви на землѣ одинаковъ.

— Бросьте вашу романтику!—говоритъ еврей Бланкъ!— Вы, русскіе, умѣете только умирать, а жить... жить вы еще не научились. Вы непремѣнно хотите быть героями, и если это не удастся вамъ, вы киснете въ тупомъ равнодушіи. Ваши фразы о вашей боли, о вашей винѣ, о необходимости искупленія, отдаютъ истерикой. Русская революція была лишь маленькимъ эпизодомъ въ исторіи человѣчества. Эпизодъ кончился, съ нимъ кончилась и старая Россія. Но есть человѣчество, и оно то требуетъ отъ васъ не романтическихъ порывовъ, а тупого, трезваго упорства, дисциплины и повседневной черной работы.

Digitized by Google

Само собою разумѣется, что драматурги въ поставленной ими антитезѣ симпатіи свои отдали романтикамъ. Это ихъ дѣло. Что же касается меня лично, то при всей своей склонности къ разрѣшенію всякаго рода задачъ и даже загадокъ, я не могъ бы своимъ рѣшеніемъ вывести вѣсы „Макова Цвѣта“ изъ состоянія устойчиваго равновѣсія. Говоря иначе, заданіе, которое поставили себѣ драматурги, упрощено ими до такой степени, что рѣшеніе его сдѣлалось невозможнымъ.

Современная семья, развивавшаяся изъ своей первоначальной ячейки въ направленіи, діаметрально противоположномъ современному государству, едва ли и можетъ быть отожествляема съ этимъ послѣднимъ.

Но мы—отвѣтятъ намъ драматурги—и не имѣли въ виду устанавливать между государствомъ и семьей полное тождество. Въ семьѣ мы сконцентрировали лишь ту борьбу идей, какая имѣла мѣсто въ Россіи въ острый періодъ революціоннаго подъема.

Однако, и въ этомъ смыслѣ отождествленіе государства съ семьей не удалось. Понадобился привѣсокъ, въ видѣ даже не русскаго, а какого то интернаціональнаго еврея, который, въ противоположность всѣмъ членамъ изображенной семьи, умѣетъ только мыслить, но не умѣетъ чувствовать. И въ то время, какъ другіе, теряя брата или отца, волнуются и колеблются въ путяхъ своихъ, онъ одинъ остается спокойно-разсудительнымъ, потому что у него нѣтъ братьевъ, которымъ угрожала бы участь Андрея, нѣтъ матери, которой грозилъ бы погромъ въ Кіевѣ или Одессѣ.

Этотъ интернаціональный еврей—возразятъ драматурги—является въ драмѣ далеко не привѣскомъ. Онъ нуженъ былъ намъ, чтобы олицетворить въ немъ безплотную разсудочность интернаціональной соціалъ-демократіи, идеи которой только случайно и временно могутъ захватывать живыхъ, страдающихъ и радующихся, людей.

Но тутъ то именно и сказывается тенденціозная упрощенность драмы. Вѣдь если даже отнять отъ русской революціи ея живую сущность—борьбу интересовъ, и согласиться разсматривать ее только, какъ борьбу идей, то и въ этомъ случаѣ „Маковъ Цвѣтъ“ обнаруживаетъ въ своей архитектурѣ не пробѣлы только, которые можно было бы замазать или заткнуть, а цѣлые провалы, угрожающіе легкомысленной постройкѣ полнымъ крушеніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ. Развѣ кромѣ романтически настроенной дворянской семьи, съ одной стороны, и сухого, разсудочнаго интернаціональнаго еврея,—съ другой,—развѣ кромѣ нихъ въ русской революціи не принимали участія какіе-нибудь промежуточные слои, ну, хотя бы, скажемъ, рабочіе, крестьяне? Я ни на одну минуту не заподозрилъ бы, конечно гг. Мережковскаго, Философова и г-жу Гиппіусъ въ томъ, что они могутъ отрицать не только участіе въ революціи пролетаріата, но и его огромное идейное вліяніе въ теченіе всего революціоннаго періода. И, однако же, они сознательно исключили рабочаго изъ своей драмы. Имъ нельзя было по-

Digitized by Google

ступить иначе. Не потому только, что трудно помѣстить рабочаго подъ одну семейную кровлю съ блестящимъ гвардейскимъ офицеромъ. Такую трудность, при помощи какого-нибудь фокусъ-покуса, можно было бы обойти. Нѣтъ, русскаго рабочаго нельзя было ввести въ драму потому, что однимъ своимъ появленіемъ онъ показалъ бы, насколько эфемерно объясненіе русской революціи какой-то смутной націоналистической романтикой, противополагаемой безпочвенной яко-бы точкѣ зрѣнія научнаго соціализма.

Драматурги предпочли изгнать рабочаго и этою цѣною сохранить драму.

Третій „литературно художественный“ Альманахъ „Шиповника“, вопреки своему названію и своимъ традиціямъ, ничего не далъ, къ сожалѣнію, по части „художества“. Зато, впрочемъ, литературная часть въ полномъ порядкѣ. Здѣсь мы находимъ богатый красками, живой, увлекательный разсказъ г. А. Куприна изъ жизни скаковой лошади: „Изумрудъ“; здѣсь напечатана значительная по объему первая часть романа г. Ѳедора Сологуба; здѣсь же мы встрѣчаемъ имена гг. Леонида Андреева, Ивана Бунина, А. Серафимовича и Бор. Зайцева; здѣсь, наконецъ, найдемъ мы и стихи—гг. А. Блока и Г. Чулкова.

Такъ какъ я на этотъ разъ заранѣе ограничилъ себя опредѣленной темой, то, минуя другія произведенія Альманаха, перейду непосредственно къ разсказу г. Леонида Андреева: „Тьма“.

Скажу съ самаго начала, что изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ доселѣ произведеній Леонида Андреева, этотъ разсказъ я считаю наименѣе удавшимся: Онъ какъ будто написанъ съ умышленнымъ намѣреніемъ демонстрировать читателямъ всѣ наиболѣе слабыя стороны художника. Даже тѣ, какъ бы случайныя подробности, которыми Андреевъ съ такимъ удивительнымъ мастерствомъ маскируетъ обыкновенно абстрактную схематичность своихъ основныхъ положеній, даже онѣ на этотъ разъ не выручаютъ художника и часто, особенно въ концѣ разсказа, производятъ впечатлѣніе холодныхъ лунныхъ отблесковъ на стеклахъ пустыннаго, заброшеннаго дома.

Это даже не искусство, а какой-то головоломный прыжокъ, которымъ художникъ хотѣлъ перескочить заразъ и черезъ „Іуду“ и даже черезъ самого себя. Да, „Тьма“ является ненужнымъ и неудавшимся скачкомъ черезъ „Іуду“. Она задумана въ цѣляхъ дальнѣйшаго абстрагированія того положенія, которое уже въ „Іудѣ“ трепещетъ и колеблется, готовое вотъ-вотъ оторваться отъ своего конкретнаго выраженія.

Революціонеръ-террористъ, которому предоставлена была „честь“ совершить какой-то важный террористическій актъ, вынужденъ посвятить послѣдніе два-три дня своей жизни заботамъ объ укрывательствѣ отъ полиціи, которая, видимо, уже напала на его слѣды и каждую минуту готова

Digitized by Google

арестовать его. Усталый, измученный нѣсколькими безсонными ночами, онъ, наконецъ, рѣшается провести одну ночь въ домѣ терпимости. Онъ и раньше могъ бы прибѣгнуть къ этому средству, если бы не нѣкоторое осложняющее обстоятельство: въ свои двадцать шесть лѣтъ онъ былъ дѣвственникомъ, и ему непріятна была мысль столкнуться съ женщиной, которая занимается любовью, какъ ремесломъ. Теперь необходимость заставила его пренебречь этими соображеніями. И вотъ онъ въ домѣ терпимости. Удалившись съ дѣвушкой въ ея комнату и заказавъ для нея вина и фруктовъ, онъ заперъ комнату, положилъ ключъ въ карманъ и, извинившись передъ своей компаніонкой, крѣпко и сладко заснулъ на ея постели. А Люба (такъ звали дѣвушку) сидѣла, курила и наблюдала. Наконецъ, она разбудила его. И когда онъ проснулся и взглянулъ на ея торжествующую и злую улыбку, онъ понялъ, что она разгадала его и, если еще не выдала, то выдастъ. Короткій разговоръ съ дѣвушкой подтвердилъ его догадку, и онъ рѣшилъ дѣйствовать на чистоту:

„Вотъ что. Люба. Конечно, ты можешь предать меня, и не одна ты можешь это сдѣлать, а всякій въ этомъ домѣ, почти каждый человѣкъ съ улицы. Крикнетъ: держи, хватай!—и сейчасъ же соберутся десятки, сотни и постараются схватить, даже убить. А за что? Только за то, что никому я не сдѣлалъ плохого, только за то, что всю мою жизнь я отдалъ этимъ же людямъ. Ты понимаешь, что это значитъ: отдалъ всю жизнь?

— Нѣтъ, не понимаю—рѣзко отвѣтила дѣвушка. Но слушала внимательно.

— И одни сдѣлаютъ это по глупости — продолжалъ онъ: — другіе по злобѣ. Потому что, Люба, не выноситъ плохой хорошаго, не любятъ злые добрыхъ.

Слово сказано. Человѣческое существо, съ дѣтскаго нѣжнаго возраста втоптанное въ грязь и отданное на потребу и забаву первому встрѣчному развратнику, почувствовало въ брошенномъ противопоставленіи новое оскорбленіе, быть можетъ, самое ужасное изъ всѣхъ, когда-либо полученныхъ ею. Послѣдовалъ рядъ истерическихъ сценъ.

— Что же со мной дѣлаешь, подлецъ, подлецъ же ты... Хвастаться сюда пришелъ! Красоту свою показывать!...

И длинная цѣпь кое-какъ связанныхъ между собою обрывковъ неясныхъ думъ, скорбныхъ воспоминаній и настроеній вдругъ сложилась въ сознаніи Любы въ сжатую законченную формулу:

— Какое же ты имѣешь право быть хорошимъ, когда я —плохая?

Можно понять тотъ мучительный процессъ, какимъ дѣвушка, очутившаяся въ рядахъ отверженныхъ паріи современнаго общества, подошла къ этому своему неожиданному этическому откровенію. Но въ устахъ революціонера, даже террориста-революціонера, конкретизирующаго, такъ сказать, политическую и соціальную борьбу, самое противопоставленіе хорошаго

Digitized by Google

нехорошему, добраго злому, можетъ быть только обмолвкой и, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть истолковано въ этическомъ смыслѣ. Вѣдь даже мѣщанская мораль, и та возмутилась бы, если бы какой-нибудь изъ ея самодовольныхъ послѣдователей сталъ бахвалиться передъ Любой, что вотъ-де я, торговецъ суровскими товарами, — хорошій человѣкъ, а ты, проститутка, — плохой человѣкъ. „Ты — дуракъ, а Люба — несчастная“ — долженъ былъ бы осадить суровскаго рыцаря любой попъ или пасторъ.

Конечно, съ высотъ абсолютныхъ этическихъ догмъ, Люба — плохая. Но для революціонера, съ оружіемъ въ рукахъ возставшаго противъ застывшихъ формъ существующихъ отношеній, Люба можетъ быть разсматриваема только какъ одна изъ несчастнѣйшихъ жертвъ этихъ отношеній. Существующее право не только не предоставило въ распоряженіе Любы достаточныхъ средствъ обороны ея человѣческой личности, но, напротивъ, всю силу своего вліянія отдало тѣмъ, кто торгуетъ ея молодымъ тѣломъ и кто покупаетъ его. Существующая мораль, кинувшая Любу въ ряды отверженныхъ, точно также мало интересуется ея судьбою. Потому что и мораль и право выводятся изъ существующихъ отношеній, и тотъ, кто возсталъ противъ этихъ послѣднихъ, тѣмъ самымъ отвергаетъ и основы господствующей морали.

Революціонеръ г. Андреева безъ всякихъ возраженій призналъ существующую мораль, которая дѣлитъ людей на хорошихъ и плохихъ, на званыхъ и отверженныхъ. Мало того. Какимъ то совершенно непостижимымъ ни для читателя, ни — смѣю думать — для самого автора логическимъ процессомъ онъ, послѣ минутнаго колебанія, принялъ и новое этическое ученіе Любы: онъ не имѣетъ права быть хорошимъ, когда есть плохіе.

Но почему онъ считалъ себя „хорошимъ“? Почему и Люба, чуть ли не съ первыхъ сказанныхъ имъ словъ, въ этомъ же смыслѣ поняла и оцѣнила его? Въ чемъ же и заключалась его моральная красота, какъ не въ той экспансивности жизни, которую Гюйо называетъ „нравственнымъ плодородіемъ“ и которая выражается въ расточительномъ расходованіи индивидуальныхъ богатствъ для другихъ, — въ данномъ случаѣ несомнѣнно для плохихъ, для отверженныхъ, для изгнанныхъ изъ пира жизни?

И вотъ теперь этотъ расточитель своихъ духовныхъ сокровищъ рѣшаетъ превратиться въ жалкаго скупца и такимъ образомъ уподобиться тѣмъ обездоленнымъ жизнью бѣднякамъ, у которыхъ дѣйствительно нѣтъ матеріаловъ даже для своего собственнаго употребленія. Почему? Зачѣмъ? Какія причины, какія соображенія могли вызвать въ интеллектуальномъ мірѣ человѣка такой колоссальной переворотъ?

Не ищите въ разсказѣ г. Андреева отвѣтовъ на эти вопросы, — ихъ тамъ нѣтъ и не можетъ быть. Положеніе, созданное художникомъ, до такой степени искусственно, что оно не можетъ быть ни оправдано, ни истолковано самой хитросплетенной софистикой.

Digitized by Google

Я расточаю богатый запасъ своихъ силъ на борьбу—долженъ былъ раньше мыслить герой разсказа,—потому что данный общественный строй создаетъ и поддерживаетъ вопіющее, возмущающее меня неравенство между людьми; потому что существуютъ массы людей, отверженныхъ жизнью.

Потому что—разсуждаетъ онъ теперь—существуютъ на свѣтѣ люди, отверженные жизнью, „плохіе“,—стыдно быть „хорошимъ“, стыдно бороться за ихъ попранныя человѣческія права.

Воля ваша, но я рѣшительно не представляю себѣ, какъ можно было бы логически соединить оба эти настроенія хотя бы при помощи самой тоненькой, самой воздушной паутинки.

А между тѣмъ герой настаиваетъ на своемъ волшебномъ превращеніи. Съ новымъ для него чувствомъ сладострастнаго упоенія онъ рисуетъ себѣ картины будущаго, какъ онъ потомъ когда нибудь придетъ въ кабакъ, или на каторгу, и скажетъ: „теперь мнѣ не стыдно, теперь я ни въ чемъ не виноватъ передъ вами, теперь я самъ такой же, какъ вы, грязный, падшій, несчастный! Или выйду на площадь, падшій, и скажу: смотрите, какой я! Все у меня было: и умъ, и честь, и достоинство и даже—страшно подумать—безсмертіе; и все это я бросилъ подъ ноги проституткѣ, отъ всего отказался только потому, что она плохая“...

До того момента, какъ въ душѣ героя произошелъ странный и—повторяю—не мотивированный художникомъ переворотъ, разсказъ читается съ захватывающимъ интересомъ. Импрессіонистская кисть Андреева бросаетъ блики, къ которымъ хочется вернуться еще и еще разъ, чтобы взглянуть на нихъ съ разныхъ разстояній и провѣрить собственную внутреннюю работу, къ которой властно призываетъ читателя безпрестанно ищущая мысль художника. По нервно-тревожному темпу разсказа читатель чувствуетъ, что и на этотъ разъ художникъ ведетъ его къ чему-то большому, значительному... Но вотъ это значительное наступило. Герой подхватилъ случайно брошенную Любой мысль, перемололъ ее и... принялъ. Наэлектризованная атмосфера маленькой комнаты проститутки продолжаетъ сгущаться. Но читатель уже охладѣлъ, остылъ. Онъ чувствуетъ себя обманутымъ, какъ можетъ быть обманутъ запойный пьяница, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившій за прозрачной струей, которая съ легкимъ звономъ падала изъ чистаго, хрустальнаго графина. Рюмка наполнена. Дрожащей рукой онъ поднимаетъ ее, опрокидываетъ... и выпиваетъ глотокъ прѣсной холодной воды...

Не берусь судить, насколько въ моей оцѣнкѣ второй половины разсказа отразилось субъективное чувство обманутаго ожиданія, но здѣсь даже многія подробности показались мнѣ искусственными и ненужными. Надуманной и ненужной показалась мнѣ эта сатанинская пляска проститутокъ, ненужной эта желтая лозоль на лѣвомъ мизинцѣ грязной ноги героя, и многое другое. Впрочемъ, одна изъ такихъ подробностей даже

Digitized by Google

объективно невѣрна. Въ сценѣ ареста художникъ хотѣлъ при помощи подробностей внѣшней обстановки подчеркнуть перерожденіе своего героя. Надо было оттѣнить циничную грязь публичнаго дома и показать полное равнодушіе „падшаго“ героя ко всѣмъ этимъ „мелочамъ“. Для этого, между прочимъ, во время обыска и послѣ него, вплоть до прихода прокурора, Люба остается полуголой, подъ перекрестнымъ огнемъ двусмысленныхъ взглядовъ и шутокъ наводнившихъ комнату полицейскихъ и офицеровъ. Люба озябла и проситъ разрѣшенія одѣться, но приставъ категорически отказываетъ ей. Что же она—подмываетъ спросить:—утопленница или удавленница? Вѣдь только въ такомъ случаѣ понадобилось бы сохранить ея трупъ въ неприкосновенности до прибытія слѣдственной власти...

Переходимъ къ „Творимой Легендѣ“ г. Ѳедора Сологуба.

Если вы встрѣчаете знакомаго гробовщика, и онъ, съ пріятностью потирая руки, начинаетъ разсказывать вамъ о радостяхъ жизни и о ростѣ промышленности,—вы имѣете полное основаніе предположить, что въ городѣ не совсѣмъ благополучно.

Радостно-торжественными словами начинаетъ г. Сологубъ свой романъ: „Беру кусокъ жизни, грубой и бѣдной, и творю изъ него сладостную легенду, ибо я — поэтъ. Коснѣй во тьмѣ, тусклая, бытовая, или бушуй яростнымъ пожаромъ,—надъ тобою, жизнь, я, поэтъ, воздвигну творимую мною легенду объ очаровательномъ и прекрасномъ“.

И когда, настроенные этимъ вступленіемъ, вы поспѣшно перелистаете романъ, чтобы угадать его содержаніе; когда на перебрасываемыхъ страницахъ начнутъ мелькать предъ вами ка-деты и октябристы, взволнованныя лица собравшихся на митингъ соціалъ-демократовъ и равнодушныя морды казачьихъ лошадей, васъ заранѣе беретъ оторопь. Ненавистникъ дня и солнца, пѣвецъ „тихой и милой“ ночи, апостолъ смерти, — во что превратитъ онъ схваченный имъ „кусокъ жизни“? не омертвѣетъ ли въ его рукахъ этотъ кусокъ живого тѣла и не окрасится ли подъ его костью сама жизнь въ тупую, прахомъ отзывающуюся „передоновщину“, съ его неизмѣнной спутницей — грязной, вонючей, дымной и многовидной „недотыкомкой“?

Трудно судить о художественномъ произведеніи по его незаконченному отрывку. Еще труднѣе судить о романѣ г. Сологуба по первой части, въ которой съ какою то умышленной небрежностью разбросаны почти не связанные между собою обрывки и клочки. Захватъ огромный, дерзкій. И трудно представить себѣ сейчасъ, какъ и чѣмъ свяжетъ художникъ разсыпающуюся глыбу.

Пока можно сказать одно. Въ быстрой смѣнѣ картинъ и лицъ романа

Digitized by Google

вы съ первыхъ же страницъ начинаете испытывать на себѣ вліяніе присущихъ таланту г. Сологуба злыхъ чаръ его своеобразнаго міросозерцанія. Вы послушно слѣдуете за нимъ, хотя и замѣчаете, что онъ свернулъ съ обычной и хорошо знакомой вамъ дороги и повелъ васъ какими то извилистыми путями. Вы нѣсколько разъ оступились, натыкаясь на какія то неровности и обломки. Всмотрѣвшись, вы съ удивленіемъ замѣчаете кругомъ себя могильныя насыпи, полуразрушенные памятники... Но это не кладбище, нѣтъ. Это зачарованная „навья тропа“, обладающая чудесными оптическими свойствами. На ней живые кажутся призраками, призраки превращаются въ живыхъ; по ней взадъ и впередъ бѣгаютъ юркія „недотыкомки“; молчаливо бродятъ таинственные „тихіе мальчики“, зачерчивая васъ въ какіе то магическіе круги... Если область темнаго и загадочнаго въ искусствѣ не оскорбляетъ вашего раціоналистическаго отношенія къ міру, то не пугайтесь и смѣло идите за художникомъ по „навьей тропѣ“. Куда она приведетъ васъ, не знаю, но за безопасность ея могу ручаться: г. Сологубъ выходитъ сюда ежедневно на свою послѣобѣденную прогулку.

Вл. Кранихфельдъ.

Digitized by Google

На родинѣ.

Университетскія событія.

I.

Въ теченіе года слишкомъ университетская жизнь рождала мелкія и крупныя событія, приведшія въ концѣ концовъ къ старому вопросу о студенческихъ „безпорядкахъ“. Послѣ того какъ внезапно появившаяся на свѣтъ божій автономія высшихъ учебныхъ заведеній стала подвергаться регулирующему воздѣйствію со стороны, незначительныя вначалѣ тренія въ университетскомъ строѣ постепенно, — мы бы сказали даже съ разумной медлительностью,—были превращены въ сильныя тормозящія усилія. Наконецъ, движеніе интенсивной учебной жизни въ ноябрѣ — декабрѣ почти одновременно остановилось въ провинціальныхъ университетахъ, а въ другихъ было близкимъ къ тому. Студенческіе „безпорядки“, для изученія и разрѣшенія которыхъ когда-то учреждались комиссіи, снова возникли въ той же самой примитивно-академической формѣ, казалось, сданной въ историческій архивъ.

Кіевскій университетъ, политехникумъ и высшіе женскіе курсы, Харьковскій, Новороссійскій, Московскій университеты, Томскій университетъ и технологическій институтъ и пр.—вотъ центры недавнихъ волненій, т. е. почти всѣ наши высшія учебныя заведенія оказались охваченными въ той или иной степени возбужденіемъ протеста. Это было естественнымъ выходомъ изъ хроническаго состоянія безпокойства, въ которомъ власть держала университеты въ теченіе года. Въ свое время мы касались между прочимъ соотвѣтственныхъ фактовъ изъ этой хроники. Напомнимъ ихъ вкратцѣ, чтобы видѣть неуклонность движенія къ нынѣшнему положенію вещей.

Въ началѣ прошлаго года практиковались систематическіе обыски въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, Москвы, Харькова, Казани. Искали оружія, динамита,—и въ лучшемъ случаѣ находили сомнительнаго происхожденія бомбы, которыя съ поспѣшностью, объясняемой ихъ благонамѣренной конструкціей, представали на глаза начальства даже тогда,

Digitized by Google

когда не могли служить уликой, какъ то было въ петербургскомъ политехникумѣ. Была непрерывная и безнаказанная травля одесскихъ студентовъ со стороны мѣстныхъ черносотенцевъ, травля настолько серьезная, что дѣлала невозможнымъ само существованіе университетскихъ слушателей, а, стало быть, и университета. Въ это же время впервые сформировались въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній студенческія „фракціи“ членовъ союза русскаго народа и вставали боемъ на защиту „науки“ отъ крамольныхъ посягательствъ. Съ другой стороны учащіеся союзники приложили не мало усилій, что имъ и удавалось, для того, чтобы вызвать столкновенія съ остальной студенческой массой. Въ Одессѣ кишиневскіе громилы-студенты демонстративно появляются въ аудиторіи, ибо теперь имъ стало вполнѣ доступнымъ подобное раздражающее всѣхъ выступленіе, — и въ самомъ дѣлѣ достигаютъ взрыва негодованія. Въ С.-Петербургѣ, въ военно-медицинской академіи, случай въ этомъ же родѣ вызвалъ введеніе казаковъ въ зданіе академіи, продолжительныя волненія и исключеніе нѣсколькихъ десятковъ медиковъ.

Реакціонныя аттаки на высшія учебныя заведенія совершались въ разной формѣ, то съ поднятымъ забраломъ, то подъ черной маской союзниковъ-подручныхъ, и упорно приближались къ завѣтной цѣли: овладѣть новымъ строемъ учебной жизни. Первыя попытки въ этомъ смыслѣ по своей неувѣренности носили какъ бы подготовительный экспериментальный характеръ. Похоже было на то, что мѣстные помпадуры старой выучки вздумали расширить свои горизонты. Предъ ними какая-то загадочная автономія. Что за автономія? почему такое? И, пользуясь элементарнымъ методомъ пробужденной любознательности, они пробовали разбить эту непонятную вещь, автономію, чтобы посмотрѣть, что тамъ внутри. Только, чтобы посмотрѣть. Ибо съ перваго же взгляда очевидно была безсмысленность какого-либо иного отношенія къ мирно и усердно занятому науками университету.

И манера такого самообразованія мѣстныхъ властей и результаты его точно также убѣждали, что все дѣло только въ зудѣ любопытства: войти въ самую что ни есть внутренность неприкосновеннаго учрежденія и посмотрѣть. Дѣйствительно, во-первыхъ, всѣ весенніе обыски совершались безъ всякаго повода на то со стороны высшихъ учебныхъ заведеній, а, во-вторыхъ, по всей видимости, руководители обысковъ не особенно настаивали на томъ, чтобы любопытная автономія была поймана непремѣнно на зловредную прокламацію, бомбу и пр. Такъ, напримѣръ, пукъ прокламацій, „найденный“ однимъ ретивымъ сыщикомъ въ петербургскомъ технологическомъ институтѣ вполнѣ самостоятельно, въ отсутствіи свидѣтелей, былъ сейчасъ же и очень любезно оставленъ въ пренебреженіи при заявленномъ протестѣ. Словомъ, пришли посмотрѣть безъ всякаго желанія повредить. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что первые визиты администраціи

Digitized by Google

въ храмъ науки носили даже неувѣренный характеръ, какъ всегда бываетъ при обращеніи съ незнакомой вещью. Послѣ перваго обыска въ университетѣ послѣдовалъ нѣкоторый промежутокъ времени, за который должно было бы обнаружиться, сколь опасно внѣурочное посѣщеніе автономнаго учрежденія необычными посѣтителями. Нѣтъ ли, въ самомъ дѣлѣ, въ автономіи чего-нибудь такого, что сообщаетъ высшему учебному заведенію особенную силу сопротивленія любознательнымъ попыткамъ? Но, нѣтъ, ничего подобнаго не оказалось, — пришли и ушли, какъ будто и не повидавъ университетской независимости. Слѣдующіе обыски, съ введеніемъ вооруженной силы, посыпались послѣ этого сразу, одинъ за другимъ на университеты разныхъ городовъ... Многочисленныя испытанія силы университетскаго сопротивленія еще весной привели къ фактамъ того же рода, какіе въ массовомъ масштабѣ мы наблюдаемъ теперь. Въ Кіевѣ, въ мартѣ мѣсяцѣ, ректоръ пригрозилъ студентамъ лѣвыхъ фракцій, что, если они не разойдутся со сходки, онъ призоветъ полицію. И полиція явилась и пришла полурота солдатъ, но дошли только до стѣнъ университета: ихъ отозвали. За нѣсколько дней до кіевскаго событія въ Москвѣ градоначальникъ уже безъ всякаго приглашенія со стороны ректора ввелъ въ университетъ войска и распустилъ сходку, которую призналъ революціоннымъ собраніемъ. По неожиданности впечатлѣнія оскорбленный совѣтъ закрылъ московскій университетъ.

Вообще, провиціальные университеты въ этомъ семестрѣ находились въ подвижномъ равновѣсіи около закрытыхъ дверей. Они то открывались, то закрывались, а ихъ „мирный“ учебный путь все тѣснѣе смыкался растущими препятствіями и былъ близокъ къ тому, чтобы упереться въ тупикъ окончательнаго прекращенія занятій.

Входъ въ эту тихую пристань былъ отсроченъ до осенняго полугодія новаго учебнаго года. Уже съ начала его, не будучи пророкомъ, можно было предчувствовать, что продолженіе предыдущихъ событій или, вѣрнѣе, окончаніе ихъ не заставитъ себя ждать. Лѣто принесло новыя университетскія правила, которыя какъ-бы подводили итогъ административнымъ экспериментамъ надъ обнаруженнымъ въ нашей странѣ новымъ тѣломъ автономнаго состава. Весеннія испытанія показали, что съ нимъ все можно дѣлать. Лѣтнія занятія въ канцелярской тиши обработали этотъ результатъ по пунктамъ. (Замѣтимъ, кстати, что почти всѣ административныя реформы, временныя правила и пр. мѣропріятія, касающіяся урегулированія студенческихъ свободъ и университетской автономіи появляются съ постоянствомъ космологическаго явленія въ опредѣленное время года, лѣтомъ. Знакомые съ исторіей студенческаго движенія должны замѣтить этотъ фактъ. Несмотря на такую „космологію“, въ сердце невольно закрадывается сомнѣніе, чтобы наши просвѣтительныя правила составляли необходимый элементъ въ порядкѣ вселенной).

Digitized by Google

Послѣдній семестръ принесъ полное оправданіе предчувствій. Университетская жизнь быстро покатилась по рельсамъ, проложеннымъ еще въ старыя времена. То, что казалось основательно забытымъ, возникло въ поразительно точной реставраціи. Нынѣшнія волненія усложнялись и развивались,—независимо отъ незначительности начальнаго повода,—при томъ же старомъ необходимомъ условіи: администрація горячо вмѣшивалась въ академическіе интересы и событія, завязывала грандіозный узелъ, въ которомъ ничего ужъ нельзя было разобрать, кромѣ всеобщей острой обиды и недовольства,—и во славу закона героически разрубала этотъ узелъ. Университетъ закрывался, студенты увольнялись и пр. Какая-нибудь сходка, которая, въ сущности, ничего не могла произвести, объявлялась „незаконнымъ сборищемъ", незаконное сборище требовало предупредительнаго вмѣшательства ректора. За предупрежденіемъ слѣдовало введеніе полиціи, солдатъ и казаковъ. Участники незаконнаго сборища переписывались, ихъ отправляли въ участки, въ манежъ. Затѣмъ ужъ, конечно, нельзя было не родиться профессорскому дисциплинарному суду и т. д. Въ этомъ издревле заведенномъ порядкѣ шли событія послѣдняго времени.

И отдѣльные эпизоды нынѣшнихъ волненій и общая тенденція ихъ воскрешала въ памяти и въ жизни старыя формы „безпорядковъ". Даже когда-то знаменитая забастовка студентовъ, и та, несмотря на свое всѣмъ видимое одряхлѣніе, предъявила свои права на защиту академическаго строя. „Сходка въ технологическомъ институтѣ, — телеграфируютъ изъ Томска 30-го ноября,—въ которой участвовало около 600 студентовъ, рѣшила закрыть институтъ до половины января. Группа технологовъ пыталась сорвать, но безуспѣшно, лекціи въ университетѣ". Этого же рода попытки имѣли мѣсто и въ другихъ городахъ. Традиціонная связь между студенчествомъ разныхъ учебныхъ заведеній дѣлала еще болѣе возможной забастовку изъ солидарности. Событія въ одномъ университетѣ вызывали сейчасъ же откликъ въ другомъ, и ввергнутые въ первобытное состояніе студенты первымъ дѣломъ могли остановиться на мысли о забастовкѣ. Въ юрьевскомъ университетѣ,—сообщаютъ „Голосу Москвы",—во время сходки по вопросу о сочувствіи кіевскимъ студентамъ ораторы призывали къ забастовкѣ. То же самое предложеніе раздавалось и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Кромѣ этого значенія, ultimo ratio старыхъ безпорядковъ—забастовка въ нынѣшнихъ событіяхъ служила въ нѣкоторыхъ случаяхъ и началомъ волненій, какъ извѣстный актъ отношенія студенчества къ политическимъ событіямъ. 22-ое ноября, день суда надъ членами соціалъдемократической фракціи второй Думы, былъ ознаменованъ почти во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ сходкой и однодневной забастовкой. Отсюда проистекали, конечно, новыя „недозволенныя собранія", недозволенныя рѣчи и законное вмѣшательство полиціи. И чисто академическія столкновенія и поли-

Digitized by Google

тическія выступленія перепутывались въ общемъ ходѣ волненій, въ событія одного и того же характера, которое получило одно оффиціальное наименованіе,—студенческіе безпорядки.

Интересно отмѣтить, что наша реакціонная пресса встрѣтила всѣ эти факты подъ флагомъ именно этой оффиціальной классификаціи. Когда ея корреспонденты рисуютъ фактическую сторону событій, ихъ не мало поражаетъ этакое беззаконіе, какъ разрѣшенная ректоромъ сходка, которая тѣмъ не менѣе занимается исключительно *политическими* (вы подумайте!) вопросами. Этотъ тонъ усвоенъ, напримѣръ, корреспондентомъ „Новаго Времени“, сообщающимъ о безпорядкахъ въ юрьевскихъ университетѣ и ветеринарномъ институтѣ. Этотъ благонамѣренный испугъ предъ „политикой“ господствуетъ и въ хроникерскихъ замѣткахъ „Голоса Москвы“. Такое отношеніе имѣетъ, конечно, свои удобства. Нѣтъ ничего легче, какъ увидѣть развитіе порядка въ этомъ нарочито устроенномъ безпорядкѣ, или расположить факты по степени нарушенія устава о поведеніи. Упрощеніе же всего происходящаго до „безпорядковъ“ позволяетъ всякое лыко поставить въ строку и даже, какъ встарь, напугать обывателя „политикой“, хотя бы въ настоящее время это пугало было и всѣмъ знакомо.

Какъ бы то ни было, но университетскія событія получили, такимъ образомъ, и со стороны внѣшне-эпизодической и со стороны оффиціально-реакціоннаго освѣщенія видъ уже изжитый въ самомъ началѣ этого десятилѣтія. Безконечный университетскій вопросъ послѣ своихъ мытарствъ въ области началъ государственнаго строя, снова, съ божьей помощью, вернулся „на первое“ и сталъ только вопросомъ о студенческихъ безпорядкахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ остановиться хотя бы на кіевскихъ событіяхъ, какъ на наиболѣе продолжительныхъ, чтобы увидѣть, какъ указанная точка зрѣнія опредѣлила главные моменты волненій и отбросила вопросъ объ университетскомъ строѣ на десять лѣтъ назадъ.

Здѣсь было три „неразрѣшенныхъ сходки“, 3-го, 5-го и 17-го ноября. Послѣдняя, конечно, вызвана была предшествующимъ возстановленіемъ порядка. Предметомъ всѣхъ рѣчей 17-го ноября служило положеніе вещей въ университетѣ, создавшееся устраненіемъ отъ слушанія лекцій 153 студентовъ, впредь до рѣшенія профессорскаго дисциплинарнаго суда. Сходка рѣшила объявить забастовку до тѣхъ поръ, пока устраненные студенты не будутъ допущены въ университетъ. Далѣе, въ аудиторію входитъ ректоръ и предлагаетъ студентамъ разойтись, предупредивъ, что вскорѣ въ университетъ войдетъ полиція. „Около 1 часу дня полиція, во главѣ съ полиціймейстеромъ, вошла въ университетъ. Всѣ входы и выходы были заняты. Въ то же время казаки расположились по Владимирской улицѣ со стороны Караваевской и Бибиковскаго бульвара, а противъ университета расположился отрядъ пѣхоты. Сходка рѣшила билетовъ не предъявлять и

Digitized by Google

фамилій своихъ не называть. Послѣ этого отрядъ пѣхоты былъ введенъ въ университетъ и расположенъ въ корридорѣ противъ XV аудиторіи, въ которой находились студенты. Во время нахожденія войскъ, въ университетѣ нѣсколько разъ производился бой въ барабанъ" („Кіевск. М."). Студенты, собравшіеся около университета, были разогнаны нагайками вызванныхъ казачковъ.

Часа въ 2 ночи съ 18-го на 19-ое ноября подъ охраной батальона пѣхоты 458 студентовъ были переведены партіями въ манежъ. Манежъ, оторванный было исторіей отъ университета, обрѣлъ, такимъ образомъ, снова свою ученую подругу, академію, съ которой его связалъ территоріальными узами еще старый порядокъ: кажется, вездѣ манежъ строится по близости къ университету. Манежная обстановка, какъ и слѣдовало ожидать, не измѣнилась. Солома на полу, холодъ и всѣ санитарныя условія для заболѣваній, что и отразилось на здоровьи всѣхъ студентовъ. Картина около манежа, вѣроятно, многимъ напомнитъ недавніе годы: „Цѣлый день 19-го и до поздней ночи къ манежу подъѣзжали и приходили родственники и знакомые задержанныхъ студентовъ, привозя для нихъ подушки, одѣяла, пищу, а также письма. Всѣ эти вещи складывались на землѣ, вблизи манежа, гдѣ караулили ихъ 3 члена провизіонной комиссіи; время отъ времени изъ манежа выходилъ дежурный офицеръ съ солдатами и забирали принесенное. Такимъ же путемъ доставлялись изъ манежа письма студентовъ къ ихъ родственникамъ" („Кіевск. М."). Къ 22-му ноября всѣ студенты были освобождены изъ манежа, а 20-го съ утра въ университетѣ на лѣстницахъ и корридорахъ опять состоялась сходка; многія лекціи были сорваны, нѣкоторыя прекращены за отсутствіемъ слушателей. „Въ 1 часъ дня въ университетъ вошла полиція, снаружи университетъ окружили казаки. Въ 2 часа дня университетъ былъ совершенно очищенъ отъ студентовъ". Кіевская эпопея закончилась массовыми взысканіями. Педагогическій совѣтъ высшихъ женскихъ курсовъ принялъ рѣшеніе пріостановить занятія до января мѣсяца 1908 года и уволить всѣхъ слушательницъ (около 1500 чел.). Вмѣстѣ съ тѣмъ уволеннымъ слушательницамъ предложено подавать прошенія объ обратномъ пріемѣ. 659 кіевскихъ студентовъ подвергнуты губернаторомъ штрафу въ 3 рубля каждый, а экстренное засѣданіе совѣта профессоровъ университета постановило уволить 719 студентовъ плюсъ еще 80, не явившихся на профессорскій дисциплинарный судъ. Къ этому „Голосъ Москвы" сообщаетъ интересную подробность. Когда получена была отъ министра народнаго просвѣщенія телеграмма съ согласіемъ на увольненіе студентовъ, „профессора схватились, что ужъ очень много приходится увольнять. Рѣшено пересмотрѣть списокъ, подлежащихъ увольненію. На состоявшемся 24 ноября засѣданіи совѣта профессоровъ, послѣ оживленныхъ дебатовъ, принято прежнее постановленіе: уволить всѣхъ 719 студентовъ".

Digitized by Google

Кіевскій совѣтъ, очевидно, не могъ сразу перейти въ первобытное состояніе, но „оживленные дебаты“ помогли ему устоять на прежнемъ рѣшеніи. Это тѣмъ болѣе характерный фактъ, что вмѣстѣ съ увольненіемъ признается, что студенты евреи теряютъ право жительства въ Кіевѣ. И начальникъ губерніи графъ Игнатьевъ сейчасъ же распорядился, чтобы уволенные евреи были высланы изъ Кіева въ 24 часа. Кромѣ того, выяснилось, что значительная часть уволенныхъ еще не отбывали воинской повинности, и, слѣдовательно, имъ грозитъ долгій перерывъ учебной жизни. Генералъ-губернаторъ, какъ сообщаютъ „Рус. Вѣдомостямъ“, отклонилъ личную просьбу ректора университета о содѣйствіи, чтобы уволенные студенты не призывались въ нынѣшнемъ году къ отбыванію воинской повинности. Изъ числа пострадавшихъ слѣдуетъ еще особо выдѣлить большинство членовъ центральнаго университетскаго органа, которые высылаются въ сѣверныя губерніи на разные сроки.

Конечно, совѣтъ профессоровъ университета не преминулъ прибѣгнуть къ той же мѣрѣ полицейскаго отбора, которую использовалъ и педагогическій совѣтъ высшихъ женскихъ курсовъ. И тутъ кіевскій совѣтъ побилъ рекордъ, какой когда-нибудь существовалъ въ области моральнаго воздѣйствія на „надежду родины“, какъ именуетъ Финляндія студентовъ. Документъ, который предложили студентамъ подписывать при обратномъ поступленіи бросаетъ чрезвычайно яркій свѣтъ на кіевскія событія и ихъ значеніе.

„Мы, нижеподписавшіеся,—гласитъ документъ,— уволенные временно изъ университета за нарушеніе правилъ учебнаго порядка, просимъ совѣтъ университета принять наше искреннее извиненіе за содѣянный проступокъ, помиловать насъ и предоставить намъ возможность немедленнаго возвращенія въ число студентовъ. Случившееся сопровождалось многими недоразумѣніями, повлекшими для насъ такой печальный исходъ — временное увольненіе изъ университета, въ которомъ мы жаждемъ учиться. Ручаемся нашимъ честнымъ словомъ, что впредь будемъ строго соблюдать всѣ правила учебнаго порядка въ университетѣ и требованія нашего университетскаго начальства“.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ при поступленіи въ высшее учебное заведеніе требовалось также подписать нѣкій документъ, которымъ поступающій авансомъ отрекался отъ тайныхъ сообществъ и всякой „политики“. Въ случаѣ же, если грѣхъ случался, то при обратномъ поступленіи согрѣшившій вынужденъ былъ только еще разъ отречься отъ сатаны россійской науки, и его вторичная подписка унижала его ничуть не больше, чѣмъ первая. Нынче это клятвенное обѣщаніе не практикуется. Кіевскому университету принадлежитъ честь примѣнить эту мѣру „въ первый разъ по возобновленіи“. И, право, сколь милой и наивной кажется доброе старое отреченіе сравнительно съ тонкой местью, которой дышитъ кіевскій бланкъ

Digitized by Google

для подписи! Чего стоитъ одна просьба о „помилованіи“! Столькихъ ухищреній, чтобы выразить глубину студенческаго раскаянія, до сихъ поръ не было придумано. Кіевская подписка несомнѣнно свидѣтельствуетъ о чувствахъ и намѣреніяхъ, съ какими производили водвореніе порядка въ учебной жизни. Какъ-то неловко даже дѣлать слишкомъ простой выводъ, что интересы науки, интересы самого университета рѣшительно отсутствуютъ въ этомъ разрѣшительномъ свидѣтельствѣ на входъ въ храмъ науки. Есть одно лишь страстное желаніе покорить „подъ ноги“ бунтовщиковъ-студентовъ, отчего университетъ самъ собою „образуется“. И, дѣйствительно, на засѣданіи правленія университета 1-го декабря пять часовъ вырабатывались мѣры для того, чтобы поставить занятія безъ помѣхъ. И придумали безусловное воспрещеніе сходокъ, т. е. ничего другого, какъ опять-таки покорить, сломить и пр.

На эту самоновѣйшую тактику, направленную къ возрожденію наукъ, и въ частности на происхожденіе покояннаго бланка для подписи, проливаетъ нѣкоторый и довольно таинственный свѣтъ письмо ректора кіевскаго университета г. Цытовича. „Во избѣжаніе могущихъ возникнуть недоразумѣній,—пишетъ въ „Кіевск. М.“ г. Цытовичъ,—прошу васъ не отказать напечатать, что ни совѣтъ университета, ни университетская администрація не принимали никакого участія въ составленіи названныхъ бланковъ и не предлагали уволеннымъ студентамъ подписываться подъ нимъ. Упомянутая подписка является лишь дѣломъ частной иниціативы“.

Что это за „частная иниціатива“, которая вершитъ университетскія дѣла, независимо отъ автономной коллегіи профессоровъ, остается невыясненнымъ. Но за то ясно, что такимъ образомъ ректоръ не только не пресѣкъ въ корнѣ возникающихъ „недоразумѣній“, но придалъ имъ особенную живучесть. Не говоря уже о грандіозномъ въ этомъ случаѣ „недоразумѣніи“ съ отечественной автономіей, съ которой самая неприхотливая иронія отказывается имѣть дѣло, возникаетъ еще иной, чисто дѣловой вопросъ. Какимъ образомъ получилась та загадочная гармонія между „частной иниціативой“ и совѣтомъ профессоровъ, какая наблюдается въ кіевскихъ мѣропріятіяхъ? Частная иниціатива сама по себѣ. Пусть такъ. Совѣтъ университета опять же самъ по себѣ. Пусть будетъ и такъ. Однако, если совѣтъ, не задумавшись, но зная всѣ послѣдствія своего рѣшенія, выбрасываетъ 800 человѣкъ за бортъ, а задумавшись выбрасываетъ то-жъ, то чѣмъ это хуже или лучше „частной иниціативы“, которая пляшетъ надъ выброшенными? А если это, очевидно, не хуже и не лучше, но вполнѣ соотвѣтствуетъ частной иниціативѣ, то какъ же отличить одно отъ другого, гдѣ та грань между совѣтомъ и чуждымъ университету вліяніемъ, которая по мысли г. Цытовича должна служить камнемъ преткновенія для всякаго возникающаго недоразумѣнія?

Будемъ считать, что это—предустановленная гармонія,—можетъ быть, такъ

Digitized by Google

будетъ и ближе къ истинѣ. Все же нельзя не остановить вниманія на одной „частной иниціативѣ“, тождественность которой съ упоминаемой г. Цытовичемъ оставляемъ подъ сомнѣніемъ. Тѣмъ не менѣе она дѣйствуетъ такъ, какъ будто-бы г. Цытовичъ ее и не могъ упомянуть, и во всякомъ случаѣ она лучше ограждаетъ насъ отъ всевозможныхъ недоразумѣній, чѣмъ кіевскій ректоръ.

Мы имѣемъ въ виду роль союза русскаго народа и другихъ крайнихъ правыхъ организацій въ студенческомъ движеніи послѣдняго времени. Мы упомянули въ началѣ о зарождавшемся въ весеннемъ семестрѣ 1907 года выступленіи союзниковъ въ защиту академическаго порядка. Въ нынѣшнихъ событіяхъ это выступленіе приняло откровенную и организованную форму „частной иниціативы“, и довольно вліятельной. Сферой преимущественнаго вліянія былъ выбранъ университетъ. И, вотъ, посыпались грозныя прошенія и патріотическія жалобы на крамольниковъ, свившихъ себѣ гнѣздо въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній. Писали изъ Казани, писали изъ Кіева. Б. Юзефовичъ изъ Кіева даже два раза писалъ. Въ первый разъ отъ имени крайнихъ правыхъ онъ телеграфировалъ предсѣдателю совѣта министровъ, что „восьмилѣтняя практика палліативныхъ мѣръ доказала свою несостоятельность. Необходимы радикальныя средства и прежде всего очищеніе университета и политехникума отъ бунтующихъ студентовъ навсегда“. Во второмъ посланіи г. Юзефовичъ перечисляетъ эти радикальныя мѣры, отчаявшись въ „малодушномъ, растерянномъ университетскомъ начальствѣ“, которое, закрывъ университетъ, сдѣлало то, „чего добивается революціонная партія“. Г. Юзефовичъ проситъ „отмѣнить навсегда безцѣльный и несправедливый пріемъ закрытія университета, немедленно исключить всѣхъ участниковъ безпорядковъ, не взимѣнъ заслуженной ими по общимъ законамъ кары, запретить евреямъ поступать въ университетъ впредь до окончательнаго и прочнаго водворенія правильнаго теченія академической жизни“. А кромѣ того г. Юзефовичъ любезно указываетъ, какія статьи уложенія о наказаніяхъ и устава о воинской повинности слѣдуетъ примѣнить къ забастовщикамъ.

Этимъ властнымъ по существу „ходатайствомъ“ воздѣйствіе союзниковъ на власть далеко не закончилось. „Кіевлянину“ телеграфировали о томъ, что П. А. Столыпинымъ были приняты члены государственной думы Проценко, Сувчинскій и Бубновъ по уполномочію партіи правыхъ, указавшихъ на безвластіе, царящее въ Кіевѣ, и на крайнюю распущенность высшихъ школъ Кіева; депутаты энергично поддержали ходатайства правыхъ организацій. „Столыпинъ благодарилъ за цѣнныя сообщенія, обѣщая обратить самое серьезное вниманіе“,—сообщаетъ „Кіевлянинъ“.

Этимъ роль союзниковъ не окончилась. 11-го декабря въ государственной думѣ было оглашено заявленіе 68 членовъ думы о запросѣ по поводу высшихъ учебныхъ заведеній. Запросъ требуетъ объясненій

Digitized by Google

отъ министра народнаго просвѣщенія относительно того обстоятельства, что ни петербургскій, ни юрьевскій совѣты профессоровъ „не озаботились“ избрать профессорскій дисциплинарный судъ, что студенты ни тамъ, ни здѣсь не предаются этому суду, что юрьевскій совѣтъ, кромѣ того, пріостановилъ занятія въ университетѣ на пять дней, съ 19-го по 23-е ноября и пр. Въ этомъ запросѣ, знаменательномъ самомъ по себѣ, обращаетъ вниманіе умолчаніе о Кіевѣ. Принимая во вниманіе всѣ предшествующіе шаги и „ходатайства“ правыхъ организацій, не позволительно ли заключить, что кіевскія мѣропріятія въ концѣ концовъ удовлетворили крайнихъ правыхъ? И не кажется ли правдоподобнымъ, что кіевская „частная инициатива“ добилась полнаго успѣха, а потому только и не принуждена была облечься въ форму думскаго запроса? Отсюда еще одинъ небольшой логическій шагъ, и мы, пожалуй, съ достаточной вѣроятностью угадаемъ, съ кѣмъ г. Цытовичъ просилъ не смѣшивать совѣтъ профессоровъ и отъ кого исходитъ властная частная инициатива.

И въ дѣйствительности, о Кіевѣ союзники могутъ ужъ не безпокоиться: они сдѣлали тамъ все, что хотѣли. Кіевскій университетъ открытъ, лекціи читаются... и „въ зданіи находится рота пѣхоты и большой нарядъ полиціи“, какъ телеграфируютъ изъ Кіева отъ 13-го декабря. Въ Кіевѣ, такимъ образомъ, все не просто благополучно, согласно дореволюціонной формулѣ бюрократическаго управленія, но—правоблагополучно, какъ и слѣдуетъ по плану крайнихъ правыхъ группъ. Чего-жъ больше желать? Науки спасены на зло крамолѣ и на страхъ врагамъ, главнымъ образомъ, на страхъ врагамъ. Пусть онѣ процвѣтаютъ на весьма зыбкой почвѣ, на концѣ штыка поставленнаго въ университетѣ солдата,—не въ этомъ, вѣдь, суть.

Мы не знаемъ еще въ подробностяхъ, какихъ образомъ обставлена войсками кіевская наука: передъ каждой ли каѳедрой разсыпалась сторожевая охрана, раздается ли голосъ профессора изъ глубины окоповъ и поражаетъ, какъ мѣткая пуля, головы оставшихся безъ прикрытія непріятелей-студентовъ, или университетскій отрядъ занялъ только одну командующую надъ науками позицію, корридоръ, напримѣръ? Но, такъ или иначе, и въ этомъ случаѣ установилась таинственная гармонія между совѣтомъ профессоровъ и „частной инициативой“. Облюбованная союзниками сфера вліянія, университетская наука, такимъ образомъ, принесла ужъ реальные плоды истинно-русскимъ піонерамъ просвѣщенія. Въ Кіевѣ они ужъ пожинаютъ свой первый посѣвъ и если ни Юрьевъ, ни Петербургъ еще не радуютъ ихъ взоровъ, то, вѣдь, еще не всѣ средства исчерпаны. Еще не изсякла энергія, есть еще порохъ въ пороховницахъ, а неосѣдлавная частная инициатива скачетъ и играетъ, получивъ себѣ на прокормленіе народное просвѣщеніе. Елисаветградскіе союзники до того разыгрались, что послали ректору берлинскаго университета благодарность

Digitized by Google

за изгнаніе русскихъ студентовъ. Ужъ если елисаветградцы, за неимѣніемъ у себя подъ рукой ректора, не задумались похлопать по плечу берлинскаго, то можно ли сомнѣваться въ иниціативѣ, отпущенной союзу русскаго народа? Русскіе университеты, такимъ образомъ, не избѣгнутъ союзническаго вліянія, и истинно-русскіе люди доберутся и до Юрьева, Казани, и Харькова...

II.

Сначала „безпорядки", затѣмъ, по случаю „безпорядковъ", комиссія для ихъ устраненія, снова безпорядки,—и новая комиссія по новому случаю. Такъ отъ случая къ случаю шло въ старые годы урегулированіе университетскаго вопроса, который являлъ поистинѣ безпорядочную безконечность. Разъ мы ужъ пришли опять къ повсемѣстнымъ „безпорядкамъ", которымъ, очевидно, предстоитъ начать новую цѣпь безконечности, то ничего удивительнаго нѣтъ, что родилась соотвѣтственная комиссія.

11 декабря подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія П. М. фонъ-Кауфмана открылись засѣданія созваннаго министерствомъ съѣзда ректоровъ. Изъ рѣчи открывшаго съѣздъ министра явствуетъ, какъ и слѣдовало ожидать, что въ первую очередь предлагается разсмотрѣть вопросъ о мѣрахъ къ устраненію безпорядковъ и установленію нормальнаго теченія академической жизни. Къ сожалѣнію (а, можетъ быть, пока и не стоитъ очень горевать: сколько еще такихъ съѣздовъ будетъ!), принято единогласно предложеніе министра,—не сообщать о занятіяхъ съѣзда печати. Слѣдовательно, труды съѣзда остаются для насъ дѣломъ тайнымъ. Но какъ бы не были они плодотворны, оказывается, они ничего не могутъ измѣнить въ просвѣтительной политикѣ нынѣшняго министерства: по сообщенію „Товарища", занятія съѣзда носятъ чисто информаціонный характеръ, готовые уже экземпляры проекта университетскаго устава розданы участникамъ съѣзда къ свѣдѣнію, такъ что „компетенція съѣзда ограничивается, исключительно, правомъ вносить нѣкоторыя измѣненія въ университетскіе штаты". Словомъ, комиссія — какъ комиссія, поговорили, ихъ послушали — тѣмъ дѣло и кончилось. И въ этомъ отношеніи мы точно также вернулись къ старому принципу управленія.

Если этотъ первый съѣздъ, такимъ образомъ, ничего не въ силахъ измѣнить въ существующей картинѣ, то и намъ нечего измѣнять въ освѣщеніи всѣхъ послѣднихъ событій и административныхъ мѣропріятій. Каковъ бы ни былъ министерскій проектъ устава, онъ не сможетъ отрѣшиться отъ предшествующей уставу министерской практики. Тѣ новыя правила, что созрѣютъ къ лѣту (совершенно новое средство устранить „безпорядки", — мы увѣрены, — будетъ опубликовано лѣтомъ), лишь обработаютъ зимніе эксперименты министерства народнаго просвѣщенія.

Digitized by Google

Между тѣмъ, эти эксперименты настолько недвусмысленны, что даже неумѣренное въ своей умѣренности „Слово“, и оно находитъ, что послѣднія распоряженія центральнаго вѣдомства „капризно перешли естественныя границы контроля“. Не говоря ужъ о мѣрахъ воздѣйствія на учащихся, какія мы видѣли въ частности на кіевскомъ примѣрѣ, укажемъ на факты того же порядка по отношенію къ учащему персоналу, что и останавливаетъ вниманіе „Слова“. Эта газета напоминаетъ „привлеченіе къ суду директора и декановъ петербургскаго политехникума, ректора и проректора новороссійскаго университета, отрѣшеніе декана медицинскаго факультета того же университета, увольненіе проф. Лутугина изъ горнаго института и т. п. „Почему, напримѣръ, приказомъ центральнаго учрежденія уволенъ проф. Лутугинъ, когда онъ даже не привлеченъ къ суду за свои политическіе взгляды?“ Къ этому ряду фактовъ мы можемъ присоединить и еще два, самыхъ свѣжихъ. 10-го декабря въ новороссійскомъ университетѣ было получено предложеніе министерства народнаго просвѣщенія Завьялову и Ретерту немедленно подать въ отставку, ибо въ ихъ рѣчахъ (прошлой зимой) усмотрѣно возбужденіе студентовъ противъ правыхъ профессоровъ. Между тѣмъ, названные профессора, какъ представители примирительной комиссіи, образованной совѣтомъ университета, приглашали студентовъ на сходкѣ снять бойкотъ съ правыхъ профессоровъ. Кіевскій приватъ-доцентъ Одарченко убѣждалъ сходку 17-го октября не бастовать,— и точно также устраненъ отъ чтенія лекцій.

Въ виду этой практики, одинаково бьющей и по студентамъ и по профессорамъ, т. е. по университету въ цѣломъ, не можетъ быть сомнительныхъ гаданій относительно цѣнности проектируемаго устава. Даже г. Меньшиковъ, какъ, съ позволенія сказать, идеологъ союза русскаго народа, и онъ не ждетъ ничего основательнаго отъ съѣзда и подозрѣваетъ „дряблость“ и „недолговѣчность“ его результатовъ. Онъ правъ, этотъ идеологъ. Но правъ не въ томъ что со скорбью усматриваетъ отсутствіе истинно-русскаго духа въ вершителяхъ судебъ народнаго просвѣщенія, а лишь въ томъ, что уставы, выработанные на случай безпорядковъ, имѣютъ значеніе только для данной стадіи университетскихъ волненій. Однако, и самъ г. Меньшиковъ весьма озабоченъ такимъ устройствомъ университета, чтобы безпорядковъ не могло происходить. Вся разница лишь въ томъ, что г. Меньшиковъ хлопочетъ о всебезпорядочномъ режимѣ, пригодномъ на всѣ времена для всевозможныхъ волненій, а министерство принуждено руководиться лишь существующей практикой, приспособленной къ данному виду безпорядковъ.

Г. Меньшиковъ въ настоящее время является не только идеологомъ, вообще, союзническихъ вожделѣній, но и наиболѣе яркимъ и упорнымъ выразителемъ „частной иниціативы“ спеціально въ области высшаго образованія. Онъ написалъ цѣлый рядъ статей (конечно, длинныхъ), посвящен-

Digitized by Google

ныхъ разсмотрѣнію кіевскихъ и иныхъ университетскихъ событій и обоснованію вытекающей отсюда черносотенной морали. Поэтому, въ виду очевидной безнадежности занятій съѣзда, намъ приходится слегка остановиться на меньшиковской морали: она даетъ болѣе цѣнныя указанія на возможныя перспективы и, во всякомъ случаѣ, откровеннѣе опредѣляетъ тенденціи господствующаго строительства.

Всѣ мѣропріятія, имѣвшія уже мѣсто относительно университетовъ, г-нъ Меньшиковъ называетъ по-просту „комедіей власти“. Штрафъ въ три рубля! „Только-то? Но, вѣдь, это входная плата въ театръ-буффъ!“ Переписали участниковъ сходки и потомъ освободили. Опять переписали и снова отпустили. „Опять освободить? И это не комедія?“ Начальникъ края пригрозилъ болѣе строгими наказаніями, вплоть до высылки изъ Кіева включительно. „Ну, слава Богу,—у насъ отошло отъ сердца“. Еще сходка,—и у г. Меньшикова снова подошло къ сердцу, и онъ, смѣясь горькимъ смѣхомъ, видитъ ужъ балаганъ, живописуемый слѣдующей цитированной имъ телеграммой: „Приводъ роты пѣхоты въ помѣщеніе женскихъ курсовъ съ цѣлью усиренія бѣснующихся жидовокъ и другихъ дѣвицъ вызываетъ смѣхъ“. Наконецъ, занятія съѣзда и полученное имъ письмо съ описаніемъ кіевскихъ событій безповоротно укрѣпляютъ идеолога въ положеніи зрителя балаганнаго представленія. Судите сами. Привели студентовъ подъ сильнымъ конвоемъ въ манежъ... и приготовили имъ чай. „Ружьи у молодыхъ солдатъ заряжены, какъ въ бой, сами они не спятъ цѣлую ночь — и для чего? Чтобы присутствовать на чаепитіи бунтовщиковъ и издѣвательствѣ надъ властью? Если забыли инструкцію, запрещающую вызывать войска безъ крайней надобности, то хоть бы подумали, какую деморализацію вносятъ эти маневры бунта въ солдатскую среду, которая состоитъ сплошь изъ молодежи того же возраста, какъ и студенты“?

Такого рода вопросами идеологъ отвѣчаетъ на центральный вопросъ, поставленный имъ себѣ: „Чѣмъ быть школѣ“? Ясно, что высшая школа должна быть такой, чтобы солдаты, приставленные къ ней, не теряли времени безъ стрѣлковыхъ упражненій. Ясно, что высшее образованіе должно быть такъ поставлено, чтобы ружья, „заряженныя, какъ въ бой“, и были разряжены, какъ въ бою, — иначе какое же это образованіе. И еще, — университетскій вопросъ долженъ быть такъ разрѣшенъ, чтобы... Дубровину не доставалась роль „простака“ въ этой комедіи власти. Это неожиданное условіе правильнаго университетскаго режима, можетъ быть, неожиданно и для самого идеолога явилось, но оно, конечно, ничуть не вредитъ проекту его устава. Дубровинъ, говоритъ вдругъ г. Меньшиковъ, „не билъ стеколъ правительственныхъ зданій, не выгонялъ оттуда чиновниковъ, не выражалъ сочувствія Балмашову, не произносилъ революціонныхъ рѣчей“ и за какую-то статью его наказали штрафомъ „въ *тысячу* разъ (курс. г. Меньшикова) болѣе тяжелымъ, чѣмъ завѣдомыхъ бунтарей“. Можно было бы, конечно,

Digitized by Google

утѣшить идеолога, что этотъ штрафъ — входная плата для тысячи посѣщеній театра буффа, слѣдовательно, еще болѣе веселаго свойства, чѣмъ трехрублевый. Но, принимая самую суть заявленій г. Меньшикова, нельзя не обратить вниманія на откровенный и знаменательный смыслъ его устава. По его мысли весь университетскій вопросъ укладывается въ рамки двоякаго рода задачи, имѣющей въ сущности одинъ и тотъ же отвѣтъ: не „развращать“ бездѣйствіемъ солдатъ и дать свободу дѣйствій Дубровину и присныхъ.

Если кто находитъ, что все это не имѣетъ никакого отношенія къ университетскому строю и является ужъ наскучившимъ злопыхательствомъ самого г. Меньшикова, тотъ жестоко заблуждается. Отношеніе имѣется и очень большое. Статьи г. Меньшикова служатъ ко всяческому возвеличенію „частной иниціативы“ и настолько частной, что она нарочито чужда университетской жизни, ея запросовъ и нуждъ. Солдаты и союзъ русскаго народа, союзъ русскаго народа и солдаты — вотъ смыслъ всей нововременской философіи и университетской науки. Тѣ „иниціаторы“, что стоятъ за солдатами и союзниками, и являются, такимъ образомъ, единственнымъ прибѣжищемъ въ нашихъ просвѣтительныхъ неурядицахъ. Въ нихъ нужно искать долговѣчнаго спасенія въ противовѣсъ недолговѣчности ректорскихъ проектовъ и плановъ дѣйствительно прикосновенныхъ къ высшей школѣ лицъ.

Теперь сравните эту рафинированную суть меньшиковскихъ восклицаній съ тѣмъ важнѣйшимъ пунктомъ новаго министерскаго проекта, о которомъ печать ужъ освѣдомлена: „особенно важнымъ нововведеніемъ,—сообщаетъ „Товарищъ“ о новомъ уставѣ, предложенномъ съѣзду ректоровъ, — является учрежденіе, согласно проекту совѣта министровъ, особой должности университетскихъ канцлеровъ, обязанности которыхъ могутъ быть возложены не только на попечителей учебныхъ округовъ, но и на особыхъ лицъ, ничего общаго съ министерствомъ народнаго просвѣщенія не имѣющихъ. Роль канцлеровъ въ университетахъ полновластная, ибо они будутъ какъ бы „правительственнымъ окомъ“, бдящимъ за всѣми проявленіями университетской жизни. Канцлеры будутъ назначаться Высочайшими указами; точно также и содержаніе канцлеровъ опредѣляется Высочайшей властью“.

Сопоставленіе съ очевидностью свидѣтельствуетъ, что г. Меньшиковъ сыгралъ свою „публицистическую“ роль такъ, какъ это и требовалось въ интересахъ правительственнаго проекта. Онъ расчистилъ идейную почву и подготовилъ умы къ воспріятію наиболѣе цѣнныхъ пунктовъ проектируемаго устава.

Такую вѣрную службу нововременскаго публициста особыхъ порученій тѣмъ болѣе слѣдуетъ цѣнить намъ, читателямъ, что почерпнуть свѣдѣнія о новыхъ правительственныхъ видахъ и намѣреніяхъ—и тѣмъ самымъ съ своей стороны приготовить свои умы самостоятельно къ воспріятію оныхъ—неоткуда, если не руководиться г. Меньшиковымъ. Можно смѣло утверждать, что безъ его помощи итти на встрѣчу правительству весьма трудно.

Digitized by Google

Наиболѣе яркая сторона современной притихшей жизни—это университетскія событія. Между тѣмъ здѣсь-то мы и остаемся безъ надлежащихъ указаній, не будь г. Меньшикова.

Если въ этомъ вопросѣ вашъ взоръ довѣрчиво обращается къ печатному органу министерства, къ нашему оффиціозу, „Россіи“, то онъ не найдетъ здѣсь столь же попечительнаго отношенія, какъ у нововременскаго идеолога. Вмѣсто введенія читателя въ сущность проектируемыхъ мѣропріятій, „Россія“ можетъ только еще болѣе запутать. Какъ разъ въ то время, когда мысли новаго правительственнаго проекта были навѣрное уже оформлены и, конечно, извѣстны „Россіи“, эта газета весьма глубокомысленно занималась студенческими безпорядками съ ботанической точки зрѣнія. „Академическіе бунты,—поучалъ оффиціозъ,—являются простымъ ребячествомъ, отголоскомъ старыхъ временъ, когда протестъ взращивался за стеклами актовыхъ залъ и аудиторій, какъ тепличный цвѣтокъ“.

Но, такъ какъ „на почвѣ русской общественной жизни растетъ уже дерево народнаго представительства“, то, должно разумѣться, что цвѣтку нѣтъ мѣста. И даже, „если посаженное дерево не даетъ еще плодовъ“, то виноватъ въ этомъ тепличный цвѣтокъ, не желающій уступить дереву. Извольте-ка понять, что поэтическій споръ между деревомъ и цвѣткомъ знаменуетъ въ сущности совсѣмъ не ботаническія упражненія солдатъ и „частной инициативы!“

Но зато „Россія“ затрогиваетъ другой вопросъ въ нынѣшнихъ событіяхъ, оцѣнивая ихъ со стороны политическаго значенія въ общемъ теченіи жизни, что совершенно ускользаетъ отъ спеціальныхъ соображеній г. Меньшикова. „Россія“, попутавшись между деревомъ и цвѣткомъ, имѣетъ въ виду развитіе только слѣдующей своей мысли: „центръ политической борьбы всякаго рода давно уже вынесенъ за стѣны университетовъ и академій“. Изъ этого тезиса для оффиціоза вытекаетъ и мѣра оцѣнки студенческихъ безпорядковъ. Если университетскія волненія отжили свой политическій вѣкъ, то, казалось бы, и безпокоиться нечего. Но, такъ какъ безпокойство, и довольно сильное, на лицо, приходится заключать, что волненія имѣютъ не совсѣмъ то значеніе, какое имъ приписываетъ „Россія“. Тѣсная узда, которая накладывается на высшія учебныя заведенія, рядъ чрезвычайныхъ репрессій, осуществленныхъ въ разныхъ городахъ, говорятъ объ иной оцѣнкѣ, чѣмъ выдвинутая „россійскими“ публицистами.

Можно, конечно, утверждать, что власть исполнительная въ своемъ усердіи увлеклась черезъ мѣру и не по „поступкамъ поступила“, что все же студенческіе безпорядки не имѣютъ въ наши дни политическаго вѣса. Но уже одно то, что фактически они вызываютъ къ себѣ вниманіе, какъ событіе большой политической важности, одно это сообщаетъ волненіямъ далеко не „ребяческій“ характеръ.

И прошлая исторія студенческихъ движеній, при спокойной оцѣнкѣ ея

Digitized by Google

выдающихся моментовъ,—голоса въ этомъ родѣ раздавались въ свое время,—не имѣла права называться истинной „политикой“. Какая же, въ самомъ дѣлѣ, это политика, что имѣетъ свое начало и конецъ въ университетскихъ аудиторіяхъ, а если и выходила на улицу, то не терялась на ней, а сокращала свою связь съ истокомъ? Конечно, это не было политическимъ актомъ по существу.

Но въ то же время никто не могъ указать, гдѣ же дѣлается настоящая политика, и студенческіе безпорядки встрѣчали сильнѣйшій отпоръ всего государственнаго механизма, какъ будто бы передъ послѣднимъ находился центръ политической оппозиціи. Политика заключалась въ реакціи правительства на университетскія волненія, а не въ самихъ волненіяхъ.

Нынѣшнее взаимоотношеніе между университетскими событіями и правительственными распоряженіями весьма подобно уже изжитой исторіи. Однако, гдѣ же теперь этотъ центръ дѣйствительной политики? Кто можетъ опредѣлить его? И предъ нами снова знакомая картина: политики нѣтъ, но зато есть тяжелое политическое воздѣйствіе правительства на завѣдомо не политическую группу.

Обвинять, такимъ образомъ, студенчество въ томъ, что оно играетъ уже отнятую отъ него исторіей роль, никакъ не приходится. Студенчество осталось тѣмъ же, чѣмъ и было, живетъ тѣми же интересами и волнуется и будетъ волноваться все того же рода событіями, какія волновали его и встарь. Измѣняется только сила правительственнаго воздѣйствія на университетскія движенія. Если отъ преизбытка этой силы правительству угодно оплодотворить убогую просвѣтительную ниву политическими актами,—получается студенческая, „ребяческая“ политика. Нѣтъ такого избытка, правительство принуждено сосредоточиться на иныхъ событіяхъ,—и университетская жизнь съ тѣми же самыми сходками и студентами мирно протекаетъ въ руслѣ хотя бы и широкихъ общественныхъ интересовъ, но не имѣющихъ политическаго значенія.

Это очевидный давно всѣмъ знакомый выводъ изъ длиннаго ряда студенческихъ безпорядковъ. Ботаническія разсужденія „Россіи“, такимъ образомъ, должны быть направлены какъ разъ въ противоположную отъ университета сторону. И тогда получится слѣдующій вопросъ: почему правительство не довольствуется обработкой „дерева“, а всѣ силы своего садоводческаго таланта обращаетъ на слабый „цвѣтокъ?“ Если, какъ увѣряетъ, „Россія“, политика осуществляется не въ университетахъ и академіи, то, вѣдь, приходится отрицать всякое политическое содержаніе за правительственными мѣропріятіями въ этой области. Но тогда становится ужъ вполнѣ яснымъ, кто обнаруживаетъ фантастичность намѣреній, взволнованное ли студенчество или правительство, которое несмотря на то, что оно есть правительство, способно быть неполитическимъ.

І. Ларскій.

Digitized by Google

Вопросы текущей жизни.

Два процесса.

42 года тюремнаго заключенія и 76 лѣтъ каторги,—таковы итоги, выведенные старою государственностью для дѣятельности первой и второй думы. Торжествующіе побѣдители не ограничились политическимъ актомъ роспуска двухъ парламентовъ, но перенесли споръ на почву юридическихъ репрессій.

Дѣло о выборгскомъ возваніи было дѣломъ не только 168 членовъ первой Государственной Думы, подписи которыхъ значились подъ историческимъ документомъ, но и дѣломъ всей Государственной Думы, какъ законодательнаго учрежденія.

„Мы поняли,—говорилъ въ своей рѣчи г. Муромцевъ,—что судятъ не составителей выборгскаго воззванія, а на судъ поставили первую Государственную Думу, и какъ члены таковой, мы и явились сюда".

Это значеніе выборгскаго процесса подтверждается даже тѣмъ внѣшнимъ обстоятельствомъ, что число подсудимыхъ представляетъ законный составъ Государственной Думы, полномочный вершить законодательныя дѣла. И въ народномъ сознаніи группа депутатовъ, подписавшихъ выборгское возваніе никогда не будетъ отдѣлена отъ первой Государственной Думы въ цѣломъ.

Въ нѣсколько иномъ освѣщеніи представляется дѣло соціалъ-демократической фракціи, процессомъ которой старый порядокъ ликвидировалъ вторую Государственную Думу.

Меньшее количество подсудимыхъ, принадлежность ихъ къ революціонной партіи, программа и тактика которой подвергаются систематическимъ искаженіямъ и кривотолкованіямъ, тенденціозный характеръ обвиненій и наконецъ разбирательство дѣла при закрытыхъ дверяхъ,—все это скрываетъ дѣйствительное значеніе процесса соціалъ-демократической фракціи.

Между тѣмъ, процессъ соціалъ-демократическихъ депутатовъ настолько же связанъ съ дѣятельностью всей второй Думы, какъ и процессъ 168 съ дѣятельностью первой. Вторая Дума не имѣла опредѣленнаго партійнаго большинства, но присутствіе въ ней значительнаго числа представи-

Digitized by Google

телей крайнихъ лѣвыхъ партій окрашивало ея дѣятельность въ яркіе демократическіе цвѣта. Крайняя лѣвая не могла господствовать во второй Думѣ, но она опредѣляла направленіе каждаго шага нашего втораго парламента. Руководителемъ же крайней лѣвой, ея позвоночнымъ столбомъ, была несомнѣнно соціалъ-демократическая фракція, принесшая съ собой въ Думу ту организованность и ту твердость политической линіи, которыя свойственны соціалъ-демократической партіи, несмотря на внутреннія разногласія.

Поэтому, когда реакція должна была нанести ударъ второй Государственной Думѣ, она направила его именно противъ соціалъ-демократической фракціи и ее посадила на скамью подсудимыхъ.

Предъ судомъ стараго режима соціалъ-демократическіе депутаты взяли на себя отвѣтственность за второй парламентъ, также, какъ депутаты конституціонно-демократической партіи взяли на себя отвѣтственность за первый.

Съ объективной точки зрѣнія преступленія ихъ одинаковы.

Правда, офиціальное обвиненіе противъ тѣхъ и другихъ формулировано различно: депутатовъ первой Думы обвиняли въ составленіи воззванія съ цѣлью ниспроверженія существующаго строя, а депутатовъ второй Думы,— въ составленіи военнаго заговора. Правда, сами члены кадетской партіи повидимому старательно отдѣляютъ себя отъ соціалъ-демократическихъ депутатовъ, отрицая юридическую цѣнность обвиненій, выставленныхъ противъ 168, кадетскіе публицисты не высказываются столь опредѣленно о процессѣ 55. „Къ сожалѣнію,—пишетъ г. Изгоевъ,—мы не можемъ теперь опредѣлить, насколько основательно было обвиненіе въ заговорѣ, взведенное на соціалъ-демократическую фракцію второй Думы, такъ какъ, вопреки обѣщанію, дѣло о заговорѣ разбиралось при закрытыхъ дверяхъ".

Но какъ бы ни старались заинтересованныя лица раздѣлить эти два процесса непроходимою пропастью, ихъ взаимная связь не можетъ быть расторгнута. Объективный смыслъ и того и другаго процесса одинаковъ, несмотря на различіе въ субъективной разцѣнкѣ ихъ политическаго значенія самими подсудимыми. И первая и вторая Дума оказались на скамьѣ подсудимыхъ потому, что обѣ онѣ были одушевлены идеею борьбы противъ стараго режима, потому что обѣ онѣ стремились къ наиболѣе полному осуществленію народныхъ правъ.

Разница заключается только въ формѣ борьбы.

II.

Члены первой Думы обвинялись въ томъ, что отвѣтили на указъ о роспускѣ призывомъ народа къ борьбѣ противъ правительства. Этотъ призывъ, получившій широкое распространеніе подпольнымъ путемъ, только

Digitized by Google

теперь со страницъ обвинительнаго акта можетъ перейти на страницы легальной печати.

Онъ гласитъ слѣдующее:

„Граждане всей Россіи. Указомъ 8 іюля Гос. Дума распущена. Когда вы избирали насъ своими представителями, вы поручали намъ добиваться земли и воли. Исполняя ваше порученіе и нашъ долгъ, мы составляли законы для обезпеченія народу свободы, мы требовали удаленія безотвѣтственныхъ министровъ, которые, безнаказанно нарушая законы, подавляли свободу; но прежде всего мы желали издать законъ о надѣленіи землею трудящагося крестьянства путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ. Правительство признало такой законъ недопустимымъ, а когда Дума еще разъ настойчиво подтвердила свое рѣшеніе о принудительномъ отчужденіи, былъ объявленъ роспускъ народныхъ представителей.

„Вмѣсто нынѣшней Думы правительство обѣщаетъ созвать другую черезъ 7 мѣсяцевъ. Цѣлыхъ 7 мѣсяцевъ Россія должна оставаться безъ народныхъ представителей въ такое время, когда народъ находится на краю разоренія, промышленность и торговля подорваны, когда вся страна охвачена волненіемъ и когда министерство окончательно доказало свою неспособность удовлетворить нужды народа. Цѣлыхъ 7 мѣсяцевъ правительство будетъ дѣйствовать по своему произволу и будетъ бороться съ народнымъ движеніемъ, чтобы получить послушную, уродливую Думу, а если удастся совсѣмъ задавить народное движеніе, оно не соберетъ никакой Думы.

„Граждане! Стойте крѣпко за попранныя права народнаго представительства, стойте за Гос. Думу. Ни одного дня Россія не должна оставаться безъ народнаго представительства. У васъ есть способъ добиться этого: правительство не имѣетъ права безъ согласія народнаго представительства ни собирать налоги съ народа, ни призывать народъ на военную службу. А потому теперь, когда правительство распустило Гос. Думу, мы вправѣ не давать ему ни солдатъ, ни денегъ. Если же правительство, чтобы добыть себѣ средства, станетъ дѣлать займы, то такіе займы, заключенные безъ согласія народнаго представительства, отнынѣ недѣйствительны, и русскій народъ никогда ихъ не признаетъ и платить по нимъ не будетъ. Итакъ, до созыва народнаго представительства не давайте ни копейки въ казну, ни одного солдата въ армію. Будьте тверды на своемъ отказѣ, стойте за свои права всѣ, какъ одинъ человѣкъ. Передъ единой и непреклонной волей народа никакая сила устоять не можетъ. Граждане, въ этой вынужденной, но неизбѣжной борьбѣ ваши выборные люди будутъ съ вами“.

Мотивы, которыми руководились составители выборгскаго воззванія, цѣли, которыя они преслѣдовали, надежды, которыя они питали, до сихъ

Digitized by Google

норъ оставались тайной для широкихъ слоевъ населенія. Реакція, наступившая послѣ роспуска первой Думы, отняла у первыхъ народныхъ представителей возможность дать избирателямъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ Только теперь, со скамьи подсудимыхъ, они могли выяснить свою точку зрѣнія, и тѣ основанія, которыя побудили ихъ призвать народъ къ борьбѣ противъ правительства.

Основной чертой, которая проходитъ черезъ всѣ рѣчи обвиняемыхъ депутатовъ, является полная увѣренность, что обращеніе къ народу съ призывомъ къ отказу отъ платежа налоговъ и отъ отбыванія воинской повинности не представляетъ революціоннаго акта. Депутаты первой Думы, чрезъ стѣны суда, старались доказать избравшему ихъ народу, что они стремились не свергнуть, а защитить законъ.

„Не смуту мы хотѣли создать въ странѣ, а укрѣпить тотъ порядокъ вещей, который въ данное время существовалъ, и былъ санкціонированъ Верховною властью, порядокъ, который мы, какъ граждане, обязаны были защищать. Мы считали обязанностью всѣхъ гражданъ защищать этотъ порядокъ не только потому, что это былъ установленный формальный порядокъ, но и потому, что мы видѣли только въ немъ залогъ успокоенія и развитія нашей родины“,—говорилъ г. Петрункевичъ. Г. Кокошкинъ пошелъ еще далѣе и высказалъ мнѣніе. будто пассивное сопротивленіе является закономѣрнымъ средствомъ борьбы народа противъ правительства.

„Не могу не указать,—говорилъ онъ,—что въ конституціонномъ государствѣ, если власть исполнительная гарантирована отъ покушенія на нее правомъ роспуска парламента, то есть и гарантія для народнаго представительства. Это ежегодное утвержденіе бюджета и численности набора въ армію; безъ нихъ конституціоннаго строя нѣтъ; но какъ быть, если гарантія ежегодности сессіи народнаго представительства не существуетъ? Тогда у народа остается лишь одно мирное средство защиты права — это пассивное сопротивленіе. Нѣкоторые считаютъ его революціоннымъ средствомъ, но его примѣняютъ даже тѣ народы, у которыхъ чувство лойяльности особенно развито“.

Путь пассивнаго сопротивленія, по мнѣнію г. Петрункевича, послѣдній путь, единственно возможный и предупреждающій новую смуту, новые безпорядки и, быть можетъ, пролитіе крови“.

Еще болѣе ясно выразилась точка зрѣнія первыхъ депутатовъ на выборгское воззваніе въ словахъ предсѣдателя Думы г. Муромцева. „Что касается до самаго акта выборгскаго воззванія,—сказалъ онъ,—это—старый давнишній вопросъ о двухъ важнѣйшихъ формахъ политики, примѣняемой въ случаяхъ, когда грозитъ политическое несчастіе; когда на васъ идетъ горный потокъ, чтобы спасти деревню, лежащую на пути этого потока, нужно сдѣлать плотину, и потокъ остановить; а кто думаетъ, что потокъ нельзя остановить, тотъ предлагаетъ другія средства— прорыть

Digitized by Google

всевозможные обводные каналы, и пустить его по этимъ каналамъ. Члены Государственной Думы думали именно такъ".

Политическимъ несчастьемъ, о которомъ упоминаетъ въ этихъ словахъ г. Муромцевъ и которое, какъ тогда казалось, угрожало странѣ, было возстаніе, ожидавшееся многими вслѣдъ за роспускомъ первой Государственной Думы.

Слѣдовательно, составители выборгскаго воззванія, видя съ одной стороны черную пропасть реакціи, а съ другой—красное пламя народнаго возстанія, хотѣли пройти между ними по узкой тропинкѣ пассивнаго сопротивленія. У нихъ не было надежды на другой исходъ, такъ какъ необходимость и неизбѣжность народнаго протеста представлялась для нихъ совершенно несомнѣнной. Они заботились только о томъ, чтобы этотъ протестъ не вылился въ форму кроваваго народнаго движенія.

По словамъ г. Муромцева, вечеромъ 10 іюля въ компаніи его друзей и товарищей не было другихъ разговоровъ, кромѣ того, что близится что то неспокойное, что близится возстаніе. Особенное опасеніе внушали депутатамъ даже не города, а села. „Всѣ со страхомъ говорили, что будетъ въ селахъ".

III.

Увѣренность въ неизбѣжномъ возстаніи была обща всѣмъ депутатамъ первой Думы и вытекала изъ оцѣнки, которую они давали переживаемому моменту.

Народъ встрѣтилъ первый парламентъ съ вѣрою и надеждою. Сами депутаты были полны увѣренности, что имъ удастся разрѣшить всѣ наболѣвшіе вопросы русской жизни. „Мы были народными представителями,— говорилъ въ своей рѣчи г. Кокошкинъ,—мы больше того, мы были *первыми народными представителями*; на насъ возложены были всѣ надежды народа, отъ насъ онъ ожидалъ обновленія, ожидалъ указанія пути мирнаго развитія. Это налагало на насъ страшную отвѣтственность, такую отвѣтственность, которой никто еще не зналъ, и не узнаетъ и послѣ насъ; однако этой отвѣтственности мы не боялись, мы знали нужды народа, мы знали, что съумѣемъ ихъ воплотить въ практически осуществимой формѣ".

„Мы хотѣли чтобы Россія стала правовымъ государствомъ, чтобы права были предоставлены всѣмъ.

Мы хотѣли сдѣлать Россію счастливой и процвѣтающей, указавъ ей для этого единственно вѣрный путь—путь подъема благосостоянія низшихъ слоевъ населенія.

Мы хотѣли сдѣлать Россію могущественной и единой—единой не внѣшнимъ единствомъ, а внутреннимъ, органическимъ. Въ этихъ желаніяхъ сошлись мы всѣ безъ различія партій, національностей, сословій и состоя-

Digitized by Google

ній дворяне и крестьяне, русскіе и поляки, мусульмане и евреи, грузины и армяне".

Большинство депутатовъ первоначально предполагало, повидимому, что исполнительная власть проникнется задачами, поставленными на очередь законодательною властью. Быть можетъ, эти ожиданія были распространены еще въ большей степени среди народныхъ массъ, которыя видѣли въ Думѣ единственное средство найти выходъ изъ своего тяжелаго положенія.

Но правительство встрѣтило первый парламентъ враждебно и холодно. Предсѣдатель Думы г. Муромцевъ заявилъ въ своемъ послѣднемъ словѣ, что не только по совокупности впечатлѣній, вынесенныхъ изъ личныхъ сношеній, но изъ прямого смысла сдѣланныхъ ему заявленій, ему болѣе, чѣмъ кому либо было ясно, что министерство тяготится учрежденіемъ Думы какъ постороннимъ привѣскомъ къ правительственному механизму. Министерство постоянно выражало желаніе, чтобы Дума разошлась поскорѣе, по крайней мѣрѣ, на лѣтній отдыхъ. Ни одного серіознаго законопроекта министерство не представляло на разсмотрѣніе Думы. Всѣ же думскіе законопроекты встрѣчали со стороны правительства безусловно отрицательное отношеніе. Въ то же время въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" одна за другой печатались телеграммы, заключавшія въ себѣ оскорбленія Государственной Думѣ и призывы къ государственному перевороту, къ реставраціи. На имя самого предсѣдателя Думы приходили письма землевладѣльцевъ дворянъ и заявленія различныхъ реакціонныхъ союзовъ, которыя были сплошнымъ стономъ землевладѣльческихъ классовъ противъ направленія, принятаго въ Думѣ аграрнымъ вопросомъ.

Послѣ декларацiи Горемыкина, когда Дума потребовала отставки кабинета и замѣны его отвѣтственнымъ министерствомъ, положеніе Думы стало очень непрочнымъ; депутаты, по словамъ г. Кокошкина, ждали нападенія.

Но, если сверху Дума встрѣчала только недовѣріе и угрозы, то снизу изъ селъ и деревень съ первыхъ чиселъ іюля въ Думу посыпались письма, резолюціи и приговоры сельскихъ сходовъ, въ которыхъ крестьянство требовало, чтобы Государственная Дума не уступала въ конфликтѣ съ министерствомъ, чтобы она защищалась, и, съ своей стороны, выражало въ самыхъ опредѣленныхъ формахъ готовность поддержать Государственную Думу, если на нее послѣдуетъ нападеніе сверху. Подъемъ народнаго настроенія къ концу дѣятельности первой Думы былъ очевиденъ для всѣхъ. Возникновеніе же конфликта съ министерствомъ на почвѣ аграрнаго вопроса, наиболѣе близкаго къ крестьянскимъ массамъ, заставляло сторонниковъ мирнаго развитія опасаться стихійнаго взрыва народнаго негодованія. Въ это время правительство сдѣлало рѣшительный шагъ: Дума была распущена.

Обстановка роспуска вызывала самыя мрачныя опасенія. Актъ рос-

Digitized by Google

пуска не былъ контрасигнованъ, въ немъ не былъ указанъ срокъ слѣдующихъ выборовъ и, наконецъ, Дума была распущена на такой срокъ, что бюджетъ оказался неутвержденнымъ. При такихъ условіяхъ, дальнѣйшія судьбы народнаго представительства становились неясными и невѣрными. По словамъ г. Петрункевича, депутаты утратили всякую надежду на дальнѣйшее существованіе Государственной Думы, и съ тревогой ожидали, что народныя массы отнесутся съ негодованіемъ къ уничтоженію съ такимъ трудомъ завоеваннаго представительнаго учрежденія. Большинство депутатовъ менѣе всего желали, чтобы это негодованіе вылилось въ форму народнаго возстанія. Они остановились на пассивномъ сопротивленіи, какъ на такой формѣ протеста, которая, по ихъ мнѣнію, безъ крови и смуты могла заставить правительство отказаться отъ попытки возстановленія стараго режима.

Слѣдовательно для большинства депутатовъ первой Думы выборгское воззваніе казалось не призывомъ народныхъ массъ къ возстанію противъ правительства, а наоборотъ попыткой придать народному движенію законную и мирную форму борьбы. Возстаніе пугало представителей думскаго большинства не менѣе, чѣмъ представителей старой власти.

IV.

Почти полтора года прошло со времени опубликованія выборгскаго воззванія. Полтора года—срокъ, вообще, большой, а въ нашей современной исторіи, какъ справедливо указалъ г. Набоковъ, это срокъ огромный и выборгскій актъ уже поддается освѣщенію съ исторической точки зрѣнія. Судьба выборгскаго воззванія еще разъ показала всю ошибочность тактики пассивнаго сопротивленія. Много было споровъ объ этой формѣ борьбы народа за свои права, и до сихъ поръ нельзя признать рѣшеннымъ вопросъ о томъ, насколько она является дѣйствительной и цѣлесообразной. Но каждая попытка практическаго осуществленія идеи пассивнаго сопротивленія всегда обнаруживаетъ недостаточную опредѣленность и продуманность этого лозунга.

Сторонники тактики пассивнаго сопротивленія всегда указываютъ, что эта форма борьбы имѣетъ одно несомнѣнное преимущество: законность. Отказъ отъ исполненія тѣхъ требованій правительства, которыя не вытекаютъ изъ дѣйствующихъ законовъ, не можетъ быть разсматриваемъ, какъ стремленіе ниспровергнуть существующій строй. Наоборотъ, онъ представляетъ защиту дѣйствующаго права, точное выполненіе требованій конституціи, и такимъ образомъ будто бы лишаетъ власть возможности бороться противъ протестующихъ гражданъ тѣмъ оружіемъ, которое обыкновенно примѣняется въ борьбѣ съ революціонерами.

Эта точка зрѣнія руководила и большинствомъ депутатовъ первой Думы.

Digitized by Google

Но нельзя не признать, что законность пассивнаго сопротивленія является только кажущимся преимуществомъ, которому, безъ нѣкоторой доли политической наивности, трудно придавать серіозное значеніе.

Государственная власть, противъ которой организуется пассивное сопротивленіе, никогда не примирится съ разрушеніемъ правительственнаго механизма, неизбѣжно наступающимъ вслѣдствіе отказа отъ платежа налоговъ и отбыванія воинской повинности или вслѣдствіе непризнанія полномочія тѣхъ или другихъ правительственныхъ агентовъ. Государство всегда постарается силою привести къ повиновенію и, если смотрѣть на вопросъ исключительно съ юридической точки зрѣнія, то придется признать, что не всегда дѣятельность государства, въ такихъ случаяхъ, будетъ опредѣляться стремленіемъ къ государственному перевороту.

Всякая борьба противъ правительства, даже если она ведется въ формѣ пассивнаго сопротивленія, заключаетъ въ себѣ не только элементы защиты дѣйствующаго права, но и элементы права новаго, творимаго въ процессѣ борьбы. Въ особенности эта двойственность политическихъ движеній сказывается въ конфликтѣ первой Думы съ исторической властью.

Практическое осуществленіе лозунговъ выборгскаго воззванія должно было привести къ немедленному возстановленію правъ первой Думы, распущенной указомъ 8 іюля. Но такое возстановленіе означало бы полную побѣду народа надъ старой властью и расширеніе правъ народнаго представительства далеко за предѣлы основныхъ законовъ. Созванная вновь первая Дума несомнѣнно пріобрѣла бы функціи учредительнаго собранія и ликвидировала бы старый государственный строй согласно требованіямъ народа. Принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель, обращеніе въ пользу крестьянства земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ и церковныхъ, законодательство о свободахъ, обезпеченіе правъ парламента путемъ установленія системы отвѣтственнаго министерства, - всѣ эти преобразованія несомнѣнно составляли для первой Думы очередныя практическія задачи, и всѣ онѣ несомнѣнно являлись революціонными замыслами не только съ точки зрѣнія стараго режима, но и съ точки зрѣнія того „обновленнаго строя“, который признаютъ творцы россійской конституціи.

Правительство, посколько оно стремилось сохранить наибольшее количество правъ и преимуществъ, принадлежащихъ господствующимъ классамъ дореволюціонной Россіи не могло оставаться равнодушнымъ зрителемъ пассивнаго сопротивленія, которое въ случаѣ успѣха вело къ разрушенію установившагося порядка. Оно противопоставило силу праву народныхъ представителей, и оно побѣдило, такъ какъ народъ не могъ дать равносильнаго отвѣта, а большинство первой Думы и не признавало возможности столкновенія народныхъ и правительственныхъ силъ. Попытки проведенія въ жизнь лозунговъ выборгскаго воззванія были подавлены съ той

Digitized by Google

же твердостью и суровостью, съ какой обыкновенно подавляются всякія попытки такъ называемыхъ активныхъ выступленій.

Покровъ законности, который хотѣли набросить на выборгскіе призывы депутаты первой Думы оказался слишкомъ тонкимъ и непрочнымъ, чтобы защитить протестовавшихъ гражданъ отъ насильственнаго воздѣйствія государственнаго механизма. Субъективныя старанія защитниковъ идеи пассивнаго сопротивленія не могли скрыть ни отъ кого объективно революціоннаго смысла выборгской попытки создать организованный протестъ народныхъ массъ противъ роспуска первой Государственной Думы.

V.

Процессъ соціалъ-демократической фракціи разбиравшійся особымъ присутствіемъ Сената въ концѣ ноября не привлекъ къ себѣ такого общественнаго вниманія какъ процессъ 168 членовъ первой Государственной Думы. Закрытыя двери суда заставили подсудимыхъ отказаться отъ участія въ судебномъ разбирательствѣ и не дали имъ возможности выяснить и свои взгляды и свое поведеніе во второй Государственной Думѣ. Всѣ свѣдѣнія объ этомъ процессѣ ограничиваются только стенографическими отчетами о послѣднихъ засѣданіяхъ второй Государственной Думы и затѣмъ краткимъ и составленнымъ въ обычномъ тонѣ правительственномъ сообщеніи о ходѣ судебнаго разбирательства.

Вслѣдствіе этого процессъ соціалъ-демократической фракціи второй Думы разсматривается иногда, какъ случайное дѣло о политическомъ заговорѣ, несвязанномъ съ вопросомъ о судьбахъ народнаго представительства въ Россіи. Члены первой Государственной Думы, обвинявшіеся по дѣлу о выборгскомъ воззваніи также уклонились отъ того, чтобы установить связь съ обвиняемыми народными избранниками втораго созыва.

Между тѣмъ и выборгскій и соціалъ-демократическій процессы являются звеньями въ одной и той же цѣпи.

Сущность преступленія, совершеніе котораго вмѣнялось въ вину и тѣмъ и другимъ депутатамъ, представляется почти одинаковой. Выборгское воззваніе имѣло цѣлью вызвать народное движеніе опредѣленной формы для того, чтобы добиться отъ правительства признанія правъ народнаго представительства, для того, чтобы провести въ жизнь одно изъ главнѣйшихъ требованій первой Думы, выраженное въ извѣстныхъ словахъ г-на Набокова: исполнительная власть да подчинится власти законодательной. Выборгское воззваніе призывало народъ къ ряду опредѣленныхъ дѣйствій, совокупность которыхъ должна была повліять на правительство. Этотъ актъ и послужилъ поводомъ къ обвиненію депутатовъ первой Думы. Поводомъ же къ обвиненію соціалъ-демократическихъ депутатовъ второй Думы послужилъ цѣлый рядъ однородныхъ актовъ, совершенныхъ ими въ теченіе ихъ

Digitized by Google

парламентской дѣятельности съ тою только разницей, что воззванія соціалъ-демократической фракціи не содержали никакихъ призывовъ къ непосредственнымъ дѣйствіямъ, направленнымъ противъ правительства. По словамъ правительственнаго сообщенія, на судебномъ слѣдствіи выяснилось, что соціалъ-демократическая думская фракція въ цѣломъ составляла, размножала и тайнымъ образомъ распространяла письменныя обращенія какъ къ тайнымъ партійнымъ организаціямъ, такъ и ко всему населенію Имперіи. Въ обращеніяхъ этихъ фракціи, заявляя о томъ, что она направляетъ свою дѣятельность къ революціонизированію общественныхъ отношеній внѣ Г. Думы, тенденціозно освѣщала всѣ возникавшіе въ Г. Думѣ вопросы, приглашала населеніе вмѣшиваться въ законодательную дѣятельность Г. Думы, предлагала населенію составлять о своихъ нуждахъ наказы и отправлять ихъ въ соціалъ-демократическую фракцію и, наконецъ, въ каждомъ своемъ обращеніи призывала населеніе организоваться и сплачиваться, такъ какъ только организованною силою и можно будетъ вырвать власть у правительства и передать ее въ руки народа. Результатомъ этихъ обращеній явились, между прочимъ, и тѣ многочисленные (свыше двухсотъ) наказы отъ разныхъ группъ населенія и нѣкоторыхъ войсковыхъ частей, которые были найдены въ помѣщеніи фракціи и у отдѣльныхъ ея членовъ."

Эта правительственная формулировка задачъ, которыя преслѣдовала соціалъ-демократическая фракція нуждается въ ограниченіи небольшою цитатою изъ декларацін фракціи, прочитанной депутатомъ Церетели въ засѣданіи 6 Марта 1907 года,

„Соціалъ-демократическая фракція,—гласила декларація,—вошла въ Государственную Думу затѣмъ, чтобы неустанной работой во всѣхъ отрасляхъ думской дѣятельности, опираясь на законныя права Государственной Думы, раскрыть народу глаза на дѣйствительное положеніе дѣлъ, указывать ему на необходимость поддержки Государственной Думы въ ея шагахъ, направленныхъ на завоеваніе свободы и подчиненіе себѣ исполнительной власти, и содѣйствовать сплоченію и организаціи народныхъ силъ".

Такимъ образомъ и члены первой Думы и соціалъ-демократическіе депутаты второй Думы виновны прежде всего въ томъ, что они признавали права народа на вмѣшательство въ конфликты между народнымъ представительствомъ и исполнительною властью. Но въ то время какъ депутаты первой Думы подписавшіе выборгское воззваніе обратились къ народу только въ послѣдній критическій моментъ своей дѣятельности, не думая предварительно о томъ, чтобы процессомъ всей парламентской работы подготовить народную массу къ пониманію очередныхъ политическихъ задачъ и наиболѣе цѣлесообразныхъ методовъ ихъ разрѣшенія, депутаты второй Думы исходили изъ того убѣжденія, что прежде чѣмъ призывать

Digitized by Google

народъ къ какимъ либо опредѣленнымъ дѣйствіямъ необходимо развить политическое сознаніе массы и превратить ее изъ людской пыли въ организованную и сплоченную силу, которая будетъ въ состояніи защитить свои права. Поэтому соціалъ-демократическая фракція въ каждомъ своемъ обращеніи, какъ указываетъ Освѣдомительное Бюро, освѣщала всѣ возникавшіе въ думѣ вопросы, приглашала населеніе заявлять парламенту о своихъ нуждахъ и требовать разрѣшенія законодательныхъ вопросовъ въ интересахъ народныхъ массъ, а также призывала народъ къ организаціи и сплоченію, но никогда не призывала къ непосредственнымъ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ стараго государственнаго строя.

Объективный смыслъ парламентской дѣятельности соціалъ-демократическихъ депутатовъ несомнѣнно былъ революціоненъ какъ и объективный смыслъ дѣятельности составителей выборгскаго воззванія. Разница заключается только въ томъ, что послѣдніе были безсознательными революціонерами, революціонерами по неволѣ, въ то время, какъ первые были революціонерами добровольными и сознательными. Съ юридической точки зрѣнія это отличіе весьма существенное, но съ исторической оно не представляетъ особо важнаго значенія. Судъ въ извѣстномъ смыслѣ былъ правъ, когда послалъ соціаль-демократическихъ депутатовъ на каторжныя работы, а депутатовъ первой Думы подписавшихъ выборгское воззваніе приговорилъ къ тремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія,—наказаніе по нынѣшнимъ временамъ чисто символическое. Но историкъ, который будетъ изучать когда либо переживаемый нами періодъ, едва ли согласится съ мнѣніемъ суда, будто между обвиненными депутатами первой и второй Думы лежитъ столько ступеней въ лѣстницѣ развитія объективнаго процесса русской революціи.

6.

Судебный приговоръ ликвидировалъ дѣятельность двухъ первыхъ парламентовъ Россіи. Бывшіе законодатели объявлены преступниками и идутъ въ тюрьму, въ каторгу и на поселеніе. На ихъ мѣстѣ засѣдаетъ третья, работоспособная Дума, помѣщиковъ и капиталистовъ, поставившая своею задачею бороться противъ всѣхъ стремленій демократіи, одушевлявшихъ членовъ первой и второй Думы. Поле битвы осталось за реакціонной арміей.

Для тѣхъ, кто привыкъ цѣнить только непосредственные практическіе результаты, кто живетъ интересами минуты и не сознаетъ величавой продолжительности всякихъ глубокихъ историческихъ процессовъ, зрѣлище двухъ парламентовъ, ликвидированныхъ судебнымъ порядкомъ, дастъ только новый поводъ къ печальнымъ размышленіямъ надъ обломками разбитыхъ великихъ надеждъ освободительнаго движенія русской демократіи. Но для тѣхъ, кто смотритъ впередъ, кто не ограничиваетъ своего кругозора пре-

Digitized by Google

дѣлами сегодняшняго политическаго дня, кто знаетъ, что наиболѣе важнымъ по своимъ практическимъ послѣдствіямъ является то политическое дѣйствіе, которое, независимо отъ его ближайшихъ результатовъ, содѣйствуетъ развитію народнаго сознанія, тотъ отмѣтитъ и выборгскій и соціалъ-демократическій процессы, какъ новые этапы трудной, но непрерывной борьбы между старой и новой Россіей.

Оба эти процесса будутъ однимъ изъ самыхъ поучительныхъ уроковъ той политической науки, которую приходится теперь изучать русскимъ гражданамъ.

Политическія иллюзіи, господствовавшія почти безраздѣльно въ эпоху первой Государственной Думы, теперь исчезаютъ безвозвратно.

Депутаты первой Думы еще вѣрили въ мистическую силу писанной конституціи, вѣрили въ священную неприкосновенность установленнаго правового порядка. Роспускъ первой Думы несмотря на то, что о немъ заранѣе было извѣстно, и что всѣ члены Думы, какъ выразился Кокошкинъ, ожидали нападенія, въ дѣйствительности оказался неожиданнымъ и засталъ думское большинство совершенно неподготовленнымъ. Депутатъ Петрункевичъ сказалъ въ своей рѣчи: „Мы узнали рано утромъ о состоявшемся роспускѣ Государственной Думы. Мы не отрицали права Верховной власти роспускать Думу, но внѣшнія обстоятельства этого роспуска, которыя не относятся къ обязанностямъ и волѣ Монарха, но составляютъ дѣйствіе правительства, подлежали критикѣ этой самой Государственной Думы. Я лично долженъ сказать, что я узналъ объ этомъ роспускѣ въ 5 часовъ утра. Меня разбудили и мнѣ сообщили объ этомъ фактѣ. Мы тотчасъ рѣшили его провѣрить. Оказалось, что Дума окружена войсками, оказалось, что на думскихъ дверяхъ повѣшены замки: въ ворота войти нельзя,—стояли войска."

Еще болѣе ярко изображаетъ неожиданность указа 8 Іюля г-нъ Кокошкинъ. „Не въ думской залѣ, не отъ представителей Высшей власти мы услышали, что мы распущены. Нѣтъ. Выйдя на улицу, мы узнали объ этомъ изъ объявленій, расклеенныхъ на заборахъ и фонарныхъ столбахъ, рядомъ съ которыми висѣли объявленія о введеніи въ Петербургѣ чрезвычайной охраны".

Даже предсѣдатель Думы, несмотря на свою освѣдомленность, не ожидалъ роспуска и узналъ о немъ только утромъ 9 Іюля.

Это увѣренность въ неприкосновенности правъ народнаго представительства, господствовавшая среди членовъ первой Думы и покоившаяся исключительно на слѣпой вѣрѣ въ силу писаннаго закона, опровергнута послѣдующими событіями. Процессъ о выборгскомъ воззваніи еще разъ показалъ, что въ политической дѣятельности нужно руководиться только соотношеніями силъ, а не правовой метафизикой. Кадетское большинство первой Думы, исходя изъ правовыхъ построеній, именно наканунѣ роспуска

Digitized by Google

было увѣрено въ томъ, что оно обошло искусно составленной резолюціей всѣ подводные камни.

Какъ извѣстно, поводомъ къ роспуску было аграрное сообщеніе Думы принятое главнымъ образомъ голосами констит.-демократической партіи. И какъ разъ наканунѣ роспуска, 7 Іюля, г-нъ Милюковъ писалъ въ „Рѣчи": „Будучи совершенно неуязвимымъ съ точки зрѣнія конституціонной, это сообщеніе Думы легко, какъ бы мимоходомъ, отбрасывало отъ Думы ударъ, который готовило Думѣ министерство"... „Послѣ такого голосованія Думѣ ничего не страшно" [1]).

Въ настоящее время трудно найти политическаго дѣятеля, который, даже не будучи лидеромъ крупной партіи, не сознавалъ бы, что судьба народнаго представительства зависитъ не отъ парламентскихъ преній и резолюцій, а отъ борьбы народныхъ силъ, отъ ихъ организованности и сознательности. Выборгскій процессъ, такъ ярко обнаружившій всю безпомощность политическихъ дѣятелей, стоявшихъ на метафизической точкѣ зрѣнія въ вопросахъ государственнаго права, закрѣпитъ въ народномъ сознаніи ту матеріалистическую теорію права, которая является единственнымъ вѣрнымъ руководителемъ плодотворной политической практики. Послѣ него русскія политическія партіи еще болѣе внимательно будутъ опредѣлять свои практическіе шаги учетомъ реальныхъ общественныхъ силъ, а не мистической вѣрою въ силу идеи права по буквѣ конституціи воплощенной въ законодательныхъ учрежденіяхъ.

Другой выводъ, который неизбѣжно вытекаетъ изъ выборгскаго процесса, это выводъ о томъ, что не можетъ быть другаго рѣшителя политическихъ конфликтовъ, кромѣ народа. Старый принципъ демократической политики: все для народа, все черезъ народъ, пользуется достаточной извѣстностью и провозглашается почти всѣми современными политическими партіями, хотя бы въ дѣйствительности онѣ никогда не дѣйствовали черезъ народъ и ничего не имѣли для народа.

Но этотъ принципъ далеко не всегда послѣдовательно проводится и тѣми партіями, которыя имѣютъ извѣстное основаніе причислять себя къ демократіи. Партіи, складывающіяся въ переходныя политическія эпохи, партіи, организаціонныя границы которыхъ не совпадаютъ съ границами представляемыхъ ими классовъ, отличаются особенною измѣнчивостью въ отношеніи къ народнымъ массамъ. Такая измѣнчивость была обнаружена и большинствомъ первой Государственной Думы, принадлежавшимъ къ конституціонно-демократической партіи.

Въ то время какъ обострившійся конфликтъ между первой Думой и правительствомъ заставлялъ крайнюю лѣвую перваго парламента, состоявшую изъ многочисленной трудовой и небольшой рабочей группы, искать

1) Н. Милюковъ. Годъ борьбы. Стр. 427.

Digitized by Google

опоры и поддержки въ народныхъ массахъ и стремиться связать съ ними Думу крѣпкими организаціонными нитями, думская фракція кадетской партіи систематически отклоняла внесенныя съ этой цѣлью предложенія трудовой группы. Законопроэктъ объ учрежденіи мѣстныхъ комитетовъ для обсужденія земельной реформы во всей странѣ вызвалъ рѣзкую критику со стороны политиковъ конституціонно-демократической партіи. Цѣль такого необычайнаго референдума,—писалъ г. Милюковъ 25 мая въ „Рѣчи",—откровенно формулируется латинскимъ изреченіемъ flectere si nequeo superos, Acheronta movebo. Если не смогу поднять небожителей, подниму самый адъ. Мы также откровенно должны признаться, что здѣсь наши дороги съ нашими друзьями слѣва расходятся; мы нисколько не хотимъ ни поднимать ада, ни помогать нашимъ друзьямъ совершать тѣ подготовительныя мѣры, которыя, по ихъ мнѣнію, могутъ имъ пригодиться для достиженія этой цѣли" [1]).

Черезъ полтора мѣсяца Дума была распущена, реакція нанесла ударъ конституціоннымъ учрежденіямъ; надежды на либерализмъ небожителей не оправдались, и та же конституціонно-демократическая фракція обратилась съ выборгскимъ воззваніемъ къ народу, т. е. сдѣлала попытку поднять адъ.

Этотъ опытъ, повидимому, прошелъ безслѣдно для того сложнаго цѣлаго, который именуетъ себя партіей народной свободы, но онъ не прошелъ безслѣдно для всѣхъ тѣхъ элементовъ русскаго общества, которые способны занять твердую демократическую позицію въ еще предстоящей борьбѣ стараго и новаго строя. Примѣръ депутатовъ, подписавшихъ выборгское воззваніе, показываетъ, что послѣднимъ судіей великаго историческаго спора всегда и во всемъ явится народъ, къ которому должны быть обращены взоры всѣхъ политическихъ партій.

VII.

Страна не забудетъ той крупной политической роли, которую сыграли въ развитіи политическаго сознанія народныхъ массъ депутаты первой и, въ особенности, второй Думы, осужденные теперь, какъ государственные преступники. Демократическій духъ вѣялъ надъ рядами членовъ двухъ первыхъ парламентовъ, и если процессъ соціалъ-демократическихъ депутатовъ вызвалъ откликъ только въ сотняхъ тысячъ рабочихъ и прошелъ незаслуженно незамѣченнымъ русскимъ обществомъ, то процессъ депутатовъ, подписавшихъ Выборгское воззваніе, встрѣтилъ—совершенно справедливо—общественное вниманіе и сочувствіе.

Однако, мы не должны забывать, что люди изъ большинства первой

[1]) П. Милюковъ. Годъ борьбы, стр. 459.

Digitized by Google

Думы представляютъ уже превзойденную ступень политическаго развитія. На своемъ мѣстѣ и въ свое время они сдѣлали большое и нужное дѣло. Они формулировали очередную задачу политической демократіи; ихъ завѣтъ—исполнительная власть да подчинится власти законодательной—до сихъ поръ остается завѣтомъ освободительнаго движенія. Но ихъ тактика, ихъ метафизическія воззрѣнія на право, на государство, на современную русскую конституцію,—все это уже пережито политически организованными элементами страны.

Дѣятели, сошедшіе съ политической сцены, заслуживаютъ уваженія и признательности современниковъ въ мѣру своихъ заслугъ. Но ихъ политическая система подлежитъ критикѣ и переоцѣнкѣ. И если бы теперь на ихъ мѣстѣ появились дѣятели того же типа и съ тѣми же взглядами, то о нихъ пришлось бы, въ лучшемъ случаѣ, сказать словами Карлейля объ англійскихъ конституціоналистахъ XVIII вѣка. „Это все люди весьма благородные, они выступаютъ передъ вами своей величественною походкой съ философіей, съ парламентскимъ краснорѣчіемъ, своими корабельными пошлинами, „Монархіями человѣка"; да, это безукоризненная, достойная группа людей, непзмѣнно преданная конституціи, но ваше сердце остается холодно къ нимъ, и вы стараетесь только въ своемъ воображеніи поднять ихъ на высоту поклоненія. Въ самомъ дѣлѣ, какое же человѣческое сердце можетъ воспылать огнемъ братской любви къ подобнымъ людямъ. Въ концѣ концовъ они смертельно надоѣдаютъ. Ужъ слишкомъ часто приходится окунаться въ волны конституціоннаго краснорѣчія удивительнаго Пима съ его „въ седьмыхъ и наконецъ". Вы находите, что его рѣчи могутъ быть удивительнѣйшими рѣчами въ мірѣ, но что онѣ тяжелы какъ свинецъ и безплодны какъ глина" [1])...

Ник. Іорданскій.

---

[1]) Карлейль. Герои и героическое въ исторіи. Спб. 1898 г. стр. 294.

Digitized by Google

ВИБЛІОГРАФІЯ и КРИТИКА.

Н. Телешовъ. Разсказы т. II.—*Евгеній Тарасовъ.* Земныя дали.—*Исторія Россіи* въ XIX вѣкѣ.—*Декабристы.* Тайныя общества. — *Ивановъ-Разумникъ.* Что такое махаевщина.—*Пьетро Орси.* Современная Италія. — *А. Оларъ.* Ораторы революціи.—*Е. В. Тарле.* Рабочіе національныхъ мануфактуръ во Франціи въ эпоху революціи.—*Б. Великовъ.* Теорія и практика пропорціональнаго представительства.—*Н. Каблуковъ.* Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. — *А. И. Шингаревъ.* Вымирающая деревня.—*Проф. И. Х. Озеровъ.* Что такое общество потребителей, какъ его основать и вести.—*С. В. Бородаевскій.* Сборникъ по мелкому кредиту.—*В. А. Гагенъ.* Право бѣднаго на призрѣніе.—*Отчетъ* о состояніи народнаго здравія и организаціи врачебной помощи въ Россіи за 1905 годъ.

Н. Телешовъ. Разсказы. Томъ первый. Изд. Товарищества Знаніе. Изданіе второе. Цѣна 1 рубль. — Творчество Телешова по видимости—спокойное, неторопливое, не подгоняемое страстнымъ, нетерпѣливымъ порывомъ политическаго темперамента, который такъ часто соблазняетъ современнаго писателя перевести стрѣлку съ завтрашняго дня на сегодня. Телешовъ какъ будто хочетъ сказать: ну, что же? — передвинута стрѣлка, а жизнь — развѣ она побѣжала за ней? Вотъ она пошевеливается, со всѣмъ, что въ ней было и прежде, что будетъ и позже, какъ змѣя, отливая на солнцѣ ласковой темнотой своихъ желѣзныхъ колецъ, обманчивая и загадочная, полная чаръ и отравы. Но было бы напрасно искать въ той жизни, которую изображаетъ Телешовъ, анахронизмовъ придавленнаго спокойствія прежнихъ лѣтъ. Напротивъ: его изображенія проникнуты той общей атмосферой нахмурившагося ожиданія, въ которой задохся не одинъ чуткій русскій писатель. Но писательскіе нервы Телешова крѣпки, и творчество его совершается трезво и ясно, безъ пафоса, безъ эксцессовъ, вдумчиво и любовно. Не стремясь къ отраженію подземныхъ толчковъ и отдаленныхъ ударовъ грома, оно всѣмъ своимъ содержаніемъ, всей глубиной своего идейнаго захвата говоритъ одно: шевелится русская жизнь, да не раскачалась еще...

На Шипкѣ все спокойно... и во всѣхъ углахъ Россіи творится громадная, нестройная, полуглухая, полуслѣпая, какъ все стихійное, жизнь, въ которой неравная борьба, страданія, ужасы взаимнаго непониманія, смерть— все идетъ своимъ чередомъ, по неизмѣнному, разъ навсегда предрѣшен-

Digitized by Google

ному пути. Телешовъ изображаетъ маленькіе, не всякому глазу замѣтные уголки этой жизни, но изображаетъ съ живымъ сочувствіемъ къ своей „натурѣ“, съ безпристрастіемъ художника, одушевленнаго самымъ процессомъ творчества. Искренность и то, что въ старину называлось правдой искусства, стоятъ для него выше всего, и какъ художникъ, онъ никогда не гонится за внѣшнимъ эффектомъ и позой, — отъ этого въ разсказахъ его нѣтъ ни искусственно подчеркнутаго трагизма, ни утрировки въ комбинаціяхъ сюжета. Разсказъ ведется по-человѣчески естественно, по-человѣчески просто, и читается, какъ страница изъ жизни, страница, подобная уже многимъ прочитаннымъ, но все еще продолжающая быть занимательной, по-человѣчески интересной. Видишь, какъ пробирается „божье дитя“ Семка глухими таежными путями на родину въ „Россію“ изъ Сибири и вѣришь его страстной тоскѣ по родной деревнѣ и проникаешься къ нему невольнымъ состраданіемъ и любовью. Но не ищите въ разсказѣ ужасовъ таежнаго одиночества и дикости. Телешовъ вообще не любитъ оставлять человѣка одного, да еще ребенка, да еще въ страшномъ сибирскомъ лѣсу. И Семка, медленно, но неотступно подвигаясь къ родной чертѣ, все время встрѣчаетъ людей, и всѣ они проникаются теплымъ чувствомъ къ маленькому незамѣтному герою, всѣ, даже суровый инородецъ-рыбакъ, которому, какъ Семка чувствовалъ это, рѣшительно все равно, будетъ ли онъ, Семка, живъ или не будетъ... Вѣритъ читатель и тому, что было дальше съ Семкой, какъ пригрѣлъ и подобралъ его, больного, бѣглый каторжникъ, также томимый мечтой о „Россіи“, и какъ донесъ, съ опасностью для своей жизни, до больницы ближняго городка, а самъ попался на глаза исправнику... И вотъ повели его въ цѣпяхъ обратно на каторгу, а Семка въ это время бился за рѣшеткой больничнаго окна и кричалъ: дѣдушка, дѣдушка!..

Итакъ, сердце сердцу вѣсть подало, и между старымъ каторжникомъ, можетъ быть много грѣха взявшимъ на душу, и невиннымъ мальчикомъ образовалась прочная душевная связь, залогъ облегченія жизненной тяготы и скорби. И Телешовъ мастерски обнаружилъ несложныя внѣшнія проявленія этой глубокой и сложной душевной связи, которая дѣлала бы чудеса, если бы въ нее не вторгался неожиданно и грубо кто-то Чужой, какое-то роковое начало, нарушающее органическое теченіе жизни, ея порядокъ, ея красоту. Для Семки это начало воплотилось въ исправникѣ, въ другомъ разсказѣ „Дѣти“ оно олицетворяется въ самомъ ужасномъ, что подкашиваетъ жизнь и чувство, и обрываетъ всѣ связи, — въ смерти. Къ Березину, который такъ счастливъ своимъ сознаніемъ обезпеченнаго холостяка, является нежданно-негаданно цѣлая группа дѣтей, его племянниковъ, брошенныхъ на его родственное попеченіе послѣ семейнаго разрыва его сестры съ мужемъ. Дѣти внесли цѣлый переворотъ въ уютное, спокойное теченіе его барски-обывательской и клубно-холостяцкой жизни. Они производили безпорядокъ, шумѣли, портили вещи и устроили свой особый міръ, куда затянули всѣхъ, кто только ни соприкасался съ ними. Затянули они въ этотъ міръ и самого Березина, и сердце его уже раскрылось, распахнулось, какъ весеннее окно для щебетанья птицъ, для лепета новыхъ жизней. Уже начинавшая черстѣть душа его смягчилась, и жизнь пріобрѣла новый и особый, знаменательный смыслъ, но смерть унесла дѣтей, оставивъ послѣ себя пустое мѣсто и сознаніе невозможности вернуться къ прежнему строю жизни—безъ того маленькаго и деспотическаго міра,

Digitized by Google

съ которымъ образовались такія прочныя душевныя связи. И другая связь, Березина съ женщиной, которая прежде не вносила въ его жизнь ничего, кромѣ развлеченія и комфорта, какъ-то обновилась духовно, превратилась въ союзъ глубоко одинъ другого оцѣнившихъ людей, которымъ не страшно пойти рука-объ-руку надолго, навсегда. И въ разсказѣ Телешова такъ просто и снова такъ *вѣроятно* передано, что это превращеніе достигнуто силой живой, дѣятельной любви къ дѣтямъ, хотя бы чужимъ.

Быть дѣтей и переселенцевъ привлекаетъ особыя симпатіи автора. Здѣсь, въ сжатыхъ и безпритязательныхъ чертахъ, Телешовъ умѣетъ дать почувствовать читателю и тайныя движенія души, рвущейся изъ сумерокъ еще полузоологическаго состоянія, и затаенный, молчаливый драматизмъ русской народной жизни. Земскій засѣдатель Волынцевъ возсталъ противъ обычая ставить для проходящихъ бродягъ ѣду и питье — и бродяги вѣшаютъ его — методично, разсудительно, даже добродушно. И всѣ они— здоровые, нормальные, обычные средніе люди—и неудачный представитель закона Волынцевъ, и эти стоящіе внѣ писанаго закона бродяги, у которыхъ, однако, свои, борьбой за существованіе выработанные, законы, своя логика, своя совѣсть, и въ результатѣ конфликта—ременная петля, на которую вздернули Волынцова, — такъ же, какъ, при другихъ обстоятельствахъ, онъ приказалъ бы вздернуть этихъ людей во имя торжества *своего* закона, *своей* правды. Да, въ результатѣ—петля, а въ основѣ—какое-то нелѣпое недоразумѣніе, одно изъ безчисленныхъ недоразумѣній, внѣдрившихся въ людскія отношенія съ незапамятныхъ временъ и оскорбляющихъ жизнь вопреки всѣмъ усиліямъ разума и просвѣтленной воли.

Юноша — офицеръ Кладуновъ, женихъ, надежда и опора семьи, стрѣляется на дуэли съ другимъ офицеромъ изъ-за вопроса чести. „Всѣ чувствовали важность этого вопроса, и торжественность минуты была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе они сознавали, что дѣлаютъ“... Выстрѣлъ раздался: Кладуновъ былъ убитъ наповалъ. Сообщить объ этомъ старухѣ-матери выбрали товарища его Голубенко. Голубенко пріѣхалъ, сразу попалъ въ атмосферу такой любви къ сыну и надежды на его счастье, что смалодушествовалъ и... не сказалъ. Онъ тутъ только понялъ, какое злое дѣло совершила пуля „чести“, разбивъ жизнь тремъ радостно-настроеннымъ существамъ. И онъ слушалъ счастливый лепетъ матери, а самъ въ это время проклиналъ „всѣ дуэли, всѣ ссоры и всякое геройство, и всякую честь“, покупаемыя дорогой цѣной человѣческой жизни. И онъ такъ и не открылся старухѣ, не отнялъ ея послѣднихъ счастливыхъ минутъ и убѣжалъ,—оставивъ за сценой ея неутѣшную скорбь и разбитыя мечты. Въ разсказѣ „Сухая бѣла“ злое дѣло совершаютъ Емельяниха и Кургановъ, а ни въ чемъ неповинные Максимка и Ѳеня страдаютъ и гибнутъ,—и нѣтъ за нихъ мстителя, и нѣтъ высшаго закона, который вознесъ бы на высоту выше дѣлъ людскихъ поруганную и возстановленную правду.

Еще одна крупная особенность разсказовъ Телешова: ихъ герои—живые, дѣятельные, въ плоть и кровь облеченные люди. Страдая и радуясь, любя и ненавидя, они живутъ цѣльной жизнью натуръ, которымъ доступно все человѣческое, и въ которыхъ „человѣкъ“ не умираетъ никогда. „Человѣкъ“ этотъ не поднимается до той высоты сознанія, когда начинаются муки „проклятыхъ вопросовъ“, но и не падаетъ такъ низко, чтобы навсегда заглушить въ себѣ голосъ совѣсти и здраваго смысла. Въ большинствѣ случаевъ герои Телешова — люди, хорошо знающіе ту грань между

Digitized by Google

добромъ и зломъ, какая опредѣляется уровнемъ понятій средняго русскаго человѣка. У него нѣтъ ни геніевъ, ни глупцовъ, ни уродовъ, вообще натуръ исключительныхъ; всякая исключительность чужда этому нормальному, здоровому и мѣткому дарованію, въ которомъ такъ много бодрости и вѣры въ лучшія свойства человѣческой природы... Среди художниковъ нашего времени это—явленіе рѣдкое. *Евг. Л.*

Евгеній Тарасовъ. „Земныя дали". Вторая книга стиховъ. Изд. „Шиповникъ" Спб. 1908 г. Цѣна 60 коп. У насъ еще свѣжа въ памяти первая книжка стиховъ г. Тарасова, появившаяся въ печати въ 1906 г. Тогда молодой поэтъ настраивалъ свою лиру на воинственный ладъ, — гнѣвныя угрозы, призывные звуки мести и борьбы слышались въ туго натянутыхъ струнахъ ея. „Лишь местью святою звучала бы пѣсня моя, увлекая впередъ и впередъ" — такова была мечта поэта. Однако и тогда чуткое ухо внимательнаго читателя улавливало въ бурныхъ призывахъ пѣвца холодокъ напряженной искусственности. Чувствовалось, что суровые тоны пѣсенъ молодого поэта звучатъ откуда-то извнѣ, что они идутъ не изъ глубины мужественной, непреклонной воли, а внесены въ сознаніе усвоенной имъ идеей гражданскаго долга. Въ нихъ было больше реторики, чѣмъ подъема, и поэтому читатель съ гораздо большимъ волненіемъ останавливался на тѣхъ стихахъ поэта, въ которыхъ онъ пѣлъ не сладость мести и побѣдъ, а муки пораженія,—на глубоко искренней тюремной поэзіи г. Тарасова.

„Вторая книга" имѣетъ передъ первой то несомнѣнное преимущество, что здѣсь авторъ познался самого себя и съ задушевною теплотою пишетъ только о томъ, о чемъ напѣваетъ ему внутренній голосъ его наболѣвшаго сердца. Здѣсь много скорбныхъ нотъ, порою слышатся полуподавленныя рыданія, и среди нихъ, какъ „изломы молній" на свинцовыхъ тучахъ, снова и снова вспыхиваютъ огни радостныхъ упованій:

Жребій мой не мною вынутъ:
Я—безвольный, я—земной,
Я рожденъ своей страной,
Вмѣстѣ съ ней въ потемки кинутъ
Побѣжденною волной.
Мракъ не вѣченъ. Будетъ свѣтъ.
Мы проснемся, мы воскреснемъ.
Надъ страной горитъ разсвѣтъ—
Съ сонцемъ встанетъ къ свѣтлымъ пѣснямъ
Къ жизни призванный поэтъ.

Небольшая книжка стиховъ г. Тарасова разбита на пять отдѣловъ (Равнины. На мертвыхъ пескахъ. Изломы молній. Стертыя линіи. Стихи о любви). Нельзя сказать, чтобы это дѣленіе совпадало съ дѣйствительными гранями содержанія сборника,—многіе стихи могутъ быть свободно перемѣщены изъ одной группы въ другую. Но это относится къ внѣшности сборника, который, кстати сказать, и безъ того достаточно испорченъ черезъ чуръ притязательной, черезъ чуръ перегроможденной обложкой г. Билибина. Что же касается содержанія книги, то въ немъ нельзя не отмѣтить значительную, сравнительно съ первой книгой, выдержанность и цѣльность. Стихотворенія, особенно привлекающія вниманіе своей нѣжной красотою (назовемъ, напримѣръ: „Разбитые волною корабли", „Ночной поѣздъ", „Послѣ бури" и др.), уже не тонутъ въ пестротѣ надуманныхъ образовъ и рифмъ, не кажутся одинокими верстовыми столбами среди

Digitized by Google

однотонной пустынной дороги, а только подчеркиваютъ завоеванія, сдѣланныя поэтомъ въ его мастерствѣ.

Любителямъ истинной поэзіи мы можемъ смѣло рекомендовать новую книгу стиховъ г. Тарасова. *Вл. Кр.*

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Изд. т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°". М. 1907. Выпуски I—V (по 80 стр.) ц. выпуска 1 р. 35 к. [1]). Мы считаемъ азбукой положенія: государство—организація классоваго господства, всемірная исторія—исторія борьбы классовъ и проч. Мы и въ примѣненіи къ Россіи говоримъ о господствѣ феодализма (крѣпостничества), о борьбѣ капиталистовъ, пролетаріата. Но переходя къ конкретнымъ фактамъ прошлаго, мы тотчасъ забываемъ азбучныя положенія; теоретически мы готовы признать наличность борьбы классовъ и въ русской исторіи послѣднихъ столѣтій, а практически считаемъ политическую организацію за особый факторъ, стоящій внѣ классовъ; борьбу классовъ, вслѣдъ за историками-идеалистами, замѣняемъ борьбой общества противъ бюрократіи или противъ политической формы; въ движеніи „общества" видимъ борьбу „интеллигенціи", и недавно еще говорили о движеніи декабристовъ, какъ о внѣклассовомъ движеніи интеллигентовъ, отрѣшившихся отъ всякихъ классовыхъ интересовъ; игнорируя тотъ фактъ, что на протяженіи исторіи одна и таже политическая форма являлась формой организаціи далеко не однихъ и тѣхъ же классовъ, мы объявили *форму* враждебной, по самой природѣ своей, всякому общественному движенію,—придали формѣ какую-то метафизическую, абсолютную сущность; далѣе, на протяженіи цѣлаго полустолѣтія политическая надстройка являлась въ нашихъ глазахъ *только* сохранившимся остаткомъ умершей хозяйственной эпохи; наконецъ, вмѣсто угнетенія (закрѣпощенія) класса классомъ, мы говоримъ о закрѣпощеніи трудящихся массъ „помѣщикамъ, или *государству*". Всѣ эти не марксистскія опредѣленія и не марксистское отношеніе къ явленіямъ русской исторіи объясняются,—только и могутъ объясняться,—нашимъ незнакомствомъ съ исторіей борьбы классовъ въ Россіи. Эта исторія (если не считать работъ Н. А. Рожкова) оставалась до сихъ поръ для марксиста дѣвственной почвой, а ходячая фразеологія представляла окрошку изъ Маркса съ П. Н. Милюковымъ. Вноситъ-ли что-нибудь новое „Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ"?

Несомнѣнно вноситъ, несмотря на странную амальгаму сотрудниковъ, являющуюся впрочемъ лишь отраженіемъ амальгамы въ воззрѣніяхъ: повидимому, издателямъ казалось, что на почвѣ историческихъ изысканій возможно сойтись представителямъ различныхъ міровоззрѣній. Что изъ этого получилось,—увидимъ ниже. Раньше остановимся на томъ новомъ и важномъ, что даетъ намъ „Исторія".

Первое мѣсто, по ихъ важности, нужно отвести статьямъ М. Н. Покровскаго въ I выпускѣ: „Россія въ концѣ XVIII вѣка. Хозяйство, общество, государственная власть"; „Павелъ Петровичъ". „Александръ I (1801—1815)". Вопреки ходячему противоположенію общества и государства, общества и самодержавія, общества и бюрократіи, вопреки ходячимъ представленіямъ вообще — М. Н. Покровскій признаетъ, что личная форма управленія есть только форма, что основной пружиной

[1]) Изданіе составитъ отъ 30 до 35 выпусковъ; въ немъ принимаютъ участіе, на ряду съ А. А. Кизеветтеромъ и П. Н. Милюковымъ, также Н. Ленинъ, Л. Мартовъ, Н. А. Рожковъ и др.

Digitized by Google

являются не личные, а классовые интересы при этой формѣ, какъ и при всякой другой. Очевидно, что и самая форма сохраняется только потому, что именно она, а не другая какая-либо форма, наиболѣе соотвѣтствовала интересамъ господствующаго класса. И М. Н. Покровскій, исходя изъ анализа хозяйственной жизни страны, объясняетъ ея политическій строй въ данную эпоху, а затѣмъ какъ бы подвергаетъ свою точку зрѣнія провѣркѣ на примѣрѣ царствованія Павла I и Александра I. Павелъ I хотѣлъ проявить въ управленіи свою личность,—ему это не удалось; политика Александра I,—въ цѣломъ дворянская,—опредѣлялась не личными его симпатіями и взглядами, а борьбой интересовъ внутри дворянства.

Несомнѣнно, блестящее изслѣдованіе М. Н. Покровскаго, основанное на правильномъ методѣ, должно открыть путь къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ другихъ эпохъ. Трудъ первый шагъ. И мнѣ кажется, что кое-гдѣ М. Н. Покровскій отдаетъ дань привычнымъ взглядамъ, укоренившейся терминологіи. Вотъ примѣръ (стр. 8): „Московская Русь старалась держать въ извѣстныхъ границахъ вотчинныя права: въ XVIII вѣкѣ они расширяются. При Елизаветѣ Петровнѣ помѣщику предоставлялось ссылать крѣпостныхъ въ Сибирь, причемъ правительство отказывалось само спрашивать у помѣщика о мотивахъ такого распоряженія... При Екатеринѣ II онъ получилъ право...“ и т. д. Выраженія „Московская Русь“, „помѣщику предоставлялось“, „правительство отказывалось“ и т. под. —это выраженія доклассовой исторической терминологіи; очевидно, въ „московской Руси“ вотчинники, какъ классъ, еще не имѣли полнаго господства; очевидно, при Елизаветѣ они *завоевали* себѣ новыя преимущества по отношенію къ другимъ классамъ, они заставили *свое* правительство, свою организацію болѣе полнаго классоваго господства служить себѣ тѣмъ, что организація приводила въ исполненіе рѣшеніе помѣщика. Уступкой ходячимъ взглядамъ на „роль личности“ представляется мнѣ и утвержденіе (на стр. 21), что логика исторіи работаетъ медленно и что „лучше всѣхъ организованная общественная группа,—крупные землевладѣльцы,—теряетъ съ каждымъ шагомъ экономическаго прогресса *столько же, сколько выигрываетъ личная власть*“. Потеря землевладѣльцевъ вѣдь можетъ идти не въ пользу личной власти, а въ пользу новыхъ группъ, выдвигаемыхъ „каждымъ шагомъ экономическаго прогресса“.

Непосредственно къ статьямъ М. Н. Покровскаго примыкаетъ, по своей важности, статья К. Н. Левина и М. Н. Покровскаго „Декабристы“ (выпуски I и II). Она разсѣиваетъ идеалистическій туманъ, напущенный на движеніе декабристовъ Герценомъ и, съ его словъ, Плехановымъ. Въ статьѣ выясняется классовый характеръ всего движенія и указывается на внутреннюю связь его съ дворянскими заговорами XVIII вѣка (стр. 105). Къ сожалѣнію, статья недостаточно подчеркиваетъ причину нерѣшительныхъ дѣйствій декабристовъ,—ихъ боязнь народа, вызываемую желаніемъ сохранить дворянскіе доходы и многія преимущества. Но пробѣлъ этой статьи съ избыткомъ восполняется живой и интересной статьей З. Ленскаго „Польша въ первой половинѣ XIX вѣка“. Здѣсь мы видимъ не только классовую политику помѣщичьяго „россійскаго“ правительства по отношенію къ Польшѣ, но и политику привиллегированныхъ польскихъ революціонеровъ,—сколокъ съ русскихъ декабристовъ. Поясненіемъ внутреннихъ россійскихъ отношеній можетъ служить и статья К. И. Ландера.

Digitized by Google

„Прибалтійскій край въ первой половинѣ XIX вѣка“, выясняющая положеніе дѣлъ въ краѣ съ точки зрѣнія борьбы классовъ.

Статья Н. А. Рожкова „Экономическое развитіе Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка“ захватываетъ уже и эпоху Николая I; она вводитъ насъ въ нѣдра того стихійнаго прогресса хозяйственнаго развитія, который дѣлалъ постепенно крѣпостной трудъ невыгоднымъ для помѣщика и подготовлялъ реформу 19 февр. 1861. Къ сожалѣнію, статья коротка (30 страницъ), а тема статьи сохраняетъ еще боевой характеръ, и потому выводы требовали бы большей обоснованности или хоть указанія на источники. Для примѣра отмѣчу вопросъ объ общинѣ (стр. 146). Рожковымъ же написана статейка (4 страницы) „Финансовая реформа Канкрина“.

Съ переходомъ въ николаевскую эпоху мы встрѣчаемъ (вып. III) статью, авторъ которой стоитъ, по сравненію съ упомянутыми выше, на діаметрально-противоположной точкѣ зрѣнія. Тамъ выяснялись хозяйственныя отношенія, классовые интересы и наконецъ политика правительства, какъ выраженіе господствующихъ интересовъ; здѣсь правительство разсматривается, какъ первоисточникъ, и авторъ занимается вопросомъ, на что было „способно“ правительство, какъ оно „справлялось“ съ своими задачами. Имѣю въ виду статью А. А. Кизеветтера „Внутренняя политика въ царствованіе Николая Павловича“. А. А. Кизеветтеръ и предъидущіе авторы говорятъ точно на разныхъ языкахъ; ихъ близкое сосѣдство представляетъ, правда, удобный случай провѣрить сравнительную цѣнность двухъ методовъ, но врядъ-ли эту цѣль могла преслѣдовать редакція „Исторіи“; и эффектъ сопоставленія двухъ методовъ не искупаетъ получившихся пробѣловъ и противорѣчій. Какъ на пробѣлъ, укажу на полное отсутствіе связи между развитіемъ хозяйственной жизни (статья Рожкова) и отдѣльными мѣрами правительства Николая I противъ крѣпостного права; исчезли также размѣръ, характеръ и вліяніе крестьянскихъ волненій. Противорѣчія также бросаются въ глаза. По Кизеветтеру правительство Николая I смогло сдѣлать лишь одно крупное дѣло—кодификацію законовъ (стр. 225). Но собраніе и кодификація законовъ — это только подведеніе итоговъ прошлаго. Слѣдовательно, для удовлетворенія новыхъ запросовъ жизни не было сдѣлано ничего крупнаго (хотя потребность въ кодификаціи вызывалась очевидно именно развитіемъ товарнаго хозяйства). Но тѣ же требованія новаго хозяйства привели, какъ указываетъ Рожковъ, къ рѣшительной финансовой реформѣ, неизбѣжной и необходимой, и непрочность этого финансоваго преобразованія объясняется не неспособностью правительства, а колеблющимся экономическимъ базисомъ едва слагающихся отношеній (стр. 284—5). Наконецъ, М. М. Богословскій въ статьѣ „Государственные крестьяне при Николаѣ I“ славословитъ и еще одну крупную реформу,—реформу быта государственныхъ крестьянъ [1]).

Остается упомянуть еще только о статьѣ И. Н. Бороздина „Университеты въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка“ и о неоконченной статьѣ П. Н. Сакулина „Русская литература до Пушкина“. И. Н. Бороздинъ между прочимъ ставитъ цѣлью выяснить взаимоотношенія университетовъ и общества, но это выясненіе не отличается особенной яркостью.

---

[1]) Статья М. М. Богословскаго, въ смыслѣ освѣщенія событій, самая слабая во всѣхъ пяти выпускахъ „Исторіи“. Авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія оффиціальныхъ хвалителей гр. Киселева.

Digitized by Google

Изъ предыдущаго читателю, надѣюсь, выяснились достоинства и недостатки изданія. Поскольку рѣчь идетъ о статьяхъ М. Н. Покровскаго, К. Левина, Н. Рожкова, Ленскаго и Ландера, я съ своей точки зрѣнія могъ бы пожелать имъ только самаго широкаго распространенія. Къ несчастью, невозможно высокая цѣна (болѣе 8 рублей за томъ въ 480 страницъ) дѣлаетъ изданіе совершенно недоступнымъ для тѣхъ, кому оно могло бы быть наиболѣе полезно. Портреты, являющіеся для изданія *такого* характера ненужной роскошью, только напрасно удорожаютъ книгу.

М. Ольминскій.

Декабристы. Тайныя общества. Процессы Колесникова, бр. Критскихъ и Раевскихъ. Изд. В. М. Саблина. М. 1907. 276 стр., ц. 1 р. Поскольку можно было замѣтить изъ просмотра различныхъ изданій по исторіи освободительнаго движенія, вышедшихъ въ свѣтъ подъ фирмой г. Саблина, редакторомъ и составителемъ этихъ выпусковъ былъ г. Вл. Каллашъ. Хорошо, какъ говорятъ, знакомый съ исторіей Россіи въ XVIII вѣкѣ, г. Каллашъ, къ сожалѣнію, не былъ столь же хорошо ознакомленъ съ освободительнымъ движеніемъ XIX вѣка, что и было отмѣчено своевременно въ рецензіяхъ такого компетентнаго журнала, какъ „Былое“, и такого рецензента, какъ г. Богучарскій. Затѣмъ, г-на Каллашъ, на должности редактора у г. Саблина, смѣнилъ какой-то г-нъ Р. Ш., составившій первый выпускъ сборника политическихъ процессовъ николаевской эпохи. Этотъ выпускъ былъ посвященъ петрашевцамъ и составленъ изъ *перепечатокъ* разныхъ матеріаловъ, уже напечатанныхъ въ „Быломъ“, въ сборникѣ Базилевскаго (Богучарскаго), въ работахъ Семевскаго и Куклина. Лежащій передъ нами второй сборникъ процессовъ составленъ уже какимъ-то безымяннымъ компиляторомъ и состоитъ сплошь изъ перепечатокъ, за исключеніемъ введенія, написаннаго составителемъ сборника. Безцеремонность „составителя“ дошла въ этомъ сборникѣ до крайняго предѣла, что и вызывало протесты заинтересованныхъ лицъ. Въ самомъ дѣлѣ: „оффиціальныя свѣдѣнія о дѣлѣ декабристовъ“ г. составитель, по просту, выдралъ изъ I тома сборн. „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“ подъ редакціей Базилевскаго и напечаталъ вмѣстѣ съ примѣчаніями г. Базилевскаго (Богучарскаго), присвоивши себѣ такимъ образомъ результаты громаднаго и кропотливаго труда по просмотру старыхъ оффиціальныхъ изданій, по извлеченію правительственныхъ сообщеній, наконецъ, по редактированію и комментированію документовъ. Но, совершая сіе дѣяніе, г. составитель пожелалъ придать ему видъ самостоятельнаго труда, почему и постарался одни выраженія замѣнить другими, напр. вм. „нижепомѣщаемый“—„помѣщенный ниже“ и т. п. (стр. 158), вм. „если не ошибаемся“—„вѣроятно“ и т. п. Но „составитель“ увлекся при этомъ и перепечаталъ одно примѣчаніе (стр. 27 у Богучарскаго и стр. 60 у Саблина), которое явно уличаетъ его въ томъ, *откуда* перепечатаны *всѣ* документы о декабристахъ, а именно: въ подлинникѣ стоитъ примѣчаніе *П*(етра) *Б*(артенева), взятое г. Богучарскимъ изъ „Русскаго Архива“ и случайно имъ не оговоренное; книжныхъ дѣлъ мастеръ изъ лавочки г. Саблина не догадался, кому оно принадлежитъ, и списалъ и *это* также примѣчаніе, о которомъ нельзя никакъ сказать, что оно взято изъ оффиціальныхъ источниковъ. Мы не поставимъ въ вину составителю перепечатокъ свѣдѣній о Колесниковѣ, Раевскихъ и бр. Критскихъ изъ „Поляр-

Digitized by Google

ной Звѣзды" (за 1862 г.), хотя эти свѣдѣнія устарѣли, неполны, и хотя появились уже въ легальной печати новыя и полныя данныя. Къ тому же „Полярную Звѣзду" и ея матеріалы можно уже считать общимъ литературнымъ достояніемъ, поскольку статьи въ ней не принадлежатъ опредѣленнымъ лицамъ. Но за то съ тѣмъ большимъ осужденіемъ должно отозваться о перепечаткѣ матеріаловъ изъ статьи г. Соколовскаго („Всемірный Вѣстникъ" 1906) и, особенно, статьи г. Лемке изъ „Былого" (1906, VI) о бр. Критскихъ. Г. Лемке уже заявилъ свой энергичный протестъ въ „Товарищѣ", указывая на то, что плагіатъ его статьи совершенъ очень искусно: „составитель" сократилъ статью на одну страницу, и вышло такимъ образомъ *менѣе* печатнаго листа, что по закону не наказуется. Наконецъ, „составитель" помѣстилъ перепечатку изъ брошюры Модзалевскаго „Записки В. П. Зубкова", а именно переводъ разсказа Зубкова (о заключеніи въ 1825—6 гг.). Правда, переводъ сдѣланъ самостоятельно, но за то и весьма безграмотно. За этотъ „сборникъ" перепечатокъ уже извѣстныхъ публикѣ документовъ, составленный небрежно и нечистоплотно (и въ техническомъ, и въ *моральномъ* отношеніяхъ), г. Саблинъ желаетъ получить съ публики, интересующейся борцами за народную свободу, не меньше какъ по цѣлковому за экземпляръ. Предостерегаемъ читателей отъ подобныхъ „сборниковъ".

С. Сватиковъ.

Ивановъ-Разумникъ. Что такое „махаевщина?" Къ вопросу объ интеллигенціи. С.-Петербургъ. Изд. С. В. Бунина. 1908. Ц. 50 коп. — Въ главѣ III разбираемой книжки, — главѣ, трактующей о „махаевской" литературѣ и занимающей ровно шесть страницъ изъ 159, мы читаемъ: „Вотъ и вся махаевская литература, безъ труда умѣщающаяся въ боковомъ карманѣ сюртука... Можно сказать, что если вся махаевская литература умѣщается въ одномъ карманѣ, то всѣ махаевцы съ удобствомъ могутъ помѣститься на одномъ диванѣ". Глава V, носящая нѣсколько претенціозное названіе „перлы и адаманты" махаевщины, и занимающаяся изслѣдованіемъ „научныхъ" достоинствъ махаевской литературы, заканчивается такимъ выводомъ: „Научная безграмотность, замалчиваніе и извращеніе фактовъ—вотъ внѣшнія черты махаевщины, которыя могутъ оттолкнуть отъ нея сразу самаго „благожелательнаго читателя; быть можетъ именно эти причины—и причины вполнѣ уважительныя — заставляли до сихъ поръ критику обходить махаевщину съ нѣкоторой брезгливостью, а если обстоятельства принуждали наступить въ нее, то по возможности мимоходомъ, безъ особаго углубленія".

Но г. Ивановъ-Разумникъ не брезгливъ и, посвятивъ половину своей книжки доказательству безграмотности и научной недоброкачественности махаевскихъ писателей, онъ тѣмъ не менѣе посвящаетъ вторую половину разбору этой безграмотной теоріи. Для чего сдѣлалъ это г. Ивановъ-Разумникъ и кому могла понадобиться его работа? Авторъ дѣлаетъ попытку оправдаться въ глазахъ читателя и указываетъ цѣлыхъ двѣ цѣли, преслѣдуемыхъ его книжкой. „Дѣйствительно, въ махаевщинѣ мы имѣемъ критику соціализма съ точки зрѣнія „истинно-пролетарскаго соціализма", какимъ мнитъ себя махаевщина; поэтому махаевщина имѣетъ значеніе для насъ, какъ оселокъ, на которомъ можетъ отточиться соціалистическое міровоззрѣніе, на которомъ могутъ пріобрѣсти достаточную четкость и остроту соціалистическіе взгляды; махаевщина имѣетъ поэтому, съ нашей точки

Digitized by Google

зрѣнія, своего рода „педагогическое“ значеніе, будучи той ступенью, которую полезно пройти каждому неофиту соціализма, но которая въ концѣ концовъ „überwunden werden soll“. Это съ одной стороны. Съ другой— и это гораздо интереснѣе и важнѣе—махаевщина является послѣдней ступенью марксизма въ соціально-экономическомъ пониманіи интеллигенціи; махаевское рѣшеніе, на нашъ взглядъ, окончательно рѣшаетъ вопросъ о существѣ и строеніи этой соціальной группы“. (Стр. 75).

Признаться, съ большимъ любопытствомъ читали мы страницы, посвященныя доказательству „педагогическаго“ значенія махаевщины и въ концѣ концовъ такъ и не поняли, почему „каждому неофиту соціализма необходимо пройти“ школу махаевщины, т. е. школу политической безграмотности и научной несостоятельности. Мы не знаемъ такой педагогики, которая рекомендовала бы подобный методъ воспитанія. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія нѣмецкіе ремесленные подмастерья, явившіеся піонерами соціализма на своей родинѣ, обязательно проходили черезъ школу такъ называемаго „истиннаго“ соціализма, а впослѣдствіи черезъ школу Вейтлинга, но на то имѣлись причины историческаго характера, и нашему автору, чтобы не быть голословнымъ, слѣдовало показать, что и у насъ въ Россіи существуютъ такія условія, которыя должны заставить „неофитовъ“ соціализма проходить черезъ школу махаевщины. Авторъ этого не дѣлаетъ, и часть книжки, якобы посвященная педагогикѣ, является, поэтому только повтореніемъ того, что уже сказано раньше о безграмотности, подтасовкахъ и т. п.

Впрочемъ, авторъ самъ оговорился, что для него „гораздо интереснѣе и важнѣе“ вторая изъ поставленныхъ имъ себѣ цѣлей—окончательно рѣшить „вопросъ о существѣ и строеніи“ соціальной группы, называемой интеллигенціей, или точнѣе, доказать „вѣчную ошибку ортодоксальнаго марксизма“ въ отношеніи его къ интеллигенціи, а слѣдовательно въ цѣломъ рядѣ другихъ вопросовъ. Дѣло, видите ли, вотъ въ чемъ: г. Ивановъ-Разумникъ находитъ, что всѣ опредѣленія понятія интеллигенціи, которыя давались различными русскими писателями были двухъ родовъ: соціально-экономическія и соціально-этическія. Далѣе, г. Ивановъ-Разумникъ находитъ, что марксисты, слѣдуя духу исповѣдуемаго ими ученія, должны обязательно дать соціально-экономическое опредѣленіе интеллигенціи. Но затѣмъ оказывается, что соціально-экономическое опредѣленіе интеллигенціи составляетъ основу ученія махаевщины. По мнѣнію ея „теоретиковъ“, интеллигенція есть классъ эксплуататорскій. Но само ученіе махаевщины родилось въ интеллигентской средѣ, слѣдовательно... „фактъ налицо“, заявляетъ нашъ авторъ: „исходя изъ опредѣленной догматической предпосылки—соціально-экономическаго пониманія интеллигенціи — махаевщина, въ лицѣ г. Е. Лозинскаго, „додумала до конца“ это соціально-экономическое пониманіе, но додумала лишь вплоть до того мѣста, гдѣ рѣчь начинаетъ идти о ней самой, о махаевщинѣ; тутъ она немедленно совершила скачекъ на совершенно иную плоскость — соціально-этическую, объявила себя деклассированной и истинно-пролетарской...“ То же самое, по мнѣнію г. Ив.-Раз., примѣнимо и къ марксизму, который, какъ отсюда явствуетъ, не есть пролетарское ученіе, а извѣстное умственное теченіе среди интеллигенціи.

Въ этомъ разсужденіи разбираемаго автора была бы извѣстная доля логики, если бы марксизмъ дѣйствительно давалъ соціально-экономическое

Digitized by Google

опредѣленіе интеллигенціи. Но марксизмъ не считаетъ интеллигенціи классомъ, а потому не видитъ необходимости опредѣлять ее классовыми признаками. „А если интеллигенція — не классъ, то къ какому классу она примыкаетъ?“ — допрашиваетъ г. Ивановъ-Разумникъ. Къ разнымъ классамъ--отвѣтимъ мы на этотъ вопросъ: къ крупной, средней и мелкой буржуазіи, а также и къ пролетаріату. Г. Ивановъ-Разумникъ останется недоволенъ этимъ отвѣтомъ, потому что онъ рачьше мыслитъ единство иттеллигенціи, а затѣмъ требуетъ такого опредѣленія, которое санкціонировало бы это единство, тогда какъ именно единство, и единство соціальное, еще надо доказать.

Какъ опредѣляетъ интеллигенцію самъ авторъ? Сознаніемъ; не какимъ нибудь опредѣленнымъ сознаніемъ, а сознаніемъ an und für sich, сознаніемъ pur and simple. „Отсюда между прочимъ очевидна ошибочность основного махаевскаго утвержденія, что соціализмъ есть идеологія интеллигенціи, ея классовый идеалъ. Интеллигенція, какъ внѣ классовая группа, есть группа крайне разнородная и отнюдь не связанная одной общей идеологіей. Бакунинъ и Лавровъ, Л. Толстой, Кропоткинъ и Михайловскій, г.г. Плехановъ и Милюковъ, Ленинъ и Вольскій—всѣ они являются представителями идеологій различныхъ группъ единой интеллигенціи“.

Въ этомъ перечнѣ именъ, по недоразумѣнію, пропущены г. Меньшиковъ и князь Мещерскій, ибо, если интеллигенцію опредѣлять просто сознаніемъ, то, очевидно, и послѣдніе двое не лишены этого качества; если же рѣчь идетъ объ опредѣленіи содержанія этого сознанія, то, напр., между Плехановымъ и Л. Толстымъ такая же разница, какъ между Меньшиковымъ и Ленинымъ. Можно, конечно, „объединить“ владѣльца милліоннаго базара съ собственникомъ жалкой деревенской лавочки, назвавъ ихъ обоихъ лавочниками, но сомнительно, чтобы подобное „объединеніе“ удовлетворило хотя бы примитивнѣйшаго изслѣдователя общественныхъ отношеній.

Наша замѣтка сильно растянулась и мы не имѣемъ возможности остановиться на многихъ любопытныхъ частностяхъ, изъ которыхъ укажемъ здѣсь хотя бы на одну: основатель махаевщины, насколько намъ извѣстно, никогда не былъ марксистомъ и свою критику позаимствовалъ у нѣмецкихъ „независимыхъ“ и поэтому г. Ив.-Раз. слѣдовало бы обратиться къ этому кладезю нѣмецкой премудрости, чтобы критиковать махаевщину, если уже это было такъ необходимо. Вообще же, резюмируя все вышесказанное, мы находимъ, что г. Ив.-Раз. написалъ книжку о явленіи, не имѣющемъ, по его собственному признанію, ни практическаго, ни теоретическаго значенія,—написалъ для того, чтобы въ концѣ концовъ махаевщиной осрамить марксистовъ. Но и это осрамленіе ему не удалось. *Д. К.*

Пьетро Орси. Современная Италія. Исторія послѣднихъ 150 лѣтъ до вступленія на престолъ Виктора Эммануила III. Переводъ съ итальянскаго О. Шенрокъ, подъ редакціей проф. Г. Форстена. Спб. 1907. Книга Орси является очень полезною новинкою нашей переводной популярной исторической литературы. Она, правда, не заполняетъ того пробѣла, который уже нѣсколько лѣтъ остается незаполненнымъ, вслѣдствіе отсутствія перевода II-го тома „Исторіи объединенія Италіи“ Больтона Кинга, ибо книга Кинга имѣетъ цѣнность совершенно самостоятельнаго научнаго изслѣдованія,— но какъ живая, талантливо написанная и правдивая популяризація, книга Орси стоитъ несравненно выше напр. имѣющейся на русскомъ языкѣ книги Сорена. Послѣ

Digitized by Google

краткаго введенія авторъ переходитъ къ изложенію судебъ Италіи въ эпоху французскихъ революціонныхъ войнъ—и доводитъ свой разсказъ до настоящаго времени. Громада разнообразнѣйшихъ историческихъ фактовъ расположена на небольшомъ, сравнительно, пространствѣ 322 страницъ—такъ умѣло, такъ планомѣрно, что книга оставляетъ впечатлѣніе живого художественнаго разсказа.

Книга Орси останавливается исключительно почти на политической исторіи, такъ что явленія культурной и экономической жизни ею почти вовсе не затрагиваются. По взглядамъ же своимъ авторъ, безспорно, демократъ, стоящій за широкое вмѣшательство государства въ пользу трудящихся слоевъ населенія. Криспіанскую политику онъ оцѣниваетъ по достоинству и, вообще, послѣднія страницы его книги еще интереснѣе и содержательнѣе, нежели начало ея. Признавая многія и многія невзгоды и крупные недочеты въ соціально-политическомъ быту современной Италіи, Орси не утрачиваетъ бодраго взгляда на будущее: „во всякомъ случаѣ", говоритъ онъ, „прослѣдивъ совершившіяся въ Италіи въ теченіе XIX вѣка перемѣны, принявъ во вниманіе, какихъ долгихъ и тяжелыхъ усилій стоило ей стать наравнѣ съ великими націями въ первыхъ рядахъ прогресса, всякій признаетъ, что новѣйшая исторія Италіи во всѣхъ отношеніяхъ полна славныхъ страницъ. Сравнительно съ результатами, достигнутыми цѣною столькихъ жертвъ, и сравнительно съ цѣлью, къ которой привели усилія ума и героическіе подвиги,—кажутся ничтожными и совершенно преходящими всѣ неудачи и невзгоды, отъ времени до времени выпадающія на долю итальянскому народу. Быть можетъ, существуетъ кризисъ—(слѣдствіе утомленія)—въ политическомъ и административномъ строѣ, но нѣтъ истощенія жизненныхъ силъ". Таковъ его взглядъ на настоящее и прошлое родной страны. Авторъ всюду старается держаться вполнѣ безъ пристрастнаго тона, и это ему удается, несмотря даже на обычный у итальянскихъ историковъ лирическій подъемъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь идетъ о Гарибальди и объ объединеніи.

Переводъ исполненъ очень хорошо (на стр. 41-ой допущена опечатка—люневильскій миръ названъ миромъ въ Кампоформіо). Кромѣ прекраснаго перевода, пользованіе книгой облегчается очень полнымъ именнымъ указателемъ, приложеннымъ къ ней. *Т.*

А. Оларъ, проф. парижск. университета. Ораторы революціи. Томъ первый. Учредительное собраніе. Перев. съ франц. Л. Борисовича. 370 стр. Ц. 1 р. 50 к. 1907. Если, читая и изучая „Histoire politique de la Révolution française" А. Олара, читатель могъ основательно ознакомиться съ событіями великаго историческаго переворота, его причинами и результатами, то теперь онъ имѣетъ возможность воспроизвести ту же картину революціи въ лицахъ. Безпристрастіе, историческая тщательность и точность въ изображеніи лицъ и передачѣ фактовъ—и въ недавно переведенномъ на русскій языкъ произведеніи Олара,—являются отличительными его чертами. Лишь мѣстами,—спокойное констатированіе, выдерживающее тонъ лѣтописи прерывается со стороны историка „призывомъ къ порядку" по адресу хулителей исторіи. Однако, „безпристрастіе" А. Олара отнюдь не тождественно съ тѣмъ эпическимъ отношеніемъ къ предмету, за которымъ часто скрывается лишь кабинетная выучка, избытокъ усидчивости и педантическій интересъ къ архивамъ и кладовымъ исторической мудрости. Изъ-за фактическаго матеріала, систе-

Digitized by Google

матизированнаго долгимъ изученіемъ, выглядываетъ живой вдумчивый ищущій человѣкъ, сознающій и ощущающій связь между грозной зарей французской исторіи и нервомъ ея современности.

Первый томъ оларовскаго труда,—это портретная галлерея ораторовъ Учредительнаго собранія. Въ своемъ „Введеніи“ авторъ предупреждаетъ о трудности, съ которой сопряжено добросовѣстное изслѣдованіе характерныхъ чертъ французскаго парламентскаго краснорѣчія конца XVIII в. Въ „книгѣ первой“, онъ очерчиваетъ вкратцѣ тѣ политическія и бытовыя условія, при которыхъ законодательнымъ пришлось развивать свою дѣятельность, которыя вліяли, слѣдовательно, въ конечномъ счетѣ и на поведеніе депутатовъ (отсутствіе, напр., политическихъ группировокъ въ нашемъ смыслѣ). Характеризуя ораторовъ, Оларъ переходитъ постепенно справа налѣво—начиная съ Мирабо-Бочки и кончая Робеспьеромъ. Наиболѣе пространно и полно (на 80 стр.) очерчиваетъ авторъ знаменитаго „конституціоналиста“—Мирабо. Надо признаться, что историкъ достигъ своей цѣли, и грандіозная фигура трибуна борющейся націи, но чуждаго ея историческаго героизма, выразителя ея „историческаго момента“, но слѣпого къ ея далекимъ перспективамъ — встаетъ передъ нами, какъ живая. Тяжелая расплата за „маленькіе недостатки“ личной жизни въ видѣ никогда неснятаго съ него общественнаго презрѣнія—наряду съ огромнымъ ораторскимъ успѣхомъ... Это противорѣчіе вмѣстѣ съ ограниченнымъ историческимъ кругозоромъ, не выходившимъ никогда за предѣлы почтительно-конституціоннаго роялизма — представляло собой ту канву, по которой была вышита „измѣна“ Мирабо и его интрига съ королевскимъ дворомъ. Осью его убѣжденій и его краснорѣчія былъ, можно сказать, своеобразный „политическій эмпиризмъ“. ...„Мирабо не раздѣлялъ и не понималъ энтузіазма своихъ современниковъ и... называлъ метафизикой культъ принциповъ“ (стр. 76),—говоритъ А. Оларъ. Вотъ образчикъ его политической философіи. „Между метафизикомъ,—полагалъ Мирабо,—который въ тиши своего кабинета схватываетъ истину во всей ея выразительной чистотѣ, и государственнымъ дѣятелямъ, который обязанъ считаться съ прошлымъ, съ затрудненіями и преградами, между инструкторомъ народа и политическимъ администраторомъ существуетъ та существенная разница, что одинъ думаетъ только о томъ, что *есть*, а другой заботится о томъ, что *можетъ быть* и т. д.“ (курс. Олара, стр. 77).

Въ главѣ о Мирабо, Оларъ приводитъ отрывки изъ его наиболѣе успѣшныхъ и интересныхъ рѣчей, а также устанавливаетъ въ его рѣчахъ элементъ „посторонняго сотрудничества“.

Менѣе любопытны конечно,—въ *историческомъ* отношеніи (но, само собой, не въ литературномъ) характеристики крайней правой (Мирабо-Бочка, д'Эпремениль), правой (Аббатъ Мори, Казалесъ, аббатъ де Монтескье и графъ де Монлотье), безпристрастныхъ (Малуэ, Клермонъ-Тоннеръ, Мунье, Лалли-Толендаль) и даже обширной группы „конституціоналистовъ“ (Туре, ле-Шапелье, Тарже, Тронши, д'Андре, аббатъ Грегуаръ, Рабо Сенъ Этьенъ, бисенисты, Лафайетъ, Бальи и Боретъ) за исключеніемъ Сіэйса. Отмѣтимъ лишь, что французскіе черносотенцы не менѣе охотно, чѣмъ ихъ „истинно русскіе“ духовные потомки инсценировали парламентскіе скандалы.

Сравнительно немного мѣста удѣляетъ А. Оларъ замѣчательному представителю третьяго сословія, аббату Сіэйсу...

Интересны страницы, посвященныя „тріумвирату“ (или сентанвирату,

Digitized by Google

по выраженію Камиля Демулена), Барнаву, Дюпору, Ламетрамъ. Въ нихъ больше, чѣмъ въ другихъ, демократическаго инстинкта (рѣчь Дюпора о правѣ войны и мира), меньше монархическихъ иллюзій, замѣчаются даже смутные намеки на пониманіе соціальнаго антагонизма... Но и у нихъ была роковая грань пониманія наступавшихъ событій.

Вотъ, напр., отношеніе Барнава къ народному „Ахерону". „По роковому стеченію, которое было или естественнымъ результатомъ вліянія крайнихъ мнѣній на духъ народа, или быть можетъ дѣломъ тѣхъ, которые пользовались каждой моей ошибкой, чтобы сдѣлать меня ненавистнымъ, нѣкоторыя изъ моихъ пылкихъ предложеній сопровождались немедленно народными движеніями; съ той же откровенностью, съ какой я признаю свои ошибки, я могу увѣрить, что я не только не принялъ въ нихъ какого либо участія, но что они болѣе всего другого способствовали появленію у меня сознанія о *ложномъ* пути, на который я сталъ... (стр. 309 курс. мой Е. Ч).

Можно сказать—почти всѣмъ депутатамъ націон. собранія была свойственна увѣренность въ возможности „прекратить революцію". Это была миссія и правыхъ и лѣвыхъ, у тѣхъ и другихъ „по своему" конечно...

Особенно стоитъ въ этомъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ „крайняя лѣвая" и въ центрѣ ея—Робеспьеръ. „Робеспьеръ скрывается (въ Учр. Собр. Е. Ч.) въ ихъ тѣни (т. е. „тріумвирата" Е. Ч.), —говоритъ Оларъ, и, какъ выражается Мишле, слѣдитъ, не говоря ни слова, за тѣмъ, какъ они (Барнавъ и др. Е. Ч.) убиваютъ Мирабо" (стр. 280). Этими немногими словами обрисована роль великаго якобинца въ Легислативѣ Лишь послѣ бѣгства короля въ Варенъ, развертываютъ Робеспьеръ и его друзья свою линію и переходятъ въ наступленіе. Но оно обнаруживается вполнѣ лишь позднѣе, въ Конвентѣ... Красноречіе Робеспьера гармонировало съ его выжидательной позиціей. Рѣчь этого „священника права" (выр. Мишле) была—въ противоположность рѣчамъ Мирабо—вся соткана изъ великихъ принциповъ великой эпохи. Его рѣчь противъ исключительной неприкосновенности короля приведена почти полностью. Многія рѣчи приведены въ подстрочникѣ переводчикомъ. Мы не останавливались здѣсь намѣренно на *историческихъ* событіяхъ, узлами и звеньями которыхъ были парламентскіе дебаты и успѣхи депутатовъ Учр. Собр., ибо книга Олара есть прежде всего—документъ *литературный*.

Въ качествѣ такового—она прямо живописна и читается все время съ большимъ интересомъ. *Евг. Ч.*

Е. В. Тарле. Рабочіе національныхъ мануфактуръ во Франціи въ эпоху революціи. 1789—1799 гг. По неизданнымъ документамъ. Записки Историко-филологич. факультета Спб. Университета. Спб. 1908 г. Стр. 201. Книга Е. В. Тарле посвящена, на первый взглядъ, спеціальному, а потому, въ извѣстномъ смыслѣ, и узкому вопросу. Но это—только на первый взглядъ.

Правда, въ ней идетъ рѣчь о положеніи рабочихъ въ національныхъ мануфактурахъ [1]) въ эпоху великой французской революціи, но въ поло-

[1]) Національныхъ мануфактуръ было четыре. До революціи они назывались королевскими. Мануфактуры выдѣлывали преимущественно предметы роскоши и были основаны: при Людовикѣ XVI — „Мануфактура Гобеленовъ"; при Людовикѣ XIII — „Мануфактура de la Savonerie (заведеніе ковровыхъ тканей); при Людовикѣ XI — „Севрская мануфак-

Digitized by Google

женія этихъ рабочихъ нашелъ свое выраженіе весь „рабочій вопросъ“ того времени.

Отношенія между буржуазіей и пролетаріатомъ въ эпоху 1789—1799 гг. точнѣйшимъ образомъ закрѣплены въ документахъ, собранныхъ и разработанныхъ въ трудѣ Е. В. Тарле. Авторъ разсматриваетъ въ отдѣльности положеніе рабочихъ во всѣхъ четырехъ мануфактурахъ. Мы не имѣемъ возможности послѣдовать за авторомъ и ограничиваемся особенно характерными документами и фактами, освѣщающими три наиболѣе важныхъ момента: во-первыхъ, идеологію рабочихъ; во-вторыхъ, отношеніе къ нимъ буржуазіи, и въ третьихъ—финансовый кризисъ и бѣдствія рабочихъ.

Идеологія рабочихъ того времени была сильно проникнула вожделѣніями мелкаго хозяйчика. Для примѣра возьмемъ хотя бы слѣдующій фактъ. Рабочіе мануфактуры Гобеленовъ обращаются къ графу d'Angiviller — это еще было въ 1790 г., къ „главному директору королевскихъ построекъ“ съ просьбой назначить имъ плату не посдѣльно, а поденно. Графъ оттягиваетъ рѣшеніе дѣла подъ различными предлогами. Депутація, выбранная рабочими, пишетъ, что „поступая на королевскую мануфактуру, они лишились извѣстныхъ выгодъ: они лишились, между прочимъ, *надежды открыть собственное свое заведеніе*. Рабочій — ремесленникъ стараго режима—справедливо замѣчаетъ авторъ—весь сказывается въ этомъ мѣстѣ документа: его конечнымъ хозяйственнымъ идеаломъ остается надежда стать самому маленькимъ предпринимателемъ“ (стр. 21).

И это далеко не единичный фактъ.

Особеннаго вниманія достоинъ чисто мѣщанскій взглядъ рабочихъ на иностранцевъ-товарищей. Здѣсь они готовы призвать всѣ кары земныя и небесныя на головы голодающихъ вмѣстѣ съ ними иностранцевъ. Рабочій—мѣщанинъ не дорось еще до того сознанія, что его бѣдствія не отъ „нѣмца“, а отъ условій новаго порядка. Правительство для него плохо, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія неумѣнія охранить его отъ „внѣшней“ конкурренціи, единственно *видимой* имъ „помѣхи его благополучія. „Рабочіе утѣшаются тѣмъ, что иностранцы-нищіе высылаются изъ Франціи, и надѣются, что то же самое будетъ сдѣлано и съ иностранными рабочими. Рабочіе королевской мануфактуры въ Бовэ далеко не были одиноки въ своей ксенофобіи“ (стр. 142).

Петиціи, жалобы и просьбы рабочихъ отличаются крайнею приниженностью тона, ихъ тонъ достоинъ рабовъ. Но въ смиренныхъ и льстивыхъ словахъ ярко проявляется не подобострастіе предъ „сильными міра сего“, а полнѣйшая наивность и вѣра въ необходимость и возможность убѣдить, упросить и умиротворить новыхъ правителей. Кромѣ *просьбъ* рабочіе почти не знаютъ другихъ методовъ борьбы, и хотя они на отдѣльныхъ мануфактурахъ дѣлаютъ попытки къ самоуправленію и къ организаціи, но и эти организаціи въ лицѣ выбранныхъ депутатовъ отъ рабочихъ, предназначены главнымъ образомъ для роли просителей. Въ первый періодъ революціи они еще вмѣшиваются во внутреннюю жизнь мастерскихъ, вслѣдствіе слабости королевской власти, которая боялась въ то время раздражать рабо-

---

тура“, знаменитая своими фарфоровыми издѣліями, и при Людовикѣ XIV „Мануфактура тканныхъ шпалеръ въ Бовэ“ (въ Пикардіи). Всѣ эти мануфактуры, какъ извѣстно, знамениты своими издѣліями и въ наши дни.

Digitized by Google

чихъ. Но лишь только старая власть была свергнута, всѣ уступки были отняты окрѣпшимъ буржуазнымъ министерствомъ. Единственный дѣйствительно серьезный шагъ въ области организаціи слѣдуетъ отнести на счетъ рабочихъ „Севрской фарфоровой мануфактуры".

Отношеніе буржуазной власти къ рабочимъ съ первыхъ же дней буржуазнаго строя отличается тѣмъ „вандализмомъ", который остается характернымъ для него и по сю пору. И единственное исключеніе въ этомъ отношеніи въ эпоху французской революціи представляетъ собою періодъ якобинской доктрины. По свидѣтельству Е. В. Тарле якобинцы не были „вандалами" ни относительно рабочихъ вообще, ни въ отношеніи рабочихъ національныхъ мануфактуръ. Мало того: они проявили весьма широкій взглядъ на общегосударственное значеніе этихъ заведеній,— взглядъ, до котораго никогда не могъ возвыситься Роланъ. При нихъ республика обуревалась такими же и еще худшими невзгодами, нежели при Роланѣ, и, однако, они упорно желали даже путемъ жертвъ, столь трудныхъ при тогдашнемъ состояніи финансовъ, сохранить для государства эти „школы искусствъ"... Что касается попытокъ дать рабочимъ извѣстную организацію, ввести ихъ представителей въ администрацію, укрѣпить взглядъ на рабочихъ, какъ на людей, съ которыми дирекція должна дѣлить заботы по управленію и т. д., то рабочіе оказались недостаточно энергичными и подготовленными, чтобы закрѣпить за собою эти дары судьбы, ибо тутъ они только шли за революціей, и послѣ наступленія термидоріанской реакціи безъ какихъ бы то ни было слѣдовъ борьбы, они опять вернулись къ своему совершенно подчиненному положенію".

Термидоріанская реакція и, особенно эпоха директоріи ознаменованы, въ интересующей насъ области, стремленіемъ поддержать авторитетъ администраціи и дисциплину среди рабочихъ, и это стремленіе тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ меньше въ сущности было поводовъ со стороны рабочихъ къ тому, чтобы подобная тенденція проявлялась (Стр. 197, 198, 190).

Но если про Директорію можно сказать, что она означала собою полный разрывъ съ демократіей и отрезвленіе буржуазіи отъ революціоннаго хмеля, то этого нельзя сказать про періодъ господства жирондистовъ. Жирондисты представляли собою еще воинствующую буржуазію,— болѣе того, ея лѣвое крыло, которое имѣло за собою большинство въ странѣ, и которое въ началѣ скрытно лелѣяло въ душѣ республиканскіе идеалы, а съ развитіемъ революціи стало открытымъ защитникомъ республики. Жирондисты, которые были республиканцами, не только „за страхъ, но и за совѣсть", въ рабочемъ вопросѣ оказались рѣшительнѣе защитниковъ абсолютизма. Страницы, знакомящія насъ съ рабочей политикой Ролана, самыя интересныя въ книгѣ Е. Тарле. Приведемъ одинъ изъ наиболѣе характерныхъ примѣровъ.

Когда, въ 1790 г., рабочіе Гобеленовъ, добившіеся отъ монархиста д'Анживилье замѣны послѣдняго подсчета поденнымъ, узнали, что новый жирондистскій директоръ Audran хлопочетъ объ отмѣнѣ этой уступки, „они подали Ролану петицію, въ которой умоляютъ его не давать ходу этимъ предположеніямъ. Хотя прошеніе написано очень почтительно, но Роланъ усмотрѣлъ тутъ безпорядокъ и анархію. Удаляя съ должности Белля, онъ упрекаетъ его горько въ пагубномъ вліяніи на d'Angivillier,сдѣлавшаго рабочимъ уступку. Жирондистъ-министръ очень жалѣлъ о мягкости и уступчивости бывшаго главнаго начальника-монархиста д'Ан-

Digitized by Google

живильe. Роланъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на петиціи рабочихъ и возстановилъ поздѣльную плату. При этомъ онъ обратился къ рабочимъ съ начальническимъ увѣщаніемъ. Онъ приглашаетъ *немедленно* подчиниться регламенту и объявляетъ, что онъ одновременно далъ директору приказаніе сдѣлать поименную перекличку всѣмъ рабочимъ и у каждаго изъ рабочихъ спросить: согласенъ ли онъ или нѣтъ подчиниться новому способу расплаты. Каждый изъ нихъ, безъ сомнѣнія, воленъ поступить по своему желанію, но отказавшійся будетъ вычеркнутъ изъ списковъ.

Такихъ отвѣтовъ ровно столько, сколько петицій подано рабочими.

Понятно, что министры директоріи шли еще гораздо дальше, продолжая дѣло своего демократическаго предшественника, проявляя все тотъ же спасительный страхъ предъ организаціей рабочихъ.

Увидѣвъ подъ одной петиціей севрскихъ рабочихъ „небольшое число подписавшихъ, которые приняли названіе комиссіи“, министръ въ ужасѣ дѣлаетъ выговоръ администраціи севрской мануфактуры. По мнѣнію министра „не можетъ и не должно существовать въ заведеніи, хорошо управляемомъ, другой власти, кромѣ управляющей, и индивидуумы, которые тамъ работаютъ, не могутъ образовать какой-либо корпораціи“... Министръ надѣется, что севрскіе рабочіе не впадутъ вновь въ „рецидивъ“ и будутъ впредь заниматься своей работой, а заботу о своихъ интересахъ возложатъ на заботливость правительства и усердіе директоріи“ (стр. 126 и 127).

Этотъ министръ зналъ чего онъ добивался.

Въ заключеніе еще два слова о бѣдствіяхъ, пережитыхъ рабочими. Общій финансовый кризисъ, разразившійся во Франціи, больнѣе всего ударилъ по рабочимъ. Цѣлыми полугодіями они не получали ни сантима, тщетно взывая къ великодушію правительства. Экономическое положеніе рабочихъ производитъ потрясающее впечатлѣніе. Это сплошной безпрерывный вопль:—хлѣба! Ужасъ положенія французскихъ рабочихъ усугублялся тѣмъ еще, что ихъ голодовки протекали въ обстановкѣ каторжнаго ручного труда, прерывавшагося лишь „десятыми“ днями, по новому календарю. Сплошь и рядомъ рабочіе домогаются, чтобы имъ выплачивалось натурой, т. е. хлѣбомъ.

Въ этихъ требованіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе послѣдствія денежнаго кризиса. „Благоволите принять въ соображеніе, гражданинъ-министръ,—пишутъ рабочіе въ одной петиціи, — что ассигнаціи въ сто ливровъ не стоятъ и пяти су, и поэтому даже увеличенной въ 25 разъ (противъ 1789 г.) платы не можетъ хватить для существованія рабочихъ. Хлѣбъ продается по 24 ливра за фунтъ и всѣ остальные припасы въ той же пропорціи. Зарабатывая всего 300—400 ливровъ въ недѣлю, рабочіе этимъ зарабатываютъ всего 15—20 су“. (Стр. 169).

Заканчивая эти строки, посвященныя книгѣ Е. В. Тарле, мы считаемъ необходимымъ подчеркнуть, что изученіе рабочаго вопроса въ эпоху великой французской революціи интересно не только съ точки зрѣнія всесторонняго освѣщенія самой революціи, но и со стороны полнаго знакомства съ ея непосредственнымъ наслѣдникомъ, какимъ является пролетарская борьба всего XIX вѣка.

Л. Герасимовъ.

Digitized by Google

Б. Велиховъ. Теорія и практика пропорціональнаго представительства. Изд. Л. А. Велихова. Спб. 1907. Ц. 1 р. Система пропорціональнаго представительства обычно разсматривается, какъ защита правъ меньшинства внутри избирательнаго корпуса отъ тиранніи большинства. Между тѣмъ, выборы, какъ и созданная ими палата, представляютъ собою арену борьбы не отвлеченныхъ принциповъ большинства и меньшинства, мажоритаризма и пропорціонализма, а столкновеніе соціальныхъ силъ, борющихся за власть. Съ этой точки зрѣнія, недостаточно общихъ разсужденій о томъ, что несправедливымъ является тираническое господство большинства надъ безвластнымъ меньшинствомъ, что меньшинству также должно быть предоставлено право имѣть своихъ представителей въ парламентѣ, что это право является „политическимъ постулатомъ", и т. д. Теорія пропорціональнаго представительства должна получить классовое обоснованіе: юридическій анализъ этой теоріи долженъ опираться на результатъ изученія ея соціально-политическаго значенія. Должны быть установлены основные типы государственнаго устройства и въ предѣлахъ каждаго изъ нихъ обнаружено классовое значеніе принципа пропорціональнаго представительства. Тогда этотъ принципъ утратитъ ложный характеръ требованія абсолютной справедливости или „политической цѣлесообразности" и пріобрѣтетъ окраску, отвѣчающую его дѣйствительной природѣ—орудія борьбы за политическую силу. Къ сожалѣнію, лежащая предъ нами книга г. Б. Велихова не свободна отъ указанной неправильной трактовки предмета и такъ же далека отъ строго-проведенной классовой точки зрѣнія, какъ и тотъ научный матеріалъ, которымъ пользуется авторъ для своей цѣли — изложить и защитить принципъ и практику пропорціональнаго представительства. Необходимо признать въ высшей степени слабой и ненаучной аргументацію, которая, не имѣя подъ собою стройно-развитой и обоснованной теоріи, выступаетъ съ доводами, логически разрозненными и безпорядочно смѣняющими другъ друга; но, даже не останавливаясь на внутренней цѣнности общихъ построеній автора, легко видѣть, что такой доводъ, какъ „политическая цѣлесообразность", является чистымъ фантомомъ, поскольку при этомъ не указываются „цѣли" опредѣленныхъ общественныхъ классовъ, что понятіе политической цѣлесообразности слишкомъ неопредѣленно для того, чтобы служить яснымъ и убѣдительнымъ доводомъ въ пользу пропорціональной системы. Естественно, что это понятіе покрываетъ собою самый разнообразный, ничѣмъ не связанный и внутренне-противорѣчивый по характеру своему подборъ доводовъ: пропорціональная система отстаивается изъ соображеній политической цѣлесообразности, потому что она уменьшаетъ абсентеизмъ избирателей, смягчаетъ партійныя страсти, концентрируетъ въ парламентѣ всѣ таланты страны, позволяетъ устранить перебаллотировки и раздѣленіе страны на избирательные округа и пр. Кромѣ того, что все это не доказывается и остается внутренне-разъединеннымъ,—демократизмъ автора долженъ былъ бы ему подсказать, что все это далеко не всегда и всюду является залогомъ успѣховъ истинной демократіи, что при различныхъ политическихъ условіяхъ все это пріобрѣтаетъ совершенно различное значеніе... Но если общая теоретическая часть работы, занимающая едва десятокъ страницъ, носитъ фрагментарный характеръ, то анализъ отдѣльныхъ избирательныхъ системъ носитъ иногда характеръ ариѳметическій: стремясь дать выводамъ своимъ наглядную убѣдительность, авторъ на числовыхъ примѣрахъ пока-

Digitized by Google

зываетъ правильность или неправильность той или иной системы; но тамъ, гдѣ цифры у него являются не иллюстраціею, а центромъ доказательства, ничтожная ошибка можетъ обезцѣнить рядъ страницъ; дѣйствительно, стр. 18—20 даютъ именно случай, когда неправильный подсчетъ авторомъ поданныхъ голосовъ (882 вм. 982 и квоціентъ 40 вм. 45) дѣлаетъ ошибочнымъ всѣ остальныя вычисленія; только благодаря случайности, приведенныя цифры сохраняютъ свое значеніе и при правильномъ подсчетѣ. — Такимъ образомъ, книга г. Б. Велихова не даетъ научно-обоснованной теоріи пропорціонализма, а все, что въ ней есть о теоріи, носитъ отрывочный, случайный или служебный характеръ; съ другой стороны, практика этого принципа въ ней сужена до простого описанія и формальной критики различныхъ пропорціональныхъ системъ (Сербія, кантонъ Женевы, Вельгія, Данія, Финляндія... Стр. 46—55, 63—75). Истинное содержаніе и характеръ книги поэтому точнѣе выразились бы въ названіи—„Техника пропорціональнаго представительства“, а не „теорія и практика“ его. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, книга г. В. Велихова даетъ въ простой и доступной формѣ много интереснаго справочнаго матеріала и содержитъ въ себѣ, наряду съ примѣненіемъ основныхъ пріемовъ избирательной геометріи, правильныя замѣчанія и любопытныя свѣдѣнія изъ области техники пропорціональнаго представительства. Система д'Ондта, къ которой примыкаетъ авторъ, легла въ основу предлагаемаго имъ прибора (дондтамѣра), который, устраняя обычныя вычисленія, автоматически подсчитываетъ голоса и распредѣляетъ депутатскія мѣста. Каково бы однако ни было общее значеніе этого прибора, какъ бы мы ни оцѣнивали шансы пропорціональнаго представительства въ Россіи, странно звучитъ убѣжденіе автора, что „къ примѣненію пропорціональныхъ выборовъ въ области русскаго общественнаго самоуправленія едва ли могутъ встрѣтиться особыя затрудненія, въ особенности послѣ изобрѣтенія авторомъ этой книги прибора, значительно облегчающаго учетъ выборовъ“... Какъ будто здѣсь рѣчь идетъ о побѣдѣ надъ техническими затрудненіями!..

Я. Магазинеръ.

Н. Каблуковъ. Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Очерки по экономіи землевладѣнія и земледѣлія. Изд. второе. М. 1908 г. Если бы инженеръ взялся строить мосты, не ознакомившись съ законами механики; если бы врачъ сталъ лечить, не зная анатоміи и физіологіи,—то и тотъ и другой получили бы очень не лестные эпитеты за свою смѣлость. Къ сожалѣнію въ области общественныхъ наукъ и, въ частности, при изученіи законовъ и условій развитія сельскаго хозяйства еще не установилось такого же взгляда на необходимость изученія основныхъ, элементарныхъ законовъ, регулирующихъ экономическія и, въ частности, сельско-хозяйственныя отношенія.

Еще при изученіи капиталистическаго земледѣльческаго хозяйства изслѣдователи считаютъ для себя обязательнымъ считаться съ законами роста земельной ренты и ея вліяніемъ на развитіе хозяйства, но когда изслѣдуется крестьянское хозяйство, то тутъ ужъ „механика“ сельскаго хозяйства,—законы земельной ренты,—совершенно игнорируется. Такого рода „изслѣдованіе“ представляетъ собою и трудъ г. Каблукова, который, написавши книгу „объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи“, о земельной рентѣ даже не упоминаетъ. Этотъ курьезный и

Digitized by Google

печальный фактъ показываетъ, „насколько академическая „наука“ въ области соціальныхъ отношеній имѣетъ мало общаго съ истинной наукой.

Вѣдь законы капиталистической ренты установлены давно. Если они имѣютъ мѣсто въ крестьянскомъ хозяйствѣ, то нужно указать, какое, если они не имѣютъ мѣста въ продовольственномъ хозяйствѣ, то нужно выяснить, какіе же законы земельной ренты господствуютъ при продовольственной арендѣ. Въ Россіи существуетъ и капиталистическое хозяйство. Вліяетъ ли капиталистическая рента на ренту продовольственную? Какъ послѣдняя измѣняется отъ повышенія или пониженія хлѣбныхъ цѣнъ, отъ повышенія техники сельскаго хозяйства и т. д. и т. д.? Всѣ эти коренные вопросы авторъ совершенно обходитъ, хотя и говоритъ о „своемъ стремленіи къ выясненію истины“. Правда, авторъ кое-что заимствовалъ для объясненія типа продовольственной аренды у проф. Косинскаго, но ему должно быть извѣстно, что самъ проф. Косинскій заимствовалъ это объясненіе, хотя и безъ ссылки на источникъ. При этомъ о самомъ важномъ, объ условіяхъ роста и паденія продовольственной ренты, отношенія ея къ капиталистической рентѣ ни тотъ, ни другой авторъ даже не упоминаютъ. Вѣдь отъ того, что профессоръ Каблуковъ умалчиваетъ о борьбѣ крупнаго и мелкаго хозяйства, о законахъ повышенія или паденія капиталистической и продовольственной ренты, эта борьба и эти законы не исчезнутъ, а пострадаетъ только читатель, который остается въ невѣдѣніи. Такое „стремленіе къ истинѣ“ нельзя одобрить.

Въ своей книгѣ авторъ повторяетъ ту же ошибку, которую онъ сдѣлалъ еще въ своей работѣ „вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ“, ошибку, вытекающую изъ неправильнаго представленія о всемъ народномъ хозяйствѣ. Онъ объясняетъ переходъ къ экстенсивному хозяйству въ Англіи не большей выгодностью его, а „затрудненіями съ рабочими“. Сотни тысячъ рабочихъ выселяются изъ деревни въ города, эмигрируютъ и нанимаются *въ сельскомъ же* хозяйствѣ Америки, а глубокомысленный авторъ *слѣдствіе* существующихъ экономическихъ отношеній, считаетъ ихъ причиной. Земледѣльческое хозяйство выбрасываетъ земледѣльческихъ рабочихъ, они вымираютъ или эмигрируютъ, а ученый авторъ дѣлаетъ заключеніе: *вслѣдствіе недостатка* рабочихъ (которые выселились или умерли съ голоду отъ безработицы) хозяйство переходитъ къ экстенсивной культурѣ. Можно представить себѣ, какое понятіе даетъ авторъ „объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства“ при такой постановкѣ вопросовъ.

П. Масловъ.

Шингаревъ, А. И. Вымирающая деревня. Опытъ санитарно-экономическаго изслѣдованія двухъ селеній Воронежскаго уѣзда. Спб. 1907 г. Стр. 223. Ц. 1 руб. Изд. Библіотеки „Обществ. Польза“, 2-ое изд. Названная работа г. Шингарева представляетъ результатъ спеціальнаго изслѣдованія, произведеннаго воронежскимъ земствомъ въ 1900 году, относительно санитарно-экономическаго положенія двухъ деревень Воронежскаго уѣзда,— Маховатки и Новоживотиннаго. Впервые это изслѣдованіе было напечатано въ приложеніи къ №№ 38—41 „Саратовской Земской Недѣли“ за 1901 годъ. Нельзя не признать спеціальнаго интереса за работой г. Шингарева, представляющей обстоятельную монографію. На примѣрѣ двухъ типичныхъ деревень читатель знакомится съ бытомъ, условіями

Digitized by Google

жизни и т. п. многихъ милліоновъ крестьянскаго населенія. Основной выводъ, къ которому приходитъ авторъ, также приложимъ ко многимъ милліонамъ населенія, къ тысячамъ Маховатокъ и Животинныхъ. Именно, онъ полагаетъ, что „никакія мѣропріятія здѣсь не мыслимы безъ обезпеченія населенія землею... Улучшенная постановка школьнаго дѣла, организація мѣстнаго прибыльнаго промысла, рядъ экономическихъ мѣропріятій въ смыслѣ снабженія населенія скотомъ, устройство на лѣто яслей—пріютовъ и т. д.—все это будутъ лишь палліативы для безземельнаго населенія, пришибленнаго и лишеннаго энергіи, пока не будетъ почвы для ея приложенія—извѣстнаго земельнаго обезпеченія“ (стр. 219—20). Рисуемая авторомъ картина полнаго экономическаго упадка и „вырожденія“ захудалой деревушки наглядно иллюстрируетъ вышеприведенный выводъ; за рядомъ сухихъ многочисленныхъ таблицъ передъ читателемъ встаетъ во весь ростъ „суровая, примитивная борьба за существованіе, которая иногда доходитъ здѣсь до невѣроятныхъ, трагическихъ размѣровъ“. Рядовому читателю представитъ немалое затрудненіе преодолѣть массу цифрового матеріала, собраннаго въ книгѣ г. Шингарева,—тѣмъ болѣе, что матеріалъ этотъ касается лишь двухъ деревень. Что касается спеціалистовъ, то имъ работа г. Шингарева была извѣстна уже по изданію „Саратовской Земской Недѣли“ или во всякомъ случаѣ ознакомиться съ ней они могли по названному изданію. Въ виду этого нельзя не признать, что библіотека „Общественной Пользы“, печатавшая до сихъ поръ книги для болѣе или менѣе широкаго круга читателей, сдѣлала неудачный выборъ, сошла съ избраннаго ею пути, издавъ слишкомъ спеціальную, цѣнную саму по себѣ, монографическую работу г. Шингарева. Впрочемъ, книга издана весьма недорого и это можетъ облегчить ея распространеніе.

Б. Веселовскій.

Проф. И. Х. Озеровъ. — Что такое общество потребителей какъ его основать и вести? Изд. 2 е, дополн и исправл. М. 1908. Ц. 35 к. Въ предисловіи указывается, что со времени перваго изданія (10 лѣтъ назадъ) „много произошло новаго въ исторіи русской коопераціи“. Но изъ самой книжки явствуетъ, что это „новое“ осталось совершенно неизвѣстно или непонятно ея автору. Вотъ нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе этого.

По мѣрѣ того, какъ кооперативное движеніе становится массовымъ, въ него все глубже проникаютъ и не могутъ не проникать элементы классовой борьбы. а, стало быть, и партійности: въ немъ уже началось, размежеваніе между пролетарскими и буржуазными кооперативами. А между тѣмъ, проф. Озеровъ старается насъ увѣрить, что кооперативы „будутъ сглаживать и стирать классовыя различія“, что они устранятъ нищету и смягчатъ ужасающіе контрасты бѣдности и богатства, которыми „питается растущая изо дня въ день ненависть обездоленныхъ къ богатымъ“. Поэтому онъ и зоветъ хозяевъ жизни,—фабрикантовъ и ихъ управляющихъ, помощниковъ и духовенство—„прійти на помощь въ этомъ добромъ дѣлѣ нашему бѣдному темному люду“. Онъ не замѣчаетъ, какъ пробудившіяся къ самодѣятельности массы и въ кооперативномъ движеніи стремятся освободиться отъ всякой филантропіи и опеки, какъ повсюду идетъ борьба за демократизацію кооперативовъ, за изъятіе старыхъ фабричныхъ лавокъ изъ рукъ и изъ подъ вліянія фабричной администраціи. Къ этой борьбѣ не лежитъ сердце проф. Озерова: вѣдь по его мнѣнію, „удовлетворитель-

Digitized by Google

ное" состояніе фабричныхъ „потребителей" тѣмъ и объясняется, что „въ нихъ прежде обыкновенно принимали участіе или владѣлецъ фабрики, или его служащіе".

Отсталость кооперативнаго движенія въ Россіи авторъ объясняетъ исключительно низкимъ культурнымъ уровнемъ населенія. О невозможныхъ условіяхъ, въ которыхъ приходится развиваться движенію, онъ не говоритъ ни слова. Больше того. Онъ подчеркиваетъ, что „въ настоящее время и условія измѣнились въ болѣе благопріятномъ смыслѣ для развитія кооперативовъ". Такимъ образомъ, съ этой стороны все обстоитъ благополучно. Здѣсь авторъ судитъ, очевидно, по личному опыту. Но вѣдь не всякому же будутъ оказывать покровительство гг. Треповы и Зубатовы...

Самый больной и въ то же время очень сложный вопросъ современнаго кооперативнаго движенія—это вопросъ о положеніи наемнаго труда въ кооперативахъ. Проф. Озеровъ отдѣлывается отъ него одной фразой о „человѣчномъ отношеніи, которое вообще проявляютъ къ рабочимъ потребительныя общества, какъ англійскія, такъ и наше Экономическое",—къ слову сказать, этимъ лѣтомъ доведшее въ своихъ мастерскихъ портныхъ-мѣсячниковъ до забастовки. И вслѣдъ затѣмъ, вѣроятно, для иллюстраціи этого „человѣчнаго отношенія", онъ даетъ кооператорамъ такой совѣтъ. Завѣдываніе лавкой лучше всего поручить, на основаніи особаго договора, одному лицу, главному приказчику съ платой ему 3—4% со всего оборота лавки. Этотъ приказчикъ „уже *отъ себя и за свой счетъ* долженъ нанимать всѣхъ помощниковъ". При системѣ % вознагражденія, разъясняетъ свой совѣтъ проф. Озеровъ, приказчикъ старается о развитіи оборотовъ лавки: онъ увеличиваетъ число помощниковъ, *раньше выходитъ въ лавку, позже изъ нея уходитъ и т. д.*, а это, конечно, очень выгодно для общества". Врядъ ли приказчики, особенно младшіе, поблагодарятъ профессора за этотъ „человѣчный" совѣтъ.

Такъ, на протяженіи всей книжки безобидная маниловщина переплетается съ практичностью Чичикова и хозяйственностью Коробочки. Россійскому обывателю эта смѣсь, можетъ быть, и придется по вкусу. Что же касается участниковъ и сторонниковъ „современнаго" кооперативнаго движенія, то уже, конечно, не въ книжкѣ г. Озерова будутъ они искать указаній, какъ основать и вести кооперативъ. *Д—ъ.*

С. В. Бородаевскій. „Сборникъ по мелкому кредиту". Посвящается памяти П. А. Соколовскаго. Изд. Спб. отдѣленія Комитета о сельскихъ ссудо-сберг. и промышл. товариществахъ. 1907 г. 276 стр. Ц. 1 р. Къ 1 января 1907 г. у насъ было 1073 ссудосберегательныхъ товарищества, 1224 кредитныхъ товарищества, до 3000 вспомогательно-сберегательныхъ кассъ, до 1000 сельскихъ и удѣльныхъ банковъ, 67 общественныхъ ссудо-сберегательныхъ кассъ, 16 земскихъ кассъ мелкаго кредита. Затѣмъ мы имѣемъ мірскіе капиталы (1937), башкирскія, киргизскія кассы и гминныя кассы. Достаточно этихъ данныхъ, чтобы понять, на сколько важно всѣмъ этимъ учрежденіямъ мелкаго кредита имѣть „Сборникъ" справочнаго характера, гдѣ работающіе въ области мелкаго кредита могли бы найти разныя законоположенія, практическія указанія и т. п. Сборникъ С. В. Бородаевскаго появляется поэтому чрезвычайно кстати. Авторъ мастеръ своего дѣла. Онъ секретарь Спб. отдѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ и авторъ цѣлаго ряда брошюръ и отчетовъ по мел-

Digitized by Google

кому кредиту. Для популярныхъ брошюръ авторъ не обладаетъ нужными качествами, но какъ составитель сборника онъ выполнилъ свою задачу очень удовлетворительно. Въ этомъ сборникѣ можно найти слѣдующія свѣдѣнія: законоположенія по мелкому кредиту и выработанныя сенатской практикой нормы по нѣкоторымъ вопросамъ, образцовые и примѣрные уставы учрежденій мелкаго кредита о ихъ союзовъ, наказы и правила о порядкѣ открытія учрежденій мелкаго кредита, о снабженіи средствами учрежденій мелкаго кредита, и дѣлопроизводствѣ, счетоводствѣ и отчетности, объ операціонныхъ правилахъ и о государственномъ промысловомъ налогѣ по отношенію къ мелкому кредиту.

Въ сборникъ вошли современные матеріалы, т. е. все, что относится къ закону о мелкомъ кредитѣ 7 іюня 1904 г. Исключенія составляютъ только сенатскія разъясненія, которыя относятся не только къ послѣднему времени, но и къ болѣе отдаленному прошлому. Къ сборнику приложены 2 статьи Бородаевскаго (предисловіе, написаное бюрократическимъ языкомъ и „Памяти П. А. Соколовскаго“, умершаго 26 ноября 1906 г.) и статья Соколовскаго, подъ названіемъ „Для чего основываются учрежденія мелкаго кредита и какъ ихъ вести“. *М. Хейсинъ.*

В. А. Гагенъ. Право бѣднаго на призрѣніе. Томъ I. Спб 1907 г., 649 стр. — Разные есть права у бѣднаго въ капиталистическомъ обществѣ, гдѣ бѣдность является самымъ ужаснымъ порокомъ, достойнымъ всяческихъ каръ, но едва ли найдется другое столь оригинальное „право“, какъ на призрѣніе. Его бѣднякъ не можетъ осуществить, если благосклонное начальство не соблаговолитъ разрѣшить ему воспользоваться этимъ правомъ, такъ какъ оно лишено судебной защаты и бѣднякъ не можетъ обратиться въ судъ, чтобы настоять на немъ. Онъ не является субъектомъ права, и мы имѣемъ здѣсь, съ юридической точки зрѣнія, право безъ субъекта, безъ носителя этого права. Но этого мало. Всякій, попытавшійся осуществить право на призрѣніе, лишается другого очень важнаго права, права голоса при всѣхъ выборахъ — парламентскихъ, окружныхъ, общинныхъ и проч. Такимъ образомъ, бѣднякъ несетъ очень чувствительное наказаніе за осуществленіе своего „права“, все ставится вверхъ ногами — право становится преступленіемъ, а призрѣніе обращается въ презрѣніе. И все-таки это не мѣшаетъ ученымъ профессорамъ съ серьезнымъ видомъ писать многотомныя сочиненія о правѣ бѣднаго на призрѣніе и пѣть дифирамбы институту общественнаго призрѣнія въ его настоящемъ видѣ.

Такова разбираемая нами книга. Авторъ принадлежитъ къ числу тѣхъ очень большихъ мечтателей, мечты которыхъ очень маленькія и жалкія. Онъ мечтаетъ „перебросить прочный и постоянный мостъ“ черезъ пропасть, становящуюся и у насъ все шире между имущими и неимущими классами, и предлагаетъ для этого воспользоваться „раціональной организаціей обязательнаго призрѣнія бѣдныхъ по образцу западно-европейскихъ государствъ“. Первый томъ разсматриваемаго сочиненія и представляетъ изложеніе исторіи и современнаго положенія законодательства объ обязательномъ призрѣніи бѣдныхъ въ трехъ крупнѣйшихъ странахъ—Германіи, Франціи и Англіи. Если бы авторъ не былъ большимъ мечтателемъ, то изъ громаднаго матеріала, бывшаго у него въ распоряженіи, онъ ясно увидѣлъ бы, какъ смѣшны и жалки его мечты, какъ нелѣпы его высокопарныя разглагольствованія о прочныхъ и постоянныхъ мостахъ. Онъ за-

Digitized by Google

мѣтилъ бы то, что такъ ярко бросается въ глаза даже при чтеніи его книги, несмотря на всѣ его старанія прикрасить и принарядить голую дѣйствительность. Всѣ дѣйствительно серьезныя попытки перебросить мостъ между имущими и неимущими вездѣ и всюду неизбѣжно терпѣли крахъ, или обращались въ свою собственную противоположность. Во Франціи законодательства революціонныхъ правительствъ 1793 и 1848 г.г., провозгласившія дѣйствительное права бѣднаго на призрѣніе, остались мертвою буквою. Въ Англіи, и система призрѣнія на дому, и система работныхъ домовъ, введенныхъ въ 1834 г., одинаково обращались въ средства наиболѣе жестокой и безстрѣнчивой эксплоатаціи бѣдныхъ буржуазіей.

Но авторъ ничего этого не видитъ. Увлеченный громкими пѣснями французскихъ солидаристовъ, онъ считаетъ законодательства революціонныхъ правительствъ „формулами, потрясавшими основы современной государственной организаціи“ и потому несоотвѣтствовавшими „запросамъ жизни и требованіямъ народа“. Зато онъ вполнѣ удовлетворенъ современной постановкой дѣла во Франціи. Вслѣдъ за французскими недобросовѣстными служителями буржуазіи и государственными болтунами, онъ съ восторгомъ говоритъ о конкретномъ выраженіи и осуществленіи великихъ принциповъ революціи, на которомъ сошлись „и соціалисты, (!) и солидаристы, и либералы“. А между тѣмъ основной принципъ современнаго французскаго законодательства выраженъ въ формулѣ: „призрѣніе должно оказываться тѣмъ бѣднымъ, кто временно или окончательно не имѣетъ *физической* возможности добыть себѣ нужныя средства къ жизни“, и ограничивается организаціей медицинской помощи больнымъ, призрѣніемъ дѣтей, неизлѣчимо-больныхъ и престарѣлыхъ. Но относительно послѣднихъ предъявляются такія требованія, что они все призрѣніе сводятъ на нѣтъ. Всякій престарѣлый долженъ удовлетворять слѣдующимъ четыремъ условіямъ: французская національность, 70 лѣтній возрастъ, неспособность къ работѣ и недостаточность средствъ къ существованію.

При самомъ снисходительномъ отношеніи, ни одинъ добросовѣстный человѣкъ всетаки не станетъ говорить здѣсь о „крупной роли въ существующемъ распредѣленіи экономическихъ благъ“.

Наговоривъ и въ введеніи и въ заключеніи, кучу вздора „о готовности высшихъ классовъ поступиться частью своего дохода“, авторъ противъ воли долженъ былъ обнаружить при изложеніи развитія законодательствъ о призрѣніи дѣйствительную причину великодушія имущихъ и всѣ тѣ уловки и ухищренія, къ которымъ прибѣгали и законодатели и исполнители, чтобы одной рукой отнять то, что давалось другой. „Интересы самосохраненія и поддержанія соціальнаго строя“ были всегда и всюду на первомъ планѣ, а иногда, какъ напримѣръ въ Англіи, да отчасти и въ другихъ странахъ, призрѣніе бѣдныхъ развивалось рядомъ и въ непосредственной связи съ драконовскими преслѣдованіями тѣхъ же бѣдныхъ за нищенство и бродяжничество. Въ Англіи до 1834 года господствовала форма призрѣнія на дому, и предпріимчивые капиталисты и фермеры исхитрились замѣнить этой жалкой подачкой, выдаваемой изъ общественныхъ суммъ, заработную плату, заставляя рабочихъ, впавшихъ въ нужду, работать у себя на фермахъ и на фабрикахъ. Когда же были учреждены работные дома, и помощь на дому была запрещена, то капиталисты сумѣли обратить эти дома въ поставщиковъ дѣтскаго труда, устраивая цѣлыя переселенія съ юга на сѣверъ. Впрочемъ роль работныхъ домовъ въ Англіи

Digitized by Google

хорошо извѣстна и распространяться о ней не приходится. Не знаетъ о ней, повидимому, только нашъ ученый профессоръ, относящійся благосклонно къ этой формѣ обязательнаго призрѣнія. Поэтому онъ полонъ недоумѣнія, почему рабочіе такъ ненавидятъ работные дома, прозвали ихъ тюрьмами и бастиліями, и склоненъ все объяснить недоразумѣніемъ и агитаціей заинтересованныхъ людей.

И всетаки—въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ констатировать тотъ фактъ, что англійскіе рабочіе предпочитаютъ умирать съ голоду въ буквальномъ смыслѣ, чѣмъ идти въ работные дома. Кризисъ средины 80-хъ годовъ вызвалъ въ Англіи небывалую безработицу, и поведеніе безработныхъ заставило англійское общество и правительство серьезно задуматься надъ вопросомъ о помощи безработнымъ. Результатомъ явился законъ о безработныхъ 1905 г. Этотъ законъ является не болѣе, какъ одной изъ жалкихъ попытокъ замазать ротъ и отвести глаза, но для нашего автора онъ открываетъ широкія перспективы. Правда, онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой; раньше онъ обѣими руками расписался подъ принципомъ французскаго законодательства оказывать помощь только лишеннымъ *физической* возможности добывать средства къ существованію, теперь же онъ поетъ гимнъ попыткамъ помощи физически вполнѣ здоровымъ безработнымъ, — но послѣдовательность не принадлежитъ къ числу добродѣтелей автора. Вообще онъ очень сильно поддается вліянію источниковъ, которыми пользуется, и противорѣчивыхъ замѣчаній и сентенцій у него не оберешься. Вотъ еще одинъ примѣръ. Расшаркавшись передъ французской системой облегченія подбрасыванія и законнорожденныхъ и незаконнорожденныхъ дѣтей,—при констатированіи такой же попытки въ Англіи, онъ съ грустью изрекаетъ: „Къ сожалѣнію, устройство такихъ учрежденій (пріютовъ для брошенныхъ и подкинутыхъ дѣтей) принесло печальные результаты, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказалось и большимъ зломъ, такъ какъ увеличило число случаевъ подбрасыванія дѣтей и внесло значительную деморализацію въ семьи рабочихъ и поселянъ".

Правда, нашъ авторъ юристъ, и его гораздо больше интересуютъ юридическія тонкости, чѣмъ существо вопроса. Поэтому онъ очень много удѣляетъ мѣста „самому важному", „кардинальному", по его мнѣнію, вопросу о мѣстѣ призрѣнія, т. е. о той общественной единицѣ—общинѣ, департаментѣ, округѣ и т. д., на которое падаетъ обязанность призрѣнія даннаго бѣднаго, и сравнительно мало обращаетъ вниманія на вопросы—кому и какъ оказывается призрѣніе. Съ точки зрѣнія юриста это понятно. Дѣло въ томъ, что при настоящемъ положеніи дѣла больше всего возникаетъ недоразумѣній, столкновеній, процессовъ и крючкотворствъ именно на почвѣ этого вопроса, такъ какъ каждая общественная единица стремится свалить съ себя на плечи другой обязанности по призрѣнію. И въ Англіи, напр. изъ 14 съ лишнимъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, израсходованныхъ въ 1905 году на призрѣніе бѣдныхъ, около 400.000 фунтовъ пошли на веденіе процессовъ, на уплату адвокатамъ, пересылку призрѣваемыхъ и проч. Въ настоящее время и самое расширеніе призрѣнія въ значительной степени обязано институту мѣста призрѣнія. Общественныя единицы, суровыя и жестокія по отношенію къ своимъ бѣднымъ, доходя до „разрушенія коттеджей" рабочихъ, найма не на годъ, а на 364 дня и проч. и проч., сравнительно легко оказываютъ помощь чужимъ, въ надеждѣ получить съ той общины, къ которой принадлежитъ бѣднякъ, все полностью.

Digitized by Google

Стремленіе оказывать добро за чужой счетъ,—и невинность соблюсти и капиталъ пріобрѣсти—отличительная черта буржуазіи, и нѣтъ ничего удивительнаго, что авторъ считаетъ вопросъ о мѣстѣ призрѣнія самымъ важнымъ.

Окончательнаго сужденія о взглядахъ автора вынести пока еще нельзя. Правда, тѣ замѣчанія и разсужденія, которыми пересыпано изложеніе законодательствъ западно-европейскихъ странъ въ достаточной степени очерчиваютъ его физіономію, но всетаки до появленія второго тома его работы, гдѣ онъ обѣщаетъ дать общую часть ученія о правѣ бѣднаго на призрѣніе и подвести итоги,—яснаго и точнаго изложенія всѣхъ его взглядовъ мы не имѣемъ. Поэтому мы вынуждены отложить и наше заключительное слово. *П. Глѣбовъ.*

Отчетъ о состояніи народнаго здравія и организаціи врачебной помощи въ Россіи за 1905 годъ (Управл. главн. врачебн. инспектора м. в. д.). Спб. 1907 г. Послѣдніе три года въ жизни населенія Россіи оставятъ по себѣ долгую память, и изъ нихъ особенно памятнымъ будетъ 1905 годъ. Прежде всего продолжалось вліяніе русско японской войны, которая всколыхнула все населеніе до самыхъ низовъ его и, помимо большого кровопусканія въ видѣ сотни тысячъ раненыхъ и убитыхъ, пошатнула все врачебно-медицинское дѣло на Руси. Война отвлекла на поле военныхъ дѣйствій болѣе 1/10 части всѣхъ гражданскихъ врачей; общее число ихъ съ 17.656 человѣкъ къ концу года понизилось до 15.962. Затѣмъ, началось дѣйствіе освободительнаго движенія, вѣрнѣе, его возвратной волны въ видѣ погромовъ, военно-полевой юстиціи, карательныхъ и иныхъ экспедицій и т. д. Наконецъ, сдѣлалъ свое дѣло и неизмѣнный гость русской деревни — голодъ. Дѣйствовала и вліяла также на состояніе народнаго здравія и обще-экономическая разруха, эта родная сестра деревенскаго голода. И, подобно голоду, экономическій кризисъ и обѣднѣніе проявили себя по преимуществу въ „низахъ“.

Всѣ эти „факторы“ дѣйствовали и порознь, и вмѣстѣ. Прослѣдить статистически вліяніе каждаго, конечно, немыслимо даже въ такой сферѣ, какъ состояніе народнаго здравія. Для этого понадобились бы анкеты и работа, которыя совсѣмъ не по силамъ нашимъ оффиціальнымъ статистическимъ учрежденіямъ. Къ тому же наше главное врачебное управленіе, очевидно, и не задается столь отвлеченными проблемами. Предъ нимъ стояла конкретная цѣль: указать, какія измѣненія произошли за годъ въ организаціи врачебной помощи, и только. Но такъ какъ и этотъ чисто формальный подсчетъ перемѣнъ въ числѣ больныхъ, въ дѣленіи по характеру заболѣванія и т. д., отразилъ на себѣ вліяніе смутнаго времени, то и эти валовыя цифры весьма и весьма краснорѣчивы. И если нельзя, по даннымъ отчета, опредѣлить, какъ подѣйствовала война, что слѣдуетъ зачесть въ активъ погромамъ и карательной юстиціи, что сдѣлали экономическій кризисъ и голодъ, — то за то совмѣстное дѣйствіе всѣхъ этихъ факторовъ обнаруживается вполнѣ ясно.

Во-первыхъ, за двадцать послѣднихъ лѣтъ, если не считать выдающагося по голоду 1892 года, рождаемость и приростъ населенія 1905 года занимаетъ самое послѣднее и неблагополучное мѣсто, въ то время, какъ смертность, по сравненію съ предыдущими годами, повысилась. Среди болѣзней усилились такія, распространеніе которыхъ зависитъ отъ ухудшенія общихъ санитарныхъ условій (тифъ и дизентерія), отъ недоѣданія (тифъ).

Digitized by Google

Возрасло число заболѣваній, которое можно приписать факторамъ соціальнаго характера (травматическія поврежденія и душевныя болѣзни). И если по даннымъ отчета (стр. 117—119) общее увеличеніе душевныхъ больныхъ въ 1905 году возрасло „всего лишь“ на 10% (съ 29.716 челов. въ 1904 г. до 32.861 въ 1905 г.), то дѣйствительное число увеличенія душевныхъ заболѣваній несомнѣнно гораздо больше. Дѣло въ томъ, что во многихъ губерніяхъ, гдѣ дѣятельность карательной юстиціи протекала особенно интенсивно (на Кавказѣ, въ средней Азіи, въ губерніяхъ Царства Польскаго, въ Забайкальской области и т. д.), нѣтъ совсѣмъ психіатрическихъ учрежденій. А при такихъ условіяхъ цифра увеличенія душевно-больныхъ на 10% можетъ быть принята лишь какъ minimum.

Абсолютныя цифры отчета о постановкѣ у насъ врачебно-санитарнаго дѣла также не весьма утѣшительны. Общее количество больныхъ колоссально: 57 мил. круглымъ счетомъ — зарегистрованныхъ. Слѣдовательно, на каждые *три* человѣка въ Россіи *одинъ* болѣлъ въ 1905 году. И эта цифра является тѣмъ болѣе грозной, что общій типъ постановки медицинско-санитарнаго дѣла является у насъ „оборонительнымъ“, а не „наступательнымъ“. Изъ общей суммы въ 68 мил. рублей, которые расходуются (въ 1905 году) на „медицинскую часть“ только 6% приходится на санитарную часть и оздоровленіе соціальныхъ условій жизни; всю остальную сумму поглощаютъ расходы на леченіе. Между тѣмъ, какъ при раціональной постановкѣ дѣла „санитарной части“, разумѣется, слѣдовало бы отдавать гораздо больше. Что касается распредѣленія медицинской помощи и постановки санитарнаго дѣла въ связи съ самодѣятельностью населенія, то здѣсь особенно любопытна громадная разница, прямо пропасть, которой отдѣляются мѣстности, имѣющія земское управленіе, отъ областей, гдѣ врачебно-санитарная „часть“ находится въ исключительномъ вѣдѣніи административныхъ учрежденій. Въ исторіи „стараго порядка“ земству, „старому“ земству до его „обновленія“ за послѣдніе два года реакціонно-черносотенными элементами, удалось записать въ исторію русской санитаріи свѣтлую страницу. Въ то время, какъ въ земскихъ губерніяхъ на общественную санитарію тратится на человѣка до 1,34 рубля (московская губ.) и ниже, въ не-земскихъ maximum расходовъ на человѣка—15 коп. Какъ видно, отчеты земскихъ губерній будутъ еще долго служить украшеніемъ отчетности главнаго мед. врачебнаго управленія м. в. д. —ъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(СЪ 1-ГО ДЕКАБРЯ 1907 Г. ПО 20 ДЕКАБРЯ 1907.).

Контора не принимаетъ на себя выполненія заказовъ подписчиковъ на эти книги, т. к. онѣ поступаютъ въ редакцію въ одномъ лишь экземплярѣ).

Авенаріусъ Р. Критика чистаго опыта; перев. И. Ѳедорова. Спб. 1907. 124 стр. Ц. 80 к. Изд. И. Шестаковскаго и И. Ѳедорова.

Андрусонъ Л. Сказка любви, (стихи) Спб. 1908 г. 156 стр. Ц. 1 р. Изд. „Жизнь“.

Арцыбашевъ М. Санинъ (ром.) Спб. 1908 г. 342 стр. Ц. 1 р. 25 к. Изд. „Жизнь“.

Бальмонтъ К. Д. Бѣлыя зарницы. (Мысли и впечатлѣнія). Спб. 1908. 217 стр. Ц. 1 р. 60 к. Изд. М. Пирожкова.

Баулинъ А. Думы и пѣсни. Спб. 1907 109 стр.

Digitized by Google

Березинъ Н. Начальная географія; съ 226 рис. и черт. Спб. 1908. 168 стр. Ц. 60 к. Изд. И. Г. Балашова.

Босма Г. Нервныя дѣти. Перев. съ нѣм. Н. Кашина, подъ ред. Д. Королькова. М. 1908. 81 стр. Ц. 30 к. Изд. К. Тихомирова.

Брюсовъ Вал. Пути и перепутья. (Собраніе стиховъ). М. 1908. 202 стр. Ц. 2 р. Изд. „Скорпіонъ".

Булгаковъ С. Н. проф. Карлъ Марксъ, какъ религіозный типъ. Спб. 1907 г. 55 стр. Ц. 25 к. Изд. Жуковскаго.

Bouniatian M. dr Geschichte der Handelskrisen in England. München 1908 312 стр. Ernst Reinhardt.

Bouniatian M. dr Wirtschaftskrisen und Ueberkapitalisation. Müuchen 1908. 188 стр. Ernst Reinhardt.

Бѣляевъ Ю. Въ нѣкоторомъ царствѣ. Спб. 1907 г. 166 стр. Ц. 1 р. Изд. Г. М. Попова.

Виллей Э. Избирательное законодательство въ Европѣ, перев. съ фр. Н. Сорина съ допол. В. Даревскаго. Спб. 1907. 232 стр. Ц. 75 к. Изд. „Просвѣщеніе".

Вопросы теософіи. (Сборникъ статей по теософіи). Спб. 1907 г. 258 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Генкель Э. проф. Естественная исторія міротворенія. ч. I. Ученіе о развитіи.; съ мн. рис. пер. В. Вихерскаго. Спб. 1908. 274 стр. Ц. 2 к. Изд. „Мысль".

Глинскій Б. Борьба за конституцію—(1612—1861 гг.) ист. очерки; съ портр. и рис. Спб. 1908 г. 619 стр. Ц. 3 р. 50 к. Изд. Карбасникова.

„Дзвінъ" (збірник). Київ 1907. 270 стр. Ц. 1 р. 10 к.

Долеанъ Э. Робертъ Оуэнъ, его жизнь и ученіе, перев. съ фр. Сувирова. Спб. 1907 г. 187 стр. Ц. 50 к. Изд. „Просвѣщеніе".

Ежегодникъ Народной школы вып. I.; подъ ред. В. Чарнолускаго; М. 1908. 461 стр. Ц. 1 р. 50 к. Изд. т-ва И. Д. Сытина.

Записки Горнаго Института. Спб. 1907. 84 стр.

Ильинъ Вл. За 12 лѣтъ (собр. статей). Два направленія въ русск. марсизмѣ и русс. соціалдемократіи. Спб. 1908. Т. I. 469 стр. Ц. 2 р. 50 к. Изд. „Зерно".

Исторія Русской Литературы подъ ред. Е. В. Аничкова, А. К. Бородина и Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Томъ I вып. I. М. 1908. 79 стр. Изд. Сытина.

Кабановъ Н. А. д-ръ. О международномъ вспомогат. языкѣ эсперанто и его значеніи для медицинск. конгрессовъ. М. 1908 г. 15 стр. Ц. 10 к. Изд. автора.

Карпентеръ Эд. Цивилизація, ея причина и излеченіе. Спб. 1906. 298 стр. Ц. 80 к Изд. Наживина.

Каталогъ журн. статей библіотеки бр. Таланцевыхъ. Ядринъ. 1906. 400 стр.

Кауфманъ А. Е. Друзья и враги евреевъ. Д. И. Пихно. Спб. 1908. 32 стр. Ц. 10 к. Изд. „Правда".

Кауфманъ А. Е. Друзья и враги евреевъ. А. С. Суворинъ. Спб. 1908. 68 стр. Ц. 20 к. Изд. „Правда".

Климонтовичъ А. Изъ области взаимн. отношеній животныхъ. Спб. 1907 г. 81 стр. Ц. 25 к. Изд. Подвижн. музея уч. пособій.

Ковалевскій П. И. Міроздаиіе (ест.-истор. очеркъ). Спб. 1907. 120 стр. Ц. 80 к. Изд М. О. Вольфа.

Лафаргъ П. Изъ исторіи соціализма во Франціи; перев. съ франц. К. Михайловой. Спб. 1908 г. 90 стр. Ц. 25 к. Изд. Общ. Пользы.

Лебедевъ Б. Н. Линіи и поверхности четвертаго, пятаго и т. д. измѣренія. Спб. 1907. 4 стр. Ц. 5 к.

Лебединскій С. Продовольственныя столовыя. Пенза 1907.

Леруа. Эволюція государственной власти. Перев. съ франц. В. Клпатьевскаго. СПБ. 1907 г. 204 стр. Ц. 70 к. Изд. „Общ. Пользы."

Лоріа А. Соціализмъ и соціальный дарвинизмъ. Перев. съ фр. съ пред. д-ра Е. Аркина. СПБ. 1907 г. 44 стр. Ц. 15 к. Изд „Просвѣщеніе".

Лучанскій П. Стихотворенія СПБ. 1908. 336 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Максимовъ В. Литературные дебюты Н. А. Некрасова. в. 1. СПБ. 1908. 216 стр. Ц. 1 р. Изд. „Наша жизнь".

Масловъ. Аграрный вопросъ въ Россіи т. I. СПБ. 1908 г. 520 стр Ц. 2 р. 50 к. Изд. „Общ. Пользы".

Матеріалы для оцѣнки земель Волог. губ. Выпускъ I. Вологда 1907 г. 182 стр. 99 стр. Ц. 2 р. Изд. Губ. Земства. Вып. II. Вологда. 1907 г. 832 стр. + I—XXI стр. Ц. 2 р.

Матеріалы для оцѣнки земель. Харьк. губ.—Старобѣльскій у. в. II. Подворная перепись. Харьковъ. 1907. 403 стр. Изд. Губ. Земства.

Мережковскій. Вѣчные спутники. Кальдеронъ и Сервантесъ. Спб. 1908. 68 стр. Ц. 30 к. 3 изд. М. Пирожкова.

Мережковскій Д. Вѣчные спутники. Монтань. Флоберъ. Спб. 1908 г. 65 стр. Ц. 30 к. 3 изд. М. Пирожкова.

Digitized by Google

Мерингъ Фр. Просвѣщенный абсолютизмъ Фридриха Великаго Перев. съ нѣмец. А. Израилитина Спб. 1908 г. 172 стр. Ц. 60 к. Изд. „Просвѣщеніе".

Невѣжинъ Б. М. Распадъ (романъ) Спб. 1908 г. 362 стр. Ц. 1 р. 25 Изд. „Новое Время".

Немоевскій А. Изъ подъ пыли вѣковъ. П. Ашуръ и Муцуръ. Перев. Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб. 1908 г. 160 стр. Ц. 1 р. Изд. Е. и И. Леонтьевыхъ.

Нечаевъ. А. П. — Работа подземной воды; съ 34 рис. М. 1908. 103 стр. Ц. 40 к.

Никоновъ Б. Въ стѣнахъ гимназіи (очерки школьной жизни). Спб. 1907 г. 396 стр. Ц. 1 р. 25. Изд. „Общ. польза".

Новиковъ И. Духу святому. М. 1908. 117 стр. Ц 1 р. Изд. Грифъ.

Новомбергскій прив.-доц. Положеніе о губ. и уѣзд. земскихъ учрежденіяхъ 1-го янв. 1864 года. Томскъ 1907 г. 62 стр. Ц. 30 к.

Новомбергскій. Н. Я. Развитіе врачебно-санитарнаго управленія. Спб. 1907 г. Изъ журн. М-ва юстиціи.

Новорусскій М. Земля и ея жизнь; съ 26 рис. 132 стр. Ц 40 к.

Основанія оцѣнки недвиж. имуществъ, подлеж. обложенію земскими сборами. Вологда 1907 г. 64 стр. Ц. 50 к. Изд. губ. земства.

Отчетъ о дѣятельности Моск. О-ва народныхъ Университетовъ. М. 1907 г. 56 стр. Ц. 35 к.

Отчеты санитар. врачей Спб. губ. земства за 1906 г. Спб. 1907. 310 стр.

Переселеніе и заготовка земель для переселенцевъ Спб. 1907 г. 18 стр; оффиціал. изд.

Погодинъ А. Л. проф. Главныя теченія польской политической мысли (1863-1907 г.). Спб. 1907 г. 662 стр. Ц. 3 руб. Изд. „Просвѣщеніе".

Поспѣловъ. С. А. Въ странѣ свободы и труда (разск. изъ америк. жизни) съ рис. Спб. 1908 г. 227 стр. Ц. 1 р. Изд. А. Ф. Девріена.

Пришвинъ М. М. Въ краю непуганыхъ птицъ (очерки выговск. края) съ 66 рис. Спб. 1908 г. 193 стр. Изд. А. Ф. Девріена.

Я. Русская Муза (хрестоматія). Спб. 1908 г. 464 стр. Ц. 1 р. 75 к. Дополн. изд. „Р. Вог."

Радичъ В. и Жданова А. На Малаховомъ курганѣ (истор. повѣсть). Спб. 1907 г. 174 стр. Ц. 80 к. Изд. А. Ф. Девріена.

Рамзинъ А. Б. Забытый герой, или Ралешъ, отецъ іудеевъ. Луганскъ 1907. 26 стр. Ц. 8 к. Изд. еврейск. лит. худ о-ва г. Луганска.

Рикардо Д. Собраніе сочиненій; пер. съ анг. подъ. ред. Рязанова. Т. 1. Спб. 1908 г. 301 стр. Ц. 2 р. Изд. „Зерно."

Рожковъ Н. А. Отъ самовластія къ народовластію. Спб. 1908 г. 245 стр. Ц. 1 р. Изд. О. Н. Поповой.

Сахаровъ А. Б. Ариѳметика (опытъ методическаго изложенія предмета) Спб. 1908 г. 292 стр. Ц. 70 к. Изд. И. Г. Балашова.

Сборникъ дипломатическихъ документовъ, касающ. переговоровъ по заключенію рыболовной конвенціи между Россіей и Японіей. Спб. 1907. Изд. мин. ин. дѣлъ.

Свириденко С. На Сѣверѣ (повѣсть). Спб. 1907 г. 226 стр. Ц. 1 р. 25 к. Изд. автора.

Святловскій В. Профессіональные рабочіе союзы. 3 е перераб. и допол. изд. вып. I и II. Спб. 1908 г. 384 стр. Ц. 1 р. Изд. М. Пирожкова.

Сельско-хозяйственный обзоръ Волог. Губ. 1905—1906 г. Вологда 1907. 59 стр. Ц. 75 к. Изд. губ. земства.

Серафимовичъ А. Дѣтскіе разсказы. рис. Б. Кустодіева. Спб. 1908. 197 стр. Ц. 1 р. Изд. „Шиповникъ".

Слонимскій Л. Кн. Бисмаркъ. (опытъ характеристики) Спб. 1908 г. 102 стр. Ц. 30 к. Изд. „Полит. Энциклопед."

Современное положеніе переселенческаго дѣла и его нужды. Спб. 1907 г. 96 стр. оффиц. изд.

Соціалистическая исторія (1789—1900) подъ ред. Ж. Жореса; Т. I. Учредит. собраніе (1789—1791) Жана Жореса. перев. Е. Бартеневой, М. Львовой и Н. Тютчева. Спб. 1908 г. 615 стр. ц. 2 р. Изд. „Даль".

Стриндбергъ Августъ. Брачныя исторіи. М. 1908 г. 110 стр. Ц. 60 к. Изд. „Икаръ".

Топеліусъ З. Разсказы фельдшера. перев. со шведск. М. П. Благовѣщенской съ рис. Спб. 1908. г. 305 стр. Ц. 1 р. 25 к. Изд. А. Ф. Девріена.

Тотоміанцъ В. Ѳ. Сельско-хозяйственная кооперація, съ прил. уставовъ. Спб. 1908. 368 стр. Ц. 2 р. Изд. М. И. Семенова.

Трачевскій А. проф. Новая исторія. Т. II (1750—1848 гг.) Спб. 1908. 720 стр. ц. 3 р. Изд. М. Пирожкова.

Труды перваго всерос. съѣзда спиритуалистовъ. XXV-лѣтн. юбилей журн. „Ребусъ". М. 1907 г. 334 стр. ц. 3 р.

Digitized by Google

Объявленія:

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „МІРЪ БОЖІЙ“.

С.-Петербургъ. Разъѣзжая ул. 7.

ВЫШЛИ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ КНИГИ:

А. Купринъ. т. I. **Разсказы:** Молотъ. — Ночная смѣна. — Болото. — Походъ. — Одиночество. — Ночлегъ. — Лѣсная глушь.—Дознаніе.—Въ циркѣ.—На покоѣ. Спб. 1907. 318 стр. Изд. 3-е Ц. 1 р.

Его-же. т. III. **Разсказы:** Трусъ.—Мирное житіе. — Корь. — Жидовка.—Конокрады.—Штабсъ-капитанъ Рыбниковъ.—Обида.—Рѣка жизни. — **Мелкіе разсказы:**—Allez.—Вечерній гость. — Собачье счастье.—Убійца.—Брилліанты.—Бѣлыя ночи. — Пустыя дачи. Спб. 1907. 273 стр. Изд. 2-ое. Ц. 1 руб.—

А. Ѳедоровъ. Камни. Романъ. Спб. 1907. 254 стр. Ц. 1 р.

А. Розенбергъ. Исторія искусствъ съ древнихъ временъ до нашихъ дней. Съ многоч. иллюстр. Вып. I. Съ древн. до эпохи возрожденія включ. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. Павловскаго. Спб. 1906. Стр. 348. Рис. 201. Ц. 2 р.

Вышло изъ печати **второе изданіе** (переработанное и дополненное, съ портретомъ автора) новой книги

„РУКОПИСЬ“

Жизнь Спасителя въ изображеніи **Густава Френсена.**

Разрѣшенный авторомъ переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія **Арн. Гюберта,** подъ редакціей **Е. А. Ляцкаго,** со вступительными статьями **А. Г. Горнфельда** и **И. И. Гюберта.** Цѣна 75 коп. Продается во всѣхъ значительныхъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія въ книжн. магаз. **„Наша Жизнь“** (С.-Петербургъ, Литейный 32) и у издателя, **д-ра И. Гюберта,** въ гор. Георгіевскѣ, Терской области.

„Южная Заря“.

Подъ редакціей **А. Я. Ефимовича,** изданіе **П. Г. Гезе.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой. 6 р. 6 мѣсяцевъ 3 р. 50 к. 3 м. 2 р. 1 м, 70 к. Иногороднымъ. На годъ 7 р 6 м. 4 р. 3 м. 2 р. 50 к. 1 м. 90 к. За границу. На годъ 12 р. 6 м. 7 р. 3 м. 4 р. 1 м. 1 р. 50 к. Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ „Южной Зари“—(Екатеринославъ, Проспектъ, домъ Ильева). Объявленія изъ Петербурга, Москвы и вообще Сѣверо-Западн. района принимаются въ конторѣ торгов. дома Метцль.

Digitized by Google

ПРОБУЖДЕНІЕ

Подписавшіеся на 1908 годъ получатъ (1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца) 24 **РОСКОШНЫХЪ ВЫПУСКА** художественно-литературнаго журнала съ исполненными на золотомъ фонѣ черной эмалевой краской титулами, сброшюрован. въ изящныя, тисненыя барельефами, обложки. 26 превосходныхъ многокрасочныхъ картинъ знаменитыхъ художниковъ. 12 картинъ, воспроизведенныхъ цвѣтными красками, наклеенныхъ на паспарту. 24 картины, отпечатанныя автотипіей. 12 портретовъ для кабинета, исполненныхъ красками. 12 выпусковъ Галлерея картинъ и портретовъ извѣстныхъ художниковъ. 6 вып. Литературное обозрѣніе: критика и библіографія. 12 вып. Смѣшные разсказы извѣстныхъ писателей. 6 вып. Галлерея портретовъ выдающихся депутатовъ 1-й 2-й и 3-й Государственной Думы. 6 вып. Для самообразованія и воспитанія. Научныя статьи. 6 вып. Для декламаціи и чтенія. Новѣйшія литер. произведенія. 6 вып. Галлерея портретовъ извѣстныхъ писателей. 6 вып. Политическое обозрѣніе и Государственная Дума. 6 вып. Галлерея портретовъ извѣстныхъ артистовъ и артистокъ. 6 вып. Для любительскихъ спектаклей. Пьесы.

12 КНИГЪ ИЗЯЩНОЙ БИБЛІОТЕКИ „ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ СОВРЕМЕННЫХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ“: Леонида Н. Андреева, М. П. Арцыбашева, К. С. Баранцевича, И. А. Бунина, А. И. Будищева, В. К. Измайлова, А. А. Измайлова, А. И. Куприна, А. П. Каменскаго, Бориса Лазаревскаго, В. В. Муйжеля, И. Н. Потапенко, А. С. Серафимовича, Л. Н. Толстого, Е. Н. Чирикова, М. П. Чехова, А. М. Федорова, Т. Л. Щепкиной-Куперникъ и друг. извѣстныхъ писателей, СЪ ПОРТРЕТАМИ И ФАКСИМИЛЕ АВТОРОВЪ. Въ 1908 году будетъ значительно расширенъ беллетристическій и научный отдѣлы журнала: (романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія, научныя статьи). Участвуютъ выдающіеся русскіе литераторы. Принимая во вниманіе изящество изданія, всѣмъ лицамъ подписавшимся своевременно, до 1 Января, будетъ выдана **роскошная папка-бюваръ** изъ цвѣтного коленкора съ тисненіемъ золотомъ и красками, для храненія художеств. выпусковъ журнала „Пробужденіе“. **Подписная цѣна**: на годъ съ перес. и доставкой 7 р., на полгода 4 р., на 3 мѣсяца 2 р. Редакція журнала „Пробужденіе“: С.-Петербургъ, Троицкая, д. 6.

Въ Книжномъ Складѣ

СТАСЮЛЕВИЧА

(Спб., Васил. Остр., 5 л., 28) и другихъ магазинахъ продаются:

А. Н. Пыпинъ. *Бѣлинскій.* Его жизнь и переписка. Изд. 2-ое, значительно дополненное, съ примѣчаніями. Изд. „Колоса“. Спб. 1907. Ц. 3 р. 50 к.
Тамъ же: *„Исторія литературы“*, 4 т., изд. 3-ье, 1907 г. *„Характеристики литературныхъ мнѣній“*, 1906, и другія сочиненія того же автора.
Тамъ же: Е. А. Ляцкій *И. А. Гончаровъ.* Его жизнь и творчество. Критическій очеркъ. Ц. 2 р.

„СМОЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна: на 12 мѣс. 7 р., 9 мѣс. 5 р. 50 к. 6 мѣс. 4 р., 3 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 75 к. Допускается разсрочка: 1) при подпискѣ—3 р., 1 мая 3 р. и 1 октяб. 1 р. или 2) по одному рублю—1 янв., 1 февр., 1 апр., 1 мая, 1 іюля, 1 авг. и 1 октяб. **Пріемъ подписки производится**: въ г. Смоленскѣ, въ конторѣ газеты „Смоленскій Вѣстникъ“ (Благовѣщ. ул., д. Волковой, у Молоховскихъ воротъ), въ главномъ магазинѣ Д. В. Кувшинникова, въ г. Рославлѣ у Я. М. Рабиновича, въ г. Духовщинѣ у С. Я. Бѣлинскаго, въ г. Ельнѣ въ книжномъ складѣ Е. А. Бестужевой.

Digitized by Google

ЗОЛОТОЕ РУНО.

Въ художественномъ отдѣлѣ „Золотое Руно" будетъ помѣщать оригинальныя стихотворенія, повѣсти, разсказы и романы современныхъ русскихъ писателей. При этомъ „Золотое Руно" съ особенной чуткостью и вниманіемъ отнесется къ новымъ молодымъ дарованіямъ. Съ цѣлію выясненія общихъ тенденцій развитія искусства, хроникамъ отдѣльныхъ искусствъ будетъ приданъ болѣе обобщающій характеръ. „Золотое Руно" предполагаетъ также знакомить своихъ читателей съ важнѣйшими явленіями художественной жизни запада путемъ корреспонденцій, изъ главныхъ центровъ западной Европы. Въ **музыкальномъ** отдѣлѣ, кромѣ статей и корреспонденцій, будутъ помѣщаться оригинальныя произведенія современныхъ русскихъ композиторовъ.

Обширная галлерея портретовъ, задуманная еще въ 1906 г. и систематически осуществлявшаяся въ теченіе двухъ лѣтъ, будетъ продолжаться и въ 1908 году въ видѣ приложеній къ журналу; въ 1908 г. будетъ помѣщенъ рядъ портретовъ русскихъ писателей и художниковъ, исполненный по порученію „Золотого Руна".

Подписная цѣна: На годъ Россіи 15 р.; отдѣльные номера въ Россіи 2 р. 10 к.; на годъ заграницу 60 фр.; отд. номера заграницу 6 фр. Допускается разсрочка: 1 января—5 р.; 1 марта—5 р.; 1 мая—5 р.; объявленія принимаются съ платой за 1 стр.—100 р.; 1/2 стр.—50 р.; 1/4 стр.—25 р.

Подписка принимается въ конторѣ Редакціи, — Москва, Новинскій бульваръ, д. Рогожина,—ежедневно кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней отъ 11 ч. до 4 ч. дня; въ Харьковѣ: Плетневскій, д. 2, и во всѣхъ крупнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ и комиссіонныхъ агентствахъ Россіи.

Редакторъ-Издатель *Николай Рябушинскій.*

ЖУРНАЛЪ ОБЩЕСТВА РУССКИХЪ ВРАЧЕЙ

въ память Н. И. ПИРОГОВА, издаваемый Правленіемъ Общества,

въ 1908 году будетъ выходить девять разъ въ годъ,

Члены Общества, по примѣру прежнихъ лѣтъ, получаютъ „Журналъ" **безплатно.** Членскій взносъ на 1908 г. опредѣленъ въ **шесть рублей.** Подписная цѣна на „Журналъ" (для не-членовъ Общества) **семь рублей,** при чемъ допускается разсрочка, а именно: при подпискѣ 4 р. и къ 1 августу 3 р. **Адресъ Редакціи:** *Москва. Арбатъ, Денежный пер., д. № 28 (Кисловской), кв. № 5. Телефонъ № 64.97.*

Открыта подписка на новый двухнедѣльный журналъ

„ЖИВАЯ ЖИЗНЬ".

Въ журналѣ принимаютъ участіе: К. М. Аггеевъ, С. А. Аскольдовъ. Н. А. Бердяевъ, свящ. І. Брихничевъ, проф. С. Н. Булгаковъ, Андрей Бѣлый, А. С. Волжскій, З. Н. Гиппіусъ, А. В. Ельчаниновъ, В. В. Зѣньковскій, А. В. Карташевъ, Д. С. Мережковскій. А. А. Мейеръ, Арх. Михаилъ, В. А. Никольскій, Г. А. Рачинскій, В. В. Розановъ, В. П. Свѣнцицкій, проф. кн. Е. Н. Трубецкой, Д. В. Философовъ, П. А. Флоренскій, В. Ф. Эрнъ.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 4—5 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна 5 р. въ годъ съ пересылкой, 2 р. 50 к. на полгода, 50 к. въ мѣсяцъ. Отдѣльный номеръ—25 к.

Сельскимъ священникамъ, учителямъ и учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 10% скидки.

Подписка принимается въ конторѣ журнала, въ книжномъ магазинѣ „Братство". Москва, Тверская, д. Олсуфьева (противъ Брюсовскаго пер.)

Digitized by Google

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО".

52 №№ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала около 1000 иллюстрацій.

12 ежемѣсячныхъ книгъ „Библіотеки Театра и Искусства".

Годъ (съ 1-го Января)—7 руб. Полгода (съ 1-го Января по 1-е Іюля)—4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 руб. и по 2 руб. къ 1-му апрѣля и къ 1-му Іюня.

Главная контора: Спб., Гороховая, 4. Телефонъ № 1669.

„ВѢСЫ"

Вступая въ пятый годъ изданія, „Вѣсы" остаются вѣрны своей программѣ и будутъ издаваться при прежнемъ составѣ сотрудниковъ. „Вѣсы" за недорогую подписную цѣну (пять рублей въ годъ за 12 книгъ) даютъ художественное изданіе, печатаемое на лучшей бумагѣ верже, при чемъ въ каждомъ № помѣщаются художественно выполненныя черныя и красочныя воспроизведенія картинъ и рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Въ журналѣ печатаются: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, біографіи писателей и художниковъ, статьи по общимъ вопросамъ и богатая библіографія, оцѣнивающая всѣ выдающіяся новыя книги, которыя появляются на языкахъ: русскомъ, польскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, англійскомъ, норвежскомъ и др. Во всѣхъ главныхъ городахъ Европы у „Вѣсовъ" есть собственные корреспонденты. Подписная цѣна на годъ (12 книгъ) пять рублей съ пересылкой по всей Россіи; на полгода—три рубля. Допускается разсрочка. Годовые подписчики, внесшіе сполна подписныя деньги до выхода № 1, получатъ премію: изданій к—ва „Скорпіонъ", по ихъ выбору, изъ списка, который будетъ приложенъ къ № 1, на сумму до 3 рублей. Всѣ подписчики „Вѣсовъ" при покупкѣ книгъ, изданныхъ к—вомъ „Скорпіонъ" (болѣе 50 изданій), пользуются скидкой отъ 15% до 50%. Адресъ главной конторы: Москва, Театральная площ., д. Метрополь, кв. 23, книгоиздательство „Скорпіонъ". Отдѣленіе: С.-Петербургъ, Садовая, 18, книжный складъ „Комиссіонеръ".

Рѣдакторъ-издатель С. А. Поляковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ
на ежедневную политическую, общественную, литературную и экон. газету

„УТРО"

издающуюся въ г. Харьковѣ,

Николаевская площадь, д. Земельнаго Банка.

II-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

При ближайшемъ участіи *Ар. Нин. Фатьева.*

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: 12 м. 9 р., 9 м. 7 р. 50 к. 6 м. 5 р. 25 к., 3 м. 2 р. 80 к., 1 м. 1 р. За границу вдвое.

Подписка принимается съ 1 числа каждаго мѣсяца. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа: при подпискѣ 4 руб., къ 1-му апрѣля 3 руб. и къ 1-му августа 2 рубля.

Редакторъ *П. Г. РИТТЕРЪ.* Издатель *А. А. ЖМУДСКІЙ.*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Литературное Дѣло".

Вл. Ладыженскій. Стихи ц.—1 р. **А. Лукьяновъ.** Стихи ц.—1 р.
Письма Лассаля къ Марксу и Энгельсу 2 изд. ц. 1 р.

Выписывающіе со склада (СПБ. Шпалерная, д. 7, кв. 13) за пересылку не платятъ.

Digitized by Google

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1908 г. НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ

Журналъ ставитъ своей задачей распространеніе среди читателей идей послѣдовательнаго политическаго и соціальнаго демократизма и освобожденія личности. Наряду съ вопросами политической и общественной жизни, журналъ удѣляетъ серьезное вниманіе вопросамъ естествознанія, литературы, исторіи и искусства.

Журналъ издается при ближайшемъ участіи:

Ѳ. Батюшкова, Ник. Іорданскаго, Вл. Кранихфельда, М. Куприной, А. Куприна, Евг. Ляцкаго, М. Невѣдомскаго и Е. Тарле.

Въ 1908 г. будутъ напечатаны, въ числѣ другихъ, слѣдующія произведенія:

I. Въ отдѣлѣ **беллетристики**: „Казнь“ разсказъ **Леонида Андреева**; „Три брата“ разсказъ **М. Арцыбашева**; „Изъ книги „Храмъ Солнца“, разсказъ **И. Бунина**; „Этапъ“ разсказъ **В. Вересаева**; „Вѣшалка № 584“, разсказъ **А. Вережникова**; „Мамонтъ“, разсказъ **В. Ирецкаго**; „Безъ родины“ (изъ финляндскихъ мотивовъ), **О. Ковальской**; „Яма“, повѣсть **А. Куприна**; **его-же**: „Половодье“, разсказъ; **его же**: „Вечерокъ“, разсказъ; „Разсказъ заключеннаго“, **Вл. Ладыженскаго**; „Разломъ“, разсказъ **Н. Олигера**; „Логика“, повѣсть **Н. Осиповича**; повѣсть **И. Потапенко**; разсказъ **А. Серафимовича**, „Небо“,

Digitized by Google

разсказъ **С. Сергѣева-Ценскаго**; „Скиталецъ“, повѣсть **В. Сѣрошевскаго**; „Разсчетъ“; повѣсть **Тана**, „Защита“, разсказъ **Н. Телешова**; „Янкель Хаймовичъ“ (изъ записной книжки случайнаго сибиряка) **М. Франкфурта**; „Простецы“, разсказъ **Николая Шиханова**; „Подвигъ“, романъ **А. Ѳедорова**.

Кромѣ того, будутъ помѣщены: „Изъ воспоминаній петрашевца“ **Д. Ахшарумова** и „На волѣ“ (изъ впечатлѣній шлиссельбуржца) **М. Новорусскаго**.

Кромѣ поименованныхъ, принимаютъ участіе въ отдѣлѣ беллетристики и стиховъ: *Д. Айзманъ, Allegro, М. Альбовъ, К. Бальмонтъ, Юл. Безродная, Валерій Брюсовъ, Л. Василевскій, П. Вейнбергъ, Г. Галина, П. Ганзенъ, Л. Гуревичъ, Гусевъ-Оренбургскій, Г. Даниловскій, С. Елеонскій, С. Елпатьевскій, Б. Зайцевъ, А. Каменскій, К. Ковальскій, С. Кондурушкинъ, А. Крандіевская, С. Кречетовъ, Маркъ Криницкій, В. Ладыженскій, А Лукьяновъ, С. Маковскій, В. Муйжель, Н. Никандровъ, М. Ольминскій, М. Первухинъ, А. Петрищевъ, Ѳ. Поступаевъ, Скиталецъ, Р. С., Вацл. Сѣрошевскій, Ев. Тарасовъ, Ив. Тхоржевскій, Д. Цензоръ, Е. Чернобаевъ, Евг. Чириковъ, О. Чюмина, О. Шапиръ, А. Яблоновскій* и др.

II. Въ отдѣлѣ **публицистическихъ и научныхъ статей**: „Борьба за Тихій Океанъ“ **Н. Азбелева**; **его-же**: „Въ Америкѣ“ (путевыя впечатлѣнія); „Романтическая философія и авантюризмъ въ соціологіи“, **Л. Аксельродъ (Ортодоксъ)**; „Эдгаръ Поэ“ **Е. Аничкова**; **его же**: „Вопросы морали въ современномъ романѣ“; „Бюрократія въ русской литературѣ“, **С. Ашевскаго**; „Современное состояніе русской промышленности“, **М. Туганъ-Барановскаго**; „Очерки по исторіи соціализма“, **М. Бернацкаго**; „Разрѣшеніе земельнаго вопроса партіями и жизнью“, **Вл. Горна**; **его же**: „Три избирательныхъ кампаніи“; „Русскій либерализмъ и національное освобожденіе“, **Ник. Іорданскаго**; „Семь смертныхъ грѣховъ“, **Ѳ. Зѣлинскаго**: „Очерки безработицы въ Россіи“ **Л. Клейнборта**; „Элементы современныхъ литературныхъ исканій въ творчествѣ гр. Л. Толстого“, **Вл. Кранихфельда**; „Очерки по исторіи литературы XIX вѣка“, **Евг. Ляцкаго**; „Почему мы не разсыпаемся“? (космологическій этюдъ), **Н. Морозова**; „Внѣшніе займы, какъ причина промышленнаго подъема“, **П. Маслова**; „Философскія драмы Ибсена“, **М. П. Невѣдомскаго**; рядъ статей **Г. Плеханова** подъ общимъ назв: „Критика теоріи и практики синдикализма“; „Народная школа въ свободной Швейцаріи“, **Ю. Рейхесберга**; „Очерки изъ

исторіи революціоннаго движенія въ 70-хъ годахъ", **С. Сватикова**; „Очерки по исторіи рабочаго класса во Франціи въ эпоху Учредительнаго Собранія", **Е. Тарле**; **Ч. Вѣтринскаго (Чешихина)** „П. И. Якушкинъ въ Н. Новгородѣ". Рядъ статей **В. Агафонова** подъ общимъ заглавіемъ „Наука и жизнь": 1) „Половой вопросъ въ области науки, литературы и жизни", 2) „О возрастѣ земли и будущности человѣчества", 3) О превращеніи вещества и о повторяемости идей въ исторіи человѣчества" (по поводу новѣйшихъ открытій), 4) „Законы и гипотезы въ наукѣ и жизни", „Новые взгляды на эволюцію" и другіе.

Въ публицистическомъ и научномъ отдѣлѣ, кромѣ того, принимаютъ участіе слѣдующія лица: *Н. Абрамовичъ, Ѳ. Батюшковъ, Вл. Беренштамъ, П. Берлинъ, К. Богдановичъ, Т. Богдановичъ, В. Богучарскій, акад. П. Бородинъ, проф. Брандтъ, В. Вальтеръ, Л. Василевскій (Плохоцкій), Б. Всееловскій, К. Вейдемюллеръ (Мих. Днѣпровъ), Б. Витмеръ, проф. Випперъ, И. Гинцбургъ, Л. Герасимовъ, А. Давидовъ, Д. Жбанковъ, проф. Зомбартъ, Хр. Ингаровъ, Л. Клейнбортъ, Д. Кольцовъ, М. Ковалевскій, А. Коллонтай, Н. Котляревскій, проф. Ф. Левинсонъ-Лессингъ, М. Лемке, І. Любарскій, проф. Д. Овсянико-Куликовскій, М. Оленовъ, проф. Оршанскій, П. Пильскій, Э. Пименова, К. Покровскій, С. Раппопортъ, М. Рейснеръ, проф. М. Ростовцевъ, И. Рубиновъ, А. Рыкачевъ, М. Славинскій, Ев. Смирновъ, В. Сторожевъ, В. Тотоміанцъ, А. Фаминцынъ, А. Финнъ-Енотаевскій, В. Хижняковъ, проф. Н. Холодковскій, проф. Челпановъ, В. Шарый, Л. Шейнисъ, П. Щеголевъ* и др.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ:

Исторія литературы, критика. Критическія статьи **Ѳ. Д. Батюшкова, Вл. П. Кранихфельда, Е. А. Ляцкаго, М. П. Невѣдомскаго** и другихъ.

Литературные отклики (журнальное обозрѣніе) **Вл. Кранихфельда.**

Вопросы текущей жизни (политическое обозрѣніе) **Ник. Іорданскаго.**

Народинѣ (провинціальный обзоръ) **І. Ларскаго.**

Корреспонденціи изъ провинціи.

Иностранное обозрѣніе.

Digitized by Google

Корреспонденціи изъ-заграницы.

Наука и жизнь (обзоръ новѣйшихъ успѣховъ науки) **В. Агафонова.**

Изъ прошлаго русскаго общества (Воспоминанія, монографіи, обзоръ историческихъ журналовъ).

Искусство (Статьи по исторіи искусства и критическая оцѣнка современныхъ явленій въ области искусства).

Библіографія. Обзоры новѣйшей литературы по отдѣльнымъ отраслямъ знанія и отзывы о новыхъ книгахъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ . .	8 р. — к.	Съ доставкой и пересылкой во всѣ города имперіи.
» полгода .	4 » — »	
» 3 мѣс. .	2 » — »	
» мѣсяцъ .	— » 80 »	
За границу .	10 » — »	

Допускается разсрочка по третямъ года: **3** р. при подпискѣ; **3** р. въ апрѣлѣ; **2** р. въ августѣ.

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ—**7** р. Учащіеся могутъ выплачивать по **1** р. въ мѣсяцъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

КРОМѢ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 7.

въ **Спб.**—Книжн. магаз. Т-ва М. Вольфъ. Уг. Морской и Невскаго пр. Книжн. магаз. Карбасникова. Гостинный дворъ, 19.

Москвѣ—Контора Н. А. Печковской и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-Издательница *Л. Э. Вапсонъ.*

По состоявшемуся соглашенію между издателями журналовъ **„СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ“** и **„МІРЪ БОЖІЙ“**, всѣмъ подписчикамъ журнала

„МІРЪ БОЖІЙ“

высылаются книжки **„Современнаго Міра“** въ теченіи всего времени пріостановки журнала **„Міръ Божій“**.

Digitized by Google

Типографія Монтвида. Конная ул., д. № 3—5.

Современный МІРЪ

ФЕВРАЛЬ

1908

Digitized by Google

Типографія Монтвида, Конная улица, домъ. № 3—5.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

		стр.
1.	ПОДВИГЪ. Романъ **А. Ѳедорова**.	1
2.	ИНЕЙ. 1) Морозъ морозовичъ.—2) Вѣнчанные.—3) Дочери ночи. Стихотворенія. **К. Бальмонта** .	38—40
3.	НЕКРАСОВЪ и БѢЛИНСКІЙ. (По поводу тридцатилѣтія смерти Некрасова). **С. Ашевскаго**	41
4.	ЖИЗНЬ. Стихотвореніе **А. Лугового**.	65
5.	СТРАННИКИ. Повѣсть **В. Сѣрошевскаго**.	66
6.	ВОДОРОСЛЬ. Стихотвореніе **Allegro**	97
7.	НЕУДАВШІЙСЯ КОМПРОМИССЪ. (Эмиль Олливье о себѣ самомъ). **Е. Тарле**	98
8.	ДУБРАВА. (Изъ Л. Пфау). Стихотвореніе **В. Лихачева**	131
9.	МАМОНТЪ. Разсказъ **В. Ирецкаго**	132
10.	ВЪ ИЗГНАНІИ. (Изъ пѣсенъ повстанцевъ І. Крашевскаго) **А. Лукьянова**.	148
11.	КРИТИКА ТЕОРІИ И ПРАКТИКИ СИНДИКАЛИЗМА. Статья II-я. Энрико Леонэ и Иваное Бономи. **Г. Плеханова**	149
12.	GLORIA VICTIS!. (1863). Новелла Элизы Ожешко. (Переводъ съ польскаго *И. Смидовичъ*)	182
13.	О „НАВЬИХЪ“ ЧАРАХЪ И „НАВЬИХЪ“ ТРОПАХЪ. (Художество—жизнь). **М. Невѣдомскаго**. .	205
19.	ГОЛОСЪ КРОВИ. (Zwischen den Rassen) Романъ **Генриха Мана**. Переводъ съ нѣмецкаго *М. Славинской* и *Р. Ландау*.	234

20.	НАЦІОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ КАПИТАЛА. (По поводу № 1 газеты „Промышленность и Торговля“). **Ю. Стеклова**	1
21.	ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТКЛИКИ. Симптомы современныхъ переживаній и настроеній. **В. Кранихфельда** . .	25
22.	ЗА РУБЕЖОМЪ. **Е. Смирнова**	43
23.	НА РОДИНѢ. Интеллигенція и культурная работа. **І. Ларскаго**	67

Digitized by Google

стр.

24. ВОПРОСЫ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ. Кризисъ интеллигенціи. **Ник. Іорданскаго** 85

25. БИБЛІОГРАФІЯ И КРИТИКА. *К. Д. Бальмонтъ.* Бѣлыя зарницы.—*Осипъ Дымовъ.* Земля цвѣтетъ.—*Л. Андреевъ.* Сказка любви.—*А. Нѣмоевскій.* Письма ненормальнаго человѣка.—*А. Нѣмоевскій.* Изъ подъ пыли вѣковъ.—*Адольфъ Гарнакъ,* Сущность христіанства—*Н. Павловъ-Сильванскій.* Феодализмъ въ древней Руси.—*Проф. А. Трачевскій.* Новая исторія. Т. I.—*Эмэ Шэрэ.* Паденіе стараго режима.—*Фр. Мерингъ.* Просвѣщенный обсолютизмъ Фридриха Великаго.—*С. Солнцевъ.* Рабочіе бюджеты въ связи съ теоріей „обѣдненія".—*П. Масловъ.* Аграрный вопросъ въ Россіи (т. I.)—*А. Вилимовичъ.* Землеустроительныя задачи и землеустроительное законодательство въ Россіи.—*Вл. Ильинъ.* Аграрный вопросъ. Ч. I—*А. А. Борисовъ.* У самоѣдовъ 96

26. НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА (съ 20 декабря 1907 г. по 1-го января 1908 г.) 158

27. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Digitized by Google

Подвигъ.

РОМАНЪ [1]).

V.

Разъ навсегда условились не стѣснять другъ друга: пріѣзжіе были у себя дома, а не въ гостяхъ. Должны были сходиться только къ столу.

Вернувшись съ Диною съ моря, послѣ завтрака, Верховская занялась раскладкой своихъ вещей. Ей помогала швея, которую она возила съ собой. Это была пожилая дѣвушка, большая франтиха, до смѣшного копировавшая не только въ манерахъ, но и въ настроеніяхъ свою барыню. Со стороны она иногда напоминала забавную каррикатуру на нее, но Верховская этого не замѣчала и больше всѣхъ сама забавлялась ея ужимками, не принимая ихъ за свое отраженіе.

Дуняша привыкла къ тому, что не только при укладкѣ, но и при раскладкѣ вещей, ей перепадало что нибудь изъ гардероба артистки.

Она съ особеннымъ уваженіемъ и значительностью вынимала изъ большого американскаго сундука каждую вещицу, держа ее двумя пальцами, жеманно отставивъ остальные и вопросительно глядя въ глаза своей барыни, какъ только по ея мнѣнію представлялось что нибудь не совсѣмъ пригодное для барыни, но заманчивое для нея.

Такимъ образомъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ у нея самой составилось солидное приданое, которое, однако, не только не помогало ей выйти замужъ, а, наоборотъ, мѣшало осуществить эту страстную мечту, такъ какъ каждая новая тряпка дѣлала ее болѣе требовательной въ вы-

[1]) См. „Соврем. Міръ", январь, 1908.

Digitized by Google

борѣ жениховъ. Въ юности она мечтала о семинаристѣ или студентѣ, а теперь считала себя достойной по крайней мѣрѣ какого-нибудь чиновника. Что касается артистовъ, она ихъ не уважала.

Каждой своей новой надеждой она дѣлилась съ барыней. И когда та замѣчала разочарованіе на лицѣ своей швеи, сопровождавшееся томительнымъ раскладываніемъ пасьянсовъ въ свободные часы, съ осторожностью ее спрашивала:

— Ну, какъ наши дѣла, Дуняша?

На что Дуняша съ горделивой горечью отвѣчала:

— Я безъ закона никакого касательства до себя не позволю.—И съ высокомѣрно презрительнымъ выраженіемъ добавляла.—Они говорятъ, что симпатіей ихъ я могу быть, а что жениться на мнѣ они не могутъ.

Еле удерживаясь отъ смѣха, Верховская давала ей реплику:

— Ну, а что же ты?

Дуняша вскидывала глаза, какъ это дѣлала ея барыня иногда на сценѣ, и, выставляя плоскую грудь, заносчиво произносила:

— Ну, ужъ нѣтъ, пардонъ, я не хористка какая нибудь.

Дина не любила разбираться въ этихъ тонкихъ тканяхъ и кружевахъ, похожихъ на сѣти пауковъ, въ этихъ шелестящихъ шелкахъ, часто напоминающихъ покровы, снятые съ громадныхъ змѣй тропическихъ странъ. Ее одуряли и отталкивали эти ароматы смѣшанныхъ духовъ, удушливые, какъ пыль, стѣснявшіе дыханіе, такъ непохожіе на естественные, освѣжающіе запахи цвѣтовъ.

Она то подъ тѣмъ, то подъ другимъ предлогомъ ускользала въ свою комнату, бѣлую и свѣтлую, какъ фонарь, и тамъ съ удовольствіемъ касалась руками своего чистаго, прохладнаго бѣлья и простенькихъ платьевъ, раскладывая и развѣшивая ихъ по мѣстамъ, то напѣвая, то приговаривая что то, какъ будто каждая вещь была ея другомъ.

Верховская была удивлена и даже немножко уязвлена тѣмъ, что и подруга, несмотря на ея намеки, не выказывала никакого вниманія къ ея туалетамъ. Она никакъ не могла постичь этого равнодушія и объясняла его то рисовкой съ ея стороны, то недовольствомъ за то, что она привезла съ собою брата. Это было даже не совсѣмъ любезно,—въ первый же день въ продолженіе трехъ часовъ не показать глазъ.

Digitized by Google

Нѣсколько разъ, по порученію матери, Дина сбѣгала внизъ. Она понимала ея настроеніе и старалась смягчить отсутствіе Алексиной. Та была видимо чѣмъ то разстроена, по всей вѣроятности письмомъ, которое передъ завтракомъ принесъ почтальонъ, и все время сидѣла у себя и писала что то.

Верховской стало жарко отъ этой возни съ костюмами; хотя жалюзи были спущены, въ комнатѣ стояла рябоватая тѣнь, и легкій вѣтеръ вливался лѣнивыми освѣжающими приливами. Потерявъ надежду, что Алексина придетъ, Верховская сняла красивый капотъ и кончала свою работу почти раздѣтая.

Заглянувъ на минуту въ комнату Дины, она ахнула: среди бѣлыхъ стѣнъ солнце точно справляло праздникъ, такъ что Верховская даже глаза закрыла.

— Какъ ты можешь такъ? Вѣдь тутъ сгорѣть можно отъ солнца.

— Нѣтъ, я люблю.

— Ну, ужъ это... я не знаю что... Надо быть саламандрой, чтобы это любить.

— А ты, мамочка, иди выкупайся и тебѣ не будетъ такъ жарко,—искушала ее дочь.

— Нѣтъ, я сейчасъ кончу, и Дуняша освѣжитъ меня холодной водой съ одеколономъ. Ты вѣдь все убрала. Помоги мнѣ, Дина.

Дина была немного огорчена, что мать не обратила вниманія на ея строгую бѣлую кровать и туалетный столикъ, который она уже успѣла затянуть бѣлой кисеей, письменный столикъ, уставленный наивными письменными принадлежностями, и полочку съ любимыми книгами, съ которыми она не разставалась.

Вскорѣ и помѣщеніе Верховской было готово, и, несмотря на непродолжительность ея пребыванія здѣсь, это помѣщеніе какъ-то сразу связалось съ ея пышной внѣшностью. Подчеркивалось ли это великолѣпнымъ покрываломъ на кровати, или зеркаломъ въ изысканной рамѣ, или тѣми мелочами, которыя успѣли найти свое мѣсто въ комнатѣ и особенно на туалетѣ, но духъ хозяйки уже виталъ здѣсь.

Она утомилась, но была довольна, и пока Дуняша приготовляла все, чтобы вытереть ее, она въ одной рубашкѣ раскинулась на японской кушеткѣ и сладко потягивалась, чувствуя истому во всемъ тѣлѣ.

Внизу, серебристымъ звономъ часики пробили пять. Въ

Digitized by Google

шесть часовъ обѣдали и надо было успѣть къ обѣду сдѣлать туалетъ. Она стала въ походный гутаперчевый тазъ и, лѣниво распустивъ шелковыя скрѣпы на плечахъ, предоставила Дуняшѣ стянуть съ себя рубашку.

Комната сразу какъ бы прониклась присутствіемъ наготы, и, казалось, воздухъ весь разлился вокругъ нея въ легкихъ трепетаніяхъ.

Она озабоченно и внимательнѣе, чѣмъ когда либо, оглядывала свое тѣло, досадуя, что нѣтъ ея огромнаго трюмо, въ которомъ привыкла видѣть всю себя, изо дня въ день провѣряя свое впечатлѣніе, съ острыми уколами замѣчая малѣйшіе слѣды на немъ струящагося по живому тѣлу времени.

Ея тѣло было красиво и пышно, но въ немъ уже чувствовалась послѣднее догрѣваніе, плода, слишкомъ полное соками, разрушающими упругость и крѣпость его тканей, способныхъ сохранять свою свѣжесть еще долго послѣ того, какъ пора цвѣтенія отошла. Эта пышность переходила въ вялость, особенно на груди, хотя, сберегая свою красоту, Верховская не сама выкормила Дину, а держала для нея кормилицу, здоровую крестьянку-шведку. Эта вялость особенно бросилась ей въ глаза сейчасъ и чтобы сгладить ее, она высоко подняла руки кверху, сцѣпила пальцы на головѣ и, за отсутствіемъ трюмо, обратилась къ Дуняшѣ, въ которой всегда находила отраженіе впечатлѣнія, ободрявшаго ее еще болѣе, чѣмъ зеркало.

Отъ таза съ холодной водой, разбавленной одеколономъ, шелъ легкій щекочущій ароматъ.

Обнаженными руками, тонкими, какъ куриныя лапы, Дуняша взяла громадную, набухшую влагой губку и подняла ее вровень съ полными бѣлыми плечами Верховской.

Вода хлынула на спину, на грудь и, всхлипывая отъ холодка и удовольствія, Верховская поводила плечами, изгибалась всѣмъ тѣломъ, и ей доставляло удовольствіе еще разъ убѣдиться, что Дуняша съ восторгомъ прикасается къ ея тѣлу, какъ бы лаская его этими обильно льющимися струями воды.

Восторгъ Дуняши въ эту минуту еще болѣе расцвѣлъ, благодаря неожиданно полученной ею шелковой кофточкѣ абрикосоваго цвѣта, чуть-чуть полинявшей подъ мышками.

— О, барыня, какая вы красивая и нѣжная, ну совсѣмъ, какъ сливочное масло.

Digitized by Google

Дуняша каждый разъ выдумывала какое нибудь новое сравненіе, но послѣднее Верховской не понравилось.

Въ самомъ дѣлѣ, ея кожа уже начинала утрачивать тѣ благородные тона молодости, которые разлагало и обезцвѣчивало обиліе соковъ послѣдней зрѣлости.

Дуняша съ неудовольствіемъ поморщилась: не угодила, и мысленно тутъ же признала превосходство красоты худощавыхъ надъ полными; но, растирая послѣ обмыванія мохнатымъ полотенцемъ ея выхоленное полное тѣло, медленно подставлявшее то спину, то грудь, она забыла эту маленькую обиду и опять почувствовала то чисто физическое наслажденіе отъ непрерывнаго прикосновенія къ гибкимъ переливамъ тѣла и гладкой шелковистой кожѣ, которое безотчетно соприкасается съ желаніемъ у женщинъ, не извѣдавшихъ грубыхъ мужскихъ ласкъ.

Когда отъ растиранія помолодѣло и порозовѣло ея тѣло, Верховская еще разъ упрекнула Дуняшу:

— Сливочное масло! Развѣ сливочное масло бываетъ розовымъ!

И она закрыла глаза, прислушиваясь къ сладостному движенію крови, которая весело и ласково пѣла въ ней, въ ея рукахъ, ногахъ, во всемъ тѣлѣ, ощутившемъ волнующее напряженіе и подъемъ.

За окномъ посвистывали птицы, и гдѣ-то далеко удодъ глуховато чеканилъ: худо тутъ... худо тутъ... и изъ кухни смутно доносился говоръ и звонъ посуды.

Внезапно эти звуки захлестнулъ длительный шорохъ, похожій на шипѣнье волны межъ камнями: прошуршали велосипедныя шины по гравію. Вслѣдъ за этимъ громкій веселый голосъ профессора какъ-то потушилъ всѣ эти звуки.

— Куда же всѣ попрятались? Никого!

При первыхъ же звукахъ этого голоса Верховская инстинктивно закрылась простыней.

Дина сначала было бросилась къ окну, но остановилась на полпути и, вся съежившись, прижалась къ стѣнѣ.

— Профессоръ съ сыномъ пріѣхали,—возвѣстила Дуняша.—На велосипедахъ.

— Скорѣе одѣваться,—заспѣшила Верховская.

Нисколько не стѣснявшаяся своей наготы во время обтиранья, она теперь старалась скрыть ее не только отъ глазъ Дуняши, но какъ будто и отъ себя самой. Быстро надѣла сорочку и сама натянула чулки.

Digitized by Google

Дина посмотрѣлась въ зеркало и, замѣтивъ, что поблѣднѣла, стала растирать щеки дрожащими пальцами. Въ нерѣшительности цостоявъ посреди комнаты съ бьющимся сердцемъ, она стремглавъ бросилась къ двери и застучала каблучками по деревянной лѣстницѣ.

Увидѣвъ ее, Николай съ торжествомъ воскликнулъ:

— Ну и потѣха была. Вотъ, Дина, если бы ты слышала, какъ папа отдѣлалъ этого сеньора!

— Какого сеньора?—спросила Дина, не смѣя взглянуть на Алексина. Она видѣла только Николая въ бѣлой рубахѣ съ широкимъ поясомъ, съ покраснѣвшимъ лицомъ и вспотѣвшими волосами.

— Въ университетѣ, защищалъ диссертацію.

— А—а.

Дина скосила глаза и увидѣла около дерева его. Онъ стоялъ опершись спиной о стволъ, заложивъ ногу за ногу, одѣтый совсѣмъ такъ же, какъ Николай, и вытиралъ съ оживленнаго лица потъ. Шелковая сѣрая каскетка была сдвинута на затылокъ и придавала ему моложавый видъ.

Николай продолжалъ съ восторгомъ:

— Камня на камнѣ не оставилъ. Такъ вытянулъ ему уши, что тому оставалось только на четвереньки встать для полнаго сходства съ осломъ.

Дина все еще не могла овладѣть собою и стояла, обхвативъ колону, съ неестественнымъ выраженіемъ на лицѣ.

Николай разсмѣялся:

— Отчего у тебя такой видъ, точно ты снимаешься у плохого фотографа?

Верховская, спускаясь внизъ, протянула нараспѣвъ:

— Представьте, Коля, Дина просила меня уѣхать.

— Что? Уѣхать!—вступился профессоръ.—Вамъ не понравилось у насъ, Дина? Вы чѣмъ нибудь недовольны?... Обижены?

— Говоритъ, сонъ какой то тамъ видѣла. Пустяки, конечно. Просто, ей стыдно давешней глупости.

— Я уже забылъ о ней.

Дина живо обернулась къ нему и спросила:

— Уже?

Всѣ взглянули на нее, но она серьезно смотрѣла на Алексина.

Онъ нѣсколько смѣшался.

— А, что тутъ такого! Мы старые пріятели.

Digitized by Google

Дина оживилась.

— Правда, правда.—И тотчасъ же лукаво перевела глаза на мать.

— Вѣдь ты же, мама, поцѣловалась съ Николаемъ при встрѣчѣ. Мамочка, милая, покраснѣла. Какъ дѣвочка покраснѣла!

— За тебя, конечно.

— Я никуда и не собираюсь уѣзжать.

— Ну вотъ не угодно ли...

— Ты же видѣла, я уже разобралась и даже твоего Николая угодника надъ кроватью повѣсила.

— Сейчасъ одно, черезъ минуту другое...

— У мамы Николай угодникъ—святой въ первомъ чинѣ. Вы не угодникъ? — неожиданно обратилась она къ Николаю.

— Нѣтъ, я Никола-мокрый. Именинникъ 10 мая,—со смѣхомъ отрапортовалъ Николай.—Но это еще не значитъ, что я не могу быть повѣшенъ. Однако, пора уже обѣдать.

На террасѣ уже давно мелькалъ бѣлый фартукъ горничной. Столъ былъ накрытъ, и въ вазѣ, среди бѣлаго и блестящаго, яркимъ пятномъ выдѣлялись цвѣты.

— Что же не видно хозяйки? Анна!—крикнулъ профессоръ.

— Анна!—шутливо подхватилъ Николай.

— Она пишетъ что то. И уже давно пишетъ,—замѣтила Верховская

— Можетъ быть тоже диссертацію?

— Да, вы не шутите, она мнѣ много помогаетъ.

Николай взбѣжалъ на террасу и обнялъ появившуюся мать.—Вотъ и наша Анна! Ты не слышала, какъ мы здѣсь вопили отъ голода?

Алексина безпокойно взглянула вокругъ: его не было.

— У тебя усталый видъ. Ты что писала, письмо?

— Да.

— Только женщины способны писать письма до изнеможенія. Кому это?

— Да, да, кому это?

Верховская умиленно воскликнула:

— Совсѣмъ одна манера съ отцомъ.

— Ничего общаго,—съ несдержанной рѣзкостью бросила Алексина и повернулась обратно.

Профессоръ проводилъ ее удивленнымъ взглядомъ.

Digitized by Google

Верховская постаралась смягчить эту непонятную выходку подруги:

— Удивительно, какъ хочется каждому изъ родителей, чтобы ребенокъ былъ похожъ именно на него.

— Жажда безсмертія.

Алексинъ круто перевелъ разговоръ:

— Ну, что, Маргарита Александровна, вы отдохнули съ дороги?

— Да я совсѣмъ не устала. Привычка ѣздить по гастролямъ. Я была тамъ, среди холмовъ, на берегу, у самой воды...

И вновь переживая давешнее ощущеніе, она, сама себѣ удивляясь, повторяла:

— Вы знаете, у меня все еще такое состояніе, точно я во снѣ и не во снѣ. Просто не вѣрится, что все это не декорація, а настоящее. И понятно. Столько времени пробыть среди декорацій. И люди то были подстать декораціямъ: одно-копія съ природы, другое—копія съ людей. Я съ такой завистью глядѣла на настоящія лодки, которыя шли подъ настоящими парусами. Такъ хотѣлось быть самой тамъ.

— Что же, я могу васъ покатать подъ парусомъ послѣ обѣда,—предложилъ Николай.—Вечеръ предстоитъ чудесный. Береговой вѣтерокъ, значитъ и качать не будетъ.

— Ахъ, какъ это дивно,—восторженно произнесла она, однако, —съ нѣкоторымъ внутреннимъ опасеніемъ передъ настоящимъ, а не декоративнымъ моремъ.

Къ обѣду не хватало Верховскаго.

Отецъ съ сыномъ успѣли стряхнуть съ себя пыль и освѣжиться, а его все не было.

— Да гдѣ онъ, наконецъ?—спросилъ Алексинъ.

Дина вспомнила:

— Я его видала недавно тамъ, внизу.

— Пойди, крикни его, Николай.

Алексина прервала мужа:

— Зачѣмъ это дѣлать Николаю, сдѣлаетъ прислуга.

— Что за пустяки, мама! ты вѣрно думаешь, что я усталъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, оставайтесь,—остановилъ онъ прислугу.—Я схожу самъ. Пойдемъ, Дина.

— И я пройдусь съ вами. Дайте мнѣ вашу руку.

Верховская взяла подъ руку Николая и сразу пошла съ нимъ въ ногу.

Digitized by Google

— Какъ ловко съ вами итти. Точно у меня крыло съ лѣвой стороны.

Дина шла позади ихъ и по дорогѣ обернулась къ террасѣ и замѣтила, что Алексинъ, опершись ладонями о столъ и наклонившись къ женѣ, устало сидѣвшей съ опущенными руками, что-то говорилъ ей. Мимолетное чувство зависти уступило мѣсто смутному подозрѣнію, которое и огорчило ее и втайнѣ утѣшило.

— Ты не въ духѣ, Анна?

— Да, можетъ быть.

— У тебя такой раздраженный тонъ. Это неловко по отношенію къ нимъ.

На ея нетерпѣливое движеніе онъ поспѣшилъ сказать.

— Какая ты странная! Объ этомъ надо было думать раньше, ужъ если такъ.

— Тебя никто и на обвиняетъ въ этомъ. Я сама виновата и каюсь.

— Не понимаю, что ты имѣешь противъ него?

Алексину непріятна была эта злобность жены. Онъ и безъ того опасался, что присутствіе постороннихъ людей лишитъ его возможности спокойно работать, а тутъ еще эта натянутость...

— Да чего ты на него такъ взъѣлась? Отчего ты такъ враждебно и недовѣрчиво къ нему относишься?

Она раздраженно къ нему обернулась, спѣша перевести на другое:

— А ты слишкомъ довѣрчивъ. Оттого тебя и дурачатъ люди. Ввѣряешься предателямъ, подписываешь векселя мошенниковъ.

Онъ недовольно поморщился.

— Ты все еще не можешь мнѣ простить этого поручительства.

— А развѣ за него не приходится расплачиваться?

— Вотъ женская манера спорить: по самому незначительному поводу вспоминаютъ малѣйшія ошибки и оплошности.

— Прибавь еще къ этому: когда женщины во всемъ сами виноваты.

Она покраснѣла отъ досады, которая начинала и его задѣвать своей явной неосновательностью. Онъ пожалъ плечами.

Digitized by Google

— Положительно тебѣ вредно писать такія длинныя письма.

Въ глубинѣ аллеи показались возвращающіеся. Онъ прервалъ новую вспышку съ ея стороны.

— Идутъ. Не будемъ ссориться.

Она поднялась и забормотала нервно и путанно:

— Я вотъ что скажу тебѣ. Если только этотъ господинъ не уѣдетъ отсюда, я уѣду къ матери на все время, пока онъ останется тутъ. Я получила отъ нея письмо... Она не совсѣмъ здорова. У меня будетъ естественный предлогъ уѣхать.

Онъ только развелъ руками.

— Это ужъ, извини меня, совсѣмъ дико.

Къ террасѣ подошли Верховскіе и Николай.

Чтобы не замѣтили послѣ этой сцены натянутаго настроенія, которое, какъ паутина, обволакивало ихъ лица, онъ совсѣмъ уже другимъ тономъ спросилъ жену:

— Такъ это ты матери писала такое длинное письмо?

Но она упорно не хотѣла ломать себя.

— Нѣтъ, не матери.

Прислуга подавала на столъ.

VI.

За обѣдомъ Алексинъ старался оправдать настроеніе жены; хотя внутренно что-то его царапало.

— У Анны не совсѣмъ здорова мать и потому она немного разстроена.

Всѣ обратили на нее глаза.

Разливая супъ и не поднимая глазъ, она неожиданно заявила неестественно спокойно:

— Я боюсь, какъ бы мнѣ не пришлось поѣхать къ ней.

Верховская искренно огорчилась.

— Ахъ, какая жалость! Надѣюсь, если и уѣдешь, не на долго?

Верховскій какъ то вскользь задалъ вопросъ:

— Вы поѣдете одна?

— Нѣтъ, я попрошу Николая поѣхать со мною.

Алексинъ, ошеломленный этимъ скороспѣлымъ рѣшеніемъ, все еще не придавалъ ему, однако, настоящей вѣры.

— Обоихъ надолго не отпущу. Да и, наконецъ, что объ этомъ загадывать. Надо повременить. Можетъ быть, это ложъ-

Digitized by Google

ная тревога; ей будетъ лучше и тогда ты никуда не поѣдешь.

Неловкое молчаніе повисло въ воздухѣ.

Неторопливо расправляя салфеткой усы, Верховскій посмотрѣлъ на Николая.

— Досадно, если вамъ прійдется уѣхать. Я хотѣлъ попросить васъ попозировать для моей картины.

— А ты что пишешь?—спросилъ профессоръ.

— Еще не пишу. Только сегодня задумалъ. Принесеніе Исаака Авраамомъ въ жертву. Это пустынное море и эти горбатые холмы какъ разъ то, что мнѣ нужно для картины.

— При чемъ же тутъ море,—начала было Дина, но художникъ снисходительно остановилъ ее.

— Знаю, знаю, что ты недавно учила священную исторію, но я пишу не на академическую тему.

Профессоръ не выдержалъ.

— Такъ, такъ. Удивительный народъ художники: все толкутся на одномъ мѣстѣ, точно ихъ и не касается эта новая волнующая жизнь.

— То, о чемъ ты говоришь, не вѣчно.

Алексинъ даже ѣсть пересталъ:

— Какъ не вѣчно. Подвижничество людей, прозрѣвающихъ истину и по терніямъ идущихъ къ ней сквозь пламя и сумракъ,—это не вѣчно. Или надо дождаться пока пройдутъ вѣка и создадутся легенды изъ событій, которыя проходятъ передъ нами, чтобы назвать эти мотивы вѣчными!

Ножи и вилки стали сдержаннѣе позвякивать о тарелки. Подулъ легкій вѣтерокъ и, вмѣстѣ съ запахомъ морской воды, донесъ издалека съ моря смутные перекликающіеся голоса.

Николай ѣлъ съ аппетитомъ. Когда отецъ кончилъ, онъ поторопился проглотить кусокъ и горячо подхватилъ:

— Правда, отецъ. Господа художники, толкующіе постоянно о ненависти рутины, сами, въ сущности, являются первѣйшими рутинерами. Вы простите, это не къ вамъ относится,—обратился онъ къ Верховскому.—Я мало знакомъ съ вашими произведеніями, но изъ газетныхъ замѣтокъ о васъ у меня осталось впечатлѣніе, что вы служите такъ называемому новому искусству.

Верховскій снисходительно улыбнулся, несмотря на непріязненный тонъ Николая: онъ зналъ въ себѣ эту черту

Digitized by Google

нетерпимости, переходившую въ непріязнь къ тѣмъ, кто не раздѣлялъ дорогихъ ему взглядовъ.

— Новое искусство, старое искусство... Обычныя нападки. Искусство всегда ново, если оно талантливо. Событія и факты это не вѣчно, а вѣчно то, что символизируетъ ихъ. Авраамъ приносящій въ жертву Исаака это—символъ. Имъ могутъ быть опредѣлены тысячи современныхъ событій. Наконецъ: вѣрно не то, что изобразить, а какъ изобразить. Важно передать душу явленія.

Верховскому скучно было бы говорить эти банальныя для него вещи, если бы за ними, какъ за ширмой, не скрывались иныя соображенія.

Это вѣрно почувствовалъ и Алексинъ, и снова принялся за ѣду.

— Нельзя въ мѣхи старые вливать вино новое.

Верховскій уже устало, ни на кого не глядя, говорилъ,

— Для меня новое это—новыя средства, которыми я достигаю своего, все остальное—отъ лукаваго. Я вижу въ этомъ мотивѣ только отвлеченную красоту, дѣйствительность меня бы испугала, и я самъ не только не восхитился бы такимъ подвигомъ, но навѣрное схватилъ бы за руку всякаго Авраама.

Николая точно толкнуло что-то.

— Въ такомъ случаѣ я не гожусь для Исаака на вашей картинѣ, потому что навѣрно укусилъ бы такую непрошенную руку.

Дина со смѣхомъ воскликнула:

— Браво, Николай!

Верховскую начинало тяготить молчаніе подруги и ея подавленно грустный видъ. То, что она даже не скрывала своего угнетеннаго состоянія, заставляло предполагать нѣчто большее, чѣмъ болѣзнь матери. И это было видно еще и изъ того, что Алексина не глядѣла на Верховскаго, который, повидимому умышленно, сѣлъ рядомъ съ Николаемъ.

Слова Николая заставили его сразу какъ, то насторожиться и это совсѣмъ не вязалось съ небрежнымъ тономъ, которымъ онъ замѣтилъ:

— Даже если бы это была рука близкаго вамъ человѣка?

— Даже если бы это была рука моей матери.

Верховская, воображеніемъ артистки быстро переносясь къ дѣйствительности, съ искреннимъ испугомъ воскликнула:

Digitized by Google

— Ахъ, Боже мой, какіе ужасы вы говорите! Развѣ ты, Аня, могла бы допустить принести твоего сына въ жертву?

Это разсмѣшило всѣхъ, кромѣ Алексиной.

— До послѣдняго времени—нѣтъ, теперь, можетъ быть, я сама благословила бы его.

Это было сказано тихо и серьезно, съ затаеннымъ раздраженіемъ, бросавшимъ мутный подозрительный свѣтъ на ея признаніе.

Всѣ перестали смѣяться. Николай вскочилъ съ мѣста, бросился къ матери и поцѣловалъ ее.

— Спасибо, мама, ты у меня молодецъ!

— Признаюсь, я не ожидалъ отъ тебя такого мужества.

Верховскій почувствовалъ новый острый уколъ, умышленно нанесенный его больной ранѣ. На одно мгновеніе онъ стиснулъ зубы и сощурилъ глаза, потомъ сразу открылъ ихъ на нее съ дѣланнымъ недоумѣніемъ:

— Почему раньше—нѣтъ, а теперь — да? Или, можетъ быть, вашъ мужъ правъ, что люди такъ, сразу могутъ мѣняться въ наше время?

Ей противна была эта пошлая игра.

— Нѣтъ, совсѣмъ не потому.

— Почему же?—заинтересовался Алексинъ.

Прислуга поставила передъ ней блюдо и Алексина машинально выполняла обязанности хозяйки. Она отвѣтила не сразу:

— Ты узнаешь это изъ того, что я писала сегодня.

У нея, какъ то помимо воли, выступила эта фраза. Она не могла не отвѣчать и выходило такъ, что они съ Верховскимъ, какъ два шуллера, вели игру съ извѣстными имъ картами, оставляя другихъ итти въ темную. Униженіе тѣхъ, не сознаваемое ими, было еще большимъ униженіемъ для нея.

Верховская почти угадывала эту игру и ее огорчало, помимо всего, что она не избавлена и тутъ отъ этого надоѣвшаго ей условнаго настроенія.

— Ты совсѣмъ ничего не ѣшь,—досадливо обратилась она къ дочери, видя, какъ та переводитъ тревожно и вопросительно глаза съ одного на другого и боится остановиться только на Алексинѣ, въ сѣрыхъ глазахъ котораго, несмотря на всю ихъ ясность, всегда остается что-то загадочное.

Digitized by Google

— А, такъ ты, значитъ, писала не письмо. Можетъ быть, психологическій трактатъ?

— Да, вродѣ этого.

— Интересно. Не прочтешь ли намъ его послѣ обѣда?

Онъ всегда выражалъ ей свое довѣріе. Во всякомъ случаѣ, это будетъ любопытно. Своимъ вниманіемъ къ ней, онъ прежде всего хотѣлъ разсѣять ее и уничтожить тотъ чадъ, который непонятнымъ образомъ обволакивалъ здѣсь каждое слово.

Она замкнуто и неохотно отвѣтила:

— Ты прочтешь, когда я уѣду. И напишешь объ этомъ мнѣ искренно.

Ей самой былъ непріятенъ ея тонъ, тонъ должника, вынужденнаго заявить кредитору о своемъ банкротствѣ, но вѣдь онъ не былъ по отношенію къ ней ростовщикомъ. И все таки каждое слово его ложилось передъ ней острымъ камнемъ.

— Зачѣмъ же напрасно писать? Я врагъ безъ нужды проливаемыхъ чернилъ. И странно, что ты, прежде, чѣмъ писать, не поговорила со мной.

— Я сначала такъ и хотѣла, потомъ рѣшила—лучше написать. Мнѣ было бы тяжело передать тебѣ это на словахъ.

— Это тѣмъ интереснѣе, что ты говоришь о своей работѣ, какъ о серьезномъ произведеніи.

Онъ какъ бы вытягивалъ у нея эти слова, близкія къ признанію. По временамъ ей казалось, что онъ отлично все знаетъ и только мучаетъ ее своимъ притворствомъ. Но если нѣтъ, его слѣпота способна была унизить его въ ея глазахъ и вызывала противъ него раздраженіе, препятствуя ея сознанію. Съ страшнымъ трудомъ она вытянула изъ себя послѣдній отвѣтъ:

— Да, я думала объ этомъ, не переставая. Это мучило меня много лѣтъ... наконецъ, я рѣшилась.

— Но тогда это нельзя написать такъ скоро. Ты, вѣроятно, оттого и не рѣшаешься намъ прочесть, что у тебя не закончено. Интересно, ужасно интересно!

— Ай да, мама! Не даромъ я сразу заподозрилъ, что она писала диссертацію.

Верховская съ недовѣріемъ поглядывала на свою подругу.

— Вотъ, что значитъ, быть всегда около такого талантливаго и ученаго мужа. Я положительно завидую тебѣ.

Digitized by Google

Динѣ также почему то было непріятно это открытіе.

Алексина обрадовалась, когда Николай сложилъ свою салфетку и вопросительно взглянулъ на мать.

— Можно,—отвѣтила она, поднимаясь сама.

Всѣмъ какъ будто легче стало дышать. И только сейчасъ замѣтили, какой наступаетъ удивительный часъ; какая нѣжность и ласка разливается въ природѣ.

Верховская сошла съ террасы, остановилась въ цвѣтникѣ и съ пафосомъ воскликнула:

— Боже мой, какой закатъ!

Всѣ, кромѣ Алексиной, сошли въ садъ и обратили лица на западъ.

Солнца уже не было, но, какъ лицо дѣвушки послѣ поцѣлуя, бѣлый садъ хранилъ отблескъ послѣдней ласки. Цвѣты его, напившись предзакатнымъ солнечнымъ свѣтомъ, порозовѣли и засвѣтились отъ счастія, вотъ-вотъ готовые растаять, какъ снѣгъ; даже опавшіе лепестки, устилавшіе взрыхленную лиловую землю, и тѣ какъ будто умирали счастливые, что выполнили свое предназначеніе.

Дина, безотчетно взволнованная этой тайной расцвѣта и счастья, будившей въ ней самой смутныя броженія, непостижимыя и близкія тѣмъ, смотрѣла очарованная и какъ будто бы сама себя спросила:

— Что должны чувствовать они вотъ сейчасъ? Эти цвѣты?

Алексинъ все время любовался выраженіемъ ея лица, порозовѣвшаго на закатѣ, какъ цвѣты.

— Развѣ вы не видите? Да, да, вы еще теперь не можете постичь этого вполнѣ. Это должно быть великое ощущеніе счастливаго, молодого материнства, цѣломудренное, несмотря на свою завершенность.

Верховскій стоялъ, скрестивъ на груди руки, и не столько курилъ, сколько мялъ зубами папиросу, но иногда онъ въ раздраженіи затягивался, и дымъ, подходя къ его глазамъ, заставлялъ его непріятно щуриться. Эти уподобленія казались ему слащавыми и фальшивыми, и хотѣлось поймать Алексина въ противорѣчіи, въ чемъ то уличить его.

— Ну, что можетъ быть красиваго въ материнствѣ? Я говорю о людяхъ. И безобразно, и болѣзненно, и чаще всего окружено ложью и предразсудками.

— Такимъ его сдѣлали.

— Нѣтъ, таково оно есть по существу, потому что человѣкъ не цвѣтокъ. Наконецъ, у цвѣтовъ, насколько мнѣ из-

Digitized by Google

вѣстно, существуетъ перекрестное опыленіе. Когда среди растеній необходимость не допускаетъ перекреснаго опыленія, цвѣты выходятъ чахлые и жалкіе. Такъ вѣдь?

— Такъ. Что же изъ этого?

— А то, что для всякаго рожденія,—будь то творчество, или рожденіе ребенка, нужна вся полнота энергіи, вся свѣжесть желанія. А какая уже тутъ энергія и свѣжесть, когда люди, на такъ называемыхъ законныхъ основаніяхъ, живутъ другъ съ другомъ десятки лѣтъ; привыкнутъ одинъ къ другому; притупятся, и при такихъ то обстоятельствахъ производятъ дѣтей.

— Ну, однако, нельзя же подражать и цвѣтамъ,—съ робкимъ недоумѣніемъ вставила Верховская.

На это онъ возразилъ, вызывающе глядя на Алексина.

— А почему бы и нѣтъ?

Алексинъ расхохотался.

— Въ самомъ дѣлѣ, почему бы и нѣтъ! Только ты напрасно ссылаешься на перекрестное опыленіе. Оно тутъ не при чемъ. Перекрестное опыленіе это такое же исканіе пары, какъ и человѣческая любовь. Вѣдь тебя никто не заставляетъ жениться на твоей родственницѣ. Цвѣтамъ въ данномъ случаѣ помогаютъ стихіи. Кто знаетъ, не такія ли стихіи движутъ и нами въ любви. Вотъ если бы ты,—перешелъ онъ уже на серьезный тонъ,—имѣлъ въ виду уродство брака и всякихъ иныхъ житейскихъ условій, это было бы иного рода дѣло... Но и тутъ, видишь ли, у человѣка есть то, чего не имѣется у цвѣтовъ... Привязанности... долгъ.

— Ахъ, долгъ,—нетерпѣливо перебилъ его Верховскій.— Позолоченная петля. Ты долженъ дѣлать то-то и то-то, потому что этого требуютъ люди, а люди требуютъ того, что создаетъ эти уродства, о которыхъ ты говоришь. Это одинъ изъ ужасовъ жизни, отъ котораго не спасетъ ни революція, ни та свобода, къ которой стремитесь вы, какъ не спасла отъ него религія милосердія и всепрощенія.

— Ты знаешь что нибудь другое?

— Если бы я зналъ, я бы былъ избавленъ отъ всѣхъ ужасовъ жизни. Я не знаю, но я чувствую только одно, что вы все больше и больше затягиваете узлы жизни, потому что добровольно отдаете себя во власть тѣхъ, кто ничего не можетъ, ничего не умѣетъ и ничего не смѣетъ самъ желать. И если бы мнѣ самъ Богъ сказалъ, что великій,

Digitized by Google

геніальный, красивый долженъ броситься въ бездну для того, чтобы сто, даже тысяча ничтожныхъ уродовъ, тупыхъ и голодныхъ вздохнули свободнѣе и веселѣе взглянули на міръ, я бы всѣмъ существомъ своимъ закричалъ: это ложь! Почему имъ—улыбка, мнѣ хрипъ въ петлѣ. Да наконецъ, я прямо таки и не вѣрю въ то, что моя смерть дастъ кому то жизнь.

— А совѣсть!—вся покраснѣвъ отъ возмущенія, неожиданно отозвалась Дина.

И это слово, вылетѣвшее изъ полудѣтскихъ устъ, именно потому, что это было простое, искреннее, страстное слово ребенка, разбило какъ камень, упавшій съ неба, этотъ хрустальный дворецъ, въ который хотѣла заключить себя взбунтовавшаяся мысль.

Голосъ Дины заставилъ Верховскую спохватиться: какъ она могла допустить присутствовать ее при такой щекотливой бесѣдѣ! Впрочемъ, она успокоила себя: врядъ ли дѣвочка поняла здѣсь что нибудь такое...

Дина обратилась къ Алексиной, которая, очевидно, слышала весь этотъ разговоръ, стоя у перилъ.

— И вы тутъ?

Алексина быстро сошла съ террасы, желая прервать разговоръ, который, какъ ей казалось вначалѣ, грозилъ поставить ея мужа въ смѣшное и жалкое положеніе передъ Верховскимъ.

Съ другой стороны появился садовникъ съ шлангомъ, накрученнымъ на воротъ двуколки.

Дина вызвалась помогать.

— Дайте мнѣ лейку, я тоже буду поливать цвѣты.

Мальчикъ садовника, въ подвернутыхъ штанахъ, съ задорнымъ носомъ и лукавыми глазами, радъ былъ избавиться отъ работы и передалъ барышнѣ большую лейку.

Пока садовникъ раскручивалъ шлангъ, она подошла къ крану изъ котораго иглистыми каплями падала на землю вода и подставила подъ кранъ лейку.

Съ веселымъ звономъ, вода точно запѣла живую радостную пѣсню. Полная лейка оказалась тяжелой, но Дина не желая ударить лицомъ передъ мальчишкой, съ лукавымъ выраженіемъ слѣдившимъ за прихотью барышни, напрягая всѣ силы мускуловъ, подняла воду и начала поливать цвѣты.

Digitized by Google

— Осторожнѣе, не лейте на нихъ сразу много воды.— испуганно вырвалось у Алексиной.

Дина покраснѣла:

— Не бойтесь, я знаю.

Алексинъ поспѣшилъ смягчить восклицаніе жены, которое ему показалось немного рѣзкимъ:

— Она васъ, Дина, ревнуетъ къ своимъ цвѣтамъ. Возиться съ ними, это ея любимое занятіе.

Привинченный къ крану шлангъ, вздрагивая, зашевелился, и вода съ шипѣніемъ и силой ударилась изъ него, Въ то время, какъ садовникъ поливалъ кусты и деревья, освѣжая запылившуюся и усталую отъ солнца листву. Дина поливала изъ лейки цвѣточные газоны.

Она съ умиленіемъ и лаской глядѣла на нихъ, и ноздри ея чуть-чуть вздрагивали, втягивая воздухъ.

— Ахъ, какъ они сразу запахли! Нѣтъ, вы только поглядите, какъ они поеживаются, вытягиваются. Честное слово я вижу, какъ они пьютъ воду и улыбаются; а теперь точно маленькія дѣти послѣ купанья. И навѣрно, сейчасъ захотятъ спать.

— Я замѣтилъ, что дѣвушки очень любятъ поливать цвѣты, и дѣлаютъ это съ какой то особенной нѣжностью. Не сказывается ли въ этомъ инстинктъ материнства?

Верховская съ укоромъ взглянула на Алексина и многозначительно перевела глаза на Дину.

Николай обнялъ мать, а въ лицѣ его было какое то особенно озабоченное выраженіе. Онъ сдѣлалъ съ ней нѣсколько шаговъ всторону.

— Тебя мучитъ болѣзнь бабушки?

Вопросъ засталъ ее врасплохъ.

— Нѣтъ, не то.

Она сама испугалась этого отвѣта, боясь, что онъ станетъ ее разспрашивать дальше, но у него были свои заботы. Онъ осторожно повелъ разговоръ:

— То-то, я такъ и думалъ. Всѣ эти свои огорченія, или тамъ даже несчастія, все это въ сущности—ерунда; то есть, оно не то, чтобы ерунда, а такъ... сравнительно. Я за столомъ не хотѣлъ говорить объ этомъ при постороннихъ. Но понимаешь ли,—онъ заторопился выложить ей все, чтобы предупредить неожиданность, которая могла ее поразить,— я не имѣю права уѣхать теперь, съ тобой. Товарищи... общее дѣло. Въ такое время это было бы похоже на бѣгство,

Digitized by Google

на измѣну. Ты сама не захочешь, чтобы меня считали трусомъ. И давеча, когда ты сказала эти славныя слова, я прямо таки гордился тобой. Не пугайся, еще пора приносить меня въ жертву не пришла, и мой Авраамъ спокойно любуется цвѣтами.

Но тревога уже запала въ нее.

— Ты чего то не договариваешь?

— Нѣтъ, нѣтъ, говорю тебѣ, не безпокойся. Покуда еще нѣтъ причинъ. И, можетъ быть, даже все обойдется, хотя это будетъ страшно досадно и жаль.

— Значитъ, у тебя есть своя тайна отъ меня?

— Своя—нѣтъ. Если бы это была только моя, развѣ я могъ бы не сказать тебѣ?

— А онъ знаетъ?

— Отецъ? Да. То-есть не все, но почти все.

Это ее нѣсколько успокоило. И тяготѣющій надъ ней кошмаръ показался далекимъ и устранимымъ. Тотъ человѣкъ видитъ, что она способна привести свою угрозу въ исполненіе.

Верховскій смотрѣлъ на закатъ, который рдѣлъ послѣдней вспышкой на верхушкѣ темно лиловаго облака, пылавшей, какъ уголь, на сиреневое небо, переходившее въ блѣдно зеленый тонъ на верху, и на Дину, поливавшую цвѣты.

Терпкая свѣжесть воды, земли и зелени, отдававшей воздуху свое цѣломудренное дыханіе, все это таинственнымъ образомъ выражалось въ этой нѣжной бѣлой фигурѣ, склоненной надъ наивными зелеными побѣгами.

Это было очень красиво: бѣлая фигура съ лейкой на сиреневомъ фонѣ. Хорошее пятно. Но онъ уже давно пересталъ интересоваться этими, какъ онъ выражался дамскими нѣжностями.

А море? И опять этотъ парусъ на немъ!

Николай откликнулся на голосъ Верховской.

— Такъ поѣдемте, Маргарита Александровна, если хотите.

— Да, да, сейчасъ. Боже, какъ хорошо!

Она наклонилась къ цвѣтамъ, какъ будто затѣмъ, чтобы глубже вдохнуть ихъ свѣжесть.

— Это настоящіе, настоящіе цвѣты!

Ей хотѣлось ихъ коснуться руками, губами... Она не выдержала, сорвала расцвѣтшіе Анютины глазки и проводила цвѣткомъ, еще влажнымъ отъ поливки, по своему

Digitized by Google

лицу и глазамъ. И влага оставалась на рѣсницахъ, и она сама не знала отъ цвѣтовъ ли это, или это ея слезы.

— Какъ хорошо и какъ грустно.

Ей стало жаль чего то. Захотѣлось нѣжности и ласки:

— Дина, дѣвочка моя, поди поцѣлуй меня.

Дина, устало дыша, раскраснѣвшаяся и счастливая, прижалась къ матери.

— Дитя мое, ты умно дѣлаешь, что не идешь на сцену. Всѣ эти театральные успѣхи не стоятъ одного вотъ такого вечера и этого цвѣтка. Нужели тѣ цвѣты, которые подносили мнѣ, они были такіе же! Также пахли!

Дина знала сантиментальность своей матери и относилась къ ней насмѣшливо, но ей было неловко передъ другими, что мать ея слишкомъ занята собою.

— Николай ждетъ тебя, — сказала она умышленно громко.

Тотъ услышалъ.

— Вы идите потихоньку. Я пойду переодѣнусь и въ одну минуту догоню васъ.

— А ты, Дина, не поѣдешь?

— Вы поѣдете, Георгій Алексѣевичъ?

— Нѣтъ.

— И я не поѣду,—и тутъ же быстро прибавила:

— Мы, вѣрно, утомили васъ за этотъ день?—обратилась она къ Алексину, видя его сосредоточенное лицо.

— О, ради Бога! Это было бы ужасно, если бы вы насъ считали за гостей!

— Пустяки, — устало отвѣтилъ Алексинъ и пошелъ вслѣдъ за сыномъ.

Въ окно кабинета было видно, какъ они стояли въ сѣроватомъ сумракѣ комнаты и тихо о чемъ-то между собою бесѣдовали.

Померкло облако, потускнѣлъ воздухъ, только небо было еще такое свѣтлое въ вышинѣ, какъ будто все еще не вѣрило въ кончину дня.

Верховскій взглянулъ въ окно на эти двѣ дружныя фигуры, перевелъ глаза на Алексину и съ злымъ лицомъ, съ вызывающе поднятой головой, пошелъ по аллеѣ.

Тамъ, среди деревьевъ, сумерки рѣяли, еще озаренные послѣдними отблесками свѣта, но ужъ вечеръ окутывалъ ихъ, какъ паутина, и сливалъ ихъ очертанія съ мягкими силуэтами кустовъ и деревьевъ.

Digitized by Google

Вспыхнула спичка; и тотчасъ же стало темнѣе тамъ, въ аллеѣ, и красноватая точка папиросы то поднималась, то опускалась внизъ.

Въ сумеркахъ лицо Алексиной казалось невыразимо печальнымъ.

Верховская подошла и обняла ее.

— Ты не поѣдешь, Аня?

— Нѣтъ, не поѣду.

Она сдѣлала съ ней нѣсколько шаговъ отъ клумбы, передъ которой Дина, какъ то по дѣтски опустившись на колѣни, всматривалась въ цвѣты съ такимъ вниманіемъ, точно въ самомъ дѣлѣ хотѣла увидѣть, какъ они закрываютъ глаза и засыпаютъ.

Верховская почувствовала себя виноватой передъ подругой и шопотомъ заговорила:

— Послушай, Аня—ты прости меня, что я привезла съ собою брата. Я никакъ не думала, что это можетъ тебя такъ разстроить. Но мало ли что было когда то, — легкомысленно добавила она.

Та живо обернулась къ ней.

— Что было? Ты знаешь все, что было?

— Да нечего и знать то. Пустякъ... увлеченіе. Мнѣ казалось, что и ты и онъ давно объ этомъ забыли. Господи Боже мой, да если бы я смотрѣла такъ, какъ ты, на эти вещи, сколькихъ мужчинъ мнѣ пришлось бы избѣгать. А я смотрю такъ, что единственно серьезная связь между мужчиной и женщиной, эта та, которая скрѣплена дѣтьми. Поэтому, хотя отецъ Дины и оказался негодяемъ... за это Богъ наказалъ его... Все же я считаю, что онъ единственный изъ всѣхъ, который стоитъ моей памяти.

Алексина отшатнулась отъ нея.

— Что? Стоитъ памяти только за то, что въ тебѣ капля его крови претворилась въ живое существо!

Верховская удивилась ея рѣзкости: вѣдь она хотѣла ее успокоить.

— Ну, да, что подѣлаешь. Мы, женщины, такъ устроены, что для насъ самое важное—дѣти. И что бы тамъ ни было, что бы тамъ не говорили, гдѣ то въ нашей душѣ всегда останется благодарность къ отцу нашего ребенка.

— Хотя бы ты этого господина... отца ненавидѣла?

— Да, пожалуй, хотя бы и ненавидѣла.

Алексина какъ то въ носъ засмѣялась.

Digitized by Google

— Какой вздоръ. Это было бы слишкомъ унизительно для женщины. Что же послѣ этого женщина?

— Ну, ужъ тамъ унизительно или нѣтъ, что объ этомъ толковать. А что женщина такое? Вообще, не знаю. Знаю, когда она — мать. Да и то сейчасъ что-то перепуталось во мнѣ.

Приливъ неожиданнаго чувства мѣшалъ ей остановиться на чемъ нибудь, кромѣ ея собственныхъ ощущеній, нахлынувшихъ Богъ вѣсть откуда.

— Ты представь себѣ, цѣлая громадная полоса жизни мнѣ кажется какой то фальшивой. Я какъ будто даже и не жила совсѣмъ все это время. А вѣдь это чуть ли не двадцать лѣтъ. Ой, Господи Боже мой, даже странно! Мнѣ кажется, что это былъ какой то ненужный сонъ, и я не болѣе, какъ восемнадцатилѣтняя дѣвочка, какой вступила на сцену. Счастливая ты, Анюта. Тебѣ вотъ, кромѣ такого пустяка, и жалѣть не о чемъ.

И, опустившись на скамейку, она согнулась и закрыла лицо руками.

Огненная точка продолжала удаляться въ глубину аллеи, какъ будто указывая путь наплывающимъ сумеркамъ, которые шли за ней и все настойчивѣе ткали свою паутину.

— Да, мнѣ не о чемъ жалѣть. У меня мужъ... сынъ. Я прожила эти годы не на подмосткахъ.

— Какъ ты странно говоришь это. Если бы отецъ моей Дины былъ какъ твой мужъ, я бы, кажется, по воздуху ходила.

— Ты права. Значитъ, я дрянная.

— Что за стихъ самоуниженія на тебя нашелъ?

Алексина обѣими руками обняла дерево и опустила на руки голову. Слышно было, какъ она простонала, поднимая плечи и сжимаясь отъ охватившей ее тоски.

— Я... я вспомнила нынче, когда писала, всю жизнь съ нимъ.

— Вспомнила всю жизнь? Это, говорятъ, съ людьми бываетъ, когда они тонутъ.

Завидѣвъ на террасѣ Николая, она вдругъ встала и красивымъ движеніемъ поправила волосы и провела руками по лицу.

— А я и вспоминать то не хочу своей.

Ни́колай остановился на террасѣ и оглядывался во всѣ стороны.

Digitized by Google

Въ кабинетѣ зажгли лампу и свѣтъ ея, падая изъ окна вырывалъ изъ мрака вѣтку, съ еле распускавшимися листиками, которые, казалось, жмурились отъ огня.

Небо потускнѣло и звѣзды тонкими дрожащими лучами прокалывали сумракъ.

— Что же мы съ вами ѣдемъ вдвоемъ?

— Вдвоемъ. Легкій бризъ. Я научу васъ держать руль,— это не хитрая штука. Идемте.

Она взяла его подъ руку.

— Идемте, мое крыло.

Они круто повернули на тропинку и исчезли за деревьями. Тишина скоро поглотила ихъ шаги.

Алексина долго оставалась неподвижной. Эти вскользь оброненныя слова придавили ее. Вспоминаютъ свою жизнь, когда тонутъ. Она даже вдрогнула и вытянулась, чувствуя, какъ кровь отливаетъ отъ сердца, и оно дѣлается пустымъ и холоднымъ.

Въ глубинѣ аллеи стало совсѣмъ темно; сумракъ погасилъ контуръ силуэта, но за то огненная точка сильнѣе прожигала мракъ. Она шевелилась и приближалась, точно пронзительный глазъ, наблюдавшій издали. Вотъ эта точка описала свѣтящуюся дугу и пропала. Изъ аллеи потянуло холодомъ.

Точно ища спасенія, она порывисто двинулась къ террасѣ: по пути она увидѣла въ кабинетѣ мужа. Онъ сидѣлъ, склонившись надъ письменнымъ столомъ; отъ зеленаго абажура лампы лицо его казалось блѣднымъ и профиль безстрастнымъ и строгимъ.

Онъ что-то пристально разсматривалъ на исписанномъ листкѣ бумаги, потомъ безпокойно зашевелился, взялъ этотъ листокъ и въ окно осторожно стряхнулъ съ него что то.

Бѣлое пятнышко замелькало въ темнотѣ; тотчасъ же попало въ полосу свѣта и бабочка опять влетѣла въ комнату. Тогда Алексинъ снова поймалъ ее и, выбросивъ въ окно, закрылъ ставни.

Алексина позавидовала: къ человѣку, навѣрно, никто не отнесется съ такимъ состраданіемъ. Она вслухъ произнесла:

— Неужели же я тону?

Что-то бѣлое невдалекѣ отдѣлилось изъ мрака: это

Digitized by Google

Дина, услышавъ слова Алексиной, двинулась къ ней, но той уже не было.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Отцвѣли фруктовыя деревья, но опавшіе лепестки ихъ еще долго бѣлѣли на землѣ, поблекшіе и измятые, какъ мертвыя бабочки, снесенныя вѣтромъ, прибитыя дождемъ къ землѣ; вмѣсто нихъ появилась завязь съ пушистыми рѣсничками, какъ дивно воплощенный поцѣлуй двухъ половъ, который крѣпъ, вбирая въ себя изъ земныхъ нѣдръ чистѣйшіе соки.

Опали бѣлые лепестки, за то сразу, по южному, распустилась зелень, отъ которой шелъ еле уловимый терпкій ароматъ, какъ отъ молодого вина: деревья потеряли свой наивный видъ и пышная зелень скрыла ихъ цѣломудренную обнаженность; зацвѣла сирень, и вся аллея тонула въ густыхъ кистяхъ ея, точно въ лиловой пѣнѣ, которая по ночамъ свѣтилась подъ луною, какъ фосфоръ, можетъ быть оттого, что лунное сіяніе отражалось въ налитыхъ росою, звѣздочкахъ цвѣтовъ. Здѣсь запахъ горькаго миндаля, выливавшійся изъ сирени, подавлялъ ароматы зелени; и такъ напоенъ имъ былъ воздухъ, что, казалось, волоса и платье пропитывались этимъ ароматомъ.

Тѣни деревьевъ перестали напоминать разбросанныя сѣти; онѣ подвижными фіолетовыми пятнами лежали на дорожкахъ, похожія очертаніями на измѣнчивыя облака.

Раннюю весеннюю тишину, съ ея робкими, какъ бы дѣтскими голосами, смѣнили голоса новой жизни, болѣе стройные и зрѣлые. На дачѣ Алексиныхъ замелькали легкія бѣлыя фигуры дѣвушекъ, точно возникшія изъ этихъ опавшихъ бѣлыхъ лепестковъ. Это были все подруги Дины съ сосѣднихъ дачъ, которыхъ она какъ то сразу съумѣла привлечь къ себѣ.

Ихъ смѣхъ и шопотъ странно переплетался съ свистомъ птицъ, шелестомъ деревьевъ и шумомъ моря. Онѣ появлялись то въ саду, то средь холмовъ, то на берегу, и всюду

Digitized by Google

несли съ собою въ этомъ шопотѣ и смѣхѣ, и звонкихъ голосахъ тайны молодой жизни, расцвѣтающихъ и зрѣющихъ сердецъ. Одно появленіе ихъ здѣсь, на дачѣ, мѣшало пыльной и цѣпкой паутинѣ, которую ткалъ какой то мстительный паукъ, окрѣпнуть и запутать тѣхъ, кто съ часа на часъ все больше и больше чувствовалъ эту паутину, но дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ее. Какъ ласточки въ радостномъ полетѣ, онѣ, сами того не зная, своими легкими движеніями разрывали эти цѣпкія нити.

Объ отъѣздѣ Алексиной больше не упоминалось; она со дня на день ждала, что Верховскій уѣдетъ, но онъ не уѣзжалъ, и хотя онъ, видимо, ни чѣмъ не проявлялъ своихъ угрозъ, но уже самое присутствіе его становилось для нея невыносимымъ.

Какъ то за обѣдомъ, при немъ Алексинъ вспомнилъ:

— А что же твоя статья?

Она твердо отвѣтила:

— Готова.

— Что же ты не дашь прочесть?

Она поблѣднѣла отъ мысли, что Верховскій можетъ истолковать ея нерѣшительность по своему.

— Ты прочтешь.

Онъ не настаивалъ и, повидимому, тотчасъ же забылъ объ этомъ. Николай со вчерашняго дня не пріѣзжалъ домой. Послѣднее время такія отлучки повторялись довольно часто; онъ возвращался страшно усталый, даже нѣсколько похудѣвшій; подолгу озабоченно бесѣдовалъ съ отцомъ. Иногда они уѣзжали вмѣстѣ и возвращались то истомленные и подавленные, то возбужденные и взволнованные какой то надеждой. И въ это время, они больше, чѣмъ когда либо походили на товарищей, объединенныхъ общимъ дѣломъ.

Алексина догадывалась, но не хотѣла ни о чемъ допытываться и быть имъ помѣхой. Она торжествовала, видя эти отношенія отца съ сыномъ, болѣе крѣпкія и глубокія, чѣмъ обычно: онѣ мучили Верховскаго и должны были убѣдить его въ нелѣпости его притязаній.

Алексинъ, на этотъ разъ обезпокоенный отсутствіемъ Николая, собрался въ городъ.

— Я поѣду съ тобой,—заявилъ Верховскій.

— Тебѣ что нибудь надо въ городѣ?

— Да, такъ же, какъ и тебѣ.

Алексинъ ничего не замѣтилъ.

Digitized by Google

— Мы ѣдемъ разно: я на велосипедѣ.

Верховскій подавилъ свое враждебное настроеніе и, глядя какъ-то въ бокъ мимо глазъ Алексина, дѣловито сдержанно сказалъ:

— Можетъ быть, я могу оказаться тебѣ чѣмъ нибудь полезнымъ.

И послѣ вопросительнаго взгляда Алексина онъ пояснилъ:

— Ты вѣдь ѣдешь за Николаемъ?

Они были вдвоемъ и тотъ отвѣтилъ, нѣсколько удивленный этимъ вмѣшательствомъ.

— Да.

У Верховскаго зло блеснули глаза.

— Что, видно, не совсѣмъ-то легко быть Авраамомъ?

Алексинъ какъ-то снизу вверхъ, еле поднимая рѣсницы, искоса взглянулъ на него.

— Я никогда и не думалъ, что это легко.

— Ради чего же это добровольное жертвоприношеніе?

— Бросимъ аллегоріи. Начать съ того, что я никакихъ жертвоприношеній не дѣлаю. Наоборотъ, пока что, я стараюсь удержать его въ особенно рискованныхъ порывахъ. Однако, не почему нибудь, а просто, чтобы онъ не продешевилъ себя. А ради чего?.. Видишь ли...

Онъ вдругъ опустилъ ему на плечо свою широкую руку и пристально взглянулъ въ глаза.

Верховскому показалось, что онъ все знаетъ; что она сказала ему и они его молча презираютъ. Онъ внутренно похолодѣлъ, но почти обрадовался этому.

— ...Это безполезно объяснять: одни—уже родятся съ готовымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ; онъ въ нихъ, въ ихъ умѣ, въ сердцѣ, въ совѣсти; другіе—этому недоступны.

Круто и насмѣшливо оборвалъ; тряхнулъ головой и, подправивъ волосы подъ каскетку, взялся за руль велосипеда.

Послышался радостный голосъ Дины:

— Онъ ѣдетъ, ѣдетъ!

Верховскій вдругъ покраснѣлъ и быстро пошелъ къ Николаю на встрѣчу.

Николай, устало переступая съ ноги на ногу, съ опущенной головой, шелъ по дорогѣ, держась за велосипедъ. Онъ весь былъ запыленъ съ головы до ногъ и измятое платье сидѣло на немъ, какъ чужое.

Верховскій почувствовалъ острую жалость къ нему. Ему хотѣлось уйти съ нимъ вдвоемъ и вдали отъ всѣхъ обнять

Digitized by Google

его и убѣдить отказаться отъ этой опасной траты молодыхъ, бунтующихъ силъ.

Дина съ матерью обогнали его.

Верховская, тревожно томившаяся въ ожиданіи, увидѣвъ его, даже поблѣднѣла.

— Боже мой, что съ вами?

Онъ сдѣлалъ сердитый жестъ.

— Ахъ, что можетъ быть со мной!

Онъ не договорилъ, но за этими словами чувствовались раздраженіе и скорбь, точно ему было досадно, что онъ не пострадалъ.

Несмотря на его рѣзкій отвѣтъ, Верховская все же была счастлива, что видитъ его. Она не могла скрыть даже при Динѣ и братѣ, какъ сильно волновалась за него цѣлый день.

— Я то и дѣло выходила, за ворота! Какъ Ярославна, готова была на стѣну полѣзть.

Ему было неловко отъ этого признанія при постороннихъ. Онъ, молча, пожалъ имъ руки и, преувеличенно хмурясь, спросилъ:

— Отецъ дома?

Но тутъ же, увидя шедшаго ему навстрѣчу отца, оставилъ велосипедъ въ рукахъ Дины и направился къ нему.

Отецъ, шутливо, издали, показалъ ему кулакъ.

Отъ этой неожиданной выходки, Николай фыркнулъ, а Дина такъ прямо залилась смѣхомъ.

— Ну, однако, братъ Исаакъ, у тебя видъ, какъ у травленаго волка.

Онъ его обнялъ и серьезно, тихо шепнулъ:

— Что нибудь случилось?

— Провалъ.

— Гм... Ну, ты мнѣ потомъ разскажешь. Вонъ мать... ты передъ ней не распускайся. Она и такъ ходитъ сама не своя.

— Ну, что... Развѣ я самъ не знаю!

— Конечно,—и опять перешелъ на шутливый тонъ,—закалывай, Анна, для нашего блуднаго сына лучшаго козленка. Вишь, видъ у него какой... А всего то и было, что кутнулъ съ товарищами.

Николай не могъ не разсмѣяться и уже совсѣмъ облегченно обнялъ мать. Здѣсь, дома, близъ своихъ, обдуваемый свѣжимъ предвечернимъ вѣтромъ, дувшимъ съ моря, ко-

Digitized by Google

торый тяжелѣлъ, проходя черезъ сиреневые кусты, онъ сразу прояснѣлъ и ободрился. Минувшая ночь, съ ея тяжелой тревогой, отошла отъ него и перестала угнетать своей кошмарной тяжестью. Ему хотѣлось ѣсть, выкупаться, переодѣться во все чистое, на время забыть все ночное.

Уже пообѣдали, но прислуга, не дожидаясь приказаній, снова охотно суетилась у стола.

— Можно подавать?

— Нѣтъ, послѣ. Я только возьму кусокъ хлѣба. Искупаюсь и тогда...

Мать принесла ему бѣлье.

Онъ пошелъ къ морю. Отецъ съ нимъ.

Дина съ любопытствомъ слѣдила за ними съ обрыва, когда чьи-то тонкіе нѣжные пальцы закрыли ей глаза, и раздался неестественный голосъ, смѣшно подражавшій басу:

— Угадай.

— Леля?

— Нѣтъ.

— Таня?

— Нѣтъ.

— Ну, Соня?

— Нѣтъ.

Дина всплеснула руками:

— Женя!

Она быстро обернулась, подруга взвизгнула и обѣ, схватившись за руки, какъ вихрь закружились на одномъ мѣстѣ, звонко заливаясь смѣхомъ, до тѣхъ поръ, пока онѣ, усталыя, не повалились прямо на траву.

— Я тебя сразу узнала,—говорила задыхаясь Дина,—только не знаю почему, сейчасъ же не назвала тебя.

— И вовсе не узнала. Я такъ умѣю поддѣлывать голосъ, что меня никто не узнаетъ. Я всякій голосъ умѣю поддѣлать. Я даже подъ нашего батюшку въ гимназіи говорю такъ, что отличить нельзя.

И вдругъ она, старчески гнусавя, протянула:

— Евгенія Балина, вы опять проказите. Я приму репрессивныя мѣры... А пока—стойте безъ мѣста.

Обѣ снова, какъ колокольчики, зазвенѣли смѣхомъ.

Насмѣявшись, Женя сказала:

— Меня всѣ звали актрисой. И я тебѣ скажу, но только это, чуръ, секретъ. Поклянись, что ты никому не скажешь.

— Клянусь, ей Богу не скажу.

Digitized by Google

Женя таинственно зашептала:

— Я непремѣнно рѣшила поступить на сцену. Не-премѣн-но! У меня, собственно, призваніе къ трагическимъ ролямъ, но...

Она съ искренной печалью вздохнула:

— Придется пойти на комическія: ростомъ не вышла Меня и въ гимназіи звали пимперле. Но все равно, и въ комическихъ роляхъ можно стать знаменитостью... Ахъ!— спохватившись, всплеснула она руками и вскочила на ноги.

Дина вскочила также.

— Тебя что нибудь укусило?

— Нѣтъ. Я и забыла! Вѣдь я пришла сказать тебѣ страшную вещь.

Она вытаращила такъ на Дину глаза, что та даже испугалась.

Женя поспѣшила ее успокоить:

— Нѣтъ, нѣтъ, это было страшное, а теперь совершенно напротивъ. Ты знаешь, что „дельфина“ чуть не арестовали нынѣче ночью.

— „Дельфина“?

— Ну, да.

Рѣчь шла о Николаѣ. Онѣ всѣмъ давали свои прозвища. Профессоръ былъ просто: Онъ, причемъ онѣ склоняли его имя Онъ... Она... съ Ономъ...

У нихъ даже былъ свой условный языкъ, на которомъ они говорили и другъ другу писали, когда не хотѣли, чтобы ихъ понимали посторонніе. Себя они именовали Орденомъ Зеленыхъ и носили зеленые бантики въ честь „Она“.

— Дельфинъ былъ въ каменоломнѣ... ораторомъ... Тѣхъ, знаешь, почти всѣхъ перехватали, а его взять не допустили... Спасли его.

Дина даже не стала разспрашивать, откуда она это знаетъ. Какъ то такъ случалось, что „зеленыя“ узнавали всѣ раньше другихъ; точно самъ вѣтеръ былъ за одно съ ними и приносилъ имъ всѣ новости.

— Ай да „Дельфинъ!“

— О, Дельфинъ несомнѣнно—герой. Знаешь, его бы слѣдовало почтить. Я сейчасъ побѣгу по „зеленымъ“ и стану собирать на цвѣты ему.

— А это не будетъ измѣной Ону?

Женя была озадачена.

— Вотъ штука! Мнѣ не приходило въ голову. Нѣтъ,

Digitized by Google

знаешь, лучше не будемъ ему преподносить цвѣтовъ, а то онъ еще больше станетъ задаваться передъ нами. А вотъ и „зеленые“! Только чуръ о букетѣ ни слова.

По аллеѣ мчались, сцѣпившись руками, четыре молодыя фигуры, въ свѣтлыхъ платьяхъ, которыя бились и путались у ихъ ногъ, на вечернемъ солнцѣ и какъ бы дурачась также, какъ и сами дѣвушки.

Солнце скользило по землѣ, пронизывая насквозь, заставляя свѣтиться каждую былинку и зелень, и вѣтви сирени, до самой земли отягощенныя цвѣтами.

— А мадемуазель Хризантемъ?—встрѣтила ихъ Женя.

Но тѣ не успѣли еще отвѣтить, какъ та показалась въ отдаленіи.

Мадемуазель Хризантемъ не состояла въ орденѣ „зеленыхъ“. Всѣ знали, что втайнѣ она влюблена въ Николая.

Высокая, худенькая, съ длинными руками и японскимъ разрѣзомъ глазъ на овальномъ личикѣ, она отличалась отъ своихъ подругъ, какъ молодая елочка весною отъ бѣленькихъ березокъ.

Прибѣжавшія еще хохотали, тяжело дыша, особенно полная, бѣлокурая дѣвушка Соня, которая не могла угнаться за ними и въ изнеможеніи повалилась на землю, шумно переводя дыханіе. Женя торопливо сообщила имъ новость.

Онѣ сразу перестали смѣяться, ахнули и обернулись, какъ одна, къ Хризантемѣ.

— Слышала?.. Знаешь?... Какая исторія съ Николаемъ?...— Хоромъ сыпали онѣ слова.

У той испуганно забѣгали глаза и она поблѣднѣла.

— Стойте, стойте. Это я имъ все разсказала. Я знаю лучше и сама разскажу ей.

Она обхватила тонкую талію подруги, повела ее второну, таинственно поднявъ голову, заглядывая ей въ лицо, и съ наивно выпяченными губами, сообщая новость.

Николай поднимался съ отцомъ послѣ купанья по тропинкѣ.

— Вотъ онъ, вотъ онъ идетъ!—зашептали онѣ всѣ сразу, тараща на Николая глаза, какъ будто онъ предсталъ имъ совсѣмъ въ преображенномъ видѣ.

— Онъ, навѣрное, уже все разсказалъ отцу.

— О, навѣрное!

— Они вѣдь за одно.

— Ну, Онъ, конечно, еще больше, чѣмъ „дельфинъ“!

Digitized by Google

Алексинъ поднимался вверхъ вмѣстѣ съ сыномъ, легкимъ молодымъ шагомъ, но голова его была опущена; молча слушалъ то, что говорилъ ему Николай, то и дѣло проводилъ рукой по волосамъ, еще влажнымъ послѣ купанья.

Теперь уже не столько Николай, сколько отецъ представлялся имъ героемъ: вѣдь онъ не за одного себя отвѣчалъ, но и за Николая.

Толстушка Соня покачала головой.

— И какъ онъ не боится!

— Чего?

— Да вѣдь могутъ поймать, посадить въ тюрьму.

Тогда Хризантема обратила къ ней негодующее лицо:

— Это страшно тѣмъ, кто только о себѣ и думаетъ.

Ее горячо поддержали.

Соня обидѣлась и покраснѣла.

— Что же вы думаете, если я толстая, такъ я только о себѣ и думаю.

— Я не о тебѣ. Я вообще говорю. У кого есть совѣсть, тотъ не можетъ оставаться такъ, равнодушнымъ и ничего не дѣлать.

— Но что же дѣлать? — спросила Таня, всегда готовая ринуться куда угодно.

Этотъ вопросъ въ первый разъ всталъ передъ ними съ какой-то обязательной серьезностью и неотступностью. Какъ вѣтеръ переноситъ оплодотворяющую пыльцу на цвѣты, такъ и въ ихъ души, помимо сознанія, запали откуда-то эти призывы къ подвигамъ и самопожертвованію.

— Знаете что... — воодушевившись, обратилась къ подругамъ Таня.—Мнѣ давно ужъ это приходило въ голову: пойти на войну сестрой милосердія. На войнѣ теперь Богъ знаетъ что дѣлается. Туда идутъ много... и даже много образованныхъ и изъ хорошихъ фамилій. Я сама читала надняхъ въ газетѣ, что на войну поѣхали двѣ княжны.

— Ну и пускай княжны... — пылко остановила ее Дина. Но тотчасъ же смягчилась.—Конечно, и на войну... это хорошо... и тамъ много дѣла: ухаживать за ранеными, облегчать страданія солдатъ, которыхъ убиваютъ Богъ знаетъ за что. Но тамъ это не такъ опасно, какъ здѣсь. Тамъ даже за храбрость и за все это награды даютъ... ордена... кресты. А здѣсь—одинъ только крестъ—страданіе.

Послѣднія слова неожиданно вырвались у Дины, но сердца дѣвушекъ вздрогнули.

Digitized by Google

Женя бросилась къ ней и горячо ее поцѣловала.

— Ахъ, ты—чудная! Чудная!..

Рѣсницы ея блеснули слезами.

— Я не пойду на сцену. Ни за что не пойду! Развѣ послѣ когда-нибудь... когда этого не будетъ. А теперь я хочу дѣлать тоже, что будешь дѣлать ты и Хризантема и... и всѣ тѣ, которые... которыхъ... не думаютъ о себѣ.

— Да, да... Мы также будемъ!..

Вся красная, какъ макъ, Соня сказала особо:

— Я также буду съ вами. Я знаю, что моя мама ужасно противъ этого, а я все-таки буду.

— Но ты можешь не говорить объ этомъ мамѣ.

— Разумѣется.

— Зачѣмъ устраивать себѣ лишнія препятствія!

— Ахъ, вотъ будетъ чудно! — восторженно заговорила Таня.—Мы всѣ вмѣстѣ будемъ работать, и такъ и будемъ называться орденомъ зеленыхъ.

Тщеславная Женя не остановилась въ своемъ увлеченіи.

— Мы поразимъ всѣхъ своей смѣлостью. Мы пойдемъ со всѣми... Мы пойдемъ впереди всѣхъ! Мы одѣнемъ бѣлыя платья...

— Съ зелеными значками,—выкрикнула Соня.

— Съ зелеными значками! И пусть эти бѣлыя платья окраситъ наша кровь.

Возбужденіе дошло до послѣдней степени. Глаза ихъ горѣли и руки машинально дѣлали тѣ же рѣшительныя движенія, какія были у Жени.

— И очень можетъ быть, мы попадемъ въ исторію.

— Такъ и будетъ написано:—Орденъ зеленыхъ.

Все же Соня, какъ наиболѣе положительная изъ нихъ, несмотря на свой экстазъ перешла отъ исторіи къ настоящему:

— Теперь только надо узнать, что мы должны дѣлать.

— О, это легко. Онъ намъ скажетъ. Онъ все знаетъ.

— О да, разумѣется!

— Мы пойдемъ къ нему и спросимъ, — храбро заявила Таня, которая, однако, при появленіи Алексина до того терялась, что не могла произнести ни слова.

Леля и Аля, бѣлокурыя дѣвушки, похожія на сестеръ, хотя онѣ не были даже родными, раздѣлявшія общій экстазъ, но самостоятельно себя не проявившія, пошептавшись, въ одинъ голосъ сказали:

Digitized by Google

— Пусть спроситъ его Дина.

Всѣ восторженно привѣтствовали это предложеніе.

Дина, смущенная, но счастливая этимъ единодушнымъ избраніемъ растерялась и не знала, что ей сказать. Опустивъ глаза, стыдясь своего смущенія, она теребила пальцами тонкій платочекъ и ужъ начинала мучиться своимъ неумѣньемъ отвѣтить, какъ ее внезапно выручилъ сильный аккордъ рояля, донесшійся съ дачи.

Играла ея мать. Сейчасъ она должна запѣть; новые аккорды рояля догнали первые, и стрижи, съ тонкимъ щебетаньемъ сновавшіе вокругъ дѣвушекъ надъ своими гнѣздами у обрыва, замелькали еще дружнѣе и стремительнѣй, точно ныряя и купаясь въ этихъ мягкихъ звучавшихъ волнахъ, всколыхнувшихъ воздухъ.

И вдругъ, въ эти темныя волны музыки влился тягучей, томительной золотой струей сильный тоскующій голосъ, какъ послѣдняя пѣсня солнечныхъ лучей, которые уже совсѣмъ горизонтально стлались по землѣ.

Дѣвушки сразу замерли и, разинувъ рты, обратили вопросительные глаза къ дачѣ, откуда, какъ изъ плѣна, вырывались эти звуки на просторъ, къ морю, алому вблизи, дымно-фіолетовому на горизонтѣ. Онѣ какъ будто надѣялись увидѣть ихъ въ радужномъ сіяніи, подобными поющимъ неизъяснимымъ мечтамъ юности. Звуки примѣшивались ко всему и со всѣмъ сливались, какъ родные: полетъ птицъ, ароматъ сирени, сіяющій разливъ солнечныхъ лучей, все воспринимало ихъ душу и отвѣчало имъ лаской своей души.

— Ахъ, какъ она божественно поетъ! — вырвалось у Жени.

Хризантема стояла блѣдная, понурая, какъ бы отягощенная этими звуками, уносившими восторгъ ея надеждъ.

— Это она поетъ для него... Для него...—съ ревнивой завистью думала дѣвушка.—Какъ должно быть велико коварное могущество этого голоса!

Верховская кончила пѣть. И все вокругъ сразу осиротѣло послѣ этихъ звуковъ. И стрижи растерянно сновали въ потускнѣвшемъ воздухѣ, разыскивая волшебныя перламутровыя раковины, въ которыхъ пропали эти звуки.

— Ахъ, еслибы у меня былъ такой голосъ!—вырвалось у Жени; но она тутъ-же вспомнила недавній обѣтъ и виновато взглянула на Дину: у Дины также былъ превосход-

Digitized by Google

ный голосъ, но Дина не поддавалась тщеславному искушенію.

Дина задумчиво отвѣчала на ея мысли:

— Да, хорошо. Но это не для всѣхъ. Это для тѣхъ, у кого и безъ того всего много. И когда я подумаю, что мама столько лѣтъ потратила для нихъ, мнѣ становится жаль ее.

Она стиснула руки съ мучительнымъ выраженіемъ на лицѣ, не находя словъ, чтобы высказать волновавшія ее мысли; прижавъ къ груди эти стиснутыя руки, она съ тоской покачала головой.

— Да и для того-ли дана жизнь!

Какъ обрадовалась этимъ словамъ Хризантема! Съ какой-то монашеской суровостью заговорила она:

— Особенно теперь. Особенно теперь! Я и сама люблю это... но я знаю, когда я слушаю музыку, пѣніе, я думаю только о себѣ и никогда мнѣ такъ не хочется самой быть счастливой, какъ въ это время.

Всѣхъ поразила эта мысль; блѣдная тонкая дѣвушка съ горящимъ взглядомъ выросла въ ихъ глазахъ, и онѣ слушали ее, какъ оракула.

Она продолжала уже съ укоризной:

— Вотъ и вы... вѣдь я видѣла, какъ вы сразу измѣнились, когда услышали это пѣніе. Я увѣрена, что вы въ это время совсѣмъ забыли то, о чемъ передъ тѣмъ говорили.

Это ихъ задѣло и нѣсколько обидѣло. Но онѣ возразили нерѣшительно и недружно:

— И вовсе нѣтъ. Напрасно ты такъ думаешь. Ты не права, Хризантема.

Она мягко прервала ихъ:

— Я вовсе васъ не осуждаю. Я сказала, что я сама также... и всѣ... На всѣхъ такъ дѣйствуетъ. И тѣ, кто поетъ, или... тамъ... играетъ, они сами также отлично это знаютъ.

Дѣвушка остановилась, боясь дать волю тѣмъ ревнивымъ чувствамъ, которыя могли придать ея словамъ непріятный для нея самой оттѣнокъ.

Дина заступилась за мать, въ то же время поддерживая тѣмъ справедливость сказаннаго:

— Да-да. Оттого мама и оставила навсегда сцену, хотя могла бы долго еще пользоваться большимъ успѣхомъ.

Она хотѣла оправдать свою мать: ей такъ пріятно было бы гордиться ея чуткимъ отреченіемъ.

Digitized by Google

Всѣ сдѣлали видъ, что повѣрили ей, было только непріятно, что Хризантема сжала губы и замкнулась въ недовѣрчивомъ молчаніи.

II.

Онѣ не замѣтили, какъ около нихъ очутился Верховскій.

Онъ всегда появлялся среди нихъ какъ-то неожиданно; это производило особенное впечатлѣніе на дѣвушекъ потому, что было неумышленно: никто не видѣлъ, чтобы онъ подкрадывался къ нимъ, или подстерегалъ ихъ. Такимъ образомъ само собой создалось какое-то жуткое, почти суевѣрное отношеніе къ нему, и особенно это отношеніе выросло послѣ того, какъ онѣ побывали въ его мастерской.

Тамъ на нихъ съ его полотенъ взглянули таинственные образы, сначала только ошеломившіе ихъ, вызвавшіе недоумѣніе и даже затаенный смѣхъ, но это впечатлѣніе постепенно уступало иному, плѣнительному и вмѣстѣ страшному. Онѣ безсознательно отдавались власти этихъ образовъ. Смѣсь красоты и ужаса. Непостижимо!

Среди переливающихся драгоцѣнныхъ каменьевъ, жемчужныхъ раковинъ, цвѣтовъ и звѣздъ, въ непонятныхъ извивахъ линій, выступали странные образы съ огромными неподвижными глазами, съ сильными прядями волосъ, извивающихся, какъ змѣи.

Онъ просилъ ихъ объ одномъ: не разговаривать нѣкоторое время, пока онѣ смотрятъ на его картины. И вотъ, когда онѣ молча, съ любопытствомъ, съ скрытымъ желаніемъ проникнуть въ эту загадку, — онъ все же былъ извѣстный художникъ, — всматривались въ эти неподвижные глаза, имъ становилось душно, какъ будто эти глаза высасывали ихъ дыханіе. Онѣ инстинктивно начали жаться одна къ другой. Хотѣлось уйти, увидѣть солнце, веселое море и зеленую смѣющуюся траву.

Онъ стоялъ, закусивъ большой палецъ стиснутой руки, и искоса, задумчиво пытливо смотрѣлъ на нихъ.

— Что это значитъ?—спросила Соня и покраснѣла послѣ этого вопроса, какъ будто она явно обнаружила свою слѣпоту и невѣжество.

Онъ тихо отвѣтилъ:

— Не все ли равно.

Digitized by Google

Съ людьми совсѣмъ зрѣлыми, опытными, умными, онъ никогда не разговаривалъ такъ, какъ съ этими дѣвушками, почти дѣтьми. Тѣмъ онъ спокойно лгалъ, особенно, когда дѣло касалось его искусства, или его художественныхъ замысловъ, точно это были его враги, и имъ страшно открыть сокровища, чтобы они не воспользовались ими или не растоптали ихъ. Къ этимъ онъ испытывалъ довѣріе и другое, скрытое чувство.

— Будь это женщина, змѣя, улитка... Называйся сладострастіе, месть, наконецъ жизнь... Все равно это не будетъ ничѣмъ, кромѣ моей души.

Онъ поднялъ глаза и въ упоръ посмотрѣлъ на нихъ. И онѣ вздрогнули и смутно пронеслось у нихъ, что его глаза похожи на тѣ. Стало холодно и непріятно-жалко его.

И каждый разъ его появленіе среди нихъ какъ-то особенно ихъ волновало: отъ него, какъ отъ камня, опущеннаго въ живую чистую воду, расходились зыблющіеся круги, и со дна поднималась муть.

При видѣ его онѣ машинально потянулись одна къ другой.

Онъ удивился, что не слышалъ ихъ смѣха и звонкихъ голосовъ:

— Ужъ не заговоръ ли у васъ?

Онѣ никогда не согласились бы ему выдать того, о чемъ говорили. И, переглянувшись, пошевелились, тихо засмѣялись и зашептались между собою.

— Опять тайны. И мнѣ кажется, что ваши тайны всегда свѣтлыя.

Послѣ того, какъ онъ сказалъ эти слова своимъ мягкимъ красивымъ голосомъ, ихъ смущеніе нѣсколько разсѣялось.

— И почему такъ? Почему вы все облекаете въ тайну?

— А развѣ у васъ нѣтъ тайнъ?—вызывающе спросила Женя.

Онъ на мгновеніе ушелъ въ себя. И, казалось, въ эту минуту совсѣмъ о нихъ забылъ.

— Есть. Но ваши тайны вы берете извнѣ, а источникъ моей тайны—я самъ, и оттого ваши тайны свѣтлыя, а моя...

Онъ не договорилъ... И его глаза снова стали похожи на тѣ, и дѣвушкамъ стало холодно.

Онъ замѣтилъ и сразу перемѣнилъ тонъ:

— Ну, чья же сегодня очередь велосипеднаго урока? Кажется ваша, мадемуазель Хризантемъ?

Digitized by Google

— Нѣтъ, я сегодня не буду.

— Почему?

Онъ слегда прищурился и испытующе посмотрѣлъ на ея блѣдное лицо и нѣсколько сутулившуюся фигуру:

— Вы... нездоровы?

Она что-то замѣтила въ его взглядѣ, отчего покраснѣла и строго опустила глаза.

— Я больше совсѣмъ не буду учиться.

— Какъ, вы отказываетесь?—съ видимымъ огорченіемъ спросилъ онъ.

— Почему? Почему?—на перебой заговорили подруги.

Она овладѣла собой; ея матовое лицо стало спокойнымъ и упрямымъ.

— Такъ, не хочу.

Женя выступила.

— Ну, тогда моя.

— Отлично. Такъ пойдемте, благо сейчасъ не жарко.

— Я дамъ вамъ велосипедъ, а сама останусь поливать цвѣты.

Дину не уговаривали; въ послѣднее время Алексина совсѣмъ оставила цвѣты; за ними ухаживала Дина, и главное, никто не рѣшился бы лишить Дину удовольствія поливать цвѣты подъ его окномъ.

Хризантема потянулась за ней.

— Я помогу тебѣ.

Но дѣвушки возмутились:

— Это не по товарищески.

Тогда Хризантема не стала настаивать, чтобы не придавать своему отказу значительности и пошла вмѣстѣ съ ними за дачу, на пустую степную дорогу, гдѣ они учились ѣздить на велосипедѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Ѳедоровъ.

Digitized by Google

ИНЕЙ.

1. МОРОЗЪ МОРОЗОВИЧЪ.

Морозъ Морозовичъ-старикъ,
Онъ любитъ брань, ворчанье, крикъ,
Онъ знаетъ даже волчій рыкъ,
Морозъ Морозовичъ-старикъ,

Онъ и добрѣетъ иногда,
Онъ строитъ замки изо льда,
Но воля стараго тверда,
И скажетъ „Нѣтъ", забудь про „Да".

Онъ въ серебро одѣнетъ лѣсъ,
Навѣситъ бархатныхъ завѣсъ,
Онъ много лунныхъ дастъ чудесъ,
Но не шути, хоть будь ты Бѣсъ.

Шутя, за бороду его
Схвати—гляди, въ рукѣ—мертво,
Былъ замокъ—больше ничего,
Жди въ снѣгѣ—гроба своего.

Ты видѣлъ, друга? Видь врага!
Ты жаждалъ лилій? Гдѣ луга!
Въ моряхъ—забудь про берега,
„Согрѣй-ка грудь", поетъ пурга.

Морозъ Морозовичъ-Морозъ,
Ты плачешь? Ну, побольше слезъ.
Въ нихъ льдисто таинство зажглось.
Морозъ Морозовичъ-Морозъ.

Digitized by Google

2. ВѢНЧАННЫЕ.

Въ саду проходитъ юный,
Съ нимъ рядомъ—молодая.
Въ вѣтвяхъ звенятъ имъ струны,
Ручей, съ камней спадая,
Поетъ, поетъ, поетъ,
Въ цвѣтахъ имъ свѣтлый медъ.
Невѣста—Полночь Мая,
Женихъ, онъ кто? Узнай.
Онъ День, а, можетъ, Май?

На немъ одежды красны,
На ней одежды черны.
Но оба такъ согласны,
Взаимности покорны.
Цѣлуетъ онъ ее,
„Ты все, ты все мое".
Ея мечты узорны,
Какъ брилліантъ она.
Въ оправѣ черной сна.

Женихъ—свѣтловолосый,
Глаза его—зелены,
У ней же черны косы,
Глаза ея—затоны,
Въ нихъ свѣтлая печаль,
Прозрачнѣй, чѣмъ хрусталь.
Въ саду проходятъ звоны,
Поютъ цвѣты, дыша:
„Влюбленность хороша."

Весь Май процѣловались,
Въ Іюнь зашли, не зная,
Заря съ зарей встрѣчались,
Любовниковъ встрѣчая.
И свѣтъ вошелъ во тьму,
И все отдавъ ему,
Блѣднѣя, Полночь Мая
Съ Іюньскимъ нѣжнымъ днемъ
Растаяла огнемъ.

Digitized by Google

3. ДОЧЕРИ НОЧИ.

У Ночи двѣ дочери есть,
Одна—въ серебристыхъ вуаляхъ,
Другая – въ лазоревыхъ даляхъ,
Нарядовъ обѣихъ не счесть.

Но все же одна предпочла
Въ покровѣ быть звѣздно-сребристомъ,
Другая же въ золотѣ чистомъ
И въ смѣхѣ огнистомъ свѣтла.

Одну Вечерянкой зовутъ,
Проходитъ она по высотамъ,
И меда не ищетъ по сотамъ,
Не холитъ въ саду изумрудъ.

Другая же любитъ листы,
Ее называютъ Утрянка,
Проснется она спозаранка,
И гонитъ пчелу на цвѣты.

И звѣзды-служанки одной,
Готовятъ ей серьги, запястья,
Готовятъ высокое счастье
Быть избранной въ безднахъ—Луной.

И слуги другой суть цвѣты,
Сплетаясь златымъ хороводомъ,
Готовятъ ей чашечки съ медомъ,
И Солнце зовутъ съ высоты.

Утрянка пьянѣетъ въ лучахъ,
Съ зарей засыпаетъ, хмѣльная,
И тутъ выступаетъ другая,
И свѣтятся звѣзды въ очахъ.

К. Бальмонтъ.

Digitized by Google

Некрасовъ и Бѣлинскій.

(По поводу тридцатилѣтія смерти Некрасова).

I.

Исторія отношеній Бѣлинскаго и Некрасова начинается съ 1839 года. Рецензируя русскіе журналы въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ (1839 г., № 4) и давая общій отзывъ о стихотвореніяхъ, помѣщенныхъ въ „Сынѣ Отечества“, — гдѣ дебютировалъ Некрасовъ, Бѣлинскій поставилъ начинающаго поэта на одну доску съ позабытыми теперь стихоплетами Банниковымъ, Гогніевымъ, Нахтигалемъ, Стромиловымъ, Сушковымъ и др., стихотворенія которыхъ, по отзыву критика, особенно замѣчательны тѣмъ, что „ихъ можно читать и сверху внизъ и снизу вверхъ“. Очень сурово, какъ извѣстно, встрѣтилъ Бѣлинскій и отдѣльное изданіе первыхъ литературныхъ опытовъ Некрасова, скрывшаго свое имя подъ иниціалами Н. Н., хотя и помѣстившаго въ сборникѣ стихотворенія, бывшія уже въ печати за полной подписью автора. Въ нѣкоторыхъ русскихъ журналахъ 1840 года встрѣтили „Мечты и звуки“ Некрасова „съ особеннымъ удовольствіемъ“, указали въ молодомъ поэтѣ „несомнѣнное дарованіе“, „прекрасный талантъ“ и отмѣтили „прекрасныя мысли“ въ его „прекрасныхъ стихахъ“. Впослѣдствіи въ „Мечтахъ и звукахъ“ нашли „зародыши почти всѣхъ мотивовъ некрасовскихъ стихотвореній“ и даже вылазки противъ крѣпостного права. Ничего подобнаго не нашелъ въ книжкѣ Некрасова Бѣлинскій, закончившій свою небольшую рецензію такими убійственными для юнаго поэта строками: „прочесть цѣлую книгу стиховъ, встрѣчать въ нихъ все знакомыя и истертыя чувствованьица, общія мѣста, гладкіе стишки, и много-много, если наткнуться иногда на стихъ, вышедшій изъ души въ кучѣ рифмованныхъ строчекъ,—воля ваша, это чтеніе, или лучше сказать, работа—для рецензентовъ, а не для публики, для которой довольно прочесть о нихъ въ журналѣ извѣстіе въ

Digitized by Google

родѣ: „выѣхалъ въ Ростовъ“. Посредственность въ стихахъ нестерпима“.

Приговоръ Бѣлинскаго, съ которымъ сошелся въ оцѣнкѣ книжки и рецензентъ „Литературной газеты“ перевѣсилъ въ глазахъ Некрасова всѣ другіе благопріятные отзывы, и бѣдный поэтъ, мечтавшій не только о славѣ, но и о матеріальныхъ выгодахъ отъ своего изданія, поступилъ съ „Мечтами и Звуками“ точно такъ же, какъ Гоголь поступилъ со своимъ „Гансомъ Кюхельгартеномъ“, т. е. отобралъ у книгопродавцевъ непроданные экземпляры и уничтожилъ ихъ. „Можно думать, — говоритъ г. Мельшинъ — что, вращаясь въ студенческихъ кружкахъ Петербурга, Некрасовъ уже и въ моментъ выпуска своей злополучной книги хорошо зналъ имя Бѣлинскаго и высоко его цѣнилъ, — оттого и принялъ такъ къ сердцу приговоръ великаго критика“ („Очерки русской поэзіи“, с. 121).

Уничтожающая рецензія Бѣлинскаго напечатана въ мартовской книгѣ „Отечественныхъ Записокъ „1840 года, тамъ же, гдѣ данъ, кстати сказать, и первый отзывъ о Майковѣ. А два мѣсяца спустя Некрасову пришлось прочесть уже болѣе сочувственный отзывъ строгаго критика. Въ отзывѣ о третьей книжкѣ „Пантеона“, между прочимъ, сказано: „очень забавны куплеты „Провинціальный подъячій въ Петербургѣ“; они такъ всѣмъ понравились и уже такъ всѣмъ извѣстны, что мы не имѣемъ нужды выписывать ихъ“. Куплеты эти, напечатанные за подписью „Ѳеоктистъ Онуфричъ Бобъ“, принадлежатъ Некрасову и написаны характерными для него стихами.

Въ рецензіи сборника „Мечты и Звуки“, между прочимъ, сказано: „точно такъ же, какъ повѣсть, въ сравненіи съ другими родами поэзіи, есть самый благодарный родъ для людей, неодаренныхъ художническою фантазіею, но одаренныхъ воображеніемъ, чувствомъ и способностью владѣть языкомъ,—точно такъ же проза вообще благодарнѣе для нихъ, чѣмъ стихи“. Частью подъ вліяніемъ этого указанія Бѣлинскаго, частью, слѣдуя совѣтамъ Кони, издателя „Пантеона“, Некрасовъ, не покидая вовсе поэзіи, обратился къ смиренной прозѣ. Въ „Пантеонѣ“ и „Литературной Газетѣ“ онъ выступилъ съ цѣлымъ рядомъ повѣстей и разсказовъ, и первый прозаическій опытъ Некрасова, повѣсть изъ быта петербургскихъ чиновниковъ „Макаръ Осиповичъ Случайный“, напечатанная подъ псевдонимомъ Перепельскаго, привлекъ вниманіе Бѣлинскаго. „Разсказъ этотъ — говоритъ критикъ — не лишенъ занимательности; жаль только, что авторъ любитъ пускаться въ отступленія, разсужденія и мечтанія, которыя всѣ

Digitized by Google

очень скучны, и вдается въ растянутость". Но о послѣдующихъ повѣстяхъ Некрасова, одна изъ которыхъ была напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1841 года, Бѣлинскій даже не упоминаетъ, хотя ему приходилось подробно рецензировать какъ разъ тѣ книжки „Пантеона", гдѣ были напечатаны и повѣсти Некрасова. „Ниже всякой критики" считалъ Бѣлинскій и драматическія произведенія Некрасова, хотя нѣкоторыя изъ нихъ имѣли успѣхъ на сценѣ Александринскаго театра. Вообще, въ 1841 и 1842 годахъ Бѣлинскій систематически замалчиваетъ существованіе Некрасова, такъ какъ ничего пріятнаго для него онъ не могъ сказать, а выступать съ рѣзкими порицаніями не имѣлъ духа, потому что зналъ бѣдственное матеріальное положеніе молодого писателя, пробивавшагося исключительно литературнымъ заработкомъ [1]).

Только въ 1843 году Бѣлинскій „сломалъ печать безмолвія" по отношенію къ Некрасову и счелъ возможнымъ отмѣтить изданный имъ анонимный сборничекъ „Статейки въ стихахъ", гдѣ, между прочимъ, помѣщенъ „Говорунъ". Стихи Некрасова, по отзыву критика, не что иное, какъ водевильная болтовня о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ — болтовня, которая не можетъ не понравиться той многочисленной публикѣ, которая восхищается въ Александринскомъ театрѣ водевильнымъ остроуміемъ нашихъ доморощенныхъ драматурговъ". Впрочемъ, говоритъ Бѣлинскій, есть въ книжкѣ „мѣста, даже слишкомъ высокія" для такой публики. Въ доказательство Бѣлинскій перепечатываетъ двѣ первыя строфы „Говоруна" и затѣмъ выражаетъ сожалѣніе, что авторъ „не наполнилъ всей книжки своей такими стихами и чрезъ то не придалъ ей другой цѣли и значенія, кромѣ удовольствія „почтеннѣйшей" публики, составленной изъ разнаго мелкочиновнаго народа". Рецензируя вторую книжку „Статеекъ въ стихахъ", Бѣлинскій также назвалъ ихъ „шуточной болтовней",

---

[1]) Очень возможно, что въ это время Бѣлинскій зналъ Некрасова и лично. Въ воспоминаніяхъ Головачевой-Панаевой разсказывается, какъ однажды Некрасовъ явился съ какой-то рукописью къ Языкову, одному изъ первыхъ и лучшихъ петербургскихъ друзей Бѣлинскаго, и какъ послѣдній заинтересовался и рукописью и личностью „худого, блѣднаго человѣка въ поношенномъ холодномъ пальто". Очень возможно, что рукопись, которую принесъ Некрасовъ для передачи Бѣлинскому, содержала разсказъ „Опытная женщина", напечатанный въ десятой книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ" 1841 года. А если это такъ, то начало личнаго знакомства Некрасова съ Бѣлинскимъ можно отнести къ осени 1841 года. Головачева-Панаева впадаетъ въ явный анахронизмъ, сообщая, что Некрасовъ явился съ рукописью „Петербургскихъ угловъ".

Digitized by Google

но также отмѣтилъ въ нихъ „нѣчто и повыше болтовни“ и въ подтвержденіе своихъ словъ перепечаталъ до полутораста стиховъ.

Какъ видно, Некрасовъ въ качествѣ поэта, беллетриста, драматурга и даже фельетониста—представлялся Бѣлинскому на первыхъ порахъ крайне ничтожной величиной. Несравненно выше ставилъ онъ Некрасова, какъ рецензента, помѣщавшаго разборы книгъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, между прочимъ, и въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Еще въ концѣ 1847 года, въ письмѣ къ Кавелину, Бѣлинскій вспоминалъ, какъ Некрасовъ пять лѣтъ тому назадъ „написалъ разборъ какого-то булгаринскаго изданія съ такой злостью, ядовитостью, съ такимъ мастерствомъ, что читать (было) наслажденіе и умиленье“ (Письма Бѣлинскаго, с. 176. Изд. Зинченко). Бѣлинскій не разъ въ печати съ законной гордостью указывалъ, что библіографическій отдѣлъ „Отечественныхъ Записокъ“ даетъ отзывы обо всѣхъ выходящихъ книгахъ. Но въ то же время онъ тяготился составленіемъ этого лежавшаго почти всецѣло на его плечахъ отдѣла. Онъ нуждался въ дѣльномъ помощникѣ и нашелъ его въ лицѣ Некрасова. Такимъ образомъ, сближеніе Бѣлинскаго съ будущимъ пѣвцомъ народнаго горя началось на почвѣ библіографіи.

Дѣловая, практическая жилка, которая развилась у Некрасова подъ вліяніемъ испытанныхъ въ ранней молодости лишеній, скоро была замѣчена Бѣлинскимъ, какъ характерная особенность его новаго знакомаго. Но этотъ практическій складъ молодого литератора не оттолкнулъ отъ него Бѣлинскаго, напротивъ, былъ оцѣненъ послѣднимъ по достоинству. Крайне непрактичный въ житейскихъ дѣлахъ, Бѣлинскій не прочь былъ даже завидовать Некрасову, умѣвшему такъ искусно устраивать разнаго рода маленькія литературныя предпріятія. „Некрасовъ — разсказываетъ Панаевъ—произвелъ на Бѣлинскаго съ самаго начала очень пріятное впечатлѣніе. Онъ полюбилъ его за его рѣзкій, нѣсколько ожесточенный умъ, за тѣ страданія, которыя онъ испыталъ такъ рано, добиваясь куска насущнаго хлѣба, и за тотъ смѣлый, практическій взглядъ не по лѣтамъ, который вынесъ онъ изъ своей труженической и страдальческой жизни и которому Бѣлинскій всегда мучительно завидовалъ. Некрасовъ предпринялъ передъ этимъ изданіе разныхъ маленькихъ литературныхъ сборниковъ, которые постоянно приносили ему небольшой барышъ... Но у него уже развивались въ головѣ болѣе обширные литературные планы, которые онъ сообщалъ Бѣлинскому. Слушая его, Бѣлинскій дивился его сообразительности и смѣтливости и восклицалъ обыкновенно: „Некрасовъ пойдетъ далеко... Это не то, что мы...

Digitized by Google

Онъ наживетъ себѣ капиталецъ!" Ни въ одномъ изъ своихъ пріятелей Бѣлинскій не находилъ ни малѣйшаго практическаго элемента и, преувеличивая его въ Некрасовѣ, онъ смотрѣлъ на него съ какимъ-то особеннымъ уваженіемъ" (Панаевъ, „Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ", с. 329. Спб. 1876). По свидѣтельству Тургенева, Бѣлинскій уже „лѣтомъ 1843 года... лелѣялъ и всюду рекомендовалъ и выводилъ въ люди Некрасова".

II.

И послѣ сближенія съ Некрасовымъ Бѣлинскій не сразу открылъ въ немъ выдающійся поэтическій талантъ. По свидѣтельству Панаева, „Бѣлинскій полагалъ, что Некрасовъ навсегда останется не болѣе, какъ полезнымъ журнальнымъ сотрудникомъ". Да и трудно было разглядѣть Некрасова, который продолжалъ писать фельетонныя стихотворенія и издавать популярныя книжки, болѣе думая о заработкѣ, чѣмъ о славѣ и развитіи своего таланта. Но близкое общеніе съ Бѣлинскимъ ни для кого не проходило безслѣднымъ. „Рѣзкій, ожесточенный умъ" Некрасова оказался воспріимчивой почвой для той ненависти къ „гнусной дѣйствительности", которая бушевала въ груди Бѣлинскаго, недавно еще освободившагося отъ своего увлеченія гегелевской формулой: все дѣйствительное разумно.

Тонъ некрасовскихъ стихотвореній послѣ сближенія съ Бѣлинскимъ начинаетъ становиться все серьезнѣе и серьезнѣе. Стоитъ сравнить отдѣльныя строфы „Говоруна" и стихотвореніе „Чиновникъ", чтобы замѣтить значительную перемѣну, которая произошла съ Некрасовымъ въ какіе-нибудь два года. Въ обоихъ произведеніяхъ изображенъ петербургскій чиновникъ, нажившійся посредствомъ взятокъ. Но чиновникъ „Говоруна", увлекающійся разными столичными удовольствіями, цѣлующій своего благодѣтеля—генерала „и въ брюхо и въ плечо", производитъ только комическое впечатлѣніе. Титулярный совѣтникъ, изображенный въ „Чиновникѣ"—фигура совершенно иного рода. Это второй Молчалинъ, который степенно и методично пробирается въ Фамусовы и, подобно послѣднимъ, уже заранѣе накапливаетъ непримиримую вражду къ литературѣ, особенно сатирической. „Говорунъ"—это только „фельетонная болтовня", какъ выразился Бѣлинскій; „Чиновникъ"—это уже скорѣе сатира, которая мѣтила гораздо выше титулярнаго совѣтника.

И проза Некрасова теперь затрагиваетъ несравненно болѣе

Digitized by Google

серьезныя темы. Его разсказъ „Петербургскіе углы“ чуть ли не впервые въ русской литературѣ изображаетъ жизнь „на днѣ“ большихъ городовъ. Гораздо серьезнѣе становятся и некрасовскіе фельетоны въ стихахъ. Въ „Говорунѣ“ передъ нами, какъ въ калейдоскопѣ, проходятъ петербургскіе шарманщики, фокусники, цыгане, гостинодворцы, иллюстрированныя изданія, балетъ, опера, преферансъ, романсы, и т. д. Единственные сколько-нибудь серьезные сюжеты, это—низко-поклонничество и взяточничество чиновниковъ и продажность журналистовъ. А „Новости“ (1845 года) задѣваютъ уже всю нашу жизнь, „бѣдную, сонливую, однообразную“, чуждую идеальныхъ стремленій.

Однообразны мѣсяцы и годы.
Обѣды, карты, дребезжанье чашъ,
Визиты, поздравленья и разводы—
Вотъ наша жизнь...
И свыкшись съ положеніемъ такимъ,
Другого мы какъ будто не хотимъ.

Вообще, фельетонный балагуръ все замѣтнѣе и замѣтнѣе превращается въ серьезнаго писателя, который все сильнѣе и сильнѣе заражается ненавистью Бѣлинскаго къ существующему соціальному строю и жаждой новой соціальной правды. Не даромъ Бѣлинскій такъ усердно заботился о развитіи Некрасова. „Ясно припоминаю—разсказывалъ Некрасовъ Добролюбову о Бѣлинскомъ,—какъ мы съ нимъ вдвоемъ часовъ до двухъ ночи бесѣдовали о литературѣ и о разныхъ другихъ предметахъ. Послѣ этого я всегда долго бродилъ по опустѣлымъ улицамъ въ какомъ-то возбужденномъ настроеніи, столько было для меня новаго въ высказанныхъ имъ мысляхъ... Заняться своимъ образованіемъ у меня не было времени, надо было думать о томъ, чтобы не умереть съ голоду. Я попалъ въ такой литературный кружокъ, въ которомъ скорѣе можно было отупѣть, чѣмъ развиться. Моя встрѣча съ Бѣлинскимъ была для меня спасеніемъ“ (Головачева-Панаева, с. 339). „Бѣлинскій видѣлъ во мнѣ—пишетъ самъ Некрасовъ—богато одаренную натуру, которой недостаетъ развитія и образованія. И вотъ около этого-то держались его бесѣды со мной, имѣвшія для меня значеніе поученія. Онъ ловилъ меня часто на словахъ—и одно слово давало ему поводъ высказать мнѣ многое, что было для меня и ново и полезно“ [1]).

Мѣняется и отношеніе Бѣлинскаго къ Некрасову, какъ поэту и беллетристу. Въ 1845 году Некрасовъ издаетъ въ двухъ ча-

[1]) Сочиненія Скабичевскаго, т. II, с. 262. Изд. 1895 г.

Digitized by Google

стяхъ иллюстрированный альманахъ подъ заглавіемъ „Физіологія Петербурга“ и помѣщаетъ тамъ очеркъ „Петербургскіе углы“ и стихотвореніе „Чиновникъ“. Бѣлинскій, давшій для сборника статью „Петербургъ и Москва“, призналъ новое изданіе Некрасова „едва ли не лучшимъ изъ всѣхъ альманаховъ, которые когда-либо издавались“. Въ „Петербургскихъ углахъ“ онъ отмѣтилъ „необыкновенную наблюдательность и необыкновенное мастерство изложенія“. По отзыву критика, „это живая картина особаго міра жизни, который не всѣмъ извѣстенъ, но тѣмъ не менѣе существуетъ,—картина, проникнутая мыслью“. На эту „мысль“ Бѣлинскій могъ только отчасти намекнуть, когда, защищая Некрасова отъ упрековъ въ „грязности“ содержанія, заявилъ, что „люди низшихъ сословій прежде всего—люди же, а не животныя, наши братья по природѣ и о Христѣ“.

Еще болѣе понравилось Бѣлинскому стихотвореніе „Чиновникъ“, которое онъ призналъ „однимъ изъ лучшихъ прозведеній русской литературы 1845 года“. По его мнѣнію, это—„одно изъ тѣхъ въ высокой степени удачныхъ произведеній, въ которыхъ мысль, поражающая своей вѣрностью и дѣльностью, является въ совершенно соотвѣтствующей формѣ, такъ что никакой самый предпріимчивый критикъ не зацѣпится ни за одну черту, которую онъ могъ бы похулить“. Въ обзорѣ русской литературы 1845 года Бѣлинскій еще разъ похвалилъ и разсказъ и стихотвореніе и кромѣ того, при обозрѣніи „счастливыхъ проявленій таланта“, на первомъ мѣстѣ поставилъ „Современную оду“ Некрасова.

Въ 1846 году Некрасовъ издалъ „Петербургскій сборникъ“. Бѣлинскій привлекъ къ участію въ этомъ изданіи своихъ друзей и знакомыхъ, помѣстилъ тамъ свои „мысли и замѣтки о русской литературѣ“ и посвятилъ разбору сборника цѣлую статью. „Двѣ вещи Сборника произвели общее сильное впечатлѣніе: „Бѣдные люди“ (Достоевскаго) и некрасовское стихотвореніе „Въ дорогѣ“. Такъ писалъ въ 1862 году Аполлонъ Григорьевъ. Герценъ готовъ былъ видѣть въ этомъ стихотвореніи даже главную причину шумнаго успѣха, выпавшаго на долю некрасовскаго сборника; Бѣлинскій же подробно и восторженно говоритъ о романѣ Достоевскаго и едва упоминаетъ о стихотвореніяхъ Некрасова. „Они проникнуты мыслью“, „въ нихъ много умнаго, *дѣльнаго*, современнаго“, „лучшее изъ нихъ—„Въ дорогѣ“. Вотъ и все. Но если читатель подумаетъ, что Бѣлинскій не понялъ и не оцѣнилъ это первое смѣлое выступленіе Некрасова въ качествѣ пѣвца народнаго горя, онъ впадетъ въ жестокую ошибку. Именно

Digitized by Google

Бѣлинскій лучше всѣхъ и раньше всѣхъ понялъ это знаменитое стихотвореніе, упредившее и „Антона Горемыку“ Григоровича и „Записки Охотника“ Тургенева,—стихотвореніе, въ которомъ, по выраженію Ап. Григорьева, „совмѣстились всѣ новости сороковыхъ годовъ“. Панаевъ разсказываетъ, что, когда Некрасовъ прочелъ свое стихотвореніе „Въ дорогѣ“, „у Бѣлинскаго засверкали глаза, онъ бросился къ Некрасову, обнялъ его и сказалъ чуть не со слезами въ глазахъ: „да знаете ли вы, что вы поэтъ и поэтъ истинный?“ „Ты правъ—писалъ Бѣлинскій Герцену 19 февраля 1846 года,—что пьеса Некрасова „Въ дорогѣ“ превосходна; онъ написалъ и еще нѣсколько такихъ же и напишетъ еще больше“.

Некрасовъ хорошо зналъ, чѣмъ можно вызвать одобреніе своего учителя. Когда Бѣлинскій писалъ Герцену указанное письмо, онъ, по всей вѣроятности, уже былъ знакомъ съ такими пьесами, какъ „Огородникъ“, „Тройка“, „Псовая охота“, за которыми послѣдовали „Въ невѣдомой глуши“, „Родина“, „Нравственный человѣкъ“ и др. Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній были напечатаны еще при жизни Бѣлинскаго, но онъ не могъ высказать о нихъ своего откровеннаго мнѣнія въ печати вслѣдствіе частью цензурныхъ, частью личныхъ соображеній [1]). Онъ могъ откровенно говорить о стихотвореніяхъ Некрасова только въ дружескомъ кругу и въ дружеской перепискѣ. Такъ, изъ воспоминаній Панаева мы знаемъ, что автобіографическое стихотвореніе Некрасова „Родина“ привело Бѣлинскаго въ такой восторгъ, что онъ выучилъ его наизусть и послалъ въ концѣ своимъ московскимъ друзьямъ. Стихотвореніе „Нравственный человѣкъ“ Бѣлинскій называетъ въ письмѣ къ Тургеневу „страшнохорошимъ“ и прибавляетъ: „что за талантъ у этого человѣка! и что за топоръ его талантъ!“ А въ письмѣ Бѣлинскаго къ Кавелину отъ 7 декабря 1847 года мы находимъ такія строки: „Я

[1]) Послѣдняя крупная рецензія Бѣлинскаго въ „Отечественныхъ Запискахъ“, которыя онъ покинулъ весной 1846 года, разбираетъ изданный Некрасовымъ комическій альманахъ „Первое апрѣля“. „Вся эта книжка—по отзыву рецензента—небольше, какъ болтовня, но болтовня живая и веселая, мѣстами даже лукавая и злая“. „Болтовня“ эта не могла не понравиться Бѣлинскому уже потому, что задѣваетъ его злѣйшихъ враговъ, Булгарина, Шевырева, Погодина и славянофиловъ. Въ обзорѣ русской литературы 1846 года, напечатанномъ въ „Современникѣ“, Бѣлинскій признаетъ лучшими стихотворенія Майкова, Тургенева, и Некрасова и далѣе прибавляетъ: „о стихотвореніяхъ послѣдняго мы могли бы сказать болѣе, если бы этому рѣшительно не препятствовали его отношенія къ „Современнику“.

Digitized by Google

нисколько не ослѣпленъ объемомъ моего таланта, ибо знаю, что это далеко не Богъ знаетъ что. Вотъ, напр., Некрасовъ—это талантъ, да еще какой!.. Его теперешнія стихотворенія тѣмъ выше, что онъ, при своемъ замѣчательномъ талантѣ, внесъ въ нихъ и мысль сознательную, и лучшую часть самого себя". (Письма Бѣлинскаго, с. 176). Да не подумаетъ читатель, что подобные отзывы продиктованы тѣмъ дружескимъ расположеніемъ или увлеченіемъ, подъ вліяніемъ которыхъ Бѣлинскій иногда ставилъ своихъ друзей гораздо выше, чѣмъ они того заслуживали. Въ 1847 году отношенія между Некрасовымъ и Бѣлинскимъ уже не были, какъ сейчасъ увидимъ, такими дружескими, какими они были раньше.

III.

Уже вскорѣ послѣ сближенія съ Некрасовымъ Бѣлинскій думалъ было воспользоваться его практичностью для улучшенія своего матеріальнаго положенія. Въ началѣ 1843 года онъ собирался „подняться на аферы", издать какую-то популярную книжку при помощи Некрасова. „Онъ на это золотой человѣкъ", отзывается Бѣлинскій въ письмѣ къ Боткину. Изъ этой попытки, кажется, ничего не вышло, но довѣріе Бѣлинскаго къ практическимъ способностямъ Некрасова не уменьшилось. Напротивъ, успѣхъ некрасовскихъ сборниковъ окрылялъ Бѣлинскаго надеждой вырваться изъ ненавистной ему кабалы въ „Отечественныхъ Запискахъ" Краевскаго и жить, не завися отъ литературныхъ и журнальныхъ антрепренеровъ. „Съ половины 1845 года—говоритъ Анненковъ въ „Замѣчательномъ десятилѣтіи"—мысль покинуть „Отечественныя Записки" не оставляла Бѣлинскаго, въ чемъ его особенно поддерживалъ Н. А. Некрасовъ съ практической точки зрѣнія". Въ самомъ началѣ слѣдующаго года Бѣлинскій пишетъ Герцену длинное письмо, гдѣ увѣдомляетъ московскихъ друзей о своемъ окончательномъ рѣшеніи оставить „Отечественныя Записки", высасывающія его жизненныя силы, подобно вампиру, и прекратить всякія отношенія съ Краевскимъ, который „въ сто разъ хуже и теперь въ тысячу разъ опаснѣе Булгарина". Далѣе онъ сообщаетъ о своемъ намѣреніи издать къ Пасхѣ огромный альманахъ и затѣмъ прибавляетъ: „лишь бы извернуться на первыхъ-то порахъ, а тамъ, я знаю, все пойдетъ лучше, чѣмъ было: я буду получать не меньше, если не больше, за работу, которая будетъ легче и пріятнѣе".

Можно съ полной увѣренностью сказать, что такого героиче-

Digitized by Google

екаго рѣшенія Бѣлинскій никогда не принялъ бы, если бы не было Некрасова, который бралъ на себя всѣ труды по изданію и даже продажѣ сборника. „Некрасовъ будетъ въ Питерѣ къ августу. Онъ открываетъ книжную лавку, и тотчасъ же займется печатаньемъ моего альманаха. Открытіе лавки очень выгодно для моего альманаха, также какъ мой альманахъ очень выгоденъ для лавки". Такъ писалъ Бѣлинскій женѣ изъ Харькова 10 іюня 1846 года. Но когда Бѣлинскій вернулся изъ своего путешествія на югъ Россіи, Панаевъ и Некрасовъ встрѣтили его съ планомъ совершенно иного рода.

„Я увѣренъ,—писалъ Бѣлинскій Герцену 6 апрѣля 1846 года—что не пройдетъ двухъ лѣтъ, какъ я буду полнымъ редакторомъ журнала. Спекулянты не упустятъ основать журналъ, разсчитывая именно на меня. Обо мнѣ теперь знаютъ многіе такіе, которые ничего не читаютъ, и они смотрятъ на меня съ уваженіетъ, какъ на человѣка, одареннаго добродѣтельною способностью дѣлать другихъ богатыми, оставаясь нищимъ". Не прошло и полгода, какъ Панаевъ и Некрасовъ рѣшили купить у Плетнева основанный Пушкинымъ „Современникъ" и превратить его въ толстый журналъ, который занялъ бы мѣсто „Отечественныхъ Записокъ". Ожиданіе Бѣлинскаго осуществилось скорѣе, чѣмъ онъ думалъ, хотя и не совсѣмъ въ такой формѣ, о какой онъ мечталъ. Оффиціальнымъ редакторомъ новаго журнала по цензурнымъ соображеніемъ былъ выбранъ профессоръ и цензоръ Никитенко, оффиціальнымъ собственникомъ (правильнѣе, арендаторомъ) журнала сдѣлался Панаевъ, главное завѣдываніе матеріальной частью оказалось въ рукахъ Некрасова. Казалось вполнѣ естественнымъ, что капиталъ Панаева, практичность Некрасова, имя и статьи Бѣлинскаго—величины, по крайней мѣрѣ, равныя, и новый журналъ долженъ принадлежать имъ на равныхъ правахъ. На дѣлѣ же Бѣлинскій, поддержавшій новый журналъ и своимъ именемъ и статьями, собранными для „Левіаѳана" (такъ предполагалось назвать его сборникъ), оказался, по выраженію Кавелина, „наемщикомъ на жалованьи".

Мы не знаемъ подробностей о первоначальныхъ переговорахъ и условіяхъ Бѣлинскаго съ Некрасовымъ и Панаевымъ, котораго обыкновенно почему-то забываютъ, когда затрагивается разбираемый эпизодъ. Но зная крайнюю непрактичность и „младенческую довѣрчивость" великаго критика, можно допустить, что не было выработано никакихъ подробныхъ условій даже на словахъ. По всей вѣроятности, Бѣлинскій былъ убѣжденъ, что и Панаевъ и Некрасовъ, бывшіе въ числѣ лучшихъ его друзей, ни

Digitized by Google

въ коемъ случаѣ его не обидятъ. А тѣ устроили дѣло такъ, какъ имъ казалось лучше для успѣха журнала, для ихъ собственныхъ интересовъ и для интересовъ Бѣлинскаго. Московскіе друзья Бѣлинскаго негодовали, что Некрасовъ, „не имѣвшій ни гроша“, занялъ чуть не первое мѣсто въ новомъ журналѣ. Но они не знали, что Некрасовъ сумѣлъ получить отъ жены Герцена ссуду въ 5 т. руб., и не хотѣли знать, что безъ Некрасова не было бы и обновленнаго „Современника“.

Изданіе новаго журнала съ такимъ же, въ общемъ, направленіемъ, какъ и „Отечественныя Записки“, завоевавшія симпатіи читателя, было, во всякомъ случаѣ, дѣломъ рискованнымъ. Некрасовъ понималъ это лучше кого бы то ни было. Какъ человѣкъ предусмотрительный и практическій, онъ предвидитъ на первыхъ порахъ и дефицитъ. И дѣйствительно, въ первый годъ изданія оказался дефицитъ въ 10 т. руб., не смотря на „барышническія рекламы“, о которыхъ упоминаетъ Кавелинъ. Панаевъ и Некрасовъ могли покрыть дефицитъ, но откуда могъ взять денегъ Бѣлинскій, кредитъ котораго даже у Герцена былъ ниже, чѣмъ кредитъ Некрасова? Конечно, Панаевъ и Некрасовъ могли бы взять весь дефицитъ на себя, а Бѣлинскому щедро платить за сотрудничество и потомъ выплачивать и третью долю прибыли, когда она будетъ получаться. Это было бы очень хорошо и великодушно съ ихъ стороны, но на такія крупныя жертвы и бѣднякъ Некрасовъ, и богачъ Панаевъ оказались способными только до извѣстной степени, какъ увидимъ дальше. Можно сомнѣваться, чтобы и среди остальныхъ петербургскихъ и московскихъ друзей Бѣлинскаго нашлись люди, способные на указанную жертву цѣликомъ. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что московскіе друзья критика, люди съ большими средствами, не догадались собрать сумму, достаточную для того, чтобы онъ сдѣлался полноправнымъ пайщикомъ въ издательствѣ „Современника“.

Бѣлинскій не только не сдѣлался „полнымъ редакторомъ“, но сверхъ оффиціальной цензуры подпалъ еще подъ цензуру домашнюю. Въ обзорѣ русской литературы 1846 года онъ похвалилъ повѣсть Григоровича „Деревня“, а Некрасовъ счелъ неумѣстнымъ и вреднымъ для успѣха „Современника“ хвалить произведеніе, напечатанное въ „Отечественныхъ Запискахъ“, и даже вычеркнулъ фразу: „его *Деревня*—одно изъ лучшихъ беллетристическихъ произведеній прошлаго года“. Фразу эту Бѣлинскому удалось отстоять, но его отзывы о „Двойникѣ“ Достоевскаго подверглись существеннымъ измѣненіямъ [1]). Бѣлинскому понравились „Вос-

[1]) См. „Семь статей Бѣлинскаго“. М. 1903.

Digitized by Google

поминанія" Булгарина, которыя онъ отнесъ „скорѣе къ числу хорошихъ, нежели дурныхъ сочиненій". Но Панаевъ и Некрасовъ нашли неудобнымъ отзываться о Булгаринѣ болѣе или менѣе благосклонно, и длинная статья Бѣлинскаго о первыхъ двухъ частяхъ „Воспоминаній" не была напечатана въ „Современникѣ", а отзывъ о третьей части подвергся полной передѣлкѣ. Совѣты Бѣлинскаго о распредѣленіи матеріала по книжкамъ также не всегда принимались во вниманіе. Напримѣръ, онъ считалъ необходимымъ для привлеченія подписчиковъ помѣстить въ первомъ номерѣ „Современника" „Обыкновенную Исторію" Гончарова, а вмѣсто нея была напечатана плохая пзвѣсть Панаева. Было не мало и другихъ мелкихъ недоразумѣній и несогласій между Бѣлинскимъ и главными заправилами журнала.

Подобныя недоразумѣнія и негодующія письма московскихъ друзей вызвали въ началѣ 1847 года откровенное объясненіе Бѣлинскаго съ Панаевымъ и Некрасовымъ, которое закончилось болѣе опредѣленнымъ соглашеніемъ. „При объясненіи со мною—писалъ Бѣлинскій Тургеневу—онъ (Некрасовъ) былъ нехорошъ: кашлялъ, заикался, говорилъ, что на то, что я желаю, онъ, кажется, для моей же пользы, согласиться никакъ не можетъ по причинамъ, которыя сейчасъ же объяснитъ, и по причинамъ, которыхъ не можетъ мнѣ сказать. Я отвѣчалъ, что не хочу знать никакихъ причинъ.—и сказалъ мои условія. Онъ повеселѣлъ и теперь при свиданіи протягиваетъ мнѣ обѣ руки—видимо, что доволенъ мною вполнѣ!"

Легко представить, что именно могли бы сказать Панаевъ и Некрасовъ въ свое оправданіе. Они могли бы сказать, что, судя по началу подписки, изданіе „Современника" въ первый годъ даетъ дефицитъ, и что поэтому для Бѣлинскаго гораздо выгоднѣе получать опредѣленное жалованье въ качествѣ сотрудника, чѣмъ надѣяться на весьма проблематичныя выгоды въ качествѣ соарендатора журнала. Они могли бы сказать еще, что слишкомъ близкое участіе Бѣлинскаго въ изданіи „Современника" потребовало бы отъ него вредныхъ для его здоровья хлопотъ и безпокойствъ и разнаго рода черновой работы, опротивѣвшей ему и въ „Отечественныхъ Запискахъ". Мы знаемъ и ту причину, которая не могла быть высказана Бѣлинскому прямо. Панаевъ и Некрасовъ, какъ видно изъ записки послѣдняго, думали, что „предоставленіе Бѣлинскому доли было бы безплодно для него и опасно для дѣла въ виду неминуемо близкой смерти Бѣлинскаго, которая была рѣшена врачами, что не было тайной ни для кого изъ друзей его: пришлось бы связать себя въ будущемъ, имѣя

Digitized by Google

дѣло не съ нимъ, а съ его наслѣдниками". „Это особенно пугало Панаева", прибавляетъ Некрасовъ.

Относительно условій, предложенныхъ Бѣлинскимъ, нѣкоторыя указанія имѣются въ перепискѣ Некрасова съ Тургеневымъ: „я было предложилъ ему—говоритъ Некрасовъ—условіе, которое обезпечивало ему при хорошемъ ходѣ дѣлъ журнала, кромѣ жалованья, до 5 т. асс. ежегодно во все продолженіе времени, пока издается журналъ, хотя бы почему-либо онъ и оставилъ у насъ работу 1). Но онъ странный человѣкъ—сказалъ, что для него будетъ лучше постепенное увеличеніе платы за его труды по мѣрѣ успѣховъ журнала, и на этомъ порѣшили" („Некрасовъ" Пыпина, с. 87. Спб. 1905). Далѣе; относительно матеріальнаго положенія Бѣлинскаго во время сотрудничества въ „Современникѣ" мы знаемъ слѣдующее. Въ первый годъ изданія этого журнала Бѣлинскій получалъ 8 т. р. асс., во второй—12 т. р. асс. Денежныя нужды больного Бѣлинскаго удовлетворялись такъ щедро, что уже въ апрѣлѣ 1847 года были забраны всѣ деньги до 1 января 1848 года, и Бѣлинскій не особенно безпокоился, что съ осени, по возвращеніи изъ-за границы, „будетъ забирать сумму 1848 года". Заграничная поѣздка Бѣлинскаго состоялась на деньги его московскихъ и петербургскихъ друзей, а такъ же и при содѣйствіи Панаева и Некрасова. „На поѣздку за границу—говорится въ томъ же письмѣ Некрасова—онъ рѣшился, когда я объявилъ ему, что жалованье за тѣ года (!), которые онъ проѣздитъ, все-таки будетъ выдано ему—и въ самомъ дѣлѣ безъ этого онъ не могъ бы ѣхать". По возвращеніи изъ-за границы Бѣлинскій думалъ, въ интересахъ своего здоровья, переселиться изъ Петербурга въ Москву, и редакція „Современника" примирялась съ удаленіемъ въ другой городъ самаго драгоцѣннаго сотрудника.

Вообще, было бы большой несправедливостью по отношенію къ Панаеву и Некрасову утверждать, что положеніе Бѣлинскаго „мало измѣнилось" къ лучшему, что онъ „очутился въ „Современникѣ" такимъ же журнальнымъ чернорабочимъ, какимъ былъ у Краевскаго" (Венгеровъ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ"). Отъ Краевскаго Бѣлинскій получалъ шесть тысячъ руб. асс., а работать ему приходилось гораздо больше, чѣмъ въ „Современникѣ". Если мы заглянемъ въ солдатенковское изданіе сочиненій Бѣлинскаго, то увидимъ, что статьи и рецензіи, напечатанныя

1) Такимъ образомъ, Бѣлинскому предлагалось получать изъ „Современника" 13 т. р. асс. ежегодно, даже въ томъ случаѣ, если бы болѣзнь помѣшала ему работать въ журналѣ.

Digitized by Google

въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1845 и 1846 годовъ (всего 15—16 мѣсяцевъ сотрудничества Бѣлинскаго), занимаютъ большую половину IX-го и весь X-ый томъ, всего 720 страницъ, не считая шестидесяти мелкихъ рецензій, не вошедшихъ въ это изданіе. Въ „Современникѣ“ же 1847 и 1848 года (тоже 15—16 мѣсяцевъ сотрудничества) Бѣлинскимъ напечатаны статьи и рецензіи, вошедшія въ XI-ый томъ и занимающія всего 490 страницъ.

Да и работа „въ Современникѣ“ была для Бѣлинскаго несравненно интереснѣе, чѣмъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Въ одномъ письмѣ Бѣлинскаго къ Герцену мы находимъ такія жалобы на Краевскаго: „Онъ даетъ мнѣ разбирать нѣмецкіе, французскіе, латинскіе буквари, грамматики; недавно я писалъ объ итальянской грамматикѣ... Святители! о чемъ не пишу я ему, какихъ книгъ не разбираю! И по части архитектуры (да еще какой: византійской!), и по части медицины... Онъ сдѣлалъ изъ меня враля, шарлатана, свою собаку, осла, на которомъ онъ въѣзжаетъ въ Ерусалимъ своихъ успѣховъ“ (Письма Бѣлинскаго, с. 84). И дѣйствительно, въ спискѣ рецензированныхъ Бѣлинскимъ книгъ, за указанный періодъ его сотрудничества въ „Отечественныхъ Запискахъ“, мы находимъ „Лѣсной Словарь“, французскую азбуку, учебный французскій словарь, „Наставленіе о шелководствѣ“, „Разсчеты по 5 и 6 процентовъ въ таблицахъ“ и т. п. хламъ.

IV.

Самъ Бѣлинскій раньше и лучше своихъ друзей понялъ, насколько улучшилось его матеріальное положеніе, благодаря переходу изъ „Отечественныхъ Записокъ“ въ „Современникъ“. Конечно, его недовольство Некрасовымъ, подогрѣваемое письмами изъ Москвы, не могло пройти совершенно; ему трудно было пережить нравственный разрывъ, и притомъ на почвѣ матеріальныхъ разсчетовъ, съ человѣкомъ, котораго онъ такъ любилъ и цѣнилъ. „Я любилъ его,—говоритъ Бѣлинскій въ письмѣ къ Тургеневу—такъ любилъ, что мнѣ и теперь иногда то жалко его, то досадно на него—за него, а не за себя. Мнѣ трудно *переболѣть* внутреннимъ разрывомъ съ человѣкомъ—а потомъ ничего. Природа мало дала мнѣ способности ненавидѣть за лично нанесенныя мнѣ несправедливости; я скорѣе способенъ возненавидѣть человѣка за разность убѣжденій или за недостатки и пороки, вовсе для меня лично безвредные. Я и теперь высоко цѣню Некрасова; и тѣмъ не менѣе, онъ въ моихъ глазахъ чело-

Digitized by Google

вѣкъ, у котораго будетъ капиталъ, который будетъ богатъ—а я знаю, какъ это дѣлается" (Тургеневъ. „Воспоминанія о Бѣлинскомъ"). „Мнѣ эта исторія обошлась дорого,—писалъ Бѣлинскій Кавелину 7 декабря 1847 года:—Вы мнѣ повѣрите, если я вамъ скажу, что посягательство на мои личные, матеріальные интересы слишкомъ мало на меня дѣйствовало, и то въ началѣ только исторіи, и что я страдалъ больше за *него*. Я долженъ вамъ сознаться, что до сихъ поръ я чувствую, что мнѣ съ нимъ не такъ тепло и легко, какъ было до этой исторіи" (Письма Бѣлинскаго, с. 178).

Бѣлинскій не только почти совершенно примирился съ Некрасовымъ, но даже выступилъ на его защиту. Уже 1 марта 1847 года онъ писалъ Тургеневу: „Скажу вамъ, что я почти перемѣнилъ мое мнѣніе насчетъ источника извѣстныхъ поступковъ Некрасова. Мнѣ теперь кажется, что онъ дѣйствовалъ добросовѣстно, основываясь на объективномъ правѣ—а до понятія о другомъ, высшемъ, онъ еще не дорось—а пріобрѣсти его не могъ по причинѣ того, что выросъ въ грязной положительности и никогда не былъ ни идеалистомъ, ни романтикомъ на нашъ манеръ". Позже, въ концѣ 1847 года, Бѣлинскій считаетъ нужнымъ защищать Некрасова отъ суровыхъ обвиненій по его адресу, шедшихъ изъ Москвы. „Вы остаетесь—говоритъ онъ въ письмѣ Кавелину—при томъ дурномъ мнѣніи о Некрасовѣ, при той недовѣрчивости къ нему, о которой вы писали мнѣ... Я, съ моей стороны, вполнѣ сознавая несправедливость и неделикатность поступка со мною Некрасова, тѣмъ не менѣе, не вижу въ немъ дурного человѣка. Это потому что я знаю его, знаю давно и хорошо всѣ circonstances atténuantes (смягчающія обстоятельства) его поступка со мною, прямой его источникъ. Вы предполагаете возможнымъ, что при паденіи „Отечественныхъ Записокъ „Современникъ" будетъ ими, а Некрасовъ вполнѣ замѣнитъ Краевскаго. Я глубоко убѣжденъ, что вы ошибаетесь".

Въ послѣдніе мѣсяцы жизни Бѣлинскаго, Панаевъ и Некрасовъ были наиболѣе близкими къ нему людьми, и эта близость увѣковѣчена на извѣстной картинѣ Наумова. „Отношенія—говоритъ Некрасовъ—до самой его смерти были короткія и хорошія... Онъ всегда былъ радъ моему приходу... Денежныя заботы, необходимость много работать—всѣ, такъ сказать, черновыя работы по журналу: чтеніе и исправленіе рукописей, а такъ же добываніе ихъ, чтеніе корректуръ, объясненіе съ цензорами, возстановленіе смысла и связи статей послѣ ихъ карандашей, лежали на мнѣ, да я еще писалъ рецензіи и фельетоны,—все это, а

Digitized by Google

такъ же и послѣдовавшія съ февраля 1848 года цензурныя гоненія, сопровождавшіяся крайней шаткостью почвы подъ ногами каждаго причастнаго тогда къ литературѣ,—довело здоровье мое до такого разстройства, что Бѣлинскій часто говаривалъ, что я немногимъ лучше его. Бѣлинскій вообще зналъ мою тогдашнюю жизнь до мельчайшей точности и строго говаривалъ мнѣ: „что вы съ собой дѣлаете, Некрасовъ? смотрите! берегитесь, иначе съ вами то же будетъ, что со мной". При этомъ въ его умирающихъ глазахъ я уловилъ однажды выраженіе, которое не умѣю иначе истолковать, какъ той любовью, о которой упоминается въ письмѣ къ Тургеневу, какъ о потерянной мной. Въ этомъ взглядѣ была еще глубокая скорбь. Впослѣдствіи я узналъ отъ общихъ нашихъ друзей, что въ близкой моей смерти онъ былъ убѣжденъ положительно".—Все это должно было содѣйствовать окончательному примиренію Бѣлинскаго съ Некрасовымъ.

И друзья Бѣлинскаго какъ будто примирились съ Некрасовымъ. По крайней мѣрѣ, не только при жизни, но и послѣ смерти великаго критика они находили возможнымъ печатать въ „Современникѣ" свои статьи. Изъ числа лучшихъ друзей Бѣлинскаго Боткинъ помогалъ журналу и деньгами, а Тургеневъ поддерживалъ съ Некрасовымъ дружескую переписку. Но впослѣдствіи, когда Некрасовъ пламеннѣйшихъ поклонниковъ Бѣлинскаго предпочелъ его лучшимъ друзьямъ, послѣдніе не удержались, чтобы не кольнуть поэта „старыми дрязгами". Первымъ выступилъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ, напечатанныхъ въ 1869 году. „Бѣлинскій—говоритъ Тургеневъ—былъ постепенно и очень искусно устраненъ отъ журнала, который былъ созданъ собственно для него, его именемъ пріобрѣлъ сотрудниковъ и пополнялся въ теченіе цѣлаго года капитальными статьями, пріобрѣтенными Бѣлинскимъ для большого затѣяннаго имъ альманаха. Бѣлинскій для „Современника" разорвалъ связь съ „Отечественными Записками" [1]), а оказалось, что въ новомъ журналѣ онъ, вмѣсто хозяйскаго мѣста, на которое имѣлъ полное право, занялъ то же мѣсто посторонняго сотрудника, наемщика, какое было за нимъ и въ старомъ". Не ограничившись этими, по выраженію Некрасова, „тонкими намеками", Тургеневъ въ приложеніи къ своимъ воспоминаніямъ напечаталъ

[1]) Читатель помнитъ, что разрывъ этотъ произошелъ до перехода „Современника" къ Панаеву и Некрасову.

Digitized by Google

выдержки изъ цитированныхъ выше писемъ Бѣлинскаго, замѣнивъ имя поэта тремя звѣздочками.

Позже со своими разоблаченіями выступилъ Кавелинъ—такъ же въ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ. „Между тѣмъ—говоритъ Кавелинъ—возникла мысль основать новый журналъ въ Петербургѣ. Говорилось, что это будетъ журналъ Бѣлинскаго что онъ основывается для него, чтобы вырвать его изъ когтей эксплуататора Краевскаго. Бѣлинскій попался на удочку съ всегдашней своей младенческой довѣрчивостью. Что Панаевъ сталъ редакторомъ „Современника“,—это было еще понятно. Онъ далъ деньги. Но какимъ образомъ Некрасовъ, тогда мало извѣстный и не имѣвшій ни гроша (?), сдѣлался тоже редакторомъ, а Бѣлинскій, изъ-за котораго мы были готовы оставить „Отечественныя Записки“, оказался наемщикомъ на жалованьи,—этого фокуса мы не могли понять, негодовали и подозрѣвали Некрасова въ литературномъ кулачествѣ и гостиннодворчествѣ“.

Личное обаяніе Тургенева и Кавелина придало особый вѣсъ ихъ обвиненіямъ, направленнымъ противъ Некрасова. Уже „тонкіе намеки“ Тургенева были подхвачены личными и партійными врагами Некрасова и послужили полемическимъ оружіемъ противъ него. Въ научно популярномъ журналѣ, основанномъ М. Антоновичемъ и Ю. Жуковскимъ, авторами знаменитаго памфлета противъ Некрасова, по поводу воспоминаній Тургенева, между прочимъ, были напечатаны такія строки: „Фактъ наемничества, хотя бы и болѣе льготнаго наемничества, остается фактомъ, и если принять въ соображеніе, что это наемническое положеніе достается Бѣлинскому въ то время, какъ роль хозяина достается совершенно ничтожному въ то время литературному насѣкомому, возведенному въ санъ насѣкомаго (!) перомъ того же Бѣлинскаго, то такое наемничество остается фактомъ возмутительнымъ“ („Космосъ“ 1869 г., второе полугодіе, № 1, с. 115).

Обвиненіе, поддерживаемое Тургеневымъ и Кавелинымъ, оказалось наиболѣе прочнымъ и устойчивымъ изъ всѣхъ многочисленныхъ обвиненій, которымъ подвергался Некрасовъ. „Изъ упрековъ настоящихъ—писалъ г. Розановъ въ концѣ 1902 года—на немъ лежитъ только одинъ: отношенія къ Бѣлинскому, жесткія, своекорыстныя. Это—темное пятно, не суживающееся отъ времени. Гордость поэта не допустила бы, чтобы мы его сузили или чѣмъ-нибудь „присыпали“, чтобы было незамѣтно. Нѣтъ, это замѣтно и навсегда такъ останется. Достаточно сознать, что Некрасовъ болѣлъ объ этомъ“.

Digitized by Google

Автору приведенныхъ строкъ, очевидно, неизвѣстно, что Некрасовъ хотѣлъ оправдаться передъ потомствомъ и современниками и сгладить „пятно“, наложенное на его памяти тенденціозной исторіей основанія „Современника“. Съ этой именно цѣлью по поводу воспоминаній Тургенева онъ составилъ двѣ краткихъ записки, откуда уже было приведено нѣсколько цитатъ. „Я былъ очень бѣденъ и очень молодъ,—говоритъ Некрасовъ въ первой запискѣ—восемь лѣтъ боролся съ нищетою, видѣлъ лицомъ къ лицу голодную смерть, въ 24 года я былъ уже надломленъ работой изъ-за куска хлѣба. Не до того мнѣ было, чтобы жертвовать своими интересами чужимъ. Бѣлинскій это понималъ, иначе не написалъ бы въ томъ же первомъ обвиняющемъ меня письмѣ, что онъ и теперь меня высоко цѣнитъ. А во второмъ письмѣ онъ говоритъ, что почти перемѣнилъ свое мнѣніе насчетъ источника моихъ поступковъ. Съ меня этого довольно“.

„Не надо думать,—говоритъ Некрасовъ во второй запискѣ—чтобъ я имѣлъ тогда вліяніе на Панаева, какое пріобрѣлъ впослѣдствіи. Онъ былъ десятью годами старше меня и находился въ эту эпоху на верху своей извѣстности. Я его, какъ и онъ меня,—тогда зналъ мало: онъ былъ для меня авторитетъ; при томъ деньги на журналъ были его (моихъ было только 5 т. р. асс., которые незадолго до того дала мнѣ взаймы на неопредѣленный срокъ Наталья Александровна Герценъ). Даже контрактъ съ Плетневымъ былъ заключенъ на имя одного Панаева, Значитъ въ сущности онъ одинъ былъ хозяиномъ дѣла. Только впослѣдствіи, спустя нѣсколько лѣтъ, при перемѣнѣ контракта съ Плетневымъ, прибавлено было въ контрактѣ мое имя, чѣмъ права мои уравнялись съ правами Панаева. Не хочу этимъ сказать, что Панаевъ помѣшалъ мнѣ сдѣлать желаемое Бѣлинскому, но я не могъ бы этого сдѣлать помимо его“. Далѣе говорится, что близкая смерть Бѣлинскаго особенно пугала Панаева.

Подобныхъ объясненій вмѣстѣ съ приведенными выше заявленіями самого Бѣлинскаго болѣе чѣмъ достаточно, чтобы подписаться обѣими руками подъ словами Чернышевскаго, что „Некрасовъ былъ человѣкъ очень добрый“, что „онъ былъ хорошій человѣкъ съ нѣкоторыми слабостями, очень обыкновенными“. Такой „слабостью“ со стороны Некрасова было и его нежеланіе уступить безнадежно больному Бѣлинскому свое мѣсто рядомъ съ Панаевымъ, а самому взять на свои плечи всю главную тяжесть по изданію журнала. Подобнаго рода жертвы, повидимому, ожидали отъ него московскіе друзья Бѣлинскаго, судя по воспоминаніямъ Кавелина. Но кто же изъ нихъ самъ оказался бы спо-

Digitized by Google

собнымъ на такую жертву? Уже одна постановка этого вопроса заставляетъ насъ снять съ памяти Некрасова то единственное „темное пятно", о которомъ говоритъ г. Розановъ.

Во всякомъ случаѣ, Некрасовъ, дѣйствительно, „болѣлъ" о своихъ недоразумѣніяхъ съ Бѣлинскимъ. Холодный, разсчетливый умъ не позволилъ ему принести въ жертву свои матеріальные интересы, но его сердце, полное самой горячей любви и глубокой благодарности къ своему великому учителю, было на сторонѣ такой жертвы. Онъ чувствовалъ себя нѣсколько виновнымъ передъ Бѣлинскимъ и постарался, насколько могъ, загладить эту вину. Вмѣстѣ съ Панаевымъ онъ обезпечилъ матеріальное положеніе великаго критика въ послѣдніе мѣсяцы его жизни и если не могъ въ такой же степени обезпечить его семью, то отнюдь не вслѣдствіе недостатка уваженія къ памяти Бѣлинскаго. Нужно помнить, что положеніе „Современника" въ мрачное семилѣтіе 1848—1854 годовъ было очень тяжелое, и особыхъ доходовъ журналъ давать не могъ. Денежныя дѣла редакціи были въ такомъ незавидномъ состояніи, что приходилось даже обращаться къ посторонней помощи. Изъ одного письма Грановскаго мы знаемъ, что Боткинъ далъ Некрасову и Панаеву въ 1855 году двѣ тысячи рублей на поддержаніе журнала.

Слѣдуетъ также упомянуть, что дочь Бѣлинскаго была предметомъ особенныхъ заботъ Некрасова. Въ 1857 г. онъ предполагалъ напечатать второе изданіе „Записокъ Охотника", подаренное ему Тургеневымъ, и доходъ отъ продажи книги отдать дочери Бѣлинскаго. Въ томъ же году онъ выступилъ съ новымъ проектомъ. „Дочери Бѣлинскаго,—писалъ онъ Тургеневу,—уже 15 лѣтъ, у ней и у матери ничего нѣтъ, кромѣ скуднаго жалованья и твоей пенсіи; намъ такъ легко сдѣлать что-нибудь для нихъ, что стыдно не сдѣлать. Я имѣю уже обѣщаніе нѣсколькихъ порядочныхъ людей дать статьи для сборника; къ остальнымъ разошлю на дняхъ приглашеніе". Изъ приглашенія этого мы узнаемъ, что въ сборникъ должны были войти „статьи ученыя и беллетристическія, стихотворенія и замѣтки о жизни и дѣятельности Бѣлинскаго". Въ книгѣ предполагалось помѣстить портретъ Бѣлинскаго и снимки съ его подписи и почерка. Весь чистый доходъ предоставлялся дочери Бѣлинскаго [1]).

---

[1]) Пыпинъ, „Некрасовъ" с. 188—190. Оба предположенія не осуществились по независящимъ отъ Некрасова причинамъ.

Digitized by Google

V.

Главное, чѣмъ Некрасовъ съ лихвой загладилъ свою вину передъ Бѣлинскимъ, это было поддержаніе традицій великаго критика въ „Современникѣ“ и благоговѣйное отношеніе къ его личности и его завѣтамъ. Какъ ни трудно было продолжать дѣло Бѣлинскаго въ то время, когда самое имя его было изгнано изъ печати, Некрасовъ при изданіи „Современника“ всегда имѣлъ передъ собой образъ великаго пропагандиста, который умѣлъ учить и вразумлять читающую публику даже „по поводу пустой брошюры“. Когда же окончился періодъ мрачной реакціи, имя Бѣлинскаго впервые появилось на страницахъ „Современника“ въ рядѣ блестящихъ статей Чернышевскаго „Очерки гоголевскаго періода русской литературы“. Восторженное отношеніе автора „Очерковъ“ къ Бѣлинскому вызвало даже печатные упреки въ „фетишизмѣ“, исходившіе изъ среды друзей Некрасова, но послѣдній не счелъ нужнымъ сократить восторги Чернышевскаго, а позже, какъ было упомянуто, молодыхъ учениковъ великаго критика предпочелъ его старымъ друзьямъ.

Самъ Некрасовъ заговорилъ о Бѣлинскомъ въ печати, хотя и не упоминая его имени, въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Именно, въ „Дѣловомъ разговорѣ“, напечатанномъ въ „Современникѣ“ 1851 года, „проницательный читатель“ не могъ не узнать Бѣлинскаго въ слѣдующихъ словахъ „подписчика“.

Я также вѣрилъ вамъ, сочувствовалъ душой,
Когда въ своихъ статьяхъ, приличныхъ и достойныхъ,
Вы отзывался съ разумной похвалой
О Пушкинѣ и о другихъ покойныхъ.
Языкъ краснорѣчивъ, манера хороша:
Кто страстно такъ любилъ, такъ понималъ искусство,
Въ томъ былъ глубокій умъ, горѣло ярко чувство,
Свѣтилася прекрасная душа!

Едва умеръ императоръ Николай I, какъ въ мартовской книгѣ „Современника“ 1855 года появилось написанное двумя годами раньше стихотвореніе Некрасова „Памяти пріятеля“.

Наивная и страстная душа,
Въ комъ помыслы прекрасные кипѣли,
Упорствуя, волнуясь и спѣша.
Ты честно шелъ къ одной высокой цѣли,
Кипѣлъ, горѣлъ—и быстро ты угасъ!
Ты насъ любилъ, ты дружеству былъ вѣренъ—
И мы тебя почтили въ добрый часъ!

Digitized by Google

Ты по судьбѣ печально безпримѣренъ:
Твой трудъ живетъ и долго не умретъ,
А ты погибъ, несчастливъ и незнаемъ!
И съ дерева невѣдомаго плодъ
Безпечные безпечно мы вкушаемъ.
Намъ дѣла нѣтъ, кто возрастилъ его,
Кто посвящалъ ему и трудъ и время,
И о тебѣ не скажетъ ничего
Своимъ потомкамъ сдержанное [1]) племя...
И съ каждымъ днемъ окружена тѣснѣй,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги къ ней не проторила...

Кто не догадался съ первыхъ же строкъ этого стяхотворенія, что рѣчь идетъ о Бѣлинскомъ? Въ русской печати это былъ первый восторженный отзывъ о Бѣлинскомъ и въ то же время упрекъ и вызовъ, обращенный и къ друзьямъ великаго критика и къ молодому поколѣнію. И этотъ горькій и не совсѣмъ справедливый упрекъ не остался безъ отвѣта. Могила Бѣлинскаго была отмѣчена памятникомъ и сдѣлалась мѣстомъ паломничества для молодежи. Кромѣ того молодое поколѣніе отвѣтило на вызовъ Некрасова „Очерками“ Чернышевскаго.

Въ 1856 году Некрасовъ написалъ поэму „Несчастные“, относительно которой онъ самъ сказалъ Достоевскому: „*я* тутъ объ васъ думалъ, когда писалъ, это объ васъ написано“. Но думая о Достоевскомъ, Некрасовъ не могъ не вспомнить и о Бѣлинскомъ, знаменитое письмо котораго къ Гоголю послужило одной изъ главныхъ причинъ осужденія Достоевскаго на каторгу. И слѣды этихъ воспоминаній можно указать въ поэмѣ. Несомнѣнно думалъ Некрасовъ о Бѣлинскомъ, когда писалъ о Петербургѣ: „Въ стѣнахъ твоихъ и есть и были въ старые годы друзья народа и свободы, а посреди могилъ нѣмыхъ найдутся громкія могилы“. Больше думалъ Некрасовъ о Бѣлинскомъ, чѣмъ о Достоевскомъ, и тогда, когда передавалъ содержаніе рѣчей поэта на каторгѣ, напримѣръ, о Петрѣ Великомъ и о блестящемъ будущемъ русскаго народа. Наконецъ, ужъ ни въ коемъ случаѣ Некрасовъ не могъ думать о Достоевскомъ, когда изображалъ болѣзнь и смерть Крота.

Въ день смерти съ ложа онъ воспрянулъ,
И снова силу обрѣла
Нѣмая грудь—и голосъ грянулъ!
Мечтаньемъ чуднымъ окрылилъ

[1]) Первоначально „сдавленное“.

Digitized by Google

Его Господь передъ кончиной,
И онъ подъ небо воспарилъ
Въ красѣ и легкости орлиной.
Кричалъ онъ радостно: „впередъ!“
И гордъ, и ясенъ, и доволенъ:
Ему мерещился народъ
И звонъ московскихъ колоколенъ;
Восторгомъ взоръ его сіялъ,
На площади, среди народа,
Ему казалось, онъ стоялъ
И говорилъ...

Приведенные стихи — поэтическая передача тѣхъ свѣдѣній, которыя мы имѣемъ о послѣднихъ часахъ многострадальной жизни великаго критика. Вотъ, напримѣръ, какія подробности о смерти Бѣлинскаго сообщала Тургеневу одна дама въ письмѣ отъ 23-го іюня 1848 года: „Передъ самой смертью онъ говорилъ два часа, не переставая, какъ будто къ русскому народу, и часто обращался къ женѣ, просилъ ее все хорошенько запомнить и вѣрно передать эти слова, кому слѣдуетъ; но изъ этой длинной рѣчи почти ничего уже нельзя было разобрать; потомъ онъ вдругъ замолкъ и черезъ полчаса мучительной агоніи умеръ“ [1]).

Въ 1859 году Некрасовъ упоминаетъ о Бѣлинскомъ въ стихотвореніи „О погодѣ“:

Я ушелъ по кладбищу гулять;
Тамъ одной незамѣтной могилы,
Гдѣ уснули великія силы,
Мнѣ хотѣлось давно поискать.

Часто вспоминалъ Бѣлинскаго Некрасовъ и въ мучительно-тяжелый для него 1866 годъ, когда его лира для отвращенія „неумолимаго рока“ издала „невѣрный звукъ“ въ честь Муравьева, наполнивъ сердце поэта муками поздняго сожалѣнья и раскаянья.

И вы, и вы отпрянули въ смущеньи,
Стоявшія безсмѣнно предо мной,
Великія, страдальческія тѣни,
О чьей судьбѣ такъ горько я рыдалъ,
На чьихъ гробахъ я преклонялъ колѣни
И клятвы мести грозно повторялъ.

---

[1]) Г-нъ Мельшинъ въ своей статьѣ о Некрасовѣ идетъ гораздо дальше. Вопреки общепринятому мнѣнію, онъ думаетъ, что въ лицѣ Крота поэтъ далъ намъ художественный образъ не Достоевскаго, а Бѣлинскаго, который за свое письмо къ Гоголю, несомнѣнно, попалъ бы на каторгу, если бы не умеръ „во-время“, по выраженію Грановскаго.

Digitized by Google

„Великія, страдальческія тѣни“ — это, конечно, мать Некрасова, Бѣлинскій и Добролюбовъ.

Во всѣхъ указанныхъ стихотвореніяхъ имя Бѣлинскаго не упоминается; впервые же оно появляется въ знаменитыхъ строфахъ „Медвѣжьей охоты“, напечатанной въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1868 года.

Бѣлинскій былъ особенно любимъ...
Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель, передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!
Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси,
Дремля и раболѣпствуя позорно,
Твой умъ кипѣлъ—и новыя стези
Прокладывалъ, работая упорно.
. . . . . .
Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едва-ль не первый вспомнилъ о народѣ,
Едва-ль не первый ты заговорилъ
О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ...

И въ поэмѣ „Кому на Руси жить хорошо“ Некрасовъ не забылъ помечтать о томъ „желанномъ времячкѣ“, когда мужикъ „Бѣлинскаго и Гоголя съ базара понесетъ“ и будетъ читать книги этихъ „заступниковъ народныхъ“. Наконецъ, Некрасовъ посвятилъ Бѣлинскому цѣлую поэму, написанную въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ и впервые напечатанную въ „Полярной Звѣздѣ“ Герцена. Поэма не блещетъ особенными достоинствами, но заслуживаетъ вниманія, какъ поэтическая біографія Бѣлинскаго и характеристика его эпохи [1]).

Всѣ указанныя произведенія и приведенные отзывы Некрасова свидѣтельствуютъ о томъ, съ какимъ чисто-религіознымъ уваженіемъ относится онъ къ личности своего учителя и какіе его завѣты ставилъ на первомъ мѣстѣ. Среди писателей, которыхъ обыкновенно называютъ учениками и послѣдователями Бѣлинскаго, Некрасовъ долженъ быть поставленъ на первое мѣсто не по объему таланта и не по литературному значенію, а по степени усвоенія и проведенія завѣтовъ великаго критика. Именно, изъ гуманной школы Бѣлинскаго вышелъ поэтъ, который считалъ

---

[1]) Поэма „Бѣлинскій“ не помѣщается въ собраніи стихотвореній Некрасова, авторство котораго нѣкоторыми даже подвергается сомнѣнію, впрочемъ, безъ достаточныхъ основаній. Изъ позднѣйшихъ перепечатокъ этой поэмы наиболѣе цѣнная въ „Литературномъ Вѣстникѣ“ 1903 года (№ 1) съ варіантами и примѣчаніями.

Digitized by Google

своимъ призваніемъ воспѣть страданья всѣхъ „униженныхъ и обиженныхъ“ несправедливымъ соціальнымъ укладомъ, прославить всѣхъ „погибающихъ за великое дѣло любви“ и вызвать „необузданную, дикую къ угнетателямъ вражду“. Вѣрность этимъ завѣтамъ—наиболѣе характерная черта всей поэзіи Некрасова и лучшій памятникъ его благоговѣйнаго отношенія къ великому русскому критику.

С. Ашевскій.

Digitized by Google

ЖИЗНЬ.

Бываютъ дни: съ лицомъ святой,
На зовъ земныхъ страстей ничѣмъ не отвѣчая,
Вся осіянная духовной красотой,
Вся ты передъ мной, недвижная, нѣмая...

А иногда: проснется страсть,
Лицо твое горитъ, въ глазахъ —любви желанье,
Съ дрожащихъ губъ узналъ я поцѣлуя власть,
Вакханкой льнешь ко мнѣ... ты—радость, ты—страданье.

Бываютъ дни: весь обликъ твой—
Печать суровыхъ думъ и гордыхъ размышленій.
Проходишь мимо всѣхъ съ поднятой головой,
Въ исканьи тайнъ земли и неба откровеній.

А иногда: ребенокъ ты,—
Рѣзвясь, шаля, ты всѣмъ, что попадетъ, играешь
И въ мелочь каждую житейской суеты
Красивые цвѣты наивности вплетаешь.

Кто-жъ ты?.. Святая или нѣтъ,
Вакханка иль дитя, мудра иль простодушна,
Ты—жизнь сама, въ тебѣ всѣхъ силъ расцвѣтъ,
И я люблю тебя—и страстно и послушно.

Ал. Луговой.

Digitized by Google

Страники.

ПОВѢСТЬ.

Ссылка надоѣла ему въ достаточной степени, но у него совершенно не было денегъ. Поэтому онъ рѣшилъ ждать, пока не исчезнутъ снѣга, не растаютъ льды и согрѣтая земля не раскроетъ во всѣ стороны свои пути и свои тайники. Тогда онъ убѣжитъ пѣшкомъ.

Онъ ждалъ спокойно, терпѣливо, не жалуясь на судьбу и не разсказывая никому про свои планы. Изрѣдка онъ писалъ и посылалъ на Дальній Западъ, коротенькія, дѣловитыя письма, въ которыхъ звучало твердое обѣщаніе: „жди, приду!..“

Въ обмѣнъ онъ получалъ блѣдные, цвѣтные листики съ нѣжнымъ запахомъ хорошо знакомыхъ ему духовъ, гдѣ подъ обычными словами таился тихій и жалобный стонъ:

„Когда-же, когда наконецъ?!... Силъ не хватаетъ для страданій!..“

Тогда онъ на мгновеніе терялъ равновѣсіе и, чтобы успокоиться, бѣжалъ подальше отъ убогой деревушки, гдѣ жилъ, и отъ тѣхъ несчастныхъ, съ кѣмъ здѣсь былъ скованъ.

Только когда растворялись совершенно въ синемъ просторѣ изъ-сѣра желтыя пятнышки деревенскихъ домишекъ, когда человѣческій говоръ, лай собакъ, кукуреканіе пѣтуховъ, скрипъ саней и воротъ, стукъ дверей превращались въ неясный, жидкій гомонъ; когда слѣды и движеніе жизни безъ остатка поглощались безпредѣльной и величавой мертвенностью снѣговъ—тогда онъ садился на краю скалистаго обрыва и, подпирая рукой подбородокъ, точно живая статуя флорентинскаго „Pensiero“, устремлялъ черные, невидящіе отъ внутренняго раздумья глаза въ бѣлую бездну.

Засыпанное снѣгомъ русло рѣки уходило въ даль въ

Digitized by Google

блѣднѣющихъ изгибахъ и терялось въ золотисто-сѣдыхъ тѣняхъ. Тишина могильнаго склепа... Бѣлизна незапятнанной никакимъ прикосновеніемъ дѣвственности... На нихъ лежитъ, придавивъ ихъ тягостной зимней неподвижностью, голубой навѣсъ воздушнаго океана. Надъ этимъ морознымъ сліяньемъ студенаго воздуха и застывшей земли, солнце разбрасывало свой чудный вѣеръ золотыхъ, перевитыхъ радугой, лучей. Отъ ихъ прикосновенія горѣли льды, зажигались безчисленныя лучистыя искры, съ тихимъ шорохомъ осѣдали снѣга, свертывались жемчужины наста... Иней подбиралъ свои хрустальныя кружева... Надъ пустыней проносились чуть уловимыя дуновенія, по бѣлой пеленѣ ея скользили чуть замѣтныя содроганія, зарождались робкіе шорохи и шептаніе, точно слабое біеніе пульса жертвы, возвращающейся къ жизни въ объятіяхъ убійцы.

Освобожденные отъ облетающихъ „наснѣговъ“, вѣтки колыхались неувѣреннымъ, стыдливымъ движеніемъ...

Ссыльный алчно ловилъ жаждущей свободы душою эти привидѣнія звуковъ, миражи движеній...

Наконецъ сумеречилъ день, умирали солнечныя сіянія, застывали вздохи... На горизонтѣ разливались кровавыя струи и окрашивали своимъ сполохомъ облака и горы.

Тогда ссыльный подымалъ, всё еще задумчивое, но уже спокойное лицо, расправлялъ насупленныя брови, отымалъ ладонь отъ болѣзненно сжатыхъ челюстей и, слегка выбивая тактъ по колѣну, пѣлъ тихо, не спуская глазъ съ опадающихъ цвѣтовъ зари.

Ужъ потухло надежды сіяніе!
Раньше проблеска блѣдной денницы
Встанемъ мрачныхъ видѣній толпою.
. . . . . .
Въ ночь спокойную проникнемъ въ жилища,
Гдѣ счастливые спятъ тихо и сладко,
Нашей пѣснью смутимъ мы ихъ отдыхъ.
Пускай встанутъ и слѣдуютъ съ нами...
. . . . . .

Возвращался онъ поздно вечеромъ, когда ничего не было видно, и въ темной тучѣ крутаго берега свѣтился лишь рубиновый рядъ деревенскихъ огней.

Наконецъ побѣдоносная весна порвала въ лоскутья однообразную одежду зимы и ея молчаніе. Съ страшнымъ грохотомъ вскрылась рѣка, понеслись по ней караваны льдовъ, блистая зеленоватыми гранями своихъ причудливыхъ изло-

Digitized by Google

мовъ. Въ черныхъ, рыхлыхъ разсѣлинахъ почвы заструилась вода. Покатились съ звучнымъ говоромъ къ низамъ ручейки. Загремѣли въ каменистыхъ лощинахъ пѣнистые водовороты водопадовъ, зашумѣли неумолчно потоки въ скалистыхъ ущеліяхъ, среди мшистыхъ сѣрыхъ валуновъ, на которыхъ бѣлая заморозь ночевала еще рядомъ съ сѣдыми лишайниками. Склизкія, бѣлыя пасти бѣгущихъ вешнихъ водъ зашумѣли о туловища упавшихъ на пути ихъ лѣсныхъ великановъ. Разлились широко и тихо по равнинамъ затони временныхъ озеръ, отражая затопленныя осеннія травы и молодые побѣги тальниковъ, съ набухшими сережками. На согрѣтыхъ лугахъ, на отошедшихъ поляхъ зазеленѣлъ пушокъ молодой травы.

Забѣлѣли густо цвѣты анемонъ и примулъ. Зажглись безчисленныя звѣзды желтыхъ одуванчиковъ. Крошечныя чашечки молочайника засверкали на болотинахъ, точно кувшинчики кованнаго, солнечнаго блеска. Въ рощицахъ на рыжихъ буграхъ засинѣли тучи лѣсныхъ цвѣтовъ. Между тѣмъ вверху мѣдно-красная, бурая или изъ-синя-стальная сѣть вѣтвей и побѣговъ съ часу на часъ одѣвалась все густѣющимъ туманомъ весенней листвы. Несравненный ароматъ смолы, душистый запахъ стараго вина заструился изъ древесныхъ ранъ, изъ сломанныхъ зимою сучьевъ, изъ коры разорванной нарожденіемъ новыхъ ростковъ, изъ бутоновъ цвѣтовъ раскрывающихся для новой жизни и любви...

Проснувшіяся бабочки трепетно вылетали на солнечный свѣтъ, грѣли и правили выцвѣтшія, ослабѣлыя крылышки, распластавъ ихъ на шершавыхъ, теплыхъ древесныхъ пняхъ. Жуки, мухи, муравьи,—все подземное лазящее и ползающее царство,—оставило свои зимнія квартиры и заныряло, засуетилось на поверхности, осматривая внимательно арену будущей своей борьбы за пищу и наслажденія... Запѣли птицы. Треугольники сѣрыхъ гусей понеслись въ поднебесьи съ сонным крикомъ; затрубили тамъ невидимые стаи журавлей. Молча пролетали на сѣверъ царственные лебеди, точно бѣлыя привидѣнія. На глухихъ лужицахъ, на укромныхъ „калтусахъ“, на мелководныхъ озеркахъ закружились сонмы сладострастныхъ, сварливыхъ утокъ. На солнцепекахъ, на чистыхъ увалахъ завели безконечные бои и крикливыя вѣче тучи перелетныхъ пѣтушковъ и куликовъ. Въ темныхъ затѣняхъ тайги закуковала кукушка...

Digitized by Google

— Что съ вами? Что вы такой сегодня странный?—спрашивала его съ безпокойствомъ ссыльная сосѣдка.

Она взглянула ему въ лицо, чуть чуть осунувшееся и погрустнѣвшее. Онъ не сразу отвѣчалъ, губы его дрогнули и сжались.

— Почему вы не заходили такъ долго?

— У меня было много дѣла въ послѣднее время...

— Что такое?

— Безъ шутокъ. Я собираюсь въ длинное и трудное путешествіе...

— Бѣжите?!

Онъ кивнулъ головой. Она поблѣднѣла и отвернулась.

— Я догадывалась... А... а... какже?!.

Ея голосъ зазвенѣлъ и странно оборвался. Онъ омрачился еще больше.

— Что жъ дѣлать... Поэтому то я ничего и не говорилъ... никому... Напрасные только разговоры... Прощайте!.. Мнѣ пора... Я хочу зайти и къ другимъ...

Онъ всталъ. Когда онъ неожиданно нагнулся, чтобы поцѣловать ея руку, она вдругъ порывисто прижала его голову къ своей груди и также порывисто оттолкнула его. А когда онъ ушелъ, она тѣ-же руки прижала вновь къ своему сердцу. Онъ, казалось, не замѣтилъ, не понялъ ея движенія и не разслышалъ сдавленнаго полустона.

— И такъ... конецъ!

Затѣмъ онъ посѣтилъ горца изъ дальнихъ южныхъ горъ, умирающаго мучительной смертью въ низенькой закоптѣлой избушкѣ.

Заслышавъ шаги, больной присѣлъ на постель и повернулъ къ дверямъ темное, высохшее лицо, съ орлинымъ носомъ, съ большими горящими лихорадочно глазами.

— А... это вы? Что слышно?.. Нѣтъ ли вѣстей?!.. Хорошихъ вѣстей?! А?..

— Вѣсти неважныя... Не всѣ сдались, но уже мало ихъ осталось!..

Онъ подсѣлъ на краю кровати и по обыкновенію разсказалъ вкратцѣ больному, что прочелъ въ газетахъ или услышалъ у людей.

Грудь страдальца подымалась высоко и трудно, внутри ея глухо клокотало, точно въ угасающемъ вулканѣ.

— Нѣтъ... нѣтъ!.. Ни-че-го!.. говорилъ онъ съ трудомъ.— Пусть... пусть!.. Въ этомъ... огнѣ... мы очистились отъ всѣхъ

Digitized by Google

недостатковъ,.. отъ всѣхъ сквернъ и уродствъ... Всѣ слабые, ничтожные, недостойные оставятъ насъ и опять мы взлетимъ выше мірской суеты, текущихъ, проходящихъ дѣлъ... Взлетимъ... Но меня уже не будетъ... съ... вами...

Онъ глухо закашлялъ и опустился на подушки.

Уѣзжающій крѣпко пожалъ ему руку.

Оттуда бѣглецъ отправился къ профессору. Тамъ въ холодномъ, грязномъ и сыромъ помѣщеніи, приспособленномъ изъ деревенской бани, ползали на полу плачущія, полуодѣтыя дѣти, а среди нихъ на низенькомъ стульчикѣ женщина съ изстрадавшимся, усталымъ лицомъ, сердито чистила картошку.

Уѣзжающій заглянулъ туда и попятился назадъ.

„Профессоръ“ отсутствовалъ... Осмотрѣвшись кругомъ, онъ замѣтилъ его вдали на тропинкѣ, сгибающагося подъ тяжестью охабки хвороста. Онъ пошелъ ему на встрѣчу, отнялъ ношу, взвалилъ ее себѣ на спину и зашагалъ рядомъ со сконфуженнымъ, вытирающимъ вспотѣвшую лысину „професоромъ“.

Послѣдній по обыкновенію жаловался на свою судьбу, на весь міръ, обвинялъ исторію и людей...

Напослѣдокъ уѣзжающій побывалъ въ „коммунѣ“, гдѣ жили студенты и рабочіе, гдѣ молодость, здоровье, веселость боролись отчаянно съ нуждой и тоской...

Выйдя оттуда, онъ вздохнулъ, снялъ шапку и взглянулъ на темнѣющія небеса. Въ ихъ безконечной глубинѣ уже искрились звѣзды, хотя на горизонтѣ всё еще горѣлъ кровавый слѣдъ отошедшаго солнца.

Бѣглецъ прошелъ непринужденно мимо домика полицейскаго надзирателя, который какъ разъ стоялъ у порога и подозрительно—безпокойно глядѣлъ на него. На поклонъ полицейскаго онъ отвѣтилъ сдержаннымъ кивкомъ головы и повернулъ за уголъ къ себѣ. Онъ занималъ комнатку въ небольшой провалившейся въ землю избушкѣ.

Дома онъ зажегъ свѣчу и внимательно оглядѣлъ свое жилище. Пусто здѣсь было и убого. Онъ ничего не бралъ и ничего не трогалъ, желая по возможности оставить комнатку въ обычномъ видѣ. Онъ только бросился на постель и примялъ её на всякій случай. Затѣмъ онъ подсѣлъ къ столу, подумалъ немножко и четко написалъ на четвертушкѣ бумаги:

Digitized by Google

„Прошу никого не винить въ моей смерти. Прощайте, товарищи!..“

Викторъ Шумскій.

— Все таки это облегчитъ имъ всякія объясненія... И надзирателю меньше достанется!.. Не такъ онъ ужъ золъ, какъ другіе!..—раздумывалъ онъ, собираясь.

Онъ незамѣтно выскользнулъ изъ дома, ловко скрывая мѣшокъ подъ полою чекменя. Боковыми тропинками, осторожно, онъ направился къ рѣкѣ. Огни потухли въ деревнѣ. Теплая и темная ночь окутала окрестности густымъ покровомъ. Лучи звѣздъ терялись гдѣ то безслѣдно въ ея мракѣ, точно острія золотыхъ иголъ, воткнутыхъ въ мягкія и черныя складки бархата. Викторъ пробирался крадучись, внимательно прислушиваясь и зорко посматривая кругомъ, не хуже настоящаго татя. Но онъ ни съ кѣмъ не встрѣтился, и даже сонныя собаки не особенно лаяли ему во слѣдъ. По бѣлесому, туманному просвѣту, по влажному холодку, онъ узналъ близость рѣчного обрыва. Вскорѣ онъ услышалъ подъ собою глухой шумъ струй, лижущихъ подмытый обвалъ. Онъ еще разъ внимательно оглянулся и быстро скользнулъ по глинистой, крутой дорожкѣ. На видномъ, защищенномъ отъ вѣтра мѣстѣ, на кучѣ большихъ камней, онъ положилъ приготовленную записку, придавилъ ее камнемъ и прикрылъ ее собственной шляпой. Онъ еще разъ прислушался, осмотрѣлъ тщательно темный край обрыва, рѣзко обозначающійся на болѣе свѣтломъ небосклонѣ и двинулся вверхъ по теченію по карнизамъ берега.

Не особенно далеко, въ кустахъ, онъ отыскалъ крошечный стружекъ, столкнулъ его тихонько на воду, съ кошачьей ловкостью усѣлся въ немъ и беззвучно скользнулъ къ противуположному берегу.

Очутившись тамъ, онъ повернулъ суденышко по теченію и тутъ же, у самой отмели, скрытой въ тѣни высокихъ, прибрежныхъ лѣсистыхъ горъ, поплылъ внизъ по рѣкѣ.

Легкій, влажный вѣтерокъ дулъ ему въ лицо, а сердце билось въ груди, соразмѣрно ударамъ весла. Онъ не думалъ ни о чемъ, не соображалъ ничего, только слухомъ старался пронизывать тишину, только взорами силился пробить темноту и всѣмъ существомъ чутко сторожилъ мельчайшія измѣненія тишины. Могучее и возбуждающее ощущеніе сосредоточенности и силы охватывало его всецѣло...

Вскорѣ взошла луна. На покинутомъ бѣглецомъ берегу

Digitized by Google

подъ ея лучами, забѣлѣли вдругъ, точно покрытыя свѣжимъ инеемъ, крыши и стѣны деревенскихъ избушекъ, заборы, старыя груды соломы, сараи и риги, и шоссейная дорога съ цѣпью телеграфныхъ столбовъ, ровныхъ и мелкихъ, похожихъ на поставленныя врядъ спички. Чернильно-синяя зубчатая кайма лѣсного, гористаго берега четко отразилась въ зеркалѣ рѣки. Скрытый ею Шумскій чувствовалъ себя безопасно даже отъ рысьихъ глазъ сибирскихъ крестьянъ. На нагорномъ же берегу, онъ зналъ, никто не живетъ и никто не посѣщаетъ въ это время года его дикихъ дебрей..

Только когда мѣсяцъ поднялся повыше и вся рѣка засверкала живымъ серебромъ, Викторъ причалилъ челнокъ, вытащилъ его на отмель, пробилъ ножемъ въ его днѣ большое отверстіе и, просунувши конецъ шеста въ петлю на носу, столкнулъ суденышко далеко на глубину. Мгновеніе стружокъ боролся съ гибелью, поворачивалъ по теченію, покачивался, рвался прочь, наконецъ наполнился водою и тихо сталъ погружаться. Тогда бѣглецъ ловко выдернулъ шестъ изъ петли и предоставилъ суденышко своей судьбѣ.

Вся эта операція была ему немного непріятна: онъ любилъ свой стружекъ, отвоеванный съ трудомъ у полиціи и вѣрой и правдой служившій ему прошлый годъ, но... опасныя предпріятія не любятъ чувствительности...

— Сантиментальничанья!.. какъ говаривалъ онъ.

Онъ торопливо подвязалъ мѣшокъ на спину и еще разъ взглянулъ на тотъ берегъ, гдѣ бѣлѣла лента дороги и бѣжала многозначительно въ даль цѣпь телеграфа...

II.

Онъ направился въ самую глубь лѣсного оврага, въ нѣдра темноты, подшитой снизу скалистой розсыпью, затканной во всю толщь корявыми пнями, накрытой шатромъ густыхъ вѣтвей и хвои. Тамъ и сямъ трепетно струились по ней серебряныя стрѣлки луннаго свѣта.

Бѣглецъ быстро двигался по тропинкѣ, которая постоянно терялась во мракѣ. Онъ ее отыскивалъ ощупью своихъ опытныхъ, охотничихъ ногъ. Но вскорѣ онъ очутился въ до того узкомъ и заросшемъ ущеліи, что мѣсячное сіяніе не проникало туда совершенно и мракъ, уснащенный пнями деревьевъ, кустами и скалами, сливался въ одно непрони-

Digitized by Google

цаемое для глазъ черное цѣлое, гдѣ узналъ онъ встрѣчные предметы по запаху, по неяснымъ излученіямъ ихъ скрытой теплоты, по холоду и влагѣ. Онъ часто спотыкался и принужденъ былъ останавливаться.

Гдѣ-то близко сочились капли воды, мѣрно отбивая на скалѣ уходящее время.

Шумскій пока не чувствовалъ усталости, и не намѣревался скоро отдыхать. Наоборотъ возбужденіе гнало его впередъ, а предательскія капли — безпокоили его, какъ укоры совѣсти. Онъ былъ черезъ чуръ близко отъ селенія и крыло возможной облавы легко могло его захватить. Онъ вынулъ изъ кармана маленькій компасъ и при мерцающемъ свѣтѣ спички опредѣлилъ направленіе оврага. Широкая радостная улыбка разжала его тонкія губы, когда среди промоинъ и сѣтей корней онъ снова замѣтилъ потерянную дорожку. Огарка спички онъ не бросилъ на землю, а потушилъ и спряталъ предусмотрительно въ карманѣ, гдѣ у него находились: гребешокъ, перочинный ножикъ, зеркальце и другія туалетныя принадлежности. Огарокъ спички могъ выдать его пребываніе здѣсь всевидящимъ глазамъ туземныхъ охотниковъ.

Онъ бодро тронулся дальше, медленно взбираясь ощупью по крутизнѣ съ палкой въ рукахъ. Тропинка—вѣрнѣе звѣриный слѣдъ къ водопою—постоянно исчезала среди мховъ и жилистыхъ корневищъ, подъ низенькими сводами кустовъ папортника и травъ. Свѣтало, когда онъ очутился наконецъ на перевалѣ. Впереди, на горной сѣдловинѣ бѣлѣла мутная прогалина. А дальше изъ стелющихся низко тумановъ, изъ грязныхъ мшистыхъ торфяниковъ, изъ вихроватыхъ зарослей вереска, подымалась громадная, безобразная щетка рѣдкаго, горѣлаго, безлистаго лѣса, полчища осмоленныхъ, мертвыхъ пней, траурныхъ скелетовъ деревьевъ. Отростки ихъ сучьевъ, поврежденныя, надломленныя верхушки, полуистлѣвшія тѣла покорно и жалко склонялись въ одну сторону, на югъ, къ солнцу, какъ-бы желая уйти защитить свою наготу по возможности отъ плывущаго съ вѣтромъ холода. Вдали полукругомъ стояла свѣжая, сочная, зеленая, живая тайга...

Викторъ Шумскій остановился, взволнованный трогательнымъ воспоминаніемъ:

— „Тѣ, что погибли, пусть спятъ...“

Вдругъ онъ услышалъ непонятное, глухое стенаніе и

Digitized by Google

быстро положилъ руку на рукоятку ножа. Безобразный, какъ сказочное чудище, сохатый, положивши на косматый горбъ громадныя лопасти роговъ, побрелъ на ту сторону, проваливаясь въ трясину и громко шлепая раздвоеными копытами.

Викторъ пошелъ за нимъ, стараясь ступать въ слѣды звѣря, чтобы скрыть оттиски своихъ ногъ.

Съ тѣхъ поръ потянулись для него сплошь дни, состоящіе изъ небольшихъ шаговъ, медленныхъ и мелкихъ движеній—крошечныхъ проявленій громадной, сосредоточенной воли. И мучило Шумскаго не то, что солнце жгло его тѣло иногда въ этихъ нагорныхъ болотахъ не хуже, чѣмъ дѣлало бы это въ Сахарѣ, что размокшая обувь путалась кругомъ израненныхъ его ногъ, точно клубокъ змѣй, что потъ растравлялъ старыя и разъѣдалъ новыя раны на его спинѣ и плечахъ, что неотдохнувшія вдосталь на ночевкѣ члены съ трудомъ и болью вращались въ суставахъ, что дождь и вѣтеръ сѣкли, какъ щпицрутены, иногда его спину... Нѣтъ!.. Мученіемъ было для него постоянное сознаніе дрожащей отъ страсти души, что поставленная цѣль все такъ далека, такъ безконечно далека!..

Мѣрилъ Шумскій изо дня въ день усталыми ногами безпредѣльную тайгу съ упорствомъ каторжника, съ беззаботной веселостью варшавскаго фабричнаго. Отдыхать и ночевать онъ останавливался въ глубокихъ падяхъ, въ темныхъ ярахъ и оврагахъ, гдѣ по днищамъ шумѣли быстрые ручьи. Такихъ убѣжищъ было много на этомъ волнистомъ плоскогорьи.

Молодой путникъ спускался туда, точно въ большой погребъ, полный запаха вина и вѣковой плѣсени. Разводилъ костеръ у рокочущаго потока и смотрѣлъ съ дѣтскимъ любопытствомъ, какъ красный блескъ пламени прыгалъ, можетъ быть впервые, по сѣдымъ отъ мховъ валунамъ, по исполинскимъ узламъ кедровыхъ корней, опутывающихъ обломки утесовъ, точно щупальцы чудовищныхъ полиповъ.

Онъ слушалъ, какъ причудливо рокочутъ водовороты потока, какъ рѣзкій трескъ огня вызываетъ тысячи отзвуковъ въ колонадѣ громадныхъ пнищъ, не то вылитыхъ изъ бронзы и чугуна, не то высѣченныхъ изъ гранита. А тамъ, куда не достигали ни алыя вспышки огня, ни звонкій говоръ потоковъ, тамъ тонуло всё въ зеленоватыхъ сумеркахъ и тихіе ключи беззвучно сочились изъ невидимыхъ родниковъ,

Digitized by Google

изъ самаго сердца похороненныхъ въ землѣ вѣчныхъ ледниковъ... Изрѣдка по настилкамъ губчатыхъ влажныхъ лишайниковъ, по пахучей щетинѣ богульниковъ, по рыжимъ и бѣлымъ кружевамъ ягелей, чуть колыхая нефритовые зонтики папоротниковъ, прокрадывались драгоцѣнныя цвѣтныя лисицы, пепельныя ласки, бѣлые горностаи, мелкіе, какъ птицы, и злые, какъ змѣи... Среди темныхъ рассохъ прыгали пугливыя бѣлки, сѣдыя, какъ сумракъ, среди котораго онѣ жили; скользилъ какъ тѣнь, какъ тѣнь измѣнчивый и прозрачно-волосый соболь... Гнѣдыя козули мелькали въ пролетахъ деревьевъ, точно молніи, или замирали неподвижно среди корявыхъ, рыжихъ сосенъ, похожія на ихъ кору и красно-синій ея отблескъ... Быстрый заяцъ присѣдалъ неподвижно къ землѣ, пораженный невиданнымъ зрѣлищемъ человѣка, и свѣтилъ красными „зеньками“, поставивши надъ ними чуткія уши, точно епископскую скуфью... Медвѣдь проходилъ гдѣ-то незримо стороной, ломая чащу и скатывая внизъ камни...

Уставшій бѣглецъ присматривался къ этимъ лѣснымъ видѣніямъ и крѣпъ духомъ. Узнавалъ повадки, обычаи, страсти, потребности лѣсныхъ своихъ сосѣдей, восхищался ихъ громадной энергіей, ихъ неустанной борьбой за существованіе, бралъ у нихъ примѣръ терпѣливости, настойчивости и смѣлости...

— Буду хитеръ, какъ змѣй, какъ соболь, какъ лиса... Буду быстръ, какъ козуля, чутокъ, какъ заяцъ, остороженъ, какъ барсукъ!.. Буду тихъ и смѣлъ, какъ горностай!.. О какъ легко потерять свободу и какъ трудно завоевать и оберегать ее... И какъ всё дышитъ жаждой независимости!..

На ночевкахъ Шумскій разводилъ огонекъ въ небольшихъ углубленіяхъ, — скромный огонечекъ, только бы согрѣться да сварить чаю и супа изъ сушеной говядины. Онъ не боялся теперь уже погони, но предпочиталъ не обнаруживать своего присутствія въ тайгѣ и не вызывать лишнихъ встрѣчъ съ дровосѣками и лѣсными промышленниками.

Разъ онъ въ пути наскочилъ на самаго медвѣдя. Толстякъ, похожій на большой узелъ мѣха, лежалъ на бугрѣ, рылъ лапами землю и поѣдалъ добытыя оттуда коренья. Замѣтивши странника, звѣрь ощетинилъ свои бурыя космы и оскалилъ клыки, стянувъ внизъ синія десна. Шумскій замеръ неподвижно съ рукою у подвѣшеннаго къ поясу ножа, съ неожиданнымъ для самаго себя смущеніемъ. Онъ

Digitized by Google

впервые такъ близко очутился отъ лѣснаго владыки, и поразилъ его дикій, мрачный блескъ кровавыхъ глазъ хищника. Медвѣдь глухо рычалъ и присѣдалъ по стариковски разъ за разомъ на заднихъ лапахъ, но вслѣдъ затѣмъ онъ неожиданно повернулся и ушелъ въ тайгу, бормоча невнятно про себя. Шумскій подождалъ, пока не затихли шаги звѣря и осмотрѣлъ внимательно оставленныя имъ коренья. Они оказались сладкаго вкуса, напоминающаго порей. Съ тѣхъ поръ Шумскій тщательно разыскивалъ по пути это растеніе и употреблялъ его наравнѣ съ луковицами красной „сараны", какъ приправу къ своему супу. Медвѣдь пригодился!

На десятый день скитаній Шумскій наткнулся на маленькую охотничью избушку а два дня спустя вышелъ неожиданно на край небольшого лужка, посереднѣ котораго чернѣлъ зарогъ сѣна. Безлюдіе окончилось.

III.

Теперь уже бѣглецъ не рѣшался путешествовать днемъ и, отдыхая, не всегда разводилъ огонь.

Когда солнце наполняло своимъ блескомъ и теплотою воздухъ, когда утромъ просыпался говоръ и суета жизни, онъ, точно барсукъ, заползалъ въ самую темную и непролазную чащу и, подотknувши подъ голову дорожный мѣшокъ, спалъ крѣпко, укрывшись отъ комаровъ.

Вставалъ онъ съ вечерними мглами, прокрадывался по окрестностямъ во мракѣ, точно лѣшій, пугая неописуемо деревенскихъ собакъ и вызывая толки поселянъ. Пропадалъ онъ вмѣстѣ съ утреннимъ разсвѣтомъ. Не разъ, искустно смѣшавшись съ кустами, онъ наблюдалъ издали съ любопытствомъ и страхомъ встрѣчныя села, слѣдилъ за занятіями людей, прислушиваясь къ ихъ пѣснямъ, ругани и смѣху, несущимся вдоль полей. И часто въ это время замѣчалъ рядомъ съ собою такого-же, какъ онъ, жителя тайги съ настороженными ушами и острымъ, пугливымъ взглядомъ. Онъ понималъ ихъ тогда, сочувствовалъ имъ и начиналъ ихъ любить.

Наконецъ однажды утромъ онъ неожиданно очутился на обрывистомъ краю лѣсного нагорья и ахнулъ отъ изумленія. Горы исчезли. Онѣ убѣжали въ обѣ стороны ровной синей полосой, точь въ точь высокій морской берегъ. Впереди, куда глазъ хваталъ, не видно было ни деревца, ни

Digitized by Google

холмика, ни даже замѣтной тѣни... Степь зеленая, гладкая, какъ водяная гладь, и блѣдная, какъ таже гладь, простиралась безконечно вплоть до гряды бѣлыхъ облаковъ. Тамъ и сямъ чернѣли на ней похожія на скалы и мели приземистыя постройки, копно образные, небольшіе шатры. Сивый дымъ струился изъ нихъ, а кругомъ бродили стада рогатаго скота и лошадей, похожія издали на стаи играющихъ нерпъ или дельфиновъ...

Посрединѣ прямо, какъ стрѣла, бѣжала свѣтлая тесьма дороги съ нитью телеграфа...

Бѣглецъ спрятался обратно въ тайгу, прилегъ въ укромной впадинѣ и вынулъ свою дорожную карту.

— Да, это степь!.. Знаменитая бурятская степь!.. Обойти ее нельзя, а проскользнуть черезъ нее незамѣтно, говорятъ, невозможно... Она лежитъ поперекъ дороги на западъ и сторожитъ ее, точно страшный, сказочный змѣй! Она безжалостно воевала искони съ прохожими, съ пришельцами, съ бродягами, которые тоже не баловали ее, отплачивая ей за строгость поджогами, жестокими убійствами и кражей скота. Такъ шло искони!

Викторъ заложилъ руки подъ голову и, глядя на тучки, плывущія тихо въ сторону его родины, раздумывалъ, что дѣлать.

Онъ опасался путешествія по степи, боялся разставленныхъ по улусамъ на вышкахъ дозоровъ противъ конокрадовъ... Правда, у него былъ подложный видъ на имя „поселенца“, но Шумскій понималъ, что видъ его не спасетъ. Поэтому онъ рѣшилъ обойти степь горами возможно дальше и пройти ее возможно быстрѣе въ самомъ узкомъ мѣстѣ.

Въ обходъ степи прошлось ему путешествовать днемъ, такъ какъ онъ убѣдился, что ночью грозитъ ему на каждомъ шагу опасность попасть въ безчисленныя охотничьи ямы, силки и капканы кочевниковъ или наткнуться на на разставленные ими густо по горамъ на звѣрей луки и самострѣлы.

Ночью онъ уходилъ подальше въ лѣсъ спать; но днемъ онъ двигался краемъ степи и тайги, чтобы постоянно имѣть равнину передъ глазами и слѣдить за ея враждебными движеніями. Огонь онъ разводилъ осторожно въ маленькихъ ямкахъ—хоронушкахъ, да и костры его не превышали размѣрами обычныхъ лабазныхъ грѣлокъ.

Каждое утро, точно двѣ необъятныя раковины жемчуж-

Digitized by Google

ницы, раскрывались передъ нимъ блѣдныя, затуманенныя, степныя дали, —внизу травяная, вверху воздушная. На ихъ сліяніи далеко разгорался розовый разсвѣтъ и окрашивалъ нѣжнымъ, атласнымъ заревомъ плоскость земли и вогнутость неба. По мѣрѣ того, какъ рдѣлъ востокъ, сѣрыя, мокрыя паруса, разбросанныя въ синемъ просторѣ, исподволь напитывались пурпуромъ, золотомъ и аметистами. И только, когда всходило солнце, въ его яркомъ сіяніи все немедленно теряло свои чудныя, тонкія, мнимыя краски и формы, превращалось въ грязные, обыденные предметы.

Степь просыпалась. Длинные ряды дойныхъ кобылицъ устремлялись съ отдаленныхъ пастбищъ къ кибиткамъ, куда звало ихъ пронзительное ржанье жеребятъ. Овцы и коровы выпускались на волю изъ огороженныхъ „сыртовъ". Всадники, подавшись впередъ на шеи лошадей, скакали вдаль, точно маленькіе кентавры. Женщины, дѣти, собаки выходили за пороги жилищъ подвижными толпами. Конные пастухи, въ тулупахъ шерстью наружу, становились неподвижно на плоскихъ буграхъ, зорче ястребовъ наблюдая за бѣлыми безчисленными шариками пасущихся овецъ.

Шумскій двигался краемъ горъ и съ тоской посматривалъ на неясное облако застепныхъ возвышенностей, то исчезавшихъ совершенно за линіей горизонта, то низко и широко разливавшихъ свою синеву.

Содержимое дорожнаго мѣшка Шумскаго между тѣмъ сильно уменьшилось, а о покупкѣ хлѣба въ степи и думать было нечего.

Наконецъ, онъ замѣтилъ на южномъ небосклонѣ большой, высокій, лѣсной мысъ, вдающійся далеко въ зеленое, степное море. Сердце бѣглеца быстрѣе забилось. Онъ догадался, что тамъ и есть это искомое мѣсто, о которомъ ему говорили. Но онъ шелъ еще цѣлый день, пока наконецъ очутился у узкой шеи равнины. Она оказалась совершенно пустынной. Лысые ея бугры не манили очевидно никого. Жесткіе осты, ежевидные, степные кустарники, спутанные вѣтромъ ковыли и полынь замѣняли здѣсь обычныя сладкія травы и цвѣты. Широкая степная дорога неясно значилась среди нихъ.

Шумскій спрятался въ рощицѣ у исхода ея и ждалъ вечера. Проѣхала мимо скрипучая, двухколесная „арба", полная женщинъ, веселыхъ, безпечно смѣющихся, одѣтыхъ празднично въ длинныя синія рубашки, въ красныя и фіолетовыя кофты. Съ топотомъ пронеслись два всадника въ жел-

Digitized by Google

тыхъ, засаленныхъ шелковыхъ халатахъ и красныхъ плоскихъ шляпахъ. Проковылялъ пѣшкомъ нищій, съ сумой на спинѣ, съ длиннымъ кривымъ посохомъ въ рукахъ, съ полунагимъ парнишкой-проводникомъ впереди. Разговаривали они гортаннымъ говоромъ, похожимъ на карканіе воронъ.

Смеркалось. Шумскій подвязалъ мѣшокъ и вышелъ на равнину. Онъ быстро шагалъ, подгоняемый безпокойствомъ, которое возбуждалъ въ немъ вдругъ открывшійся кругомъ него просторъ. Въ дали съ обѣихъ сторонъ мигали красные огоньки кочевій. Кряжистый мысъ вдругъ присѣлъ, полускрылся за ширмами вихрястыхъ травъ и терновника, какъ то неожиданно выросшихъ и приподнявшихся. Съ равнины неслись отдѣльные голоса ревущихъ стадъ и глухой лай овчарокъ. Шумскій двигался все быстрѣе, ему до нельзя захотѣлось поскорѣе очутиться въ хоронушкахъ привычной тайги. Хоть бы ночь стемнѣла поскорѣе!.. Но какъ на зло сумерки, среди воздушной равнины что-то не густѣли!.. Шумскій сознавалъ, что въ молочной ихъ мути, на легкомъ подъемѣ почвы его черный силуэтъ виденъ далеко, далеко... И вдругъ онъ вздрогнулъ. Позади него загудѣли копыта. Всадники неслись по дорогѣ прямо къ нему. Онъ стиснулъ зубы и съ большимъ усиліемъ сдержалъ вихрь закрутившихся мыслей. Онъ шелъ дальше, не мѣняя шаговъ и движеній. Когда проѣзжіе миновали его, онъ замѣтилъ только волчій блескъ двухъ паръ узкихъ глазокъ, хищно обшарившихъ его внѣшность.

Немного дальше ѣздоки остановились.

— Эей!.. Оросъ!..

— Руской... Куда ходилъ?..

— Руской... Пстой!..

Шумскій продолжалъ идти. Тогда они поговорили между собою и поѣхали за нимъ. Викторъ услышалъ это, остановился и хотѣлъ обернуться лицомъ, но въ тотъ же мигъ передъ глазами его мелькнулъ ремень аркана, его дернуло стремительно назадъ и онъ покатился навзничъ въ темнѣющую бездну...

Когда онъ очнулся, ему показалось, что онъ спалъ долго и глубоко. Удивило его только, что почему то лежитъ онъ голый среди открытой равнины. Вниманіемъ его особенно завладѣлъ ущербленный серпъ мѣсяца, покосившійся надъ чернымъ срубомъ недалекихъ горъ. Шумскій пристально

Digitized by Google

всматривался въ него, силясь точно и безошибочно опредѣлить значеніе этого явленія... Вдругъ рядомъ захрипѣли неожиданно гортанные голоса. Бѣглецъ съ трудомъ повернулъ поврежденную шею и приподнялъ голову. Увидѣлъ недалеко двѣ темныя, плоскія, какъ сковороды, рожи съ узенькими—щелкой—глазами, съ жидкими твердыми волосами кругомъ верблюжьихъ губъ... Плотныя фигуры незнакомцевъ точно сбѣжали съ картинокъ историческихъ разсказовъ, которые онъ читывалъ въ дѣтствѣ, и теперь помѣстились рядомъ съ нимъ, неизвѣстно зачѣмъ... Онѣ сидѣли на пяткахъ и, широко разставляя въ воздухѣ толстыя отъ овчинъ руки, осматривали внимательно... его платье! Онъ уже хотѣлъ сердито прикрикнуть на нихъ, какъ вдругъ въ рукахъ одного изъ нихъ блеснулъ ножъ и взрѣзалъ зашитыя въ курткѣ деньги. Незнакомцы разомъ наклонились надъ пакетомъ и лица ихъ расплылись въ широкой улыбкѣ. До слуха Шумскаго донеслось тихое, сочное похрюкиваніе, и бѣлые клыки сверкнули въ темныхъ прорѣзахъ толстыхъ, растянутыхъ верблюжьихъ губъ... Холодъ, давно уже пронизывавшій бѣглеца, превратился сразу въ мучительную дрожь... Грабители считали деньги, вкусно причмокивая и смѣясь... Шумскій подобралъ ноги, протянулъ руки и незамѣтно, какъ ужъ, поползъ прочь отъ нихъ... По сосѣдству заманчиво кустился частякъ степного лозняка. Шумскій вскорѣ очутился за нимъ и притаился неподвижно, такъ какъ голоса бурятъ вдругъ затихли. Онъ поднялъ голову и жадно запустилъ глазъ въ одно изъ окошечекъ листвы. Грабители сосредоченно продолжали осматривать его убогій нарядъ. Затѣмъ они раздѣлили платье на двѣ части и, нагнувшись другъ ко другу лбами, точно два встрѣтившіеся барана, глядѣли безмолвно себѣ въ рожи. Ихъ оттопыренныя уши напоминали рога. Мгновеніе спустя, меньшой изъ нихъ выпятилъ губы и замычалъ; тогда другой вынулъ изъ-за пазухи свертокъ съ деньгами, отдѣлилъ нѣсколько бумажекъ, тоже выпятилъ губы и замахалъ ладонью передъ носомъ. И оба сразу неожиданно мяукнули, какъ разодравшіяся кошки, и вскочили на ноги. Замахали руками, присѣдали, притаптывали, подскакивали и неустанно кричали...

Викторъ бѣжалъ межъ кустами согнувшись, изрѣдка оглядывался, когда крики затихали сзади за нимъ. Тогда видѣлъ онъ, какъ они дрались, какъ одинъ изъ нихъ повалилъ

Digitized by Google

другого ударомъ кулака, вскочилъ на лошадь и ускакалъ. Вслѣдъ за нимъ вскочилъ на лошадь и упавшій и съ крикомъ помчался въ догонку... Бѣшеная скачка продолжалась нѣкоторое время, наполняя гомономъ и шопотомъ засыпающія окрестности.

Шумскій остановился, собираясь вернуться за своимъ брошеннымъ платьемъ, но вскорѣ задній ѣздокъ, потерявшій очевидно надежду настичь противника, остановилъ лошадь и повернулъ назадъ на „майданъ". Тутъ онъ соскочилъ съ сѣдла, связалъ вещи въ узелъ, прикрѣпилъ ихъ къ торокамъ и, вскарабкавшись снова на высокую, какъ башня, луку, сталъ съ вытянутой шеей кружиться внимательно среди кустовъ. Шумскій ниже припалъ къ землѣ и сжалъ въ рукахъ найденый сукъ. Всадникъ тихо ѣхалъ, расширяя спираль своихъ розысковъ... Исходъ ихъ ясенъ былъ для Шумскаго и онъ перевелъ духъ только тогда, когда, озадаченный криками и вспыхнувшими на степи огнями, кочевникъ остановился и затѣмъ, послушавши, неторопясь двинулся въ ту сторону, прочь отъ проклятаго мѣста.

Только когда онъ совершенно исчезъ изъ виду, бѣглецъ поднялся и, не скрываясь уже, пошелъ по дорогѣ къ горамъ. Дрожь холода, гнѣва и отчаянія сотрясала его.

— Что *они* ему сдѣлаютъ?! Никто ему больше не въ состояніи ничего сдѣлать?!. Онъ самъ явится въ первую волость, только бы добрести до людей, способныхъ разобрать, что имъ говорятъ!.. Только бы не отвѣчать за чужіе грѣхи въ этой племенной враждѣ, возможно что вполнѣ естественной, но ужасной, ужасной!.. Пусть будетъ, что будетъ!..

Онъ шелъ по дорогѣ большими шагами, опираясь на толстую суковатую палку, бѣлый, нагой, странный, точно вставшій изъ гроба мертвецъ. И только длинная тѣнь, отбрасываемая его тѣломъ въ жидкомъ свѣтѣ луны, говорила что онъ житель сего міра. Онъ не избѣгалъ теперь встрѣчныхъ кочевій, не обходилъ ихъ; наоборотъ, онъ вызывающе остановился у входа въ кибитку. Выскочившія было на него съ лаемъ собаки, пораженныя и испуганныя его наготой и грозной дубиной, его неподвижностью и блестящимъ взглядомъ, убѣжали съ воемъ, поджавши хвосты. Туземецъ, вызванный на порогъ ихъ необычнымъ поведеніемъ, опрометью тоже бросился назадъ и двери приперъ крѣпко за собою, увѣряя, что тамъ—„ёрликъ"!..

На разсвѣтѣ Шумскій уже достигъ благодатной горной

Digitized by Google

тайги, нарвалъ длинныхъ, сухихъ прошлогднихъ травъ, вѣтокъ хвои и сдѣлалъ себѣ изъ нихъ нѣчто въ родѣ плаща, какимъ въ ненастье покрываютъ голое тѣло крестьяне Китая и Японіи.

IV.

Смѣсь страха и отвращенія толкала Виктора Шумскаго дальше въ лѣса. Онъ теперь искалъ поселеній, но мысль о возвращеніи въ степь не приходила ему даже въ голову. О томъ, насколько далеко очутился онъ отъ всякихъ человѣческихъ сельбищъ, подумалъ онъ только тогда, когда дорога превратилась исподволь въ небольшихъ размѣровъ таёжную просѣку. Отчаяніе охватило его... Но онъ все-таки брелъ дальше, занятый больше разыскиваніемъ съѣдобныхъ корешковъ, высматриваніемъ мышиныхъ норъ, птичьихъ и бѣличьихъ гнѣздъ, чѣмъ заботой о пройденномъ пути. Онъ забиралъ у звѣрьковъ остатки зимнихъ запасовъ, поѣдалъ яйца и самихъ животныхъ, разъ удавалось ему ихъ убить или поймать. Окончательная цѣль его усилій затуманилась, почти исчезла, разбилась на тысячу мелкихъ намѣреній, желаній, предпріятій и дѣйствій, надъ которыми властно царилъ страшный голодъ и холодъ... Онъ суевѣрно начиналъ думать, что они его рокъ, что ни умолить ихъ, ни укрыться отъ нихъ ему уже никогда не удастся. Онъ вспоминалъ страшную сказку о привязавшейся къ путнику „Нуждѣ“. Онъ забирался въ древесныя дупла, какъ эта „Нужда“, зарывался, точно кабанъ, въ кучи лѣсного перегноя и листопада, забивался подъ хворостъ, ѣлъ кору, молодые побѣги и листья. Но вездѣ находила его влажная отъ ненастья или блѣдная отъ росы десница жестокаго холода, встряхивала имъ, била имъ о землю, тянула жилы, высасывала мозгъ изъ костей и надрывала пустыя внутренности... Остатками самообладанія онъ удерживалъ себя неоднократно отъ звѣринаго рычанія, сжималъ стучащіе зубы и разинутый судорожно ротъ. Ему казалось, что разъ изъ дрожащей его груди вырвется этотъ рвущійся голосъ, то все рушится, онъ побѣжитъ на четверенькахъ, какъ оборотень и оставитъ людей навсегда.. И тогда же въ горячечныхъ снахъ онъ видѣлъ себя не разъ маленькимъ въ кровати, въ просторной, удобной комнатѣ, освѣщенной ночною лампадкой... Сладкое, знакомое лицо, съ короной свѣтлыхъ волосъ надъ

Digitized by Google

бѣлымъ лбомъ, склонялось къ нему, напѣвая: баю! баю!.. мой сыночекъ!.. милый, милый ангелочекъ!.. Спи!..

Просыпался онъ обыкновенно, когда тайга уже была полна дневного свѣта и тепла. Исправлялъ наскоро свой лѣсной уборъ и спѣшилъ въ чащу высматривать пронзительнымъ взглядомъ съѣдобное...

Наконецъ, однажды вечеромъ, когда Шумскій былъ уже такъ слабъ, что даже не волновался, а повалился просто на землю съ жалкимъ пискомъ околѣвающаго щенка, ему вдругъ почудилась низехонько тутъ-же у корневищъ деревьевъ, въ пролетѣ между травами и прутьями, рубиновая искра огня. Онъ сейчасъ же по привычкѣ сѣлъ и наклонилъ голову, но въ дѣйствительности ему даже не хотѣлось ни искать, ни провѣрять своего открытія. Огонь впрочемъ самъ нашелъ его и свѣтилъ ему прямо въ глаза, звалъ его, согрѣвалъ и шутливо подмигивалъ ему. Горѣлъ онъ даже не особенно далеко.

Шумскій всталъ и осторожно скользнулъ въ ту сторону, въ тѣнь деревьевъ.

У дороги стоялъ односкатный, старый, прогнившій охотничій шалашъ. Передъ нимъ дѣйствительно горѣлъ небольшой огонекъ, а надъ огнемъ висѣлъ на шесткѣ жестяной котелочекъ. Въ шалашѣ за пленкой дыма виднѣлась потертая, сибирская, мѣховая шапка, а подъ ней красное, мясистое, крупное лицо съ синимъ носомъ, обросшее длинной, сѣдой, всклокоченной бородой. Незнакомецъ, услышавши легкіе шаги Виктора, накрылъ лѣвой ладонью козырькомъ глаза и выглянулъ бокомъ изъ за дыма въ темноту. Правая его рука незамѣтно легла на рукоятку небольшого, лежащаго рядомъ топора.

— Эй!.. Кто тамъ?.. Кто идетъ?

Викторъ молча вышелъ изъ темноты и подсѣлъ къ огню. Черныя, исхудалыя руки его жадно потянулись къ теплу, старикъ чуть покачнулся назадъ, лицо у него сжалось, борода ощетинилась. Однако онъ не двинулся съ мѣста и не подалъ виду, что удивленъ или напуганъ. Сѣрые его глазки глядѣли твердо и даже съ нѣкоторой благосклонностью на молодое, истощенное лицо пришельца, на странный его плащъ изъ вѣтокъ, листьевъ и травы, сквозь которыя просвѣчивало молодое тѣло.

— Отъ степи идешь?..—спросилъ мягко и снявъ руку съ топора.

Digitized by Google

Викторъ кивнулъ головой.

— Ѣсть!..—простоналъ онъ сквозь стиснутые зубы.

— Понятно... ѣсть! Ну и доспѣли тебя эти кобылы морды!?.

— Съ трудомъ ушелъ...

— Вижу. Знаю я ихъ, тварей, будь проклята разъ-перераз... ихъ маты!.. Бывалъ и я въ ихъ лапахъ... Ну ихъ къ діаволу, шельмецовъ, къ ночи вспоминать!

Два ряда мелкихъ, бѣлыхъ зубовъ сверкнули подъ нависшими его усами.

— Ѣсть!..—опять прошепталъ Викторъ.

— Извѣстно!.. Дамъ! Дай и ты срокъ, пусть поспѣетъ. Не помрешь... И такъ много не получишь!.. Сколько денъ-то идешь?..

Викторъ вытянулъ пять пальцевъ. Старикъ закачалъ головою.

— Ну и дѣла!.. Бываетъ однако и хуже... Лягъ у огня, отогрѣйся!.. Скоро отдышишься, небось... Молодъ ты!

Викторъ не двигался и не спускалъ горящихъ глазъ съ котелка, по его глоткѣ, видимо, проходила мучительная судорога.

— Молодъ ты, вижу я!..—повторилъ медленно старикъ, щуря глаза.—Должно быть, въ первое... А въ первое то и дѣвкѣ больно... Затѣмъ свыкается—даже любитъ... Прао!..

Онъ помѣшалъ ложкой въ котелкѣ, черпнулъ оттуда, попробовалъ, затѣмъ вновь черпнулъ и подулъ на нее бережно.

— На!.. Протри кишку, согрѣй... Не ожгись только!.. Смотри!..

Викторъ благоговѣйно принялъ ложку и потянулъ немножко мучной болтушки. Въ его темныя, холодныя внутренности вдругъ влилась струя живительнаго тепла. Онъ благодарно взглянулъ на старика и вернулъ ему ложку.

— Хорошаго... по крошечкѣ!.. Даа!..

Бродяга снялъ котелокъ и отставилъ его въ сторону...

— Погодимъ, пущай стынетъ, а ты разскажи, какъ было?..

— Шелъ я степью...

— Въ „гусиной шеѣ“, должно быть, а?..

— По всей вѣроятности... Тутъ, по той же дорогѣ...

— Да ты что?!. Мать его раздери!.. На „хрять“!? ты совсѣмъ... безъ „веревочки“?

Digitized by Google

Викторъ смутился. Нѣкоторое время они глядѣли другъ другу въ глаза выжидательно и подозрительно.

— Я, дѣдушка, не бродяга... ты ошибся!..—сказалъ наконецъ Викторъ.

— Да вотъ самъ то маракую, что не нашъ ты, а только...

Старикъ схватилъ бороду въ горсть и кончикъ ея поднесъ ко рту; онъ ждалъ чего-то, склонивъ на бокъ голову, но Викторъ сдержанно молчалъ, уставившись задумчиво въ огонь.

— Ити-и-ица!..—протянулъ съ удовольствіемъ бродяга.—На еще ложку!.. А не думай, что по скупости не даю... Да коли бы дать тебѣ налопаться въ волю, такъ къ утру ты бы готовъ былъ: протянулъ бы копыты... Кишки, небось, у тебя здорово стянуло, не скоро ихъ размотаешь... Ты, смотри, тяни капельками, съ передышкой... Эхъ, эхъ! Молодость—неразумница!

— Возьмешь меня, дѣдъ, съ собою, а?!

— А то какъ?.. Жрать, понятно, дамъ... А дорога для всякаго скатертью, захочешь—пойдешь рядомъ...

— Спасибо, дѣдъ!.. Ты хорошій...

— По неволѣ всякъ хорошъ бываетъ... Кругомъ тайга, а въ тайгѣ разное случается... Я тебѣ, къ примѣру, не дамъ, такъ ты и самъ возьмешь...

— Что?

— Не чокай, паря!.. Всякое видывали... Не обернешься, а согрѣшишь!..

Бродяга опять странно усмѣхнулся.

— Барахла у меня нѣту... Да скоро по пути будетъ деревня, тамъ достанемъ!..—добавилъ сурово и взглянулъ значительно на Виктора. Тотъ сидѣлъ на корточкахъ, повѣсивъ голову, и подставлялъ теплу то тотъ, то другой бокъ. Его морилъ неожиданный сонъ и ему не хотѣлось ни отвѣчать, ни даже подымать вѣкъ.

— На еще ложку и ползай въ берлогу!.. Пора!..

Все это слышалъ Викторъ уже какъ сквозь сонъ и какъ во снѣ дѣлалъ покорно все то, что приказывалъ ему грубый, глухой, уходящій куда-то въ даль голосъ.

Разбудилъ его отъ темнаго, какъ смерть, сна рѣзкій свѣтъ и холодъ. Онъ широко открылъ глаза и замѣтилъ надъ собою въ голубомъ сіяніи дня плечистую фигуру бродяги. Тотъ поднялъ высоко крышку лиственичныхъ вѣтокъ, замѣнявшую Виктору одѣяло, и съ любопытствомъ

Digitized by Google

посматривалъ на нагіе члены, бедра и желудокъ юноши. Викторъ подобралъ подъ себя ноги.

— Ловко,—чутко дрыхнешь!.. По варнацки: спишь, а слышишь,.. Хвалю!.. Вставай однако... До села то не близко, а „маршлутъ“ пустой.

Сонъ и пища подкрѣпили Виктора и онъ бойко принялся за генеральную починку своего плаща. Онъ не опоздалъ и былъ готовъ почти въ одно время съ бродягой, который успѣлъ помыть котелокъ, уложить свой мѣшокъ, подвязать его на спину и потушить огонь.

— Подымется вѣтеръ и раздуетъ... А лѣсъ наша мать... беречи его надо...—поучалъ онъ Виктора.—Хочешь надѣть—надѣнь!..—добавилъ онъ вдругъ, подавая юношѣ коты.—Бери, бери, не фордыбачь, есть у меня запасные!..

Но Викторъ отрицательнно качалъ головой.

— Не надо. Я привыкъ, дойду... Можетъ, дадутъ въ деревнѣ...

— Какъ-же!? Держи карманъ!.. Хотя бы портки и рубашку дали и то ладно... А что касаемое обутокъ, то тѣ обязательно стибрить придется!.. Не надѣйся!..

— Пойду и босикомъ!

— Какъ хочешь...

Въ зрачкахъ бродяги сверкнули опять насмѣшливыя искорки.

— Даже попъ учитъ, что нужда не грѣшба!..

— А какъ звать васъ, дѣдушка?—спросилъ неожиданно Викторъ.

Бродяга не сразу отвѣтилъ.

— Да зови хотя бы... Василичемъ! А тебя?

— Меня... Игнатьемъ.

— Пусть будетъ Игнатій... А только запомни ты себѣ, что лучше овины жечь, чѣмъ дорожныхъ людей о званіи спрашивать... Таково наше варнацкое правило... У настоящаго бродяги нѣтъ ни роду—племени, ни званія, ни положенія... На немъ мѣшокъ, подъ нимъ песокъ... а дорожка его въ кабакъ...

Они шли тропинкой, разговаривая дружески.

Солнце все чаще на поворотъ заглядывало въ узкую, тѣнистую просѣку и золотило зеленыя кружева лиственичныхъ вѣтокъ. Наконецъ, оно поднялось выше деревьевъ и, точно широкое лезвіе огненнаго меча, бросило столбъ сво-

Digitized by Google

ихъ лучей на самую дорогу, между иззелена — рыжими простѣнками лѣса.

Сѣрая, тюремная фигура стараго бродяги, широко ступавшаго на кривыхъ, толстыхъ ногахъ, и стройный, молодой силуетъ Виктора, въ уборѣ лѣсного фавна, потонули въ колыхающихся волнахъ свѣта и тепла.

V.

Дорога вывела ихъ къ свѣжей лѣсной поруби, къ чисткамъ, гдѣ на просторныхъ плѣшинахъ вѣтеръ колыхалъ одинокими соснами, оставленными для знака. Длинныя тѣла отесанныхъ уже колодъ пестрѣли среди вересковъ. На примятыхъ мхахъ бѣлѣли лужи щепы. Молодой ягодникъ усердно, дѣловито пробивался сквозь слой рыжаго валежника.

Старый бродяга усѣлся небрежно на желтомъ дискѣ пня, густо оплывшемъ янтарной смолой.

— Мать ихъ этакая... Вотъ такъ надѣлали дѣловъ!?. И не узналъ бы... А чаща здѣсь была, у-у-ухъ!.. Жалко!.. Пра!..— заговорилъ онъ недружелюбно и взглянулъ на лѣсъ, точно убѣгавшій въ испугѣ. Вдали ѣдко стучали многочисленные топоры. Запахъ древеснаго уксуса, дегтя и гари приторно несся съ порубокъ. Старикъ потянулъ носомъ.

— Новоселы... обязательно они... Кому больше столько лѣсу напортить?! Нѣтъ, не пойдемъ мы туда, Игнатъ, не пойдемъ, не уважатъ насъ тамъ, парень, нѣтъ!..

Онъ уперся на костыль, всталъ, поглядѣлъ, покрутилъ головою и пошелъ въ лѣсъ, подальше отъ стука топоровъ и сѣдаго дыма вьющагося у перелѣска.

— Сибирскій чалдонъ, хотя и желтопузый, а всетаки больше насъ уважаетъ... Онъ кровь изъ насъ при случаѣ высосетъ... А все таки лучше онъ, чѣмъ эти голопятые побирушки... Никогда съ нимъ не знаешь, что и какъ?!. Пустячекъ у нихъ „потерятся“, плевка не стоющій шмотокъ, а сейчасъ голдежь подымутъ,—не приведи Богъ, нѣмецкую версту готовы за человѣкомъ гнаться, не отдышатся... Асмодеи!..—бормоталъ онъ, быстро двигаясь сквозь чащу.

Шумскій съ трудомъ поспѣвалъ за нимъ.

Они окружили кустами далеко опасное мѣсто. Когда же они опять вышли на чистое поле, красное солнце, похожее на огромное пламенное око, стояло уже низехонько надъ

Digitized by Google

буйными кудрявыми хлѣбами. Молодые колосья, тамъ и сямъ поднявшіеся выше злачнаго уровня, горѣли въ лучахъ заката, точно яркія свѣчи. Тропиночкой, вьющейся краемъ хлѣбовъ, вдоль околицы, построенной изъ громадныхъ полусгнившихъ древесныхъ стволовъ, бродяги пробрались къ воротамъ. Лишь стукнулъ деревянный затворъ, изъ шалаша рядомъ высунулась бѣлая вихрястая и бородатая голова.

— А что?..

— Прохожіе!..

Старикъ сторожъ прикрылъ ладонью стариковскіе, слезящіеся глаза и внимательно осмотрѣлъ ихъ.

— А этотъ что-же... такой?—спросилъ, кивая бородой, въ сторону Виктора.

— Черная братская работа!.. Будь они прокляты!..—отвѣтилъ сдержанно Василичъ.

Караульщикъ вылѣзъ окончательно изъ своей караулки и расправилъ согбенныя, когда то могучія плечи. Въ выцвѣтшихъ его глазахъ затеплились огонечки, порозовѣли чуточку бѣлые рубцы на лбу и щекахъ.

— А а?!. Хлизте на хазъ, посеждоньте!—отвѣтилъ онъ Василичу также сдержанно.

Стоявшій впереди Викторъ не двигался. Тогда Василичъ толкнулъ его въ локоть съ снисходительной улыбкой.

— Полѣзай!.. Чего еще ждешь!? Просятъ...

Оба старика за его спиною обмѣнялись значительными взглядами.

— Мухорта!

Шалашъ былъ низокъ и теменъ. Большую часть его занимала постель, сооруженная изъ соломы и сухихъ листьевъ. Несло сыростью, грязными лохмотьями и кислымъ, худо переваренымъ хлѣбомъ. Виктору показалось, что онъ забрался въ разбойничью пещеру. Онъ вытянулся на землѣ, такъ какъ сидѣнія отсутствовали, а стоять было невозможно. Старики, прикурнувши у входа, продолжали разговаривать на своемъ воровскомъ „ясакѣ“. Только по нѣкоторымъ отдѣльнымъ словамъ, знакомымъ Виктору изъ этапнаго хожденія съ уголовными, онъ догадывался, что бродяга распрашиваетъ караульщика про деревню, про подаяніе, и другіе способы поживы. Среди обще-русскихъ проклятій то и дѣло мелькали извѣстныя „маяки“: сары (деньги), чистякъ (хлѣбъ), стрѣлять (собирать милостыню), тырить (красть)...

— Иди, лишь бы до сумерковъ!..

Digitized by Google

Бродяга поторопился къ выходу.

— Ну, а я?!—спросилъ Викторъ.

— Ты?! Ты лучше останься!.. Собакъ только своимъ видомъ взбудоражишь; дѣтей со всей деревни сманишь. А вотъ погоди, достанемъ лопоть, выучишься пѣть „милосердную“... Тогда и станемъ ходить вмѣстѣ... Два не одинъ, правда... Куда больше дадутъ... Только не въ такомъ видѣ...

— Теперь отъ тебя, что отъ козла молока! Ты сырой!..—вставилъ караульщикъ.

— Вернусь скоро... Авось принесу портки, аль рубаху... Подожди... Аль „портретъ“ свой хочешь женщинамъ показать, а?—шутилъ Василичъ.

— Эге-хе!..—смѣялся сторожъ.—На это тутошнія бабы ласы!.. Только больше дарма наровятъ!.. Даа!..

Старики вышли вмѣстѣ на дворъ и тамъ разговаривали еще шопотомъ. Обезпокоенный и непріятно задѣтый Викторъ тщетно напрягалъ слухъ.

— Что-же онъ совсѣмъ ушелъ?.. Или вернется еще?—спросилъ онъ возвратившагося старика.

— Почто не вернется?.. Вернется... Развѣ, что плохо „осѣдлазъ“... Тогда, братъ, и тебя возьмутъ. Наше село строгое, старозавѣтное...

— Давно служишь?

— У воротъ такъ ужъ вотъ пятый годъ караулю...

— Развѣ вы не здѣшній?

— Нѣтъ. Я дальній, рассейскій.

Онъ замолкъ какъ-то вдругъ и сталъ разгребать золу на низенькомъ шесточкѣ подъ закоптѣлымъ, блестящимъ отъ сажи дымникомъ. Тяжелый, густой мракъ мало-по-малу наполнялъ внутренность шалаша и странно въ немъ свѣтились, странно пронизывали ее, точно огненные дротики, алыя струи заката, проникающія черезъ щели двускатой крыши. Старикъ, не торопясь, аккуратно укладывалъ полѣнья, щепки, хворостъ, разводилъ огонь и гуторилъ:

— Мое отечество южное, теплый берегъ Азовскаго моря. А служилъ я въ солдатахъ, въ самой столицѣ, въ гвардіи...

Времена были не тѣ, что теперь... Служба тяжелая, вѣчная... Насъ, служивыхъ, любили, но не баловали. Нѣ-е-етъ!.. не баловали, не то что теперь!.. Учили уму-разуму!.. Ну и драли меня, напримѣръ... сколько разъ, даже не сосчитаю теперь...

Очень ужъ любилъ меня нашъ полковникъ... И ротный,

Digitized by Google

нельзя сказать, тоже любилъ... Какъ что трудное, сейчасъ—я... Такъ то!.. Разъ помню во дворцѣ — запамятовалъ какого изъ князей—балъ случился,.. Одни званые офицеры... Залъ большущій... Свѣтло отъ свѣчей будто само солнце по стѣнамъ ходитъ... По угламъ мраморные постументы... кругомъ диваны, кресла, стулья... Около постументовъ цвѣты, пальмы и прочье, а на постументахъ дѣвки, голыя, живыя, красивыя на подборъ... Стоятъ не пошевелятся, не дыхнутъ... „Статуи“ и есть! Ходятъ господа, смотрятъ, смѣются, ржутъ... Которые цвѣтки дѣвкамъ втыкаютъ куда не надо... Извѣстно, военные люди... Вдругъ одна упала... что тутъ дѣлать?.. Пустой постументъ никакъ стоять не можетъ... Зоветъ меня мой полковникъ, велитъ съ караула смѣнить... Мундиръ снимать приказываетъ, штаны, рубаху, все прочье, какъ слѣдуетъ и велитъ голому на постументъ лѣзть... Молодъ я былъ тогда, бѣлъ ровно кость, гладокъ собой—глаже стекла; рослый, что лесина въ бору... Брови—два соболя, усы—крылья ласточьи, румянецъ во всю щеку, что твоя заря... Даже вспоминать тоскливо... Собралось передо мной господъ больше, чѣмъ передъ дѣвками... Дивуются... Виномъ подчуютъ... изъ собственныхъ рюмокъ... „Показать бы его нашимъ барынямъ“,—слышу, говорятъ... Шутятъ... Потомъ поставили меня на одномъ постументѣ съ самой красивой дѣвкой... Будто мы Адамъ и Ева... Обнимать ее приказываютъ, подъ себя подмять и все прочье... Да, было время!.. Охъ, времячко!.. Напился я тогда, до зелена допился змія... Все дозволили... Отличили меня... Бывали тогда настоящіе господа начальники и настоящіе солдаты... Умѣли жизнь устроить... Умѣ-е-е-ли!.. Да-а...

Старикъ расчесывалъ скрюченными пальцами свою молочную бороду, которой заросло у него все лицо до глазъ, раздувалъ рваныя ноздри и шепталъ, глядя на огонь:

— Времена... вре-ме-на!.. Грѣхи!.. Глупъ я былъ... Отъ счастія своего убѣжалъ... Воли захотѣлъ... А гдѣ она то, воля? А?! Гдѣ, спрашиваю?.. Товарищей собралъ, гулялъ, грабилъ, по колѣна иногда въ крови и золотѣ бродилъ... И чуть было человѣкомъ не сдѣлался, да погубила слабость... Слабъ я, мягкосердешенъ... Тогда уже обо мнѣ широко слухъ пошелъ. Облавы на меня устраивали. Деньги за поимку назначили. Товарищей моихъ всѣхъ повыловили... Гулялъ я напослѣдяхъ подъ Волгой да и рѣшилъ бѣжать изъ Рассеи въ Сибирь, успокоиться тамъ, зажить мирно..

Digitized by Google

Денегъ у меня было еще порядочно... Купилъ я пошевни, гнѣдую лошадку. Флягу водки вложилъ подъ сидѣніе, булку хлѣба, колбасы... Изъ города, гдѣ я скрывался, выѣхалъ я нарочно въ мятель такую, что и гнѣдка моего съ сидѣнья не видѣлъ... слѣды заметалъ... Понадѣялся я на то, что окрестности я зналъ очень доподлинно, да и просчитался... Темень такая спустилась, неизвѣстно, день-ли, ночь-ли? Сани ныряютъ по наметамъ не хуже, чѣмъ ладья по морю... Скоро спохватился я, что сбился съ дороги,.. Однако вмѣсто того, чтобы искать ее, какъ обыкновенно дѣлаютъ, отъ чего только выбиваются изъ силъ, замочиваютъ одежду и мерзнутъ,—я лучше поплотнѣе улегся на кошевы, укрылся кошмой и пустилъ гнѣдка на собственное его усмотрѣніе... Сплю, не сплю, а тоже не бодрствую... Глядь, чувствую, наѣхали на что-то, оглоблей стукнули... Приподнялъ я кошму, смотрю... Большое, черное, похожее на домъ... Гнѣдко дергаетъ оттуда и ѣстъ, даже зубами похрустываетъ... Догадался я безъ труда, что зародъ сѣна... А рядомъ другой конь и другія пошевни, точь въ точь, какъ мои... Что за оказія... Даже перекрестился я... На саняхъ сидитъ... особа... Спрашиваю,—молчитъ... Подхожу, беру за рукавъ, не двигается... Рожа снѣгомъ сплошь закуржавѣла... Тулупъ и шапка тоже въ снѣгу... Хотѣлъ я разглядѣть хорошенько: кто такой?.. Шапку со лба сдвинуть попробовалъ... а онъ валится назадъ, какъ покойникъ... Ишь ты?.. Поднялъ я мою находку на руки и переложилъ въ мои теплыя сани, затѣмъ пошелъ я кругомъ зарода, не найду-ли еще товарищей... Никого нѣтъ. Только буранъ такъ и вьется, такъ и вьется въ темнотѣ, точно бѣлая густая кудель... Надумалъ я сначала зажечь зародъ, но поразмыслилъ, что возможно заимка близко, осерчаютъ чего добраго.. Станутъ гнаться... Оглянулся кругомъ, вижу чернѣетъ недалеко что-то... Привязалъ я чужого коня къ своимъ санямъ, поѣхалъ я къ этой чернявѣ... Оказалась тайгой... Буранъ менѣе донималъ здѣсь... Отыскалъ я небольшую, защищенную „падушку“, запримѣтилъ упавшую сухую сосну... Топоръ я завсегда съ собой возилъ... Нащепалъ дровъ, разложилъ большущій костеръ... Стало кругомъ тепло. Снѣгъ я примялъ, расчистилъ, вѣточекъ еловыхъ поверхъ настлалъ, одни пошевни опрокинулъ на бокъ; настоящая вышла палатка... Тогда я вытащилъ изъ моихъ саней свою находку...

Сталъ ее осторожно изъ промерзшихъ тряпокъ разма-

Digitized by Google

тывать... Интересно: кого богъ далъ? Диву дался я: дѣвушка... Молоденькая, порядочно одѣта, чисто... Лежитъ, не шелохнется, не дышитъ, глаза закрыты—спитъ... Бѣлая, красивая—будто срѣзанный цвѣточекъ... Зубы бѣлые блестятъ изъ подъ раскрытыхъ губъ, на рѣсницахъ снѣгъ таетъ, точно слезы... Вынулъ я мою флягу и сталъ сквозь соломинку лить дѣвушкѣ теплую водку въ ротъ... Вздохнула... Тогда я остальное мокрое и мерзлое платье сталъ сволакивать съ нея... Снялъ башмаки, чулки, растеръ ноги... Согрѣлись онѣ, потеплѣли... А тоненькія и кругленькія были какъ былиночки, а такія мягкія и гладкія, какъ бархатъ... Извѣстно, молодая дѣвка!. Осталась она въ одной рубашенкѣ... Вижу, просыпается... Покраснѣли щеки, дрогнули вѣки... Рученкой схватила воротъ сорочки, не даетъ стаскивать... „Глупая“, говорю...—„Тѣло познобишь... Высушить надо!“—„Нѣтъ, нѣтъ!..“—шепчетъ и вдругъ раскрыла глаза и съ такимъ испугомъ глянула на меня, похоже что умирать сейчасъ хочетъ... Опять губы у нея побѣлѣли, дрожитъ... Тутъ жалость меня одолѣла!.. Отодвинулся я отъ нея, собственнымъ тулупомъ ее прикрылъ, спрашиваю по отечески, что и какъ?.. Собралась это она изъ города къ теткѣ за край заставы, да вотъ буранъ и ее закружилъ... Складно лепечетъ: про домъ, про семейство, про обиходъ... Прасолы были они зажиточные... Обѣщаетъ, что родители наградятъ меня... Повеселѣла дѣвка, видитъ ничего ей не дѣлаю, щебечетъ, ровно моя меньшая сестричка, даже похожа на нее... Такіе же синіе глаза, такія же темныя брови и рѣсницы.. Совсѣмъ сдурѣлъ я... Вмѣсто того, чтобы позабавиться съ ней, а потомъ по нашему закону взять да разорвать ее, потаскушку; такъ я, когда буранъ то стихъ, взялъ—вывелъ ее на дорогу и направилъ въ городъ... Ну, и конечно,--она выдала меня... Должно быть, похвастала чудеснымъ спасеніемъ, а братъ или отецъ догадался, кто такой благородный спаситель, потщился на награду да и далъ знать на всякій случай въ полицію... Вотъ и поймали меня...

Старикъ затихъ, пошевелилъ лохматыми бровями и бороду быстро собралъ въ горсть.

— Ужо впослѣдствіи я такой простоволосый никогда не былъ... Нѣтъ!.. Шалишь!.. Хе, хе!..

Бѣлый рубецъ на лбу старика покраснѣлъ, бѣлая бо-

Digitized by Google

рода и вихры зашевелились... Хихикнулъ разъ, другой и утихъ.

— Что то не идетъ твой старикъ!.. „Стрѣльба“ не вышла видно... Поздно уже!..

— Нѣтъ, онъ идетъ!..—отвѣтилъ, послушавъ, Викторъ. Недалеко на дорогѣ, тихо, ровно шлепали ноги, обутыя въ мягкую кожу, отчетливо вторили имъ сухіе удары посоха. Мигъ спустя, въ темной рамкѣ дверей появилась линючая, мѣховая шапка Василича, а вслѣдъ за ней вползла и вся его фигура, похожая на кучу сѣрыхъ лохмотьевъ.

— Дай имъ Господи всякаго добра!.. Уважили въ самую пору!.. Даже того больше!.. Хорошо ты, старикъ, караулишь село... Отмѣнно хорошее селеніе... Прямо—кладъ!.. Самъ того не сможешь опредѣлить!.. Все есть, все въ надлежащемъ видѣ... Посмотри-ка!..

Онъ вынулъ прежде всего изъ за пазухи двѣ бутылки водки и любовно, бережливо поставилъ ихъ въ сторонѣ. Растроганный сторожъ даже перекрестился на нихъ набожно, схватилъ котелокъ, чайникъ и поковылялъ немедленно за водой для ночного пира. Между тѣмъ Василичъ вынималъ остальную свою добычу: калачи, шаньки, совотѣйки... Былъ тамъ даже сахаръ и чай...

Покушали они плотно, напились чаю и тогда только торжественно раскупорили бутылки. Караульный видимо волновался, поглаживая бороду и покрякивая, какъ утка, ожидая подношенія.

— Пей, старикъ, хляй!.. Знай насъ, старыхъ бродягъ!.. Давно ты, однако, не пользовался такимъ фортомъ!?..—ломался Василичъ, подавая старику обитую чашку.

— Куда мнѣ! Съ проѣзжихъ не разживешься!.. Да и кто они здѣсь?.. Одно мужичье голоштанное!.. Того, что выбросятъ, едва на тряпье хватаетъ... А общество нетолько ничего мнѣ не платитъ, но съ меня еще ренду требуетъ... „Разбогатѣешь!“ сказываютъ... Это они только для васъ, странниковъ, такіе сердобольные... Небось, про краснаго пѣтуха помнятъ... Ему молятся!.. А я что?! Куда я теперь дѣнусь?.. Ноги-руки отказываются, глазами плохъ, не слышу. Вотъ и гнію на мѣстѣ!.. Было и мое время...

— Что же ты, Игнатій, пріунылъ!.. На, бери!.. Выпей. А что касаемо портокъ и рубахи, такъ не добылъ я ихъ... Прійдется тебѣ еще походить въ твоемъ вицъ-мундирѣ...— добавилъ, мигая весело глазками.

Digitized by Google

— Еслибъ ты вмѣсто двухъ одну осушилъ бутылку, то хватило бы и мнѣ какъ разъ на рубаху!..—отвѣтилъ неохотно Шумскій.

— Малое дѣло!.. Одну вмѣсто двухъ!.. Да слыханная ли вещь, чтобы варнакъ вмѣсто водки рубаху купливалъ?.. Онъ ее съ себя сниметъ и пропьетъ... А ты, вотъ куда метнулъ!.. Нѣ-е-е-тъ!.. Ты, вижу, „дѣйствительно“ пти-ц-а незнакомой страны!.. И „хамло“ то потягиваешь, точно зубы у тя болятъ!.. Эхъ, человѣче!..

— А ты не бойсь!—ободрялъ краснорѣчиво юношу сторожъ, склоняясь къ нему всемъ туловищемъ.—Завтра я тебя тутъ направлю къ одной... солдатушкѣ, такъ она за одну ночь побывки весь костюмъ тебѣ доспѣетъ!.. Да и сама баба важная, широкая...

— Го... го... хо! А можетъ и меня, старика, при сей оказіи накормитъ и напоитъ?..—смѣялся Василичъ.

— Само собой!.. За жеребца и то рубь платятъ.

— Го... го-хо! Слышь, Игнатъ, да мы тутъ съ тобой капиталъ наживемъ.

Они смѣялись громко, откровенно; открывали широко черныя пасти и шевелили дико грязно-бѣлыми бородищами, въ которыхъ исчезали на мигъ и зажмуренныя щели ихъ глазъ и безобразные морщинистые, рваные носы. Шумскій тихонько насвистывалъ, скрывая ростущее смущеніе.

Повернувся я зъ Сибиру
Не ма минѣ доли.
А здаетця не въ кайданахъ.
Е днакъ же въ неволѣ...

Запѣлъ вдругъ старикъ-сторожъ хриплымъ голосомъ, неувѣреннымъ, дребезжащимъ, какъ разбитый горшокъ.

— Замолчи!.. Ты не знаешь... Вотъ погоди... я Ваньку Каина!..—оборвалъ его рѣзко Василичъ. Не дожидаясь отвѣта, онъ закрылъ глаза рукою и, покачиваясь съ боку на бокъ, жалобно завылъ:

Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася,
Зашаталася безпріютная моя головушка,
Безпріютная моя головушка молодецкая,
Ужъ куда я добрый молодецъ не кинуся:
Что по лѣсамъ, по деревнямъ все заставы,
На заставахъ ли все крѣпкіе караулы;
Они спрашиваютъ печатнаго паспорта,
Что за красной печатью сургучовою...

Digitized by Google

Заковали добру молодцу ручки бѣлыя,
Затворили за нимъ врата мѣдныя...

— Ну-ка, братъ, „сюлимъ“!.. Прополосни!..—подчивалъ пѣвца сторожъ, который вдругъ вошелъ въ роль хозяина и то и дѣло наливалъ дрожащей рукой чашку, самъ пилъ и гостя подчивалъ.

— А теперь вмѣстѣ споемъ старикъ о „царѣ о Иванѣ Василичѣ“!.. Валяй!..

Они оба подперли по бабьи ладонями щеки и, склонивши на бокъ головы, вытягивали тоненько:

Били добраго молодца на правежѣ,
На жемчужнемъ перехрестычкѣ,
Во морозы во хрещенскіе,
Во два прутика желѣзные.
Онъ стоитъ, удаленькій, не тряхнется.
И русы кудри не шелохнутся,
Только горючи слезы изъ глазъ катятся.
Наѣзжалъ къ нему православный царь,
Православный царь Иванъ Васильевичъ.
Не золота трубынька вострубила
Не серебряна сыповочка возыграла
Возговорилъ царь, де, Иванъ Грозный...

Такъ они пѣли, подчивали взаимно другъ друга, ломались другъ надъ другомъ, ругались... О Викторѣ они совсѣмъ позабыли. Наконецъ, они подрались. Они схватили другъ друга за бороды, столкнулись лбами по овечьи и покатились къ костру. Викторъ поспѣшилъ разнять стариковъ и спасти ихъ отъ обжоговъ. Василичъ между тѣмъ уже подмялъ хозяина подъ себя и въ поднятой рукѣ его засверкалъ ножъ. Викторъ ножъ у бродяги отнялъ, но тотъ взбѣшенный вдругъ накинулся на него, схватилъ за ноги и повалилъ на землю.

— Стой!.. Пусти!.. Шалишь!.. А то выдамъ тебя!.. Распроклятый политикъ!.. Ты думаешь, я не знаю, кто ты... Я тя въ первый станъ... представлю... Іюда... Цареубійца.. Я тебя дойму... Пусти!.. Не обманешь... Пти-и-ца!—шипѣлъ бродяга, стараясь схватить Виктора за горло. Наконецъ онъ упалъ, побѣжденный юношей, странно захрипѣлъ, точно умирающій, и мгновенно уснулъ. Викторъ всталъ на колѣни, разорвалъ завязки на шеѣ бродяги, стащилъ съ него рубаху и поднесъ ее въ раздумьи къ огню. Грязная рвань зардѣлась въ красномъ заревѣ, какъ въ пятнахъ крови... Шумскій вздрогнулъ, взглянулъ на худое тѣло старика, исполосованное без-

Digitized by Google

численными рубцами, буграми, шрамами отъ розогъ и плетей, подумалъ и тихо опять набросилъ на него отнятое рубище... Оттолкнулъ ногою валявшійся на дорогѣ ножъ и топоръ и вышелъ въ двери конуры нагой, какъ вошелъ, одѣтый исключительно въ древесныя вѣтви...

Яркій, какъ-бы разбухшій отъ чрезмѣрнаго блеска, дискъ луны заливалъ напряженнымъ, зеленоватымъ свѣтомъ поля, рощи и село, къ которому направился Викторъ. Черныя тѣни избъ ложились угловатыми пятнами на пустой, бѣлесой улицѣ. За бѣлыми, какъ жженая кость, стѣнами освѣщенныхъ луною жилищъ, за тускло мерцающими стеклами темныхъ окошекъ притаились отдыхъ и сонъ. Запертыя двери подозрительно сторожили входы. Въ отдаленныхъ ригахъ и овинахъ, за заборами хозяйственныхъ дворовъ полаивали лѣниво и отрывисто сонныя дворняжки.

Шумскій шелъ серединой улицы, внимательно посматривая на подоконники избъ. Наконецъ онъ остановился у послѣдней, гдѣ замѣтилъ на маленькой полочкѣ небольшіе, черные предметы. Онъ подошелъ и алчно сгребъ ихъ—это были знаменитыя сибирскія совотѣйки, изъ темныхъ, какъ земля, выскребовъ муки, нарочно приготовляемыя хозяйками для бродягъ.

Виктору показалось, что внутри избы у окошка зашевелилась тѣнь и онъ робко постучалъ въ раму. Дѣйствительно, за стекломъ забѣлѣла бородатая мужицкая рожа. Викторъ молитвеннымъ жестомъ указалъ на свои нагіе члены.

— Рубашку!..

Мужикъ исчезъ, а черезъ минуту вернулся и показалъ ему топоръ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Сѣрошевскій.

Digitized by Google

ВОДОРОСЛЬ.

Я рожденъ волной зеленой,
Корнемъ къ камню прикрѣпленъ.
Влагой горькой и соленой
Этотъ корень напоенъ.

И волна меня качаетъ.
Близокъ воздухъ, близко дно.
Смугло ржавчина шятнаетъ
Мнѣ кудрявое руно.

Въ ночь жемчужною змѣею
Пляшетъ лунный свѣтъ въ волнѣ,
Днемъ—янтарной чешуею
Солнца взглядъ дрожитъ на днѣ.

А когда повиснетъ туча,
Чернью кроя волнъ полетъ,
И валовъ сѣдая круча
Съ гулкимъ ревомъ упадетъ,

Дыбомъ вскину я волокна,
Въ зернахъ пѣны изовьюсь,
Сквозь распахнутыя окна
Волнъ разбитыхъ надышусь,

Хмѣлемъ бури напитаюсь
И въ родную глубину,
Растрепавъ руно, шатаясь,
Я, какъ пьяный змѣй, нырну.

Въ дрожи струй склонюсь я зыбко
На сѣдую камня грудь,
Чтобъ слѣдить, какъ плавнемъ рыбка
Серебристый чертитъ путь.

И, покорствуя движеньямъ
Охлажденныхъ бурей водъ,
Мутно-луннымъ отраженьемъ
Ликъ медузы проплыветъ.

Allegro.

Digitized by Google

Неудавшійся компромиссъ.

(Эмиль Оливье о себѣ самомъ).

I.

Одною изъ самыхъ любопытныхъ фигуръ нынѣшнихъ аристократическихъ и клерикальныхъ салоновъ Франціи является живой, вѣчно безпокойный, вѣчно ораторствующій объ упадкѣ отечества—старикъ, для котораго давно уже главною заботою жизни стало постоянное устное и литературное самовосхваленіе и оправданіе своего прошлаго.

Уже двѣнадцать томовъ написалъ онъ о себѣ самомъ, и этихъ двѣнадцати толстыхъ книгъ все-таки еще оказалось недостаточно: если старческія немощи позволятъ, — будетъ еще и еще продолжаться эта безконечная защитительная рѣчь... Предъ кѣмъ или чѣмъ она произносится? Кто адрессатъ? Исторія? Современники? Европа? Или собственное самолюбіе? Если вспомнить кое-какія мѣста изъ его двѣнадцати-томной оправдательной записки, то и это послѣднее предположеніе, высказанное нѣкоторыми критиками, иной разъ можетъ показаться вовсе не наивнымъ. Онъ гордо носитъ свою голову, онъ не перестаетъ повторять, что ему не въ чемъ каяться, онъ при случаѣ охотно декламируетъ о порчѣ вѣка сего — а глухое безпокойство, какъ ноющая, хроническая боль его не покидаетъ. Что онъ человѣкъ конченный, навсегда и безповоротно,—это онъ понялъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, а между тѣмъ и тѣни желанія сколько нибудь объективно разобраться въ прошломъ у него нѣтъ и никогда не было. Старая вражда, наполняющая его сердце, ничуть не ослабѣла съ годами, онъ борется, аргументируетъ, клевещетъ, ловитъ противниковъ на противорѣчіяхъ — съ такою страстностью, что порою забываешь, что вокругъ него — давно уже могильная тишина и что всѣ эти мертвецы, окружающіе автора, воскрешены исключи-

Digitized by Google

тельно только — для его фантазіи и исключительно—силою его ненависти.

„Эмиль Олливье лжетъ такъ, какъ будто бы онъ еще теперь первый министръ“,—выразился о его воспоминаніяхъ одинъ критикъ. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, очень часто расходится съ истиною,—и все таки историкъ второй имперіи непремѣнно долженъ будетъ считаться въ извѣстной степени съ этими записками. А еще интереснѣе онѣ будутъ для всякаго, интересующагося психологіей оппортюниста вообще и политическаго честолюбца въ частности, — ибо если республиканскіе оппортюнисты яростнѣе всего нападали на оппортюниста имперіалистическаго, — то именно потому, что чувствовали въ немъ плоть отъ плоти своей и кость отъ костей своихъ и стремились возможно рѣзче отдѣлаться отъ компрометтирующихъ уподобленій.

Лежащій предъ нами только что вышедшій двѣнадцатый томъ Эмиля Олливье [1]) особенно любопытенъ потому, что здѣсь авторъ обстоятельно излагаетъ исторію своего министерства,—т. е. описываетъ кульминаціонный моментъ своей политической карьеры. Правда, онъ доводитъ эту исторію лишь до конца марта 1870 года,—но едва ли слѣдующій томъ будетъ интереснѣе нынѣшняго: послѣдній плебисцитъ имперіи, гогенцоллернская кандидатура на испанскій престолъ и низверженіе династіи — все это факты, слишкомъ хорошо извѣстные и притомъ такіе, которые давно уже освѣщены, несмотря на всѣ старанія Олливье извратить и затемнить ихъ: ибо и эти старанія очень хорошо извѣстны и съ давнихъ поръ не прекращались. Моментъ же когда Олливье окончательно предался имперіи, сжегъ свои корабли, безповоротно связалъ свою судьбу съ судьбою виновника государственнаго переворота—этотъ моментъ освѣщается не только послѣднимъ томомъ, но и предшествующими. Посмотримъ же, что эти показанія даютъ. Говорить объ одномъ послѣднемъ томѣ нельзя, коснемся же мемуаровъ въ ихъ автобіографической полнотѣ [2]).

Напомнимъ сначала въ нѣсколькихъ словахъ главнѣйшіе факты біографіи Олливье, предшествующіе занимающему насъ времени. Вскорѣ послѣ февральской революціи 1848 г. министръ

1) Emile Ollivier. L'Empire liberal. Etudes, récits, souvenirs. Le ministère du 2 Janvier. Tome XII. Paris, 1908. (pp. 642).

2) Названіе мемуаровъ—общее: L'Empire liberal; t. III (Paris 1898); t. IV (1899); t. V (1900); t. VI (1902); t. VII (1903); t. VIII (1903); t. IX (1904); t. X (1905); t. XI (1907). Первые два тома насъ тутъ интересуютъ меньше: это нѣчто вродѣ историческаго введенія къ эпохѣ имперіи; хотя и они не лишены автобіографическаго значенія.

Digitized by Google

внутреннихъ дѣлъ Ледрю-Ролленъ назначилъ молодого и совершенно еще никому неизвѣстнаго Эмиля Оливье — комиссаромъ республики въ департаментъ устьевъ Роны. Это неожиданное возвышеніе обусловливалось прежде всего прочной репутаціей отца Эмиля—Демостэна Оливье, какъ одного изъ замѣтныхъ въ провинціи республиканцевъ во времена Луи-Филиппа, а затѣмъ, конечно, и затруднительностью положенія Ледрю-Роллена, принужденнаго безотлагательно перемѣнить весь составъ администраціи. Выбирать много не приходилось. Пробывши въ своемъ департаментѣ нѣсколько мѣсяцевъ, Эмиль Оливье, показавшійся слишкомъ крайнимъ, — когда послѣ іюньскаго возстанія возобладала реакція,—былъ смѣщенъ генераломъ Кавеньякомъ и назначенъ префектомъ въ менѣе значительный департаментъ верхней Марны. Вскорѣ послѣ выбора Луи-Наполеона въ президенты республики, — новый министръ внутреннихъ дѣлъ Леонъ Фошэ уволилъ Оливье въ отставку, — и въ продолженіи девяти лѣтъ отставленный префектъ жилъ въ Парижѣ, перебиваясь кое-какъ частными уроками; хотя онъ былъ юристомъ по образованію и адвокатомъ по спеціальности,—но дѣла его шли въ высшей степени плохо, — мѣшала республиканская репутація, такъ какъ кліенты хорошо знали какъ смотрятъ судьи на защитниковъ, обладающихъ такою репутаціей. Поэтому скудно и невѣрно вознаграждаемый трудъ репетитора былъ единственнымъ источникомъ существованія Оливье въ первые годы имперіи. Такъ шло до 1857 года, когда начались приготовленія къ выборамъ въ Законодательный Корпусъ. Это былъ трудный и знаменательный моментъ для республиканской партіи. Нужно было, прежде всего рѣшить важный вопросъ: воздерживаться ли по прежнему отъ участія въ выборахъ или нѣтъ. Выборы 1857 года должны были быть уже вторыми со времени захвата власти Луи-Наполеономъ: первыми были выборы 1852 года, произведенные нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ декабрьскаго переворота. Тогда въ 1852 году все казалось безнадежно, руки опускались у самыхъ энергичныхъ людей. Установленіе фактической диктатуры, полнѣйшее и самое откровенное ниспроверженіе какой бы то ни было законности, неистовства военныхъ судовъ и административныхъ „смѣшанныхъ комиссій,“ отправлявшихъ тысячами людей въ заокеанскую ссылку по одному только подозрѣнію,—все это еще не такъ угнетало, какъ-то всеобщее повиновеніе и гробовая нѣмота, которыми страна встрѣчала акты самого необузданнаго правительственнаго произвола. Пресса была задавлена до невозможности изъясняться даже намеками; правительство совершенно

Digitized by Google

открыто рѣшило пустить въ ходъ весь бюрократическій механизмъ съ цѣлью проведенія оффиціальныхъ кандидатовъ, и при общей запуганности всѣхъ лицъ, съ сколько-нибудь оппозиціоннымъ прошлымъ было совершенно ясно, что республиканская партія не соберетъ при выборахъ даже и того ничтожнаго количества голосовъ, которые она еще насчитывала въ странѣ. Идея воздержанія отъ выборовъ нашла полное сочувствіе среди огромнаго большинства республиканцевъ; и теперь въ 1857 году приверженцевъ тактики воздержанія было еще довольно много, какъ среди очень вліятельныхъ лондонскихъ и брюссельскихъ эмигрантовъ, такъ и между республиканцами Парижа и провинціи. Но восторжествовала противоположная точка зрѣнія. Сторонники участія въ выборахъ соглашались, что при полнѣйшемъ отсутствіи какой бы то ни было свободы печати, при все еще длящемся безграничномъ и вполнѣ безнаказанномъ произволѣ центральныхъ и мѣстныхъ властей, при отсутствіи собраній, при безудержномъ давленіи на избирателей и при системѣ оффиціальныхъ кандидатуръ—надеждъ на сколько-нибудь значительный успѣхъ нѣтъ и быть не можетъ; они соглашались также, что реальная сила Законодательнаго Корпуса равна нулю и что даже агитаціоннаго значенія ихъ дѣятельность тамъ имѣть не можетъ, ввиду непубличности засѣданій и запрещенія печатать отчеты иначе, какъ въ оффиціальной версіи, которая утверждается предсѣдателемъ (не выбираемымъ, а назначаемымъ императорскою властью). Наконецъ, они соглашались, что обязательная присяга въ вѣрности императору, требуемая отъ депутатовъ предъ началомъ сессіи, должна претить совѣсти и чувству людей, для которыхъ Наполеонъ III есть клятвопреступникъ и насильникъ, растоптавшій всѣ законы. И тѣмъ не менѣе на этотъ разъ воздержаніе отъ выборовъ имъ казалось равносильнымъ самоубійству. Они говорили, что за пять лѣтъ гробовой тишины народъ ихъ сталъ забывать и забудетъ окончательно, если они себя не проявятъ; что въ 1852 году было возможно хоть въ издаваемыхъ заграницей манифестахъ писать о вооруженномъ возстаніи, какъ о единственной допустимой для честныхъ людей формѣ отношеній къ „бандѣ Луи Банапарта“, но что теперь, въ 1857 году, смѣшно было бы надѣяться на нѣчто подобное. Уже очень скоро обнаружилось, что за участіе въ выборахъ стоитъ больше людей въ партіи, нежели противъ участія. Но и приверженцы участія въ выборахъ дѣлились на двѣ категоріи,—именно, по вопросу о присягѣ. Одни изъ нихъ съ Луи Бланомъ (находившимся въ эмиграціи) во главѣ—говорили, что „трудности положенія—не-

Digitized by Google

исчислимы, стѣна штыковъ окружаетъ безоружный Парижъ, народъ задыхается въ атмосферѣ доносовъ", никакое общее движеніе немыслимо тамъ, гдѣ „собраніе изъ двадцати человѣкъ признается преступленіемъ",—но воздержаться отъ выборовъ, „значило бы возвести параличъ—въ систему".

Но „другой вопросъ—что будутъ дѣлать выбранные кандидаты, если позволительно вѣрить въ побѣду, хотя бы даже частичную?" Принести присягу—безчестно. Нужно коллективно отказаться отъ присяги и вызвать грандіозный парламентскій скандалъ, удаленіе депутатовъ полицейскою силою. А дальше? Можетъ быть народъ пробудится, „Франція выкупитъ свой позоръ" и т. д. Другіе приверженцы участія въ выборахъ абсолютно не вѣрили въ то, что народъ хотя бы даже пошевельнется съ цѣлью помочь республиканскимъ депутатамъ въ случаѣ отказа отъ присяги; они полагали, что депутатамъ нужно исполнить требуемую формальность и принять возможно болѣе активное участіе въ законодательной дѣятельности. Во главѣ этой группы, рѣшительно расходившейся съ Луи-Бланомъ по вопросу о присягѣ, стоялъ редакторъ газеты „Siècle"—Авэнъ. Онъ-то и выдвинулъ кандидатуру Эмиля Олливье, прозябавшаго въ Парижѣ до тѣхъ поръ безъ всякой видимой надежды на возвращеніе къ политической дѣятельности. Поведеніе Эмиля Олливье въ этотъ моментъ было весьма характернымъ. Когда онъ еще не зналъ, что редакторъ единственной, сколько-нибудь вліятельной, оппозиціонной газеты желаетъ выставить его кандидатуру—онъ съ жаромъ стоялъ за полное воздержаніе всей республиканской партіи отъ какого бы то ни было участія въ выборахъ.

Встрѣтивши Эмиля Олливье на порогѣ кабинета Авэна, одинъ сотрудникъ Siècle'я сказалъ ему: „Итакъ, вы—кандидатъ?" На что Олливье съ живостью возразилъ: „Нѣтъ, я не могъ бы согласиться взять на себя роль въ той комедіи, которая ставится въ Бурбонскомъ дворцѣ, и я приглашаю васъ послѣдовать моему примѣру". И всего *часъ* спустя этотъ сотрудникъ узналъ, что Олливье желаетъ выставить свою кандидатуру [1]).

Авэнъ предложилъ съорганизовавшемуся тогда комитету партіи, который долженъ былъ вести выборную кампанію,—внести имя Олливье въ списокъ республиканскихъ кандидатовъ (конечно, они такъ не смѣли называться въ печати, но публика ихъ обозначала именно такъ). Нужно сказать, что списокъ, выработанный этимъ комитетомъ, состоялъ какъ изъ лицъ, которые

[1]) Taxile Delord, Histoire du second Empire, T. II, p. 306. (Paris 1870).

Digitized by Google

твердо рѣшили отказаться отъ присяги, такъ и изъ такихъ, которые рѣшили принять присягу; были, наконецъ, и люди, совершенно не высказывавшіеся по этому поводу и колебавшіеся до послѣдняго момента. Комитетъ никакихъ директивъ въ этомъ смыслѣ не давалъ и никакихъ обѣщаній не требовалъ. Вообще,—интересовали всѣхъ самые выборы, а вовсе не дѣятельность будущихъ депутатовъ; да и выборы интересовали не какъ случай побѣдить врага (въ сколько нибудь серьезный успѣхъ никто не вѣрилъ),—а только какъ своего рода перекличка, которая заставитъ отозваться всѣхъ, не примирившихся душою съ царящимъ гнетомъ. Авэнъ предложилъ выставить кандидатуру Олливье въ 10-мъ парижскомъ избирательномъ округѣ. Въ комитетѣ много спорили по этому поводу; предлагали въ этомъ округѣ кандидатуру сына Виктора Гюго,—кое-кто выражалъ недовѣріе къ Эмилю Олливье,—но, въ концѣ концовъ, большинствомъ 11 голосовъ противъ 10, въ комитетѣ рѣшено было отдать 10-й избирательный округъ—Олливье. Нужно замѣтить, что недовѣріе къ Эмилю Олливье въ этотъ моментъ могло быть развѣ что инстинктивнымъ; это былъ человѣкъ, абсолютно въ Парижѣ неизвѣстный, не смотря на свою былую административную службу въ 1848 г. Правда, указывали тогда еще (въ департаментѣ устьевъ Роны) на его колеблющееся, двойственное поведеніе во время рабочихъ безпорядковъ,—но относительно рабочихъ едва ли не три четверти республиканскихъ вождей (не говоря уже о рядовыхъ) могли быть уличены и въ двоедушіи, и въ неискренности, и въ нерѣшительномъ образѣ дѣйствій; и, конечно, не этому выборному комитету 1857 г., лидеромъ котораго былъ генералъ Евгеній Кавеньякъ,—приходилось порицать кого бы то ни было за дурное отношеніе къ рабочимъ. Это былъ единственный республиканскій лидеръ, отнесшійся вполнѣ опредѣленно къ рабочимъ въ кровавые іюньскіе дни 1848 г., когда онъ залилъ ихъ кровью весь Парижъ.

Самая примитивная политическая корректность требовала, чтобы въ газетѣ „Siècle“ былъ напечатанъ списокъ кандидатовъ именно въ томъ видѣ, какъ онъ былъ выработанъ комитетомъ. Но въ это глухое время полнѣйшей растерянности партіи, вялости въ обществѣ, рѣшительнаго отсутствія какого бы то ни было активнаго интереса къ политикѣ,—общественное мнѣніе давнымъ давно уже перестало оказывать сколько-нибудь сдерживающее вліяніе тамъ, гдѣ только къ нему и возможно было апеллировать, и когда члены комитета съ изумленіемъ увидѣли, что Авэнъ по своему передѣлалъ списокъ и напечаталъ его въ та-

Digitized by Google

комъ видѣ въ своей газетѣ,—то имъ такъ этимъ изумленіемъ и пришлось ограничиться. Газета „Siècle“ была единственной читаемой газетой изъ всѣхъ немногочисленныхъ органовъ оппозиціи,—и ея редакторъ полностью учитывалъ это обстоятельство. Въ спискѣ, опубликованномъ газетою,—Эмилю Олливье отдавался уже не 10-ый округъ, гдѣ республиканцы имѣли мало шансовъ,—а 4-й округъ, гдѣ шансовъ было больше, но гдѣ комитетомъ былъ намѣченъ въ качествѣ кандидата не Олливье, а Гарнье-Пажесъ. Сдѣлано это было съ полнѣйшаго согласія Олливье. „По какому праву передѣлали вы комитетскій списокъ?“ спросилъ Эмиль Олливье Эрнестъ Пикаръ. „По праву болѣе сильнаго“, былъ отвѣтъ. Въ слабой и безъ того партіи возникъ вслѣдствіе такого самоуправства острый конфликтъ. Комитетъ рѣшилъ бороться и напечаталъ въ двухъ мало-распространенныхъ (сравнительно съ Siècle'емъ) изданіяхъ свой списокъ. Тогда Олливье, боясь, что голоса оппозиціи въ 4-мъ округѣ разобьются и что имя комитетскаго кандидата Гарнье-Пажеса покажется избирателямъ болѣе вѣскимъ, нежели имя никому неизвѣстнаго адвоката,—написалъ своему конкурренту патетическое письмо, гдѣ „обращаясь къ сердцу“ Гарнье-Пажеса просилъ его уступить: „Сила нашей идеи всегда заключалась въ безкорыстіи и жертвѣ!“ Онъ, Олливье, не колеблясь уступилъ-бы,—но вѣдь онъ связанъ обѣщаніемъ, даннымъ газетѣ Siècle и газетѣ „Presse“ еще до составленія комитетскаго списка. „Я не могу не сдержать своего слова“ и т. д. Все письмо проникнуто характерными для Олливье чертами: напыщенною неискренностью и наивною увѣренностью, что возможно явно-эгоистическій интересъ прикрыть шумихою словъ. Гарнье-Пажесъ, посовѣтовавшись съ комитетомъ, рѣшилъ отказать Олливье на-отрѣзъ. Въ письмѣ, которымъ онъ отвѣтилъ своему сопернику, Гарнье-Пажесъ холодно заявлялъ, что Олливье „странно ошибается“ относительно положенія дѣлъ: „повѣрьте мнѣ, это дурное начало политической жизни. Я искренно жалѣю васъ, видя, какъ вы губите блестящее будущее, которое улыбается вамъ, благодаря вашему таланту“. Олливье закончилъ эту переписку новымъ письмомъ, въ которомъ раздраженно инсинуировалъ противъ Гарнье-Пажеса и прямо заявлялъ, что не признаетъ обязательности рѣшеній комитета. Всѣ эти письма были опубликованы, и партія въ критическій моментъ выборовъ была предоставлена раздорамъ и интригамъ. Правительство въ самый день выборовъ, утромъ, арестовало на улицѣ Гарнье-Пажеса и одновременно произвело у него на дому обыскъ, вполнѣ, впрочемъ, безрезультатный. Друзья Гарнье-Пажеса употребили всѣ

Digitized by Google

усилія, чтобы скрыть отъ избирателей этотъ фактъ: ибо тогда слухъ объ арестѣ или, даже, объ обыскѣ—страшно понижалъ шансы кандидата,—избиратели были слишкомъ запуганы. Въ результатѣ—Оливье былъ выбранъ въ 4-мъ избирательномъ округѣ,—а въ 10-мъ (котораго Оливье не пожелалъ, вопреки назначенію со стороны комитета) республиканскій кандидатъ провалился,—какъ и еще въ четырехъ другихъ округахъ Парижа. Конечно, правительство, пустившее въ ходъ, по обыкновенію, самое безцеремонное давленіе и рядъ насилій надъ волей избирателей, одержало блестящую побѣду: изъ 267 депутатовъ всего семь, приблизительно, человѣкъ принадлежали къ оппозиціи; вся остальная масса состояла либо въ подавляющемъ большинствѣ изъ прямыхъ ставленниковъ администраціи, либо изъ клерикаловъ и реакціонеровъ легитимистской или орлеанистской окраски, тоже готовыхъ безпрекословно и, даже, съ одушевленіемъ поддерживать реакціонныя мѣропріятія министровъ. Изъ семи оппозиціонныхъ депутатовъ—генералъ Кавеньякъ умеръ вскорѣ послѣ выборовъ, двое (Карно и Гудшо) отказались присягнуть и были исключены изъ палаты, а четверо—Кюрэ, Даримонъ, Оливье и Энонъ принесли присягу. Впослѣдствіи (27 Апрѣля и 10 мая 1858 года) на частичныхъ выборахъ въ Парижѣ прошли еще Жюль Фавръ и Эрнестъ Пикаръ. Пять республиканскихъ депутатовъ и составили знаменитую группу „пяти“, „les cinq“,—Кюрэ избранный въ Бордо отъ „демократической оппозиціи“ сюда не входилъ.

II.

Положеніе горсточки республиканскихъ депутатовъ среди совершенно правительственнаго большинства, предъ лицомъ назначеннаго императоромъ президіума, во главѣ котораго былъ поставленъ главный дѣятель декабрьскаго переворота герцогъ Морни,—это положеніе, и безъ того трудное, стало особенно тяжелымъ послѣ того, какъ Орсини бросилъ свои бомбы въ императорскую карету; случилось это 14 января 1858 года, за четыре дня до открытія первой сессіи вновь избраннаго Законодательнаго Корпуса. Самыя свирѣпыя репрессіи обрушились послѣ покушенія Орсини на совершенно мирную страну, гдѣ не было и тѣни какого бы то ни было революціоннаго настроенія въ это время, и гдѣ порядокъ даже въ самомъ узко-полицейскомъ смыслѣ слова—не нарушался рѣшительно ничѣмъ. Правительство прекрасно знало, что покушеніе это не имѣетъ абсолютно ничего

Digitized by Google

общаго съ внутренними дѣлами Франціи и вызвано исключительно внѣшней политикой императора,—всѣ участники, попавшіе въ руки полиціи, были итальянцы и ни малѣйшихъ связей между ними и французскими республиканцами не было установлено. Тѣмъ не менѣе въ странѣ воцарился настоящій бѣлый терроръ, напомнившій времена послѣ декабрьскаго переворота 1851 года. Тронная рѣчь выражала надежду императора, что Законодательный Корпусъ поможетъ правительству „заставить замолчать" партію „крайней оппозиціи". Въ сущности правительство съ самаго декабрьскаго переворота примѣняло всегда репрессіи, не руководствуясь ничѣмъ, кромѣ личнаго усмотрѣнія, и не стѣсняясь ни въ малѣйшей степени никакими правовыми нормами и законоположеніями, — но теперь, пользуясь особенно благопріятнымъ моментомъ, Наполеонъ III рѣшилъ, очевидно, больше всего съ цѣлью достиженія одного изъ тѣхъ „моральныхъ эффектовъ", до которыхъ онъ былъ охотникъ, потребовать отъ законодательнаго корпуса санкціи для репрессивной дѣятельности администраціи. Былъ внесенъ правительствомъ проектъ „закона общественной безопасности", предназначенный, какъ оффиціально было заявлено, для того, чтобы покончить съ вождями „арміи безпорядка". Главное содержаніе законопроекта заключалось въ томъ, что тюремнымъ заключеніемъ срокомъ отъ 2 до 5 лѣтъ карался всякій, кто какимъ бы то ни было образомъ будетъ призывать къ совершенію государственныхъ преступленій, предусмотрѣнныхъ 86 и 87 ст., если эти призывы *не* повлекли за собою преступнаго дѣянія; заключенію въ тюрьмѣ срокомъ отъ одного мѣсяца до двухъ лѣтъ и штрафу до 2.000 франковъ долженъ былъ подвергаться всякій, „кто съ цѣлью смутить общественное спокойствіе или возбудить ненависть или презрѣніе къ правительству Императора прибѣгнетъ къ какимъ-либо маневрамъ (a pratiqué des manoeuvres)" или станетъ агитировать въ такомъ духѣ внутри страны или за границею; администрація уполномочивалась либо изгонять съ имперской территоріи, либо насильственно интернировать въ любомъ департаментѣ „имперіи или Алжира" всякаго, кто такъ или иначе подвергся административному или судебному наказанію вслѣдствіе событій въ маѣ и іюнѣ 1848 года, въ іюнѣ 1849 года, или въ декабрѣ 1851 г., если „важные факты" покажутъ администраціи, что такой человѣкъ еще и теперь опасенъ для общества и т. д. и т. д. Этотъ законъ, собственно, ничего особенно новаго не вносилъ во французскую жизнь того времени, и безъ того протекавшую въ атмосферѣ полнѣйшаго произвола администраціи; но, конечно, становилось вполнѣ легкимъ и, такъ

Digitized by Google

сказать, общедоступнымъ для самаго неопытнаго члена прокурорскаго надзора—засадить въ тюрьму, напр., любого редактора на нѣсколько лѣтъ: неопредѣленныя фразы законопроекта именно на это и были разсчитаны.

По поводу этого-то законопроекта Эмиль Оливье и произнесъ свою первую рѣчь. Эта рѣчь не была ни сильна, ни содержательна,—другіе оттѣнили ярче умышленную неопредѣленность и, даже, нелѣпость фразъ, изъ которыхъ состоялъ законопроектъ, и которыя напередъ уполномочивали администрацію сажать въ тюрьму людей за разговоръ даже въ семейномъ кругу. Оливье мягко протестовалъ противъ законопроекта на томъ основаніи, что этотъ законъ имѣетъ обратное дѣйствіе, такъ какъ пострадаютъ люди, нарушившіе его положенія еще до его изданія; указывалъ большинству, что оно должно отвергнуть этотъ законопроектъ „изъ преданности къ правительству“, что и безъ этого закона правительство хорошо вооружено для борьбы съ заговорщиками и т. д. Подавляющимъ большинствомъ законъ былъ принятъ.

Группѣ „пяти“ съ Эмилемъ Оливье во главѣ приходилось выступать въ эти трудные годы рѣдко; положеніе ихъ было таково, что лично знакомые съ ними депутаты *страшились* на глазахъ у президіума здороваться съ ними, не говоря уже о разговорахъ. И президентъ (по назначенію) Морни иной разъ съ демонстративнымъ великодушіемъ просилъ палату „не прерывать“ оппозиціоннаго оратора, давая послѣднему слово (напр., Жюлю Фавру 30 апрѣля 1859 г.). Полицейскій терроръ съ безчисленными обысками, арестами, ссылками—свирѣпствовалъ въ странѣ; новый министръ внутреннихъ дѣлъ генералъ Эспинассъ закрывалъ газеты за малѣйшую тѣнь оппозиціоннаго настроенія. Впрочемъ, газеты были такъ надежно запуганы, что даже и намеками уже говорить не рѣшались.

Война съ Австріей, какъ и вообще вмѣшательство Наполеона III въ итальянскія дѣла сильно поссорили имперію съ клерикалами—и, напротивъ, какъ бы обязали правительство къ нѣкоторому ослабленію слишкомъ натянутой узды: во внутренней политикѣ сталъ замѣчаться упадокъ полицейскаго террора, а въ 1859 году, послѣ побѣды надъ Австріей, была дана политическая амнистія. Кое-кто изъ изгнанниковъ воспользовался амнистіей, другіе отказались,—но оппозиція въ общемъ нѣсколько оживилась и пріободрилась. Эмиль Оливье произнесъ въ началѣ мая 1860 года, по поводу торговаго договора съ Англіей большую рѣчь, гдѣ онъ указывалъ на необходимость дать странѣ гарантіи политической свободы—вслѣдъ за провозглашаемыми прин-

Digitized by Google

ципами свободы торговли; онъ приглашалъ „любить свободу, не такую-то или такую-то свободу, не экономическую свободу, даже не гражданскую свободу, но свободу безъ эпитета, свободу, которая есть источникъ добра и зла, но которая въ себѣ самой содержитъ противоядіе противъ золъ, какія она можетъ породить". Вскорѣ послѣ того Олливье пытался расширить бюджетныя права Законодательнаго Корпуса по поводу требованія со стороны правительства кредита въ 45 милліоновъ франковъ на общественныя работы безъ малѣйшихъ болѣе обстоятельныхъ указаній. Олливье, конечно, предавался иллюзіямъ, если думалъ, что его рѣчь по этому поводу можетъ сыграть какую-либо практическую роль: кредитъ былъ вотированъ, какъ всегда, чуть не единогласно. Наконецъ, уже предъ предъ закрытіемъ сессіи, Олливье произнесъ блестящую рѣчь по поводу дѣйствій правительства вообще и въ частности гоненій на печать, поставившихъ прессу, сколько нибудь независимую, въ самое тягостное положеніе. Президентъ (Морни) сильно мѣшалъ ему говорить, обрывая безпрерывно и указывая, что пресса управляется на основаніи конституціи, „которой ораторъ присягалъ!" Даже сдержанное недоумѣніе оратора по поводу правительственной политики квалифицировалось президіумомъ, какъ воспрещенныя закономъ попытки интерпелляціи. Депутатамъ, желающимъ изложить свои воззрѣнія на текущія дѣла, рекомендовалось правительственными ораторами впредь издавать соотвѣтственныя брошюры. а не говорить такія рѣчи, на какія конституція ихъ не уполномочиваетъ. Когда же Жюль Фавръ потщился обратить вниманіе, что вѣдь сдѣлать это нельзя, такъ какъ свободы печати не существуетъ, то ему со стороны представителя правительства было сентенціозно замѣчено: „Пресса свободна для добра, но она несвободна для зла, и этого должно быть достаточно!" [1]) И, дѣйствительно, печать, задавленная предостереженіями и закрытіями, могла дѣлать очень мало „зла" правительству; Дамокловъ мечъ закрытія былъ тѣмъ страшнѣе, что разрѣшенія на изданіе новыхъ органовъ давались очень туго, очень рѣдко и съ весьма большимъ разборомъ.

Въ сессію 1861 года Олливье еще разъ вернулся къ вопросу о положеніи печати,—и этотъ моментъ былъ знаменательнымъ въ его карьерѣ. За нѣсколько времени до открытія сессіи 1861 года особымъ постановленіемъ сената были нѣсколько расширены бюджетныя права законодательнаго корпуса и дава-

[1]) „La presse est libre pour le bien, elle ne l'est pas pour le mal et cela doit suffire".

Digitized by Google

лось право обсужденія отвѣтнаго адреса. Группа „пяти“ рѣшила возбудить вопросъ: 1) объ уничтоженіи закона общественной безопасности и всѣхъ другихъ исключительныхъ законовъ; 2) объ избавленіи прессы отъ „режима произвола“ и 3) о средствахъ къ оживленію муниципальной жизни, а также объ уваженіи къ закону и правильности избирательныхъ операцій, чтобы всеобщее голосованіе получило дѣйствительную силу. Группа „пяти“ мотивировала эту свою поправку къ адресу тѣмъ обстоятельствомъ, что иначе и расширеніе бюджетныхъ правъ не принесетъ пользы. Жюль Фавръ произнесъ яркую рѣчь въ защиту этой поправки, причемъ указалъ, что подавляющее большинство Законодательнаго Корпуса выбрано при содѣйствіи администраціи. Это была сдержанная, но истинно и искренно оппозиціонная рѣчь, чрезвычайно уязвившая правительство, представитель котораго (Барошъ) отвѣтилъ, что нельзя шесть милліоновъ вотирующихъ предоставить себѣ самимъ, *такъ какъ они могутъ совершить большія ошибки;* вотъ почему префекты и должны брать на себя разумное руководство.

Вслѣдъ за Жюлемъ Фавромъ и выступилъ Эмиль Олливье. Онъ говорилъ о свободѣ печати и ограничивалъ свои требованія уничтоженіемъ разрѣшительной системы для вновь открываемыхъ органовъ и возстановленіемъ суда присяжныхъ для преступленій, совершаемыхъ путемъ печатнаго слова. Абсолютной свободы онъ не требовалъ, „ибо абсолютное—не отъ міра сего“. Конецъ его рѣчи былъ (совершенно неожиданно для всѣхъ) посвященъ восторженному восхваленію императора, якобы вступившаго на путь либеральныхъ реформъ. „Государь,—сказалъ онъ:—когда человѣка такъ привѣтствуютъ 35 милліоновъ людей,—какъ, говорятъ, васъ, когда человѣкъ распоряжается міромъ въ томъ смыслѣ, что счастье слѣдуетъ за нимъ туда, куда онъ идетъ... то остается познать еще одну несказанную радость: быть мужественнымъ иниціаторомъ, пріобщающимъ великій народъ къ свободѣ“. Онъ просилъ, риторически обращаясь къ отсутствовавшему императору, не слушаться малодушныхъ людей, приблизиться къ націи—и обѣщалъ, что тогда хоть и могутъ оказаться во Франціи люди привязанные къ воспоминаніямъ о прошломъ или къ надеждамъ на будущее,—но „огромное большинство“ будетъ восхищаться Наполеономъ III и безкорыстно ему помогать. Это онъ явно намекалъ на легитимистовъ и орлеанистовъ, съ одной стороны, и на республиканцевъ—съ другой: къ первымъ относились слова о воспоминаніяхъ, ко вторымъ—слова о надеждахъ.

Весьма понятно, что въ республиканской партіи въ Парижѣ

Digitized by Google

и провинціи многіе насторожились и ожидали, что остальные четыре депутата будутъ протестовать противъ внезапныхъ изліяній ихъ товарища. Оллив̀е въ своей [1]) рѣчи не усомнился назвать послѣдній декретъ императора „благодѣяніемъ", благороднымъ и отважнымъ поступкомъ; вообще, и по смыслу, и по тону эта рѣчь—была рѣчью имперіалиста, какъ ее тогда же понялъ Жюль Фавръ. Однако, четыре депутата не протестовали. Они больше недоумѣвали, нежели высказывали какое либо раздраженіе. Обстоятельства сложились такъ, что поведеніе Оллив̀е пріобрѣло въ глазахъ публики особенно знаменательный смыслъ: въ своей рѣчи онъ между прочимъ сказалъ фразу—„moi qui suis républicain",—которую президентъ Морни вычеркнулъ изъ отчета, утверждавшагося имъ ежедневно къ печати. На другой день одинъ депутатъ (*не* изъ группы „пяти") полюбопытствовалъ у президента о причинахъ его поступка. Морни заявилъ, что рѣчь Оллив̀е была запечатлѣна характеромъ „умѣренности и честности" и анти-конституціонная фраза, вырвавшаяся случайно у оратора, не могла поэтому заставить Морни остановить его и призвать къ порядку. Оллив̀е—промолчалъ.

Холодность и подозрительность по отношенію къ Оллив̀е распространялись съ тѣхъ поръ медленно, но неудержимо въ рядахъ республиканцевъ. Конечно, нечего было и думать вести противъ него кампанію въ прессѣ: предостереженія и закрытія посыпались бы на тѣ газеты, которыя посмѣли бы напасть на депутата за его любезности по адресу имперіи. Оллив̀е, вспоминая объ этомъ начальномъ періодѣ своего отступничества, силится показать читателю, что будто-бы не взирая на эту холодность и подозрительность со стороны вчерашнихъ друзей, онъ испытывалъ тогда „истинное моральное благополучіе" вслѣдствіе сознанія, что откровенно высказалъ свою мысль. Вѣдь это было сдѣлано безкорыстно, не затѣмъ чтобы стать министромъ,—горячится Эмиль Оллив̀е [2]), спустя сорокъ лѣтъ послѣ этой рѣчи и спустя тридцать лѣтъ послѣ того какъ онъ *былъ* министромъ: „для толпы—министерскій постъ кажется высшимъ блаженствомъ, министръ представляется лицомъ, имѣющимъ въ своемъ кабинетѣ сундукъ, наполненный золотыми монетами, откуда онъ черпаетъ полными пригоршнями; толпа не допускаетъ, чтобы эволюція, ведущая къ власти, могла быть безкорыстною". Впрочемъ, о министерскомъ сундукѣ было еще рано разсуждать; министры и приближенные

[1]) См. E. Ollivier, L'Empire liberal, t. V, p. 141 (Paris 1900).
[2]) Empire liberal, t. V, p. 147 (изд. 1900).

Digitized by Google

Наполеона III чувствовали себя еще настолько прочно и благополучно, что вовсе не желали дѣлиться ни съ какими раскаявшимися республиканцами, и весенняя сессія 1861 года окончилась грубымъ окрикомъ со стороны представителя правительства (Билье) заявившаго, что декретъ 24 ноября 1860 г. (нѣсколько расширявшій какъ было уже упомянуто, права законодательнаго корпуса)—„вовсе не есть одна изъ тѣхъ первыхъ уступокъ, при помощи которыхъ врагъ, имѣя возможность удобнѣе занять мѣстность, въ концѣ концовъ овладѣваетъ этою мѣстностью совершенно". Правительство приглашало вполнѣ категорически гг. депутатовъ „не вѣрить" въ отмѣну законовъ объ общественной безопасности, законовъ противъ прессы, противъ права собраній, въ уничтоженіе системы оффиціальныхъ кандидатуръ, наконецъ, въ установленіе парламентскаго правительства. „Не вѣрьте этому, господа. Правительство не дозволитъ — проникнуть въ крѣпость, охранять которую Франція ему поручила,—ни врагу открытому, ни врагу переодѣтому". Всѣ и въ томъ числѣ Эмиль Олливье (по собственному признанію) поняли, къ кому относятся слова о переодѣтомъ врагѣ. Однако, любезности молодого депутата были замѣчены; втеченіе слѣдующей сессіи (1862 г.) президентъ законодательнаго корпуса не переставалъ оказывать ему особое вниманіе и—въ концѣ концовъ пригласилъ его къ себѣ побесѣдовать.

Характерный былъ человѣкъ Морни для того режима, который онъ вмѣстѣ съ Наполеономъ III создалъ. Его называли иногда кондотьеромъ, и у него, въ самомъ дѣлѣ, были черты свойственныя этому историческому типу. Человѣкъ ловкій, очень рѣшительный, очень хитрый, очень смѣлый, азартный игрокъ въ политикѣ, всегда выигрывавшій,—Морни являлся безспорно самой крупной величиною въ плеядѣ, окружавшей послѣдняго французскаго императора и возведшей его на престолъ. Это не былъ Малюта Скуратовъ или Дуббельтъ. Русскій, напр., абсолютизмъ—въ XIX—XX вв. не видѣлъ близь себя ни одного человѣка типа Морни,—а въ XVIII вѣкѣ въ Россіи они бывали; Алексѣй Орловъ тоже не задумался бы рискнуть устроить 2 декабря, а Морни тоже не задумался бы посягнуть на Петра III. Люди риска и авантюры, люди жаждущіе наживы, вина, женщинъ, но, пожалуй, превыше всего цѣнящіе ощущеніе азартной игры, гдѣ ставкою служатъ—ихъ и чужія головы,—дѣятели этого типа какъ бы самою судьбою предназначены играть роль въ дворцовыхъ революціяхъ, въ переворотахъ сверху.—Циникъ и торжествующій насильникъ, насмѣшливо и свысока смотрѣвшій на всѣхъ и все—вступилъ въ

Digitized by Google

личныя сношенія съ молодымъ, безпокойнымъ честолюбцемъ, уже обдумавшимъ разрывъ съ собственнымъ прошлымъ и еще размышлявшимъ надъ теоретическимъ обоснованіемъ и оправданіемъ этого своего предстоящаго шага. Долго и интимно, по признанію Олливье, говорилъ съ нимъ Морни. Суть бесѣды заключалась въ томъ, что „несмотря на противодѣйствія — *вернутся* къ конституціонному режиму"; что онъ, Морни, разсчитываетъ составить первый конституціонный кабинетъ и, вотъ, не можетъ ли онъ въ такомъ случаѣ разсчитывать на содѣйствіе Олливье (конечно, въ качествѣ члена министерства). Олливье „притворился непонимающимъ" и „гипотеза" по его признанію показалась ему тогда „отдаленною". Онъ подтвердилъ только, что будетъ держаться образа дѣйствій, намѣченнаго въ его рѣчи 1861-го года, т. е. будетъ поддерживать имперію, если она „дастъ, дѣйствительно, свободу". Не ограничиваясь этимъ, Олливье преподалъ еще слѣдующее наставленіе своему собесѣднику: „Дайте имъ (противникамъ имперіи) все, что они требуютъ и, даже больше,—они никогда не будутъ вамъ признательны за это, они воспользуются новыми льготами только затѣмъ, чтобы сильнѣе съ вами сражаться,—вы въ этомъ могли убѣдиться; но, въ свою очередь вы въ самой свободѣ почерпнете ту силу сопротивленія, которую вамъ не даютъ ваши диктаторскіе законы". Такъ говорилъ депутатъ прошедшій въ законодательный корпусъ, *какъ республиканецъ*, и отъ республиканской партіи,—и говорилъ онъ обращаясь, къ человѣку, прежде всего повинному въ самыхъ страшныхъ репрессіяхъ и проскрипціяхъ, которыми сопровождался захватъ диктатуры Луи-Наполеономъ.—

Тогда же Олливье вошелъ въ близкія сношенія и съ другою фигурою, близкою къ дворцу: съ принцемъ Наполеономъ, двоюроднымъ братомъ императора. Это былъ будирующій принцъ, либеральное высочество, какъ его называли въ салонахъ. Онъ прямо предложилъ Олливье свою могущественную поддержку, но благоразумно замѣтилъ, что не хочетъ Эмиля Олливье слишкомъ своею особою компрометтировать (въ глазахъ оппозиціи, конечно). Онъ даже предложилъ Олливье познакомиться домами представить, г-жу Олливье—ея высочеству, но и тутъ оговорился „дѣлайте, какъ захотите я нехочу васъ компрометтировать". Принцъ понималъ, что Эмиля Олливье нужно возможно дольше использовать въ качествѣ республиканца и оппозиціонера; что въ *этой* роли Олливье пока болѣе выгоденъ для Имперіи. Олливье тоже понялъ и его визиты къ принцу стали рѣдки и происходили украдкою. Не нужно забывать, что этотъ самый принцъ очень незадолго

Digitized by Google

до сближенія съ Олливье публично заявилъ, что еслибы республиканцы или легитимисты устроили высадку въ Франціи, то они безъ дальнѣйшихъ околичностей были бы разстрѣляны. „Скромные и рѣдкіе“ визиты Олливье къ автору этого заявленія, о которыхъ онъ разсказываетъ, не могли быть непонятны и для визитера, и для хозяина. Къ сожалѣнію, Олливье не передаетъ подробно, о чемъ они говорили во время всѣхъ этихъ свиданій; вообще же онъ кстати и некстати не устаетъ развертывать предъ читателемъ ту свою основную идею, которою онъ, по его словамъ, увлекался, во имя которой (яко-бы) онъ только и дѣйствовалъ: имперія должна стать истинно либеральною, должна дать народу—свободу, и этимъ она застрахуетъ и себя, и подвластное населеніе отъ возможности анархіи. Напрасно читатель ищетъ во всѣхъ двѣнадцати томахъ записокъ Эмиля Олливье отвѣта на рядъ вопросовъ: почему онъ считалъ допустимымъ надѣяться на внезапное нисшествіе духа свободы на правительственный организмъ, насиліемъ созданный и насиліемъ державшійся? почему онъ, оставаясь формально республиканскимъ депутатомъ, полагалъ приличнымъ и умѣстнымъ давать дружескіе совѣты правительству относительно того, какимъ способомъ лучше сопротивляться противникамъ? наконецъ, почему онъ старался дѣлать „скромные и рѣдкіе“ визиты принцу Наполеону, украдкою, если въ этихъ визитахъ не видѣлъ ничего дурного? Почему хитрилъ съ своею партіей и обманывалъ ее? Онъ силится изобразить себя фанатикомъ идеи либеральной имперіи, а предъ читателемъ, помимо воли автора, съ каждымъ томомъ яснѣе и яснѣе выступаетъ фигура политическаго честолюбца, для котораго честолюбіе—цѣль, оппортюнизмъ—средство, а примиреніе съ имперіей—диктуемая обстоятельствами форма оппортюнистической сдѣлки. И уже въ 1861 — 1862 гг. изъ двухъ будущихъ контрагентовъ — больше колебаній и сдержанности проявляла имперія, а не Эмиль Олливье. Имперія была еще очень сильна. Близилось время, когда она должна была усвоить болѣе любезный тонъ относительно республиканца, готоваго раскаяться,—но пока еще это время не наступало.

III.

Въ 1868 году въ послѣдній разъ засѣдалъ Законодательный Корпусъ предъ новыми выборами, и Эмиль Олливье произнесъ большую рѣчь, которая должна была еще разъ обратить на него вниманіе властей. Тутъ были и либеральныя требованія гарантій истинно-конституціоннаго строя, и деликатныя указанія на излиш-

Digitized by Google

ною щедрость въ раздаваніи газетамъ предостереженій, и протестъ противъ давленій на волю избирателей, что явно предвидѣлось на выборахъ и въ 1863 году, какъ уже было раньше, въ 1852 и въ 1857 гг. Свобода превозносилась въ этой рѣчи „какъ средство противъ двухъ причинъ анархіи—противъ той, которая происходитъ отъ власти одного лица,—и противъ той, которая рождается отъ шумнаго движенія всѣхъ". Оллivье видѣлъ въ свободѣ средство приступить къ разрѣшенію соціальнаго вопроса „безъ насилій и безъ утопій". Онъ великодушно заявилъ, между прочимъ: ...„уступаю даже больше: всякій разъ когда существуетъ разногласіе между оппозиціей и правительствомъ относительно мѣры вещей, относительно умѣстности поступковъ — ну, чтоже, я, оппозиціонный депутатъ, смѣло говорю это,—можно предположить, что право—именно правительство; на немъ лежитъ отвѣтственность, которая на насъ не лежитъ, и которая можетъ побудить его считать въ высшей степени труднымъ то, что намъ кажется легкимъ. Мы отвѣчаемъ только за слова, а оно отвѣчаетъ за дѣйствія, съ которыми связаны судьбы націи, это болѣе серьезно". Тутъ же многозначительно Оллivье напомнилъ слова: „якобинецъ, ставшій министромъ, не будетъ якобинскимъ министромъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ Оллivье постарался удержать и всѣ оппозиціонныя видимости: имперія, настаивалъ онъ, такъ могущественна, въ странѣ все такъ спокойно и такъ безпрекословно послушно волѣ императора, что ни малѣйшихъ основаній притѣснять печать и общество—не имѣется, за двѣнадцатью годами произвола должна послѣдовать обѣщанная свобода и т. д. Это было послѣднее большое выступленіе Оллivье; вскорѣ законодательный корпусъ былъ распущенъ, и начались новые выборы.

Эти выборы происходили по прежнему при абсолютномъ отсутствіи свободы собраній, при удвоенной (противъ обычнаго) суровости репрессій по дѣламъ печати, при всевозможныхъ уловкахъ со стороны властей, при угрозахъ и насиліяхъ надъ избирателями. Крестьянство и буржуазія, по прежнему, почти всею массою поддерживали правительство, рабочіе уже не были такъ апатичны и утомлены, какъ въ 1852 или въ 1857 гг., но все таки не находили достаточно энергіи, чтобы успѣшно бороться съ предвыборными манипуляціями правительства. Министръ внутреннихъ дѣлъ Персиньи широчайшимъ образомъ пользовался системой оффиціальныхъ кандидатуръ. Префекты, согласно циркуляру министра, обязаны были рекомендовать угодныхъ имъ кандидатовъ, „чтобы населеніе знало, кто друзья—имперіи, а кто ея враги, болѣе или менѣе скрытые". Префекты открыто и оффи-

Digitized by Google

ціально заявляли (какъ это сдѣлалъ напр. префектъ верхней Луары), что прежде, дѣйствительно, „избиратели выдумали (avaient imaginé) подготовительныя собранія, куда кандидаты являлись и излагали свои принципы", но эти собранія „часто бывали шумны"; за то теперь „администрація исполняетъ, такъ сказать, обязанность подготовительныхъ собраній"; теперь „мы, администраторы, незаинтересованные въ вопросѣ и,—въ конечномъ счетѣ, представляющіе совокупность вашихъ интересовъ,—мы разсматриваемъ, мы оцѣниваемъ, мы обсуждаемъ ставящіяся кандидатуры и, послѣ зрѣлаго разсмотрѣнія, съ согласія правительства—мы вамъ представляемъ ту кандидатуру, которая кажется намъ наилучшей и обладающей наибольшими симпатіями"... и т. д. Никакая борьба противъ произвола префектовъ, даже въ самыхъ сдержанныхъ выраженіяхъ не была мыслима. Провинція—особенно была ими терроризована. Къ этому нужно присоединить массу крупныхъ и мелкихъ мошенничествъ, производившихся согат populo властями всѣхъ наименованій, въ руки коихъ отданъ былъ подсчетъ голосовъ; нужно вспомнить и о правѣ администраціи передъ каждыми выборами перераспредѣлять избирательные округа по своему желанію и, безъ всякой мотивировки, соединять города съ деревнями и т. д. Префекты грубѣйшимъ образомъ позорили личную честь кандидатовъ оппозиціи—и тѣ не имѣли фактической возможности защищаться, ибо ни одна мѣстная типографія, обыкновенно, не рѣшалась печатать защиту. Всякій сторожъ, учитель, жандармъ, мэръ, префектъ—могъ быть увѣренъ, что лишится должности, если шпіоны донесутъ въ Парижъ, что онъ недостаточно ретиво дѣйствовалъ на выборахъ.

Такъ отвѣтила имперія на приглашенія и воззванія Эмиля Олливье касательно водворенія „истинной свободы". Но, несмотря на всѣ ухищренія, въ 1863 году было выбрано около 35 депутатовъ, не рекомендованныхъ избирателямъ правительственною властью; — правительственное большинство состояло приблизительно изъ 230 человѣкъ. Но и этотъ результатъ былъ для правительства непріятенъ; вѣдь, всѣ понимали, что при томъ страшномъ давленіи, какое существовало на выборахъ, для проведенія 35 депутатовъ оппозиціи—необходимо было очень ужъ большое напряженіе враждебныхъ къ правительству чувствъ. Эти три десятка съ небольшимъ, независимыхъ депутатовъ дѣлились на легитимистовъ, орлеанистовъ, республиканцевъ (послѣднихъ было 20 человѣкъ), и нельзя сказать, чтобы недоброжелательство относительно имперіи особенно сплачивало всѣ эти группы между

Digitized by Google

собою. Напротивъ, для большинства легитимистовъ и орлеанистовъ республиканцы были болѣе страшны и ненавистны, чѣмъ имперія.

Эмиль Оливье, снова избранный, все яснѣе и яснѣе раскрывалъ свои карты. Положеніе вещей было таково, что республиканскіе депутаты подозрѣвали его, но до поры, до времени, избѣгая скандала, молчали; отношенія между ними и Оливье дѣлались все болѣе и болѣе сухими и оффиціальными. Общество-же и подавно очень мало говорило о странныхъ поступкахъ и словахъ Оливье, ибо почти ничего объ этомъ не знало; оппозиціонныя газеты никакимъ путемъ протестовать противъ шаговъ Оливье не осмѣливались, боясь правительственныхъ репрессій. Когда же въ выборную кампанію 1863 года республиканцы оффиціально включили снова Оливье въ число своихъ кандидатовъ,— то, подавно, въ широкихъ кругахъ общества его республиканская репутація должна была только укрѣпиться. Но наступилъ моментъ, когда республиканскіе депутаты увидѣли, наконецъ, что покрывать поступки Оливье далѣе — было бы совершенно недобросовѣстно съ ихъ стороны.

Тотчасъ послѣ выборовъ, въ іюнѣ 1863 года, герцогъ Морни пригласилъ къ себѣ Эмиля Оливье и уже прямо предложилъ ему союзъ и дружбу съ цѣлью „при помощи демократіи организовать свободу". Онъ и пояснилъ снова эту мысль: не пожелаетъ ли Оливье вступить въ кабинетъ, если образованіе министерства будетъ поручено герцогу Морни? Оливье сказалъ, что онъ изложитъ герцогу свои мысли о политикѣ, но что безъ своей партіи онъ въ эту комбинацію не вступитъ. Въ ноябрѣ того же 1863 г. Оливье эти свои мысли о политикѣ представилъ герцогу Морни, но на сей разъ нашелъ герцога „въ унынiи": оказалось, что императоръ уже отдалился отъ либеральныхъ намѣреній,—и сейчасъ ничего сдѣлать нельзя! Такъ повѣствуетъ Оливье [1]). Все это явственно сочинено post factum: и благороднѣйшій отказъ отъ министерства, и „унынiе" Морни, якобы ничего не могущаго подѣлать съ консерватизмомъ императора, и едва ли не самое предложеніе со стороны Морни. Абсолютно невѣроятно допустить, чтобы герцогъ Морни могъ въ 1863 году вести переговоры съ Оливье, *какъ съ членомъ республиканской партіи*,—о вступленіи въ кабинетъ; еще болѣе невѣроятно было со стороны Оливье ставить свое согласіе въ зависимость отъ партіи: развѣ не полнѣйшимъ абсурдомъ было бы ожидать, что партія дастъ такое позволеніе? И,

[1]) Emile Ollivier, l'Empire liberal, t. VI, p. 504 (Paris, 1902).

Digitized by Google

если Оливье все-таки ждалъ этого разрѣшенія, то почему онъ ничего не сообщилъ своимъ товарищамъ о предложеніи герцога? Не проще ли предположить, что Морни, продолжая играть свою (легкую въ данномъ случаѣ) роль демона-искусителя, просто предложилъ Оливье вопросъ, желая, какъ онъ любилъ это дѣлать, окончательно позондировать человѣка: готовъ ли онъ уже теперь отречься отъ всей своей прошлой жизни и продать себя за министерскій постъ? Оливье и принялся писать свою „программу" въ видѣ „мыслей" о политическихъ вопросахъ; когда же онъ представилъ эту свою работу герцогу Морни, — то герцогъ, узнавшій то, что ему нужно было узнать,—сослался на консерватизмъ императора, ибо, повторяемъ, имперія въ эти годы была еще такъ сильна, что для нея покупка Эмиля Оливье *тогда* являлась больше прихотью, щегольствомъ, чѣмъ политическою необходимостью. Удостовѣрившись въ его готовности, они и дали ему понять, что до министерства пока еще далеко. Оливье, во всякомъ случаѣ, немного обидѣлся. Герцогъ Морни,—чтобы его утѣшить, повидимому,—предложилъ представить его императору: „Нѣтъ, отвѣтилъ я ему, смѣшно идти съ совѣтами къ тому, кто у васъ ихъ не спрашиваетъ!"

Тѣмъ не менѣе, секретная дружба герцога съ депутатомъ продолжалась. Герцогъ Морни былъ опять назначенъ (императорскою властью) президентомъ Законодательнаго Корпуса, и направленіе законодательныхъ трудовъ зависѣло всецѣло отъ него, тѣмъ болѣе, что и на министровъ онъ имѣлъ огромное вліяніе, вслѣдствіе личной дружбы и близости съ Наполеономъ III. Въ первую же сессію вновь избраннаго законодательнаго корпуса (въ сессію 1864 года) правительство внесло законопроектъ объ измѣненіи статей закона, абсолютно запрещавшихъ какія бы то ни было коалиціи и соглашенія между рабочими. Согласно правительственному законопроекту должны были быть разрѣшаемы такія рабочія коалиціи и стачки, которыя являются „мирными" по своимъ цѣлямъ и методамъ дѣйствій; всякія же другія должны были по прежнему караться. Эмиль Оливье заявилъ герцогу Морни, что необходимо пойти дальше и вовсе отмѣнить старыя статьи закона. На это герцогъ отвѣтилъ совѣтомъ Эмилю Оливье—постараться попасть въ комиссію, гдѣ герцогъ всячески будетъ ему помогать—и потомъ стать докладчикомъ этого законопроекта, измѣненнаго согласно видамъ Оливье. Однимъ ударомъ достигались двѣ цѣли: безопасной уступкою подновлялась въ глазахъ рабочихъ массъ старая бонапартистская легенда о Наполеонѣ III, какъ о покровителѣ рабочаго пролетаріата,—и *республиканецъ* Оливье выступалъ предъ всей Франціей въ роли

Digitized by Google

докладчика правительственнаго (хотя бы и въ новой редакціи) законопроекта. Притомъ можно было надѣяться, что во имя „демократизма“ законопроекта республиканская партія протестовать не будетъ противъ такой роли Эмиля Олливье, — и получится картина примиренія республиканцевъ съ имперіей или хоть иллюзія „перваго шага“. И все это покупалось очень дешевой цѣною: даже ни однимъ портфелемъ не нужно было пожертвовать. Олливье попалъ въ комиссію и изо всѣхъ силъ стремился стать докладчикомъ. Въ комиссіи рѣшено было отмѣнить законы, облагавшіе наказаніями всякое соглашеніе, всякую стачку между рабочими, и взамѣнъ представить законы о наказаніи за попытку нарушить „свободу труда“. Всякій, кто путемъ угрозъ или насилій будетъ препятствовать другому работать, наказуется тюремнымъ заключеніемъ срокомъ отъ шести дней до трехъ лѣтъ и штрафомъ отъ шестнадцати франковъ до трехъ тысячъ; сверхъ того, если преступленіе совершено вслѣдствіе соглашенія между нѣсколькими лицами, виновные, по отбытіи наказанія, отдаются подъ надзоръ полиціи срокомъ отъ двухъ до пяти лѣтъ. Далѣе. Слово „бойкотъ“ конечно, еще не существовало тогда, но явленіе было прекрасно извѣстно, и комисссія рѣшила обложить наказаніемъ всѣхъ авторовъ и участниковъ всякаго коллективнаго „моральнаго интердикта“, направленнаго противъ нарушителей стачки и мѣшающаго работѣ: виновные въ такого рода моральномъ давленіи на нарушителей стачки—подвергаются тюремному заключенію отъ шести дней до трехъ мѣсяцевъ и штрафу отъ 16 до 300 франковъ. Такова была репрессивная сторона законопроекта; „либерализмъ“ же его заключался въ томъ, что соглашенія между рабочими и стачки становились дозволенными и преслѣдовались не стачечники, *какъ таковые*, а лишь тѣ изъ нихъ, кто тѣмъ или инымъ способомъ пожелаетъ препятствовать работѣ товарищей, не примкнувшихъ къ соглашенію.

Конечно, и это было нѣкоторымъ шагомъ впередъ, сравнительно съ предыдущимъ законодательствомъ, хотя шагомъ чрезвычайно робкимъ и нерѣшительнымъ. Слѣдуетъ замѣтить, что товарищи Олливье по партіи (съ Жюлемъ Симономъ во главѣ) были въ огромномъ большинствѣ типичнѣйшими буржуазными политиками во всемъ, что касалось рабочихъ и рабочаго вопроса. Нужны были десятилѣтія, чтобы уже третья республика принялась, нехотя, за рабочее законодательство; нужно было смѣниться нѣсколькимъ поколѣніямъ, чтобы средній французскій республиканецъ привыкъ къ мысли, что у государства и у предпринимателей относительно рабочихъ имѣются не только права, но и обязан-

Digitized by Google

ности, и что у рабочихъ могутъ быть не только обязанности, но и права. Не соціально-экономическое значеніе законопроекта, но его непосредственный политическій смыслъ—вотъ что стояло на первомъ планѣ у оппозиціи (такъ же, какъ и у правительства, этотъ проектъ внесшаго). Этотъ смыслъ заключался въ томъ, что, во имя бонапартистской агитаціи, правительство становилось въ позу друга рабочихъ, и продѣлывало все это при видимомъ одобреніи главныхъ своихъ противниковъ — республиканцевъ, ибо Эмиль Олливье все-таки продолжалъ считаться республиканцемъ. Поэтому, съ момента, когда, благодаря герцогу Морни, Олливье былъ выбранъ правительственнымъ большинствомъ комиссіи въ докладчики, республиканскіе депутаты, наконецъ, открыто выступили противъ него. Началъ кампанію Жюль Симонъ. Почва была благодарнѣйшая: Жюль Симонъ еще въ комиссіи указывалъ, что не нужно создавать никакихъ спеціальныхъ репрессій, а держаться почвы общаго законодательства (относительно угрозъ и насилій противъ непримыкающихъ къ стачкѣ). Жюль Фавръ поддержалъ Симона, — но Олливье старался сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы убѣдить Фавра въ своей правотѣ и чистотѣ. Между тѣмъ и въ оппозиціонныхъ газетахъ началась правильная аттака противъ Эмиля Олливье: на почвѣ несовершенствъ выработаннаго при его содѣйствіи и защищаемаго имъ законопроекта на него можно было нападать, не боясь цензурныхъ каръ. Долго сдерживаемое раздраженіе противъ Олливье вырвалось наружу. Его бывшіе друзья стали совсѣмъ холодны, встрѣчали его съ угрюмыми, либо съ ядовито-улыбающимися лицами; тѣ, съ которыми онъ заговаривалъ, только вздыхали или высказывали печальныя предположенія, „сдержанно порицали“ его „смѣлость“.

Но докладчикъ не смущался; запершись на нѣсколько недѣль дома (уже передъ самымъ засѣданіемъ), онъ готовилъ свой докладъ „съ ясностью духа, — говоритъ онъ, — которую я черпалъ въ спокойствіи своей совѣсти“. Жюль Симонъ, Гарнье-Пажесъ уже не сомнѣвались, что онъ предастъ республиканскую идею въ самомъ скоромъ времени; Жюль Фавръ и Пикаръ еще относились къ нему съ нѣсколько большимъ довѣріемъ. Новые друзья, съ министромъ Руэ и герцогомъ Морни во главѣ, были полны предупредительности и ласки. При такихъ условіяхъ началась генеральная битва, 27 апрѣля 1864 года.

Первые оппоненты—были съ консервативной стороны,—полагавшіе, что не слѣдуетъ отмѣнять закона, воспрещающаго безусловно всякія стачки, ужъ потому, что съ самаго 1791 года, когда этотъ законъ созданъ, всѣ режимы, всѣ правительства его

Digitized by Google

сохраняли, находя его безусловно нужнымъ для процвѣтанія промышленности и спокойствія общества; они высказывали опасеніе, что при свободѣ стачекъ явятся агитаторы, которые сдѣлаютъ устройство стачекъ своею спеціальностью и т. д. Отвѣчать этимъ противникамъ было очень легко, и если Эмиль Олливье попросилъ сейчасъ же слова (до того, какъ выступили республиканцы), то не затѣмъ, чтобы отвѣтить противникамъ справа,—безконечно выгоднымъ правительству въ данномъ случаѣ, ибо они своими рѣчами оттѣняли императорскій „демократизмъ", — а чтобы уже напередъ скомпрометировать ожидаемыхъ противниковъ слѣва. „Не хорошо отказываться отъ прогресса,—восклицалъ Олливье,—подъ предлогомъ, что прогрессъ этотъ — не совершененъ. О! Я знаю эту теорію, я читалъ о ней въ *Мемуарахъ* Малле-Дюпана. Это—теорія пессимизма; она заключается въ слѣдующемъ: когда какое нибудь правительство не нравится въ принципѣ, то вмѣсто того, чтобыподобно всякому честному и здравомыслящему человѣку одобрять хорошее и порицать дурное,—согласно этой теоріи нужно все критиковать, на все нападать, особенно на хорошее, потому что хорошее можетъ принести пользу тѣмъ, кто его дѣлаетъ. Такъ дѣйствовали эмигранты, когда вмѣсто того, чтобы остаться въ странѣ, вмѣсто того, чтобы идти въ собранія, идти въ секціи и тамъ препятствовать владычеству дурныхъ людей,—они отправлялись за-границу, надѣясь облегчить тріумфъ этихъ дурныхъ людей,—тріумфъ, который уже въ виду своихъ крайностей долженъ былъ (по разсчетамъ эмигрантовъ) повлечь за собою ихъ, эмигрантовъ, успѣхъ. Такъ слишкомъ часто дѣйствовали партіи, которыя у насъ смѣняли другъ друга. И что же остается въ нашей странѣ послѣ столькихъ волненій? Много развалинъ, много красивыхъ и великихъ рѣчей — и нѣтъ у насъ свободныхъ учрежденій; и всѣ мы, каково бы ни было прошлое (нашей партіи), принуждены часто сожалѣть, что не поддержали добронамѣренныхъ людей, которые въ одно время носили имя Ролана, въ другое время — Мартиньяка, а позже будутъ называться инымъ именемъ; мы принуждены сожалѣть, что не приняли частичныхъ реформъ, которыя они намъ предлагали, и что мы слишкомъ многимъ пожертвовали въ угоду неумолимой нашей личной непріязни. Я не принадлежу къ этой школѣ; я не пессимистъ; я принимаю добро отъ всякой руки, отъ которой оно исходитъ; я никогда не говорю: все или ничего, это — бунтовская максима; я говорю: понемногу ежедневно, довлѣетъ дню злоба его, сегодня законъ о коалиціяхъ, завтра—законъ объ ассоціаціяхъ... Я не ограничиваюсь критикою того, чего мнѣ не достаетъ,—я благодарю за то, что мнѣ даютъ".

Digitized by Google

Правительственное большинство палаты устроило овацію Эмилю Олливье за эту рѣчь. Въ слѣдующемъ засѣданіи противъ Олливье выступилъ Жюль Симонъ. Смыслъ рѣчи Жюля Симона заключался въ томъ, что правительство желаетъ обмануть рабочихъ, обѣщая имъ на бумагѣ право стачекъ, а въ дѣйствительности дѣлая всякую стачку невозможной, въ виду репрессивныхъ пунктовъ законопроекта. Сказавши все это, онъ сдѣлалъ ни къ чему не обязывающую оговорку: „Я не сомнѣваюсь въ совершенной искренности членовъ комиссіи,—но они ошиблись". Эти слова какъ бы устраняли обвиненіе, что докладчикъ Эмиль Олливье сознательно помогаетъ правительственному обману, — но обвиненіе это возвращалось въ слѣдующей фразѣ Жюля Симона: „Люди начинаютъ входить въ компромиссъ — съ затруднительностью положенія. Да сохранитъ насъ Богъ отъ того, чтобы мы отъ компромисса съ затруднительностью положенія когда-либо бросились къ компромиссу со своею совѣстью". Слѣдующій республиканскій ораторъ Гарнье-Пажесъ говорилъ еще прозрачнѣе: „Вы, разумѣется, не хотите, вы очень далеки, и комиссія, и правительство очень далеки отъ мысли разставить западню кому бы то ни было, но я васъ удостовѣряю, что вашъ законъ есть именно западня". Это смѣшеніе воедино— Эмиля Олливье и правительства— въ устахъ непримиримаго врага и ненавистника имперіи могло имѣть только одинъ смыслъ. Затѣмъ выступилъ самый яркій ораторъ республиканцевъ — Жюль Фавръ.

Ж. Фавръ протестовалъ противъ закона тоже потому, что считалъ его совершенно противорѣчивымъ: наказуемость моральнаго воздѣйствія рабочихъ противъ нарушителей стачки,—казалось ему,—сводитъ къ нулю все значеніе принципіальнаго разрѣшенія, легализаціи самой стачки: ибо какимъ же путемъ рабочіе будутъ эту стачку проводить, если запрещено то, безъ чего стачка невозможна? Но такъ какъ и для Жюля Фавра главное было не въ законопроектѣ, а въ докладчикѣ, то интересъ и его рѣчи весь сосредоточился на критикѣ взглядовъ, высказанныхъ Эмилемъ Олливье. „Нѣтъ въ этой палатѣ", сказалъ Жюль Фавръ, „столь дурно направленнаго ума, столь заблуждающагося сердца, чтобы проклинать добро, только потому, что это добро можетъ принести пользу правительству, противникомъ политики котораго является тотъ или иной человѣкъ; но, если правильно то, о чемъ намъ такъ сурово напомнили,— именно, что пессимисты могутъ всему помѣшать,—за то, съ своей стороны, я не довѣряю легкимъ хвалителямъ, которые могутъ все разрѣшить; и именно потому, что таково происхожденіе—

Digitized by Google

по моему—закона, который мы теперь обсуждаемъ, мы не можемъ дать ему нашего одобренія. Въ политикѣ существуютъ двѣ школы: школа принциповъ и школа уловокъ, и мы также знаемъ, что общественная совѣсть не ошибается относительно нихъ".

Это уже всецѣло было направлено противъ Эмиля Оллivье, который въ отвѣтной большой рѣчи „своему краснорѣчивому другу", какъ онъ называлъ Жюля Фавра, старался подчеркнуть свою добросовѣстность и искренность. „Воспретить работу себѣ самому—есть актъ свободы; запретить работать—другимъ есть актъ тиранніи; новый законъ разрѣшаетъ актъ свободы и наказываетъ актъ тираннін", вотъ въ чемъ по мнѣнію Оллivье заключался смыслъ новаго закона,—тогда какъ до сихъ поръ каралось даже одно только добровольное соглашеніе нѣсколькихъ лицъ—прекратить работу съ цѣлью добиться тѣхъ или иныхъ уступокъ отъ предпринимателя; вотъ почему законъ этотъ очень выгоденъ для рабочихъ, а вовсе не есть западня. Касательно же того, почему насилія и угрозы при стачкѣ должны быть обложены спеціальными, болѣе тяжелыми наказаніями,—докладчикъ ограничился трогательной картиною, какъ стачечникъ бьетъ штрейкбрехера, имѣющаго „жену и дѣтей въ мансардѣ", и не сказалъ абсолютно ничего убѣдительнаго по существу. Но онъ напрасно думалъ отдѣлаться отъ еще не вполнѣ для него своевременнаго разрыва съ партіей—такими невинными словесными украшеніями, какъ частое повтореніе „мои друзья" (относительно республиканцевъ), и изумительно мягкимъ и примирительнымъ тономъ въ отвѣтъ на ихъ больно задѣвавшія нападки.

Въ третьемъ засѣданіи Жюль Фавръ жестоко обрушился на тѣ пункты законопроекта, которые трактовали объ отдачѣ осужденныхъ стачечниковъ подъ надзоръ полиціи послѣ отбытія наказанія. „Если эта статья будетъ одобрена", воскликнулъ онъ, „то она оживитъ исключительные законы, къ признанію которыхъ вашъ почтенный докладчикъ не всегда столь снисходительно присоединялся". Онъ напалъ также на неясность и растяжимость формулъ, дававшихъ просторъ произволу (подобно большинству законовъ имперіи), и, въ полной ярости, „позеленѣвшій и ужасный" Жюль Фавръ закончилъ: „вы вносите путаницу и моральный безпорядокъ. Нужно, чтобы всякій обладалъ мужествомъ имѣть свое мнѣніе". Тутъ его прервалъ кто-то: „Мы всѣ обладаемъ этимъ мужествомъ". Тогда Жюль Фавръ опять заговорилъ: „мы протестуемъ противъ двусмысленности; никто двусмысленности не желаетъ, и именно поэтому мы требуемъ, чтобы всякій объяснился, такъ какъ въ этихъ стѣнахъ были произне-

Digitized by Google

сены слова, которыхъ мы не забывали,—такъ какъ тутъ обращаются къ дружескимъ чувствамъ, которыя относятся къ лицамъ, но не могутъ ничего измѣнить въ мнѣніяхъ; мнѣнія же остаются сегодня тѣ же, что были и наканунѣ. Необходимо, чтобы намъ сказали, какимъ образомъ покидаются теперь эти прежнія мнѣнія, и предлагается то, что абсолютно имъ противорѣчитъ". Когда Эмиль Олливье поднялся, чтобы отвѣтить, герцогъ Морни, давая ему слово, просилъ его ограничиться возраженіями по существу и заявилъ по адресу Жюля Фавра, что „никто не имѣетъ права спрашивать у товарищей отчета объ ихъ мнѣніяхъ". Всѣмъ этимъ онъ желалъ облегчить докладчику выходъ изъ весьма щекотливаго положенія. Олливье ухватился за это. Съ видомъ человѣка оскорбленнаго, но презирающаго обидчиковъ,—человѣка, не желающаго заниматься, въ сущности, крайне легкимъ будто бы для него истребленіемъ враговъ, чтобы не тормазить дѣла,—съ тою симуляціей искренняго чувства, которая была ему свойственна въ критическія мгновенія,—Эмиль Олливье заявилъ, что „одна изъ привиллегій правды—есть спокойствіе", и что поэтому, каково бы ни было его „горестное удивленіе" по поводу выслушанныхъ словъ,—но онъ будетъ говорить лишь по существу. По существу же было повтореніе уже раньше сказаннаго. Законъ прошелъ большинствомъ 222 голосовъ противъ 35: правительственное большинство было за Эмиля Олливье, оппозиція противъ.—Секреты Олливье и его тайныхъ собесѣдниковъ стали выясняться.

IV.

Послѣ засѣданія—Олливье и Жюль Фавръ уже не раскланивались. Защитники у Эмиля Олливье еще нѣкоторое время находились; все таки не все и не всѣмъ пока было вполнѣ открыто, а газеты тоже не смѣли говорить вполнѣ опредѣленно то, что многіе изъ ихъ сотрудниковъ поняли послѣ преній по закону о стачкахъ. Уличная и очень распространенная газета Жирардена „La Presse" яро защищала Олливье и нападала на Жюля Фавра и другихъ его враговъ. Но все-таки, нападенія становились частыми и колкими. Вмѣстѣ съ тѣмъ люди правительственнаго лагеря, съ безпокойствомъ усматривая въ умномъ и бойкомъ прозелитѣ—соперника по части дѣлежа благъ земныхъ, относились къ нему совершенно не по-товарищески. „Имперіалисты... не защищали меня или высмѣивали; люди оппозиціи рвали меня въ куски; только и говорили, что о моемъ отпаденіи; меня забрасывали

Digitized by Google

ругательными письмами". Его сравнивали съ Іудою и указывали на то, что Іуда, въ концѣ концовъ, удавился. Письма лишь пускали въ ходъ выраженія, которыя не смѣла употреблять подневольная пресса; смыслъ былъ, въ общемъ, тотъ же.

Оливье говоритъ, спустя сорокъ лѣтъ, что онъ спокойно относился ко всему этому, не утрачивая ясности души, такъ какъ онъ былъ въ полномъ мирѣ со своею совѣстью. Мы въ этотъ темный вопросъ вдаваться и не будемъ. Нѣкоторые историки въ видѣ одного изъ аргументовъ въ пользу тезиса, что первый самозванецъ искренно вѣрилъ въ свое царское происхожденіе,— приводятъ такое соображеніе: этому человѣку очень ужъ трудно было бы такъ долго выдержать роль, сдѣлать изъ всего своего существованія — сплошной обдуманный обманъ. Можно быть какого угодно мнѣнія объ Эмилѣ Оливье, но ничто не даетъ намъ права и въ немъ предположить такія огромныя силы, которыя позволили бы ему сдѣлать изъ всего своего существованія сплошную игру, притомъ многолѣтнюю, гдѣ онъ совершенно сознательно считалъ бы себя лишь загриммированнымъ актеромъ и вполнѣ умышленно каждымъ своимъ словомъ обманывалъ публику,— тѣхъ, кого покидалъ и тѣхъ, къ кому переходилъ. Онъ, несомнѣнно, былъ честолюбцемъ прежде всего и больше всего; онъ считалъ имперію незыблемо прочною и думалъ, и высказывалъ, что непримиримая позиція республиканской партіи осуждаетъ и партію, и его, пока онъ въ ней числится,—на бездѣйствіе и прозябаніе; его идеаломъ было бы примирить партію съ имперіей, но онъ понялъ безнадежность предпріятія и выступилъ на эту дорогу — одинъ. „Интеллектъ" тотчасъ же подыскалъ и теоретическое оправданіе для тенденціи „воли": невозможность демократизировать и освободить Францію иначе, какъ въ союзѣ съ имперіей. И Оливье ухватился за это оправданіе, — и болѣе чѣмъ вѣроятно, что, дѣйствительно, въ концѣ концовъ въ это увѣровалъ, убѣдилъ себя,—и теперь, чрезъ сорокъ лѣтъ—кто знаетъ? можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что не честолюбіе, а именно эта политическая идея опредѣлила его участь? Можетъ быть ему и въ самомъ дѣлѣ не приходитъ въ голову, что для постороннихъ все-таки останется, въ случаѣ такого предположенія, совершенно неясною таинственность его сношеній съ правительствомъ, отсутствіе смѣлости высказать гласно и открыто свой новый символъ вѣры, отсутствіе попытокъ вести открытую пропаганду въ обществѣ—въ этомъ направленіи, неизмѣнно любезное и кроткое отношеніе къ правительству, особенно, пока оно было сильно,—хотя бы правительственные

Digitized by Google

акты самымъ рѣшительнымъ образомъ мѣшали идеямъ Олливье осуществиться и т. д. и т. д. Но насъ мало интересуетъ тутъ моральная сторона вопроса; мы видѣли, какъ произошелъ разрывъ между Олливье и его партіею,—посмотримъ теперь, какъ встрѣтились они врагами.

Даже самый интимный другъ Олливье—Пикаръ, больше всѣхъ и дольше всѣхъ его защищавшій, не вѣрившій никакимъ слухамъ, въ концѣ концовъ, отвернулся отъ него и пересталъ его узнавать при встрѣчахъ; внѣ палаты также, хоть и сравнительно медленно, вокругъ Олливье дѣлалась пустота.

Отказавшись отъ своего прошлаго, порвавши связи, долгіе годы создававшіяся и укрѣплявшіяся, Олливье предался размышленіямъ: какъ ему держать себя теперь. У него такъ и называется особая глава въ исторіи этого періода: „Meditations personnelles“. Попробовать опять занять мѣсто въ республиканскомъ лагерѣ—онъ ни минуты не думалъ, такъ какъ партія именно и отреклась отъ него, не желая слѣдовать по пути, который онъ считалъ единственно правильнымъ. Съ другой стороны—правительственное большинство тоже не прельщало Олливье: „оно презирало бы меня, если бы я смѣшался съ его стадомъ“, размышлялъ онъ. „Но я не былъ доведенъ ни до одной изъ этихъ двухъ крайностей“, продолжалъ онъ размышлять далѣе: „со времени моего соглашенія съ Морни я опирался на могущественнаго помощника, къ которому я питалъ полное довѣріе. Я бы продолжалъ свое либеральное начинаніе одинъ, безъ него, даже противъ него, насколько же сильнѣе укрѣплялся я въ рѣшимости продолжать это дѣло съ его помощью. Итакъ, я провелъ эти нѣсколько мѣсяцевъ (каникулъ) въ полномъ спокойствіи человѣка, который не сожалѣетъ о томъ, что сдѣлалъ и нисколько не сомнѣвается относительно того, что онъ сдѣлаетъ“. Тутъ Олливье явственно выдаетъ одну изъ основныхъ роковыхъ ошибокъ всей своей политической карьеры: онъ считалъ имперію незыблемо прочной и всемогущей,—и ему суждено было до конца карьеры пребывать въ этомъ заблужденіи. Судьба готовила ему нѣчто вродѣ предостереженія.

Предъ началомъ сессіи 1865 года онъ побывалъ у Морни, и герцогъ порадовалъ Олливье извѣстіемъ, что императоръ и Руэр оба очень довольны имъ. Они условились, что Олливье опять долженъ выступить докладчикомъ по какому нибудь важному законопроекту. Морни по прежнему держался удобной тактики: онъ говорилъ о необходимости либеральныхъ реформъ, о сформированіи либеральнаго кабинета, и вмѣстѣ съ тѣмъ все гру-

Digitized by Google

стилъ, что императоръ противится этимъ благимъ начинаніямъ. Заходила рѣчь и о назначеніи Олливье министромъ, но все это было какъ-то вскользь. Все-таки Олливье всякому слуху о мнимомъ начинающемся либерализмѣ высшихъ сферъ придавалъ огромную важность; въ Морни онъ уже давно былъ увѣренъ.

Вдругъ герцогъ Морни заболѣлъ—и неожиданно для всѣхъ, 10-го марта 1865 года—скончался.—Послѣ императорской четы объ этомъ человѣкѣ больше всего горевали: реакціонеръ министръ Руэ и—либералъ Эмиль Олливье. Руэ повторялъ: „онъ былъ головою, а я—рукою, какъ же я буду дѣйствовать теперь?“ А Эмиль Олливье видѣлъ въ смерти герцога „крушеніе всѣхъ политическихъ плановъ, готовыхъ уже осуществиться“. Конечно, нечего и говорить, что Руэ говорилъ истину, а Олливье—фантазировалъ. Первый работалъ, а второй только разговаривалъ съ герцогомъ Морни.

Итакъ, случайно рухнула твердая стѣна, о которую хотѣлъ опереться раскаявшійся республиканецъ, не любившій ни большинства, ни меньшинства въ Законодательномъ Корпусѣ. Оставалось стучаться въ другія двери. Олливье заводитъ болѣе тѣсныя сношенія съ принцемъ Наполеономъ и занимается съ нимъ либеральными комбинаціями и выработкою ближайшей программы; Олливье встрѣчается съ министромъ народнаго просвѣщенія Дюрюи и пускается съ нимъ въ откровенности, говоритъ объ императорѣ „съ восхищеніемъ и признательностью“; говоритъ министру „многозначительно“: „еще одинъ законъ вродѣ закона о коалиціяхъ—и рабочіе лѣтъ на пять перестанутъ заниматься политикою;“ считаетъ своимъ долгомъ заявить министру о своемъ вчерашнемъ товарищѣ по партіи: „какъ жаль, что г. Жюль Симонъ проституируетъ свой талантъ, льстя страстямъ;“ дальше, Олливье показалъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ твердой власти („съ императоромъ Наполеономъ во главѣ насъ“) и „мудро демократичнымъ“. Обо всѣхъ этихъ изъясненіяхъ Эмиля Оливье Дюрюи немедленно далъ знать, конечно, императору, для котораго они предназначались. Послѣдствій всѣ эти выходки пока не имѣли.

Человѣкъ самолюбивый, человѣкъ, не желавшій ни „льстить страстямъ“, будучи въ оппозиціи, ни смѣшаться „со стадомъ“ большинства,—Оливье и не замѣтилъ, какъ очутился въ положеніи дѣятеля, жаждущаго улыбки свыше, ибо безъ этой улыбки онъ—ничто. И читая страницу за страницей, томъ за томомъ эти мемуары, мы вполнѣ понимаемъ, что это случилось незамѣтно и какъ-то само собою: мы сами не можемъ, читая, услѣдить, какъ развивался этотъ медленный, но непрерывный процессъ въ

Digitized by Google

отношеніяхъ между Оливье и дворомъ, не можемъ именно потому, что предъ нами какъ бы развертывается длинный свитокъ, гдѣ жизнь Оливье разсказана чуть не день за днемъ. Онъ обманывается или обманываетъ мало свѣдущихъ читателей, когда увѣряетъ, будто его рѣчь въ началѣ сессіи 1865 года ожидалась всѣми съ нетерпѣніемъ. Напротивъ, кромѣ Жирардэна и бонапартистскихъ органовъ нигдѣ и ни въ комъ особаго интереса это его выступленіе, повидимому, не возбудило. Онъ опредѣлился почти вполнѣ; и если не всѣ, то большинство его бывшихъ друзей знали, для кого и зачѣмъ онъ будетъ говорить. Оливье высказалъ почтительную грусть по поводу смерти герцога Морни, президента Законодательнаго Корпуса, затѣмъ воздалъ должное какому-то либерализму, который онъ усмотрѣлъ въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ правительства и, наконецъ, полемизировалъ съ мнѣніемъ оппозиціи, что правительство „не только не приближается къ свободѣ, но удаляется отъ нея". Было также высказано имъ туманное по формѣ, но необычайно ясное и всѣмъ понятное по существу политико-философское соображеніе:... „демократіи, столь могущественной, но и столь неопытной, какъ наша, необходима, какъ противовѣсъ, энергичная и концентрированная власть". Вся рѣчь была усѣяна почтительными приглашеніями правительству — вступить на путь реформъ. „Я не колеблясь заявляю громко съ сегодняшняго дня, что мое самое искреннее, самое пламенное желаніе заключается въ томъ, чтобы правительство императора укрѣпилось свободою. Я думалъ нѣкоторое время, что образъ правленія въ высшей степени важенъ, и что этотъ вопросъ главенствуетъ надъ всѣми другими: это была ошибка. Лучшее правительство есть то, которое существуетъ,—съ того времени какъ нація его приняла". Ибо если, „къ несчастью", вопросъ о прогрессѣ люди подчиняютъ вопросу о формѣ правленія,—то приходится прибѣгать къ революціоннымъ средствамъ. А революціонными средствами Оливье, какъ онъ категорически поспѣшилъ заявить, считаетъ не только возстанія и насилія, но также опороченіе (правительства), преувеличеніе обидъ, умаленіе того, что клонится къ исправленію зла, „критику съ цѣлью лишить уваженія, а не исправить" и „тысячу маневровъ" въ такомъ родѣ. Это уже было со стороны бывшаго республиканца такое расширеніе понятія о революціонности, къ которому могла лишь съ восторгомъ присоединиться самая реакціонная группа наполеоновскаго двора. При такихъ заявленіяхъ всѣ либеральныя пожеланія и ожиданія, сказывавшіяся въ этой рѣчи, должны были истиннымъ либераламъ (не говоря уже о республиканцахъ)

Digitized by Google

показаться словесными побрякушками, лишенными всякаго реальнаго содержанія; Оллivье упоминаетъ, правда, будто Жюль Фавръ хорошо отозвался „объ ораторѣ, если не объ его доктринѣ". И это могло быть. Оллivье говорилъ, какъ ораторъ, очень хорошо. За то доктрина очень понравилась императору, который объ Оллivье, наконецъ, отозвался благосклонно.

Республиканцы въ эту сессію старались возможно рѣшительнѣе подчеркнуть всю непримиримость своей позиціи, насколько это вообще было возможно при драконовскомъ регламентѣ и чрезвычайно обидчивомъ новомъ предсѣдателѣ (Шнейдерѣ), назначенномъ, послѣ смерти Морни. Имъ какъ будто не терпѣлось оправдаться предъ обществомъ въ своемъ долгомъ молчаніи и „попустительствѣ" Эмилю Оллivье. А для него „идея" окончательно сосредоточилась на жаждѣ поскорѣе стать лицомъ къ лицу съ единственною, по его сужденію, реальною силою, руководившею дѣлами. И это ему удалось, хотя этотъ первый шагъ не повлекъ за собою никакихъ непосредственныхъ послѣдствій.

Удалось Эмилю Оллivье сначала пробраться въ какую-то комиссію по улучшенію быта малолѣтнихъ преступниковъ. Дѣло было не въ комиссіи и не въ малолѣтнихъ преступникахъ, а въ императрицѣ Евгеніи, которая все это затѣяла послѣ случайнаго посѣщенія Рокетской тюрьмы. Попавши туда, попалъ онъ и на частную аудіенцію къ императрицѣ, а у императрицы увидѣлся, наконецъ, и съ самимъ Наполеономъ III. Разговоръ зашелъ о разныхъ предметахъ. Наполеонъ III спросилъ у Оллivье, каково настроеніе рабочаго класса (неизвѣстно почему полагая, что тотъ можетъ это знать). Оллivье настроенія рабочаго класса, конечно, не зналъ, но за то зналъ истинно-придворнымъ инстинктомъ,—хотя впервые былъ во дворцѣ,—что именно ему слѣдуетъ сказать. Онъ отвѣтилъ, что со времени закона о коалиціяхъ антидинастическія чувства рабочихъ уменьшились, но что возрастаютъ требованія свободы. Затѣмъ Оллivье пишетъ, будто онъ говорилъ императору о вредѣ оффиціальныхъ кандидатовъ и о свободѣ печати. Защита свободы печати была на этотъ разъ довольно своеобразна. Онъ сказалъ о вредѣ системы предварительныхъ разрѣшеній на изданіе — и предостереженій за провинности и тутъ же добавилъ: „Правительство вашего величества болѣе либерально, нежели ваше величество предполагаете. Въ дѣйствительности — свободы недостаетъ въ провинціи, но въ Парижѣ пресса имѣетъ достаточно свободы, чтобы дѣлать вамъ все зло, какое возможно" и т. д. Не надо забывать, что пресса была тогда подавлена, но за ней была серьезная вина: она не переставала (въ лицѣ независимыхъ

Digitized by Google

органовъ) преслѣдовать, насколько было возможно по цензурнымъ условіямъ,—Олливье за его перемѣну, которая прозрачно квалифицировалась, какъ предательство. И „защита“ угнетенной прессы предъ лицомъ угнетателя вышла въ устахъ Олливье достаточно страстною по тону. Оба собесѣдника чрезвычайно пришлись другъ другу по вкусу. Императоръ сказалъ между прочимъ: „Г. Эмиль Олливье не есть, какъ меня хотѣли увѣрить,—честолюбецъ; довольно его видѣть одно мгновеніе, чтобы убѣдиться, что это—человѣкъ честный, человѣкъ убѣжденный“. И уже придворная атмосфера, какъ вино у непривычнаго человѣка, ударила въ голову Эмиля Олливье; уже онъ трепещетъ отъ удовольствія, когда Евгенія ему протягиваетъ карандашикъ, уже онъ польщенъ, что императоръ говорилъ съ нимъ, молчалъ при немъ, вставалъ, ходилъ, сидѣлъ,—все это важно и значительно въ его глазахъ. Монархъ его гипнотизируетъ и становится для него магнитомъ.

„Онъ продается, а его все не покупаютъ“,—въ такомъ родѣ иронизировали враги Эмиля Олливье. Но, во-первыхъ, ему казалось, что онъ не продается, а отдаетъ свои таланты имперіи, если имперія согласится съ его программою, такъ онъ себя убѣдилъ; а во-вторыхъ, его пробовали купить уже въ эти годы. Дѣло въ томъ, что его приняли за слишкомъ ужъ обыденнаго политическаго авантюриста, который за деньги мгновенно пойдетъ на что угодно. А Олливье, если даже допустить самый безпощадный надъ нимъ приговоръ,—все-таки былъ потоньше и посложнѣе. Министръ Лавалеттъ предложилъ ему отъ имени какихъ-то неясныхъ „банкировъ или капиталистовъ“ основать большую газету; на это отпускалось 1½ милліона франковъ, а жалованье Эмилю Олливье назначалось въ 40.000 въ годъ. Императрица Евгенія была умнѣе Лавалетта,—она уже раньше сказала по поводу этого плана: „онъ не согласится“. И, дѣйствительно, Олливье отказался. Онъ хотѣлъ власти, а не денегъ, новъ 1866 году имперія еще крѣпилась,— и Олливье напрасно ждалъ приглашенія въ Тюльери.

Императоръ, открывая сессію 1866 г., произнесъ тронную рѣчь, въ которой давалъ рѣшительный отпоръ всѣмъ либеральнымъ поползновеніямъ и ожиданіямъ. Олливье ставитъ какъ бы въ заслугу себѣ твердость своихъ убѣжденій касательно имперіи, даже въ эти тяжелыя для его оптимизма времена. Какъ будто онъ могъ уже сойти съ этой дороги, какъ будто онъ не зависѣлъ теперь всецѣло отъ капризовъ людей, къ которымъ онъ перебѣжалъ! „Политика Мирабо,—пишетъ Олливье,—очищенная отъ всего, что ее компрометировало, есть единственная, какую подобаетъ усвоить

Digitized by Google

во всѣхъ странахъ, гдѣ новыя идеи борются съ монархомъ, который имъ противится. Есть предпріятія, которыя необходимо пытаться осуществить, даже если вѣроятенъ неуспѣхъ". И Оливье продолжалъ осуществлять свое „предпріятіе". Онъ еще разъ видѣлся съ императрицей и убѣждалъ ее въ пользѣ либерализма для имперіи. Онъ все подчеркивалъ необходимость для имперіи „привлечь къ себѣ молодежь", которая, сказалъ онъ: „не будетъ у васъ, если вы не дадите ей возможности придти къ вамъ, сохраняя свое достоинство".—„Вы правы,—*съ живостью* сказала императрица:—тѣ, которыхъ пріобрѣтаешь, заставляя ихъ утрачивать свое достоинство, ни къ чему не нужны". Что это было въ послѣдней фразѣ? Ядовитая иронія по адресу собесѣдника"? Вѣдь онъ-то „пришелъ" къ имперіи *до* того, какъ была дана (по его же словамъ) возможность придти къ ней, сохраняя свое достоинство? Или это не имѣло такого смысла и нужно было больше вѣрить банальному привѣтствію, которымъ потомъ закончилось свиданіе?

Руэ и реакція были всемогущи, на Оливье не обращали во дворцѣ никакого вниманія, время отъ времени отдѣлываясь небрежными комплиментами, передаваемыми черезъ третьихъ лицъ. Мало того: Руэ, явный врагъ „идеи" Оливье—считалъ возможнымъ ни въ малѣйшей степени не считаться съ нимъ и третировалъ его иной разъ довольно замѣтно. Для роли Мирабо Эмилю Оливье рѣшительно недоставало „революціи", которую онъ такъ ненавидѣлъ. Въ эти годы онъ сдѣлалъ было попытку образовать свою партію въ Законодательномъ Корпусѣ, и объ этой „попыткѣ" даже поговорили. Но и партія эта, и весь Законодательный Корпусъ—все это было для Оливье—психологически—то же самое, приблизительно, что, напр., комиссія о малолѣтнихъ преступникахъ, посредствомъ которой онъ познакомился съ императрицей: все это были средства и уловки обратить на себя вниманіе, попасть въ совѣтники къ императору. И вотъ грянулъ, наконецъ, громъ надъ имперіей—и Оливье рѣшилъ что его часъ приближается. Въ общемъ онъ въ этомъ отношеніи не ошибся, хотя и слишкомъ предвосхищалъ событія.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Е. Тарле.

Digitized by Google

ДУБРАВА.

(Изъ Л. Пфау).

Вся движется—шумитъ священная дубрава,
Работѣ творческой нѣтъ отдыха на мигъ,
Неизсякаемый изъ камня бьетъ родникъ,
Со всѣхъ вѣтвей звучитъ веснѣ хвала и слава.

Цвѣтами яркими пестрѣетъ мурава,
Деревья разрослись тѣнистыми шатрами;
Но пастырь здѣсь уже, съ людьми и топорами;
На срубъ обречена обитель божества.

Изъ вѣковыхъ стволовъ сколачиваютъ зданье;
Оттуда изгнаны любовь, весна и свѣтъ—
Людьми назначено здѣсь Богу пребыванье!

Для Духа-Зодчаго въ природѣ мѣста нѣтъ!
Отнынѣ тѣсная тюрьма—ему жилище,
Отнынѣ Божій міръ—часовня на кладбищѣ!

В. Лихачевъ.

Digitized by Google

Мамонтъ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Поперекъ села медленно пролетѣли птицы и скрылись за мельницей. Гдѣ-то далеко, за неоглядно ровными полями два раза закричалъ паровозъ, и его дикій звукъ пробѣжалъ по землѣ. Отъ рѣки потянуло сладкимъ запахомъ лозняка,—и все затихло.

Это вечеръ. Онъ пришелъ тихо, незамѣтно, словно подкрался, и когда Марья Васильевна вышла на крыльцо, она увидала, какъ вдали начинаютъ дымиться и синѣть поля.

— Господи, уже вечеръ,—сказала она и задумалась.

Весенніе дни идутъ быстро, и среди хлопотъ она не замѣчаетъ, какъ проходитъ весна и, можетъ быть, не замѣтитъ, какъ наступитъ осень. Мать старѣетъ съ каждымъ днемъ и смотрѣть за усадьбой приходится ей. Въ безтолковыхъ хлопотахъ пройдетъ все лѣто и осень, и въ городѣ ей побывать не удастся. Въ театрѣ она не была два года, не видала даже митинговъ, и когда приходятъ столичныя газеты, ее охватываетъ долгая тупая тоска и отчего-то ноютъ корни волосъ,—не то отъ зависти, не то оттого, что безвозвратно уходятъ годы. Она живетъ только „научностью“, какъ выражается кучеръ Гаврила. Съ давнихъ поръ она питаетъ пристрастіе къ научнымъ занятіямъ по ботаникѣ, біологіи и агрономіи и хорошо дѣлаетъ препараты, которые даритъ земству. Въ популярномъ журналѣ были помѣщены двѣ ея статьи, а изъ сельскохозяйственнаго Вѣстника ей присылали для рецензіи книги и помѣстили ея фамилію въ спискѣ сотрудниковъ.

Эту любовь къ наукѣ она переняла отъ покойнаго отца,

Digitized by Google

но только расходилась съ нимъ во взглядѣ на нее. Онъ уважалъ чистую науку. Такой онъ считалъ астрономію, математику и лишь отчасти анатомію растеній. Покойникъ выписывалъ себѣ изъ Москвы самыя дорогія книги, а изъ Нижняго-Новгорода регулярно каждый годъ получалъ какой-то астрономическій календарь и няньчился съ нимъ, какъ съ ребенкомъ. Въ уѣздѣ онъ считался чудакомъ, тѣмъ болѣе, что имѣніе съ каждымъ годомъ приходило въ упадокъ и постепенно распродавалось мужикамъ. Въ этомъ глухомъ мѣстѣ онъ называлъ себя піонеромъ науки, считалъ это своей миссіей,—и та же мысль вкоренилась и у Марьи Васильевны. Только она придавала большее значеніе прикладнымъ наукамъ.

Временами ей казалось, что настойчивымъ распространеніемъ научныхъ свѣдѣній она приноситъ населенію огромную пользу и такъ же, какъ отецъ, ясно опредѣляла свою роль насадителя науки, какъ центръ духовной жизни уѣзда,—и гордилась этимъ передъ собою и передъ тѣми, кто ее окружалъ.

И едва лишь прокрадывались въ голову постороннія мысли, она хваталась за работу, сидѣла до поздней ночи и возбуждала себя открытіями, которыя она сдѣлаетъ, и засыпала, обезсиленная и уставшая.

Такъ идутъ дни, недѣли и годы.

„Завтра я встану въ пять",—подумала она и вздохнула.

Скрипнула калитка отъ палисадника. Вошелъ кучеръ Гаврила.

Окруженный роемъ комаровъ, онъ принесъ съ собой сильный запахъ пота и сапогъ и, держа въ рукахъ кнутъ, былъ нѣсколько взволнованъ.

— Чего тебѣ, Гаврила?—спросила она.

— Да вотъ я къ вамъ насчетъ новаго изобрѣтенія,—отвѣтилъ онъ и посмотрѣлъ, какое впечатлѣніе произведутъ его слова.

— Какое изобрѣтеніе?

Марья Васильевна знала его любовь къ вычурнымъ словамъ, и когда она, бывало, объясняла крестьянамъ что-нибудь, по агрономіи, онъ вслушивался и затѣмъ вмѣшивался въ разговоръ. Говорилъ онъ съ апломбомъ и, какъ это ни странно, его замысловатыя фразы усваивались гораздо быстрѣе, чѣмъ ея объясненія. Онъ служилъ въ драгунахъ и считалъ крестьянъ неизмѣримо ниже себя, а къ господамъ

Digitized by Google

обнаруживалъ сильное тяготѣніе и выражался „по-господски“.

— Какое изобрѣтеніе?

— Да вотъ Чудновъ Емельянъ изъ Мышкина пріѣхалъ. Сказываетъ, что будто шкелетъ нашли. Брали весной глину изъ оврага, для удовлетворенія, видятъ—кости торчатъ. Ну, извѣстное дѣло, дурачье! Стали баловаться, а которые взяли на топорища. Потомъ бросили. А теперь говорятъ, будто у одного тамъ отъ этихъ самыхъ костей эпидемія пошла.

— Какая эпидемія? Что ты толкуешь!

— Да такъ что-то. Ноги, говорятъ, у него вспухли. Дурачье, больше ничего. Непонимающіе. Хотятъ эти кости сжечь. Такъ вотъ я думаю, не съѣздить-ли туда вамъ, барышня? Вы вотъ давеча говорили насчетъ изобрѣтеній.

— О раскопкахъ я говорила.

— Такъ точно: раскопки. Народъ глупый. Ничего не понимаетъ. Я и говорю: съ мертвой костью шутки плохія. Нельзя. Отъ нея можетъ эпидемія пойти. А они не понимаютъ.

— Какая тамъ эпидемія! Что ты глупости говоришь. А кости большія, ты не знаешь?

— Кости, говорятъ, большія. Такъ что, аршина полтора. А вѣсомъ больше пуда. Глупый народъ. Брали глину изъ оврага послѣ весенняго разлива, видятъ кости. Стали баловаться. Нешто такъ можно. А, можетъ быть, она драгоцѣнная?

Марья Васильевна заинтересовалась. Въ губерніи уже нѣсколько разъ находили скелеты мамонтовъ и другихъ какихъ-то гигантскихъ животныхъ, и ей давно уже хотѣлось позаняться палеонтологіей и, если удастся, написать статейку.

— Хорошо, Гаврила. Завтра послѣ обѣда поѣдемъ. А ты пока разузнай, къ кому тамъ надо обратиться.

— Чудновъ Емельянъ,—онъ знаетъ. Будьте покойны. Узнаю. Народъ глупый, деревенскій. А я сейчасъ подумалъ: изобрѣтеніе. Ну, стало быть, надо его удовлетворить.

Идея поѣхать въ Мышкино показалась ей заманчивой. У нея даже мелькнула мысль, что она, можетъ быть, натолкнется на что-нибудь замѣчательное и внесетъ въ науку вкладъ, интересный и цѣнный. Ее отмѣтятъ. Она не проживетъ безслѣдно въ своей усадьбѣ, въ блѣдной роли помѣщицы и школьной учительницы.

И она забывала о быстро шагающихъ дняхъ весны, о

Digitized by Google

личной жизни, о театрѣ и мечтала о наукѣ, о глубочайшихъ ея выводахъ, о широкихъ обобщеніяхъ и о удивительномъ устройствѣ вѣнца творенія—человѣкѣ.

II.

Выѣхали въ два часа.

Встала со своего кресла, съ которымъ никогда не разставалась, и мать Марьи Васильевны и озабоченно думала о томъ, что Машѣ надо взять съ собой.

— Возьми лупу. Пригодится. А то и двѣ лупы. Папаша безъ лупы никуда шагу не дѣлалъ.

Всѣ были серьезны и, казалось, что предстоитъ что-то важное, рѣшающее. Гаврила, одѣтый ради поѣздки въ синіе рейтузы, которые остались у него еще со службы, объяснялъ что-то кухаркѣ, тоже, должно быть, о раскопкахъ и о найденныхъ костяхъ.

Суетились, какъ передъ далекимъ отъѣздомъ.

— Возьми ланцетъ,—вспомнила вдругъ мать.—Навѣрно понадобится.

— Для чего же ланцетъ, мама!—нервничала Марья Васильевна.—Для чего?

— Ну, бритву.

— Зачѣмъ бритву?

Но подумала о томъ, что дѣйствительно надо взять на всякій случай бритву или ножикъ.

Кряхтя и вздыхая, мать принесла ланцетъ.

— Я не возьму ланцета,—раздраженно закричала Марья Васильевна,—достаточно и перочиннаго ножа.

Мать махнула рукой и снова усѣлась въ кресло, обиженная, что ее не слушаютъ.

Когда былъ живъ покойникъ, думала она, онъ совѣтовался съ ней обо всемъ и безъ нея ничего не предпринималъ. Можетъ быть, отъ этого-то и наука у дочери подвигается не такъ быстро.

Смахивала слезу и шептала про себя слова обиды, не желая даже посмотрѣть въ окно и отвѣтить на поклонъ Маши.

Ѣхали по косогору, на самомъ солнцепекѣ, и курчавая пшеница стлалась по обѣимъ сторонамъ, милая и беззаботная. Былъ конецъ мая, горячій и знойный, и отъ черной земли шелъ густой запахъ теплорода и замѣтно струился

Digitized by Google

въ недвижномъ воздухѣ. Верстъ на пятнадцать вокругъ видны были пашни, сонныя, кроткія, и глазъ пристально искалъ темную фигуру человѣка и нигдѣ не находилъ. Только далеко на горизонтѣ, гдѣ плавно поднимался бархатно-зеленый бугоръ, полевой вѣтеръ бережно колыхалъ жнивье, и упорно казалось, что кто-то большой и покорный тихо и крѣпко задумался.

Черезъ три часа пріѣхали.

Гаврила слѣзъ съ козелъ и, хлопая кнутомъ по окнамъ, вызывалъ на улицу мужиковъ.

— Еременъ Никита, гдѣ квартируетъ?

Никто не зналъ.

— Эта какой же? — спрашивали мужики. — Гундосый, что ли?

— Да я почемъ знаю!—злился Гаврила.—Обыкновенно: Еременъ Никита, вотъ и все.

И не упустилъ случая, чтобы снова не пожаловаться:

— Непонимающій народъ. Никакого разсужденія. Вотъ ерунда!

Пока онъ поилъ лошадь, мужики о чемъ-то совѣщались и потомъ гурьбой подошли къ Марьѣ Васильевнѣ, смущенные и робкіе.

— Вы, барышня за какимъ дѣломъ пріѣхали?—спросилъ одинъ изъ нихъ, худой и высокій.

— Тутъ, говорятъ, кости кто-то нашелъ. Хотѣла посмотрѣть.

— Такъ,—процѣдилъ худой.—А мы думали, будете изъяснять насчетъ земли. Безземелье у насъ. А кости, это у Никиты.

— Что же вы молчите?—закричалъ Гаврила.—Вотъ замѣчательный народъ! У нихъ спрашиваютъ, а они говорятъ: гундосый. Никакого разсужденія, хоть ты что!

Отыскали Никиту. Онъ вышелъ нѣсколько встревоженный, недоумѣвающій и никакъ не могъ понять, чего отъ него хотятъ.

— Кости я нашелъ, это вѣрно. Вижу въ глинѣ лежатъ, отчего не взять. Всѣ таскали, кто за чѣмъ. И я взялъ. А теперя у Пахома ноги вспухли. Должно, отъ этихъ самыхъ костей. Только я тутъ не причемъ. Ежели прикажутъ отдать, отдамъ.

— Отъ костей ноги не болятъ,—авторитетно заявилъ Гаврило,—а ты лучше ихъ покажи.

Digitized by Google

Никита пошелъ подъ навѣсъ, все еще встревоженный, повозился у саней и скоро возвратился съ гигантской костью.

Это былъ обломокъ ножной кости, длиною болѣе аршина, съ громадной булдыжкой на концѣ, и вѣсилъ онъ приблизительно около пуда. Сохранилась она превосходно, вся бѣлая и чистая, и Марьѣ Васильевнѣ было ясно, что это остатки мамонта.

Она прикасалась къ ней съ любопытствомъ и съ благоговѣніемъ, сгорая отъ желанія получить ее.

Гаврила тоже серьезно разглядывалъ кость, но было видно, что онъ еще ничего не можетъ сказать относительное нея, пока объ этомъ не выскажется барышня.

— Вы можете продать мнѣ эту кость?—спросила Марья Васильевна.

— Чего это?

— Продать ее,—повторилъ Гаврила,—желаешь?

— Продать?—съ изумленіемъ переспросилъ Никита.—А на что она вамъ?

— Для научности,—отвѣтилъ Гаврила и тутъ же прибавилъ:

— Да это не твое дѣло. Продай и все.

Никита стоялъ и чесался. Онъ былъ въ большомъ смущеніи. Только что онъ еще думалъ, что изъ-за костей можетъ выйти непріятность и готовъ былъ освободиться отъ нихъ, а теперь дѣло приняло другой оборотъ.

— Кость чистая, хорошая,—наконецъ отвѣтилъ онъ.—Въ глинѣ я ее нашелъ. Чего-жъ! Продать можно. А сколько дадите?

— Ну, рубль я вамъ дамъ,—сказала Марья Васильевна и ждала отвѣта.

Никита молчалъ.

— А какой это звѣрь?—спросилъ онъ.

— Мамонтъ.

— Такъ,—проронилъ Никита, нисколько не поражаясь, точно мамонтовъ онъ видалъ на своемъ вѣку не мало, и опустилъ голову, вздыхая и что-то обдумывая.

— Чего-жъ! продать можно. Только вотъ, какъ братъ скажетъ. Безъ брата нельзя, потому онъ мнѣ старшой. А ежели согласится, такъ еще надо поѣхать въ городъ и узнать, почемъ нынче мамонты эти самые. Такъ вѣдь нельзя.

Марья Васильевна вздрогнула и густо покраснѣла отъ

Digitized by Google

неожиданности. Становилось какъ-то неловко, какъ отъ большой обиды или недовѣрія.

Ей часто приходилось имѣть дѣла съ мужиками и всегда она наталкивалась на подозрительность, къ чему уже привыкла и не обижалась. Но теперь ей было мучительно непріятно, въ связи съ тѣмъ намѣреніемъ, съ которымъ она ѣхала сюда. Боязнь Никиты продешевить свою находку ужасала ее и вызывала въ ней чувство какой-то разочарованности и одиночества.

А въ то время, какъ она и Гаврила толковали съ Никитой, ихъ окружила толпа крестьянъ и съ любопытствомъ прислушивалась къ разговору.

— И чтой-то господа выдумываютъ—долетало до нея.

Марьѣ Васильевнѣ становилось невыносимымъ стоять здѣсь и хотѣлось уйти. Гаврила, встрѣчая насмѣшливые взгляды и ироническія замѣчанія, понизилъ свой авторитетный тонъ, а потомъ и совсѣмъ замолчалъ.

— А не можете ли вы проводить насъ къ оврагу, гдѣ отыскали эту кость?—нашлась вдругъ Марья Васильевна.

— Проводить? А вамъ на что?—подозрительно спросилъ Никита.

— Просто посмотрѣть. Проводите, я вамъ заплачу.

Онъ пошелъ отнести назадъ свою находку и теперь уже бережно покрылъ ее рогожей, считая ее цѣнной и рѣдкой. А затѣмъ, когда сѣлъ вмѣстѣ съ Марьей Васильевной на линейку, снялъ шапку и озабоченно-серьезно, точно взвѣшивалъ всѣ данныя, негромко произнесъ:

— Должно у Пахома ноги отъ старости вспухли. Вѣдь кость дорогая, хорошая.

III.

Оврагъ былъ отъ Мышкина на разстояніи версты, и когда подъѣзжали, то еще издали виднѣлась длинная-длинная лента, рѣзавшая черноземъ на двѣ части.

Слѣва тянулась и уходила къ горизонту парина, съ черными пятнами, сплошь выбитая деревенскимъ скотомъ и почти безъ растительности. Три или четыре дубовыхъ побѣга, чахлыхъ и наполовину объѣденныхъ, выстроились вдоль оврага, тихо и уныло пошатываясь, и Марья Васильевн аподумала о томъ, что это, вѣроятно, остатки огромнаго давно погибшаго лѣса. Можетъ быть, много лѣтъ тому

Digitized by Google

назадъ, въ древнія геологическія эпохи, здѣсь гулялъ мамонтъ и за нимъ охотился первобытный человѣкъ, страшный, дикій, обросшій волосами.

На нее вѣяло далекой-далекой стариной, которая еще въ дѣтствѣ рисовалась ей почему-то коричневой краской, и какія-то странныя воспоминанія, точно она переживала это когда-то, плыли въ отдаленіи и рдѣли цвѣтами угасавшаго заката.

— Вотъ здѣсь, — сказалъ вдругъ Никита, соскочивъ съ линейки.

Марья Васильевна подошла къ краю и посмотрѣла внизъ. На самомъ днѣ, узенькой голубой полоской вился ручеекъ, еще не высохшей весенней воды и спотыкался о камни.

— Это не камни,—радостно закричала она вдругъ.—Это кости.

Гаврила быстро спустился по крутому откосу на дно и черезъ нѣсколько минутъ карабкался наверхъ съ двумя буроватыми глыбками. Изъ нихъ составился зубъ, дюймовъ въ 10 ширины и вѣсомъ около семи фунтовъ, большой и уродливый.

Пока осматривали его, на дорогѣ показалась группа крестьянъ, и Никита, пристально всмотрѣвшись, недовольно замѣтилъ:

— Это наши.

Подошло человѣкъ шесть, тѣхъ самыхъ, что спрашивали о причинѣ пріѣзда Марьи Васильевны, и худой былъ вмѣстѣ съ ними. Былъ и еще одинъ, котораго раньше она не видала: маленькій, плюгавый, съ жидкой бороденкой и какими-то тревожно-глупыми бровями. Онъ немного пріотсталъ и за своей спиной что-то боязливо пряталъ.

— Мы насчетъ кости, — сказалъ худой. — Гераська, иди сюда.

Плюгавый выпучилъ животъ и сдѣлалъ два нерѣшительныхъ шага.

— Показывай кость.

Гераська показалъ.

Это была часть бивня, слегка расщепленнаго на слои, но все же сохранившагося. У Гераськи, когда онъ его показывалъ, бѣгали глаза отъ робости и испуга, и казалось, что онъ каждую минуту готовъ былъ удрать со своей драгоцѣнной находкой.

Гераська Мякишъ былъ деревенскій дурачекъ, и то, что

Digitized by Google

онъ одинъ во всей деревнѣ бережно припряталъ найденную кость, угадавъ въ ней какую-то цѣнность, представлялось всѣмъ чудомъ, которое случается только съ блаженненькими и дурачками.

Марья Васильевна взяла кость въ руки и осмотрѣла ее. Если бы это было тотчасъ по пріѣздѣ, она восторгалась бы и чувствовала себя счастливой. Но теперь, послѣ долгихъ разговоровъ съ мужиками, вся ея экскурсія стала принимать какой-то нелѣпый характеръ, печалившій ее и угнетавшій.

— Два рубля дайте, — вмѣшался худой. — Стоитъ. Кость хороша. Очень даже хороша.

Онъ говорилъ тономъ человѣка, увѣреннаго въ себѣ и хорошо знающаго то, съ чѣмъ имѣетъ дѣло, точно всю жизнь торговалъ костями.

— Возьмите, — сказала Марья Васильевна и подала два серебряныхъ рубля.

Онъ взялъ и удивленно оглядѣлъ всѣхъ, зажавши рубли въ маленькой рукѣ.

— Бери, дуракъ,—сказалъ худой,—это за кость.

Гераську окружили и стали съ нимъ о чемъ-то говорить, но онъ, повидимому, мало соображалъ и перекладывалъ съ руки на руку полученныя деньги.

Марья Васильевна уложила кости въ ящикъ, а мелкіе остатки въ коробку отъ гильзъ и заторопилась домой.

Вдругъ среди кучки мужиковъ что-то засуетилось, и мальчишка, котораго Марья Васильевна раньше не замѣтила, подпрыгивая, побѣжалъ обратно въ деревню, что-то сжимая въ грязномъ кулачкѣ.

Гаврила посмотрѣлъ ему вслѣдъ и ожесточенно плюнулъ.

— Дурачье, — сказалъ онъ, — поминать мамонта хотятъ. Вотъ народъ!

— Что?—спросила Марья Васильевна, думая, что ослышалась.

— Мамонта, говорю, поминать хотятъ. На Гераськины деньги. Мальчишку за виномъ послали въ монопольку. Дураки. Безусловный народъ.

— Ѣдемъ, Гаврила,— почти закричала она и зажмурила отъ огорченія влажные глаза.

А Гераська, идіотски ухмыляясь, сталъ притаптывать босыми ногами.

Digitized by Google

Что-то непонятное и неожиданное затомило ея душу и вызвало смущеніе. Она ѣхала сюда съ неподдѣльнымъ подъемомъ, захваченная интересомъ, а возвращалась осмѣянная кѣмъ-то и уничтоженная. Острое отчаяніе сверлило всѣ уголки ея сердца, давило мозгъ и порождало тоску.

И казалось ей, что гдѣ-то, совсѣмъ близко, можетъ быть, даже внутри ея, разрушались красивыя крѣпкія постройки, на которыхъ покоилось что-то нерушимое и увѣренное въ себѣ.

Плакала душа ея, плакало ея сердце, и казались лишними ея двадцать девять лѣтъ, которыя она прожила.

Когда въѣзжали въ Мышкино, навстрѣчу имъ весело бѣжалъ мальчишка и торжествующе прижималъ къ животу большую монопольную бутыль.

IV.

Прошло нѣсколько дней — восемь или девять — и проходили они въ нервномъ ожиданіи чего-то, что должно было разъяснить и разсѣять тупую неясную тоску, овладѣвшую Марьей Васильевной.

Кто-то лукавый и многоликій, какъ звѣздное небо, все время стоялъ возлѣ нея — то впереди, то наверху — и тихо скрипѣлъ мелкимъ нехорошимъ смѣхомъ.

Тамъ, въ деревнѣ, у оврага, рѣзавшаго неоглядную парину на двѣ части, она начала ощущать въ себѣ комъ грѣха передъ темными и несчастными мужиками, и этотъ грѣхъ продолжала испытывать и теперь, подавленная имъ и угнетенная.

Мать зяилась, что кости мамонта лежатъ безъ всякой пользы, и громко, ни къ кому не обращаясь, упоминала о покойномъ мужѣ и какъ-то особенно неделикатно вздыхала безчисленное множество разъ.

Смѣнялись жаркіе дни, цѣлый день несносно жужжали мухи и больно кусались, а со двора несся запахъ свѣжихъ досокъ, отъ котораго болѣла голова и сохло во рту. Ночи были теплыя, неподвижныя, со вспыхивающими зарницами, и порождали знойную лѣнь и тяготу жизнью. Хотѣлось веселья, запаховъ лѣса и рѣки, общества людей.

А на разсвѣтѣ, когда начинали щелкать перепела, и трепетъ утра пробѣгалъ по травѣ, лишенной росы, Марья Васильевна подходила къ калиткѣ, смотрѣла на далекія

Digitized by Google

синія поля и ждала какихъ-то вѣстниковъ, которые разсказали бы ей о шепотѣ черной земли, объ утренней пѣснѣ жаворонка, о счастьи,—обо всемъ томъ, чего наука никогда не узнаетъ и не разскажетъ.

Блѣднѣли и дрожали предразсвѣтныя тѣни. Дулъ вѣтеръ. Начиналось утро.

Марья Васильевна уходила къ себѣ и, укладываясь въ кровать, старалась не смотрѣть на корзинку и на коробку отъ гильзъ, гдѣ лежали нѣмыя кости огромнаго мамонта.

Но ощущеніе обиды и связанное съ нею чувство стыда постеценно испарялось.

Подробности недавней экскурсіи забывались, и Марьѣ Васильевнѣ уже начинало казаться самой, что она слишкомъ близко къ сердцу приняла всю эту смѣшную и нелѣпую исторію.

Однажды вечеромъ, когда и въ домѣ и на воздухѣ было душно отъ неподвижнаго зноя, Марья Васильевна ходила по полисаднику и слушала, какъ щелкали перепела. Была темная ночь, и какая-то напряженность висѣла надъ самой землей. Застыли большія, черныя тучи. Заснули предметы.

Вдругъ гдѣ-то у конюшни послышался деревянный голосъ Гаврилы и еще чей-то.

Марья Васильевна отъ скуки стала прислушиваться.

Въ ночной темнотѣ и въ молчаніи, покрывшемъ деревню, громкіе голоса звучали необыкновенно и странно. Кто-то незнакомый медленно и тягуче началъ разсказывать, и уже по началу было видно, что разсказъ будетъ длинный.

— ...Пріѣхалъ исправникъ, — донеслось въ тишинѣ. — Вызвалъ это къ себѣ старшину—и въ морду. Ты, говоритъ, такой-сякой, чего мнѣ не далъ знать? Какъ нашлось казенное имущество, такъ и долженъ былъ сообщить. На то ты и приставленъ. У кого, спрашиваетъ, кости? Веди меня. Стражниковъ съ нимъ понаѣхало человѣкъ восемь, вмѣстѣ и пошли къ Никитѣ. А тотъ, какъ узналъ отъ барышни, что кости дорогія, спряталъ ихъ въ амбаръ и заперъ. Прятать, говоритъ исправникъ! Такъ вотъ тебѣ! И ему тоже въ морду. Въ Сибирь, говоритъ, заключу. А стражники давай шарить по всей избѣ и ножъ съ ручкой уперли.

— Этъ, дуракъ,—перебилъ Гаврила, — а продать не хотѣлъ. Подѣломъ ему!

— Ну, еще и дурачку тоже въ морду далъ. А кости

Digitized by Google

увезъ губернатору: для слѣдствія, значитъ. А Ѳедоръ Чудновъ, братъ Никиты, онъ въ городъ поѣхалъ. Разскажу, говоритъ, губернатору, что да какъ. Должонъ по закону третью часть дать. Полагается, дескать. Поѣхалъ онъ. Ждемъ, и что-то три дни не вертается. Чтобы, думаемъ, это такое? А его посадили. За то, дескать, что надоѣдаетъ и дерзости говоритъ. Губернатора самого не видывалъ—не допустили, а только слышалъ, что кости эти губернаторъ и видѣть не захотѣлъ. Боялся, что ли. А то еще говорили, будто онѣ не настоящія, а какъ бы поддѣльныя. Кто ихъ тамъ разберетъ! Черезъ три дни Ѳедора выпустили. Пріѣхалъ онъ, а самъ злющій. Погодите, говоритъ, дайте мнѣ учительку повидать, я ей покажу. Чего она народъ смущаетъ. Ну, и всѣ согласились съ этимъ. Кабы не она, то, дѣйствительно, вниманія никакого на кости не было. Вотъ я и говорю тебѣ: пусть она лучше къ намъ не показывается. Имъ что! Они все равно битые, ничего теперь не боятся и могутъ ее обидѣть. Ѣду я въ Спасское, дай, думаю, извѣщу.

— Да, конечно, спасибо тебѣ, — глухимъ испуганнымъ голосомъ проронилъ Гаврила.—Я ей скажу,

— А потомъ еще. Какъ купили тогда водку и стали это поминать мамонта,—подрались тутъ же. Дурачекъ Гераська бутылку разбилъ. А умный Герасимъ, худой онъ такой, валялся на землѣ по пьяному дѣлу и шею себѣ объ осколки порѣзалъ. Крови повытекло,—пропасть. Почитай, полведра. Лежитъ теперь больной, а жена его заявляетъ, будто это отъ кости. И всѣ противъ барышни говорятъ. Такъ вотъ пусть не ѣдетъ. Бѣда будетъ.

Медленный и лѣниво-спокойный разсказъ кончился и опять наступила душная, напряженная тишина.

У Гаврилы токъ соображеній еще, вѣроятно, не прекратился, и мысли не уложились. Было слышно, какъ онъ часто цокаетъ губами, выражая этимъ какую-то досаду и огорченіе.

Попрощались и потомъ вмѣстѣ пошли по направленію къ воротамъ.

Марья Васильевна окликнула ихъ.

Мужикъ изъ Мышкина снялъ шапку и остановился въ молчаніи, повидимому обдумывая, какъ бы выразиться помягче.

— Вотъ что барышня,—сказалъ онъ рѣшительно.—Ѣду

Digitized by Google

я въ Спасское, дай, думаю, заѣду и извѣщу. Потому что народъ теперь опасный пошелъ, забастовщики, а вы молодыя. Вотъ давеча лѣсничій разсказывалъ, будто на трактѣ купца зарѣзали. Господи Іисусе! Оно, правда, обѣднѣлъ народъ. Земли нѣту. Голодали. Каждому человѣку ѣсть надо. Господи Іисусе.

Подумалъ немного и глубоко вздохнулъ.

— А засимъ прощевайте.

И нырнулъ въ темноту, таинственный, какъ заговорщикъ.

Марья Васильевна кивнула ему вслѣдъ и въ изнеможеніи опустила голову на руки, уцѣпившіяся о палисадъ, и въ тупомъ неотвратимомъ отчаяніи стала грызть зубами плохоотесанные старые штахеры.

Оттого ли, что ее слова стала преслѣдовать нелѣпость экскурсіи со всѣми ея смѣшными и печальными послѣдствіями, оттого ли, что передъ ней рельефно обрисовались ея старанія подняться высоко надъ людьми и надъ землей, — ей казалось, что кто-то обидно-грубо подчеркиваетъ ея неумѣнье найти себя и поставить на должное мѣсто.

Тоска и стыдъ заполняли сердце и несносно глодали душу. Плакали безслезые глаза, и губы жаловались кому-то беззвучно и жалко. Полжизни прошли въ безсмысленной суетѣ и порождали суету. Кому она была нужна? Зачѣмъ мамонтъ несчастнымъ и темнымъ мужикамъ? Зачѣмъ Гераськѣ надо было напиться пьянымъ, а худому „умному“ Герасиму порѣзать шею и потерять массу крови? Зачѣмъ должно было такъ случиться, чтобы кости мамонта были положены въ коробку отъ гильзъ, а мать печалилась о потеряхъ въ наукѣ? Почему мужикъ, пріѣхавшій съ добрымъ намѣреніемъ предупредить ее, не могъ толково разсказать, въ чемъ дѣло, и понесъ околесину?

Вспыхивали и потухали далекія зарницы. Не шевелилась ночь, уставшая и лѣнивая. Застылъ удушливый мракъ.

Только гдѣ-то поблизости временами слышался ужасно знакомый глухой отрывистый топотъ, порождавшій чувство заброшенности въ глухой степи: это паслась стреногая лошадь.

Марья Васильевна оторвалась отъ палисада и подавленная направилась въ домъ. У нея было твердое и отчаянное рѣшеніе завтра послѣ обѣда ѣхать въ Мышкино.

Digitized by Google

V.

Заѣхать въ деревню Гаврила отказался на-отрѣзъ, и пришлось сдѣлать крюкъ верстъ въ шесть.

Онъ ходилъ вокругъ линейки, испуганный и насторожившійся, и весь его аппломбъ куда-то вдругъ исчезъ.

Марья Васильевна велѣла ему отъѣхать съ дороги, а сама присѣла на бугоркѣ, откуда видѣла мѣсто, гдѣ прошлый разъ оставила мужиковъ.

Уже пряталось солнце. Красными колоннами горѣлъ вдали рѣдкій саженный лѣсъ, и пыль на дорогѣ уже улеглась. Игриво блестѣли осколки стекла у оврага. Потемнѣли камни, сложенные въ кучу. Повытягивались тѣни. Онѣ исчертили холодкомъ потную землю и туго переплели лѣсныя кочки. Гдѣ-то рядомъ, въ мелкомъ и чахломъ березнякѣ, тревожно свистала какая-то птица, недовольная, что близко люди. Далеко за березнякомъ и за лѣсомъ, надрываясь, закричалъ паровозъ, и эхо два раза повторило его дикій крикъ. Тихо. Кустъ у дороги угрюмо подобралъ подъ себя вѣтви и нанасупился: не мѣшайте.

На западѣ правильными, разступившимися складками легли розоватыя облака, и казалось, что далеко за горизонтомъ открылись вдругъ новыя пространства.

Передъ Марьей Васильевной выростала огромная перспектива не то дороги, не то необъятной равнины, откуда освѣщенные заревомъ шли, шли люди, старые и молодые, съ посохами въ рукахъ, шли шумно, какъ орда, со скрипомъ возовъ, но отчего-то не приближались и оставались далекими.

И думала она: прошло много-много лѣтъ, и какъ были дикарями всѣ тѣ, кто населялъ когда-то эти мѣста, теперь отнятыя у природы, — такъ и остались дикарями. И какъ дикари, убившіе на этомъ мѣстѣ мамонта, не подозрѣвали о крѣпкой преемственной связи съ будущимъ человѣкомъ, такъ и худой Герасимъ, кучеръ Гаврила и дурачекъ не знаютъ о цѣпи и ея звеньяхъ, связывающихъ всѣхъ ихъ съ далекими предками. Гораздо ощутительнѣе ея они испытали эту связь на самихъ себѣ и не знаютъ о ней и никогда знать не будутъ. Какому-нибудь десятку скиѳовъ, которымъ надоѣло питаться желудями и лошадинымъ мя-

Digitized by Google

сомъ, или у которыхъ просто заиграла въ жилахъ звѣриная прыть, пришла охота затравить мамонта. Устроили засаду, пугали крикомъ, протяжно звенѣла въ холодномъ воздухѣ тетива. Шесть-семь скиѳовъ были убиты крѣпкимъ хоботомъ звѣря и раздавлены его тяжелой стопой. И вотъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ все это происходило, гдѣ долго стояли лужи человѣческой крови, Гераська Мякишъ съ ребятами, живущіе въ эпоху рентгеновскихъ лучей и безпроволочнаго телеграфа, распили этого мамонта на два цѣлковыхъ и помянули его грѣшную душу. И снова такая же лужа крови стояла здѣсь нѣсколько дней,—далеко они ушли отъ своихъ предковъ?

Всматривалась въ вечернія розоватыя облака и задавала вопросы одинъ за другимъ.

Что будетъ дальше?

Пройдетъ еще много лѣтъ. Какой-нибудь археологъ, бродя по этому самому мѣсту, найдетъ синевато-зеленый осколокъ бутылки, которую разбилъ Гераська, и остановится въ глубокомъ размышленіи..

— Это искусственный кремнеземъ,—скажетъ онъ.—Судя потому, что отливка произведена довольно правильно, онъ относится къ эпохѣ болѣе позднѣйшей, чѣмъ эпоха мамонта. Тогда цивилизація должна была стоять довольно высоко.

И прочее и прочее.

И станетъ онъ думать, при какихъ обстоятельствахъ могли очутиться здѣсь осколки, и тщетно будетъ вызывать въ своемъ умѣ картины прошлаго.

Потомъ бережно завернетъ этотъ осколокъ въ свой шелковый платокъ, и счастливый, увезетъ его домой, къ себѣ въ кабинетъ. Будетъ изслѣдовать его химическими реактивами, сильнымъ увеличительнымъ стекломъ; обнаружитъ его электрическія свойства и т. д., и т д. Мѣсяца черезъ два онъ отправитъ его въ государственный музей, вмѣстѣ съ обширнымъ докладомъ, изъ-за котораго ему придется потревожить всѣ достоянія науки. Новый лавръ вплететъ это изслѣдованіе въ вѣнокъ ученаго, а музей обогатится рѣдкимъ сокровищемъ.

И будетъ въ музеѣ зубъ мамонта лежать у одной стѣны, осколокъ монопольки у другой и, должно быть, будутъ они—оба выброшенные землей,—переглядываясь другъ съ другомъ, тихо посмѣиваться надъ умнымъ человѣкомъ.

Digitized by Google

Было обидно думать объ этомъ. Было обидно вспоминать, что въ коробкѣ отъ гильзъ лежитъ драгоцѣнный прахъ. Хотѣлось просить у кого-то прощенія. У кого?

— Ѣдемъ, Гаврила, — закричала вдругъ Марья Васильевна.

Гаврила безмятежно храпѣлъ, растянувшись на большой, молчаливой землѣ.

В. Ирецкій.

Digitized by Google

ВЪ ИЗГНАНІИ.

(изъ пѣсенъ повстанцевъ І. Крашевскаго).

Ты знаешь-ли край, гдѣ на грустныхъ могилахъ
Полынь одиноко цвѣтетъ,
Гдѣ небо, какъ въ саванѣ, въ тучахъ унылыхъ,
Ликъ свѣтлый его не блеснетъ...
Гдѣ кости усѣяли мертвое поле—
И лѣсъ отпѣваетъ борцовъ,
А рѣки, вздымаясь отъ слезъ, какъ въ неволѣ,
Средь черныхъ текутъ береговъ..
Край этотъ убогій и вѣчно угрюмый—
Скитальцевъ пріютъ роковой,
Сроднился онъ съ нашей печальною думой
И съ нами онъ плачетъ съ тоской.

А. Лукьяновъ.

Digitized by Google

Критика теоріи и практики синдикализма.

СТАТЬЯ II-я.

Энрико Леонэ и Иваное Бономи.

Энрико Леонэ. — Синдикализмъ. — Переводъ съ итальянскаго Г. Кирдецова.—Съ предисловіемъ автора къ русскому изданію.—Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.—Москва 1907.
Ivanoe Bonomi.—Le vie nuove del socialismo.—1907.—Remo Sandron, editore.—Milano, Palermo, Napoli.

I.

Энрико Леонэ—*„революціонный синдикалистъ“*; Иваное Бономи—*„реформистъ“*. Въ Италіи, какъ и вездѣ, „реформисты“ и „революціонные синдикалисты“, во многомъ расходятся другъ съ другомъ. Они враждуютъ между собою. Но въ первой статьѣ [1]) я уже сказалъ, что они—братья, несмотря на свою взаимную вражду. И достаточно прочитать со вниманіемъ тѣ двѣ книги, названіе которыхъ я выписалъ выше, чтобы убѣдиться въ справедливости этой мысли. Правда, каждый изъ двухъ враждующихъ между собою братьевъ обладаетъ особымъ темпераментомъ; но несходство ихъ темпераментовъ не устраняетъ сходства ихъ физіономій. И не только физіономій: родившись въ одной семьѣ, они долгое время подвергались одинаковымъ вліяніямъ и усвоили много одинаковыхъ стремленій. Тому, кто интересуется состояніемъ и ходомъ всемірнаго рабочаго движенія вообще и итальянскаго движенія въ частности, въ высшей степени полезно поближе всмотрѣться въ ихъ „фамильныя черты“. Мы отчасти уже знаемъ ихъ, благодаря книгѣ Ар. Лабріолы. Но, во-первыхъ, каши масломъ не портятъ, а во-вторыхъ, въ лицѣ Энрико Леонэ мы имѣемъ дѣло съ другой разновидностью итальянскаго „революціоннаго синдикализма“, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ

[1]) „Совр. Міръ“, ноябрь и декабрь 1907 г.

Digitized by Google

болѣе характерна, нежели разновидность, представляемая Ар. Лабріолой. Поэтому давайте изучать теперь Леонэ и сравнивать его взгляды со взглядами реформиста Бономи.

Я начинаю съ Леонэ. И прежде всего замѣчу вотъ что. Э. Леонэ называетъ своего переводчика своимъ талантливымъ другомъ (предисловіе автора къ русскому изданію, стр. III). Я не отказываюсь вѣрить въ талантливость г. Кирдецова, но, безпристрастія ради, я скажу, что онъ плоховато перевелъ книгу своего,—разумѣется, тоже талантливаго,—итальянскаго друга. Не то чтобы онъ искажалъ его мысли; нѣтъ, въ этомъ отношеніи переводъ, въ большинствѣ случаевъ, вѣренъ подлиннику. Однако, мысли Леонэ переведены г. Кирдецовымъ на какой-то странный русскій языкъ, изобилующій не только иностранными словами,—въ родѣ „концепціи", „ситуаціи" и т. п.,—но и прямо смѣшными описками. Вотъ напримѣръ, на стр. 35-ой мы читаемъ: „Онъ (т. е. реформизмъ. Г. П.) въ дѣйствительности не могъ противопоставить ничего положительнаго и закону о классовой борьбѣ". Въ подлинникѣ стоитъ: „alla legge della lotta di classe" (стр. 48). Это значитъ: „закону классовой борьбы". Энрико Леонэ тоже выразился здѣсь очень неудачно,—что не рѣдко случается съ нимъ,—но онъ все-таки выразился не такъ нелѣпо, какъ заставляетъ его выражаться г. Кирдецовъ: Законъ классовой борьбы, — если таковой существуетъ,—такъ же далекъ отъ закона *о* классовой борьбѣ, какъ законъ всемірнаго тяготѣнія далекъ отъ закона *о* всемірномъ тяготѣніи. Насколько мы знаемъ, закона о всемірномъ тяготѣніи не издавалъ пока даже ни одинъ изъ щедринскихъ помпадуровъ. Точно также нигдѣ и никто не издавалъ и того закона объ эгоизмѣ", о которомъ идетъ рѣчь въ „талантливомъ" переводѣ г. Кирдецова. На этотъ счетъ не было также никакихъ сенатскихъ „разъясненій". Къ чему эта литературная неряшливость? А вотъ нѣчто худшее, нежели литературная неряшливость. На стран. 118 у г. Кирдецова говорится о *„тиціановскомъ* колизеѣ, въ которомъ душа язычниковъ проявляла чванную жестокость". Смѣю увѣрить г. Кирдецова, что *такого* колизея нигдѣ нѣтъ и никогда не было. У Леонэ говорится о *„Colosseo di Tito"* (стр. 114), а это— совсѣмъ другое. Это можетъ показаться мелочью, но мелочи этого рода, некрасивыя и нежелательныя ни въ какомъ литературномъ произведеніи, особенно нежелательны въ такихъ сочиненіяхъ, которыя посвящены предметамъ особенно интереснымъ для читателей изъ рабочей среды. Къ такимъ читателямъ слѣдовало бы относиться съ удвоеннымъ вниманіемъ, а у насъ о нихъ совсѣмъ не думаютъ наши „та-

Digitized by Google

лантливые авторы и переводчики. Особенно переводчики! Пересмотрите русскіе переводы западныхъ соціалистическихъ писателей, и вы поразитесь ихъ полнѣйшей негодностью. Правда, есть и тутъ нѣсколько блестящихъ исключеній; но это именно тѣ исключенія, которыя только подтверждаютъ общее правило. А что это правило вредитъ интересамъ читателя, это понятно кажется, само собою.

Что касается *содержанія* книги Леонэ, то имъ остался очень доволенъ г. В. Тот. въ „*Товарищѣ*“ (№ 443, отъ 7 дек. 1907 г.). Въ небольшой библіографической замѣткѣ, посвященной имъ этой книгѣ, г. В. Тот. говоритъ: „Э. Леонэ—наиболѣе глубокій и въ то же время широкій теоретикъ синдикализма. Широкъ онъ въ томъ смыслѣ, что не отрицаетъ совсѣмъ парламентаризмъ и не ограничивается профессіональными союзами, какъ организаціей, которая замѣнитъ собою капиталистическій строй“. Не касаясь пока вопроса о томъ, можетъ-ли та или другая организація *производителей* затѣнить собою „капиталистическій строй“, т. е. данную совокупность *производственныхъ отношеній*—объ этомъ ниже,—я признаюсь, что этотъ похвальный отзывъ г. Тот. о книгѣ Леонэ повергъ меня въ большое изумленіе, потому что ни *глубины*, ни *широты* взгляда я въ этой книгѣ не замѣтилъ. Да и не только въ этой книгѣ, вообще въ сочиненіяхъ Энрико Леонэ. Сочиненія его интересны не положительными, а именно только отрицательными своими свойствами. Правда, отрицательныя свойства ихъ весьма велики. Но вѣдь не за то же хвалитъ Леонэ г. рецензентъ...

II.

Для того, чтобы судить о „глубокомысліи“ Э. Леонэ, достаточно ознакомиться съ тѣмъ, какъ онъ понимаетъ такъ называемый кризисъ въ соціализмѣ. Вотъ что говоритъ онъ о немъ.

По его словамъ, кризисъ „неожиданно обнаружился передъ лицомъ исторіи и критики (sic), благодаря полемикѣ, возбужденной Бернштейномъ въ германской соціаль-демократіи, Черкезовымъ—въ рядахъ русскихъ соціалистовъ; Корнэлиссеномъ въ Голландіи, Ванъ-Колемъ въ Даніи, Анзэлэ—въ Бельгіи“ (стр. 18).

Остановимся пока на этомъ. До сихъ поръ мы думали, что въ области теоріи кризисъ въ томъ и состоялъ, что нѣкоторые соціаль-демократы, считавшіе себя учениками Маркса, начинали „критиковать“ своего учителя. Оказывается, что мы ошибались. Кризисъ состоялъ не въ критикѣ и вызванъ былъ не критикой:

Digitized by Google

отъ только *обнаружился „передъ лицомъ критики“*. Это въ самомъ дѣлѣ неожиданно. Но это еще не все. Мы узнаемъ отъ Леонэ, что *голландецъ* Ванъ-Коль „возбудилъ полемику“... *въ Даніи*, а „въ рядахъ русскихъ соціалистовъ“ ту же полемику велъ *г. Черкезовъ*. Нашъ „глубокомысленный“ авторъ, очевидно, принялъ этого *анархиста* за бывшаго ученика Маркса. Тотъ же промахъ сдѣлалъ онъ и на счетъ *Корнелиссена*, который еще до начала кризиса обѣими ногами сидѣлъ на почвѣ анархизма. Уже отсюда видно, какъ хорошо онъ освѣдомленъ на счетъ „кризиса“! Но дальше онъ еще лучше обнаруживаетъ свою „широкую“ освѣдомленность. Онъ говоритъ: „Наиболѣе яркіе выразители соціалистическаго движенія теперь уже открыто признавали, что катастрофа буржуазнаго общества, т. е. заключительная схватка между двумя враждебными классами... есть ничто иное, какъ „безсмысленное мечтаніе“. Длинный рядъ цифръ и безконечная цѣпь силлогизмовъ услужливо доказывали, что наиболѣе положительныя предсказанія критики и ученія соціалистовъ были опровергнуты самой эволюціей общественнаго процесса... Какая иронія: старые принципы опровергаются самими же хранителями ихъ“ (стр. 14).

Вы видите: тутъ уже никакъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что нашъ авторъ принялъ анархистовъ Черкезова и Корнелиссена за „наиболѣе яркихъ выразителей соціалистическаго движенія“ и за „хранителей старыхъ принциповъ“ ученія, подвергнутаго „пересмотру“ гг. критиками, т. е. *принциповъ марксизма*. Г. Черкезовъ въ роли хранителя этихъ принциповъ! Это по истинѣ hochkomisch, какъ говорятъ нѣмцы! Нужно быть очень свѣдущимъ по части названныхъ принциповъ, чтобы впасть въ подобную ошибку. И можно представить себѣ, какого вздору способенъ наговорить о „кризисѣ въ соціализмѣ“ тотъ человѣкъ, который такъ хорошо знаетъ эти принципы!

Не менѣе свѣдущъ Э. Леонэ и въ *практикѣ* соціализма. На стр. 10-й своей книги онъ увѣряетъ: „Славной памяти Интернаціоналъ оставилъ намъ, въ видѣ послѣдняго своего завѣщанія, резолюцію женевскаго конгресса 1863 года, въ которой“ и т. д. Намъ не важно, какую именно резолюцію имѣетъ въ виду Леонэ; намъ важно,—и, какъ это легко пойметъ читатель, очень важно,—что въ 1863 г. Интернаціоналъ не принималъ *никакихъ* резолюцій, по той причинѣ, что тогда онъ не былъ и основанъ. Женевскій конгрессъ знаменитаго Товарищества рабочихъ имѣлъ мѣсто не въ 1863, а въ 1866 г., и это былъ не *послѣдній*, а *первый* его конгрессъ, а потому и резолюціи, на немъ принятыя, никакъ не могутъ быть названы его *„послѣднимъ завѣща-*

Digitized by Google

нѣмъ". Такія ошибки такъ грубы, такъ непростительны и такъ невѣроятны, что, прочитавъ строки, относящіяся къ женевскому конгрессу, я, признаюсь, подумалъ, не напуталъ-ли тутъ чего „талантливый другъ" Леонэ, г. Кирдецовъ, и потому обратился къ подлиннику. Но это обращеніе лишній разъ убѣдило меня въ томъ, что русскій переводчикъ, хотя и неуклюже и неряшливо, но, *въ общемъ*, вѣрно передаетъ мысли своего итальянскаго автора: въ подлинникѣ я нашелъ тотъ же 1863 годъ и тоже „послѣднее завѣщаніе" (ultimo atto testamentario). Конечно, г. Кирдецовъ могъ поправить эту ошибку. Но чтобы *поправлять* тѣ или другія ошибки, надо сначала ихъ *замѣтить*, а чтобы ихъ замѣтить, надо быть знакомымъ съ тѣмъ предметомъ, о которомъ идетъ рѣчь. Ну, а этого, какъ видно, нельзя требовать отъ нашего „талантливаго друга". Онъ не изучилъ предмета, удовольствовавшись изученіемъ того, что показалось ему, въ его наивности, „послѣднимъ словомъ" западно-европейскаго пролетарскаго движенія. И вотъ онъ сталъ переводить,—точнѣе: *перетаскивать*,—это „послѣднее слово" на русскій языкъ со всѣми украшающими его, логическими „перлами" и историческими „діамантами". Онъ не способенъ былъ поправить ошибку своего друга ни тамъ, гдѣ у того говорится объ интернаціоналѣ, ни тамъ, гдѣ мы читаемъ слѣдующее: „эти германскіе соціалисты не постѣснялись называть свою партію именемъ соціаль-демократіи — логической какофоніей, напоминавшей собою ту французскую соціальную революцію 1830 г., которую тотъ же Марксъ въ *Гражданской войнѣ* такъ саркастически высмѣивалъ за ея мелко-буржуазный духъ и за пестроту соціальныхъ элементовъ, вошедшихъ въ ея составъ" (стр. 21). Впрочемъ, нѣтъ, постойте: тутъ г. Кирдецовъ, кажется, кое-что исправилъ. Въ подлинникѣ говорится не о *соціальной* революціи 1830 года (которой не было), а о *соціальной демократіи* того же года. Положимъ, что и это вздоръ, такъ какъ въ 1830 году во Франціи не было никакой соціаль-демократической партіи, но все-таки Леонэ говоритъ не то, что заставляетъ его говорить г. Кирдецовъ: тутъ уже замѣтно, стало быть что-то въ родѣ покушенія на поправку. То же покушеніе обнаруживается и въ измѣненіи *названія того сочиненія* Маркса, на которое ссылается здѣсь Леонэ,—*Lotte civili*, т. е. *Гражданской войны*, т. е. вѣроятно, „Die Klassenkämpfe in Frankreich",—названіемъ другого его сочиненія: „*Гражданская война*", т. е. „*Гражданская война во Франціи*",—сочиненія, написаннаго по поводу парижской коммуны. Но эта поправка, вызванная вовсе не знаніемъ дѣла, а простымъ созвучіемъ назва-

Digitized by Google

ній, окончательно все портитъ, такъ какъ въ брошюрѣ „*Гражданская война во Франціи*“ нѣтъ ровно никакихъ насмѣшекъ по адресу французской соціаль-демократической партіи 1848—49 гг. Короче, ни тотъ, ни другой изъ двухъ „талантливыхъ друзей“ не оказывается „на высотѣ призванія“.

Замѣчу мимоходомъ, что современная международная соціаль-демократія не имѣетъ ровно ничего общаго съ той французской партіей, которая называлась соціаль-демократической въ 1848—49 годахъ. Что же касается „логической какофоніи“, т. е. той мысли Э. Леонэ, что *понятіе*: *соціализмъ* совсѣмъ не вяжется съ *понятіемъ*: *демократія*, то здѣсь его устами говорятъ Прудонъ, Бакунинъ, Кропоткинъ и другіе *теоретики анархизма*.

III.

Э. Леонэ самъ находитъ, что необходимо „тщательно проанализировать внутреннее содержаніе кризиса соціализма, поскольку онъ проявился въ области доктрины“ (стр. 18). И это, безъ сомнѣнія, справедливо. Но для того, чтобы судить о кризисѣ, поскольку онъ проявился въ области доктрины“, необходимо понимать „доктрину“, а мы уже видѣли, что трудно ждать отъ Леонэ ея знанія. Но какъ бы то ни было, послушаемъ, въ чемъ заключается, по его мнѣнію, „внутреннее содержаніе кризиса“.

„Кризисъ соціализма,—говоритъ онъ,—въ общемъ отрицалъ наличность растущаго антагонизма, который, по Марксу, рано или поздно автоматическимъ путемъ долженъ будетъ привести къ насильственному устраненію капиталистической собственности“ (стр. 19).

Итакъ, Марксъ *утверждалъ*, а „кризисъ“,—т. е. Корнелиссенъ въ Голландіи, Ванъ Поль въ Даніи, а Черкезовъ въ Россіи, — *отрицалъ* ростъ того соціальнаго антагонизма, который автоматически приведетъ къ устраненію капитализма. И въ этомъ отрицаніи „кризисомъ“ того, что утверждалъ Марксъ, и состояло внутреннее содержаніе кризиса. Очень хорошо, хотя и не очень складно. Но кто же правъ въ этомъ спорѣ: Марксъ, или кризисъ? А вотъ слушайте.

„Спѣшу выразить свое уваженіе безукоризненной строгости этихъ разсужденій перваго соціалистическаго *ревизіонизма* [1]), главнымъ же образомъ, мужеству и непринужденности (!), съ которыми были сдѣланы эти заявленія. Дѣйствительно, если законъ

[1]) Подчеркнуто у г. Леонэ.

Digitized by Google

капиталистическаго развитія функціонировалъ (sic) не такъ, какъ его (?) предсказалъ Марксъ, т. е. не въ томъ направленіи, чтобы разрыть все большую и большую пропасть между владѣльцами капиталовъ и неимущими рабочими и, такимъ образомъ, численно увеличить классъ работниковъ, заинтересованныхъ въ уничтоженіи капитализма; если, вопреки предсказанію Маркса, количество имущихъ все больше возрастало, а антагонизмъ интересовъ между капиталомъ и трудомъ, благодаря повышеніямъ заработной платы рабочихъ, потерпѣлъ значительное ослабленіе,—если все это было въ дѣйствительности такъ, то отсюда, казалось, съ непреодолимой силой напрашивался слѣдующій выводъ: *старая революціонная соціалистическая тактика, вдохновляемая обманчивымъ призракомъ все растущаго антагонизма, всецѣло потерпѣла крушеніе.* Усилія „правовѣрныхъ“ соціалистовъ оставаться на почвѣ непримиримой классовой борьбы именно тогда, когда сами факты жизни собирались лишить эту борьбу всякой почвы подъ ногами, должны были показаться тщетными“ (стр. 15—16).

Вы понимаете, читатель? Я—не совсѣмъ. Съ одной стороны—разсужденія ревизіонистовъ были безукоризненно логичны, по поводу чего нашъ авторъ и спѣшитъ засвидѣтельствовать имъ свое уваженіе; а съ другой—*только „кажется“*, что эти разсужденія были безукоризненно логичны, такъ что и уваженіе, въ которомъ расписывается Леонэ, надо, должно быть, считать *только кажущимся*. Вотъ и пойми! Нѣтъ, какъ бы тамъ ни обстояло дѣло съ логичностью ревизіонистовъ, а съ логичностью г. Леонэ оно обстоитъ довольно плохо: онъ не умѣетъ свести концы съ концами въ своихъ собственныхъ разсужденіяхъ.

Г. Леонэ продолжаетъ: „отсюда не трудно понять, почему противники такъ потирали руки отъ удовольствія... Къ счастью противники приняли тѣнь за тѣло, они полагали, что кризисъ въ идеяхъ и доктринахъ послужитъ причиной или поводомъ для разрушенія дѣла и процесса соціалистическаго движенія“ (стр. 16).

Это какъ будто выводитъ насъ изъ недоумѣнія: разсужденія ревизіонистовъ были безукоризненны; но ошибочно было думать, что этими безукоризненно логичными разсужденіями можно разрушить и *дѣло* и *процессъ* соціалистическаго движенія“. Допустимъ, что именно это и хотѣлъ сказать нашъ авторъ. Но вѣдь у насъ съ нимъ рѣчь идетъ теперь не о „процессѣ соціалистическаго движенія“, а именно о „доктринѣ“; вѣдь г. Леонэ самъ призналъ необходимымъ и самъ пригласилъ насъ „тщательно проанализировать внутреннее содержаніе кризиса соціализма, поскольку онъ проявился въ области доктрины“. Вотъ мы и хо-

Digitized by Google

тимъ послѣдовать его приглашенію, вотъ мы и желаемъ „тщательно проанализировать“; вотъ мы и спрашиваемъ его: кто же правъ „въ области доктрины“: Марксъ, или безукоризненно логичные и за это уважаемые нашимъ авторомъ ревизіонисты?

Г. Леонэ пишетъ: „Все, начиная отъ теоріи стоимости до діалектическаго метода; отъ закона концентраціи капиталовъ до доктрины періодическихъ кризисовъ; отъ системы прибавочной стоимости до экономически—матеріалистическаго доказательства фатальности соціализма—словомъ всѣ составные элементы марксистскаго ученія, бывшаго до сихъ поръ наиболѣе авторитетной и универсально признанной школой соціализма, подверглись теперь безпощадной ломкѣ“ (стр. 14).

Эти строки даютъ поводъ думать, что г. Леонэ считаетъ весьма убѣдительными „критическіе“ доводы, выдвинутые ревизіонистами противъ ученія Маркса: если они не только *пытались* подвергнуть ломкѣ ученіе Маркса, но и въ самомъ дѣлѣ подвергли его таковой; если они разрушили всѣ теоретическія основы этого ученія, то ясно, что правда была на ихъ сторонѣ.

Но съ другой стороны тотъ же Леонэ написалъ и вотъ эти строки: „Въ общемъ изъ статистическихъ данныхъ, бывшихъ въ его распоряженіи, *реформизму* [1]) не удалось вывести такое положеніе, которое шло бы въ разрѣзъ съ закономъ концентраціи капиталовъ; онъ пришелъ лишь къ заключенію, что эта концентрація совершается не съ той быстротой, какую предсказывалъ Марксъ“ (стр. 35).

Когда и гдѣ предсказывалъ Марксъ быстроту концентраціи капиталовъ? Какую именно страну имѣло въ виду его предсказаніе? Обо всемъ этомъ не спрашивайте г. Леонэ. Ему некогда заниматься такими мелочами: предсказывалъ—и баста! Но какъ бы тамъ ни было, а несомнѣнно то, что если ревизіонистамъ не удалось опровергнуть „законъ концентраціи капиталовъ“, то выходитъ, что правда была, — по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи,—не на ихъ сторонѣ, а на сторонѣ Маркса.

Еще разъ: что слѣдуетъ намъ думать о кризисѣ въ соціализмѣ? Кто правъ: Марксъ, или же его критики?

IV.

Намъ необходимо добиться отъ г. Леонэ отвѣта на этотъ вопросъ. По его словамъ, ревизіонизмъ пытался разбить ученіе

[1]) Г. Леонэ отождествляетъ здѣсь реформизмъ съ ревизіонизмомъ, на что имѣетъ, конечно, полное право.

Digitized by Google

Маркса, „во-первыхъ, путемъ оспариванія предсказанной Марксомъ концентраціи богатствъ, несбыточности его положенія объ ухудшеніи условій труда (теорія обнищанія), а во-вторыхъ (не въ-третьихъ ли? Г. П.) — фактомъ роста числа капиталистовъ“ (стр. 35).

Мы уже знаемъ, какъ смотритъ г. Леонэ на вопросъ о концентраціи капиталовъ. Посмотримъ теперь, что думаетъ онъ о „теоріи обнищанія“.

„Общее улучшеніе быта и повышеніе уровня заработной платы,—говоритъ онъ, еще не могутъ служить достаточнымъ доводомъ для опроверженія закона о все болѣе обостряющемся антагонизмѣ между капиталомъ и трудомъ... Заработная плата, по изслѣдованіямъ Геверница и Жида и по словамъ самихъ рабочихъ, повысилась вслѣдствіе тѣхъ усилій, которыя рабочій классъ проявилъ въ своей непосредственной борьбѣ съ капиталомъ. Повышенная заработная плата, слѣдовательно, говоритъ за то, что въ послѣдніе двадцать лѣтъ борьба между капиталомъ и трудомъ все болѣе обострялась и что она находитъ себѣ выраженіе въ такой формѣ, которая все болѣе и болѣе подчеркиваетъ силу *организованности, численности и дисциплины* рабочихъ, словомъ, силу тѣхъ элементовъ, о которыхъ Марксъ и говоритъ въ своемъ описаніи. Итакъ, предсказанія Маркса, вмѣсто опроверженія, находятъ въ жизни полное оправданіе“ (стр. 36).

Выходитъ, что и въ этомъ случаѣ правда на сторонѣ Маркса, а не на сторонѣ ревизіонистовъ. И если г. Леонэ самъ не грѣшитъ противъ логики; если его собственное „слѣдовательно“ имѣетъ подъ собою хоть какое-нибудь логическое основаніе, то опять рѣшительно непонятно, въ чемъ же собственно проявилась, по поводу этого вопроса, будто бы безукоризненная логичность гг. „критиковъ“ Маркса. Но въ томъ-то и дѣло, что нашъ авторъ и здѣсь разсуждаетъ совсѣмъ неправильно.

Во-первыхъ, съ точки зрѣнія „теоріи обнищанія“ важно не повысилась, или понизилась *заработная плата*, а то, повысился, или понизился уровень прибавочной стоимости, которымъ опредѣляется степень эксплуатаціи рабочаго. Если десять рабочихъ, получавшихъ одинаковую заработную плату, прежде создавали своимъ трудомъ, въ теченіе одного дня, стоимость, равную A, при чемъ $\frac{A}{2}$ доставалось имъ въ видѣ *заработной платы*, между тѣмъ какъ другая половина A составляла *прибавочную стоимость*, то уровень этой послѣдней равнялся 50%. Если же теперь тѣ же рабочіе создаютъ стоимость равную $A + \frac{A}{2}$, при

Digitized by Google

чемъ $^3/_4$ А отходитъ къ нимъ, въ качествѣ заработной платы, а остальныя $^3/_4$ А достаются предпринимателю, какъ прибавочная стоимость, то уровень этой послѣдней будетъ по прежнему равняться 50%, т. е. *останется неизмѣннымъ, несмотря на посыщеніе заработной платы*. Наконецъ, если рабочіе будутъ, въ теченіе того же времени, создавать стоимость, равную *2 А*, получая $^3/_4$ А въ видѣ заработной платы, то предприниматель получитъ А + $^1/_4$ А, а это значитъ, что повышеніе заработной платы не помѣшаетъ *повышенію* уровня прибавочной стоимости, т. е. степени эксплуатаціи рабочаго. А повышеніе степени эксплуатаціи рабочаго равносильно *относительному ухудшенію его положенія въ обществѣ*. Вся суть интересующаго насъ здѣсь вопроса и заключается, стало быть, въ томъ, чтобы рѣшить, ведетъ ли развитіе производительныхъ силъ въ капиталистическомъ обществѣ къ *относительному ухудшенію*, или же, наоборотъ, къ *относительному улучшенію* общественнаго положенія пролетаріата. Геверницъ, на котораго ссылается г. Леонэ, и многіе другіе буржуазные экономисты утверждаютъ, что дѣло идетъ именно къ *улучшенію* [1]), между тѣмъ какъ марксисты доказываютъ, что общественное положеніе рабочаго *относительно ухудшается*, несмотря на то, что его заработная плата,—денежная и даже реальная,—обнаруживаетъ стремленіе къ повышенію. Въ этомъ и состоитъ приписываемая имъ ихъ противниками *„теорія обнищанія“*. Что касается самого Маркса, то его „критики“ приписывали ему, вслѣдъ за Геверницемъ и многими другими буржуазными экономистами, теорію *абсолютнаго* ухудшенія положенія рабочаго класса. Но это чистѣйшій вымыселъ. Марксъ нисколько не сомнѣвался въ томъ, что положеніе рабочаго *относительно* ухудшается, и въ первомъ томѣ своего „Капитала“ онъ далъ теоретическое объясненіе этого явленія. А на счетъ *абсолютнаго* ухудшенія положенія рабочаго онъ нигдѣ не высказывался положительно, повидимому, лишь допуская его возможность при извѣстныхъ условіяхъ времени и мѣста. Въ своемъ спорѣ съ Прудономъ онъ писалъ:

„Экономисты... доказали, что при существующихъ условіяхъ производства растетъ и должно еще больше расти богатство буржуазіи. Что же касается рабочаго класса, то *еще большой вопросъ, улучшилось ли его положеніе вслѣдствіе увеличенія общественнаго богатства* [2]). Когда, отстаивая свой оптимизмъ, эконо-

[1]) См. сочиненія Геверница: „Zum sozialen Fricden“ и „Der Grossbetrieb“.

[2]) Подчеркнуто мною.

Digitized by Google

мисты ссылаются на примѣръ англійскихъ рабочихъ, занятыхъ въ хлопчатобумажной промышленности, то они разсматриваютъ ихъ положеніе лишь въ рѣдкіе моменты промышленнаго процвѣтанія! Къ эпохамъ кризиса и застоя такіе моменты находятся въ „правильно-пропорціональномъ“ отношеніи 3 къ 10. Или, говоря объ улучшеніи, экономисты имѣютъ въ виду тѣ милліоны рабочихъ, которые должны были погибнуть въ Остъ-Индіи, чтобы доставить $1^1/_2$ милліонамъ занятыхъ въ той же отрасли промышленности англійскихъ рабочихъ три года процвѣтанія въ каждыя десять лѣтъ?“ [1]).

Какъ видимъ, отъ этого осужденія оптимизма буржуазныхъ экономистовъ еще далеко до ученія объ *абсолютномъ ухудшеніи*: неоспоримо только то, что въ эпоху своего спора съ Прудономъ *абсолютное улучшеніе*, о которомъ такъ громко кричали буржуазные экономисты, казалось Марксу *весьма сомнительнымъ*. Формулируя свой взглядъ, Марксъ говоритъ: „Лишь потому, что, подъ вліяніемъ конкуренціи, заработная плата колеблется, то поднимаясь выше, то падая ниже необходимыхъ для его существованія жизненныхъ средствъ, лишь потому рабочій и можетъ въ нѣкоторой, хотя бы самой ничтожной, степени воспользоваться ростомъ общественнаго богатства. Но именно потому для него возможна также и голодная смерть“ [2]).

Тутъ, какъ видимъ, допускается возможность *абсолютнаго*, хотя и ничтожнаго, улучшенія, улучшенія, выгоды котораго нейтрализуются, впрочемъ, крайнею необезпеченностью положенія рабочаго. И этотъ взглядъ высказанъ былъ Марксомъ въ то время, когда, по признанію тѣхъ самыхъ экономистовъ, которые навязываютъ Марксу теорію *абсолютнаго* „обнищанія“, положеніе рабочаго класса абсолютно ухудшалось, по крайней мѣрѣ, въ Англіи, т. е. въ странѣ, дальше всѣхъ другихъ ушедшей по пути промышленнаго развитія. Впослѣдствіи этотъ взглядъ, которому самъ Марксъ даетъ названіе *„теоріи экономистовъ“*,— т. е. взглядъ, раздѣляемый въ сущности самими буржуазными экономистами, но только затемняемый у нихъ *оптимистической фразеологіей*,—этотъ взглядъ, говорю я, былъ впослѣдствіи пересмотрѣнъ и углубленъ самимъ Марксомъ; результаты этого пересмотра и углубленія изложены въ первомъ томѣ „Капитала“, къ которому я уже отсылалъ читателя, утверждая, что тамъ дано теоретическое объясненіе *неизбѣжности относительнаго ухуд-*

[1]) Нищета философіи, переводъ В. И. Засуличъ, стр. 71—72.
[2]) Тамъ же, стр. 72.

Digitized by Google

шенія положенія пролетаріата. Этотъ, — окончательный, — взглядъ Маркса заслуживаетъ, конечно, не меньшаго вниманія, чѣмъ то ученіе о заработной платѣ, котораго держался Марксъ въ сороковыхъ годахъ. И если г. Леонэ взялъ на себя роль судьи въ спорѣ между „ортодоксальными" марксистами и ревизіонистами, то ему нужно было всесторонне выяснить себѣ этотъ взглядъ, но онъ не счелъ нужнымъ дать себѣ этотъ трудъ [1]). Онъ безъ критики усвоилъ себѣ то, что было найдено имъ въ „изслѣдованіяхъ Геверница и Жида", и только постарался, съ помощью софизма, отдѣлаться отъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришли эти изслѣдователи,—особенно Геверницъ. Онъ съ побѣдоноснымъ видомъ выдвигаетъ противъ нихъ свой софизмъ. Но чѣмъ болѣе упованій возлагаетъ онъ на него, тѣмъ болѣе обнаруживается его полная безпощность въ экономическихъ вопросахъ.

Что говорили Геверницъ и его единомышленники? То, что, благодаря развитію техники въ капиталистическомъ обществѣ, доля рабочаго класса въ національномъ доходѣ *увеличивается*, а доля капиталистовъ *уменьшается*. Вслѣдствіе этого разстояніе между этими двумя классами становится меньше, рабочій сближается съ предпринимателемъ. Что это сближеніе между классами, что это увеличеніе доли пролетаріата — если даже оно вообще возможно,—не произойдетъ само собою, безъ усилій со стороны рабочихъ, т. е. безъ борьбы ихъ съ предпринимателями, это понятно само собою, и этого, дѣйствительно, не отрицалъ Шульце-Геверницъ, хотя онъ,—вопреки тому, что можно подумать на основаніи приведенныхъ мною словъ г. Леонэ,— и не оттѣнялъ этого обстоятельства. Для него вопросъ ставился такъ: создается, или нѣтъ, ходомъ развитія капитализма, возможность такого улучшенія въ положеніи пролетаріата, которое, сблизивъ этотъ классъ съ классомъ капиталистовъ, заставило бы его дорожить существующимъ порядкомъ вещей и сдѣлало бы излиш-

[1]) Или оказался неспособнымъ къ нему. Въ другомъ сочиненіи Леонэ: *„L'Economio socciale"*, Genova, 1904, изложено съ грѣхомъ пополамъ Марксово ученіе о заработной платѣ (стр. 214—216); но какъ плохо понялъ Леонэ его смыслъ, видно уже изъ того, что онъ называетъ его *теоріей издержекъ производства.* (l) (teoria del costo). По русски это называется попасть пальцемъ въ небо. Самъ Леонэ приходитъ въ названномъ сочиненіи лишь къ тому выводу, что заработная плата неодинакова въ различныхъ отрасляхъ промышленности, но стремится къ одному уровню подъ вліяніемъ конкурренціи и техническаго прогресса (стр. 221).

Это немного!

Digitized by Google

ней въ его глазахъ мысль о полномъ устраненіи капиталистическихъ отношеній производства? Геверницъ утверждалъ, что— создается, ссылаясь на придуманное имъ возрастаніе доли рабочаго класса въ національномъ продуктѣ. Его призывъ къ *„соціальному миру“* вовсе не означалъ собою желанія положить конецъ борьбѣ рабочихъ съ предпринимателями за условія продажи ими этимъ послѣднимъ своей рабочей силы. Онъ означалъ только желаніе привести рабочихъ къ отказу отъ „конечной цѣли“, т. е. отъ стремленія покончить съ тѣмъ общественнымъ порядкомъ, благодаря которому рабочій вынуждается нести на рынокъ свою рабочую силу. И если Леонэ возражаетъ ему на это, что повышеніе заработной платы свидѣтельствуетъ объ обостреніи классовой борьбы между рабочими и предпринимателями, то онъ обнаруживаетъ этимъ свое полное незнакомство съ „изслѣдованіями“ Геверница. Нѣмецкій экономистъ могъ бы отвѣтить ему: „если вы ссылаетесь на мои работы, то вы должны были бы знать, что я стараюсь показать въ нихъ, какимъ образомъ борьба рабочихъ за лучшія условія найма измѣняетъ свой характеръ, принимая такія формы, которыя дѣлаютъ ее вполнѣ совмѣстимой съ дальнѣйшимъ существованіемъ капиталистическаго способа производства. И если вы хотите оспаривать меня, то вамъ необходимо сначала опровергнуть мои экомическія предпосылки“. Но нашъ авторъ просто на просто не знаетъ, что у Геверница были какія нибудь особенныя экономическія предпосылки, посѣявшія смуту въ умахъ ревизіонистовъ. Поэтому онъ и не рѣшаетъ вопроса; онъ только обходитъ его неловкимъ движеніемъ въ сторону. Нечего сказать, хорошо защищаетъ онъ Маркса отъ его „критиковъ!“

V.

Идемъ дальше. „Демократическій ревизіонизмъ въ другомъ мѣстѣ точитъ противъ самого себя ножъ. Онъ совершенно не замѣтилъ своей непростительной логической ошибки, опрокидывающей вверхъ дномъ всѣ его разглагольствованія объ ослабленіи классового противорѣчія (вотъ тебѣ и „безукоризненная строгость разсужденій“! Г. П.). Какъ! пролетаріатъ возросъ количественно въ то самое время, когда число крупныхъ капиталистовъ не сократилось и категорія имущихъ также не имѣла уменьшенія? Но вѣдь тутъ у насъ нѣтъ больше спасенія... Если концентрація капиталовъ протекаетъ не въ той интенсивной формѣ, какую предвидѣлъ Марксъ, обманутый, очевидно, англій-

Digitized by Google

ловіями 48 и 66 гг., то это значитъ, что современная классовая борьба происходитъ между могучими, закаленными въ бояхъ противниками и что дѣло экспропріаціи не можетъ быть выполнено лишь путемъ широкаго и всесторонняго подчеркиванія ея необходимости, лишь путемъ все болѣе рѣзкаго обостренія контраста, существующаго между рабочей массой и огнеупорными институтами капитализма" (стр. 36—37).

Когда ревизіонисты взялись за свой пересмотръ основныхъ положеній марксизма, они не обнаружили ни обширныхъ знаній, ни глубокой проницательности. Они хотѣли идти *впередъ*, но на самомъ дѣлѣ пятились *назадъ*, болѣе или менѣе нерѣшительно приближаясь къ точкѣ зрѣнія буржуазныхъ экономистовъ. Но все таки они по большей части умѣли отдать себѣ болѣе или менѣе ясный отчетъ о предметѣ поднимаемаго ими спора; они стремились ознакомиться съ фактами; имъ хотѣлось рѣшить, какъ же совершается, наконецъ, дѣйствительный ходъ развитія капитализма. Ни до чего этого нѣтъ дѣла нашему „революціонному синдикалисту", у него нѣтъ ровно никакой потребности въ уясненіи себѣ предмета спора. Онъ слышитъ, что Марксъ „предвидѣлъ" такую „интенсивную" концентрацію капиталовъ, какая не имѣетъ мѣста въ современной дѣйствительности. И онъ не считаетъ нужнымъ справиться о томъ, что собственно „предвидѣлъ" Марксъ, и хорошо ли поняли ревизіонисты его „предвидѣніе". Онъ охотно допускаетъ, что Марксъ былъ „очевидно" обманутъ англійскими условіями 1848—66 годовъ. Воспитанный въ школѣ „чистой экономіи" г.г. Панталеоне и Парэто, онъ не интересуется фактами и не заботится о томъ, въ какую сторону направляется экономическое развитіе капиталистическаго общества. Если концентрація капиталовъ совершается не такъ быстро, какъ это ожидалъ Марксъ, то тѣмъ лучше, такъ какъ это показываетъ, во-первыхъ, что борющіеся между собою классы могучи и закалены въ бояхъ, а во-вторыхъ, что для устраненія „огнеупорныхъ институтовъ капитализма" недостаточно одного,—хотя бы и широкаго, всесторонняго, — подчеркиванія необходимости такого устраненія. Все — благо; все — добро; все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, и каждый фактъ современной общественной жизни обнаруживаетъ правильность „концепціи", свойственной г. Леонэ.

Я готовъ биться объ закладъ, что читатель недоумѣваетъ по поводу „подчеркиванія", недостаточность котораго такъ неожиданно была показана медленнымъ ходомъ концентраціи капиталовъ. Чтобы вывести читателя изъ недоумѣнія, я предлагаю ему

Digitized by Google

обратить вниманіе на слѣдующее замѣчаніе г. Леонэ: „Если бы концентрація капиталовъ привела къ численному разбавленію класса капиталистовъ [1]), сокративъ его до minimum—горсточки плутократовъ, то это значило бы, что число лицъ, заинтересованныхъ въ защитѣ буржуазнаго государства, подвержено все большему и большему сокращенію, и что вліяніе пролетаріата и присвоеніе имъ политической власти автоматически возрастаетъ (sic) въ такой степени, чтобы вскорѣ подчинить ее своимъ собственнымъ интересамъ. Если бы предсказаніе марксистовъ о концентраціи капиталовъ оправдалось,—этого именно реформизмъ и не понялъ, — тогда демократствующій реформизмъ получилъ бы въ свое распоряженіе новый общественный элементъ, на который онъ могъ бы опереться. Въ дѣйствительности, однако, общественный процессъ развился въ иномъ направленіи (стр. 37).

Теперь ясно: если бы предсказаніе марксистовъ оправдалось; если бы все большія и большія массы людей подвергались обездоливающему вліянію капитализма, то реформисты (ревизіонисты тожъ) могли бы сослаться на этотъ фактъ, какъ на доводъ въ пользу своей тактики. А разъ это могло бы быть такъ, то г. Леонэ даже не справляется о томъ, въ какой мѣрѣ основательна была бы подобная ссылка. Чтобы заранѣе сдѣлать ее невозможной, онъ спѣшитъ согласиться съ реформистами въ томъ, что концентрація въ самомъ дѣлѣ совершается очень медленно. У него нѣтъ *своего* взгляда на предметъ. Онъ безъ разбора хватается за отдѣльныя мнѣнія спорящихъ между собою сторонъ въ надеждѣ подкрѣпить ими свою собственную тактическую идею, сущность которой сводится къ тому, что пролетаріатъ всегда и при всякихъ условіяхъ долженъ стараться *изолировать* себя ото всѣхъ другихъ классовъ: нѣчто въ родѣ политической идеи нашихъ „большевиковъ“. И отстаивая эту блестящую идею онъ не *думаетъ*, а только *споритъ*. И *споръ* его состоитъ въ томъ, что онъ бросаетъ въ голову своего противника первые встрѣчные доводы, первыя попавшіяся „слова, слова, слова!“. Это невѣроятно, но это такъ. И именно потому, что это такъ, я приглашаю читателя отнестись внимательно къ нашему „революціонному синдикалисту“. Существуютъ литературныя явленія, чрезвычайно интересныя и поучительныя *именно своими отрицательными свойствами*...

---

[1]) Я уже сказалъ, что „талантливый“ г. Кирдецовъ перетащилъ сочиненіе г. Леонэ на очень неуклюжій языкъ, мѣстами довольно мало похожій на литературный языкъ нашего отечества.

Digitized by Google

VI.

Если г. Леонэ, возражая ревизіонистамъ, все-таки считаетъ себя обязаннымъ засвидѣтельствовать имъ свое нижайшее почтеніе, то въ обращеніи съ „ортодоксальными“ марксистами, взгляды которыхъ называются у него *традиціоннымъ соціализмомъ*, онъ всегда остается суровымъ и безпощаднымъ. Чѣмъ же провинились эти злополучные люди? О, они совершили тяжкое преступленіе! Они исказили,—и едва ли даже не сознательно, „съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ“,—теорію твоего учителя и тѣмъ вынудили г. Леонэ приняться за возстановленіе „концепціи“ Маркса въ ея первоначальной чистотѣ. Послѣдуемъ за г. Леонэ какъ въ его расправѣ съ „традиціоннымъ соціализмомъ“, такъ и въ дѣлѣ возстановленія истиннаго смысла марксизма.

„Въ соціалистическихъ рядахъ марксизмъ подвергся безконечнымъ толкованіямъ и комментаріямъ, тенденціозно размазаннымъ самими вождями соціалистическаго движенія. Они исказили марксизмъ, превративъ его въ сухую формулу, пригодную лишь для политическихъ цѣлей партіи... Нелѣпое толкованіе діалектическаго метода, примѣнявшагося Марксомъ, согласно которому (согласно Марксу? Г. П.) всякое движеніе должно привести къ собственному уничтоженію (!), а всякое утвержденіе къ своему отрицанію, нелѣпое толкованіе этого метода привело ряды соціалистическихъ партій къ слѣдующему отрадному результату: необходимо превратить Марксово пониманіе *революціи* въ банальную *концепцію* прогрессивнаго *эволюціонизма*. Самъ капитализмъ подготовляетъ условія обобществленія богатствъ; поэтому пролетаріи и должны помочь буржуазіи въ выполненіи этого таинственнаго акта скрытаго самоубійства. Если согласиться съ этимъ толкованіемъ ортодоксовъ избирательнаго марксизма, то воистину остается лишь воскликнуть: о, горькая участь современной буржуазіи; ты идешь навстрѣчу (кто идетъ? горькая участь буржуазіи? Г. П.) мощи, богатству, все большему развитію твоихъ силъ, но не замѣчаешь, какъ твоя собственная амбиція (!?) роетъ тебѣ могилу и смерть уже нависла надъ тобой!“ (стр. 22—23).

Это, конечно, очень ѣдко и даже краснорѣчиво, но... кто и когда говорилъ, что *такъ какъ* капитализмъ самъ подготовляетъ условія обобществленія богатствъ, *то „поэтому“* пролетаріи должны помогать буржуазіи въ совершеніи этого самоубійственнаго акта? Такихъ нелѣпостей не говорилъ никто и никогда, хотя бы просто потому, что „отрадный результатъ“, приписы-

Digitized by Google

ваемый здѣсь „избирательнымъ марксистамъ“, не только нелѣпъ, но и отличается крайнею неопредѣленностью. Этотъ „отрадный результатъ“ не есть нелѣпая мысль; это какой-то намекъ на нелѣпую мысль, зачатокъ ея, не вышедшій изъ состоянія почти полной безформенности. Что значитъ помогать самоубійству буржуазіи? Въ чемъ состоитъ это самоубійство? Если въ томъ, что развитіе капитализма подготовляетъ матеріальныя условія, необходимыя для обобществленія средствъ производства, то что же „таинственнаго“ и „скрытаго“ въ этомъ „актѣ“? Кто говорилъ, что всякое *движеніе* должно привести къ *собственному уничтоженію*? Люди, интересовавшіеся діалектикой,—такихъ, къ сожалѣнію, было и есть очень немного даже въ рядахъ „ортодоксальныхъ“ марксистовъ,— эти люди говорили, что то же движеніе, которое создаетъ данную форму, приводитъ,—именно вслѣдствіе того, что оно не уничтожается, а продолжается,—и къ ея разложенію, къ ея устраненію. Но вѣдь это нѣчто совсѣмъ другое. И кто говорилъ, кромѣ того, что всякое *утвержденіе* должно привести къ своему *отрицанію*? Г. Леонэ даже и не подозрѣваетъ, что въ этихъ его словахъ нѣтъ ровно никакого смысла, если не считать, впрочемъ, того, что у него самого всякое „утвержденіе“ обыкновенно противорѣчитъ самому себѣ и тѣмъ себя отрицаетъ. И онъ такъ доволенъ собою, такъ вѣритъ въ несокрушимую силу обвиненій, выдвигаемыхъ имъ противъ „ортодоксовъ“, что не можетъ устоять передъ искушеніемъ еще и еще разъ повторить эти обвиненія, разнообразя ихъ на всевозможные лады.

„Казалось, слѣдовательно, — твердитъ онъ, — безполезнымъ строить тактику соціализма на соціальномъ катаклизмѣ, выполненіе котораго взяла на себя сама буржуазія; на самомъ дѣлѣ требовалось постепенное завоеваніе политической власти государства съ тѣмъ, конечно, чтобы послѣ происшедшей катастрофы взять въ свои руки управленіе новымъ соціализированнымъ производствомъ“ (стр. 23).

Совершенно безполезно повторять, что рѣшительно никто изъ „ортодоксовъ“ даже и во снѣ никогда не видалъ, будто буржуазія сама взяла на себя обязанность „выполнить соціальный катаклизмъ“. Но весьма полезно констатировать, что въ этой мнимой вѣрѣ въ будущее „самоубійство буржуазіи“ и состоитъ, по мнѣнію нашего автора, самое главное заблужденіе ненавистныхъ ему „традиціонныхъ соціалистовъ“. А если въ этомъ состоитъ ихъ самое главное заблужденіе; если именно въ этой ихъ вѣрѣ обнаружился ихъ разрывъ съ Марксомъ, то очевидно, что въ ученіи этого послѣдняго,—*какъ понимаетъ его г. Леонэ*,—не мо-

Digitized by Google

жетъ быть ничего похожаго на столь нелѣпый фатализмъ; очевидно, что *самъ Марксъ*,—опять-таки, какъ понимаетъ его нашъ авторъ,—представлялъ себѣ все дѣло въ совершенно другомъ видѣ, не такъ ли? Кажется, что такъ. Теперь читайте.

„Вы знаете, что марксистская концепція соціализма занята, главнымъ образомъ, доказательствомъ объективной фатальности наступленія соціалистическаго строя. Въ своемъ гигантскомъ трудѣ Марксъ расточалъ весь кладъ своего безсмертнаго генія для научнаго доказательства неизбѣжности соціализма“ (18).

Подъ „гигантскимъ трудомъ“ нужно понимать, очевидно, „Капиталъ“. И вотъ я спрашиваю читателя, въ самомъ дѣлѣ потрудившагося ознакомиться съ „гигантскимъ трудомъ“ Маркса, много ли страницъ посвящено въ трехъ томахъ этого труда „доказательству объективной фатальности наступленія соціализма“. Не правда ли, очень много? А если очень немного, то что же это говоритъ г. Леонэ? Полно, читалъ ли онъ „гигантскій трудъ“? Полно, знаетъ ли онъ, на что расточалъ въ немъ Марксъ „весь кладъ своего безсмертнаго генія“? Но не въ томъ дѣло. Слушайте дальше.

„*Кризисъ* соціализма, въ общемъ, порицалъ наличность растущаго соціальнаго антагонизма, который, по Марксу, рано или поздно, автоматическимъ путемъ долженъ будетъ привести къ насильственному устраненію капиталистической собственности... На этомъ принципѣ традиціонный соціализмъ обосновалъ свою тактику, направленную всецѣло къ захвату политической власти“ (стр. 19).

Что слѣдуетъ отсюда? Отсюда слѣдуетъ,—и, говоря это, я надѣюсь, что самъ г. Леонэ, если только захочетъ быть безпристрастнымъ, не откажется „выразить свое уваженіе безукоризненной строгости“ моего вывода,—отсюда слѣдуетъ, что „ортодоксы“ совсѣмъ не измѣняли Марксу. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь теперь оказывается, что именно отъ него унаслѣдовали они свое главное заблужденіе: свою вѣру въ предстоящее самоубійство буржуазіи, тотъ свой взглядъ, что устраненіе капитализма совершится „автоматическимъ путемъ“. Вѣдь теперь выходитъ, что самымъ главнымъ и, можетъ быть, единственнымъ виновникомъ непріятнаго г. Леонэ „отраднаго результата“ былъ не кто иной, какъ авторъ „Капитала“, „расточившій весь кладъ своего безсмертнаго генія“ для доказательства „объективной фатальности наступленія соціалистическаго строя“. Зачѣмъ же щадить этого вреднаго ересіарха? Зачѣмъ сваливать его вину на его послѣдователей? И если необходимо лжеученіямъ „традиціоннаго соціализма“ противопоста-

Digitized by Google

вить истину синдикалистской „концепціи“, то зачѣмъ нужно опираться при этомъ на того же вреднаго ересіарха? Зачѣмъ называть эту „концепцію“ правильно понятымъ марксизмомъ? That is the question [1]).

VII.

Я не могу отвѣтить на этотъ вопросъ, да, по правдѣ сказать, и не считаю нужнымъ заниматься имъ. Я ограничусь простымъ констатированіемъ того не совсѣмъ „отраднаго“ результата, что до сихъ поръ у г. Леонэ „всякое утвержденіе“ неизмѣнно приводило „къ своему отрицанію“, и перейду къ выясненію того, въ чемъ же состоитъ та „концепція“, которую г. Леонэ, по неизвѣстной и даже нѣсколько „таинственной“ причинѣ выдаетъ за единственный истинный марксизмъ.

Нашъ „глубокомысленный“ синдикалистъ, находясь на этотъ разъ въ весьма повышенномъ настроеніи духа, торжественно восклицаетъ:

„Да блещетъ солнце—скажемъ мы вмѣстѣ съ Наполеономъ—слѣпъ тотъ, кто его не видитъ... Читателю, вѣроятно, извѣстно, въ чемъ именно выражается концепція историческаго матеріализма: „производственныя формы матеріальной жизни опредѣляютъ собой общественный, политическій и духовный процессъ жизни“... До очевидности ясно, что правовые институты, образующіе собою государство, являются лишь отраженіемъ, продуктомъ, или, какъ Марксъ говоритъ, надстройкой экономіи, т. е. матеріальной жизни. Они созданы экономіей, а не создаютъ и не руководятъ экономическими силами. Строго придерживаясь этой почвы, мы приходимъ къ логическому заключенію, что государство, какъ политическій факторъ, не обладаетъ никакими силами для осуществленія преобразованія въ экономическихъ отношеніяхъ общества. Но этотъ экономическій принципъ, вполнѣ соотвѣтствующій результатамъ экономической науки, непоправимо (?!) и неизбѣжно былъ упущенъ изъ виду различными соціалистическими партіями Европы“ (стр. 30).

Теперь у насъ, благодаря г. Леонэ, „блещетъ солнце“; теперь

---

[1]) То, что на стр. 18 сказано у г. Леонэ *о фаталистическомъ характерѣ* марксовой „концепціи“, не мѣшаетъ тому же г. Леонэ утверждать, что г. Бернштейнъ „просто, подобно нелѣпымъ пріемамъ всѣхъ ретивыхъ толкователей, изобразилъ его (т. е. историческій матеріализмъ, Г. П.) въ видѣ фаталистической концепціи исторіи“ (стр. 31). Подобными противорѣчіями пестритъ книга этого по истинѣ удивительнаго человѣка.

Digitized by Google

мы знаемъ, въ чемъ состоитъ истинный, неподдѣльный марксизмъ. Одна бѣда: солнце, заблиставшее надъ нами по приказанію г. Леонэ, свѣтитъ очень тускло и, какъ двѣ капли воды, похоже на ту луну, которую прескверно дѣлаютъ,—по словамъ одного гоголевскаго персонажа, — въ Гамбургѣ. Суть истиннаго ученія Маркса заключается *будто бы въ томъ, что политическій факторъ не обладаетъ никакими силами для измѣненія общественной экономіи.* Такъ-ли это? Я не стану оскорблять читателя объясненіемъ ему того, что это не такъ, и почему это не такъ. Я ставлю передъ нимъ другой вопросъ: *откуда взялъ г. Леонэ свой „до очевидности ясный" вздоръ?* У насъ когда-то понимали марксизмъ въ этомъ духѣ наши „субъективные соціологи", презрительно пожимавшіе плечами въ виду ими же придуманной „узости" марксовой теоріи. Однако, нѣтъ рѣшительно никакого основанія думать, что г. Леонэ испыталъ на себѣ вліяніе нашихъ „субъективистовъ". Откуда же ему сіе? *Отъ анархистовъ.*

Не отъ тѣхъ анархистовъ, которые рукоплещутъ теперь „критикамъ Маркса" и, подобно „субъективистамъ", видятъ въ историческомъ матеріализмѣ теорію, грѣшащую крайней „узостью", а отъ тѣхъ, которые сами пытались опереться на матеріалистическое объясненіе исторіи. Наиболѣе замѣтной величиной между анархистами этого второго рода былъ М. А. Бакунинъ.

Извѣстно, что М. А. Бакунинъ, такъ упорно воевавшій съ Марксомъ въ Международномъ Товариществѣ Рабочихъ, самъ склонялся къ историческому матеріализму. Склонялся, конечно, на свой особый ладъ, но все-таки склонялся. Въ своемъ сочиненіи *„Государственность и анархія"* онъ писалъ о Марксѣ: ... „нѣтъ сомнѣнія, что въ безпощадной критикѣ, направленной имъ противъ Прудона, много правды: Прудонъ, несмотря на всѣ старанія стать на почву реальную, остался идеалистомъ и метафизикомъ. Его точка отправленія — абстрактная идея права, а г. Марксъ, въ противоположность ему, высказалъ и доказалъ ту несомнѣнную истину, подтверждаемую всей прошлой и настоящей исторіей человѣческаго общества, народовъ и государствъ, что экономическій фактъ всегда предшествовалъ и предшествуетъ юридическому и политическому праву. Въ изложеніи и доказательствѣ этой истины состоитъ именно одна изъ главныхъ научныхъ заслугъ г. Маркса" [1]).

Признавая за Марксомъ эту научную заслугу, Бакунинъ находилъ въ то же время, что авторъ „Капитала" не съумѣлъ,—

[1]) Сочиненія М. А. Бакунина, изданіе И. Балашова, т. II, стр. 173—174.

Digitized by Google

вѣрнѣе, не захотѣлъ, вслѣдствіе свойственнаго ему опортюнизма,—сдѣлать надлежащіе выводы изъ своего великаго открытія. Бакунинъ полагалъ, что если „экономическій фактъ" предшествуетъ всѣмъ остальнымъ „фактамъ" общественной жизни, то ни одинъ изъ этихъ остальныхъ фактовъ не можетъ, съ своей стороны, повліять на общественную экономику. Поэтому Бакунинъ былъ видимо вѣренъ *своему* пониманію историческаго матеріализма, когда говорилъ, что *жизнь* общественная всегда предшествуетъ общественной *мысли*, но „никогда не бываетъ ея результатомъ" [1]). Извѣстно, что Бакунинъ и его послѣдователи пренебрежительно относились къ *пропагандѣ*. Извѣстно также что Бакунинъ не признавалъ никакой другой „политики", кромѣ разрушенія государства: это тоже вполнѣ послѣдовательно со стороны человѣка, каждый былъ убѣжденъ, что *„экономическій* фактъ", предшествуя—*политическому*, не можетъ подвергаться обратному вліянію этого послѣдняго. А если Марксъ, несравненно шире, глубже и вѣрнѣе понимавшій отношеніе экономики къ политикѣ, думалъ что, завоеваніе политической власти пролетаріатомъ представляетъ собою необходимое предварительное условіе устраненія капитализма, то Бакунинъ объяснялъ это его непослѣдовательностью, дурными свойствами его характера, его непреодолимымъ „стремленіемъ къ сдѣлкамъ съ радикальной буржуазіей" [2]). Въ этихъ сдѣлкахъ заключалась, по его мнѣнію, вся суть политической программы Маркса.

Вотъ это то до послѣдней степени ошибочное,—и ужъ разумѣется, ни мало не „подтверждаемое прошлой и настоящей исторіей человѣческаго общества", пониманіе историческаго матеріализма и разогрѣваетъ теперь г. Леонэ, поднося его намъ, какъ самое истинное, какъ самое неподдѣльное ученіе Маркса! *Синдикалистская критика „традиціоннаго соціализма" опирается, такимъ образомъ, какъ разъ на тѣ же теоретическія положенія, которыя служили нѣкогда анархистамъ и ихъ кампаніи противъ политики и тактики Маркса въ интернаціоналѣ. Это обстоятельство въ высшей степени важно для пониманія природы и тактики „революціоннаго синдикализма". Его необходимо замѣтить.*

Впрочемъ, мы еще не разъ столкнемся съ нимъ въ своихъ собесѣдованіяхъ съ „революціонными синдикалистами" другихъ странъ.

---

[1]) Ibid., стр. 167.
[2]) Ibid., стр. 222.

Digitized by Google

VIII.

Зная, какъ хорошо понялъ г. Леонэ теорію историческаго матеріализма, мы легко поймемъ и его непримиримую ненависть къ „традиціонному соціализму“. Эта ненависть тоже заимствована имъ у г.г. анархистовъ. И г. Леонэ ни мало не грѣшитъ противъ логики, — а это бываетъ съ нимъ крайне рѣдко, — слѣдующимъ образомъ громя „традиціоный соціализмъ“.

„Открытіе Маркса, воочію доказавшее, что экономическая власть предшествуетъ политической и что мощь государства является ничѣмъ инымъ, какъ продуктомъ экономическаго господства [1]) буржуазіи—не получило никакого практическаго примѣненія. Всюду, гдѣ бы онѣ ни возникали, соціалистическія партіи съ перваго же дня становились на точку зрѣнія концепціи, опрокидывавшей вверхъ ногами эту историческую истину; не экономика, экономическія силы и классовые интересы порождаютъ собою послѣдующія политическія формы, а, наоборотъ, политика опредѣляетъ собой экономику — такова сущность этой ложной концепціи“ (стр. 51).

Это какъ будто дословно взято у Бакунина.

А вотъ какъ изображаетъ нашъ авторъ преимущества и „открытія“ синдикализма.

„Всецѣло въ духѣ маркситскаго метода, онъ съ почвы экономики перешелъ къ своимъ послѣдующимъ соціологическимъ индукціямъ, что несомнѣнно даетъ ему неоспоримый практическій и методологическій перевѣсъ надъ *реформизмомъ*, который вмѣсто того, чтобы перейти съ почвы экономики къ ея политической надстройкѣ, исходитъ, наоборотъ, изъ политики, государства, намѣреваясь осуществить при ихъ посредствѣ великую экономическую революцію. Это открытіе *экономическаго* метода соціалистическаго изслѣдованія и позволяетъ синдикализму неустанно продолжать развитіе сущности и духа марксизма. ...Но синдикализмъ при посредствѣ своего плодотворнаго метода наблюденія не могъ не прійти вскорѣ къ пониманію глубокихъ причинъ, породившихъ кризисъ соціализма. Его широкій круговоръ, съ которымъ онъ созерцаетъ ходъ современной исторіи, далъ ему возможность открыть всеобъемлющія потребности, новыя формы практики,

---

[1]) Въ русскомъ переводѣ стоитъ: „экономическаго государства“, но это, конечно, опечатка. Въ подлинникѣ (стр. 68) говорится о „*dominio economico*“.

Digitized by Google

борьбы и завоеваній, необходимыя пролетаріату для завершенія цикла его освободительнаго движенія. И онъ замѣтилъ раньше всего, что конституированіе соціализма къ *политическую партію* было главной причиной его вырожденія въ демократію и исчезновенія боевого духа (стр. 44—45).

„Открытіе экономическаго метода"; „плодотворный методъ наблюденія"; „широкій кругозоръ"; „созерцаніе хода современной исторіи"; открытіе всеобъемлющихъ потребностей, новыхъ формъ" и прочая, и прочая, и прочая—все это сводится „раньше всего" къ „открытію", которое около сорока лѣтъ тому назадъ сдѣлано было М. А. Бакунинымъ. До смѣшного громкія слова, какъ водится, прикрываютъ собою самое жалкое содержаніе. И нужно много доброй воли,—или разсѣянности? Невнимательнаго отношенія къ предмету? — чтобы увидѣть хотя бы самомалѣйшую дозу глубокомыслія въ этомъ полнѣйшемъ „отсутствіи всякаго присутствія"!

Дѣло не въ томъ, что г. Леонэ ошибается; латинская пословица справедливо говоритъ: errare humanum est. Дѣло въ томъ, что безчисленныя ошибки г. Леонэ обнаруживаютъ въ немъ самую полную, самую совершенную неподготовленность къ обращенію съ тѣми понятіями, которыми онъ хочетъ оперировать. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ.

Давая свое „реалистическое (sic!) толкованіе историческаго матеріализма", онъ говоритъ: „Марксъ всегда выражалъ ту истину, что для завершенія всякаго соціальнаго переворота необходимо, чтобы въ старомъ обществѣ созрѣли экономическія условія его собственнаго разрушенія, а также и предварительныя условія новаго общества, создающагося на развалинахъ перваго. Глубоко, слѣдовательно, ошибается какъ традиціонный соціализмъ, такъ и соціалдемократическій ревизіонизмъ, когда они въ абстрактныхъ условіяхъ *современнаго общества* желаютъ найти условія новой соціальной формаціи" (стр. 48).

Что это такое: *абстрактныя условія современнаго общества*? Какимъ образомъ *„условія"* какого нибудь общества могутъ быть *абстрактными*? Это неизвѣстно ни намъ съ вами, читатель, ни нашему „глубокомысленному" автору. Далѣе. Та, выраженная Марксомъ, истина на которую намекаетъ здѣсь г. Леонэ, имѣетъ въ дѣйствительности совсѣмъ не тотъ видъ, какой получила она въ приведенныхъ мною строкахъ. Марксъ говоритъ, что ни одна общественная формація не сходитъ съ исторической сцены прежде, чѣмъ разовьются тѣ производительныя силы, которыя могутъ развиться въ ея нѣдрахъ, и новая общественная форма-

Digitized by Google

ція никогда не занимаетъ мѣста старой прежде, чѣмъ возникнутъ необходимыя для ея существованія матеріальныя условія. И подъ этими матеріальными условіями онъ, опять таки, понимаетъ соотвѣтствующее состояніе производительныхъ силъ, ходомъ развитія которыхъ опредѣляется, въ концѣ концовъ, все общественное развитіе. Марксъ показываетъ въ чемъ заключается коренная причина общественныхъ переворотовъ. Она состоитъ, по его ученію, въ томъ, что *производственныя отношенія* перестаютъ соотвѣтствовать *состоянію производительныхъ силъ*: сначала данныя производственныя отношенія *способствуютъ* развитію этихъ силъ, а потомъ они *превращаются въ препятствіе* для него, и тогда начинается эпоха общественнаго переворота. Вотъ и все. Если отсюда можно сдѣлать какой-нибудь выводъ, то „раньше всего" тотъ, что г. Энрико Леонэ, несмотря на свое „реалистическое толкованіе матеріализма", ровно ничего не понялъ въ исторической теоріи Маркса.

Судите сами. Когда производительныя силы даннаго общества приходятъ въ противорѣчіе съ его производственными отношеніями, это значитъ, что его *имущественныя отношенія* начинаютъ тормозить развитіе его производительныхъ силъ. Чтобы дать новый просторъ развитію общественныхъ производительныхъ силъ, надо *измѣнить его имущественныя отношенія*. А что нужно для того, чтобы измѣнить ихъ? Нужно, чтобы политическая власть изъ рукъ класса, заинтересованнаго въ сохраненіи старой формы собственности, перешла въ руки того класса, который заинтересованъ въ созданіи новой ея формы. Это ясно, какъ божій день. А вѣдь этотъ переходъ политической власти въ руки прогрессивнаго класса и означаетъ собою „диктатуру", этого класса — ту самую диктатуру, одна мысль о которой казалась Бакунину гнусной измѣной дѣлу рабочаго класса, и стремленіе къ которой такъ рѣшительно осуждаетъ, вслѣдъ за Бакунинымъ, г. Леонэ. Вотъ что называется попасть пальцемъ въ небо.

Потомъ. Если политическая власть можетъ способствовать измѣненію *формъ собственности*, то это значитъ, что выросшая на „экономическомъ фактѣ" надстройка можетъ оказывать на него вліяніе съ своей стороны. А нашъ авторъ увѣрялъ насъ вслѣдъ за Бакунинымъ, что это невозможно, и что всякій, кто только позволяетъ себѣ допускать возможность указаннаго нами обратнаго вліянія, совершаетъ смертный грѣхъ противъ ученія Маркса. Хорошо „реалистическое" толкованіе историческаго матеріализма!

Digitized by Google

IX.

Рѣшивъ укрѣпиться на позиціи „реалистически истолкованнаго“ историческаго матеріализма, г. Леонэ продолжаетъ:

„Экономическій базисъ соціализма такимъ образомъ уже найденъ. При помощи цѣлой плеяды своихъ правовыхъ, соціальныхъ и политическихъ институтовъ, опирающихся на государство, капитализмъ развивается въ своей собственной промышленной *средѣ*. Соціализму, слѣдовательно, во чтобы-то ни стало, необходимо расцвѣсть именно въ кругу этого капиталистическаго производства на той же экономической почвѣ. Таковыми (каковыми? Г. П.) являются въ дѣйствительности лишь профессіональные организмы (стр. 48).

Полюбуйтесь, какой видъ приняла здѣсь „концепція“ Маркса.

По Марксу, юридическая, политическая и т. д. „*надстройка*“ выростаетъ на *экономической основѣ*. У г. Леонэ, который „уже нашелъ“ для соціализма „экономическій базисъ“, *капитализмъ*, т. е. опредѣленная совокупность производственныхъ отношеній, т. е. какъ разъ экономическая „основа“, на которой воздвигается „надстройка“, — развивается „при помощи правовыхъ, соціальныхъ и политическихъ институтовъ“ (т. е. „надстройки“), „*опирающихся на государство*“. Другими словами: историческій матеріализмъ, получивъ „реалистическое“ истолкованіе, кажется поставленнымъ на голову. Впрочемъ, *только кажется*. Что такое эта „плеяда политическихъ“ и другихъ „институтовъ“? *Это*,— между прочимъ,—*государство*. Выходитъ, стало быть, что капитализмъ развивается при помощи „институтовъ“, *составляющихся* между прочимъ, и „*опирающихся* на государство“. Государство опирается не на экономическую основу, а... на государство. Это простая нелѣпость, свидѣтельствующая уже не о томъ, что г. Леонэ искажаетъ смыслъ Марксовой теоріи подъ предлогомъ ея „реалистическаго“ истолкованія, — „по нонѣшнему времени“, это довольно обычное явленіе, — а о томъ, что, говоря объ этой теоріи онъ вовсе не вкладываетъ въ свои слова никакого смысла. Потому-то я сказалъ, что *только кажется*, будто онъ ставитъ ее на голову. Куда тамъ! Ce serait trop beau!

Но и это еще не конецъ теоретическимъ злоключеніямъ г. Леонэ. Такъ какъ *капитализмъ* развивается въ своей собственной промышленной средѣ, то, „слѣдовательно“, *соціализмъ* непремѣнно долженъ „расцвѣсть именно въ кругу этого капита-

Digitized by Google

листическаго производства". Вникнемъ въ этотъ странный силлогизмъ.

Что называется *капитализмомъ?* Совокупность извѣстныхъ отношеній производства. А что такое „своя собственная промышленная среда капитализма"? Очевидно, та же совокупность тѣхъ же отношеній. Что же хочетъ сказать г. Леонэ, говоря, что капитализмъ развивается въ своей собственной средѣ? Мнѣ неизвѣстно, что собственно ему *хочется* сказать, но знаю навѣрно, что ему не удается сказать ничего, кромѣ безсодержательной тавтологіи.

Дальше въ силлогизмѣ г. Леонэ идетъ „то, слѣдовательно", и т. д. Прежде, чѣмъ мы возьмемся за опредѣленіе логической цѣны этого „слѣдовательно", мы спросимъ себя: что понимаетъ здѣсь нашъ авторъ подъ словомъ соціализмъ?

Когда мы противопоставляемъ *соціализмъ капитализму*, мы должны понимать подъ этимъ словомъ тоже не что иное, какъ *опредѣленную совокупность производственныхъ отношеній.* Это, именно, такая совокупность производственныхъ отношеній, которая *замѣнитъ собою капиталистическія производственныя* отношенія. Но если это такъ, *„то слѣдовательно"*, соціализмъ рѣшительно не можетъ выполнить предъявленное къ нему нашимъ „революціоннымъ синдикалистомъ" требованіе; „расцвѣсть именно въ кругу этого капиталистическаго производства". Расцвѣтъ соціализма *предполагаетъ* устраненіе капитализма. Сказать, что соціализмъ долженъ расцвѣсть на той же экономической почвѣ, на которой расцвѣлъ капитализмъ, значитъ сказать, что соціализмъ долженъ расцвѣсть *на основѣ буржуазныхъ имущественныхъ отношеній.* Но на почвѣ этихъ отношеній могъ бы „расцвѣсть" *развѣ только*—сдѣлаемъ уступку г. Леонэ,—*буржуазный* соціализмъ.

А „профессіональные организмы"? Профессіональные организмы, это—вовсе не соціализмъ; это—просто на просто организаціи рабочихъ, борющихся съ предпринимателями за лучшія условія продажи своей рабочей силы. Что эти организаціи полезны для рабочихъ *не только тѣмъ, что онѣ служатъ имъ оплотомъ въ ихъ борьбѣ за лучшія условія продажи ими своей рабочей силы;* что онѣ, какъ говорилъ когда-то Марксъ, являются организованными факторами упраздненія системы наемнаго труда и господства капитала" [1])—это не подлежитъ ни самомалѣйшему сомнѣнію; но это еще не дѣлаетъ ихъ *соціализмомъ.*

1 Ср. Г. Іеккъ (*Г. Екк*) Интернаціоналъ, С.-Петербургъ 1906, стр. 41.

Digitized by Google

И точно также это еще не даетъ основанія отвергать политическую борьбу во имя борьбы, ведомой „производительными организмами“. И ужъ менѣе всего можно, отвергая „политику“ во имя экономической борьбы, ссылаться на Маркса. Въ этомъ случаѣ несравненно правильнѣе будетъ, какъ мы уже знаемъ, сослаться на М. А. Бакунина. У Маркса „экономика“ совсѣмъ не исключаетъ „политики“. Наоборотъ.

Марксъ говоритъ: „экономическія отношенія превратили сперва массу народонаселенія въ рабочихъ. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положеніе и общіе интересы. Такимъ образомъ, по отношенію къ капиталу, масса является уже классомъ, но сама для себя она еще не классъ. Въ борьбѣ, сплоченная масса вырабатывается въ классѣ для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами, но борьба между классами есть борьба политическая“ [1]).

И какъ будто затѣмъ, чтобы не оставалось никакого сомнѣнія на счетъ того, какъ смотритъ онъ на „политику“, Марксъ съ сочувствіемъ указываетъ на *чартизмъ*, эту „большую политическую партію“,—боровшуюся одновременно съ экономической борьбой пролетаріата [2]), а на послѣдней страницѣ цитируемой мною книги онъ восклицаетъ: „не говорите, что соціальное движеніе исключаетъ политическое. Никогда еще не существовало политическаго движенія, которое не было бы въ то же время соціальнымъ“ [3]).

X.

Врядъ ли нужно приводить новыя доказательства въ пользу той „до очевидности ясной“ истины, что г. Леонэ безусловно неспособенъ хоть немного разобраться въ тѣхъ теоретическихъ вопросахъ, о которыхъ спорили ревизіонисты съ марксистами. Однако, это печальное обстоятельство не мѣшаетъ ему гораздо больше сочувствовать ревизіонистамъ, нежели марксистамъ. Въ сущности онъ тоже—дитя „кризиса“, онъ тоже—плодъ ревизіонизма. И онъ самъ признаетъ это, говоря: „На той же почвѣ кризиса соціализма сразу отмѣтились два различныхъ метода рѣшенія вопроса: одинъ специфически политическій (реформизмъ), другой—исключительно экономико-соціальный“, т. е. синдикализмъ (стр. 27).

---

[1]) Нищета философіи, стр. 140—141.

[2]) Тамъ же, стр. 140.

[3]) Тамъ же, стр. 142.

Digitized by Google

Мы видѣли въ первой статьѣ, что такое же признаніе общности происхожденія синдикализма и реформизма дѣлаетъ и Ар. Лабріола. И, какъ увидимъ ниже, та же общность признается и *реформистомъ* Бономи. Эти признанія весьма многозначительны.

По словамъ г. Леонэ, реформизмъ „легко бралъ верхъ надъ революціонизмомъ на традиціонной партійной почвѣ", но, въ свою очередь, не можетъ устоять передъ синдикалистской критикой.

Въ чемъ же состоитъ разница между этими близкими родственниками? А вотъ въ чемъ.

Реформизмъ отдаляетъ соціализмъ „отъ его гранитныхъ принциповъ въ сторону демократіи" (стр. 28).

Синдикализмъ,—т. е. синдикализмъ, называющій и искренне считающій себя *революціоннымъ*,—противополагаетъ этому „другое рѣшеніе, которое при свѣтѣ жизненнаго опыта и спеціальныхъ факторовъ является единственнымъ средствомъ для предохраненія соціализма отъ вырожденія въ буржуазную софистику" (стр. 28).

Я согласенъ, что характеристика синдикализма остается здѣсь весьма сбивчивой. Поэтому продолжаю выписку.

„Какъ *реформистскій*, такъ и *синдикалистскій* пересмотръ современнаго соціализма—оба ставятъ себѣ одну и ту же задачу: согласовать *практику* съ *принципами*. Бернштейніанскій ревизіонизмъ, произведшій весьма тщательный анализъ, противъ котораго критика Каутскаго оказалась далеко не побѣдоносной, установилъ слѣдующую неопровержимую истину: соціалистическая партія впала въ явное противорѣчіе: она исповѣдуетъ соціалистическіе принципы, но *практика* ея лишь демократична. Задача, слѣдовательно, состоитъ въ томъ, чтобы согласовать эти два противорѣчивыхъ элемента, путемъ включенія въ программу и въ тактику новыхъ демократически—соціальныхъ принциповъ, соотвѣтствующихъ этой демократической *практикѣ*. Такъ разсуждаетъ реформизмъ. Синдикализмъ съ своей стороны констатируетъ то же самое. Онъ говоритъ: вся жизнь соціалистической партіи въ излюбленной ею области политики ничѣмъ не отличается отъ демократіи, за исключеніемъ лишь формальнаго и отдаленнаго идеала. Сухое же подчеркиваніе какого бы то ни было отдаленнаго идеала далеко еще не можетъ служить отличительной чертой для характеристики тѣхъ или иныхъ соціальныхъ силъ... Именно поэтому *практика* и должна быть согласована съ соціалистическими принципами; необходимо вернуть ее къ своему (т. е. къ ея, г. Кирдецовъ, Г. П.) базису чисто клас-

Digitized by Google

совой борьбы, на почву производства, въ рамки современной промышленной организаціи" (стр. 28—29).

Теперь дѣло становится гораздо яснѣе. Реформизмъ хотѣлъ бы превратить партію пролетаріата въ чисто демократическую партію, а синдикализмъ отбрасываетъ всякую „*политику*" и приглашаетъ пролетаріатъ сосредоточить свои усилія „на почвѣ производства", т. е. въ области *экономической* борьбы.

Это такъ. И г. Леонэ рѣдко удается обнаружить подобную ясность мысли. Но дальше онъ опять сбивается.

„По требованію реформизма измѣненіе должны потерпѣть именно принципы; его объектъ (т. е. задача, цѣль, г. Кирдецовъ. Г. II.) носитъ, слѣдовательно, преимущественно доктринерскій характеръ; для синдикализма же рѣчь идетъ, наоборотъ, объ исправленіи дѣйствія. Его миссія, такимъ образомъ, является существенно-практической" (стр. 29).

Подождите, не торопитесь, г. Леонэ! *Если дѣло обстоитъ такъ, какъ вы же сами его изображаете; то не реформизмъ, а именно синдикализмъ отличается „доктринерскимъ характеромъ"*.

„Тщательный анализъ" Бернштейна, „противъ котораго критика Каутскаго оказалась далеко не побѣдоносной", утверждалъ, что взгляды „традиціоннаго соціализма" во многомъ не соотвѣтствуютъ *дѣйствительному* ходу общественнаго развитія. И это чувствовали сами „традиціонные соціалисты", *практика* которыхъ *именно поэтому* перестала соотвѣтствовать ихъ *теоріи*. Но они все еще держатся за старую, опровергнутую жизнью теорію. И, благодаря этому, они попадаютъ въ противорѣчіе самими съ собою. Но если *теорія* опровергается *жизнью*, то остается только *отказаться отъ теоріи*.

Такъ разсуждаетъ „тщательный анализъ" г. Бернштейна. И если только вѣрны основныя положенія этого „анализа"; если старая теорія въ самомъ дѣлѣ противорѣчитъ новому направленію общественнаго развитія,—а вы, хотя и не рѣшительно, но въ послѣднемъ счетѣ все таки признаете это, г. Леонэ,—то доктринеръ не тотъ, кто отказывается отъ *теоріи* въ интересахъ *дѣйствія*, подсказываемаго *самой жизнью*, а тотъ, кто не хочетъ отказаться отъ своихъ „*„гранитныхъ принциповъ*", несмотря на то, что *жизнь* осудила ихъ.

У реформистовъ было много грѣховъ по части логики. Но *въ этомъ случаѣ* ихъ выводъ въ самомъ дѣлѣ надо признать безукоризненнымъ: *если вѣрно* все то, что говорили они,—со словъ буржуазныхъ экономистовъ въ родѣ Шульце-Геверница,—

Digitized by Google

о ходѣ развитія въ современномъ капиталистическомъ обществѣ, то „гранитные принципы соціализма“ имѣютъ столько же цѣны, сколько ея имѣетъ прошлогодній снѣгъ. И жалкими, смѣшными, заранѣе осужденными на неудачу доктринерами должны быть признаны тѣ, которые усиливаются приладить свое “дѣйствіе“ къ этимъ устарѣлымъ принципамъ.

Конечно, то, что говорили реформисты о новомъ направленіи въ ходѣ капиталистическаго развитія *не вѣрно*: „тщательный анализъ“ г. Бернштейна не можетъ быть признанъ ни тщательнымъ, ни,—еще того менѣе,—убѣдительнымъ, но вѣдь г. Леонэ съ этимъ совсѣмъ не согласенъ. Онъ, наоборотъ, думаетъ, что по части относящагося сюда „анализа“ сильнѣе г. Бернштейна „звѣря нѣтъ“. Поэтому *у него* не можетъ быть другого вывода, какъ или перейти въ лагерь реформистовъ и тѣмъ хоть отчасти, хоть немножечко помириться съ логикой, или же окончательно поссориться съ этой послѣдней и преподносить рабочему классу, на каждомъ шагу противорѣча самому себѣ, ту поразительную путаницу понятій, ту совершенно неудобоваримую смѣсь изъ стараго анархизма и новѣйшаго манчестерства, которая называется у него теоріей революціоннаго синдикализма. Г. Леонэ не колеблется въ выборѣ.

XI.

„Новая форма развитія общественнаго процесса, такимъ образомъ, уже найдена. Послѣдній, какъ это видимъ, соотвѣтствуетъ ортодоксальному марксизму, не ставится больше въ зависимость отъ концентраціи капиталовъ въ рукахъ все болѣе уменьшающагося числа капиталистовъ, а зависитъ отъ степени развитія этого специфически пролетарскаго органа, носящаго въ себѣ зародышъ будущности человѣчества“ (стр. 86).

Такъ говоритъ... г. Леонэ. Само собою понятно, что специфически пролетарскій органъ есть профессіональный союзъ. Но спрашивается: развѣ же развитіе профессіональныхъ союзовъ не опредѣляется ходомъ развитія капитализма? Развѣ же ростъ и тактика этихъ союзовъ не зависитъ, между прочимъ, отъ концентраціи капиталовъ? Зачѣмъ придумалъ г. Леонэ это ни съ чѣмъ несообразное противопоставленіе? И причемъ тутъ злополучный, такъ сильно пострадавшій отъ „тщательнаго анализа“ г. Бернштейна“, ортодоксальный марксизмъ“?

Дѣло вотъ въ чемъ.

Реформизмъ былъ, какъ выражается нашъ авторъ, „*омраченъ*

Digitized by Google

крушеніемъ предсказанной концентраціи капиталовъ" (стр. 87). И это его „омраченіе" не осталось безъ вліянія и на родственнаго ему г. Леонэ. „Глубокомысленный" теоретикъ синдикализма понималъ,—хотя, по своему обыкновенію, довольно смутно,—что „крушеніе концентраціи капиталовъ" можетъ, пожалуй, послужить доводомъ, между прочимъ, и противъ его собственныхъ „гранитныхъ принциповъ". И вотъ, чтобы подпереть эти неустойчивые, хотя и очень твердые принципы, онъ вспомнилъ объ ортодоксальномъ марксизмѣ.

У Маркса въ „Нищетѣ философіи" (стр. 141 рус. перевода) сказано: „Изъ всѣхъ орудій производства наибольшую производительную силу представляетъ самъ революціонный классъ". Вотъ за эти-то слова Маркса и ухватился г. Леонэ, хотя и беззаботный насчетъ теоріи, но все-таки нѣсколько „омраченный" ревизіонистской критикой.

Онъ пустился въ такое разсужденіе: „Въ „Нищетѣ философіи" самъ Марксъ замѣчаетъ, что изъ производительныхъ силъ наиболѣе сильной (наиболѣе сильная сила... Ахъ, г. Кирдецовъ! Г. П.) является именно революціонный рабочій *классъ*. Но процессъ, получающійся, какъ результатъ антитезы нормальнаго производства (?! Г. П.), не есть еще тотъ именно, который порождаетъ опредѣленный общественный переворотъ. Каждый день, въ любую, можно сказать, минуту, въ современной фабрикѣ рабочая сила находится въ противорѣчіи со стремленіями капиталиста; каждый день проявляется неизлѣчимый антагонизмъ между покупателемъ (капиталистомъ) и продавцемъ (наемнымъ работникомъ) производительной силы. Когда Марксъ, слѣдовательно (мы уже привыкли къ тому, что у г-на Леонэ слово: *„слѣдовательно"* является всегда совершенно неожиданно. Г. П.), говоритъ о „соціальномъ конфликтѣ" между производительными силами и формой производства, какъ о *моментѣ* морфологическаго перехода отъ одной соціальной эры къ другой, то онъ имѣлъ въ виду не эти повседневныя столкновенія антагонистическихъ интересовъ, а — опредѣленную коллизію между существующимъ общественнымъ организмомъ (формой производства) и производительными (рабочими) силами, которыя въ свою очередь также сорганизованы въ опредѣленный организмъ" (стр. 81).

Эта тяжеловѣсная галиматья означаетъ, что, согласно „реалистическому" истолкованію историческаго матеріализма, все противорѣчіе между производительными силами и производственными отношеніями сводится къ возстанію профессіональныхъ союзовъ

Digitized by Google

противъ существующаго порядка вещей. И г. Леонэ даже и въ голову не приходитъ, что для своего благопріятнаго исхода борьба названныхъ организацій съ существующимъ порядкомъ нуждается въ наличности *извѣстныхъ объективныхъ условій*, напримѣръ, той же концентраціи капиталовъ, которая, по словамъ нашего автора, потерпѣла „крушеніе“. Марксъ не ограничился тѣмъ замѣчаніемъ, что сознательный пролетаріатъ представляетъ собою наибольшую производительную силу. Онъ тотчасъ же прибавилъ, что организація новаторскихъ элементовъ въ классъ „уже заранѣе предполагаетъ существованіе всѣхъ тѣхъ производительныхъ силъ, которыя могли зародиться въ нѣдрахъ стараго общества“. Но это существенное прибавленіе теряетъ всякій смыслъ въ глазахъ г. Леонэ, который вообразилъ, что понятіе: „производительныя силы“ совершенно исчерпывается понятіемъ: „сознательный рабочій классъ“. А потому и „соціализмъ“ г. Леонэ пріобрѣтаетъ особый—*„волюнтарный“*,—характеръ, сильно сближающій его съ покойнымъ утопическимъ соціализмомъ: въ какую бы сторону ни направлялось экономическое развитіе современнаго общества, это все равно, лишь бы у профессіональныхъ союзовъ была *воля* къ овладѣнію средствами производства. Даже лучше, если „концентрація капиталовъ потерпитъ крушеніе“, а число лицъ, заинтересованныхъ въ защитѣ буржуазнаго государства увеличится, тогда, по мнѣнію г. Леонэ, будетъ вырвана всякая почва изъ-подъ ногъ реформизма“.

Это не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ. „До очевидности ясно“, что съ Марксомъ нашему автору окончательно не везетъ, и что если онъ когда-нибудь воображалъ себя „ортодоксальнымъ марксистомъ“, то это было чистѣйшее недоразумѣніе. Потому-то онъ и оказался безсильнымъ противъ „кризиса“, что этотъ послѣдній засталъ его совершенно неподготовленнымъ для сужденія о выдвинутыхъ полемикой теоретическихъ вопросахъ. Безсильный, неловкій и безпомощный въ вопросахъ этого рода, г. Леонэ поплылъ по теченію и круто повернулся спиной къ оставшимся непонятными для него теоріямъ „традиціоннаго соціализма“. Но если на нѣмецкихъ ревизіонистовъ вліяли главнымъ образомъ новѣйшіе *нѣмецкіе* буржуазные экономисты, нисколько не возставшіе противъ государственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь общества, то г. Леонэ,—какъ и г. Ар. Лабріола,—подчинился вліянію *итальянскихъ „манчестерцевъ“* школы Панталеонэ-Парэто. Весь „соціализмъ“ г. Леонэ зиждется на основныхъ положеніяхъ, разрабатываемыхъ этой школой „чи-

Digitized by Google

стой экономіи". А такъ какъ „чистая экон омія" (economia pura) въ лицѣ своихъ главныхъ представителей, приходитъ къ существенно буржуазнымъ выводамъ,—что, впрочемъ, вполнѣ согласно съ ея истинной природой,—то г. Леонэ, подобно г. Ар. Лабріолѣ, подсыпаетъ въ ея прѣсную похлебку бакунистскаго перцу. Мы уже знаемъ, какъ близко подходитъ „ученіе" г. Леонэ къ ученію Бакунина. Теперь посмотримъ, какъ относится оно къ „чистой экономіи".

(Окончаніе слѣдуетъ).

Г. Плехановъ.

Digitized by Google

Gloria victis!

(1863).

Новела *Элизы Ожешко*.

(Переводъ съ польскаго *И. Смидовичъ*).

I.

Летѣлъ Вѣтеръ надъ міромъ, любопытный, неспокойный, слушалъ шелестъ и разсказы водъ, хлѣбовъ, придорожныхъ деревьевъ, полевыхъ цвѣтовъ и--шумѣлъ. Онъ шумѣлъ обо всемъ, что видѣлъ, что слышалъ на широкомъ, просторномъ, дивномъ свѣтѣ и летѣлъ... пока не прилетѣлъ въ тотъ край, богатый водами, травами и деревьями, который называется литовскимъ Полѣсьемъ.

Гей ты, ширь просторная, для быстраго Вѣтра привольная, раскинулась ты, ширь, на равнинахъ, что поддерживаютъ небеса вокругъ безъ единой помѣхи, безъ перерыва. Нѣтъ ни одной горы, нѣтъ ни одного холмика, чтобы удариться здѣсь Вѣтру быстрому! Нѣтъ ни одного высокаго мѣста, которое бы удержало его полетъ! Развѣ только темный лѣсъ встанетъ передъ нимъ, нахмурившись, и прошепчетъ надъ безбрежными лугами, надъ разлившимися по нимъ водами одно слово: тайна!

Но нѣтъ у лѣса тайнъ отъ Вѣтра. Они—друзья. Въ лѣсныя чащи проникаетъ Вѣтеръ, пробѣгаетъ ихъ отъ края и до края, онѣ разсказываютъ ему все, что видѣли, все, что слышали. Прильнувъ другъ къ другу, въ звѣздныя ночи, въ снѣжные, бѣлые дни, въ осенніе хмурые отъ тучъ вечера, шумящіе дождями, ведутъ два пріятеля длинные разговоры между собой.

На этотъ разъ Вѣтеръ летѣлъ надъ Полѣсьемъ, когда лѣтнее солнце клонилось къ западу и въ блескѣ его лучей заалѣли, какъ зори, луговыя гвоздики, а воды одѣлись въ радужныя цвѣта. Лѣниво струились воды по своимъ многочисленнымъ русламъ, сверкая фіолетовыми цвѣтами, пурпуромъ и золотомъ.,. А надъ ними въ воздухѣ ширилась и росла глубокая голубая тишина.

Digitized by Google

Вѣтеръ не нарушалъ тишины. Онъ былъ не изъ тѣхъ вѣтровъ, что гремятъ и гудятъ, потрясаютъ и опрокидываютъ. Онъ былъ изъ тѣхъ, которые любятъ свѣтъ. Онъ леталъ по свѣту, чтобы собирать его былины и сказки, минувшія дѣла, вырвавшіеся стоны, эхо былыхъ битвъ, чтобы собирать пылинки его надеждъ, накипь его страданій, отзвуки его пѣсенъ и нести ихъ въ пространство, въ даль, во время, въ память, въ сердца...

Пролетѣлъ Вѣтеръ быстрый надъ широкими лугами, тихой лаской коснулся мимолетно румяной гвоздики и красноватаго щавеля, съ нѣжной рѣзвостью собралъ онъ въ легкую зыбь радужную поверхность водъ, какъ вдругъ передъ нимъ развернулась полоска воды, совершенно иной, чѣмъ другія. Неподвижно стояла она въ водоемѣ, сдѣланномъ руками людскими.

Вѣтеръ зналъ, какая это вода и какъ она называется. Онъ былъ уже здѣсь полвѣка назадъ и узналъ тогда, что это королевскій каналъ. Гей, гей, ты полоска блѣдноголубоватой и сонной воды! Развѣ же можешь ты быть препятствіемъ для быстраго Вѣтра.

Еще раньше, чѣмъ успѣлъ мотылекъ взлетѣть съ прибрежной травы и опуститься на верхушку осоки, чтобы тамъ, готовясь ко сну, свернуть свои золотистыя крылышки. Вѣтеръ перелетѣлъ уже надъ королевскимъ каналомъ и лицомъ къ лицу столкнулся съ широко раскинувшимся, высокоствольнымъ, тѣнистымъ, узорчатымъ лѣсомъ. Полъ столѣтія уплыло съ тѣхъ поръ, какъ онъ здѣсь былъ, и все же онъ тотчасъ узналъ своего друга.

— Какъ поживаешь?—зашелестѣлъ онъ весело.

И лѣсъ зашумѣлъ ему въ отвѣтъ:

— Здравствуй, здравствуй, милый скиталецъ.

Влетѣлъ Вѣтеръ въ лѣсъ, радостный, веселый, ловкій, запорхалъ среди елей, березъ, ольхъ, дубовъ, обвѣвая крыльями стволы старыхъ пріятелей, покрывая ихъ вѣтви привѣтственными поцѣлуями.

— Какъ живете?—шепталъ и шелестѣлъ онъ. — Что видѣли за это время, что слышали? Что у васъ тутъ дѣлалось, что творилось вокругъ?

А старыя ели, березы, дубы отвѣчали, помахивая развѣсистыми вѣтвями:

— Дивныя дѣла дѣлались у насъ, дивныя дѣла творились вокругъ, громкія бурныя дѣла съ воплями, стонами и криками...

— Что, что, что же дѣлалось тутъ? Какія, какія, какія дѣла?—съ необычной быстротой шумѣлъ и спрашивалъ Вѣтеръ. Вѣдь для того только онъ и существовалъ, чтобы собирать зем-

Digitized by Google

ныя дѣла и затѣмъ разносить ихъ по всей землѣ или же иногда взносить ихъ подъ самое небо и показывать тамъ небу...

По лѣсу блуждали лучи заходящаго солнца; широкими золотыми поясами украшали стволы старыхъ деревьевъ, множествомъ искръ сверкая по мхамъ и папоротникамъ, зажигали въ распустившихся кустахъ шиповника рубиновыя сердца.

Много было дикихъ розъ, травъ и папоротниковъ на широкой, просторной полянѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ высокими могучими деревьями. На поляну эту взлетѣлъ Вѣтеръ и тотчасъ же принялся летать по ней съ необычной быстротой, то подымаясь, то опускаясь, выспрашивая, выискивая, шумя на разные лады.

— Что здѣсь дѣлалось? Что дѣлалось здѣсь, на этой полянѣ? Что то особенное, что то необычное должно было здѣсь дѣлаться!.. Я чувствую кровь! О, долго, страшно долга, испускаетъ земля изъ себя запахъ крови своихъ дѣтей—людей! Я слышу стоны! О, долго, страшно долго держаться въ воздухѣ, подъ небеснымъ сводомъ, стоны ея дѣтей—людей! Здѣсь былъ бой какой то, здѣсь была смерть! Здѣсь были раны, топотъ лошадей, крики! Говорите, дорогія любимыя деревья, говорите, разсказывайте, говорите скорѣй!

Деревья молчали, только по вѣтвямъ ихъ пробѣжала короткая, легкая дрожь, какъ бы вызванная внезапнымъ холодомъ, что было странно въ этотъ теплый, лѣтній день.

И въ ту же минуту, съ небывалой для него стремительностью, въ страстномъ порывѣ зашумѣлъ Вѣтеръ, задавая вопросъ за вопросомъ.

— А это что? Что такое это? Не природа создала это! Это создали руки человѣка! Ни одного холма не насыпала здѣсь природа. Холмъ этотъ насыпанъ людьми! Кто? Кто сдѣлалъ его? для чего? съ какою цѣлью?.. А этотъ крестикъ на вершинѣ холма, посреди лиловыхъ колокольчиковъ? Боже мой, какой маленькій, простой и бѣдный! Что означаетъ онъ? Говорите, деревья, умоляю васъ, говорите!

Тогда высокій и сильный дубъ, густыя вѣтви котораго, свѣшиваясь, образовывали ему длинную бороду, стройная березка, вся въ длинныхъ, спускающихся къ землѣ кудряхъ, статная, вытянувшаяся кверху ель съ тонкой вершиной, въ иглистомъ нарядѣ, отвѣтили ему хоромъ заглушенныхъ голосовъ:

— Это могила!

— Такая большая, такая большая, такая большая могила!— удивился Вѣтеръ.

Digitized by Google

Береза вздохнула:

— А крестикъ такой маленькій!

А дубъ заговорилъ:

— Въ ней спитъ много мужественныхъ сердецъ, принесенныхъ на алтарь...

— Много сердецъ, а крестикъ одинъ! — снова удивился Вѣтеръ.

А береза снова вздохнула:

— И такой маленькій, такой бѣдный!

Статная ель качнула вершиной въ иглистомъ уборѣ и протоворила.

— Я самая высокая въ этомъ лѣсу, я вижу дальше всѣхъ и знаю; на землѣ есть герои увѣнчанные и неувѣнчанные, имѣющіе памятники и неимѣющіе ихъ.

Благоговѣйно шепнулъ Вѣтеръ.

— Такъ это могила героевъ?

— Безымянныхъ,—отвѣтила ель.

А лиловые колокольчики, густо разросшіеся вокругъ креста, тихо зазвонили:

— Умершихъ рано, рано...

— И въ мукахъ!—шепнула дикая роза, росшая на вершинѣ холма... При этомъ она оторвала отъ своего рубиноваго сердца одинъ лепестокъ и бросила его на могилу.

II.

Подобно мотыльку упалъ лепестокъ на высокую траву, а роза вдохнула.

— Одна я бросаю цвѣты на эту могилу. Каждое лѣто, почти уже полъ столѣтія, бросаю я на нее мои душистые лепестки... я одна!

Тутъ снова прозвенѣли лиловые колокольчики.

— А мы звонимъ похоронную пѣсню. Каждое лѣто, почти уже полстолѣтія, мы вызваниваемъ надъ этой могилой похоронную пѣсню... мы одни!

Пораженный, прильнулъ быстрый Вѣтеръ къ могильному холмику и замеръ... Люди не могли бы его разсмотрѣть, его видѣли только деревья, травы, цвѣты.

Тѣло его, прозрачное, колыхающееся, сотканное изъ хрусталя и блестокъ, протянулось на могильномъ холмикѣ въ змѣиныхъ извилинахъ. Тысячами золотыхъ искръ засвѣтились въ немъ отблески заходящаго солнца. Они сверкали и переливались, эти

Digitized by Google

яркіе отблески, въ его огромныхъ крыльяхъ, которыя, какъ волны жидкаго хрусталя, спустились на луговыя травы, въ его свѣтлыхъ волосахъ, которые, какъ ткань паука, сотканная изъ инея, распростерлись надъ поляной, въ его стройныхъ плечахъ, которыя, какъ хрустальныя колонны, подымались къ деревьямъ... А въ воздухѣ плылъ—расплывался умоляющій тихій рокотъ.

Говорите, о старые пріятели Вѣтра быстраго! Вы, которые проводите вѣка въ святой задумчивости и своими вершинами, досягающими облаковъ, поддерживаете безконечный, уединенный сводъ, задумчивые свидѣтели земныхъ дѣяній, тысячеголосые и въ то же время молчаливые стражи лѣсныхъ, безымянныхъ, забытыхъ, несчитанныхъ могилъ, о спойте мнѣ объ этой могилѣ пѣснь жизни и пѣснь смерти, чтобы могъ я унесть ваши пѣсни подъ небо и показать ихъ небу и затѣмъ понесть ихъ надъ землей въ пространство, въ даль, во время, въ память, въ сердца...

Послѣдній кусочекъ солнечнаго круга спустился за край земли и исчезъ. Вмѣсто него въ огняхъ и пурпурѣ поднялась за лѣсомъ вечерняя заря и наполнила лѣсъ блескомъ пожара Въ воздухѣ, между листьями деревьевъ, на кустахъ и травахъ, словно капли пылающей крови, разсыпались огненныя и красныя блестки сверкающей яркой луны.

Старый, могучій дубъ, сверкая пылающими каплями крови на вѣтвистой своей бородѣ, раздвинулъ широкія вѣтви, помахалъ ими въ воздухѣ и такъ зашумѣлъ . . . . . .

. . . . . .

Пришли они сюда, нѣсколько сотъ людей и расположились лагеремъ, шумнымъ, многолюднымъ, пестрымъ отъ разнообразія одеждъ, сверкающимъ всевозможнымъ оружіемъ.

Только одна часть одежды была у всѣхъ одинаковая: четырехугольная шапка малиноваго цвѣта или цвѣта полевого чертополоха. И только одна общая черта принадлежала всѣмъ—молодость. Само лѣто жизни, горячее цвѣтущее лѣто смотрѣло съ ихъ лицъ, еще не тронутыхъ зноемъ трудовъ и битвъ, сверкало въ ихъ глазахъ, полныхъ страсти и увлеченія. Они расположились лагеремъ, соорудили изъ сплетенныхъ вѣтвей нѣсколько палатокъ –для предводителя, для самыхъ лучшихъ лошадей, для будущихъ раненыхъ,—у разложеннаго костра приготовили себѣ ужинъ и, когда работы были окончены, а на небѣ, надъ лѣсомъ загорѣлись звѣзды, къ небу и звѣздамъ полетѣлъ хоръ сильныхъ голосовъ съ гимномъ, звучащимъ жалобой, надеждой и просьбой. Гимнъ этотъ мы, деревья, слушали въ глубокой задумчивости и

Digitized by Google

вторили ему тихимъ шорохомъ, полнымъ недоумѣнія: что-то будетъ? что-то будетъ?

Предводителемъ ихъ былъ человѣкъ святого имени. Имя это звучитъ: Ромуальдъ Траугутъ. Ты спрашиваешь, почему это *имя* свято? Потому что, помня завѣтъ Бога, онъ оставилъ жену и дѣтей, богатство и спокойствіе, все, что привлекаетъ, все, что радуетъ, что дѣлаетъ жизнь заманчивой и чарующей, что даетъ счастіе и наслажденіе и, взявъ на плечи крестъ своего народа, онъ пошелъ за тѣмъ огненнымъ столбомъ, идущимъ по землѣ, и... сгорѣлъ въ немъ. Онъ сгорѣлъ не тутъ. Не въ этой могилѣ онъ спитъ. Онъ спитъ гдѣ-то далеко. Но онъ пришелъ на эту поляну во главѣ той кучки людей, и мы, деревья, съ изумленіемъ смотрѣли на него.

Много разъ, въ далекія времена, подъ тяжестью неволи, давившей эту землю, вздымался огненный столбъ, ведущій въ обѣтованную страну свободы, и толпы людей шли за нимъ. Такой же столбъ поднялся и на этотъ разъ, и снова толпы людей пошли за нимъ. Это была одна изъ такихъ толпъ, и онъ повелъ ее.

Мы смотрѣли на его черноволосую голову съ глазами мыслителя и съ улыбкой ребенка. Глаза у него были умные и грустные, повидимому, грусть у людей часто бываетъ близнецомъ ума, а улыбка была свѣжая, жемчужная, съ каплей дѣтской или дѣвичьей слабости. Темный палецъ трагическаго предопредѣленія рано провелъ ему на лбу суровую, по временамъ, даже грозную складку.

И голосъ его мы слышали, звучный, звенящій, какъ сталь, и повелительный, иногда даже грозный. Такъ долженъ былъ звенѣть голосъ Леонида въ Термопильскомъ ущельѣ.

Откуда мы знаемъ объ Леонидѣ? Пра-праотцамъ нашимъ разсказывали о немъ пра-праотцы Вѣтровъ быстрыхъ, и никто никогда не узнаетъ, когда, гдѣ и какимъ образомъ о дѣлахъ великихъ, о дѣлахъ безсмертныхъ разсказываютъ вѣтры деревьямъ, деревья тучамъ, тучи звѣздамъ, звѣзды духамъ, а пѣсни и сказки, вѣсти и разсказы плывутъ и плывутъ широко, какъ міръ, и долго, какъ вѣчность...

Былъ-ли Леонидъ увѣренъ, когда онъ устилалъ Термопильское ущелье трупами своихъ людей, что пята неволи не коснется земли греческой? Если онъ думалъ такъ, то радостно было ему создавать кровавую преграду и, какъ печать, сложить себя на ней.

Этотъ не думалъ такъ. Онъ былъ опытенъ въ боевыхъ дѣлахъ, и опытность эта сдѣлала его дальноворкимъ. Онъ видѣлъ, что за днемъ битвъ и жертвъ, послѣдуетъ черная, ужасная ночь.

Digitized by Google

И все же онъ шелъ и велъ за собою другихъ. Такова уже была мощь огненнаго столба, поднявшагося въ то время надъ землей, такова уже была тоска по обѣтованной, страстно желаемой, горячо любимой странѣ свободы, и таковъ уже былъ крестъ его народа, тяжелый, невыносимый...

Впрочемъ, не о немъ я поведу сейчасъ свой разсказъ. О немъ я разскажу послѣ и много, много. Повѣсть о великомъ человѣкѣ, оставившемъ по себѣ громкое имя, должна быть длинна.

Теперь же я разскажу объ одномъ изъ безымянныхъ, объ одномъ изъ меньшихъ, о самомъ молодомъ, надъ головой котораго, почти еще дѣтской, дѣвичьей рукой былъ поставленъ этотъ маленькій крестъ.

Былъ чудный май на свѣтѣ, когда они пришли сюда. Ландыши цвѣли обильно, какъ никогда. Недалеко, въ калиновыхъ кустахъ, надъ голубымъ потокомъ пѣлъ соловей. Было зелено на этой полянѣ отъ молодыхъ травъ и папоротниковъ; было нарядно отъ ландышей и дикихъ розъ; благодаря веснѣ было душисто, ярко и тепло. Когда они пришли сюда, на полянѣ стало шумно, людно и весело. Да, да, именно весело.

Не невольниками были они, силою, на арканѣ притянутыми къ опасному бою. Они были охотниками, добровольно принесшими на высокій алтарь свою жертву. Со свѣтомъ идеи въ головахъ, съ огнемъ любви въ сердцахъ, они высоко несли свои сердца и головы. Они были смѣлы, сильны, задорны, и, повѣришь-ли ты Вѣтеръ быстрый?—также и счастливы. Ты долженъ повѣрить этому, такъ какъ ты знаешь, что на звѣздѣ, называемой Землей, души людскія и счастье людское бываютъ очень различны, и что душа людская слетаетъ обыкновенно, какъ бабочка на избранный цвѣтокъ, на тотъ видъ счастья, который больше всего похожъ на нее. Ихъ души притягиваетъ къ себѣ то счастье, которое расцвѣтаетъ на высокихъ горахъ и имѣетъ пурпуровую чашечку и сплетенный изъ тернія вѣнчикъ.

Одни пришли сюда, другіе пріѣхали. Земля дрожала отъ топота осѣдланныхъ лошадей, и воздухъ искрился отъ блеска обнаженныхъ сабель каждый разъ, когда стальной голосъ предводителя командовалъ:

— Стройся!

Во главѣ конницы выборомъ предводителя былъ поставленъ статный юноша съ черными искрящимися глазами. Осанкой онъ былъ молодой Геркулесъ, лицомъ — Сципіонъ римскій. Родной домъ его былъ недалеко отсюда, весь съ низу до верху увитый плющемъ, окруженный со всѣхъ сторонъ чащей вѣковыхъ де-

Digitized by Google

ревьевъ и просторомъ плодородныхъ полей. Онъ вышелъ изъ-подъ зеленыхъ плющей, пріѣхалъ сюда и съ покорностью ребенка, съ торопливостью влюбленнаго скакалъ на своемъ стройномъ, горячемъ, арабскомъ скакунѣ каждый разъ, когда раздавался голосъ предводителя, зовущій:

— Ягминъ!

Четырехугольная шапка алѣла тогда на его черныхъ, какъ ночь, волосахъ, рука лежала на рукояткѣ сабли, а за сильными плечами слышался шумъ невидимыхъ крыльевъ... тѣхъ самыхъ, давнишнихъ.

Но этотъ—мой, этотъ мой маленькій (маленькимъ Тарловскимъ называли его въ лагерѣ)... Онъ не былъ ни такимъ сильнымъ, ни такимъ красивымъ, ни даже такимъ богатымъ, чтобы явиться сюда на драгоцѣнномъ, богато убранномъ скакунѣ. Именно потому, можетъ быть, онъ и сталъ моимъ любимцемъ, что былъ слабъ, хрупокъ и съ нѣжнымъ розоватымъ лицомъ, а глаза имѣлъ, какъ у дѣвушки, ласковые, несмѣлые, чистые и такіе голубые, какъ незабудки, что ростутъ иногда здѣсь, у моихъ ногъ. Переодѣтая дѣвушка или едва выросшій мальчикъ! Да ему и въ самомъ дѣлѣ только недавно минуло 20 лѣтъ.

III.

Удивительныя для такого молодого, какія-то бездонныя мысли отражались иногда въ его дѣвичьихъ кроткихъ глазахъ, а по нѣжному розоватому лицу пробѣгали такіе жгучіе отблески, словно въ немъ, внутри его хрупкаго дѣтскаго организма, что то свѣтилось, горѣло.

Впрочемъ я полюбилъ его еще раньше, чѣмъ онъ явился сюда. О немъ говорили между собой эти вихрястыя травы, которыя вѣчно наклоняются другъ къ другу и постоянно что-то передаютъ одна другой. Онѣ говорили о немъ много славнаго и хорошаго. Я слушалъ ихъ съ восторгомъ въ тихіе вечера шороховъ.

Родился онъ не въ этой сторонѣ, а гдѣ-то далеко. Въ нашу же сторону привелъ его тотъ горный потокъ, который проносился тогда надъ землей и бросалъ людей съ положеніемъ въ руки или даже подъ ноги людей простыхъ. Почему онъ выбралъ именно нашу сторону? Этого я не знаю. Да это и неважно совсѣмъ. Судьба, закрытая таинственнымъ покрываломъ, держитъ въ своихъ рукахъ колчанъ съ тысячью случайностей, которыми она забрасываетъ людей. Она играетъ ими, какъ мячиками, на всемъ пространствѣ свѣта и въ огромной области событій.

Digitized by Google

Онъ пріѣхалъ въ недалеко лежащее отсюда мѣстечко и устроилъ себѣ тамъ небольшее гнѣздо, ежедневно наполнявшееся щебетаніемъ дѣтскихъ голосовъ. Онъ пріѣхалъ сюда не одинъ. Съ нимъ была дѣвушка, его младшая сестра, удивительно, почти до смѣшного, похожая на него. Такой же небольшой ростъ и хрупкая фигура, тѣ же черты и тотъ же цвѣтъ лица; на лицѣ то же выраженіе. И какъ же они любили другъ друга! Повидимому, всѣ близкіе у нихъ умерли, и они остались на свѣтѣ только вдвоемъ. Одиночество, сиротство и общій родной домъ, гдѣ-то далеко осѣненный старыми липами, скрѣпили тотъ узелъ, который былъ завязанъ еще у колыбели. Навѣрное, узелъ скрѣпила еще и одинаковость тѣхъ звѣздъ, которыя управляютъ людскими симпатіями, желаніями, стремленіями. Они работали вмѣстѣ. Братъ училъ сестру, сестра помогала брату, и всегда они были вдвоемъ: дома, на улицахъ мѣстечка, на лѣсныхъ тропинкахъ и въ полѣ. Она называла его—Марысемъ, онъ ее Анелькой.

Хорошо имъ было другъ съ другомъ, и каждому сразу было видно, какъ радостно жилось имъ на свѣтѣ.

Вскорѣ, однако, настало время, когда они начали показываться на улицахъ мѣстечка, на лѣсныхъ тропинкахъ и въ полѣ не вдвоемъ только, а уже втроемъ. Товарищемъ ихъ часто оказывался тотъ самый юноша изъ подъ зеленыхъ плющей, высокаго роста, сильный, ловкій, со смѣлымъ профилемъ римлянина, который потомъ на этой полянѣ предводительствовалъ конницей. По наружности онъ нисколько не походилъ на нихъ. Казалось, онъ былъ другой расы съ болѣе красной кровью, сдѣланный болѣе широкими и болѣе сильными взмахами молота природы. Несмотря на это, между ними завязывались все болѣе горячія и сердечныя отношенія. Была-ли это дружба? Или любовь? Или то и другое вмѣстѣ? Кончилось тѣмъ, что въ одинъ прекрасный день, по милости новаго товарища, дѣвушка залилась короткимъ, но отчаяннымъ плачемъ.

Это случилось такъ. Въ лѣсу, раскинувшемся тутъ же рядомъ съ мѣстечкомъ, они сидѣли вдвоемъ, братъ и сестра, на поваленномъ деревѣ. Склонившись другъ къ другу головами, они разсматривали какую-то перистую травку, по которой ползъ крохотный жучекъ. Какъ вдругъ торопливо подошелъ и остановился передъ ними тотъ. Онъ искалъ ихъ и нашелъ. Онъ давно уже зналъ, гдѣ и когда всего легче можно было найти ихъ. Онъ былъ какой-то странный, не такой какъ всегда. Глаза у него горѣли необычнымъ блескомъ; губы казалось пылали изъ подъ черныхъ усовъ; буря чувствъ виднѣлась на его смѣломъ лицѣ. Онъ всталъ передъ ними'

Digitized by Google

не здороваясь, снялъ шапку и провелъ рукой по темнымъ волосамъ, и рука эта, большая и сильная, слегка дрожала... Они сразу поняли его...

— День ужъ назначенъ?

— Назначенъ.

— Когда?

— Дней черезъ десять.

— Гдѣ?

— Въ Дѣдковичахъ.

— На какомъ мѣстѣ?

— За Королевскимъ каналомъ, въ Горецкихъ лѣсахъ.

Тутъ прозвучалъ голосъ дѣвушки:

— Уже!

А онъ спросилъ у брата:

— Рѣшенія своего не измѣнилъ?

— Ты думаешь, душа моя измѣнилась, что-ли?!

— Итакъ вмѣстѣ?

— Вмѣстѣ.

— Черезъ десять дней ко мнѣ и вмѣстѣ со мной туда, гдѣ будутъ всѣ...

Они замолчали. Ихъ разговоръ былъ прерванъ вырвавшимся у дѣвушки плачемъ. Съ лицомъ, спрятаннымъ въ обѣихъ рукахъ, Анелька рыдала, рыдала отчаянно.

Она знала, что это будетъ, но когда это уже настало, она начала такъ горько плакать, что все ея хрупкое тѣло корчилось и вздрагивало, свѣтлые волосы разсыпались по плечамъ, и на сѣрое платье сквозь пальцы потекли потоки слезъ. Но это продолжалось недолго. Она напрягла всѣ силы, чтобъ остановить рыданія, и замолчала. Она встала и руками обняла за шею брата. Крѣпко, крѣпко прижимаясь къ его груди, она повторила нѣсколько разъ:

— Иди, Марысь, иди!

Лицо ея, мокрое отъ слезъ, застыло въ улыбкѣ, болью кривившей ея губы, и румянецъ сбѣжалъ съ лица. Но она изо всѣхъ силъ сдерживала себя и, заглядывая въ глаза брата своими бѣдными глазами, мужественно боровшимися со слезами, повторяла:

— Иди, Марысь, иди! Такъ надо!

Вечеромъ того же дня, въ маленькомъ садикѣ, гдѣ росло нѣсколько яблонь и цвѣло нѣсколько кустовъ сирени, тихо звучали два голоса. Голосъ дѣвушки просилъ:

— Онъ силенъ духомъ, но тѣломъ слабъ, не привыкъ онъ къ тѣлеснымъ упражненіямъ... Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ занятъ книжкой, наукой, работой мысли... Онъ отваженъ, но откуда взять силу?

Digitized by Google

Онъ любитъ, сильно любитъ, я одна знаю какъ, но въ состояніи ли онъ вынесть? Его родина не здѣсь, и никого близкаго у него тамъ не будетъ. Вы никогда не чувствовали страха — это сразу видно. Вы и не знаете поэтому, что такое эта тревога... какъ ледяная кора на сердцѣ... какъ острый ножъ въ сердцѣ... Умоляю васъ... будьте почаще вмѣстѣ.

И онъ обѣщалъ ей.

— Тамъ, гдѣ у него нѣтъ своихъ, я буду для него своимъ. Я буду его другомъ, братомъ, если понадобится — защитникомъ. И такъ же какъ мы уѣзжаемъ вмѣстѣ, мы и тамъ будемъ вмѣстѣ, грудь съ грудью и душа съ душой... Вмѣстѣ же мы и вернемся... или же...

Среди запаха сирени вырвался изъ широкой груди страстный вздохъ, и только одна сирень была свидѣтелемъ того, какъ низко склонилось надъ дрожащими маленькими ручками дѣвушки мужское лицо съ римскимъ профилемъ и какъ пылающія мужскія уста покрыли эти ручки горячими долгими поцѣлуями... Это были первые поцѣлуи... Неужели же и послѣдніе? Потомъ глаза ихъ потонули одни въ другихъ и многое сказали себѣ при свѣтѣ звѣздъ. Можетъ быть уста рвались сказать еще больше, но... въ этотъ роковой для нихъ часъ... не могли. Скажутъ-ли они когда-нибудь? За людьми стоитъ судьба, закрытая таинственнымъ покрываломъ и въ своихъ рукахъ держитъ колчанъ съ тысячью случайностей...

Но дай мнѣ отдохнуть немного, Вѣтеръ быстрый! Существуютъ люди и такія людскія доли, о которыхъ долго, безъ передышки не могутъ говорить даже и такіе сильные дубы, какъ я. Дрожь пробѣгаетъ по моимъ вѣтвямъ и на листьяхъ выступаютъ холодныя капли. . . . . .

. . . . . .

Холодная роса упала на лѣсъ, и крупныя капли ея густо усѣяли вѣтвистую бороду сильнаго дуба. Медленно стекали онѣ по длиннымъ кудрямъ березы, серебристыми пылинками свѣтились онѣ на травахъ, кустахъ, лиловыхъ колокольчикахъ, на лепесткахъ дикихъ розъ, сердца которыхъ, недавно еще рубиновыя, угасали, темнѣли.

Угасало, темнѣло надъ лѣсомъ и небо, свѣтившееся уже сквозь прозрачную листву деревъ не кровавымъ пламенемъ пожара, а блѣднымъ золотомъ зари. Отъ этого блѣдно-золотого озера, раскинувшагося по небу, пошли печальные блѣдные отблески, первые гонцы ночи, и отъ нихъ расплылась по лѣсу тревожная, задумчивая грусть...

Но ночь не спустилась еще, и на небѣ не было звѣздъ. Только

Digitized by Google

кое-гдѣ проплывали прозрачныя отъ зари облачка, похожія на золотистыя перышки или на нѣжный румянецъ.

Подъ золотистыми небесными перышками, въ тухнущихъ отблескахъ дня закачала своей темной вершиной статная ель. Дрогнули и широко распростерлись колючія вѣтви, а надъ поляной поплылъ горделивый и вдумчивый шорохъ самаго высокаго изъ деревьевъ лѣсныхъ.

IV.

— Я самая высокая въ этомъ лѣсу, мой взоръ простирается дальше всѣхъ, и я вижу больше всѣхъ.

Я видѣла битвы, происходившія то дальше, то ближе, иногда такъ далеко, что отголоски ихъ доходили сюда, какъ глухіе раскаты грома, рокочущіе за краемъ неба, или какъ поднявшійся шумъ лѣсовъ, когда ихъ терзаетъ пролетающій Вихрь-Силачъ.

Здѣсь же, на этой полянѣ, царила въ то время весенняя тишина, горячая и благоуханная; бабочки льнули къ цвѣтамъ, а на мхахъ и травахъ играли въ солнечныхъ струяхъ крылатыя насѣкомыя.

И соловей начиналъ уже пѣть въ калиновыхъ кустахъ свои пѣсни; мелкія же пташки, испуганныя шумомъ и привлеченныя сюда тишиной, находили себѣ пріютъ на нашихъ вѣтвяхъ.

А тамъ, въ звѣриномъ ожесточеніи, въ смертельныхъ судорогахъ падали людскія тѣла, и въ шумѣ битвы, въ грохотѣ выстрѣловъ, въ ливнѣ огромныхъ молній, съ нихъ текла кровь на траву, на мохъ, на цвѣты и всасывалась въ дрожащую отъ гула и топота землю...

Но не могу я, Вѣтеръ быстрый, разсказывать тебѣ объ этихъ дѣлахъ, когда-то видѣнныхъ, когда-то слышанныхъ. Въ шумѣ своихъ шороховъ я часто разсказываю землѣ объ ея печаляхъ, неразгаданныхъ тайнахъ, тщетныхъ надеждахъ, одинокихъ могилахъ, или же въ бурныя ночи я разговариваю съ тучами о дѣлахъ великихъ, о дѣлахъ безсмертныхъ.

Но воспѣвать людскія кровавыя битвы я не умѣю. Не для этого создана я, жительница лѣсной тишины, дающая безопасное убѣжище птичьимъ гнѣздамъ и распространяющая успокоительную тѣнь надо всѣмъ, что засыхаетъ и гибнетъ отъ зноя.

Я дрожала только отъ радости и своимъ шорохомъ пѣла небу благодарственное: осанна! каждый разъ, какъ они возвращались сюда живыми и побѣдителями.

Побѣдителями они возвращались не разъ, и хотя на ихъ за-

Digitized by Google

горѣлыхъ лицахъ отражалась гордость торжества, они снова по голосу предводителя смиренно строились въ ряды и въ молчаніи ожидали его приказаній.

Онъ держалъ ихъ сердца въ своихъ рукахъ и умѣлъ воодушевлять ихъ. Онъ обнажалъ передъ ихъ рядами свою черную голову и благодарилъ ихъ за то, что они были послушны, какъ дѣти, и отважны, какъ львы; что они не дали разсѣять себя превосходящей ихъ силѣ и не покрыли стыдомъ взятаго на свои плечи креста. Но даже и тогда, когда онъ благодарилъ ихъ, голосъ его звучалъ, какъ боевой призывъ, и не было въ немъ нѣжности и ласки, а была только твердость и желѣзная воля. У нихъ же отъ этой благодарности, короткой и суровой, вспыхивала на лицахъ, обожженныхъ солнцемъ, опаленныхъ порохомъ, покрытыхъ пылью, неземная радость.

А затѣмъ... разсказы, шумные разговоры, костры съ душистымъ, пахнущимъ можжевельникомъ, дымомъ, веселое ржаніе лошадей, спокойный отдыхъ на мхахъ и травахъ, тихія молитвы при свѣтѣ звѣздъ и приглушенные звуки хоровой пѣсни, съ пламенной покорностью несущіеся къ Тому, Кто находится надъ звѣздами.

Только нашъ маленькій Тарловскій почти не принималъ участія въ общихъ разговорахъ и шуткахъ. Онъ думалъ о чемъ-то непрерывно, неспокойно, тревожно, какъ будто душа его колебалась надъ пропастью, полною сомнѣній, вопросовъ и тайнъ.

Когда звѣзды загорались на небѣ, онъ ложился подъ той березой, и когда всѣ уже спали, онъ долго еще не спалъ.

Ни одно дерево среди насъ не понимало сначала его тревоги и печали. Я первая поняла его. Онъ былъ созданъ не для этого. Какъ и я... Я часто разговариваю съ небомъ о дѣлахъ великихъ, о дѣлахъ безсмертныхъ, но для воспѣванія кровавыхъ битвъ людскихъ я не создана... И онъ, страстно влюбленный въ геній природы и въ возвышенную мысль человѣка, не былъ созданъ для этихъ кровавыхъ битвъ. Онъ созданъ былъ для чего-то другого.

. . . . . .

Я знала его близко, я хорошо знала его мысли и склонности, зашептала Береза, густая листва которой, свѣшиваясь длинными кудрями къ землѣ, серебрилась еще кое-гдѣ отъ вечерней росы, а одежда изъ бѣлой ткани просвѣчивала сквозь длинныя кудри.

Онъ былъ созданъ для тѣхъ мыслей, которыя онъ высказывалъ своему пріятелю въ то время, когда всѣ спали, а онъ не спалъ, лежа у ногъ моихъ на высокой травѣ.

Его пріятель также не спалъ. Сонъ съ его глазъ гнала мысль о той огромной загадкѣ, въ которой, какъ въ кровавой паутинѣ,

Digitized by Google

запуталась страна эта и наилучшіе сыны ея; можетъ быть, также и мысль объ оставшейся далеко, навѣрно тоскующей, можетъ быть даже плачущей, Анелѣ. Онъ пришелъ къ брату Анельки, и долго оба лежали у ногъ моихъ, повернувшись лицомъ другъ къ другу. Они тихо разговаривали въ молчаніи ночи, такъ тихо, какъ плачутъ мои кудри, когда съ легкимъ шорохомъ скатываются съ нихъ на траву майскіе ночные дожди.

Было тихо. На одномъ концѣ лагеря изрѣдка ржала лошадь, на другомъ—время отъ времени вырывался изъ груди спящаго человѣка глухой крикъ или же проносился тяжелый вздохъ. Кто-то, раненый въ послѣдней битвѣ, стоналъ подъ дубомъ, въ сплетенной изъ вѣтокъ палаткѣ, — а изъ-за деревьевъ, окружающихъ поляну, на пространствѣ, слабо освѣщенномъ звѣздами, виднѣлись черныя фигуры вооруженныхъ и неподвижно стоящихъ часовыхъ.

Пріятели разговаривали, глядя другъ на друга или на звѣзды, о тѣхъ далекихъ временахъ, далекихъ въ будущемъ, которыя придутъ или не придутъ, и если придутъ, то омоютъ землю водами очищенія и успокоенія...

Съ тоской и увлеченіемъ, съ горячей страстью говорили они о будущности міра, который послѣ столѣтій борьбы, злодѣйствъ и мукъ долженъ превратиться въ рай согласія любви и радости.

— Хотя предметъ борьбы безконечно дорогъ и святъ, но людская кровь, пролитая въ этой борьбѣ, отравой вливается въ жилы, и нанесенныя раны ранами ложатся на тѣхъ, кто ихъ наноситъ. Гнѣвъ, боль, смерть—это коршуны, питающіеся трупами людской надежды, счастья и радости. Злой родъ, оттачивающій когти противъ себя самого! Жалкій родъ, живущій такъ мало, сыновья котораго взаимно сокращаютъ себѣ жизнь! Несчастный родъ, со всѣхъ сторонъ угрожаемый, сыновья котораго взаимно грозятъ другъ другу своимъ тѣломъ и своей мыслью. О! Когда же будетъ иначе? И будетъ ли когда-нибудь иначе? Зачѣмъ я не родился позднѣе, въ то время, когда міръ сталъ бы уже инымъ, или же настолько раньше, чтобы глаза мои не въ состояніи были разсмотрѣть, что міръ могъ бы быть инымъ, если бы... если бы всѣ люди были иными.

Послѣ минуты молчанія онъ вспомнилъ съ грустной усмѣшкой стихотвореніе стариннаго поэта.

Преданіе говоритъ, что Прометей влилъ въ первоначальную глину, послужившую основаніемъ природы человѣка, по каплѣ каждаго изъ звѣриныхъ свойствъ, само же сердце человѣка приправилъ жадностью волка и свирѣпостью льва. Вотъ гдѣ причина тѣхъ вспышекъ гнѣва и мести, которыя страшными страданіями

Digitized by Google

обрушиваются на людей. И вотъ гдѣ причина того, что великолѣпныя зданія превращаются въ развалины и что вражескія войска плугами взрываютъ окопы завоеванныхъ городовъ.

— Горацій?—спросилъ товарищъ говорившаго, и въ ту же минуту съ порывистымъ жестомъ сильной руки онъ вскочилъ на ноги.

— Завоеванныхъ городовъ!—повторилъ онъ и вскрикнулъ:

— Теперь иначе быть не можетъ!.. Завоеванныхъ городовъ... Теперь борьба—это обязанность!..

Тихій голосъ прозвучалъ въ отвѣтъ на этотъ страстный возгласъ, прозвучалъ рѣшительно и убѣжденно.

— Теперь иначе быть не можетъ. Пока насиліе, до тѣхъ поръ святой противъ насилія гнѣвъ! Пока несправедливость, до тѣхъ поръ борьба! Черезъ кровь и смерть, по развалинамъ и могиламъ, съ надеждой или вопреки надеждѣ—борьба съ адомъ земли во имя неба, которое спустится на землю.

Такъ разговаривали они не разъ въ сумракѣ ночи, когда лагерь спалъ, а около лагеря, на пространствѣ, слабо освѣщенномъ звѣздами, виднѣлись черныя фигуры вооруженныхъ часовыхъ.

Наконецъ пришелъ день. . . . . .

. . . . . .

Шепотъ Березы становился все тише, тише и... умолкъ.

Вмѣсто нея заговорилъ бородатый сильный Дубъ.

— Наконецъ насталъ страшный день. Отдаленный дозоръ принесъ извѣстіе...

Кромѣ близко, вокругъ лагеря, стоящихъ часовыхъ, у нихъ были еще свои отдаленные дозоры, которые приносили сюда вѣсти, увѣдомленія, предостереженія. Они приносили ихъ сюда такъ, какъ сказочный царевичъ, стремившійся къ замку заколдованной царевны, сквозь тернистыя заросли, наполненныя вампирами, по болотистымъ трясинамъ, кишащимъ драконами съ разинутыми пастями. Иногда гонцы гибли въ объятіяхъ вампировъ или въ пасти дракона, иногда добирались до своей цѣли.

Уже издали былъ слышенъ топотъ скачущей черезъ лѣсъ лошади.

— Пароль?

— Съ надеждой или вопреки надеждѣ!

На загнанной лошади съ лицомъ, облитымъ потомъ, показался на полянѣ молодой всадникъ. Полдень дышалъ на него зноемъ. Нѣсколько голосовъ воскликнули дружелюбно.

А, Каликстъ! Каликстъ! Какъ дѣла?

Но у него не было времени на привѣтствія. Онъ тотчасъ соскочилъ съ коня.

Digitized by Google

— Гдѣ начальникъ? Скорѣй! Проводите меня къ нему!

Адъютантъ начальника и гонецъ военной почты вмѣстѣ вошли въ палатку предводителя.

На лагерь спустилась тишина. Такой тишиной, мертвой на поверхности и дрожащей въ глубинѣ, дышитъ природа за мгновеніе до бури, налетающей съ вихрями и громовыми ударами.

Вскорѣ въ палатку предводителя вошли вызванные имъ—начальникъ конницы и пара другихъ товарищей, болѣе или менѣе опытныхъ въ военномъ дѣлѣ. Началось совѣщаніе.

Ждать пришлось долго. Наконецъ, Ромуальдъ Траугутъ вышелъ изъ своей палатки и объявилъ всѣмъ о полученныхъ вѣстяхъ.

Въ нихъ слышался громъ близкаго боя... Повѣяло вѣтромъ смерти.

Приближается огромное войско, оно охватываетъ лѣсъ со всѣхъ сторонъ, его отряды, пѣшіе и конные, плывутъ по лѣсу, какъ шумныя рѣки. Сквозь лѣсъ деревьевъ продирается лѣсъ штыковъ, ружей и пикъ. Черезъ часъ, два они будутъ уже тутъ. Гонецъ везъ эту вѣсть длинными и трудными дорогами, но все же онъ привезъ ее еще во время. Сто ружей на одно ружье, сто пикъ на одну саблю. Какъ въ сказкахъ. Но такъ бываетъ и въ дѣйствительности. Испугаются ли они этой дѣйствительности? Кто же они? Вѣдь не невольники, силою на арканѣ притянутые къ кровавому полю битвы, а добровольцы, съ радостью несущіе свою жертву на высокій алтарь.

VI.

Ихъ не покинетъ духъ доблести и духъ жертвы! И духъ той любви, который привелъ ихъ сюда! Тѣ, которые погибнутъ, будутъ святелями, бросившими самихъ себя въ землю, какъ зерна для будущей жатвы. Ничего не пропадаетъ даромъ. Изъ побѣжденныхъ сегодня—выростутъ для завтрашнихъ побѣдителей оружіе и защита. Они напрягутъ всѣ свои силы, всю силу своей отваги, доблести и выдержки, чтобы побѣдить враговъ. Ихъ боевой кличъ: во имя отчизны и Бога! Съ этимъ кличемъ они ринутся въ бой на смерть или на побѣду!

Такъ говорилъ предводитель. Слова его разносились по лагерю отъ края и до края, звенящія, короткія, все болѣе и болѣе громкія, все болѣе и болѣе горячія и, какъ искры, сыпались на головы стоящихъ вокругъ него людей, пока наконецъ они не заволновались, словно цвѣты на лугу, и изъ сотенъ расширенныхъ грудей не вырвался одинъ могучій крикъ восторга.

Digitized by Google

Потомъ зашумѣло, забурлило тутъ. Сѣдланіе лошадей, чистка оружія, призывъ командъ, формированіе рядовъ, громкіе приказы, тихія распоряженія... Движеніе кипѣло, звучали голоса, слышался топотъ лошадиныхъ копытъ. Оружіе блестѣло въ воздухѣ, полномъ солнечнаго свѣта и зноя.

Гонецъ военной почты долженъ былъ вернуться обратно по той же длинной и трудной дорогѣ. Однако, прежде, чѣмъ тронуться въ обратный путь, онъ задержалъ лошадь передъ однимъ изъ сформированныхъ уже пѣшихъ отрядовъ и со словами: „отъ сестры!“ передалъ самому маленькому изъ всѣхъ крохотный предметъ, такой крохотный, что его съ трудомъ можно было разсмотрѣть.

Это былъ кусочекъ бумаги, очень мелко исписанный и сложенный такимъ образомъ, чтобы въ случаѣ надобности его можно было легко проглотить. Такія письма писались въ то время со свѣта въ лагерь.

Начальникъ конницы, проѣзжая мимо на своемъ красивомъ арабскомъ скакунѣ, увидѣлъ это и, кивнувъ головой Гарловскому, спросилъ:

— Отъ панны Анели?

Они обмѣнялись взглядами, и по лицамъ обоихъ пробѣжалъ смѣхъ. Это былъ цвѣтокъ, брошенный издали рукою дѣвушки на эти открытыя могилы. Что писала она? Братъ не узналъ этого въ данный моментъ. Раздалась громкая команда, и онъ поспѣшно спряталъ кусочекъ бумаги къ себѣ на грудь. Узнаетъ ли онъ когда-нибудь что было въ этомъ письмѣ?

Затѣмъ они тронулись отсюда въ строгомъ порядкѣ и въ глубокомъ молчаніи. На опустѣвшей полянѣ остались только растоптанныя травы, умирающіе цвѣты и пустыя палатки. Палатка для раненыхъ, стоявшая у моихъ ногъ, была въ этотъ часъ ихъ ухода такъ же пуста, какъ и другія. Вскорѣ, она должна была снова наполниться.

Планъ былъ, повидимому, составленъ очень искусно и ловко. Оборона должна была происходить одновременно съ нападеніемъ. Засада была скрыта въ непроницаемой для глазъ чащѣ, а на болѣе открытыхъ мѣстахъ за каждымъ деревомъ скрывалось притаившееся дуло ружья, за каждымъ прикрытіемъ изъ мховъ и папортниковъ, въ каждомъ тѣнистомъ углубленіи вѣтвей — вынутыя изъ ноженъ сабли.

Удивительно все это выглядѣло. Говорю тебѣ, Вѣтеръ быстрый, это было удивительное зрѣлище. Темныя, окаменѣвшія въ молчаливомъ ожиданіи, лица среди украшенной цвѣтами лѣсной зелени

Digitized by Google

и среди майскихъ побѣговъ сосенъ, въ молчаніи знойной жары подымающихъ вверхъ свои вилкообразные яркіе отпрыски.

Въ воздухѣ не было слышно щебетанья птицъ — онѣ улетѣли въ испугѣ, и только чувствовалось страстное, неспокойное дыханіе нѣсколькихъ сотъ человѣческихъ грудей.

Наконецъ изъ глубины лѣса началъ подплывать все болѣе возраставшій шумъ... Онъ усиливался, приближался, становился все больше и больше... Казалось, по воздуху летѣло, низомъ по лѣсу надвигалось что-то ужасное...

Но все еще ничего не было видно...

— Вниманіе! Готовь оружіе!

Этой командѣ, прозвучавшей тутъ же, почти сзади меня, издали отвѣтилъ другой, рѣзкій и повелительный, голосъ.

И стало уже видно...

Огромная сѣрая масса медленно съ трудомъ подвигалась среди густыхъ деревьевъ, по землѣ, заросшей гибкими побѣгами ивняка, покрытой сѣтями вьющихся растеній. Ей трудно было двигаться впередъ. Въ шумѣ ея шаговъ слышался трескъ ломаемыхъ вѣтвей и стукъ топора.

Наконецъ, стало видно совсѣмъ ясно... И тогда... За деревьями, въ зарослякъ застучали, загрохотали частые, одиночные, быстро другъ за другомъ слѣдующіе выстрѣлы, и мгновенно за ними разсыпались среди деревьевъ и зарослей цѣлые рои короткихъ огненныхъ молній.

Въ отвѣтъ со стороны надвигающейся сѣрой массы грохнулъ и покатился сильный и продолжительный ударъ, и тотчасъ же потянулись оттуда густые клубы дыма. На отрывистые выстрѣлы изъ ружей, разсыпавшихся на значительномъ пространствѣ, отвѣчала тяжелая боевая пальба залпами изъ винтовокъ.

Это былъ разговоръ двухъ совершенно различныхъ громовъ, и отъ звуковъ этихъ въ ужасѣ дрожали самыя сильныя деревья въ лѣсу.

Долго ли онъ продолжался?

Долго. Часы уплывали за часами.

Каждый разъ, когда воздушное море дыма на одно мгновеніе разрывалось надвое, съ той и съ другой стороны ближе и дальше выступали фигуры людей, словно черныя лежащія тѣни, распростертыя на мхахъ и вьющихся травахъ.

Съ обѣихъ сторонъ падали трупы. Но не всѣ падающіе были трупами. Недалеко отсюда упалъ и вытянулся на папортникахъ маленькій Тарловскій. Но онъ былъ еще живъ...

Съ самаго начала битвы, помѣстившись за раздвоенной ольхой

Digitized by Google

и ставъ на одно колѣно, онъ заряжалъ ружье, цѣлился и стрѣлялъ, безъ устали, неистово, быстро, съ навыкомъ, пріобрѣтеннымъ уже въ лагерной жизни. Какъ будто онъ никогда и не стремился мыслями къ тому времени, когда на землѣ водворится вѣчный миръ. Какъ будто онъ никогда не проклиналъ вмѣстѣ съ поэтомъ влитую въ сердце человѣка каплю львиной свирѣпости... Что-то львиное или тигриное блестѣло въ его разгоряченныхъ голубыхъ глазахъ и отражалось въ лицѣ со складкой напряженнаго вниманія и суроваго упорства на лбу.

Вдругъ что-то похожее въ сѣрыхъ клубахъ дыма на вытянутое тѣльце черной пчелы налетѣло на него и впилось въ его руку. Онъ хотѣлъ встать съ колѣнъ... зашатался и упалъ на высокіе папортники. Но онъ былъ живъ, и черезъ нѣсколько минутъ двѣ пары сильныхъ рукъ подняли его съ окровавленныхъ папортниковъ и внесли въ ту палатку, которая стояла у моихъ ногъ. Палатка эта уже не была пуста.

Подъ высокой крышей, сплетенной изъ зеленыхъ вѣтвей, на подстилкахъ изъ мха и папортниковъ лежало уже нѣсколько десятковъ людей, — черныя пчелы погрузили и въ нихъ свои жала. Два человѣка съ озабоченными лицами, съ каплями пота на лбу склонялись надъ ними, переходя отъ одного къ другому. Это были лагерные врачи.

Въ это время около поляны становилось ужъ очень жарко. Пальба изъ винтовокъ учащалась и дѣлалась все продолжительнѣе и все гуще. Сѣрая масса оказалась уже на разстояніи, съ котораго можно было разсмотрѣть простымъ глазомъ отдѣльныя фигуры, лица, одежду, оружіе. Съ желѣзнымъ правомъ разсчета она все больше загибала свой полукругъ, все больше опоясывала поляну и надвигалась все ближе. Люди съ обѣихъ сторонъ начали уже встрѣчаться лицомъ къ лицу и вступили въ борьбу грудь съ грудью.

Все тѣснѣе, ужаснѣе, кровавѣе, безумнѣе становилось тутъ... Адъ, кромѣшный адъ, говорю тебѣ, Вѣтеръ быстрый, кипѣлъ тутъ въ нашемъ тихомъ, душистомъ, полномъ цвѣтовъ, невинномъ лѣсномъ раю... Людской адъ...

Казалось, что страшнѣе того, что здѣсь дѣлалось, ничего уже не можетъ дѣлаться на земномъ шарѣ. И однако...

Если ты смотришь на людей, Вѣтеръ быстрый, никогда не говори: здѣсь предѣлъ ихъ трагедіи! Потому что никто во всемъ мірѣ не въ силахъ отгадать или исчислить того наивысшаго уровня, до котораго могутъ достигнуть ихъ трагедіи, ихъ злодѣянія и ихъ ни съ чѣмъ въ мірѣ несравнимыя страданія.

Digitized by Google

И вотъ...

Изъ за чащи ольхъ и осинъ, изъ за той осины, которая, видишь? растетъ противъ меня, посреди кустистыхъ зарослей, показался отрядъ коннаго войска. Съ лѣсомъ длинныхъ пикъ надъ головами, наклонившись къ лошадинамъ хребтамъ и испуская пронзительный крикъ, всадники мчались черезъ пустую поляну къ этой палаткѣ. Увидѣвъ палатку, полную людей, они устремились прямо на нее. Тамъ лежали раненые, лишенные силъ и оружія, и, наклоняясь надъ ними, работали врачи.

Всадники скакали, вооруженные пиками, пригнувшись на быстрыхъ лошадяхъ, испуская пронзительные крики, съ лицами, опаленными въ боевомъ огнѣ, и... свирѣпость льва кипѣла у нихъ въ жилахъ...

Тутъ раздался сзади меня стальной голосъ, покрывшій шумъ битвы:

Конница! Впередъ! На защиту раненыхъ!

Въ одно мгновенье, со своимъ предводителемъ во главѣ, вылетѣла на поляну конница. Черные отъ адскаго дыма, на измученныхъ лошадяхъ, всадники выскочили изъ-за деревьевъ и зарослей и съ поднятыми въ рукахъ саблями помчались навстрѣчу къ тѣмъ...

Солнце клонилось къ западу и свѣтило сквозь дымъ, какъ пятно изъ раскаленной мѣди. Темно-красный блескъ, тусклый и мрачный, падалъ на скачущихъ всадниковъ, на ихъ загорѣлыя лица и обнаженныя сабли. Подъ лучами такого солнца они доскакали до палатки, уже окруженной врагами. Тонкая стѣна изъ вѣтокъ была уже разрушена, царила страшная давка и раздавались нечеловѣческіе крики и вопли. Со всей силы лошадинаго бѣга они врѣзались въ толпу, разсыпая направо и налѣво сабельные удары и пистолетные выстрѣлы. Черноволосый предводитель конницы, похожій на Архангела съ огненнымъ мечомъ, первый прорвался къ палаткѣ и... остановился, словно земля приковала къ себѣ его лошадь.

О, Господи! Въ палаткѣ не было уже ни раненыхъ, ни врачей. Были только трупы, истекавшіе кровью и продолжавшіе получать новыя раны. Одни уже замолкли, другіе еще хрипѣли въ предсмертныхъ судорогахъ. А посреди этого поля избіенія умирающихъ, умиралъ и послѣдній. Поддѣтый на остріе нѣсколькихъ пикъ и высоко поднятый въ воздухъ, маленькій Тарловскій подставлялъ свое бѣлое, какъ платокъ, лицо подъ темно красный блескъ солнца. Мученическое лицо это съ умирающимъ глазами, съ красной кровавой полоской отъ золотыхъ волосъ до судорожно

Digitized by Google

кривившихся губъ, все же узнало еще своего пріятеля. Быстрымъ движеніемъ руки умирающій бросилъ ему какой-то красный предметъ, а затихающій голосъ воскликнулъ:

— Ягминъ! сестрѣ!

Послѣдній подарокъ, послѣдняя мысль, послѣднее слово! Какъ красная птица, слетѣлъ платокъ, пропитанный кровью, на широкую грудь предводителя конницы, но въ ту же минуту подъ нимъ упала лошадь, пронзенная пулей, и самъ онъ исчезъ среди давки, дыма, криковъ, грома выстрѣловъ и потока огненныхъ молній...

VII.

...Пересталъ шумѣть бородатый дубъ, и ночная тишина залегла надъ поляной. Ночь спустилась сумрачная, но не темная: прозрачная, звѣздная, майская.

На могильномъ курганѣ, на высокихъ травахъ лежалъ Вѣтеръ. Онъ лежалъ такъ легко, что высокія травы не гнулись подъ нимъ къ землѣ. Жалобно свернулись его огромныя крылья и печально разсыпались по землѣ его волосы, переплетенные серебристыми нитями. Въ продолговатыхъ извилинахъ его кристальнаго тѣла слабо свѣтились отраженія звѣздъ, и изъ отраженій этихъ одно только возростало въ блескѣ и размѣрахъ, пока не превратилось въ разгорающійся маленькій огонекъ, отъ котораго началъ таять хрусталь его груди. Онъ таялъ отъ разгорающагося маленькаго огонька, хрусталь груди Вѣтра быстраго, и стекалъ на высокія травы, тихо шелестя, такъ тихо, какъ плачутъ кудри березы, когда съ нихъ на землю сплываютъ майскіе ночные дожди. Такъ плакалъ Вѣтеръ на безымянной, забытой, неизвѣстной могилѣ лѣсной.

И тихо зашелестѣлъ онъ изъ травъ:

— А этотъ крестикъ?

Тихій звонъ надъ самой землей отвѣтилъ ему.

— Мы, маленькіе лиловые колокольчики, мы, маленькіе колокольчики, жалостливо освѣжили ея разгоряченное лицо и пили льющіеся изъ ея глазъ слезы.

Много лѣтъ спустя поздней осенью пришла она сюда, маленькая и печальная, и упала лицомъ у подножія холма, на пожелтѣвшія травы.

Бѣдное лицо! Оно не было уже ни такимъ бѣлымъ, ни такимъ нѣжнымъ, какъ раньше. Его бѣлизну, его нѣжность выпила изъ него жизнь. Бѣдная жизнь! Мы не знаемъ, что дѣлала она тамъ, на свѣтѣ, но руки ея загрубѣли отъ тяжелаго труда, а изъ глазъ смотрѣло горькое тоскливое одиночество.

Digitized by Google

Бѣдныя руки, когда-то покрываемыя такими горячими поцѣлуями! Бѣдные глаза, когда-то такъ сильно похожіе на голубые, дѣвичьи, чистые глаза ея брата.

Онъ спалъ, не просыпаясь, на днѣ этого кургана съ послѣднимъ ея привѣтомъ—щепоткой праха—на груди, превратившейся въ прахъ.

И тотъ...

Она лежала на курганѣ, прижимая свое поблекшее лицо къ пожелтѣвшимъ травамъ и покрывая землю своимъ потертымъ старымъ платьемъ.

У насъ не было тогда цвѣтовъ. Какъ же, вѣдь была осень!—И только холодными листьями обнимали ея лицо, разгоряченное отъ слезъ, и пили эти слезы, которыя долго текли изъ глазъ.

Долго. Она не скоро встала съ земли. Когда же встала, то воткнула среди нашихъ стеблей тотъ маленькій крестикъ, который принесла съ собой. Затѣмъ маленькая фигура ея исчезла въ вечернемъ сумракѣ среди пожелтѣвшихъ деревьевъ и никогда уже больше не возвращалась сюда. . . . . .

. . . . . .

...Снова заговорилъ могучій бородатый Дубъ.

— И года уплывали за годами...

Каждую весну прилетали сюда стаи птицъ. Каждую весну бѣлочки прыгали по елочкамъ, и въ травахъ бѣгали, ползали, перелетали крохотныя насѣкомыя, жучки и червячки. Дикія розы цвѣли, и бабочки льнули къ ихъ вѣнчикамъ. Солнце клало на траву широкія золотистыя полосы. Отъ вечернихъ зорь по небу проплывали румяныя облака. Въ сумракѣ ночи свѣтились высокія звѣзды или же тяжелыми темными покрывалами низко ползли тучи. Дни уплывали за днями, ночи за ночами...

Въ глубокія осени гудѣли здѣсь вихри, шумѣли ливни, журчали безконечные дожди, а въ снѣжныя сверкающія зимы мы, деревья, поднимались надъ этимъ курганомъ, какъ надгробные памятники изъ льда и снѣга, холодные и бѣлые, украшенные узорами, осыпанные брильянтами. Иногда на эти надгробные памятники слетали стаи воронъ или галокъ и наполняли воздухъ своимъ могильнымъ карканьемъ. Иногда съ горделивой осанкой останавливался здѣсь благородный олень; пробѣгало мимо стадо робкихъ козъ или проскальзывалъ маленькій заяцъ, оставляя на снѣгу зигзаги темныхъ слѣдовъ, и уплывали весны за веснами и зимы за зимами...

Только двѣ вещи оставались неизмѣнными. Всегда стояло здѣсь въ нѣмомъ молчаніи глубокое отъ неба до земли уединеніе.

Digitized by Google

И всегда плыло здѣсь безсмертное теченіе времени, неустанно повторяющее: vae victis! vae victis! vae victis! . . . . . .

. . . . . .

Вѣтеръ быстрый не плакалъ уже. Его хрустальное тѣло начало вздыматься надъ могильнымъ курганомъ и становилось все выше, сильнѣе, могучѣе.

Онъ всталъ и, словно колыхающаяся колонна, тянулся все выше и выше, сначала до верхушекъ деревьевъ, затѣмъ высоко надъ ними, еще выше, весь въ гнѣвномъ шумѣ поднимающихся надъ землей крыльевъ и въ вихрѣ волосъ, распростершихся вокругъ огромной паутинной сѣтью, сверкающей иглистыми блестками. Наконецъ, высокій, возбужденный, искрящійся безчисленными отраженіями звѣздъ, онъ распростеръ свои огромныя воздушныя крылья и на весь лѣсъ бросилъ могучій кликъ:

— Gloria victis!

Онъ сорвался съ могильнаго холма, взлетѣлъ надъ лѣсомъ, воздушнымъ ураганомъ коснулся темнаго неба, мигающихъ звѣздъ, серебристаго млечнаго пути и воскликнулъ:

— Gloria victis!

А затѣмъ снова слетѣлъ къ землѣ и неспокойный, объятый гнѣвомъ и святой яростью, шумящимъ ураганомъ мрака прорѣзывалъ воздухъ надъ полями, водами и лѣсами, надъ городами и деревеньками на все воздушное пространство окружающее землю, и на весь огромный небесный сводъ взывалъ:

— Gloria victis!

Изумлялись, слушая этотъ возгласъ, поля, воды, лѣса, деревни и города, изумлялись земной шаръ и воздушное пространство и въ изумленіи спрашивали: кто провозглашаетъ надъ міромъ эту огромную, неслыханную, эту фантастичную и неожиданную новость? Не сказка ли достала себѣ крылья и, летая, начала по ночамъ разсказывать свѣту удивительныя вещи? Или такъ возвѣщаютъ духи, свергнутые съ другихъ планетъ? Или же это сонныя грезы? Безтѣлесныя видѣнія? Призраки? И что возвѣщаетъ голосъ этотъ? Перерожденіе ли міра — или его уничтоженіе?..

А вѣтеръ быстрый летѣлъ и летѣлъ отъ неизвѣстной, безымянной, великой могилы лѣсной все дальше и дальше, несъ въ пространство, въ даль, во время, въ память, въ сердца,—звучащій торжествомъ далекаго будущаго могучій возгласъ:

— Gloria victis.

Digitized by Google

О „навьихъ“ чарахъ и „навьихъ“ тропахъ.

(Художество—жизнь).

Огня не надо. Будемъ тихо
Сидѣть, вдвоемъ, у камелька.
И пусть приходитъ наше лихо,
И пусть цвѣтетъ, поетъ тоска.

Викторъ Стражевъ
(изъ „Перевала“).

Вѣрить хочется обману,
Правда слишкомъ ужъ ясна.
Рвать завѣсы перестану,
Припаду опять къ корану,
Пусть все скроетъ пелена.

Іосифъ Карякинъ
(тоже изъ „Перевала“).

I.

Мнѣ опять хочется подвести кое-какіе итоги...

Голосъ литературы—голосъ жизни. Даже тѣ изъ художниковъ, которые принципа для, „позабывъ все—все земное“, поютъ только о „томъ, чего не бываетъ“ (не только ни на землѣ, ни въ небѣ не бываетъ и не бывало, но даже—увы!—и въ ихъ собственныхъ головахъ...) даже эти художники лишь дополняютъ общій хоръ и помогаютъ внимательному слушателю... Подводя итоги именно пѣнію *всего* хора, мы съ читателемъ, можетъ быть, подслушаемъ *голосъ жизни*,—вещь, полагаю, не безынтересная...

Съ другой стороны, можетъ быть, и художникамъ не безынтересно разобраться, *что къ чему* и *почему*, какому кто богу служитъ и на чью мельницу льетъ воду... Говорю „можетъ быть“, ибо въ наши дни—дни художественной гордыни par excellence—какъ то вошло въ обычай среди гг. художниковъ, носить голову (а стало быть и уши) превыше облака ходячаго. Особенно надо сказать это о „малыхъ сихъ“ современнаго художественнаго міра.

Digitized by Google

И чѣмъ „малый сей“ меньше, тѣмъ возвышеннѣе держитъ голову. А у меня мало надежды, чтобы слабый голосъ мой достигъ заоблачныхъ высотъ...

Голосъ литературы---голосъ жизни.

Въ 1904 году, еще въ темные дни Плеве, подводя итоги современной беллетристикѣ, по поводу первыхъ сборниковъ „Знанія“, я изъ цѣлаго ряда произведеній нашихъ художниковъ выискалъ—да нѣтъ, почти *выписалъ* слѣдующее:

„*Не то, не то, такъ жить нельзя*“—вотъ излюбленная формула нашей современности“ [1]).

И когда затѣмъ наступила „весна“ Святополка-Мирскаго, а черезъ годъ—октябрьскіе дни 1905-го года,—тысячи и десятки тысячъ разъ, всюду и вездѣ, печаталась, писалась и высказывалась устно—почти дословно именно эта формула...

Можно было подумать, что жизнь позаимствовалась ею... изъ первыхъ сборниковъ „Знанія“!.. И, пожалуй, именно съ тѣмъ дополненіемъ, которое я выписалъ въ той же замѣткѣ:

„А на вопросъ: какъ же иначе-то?—современность „хмуритъ брови“ и отвѣчаетъ неопредѣленнымъ: „тамъ видно будетъ“...

Подводя въ декабрѣ 1906-го года итогъ беллетристикѣ революціоннаго періода, я, между прочимъ, въ драмѣ Леонида Андреева нашелъ формулу, удачно, на мой взглядъ, опредѣлявшую начальную стадію нашего движенія и то „страдальчество“, которое характерно именно для начальныхъ стадій великихъ переворотовъ:

— Я пойду въ жизнь...

— Иди!.. Ты погибнешь, какъ погибъ Николай, какъ гибнутъ, кому душой своей, безмѣрно счастливой, суждено поддерживать вѣчный огонь...

Я отмѣтилъ тамъ же, что реалисты наши какъ бы „спасовали“ передъ трагическимъ реализмомъ газетныхъ телеграммъ и хроникъ, и почти молчали, и только символисты нашли въ себѣ силы, продолжая линіи жизни до ихъ пересѣченія, въ общихъ чертахъ отзываться на трагедію текущей дѣйствительности...

Теперь, когда изжита эта первоначальная фаза движенія, теперь, когда, казалось бы, и недавнее прошлое и современность уже доступнѣе и пониманію и воспроизведенію—наше художество являетъ изъ себя картину странной растерянности...

Говорятъ теперь и символисты и реалисты. Но если вслушаться въ ихъ рѣчи, если попытаться уловить въ нихъ что-ни-

[1]) „М. В.“, 1904 г., кн. VIII, стр. 38.

Digitized by Google

будь ихъ объединяющее, представляющее хоть сколько-нибудь общій *тонъ*, то получается нѣчто весьма смутное, а вѣрнѣе сказать—почти ничего не получается...

Растерянность—вотъ, кажется, главный и почти единственный итогъ, къ которому приводитъ попытка уловить основныя черты современнаго художества. Этотъ итогъ напрашивается самъ собой, при первомъ бѣгломъ взглядѣ на эту пеструю и унылую въ то же время, и однообразную, при всей ея пестротѣ, литературу. Онъ остается въ силѣ и при болѣе внимательномъ и вдумчивомъ ознакомленіи съ нею...

Что же? Можетъ быть, именно таковъ теперь *голосъ жизни*, читатель?—Конечно, такъ; вѣрнѣе однако—*почти* такъ... Но довольствоваться подобнымъ выводомъ не приходится.

И прежде всего потому не приходится довольствоваться, что художество есть нѣчто творческое и пророческое. Злоба дня, именно *дня*, не дѣло художественной литературы. Художество призвано *продолжать* линіи жизни, и, какъ я только что отмѣтилъ, въ дореволюціонные дни и въ дни самой революціи оно выполняло эту свою миссію. И самое содержаніе революціонныхъ дней, и трагически-страдальческая форма начальной стадіи движенія была какъ бы пророчески напередъ указана нашимъ художествомъ.

Съ другой стороны, если теперь въ извѣстной средѣ русскаго общества безусловно царятъ уныніе и растерянность, если именно растерянностью характеризуется настроеніе „побѣжденной“ интеллигенціи, если передовая часть культурнаго общества до сихъ поръ не оправилась отъ недавняго пораженія, то вѣдь голосъ этой части общества еще не есть *голосъ жизни* вообще...

А мы именно его-то и хотимъ и жаждемъ слышать, и именно онъ, этотъ голосъ *всей* нашей жизни, долженъ звучать въ художествѣ, если оно истинное и здоровое художество, если оно не переживаетъ какого-нибудь болѣзненнаго кризиса въ своей области или не поддается чрезмѣрному вліянію специфической среды.

Мнѣ сдается, что та картина, какую являетъ современное наше художество, обусловлена обѣими этими причинами: я усматриваю въ немъ и симптомы нѣкотораго кризиса, и излишнюю чуткость къ голосу... растерянаго въ настоящую минуту культурнаго общества.

Возьмемте „на пробу“ изъ современной беллетристики хотя бы послѣдній Альманахъ „Шиповника“. Издательство это серьезное, насколько могу судить, поставившее себѣ опредѣленныя художественныя задачи. Оно явилось какъ бы на смѣну „Знанію“,

Digitized by Google

которое такъ хорошо *начиналось* въ упомянутую предъ-весеннюю пору. Идея издателей, повидимому, поддержка и популяризація всякаго серьезнаго художества, чуждаго внѣшней, показной изысканности, или „мистическихъ“ вычуръ,— при широко терпимомъ отношеніи къ формѣ, при явной симпатіи ко всѣмъ здоровымъ завоеваніямъ новаго искусства.

Леонидъ Андреевъ, Борисъ Зайцевъ, отчасти г. Сергѣевъ-Ценскій, участники Альманаховъ, являются представителями именно этой струи новаго искусства. И вотъ, съ перваго же Альманаха, мы можемъ констатировать значительную разницу съ началомъ „Знанія“. У первыхъ книжекъ „Знанія“, при многихъ дефектахъ, при излишней снисходительности въ эстетическихъ требованіяхъ, несомнѣнно была своя физіономія, свой духъ. То были сборники „буревѣстниковъ“. „Шиповникъ“ какъ-то и началъ свое существованіе и продолжаетъ его—безъ опредѣленной физіономіи. И вина тутъ, разумѣется, не на издателяхъ: вина лежитъ на обстоятельствахъ, на художникахъ, на самой литературѣ. За эти три-четыре года, а особенно за послѣдній годъ нѣчто недоброе стряслось съ нашимъ художествомъ. И, пожалуй, послѣдній, Ш-й Альманахъ „Шиповника“ лучше всего проявляетъ всѣ симптомы этого недобраго...

„...Еще не такъ давно можно было слышать жалобы на „кружковщину“ въ литературѣ, на партійность, которая все мѣряетъ своимъ собственнымъ аршиномъ и подгоняетъ къ своей узкой тенденціи. Теперь на этотъ счетъ, кажется, свободно стало: кто во что горазъ. Это называется свободою и широтою. Сомнѣваюсь, чтобы именно этому явленію соотвѣтствовало столь пышное названіе, но, во всякомъ случаѣ читателю отъ этой широты и свободы не легче стало“.

Такъ писалъ Н. К. Михайловскій въ концѣ 80-хъ годовъ— въ моментъ реакціи и общественной спячки. Интересно, что та же „свобода и широта“ въ сугубой степени проявляются въ настоящую минуту растерянности... Видѣть ли въ этомъ то же своего рода „знаменіе времени“?..

Въ частности, въ „Шиповникѣ“ къ именамъ сотрудниковъ перваго Альманаха присоединяются сначала два, а потомъ цѣлыхъ четыре имени изъ „Вѣсовъ“, „Перевалова“, „Золотыхъ Рунъ“ и т. д.: гг. Городецкій, Блокъ, Ѳедоръ Сологубъ, Георгій Чулковъ.

Это какъ бы символизируетъ переворотъ, совершающійся въ извѣстной части нашей литературы. Я потому прежде всего,

Digitized by Google

останавливаюсь на этой чертѣ, что она имѣетъ символическое значеніе и при томъ довольно существенное.

Недавно кто-то изъ нашихъ „модернистовъ“ (если не ошибаюсь, г. Поярковъ) радостно провозгласилъ полную побѣду „декадентства“ надъ „улицей“ и „толстыми журналами“. Г. Горнфельдъ удачно иронизировалъ по этому поводу, удивляясь подобному ликованію со стороны людей, которые всегда, какъ извѣстно, кичились своимъ искусствомъ, какъ искусствомъ для немногихъ „избранныхъ“, которые всегда съ презрѣніемъ третировали эту самую „улицу“. Виноградъ, видно, „зеленъ“, лишь пока его трудно достать... Важна однако не „эта переоцѣнка цѣнностей“ въ умахъ гг. модернистовъ, а самый фактъ расцвѣта и выхода на улицу литературы „для немногихъ“. И еще важнѣе то обстоятельство, что литература эта не только количественно размножается въ усиленной степени, но и качественно расползается за недавнія узкія свои границы и вліяніе ея то и дѣло ощущается на литературѣ иной формаціи, съ иными задачами, съ иными источниками творчества—на литературѣ—скажу безъ обиняковъ—доселѣ здоровой... Вотъ эта „побѣда“ поистинѣ горше первой...

Что за важность, въ самомъ дѣлѣ, если нѣсколько богатыхъ (преимущественно московскихъ) купцовъ-меценатовъ, естественно склонныхъ „потрафлять“ подъ самоновѣйшій и самомоднѣйшій фасонъ и трогательно беззащитныхъ передъ авторитетомъ любого „модерниста“ побойчѣе, питаютъ три-четыре, десятокъ (да даже хотя бы четыре десятка!) изданій и даютъ пріютъ десятку писателей, окончательно порвавшихъ съ жизнью, надрывающихся въ разныхъ „мистическихъ“ и эстетическихъ выдумкахъ, одна другой искусственнѣе, ненужнѣе и... скучнѣе. Это „дѣла семейныя“, какъ мѣтко опредѣлилъ ихъ одинъ изъ сотрудниковъ именно этихъ питаемыхъ меценатами изданій—г. Философовъ. Не велико также горе, если и широкая публика или даже презрѣнная „улица“, въ наше безвременье, отъ тоски и бездѣлья, начнетъ съ любопытствомъ глазѣть на фокусы, продѣлываемые питомцами московскихъ меценатовъ! Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось...

Но если ихъ фокусы и вычуры, а главное коренной порокъ ихъ творчества и думъ, начинаетъ проникать въ область доселѣ имъ чуждую, если кое-какими чертами ихъ настроенія заражаются нѣкоторые люди жизни, люди, призванные служить жизни, тогда всякій любящій родное художество имѣетъ основаніе серьезно и не совсѣмъ весело задуматься.

Le mort saisit le vif—что можетъ быть нелѣпѣе подобной

Digitized by Google

комбинаціи? Картина—поистинѣ декадентская, впрочемъ, и излюбленная и истрепанная нашими модернистами до того, что, кажется, ни одной художественной, ни одной критической статьи въ ихъ журналахъ безъ нея не обходится...

И вотъ этотъ сдвигъ живого искусства въ сторону „навьей тропы", это вліяніе „навьихъ чаръ" (словечки изъ послѣдняго романа г. Соллогуба) я и хочу здѣсь отмѣтить и проанализировать.

Сдвигъ въ сторону „навьей тропы" (для читателя недостаточно версированнаго въ стилѣ-модернъ я поясню, что *навья* тропа означаетъ тропу мертвецовъ: по крайней мѣрѣ такъ увѣряетъ Даль, въ словарѣ котораго я справлялся) происходитъ не только въ фигуральномъ, но и въ буквальномъ смыслѣ слова.

Я беру послѣднія новинки нашей беллетристики безъ всякаго выбора.

Третій альманахъ „Шиповника". Изъ шести повѣстей въ немъ помѣщенныхъ:

Въ „Астмѣ" г. Бунина трактуется о *смерти* землемѣра; въ „Сестрѣ", очеркѣ г. Зайцева, братъ съ сестрой толкуютъ на тему о *смерти*:

„Вотъ ты мнѣ и скажи, говоритъ сестра: такъ родились мы съ тобой, жили сестрой и братомъ и любили другъ друга и люди мы ничего себѣ: а, однако—главнымъ образомъ страдаемъ... и умремъ, надъ нами все будетъ такая же ночь, да могила сверху. Какъ ты думаешь къ чему все это? Такъ себѣ, зря или не зря?"

А братъ, оставшись одинъ, въ предразсвѣтной тиши, размышляетъ:

„Стало быть всѣ мы погибнемъ. И онъ (старая собака Полканъ, сидящая съ нимъ рядомъ), и я, и сестра Маша, и старая тетя Агнія — въ этотъ тихій утренній часъ это кажется яснымъ особой прозрачно-спокойной ясностью..."

Въ „Пескахъ" г. Серафимовича героиня отравляетъ своего мужа, а затѣмъ она и любовникъ ея, въ своей заброшенной на песчаномъ рѣчномъ берегу мельницѣ *умираютъ* въ унылой, злой тоскѣ жизни: „измученные, усталые, но привыкшіе и примирившіеся съ постылой жизнью".

Въ „Творимой легендѣ" г. Соллогуба, изъ которой въ альманахѣ напечатана пока только первая часть, не только среди разныхъ „блѣдныхъ мальчиковъ", „босыхъ учительницъ", таинственныхъ „призмъ" и „подземелій" инсценируется шествіе *мертвецовъ* по „навьей тропѣ", но, должно быть, и вообще *навьимъ чарамъ* (такъ озаглавлена напечатанная часть романа) при-

Digitized by Google

надлежитъ основное мѣсто, какъ принадлежитъ оно и въ послѣдней драмѣ этого автора „Побѣда смерти“...

Даже г. Купринъ въ очеркѣ „Изумрудъ“, художественной варіаціи на тему того эпизода, который разыгрался въ Москвѣ съ знаменитой призовой лошадью, и тотъ заканчиваетъ смертью рысака...

Тотъ же г. Купринъ въ очеркѣ „Мелюзга“, съ которымъ читатели „Современнаго Міра“ познакомились въ декабрьской книжкѣ журнала, заноситъ снѣгомъ двухъ полуинтеллигентовъ, фельдшера и учителя, заброшенныхъ зимою въ деревню, рисуетъ ихъ разъѣдающее душу „одиночество вдвоемъ“, а затѣмъ топитъ ихъ въ половодье.

Г. Ценскій приготовилъ къ новому году драму такъ и названную—„Смерть“. Герою ряда его очерковъ, офицеру Бабаеву, подъ впечатлѣніемъ разсказа о некрофиліи сторожа при мертвецкой (очеркъ „Мертвецкая“) всюду и вездѣ, чудятся мертвецы и только мертвецы: мертвеца онъ видитъ въ самомъ себѣ, человѣкѣ съ опустошенной душою; какъ трупъ съ трупомъ, ни на мгновеніе не забывая о сторожѣ при мертвецкой, безцѣльно вступаетъ въ минутную связь съ женой своего товарища по службѣ, какъ раньше продѣлалъ тоже съ женой псаломщика и т. д. и т. д.

Или—такое мѣсто изъ странной, дѣланной и растянутой, но несомнѣнно свидѣтельствующей о подлинномъ дарованіи, повѣсти г. Пантюхова (1907 г., отдѣльное изданіе): „Тишина и старикъ“:

„Онъ сидѣлъ противъ зеркала... И вдругъ, когда онъ протянулъ руку къ бокалу блѣднаго вина, ему ясно представился жестокій, со стиснутыми зубами скелетъ, сидящій въ немъ. И ему показалось, что этотъ скелетъ, этотъ черепъ съ подлымъ, злымъ и трусливымъ выраженіемъ, эти обнаженные, вѣчно голодные зубы гораздо ближе передаютъ сущность (excusez du peu!) человѣческой природы, чѣмъ губы и глаза и вся остальная обманная оболочка тѣла“.

Господа, согласитесь, вѣдь это же, наконецъ, нѣчто изъ ряду вонъ!.. Одинъ статистическій, такъ сказать, перечень темъ нашихъ современныхъ беллетристовъ можетъ хоть кого повергнуть въ унынiе... Смерть, смерть и смерть, „навьи тропы“, мертвецы и мертвецкія!.. О, конечно! слишкомъ достаточно данныхъ въ переживаемомъ моментѣ, какъ и въ моментахъ недавно пережитыхъ, чтобы вызвать въ художникѣ, да и во всякомъ мыслящемъ человѣкѣ, напряженный, болѣзненный даже, интересъ къ вопросу о смерти. „Смерть жатву жизни—коситъ, коситъ“... И можетъ статься, въ этомъ все дѣло? Можетъ статься, это лишь правильное „отображеніе“, какъ нынче пишутъ, совре-

Google

менной дѣйствительности, и эти пѣсни *о смерти* суть все тотъ же—жутко и выговаривать это, читатель—*голосъ* современной *жизни*?..

Нѣтъ, однако! дѣло не совсѣмъ въ этомъ. „Статистика“ въ такихъ вопросахъ мало что дать можетъ, а если мы перейдемъ отъ статистики къ болѣе пристальному анализу самаго тона, въ какомъ трактуются „навьи“ темы современной беллетристикой, то придемъ, думается мнѣ, къ грустному, однако не столь грустному и не въ этомъ смыслѣ грустному, выводу... Пожалуй, придется признать здѣсь не столько побѣду нашей дѣйствительности, увидѣть не столько порабощеніе и плѣненіе всѣхъ помысловъ нашихъ художниковъ той унылой трагедіей, которою закончилась наша „весна“ и былыя, весеннія „пѣсни будущаго“ нашихъ „буревѣстниковъ“, сколько побѣду, не такую ужъ окончательную, какой ее провозгласилъ г. Поярковъ, но все же извѣстную побѣду гг. Мережковскихъ и „сонма духовъ имъ подвластныхъ“ надъ нашей литературой вообще...

Кстати: этотъ писатель, какъ вы, вѣроятно, уже замѣтили, не можетъ дать ни одной критической статьи безъ обязательнаго въ его программѣ „навьяго“ номера. Пишетъ-ли онъ о живомъ Л. Н. Толстомъ, онъ самымъ развязнымъ образомъ изображаетъ, какъ будетъ „трусить“ въ моментъ смерти великій писатель земли русской... Пишетъ-ли онъ о мертвомъ А. П. Чеховѣ—его спокойную, полную удивительной стойкой „сдержанности“, смерть, полную той самой сдержанности и простоты, которыми отличалась вся его жизнь и все его творчество,—г. Мережковскій трактуетъ, какъ отчаяніе „матеріалиста-босяка“, еще при жизни умершаго худшей изъ смертей, „второй смертью, о которой сказано въ Апокалипсисѣ“... Пристрастіе къ этой темѣ у него поразительное...

А, по признанію г. А. Бѣлаго, именно онъ, этотъ Д. С. Мережковскій, является главою и вдохновителемъ всѣхъ нашихъ модернистовъ-мистиковъ, которые только и дѣлаютъ, что на разные лады разрабатываютъ брошенныя имъ великія идеи.

И этотъ *властитель навьихъ думъ*, въ настоящую минуту, какъ бы начинаетъ вводить въ соблазнъ, какъ бы начинаетъ вербовать себѣ прозелитовъ въ новой, доселѣ ему чуждой и даже враждебной средѣ. „Навьи чары“, какъ бы пользуясь минутой растерянности, зачаровываютъ иныхъ, очевидно легко поддающихся „внушенію“, людей...

Начну съ г. Зайцева. Въ своей своеобразной, обвѣянной тихой грустью, манерѣ, легкими контурами обводя свои небольшія

Digitized by Google

лирическія картинки, въ характерныхъ для него нѣжныхъ, мнѣ хочется сказать—*опаловыхъ* тонахъ, авторъ далъ едва-ли не самую художественную вещь въ III-мъ альманахѣ. Необыкновенно любовно и поэтично, быть можетъ чуть-чуть сантиментально (какъ часто у него). написаны эти грустные „братъ и сестра“. Они встрѣтились послѣ долгой разлуки; вспоминаютъ дѣтство, когда они „развѣ такіе были?“, и вспоминая, смѣются смѣхомъ, въ которомъ есть „что-то трогающее ихъ самихъ и сжимающее сердце“... Обоимъ жизнь не удалась. Сестра говоритъ „о крахѣ своего сердца, одиночествѣ и беззащитности; о пропажѣ личной жизни“, и заканчиваетъ, въ тонѣ чеховской Сони изъ „Дяди Вани“: „а вотъ буду только работать, работать на дѣвочку, да прошлое вспоминать“... „Тяжко, больно и сѣро“— такъ резюмируетъ братъ свой душевный осадокъ отъ разсказовъ сестры. На цитированный уже мною выше ея запросъ о смыслѣ существованія, онъ, тоже совсѣмъ во вкусѣ чеховскихъ героевъ, не имѣетъ отвѣта:

— „Ахъ, сестра, сестра,—она попадаетъ въ самое больное мѣсто: да, къ чему все это? И ея печаль, и скорбная жизнь, данная ей, и смерть, и наша безпомощность?“

А свое размышленіе о предстоящей всѣмъ имъ „гибели“ онъ заключаетъ такими словами:

„Въ этотъ тихій утренній часъ это кажется яснымъ особой, прозрачно-спокойной ясностью. Да будетъ. Намъ дано жить въ тоскѣ и скорби, но дано и быть твердыми — съ честью и мужествомъ пронести свой духъ сквозь эту юдоль, неугасимымъ пламенемъ—и съ спокойной печалью умереть; отойти въ вѣчную обитель ясности. Это непреложно, и это даетъ сердцу миръ и твердость. И тишина теперь, не есть-ли она отображеніе той вѣчной тишины, что ждетъ насъ?

Боже, Боже, пусть будетъ всегда такъ въ нашемъ усталомъ сердцѣ“.

Безнадежно-грустный тонъ очерка какъ бы смягчается въ концѣ сценкой материнской любви и ласкъ: Маша (такъ зовутъ сестру) „цѣлуетъ дѣтку въ лобикъ, щечку, а маленькій человѣкъ понимаетъ, тянется къ ней лапками, „обымаетъ“ за шею и вокругъ лица Маши вновь сіяетъ тихое дуновеніе; въ немъ разбрелись маленькія морщины и *уходитъ человѣческое, чтобы дать мѣсто божьему*“. Утѣшеніе, впрочемъ, лишь усиливающее общее настроеніе безысходной безпомощности... Я подчеркнулъ странное противоположеніе—„божескаго“ и „человѣческаго“. Интересно бы узнать, почему тоска и скорбь объ неудавшейся жизни есть нѣчто человѣческое, а любовь и ласки къ ребенку ничто непремѣнно „мистическое“? Я не думаю, чтобы здѣсь былъ лишь случайно надвернувшійся подъ кисть автора штрихъ. Скорѣе

Digitized by Google

чувствуется что-то преднамѣренно-„философское“... и въ то же время искусственное, Но не въ этой подробности суть дѣла. Интереснѣе настроеніе самого брата, отъ имени коего ведется разсказъ.

Все въ очеркѣ написано въ столь общихъ, и намѣренно общихъ, чертахъ, что судить объ общественномъ положеніи, а тѣмъ болѣе объ интеллектуальномъ уровнѣ и умонастроеніи его героевъ трудно. Повидимому, мелкіе помѣщики, такъ какъ дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ — но это къ дѣлу не относится. Братъ вовсе не опредѣленный общественный типъ; онъ выражаетъ лишь настроеніе самого автора. И вотъ именно въ немъ довольно выпукло выступаетъ то отношеніе къ *смерти*, да и къ *жизни*, которое я хочу отмѣтить.

Только что выписанное мною уныло-мужественное размышленіе его, передъ лицомъ „гибели“ разрѣшающееся коротенькой молитвой — обнаруживаетъ модный нынѣ мистицизмъ, и самый безхитростный, притомъ,—самый элементарный,—это съ одной стороны; а съ другой поражаетъ прежде всего настроеніемъ *полнаго одиночества, полной разобщенности* съ людьми, полной отчужденности отъ ихъ дѣла и жизни, отъ дѣла и жизни человѣчества... Этотъ „милый“, тихій, скорбный, *пассивный индивидуализмъ*, къ которому авторъ умѣетъ расположить своего читателя, черта достойная всяческаго вниманія. Совсѣмъ чеховскіе типы, чеховскія мелодіи—плюсъ нѣкоторый налетъ мистицизма... Неужели мы, и вправду возвращаемся, къ постылому мѣсту, неужели и впрямь осуждены на рецидивъ, на вторичное переживаніе полосы этихъ типовъ и мелодіи не только въ литературѣ, но и въ жизни?.. Въ предыдущихъ очеркахъ того же г. Зайцева я не припомню этой ноты, не припомню и сколько-нибудь ярко выраженнаго мистическаго настроенія.

Однако, пойдемъ дальше, обратимся къ землемѣру г. Бунина въ его „Астмѣ“. И тутъ тотъ же „сдвигъ“... Г. Буниъ началъ съ очень тонкихъ, ни богъ вѣсть какихъ блестящихъ по краскамъ, но всегда вдумчивыхъ и серьезныхъ очерковъ изъ крестьянскаго быта. Этотъ міръ онъ знаетъ или зналъ, и каждый разъ, какъ онъ обращался къ нему и впослѣдствіи, хотя бы въ сборникахъ „Знанія“ 1904 года, онъ давалъ всегда содержательныя, реалистическія картинки, обнаруживавшія пристальный интересъ его къ духовнымъ переживаніямъ деревни... Но послѣднее время, помимо весьма почтенныхъ переводныхъ трудовъ, онъ отдался почти исключительно стихотворству, манкируя, на мой взглядъ, свое призваніе. Какъ много было лиризма и психологической вдумчи-

Digitized by Google

вости въ его прозаическихъ очеркахъ, такъ, напротивъ, разсудочнымъ холодкомъ вѣетъ отъ его безупречной въ техническомъ смыслѣ лирики... Помѣщалъ онъ свои стихотворенія—что дальше, то чаще—въ „навьихъ“ органахъ. И вотъ „навьи чары“, повидимому, хотятъ зачаровать его. Г-нъ Мережковскій, который въ первомъ своемъ критическомъ трудѣ, давая оцѣнку Тургеневу, выдвинулъ на первый планъ такія его произведенія, какъ „Живыя мощи“, „Собака“ и „Призраки“ (въ нихъ, по его мнѣнію, есть мистицизмъ — вы понимаете, читатель?), и забраковалъ „Отцовъ и дѣтей“ и „Дворянское гнѣздо“, — г. Мережковскій, вѣроятно, будетъ вполнѣ удовлетворенъ новой повѣстью г. Бунина. Мистицизмъ въ ней представленъ богато, пожалуй, даже съ излишней роскошью аксессуаровъ.

Все содержаніе ея—предчувствія смерти у больного астмой землемѣра. Этотъ землемѣръ ѣдетъ лунной ночью одинъ съ работы—домой, и по дорогѣ „видитъ“: 1) бѣлую лошадь, его преслѣдующую, которая „казалась литой изъ серебра и шла бодро, чисто, едва касаясь земли, и такъ гордо и граціозно несла свою голову, что сразу было видно, что она молода, породиста, ни одного дня не знала упряжки... но въ этомъ-то и заключался ужасъ“; затѣмъ 2) старуху-нищенку, съ „лиловатой отъ загара рукой“, въ которую (нищенку, а не руку) превратилась бѣлая лошадь; далѣе 3) копчика или ястребка, въ котораго, на сколько я могъ понять, превратилась старуха-нищенка; наконецъ—уже дома — кромѣ бѣлой лошади, видитъ еще 4)—„большую сѣрую крысу“... Между старухой-нищенкой и землемѣромъ происходитъ такой—если можно такъ выразиться—односторонній діалогъ:

— Хороша!—сказалъ онъ.—Красива! Ты смерть, что ли?

Нищенка молчала.

Молчишь? — сказалъ землемѣръ. — Значитъ это правда? нищенка молчала и смотрѣла ему въ лицо неподвижными глазами и т. д,

Читатель, не правда ли?—даже грустно становится... Ну, зачѣмъ серьезные, взрослые, люди пытаются напугать насъ подобными „ужасами“? Въ дѣтствѣ многіе изъ насъ слыхали отъ своихъ нянекъ еще болѣе „ужасные ужасы“ и дѣйствительно боялись... Но слушать или читать это теперь, въ наши годы... Я только такъ и могу сформулировать то впечатлѣніе, которое производятъ на меня „мистическія“ экскурсіи г. Бунина. И думается, главная причина здѣсь въ томъ, что мистицизмъ у него совершенно-искусственный, разсудочный, напускной... Въ бредовыхъ грезахъ землемѣра все такъ отчетливо, до сухости ясно очерчено, все такъ явно разсчитано и ловко пригнано, что именно

Digitized by Google

мистическаго то, всегда смутнаго, ибо вполнѣ безсознательнаго, чувства онѣ и не шевелятъ даже, и, на мой взглядъ, свидѣтельствуютъ лишь объ одномъ:—о полномъ отсутствіи подобнаго чувства, даже, задатковъ его, у автора...

Зачѣмъ же, чего же ради, въ такомъ случаѣ, прибѣгаетъ онъ къ этимъ пріемамъ? Зачѣмъ тщится возложить жертву на алтарь вполнѣ чуждаго ему бога?..Вотъ подите-же!.. А тамъ, гдѣ г. Бунинъ пишетъ въ обычной своей манерѣ, въ началѣ повѣсти, въ сценкѣ разставанія съ помѣщикомъ, далѣе въ бесѣдахъ съ попомъ, и особенно въ пейзажахъ—въ описаніи лунной ночи, лунной смутной дали—г. Бунинъ даетъ живые и, какъ всегда у него, изящные, тонкіе штрихи и прозрачныя краски...

Бунинскій землемѣръ религіозенъ, по обычному, по православному, а привидѣвшаяся ему чертовщина не вноситъ въ его міросозерцаніе сколько-нибудъ осложняющихъ необычныхъ элементовъ. Въ силу этого еще труднѣе понять, почему такъ много мѣста удѣлилъ авторъ изображенію мистическихъ аксессуаровъ его путешествія и домашней жизни... Гораздо болѣе интереснѣе въ немъ другая черта: скорбное сознаніе *безсилія*, и завистливый страхъ и *преклоненіе передъ силой* вообще...

Даже „бѣлая лошадь“, предвѣстникъ смерти, — „всѣмъ существомъ своимъ сказала ему о красотѣ и безпощадности жизни... той живой, той страшной силы, что со всѣхъ сторонъ окружила его безсильнаго“. Съ чувствомъ зависти раздумываетъ онъ о волкахъ, и объ одичавшихъ свиньяхъ, которыя нападаютъ даже на волковъ, и о быкѣ лавочника, который „не намъ чета“, и о львѣ, котораго видѣлъ какъ-то въ звѣринцѣ... Все это для него олицетворенія *силы*.

„Ахъ, отецъ Нифонтъ,—страстно говоритъ онъ, начиная дрожать отъ волненія,—все-таки нѣтъ ничего на свѣтѣ хуже безсилія“!

Это сознаніе безсилія въ противоположность властной силѣ жизни—повидимому и было центральнымъ пунктомъ въ замыслѣ автора. Однако центральнаго мѣста въ повѣсти онъ этой идеѣ придать не съумѣлъ: ее заслонили мистическіе аксессуары.

Вотъ нѣсколько образчиковъ мучительныхъ предсмертныхъ размышленій землемѣра надъ вопросомъ о безсиліи посреди страшной силы жизни:

Онъ читаетъ мѣсто изъ книги Іова: „Что можешь сдѣлать? Глубже преисподней: что можешь узнать? Но пустой человѣкъ мудрствуетъ, хотя человѣкъ рождается подобно дикому осленку“:

Digitized by Google

„Онъ представилъ себѣ свое дѣтство, младенчество и почувствовалъ невыразимую жалость къ этому бѣдному маленькому оленку, неизвѣстно зачѣмъ пришедшему въ міръ и осмѣлившемуся мудрствовать. Что отвѣтитъ ему Богъ въ шумѣ бури? Онъ только напомнитъ безумцу его ничтожество, напомнитъ, что пути Творца неисповѣдимы, грозны, радостны, и развернетъ бездну величія Своего, скажетъ только одно: Я—Сила и Безпощадность. И ужаснетъ великой красотой проявленія этой силы на землѣ, гдѣ отъ вѣка идетъ кровавое состязаніе за каждый глотокъ воздуха.. и гдѣ безпомощнѣй и несчастнѣй всѣхъ—человѣкъ“...

„Гдѣ же спасеніе? Только въ нерожденіи — или въ могилѣ... Тамъ, гдѣ беззаконные перестаютъ наводить страхъ и отдыхаютъ истощившіеся въ силахъ“... Ей, Господи, приди и возьми!..

Какъ видите, опять то же, что и у г. Зайцева, только въ болѣе бурной и ожесточенной формѣ: тоже *мистическое смиреніе*, та же покорность судьбѣ и силѣ и... такое же полное одиночество, такая же *разобщенность* съ жизнью и живыми людьми!.. А давно-ли такіе же одиночки-священники у Л. Андреева грозно поднимали кулакъ противъ той же силы, передъ которой смиряются теперь землемѣры и „братья съ сестрами“? давно-ли они въ гордомъ бунтѣ предавали проклятію эту самую силу? давно-ли хмурились и мечтали тоже о бунтѣ мужики у самого г. Бунина, и вмѣсто смиренія проповѣдывали: „не вѣкъ же сидѣть—чертямъ оборки вить“...

Что мистическое настроеніе, и именно „навьяго“ пошиба, не случайно сказалось въ этомъ послѣднемъ очеркѣ г. Бунина, объ этомъ свидѣтельствуютъ стихотворенія его, помѣщенныя въ № 10 „Перевала“: заголовокъ—*„Изъ цикла смерть“*; первое кончается такъ: „Воистину, зловѣщи и жестоки Твои дѣла, Творецъ!“, второе: „Въ гробахъ трясинъ родятся огоньки, во тьмѣ родится свѣтъ, мы огоньки болота“; третье: „На сѣверѣ отрадна безнадежность“, и наконецъ четвертое: „И блескъ костей лишь радуетъ глаза!..“

Такой же точно разобщенный съ міромъ индивидуалистъ-одиночка умираетъ не отъ астмы, такъ отъ порока сердца, на протяженіи пяти актовъ драмы г. Сергѣева-Ценскаго. Написанная въ концѣ 1906-го года она появляется въ изданіи „Шиповника“ только теперь, какъ бы выждавши свой моментъ... Подобно Бунинскому землемѣру, герой г. Ценскаго завидуетъ мучительно и страстно „зеленой росистой жизни“ и силѣ, и все время пишетъ на разные лады... *смерть*. (Я забылъ упомянуть, что онъ живописецъ). Въ минуту смерти онъ видитъ ее—„вонъ тамъ... въ углу“, а влюбленная въ него Галя осыпаетъ вокругъ него комнату яблоневыми цвѣтами и смѣется: „Цвѣтами ее, цвѣтами! Нужно забросать смерть цвѣтами! Ха-ха-ха! Надъ смертью смѣяться нужно!“

Digitized by Google

Эта заключительная сцена резомируетъ идею пьесы. Авторъ, по крайней мѣрѣ, не смиряется предъ силой смерти, а ненавидитъ ее, и этимъ весельемъ, этимъ смѣхомъ надъ смертью, какъ бы пытается одержать верхъ надъ ней — въ собственной душѣ „засыпать цвѣтами“ страхъ смерти... Но въ этомъ надрывномъ весельи чувствуется отчетливо все тотъ же почти животный страхъ, тотъ самый, отъ котораго спасаются въ мистицизмъ литературные герои охарактеризованныхъ мною очерковъ Бунина и Зайцева, и ударяются въ мистицизмъ сами, и зовутъ въ лоно мистицизма другихъ — герои „навьей тропы“, въ родѣ г. Мережковскаго. Отрѣзанный отъ міра и міровой жизни, одиночка, поставленный лицомъ къ лицу только со своимъ *я* и его преходящимъ существованіемъ, естественно не въ силахъ преодолѣть этого животнаго страха. И онъ либо одухотворяетъ и облагораживаетъ этотъ страхъ, со свойственной человѣческой мысли изворотливостью,— наполняя его мистическимъ содержаніемъ и ищетъ мистической же побѣды надъ нимъ въ *чудѣ* вѣчной жизни; либо томится имъ и изнемогаетъ подъ его бременемъ... Герой г. Сергѣева-Ценскаго томится и изнемогаетъ. И попытка эстетическаго преодолѣнія этого страха, къ которой прибѣгаетъ авторъ „Смерти“, пожалуй, трогательна и изящна, но... мало убѣдительна. Преодолѣніе этого страха сознательный и не играющій съ собою въ прятки человѣкъ можетъ найти только въ живомъ и постоянномъ ощущеніи своей связи съ человѣчествомъ и жизнью человѣчества, только въ дѣятельномъ пріобщеніи къ этой жизни. А *одиночка* и страхъ смерти — это, на мой взглядъ, почти синонимы...

Такая же разобщенность съ міромъ, какъ я уже отмѣтилъ, изображена г. Купринымъ въ его „Мелюзгѣ“, — мастерскомъ очеркѣ, еслибы только не мѣшалъ немного совершенно случайный *„навій“* его конецъ: авторъ, изобразивши тоску разобщенныхъ съ міромъ двухъ героевъ своихъ, вмѣсто развитія ихъ психологіи, предпочелъ, какъ бы на скорую руку просто утопить ихъ — и дѣлу конецъ! Яркая жанровая картинка встрѣчи новаго года въ домѣ попа, навѣрное, долго будетъ жить въ памяти читателя, какъ и томительно-нудные и безъисходные споры учителя съ фельдшеромъ... Послѣдній, закрывши глаза, старается наполнить содержаніемъ слово „Россія“ и не можетъ:

„Да, если хотите знать, и никакого русскаго народа нѣтъ. И Россіи никакой нѣтъ!.. Есть только нѣсколько милліоновъ квадратныхъ верстъ пространства и нѣсколько сотенъ совершенно разныхъ національностей,— есть нѣсколько тысячъ языковъ и множество религій. И ничего общаго, если хотите знать. Вотъ я сейчасъ закрываю глаза и говорю себѣ: Рос-

Digitized by Google

сі-я. И мнѣ, если хотите знать, представляется все это ужасное необозримое пространство, все сплошь заваленное снѣгомъ, сонное, молчаливое, а изъ снѣга лишь кое-гдѣ торчатъ соломенныя крыши. И кругомъ ни огня, ни звука, ни признака жизни! И вдругъ ни съ того, ни съ сего, неизвѣстно почему—городъ. Каменные дома, электричество, телефоны, театры, и тамъ какіе-то господа во фракахъ,—какіе-то прыщи!—говорятъ:—Позвольте-съ, мы чудесно знаемъ исторію русскаго народа и лучше всѣхъ понимаемъ, что этому народу надобно“...

Одиночество и разобщенность въ этой жуткой картинѣ распространены одиночкой-фельдшеромъ на все пространство нашей родины... Солидаренъ ли съ нимъ въ этомъ обобщеніи и „распространеніи“ и самъ авторъ? Кому изъ насъ не приходилось именно такъ, „наглядно“, отъ зрительныхъ впечатлѣній отправляясь, переживать подобное настроеніе, у кого не мелькали въ головѣ именно эти жуткія мысли?... Но опять возникаетъ вопросъ: если долгіе годы и десятилѣтія именно отъ подобнаго „пейзажа“, дѣйствительно, морозъ по кожѣ подиралъ, если эта дикоунылая разобщенность дѣйствительно царила въ нашей жизни безраздѣльно и всецѣло, то неужели и теперь, послѣ тѣхъ огромныхъ „сдвиговъ“ (не „навьему“ сдвигу чета), которые пережила народная душа за послѣдніе годы, все осталось по старому, и старая жуткая картина ни чуть не измѣнилась, ни одной своей, черточкой не поступилась, ни одного новаго пятна не заполучила за это короткое, но такое трагическое время? Неужели и теперь даже такимъ не высокаго полета интеллигентамъ, какъ Куприискіе фельдшеръ и учитель (вѣдь не „мистическіе“ они, въ самомъ дѣлѣ, „анархисты“ и не адепты новой религіи „Святаго Духа“—Мережковскаго тожъ!) такъ таки и нечего дѣлать въ деревнѣ, не съ кѣмъ перекинуться живымъ словомъ, нѣтъ путей для общенія и хотя бы маломальскаго взаимнаго пониманія? Неужели, повторяю, по прежнему надъ всей родиной нашей носится постылый мотивъ чеховской „Свирѣли“, поющій о смерти и вырожденіи и только и раздаются, что вздохи грамотныхъ и полу-грамотныхъ Астровыхъ, засасываемыхъ деревенскими болотами, въ каждомъ изъ которыхъ больше двухъ понимающихъ другъ друга людей найти нельзя, а все остальное — лишь „чудаки“ да „печенѣги“... Но въ такомъ случаѣ—какой же грѣхъ на совѣсти нашихъ художниковъ недавняго прошлаго... Что же означали эти вереницы типовъ воскресшихъ и пробудившихся къ новой жизни „униженныхъ и оскорбленныхъ“ — въ городѣ и деревнѣ? Что означали эти повсемѣстныя свидѣтельства о „сдвигѣ“ жизни съ болота, въ которомъ она застаивалась въ теченіе столѣтій, въ сторону „просіянія умовъ“, въ сторону —

Digitized by Google

хмурыхъ, бунтующихъ поисковъ свободы? Или это были только поученія, только проповѣдь и публицистика? Или тутъ была ошибка, преувеличеная, прямая ложь? А можетъ быть измѣнилась лишь призма, сквозь которую смотрѣли недавно и теперь смотрятъ на картину „Россіи“ господа художники? Въ самомъ дѣлѣ, перемѣна въ тонѣ нашей литературы — слишкомъ разительная, поворотъ какой-то чрезмѣрно, и даже *подозрительно*-крутой, какой-то головоломно-быстрый — настоящее salto mortale („навій“, стало быть, прыжокъ)...

Я всегда привѣтствовалъ тотъ бодрый и полный высокаго общественнаго содержанія *индивидуализмъ*, которымъ вдохновлялось въ послѣднее десятилѣтіе наше художество, Я всегда чувствовалъ въ немъ не такъ называемую „буржуазность“, не стремленіе къ личному преуспѣянію въ борьбѣ за существованіе, а лишь аристократизмъ духа, сочетавшійся съ весьма ясно выраженнымъ демократическимъ настроеніемъ... И въ то время, какъ волна жизни шла на повышеніе, этотъ индивидуализмъ именно таковымъ и былъ. Когда Горьковскій „Человѣкъ“ провозглашалъ свое *„все впередъ и выше!“*,—осязательно чувствовалось, что онъ двигается, и хочетъ двигаться впередъ не одинъ, а бокъ о бокъ, локоть въ локоть со своими собратьями „человѣками“... Индивидуализмъ этотъ былъ и соціаленъ и бодръ, и это былъ *индивидуализмъ творческій.*

Теперь, въ настоящую минуту онъ какъ будто смѣняется индивидуализмомъ *пассивнымъ*, индивидуализмомъ унылой замкнутой въ себѣ души-одиночки, души *обывателя-мѣщанина*... И весь онъ пропитывается пессимизмомъ чеховскихъ временъ, смиреніемъ и тоскою его измученныхъ героевъ и героинь...

Удивительно быстро мѣняются наши настроенія, наша оцѣнка дѣйствительности, наши излюбленныя темы... Н. К. Михайловскій замѣтилъ какъ-то, что у насъ чуть не каждое десятилѣтіе полагается открывать новую эру и провозглашать „новыя слова“... Послѣ его смерти дѣло грозитъ, повидимому, пойти еще болѣе ускореннымъ темпомъ...

Повѣсть г. Соллогуба еще не окончена, какъ я говорилъ; передъ нами лишь первая часть ея „Навьи чары“. Я уже упоминалъ также, что появленіе ея въ сборникахъ „Шиповника“ имѣетъ, на мой взглядъ, *символическое* значеніе—какъ бы символизируетъ ту самую „побѣду“, о которой возвѣстилъ г. Поярковъ. Но она интересна и въ другомъ отношеніи. О! не сама по себѣ, читатель... О

Digitized by Google

ней самой я прежде всего долженъ сказать, что ея не понимаю. Можетъ быть, такова уже моя невоспріимчивость къ „навьимъ“ темамъ и пріемамъ. Въ такомъ случаѣ—извиняюсь, и только. Мнѣ нечего сказать въ свое оправданіе: развѣ только,—что я увѣренъ, я не одинъ; развѣ только,—что „не всѣ вмѣщаютъ словесе сего, но имъ же дано есть“... Судя по послѣднимъ главамъ напечатанной части, повѣсть трактуетъ нашу революцію. Въ ней дѣйствуютъ и эсдеки, и кадеты, и октябристы, и жандармы, и шпіоны, и казаки... Г. Соллогубъ, очевидно въ качествѣ habitué въ этой области, именно такъ и пишетъ разговорно: „эсдекъ“, „кадетъ“... Но почему „творимая легенда“ открывается сценой купанія двухъ героинь съ довольно пристальнымъ описаніемъ „тѣлесно-желтаго жемчуга ихътѣлъ“, погруженныхъ въ воду, въ каковомъ жемчугѣ „тонули розовые тоны, но розы побѣждали на ихъ лицахъ и на тѣхъ частяхъ тѣла, которыя бывали часто открыты“, а знакомый купающихся барышенъ гимназистъ смотритъ на все это изъ за-куста и жалѣетъ, что не захватилъ съ собою фотографическаго аппарата?.. Самъ авторъ какъ будто аргументируетъ такое начало: „Беру кусокъ жизни, грубой и бѣдной и творю изъ него сладостную легенду, ибо я—поэтъ... Съ чего начну? Въ спутанной зависимости событій случайно всякое начало. Но лучше начать съ того, что въ переживаніяхъ земныхъ прекрасно, или хотя бы только красиво и пріятно“... Я понимаю, что, стало быть, автору „пріятно“ описываемое имъ зрѣлище, ничуть не менѣе, чѣмъ Арцыбашевскому Санину или его же собственному, Сологубовскому, гимназисту, но... какая связь между начальнымъ купаніемъ и послѣдующей революціей?.. Очень ужъ, повидимому, „спутанная зависимость событій...

Главный, повидимому, герой повѣсти „эсдекъ“ отставной приватъ-доцентъ, химикъ и поэтъ-декадентъ Триродовъ поселился вблизи города въ таинственномъ домѣ, среди какого то сада-лабиринта, такъ что къ нему и пробраться трудно, и вызываетъ всеобщее любопытство окружающихъ. Оно и не мудрено. Къ дому его ведетъ подземный ходъ, освѣщенный электричествомъ, свѣтящимъ прямо сквозь стѣны, безъ видимыхъ лампочекъ. Этотъ подземный ходъ продушенъ какими то дурманящими запахами. Въ саду-лабиринтѣ босоногія учительницы занимаются гимнастикой и науками съ дѣтьми обоего пола и такъ излагаютъ программу своихъ занятій: „Мы идемъ изъ города въ лѣсъ. Отъ звѣря, отъ одичанія въ городахъ. Надо убить звѣря. Волки, лисицы, коршуны,—хищные, жестокіе. Надо убить“. А вокругъ нихъ и по всему саду-лабиринту неслышной поступью не то

Digitized by Google

бродятъ не то летаютъ какіе то молчаливые, „блѣдные мальчики“... Кто эти босыя учительницы? Кто эти блѣдные мальчики? Символы, реальные существа? Душевно-больные что ли, находящіеся на излѣченіи у декадента-химика-эсдека? Изъ напечатанной части „Творимой легенды“ этого понять еще нельзя. Но вотъ не то шпіонъ, не то актеръ, давнишній знакомый героя и соучастникъ его по какой то уголовщинѣ (ей Богу, такъ, читатель: прочтите сами, если не вѣрите!) въ разговорѣ съ героемъ намекаетъ на его склонность къ садизму... Алкина, одна изъ учительницъ и тоже „эсдечка“, „нарушаетъ то и дѣло его мечты о прошломъ и объ умершей женѣ вторженіемъ суетливой внѣшней жизни, и внѣшней холодно чувственной любви“. Она раздѣвается до нага, подъ разговоры о „партійныхъ дѣлахъ“ и отдается ему и еще проситъ ее сфотографировать въ костюмѣ Евы (у приватъ-доцента на сей случай всегда готовъ аппаратъ и пластинки вставлены, не то что у вышерѣченнаго гимназиста); она прочитала кое что о садизмѣ и захермахизмѣ и только и мечтаетъ объ одномъ:—„лежать передъ нимъ связанной такъ, чтобы не пошевелиться, и чтобы падали ударъ за ударомъ на голое тѣло съ нестерпимой болью“... Ночью вмѣстѣ съ сыномъ маленькимъ Киршей приватъ-доцентъ ходитъ къ кладбищу и наблюдаетъ, какъ по „навьей тропѣ“ идутъ мертвецы: аграріи-помѣщики, черносотенцы-мѣщане, губернаторъ, полицейскіе, казаки говорящіе соотвѣтственные спеціальности каждаго мертвыя слова... Приватъ-доцентъ съ Киршей ищутъ среди нихъ покойницу „маму“ и видятъ ее и заговариваютъ съ нею.

А затѣмъ, послѣ подобнаго препровожденія времени, приватъ-доцентъ оказывается съ наклейной бородой на митингѣ, который разгоняютъ казаки, и играетъ во время бѣгства роль спасителя влюбленной въ него героини повѣсти „товарища Елисаветы“, а не Елизаветы, какъ она требуетъ, чтобы ее называли.

„Товарищъ Елисавета“, помимо романическихъ разговоровъ съ октябристомъ мистикомъ Петромъ, который по ея мнѣнію любилъ только ея тѣло, а не „свободу“, служеніемъ коей она полна, и помимо прогулокъ черезъ дурманный тунель къ Тріродову, подолгу любуется передъ зеркаломъ при лунномъ освѣщеніи своимъ „страстнымъ, пламенѣющимъ, трепещущимъ, странно бѣлымъ тѣломъ“; одѣвается мальчикомъ („такъ скучна однолинейность нашей жизни,— хоть переодѣваніемъ обмануть бы ограниченность нашей природы“) и почему то непремѣнно надѣваетъ „синія короткія панталоны, выше колѣнъ, обнажающіе ея прекрасныя, стройныя, загорѣлыя ноги“... Именно въ этомъ костюмѣ

отправляется она въ городъ, къ знакомому рабочему, чтобы оттуда, переодѣвшись впрочемъ въ „ограничивающій природу“ костюмъ, попасть на тотъ же митингъ и произнести тамъ страстную рѣчь о свободѣ... Самый митингъ наводитъ автора на слѣдующія размышленія на тему о революціи и „эросѣ“:

„И не одно здѣсь было юное сердце, въ которомъ дѣвственная страсть сочеталась съ мечтою освобожденія, и въ восторгѣ освобожденія пламенѣла пламенѣя (sic!) юная, жаркая любовь,— освобожденіе и любовь, возстаніе и жертва, вино и кровь,— сладостная мистерія любви жаждущей и отдающейся!“

На фонѣ этихъ событій идутъ разговоры между кадетами, эсдеками и октябристами — ничѣмъ не уступающіе подобнымъ страницамъ въ любой плохонькой повѣстушкѣ на злободневно-политическія темы...

Въ чемъ заключается „творимая легенда“? Чѣмъ проявляются „навьи чары“?

Для чего вообще нагромождены всѣ эти исключимости, представляющія несуразное мѣсиво изъ наивныхъ „заинтриговывающихъ“ таинственностей, въ духѣ блаженной памяти автора „Монте-Кристо“ и „Трехъ мушкетеровъ“, изъ злободневно-публицистическихъ повѣстушекъ, декадентскихъ лигуръ и специфическихъ „пріятныхъ“ г. Соллогубу картинокъ?—Мудрый Эдипъ разрѣши! Я лично, по напечатанной части романа, ни одного изъ этихъ вопросовъ рѣшить не могу.

Мнѣ вспомнилась только повѣсть того же автора въ „Вѣсахъ“ 1907 г., гдѣ старикъ-рыцарь, ревнующій свою молодую жену къ пажу, заставляетъ ихъ ежедневно на его глазахъ раздѣваться и любуется „страстнымъ сплетеніемъ ихъ тѣлъ“, пока, наконецъ, она не убиваетъ своего возлюбленнаго; вспомнился другой его очеркъ въ „Утрѣ Россіи“, гдѣ учитель гимназіи разглядываетъ въ дортуарѣ ноги спящаго мальчика, а затѣмъ уводитъ его къ себѣ на квартиру и сѣчетъ... И еще пришла на память слѣдующая курьезная по глубокой серьезности и спокойствію тона тирада г. Чулкова, написанная по поводу драмы Ведекинда, но трактующая отчасти и о г. Соллогубѣ:

„Молодой Россіи не къ лицу этотъ на видъ хитрый, а въ сущности простоватый, ведекиндовскій садизмъ. И пусть не говорятъ мнѣ, что садизмъ заключаетъ въ себѣ великую глубину и тайну: для того, чтобы раскрыть эту тайну, надо быть Достоевскимъ, а не Ведекиндомъ.

Разумѣется, къ темѣ пола всегда легко можетъ быть припутанъ моментъ садизма, но говорить объ этомъ надо мудро, ну, хотя бы такъ, какъ говоритъ въ своихъ стихахъ и романахъ Ѳедоръ Соллогубъ“.

Я не знаю „мудрый“ ли садизмъ въ романѣ г. Соллогуба.

Digitized by Google

или не „мудрый“. Повѣримъ г. Чулкову на слово: ему и книги въ руки въ дѣлѣ оцѣнки близкихъ ему по литературному лагерю писателей. Но зачѣмъ, спрашивается, въ глубины этой „мудрости“ вовлечены г. Соллогубомъ столь не мудрящіе по этой части „эсдеки“? Зачѣмъ не ограничился г. Соллогубъ своей родной сферой, а принялся изображать революцію и революціонную молодежь? Зачѣмъ, наконецъ, его романъ печатается въ сборникахъ „Шиповника“?..

Отмѣчу, къ слову, удивительную черту нашей современной литературы.

Въ то самое время, какъ писатели того толка, который недавно съ такой любовью трактовалъ темы пробуждающейся жизни и зачинающейся революціи, писатели изъ стаи недавнихъ буревѣстниковъ, теперь совершенно воздерживаются отъ подобныхъ темъ и вопросовъ; въ то время, какъ они, какъ я уже отмѣчалъ, впадаютъ то въ чеховскія мелодіи, то сосредоточиваются на изображеніи грустныхъ или отчаивающихся индивидуалистовъ-одиночекъ; писатели изъ лагеря „мистиковъ“, писатели „навьяго“ толка все чаще обращаются именно къ темамъ о революціи. Перемѣна ролей—поистинѣ любопытная!

Я не буду останавливаться на статьѣ г. Мережковскаго („Вѣсы“ 1905 г.) о „Достоевскомъ, какъ пророкѣ русской революціи“, гдѣ онъ доказываетъ, что наша революція есть прежде всего революція религіозная, направленная противъ государства и государственной церкви, а Достоевскій былъ пророкомъ этой революціи именно потому... что отстаивалъ нашу церковь и государство, но дѣлалъ это лишь „по ошибкѣ“ (sic!); на другой его статьѣ („Русская Мысль“ 1907 г.) „О религіи и революціи“, гдѣ тоже положеніе, насчетъ характера нашей революціи, иллюстрируется примѣромъ бѣглаго матроса (чуть-ли не „потемкинца“), который явился къ автору и сообщилъ ему, что матросы-революціонеры давно выписываютъ и читаютъ „Новый путь“ и „Міръ Искусства“... и на повѣрку оказался душевно-больнымъ (тоже sic, читатель!). Но я обращу вниманіе читателя на новѣйшее беллетристическое произведеніе въ этомъ родѣ, на появившуюся въ октябрьской книжкѣ 1907 г. въ „Русской Мысли“ драму „Маковъ цвѣтъ“, о которой уже говорилось на страницахъ „Современнаго Міра“ въ статьѣ г. Кранихфельда. Драма эта уже по одному тому заслуживаетъ всяческаго вниманія, что является продуктомъ коллективнаго творчества цѣлыхъ трехъ авторовъ: того же г. Мережковскаго, г-жи Гиппіусъ и г. Философова. Это рѣдкій казусъ — подобное „роевое“ творчество. Авторы,

Digitized by Google

подобно г. Соллогубу, совершаютъ прогулку въ область русской революціи. Тутъ тоже дѣйствуетъ „эсдекъ“, разумѣется, — самоувѣренно-ограниченный, лишь въ „механическомъ планѣ“ мыслящій; и декадентъ-бунтарь, гибнущій на одной изъ московскихъ баррикадъ; и офицеръ, его двоюродный братъ, командующій тѣмъ самымъ отрядомъ, который беретъ эту баррикаду. Сестра убитаго была сначала невѣстой офицера, но кровь брата разлучаетъ ихъ и она отдается ограниченному эсдеку; однако не надолго. „Механическій планъ“, разумѣется, не можетъ удовлетворить героини, и она снова сливается духомъ съ офицеромъ, котораго пережитая драма успѣла переродить; оба они исповѣдуютъ какую-то новую смутную религію „любви“ или „Святого Духа“ (этотъ пунктъ въ драмѣ не выясненъ) и, признавшись другъ другу въ этомъ, въ одночасье кончаютъ съ собой. Злободневность драмы изумительная: каждое дѣйствіе снабжено датой — „18 октября 1905 года“, затѣмъ „конецъ декабря“ того же года и т. д. Схематична и плоска и антихудожественна эта вещь до того, что диву даешься, какъ могутъ въ наши дни, послѣ чеховскихъ драмъ, напримѣръ, рождаться на свѣтъ и предаваться тисненію подобные продукты, хотя бы и „роевого“ творчества.

Но зато „идейный“ размахъ этой *прогулки* въ область нашей недавней революціи, такой, что гдѣ ужъ тамъ угоняться „мудрому“ г. Соллогубу!

Трудно сохранять спокойствіе при видѣ этихъ „прогуливающихся“ въ совсѣмъ чуждыя имъ области господъ, при лицезрѣніи этого эскамотированія нашей многострадальной революціи на потребу разныхъ модныхъ выдумокъ, религій „Святого Духа“, мистическихъ „соборностей“ и т. д., и т. д.

И вотъ еще интересная подробность. Г. Мережковскій, какъ извѣстно, въ новѣйшей своей „ипостаси“ объявляетъ и государственную церковь, и государство — „антихристомъ“. Онъ ярый антигосударственникъ. Его, т. е. виноватъ: его и г-жи Гиппіусъ, и г. Философова драма имѣетъ предметомъ ту же самую „мистическую революцію“, о которой трактуется и въ статьѣ „о религіи и революціи“. Но все сіе ничуть не мѣшаетъ подобнымъ вещамъ попадать на страницы кадетскаго органа „Русской Мысли“. А ужъ кажется большихъ государственниковъ, нежели гг. кадеты, еще свѣтъ не видалъ! Нѣтъ-ли въ этомъ курьезномъ альянсѣ религіи „Св. Духа“ съ кадетизмомъ кое-чего и не совсѣмъ случайнаго? О, конечно! здѣсь болѣе чѣмъ кстати вспомнить уже цитированное мною „кто во что горазъ“ покойнаго Михайловскаго. Но, помимо этого, не ощущаютъ ли контръ-революціонные государствен.

Digitized by Google

ники изъ „Русской Мысли“ извѣстную близость, извѣстное сродство душъ, съ нашими „мистическими революціонерами“? И въ драмѣ и вездѣ гг. Мережковскіе болѣе, чѣмъ не милостиво, отзываются о грубости „физической революціи“, исповѣдуютъ неискоренимую ненависть свою ко всякому насилію вообще... И вотъ, не такъ ли обстоитъ дѣло: было бы контръ-революціонно—и будетъ на потребу кадетизму; а тамъ—антигосударственность, мистическая революція, или еще что-нибудь — стоитъ ли разбираться въ такихъ деталяхъ и ссориться изъ-за мелочей?.. [1]).

Такова та картина чрезвычайной путаницы и полной неразберихи, которую являетъ въ настоящую минуту наша литература... Все перепуталось, все сбилось въ кучу, все бродитъ и ищетъ и, какъ бы въ просонкахъ, случайно, натыкаясь на какую-нибудь тему, случайно трактуетъ ея, подчиняясь случайному настроенію, случайнымъ вліяніямъ, и печатается случайно — гдѣ попало...—„кто во что горазъ!“

Мнѣ кажется необходимымъ резюмировать мои замѣчанія.

Я утверждаю, что характерными признаками современной растерянности являются съ одной стороны—какъ бы рецидивъ чеховскихъ настроеній, съ другой—вліяніе „навьихъ чаръ“—декадентства. Наиболѣе типичными чертами декаденства я считаю именно то настроеніе одиночества и то мистическое ощущеніе внѣшней силы міра, которое *я* отмѣчалъ въ очеркахъ гг. Зайцева и Бунина, а отчасти и г. Ценскаго.

Теперь, какъ разъ къ моменту своей „побѣды“, декадентство въ сущности умираетъ. Многіе и многіе изъ представителей его ударились теперь въ идею „соборности“, которая по существу отрицаетъ именно декадентство. Но коренное и настоящее декаденство весьма недавняго прошлаго — характеризовалось именно тѣмъ, что сосредоточивало всѣ свои помыслы на обособленной индивидуальности, на бытіи одинокаго *я*. Совершенно отрѣзанные отъ жизни, за „семью печатями“ замурованные въ своихъ вышкахъ, откуда они съ презрѣніемъ смотрѣли на мятущуюся „внизу“, въ сутолокѣ жизни улицу, эти господа вершили свои „домашнія дѣла“, и превращались сами въ какія-то окаме-

---

[1]) Статьямъ г. Мережковскаго о „религіи и революціи“, впрочемъ, предпослано примѣчаніе отъ редакціи „Русской Мысли“. Но любопытно, что, заявляя о своемъ „вполнѣ отрицательномъ отношеніи къ его мистическимъ и богословскимъ теоріямъ“, редакція ничего не имѣетъ возразить именно противъ его антигосударственности...

Digitized by Google

нѣлыя набитыя однимъ мертвымъ „эстетизмомъ“, да развѣ еще необычайной претенціозностью—муміи.

„Въ этомъ мірѣ—только Богъ да я“—такъ приблизительно высказывалась г-жа Гиппіусъ, когда еще не исповѣдывала религіи „Св. Духа“ и „соборности“. Это очень типичная „навья“ формула.

Но помимо вліянія *внутренняго*, декадентство можетъ отчасти торжествовать побѣду и въ области формы. Долгіе годы пребывая въ пустынѣ или пустотѣ своего *я*, художники декаденты естественно съ пристальностью и тщаніемъ, достойными лучшаго примѣненія, выискивали въ себѣ всевозможныя оттѣнки и нюансы, и воспѣвали ихъ въ своей поэзіи.

„La nuance, rien que la nuance“—вотъ девизъ одного изъ основоположниковъ декаденства—Маларме.

А отъ дѣйствительныхъ „нюансовъ“, своего *я*, конечно, было лишь рукой подать до нюансовъ вымышленныхъ, вымученныхъ, искусственныхъ... На этомъ поприщѣ особенно отличались разсудочныя натуры, очень мало нюансовъ въ себѣ содержавшія, но силившіяся „творить“ въ новомъ стилѣ. И вычурный, искусственный, подчасъ совершенно дикій стиль сталъ характернымъ признакомъ литературы „навьей“ школы...

Вчитайтесь въ ихъ поэзію и вы увидите, до чего, даже у наиболѣе богато одаренныхъ изъ нихъ, языкъ лишенъ простоты и художественной „честности“.

И вотъ нѣкоторый „сдвигъ“ въ сторону этихъ ихъ вычуръ и ихъ претенціозности также проявляется кое у кого изъ современныхъ беллетристовъ, совсѣмъ не „навьяго“ толка. (О современныхъ стихотворцахъ уже и говорить ничего: вѣдь они всѣ, за весьма малыми исключеніями—тамъ, въ „навьемъ“ лагерѣ!). Нельзя безъ грусти, а то и безъ досады читать иныя страницы г. Сергѣева-Ценскаго, напримѣръ, иногда насилующаго свой безспорно большой талантъ изумительно вычурными картинами (напомню „Лѣсную топь“), а еще чаще вычурами стилистическими. Тоже надо сказать и про нѣкоторые вещи вообще скромнаго г. Зайцева (напомню его „Черные вѣтры“) и про г. Серафимовича, поэтичные „Пески“, котораго мѣстами почти не „интеллигибельны“...

Вся нарисованная мною картина современной странной неразберихи въ „храмѣ“ нашего искусства свидѣтельствуетъ, на мой взглядъ, прежде всего о томъ, что въ душахъ воцарилось какое-то смятеніе, что люди чѣмъ-то озадачены, выбиты изъ колеи и, среди политической растерянности нашего общества, стоятъ—сами растерянные, не зная куда двигаться, на чемъ остановить свой взоръ. А тогда тотъ вопль уныныя и тоски, который звучитъ,

Digitized by Google

какъ второе изданіе недавнихъ, казалось, навсегда изжитыхъ мелодій, есть только субъективное настроеніе, временное и случайное... Это внушеніе, зараза, а не подлинная основа художественнаго творчества. Это внушеніе и зараза, идущія отъ той среды, въ которой вращаются художники, и которая всегда у насъ отличалась крайнимъ, политическимъ и вообще жизненнымъ „импрессіонизмомъ", крайней измѣнчивостью и неустойчивостью настроеній...

Эта городская культурная среда прежде всего характеризуется оторванностью отъ большой, подлинной жизни. Вмѣстѣ съ нею, въ оторванномъ отъ жизни положеніи очутились, быть можетъ, и наши художники. И вотъ, пожалуй, лучшее объясненіе временнаго торжества „навьихъ чаръ" и декаденства. Оторванностью отъ жизни порожденное, въ отчужденіи отъ живыхъ людей культивированное декаденство овладѣваетъ людьми именно въ минуту оторванности. А тогда единственное спасеніе—это идти *въ жизнь*!

Не остановилась наша жизнь и не потекла вспять, подобно водамъ Іордана! Тотъ огромный процессъ, что начался и проявился въ столь трагическихъ формахъ два года тому назадъ, не изъ тѣхъ процессовъ, которые могутъ остановиться или свестись на нѣтъ. Временно онъ можетъ только скрыться съ поверхности жизни и молекулярно протекать въ ея глубинахъ, совершая свое роковое и творческое дѣло... А разъ такъ, то, разумѣется, нѣтъ никакихъ основаній опасаться, что та *минута растерянности*, минута чеховщины, пассивнаго индивидуализма, и „навьихъ чаръ", которую переживаетъ сейчасъ литература, продлится сколько нибудь долго.

Нѣтъ это именно *минута*, скоропреходящая, имѣющая въ ближайшемъ будущемъ — кануть въ прошлое!.. Оправится отъ своего оцѣпененія и растерянности наше общество, сгинутъ и въ художествѣ пѣсни объ уныломъ одиночествѣ и безсиліи, разсѣются какъ дымъ „навьи чары..." А вѣрнѣе, литература даже опередитъ въ этомъ смыслѣ свою среду, и художники наши вновь станутъ на свои посты и вновь поднимутъ и возьмутъ въ руки ту нить своей творческой работы, которая сейчасъ уныло опустилась на земь, а еще такъ недавно упруго вибрировала, какъ тетива, натянутая ихъ бодрыми руками... Подлинное художество, конечно, скоро съумѣетъ разслышать подлинный голосъ жизни...

Въ заключеніе, два слова о Леонидѣ Андреевѣ и его послѣднихъ произведеніяхъ. Этотъ огромный художникъ стоитъ какъ бы особнякомъ. Надъ зеленой и спутавшейся поростью нашей лите-

Digitized by Google

ратуры онъ возвышается, какъ одинокій духъ и поднимаетъ къ небу свою вершину. Но и въ стволѣ этого дуба образовалась повидимому какая то „трещина“ и на немъ отозвался современный тяжкій моментъ. Двѣ новыя вещи, очеркъ „Тьма“ (въ Альманахѣ „Шиповника“) и драма „Царь голодъ“, извѣстная пока только въ рукописи, доказываютъ, на мой взглядъ, убѣдительнѣе всего, что тяжелый моментъ растерянности, переживаемый литературой нашей есть именно моментъ *субъективный*, лежащій прежде всего въ душѣ самихъ художниковъ. О, конечно, не въ видѣ рецидива чеховщины, тѣмъ менѣе въ подчиненіи „навьимъ чарамъ“ сказываются въ Л. Андреевѣ кошмарныя вліянія момента. Но если не въ драмѣ, такъ въ очеркѣ безусловно проявилась именно какая-то *растерянность*. А и тамъ и тутъ и въ очеркѣ и въ драмѣ, прежде всего, чувствуется, что погасъ или померкъ тотъ свѣтъ, углубленнаго, разумѣется далеко не розоваго, но подлиннаго и сильнаго идеалистическаго настроенія, который свѣтилъ во всѣхъ его произведеніяхъ, начиная съ „Жизни о. Василія Ѳивейскаго“... Потускнѣлъ тотъ свѣтъ, которымъ во мракѣ подвала, среди шабаша „старухъ“ и обезумѣвшихъ павшихъ людей, свѣтлѣла благообразная сѣдая голова умершаго, но не сдавшагося, не смирившагося, Человѣка—въ драмѣ „Жизнь человѣка“... Идеалистическая влюбленность въ образъ этого трагическаго человѣка, самоцѣннаго, все изъ себя и для себя творящаго, могучаго даже въ моментъ своей гибели, подъ напоромъ тѣхъ огромныхъ силъ, которыя такъ запугали землемѣра г. Бунина, эта влюбленность,—будемъ надѣяться не на долго,—какъ бы покидаетъ художника. Не „обмѣщанивается“ конечно его индивидуализмъ, не мѣняетъ своего содержанія, но какъ-то кошмарно ожесточается и злобно съеживается...

Очеркъ „Тьма“—безусловно нѣчто растерянное. Я не буду вдаваться въ подробности и останавливаться на внѣшнихъ, формальныхъ его художественныхъ дефектахъ. Скажу только, что, не напиши авторъ послѣ „Царя-голода“, можно было бы подумать, что въ его творчествѣ произошла какая-то заминка, что до сихъ поръ поднимавшійся „все впередъ и выше“, углублявшійся и выраставшій его талантъ, какъ бы запнулся, заколебался, пожалуй даже сдѣлалъ шагъ назадъ. Очеркъ, очевидно, написанъ спѣшно и именно этимъ надо объяснить его растрепанную, нѣсколько неряшливую форму. Но не въ формѣ дѣло и не она меня занимаетъ. Важнѣе то колеблющееся настроеніе, которое сказывается въ самомъ замыслѣ. Авторъ задался идеей свести лицомъ къ лицу два полюса современной жизни—идеа-

Digitized by Google

листа-борца, революціонера террориста „полагающаго жизнь свою за други своя“, и проститутку, у которой ему приходится ночевать, дабы скрыться отъ „обложившихъ“ его шпіоновъ.

И вотъ идеализмъ борьбы не выдерживаетъ столкновенія съ этимъ олицетвореніемъ человѣческаго злосчастія.

Умная и озлобленная въ своемъ отчаяніи проститутка кидаетъ ему въ лицо идею, отъ которой въ мигъ рушится весь фундаментъ его жизни:

„Стыдно быть хорошимъ—когда есть такія, какъ она“...

Я не останавливаюсь на подробностяхъ, ибо увѣренъ, что читатель уже знакомъ съ очеркомъ, а не знакомъ— такъ пусть познакомится: онъ во всякомъ случаѣ отъ этого въ убыткѣ не останется...

Мнѣ нужно только проанализировать самую идею, тотъ этико-философскій вопросъ который ставитъ въ немъ Андреевъ.

Это вовсе не моральный парадоксъ, какъ увѣряли нѣкоторые критики. Это лишь сопоставленіе двухъ противоположныхъ религій жизни, попытка сшибить ихъ лбами.

Тотъ выводъ, къ которому приходитъ герой Андреева,—что ему надо отказаться отъ своей „хорошести“, пасть до уровня злосчастныхъ и опустившихся — есть чисто христіанскій выводъ. Герой говоритъ, что это „не Христосъ, а нѣчто страшнѣе Христа“. Пожалуй такъ, пожалуй, это доведенный до своего логическаго конца христіанскій идеалъ. Если иные аскеты-христіане видѣли высшій идеалъ въ томъ, чтобы помѣняться ролями съ прокаженнымъ, т. е. съ существомъ, по ихъ представленію, олицетворявшими именно крайнюю ступень злосчастья, то вѣдь ихъ подвигъ все же рядомъ съ элементами самоотрицанія, содержалъ въ себѣ и элементы положительнаго активнаго добра—помощи ближнему,— элементы положительной хорошести. Герой Андреева въ своемъ аскетизмѣ идетъ дальше: онъ отрицаетъ всякую „хорошесть“, кромѣ развѣ хорошести абсолютнаго самоотрицанія.

Сопоставленіе сдѣланное Андреевымъ безусловно огромно по своему содержанію. Есть только два пути жизни. Путь *утвержденія*. тотъ, которымъ идетъ всякій борецъ за жизнь *человѣка* т. е. всего человѣчества и этотъ путь приводитъ къ утвержденію личности самого борца. И есть путь отрицанія и самоотрицанія, и самоотверженія и отверженія жизни. И если разсматривать жизнь подъ угломъ *статики* такъ сказать, если не видѣть ея поступательнаго движенія и не вѣрить и не хотѣть его—пожалуй, съ моральной точки зрѣнія, надо признать истиннымъ именно второй путь.

Digitized by Google

Но изъ сопоставленія сдѣланнаго Андреевымъ, можетъ быть, прежде всего вытекаетъ тотъ выводъ, что именно *мораль* то и не даетъ ключа къ рѣшенію вопроса, не даетъ фундамента для построенія настоящей религіи жизни... Къ этой темѣ я впрочемъ еще вернусь въ ближайшемъ будущемъ, когда займусь по детальнѣе „навьими чарами“, попытаюсь проанализировать теченія нашего „декадентства“, наложившаго теперь свою руку на нашу поэзію. Здѣсь я ограничиваюсь только бѣглымъ указаніемъ на этотъ выводъ.

Возвращаясь къ очерку Андреева, я долженъ отмѣтить, что именно тутъ въ постановкѣ самого вопроса, а пожалуй и въ стремленіи рѣшить его въ „планѣ“ *статики*, и сказалась на мой взглядъ характерная для нашихъ дней растерянность. Чтобы заняться и такъ заняться этой темой надо было выпасть какому то существенному звену, какому то краеугольному камню изъ храма міросозерцанія художника!.. Впрочемъ камень выпалъ не совсѣмъ. Художникъ заколебался, дѣлая свой выводъ. Герой его самимъ отказомъ отъ своей „хорошести“, совершаетъ *положительный* и творческій подвигъ, обращаетъ въ прежнюю свою человѣческую и активную вѣру—отчаявшуюся злосчастную проститутку... Такимъ образомъ и съ внутренней стороны, по идеѣ своей, очеркъ „Тьма“ является чѣмъ то „*колеблющимся*“, не договореннымъ, не яснымъ. Вотъ почему онъ и вызвалъ столь разнорѣчивыя оцѣнки и столько споровъ.

Мнѣ пора кончать, и о „Царѣ голодѣ“ я ограничусь почти буквально двумя словами. Прежде всего радостно свидѣтельствую:— не палъ, не заколебался, не померкъ славный талантъ художника. Это огромная вещь, и я нисколько не сомнѣваюсь, что она войдетъ въ европейскую литературу и займетъ въ ней вѣчное мѣсто. Никогда еще и никто въ такой слѣпительно ярко и сжатой картинѣ, на пространствѣ какого нибудь квадратнаго аршина, не концентрировалъ такъ всѣхъ ужасовъ нашего соціальнаго строя, всей его лжи и растлѣвающей безнравственности. Драма написана въ стилѣ „театра маріонетокъ,“ созданномъ Метерлинкомъ.

Сгущенные, упрощенные рѣзкіе контуры, до наглядности, до осязательности пластичныя картины (напомню „два этажа“ въ сценѣ суда подонковъ общества, надъ танцующей надъ ихъ головами въ свѣтломъ залѣ буржуазіей, и непосредственно рядомъ съ этой картиной—сцену суда буржуазіи „надъ голодными“)—все это поставленное на сценѣ будетъ дѣйствовать на зрителя съ подавляющей силой. Это огромная *трагическая каррикатура* въ

Digitized by Google

драматической формѣ, карикатура въ стилѣ Франциска Гоя. Все шаржировано, все даетъ какъ бы экстрактъ жизни, какъ бы сгущенную ея сущность. И художникъ мощнымъ размахомъ бросаетъ проклятіе свое въ лицо— современности и приводитъ въ содроганіе сердца...

Я не буду упоминать о кое какихъ мелкихъ и чисто внѣшнихъ деффектахъ. Это уже какой то рокъ, висящій надъ Андреевымъ. Классической силы и красоты линіи у него то тамъ то здѣсь обнаруживаютъ изломъ. Эта смѣсь классическаго съ нервозными и — скажу настоящее слово — немного дешевыми въ художественномъ смыслѣ эффектами, порожденная недостаткомъ чувства мѣры, коренной порокъ его творчества, отъ котораго художникъ такъ и не можетъ освободиться.

Къ чему напримѣръ, эти „бутерброды съ сыромъ", которыми питается Смерть въ сценѣ суда или намордники на подсудимыхъ „голодныхъ", или рабочій въ позѣ Геркулеса Фарнезскаго, совершающій всѣ подвиги Геркулеса—и такъ не гармонирующій съ общими какъ бы „средневѣковыми" тонами, въ которыхъ написаны всѣ символы драмы? Или почему Царь-голодъ оказался предсѣдателемъ на судѣ? И еще: почему приговоры произносятся *во имя діавола*, персонажа совсѣмъ отсутствующаго въ драмѣ? Ужь если вводить подобные „персонажи", то необходимо отводить имъ и соотвѣтствующую роль: діаволъ вѣдь символъ цѣлаго міросозерцанія, которое совершенно не вяжется съ концепціей драмы и ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ міросозерцаніемъ, въ свѣтѣ котораго она написана... Но эти недостатки тонутъ въ общей мощи „трагической карикатуры" къ тому же.

Объ новой Андреевской драмѣ я, вѣроятно, еще буду имѣть поговорить подробнѣе. Сейчасъ, въ связи съ занимающей меня темой, скажу, что и въ этой геніальной и вѣчной вещи Андреевъ все же отразилъ жуткую злобу современности. И не только въ подробностяхъ, не только въ дышащей безконечной ненавистью сценѣ суда... Нѣтъ, опять таки *въ самомъ замыслѣ* чувствуется душевный мракъ, почти близость къ отчаянію. Единственный реваншъ для преданныхъ *царемъ голодомъ*, голодныхъ, можно видѣть въ томъ вѣчномъ страхѣ передъ ихъ „вторичнымъ пришествіемъ", которымъ, послѣ кроваваго пораженія ихъ бунта все же одержимы сердца побѣдителей... Что драма, по обычаю Андреева, *продолжившая линіи жизни* и поднявшаяся по этому на степень общечеловѣческой драмы, есть тѣмъ не менѣе прямой продуктъ недавно пережитой, и даже переживаемой еще сейчасъ, кровавой драмы—въ этомъ разумѣется никто

Digitized by Google

не усумнится. Но одна ея характерная и основная черта находится, по моему, въ прямой связи съ современнымъ моментомъ растерянности и тяжкаго разочарованія въ недавнихъ надеждахъ.

Подобно размышленіямъ героя очерка „Тьма“, драма трактована опять въ планѣ... *статики*. Ни въ одной изъ изображенныхъ авторомъ группъ населенія вы не увидите элементовъ развитія, элементовъ движенія, элементовъ будущаго. Такъ, ни въ рабочей средѣ, ни въ средѣ буржуазіи мы не видимъ въ драмѣ представителей тѣхъ, кто является всюду и вездѣ ферментомъ и бродиломъ, кто, концентрируя въ своей личности заложенныя въ средѣ силы, всегда служитъ именно *кинетическому*, творческому началу жизни: въ драмѣ и представлены идеологи, не представлена интеллигенція, если впрочемъ не считать *чахоточнаго* рабочаго „поэта“, надѣющагося „зажечь землю мечтами“... И наиболѣе живыми, наиболѣе любовно трактованными фигурами являются символическія мрачныя фигуры самого „великаго несчастнаго царя“,—„Царя голода“, „усталаго звонаря“ Времени и *Смерти*, которой, по размѣрамъ, по „продуктивности“ ея дѣятельности, воистину отведена въ драмѣ первая роль...

М. Невѣдомскій.

Digitized by Google

Голосъ крови.

(Zwischen den Rassen).

Романъ *Генриха Мана*.

Переводъ съ нѣмецкаго *М. Славинской* и *Р. Ландау*.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ [1]).

I.

Вошла фрау Габріэль изящно причесанная, въ шелковомъ капотѣ и спросила:

— Гдѣ вещи?

Лола читала, повиснувъ на окнѣ и ничего не слышала. Съ усталымъ вздохомъ опустилась фрау Габріэль въ кресло.

Красивая, стройная головка Лолы выдѣлялась въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ. Вокругъ волосъ стояло золотое сіяніе. Три пальмовыхъ листа качались надъ окномъ.

Раздался звонокъ къ обѣду.

Послышался шумъ парохода. Вѣтеръ доносилъ обрывки разговора, музыку, смѣхъ.

Фрау Габріэль усердно полировала ногти носовымъ платкомъ. Лола вдругъ оглянулась и вздрогнула.

— Гдѣ вещи?—терпѣливо спросила ма.

— Да здѣсь же!

Для ма повернуть голову и самой посмотрѣть было слишкомъ трудно: она предпочитала сидѣть и битый часъ ждать отвѣта на свой вопросъ. Но чего требовать отъ человѣка, у котораго нѣтъ нервовъ! Лола пододвинула еще ближе къ ма открытыя корзинки и картонки.

---

[1]) См. „Современный Міръ", январь 1908 г.

Digitized by Google

— У меня едва хватило денегъ, чтобы уплатить за нихъ.

— Такъ напиши Нэнэ.

— Ты это всегда говоришь. Ахъ, если-бы я была уже вполнѣ самостоятельна... Знаешь, вѣдь мы взяли проценты за полгода впередъ.

— Нэнэ много зарабатываетъ; онъ подѣлится съ нами.

— Онъ уже прислалъ часть своего заработка. Мнѣ странно, что тамъ, гдѣ-то, работаетъ для меня человѣкъ, котораго я почти не знаю.

— Лола, не грѣши, это вѣдь твой братъ!

— Вспомни-ка, въ первое время, что ты сюда пріѣхала, я даже не знала, кто такой Паоло. Въ дѣтствѣ я никогда не слышала, чтобы его называли Паоло, а не знала, что Нэнэ значитъ просто дитя.

— Нашъ добрый, милый Нэнэ!

— Мы еще можемъ допустить, чтобы онъ зарабатывалъ для насъ, но погубить его—никогда! Слышишь, никогда!

— Хорошо, хорошо, вы это оба ужъ какъ-нибудь уладите: вы умнѣе меня. Ахъ, знаешь, Нэнэ предсказывалъ, что я попаду въ затруднительное положеніе и ни за что не хотѣлъ, чтобы я уѣзжала.

— Къ счастью, онъ съ характеромъ, иначе это могло бы плохо кончиться. Я сама часто забываюсь. Вотъ, напримѣръ, зачѣмъ мы сюда пріѣхали? Довольно ужъ ѣздили за Бранциллой. Теперь она сидитъ въ санаторіи для душевно-больныхъ и все равно уроковъ пѣнія мнѣ давать не можетъ. Надо было оставаться въ Парижѣ.

— Ахъ, какъ въ Парижѣ было хорошо.

— Наша жизнь въ Парижѣ стоила все-таки дешевле: тамъ мы хотя иногда сидѣли вечеромъ дома. Здѣсь же никогда.

— Ты совершенно права, это ужасно; но Господь поможетъ. А теперь можно взглянуть на вещи?

— Да вотъ же все тутъ передъ твоимъ носомъ!

— Не самой же ихъ открывать...

Фрау Габріэль кротко улыбнулась; ея спокойное лицо мадонны выражало испугъ и безпомощность маленькой дѣвочки. Чтобы доказать свое желаніе быть полезной, она опустила въ одну изъ картонокъ свою маленькую, мягкую, неумѣлую ручку. Лола была тронута и сама стала вынимать одно платье за другимъ. Сначала она свысока поглядывала на восхищеніе ма, но затѣмъ и сама увлеклась. Обѣ съ восторгомъ погрузились въ разсматри-

Digitized by Google

ваніе этихъ матерій, новыхъ цвѣтовъ, новыхъ фасоновъ, которые обѣщали придать новую прелесть ихъ красотѣ.

Фрау Габріэль вдругъ спросила:

— Какъ ты думаешь, любитъ меня герцогъ Фингадо?

Ея голосъ и взглядъ выражали дѣтское ожиданіе. Лола утѣшила ее:

— Конечно, ма.

— Дѣло въ томъ, что на послѣднемъ пикникѣ онъ ухаживалъ только за мной. Бришо увѣряетъ меня, что его свадьба откладывается на неопредѣленное время. Было бы ужасно непріятно.

Но это звучало гордо. Затѣмъ она продолжала осторожно и робко:

— Скажи дитя, герцогъ не внушаетъ тебѣ нѣжныхъ чувствъ, ты не влюблена въ него? Тебѣ стоитъ только сказать, и я...

— Нѣтъ, нисколько... хотя нахожу его симпатичнымъ,— вѣжливо прибавила Лола. А ма, продолжала:

— Я бы не хотѣла его любви, если-бы знала, что ты его любишь. Богъ мнѣ свидѣтель, что твое счастье для меня выше моего.

— Милая ма, лучше не думай объ этомъ.

Лола хотѣла уйти, но ма удержала ее со слезами на глазахъ.

— Я бы пожертвовала собой для тебя... Такъ ты его не любишь, совсѣмъ не любишь? Поклянись!

— Клянусь,—и Лола снисходительно улыбнулась.

Надо было быть такимъ ребенкомъ, какъ ма, чтобы влюбиться въ титулъ этого жалкаго юноши.

— Но на обратномъ пути, продолжала ма,—онъ шелъ съ тобой. Вы даже уединились отъ остального общества.

— Онъ хотѣлъ издали показать мнѣ свою яхту, на которой не можетъ ѣздить, потому что страдаетъ отъ морской болѣзни.

— О чемъ вы еще говорили?

— О Карлѣ Второмъ.

— Кто это?

— Испанскій король — онъ жилъ давно, это тебѣ не интересно. Меня это тоже только изрѣдка занимаетъ. Но съ Фингадо я не знаю, о чемъ говорить.

— Неужели?

— Увѣряю тебя.

Ма кивнула головой — ее успокоили увѣренія Лолы. И она уже не могла скрыть своего торжества:

Digitized by Google

— Со мной онъ иначе разговариваетъ!

— Скажи, ма, ты вышла бы за него замужъ?—спросила Лола, опустившись на колѣни передъ матерью и съ любовью поглаживая ея руку.—Я уже вижу мою ма герцогиней въ замкѣ, гдѣ-нибудь въ Сьеррѣ; она ѣдетъ на охоту за волками, орлами и тому подобными знатными звѣрями.

Ма задумалась.

— Собственно Агирре тоже имѣетъ свои преимущества. Онъ депутатъ, очень вліятельный, а Испанія, вѣдь, можетъ стать республикой.

— Что ты, ма! Агирре, этотъ мальчишка! Да, вѣдь, онъ хочетъ наши деньги, только деньги.

— Ты не права, Лола. Онъ какъ разъ подходитъ по возрасту—положимъ, я уже не совсѣмъ молода.

— Напротивъ,—горячо заявила Лола,—ты очень молоденькая; право же, рядомъ съ тобой я стыжусь своего возраста. За эти два года, что мы съ тобой путешествуемъ, мнѣ кажется, что я постарѣла на десять лѣтъ. Я даже замѣчаю, что начинаю дурнѣть.

— Неправда! Ты—воплощеніе свѣжести и молодости. Но не достаточно вниманія обращаешь на свой туалетъ, а, между тѣмъ, это очень важно.

Лола вздохнула.

— Ахъ, мнѣ кажется, что лучше было бы, если бы я родилась мужчиной.

— Ничего, все пройдетъ, когда выйдешь замужъ. Не находишь ли ты, что уже пора? Сколько благопріятныхъ случаевъ ты уже пропустила! Скажи, можетъ-быть, тебѣ нравится Агирре? Повидимому онъ меня любитъ. Какъ ты думаешь?

— Конечно, ма.

— Вѣдь, знаешь ли, во все время скачекъ онъ не отходилъ отъ меня. Но если ты что-нибудь чувствуешь къ нему, то я...

Голосъ ма снова задрожалъ. Ма опять готова была принести себя въ жертву. Лола успокоила ее. Она сдержанно засмѣялась и вдругъ съ едва скрытымъ гнѣвомъ проговорила:

— Ты говоришь о моемъ замужествѣ, а, между тѣмъ, никогда надъ этимъ не задумываешься. Дочери, у которой такая веселая и кокетливая мать, не легко будетъ найти мужа.

Ма взглянула на нее съ испугомъ. Лола закончила болѣе мягко:

— Я знаю, ты не заслуживаешь серьезныхъ упрековъ. Не забывай только, какъ легко себя скомпрометировать—и не засиживайся поздно вечеромъ ни съ кѣмъ изъ знакомыхъ.

Digitized by Google

— Ты строга, какъ отецъ,—сказала ма и вздрогнула.—Знаешь, онъ мнѣ приснился на-дняхъ.

Лола встала и подошла къ окну. Снизу послышался молодой мужской голосъ:

— Фрейленъ Лола, я принесъ все, что вы хотѣли.

— Хорошо,—отвѣтила Лола.

— Вы серьезно настаиваете на этомъ?

— Конечно. Когда вы придете?

— Скоро. Черезъ часъ оба кавалера вашей матери будутъ здѣсь. Поклонитесь имъ отъ меня!

— До свиданія!

— Черезъ часъ, а я еще не одѣта,—закричала фрау Габріэль и быстро вскочила. У двери она обернулась и спросила:

— Лола, какъ ты находишь нашего соотечественника?

— Да—Сильва?—Лолѣ было не по себѣ.

— Какъ ты думаешь, любитъ онъ одну изъ насъ? Вѣдь, онъ приходитъ каждый день.

Лола молчала.

— Нѣкоторые признаки говорятъ, что онъ любитъ меня.

Лола вдругъ оживилась.

— Нѣтъ, ма, на этотъ разъ ты ошибаешься. Можешь быть увѣрена, онъ о тебѣ не думаетъ.

Ма обидѣлась.

— Откуда ты знаешь? Въ этихъ вещахъ ты еще совсѣмъ дитя.

— Весьма возможно. Но въ данномъ случаѣ я знаю, кого любитъ Да-Сильва. Мы съ нимъ друзья и онъ мнѣ сказалъ.

— Кого же, Господи, кого?

Ма была страшно разочарована. Лола заявила:

— Я не могу выдать его секрета. Ты сама скоро узнаешь. Иди одѣваться.

А затѣмъ она крикнула ей:

— Ма какъ ты думаешь, страстная я или нѣтъ?

— Что за вопросъ!

— Мы говоримъ о такихъ вещахъ... Нѣтъ, мнѣ кажется, я не страстная.

Лола неподвижно стояла передъ дверью, которая только что закрылась за матерью. Потомъ задумалась и опустилась на сундукъ. Вошла горничная и отнесла ма всѣ ея вещи и платья. Лолины были разбросаны на кровати и стульяхъ; тутъ же валялись ноты и книги.

— Ма хорошо,—думала Лола. — Каждый день новое платье,

Digitized by Google

и она не замѣчаетъ, что всѣ они на одинъ ладъ. Каждый день новая любовь; и она всегда вѣритъ, что эта настоящая. Если бы я знала, люблю ли я Да—Сильву? Иногда я въ этомъ увѣрена. Потомъ прихожу домой и думаю о чемъ-нибудь другомъ. Но это „иногда“ ужасно мучительно—я становлюсь меланхоличной, какъ въ пансіонѣ, когда толстая Женни дѣлала свои разоблаченія... Мнѣ кажется, что только съ виду я такъ сильна, а въ душѣ еще легкомысленнѣе ма. Сначала я ее страшно осуждала. Да оно и понятно. Изъ тихаго міра Эрнесты я вдругъ сразу перенеслась въ новыя мѣста, гдѣ каждый день долженъ былъ приносить новыя удовольствія, иначе я его считала потеряннымъ. Единственное, что меня еще возвышало и поддерживало, это честолюбивыя мечты — у меня оказался красивый голосъ. Но я уже чувствую, что и честолюбіе исчезаетъ — своимъ пѣніемъ я хочу достичь лишь полной независимости. Та женщина, слабая, чувственная, безъ умственной поддержки, была моей охранительницей, моей подругой, моей семьей, это была ма, красивая ма, которую я въ своихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ такъ поэтично представляла себѣ лежащей въ гамакѣ. Единственный человѣкъ, въ котораго я вѣрила. Какое тяжелое разочарованіе! Такъ вотъ о чемъ она мечтала въ гамакѣ! Едва умеръ па, она начала эту безтолковую жизнь. Я готова была ее ненавидѣть за па. Помню мое отчаяніе, когда въ Трувилѣ убѣдилась, что у ма есть любовникъ. Я была ошеломлена, сама не своя. Ужасъ заключается въ томъ, что и я такая и со мной будетъ то же самое. Такъ было тогда, а теперь? Я почти имѣю любовника, могу его имѣть въ любую минуту и каждое утро просыпаюсь съ удивленіемъ, что еще его не имѣю.

Теперь я не должна такъ осуждать ма. Она дитя. Стоитъ ей зарваться и сейчасъ она видитъ па передъ собой. Я ее то же стараюсь стращать. Почему собственно? Я сама въ опасности и должна видѣть вокругъ себя чистоту... Въ опасности ли я? Нѣтъ, нѣтъ, я, вѣдь, совсѣмъ другая. На такихъ людей, какъ бѣдная ма, я смотрю сверху внизъ.

Все-таки я ее люблю. Мы, точно двѣ сестры, которыя другъ другу завидуютъ и стараются льстить. Мнѣ кажется, мы безъ труда могли бы разлучиться. Какъ много ма говорила первое время о Нэнэ. А теперь она вспоминаетъ о немъ только, когда нужны деньги. Теперь мой чередъ наслаждаться материнской любовью. А все-таки пріятно, когда поздно вечеромъ шмыгнешь подъ одѣяло и приходитъ мать и цѣлуетъ тебя. Она меня долго ласкаетъ, и тогда мнѣ кажется, что я совсѣмъ, совсѣмъ малень-

Digitized by Google

кая. Она говоритъ сладкимъ, нѣжнымъ голоскомъ о своихъ успѣхахъ и спрашиваетъ меня о моихъ.

Я уже давно не на сторонѣ па. Во-первыхъ, потому что чувствую—па былъ бы недоволенъ мной. Затѣмъ — живые должны наслаждаться жизнью. Если бы па вернулся, ма не легко было бы уговорить снова улечься въ гамакъ, а я—нѣтъ, я не та Лола, которую онъ хотѣлъ видѣть во мнѣ... Иначе мы бы не попали такъ скоро въ подобную обстановку.

Лола оглянула комнату.

И такой же видъ принимаютъ всѣ комнаты, гдѣ мы останавливаемся. Я сижу на сундукѣ. Сундуки всегда стоятъ въ нашихъ комнатахъ и распакованы только на половину. Становится пыльно, любовники надоѣдаютъ: надо уѣзжать! Но гдѣ будетъ этому конецъ? Тамъ лежатъ открытки съ видами изъ дому. Домой? Поѣхать домой? Но, если бы мы туда поѣхали, я бы, можетъ быть, сказала, что Ріо красивѣе Неаполя; жила бы въ такомъ же отелѣ, какъ здѣсь, осмотрѣла бы всѣ достопримѣчательности, нашла бы жару невыносимой и спокойно бы уѣхала. Гдѣ же будетъ конецъ? Кажется, въ первый разъ задаю себѣ этотъ вопросъ. Неужели я уже устала? Да у меня не такіе нервы, какъ у ма!

Я бы хотѣла знать, люблю ли я его! Былъ ли бы онъ мнѣ такъ необходимъ въ Венеціи, какъ здѣсь, въ Барцелонѣ?

Раздается молодой мужской голосъ. Лола вздрагиваетъ. Нервно играя длинной золотой цѣпочкой, она смотритъ на дверь. Стучатъ.

— Войдите, пожалуйста, въ гостиную. Я сейчасъ приду.

Она дѣлаетъ нѣсколько порывистыхъ шаговъ.

— Отчего это я задумываюсь надъ этимъ вопросомъ? Послѣ такихъ размышленій я становлюсь какой-то слабой, безвольной и даю ему поводъ воображать то, чего совсѣмъ нѣтъ.

О, сегодня я ему покажу!

Она успокоилась и вышла къ своему гостю съ милой улыбкой.

— Вотъ здѣсь все, о чемъ вы меня просили, — сказалъ онъ, указывая на пакетъ, лежащій на роялѣ.

— Все... а будетъ ли оно мнѣ впору?

Но она не смотрѣла на пакетъ, а только на него, на это милое, красивое лицо, со сросшимися бровями. И ея улыбка становилась все радостнѣе. Онъ тоже говорилъ безсознательно, лишь бы имѣть предлогъ смотрѣть на нее.

— Я увѣренъ... Мѣрка та, которую вы дали.

Digitized by Google

Она тихо повернулась къ нему и, точно во снѣ, сказала:

— Хорошо.

Быстро взяла пакетъ. Онъ предложилъ:

— Я отнесу его въ вашу комнату.

— Нѣтъ,—и она лукаво улыбнулась.—Вы останетесь здѣсь...

* * *

Въ своей комнатѣ она одѣлась въ мужское платье, которое ей принесъ Да Сильва. Грудь закрыла мягкой пикейной рубахой, волосы-парикомъ, надѣла круглую мужскую шляпу, взяла палочку въ руки и взглянула на себя въ зеркало. Передъ ней стоялъ элегантный студентъ со свѣжимъ лицомъ, блестящими, темными глазами и смѣлой улыбкой на яркихъ губахъ.

— Какъ я красива!—два раза громко проговорила Лола.

Мой высокій лобъ такъ подходитъ для мужского лица. А вотъ и морщина между бровей, которую я часто видѣла у па. Былъ ли па въ молодости такимъ? Нѣтъ, вѣроятно, не совсѣмъ. Тотъ, въ зеркалѣ, все-таки напоминаетъ женщину. О немъ можно сказать:— У него, должно быть, красивая сестра!

Она приподняла шляпу и басомъ проговорила:

— Вы въ клубъ? У меня со вчерашняго дня — ни гроша. Проигрался въ пухъ и прахъ...

Ей это понравилось. У дверей гостиной она повторила:

— Вы—въ клубъ? У меня со вчерашняго вечера—ни гроша...

Да Сильва слушалъ, прислонившись къ роялю и нахмуривъ лобъ. Онъ оглянулъ ее со всѣхъ сторонъ.

— Все въ порядкѣ. Только галстухъ, конечно...

— Такъ завяжите его мнѣ!

Онъ сталъ завязывать:

— Нѣтъ, спереди не умѣю. Мнѣ хорошо удается только, если я держу галстухъ, какъ будто завязываю на себѣ. Позволите?

Онъ сталъ за ея спиной и протянулъ руки черезъ ея плечи. Его руки едва касались Лолы, но она испытывала странное волненіе. Завязывая узелъ, онъ коснулся щекой ея виска.

— Скорѣе!—проговорила она сквозь зубы.

Онъ отошелъ и посмотрѣлъ ей въ глаза.

Его лицо опять имѣло то мрачное выраженіе, котораго она боялась. Необычайно мягко онъ заговорилъ:

— Мнѣ больно смотрѣть на васъ! И двадцати часовъ не прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы сидѣли съ вами въ этой же комнатѣ, сидѣли одни, и луна заглядывала сюда... Мы музицировали. Ваше пѣніе еще звучало въ моей душѣ. Въ сильномъ волненіи всталъ я изъ-за рояля и смотрѣлъ на васъ. Я былъ въ тѣни,

Digitized by Google

васъ же обливалъ лунный свѣтъ—имъ полны были ваши глаза, я притянулъ вашу руку къ своему сердцу и почувствовалъ всю эту чудную прелесть ночи, прелесть, которой были полны вы, Лола!

Лола старалась не смотрѣть на него. И вдругъ, облегченно вздохнувъ, бросилась на кушетку.

— Недурно, милѣйшій, но слишкомъ сладко! Боюсь, что на современную дѣвушку вы этимъ не подѣйствуете... А вотъ, взгляните-ка, мнѣ придется самой перевязать галстухъ!

Въ дверяхъ появились герцогъ Фингадо и Агирэ. При видѣ незнакомца они остановились съ недовольнымъ видомъ. Лола попыталась подражать ихъ враждебнымъ минамъ, но не выдержала и громко расхохоталась. Они удивленно уставились на нее, затѣмъ сорокалѣтній толстякъ повернулся къ ней спиной. А старообразный юноша, преодолѣвая страхъ, сдѣлалъ два шага по направленію къ врагу. Лола продолжала хохотать. Да-Сильва, наконецъ, разъяснилъ имъ, въ чемъ дѣло. Сначала они растерялись, затѣмъ пришли въ неописуемый восторгъ. Послышалось шуршаніе шелковыхъ юбокъ, вошла фрау Габріэль.

— Какой у тебя видъ! Кто изуродовалъ такъ мое дитя? Вы, Да-Сильва? Я, вообще, должна вамъ сдѣлать выговоръ!

Всѣ запротестовали; наоборотъ, маскарадъ былъ удивительно удаченъ. Фингадо вдругъ пришло въ голову:

— Если бы будущій супругъ фрейлейнъ Лолы видѣлъ ее въ этомъ костюмѣ, то...

— Что же тогда?—угрожающе спросилъ да-Сильва.

Въ безцвѣтныхъ глазахъ герцога отразилась напряженная умственная работа.

— Право, не знаю,—сказалъ онъ съ сконфуженной улыбкой.

Пока фрау Габріэль дѣлала упреки да-Сильвѣ, депутатъ занялся Лолой. Его розовыя щеки вздрагивали, глаза горѣли и говорили, какія мысли вертятся въ головѣ этого Агирэ.

— Точно нездоровый ребенокъ,—подумала Лола.

Она слышала, какъ ма сказала:

— Вы меня обижаете своимъ отсутствіемъ откровенности...

— Это правда, да-Сильва, почему вы не говорите ма, кого вы любите?—крикнула она ему.

— Вы—въ клубъ?—обратилась она къ Агирэ.—У меня со вчерашняго вечера—ни гроша...

Она остановилась и вдругъ проговорила:

— Дайте мнѣ взаймы... Вамъ, вѣдь, это ничего не стоитъ... Кто столько укралъ, сколько вы!

Digitized by Google

Да-Сильва смущенно молчалъ. Лола внезапно робко улыбнулась.

— Идемъ, пожалуйста, идемъ!—горячо попросила она.

И всѣ пошли.

— Пѣшкомъ, пожалуйста, ма, сдѣлай это ради меня!

Она жадно вдыхала мягкій вечерній воздухъ. Она шла позади другихъ съ да-Сильвой и сказала ему:

— Иногда мнѣ хотѣлось бы перенестись въ ту холодную страну, гдѣ я воспитывалась, гдѣ сырой сѣверный вѣтеръ приносилъ запахъ моря!

И вдругъ неожиданно прибавила:

— Ахъ, какъ я презираю мужчинъ!

— Вы только что имѣли у нихъ большой успѣхъ, — колко замѣтилъ да-Сильва,—можно васъ поздравить! Агирре предоставляютъ вамъ; а вотъ за герцога мистриссъ Джебъ заплатила часть долговъ и вамъ бы пришлось воевать съ этой особой.

— Не смѣйте дурно говорить о женщинахъ! Всѣ эти исторіи сочиняютъ мужчины, чтобы составить себѣ рекламу.

— Неужели вы разсердились?

— Нѣтъ, это испортило бы мнѣ вечеръ... Ма, мы встрѣтимся за ужиномъ у Дюрье? Я иду съ да-Сильвой.

— Одна съ да-Сильвой?

Лола заявила, что въ обществѣ ма ее сейчасъ же узнаютъ. Да, вообще, какъ американка она можетъ гулять съ кѣмъ угодно и куда угодно.

— Видишь, мы съ да-Сильвой друзья, большіе друзья.

— Мы—друзья,—сказалъ да-Сильва, когда они пошли дальше, — поэтому примите мое предостереженіе — вчера вы опять ходили одна. Я васъ слишкомъ уважаю, чтобы...

— Да, прежде вы мнѣ не дѣлали сценъ изъ-за такихъ вещей.

Она подумала: — Онъ меня больше уважаетъ съ тѣхъ поръ, какъ считаетъ своей невѣстой. Истинно мужская черта!

Онъ былъ недоволенъ и молчалъ. Они направились туда, гдѣ раздавалась музыка. Тамъ, въ пальмовой рощѣ, сидѣло много молодыхъ женщинъ со своими поклонниками, много нарядно одѣтыхъ молодыхъ людей.

— Вы, вѣроятно, не знаете, кто та дама, которая вамъ улыбается?

— Ла-Гелида? Я ее часто видѣла и не знала... Какъ она хороша въ этомъ матовомъ освѣщеніи! Какъ неясно обозначается ея профиль! Мнѣ хочется отвѣтить на ея улыбку, но я стѣсняюсь.

Digitized by Google

— Такъ? — гнѣвно замѣтилъ да-Сильва. — Не совѣтую вамъ приближаться къ Гелидѣ. Я присутствовалъ при томъ, какъ ее оперировали, а это отнимаетъ охоту...

— Неужели? Такъ я бы хотѣла имѣть вашу профессію, быть медикомъ.

— Нѣкоторыхъ это еще больше разжигаетъ, — раздраженно прибавилъ онъ.—Вы помните тѣ случаи изъ клинической жизни, что я вамъ разсказалъ?

— Если бы я была въ юбкѣ, вы не были бы такъ откровенны?

— Когда мы обвѣнчаемся, — сказалъ онъ, забывая свой гнѣвъ,—я буду еще откровеннѣе.

— Да, вѣдь я вамъ уже говорила, что стою за свободную любовь,—со смѣхомъ сказала Лола.

— Я васъ не понимаю. Что вы такое?

— Я—молодой человѣкъ, которому, какъ видите, улыбаются всѣ дамы. Какой успѣхъ! Отчего я, которую всѣ называютъ красивой, всегда занимаю второе мѣсто послѣ ма? Почему же сегодня я вызываю всеобщій восторгъ? Едва успѣваешь отвѣтить на улыбки всѣхъ этихъ красавицъ.

Да Сильва оглянулся.

— Кто красивъ? Я не вижу красоты?

И вдругъ измученнымъ голосомъ проговорилъ:

— Я такъ очарованъ вашимъ лицомъ, вашей фигурой, что не вижу никого вокругъ. Хороши ли вы, дурны ли? Не знаю, но вижу только васъ, только васъ.

Лола подалась немного впередъ; ее охватила дрожь.

Всегда лицо, фигура, тѣло,—подумала она печально.

Онъ страстно проговорилъ:

— Вы безумно прекрасны!

— Ахъ, если бы всѣ такъ думали! — весело сказала она. — Видите ли, сначала всѣ занимаются мной, потомъ соображаютъ въ чемъ дѣло и идутъ къ ма. Почему вы смотрите съ такой злобой на эту бѣдную красивую дѣвушку, да-Сильва?

— Перейдемъ на другую сторону; вы сами увидите.

Дѣвушка вошла въ табачную лавочку. Всѣ мужчины повернули головы въ ея сторону. Дѣвушка хотѣла что-то купить; но какъ только она открывала ротъ, раздавался отчаянный свистъ.

— Она хочетъ спичекъ, повидимому, — сказала Лола. — Что она сдѣлала, скажите, ради Бога?

Дѣвушка густо покраснѣла, мужчины злорадно захохотали.

Digitized by Google

Она бросилась на улицу, растерянная, со слезами на глазахъ. Когда она пробѣжала мимо, да-Сильва засвистѣлъ.

Лола закричала:

— Это отвратительно! Я съ вами больше незнакома. Всѣ нападаютъ на бѣдняжку — я хочу ее защитить!

Не забывайте, что вы мужчина! Заговорить съ ней такъ же оскорбительно для нея, какъ и засвистѣть.

Лола остановилась и безпомощно оглядывалась. Въ это время двѣ свѣтловолосыя дамы вошли въ магазинъ, и всѣ уступили имъ дорогу. Лола подумала, что также отнеслись бы и къ ней, и все же дурное отношеніе къ той навело на нее страхъ, точно это была угроза, которой и она должна была страшиться.

— Ужасно, — сказала она, — ужасно положеніе женщины въ вашей мужской средѣ. У насъ мужчина—товарищъ!

— У насъ? Да вы, вѣдь, не сѣверянка. Для чего вы приходите къ намъ? Вы портите нашихъ женщинъ: подъ вашимъ вліяніемъ онѣ стремятся къ самостоятельности и, если бы мы допустили, дошли бы до того, что усѣлись однѣ въ кафэ или ресторанѣ. Вы портите и насъ, — мы поддаемся вашей дружбѣ, какъ тѣ, ваши слабовольные мужчины. Я этого не хочу. Я хочу быть вашимъ господиномъ.

— Иногда вы говорите, какъ оно прилично вашимъ двадцати пяти годамъ.—Лола засмѣялась.

— Теперь пойдемъ въ кафэ, я хочу посидѣть среди вашего брата.

— Къ вашимъ услугамъ. Надѣюсь, что вы сами будете знать, когда остановиться.

— Вы меня представите, какъ молодого поляка, слушающаго лекціи въ Парижѣ.

— Я попрощаюсь съ вами и всецѣло предоставлю вамъ возможность компрометировать себя.

И все-таки онъ вошелъ съ ней.

— Какое счастье, тутъ сидитъ Гелида. Познакомьте меня сейчасъ же съ ней.

— Посмотрите, кто ее окружаетъ: тамъ есть люди, знающіе васъ.

— Не бойтесь, скандала не будетъ. Побольше смѣлости, бѣдный другъ!

Ихъ познакомили, и Лола подсѣла къ красивой куртизанкѣ. Всѣ оглядывались на изящнаго молодого человѣка. Лола видѣла производимое ею впечатлѣніе и чувствовала себя легко и свободно, какъ никогда. Никогда не смотрѣла она такъ спокойно и

Digitized by Google

равнодушно на Да Сильву, какъ сегодня. Какое ей дѣло было до его нахмуренныхъ бровей! Она чувствовала его побѣжденнымъ, чувствовала, что хорошо было все, что она говорила и онъ не могъ этого отрицать.

Предложили обѣдать вмѣстѣ. Да Сильва сталъ увѣрять, что онъ и его другъ уже приглашены. Но Лола заявила, что останется здѣсь и просила его извиниться за нее. Она сидѣла за столомъ рядомъ съ Гелидой. Какой-то поэтъ читалъ свои стихи. Да Сильва пытался его критиковать, но не удачно. Лола улыбалась и говорила Гелидѣ о томъ юношѣ, который проводитъ ночи надъ книгой и которому мерещатся видѣнія въ образѣ женщинъ.

Всѣ говорили въ одно время. Ночной вѣтеръ врывался въ комнату. Пробило одиннадцать. Лола вскочила, провозгласила тостъ за свободу и быстро ускользнула.

Она очутилась въ маленькомъ, узкомъ переулкѣ. Услышавъ за собой знакомые шаги, она страшно испугалась и спряталась въ какомъ-то подъѣздѣ, но Да-Сильва нашелъ ее. Какая неосторожность! Вѣдь ее могли убить, зарѣзать въ этой пустынной улицѣ. Лола, идя рядомъ съ Да-Сильвой, мечтала, чтобы изъ темноты появился освободитель и убилъ ее.

Она поняла: все было напрасно. То, что она считала воодушевленіемъ, было простое опьяненіе. Она не ушла изъ подъ власти Да-Сильвы. Напротивъ, никогда его рука крѣпче не держала ее, чѣмъ теперь. Они шли по набережной.

Если на этотъ уголъ я ступлю правой ногой, то еще сегодня уйду изъ-подъ его власти. Если же нѣтъ, то никогда, никогда.

Молчаніе угнетало ее. Какъ онъ увѣренъ въ себѣ!

Я буду считать до двадцати и если до тѣхъ поръ онъ не скажетъ ни слова, я крикну—„на помощь“!

При свѣтѣ они взглянули другъ на друга. Лола увидѣла на его лицѣ мрачное, чисто-животное страданіе и это ее испугало больше, чѣмъ побѣдоносная жестокость, которую она ожидала. Медленно отвернувшись, отъ него, она подумала:

Да, да вотъ онъ какой Я люблю его противъ воли—онъ представитель того типа, подъ власть котораго я подпаду. Тѣ, прежніе, въ Парижѣ и Римѣ, были такіе же. Тѣ же сросшіеся брови, та же мраморная блѣдность. Къ чему мучиться? Онъ любитъ меня, насколько можетъ любить. И я, какъ будто, тоже люблю его. Зачѣмъ желать невозможнаго, зачѣмъ слишкомъ много бороться? Почему хоть разъ, хоть одинъ разъ не быть безсознательно, безумно счастливой?

Digitized by Google

Она жадно вдыхала морской воздухъ. Между тѣмъ, они вошли въ едва освѣщенный переулокъ и въ темнотѣ наткнулись на кустъ.

— Гдѣ же дорога?—Но вмѣсто дороги онъ искалъ ея рукъ. Лола вздрогнула, когда онъ, наконецъ, схватилъ ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовала, что въ эту минуту онъ съ нѣжностью думаетъ о ней. Она улыбнулась, и ей казалось, что улыбается и вся окружающая ихъ тьма. Она думала о далекомъ прошломъ: о своемъ дѣтствѣ. Они оба оперлись о балюстраду и стояли такъ близко, что каждый чувствовалъ теплоту другого. И они смотрѣли внизъ, въ темноту и искали море, полные томленія и тоски.—Скоро луна взойдетъ.

Лола сказала:

— Тамъ, на большомъ островѣ было чудесно, когда море свѣтилось. Ахъ, я вспоминаю, какъ это было: дѣдушка зажигалъ длинныя бумажныя ленты и онѣ зигзагами падали въ море. Это было такъ красиво!

Молодой человѣкъ засмѣялся и сталъ вспоминать о томъ морскомъ путешествіи, которое совершила и она. Не помнитъ ли она того короля, котораго дикари на островѣ показывали за два франка. Да, да, конечно. Они вспоминали все видѣнное обоими.

— Сейчасъ взойдетъ луна,—прошептала она. Невольно вспоминалось то дѣтское счастье на большомъ островѣ, чувствовалось, что никогда ужъ не будетъ такъ хорошо, какъ тогда. Не зная почему, Лола сильнѣе ощущала перенесенныя страданія, и одиночество, и усиливающуюся усталость. Въ голосѣ дрожала жажда дружбы, близости, руки готовы были обвить шею любимаго человѣка.

Онъ безпокойно посматривалъ на нее со стороны. И вдругъ проговорилъ: О чемъ это мы думаемъ?—Но она уже пришла въ себя, уже вспомнила, что онъ хочетъ овладѣть ею и больше ничего, что она не будетъ его подругой, а только любовницей, что это только одна изъ тѣхъ мимолетныхъ страстей, въ вихрѣ которыхъ она живетъ. Ее охватилъ ужасъ при мысли объ ея заблужденіи и она не могла тронуться съ мѣста.

— Я много думалъ и понялъ васъ. Вотъ возьмите это, сказалъ онъ, протягивая ей бутылочку. Не принимайте никогда больше одной капли и то, когда идете въ общество.

Его голосъ показался ей подозрительнымъ.

Холодная недовѣрчивость заставила ее внутренно сжаться. Чего хотѣлъ этотъ человѣкъ?

— Никто еще никогда не желалъ мнѣ добра!—Онъ былъ

Digitized by Google

врагъ.—Господи! въ чью власть я попала!—Она оттолкнула то, что онъ ей протягивалъ. Онъ вдругъ замѣтилъ ея перемѣну, почувствовалъ досаду на себя за время, потерянное имъ на мечтаніе, и грубо схватилъ ее. Лола вырвалась и исчезла въ темнотѣ. Луна не взошла.

Она бросилась впередъ по пустыннымъ улицамъ, ежеминутно ожидая, что его руки схватятъ ее за плечи. На большой, ярко-освѣщенной площади она вскочила въ первый попавшійся экипажъ. Во время ѣзды она снова и снова переживала тотъ ужасный мигъ, когда онъ схватилъ ее. И корчилась отъ страха и отвращенія.

Когда она очутилась въ своей комнатѣ и зажгла электрическую лампу, то увидѣла въ зеркалѣ изящнаго, самоувѣреннаго молодого человѣка, котораго, какъ ей казалось, она оставила здѣсь.

— Что произошло со мной съ тѣхъ поръ!.. она опустилась въ кресло и горько заплакала.

Когда она проснулась, въ окно смотрѣлъ сѣрый утренній свѣтъ. Скрипѣли телѣги... Лолѣ было холодно, она чувствовала себя утомленной и одинокой.—Если бы я это сдѣлала! — подумала она.—У меня былъ бы теперь господинъ. Можетъ быть, я была бы счастливѣе.—Затѣмъ:—Если бы онъ теперь пришелъ? Если бы онъ стоялъ внизу? — Она посмотрѣла внизъ — его не было; и она вздохнула.

Раздѣваясь, она нашла въ карманѣ ту бутылочку, которую онъ ей протягивалъ и она не хотѣла брать. Ему все-таки удалось дать ее Лолѣ! Она отставила ее далеко отъ себя, нѣсколько разъ безцѣльно прошла по комнатѣ, затѣмъ накинула капотъ и вышла въ гостиную. У дверей спальни ма она вернулась обратно за бутылочкой. Затѣмъ вошла къ ма.

Ма спала. Какъ по дѣтски—ровно она дышала, какое счастливое выраженіе застыло на ея красивомъ лицѣ! Минутами она улыбалась, какъ при своихъ побѣдахъ. О чемъ она грезила? Конечно, о томъ, что всѣ ее обожаютъ, ей поклоняются. Лола стояла и всматривалась въ лицо ма.—Какъ странно, что я дочь этой ма! Мой внутренній міръ безконечно далекъ отъ ея, но иногда, противъ воли, я дѣлаюсь похожей на нее, думаю о томъ глупомъ и красивомъ типѣ мужчины, котораго я презираю. Развѣ это не странно? Точно я теряю сознаніе и возвращаюсь къ ма! А мое имя—Лола... Ло-ла... Въ немъ есть что-то безвольное, слабое! Лола—нѣтъ, оно можетъ звучать свѣжо и весело...

Ма проснулась, и обѣ испугались.

Digitized by Google

— Ты пришла?—бормотала ма.—Я не слышала... волновалась ужасно... И никого не могла о тебѣ спросить: что бы подумали!

Лола вдругъ замѣтила у ма признаки приближающейся старости. Вѣдь, и это дѣтское существо должно было страдать и бороться.

Нѣжное раскаяніе охватило Лолу. Она бросилась на колѣни передъ постелью ма, обняла ее за шею:

— Я люблю тебя, ма. Уѣдемъ отсюда!

— Уѣхать? Почему?—испуганно спросила ма.

— Потому что... видишь ли, меня узнали. Конечно, то что я сдѣлала, было глупо. Теперь лучше уѣхать. Ахъ, да—герцогъ и Агиррэ. Мы поручимъ имъ сообщить всѣмъ, что уѣхали вчера. Никто не сможетъ доказать, что видѣлъ меня сегодня ночью.

— А да Сильва?

Лола испуганно отшатнулась.

— А какъ обстоитъ съ да Сильвой?

Лола подошла ближе.

— Онъ добрый, хорошій другъ, — мягко проговорила она. Противъ моихъ болей и усталости онъ далъ мнѣ это средство. Какъ ты думаешь, ма, попробовать его?

Она взяла ложку и вылила каплю изъ бутылки.

— Выпить?

Все еще колеблясь повторила:

— Выпить?

Затѣмъ рѣшительно:

— Такъ, теперь посмотримъ, что будетъ.

А вдругъ это ядъ, который сведетъ ее съ ума и броситъ въ его объятія. Она его приняла, что-то будетъ? Она склонилась къ ма, которая готова была зарыдать.

— Бѣдная ма, я—скверная, не подумала, что тебѣ тяжело будетъ разставаться. Всегда я требую отъ тебя жертвъ. Но тамъ, куда мы поѣдемъ,—тебя тоже будутъ обожать...

Она ласкала и утѣшала ее. Ма зарыдала, а потомъ крѣпко уснула. Лола заперлась въ своей комнатѣ, сѣла за книгу и заткнула уши руками, какъ бывало въ дѣтствѣ. Съ восторгомъ вдумывалась она въ прочитанное. Черезъ часъ она замѣтила, что коверъ и столъ были залиты солнцемъ. Она откинулась назадъ, глубоко вздохнула и почувствовала, какъ безконечно далека была отъ нея та ночь.

— Отсюда,—она взглянула на книгу,—до него далеко, такъ безмѣрно далеко. Какое мнѣ дѣло до него? Совсѣмъ легко я перенесу его отсутствіе.

Digitized by Google

Когда, одѣтая, она вошла въ гостиную, горничная ма стояла на колѣняхъ передъ сундукомъ.

— А ты уже начала укладывать вещи?—спросила ма.

— Ахъ укладывать...—Ужасъ охватилъ ее.

— Я... я не могу... не хочу опять ѣхать,—она опустила голову.

Затѣмъ проговорила:

— Нѣтъ, я хотѣла сказать, что... Собственно, я хотѣла сказать, что сегодня не имѣю охоты укладываться. Если Жермэнъ успѣетъ, пусть сдѣлаетъ это за меня.

II.

Акулы плыли за пароходомъ, Лола видѣла, какъ матросы вытягивали ихъ крючками и всаживали имъ огромныя палки въ пасть, такъ что протыкалось все тѣло насквозь. Когда беззащитныя чудовища били хвостомъ по палубѣ, а матросы хлопали себя по колѣнямъ отъ радости, ее охватывала гнетущая печаль. Пассажиры собирались вокругъ; это былъ праздникъ для нихъ;—Лола вспоминала, какъ, будучи ребенкомъ, тоже стояла въ толпѣ и раздѣляла съ ней радость. Вспоминала себя—веселымъ, непостояннымъ, жестокимъ ребенкомъ съ презрѣніемъ, тоской, а также со страхомъ въ душѣ. Вѣдь, потомъ брали ножъ и разрѣзывали акулу на части? Да, конечно, и она это тогда тоже пережила. Тогда это не казалось необычайнымъ, ужаснымъ—тамъ, дома, негры съ такой же жестокостью поступали со всѣми пойманными животными.

Когда я ѣхала въ Европу, — думала Лола, всѣ люди на пароходѣ казались мнѣ хорошими, желающими доставить другъ другу пріятное. Теперь совсѣмъ, совсѣмъ иначе;—о, что я читаю на лицахъ этихъ людей, которые съ любопытствомъ смотрятъ на смерть акулъ!

Она надвинула на лобъ капюшонъ своего дождевика и оперлась на перила—видна была темная вода, по которой мелкой рябью пробѣгалъ дождь.—Тотъ добрый старикъ, который угощалъ всѣхъ дѣтей на пароходѣ шоколадомъ и чуть не плакалъ когда не брали, былъ, можетъ быть, отчаяннымъ негодяемъ!

Потомъ подумала:—Какой недовѣрчивой я стала, какой злой!

Дождевой плащъ отяжелѣлъ отъ воды; въ сыромъ воздухѣ дышалось съ трудомъ.—Мнѣ кажется, что теперь всегда такъ. А когда я ѣхала изъ Рio—море и небо сіяли безпрерывно!

Ма было гораздо легче, она была общительнѣе. Она подружилась

Digitized by Google

со всѣми, радовалась своему здоровому аппетиту и толпѣ поклонниковъ.—Почему ты вѣчно уединяешься?—часто спрашивала она. Какъ симпатиченъ такой-то!—Лола молчала, потому что презрѣніе къ этому лицу сжимало ей горло. Да и что можно было чувствовать къ человѣку, который въ кругу дамъ цѣловалъ руку только одной—той, у которой былъ наиболѣе высокій титулъ. Или къ такому, который заявлялъ лакею, что выпилъ двѣ рюмки вина, а, между тѣмъ, она сама видѣла, что онъ взялъ три. Да, таковы были люди!

— Тебѣ тяжела была разлука?—нѣжно спросила ма.—Почему ты не была откровенна со мной? Скажи, скажи, Лола, о комъ ты думаешь?

— Увѣряю тебя, ма, ни о комъ!

Если бы она мучилась изъ-за одного! Но нѣтъ, тотъ который остался—ничѣмъ не былъ для нея. Не изъ-за него страдала она тѣмъ тяжелымъ одиночествомъ, которое отравило ея прежніе юные годы! Она посмотрѣла въ воду и съ тоской подумала:

— Хорошо тому, кто ѣдетъ на родину!

Правда, у нея была родина, избранная ею самой,—отвоеванная шагъ за шагомъ: ея искусство. Но и этой родины она была лишена: ея учительница находилась въ санаторіи для душевнобольныхъ.

Бранцилла была одной изъ послѣднихъ учительницъ старой школы bel canto.

Одинъ знаменитый скрипачъ случайно обнаружилъ у Лолы удивительный альтъ, глубоко поразился силой и красотой ея голоса, предсказывалъ ей блестящее будущее и не успокоился, пока она не поѣхала къ Бранциллѣ. Когда Лола впервые вошла къ ней въ комнату, старуха дѣлала сцену своему мужу, прежнему обожаемому тенору, теперь толстому старику, какъ только они были вмѣстѣ, повторялось то же самое: старикъ убѣгалъ, поднявъ глаза къ небу. А разъ, когда Лола послѣ урока вышла въ переднюю—онъ висѣлъ безъ движенія на веревкѣ, привязанной къ потолку... Злоба старухи перешла съ мужа на весь міръ, особенно на учениць, и доводила Лолу до слезъ. Ма возмущалась, но Лола была вѣрна своей мучительницѣ, ѣздила за ней во всѣ города Европы, гдѣ та когда-то имѣла шумный успѣхъ. Она терпѣливо переносила всѣ ея несправедливости, послѣ бурныхъ нападковъ Бранциллы говорила—„до свиданія“,—и аккуратно являлась къ слѣдующему уроку. Вмѣсто закона, который олженъ былъ бы руководить ея жизнью, она подчинялась на-

Digitized by Google

строеніямъ вѣдьмы. Ея переѣзды съ одного мѣста на другое не были безцѣльны: она ѣхала за Бранциллой.

Въ этомъ жалкомъ, съ каждымъ днемъ болѣе ненормальномъ мозгу Бранциллы была чудесная способность—она поразительно развивала голоса ученицъ. Лола чувствовала, что сама по себѣ она ничто, но вѣрила, что Бранцилла сдѣлаетъ изъ нея нѣчто и нѣчто великое. И она слѣпо повиновалась каждому ея слову, каждому движенію. Всѣмъ чуждая, Лола чувствовала близость, дружбу къ этой полу-помѣшанной старухѣ—вѣдь она покажетъ міру Лолу съ ея чудеснымъ голосомъ!

Каждая гостинница, каждая бивуачная квартира казалась ей милой и уютной, потому что она здѣсь нѣла. Изъ груды безпорядочно разбросанныхъ вещей, изъ массы безалаберныхъ развлеченій и случайно встрѣчаемыхъ людей она спасалась въ уголокъ, гдѣ стояло піанино—это былъ точно ея кусочекъ земли. Отсюда она завоюетъ весь міръ. Она будетъ независима, заставитъ всѣ сердца забиться! Какъ презрительно смотрѣла она на окружающихъ, которые обмѣнивались глупыми шутками, пустыми словами! Какъ упорно работала она надъ собой—расширяла свою родину!.. Но ее отвлекали отъ работы. Напрасно ставила она передъ собой метрономъ, праздничный шумъ заглушалъ тиканье маленькой, строгой машины. Лолу окружало легкомысліе, лихорадочная жажда наслажденій. Затѣмъ появился мужчина; одинъ изъ тѣхъ, подъ власть котораго ей суждено было подпасть,—работа была заброшена.... И она опять стояла у рояля рядомъ со старухой и день былъ тоскливый, сѣрый, какъ человѣкъ, полный раскаянія послѣ бурной ночи. И часто, когда дни уходили на пустыя, легкомысленныя забавы, Лола съ завистью думала о тѣхъ, которыхъ охраняли обязанности, опредѣленный режимъ!

И вдругъ Бранцилла исчезла. Лола съ ужасомъ узнала объ этомъ. Неужели у старухи не хватило силъ, чтобы довести Лолу до желанной цѣли? Бранцилла сошла съ ума, пускай, но вѣдь она была единственной, которая умѣла развивать голосъ! На это у нея еще хватитъ разсудка. Лола говорила это людямъ, отнявшимъ Бранциллу у нея.—Пусть она безумная, я не боюсь. Пустите меня къ ней!—Напрасно, учительница исчезла для нея, и Лола поняла, что всему наступилъ конецъ. Метода Бранциллы оставляла ученицъ несостоятельными до конца. Лола была безпомощна безъ своей руководительницы. Дорога къ искусству, къ новой родинѣ, была потеряна.

И въ этомъ состояніи полной безпомощности она попала въ

Digitized by Google

Барцелону, опять въ вихрь удовольствій, опять лицомъ къ лицу съ мужчиной; теперь ѣхала разочарованная, впервые безъ цѣли и плана.

Хорошо тому, кто ѣдетъ на родину!

Отъ тяжелыхъ мыслей, печали и томленія Лола разгорячилась и взволновалась. Вздыхая, оглянулась она вокругъ. Пароходный врачъ прогуливался мимо нея. Когда она обернулась, онъ остановился и Лола взглянула въ его задумчивые глаза. Онъ спросилъ, избѣгаетъ ли и она остального общества. Онъ былъ некрасивъ, но недостаточно, чтобы возбуждать отвращеніе, Лола рѣшила, что въ этомъ и заключается его несчастье и придаетъ его глазамъ такое грустное выраженіе. Ей захотѣлось осмотрѣть лазаретную каюту.

— Тамъ слишкомъ печально, возразилъ онъ, особенно для молодыхъ барышень, которыя и сами не весело настроены. Онъ сталъ ей разсказывать о себѣ, просто и правдиво и она слушала съ уваженіемъ. Еще нѣсколько разъ за этотъ вечеръ подходилъ онъ къ Лолѣ и ей пріятны были его ласковые разговоры. Но каждый разъ, что Лола просила его показать больныхъ, онъ отказывался.

Погода стала яснѣе; потомъ поднялась буря. Ма смѣялась вмѣстѣ съ оптимистами, но потомъ прокралась къ Лолѣ и шепнула ей:

— Какъ ты думаешь, мы въ опасности?

Лола пошла съ ней къ остальному обществу, чтобы ма успокоилась.

Ночью всѣ развеселились. Дѣйствовала близость Италіи, легкій страхъ, общая опасность и сознаніе того, что уже завтра всѣ разойдутся въ разныя стороны, чтобы никогда больше не встрѣтиться. Въ каютѣ опрокидывали стулья, отъ качки бросались другъ другу въ объятья, хватались за руки и кружились подъ визгливую игру музыкантовъ. Лола подняла свой бокалъ за здоровье своего сосѣда съ длиннымъ носомъ и блестящими глазами, одного изъ тѣхъ, кого ма находила симпатичнымъ, противъ которыхъ и Лола теперь ничего не имѣла. На лѣстницѣ она замѣтила какую-то тѣнь, и ея рука съ поднятымъ бокаломъ невольно опустилась. Она увидѣла передъ собой безрадостное лицо доктора; съ упрекомъ въ голосѣ и точно извиняясь, онъ проговорилъ съ просящей улыбкой:

— Не хотите ли теперь осмотрѣть больницу?

Digitized by Google

Лола вздрогнула, какъ будто ее поймали на мѣстѣ преступленія. Онъ хочетъ мнѣ напомнить о томъ, что мы вмѣстѣ грустили,—подумала она. Затѣмъ возмутилась:

— Какъ онъ можетъ требовать, чтобы я оставалась такой печальной, только, чтобы утѣшать меня. Ахъ, какъ все на этомъ свѣтѣ жестоко, эгоистично!

Вокругъ была тьма, свистѣлъ вѣтеръ. Докторъ взялъ Лолу за руку и повелъ ее по лѣстницѣ въ самую глубь парохода.

Онъ открылъ дверь и на Лолу пахнуло острымъ запахомъ карболки.—Идите же!

Но Лола съ ужасомъ остановилась на порогѣ каюты, гдѣ на узкихъ нарахъ лежали больные и громко стонали, а другіе въ лохмотьяхъ сидѣли на полу и смотрѣли на нее потухающимъ взглядомъ. Особенно поразила ее одна пара горящихъ глазъ на старомъ, и замученномъ лицѣ.

— Кто это? Господи, какъ страшно!

Докторъ склонился надъ старикомъ и прислушивался къ его плачущимъ жалобамъ.

— Вы увидите родину. Я вамъ ручаюсь, что вы доживете до этого.

Затѣмъ онъ обернулся къ Лолѣ:

— Теперь идемъ отсюда.

Когда они вышли, онъ сказалъ:

— Старикъ въ молодости отправился въ Америку. Передъ смертью онъ захотѣлъ увидѣть родину, умереть на родной землѣ. Это его цѣль. Ему кажется, что для этого онъ жилъ.

— Увидитъ ли онъ родину, скажите, перенесетъ ли онъ переѣздъ?

— Нѣтъ,—тихо сказалъ докторъ.—Завтра мы будемъ въ Генуѣ, величественной Генуѣ, но онъ уже не будетъ на этомъ свѣтѣ. Вѣдь, и теперь онъ живетъ одной только мыслью — умереть на родинѣ.

У дверей общей каюты онъ попрощался и исчезъ въ темнотѣ. Лола съ удивленіемъ увидѣла, что царитъ прежнее дикое веселье и ушла въ свою каюту. Она слышала какіе-то странные звуки—были ли то обрывки мелодій или плачъ умирающаго старика? Горящіе глаза преслѣдовали ее.

Она видитъ его молодымъ, бодрымъ. Онъ садится на пароходъ, въ послѣдній разъ цѣлуетъ родителей, братьевъ, сестеръ, любимую дѣвушку. Лола много видѣла, тамъ, въ Pio такихъ итальянцевъ въ красныхъ рубахахъ и курткахъ, слышала, какъ они выкрикивали свой товаръ—фрукты. Онъ берется за всякую

Digitized by Google

работу, живетъ бѣдно и посылаетъ домой письма, немного денегъ:—скоро, скоро я вамъ пришлю на пріѣздъ сюда! Карлотта, я вижу уже мысленно нашу свадьбу! — Умираютъ родители, остаются братья, сестры, Карлотта ждетъ его. О пріѣздѣ онъ уже рѣдко пишетъ: денегъ еще такъ мало отложено... Но что это? Неужели? Карлотта выходитъ замужъ за другого? Ахъ! у брата родился ребенокъ. Онъ ему много навезетъ вещей, когда пріѣдетъ!.. Дѣла начинаютъ поправляться. Что Бартоло умеръ? И Феликсъ? Почему же ты не пишешь? Молчаніе... И одинокій старикъ забываетъ, что многіе умерли вокругъ, мечтаетъ о родинѣ, о Карлоттѣ въ яркомъ платьѣ. И вотъ онъ ѣдетъ — пятьдесятъ лѣтъ работалъ онъ, прежде чѣмъ дождался этого путешествія. Его ждетъ родина, родина!..

...Лола горько рыдала. Она оплакивала чужое горе и свое. Ей стало стыдно своей ненависти къ людямъ:

Вѣдь, я хотѣла всѣхъ любить, всегда любить! Когда-то я мечтала о томъ, что меня закопаютъ живой, но зато Эрнеста и ма не умрутъ. Какъ люди могутъ забыть, что всегда должны помогать другъ другу, всегда любить друга друга!

III.

Послѣ ночи, проведенной въ Веронѣ, когда передъ гостинницей уже стоялъ омнибусъ, Лола вдругъ сказала:

— Такъ, значитъ, опять въ Венецію? Неужели нельзя устроиться какъ-нибудь иначе?

— Насъ, вѣдь, никто не заставляетъ ѣхать туда,—возразила ма растерявшись.

— Въ томъ-то и бѣда. Насъ никогда никто не заставляетъ: туда ли ѣхать, сюда ли—для насъ все равно.

И Лола устало опустилась на стулъ.

— Непріятно, что какъ разъ теперь, передъ отъѣздомъ, начинаются твои нервы! — вздохнула ма испуганно поглядывая то на дочь, то на лакея, напоминавшаго, что пора собираться:

— Что жъ? Значитъ, мы не ѣдемъ?

— Для чего ѣхать?—воскликнула Лола.—Чтобы опять встрѣтить какого-нибудь Фингадо и Агиррэ и еще какъ его тамъ зовутъ?..

Она подумала и продолжала:

— ...и всѣ другіе, всѣ таковы!.. Развѣ ты не знаешь уже впередъ, какой видъ будетъ у твоихъ поклонниковъ, что они будутъ говорить тебѣ? Знаешь ихъ прямо наизустъ, и все-таки они

Digitized by Google

остаются чужими. Гораздо лучше было бы съѣздить въ Баварію, къ родственникамъ па, погостить. Послѣ твоего пріѣзда въ Европу мы видѣлись съ ними только мелькомъ, но, мнѣ кажется, что они—славные люди.

— Но, вѣдь, насъ ждетъ въ Венеціи Гримани.

— Пошлемъ ей телеграмму.

Онѣ телеграфировали также и въ Мюнхенъ. Родственники па, Гугигль, всей семьей были на дачѣ; два дня спустя они уже на маленькой станціи встрѣчали своихъ гостей цѣлой толпой празднично одѣтыхъ и оживленныхъ дачниковъ. Фрау Гугигль и баронесса Уттингъ испускали громкія радостныя восклицанія. Баронесса тотчасъ же подошла къ пріѣхавшимъ дамамъ, и показывая на свой крестьянскій костюмъ, съ гордостью сказала:

— Я изъ Обердирна.

Гугигль восторженно махалъ своей зеленой шапочкой даже еще тогда когда путешественницы уже стояли передъ нимъ. На щекахъ у него были красныя пятна, и рѣдкая бородка его разметалась во всѣ стороны. Съ нимъ подъ руку стояла молоденькая сестра его жены, Тини; увидѣвъ Лолу и ма, она выпустила его руку и удивленными большими глазами уставилась на элегантныхъ дамъ. Гвиннеръ поцѣловалъ у нихъ руки и оглядѣлъ весь кружокъ съ любезно-наглой улыбкой, какъ будто онъ сказалъ что-то очень остроумное

— Что тутъ происходитъ?—спросила Лола, когда они двинулись въ путь.

Тотчасъ же за вокзаломъ они попали въ ярмарочную суетолоку; кругомъ масса крестьянъ, крикъ, шумъ, духовая музыка.

— Это—сельскій праздникъ.

И прибавила, обращаясь къ напряженно слушавшей фрау Габріель:

— По французски, тетя, я не съумѣю вамъ этого назвать. Крестьяне показываютъ свой скотъ и себя, въ старинныхъ костюмахъ.

— Скотъ въ костюмахъ,— съострилъ Гвиннеръ и съ заискивающей улыбкой взглянулъ на Лолу, какъ бы говоря, что никакъ не можетъ не посмѣяться надъ глупостью человѣческой. Лола отвернулась отъ него, и встрѣтилась съ восторженнымъ взглядомъ Тини.

— Мы еще и не поздоровались какъ слѣдуетъ,— сказала Лола.—Вы теперь уже—совсѣмъ большая.

— Какъ вамъ живется?—пролепетала смущенно молодая дѣвушка.

Digitized by Google

— Да говорите другъ другу „ты“! Что это въ самомъ дѣлѣ!— закричалъ имъ Гугигль.

— Хорошо... Мнѣ хорошо. Ну, а—тебѣ какъ живется?—спросила Лола улыбаясь. Тини покраснѣла; потомъ проговорила:

— Ты имѣешь сходство съ твоимъ папой!

— Ахъ! ты его знала?

— Отлично. И никогда его не забывала. Онъ привезъ мнѣ куклу, которая была моей любимицей. Въ его честь я назвала ее Густой, потому что онъ былъ Густавъ. Вѣдь такъ? Теперь куклѣ уже—конецъ...

Лола подумала:—А па умеръ.

— Ты еще играешь въ куклы?—съ усиліемъ спросила она.

— О, нѣтъ...

И вдругъ, точно высказывая то, о чемъ давно думала, воскликнула:

— Лола, какая ты красавица!

— Это ты-то говоришь? Ты будешь гораздо красивѣе меня; уже теперь видно.

Она нѣжно погладила кроткое личико Тини въ рамкѣ черныхъ кудрей.

— Еще немножко слишкомъ оно блѣдно и длинно,—подумала она и вдругъ быстро сказала, повернувъ назадъ голову:

- - Ма, ма! Ты знаешь: Тини помнитъ па!

Лицо ма, на которомъ были написаны недоумѣніе и печаль, сразу освѣтилось радостью. Лола съ сіяющей улыбкой кивнула ей:

— Какъ славно, что мы сюда пріѣхали!

Тутъ есть люди, которые знали па, которые съ ней въ родствѣ, которые, быть можетъ, любили того самаго человѣка, котораго любила она.

— Ты любила моего папу?—спросила она.

— Очень,—сказала Тини и прибавила:—а также и...—но покраснѣла и замолчала.

— Какой онъ былъ тогда? Когда онъ привезъ меня въ Европу, то носилъ большей частью сѣрый костюмъ.

Ахъ, какія глупости!—подумала она про себя.—Я разболталась совсѣмъ какъ ма. Но какъ пріятно все это! Какъ тепло стало на душѣ!

Лолѣ захотѣлось собрать вокругъ себя всѣхъ этихъ людей, которые помнили па, которые говорили ей „ты“ и имѣли съ ней хоть каплю общей крови. Между тѣмъ Гугигль, раздобывшій себѣ, наконецъ, пива въ трактирчикѣ подъ навѣсомъ, отпилъ стаканъ за ея здоровье. Онъ стоялъ растопыривъ ноги и серьезно и важно

Digitized by Google

показывалъ Лолѣ свое искусство дѣлать большіе глотки. Жена его сбросила съ себя дождевой плащъ и съ развѣвающимися волосами прыгнула на украшенную еловыми вѣтками эстраду для танцевъ и закружилась съ высокимъ толстымъ мужчиной. Танецъ кончился тѣмъ, что онъ высоко поднялъ ее на воздухъ, она растерянно заболтала ногами и затѣмъ разочарованная танцорша была поставлена на мѣсто, за украшенную вѣтками загородку. Раздалось нѣсколько насмѣшливыхъ свистковъ, но фрау Гугигль не смутилась нисколько и потащила мужа танцовать.

Нѣсколько паръ неистово кружилось, не обращая вниманія на толчки и давку. Но большинство публики сидѣло на скамьяхъ подъ каштанами, опираясь локтями на столы. И когда музыка отдыхала отъ своего скрипа и гудѣнія, они начинали пѣть. Пѣли они протяжно, растягивая ноты до безконечности; пѣсни были невѣроятно сальныя, но дѣвушки съ косами вѣнцомъ вокругъ головы подтягивали усердно, точно въ церкви. На углу возлѣ дома стояла барская коляска, въ которой сидѣло нарядное общество и наблюдало всю эту деревенскую картину. Особенно привлекалъ ихъ вниманіе одинъ бѣдно одѣтый человѣкъ, портной, которому всѣ, здороваясь, заѣзжали кулакомъ въ носъ. Портной смущенно улыбался и иногда вытиралъ рукой кровь, которая чуть не капала ему въ пиво. Видимо онъ привыкъ къ этому, и такого рода привѣтствіе вошло въ обычай. Нарядная дама въ колескѣ не отводила лорнета отъ портного. Ма послѣдовала за ней взглядомъ и вдругъ испуганно закричала. Гугигль, его жена и баронесса Уттингъ подбѣжали къ ней.

— Что такое? что? ахъ, это портной? Но вы видите, онъ самъ смѣется! Какіе же у васъ нервы!

Но ма не могла успокоиться: на залитый кровью носъ портного снова опустился кулакъ. Она не слушала уговоровъ, была внѣ себя, перешла на свой родной языкъ, а затѣмъ повторила свое мнѣніе глазѣвшимъ на нее крестьянамъ по французски. Все это, молъ, ужасно грубо, жестоко. Имъ не слѣдуетъ пить, и надо обращаться другъ съ другомъ по-человѣчески.

— Перестань, ма, — просила Лола, сгорая отъ стыда. Ей казалось, что она отвѣтственна за этотъ грубый народъ, который говоритъ на языкѣ па.

Но ма не умолкала, а обратилась теперь къ Гугиглю. Пусть онъ, молъ, не думаетъ, что она ничего подобнаго не видѣла. Тамъ, дома, негры тоже устраиваютъ празднества, танцуютъ, напиваются, дерутся, избиваютъ другъ друга до крови. Но ихъ уводятъ за рѣшетку, ставятъ часовыхъ и всю эту гадость не

Digitized by Google

видитъ ни одинъ порядочный человѣкъ. Лола была очень рада, что ни фрау Гугингль, ни баронесса не слышали ма: онѣ обѣ уже плясали съ какими-то парнями. Гугингль ничего не понималъ; онъ подражалъ нервнымъ гримаскамъ ма и повторялъ вслѣдъ за ней какой-нибудь звукъ, который она только что произнесла; онъ былъ гордъ тѣмъ, что не знаетъ ни слова по-французски. Ма замолкла, и со слезами обиды на глазахъ повернулась къ нему спиной.

На обратномъ пути Гвиннеръ занималъ ма: онъ придумывалъ различныя французскія шарады. Тини шла рядомъ съ Лолой. Вдругъ она сняла свой дождевикъ и надѣла его на Лолу.

— Дождя нѣтъ уже, но сыро. Твой зонтикъ теперь ни къ чему не нуженъ.

Лола протестовала, но напрасно.

— Ну, пожалуйста, возьми! Ты къ такой погодѣ не привыкла. Тамъ, гдѣ вы живете, всегда голубое небо, правда?

— Почему ты такъ думаешь? Я, вѣдь, большую часть своей жизни провела въ Германіи.

— А выглядишь ты совсѣмъ какъ иностранка... и одѣта такъ. Извини за этотъ дождевикъ. У тебя, вѣроятно, все изъ Парижа?

— Вовсе нѣтъ... Я нахожу, что твоя блузка очень мило сдѣлана. Мы съ мамой послѣднее время заказывали въ Генуѣ. Вотъ скоро прибудутъ вещи, ты увидишь... Тамъ есть одно платье для театра, Empire... теперь это опять въ большой модѣ. Черный газъ съ кружевами шантильи, вставочку образуетъ толстое серебряное кружево, а подъ нимъ подложена... Застегни мнѣ, пожалуйста, крючекъ!

— Подложена—что?—въ восторженномъ ожиданіи протянула Тини.

— Плотная бирюзовая матерія.

— Какая роскошь!

— Изъ-подъ шантильи она тоже сквозитъ.

— Да. Но...

Тини вдругъ выпрямилась и собралась съ духомъ. Она кое-что противопоставитъ туалетамъ Лолы.

— Слышала ли ты о переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей? — спросила она серьезно.

— Должна сознаться: нѣтъ. Кто тебѣ разсказывалъ объ этомъ? Гвиннеръ?

— Откуда ты...

— Не пугайся! Откуда я знаю? Ты какъ разъ смотрѣла въ его сторону.

Digitized by Google

И въ самомъ дѣлѣ глаза Тини съ такой мечтательностью были устремлены на высокую фигуру Гвиннера!

— Это должно быть, интересно,—сказала Лола.

Они шли дальше. Подъ ногами чмокала мокрая жирная глина. Узкая дорога вилась между плоскими полями, желтыми и зелеными которыя мрачно блестѣли въ сумеречномъ свѣтѣ грозового неба. Чѣмъ дольше убѣгала полоса нивы, тѣмъ она была ярче и наконецъ надъ послѣдней поднималась сине-черная гряда горъ.

За нѣсколько шаговъ до дому, съ боковой дорожки повернулъ молодой человѣкъ въ пелеринѣ, онъ шелъ съ опущенной головой. Гугигль сдѣлалъ всѣмъ знакъ, чтобы они шли тихо, и когда молодой человѣкъ подошелъ совсѣмъ близко, онъ вмѣстѣ съ женой, баронессой и Тини оглушительно заоралъ. Молодой человѣкъ вздрогнулъ и въ отвѣтъ на продѣлку улыбался грустно и несмѣло. Компанія все еще смѣялась надъ нимъ, а онъ спросилъ, хорошо ли они провели время.

— А вы, нѣжный мечтатель? — отвѣтилъ Гвиннеръ съ досадой.

— Меня давитъ эта погода; и я не могъ бы вынести еще шума и крика на праздникѣ.

Лолѣ этотъ отвѣтъ показался близкимъ; она хотѣла доставить и ма удовлетвореніе и перевела его для нея. Ма оживилась. Когда входили на веранду, она сказала:

— Не правда ли, праздникъ былъ бы очень милъ, но эти люди...

— Праздникъ долженъ быть безъ людей, по вашему, сударына?—спросилъ Гвиннеръ.—Музыка, самопроизвольно раздающаяся изъ инструментовъ, и пиво, которое само пьется? Нѣтъ...

И не обращался больше къ ма.

— Люди остаются всегда самымъ главнымъ. Этого не признаетъ также господинъ Арнольдъ Актонъ. Что даетъ намъ одиночество? Я знаю, только чего оно не даетъ; это именно знанія людей, присутствія духа и пониманія реальнаго и возможнаго.

— Браво!—воскликнулъ Гугигль.—А теперь пойдемте со мной нацѣдить пива.

Они ушли. Фрау Гугигль сказала:—Я немножко приведу еще въ порядокъ ваши комнаты,—и убѣжала съ сестрой и съ баронессой,

Лола и ма вошли въ большую, всю бревенчатую комнату, въ которой было уже почти темно. Арнольдъ Актонъ стоялъ позади. Лола все еще ждала, что онъ скажетъ и странно — она боялась, что ему нечего будетъ сказать. Но вдругъ онъ заговорилъ ти-

Digitized by Google

химъ голосомъ, останавливаясь и какъ бы вслушиваясь въ собственныя слова!

— Знаніе людей... Присутствіе духа... Пониманіе реальнаго и возможнаго... Очень мѣтко. Очень правильно. Еслибъ только все это не было такъ безнадежно второстепенно! Одиночество, конечно, не научаетъ насъ понимать свѣтъ, держаться среди него, отвѣчать на его насмѣшки... Или все-таки не даетъ ли одиночество, намъ другое независимое отъ свѣта познаніе его и насъ самихъ... Не знаю, знакомо ли вамъ это: маленькая комнатка, вся до угловъ полная пережитаго и перечувствованнаго; ночныя странствія на просторѣ, когда въ кустахъ трепещетъ тихій вѣтеръ точно звонъ далекихъ бубенчиковъ... Какимъ свѣтлымъ и напряженнымъ становится все наше существо. Уходишь весь въ себя, становишься свободнымъ отъ всякаго внѣшняго воздѣйствія и точно крылья вырастаютъ въ душѣ.

— Мнѣ кажется, я понимаю васъ.

Лола чувствовала, что говоритъ онъ возбужденно можетъ быть, только изъ боязни молчанія и что онъ ожидаетъ увидѣть передъ собой, когда освѣтятъ комнату, равнодушное лицо. И она сказала:

— Я также была одинока.

И такъ какъ онъ молчалъ, то она отъ смущенія продолжала:—

Тогда я ненавидѣла людей и для утѣшенія придумала себѣ особый міръ. И для меня также радость и счастье были возможны только на другихъ планетахъ.

Каждый изъ нихъ во тьмѣ чужихъ переживаній угадывалъ контуры своихъ.

— Когда мы очень одиноки, то весь міръ служитъ намъ только предлогомъ, чтобы упиваться самимъ собой...

Въ это время быстро растворилась дверь и фрау Гугигль закричала:

— О чемъ это вы шепчетесь тутъ?

Стало сразу свѣтло и Лола увидѣла, что сидитъ рядомъ съ незнакомымъ человѣкомъ въ чужой комнатѣ; ей казалось что она перенесена сюда изъ далекой чужбины, и она сказала съ удивленіемъ:—Мы говорили объ одинокихъ прогулкахъ..

— И онъ, конечно, говорилъ опять о самомъ себѣ? Это его спеціальность и вначалѣ онъ производитъ этимъ впечатлѣніе. Но затѣмъ уже знаешь все напередъ. Будьте больше среди людей, Арнольдъ! Посмотрите на Гвиннера: вотъ онъ можетъ говорить нѣсколько часовъ подрядъ, не упомянувъ ни разу о себѣ.

Digitized by Google

— Да что бы онъ могъ о себѣ сказать?

— Браво! Вы становитесь злы на языкъ. Наконецъ-то!.. Ты знаешь, Лола? онъ, вѣдь, хотѣлъ удирать отсюда, когда узналъ о вашемъ пріѣздѣ? Такой онъ дикарь.

Лола взглянула на него, но тотчасъ же изъ невольнаго почтенія отвела глаза отъ его мучительно-напряженнаго мечтательнаго взгляда. Она спросила его серьезно, не смѣясь вмѣстѣ съ фрау Гигигль:

— Это правда? Вы хотѣли уѣхать?

Онъ пробормоталъ.

— Напротивъ... Мнѣ хотѣлось быть въ Мюнхенѣ; мнѣ нуженъ иногда бываетъ городъ.

— Зачѣмъ?—быстро спросила фрау Гугигль.—Кого вы тамъ знаете? Кого вы стали бы искать? Нѣтъ, право, вы удивительный человѣкъ.

Лолѣ хотѣлось сказать:

— Всегда жалко, когда кто-нибудь — неудивительный человѣкъ.

Но ей показалось, что онъ слишкомъ высокъ для того, чтобы брать его подъ защиту, и она промолчала.

— Такъ я покажу вамъ ваши комнаты, — сказала фрау Гугигль...—Но куда дѣвалась твоя мама?

— Ма!.. ма!..

Ма вышла изъ угла, возлѣ печки. Въ темнотѣ она тамъ тотчасъ по-дѣтски уснула.

— Я промочила ноги,—сказала она обиженнымъ голосомъ.

По узкой витой лѣстницѣ онѣ поднялись наверхъ. Комната была напоена теплымъ ароматомъ сырой земли. Когда Лола высунулась изъ окна, ма позвала ее черезъ щель деревянной стѣнки, раздѣлявшей обѣ комнаты. Надо было придумать куда положить всѣ свои туалетныя принадлежности. Ма была въ затрудненіи: когда прибудутъ сундуки съ вещами, куда дѣвать всѣ платья? Этотъ шкафъ прямо насмѣшка.

— Впрочемъ, если одѣваться такъ, какъ онѣ здѣсь, то, вѣроятно, довольно и его,—иронически прибавила ма, съ укоризной пощупывая старую мебель. Прислуга два раза стучала въ дверь, наконецъ, появилась сама хозяйка и повела гостей внизъ. За квадратнымъ столомъ подъ висячей лампой всѣ сидѣли уже за ужиномъ. Гугигль закричалъ имъ навстрѣчу:

— У насъ сегодня гуляшъ!

— Важная вещь въ эстетикѣ,—съострилъ Гвиннеръ. Фрау

Digitized by Google

Гугигль, стоя въ тѣни, восхищалась сочетаніемъ красокъ которое давало сидящее за столомъ общество.

— Развѣ это не художественно? Смотрите: Текля—въ красномъ и бѣломъ, Тини—въ бѣломъ съ голубымъ, Гвиннеръ въ кремъ, баронъ со своей бородой, точно изъ морской пѣны. Нѣтъ, господа, взгляните на этотъ бликъ свѣта на бородѣ! Затѣмъ мой мужъ... у него великолѣпная голова. Арнольдъ смягчаетъ краски. А въ буветѣ, что посреди стола, всѣ цвѣта повторяются. Но постойте, и я войду въ кругъ!

Она побѣжала къ своему мѣсту. Ея платье реформъ съ золотыми бордюрами должно было представлять великолѣпіе стиля Возрожденія. И она оглядывалась сіяя:

— Ну, какъ вы находите? Художественно, правда?

Ма почувствовала, чего отъ нея хотятъ и изобразила восхищеніе. Но видѣла она только поношенныя платья, которые не имѣли ничего общаго съ модой. Украдкой она даже взглянула на руки сидящихъ за столомъ—чисты ли онѣ.

Гугигль не отставалъ до тѣхъ поръ пока ма не отпила изъ кружки, которая стояла передъ ней. Тогда онъ обратился къ Арнольду Актону:

— Видите? Такого какъ вы нѣтъ другого на свѣтѣ.

— Ну такъ, пожалуйста, дайте и мнѣ кружку.

— Слава тебѣ Господи!

Гугигль побѣжалъ самъ за пивомъ. Затѣмъ онъ наблюдалъ внимательно за Арнольдомъ и наконецъ, сердечно проговорилъ:

— Ну, дружище, хоро-шо-о! Я всегда такъ: не могу сойтись съ человѣкомъ, если не выпью съ нимъ пива!

Потомъ заговорилъ съ барономъ Уттингомъ объ его собакахъ—баронъ держалъ цѣлую псарню. Онъ жилъ въ нанятомъ крестьянскомъ домикѣ, но зато имѣлъ право на охоту во всей округѣ. Арнольдъ Актонъ тоже вмѣшался въ разговоръ; быстро, чтобы не упустить момента, когда онъ можетъ сказать нѣчто, подходящее для этихъ людей, онъ сказалъ, что охотничьи собаки ему симпатичны, потому что они живутъ инстинктомъ и на свободѣ; но что онъ ненавидитъ собакъ—жандармовъ, которые стерегутъ дома деревенскихъ кулаковъ или сидятъ за заборомъ въ городѣ и когда приближается чужой, бѣднякъ, начинаютъ свирѣпо лаять съ налитыми кровью глазами. Эти хищные звѣри порабощенные и приспособленные для защиты сильныхъ въ своей скотской преданности интересамъ своего господина, олицетворяютъ, молъ, для него принципъ собственности въ его самомъ жестокомъ

Digitized by Google

и безчеловѣчномъ видѣ. Ничего нѣтъ противнѣе злобы собаки на всякаго, кто приходитъ отнять что-нибудь у ея господина.

— Напримѣръ, на собирателя податей, не такъ ли?—насмѣшливо подчеркнулъ Гвиннеръ.

Минута молчанія—и всѣ расхохотались. Баронесса уткнулась лицомъ въ свою руку, Тини, испуская радостные крики, съ торжествомъ глядѣла то на Арнольда. „Ага, вотъ вамъ!“ Гвиннеръ дерзко и самоувѣренно смѣялся, а Арнольдъ былъ смущенъ. Лола начала ему подсказывать отвѣтъ, но онъ только пожалъ плечами: не надо, лучше оставить это такъ. Къ тому же фрау Гугигль уже перемѣнила тему разговора. Она вдругъ взяла какую-то книжку и объявила, что мужъ ея долженъ обязательно прослушать одно мѣсто изъ нея. Стала читать. Но мужъ скоро покаялся, что онъ одну минутку подумалъ о своемъ гуляшѣ и уже потерялъ нить. Фрау Гугигль нашла, что это ужасно—„антихудожественно“. Вотъ, безконечно художественно, то, что баронесса въ своемъ крестьянскомъ костюмѣ ѣстъ, опершись одной рукой на столъ.

У ма отъ всего происходящаго были удивленные глаза, но она съѣла еще порцію гуляша и согласилась выпить еще немного пива. Ея сосѣдъ, Гвиннеръ, нравился ей; съ нимъ можно было похохотать. Но какъ только она разговаривала съ нимъ, у Тини дѣлалось испуганное лицо. Она попыталась даже начать съ нимъ бесѣду о переоцѣнкѣ цѣнностей, но онъ отвѣчалъ только шутками. Арнольдъ замѣтилъ, что въ натурѣ Тини преобладаетъ интеллектъ, и Фрау Гугигль закричала ему:—Какой же вы плохой психологъ!

Для того чтобы не принимать участія въ разговорѣ Лола притворилась, что слушаетъ какой-то охотничій разсказъ барона. Ей было досадно, что Арнольдъ не молчитъ также. Онъ разспрашивалъ ма о ея знакомыхъ въ Ріо—у него тамъ была кузина.

— Правда, очень дальняя.

Гвиннеръ тотчасъ же вмѣшался:

— Понятно, что дальняя, разъ она въ Ріо.

Снова смѣхъ и снова смущенная улыбка Арнольда.

Немного спустя онъ рѣшился спросить:

— Нравятся вамъ здѣшніе пейзажи? Хочется ли вамъ гулять?

Лола отвѣтила:

— Да. Мнѣ все здѣсь напоминаетъ тѣ мѣста, въ которыхъ я когда-то совсѣмъ молодой еще дѣвушкой много бродила въ одиночествѣ.

Гвиннеръ тотчасъ подхватилъ:

Digitized by Google

— Замѣтьте: въ одиночествѣ. Итакъ, мой милый, танцуйте назадъ—ваше сопровожденіе нежелательно.

Лола взглянула на Арнольда съ гнѣвомъ.

Какъ онъ могъ позволить этому пошлому остряку все время подшучивать надъ собою и вмѣшиваться въ ихъ разговоръ... Но Арнольдъ не нашелся и на этотъ разъ, и она, разсерженная, поднялась съ мѣста.

Межъ тѣмъ фрау Гугигль тоже встала изъ-за стола, сняла со стѣны мандолину и спѣла высокимъ пронзительнымъ голосомъ „Санта-Лучія". Гвиннеръ съ хозяиномъ съ азартомъ спорили о росписаніи поѣздовъ въ Мюнхенъ, а баронъ Уттингъ, потѣхи ради, наложилъ хлѣбныхъ крошекъ въ свои косматыя брови, качалъ головой, но онѣ не выпадали—это очень смѣшило Тини и ма. Затѣмъ Тини принесла листикъ бумаги, и Гвиннеръ сталъ по ея почерку угадывать характеръ. Она—нѣжная, ищущая натура, говорилъ онъ; въ душѣ ея таится любовь, но какая—счастливая или несчастная—еще ясно не видно. Сестра съ тревогой взглянула на нее. Лола отъ сеанса отказалась, и на очереди была теперь фрау Гугигль. Она—искренняя, правдивая и свободная душа. То, что первая половина буквы М выше второй, указываетъ на вполнѣ оправдываемое сознаніе своего достоинства. Есть указанія на тайную страсть... Между тѣмъ мужъ ея жаловался, что, послѣ сладкаго, пиво кажется ему невкуснымъ—ему необходимъ кусокъ сыру. Затѣмъ замѣтилъ, что хотя современная женщина и свободна, но должна заниматься хозяйственными мелочами изъ соображеній художественныхъ. Видно ли въ почеркѣ жены преобладаніе художественнаго чутья? Гриннеръ удостовѣрилъ это, подмигнувъ глазомъ, и фрау Гугигль пошла за сыромъ.

Ма потребовала, чтобы Гвиннеръ предсказалъ ей будущее и протянула ему свою маленькую ручку. Онъ наговорилъ ей кучу комплиментовъ и она засмѣялась отъ радости. Когда же онъ предсказалъ ей большое богатство, она вскрикнула и подбѣжала къ Лолѣ:

— Узнай и ты свою судьбу; что тебѣ мѣшаетъ?

Ма вполнѣ примирилась съ новой средой. Все ее пріятно возбуждало: странныя пѣсни, смѣшной старикъ баронъ съ крошками въ бровяхъ, сутолока, шутки; невѣроятныя блюда, и это пиво, которое въ концѣ концовъ не такъ ужъ плохо, и эти оригинальные люди, которые въ честь ея пріѣзда, какъ бы разыгрываютъ рядъ сценъ въ этой странной комнатѣ, среди густыхъ облаковъ дыма. Ма выглянула въ дверь на веранду. Мимо по дорожкѣ подъ дождемъ промчалась Тини къ почтовому ящику. Вер-

Digitized by Google

нулась она съ пустыми руками, но не грустнѣе прежняго. Ма тоже вышла на веранду, удивленно вслушивалась нѣсколько минутъ въ сонное капаніе дождя и вбѣжала назадъ въ комнату съ внезапнымъ желаніемъ захлопать въ ладоши.

— Смотри-ка! — прошептала она Лолѣ. – Они прескверно одѣты, а такіе интересные!

Лолѣ было скучно. Все казалось ей дѣланнымъ, жалкимъ и претенціознымъ, Изъ этой выбѣленной дачной комнаты ей хотѣлось попасть въ кафе въ Барцелонѣ, съ Гелидой, съ да-Сильва и слушать стихи поэта. А тутъ раздавались плоскія остроты Гвиннера, и точно только что выпущенная на свободу бѣсилась фрау Гугигль. Лолѣ было стыдно за нее: мужчины смотрѣли на нее, какъ смотрятъ на заводную игрушку, которая вдругъ катится по комнатѣ одна.

Гвиннеръ предсказалъ уже судьбу Тини и теперь попросилъ у Арнольда его руку. Она лежала на краю стола; Арнольдъ самъ нерѣшительно поглядывалъ на нее, и Лола тоже посмотрѣла. Рука была мягкая, страдающая; вспухшія жилы дѣлали ее безхарактерной и вялой... Гвиннеръ съ многозначительной улыбкой оглядѣлъ всѣ линіи кисти, повернулъ ладонью вверхъ и лукаво взглянулъ на фраю Гугигль:

— У васъ ничего нельзя разобрать. Все неразвито. Вы еще очень молоды. Страшно молоды!

И спросилъ презрительно:

— Сколько вамъ лѣтъ?

Лола стала прислушиваться. Да, Арнольдъ отвѣчаетъ!

— Тридцать два.

— Въ дѣйствительности, вы гораздо моложе, — произнесъ Гвиннеръ и выпустилъ его руку. Арнольдъ засмѣялся вмѣстѣ со всѣми, опустилъ глаза передъ ироническимъ взглядомъ Тини, сказалъ какіе-то блѣдныя слова и сѣлъ въ уголъ.

Гугигль прочиталъ въ газетѣ что у одного стараго знаменитаго художника умерла жена. Баронесса знала, что супруги всегда плохо жили и вотъ Гвиннеръ тотчасъ же взялся за сочиненіе объявленія объ ея смерти.

— Богу угодно было со смертью моей милой жены избавить меня отъ долгихъ страданій.

Или:

— Смерть моей жены для меня не явилась ударомъ—ударъ постигъ только ее...

И въ такомъ родѣ дальше и дальше—Гвиннеръ шагалъ по комнатѣ и остроты выходили одна за другой изъ его устъ, точно

Digitized by Google

цыплята изъ яицъ. Весь птичникъ такъ и кудахталъ. Баронесса держалась за бока отъ хохота, у фрау Гугигль текли слезы, Тини хлопала въ ладоши отъ радостной гордости, а ма, не понимавшая ни одного слова, ликовала громче всѣхъ.

Лола и Арнольдъ, подавленные, смѣялись вмѣстѣ со всѣми. Вдругъ, взгляды ихъ встрѣтились, напускное веселье отлетѣло, стали серьезны, и оба невольно придвинулись ближе другъ къ другу.

— Какъ вы находите это?—спросилъ онъ неувѣренно. Она отвѣтила полуулыбаясь:

— Художественно.

— Я иногда совершенно теряю мужество бывать въ обществѣ.

Лолѣ было не по себѣ, потому что она чувствовала страшную близость къ этому чужому человѣку и помимо воли сказала тономъ пріятельскаго выговора:

— Зачѣмъ вы здѣсь? Какъ я замѣтила, вы нисколько не подходите сюда.

— Я знаю: для меня играетъ большую роль какъ ко мнѣ относятся: это глупо, это, быть можетъ, болѣзнь... Но въ жизни такъ многое зависитъ отъ случая. Я и подчиняюсь случаю.

Она кивнула головой, потомъ прибавила:

— Все-таки нѣсколько разъ я была оскорблена за васъ.

— Напримѣръ, не надо было давать руку, правда?..

Лола взглянула на руку: теперь вздутость исчезла и рука казалась сильной и нервной.

— Но я въ такія минуты стыжусь немного, и это мѣшаетъ вполнѣ владѣть собой: мнѣ стыдно за себя и стыдно за того, который упражняетъ на мнѣ свое мелкое честолюбіе. А потомъ этотъ господинъ считаетъ себя необыкновенно остроумнымъ.

— О, да... Но не приходитъ ли вамъ въ голову, что вы могли бы поднять руку?—спросила она со злобой въ голосѣ.

Онъ отвѣтилъ:

— Иногда потомъ приходитъ. Но въ сущности я бы никогда не сдѣлалъ этого. Слишкомъ много самомнѣнія. Кто смотритъ на вещи широко и вдумывается, тотъ не даетъ такую волю своимъ инстинктамъ и не считаетъ себя вправѣ на это...

Лола взглянула на него—онъ снова сидѣлъ какъ тогда въ темнотѣ нагнувшись, словно уйдя въ себя и въ этой свободной отъ напряженія позѣ онъ казался болѣе увѣреннымъ, болѣе значительнымъ, болѣе самимъ собой...

— Да, это—сдержанно, чисто, если хотите,—сказала она,—но не противно ли это человѣческой природѣ? И всегда ли вы

Digitized by Google

были такимъ? Вы, дѣйствительно, и мальчикомъ никогда не мучили лягушекъ?

— Конечно, мучилъ. Но съ годами нервы слабѣютъ и невольно становишься добрымъ.

— О! развѣ добрые всегда слабы?

Лола стала припоминать самое себя:

— Я знаю, что кто несчастливъ и безсиленъ, тотъ дѣлается недовѣрчивымъ и злымъ.

— Хуже еще, когда человѣкъ внезапно пріобрѣтаетъ силу. Слабый тогда теряетъ совершенно власть надъ своими нервами. Нѣтъ существа презрѣннѣе того, который, забывая честь и человѣчность, пробивается въ ряды сильныхъ и жестокихъ.

— Вы—фанатикъ,—сказала Лола и обрадовалась, что можно улыбнуться.

— Какъ вы думаете, счастлива ли фрау Гугигль?—спросила она вдругъ.

Онъ удивленно посмотрѣлъ на нее.

— Отчего ей не быть счастливой? Прежде всего она никогда не думаетъ. И затѣмъ—она дѣлаетъ со своимъ мужемъ все, что хочетъ.

Лола улыбнулась.

— Мнѣ кажется, что скорѣе онъ заставляетъ ее дѣлать все такъ, какъ ему желательно. И это замѣтно всѣмъ.

— Неужели я такой ненаблюдательный человѣкъ?

Лола помолчала съ минуту, затѣмъ заговорила:

— Изъ всѣхъ женщинъ, какихъ я знаю, хуже всего живется нѣмецкимъ. Самоувѣренность и свободное обращеніе фрау Гугигль дѣла не мѣняетъ. Онѣ все еще безправны и при этомъ должны много работать. Лучше ужъ быть замужемъ въ Бразиліи. Тамъ тоже являешься рабой; но зато лежишь цѣлые дни въ гамакѣ, мужъ и господинъ прислуживаетъ тебѣ и по закону половина всѣхъ доходовъ мужа принадлежитъ женѣ.

— Гдѣ это такъ?—спросила фрау Гугигль и подсѣла къ нимъ. Когда она узнала въ чемъ дѣло, то нашла, что быть бразиліанкой—замѣчательно художественно.

Арнольдъ, чтобы только сказать что-нибудь, выпалилъ вдругъ:

— Можетъ быть, женщина перестаетъ быть художницей, если она культивируетъ какое-нибудь искусство.

— Я пою,—сказала Лола улыбаясь.

Фрау Гугигль дико захохотала.

— Простите, — пробормоталъ онъ, стараясь казаться спокой-

Digitized by Google

нымъ, — я хотѣлъ сказать, что женщина не можетъ отказаться отъ жизни, а это требуется отъ художника.

— А маскарады-то художниковъ?—вставилъ Гвиннеръ.

Арнольдъ поднялъ плечо, точно отгоняя назойливую муху.

— Художникъ долженъ наединѣ съ собой,—продолжалъ онъ,— изучить себя, свой внутренній міръ, довести свои чувства до вершины, познать всѣ, самыя смутныя свои ощущенія и имѣть мужество признаться въ нихъ, даже въ самыхъ скверныхъ изъ нихъ.

— Недурно, — объявилъ Гугигль, — но позвольте вамъ замѣтить, что мы, вѣдь, порядочные люди.

— Не навлекайте на себя гнѣва художниковъ, — предупредилъ Гвиннеръ. Они—великая сила.

— Здѣсь мы находимся во власти одной только силы вашего остроумія,—сказала Лола вставая.—Особенно теперь, въ двѣнадцать часовъ, когда мы устали.

Всѣ стали прощаться. Лола проговорила, обращаясь къ Арнольду:

— Намъ помѣшали, но завтра я еще спрошу у васъ кое-что.

Digitized by Google

Національная организація капитала.

(По поводу № 1 газеты „Промышленность и Торговля").

„Капиталъ по своей природѣ не признаетъ альтруизма и совершенно отрицаетъ сантиментальность".
(„Пром. и Торг.", № 1, стр. 32).

Вы помните, читатель, разсказъ Елпатьевскаго „Спирька", въ которомъ авторъ хотѣлъ представить персонификацію историческихъ судебъ русской буржуазіи въ пореформенное время? Фигура буржуа эпохи первоначальнаго накопленія получилась рельефная, хотя и шаржированная. На послѣдней страницѣ этого разсказа содержится слѣдующее поучительное мѣсто: „Рычининъ давно уговариваетъ Спирьку завести свою интеллигенцію. Онъ высчитываетъ Спирькѣ по конторскимъ книгамъ, во что обходится фабрикѣ его рачининскія передовыя статьи и „стороннія сообщенія" насчетъ тарифовъ и пошлинъ, и доказываетъ, что Спирькѣ въ сущности выгодно завести свою газету, такъ какъ теперь деньги въ значительной мѣрѣ идутъ зря,— нынче напишутъ на Спирькину руку, а завтра тайные планы его разоблачатъ и его же, Спирьку, мошенникомъ назовутъ. Спирька все слушаетъ, но пока еще не соглашается,—и не больно онъ въ силу газетъ вѣритъ, да и знаетъ другіе способы, болѣе вѣрные,—а главное, не можетъ побороть своей ненависти къ газетѣ и газетчикамъ. Въ самое послѣднее время впрочемъ, я слышалъ, что Рачининъ приглашаетъ въ редакторы одного литератора, такъ что дѣло, можетъ быть, еще и наладится".

Оно наладилось. Теперь Спирька издаетъ свой журналъ.

Для этого Спирькѣ пришлось создать свою классовую организацію. Въ тотъ моментъ, когда глубокое броженіе охватило всѣ элементы русскаго общества, когда всѣ соціальныя силы, волнуясь и спѣша наверстать долгіе годы непробудной спячки, быстро начали создавать всевозможныя организаціи, представители нашего крупнаго капитала не могли остаться въ сторонѣ отъ общаго движенія. На это у нихъ были еще и свои спеціальныя причины. Историческую авансцену быстро занялъ пролетаріатъ; и хотя въ періодъ реакціи, послѣдовавшей за медовымъ мѣсяцемъ свободы, онъ

Digitized by Google

былъ отброшенъ назадъ, но и въ непродолжительное время своего массоваго выступленія онъ успѣлъ нанести капиталу нѣсколько чувствительныхъ ударовъ. Во всякомъ случаѣ, его выступленіе, проявленная имъ выдержка, готовность къ самопожертвованію и склонность къ организаціи сулили неограниченному дотолѣ владычеству крупныхъ капиталистовъ непріятное будущее, чреватое столкновеніями, пораженіями и потерями.

„Отечественный“ капиталъ безпокойно зашевелился; прежнюю политику забѣганій съ задняго крыльца и обращеній къ попечительному начальству приходилось если не совсѣмъ оставить, то во всякомъ случаѣ дополнить широкой и открытой политикой національной организаціи и классовой борьбы.

Вопросъ о національной организаціи торговопромышленнаго класса поднимался еще въ 1908 году, когда министерствомъ финансовъ созванъ былъ первый съѣздъ биржевыхъ дѣятелей; но тогда для этого дѣла еще не назрѣло время.

Въ мартѣ 1905 года снова сдѣлана была попытка объединить отдѣльныя совѣщательныя по промышленности и торговлѣ учрежденія, но со смертью С. Т. Морозова эта попытка заглохла. Лѣтомъ 1905 года сдѣлана была попытка организовать политическій союзъ крупныхъ капиталистовъ, такъ называемую торгово-промышленную партію (съѣздъ торговцевъ и промышленниковъ въ Москвѣ 4 іюля 1905 г.), эта попытка перенести цѣликомъ организацію капиталистовъ изъ области экономической въ область политическую также не увѣнчалась успѣхомъ. Но мысль о національной организаціи капиталистическаго класса не была оставлена. Осуществленіе ея взялъ на себя небольшой кружокъ лицъ, группировавшихся при Совѣщательной Конторѣ желѣзозаводчиковъ въ С.-Петербургѣ. „Совершенное устраненіе политическаго элемента и обоснованіе задачъ предполагаемаго объединенія исключительно на почвѣ экономическо-финансовыхъ отношеній“, съ одной стороны, и новыя условія русской жизни, создавшіяся послѣ октябрьскихъ дней и оказавшіяся особенно выгодными для сплоченія земледѣльческихъ классовъ, съ другой, быстро двинули впередъ осуществленіе давно задуманнаго проекта.

Уроки европейскаго капитала не прошли для нашихъ капиталистовъ безслѣдно. Стремленіе къ учрежденію синдикатовъ, совѣтовъ, конторъ и т. п., имѣющее объектомъ своихъ воздѣйствій обывательскій карманъ, за послѣднее десятилѣтіе приняло въ Россіи повальный характеръ. Даже въ доброе старое время стремленіе капитала къ организаціи и сосредоточенію своихъ силъ выливалось у насъ въ крайне разнообразныя формы: законы и административная практика, сурово преслѣдовавшіе у насъ всякую попытку къ организаціи общественныхъ силъ, не были, конечно, писаны для гг. капиталистовъ. Пробѣгая списокъ организацій и союзовъ, принимавшихъ участіе въ двухъ съѣздахъ представителей промышленности и торговли (о кото-

Digitized by Google

рыхъ ниже), а затѣмъ примкнувшихъ къ „Совѣту съѣздовъ", просто диву даешься при видѣ всѣхъ этихъ биржевыхъ комитетовъ, комитетовъ торговли и мануфактуръ, Совѣтовъ Съѣздовъ (эвфемистическое названіе картелей и синдикатовъ), конторъ, совѣщательныхъ конторъ, просто союзовъ и всероссійскихъ союзовъ, обществъ и т. п., и т. п. Всѣ эти мѣстные, районные и всероссійскіе союзы и синдикаты послужили объективной базой, на которой инніаторы новой классовой организаціи начали возводить пышное зданіе всероссійскаго „Союза Союзовъ" предпринимателей и работодателей.

Въ январѣ и апрѣлѣ 1906 г. состоялось два учредительныхъ съѣзда представителей торговли и промышленности. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій организаціоннаго бюро (въ февралѣ 1906 года) было выработано положеніе о съѣздахъ и избранъ временный Совѣтъ Съѣздовъ представителей промышленности и торговли. Положеніе о Съѣздахъ было утверждено 24 августа 1904 года, а 12—14 октября того же года состоялся первый очередной съѣздъ Представителей Промышленности и Торговли. Дебаты этого съѣзда настолько характерны, что на нихъ слѣдуетъ остановиться, нѣсколько подробнѣе, тѣмъ болѣе, что на этомъ съѣздѣ избранъ былъ Совѣтъ Съѣздовъ, игравшій и до сихъ поръ играющій крупную политическую роль.

Толчокъ къ сплоченію всѣхъ упомянутыхъ выше мѣстныхъ и профессіональныхъ организацій крупнаго капитала въ общенаціональный союзъ торгово-промышленниковъ данъ былъ переживаемымъ страною политическимъ моментомъ. На внезапно очищенной отъ старыхъ рогатокъ аренѣ закипѣлъ ожесточенный бой классовыхъ интересовъ, завязалась отчаянная борьба за власть или за вліяніе на власть. Конечно, „всероссійское купечество", по совѣсти говоря, не могло пожаловаться на старый режимъ: за пиршественнымъ столомъ бюрократіи ему всегда былъ обезпеченъ одинъ изъ самыхъ жирныхъ кусковъ, правда, подъ условіемъ не увлекаться превратными толкованіями запада и не высказывать тлетворныхъ мыслей объ „участіи въ дѣлахъ внутренняго управленія". Но времена перемѣнчивы. „То коренное измѣненіе въ порядкѣ разсмотрѣнія и утвержденія законовъ,—говорилъ на первомъ съѣздѣ г. Нобель,—которое введено у насъ съ учрежденіемъ у насъ Государственной Думы и преобразованіемъ Государственнаго Совѣта, ставитъ промышленниковъ въ необходимость подвергать представляемые ими интересы всестороннему обсужденію, прежде всего въ собственной средѣ. Съѣздъ призванъ говорить голосомъ всей торгово-промышленной Россіи и завоевать себѣ серьезную роль опытнаго и объективнаго (!) консультанта во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда правительству и законодателю будетъ въ томъ надобность".

Итакъ, дѣло ясно: конституція, хотя бы и въ туманной перспективѣ, уже заставила капиталистовъ подтянуться. Но въ этомъ только часть правды.

Digitized by Google

Къ національной организаціи побудило также капиталистовъ все усиливавшееся рабочее движеніе. Особое вниманіе нашихъ грюндеровъ къ рабочему вопросу объясняется вовсе не ихъ заботой о „достиженіи наивысшихъ результатовъ народной производительности“, какъ увѣрялъ на съѣздѣ г. Федоровъ, одинъ изъ иниціаторовъ капиталистическаго Союза Союзовъ. Тотъ же г. Федоровъ далъ иное толкованіе этому „особому вниманію“, объясняя его существованіемъ „того крайняго ученія, съ которымъ, какъ бы то ни было, нельзя не считаться“.

„Крайнее ученіе“, котораго ораторъ не рѣшился даже назвать настоящимъ именемъ,— это соціализмъ, за послѣдніе годы сильно распространившійся среди русскаго пролетаріата. Но дѣло даже не въ соціализмѣ или, лучше сказать, *пока* еще не въ соціализмѣ. Всякое требованіе рабочихъ, направленное къ улучшенію условій труда, повышенію заработной платы или сокращенію рабочаго времени, фабриканты готовы разсматривать, какъ покушеніе на самыя священныя ихъ права. Неожиданный напоръ рабочихъ массъ въ концѣ 1905 года засталъ нашихъ предпринимателей почти совершенно неподготовленными, и какъ только первый моментъ растерянности прошелъ, а политическое пораженіе пролетаріата сдѣлало его временно неспособнымъ къ энергическому отстаиванію своихъ экономическихъ завоеваній, капиталисты поспѣшили взять обратно тѣ сравнительно скромныя уступки, которыя они раньше принуждены были сдѣлать своимъ рабочимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы обезпечить себя на будущее время отъ непріятныхъ сюрпризовъ, предприниматели начали помышлять о созданіи союзовъ, имѣющихъ цѣлью борьбу съ „чрезмѣрными“ притязаніями „зазнавшихся“ рабочихъ. Фабрикантамъ не доставало организаціи, и теперь они рѣшили заполнить этотъ пробѣлъ. Послѣ цѣлаго ряда мѣстныхъ попытокъ (союзъ московскихъ промышленниковъ, союзъ варшавскихъ промышленниковъ, союзъ лодзинскихъ фабрикантовъ, совѣтъ горнопромышленниковъ Царства Польскаго, синдикатъ волжскихъ пароходчиковъ и т. д.) крупная торговопромышленная буржуазія естественно пришла къ мысли объ организаціи русскаго Гандельстага (Handelstag)—или союза предпринимательскихъ союзовъ.

Въ Германіи, служащей въ данномъ случаѣ образцомъ для иниціаторовъ русскаго Гандельстага, объединенная организація предпринимателей, какъ это прекрасно извѣстно представителямъ нашей крупной буржуазіи, „черпаетъ свою силу въ развѣтвленной и правильно поставленной мѣстной организаціи торговопромышленнаго класса“. При нормальномъ развитіи задуманнаго русскими капиталистами дѣла, иниціаторы его естественно должны были бы прежде всего озаботиться созданіемъ и укрѣпленіемъ предпринимательскихъ союзовъ на мѣстахъ—для того, чтобы впослѣдствіи возвести на этомъ солидномъ фундаментѣ зданіе національной организаціи предпринимателей. Наши промышленники предпочли поступить наоборотъ и начать

Digitized by Google

организацію съ противоположнаго конца, сверху внизъ. Г. Федоровъ рисовалъ передъ Съѣздомъ блестящія перспективы. „Ближайшей задачей предстоящихъ съѣздовъ,—говорилъ онъ,—будетъ подвести фундаментъ и создать правильное мѣстное представительство торговопромышленнаго класса".

Чѣмъ же объясняется столь изумительная поспѣшность нашей вообще тяжелой на подъемъ буржуазіи? Секретъ этой торопливости услужливо раскрываетъ намъ г. Четвериковъ, одинъ изъ главныхъ организаторовъ московскаго союза промышленниковъ. Онъ говоритъ: „препятствіемъ для такой органически созидательной работы является *отсутствіе необходимаго для того времени*. Надвигающаяся опасность слишкомъ близка и слишкомъ очевидна... Нѣтъ никакого основанія предполагать, что начавшееся рабочее движеніе можетъ замереть, напротивъ, есть всѣ данныя за то, что если промышленники будутъ являть изъ себя ту же разрозненную, лишенную всякаго взаимодѣйствія массу, то движеніе это будетъ расти и въ ширь, и въ глубь".

Результатомъ такого тревожнаго настроенія явился разсматриваемый съѣздъ. Правда, на немъ о рабочемъ вопросѣ говорилось очень мало, да и то разговоры вращались, главнымъ образомъ, въ чисто отвлеченной сферѣ, вродѣ того, что организаціи промышленниковъ „въ борьбѣ съ представителями крайнихъ партій, проповѣдующихъ идею классовой борьбы, должны выдвинуть тезисъ гармоніи труда и капитала и солидарность интересовъ предпринимателей и рабочихъ". Детальное же обсужденіе этого вопроса отложено было ad calendas graecas, причемъ Совѣту Съѣзда поручено было произвести по этому поводу опросъ мѣстныхъ организацій. Мы, впрочемъ, совершенно не увѣрены въ томъ, что участники съѣзда не устраивали закулисныхъ засѣданій, въ которыхъ они одни или совмѣстно съ представителями заинтересованныхъ вѣдомствъ разрѣшали рабочій вопросъ въ болѣе конкретной и детальной формѣ. Вѣдь вообще организаціи предпринимателей предпочитаютъ вести свои дѣла „въ строжащей тайнѣ", какъ нѣкогда выразилась „Торгово-Промышленная Газета" про таинственный „Русскій союзъ работодателей", неизвѣстно, гдѣ обрѣтающійся, и невѣдомо, что творящій.

Съѣздъ не могъ не коснуться также и аграрнаго вопроса. „Въ странѣ голодной,—замѣтилъ Крестовниковъ,—никакое развитіе немыслимо". Необходимо улучшить положеніе крестьянъ, такъ какъ, по словамъ оратора, именно земледѣліе и является тѣмъ базисомъ, на которомъ зиждется вся наша промышленность. Представители южныхъ горнозаводчиковъ предложили внести аграрный вопросъ въ программу ближайшаго съѣзда, мотивируя это предложеніе той тѣсной зависимостью, которая существуетъ въ Россіи между вопросомъ рабочимъ и аграрнымъ, съ одной стороны, и земледѣльческой культурой и индустріей—съ другой. Предложеніе это вызвало оживленныя пренія, въ которыхъ сказалась соціально-политическая

Digitized by Google

подкладка нашей торговопромышленной буржуазіи. В. Тимирязевъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что вопросъ этотъ слишкомъ сложенъ, совѣтовалъ съѣзду не браться за его рѣшеніе; онъ выразилъ опасеніе, что, если промышленники станутъ совать свой носъ въ чужія дѣла, то голосъ ихъ потеряетъ свою авторитетность въ глазахъ правительства. Другой членъ съѣзда пошелъ еще дальше и поставилъ точку надъ і; онъ предлагалъ „забыть объ аграрномъ вопросѣ во всемъ его объемѣ“ и говорить „лишь о нѣдрахъ“. Въ результатѣ съѣздъ совершенно снялъ съ очереди аграрный вопросъ. И это, не смотря на то, что по признанію самихъ же участниковъ съѣзда, благосостояніе крестьянства составляетъ логическую предпосылку промышленнаго процвѣтанія и что разрѣшеніе аграрнаго вопроса въ благопріятномъ для крестьянъ смыслѣ несомнѣнно расширитъ внутренній рынокъ, уже становящійся тѣснымъ для нашей индустріи.

Нежеланіе торговопромышленниковъ раздражать помѣстную аристократію вполнѣ естественно и понятно. Во-первыхъ, послѣдняя до сихъ поръ держитъ въ своихъ рукахъ государственную власть, къ услугамъ которой господамъ промышленникамъ частенько приходится и, вѣроятно, еще долго придется прибѣгать. Во-вторыхъ, торговопромышленная буржуазія связана съ крупнымъ землевладѣніемъ узами экономическими, политическими и моральными. Какъ и въ Австріи, Бельгіи и Франціи, многіе представители земельной аристократіи являются вмѣстѣ съ тѣмъ владѣльцами крупныхъ промышленныхъ предпріятій: для примѣра укажемъ на сахароваренную промышленность (такъ, напримѣръ, правленіе Всероссійскаго Общества сахарозаводчиковъ собирается въ Кіевѣ подъ предсѣдательствомъ графа А. А. Бобринскаго). Оба эти соціальные слоя пополняютъ ряды отчасти реакціонныхъ, а отчасти консервативныхъ партій, какъ, напримѣръ, „Союза 17 Октября“, „Партіи Мирнаго Обновленія“ и „Центра Государственнаго Совѣта“. Оба они совмѣстными силами пытаются противоборствовать тому неудержимому напору сельской и городской демократіи, который недавно еще составлялъ самое выдающееся явленіе русской общественной жизни и, вѣроятно, не замедлитъ возобновиться въ самомъ недалекомъ будущемъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ области политическихъ вопросовъ съѣздъ оказался довольно либеральнымъ, насколько можно судить по заявленіямъ отдѣльныхъ его участниковъ, заявленіямъ, не встрѣчавшимъ никакихъ возраженій. Да и не мудрено. Самому съѣзду приходилось не разъ наталкиваться на проявленія стараго режима. Такъ, напримѣръ, по словамъ Нобеля, даже „проведеніе положенія о съѣздахъ въ жизнь сопряжено было съ серьезными затрудненіями“. Во время дебатовъ по рабочему вопросу на съѣздѣ раздавались голоса людей, сомнѣвавшихся вообще въ скоромъ наступленіи того времени, когда публичное обсужденіе этого вопроса станетъ возможно; при этомъ, благодаря замѣчанію одного изъ членовъ съѣзда, обнаружилось, что „настоящее время признано для этого неудоб-

Digitized by Google

нымъ". Вопросъ о желѣзнодорожныхъ залежахъ, какъ наиболѣе жгучій, по словамъ Авдакова, и не терпящій отлагательствъ, сильно занималъ вниманіе съѣзда. И здѣсь съ особенной яркостью бросалась въ глаза вся безтолковщина и неспособность бюрократіи, являющейся одной изъ главнѣйшихъ помѣхъ для нормальнаго развитія промышленности. Въ виду этого вполнѣ понятно, что, несмотря на присутствіе трехъ министровъ, г. Авдаковъ, выражая, повидимому, общее настроеніе съѣзда, позволилъ себѣ опредѣленно высказаться за скорѣйшее открытіе Государственной Думы, безъ которой, по его словамъ, трудно было „ждать какого либо серьезнаго поднятія благосостоянія народныхъ массъ".

Въ дѣйствительности, представители торговли и промышленности никакого либерализма, конечно, не проявили; фактически вся дѣятельность избраннаго ими совѣта съѣздовъ въ области рабочаго вопроса (поскольку они считаютъ нужнымъ упоминать объ этомъ въ своемъ органѣ: такія дѣла обыкновенно вершатся за кулисами) сводилась къ посильному парализованію и безъ того слишкомъ скромныхъ реформаторскихъ поползновеній правительства. Зато въ защитѣ своекорыстныхъ интересовъ своего класса наша крупная буржуазія проявляетъ небывалую энергію, почти не уступая въ этомъ отношеніи развитой буржуазіи запада. „Промышленность и торговля" съ гордостью повѣствуетъ о лихорадочной дѣятельности совѣта съѣздовъ. Оглядываясь на пройденный за годъ путь, органъ капиталистовъ констатируетъ наличность многочисленныхъ выступленій своего совѣта, большей частью увѣнчавшихся успѣхомъ, и съ надеждой взираетъ на предстоящія побѣды и одолѣнія. Послѣдуемъ за нимъ и перечислимъ вкратцѣ главнѣйшіе акты Совѣта Съѣздовъ, позволяющіе охактеризовать физіономію нашей крупной торговопромышленной буржуазіи и ея опредѣляющую роль въ современной политикѣ страны.

За нѣсколько дней передъ засѣданіями образованныхъ въ декабрѣ 1906 года и въ февралѣ 1907 г. при министерствѣ торговли и промышленности совѣщаній по рабочему вопросу, совѣтъ съѣздовъ устроилъ у себя предварительное обсужденіе тезисовъ, положенныхъ министерствомъ торговли и промышленности въ основу проектируемаго измѣненія рабочаго законодательства. „Достигнутая на этихъ совѣщаніяхъ, —самоувѣренно вѣщаетъ органъ совѣта,—*сплоченность* представителей промышленности и торговли, обоснованная разработанными совѣтомъ съѣздовъ матеріалами, побудила министерство *вновь переработать* свои законопроекты, *во многомъ согласно* съ высказанными на упомянутыхъ совѣщаніяхъ *мнѣніями представителей промышленности и торговли*".

Нѣтъ такого вопроса торгово-промышленной и экономически-финансовой жизни, по поводу котораго совѣтъ съѣздовъ не счелъ бы себя призваннымъ высказать свое авторитетное мнѣніе, къ свѣдѣнію и руководству такъ называемыхъ правящихъ сферъ. При совѣтѣ постоянно работаютъ

Digitized by Google

самыя разнообразныя комиссіи, въ которыхъ практическіе дѣльцы рука объ руку съ образованными спеціалистами тщательно слѣдятъ за каждымъ шагомъ правительственныхъ вѣдомствъ, критикуютъ ихъ предположенія, въ чемъ либо задѣвающія интересы крупной буржуазіи, собираютъ статистическіе и иные матеріалы, составляютъ всевозможныя записки, ведутъ агитацію въ прессѣ и на собраніяхъ, стараются воздѣйствовать на членовъ правительства, на законодательныя учрежденія и на представителей общественнаго мнѣнія. До сихъ поръ усилія совѣта съѣздовъ, представляющаго богатые и вліятельные круги торгово-промышленной буржуазіи, обыкновенно увѣнчивались успѣхомъ. Есть всѣ основанія предполагать, что современемъ, когда представители торговли и промышленности сплотятся еще тѣснѣе и усвоятъ весь богатый опытъ своихъ западно-европейскихъ собратьевъ, они сумѣютъ еще лучше вліять на прессу, на членовъ парламента и на правительственныя учрежденія и обрабатывать въ свою пользу общественное мнѣніе.

При Совѣтѣ Съѣздовъ существуетъ особый желѣзнодорожный комитетъ, объединяющій и направляющій дѣятельность цѣлаго ряда комиссій, работающихъ надъ выясненіемъ недостатковъ нашего желѣзнодорожнаго хозяйства и способовъ ихъ устраненія. Совѣтъ издалъ рядъ брошюръ по различнымъ вопросамъ желѣзно-дорожнаго дѣла и въ томъ числѣ двѣ записки, получившія широкое распространеніе въ правительственныхъ и общественныхъ кругахъ, причемъ одна изъ нихъ была *дважды цитирована министромъ* финансовъ въ Государственной Думѣ. Придавая важное значеніе вопросамъ обложенія, Совѣтъ Съѣздовъ собираетъ матеріалы по иностраннымъ законодательствамъ и статистическія данныя о доходности русскихъ акціонерныхъ предпріятій, и если до сихъ поръ онъ еще не выступилъ со своимъ вѣскимъ словомъ по этому вопросу, то только потому, что „крайняя сложность законопроектовъ по промысловому и особенно подоходному обложенію, повидимому, побудила министерство не спѣшить съ ихъ окончательной разработкой“. Въ частности Совѣтъ Съѣздовъ разсматривалъ вопросъ о введенномъ по закону 2-го января 1906 года прогрессивномъ процентномъ налогѣ на личныя промысловыя занятія служащихъ въ подотчетныхъ предпріятіяхъ и правѣ участія городовъ и земствъ въ доходахъ казны отъ установленнаго названнымъ закономъ личнаго промысловаго налога. Выработанныя совѣщаніями соображенія о неправильности практикующагося казенными палатами взиманія дополнительныхъ сборовъ въ пользу городовъ и земствъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и на квартирное довольствіе войскъ были представлены на усмотрѣніе министра финансовъ и министра торговли и промышленности; когда же министръ финансовъ далъ по этому вопросу неблагопріятный отзывъ, то Совѣтъ Съѣздовъ не призналъ себя побѣжденнымъ и обжаловалъ этотъ отзывъ въ правительствующій сенатъ.

Digitized by Google

Обыкновенно министры не бываютъ такъ строги и не доводятъ „всероссійское купечество“ до прискорбной необходимости жаловаться сенату; напротивъ, они внимательно относятся къ его желаніямъ, какъ бы они ни мало соотвѣтствовали интересамъ подавляющей массы населенія. Буржуазія сознаетъ это и увѣренно препровождаетъ свои „заключенія“ и „соображенія“ подлежащимъ вѣдомствамъ съ просьбою „принять во вниманіе“, исполнить или „оказать содѣйствіе“. И дѣйствительно, указанія Совѣта почти всегда принимаются во вниманіе и исполняются.

Что бы сказали хозяева современной жизни, если бы русскіе рабочіе обратились къ нимъ за содѣйствіемъ въ дѣлѣ осуществленія обще-имперскаго представительства труда! А между тѣмъ русская буржуазія фактически уже добилась отъ центральной власти признанія своего права на такое національное представительство своихъ классовыхъ интересовъ. „Какъ организація, имѣющая своею конечною задачею возможно полное объединеніе всѣхъ мѣстныхъ по промышленности и торговлѣ учрежденій и осуществленіе общеимперскаго представительства промышленности и торговли, съѣзды и исполнительный ихъ органъ, Совѣтъ, нашли себѣ полное сочувствіе въ лицѣ правительства и въ частности въ тѣхъ министерствахъ (торговли и промышленности, финансовъ и путей сообщенія и главномъ управленіи землеустройства и земледѣлія), дѣятельность которыхъ наиболѣе тѣсно связана съ экономической жизнью страны. Благодаря этому Совѣтъ Съѣздовъ съ самаго начала своей дѣятельности былъ приглашаемъ къ участію, черезъ своихъ представителей, въ работахъ цѣлаго ряда правительственныхъ совѣщаній по разнымъ вопросамъ, касающимся промышленности и торговли. Этому участію обыкновенно предшествовали предварительныя подготовки въ дѣлопроизводствѣ Совѣта соотвѣтственныхъ статистическихъ данныхъ и прочихъ матеріаловъ, а затѣмъ предварвтельное обсужденіе вопроса въ особыхъ совѣщаніяхъ при Совѣтѣ Съѣздовъ и потомъ въ комитетѣ Совѣта [1]). Такая постановка дѣла дала возможность

---

[1]) Кстати укажемъ на составъ Совѣта Съѣздовъ продставителей промышленности и торговли къ 1-му октября 1907 года: предсѣдатель Н. С. Авдаковъ; товарищи предсѣдателя: Н. А. Вѣлоцвѣтовъ, Э. Л. Нобель, И. И. Ясюковичъ; члены комитета: И. А. Барановъ, Г. Г. Виссендорфъ, В. И. Воробьевъ, В. В. Жуковскій, Н. Н. Изнаръ, Н. В. Монаховъ, Ф. А. Нововѣйскій, В. А. Эфронъ; члены Совѣта по выбору очередныхъ съѣздовъ: А. А. Амбургеръ, А. Р. Видерманъ, графъ А. А. Бобринскій, К. Э. Борель. Я. П. Вѣляевъ, А. Л. Гринбергъ, Ю. П. Гужонъ, П. О. Гукасовъ, С. М. Гутникъ, Н. Ф. фонъ-Дитмаръ, А. Л. Кнопъ, А. И. Коноваловъ, Г. А. Крестовниковъ, М. И. Лазаревъ, П. Н. Литуновскій, Д. С. Марголинъ, С. К. Марченко, М. Ф. Норпе, М. И. Познанскій, Ф. Р. Поповскій, С. М. Ротвандъ, П. П. Рябушинскій, Б. И. Ханенко, и Л. В. Чарновскій. Имена членовъ-делегатовъ и ихъ замѣстителей мы не приводимъ.

Digitized by Google

представителямъ Совѣта Съѣздовъ выступить передъ правительствомъ со всесторонне обоснованными и солидарными мнѣніями, которыя въ большинствѣ случаевъ *оказывали существенное вліяніе на рѣшеніе правительственныхъ совѣщаній*" („Пром. и Торг.", стр. 25).

Въ январѣ 1907 года при министерствѣ торговли и промышленности было образовано совѣщаніе, имѣвшее задачею рѣшить вопросъ: представляется ли цѣлесообразнымъ въ интересахъ заграничнаго экспорта изъ Сибири мѣстнаго сырья разрѣшить безпошлинный привозъ иностранныхъ товаровъ черезъ устья рѣкъ Оби и Енисея. Подъ вліяніемъ энергичныхъ настояній представителей Совѣта Съѣздовъ совѣщаніе пришло, конечно, къ заключенію, что установленіе въ устьяхъ указанныхъ рѣкъ портофранко стояло бы въ противорѣчіи съ существующей у насъ покровительственной системой и „вредно отразилось бы на отечественной промышленности". Русское общество ацетиленоваго освѣщенія и продажи кальція-карбита обратилось въ то же министерство съ ходатайствомъ о временномъ пониженіи ввозной пошлины на кальцій-карбидъ съ 3 р. 60 к. до 70 на пудъ. Но опять-таки подъ вліяніемъ настояній Совѣта Съѣздовъ просители получили отказъ, несмотря на то, что внутреннее потребленіе кальція-карбита въ Россіи не превышаетъ 15,000 пудовъ въ годъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе дороговизны. Въ февралѣ 1907 года при министерствѣ торговли было образовано междувѣдомственное совѣщаніе по возбужденному нѣкоторыми владѣльцами криворожскихъ рудниковъ ходатайству о разрѣшеніи вывоза черезъ западную границу криворожскихъ желѣзныхъ рудъ, такъ какъ, „въ виду кризиса, испытываемаго нашей желѣзодѣлательной промышленностью, потребность въ криворожской рудѣ значительно сократилась", а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы поддержать высокія цѣны на внутреннемъ рынкѣ. Принимая во вниманіе, что сбытъ этотъ будетъ происходить якобы въ сравнительно незначительныхъ количествахъ (около 40 мил. пудовъ изъ 200 мил. добычи) и не можетъ существенно истощить запасовъ криворожскихъ рудъ, „совѣщаніе признало возможнымъ, *согласно съ заключеніемъ представителей Совѣта Съѣздовъ*, удовлетворить вышеприведенное ходатайство, и криворожскіе рудники получили такимъ образомъ надлежащую поддержку въ критическую минуту для руднаго рынка",—т. е., для владѣльцевъ рудниковъ въ ущербъ массѣ потребителей.

Гдѣ бы и какой бы вопросъ, интересующій русскую буржуазію ни обсуждался, представители съѣздовъ тутъ какъ тутъ; они высказываютъ свое вѣское мнѣніе, подкрѣпленное всею тяжестью стоящихъ за ними милліоновъ, заставляютъ различныя вѣдомства считаться со своими пожеланіями, хотятъ ли этого указанныя вѣдомства или упираются. Представители Совѣта Съѣздовъ участвуютъ въ совѣщаніи по вопросу о замѣнѣ на новыхъ приладожскихъ каналахъ и вообще на каналахъ Маріинской

Digitized by Google

системы конной тяги буксирною, въ совѣщаніяхъ по вопросу о пересмотрѣ экспортныхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ на нефтяные продукты, въ совѣщаніяхъ для разсмотрѣнія проекта засыпки сѣверной части Биби-Эйбатской бухты, въ совѣщаніяхъ по выработкѣ проекта положенія о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ по министерству путей сообщенія и проч., и проч.; они участвуютъ въ засѣданіяхъ вновь образованныхъ порайонныхъ комитетовъ по регулированію массовыхъ перевозокъ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ въ Козловѣ, Воронежѣ, Кіевѣ и Варшавѣ, въ засѣданіяхъ общихъ съѣздовъ представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ по тарифнымъ вопросамъ и въ засѣданіяхъ центральнаго комитета по распредѣленію грузовъ.

Совѣтъ съѣздовъ, заботясь о расширеніи рынковъ для русской индустріи, ходатайствуетъ объ облегченіи условій для вывоза русскихъ желѣзныхъ издѣлій за-границу. Тотчасъ же при тарифномъ комитетѣ министерства финансовъ организуется совѣщаніе, которое признаетъ, конечно, основательность доводовъ совѣта съѣздовъ, и для русскихъ желѣзныхъ товаровъ при вывозѣ ихъ за-границу и въ Финляндію устанавливаются особые пониженные экспортные тарифы. Русскіе заводы изготовляютъ сельскохозяйственныя орудія скверно и по дорогой цѣнѣ; главное управленіе землеустройства и земледѣлія намѣревается заказать за-границей значительное количество земледѣльческихъ машинъ и орудій для переселенческихъ складовъ. Эти крамольныя предположенія главнаго управленія не замедлили „остановить на себѣ вниманіе совѣта съѣздовъ“, поспѣшившаго наложить на нихъ свое veto. „Организованное при совѣтѣ съѣздовъ совѣщаніе изъ представителей отечественныхъ заводовъ, опираясь на подготовленный совѣтомъ обширный статистическій матеріалъ, отнеслось отрицательно къ названнымъ предположеніямъ главнаго управленія землеустройства и земледѣлія, и предположенный за-границей заказъ, по свѣдѣніямъ совѣта съѣздовъ, *не состоится*“. Освѣдомившись о томъ, что министерство финансовъ проектируетъ обложеніе электрической энергіи и освѣщенія, совѣтъ съѣздовъ спѣшитъ составить мотивированную записку о крайнемъ вредѣ проектируемаго налога для всей русской промышленности. „Записка эта была затѣмъ лично доложена представителями совѣта съѣздовъ министру торговли и промышленности, который обѣщалъ свое содѣйствіе совѣту къ новому подробному разсмотрѣнію этого вопроса“.

Растущіе убытки по эксплуатаціи желѣзнодорожной сѣти министерство финансовъ, вѣрное традиціямъ стараго режима, стремится покрывать повышеніемъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Послѣ повышенія тарифа на лѣсъ, соль, муку и сахаръ, министерство, въ іюнѣ 1907 года, задумало повысить желѣзнодорожный тарифъ и на перевозку каменнаго угля, кокса и торфа. Представители промышленности и торговли, приглашенные къ участію въ засѣданіяхъ образованнаго для обсужденія этого вопроса совѣ-

Digitized by Google

щанія при департаментѣ желѣзнодорожныхъ дѣлъ, предварительно обсудили вопросъ въ совѣщаніи при совѣтѣ съѣзда и потребовали, отъ имени всей промышленности и торговли, отсрочки предполагаемаго совѣщанія. Министерство согласилось отложить его занятія до октября 1907 года. Въ августѣ и сентябрѣ при совѣтѣ съѣздовъ состоялись тарифныя совѣщанія, на которыхъ выяснилось безусловно отрицательное отношеніе представителей промышленности и торговли къ проекту министерства финансовъ. Въ октябрьскомъ совѣщаніи объ угольномъ тарифѣ представители совѣта съѣздовъ, „будучи вооружены самыми подробными и разносторонними матеріалами, съ успѣхомъ отстаивали точку зрѣнія совѣта съѣзда". И органъ совѣта вѣско прибавляетъ: „*надо надѣяться*, что разработанные совѣтомъ съѣздовъ матеріалы будутъ достаточно убѣдительны для тарифныхъ учрежденій, и послѣднія отбросятъ пагубную мысль о повышеніи каменноугольныхъ тарифовъ".

Въ концѣ октября при совѣтѣ съѣздовъ состоялись совѣщанія по вопросу о небываломъ подъемѣ хлѣбныхъ цѣнъ, мѣстами достигшихъ той же высоты, какъ и въ голодномъ 1891 году. Конечно, какъ на этихъ собраніяхъ, такъ и въ статьяхъ своего органа, совѣтъ съѣздовъ, ссылаясь на всевозможныя причины (неурожай 1906 года въ Россіи, отсутствіе запасовъ, ростъ цѣнъ на заграничныхъ рынкахъ и т. п.), не счелъ нужнымъ ни словомъ упомянуть о нашихъ доморощенныхъ sociétés de famine о тѣхъ рингахъ, синдикатахъ и картеляхъ, которые систематически повышаютъ цѣны на всѣ съѣстные припасы, а не только на хлѣбъ. Явная односторонность и неполнота заключеній совѣта съѣздовъ не помѣшала тому, чтобы „соображенія совѣта съѣздовъ были приняты совѣщаніемъ подъ предсѣдательствомъ министра торговли и промышленности".

По просьбамъ организацій и отдѣльныхъ предпріятій, состоящихъ членами съѣзда представителей промышленности и торговли, совѣту съѣздовъ приходилось возбуждать передъ правительствомъ много ходатайствъ „общественнаго характера", которыя подчасъ касались сферы не только внутренней, но и внѣшней политики. Такъ, совѣтъ съѣздовъ сдѣлалъ представленіе въ министерство иностранныхъ дѣлъ о необходимости приглашенія представителей совѣта къ участію въ производящихся при министерствѣ работахъ по реформѣ органовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ виду громадной важности для интересовъ торговли и промышленности страны правильной организаціи консульской службы. „Министру иностранныхъ дѣлъ было угодно признать доводы совѣта съѣздовъ справедливыми и обѣщать удовлетворить ходатайство совѣта". По поводу представленія совѣта съѣздовъ министрамъ торговли и промышленности и иностранныхъ дѣлъ о необходимости, въ виду сложенія турецкимъ правительствомъ пошлины съ ввозимой въ страну пшеницы, сложенія таковой и съ поступающей изъ Россіи въ Турцію пшеничной муки, совѣтъ съѣздовъ получилъ

Digitized by Google

увѣдомленіе министерства торговли и промышленности, что „россійскому послу въ Константинополѣ даны инструкціи поддержать ходатайство совѣта".

Читатель не забылъ еще авантюры бывшаго министра и панамиста Рувье, организовавшаго недавно въ Парижѣ „Генеральное общество желѣзнодорожныхъ матеріаловъ", которое съ разрѣшенія министерства финансовъ предложило юго-восточнымъ желѣзнымъ дорогамъ свои услуги въ дѣлѣ снабженія ихъ подвижнымъ составомъ на кабальныхъ условіяхъ. „Столь необычное въ желѣзнодорожной практикѣ предложеніе, въ связи съ тяжелымъ положеніемъ, переживаемымъ русскими паровозо- и вагоно-строительными заводами, побудило совѣтъ съѣздовъ отнестись *особенно чутко* къ выступленію генеральнаго общества въ Россіи". Спеціальное совѣщаніе при совѣтѣ съѣздовъ рѣшительно высказалось противъ этой авантюры и поручило совѣту съѣздовъ возбудить передъ министромъ финансовъ соотвѣтственное ходатайство. Къ кампаніи совѣта на этотъ разъ присоединилась и русская пресса. По аналогичному дѣлу совѣту съѣздовъ пришлось выступить и противъ морского министерства, которое намѣревалось привлечь и иностранныя фирмы къ дѣлу постройки линейныхъ кораблей для обновляемаго флота. Результатомъ вмѣшательства совѣта съѣздовъ, поддержаннаго и другими министрами, было назначеніе особой междувѣдомственной комиссіи съ участіемъ представителей совѣта съѣздовъ для выработки условій заказа броненосцевъ. И органъ совѣта снова вѣско прибавляетъ: „*несомнѣнно*, что замѣчанія, высказанныя въ этомъ совѣщаніи представителями совѣта, лицами компетентными въ металлургическомъ дѣлѣ и въ дѣлѣ машино- и судо-строенія, будутъ приняты во вниманіе морскимъ вѣдомствомъ".

Выработанный горнымъ департаментомъ проектъ измѣненій и дополненій дѣйствующихъ правилъ закона о нефтяномъ промыслѣ переданъ, по приказанію министра торговли, на заключеніе съѣздовъ представителей промышленности и торговли, для предварительнаго разсмотрѣнія заключающихся въ немъ предположеній. Съ этой цѣлью совѣтъ съѣздовъ организовалъ комиссію, въ которой, кромѣ членовъ совѣта съѣздовъ и представителей различныхъ нефтеносныхъ районовъ имперіи, принимаютъ участіе спеціально командированные представители горнаго департамента. Поступившія въ отдѣлъ торговли министерства торговли и промышленности отъ союза хлѣботорговцевъ гамбургской биржи и отъ марсельскаго синдиката хлѣбныхъ экспортеровъ жалобы на неисполненіе русскими экспортерами хлѣбныхъ товаровъ принимаемыхъ на себя обязательствъ, побудили отдѣлъ торговли, по приказанію министра, просить совѣтъ съѣздовъ обсудить въ своей средѣ мѣры къ прекращенію указанныхъ нежелательныхъ случаевъ. Образованное для сего при совѣтѣ съѣздовъ совѣщаніе приняло рядъ постановленій, которыя „будутъ сообщены отдѣлу торговли". Въ декабрѣ

Digitized by Google

1907 года предполагалось разсмотрѣніе въ пленарномъ засѣданіи Государственной Думы принятаго было финансовой комиссіей Думы представленія министерства финансовъ о продленіи дѣйствія закона 2-го января 1906 года объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій о государственномъ промысловомъ налогѣ. „Пожеланія торговли и промышленности по поводу этого закона изложены совѣтомъ съѣздовъ въ особой запискѣ, которая и разослана для свѣдѣнія членамъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта".

Такимъ образомъ, Совѣтъ Съѣздовъ представителей промышленности и торговли имѣетъ полное право утверждать, что правительство признало за нимъ „значеніе органа, выражающаго нужды промышленности и торговли Имперіи", значеніе національной организаціи, выражающей общіе классовые интересы крупной буржуазіи. Всѣ вышеупомянутые факты даютъ Совѣту право закончить краткій обзоръ своей непродолжительной дѣятельности слѣдующимъ горделивымъ заявленіемъ:

„Этотъ краткій и далеко неполный очеркъ годовой работы Совѣта Съѣздовъ представителей торговли и промышленности, наряду со все увеличивающимся кругомъ дѣятельности Совѣта и все возрастающимъ вліяніемъ съѣздовъ, ярко показываетъ ту силу, которую могутъ представить собою сплоченныя торговля и промышленность всей Россіи при желаніи объединиться въ одинъ могучій органъ—выразитель нуждъ и требованій всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ организацій и отдѣльныхъ предпріятій Имперіи. Громадная территорія нашего отечества, разобщенность его торговыхъ и промышленныхъ районовъ и малая привычка нашихъ промышленниковъ и торговцевъ къ единенію, въ связи съ часто проявляющимся, къ сожалѣнію, взаимнымъ недовѣріемъ, сильно мѣшаютъ успѣшной и культурной работѣ Совѣта Съѣздовъ надъ принятою имъ на себя задачею—объединенія представительства общихъ интересовъ промышленности и торговли".

Желая расширить „кругъ плодотворной дѣятельности Съѣздовъ представителей промышленности и торговли и содѣйствовать національному объединенію всероссійской буржуазіи, Совѣтъ Съѣздовъ и началъ издавать свой журналъ. Онъ беретъ на себя облегчить „нелегкую у насъ защиту правъ промышленно-торговаго *труда*" и надѣется „явиться насадителемъ въ русскомъ обществѣ *здоровыхъ* экономическихъ идей".

Но не въ шитьѣ была тутъ сила!

„Здоровыя экономическія идеи", исповѣдуемыя и проповѣдуемыя органомъ Совѣта Съѣздовъ, на повѣрку оказываются идеями все той же вульгарной политической экономіи, которая окончательно дискредитирована въ научномъ отношеніи, но до сихъ поръ остается политической экономіей крупной буржуазіи, банальныя разглагольствованія о „трудѣ, капиталѣ и природѣ", какъ источникахъ богатства, о „богатствѣ народовъ", молча-

Digitized by Google

ливое допущеніе гармоніи интересовъ предпринимателей и трудящихся и т. п. старыя, старыя „здоровыя“ идеи, конечно, не могутъ оказать какого-либо вліянія на широкіе слои русской публики, слишкомъ искушенной въ этомъ отношеніи. Впрочемъ, не на эти широкіе слои и имѣетъ въ виду воздѣйствовать органъ Совѣта: обращаясь въ нѣкоторыхъ статьяхъ, какъ, напримѣръ, въ статьѣ „Вопросъ о синдикатской практикѣ“, какъ будто къ большой публикѣ, онъ въ сущности черезъ ея голову обращается къ ограниченнымъ группамъ купцовъ и фабрикантовъ и апеллируетъ къ ихъ эгоистическимъ инстинктамъ. Конечно представители промышленности и торговли говорятъ отъ имени промышленнаго „труда“, отечественнаго „труда“, „торговопромышленнаго труда“, сокрушаются объ интересахъ казны и вообще пускаютъ въ ходъ всѣ истертыя и избитыя трафаретки своихъ западноевропейскихъ собратьевъ. Но какъ бы они ни возводили очи горѣ, какъ бы ни сокрушались объ „отечествѣ“ и меньшомъ братѣ, какъ бы ни били себя въ перси, завѣряя о своемъ исключительномъ стремленіи къ „прогрессу“, все время ихъ умами владѣетъ одна неотвязная мысль, все время у нихъ проглядываетъ одна лишь пламенная страсть „норови въ карманъ“. Они рекомендуютъ „намъ“ „здоровую торгово-промышленную политику“, но какъ они осуществляютъ ее на дѣлѣ, видно изъ дѣятельности россійскихъ синдикатовъ и въ частности всероссійскаго Общества Сахарозаводчиковъ, которое, какъ это видно изъ статьи въ томъ же номерѣ „Брюссельская международная сахарная конвенція“, нашло желательнымъ присоединеніе Россіи къ конвенціи въ видахъ открытія новыхъ видовъ сбыта, „но при этомъ оговаривалось, что присоединеніе это возможно лишь при условіи сохраненія нашего внутренняго законодательства въ полной его неприкосновенности“. А каковы привиллегіи нашихъ сахарозаводчиковъ, объ этомъ хорошо знаютъ милліоны русскихъ потребителей.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерна помѣщенная въ томъ же первомъ номерѣ „Промышленности и торговли“ статья г. С. Фармаковскаго „Вопросы синдикатской практики“. Сначала авторъ обращается какъ будто къ публикѣ и пытается доказать ей неосновательность ея недружелюбнаго отношенія къ синдикатамъ. „Широкая публика прежде всего потребитель; ея другъ—свободная конкурренція, которая угождаетъ ей и даетъ иногда прямо поразительные эффекты дешевизны продуктовъ, тогда какъ синдикаты такихъ эффектовъ не даютъ“. Отсюда какъ будто слѣдуетъ, что по мнѣнію автора синдикаты къ нѣкоторому, хотя и слабому пониженію цѣнъ все-таки ведутъ. И дѣйствительно, у него хватаетъ смѣлости заявить, что цѣны синдиката „нерѣдко ниже цѣнъ свободной конкурренціи“. Но дальше слѣдуетъ изложеніе нѣкоторыхъ „здоровыхъ экономическихъ идей“, изъ котораго явствуетъ, что синдикаты, дѣйствительно, ведутъ къ повышенію цѣнъ, но что это дѣлается въ интересахъ все той же публики. Впрочемъ, нельзя понять, о какой, собственно, публикѣ авторъ говоритъ: съ одной

Digitized by Google

стороны онъ упоминаетъ о какой-то публикѣ „стригущей купоны отъ акцій и облигацій, ругающей промышленность за дороговизну продуктовъ и требующей карательныхъ, запретительныхъ и всякихъ ограничительныхъ мѣръ отъ правительства въ сторону удешевленія продуктовъ“ (намъ думается, что публика, стригущая купоны отъ акцій и облигацій, стоитъ слишкомъ близко къ синдикатамъ, если не принимаетъ въ нихъ непосредственнаго участія); съ другой стороны, онъ въ другомъ мѣстѣ выражается нѣсколько точнѣе, относя къ публикѣ „всѣ посредствующіе между рабочими и капиталистами элементы“.

Среди этой-то публики онъ пытается „насадить“ свои „здоровыя экономическія идеи“. „Стоимость продукта слагается изъ двухъ главнѣйшихъ величинъ: цѣнности труда рабочаго и ренты капиталистовъ. Пониженіе рыночной стоимости продукта за предѣлы надлежащей оцѣнки этихъ цѣнностей наказываетъ и рабочаго, и капиталиста, и одинаково всѣ посредствующіе между нами элементы, т. е. какъ разъ все то, что составляетъ публику. Ясно, что желать чрезмѣрнаго паденія цѣнъ продуктовъ потребленія нельзя въ интересахъ той же широкой публики“. А между тѣмъ, „очевидно, что при наличіи факторовъ, понижающихъ цѣны за предѣлы фабричной самостоимости, синдикатъ въ той или иной формѣ неизбѣженъ“, и съ этимъ обществу слѣдуетъ считаться. Русская публика ничего не понимаетъ въ „здоровой экономической наукѣ“. „Воспитанная на опекѣ, она ко всему относится съ сантиментально-альтруистической точки зрѣнія и требуетъ отъ промышленности примѣненія этой же точки зрѣнія и къ торгово-промышленнымъ дѣйствіямъ. А такъ какъ *капиталъ по своей природѣ не признаетъ альтруизма и совершенно отрицаетъ сентиментальность*, то на промышленниковъ русская публика смотритъ, какъ на обирателей населенія, а на синдикатъ не иначе, какъ на учрежденіе, предназначенное для грабежа или, по крайней мѣрѣ, какъ на самое могучее средство для обиранія“. Невѣжество русской публики въ области здоровыхъ экономическихъ идей доходитъ до того, что нѣкоторые покупатели „изъ принципа“ отказываются покупать изъ рукъ синдиката: такъ поступали даже нѣкоторыя земства и казенныя учрежденія (1).

Поэтому авторъ, какъ и слѣдовало бы поступить съ самаго начала, презрительно отворачивается отъ невоспитанной публики и обращается къ самимъ промышленникамъ. „Какъ ни странно, но и между ними имѣются такіе „принципіальные“ люди, для которыхъ синдицированіе—дѣйствіе, несовмѣстимое съ понятіями объ этикѣ“. Такіе промышленники остаются внѣ синдиката и оказываютъ ему „свободную“ конкурренцію, не отказываясь при случаѣ воспользоваться цѣнами, взогнанными синдикатомъ. Это ли не ужасно? Такой „принципіальный“ промышленникъ, негодуетъ нашъ незнающій сентиментальности авторъ, „механически ставится въ положеніе получающаго всѣ выгоды синдицированія, оставаясь несвязаннымъ во всемъ

Digitized by Google

томъ, чѣмъ создаются эти выгоды. Такое поразительное состояніе, казалось бы, должно больше противорѣчить этикѣ, въ особенности этикѣ профессіональной, но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ". Между прочимъ, сопротивленіе синдикатскому движенію „поддерживается тѣми служащими и повѣренными промышленниковъ, которые учрежденіе синдиката считаютъ для себя почему либо невыгоднымъ". Авторъ выражается такъ, какъ будто онъ сомнѣвается въ основательности мотивовъ, побуждающихъ разныхъ „рабовъ капитала" сопротивляться распространенію синдикатовъ; а между тѣмъ извѣстно, что помимо широкихъ слоевъ потребителей вообще отъ синдицированія промышленности прежде всего страдаютъ служащіе всякаго рода, число которыхъ съ возникновеніемъ синдикатовъ быстро сокращается. Если бы г. Фармаковскій заглянулъ на 71 страницу того номера, въ которомъ напечатана его статья, то онъ могъ бы прочитать тамъ слѣдующія строки: „характерный образчикъ того, насколько синдикатъ сокращаетъ непроизводительные расходы по содержанію агентовъ, комиссіонеровъ и цѣлаго сонма другихъ посредниковъ по сбыту доставляетъ намъ общество „Продамета". Посредничество обошлось этому обществу вмѣстѣ съ делькредере за отчетный 1906/7 годъ всего въ 1,38%.

Ясно, что „здоровая экономическая политика" синдикатовъ и ихъ идеологическаго выразителя, Совѣта Съѣздовъ, оказывается непріемлемой для широкихъ массъ населенія. Что синдикатамъ здорово, то народу смерть. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что могучая организація капитала, складывающаяся и въ значительной мѣрѣ уже сложившаяся у насъ на глазахъ, является серьезной угрозой для интересовъ широкихъ массъ. Обѣ главныя цѣли, къ которымъ она стремится, всею своею тяжестью падутъ на плечи трудящихся массъ и въ особенности рабочаго класса.

Первая цѣль заключается въ такъ называемомъ „регулированіи производства", которое на дѣлѣ сводится къ монополизированію рынка и повышенію цѣнъ на товары. Если учрежденіе синдикатовъ на первыхъ порахъ и ведетъ иногда къ пониженію цѣнъ, то дѣлается это лишь для того, чтобы погубить соперниковъ и принудить „свободно конкуррирующихъ" фабрикантовъ примкнуть къ синдикату. Но какъ только синдикату удается наложить свою руку на производство какого нибудь продукта, цѣна его неизбѣжно повышается до предѣловъ, допускаемыхъ закономъ монополіи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ вся исторія синдикатовъ и трестовъ въ Америкѣ и въ Европѣ. Это повышеніе цѣнъ, отъ котораго страдаютъ, конечно, всѣ потребители, главной своей тяжестью ложится на широкія рабочія массы и при извѣстныхъ условіяхъ можетъ даже свести на нѣтъ всѣ завоеванія пролетаріата въ области повышенія заработной платы.

Что такія опасенія не лишены серьезнаго основанія, видно изъ всей прежней дѣятельности нашей торговопромышленной организаціи. Такъ, вступленіе Невской ниточной мануфактуры въ международный ниточный синди-

Digitized by Google

катъ повело къ повышенію цѣнъ на нитки вдвое. Образованіе синдиката уральскихъ желѣзозаводчиковъ „Кровля“ (1906 г.) сразу повело къ повышенію цѣнъ на желѣзо. Учрежденіе синдикатовъ стеклодѣловъ сопровождалось немедленнымъ повышеніемъ цѣнъ на бутылки, а синдикатъ спичечныхъ фабрикантовъ сразу повысилъ цѣны на спички. Дѣятельность нашихъ сахарныхъ, каменноугольныхъ, нефтяныхъ и другихъ королей слишкомъ хорошо извѣстна, чтобы о ней стоило распространяться.

Но помимо этой, вообще антисоціальной стороны предпринимательскихъ союзовъ существуетъ другая спеціальная сторона ихъ дѣятельности, о которой новый органъ Совѣта Съѣздовъ благоразумно не заикается ни однимъ словомъ, можетъ быть, потому, что г. Познанскій, членъ Совѣта, еще не успѣлъ доставить ему достаточныхъ свѣдѣній о лодзинскомъ локаутѣ, къ которому онъ какъ будто имѣлъ кое какое отношеніе. Положеніе о съѣздахъ благозвучно называетъ эту сторону дѣятельности предпринимательскихъ союзовъ „упорядоченіемъ отношеній между трудомъ и капиталомъ“. На самомъ же дѣлѣ это грозная организація борьбы предпринимательскаго класса противъ рабочаго класса въ широкомъ національномъ масштабѣ.

Помимо давно практикующихся „черныхъ списковъ“, въ которыхъ находитъ свое выраженіе специфическая классовая солидарность капиталистовъ, новорожденная организація крупной буржуазіи намѣрена по образу своихъ европейскихъ учителей широко примѣнять усовершенствованный способъ борьбы и бить „зазнавшихся“ рабочихъ концентрированной силой капитала. Организація противъ организаціи. Противъ боевыхъ кассъ рабочихъ союзовъ — боевые фонды для борьбы съ забастовками. Эти фонды, составляющіеся изъ пропорціональныхъ взносовъ участниковъ предпринимательскихъ союзовъ и сравнительно быстро достигающіе крупныхъ размѣровъ, преслѣдуютъ двоякую цѣль: во-первыхъ, возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ членами союза отъ забастовокъ, и въ этомъ смыслѣ они являются особой формой взаимнаго страхованія; во-вторыхъ, поддержку предпріятій, въ которыхъ союзъ рѣшаетъ объявить локаутъ, т. е. массовый разсчетъ рабочихъ. Подобныя кассы давно уже существуютъ въ Америкѣ, Франціи, Германіи и т. д.

Вполнѣ естественно, что съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности наши предприниматели рѣшили воспользоваться богатымъ опытомъ своихъ европейскихъ собратьевъ. Уже въ началѣ 1906 года въ русской періодической печати былъ оглашенъ проектъ г. Четверикова, приготовленный для съѣзда фабрикантовъ и заводчиковъ московскаго промышленнаго района. По этому проекту основной фондъ союзовъ предпринимателей составляется по слѣдующему разсчету: каждый изъ предпринимателей вычисляетъ убытокъ предпріятія за каждый забастовочный день; эта цифра помножается на 20, и полученная такимъ образомъ сумма составляетъ вступительный взносъ; ежегодные взносы членовъ также опредѣляются пропорціонально

Digitized by Google

убыткамъ каждаго отдѣльнаго предпріятія. Мы не знаемъ подробностей о дальнѣйшей судьбѣ Четвериковскаго проекта, но къ осени 1906 года для предложенной имъ кассы, по свѣдѣніямъ газетъ, собрано было свыше 750.000 рублей.

При благопріятныхъ условіяхъ союзы капиталистовъ не ограничиваются тактикой пассивнаго сопротивленія, а переходятъ къ активной борьбѣ, не останавливаясь передъ такими героическими средствами, какъ повальный разсчетъ рабочихъ (локаутъ). Отъ обороны къ нападенію! Успѣхи, достигнутые, благодаря примѣненію этой радикальной мѣры, предпринимательскими союзами Стараго и Новаго Свѣта, внушили нашимъ капиталистамъ мысль испробовать этотъ методъ борьбы, своего рода методъ карательныхъ экспедицій въ экономической области. Объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ локаутовъ, имѣвшихъ мѣсто въ Россіи за послѣдніе два-три года: въ ноябрѣ 1905 года въ Петербургѣ во время борьбы за восьмичасовый рабочій день, локаутъ портныхъ въ Москвѣ, локаутъ типографщиковъ въ Москвѣ и Кіевѣ въ 1906 году и цѣлый рядъ другихъ мелкихъ локаутовъ. Но всѣ эти мелкіе локауты блѣднѣютъ передъ грандіознымъ локаутомъ, организованнымъ союзомъ лодзинскихъ фабрикантовъ. Объ этой ужасной страницѣ соціальной войны читатель, вѣроятно, не забылъ, и распространяться о ней мы считаемъ излишнимъ. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, когда національная организація русскихъ капиталистовъ станетъ на прочную ногу и соберетъ достаточные фонды, она широко начнетъ примѣнять этотъ способъ борьбы, который въ Россіи облегчается для капиталистовъ специфическими условіями, высылкой безработныхъ на родину и другими мѣрами, ослабляющими способность рабочихъ къ сопротивленію.

Слѣдуетъ замѣтить, что европейскіе предпринимательскіе союзы организуютъ еще особые фонды для поддержки рабочихъ, не примыкающихъ къ стачкѣ, не участвующихъ ни въ какихъ рабочихъ союзахъ или же принадлежащихъ къ такъ называемымъ „желтымъ синдикатамъ“. Такимъ образомъ капиталъ создаетъ готовую къ его услугамъ экономическую „черную сотню“, во многихъ случаяхъ сливающуюся съ политической „черной сотней“ (антисемиты, націоналисты и „истинно-русскіе“ люди). Въ Россіи эта сторона дѣятельности предпринимательскихъ союзовъ получитъ, вѣроятно, особенно широкое примѣненіе, такъ какъ при этомъ фабриканты будутъ пользоваться полнымъ содѣйствіемъ центральной и мѣстной администраціи. Вотъ почему заявленіе г. Федорова на первомъ Съѣздѣ представителей промышленности и торговли, что „представителей капитала не можетъ не занимать самымъ живымъ образомъ *правильная* организація рабочихъ“, сразу внушило серьезныя опасенія друзьямъ трудящихся. Извѣстно, какъ предприниматели вкупѣ съ мѣстной администраціей организовывали „желтые синдикаты“ въ одесскомъ и новороссійскомъ пор-

Digitized by Google

тахъ; извѣстно, какъ польскіе національ-демократы, съ помощью католическаго духовенства и, въ данномъ случаѣ, въ полномъ единомысліи съ „москальской“ администраціей, организовали союзы рабочихъ-націоналистовъ, играющихъ родь штрейкбрехеровъ, доносчиковъ и усмирителей.

Несмотря на опасность, которою новая организація капиталистовъ угрожаетъ молодому рабочему движенію въ Россіи, нельзя не отмѣтить положительной стороны наблюдаемаго нами процесса перехода отъ допотопныхъ азіатскихъ методовъ борьбы къ современнымъ европейскимъ формамъ.

Это новое явленіе, несмотря на тревогу, которую оно въ насъ вызываетъ, свидѣтельствуетъ о завоеваніяхъ, сдѣланныхъ за послѣднее время русской общественной культурой. Въ жгучей атмосферѣ соціально-политическаго переустройства сравнительно быстро созрѣваетъ и отечественный капиталъ, торопящійся сбросить старозавѣтный кафтанъ и натянуть на себя европейскій фракъ. Пусть на этомъ фракѣ явственно видиѣется штемпель нѣмецкаго Гандельстага, пусть капиталъ во многихъ отношеніяхъ подражаетъ пріемамъ и тактикѣ своихъ рабовъ, въ гражданскомъ и политическомъ отношеніи созрѣвшихъ раньше его. Пусть! Но теперь положеніе вещей значительно измѣнилось. Уже одно то обстоятельство, что наши капиталисты, вообще наиболѣе отсталый въ политическомъ отношеніи слой, хотятъ рѣшать интересующіе ихъ вопросы собственными силами, не полагаясь на всевѣдѣніе попечительнаго начальства, служитъ вѣрнымъ показателемъ тѣхъ успѣховъ, которые за послѣдніе годы сдѣлало развитіе русской гражданственности.

Наши промышленники, до сихъ поръ ходившіе на помочахъ у правительства, какъ будто выросли изъ дѣтскихъ пеленокъ и пытаются стать на собственныя ноги. Они могли бы сказать словами одного изъ видныхъ нѣмецкихъ грюндеровъ: „Требованія труда намъ бываютъ иногда неудобны, но развѣ мы сами считаемся съ тѣмъ, пріятно ли потребителю, что мы поднимаемъ цѣны на желѣзо или сахаръ? Въ началѣ 70-хъ и даже въ 80-хъ гг. попытки законодателя оградить фабриканта отъ коллективныхъ запросовъ „рабочихъ рукъ“ еще были бы понятны, но теперь это положительно неумно, потому что, зачѣмъ ограждать насъ, когда мы сами умѣемъ за себя постоять? Наши картели и прочіе союзы представляютъ такую организацію предпріятій, противъ которой и хорошо дисциплинированные рабочіе союзы едва ли могутъ что-нибудь предпринять“.

Грубые пріемы физическаго насилія, свойственные старому режиму, суммарныя репрессіи, высылки и проч., вмѣшательство полиціи во взаимныя отношенія рабочихъ и хозяевъ, нарушая нормальный ходъ промышленной дѣятельности только вредятъ интересамъ капиталистовъ и часто вызываютъ ихъ негодованіе. Современная индустрія съ ея высоко развитою техникой, съ ея сло-

Digitized by Google

жнымъ чувствительнымъ организаціоннымъ аппаратомъ, требуетъ не только умственно развитыхъ рабочихъ, но и утонченныхъ способовъ воздѣйствія и борьбы. Поэтому при той высотѣ развитія, которой уже достигла современная русская промышленность, ея существованіе и развитіе несовмѣстимы съ дальнѣйшимъ сохраненіемъ прежнихъ формъ борьбы.

Событія послѣдняго времени (на многія изъ нихъ мы уже указали) показываютъ, что промышленники уже организуются помимо и въ сторонѣ отъ правительства. Вчерашнее „всероссійское купечество“ обратилось въ европензированное „третье сословіе“, говорящее умѣреннымъ, а иногда и требовательнымъ тономъ съ власть имущими, передъ которыми еще недавно оно дрожало и пресмыкалось во прахѣ. Вотъ что разсказываетъ органъ Совѣта Съѣздовъ о дѣятельности совѣта всероссійскаго общества льнопромышленниковъ; „совѣту всероссійскаго общества льнопромышленниковъ, имѣющаго задачей огражденіе, защиту и представительство общихъ интересовъ льняной промышленности, въ истекшемъ 1907 году по прежнему пришлось *вести борьбу съ Главнымъ Интендантствомъ*, стремящимся мало-по-малу вовсе вытѣснить льняныя ткани изъ обихода военнаго вѣдомства... Результатомъ ходатайствъ Совѣта явился созывъ въ мартѣ минувшаго года междувѣдомственнаго совѣщанія съ участіемъ представителей льняной и хлопчатобумажной промышленности. Однако, постановленія этого совѣщанія, въ которомъ нужды льняной промышленности нашли нѣкоторое признаніе, *не были выполнены* интендантствомъ по формальнымъ причинамъ, и совѣту общества и въ нынѣшнемъ году *предстоитъ бороться* за интересы охраняемой имъ промышленности... Наконецъ, совѣтъ общества *не могъ оставить безъ вниманія* и проектируемыхъ министерствомъ финансовъ реформъ подоходнаго налога, измѣненія способовъ взиманія земскихъ и городскихъ сборовъ и реорганизаціи промысловаго обложенія. Предположенія министерствъ въ этой области неоднократно служили предметомъ обсужденія въ засѣданіяхъ совѣта.

Мы видѣли, что организаціи капиталистовъ обѣщано было терпимое и даже покровительственное отношеніе правительства подъ условіемъ не касаться политическихъ вопросовъ. И Совѣтъ Съѣздовъ, кажется, искренно увѣренъ, что онъ, не въ примѣръ прочимъ, совершенно не занимается „политикой“. Въ дѣйствительности, конечно, дѣло обстоитъ нѣсколько иначе, и требуется нѣсколько примитивное пониманіе „политики“, чтобы держаться такой точки зрѣнія. Фактически, какъ мы видѣли, Совѣтъ Съѣздовъ, а при случаѣ и мѣстныя организаціи капиталистовъ—вмѣшиваются въ самыя разнообразныя проявленія внутренней и даже внѣшней политики, разъ только рѣчь идетъ объ интересахъ отечественнаго капитала, „святого процента“. Представители промышленности и торговли не стѣсняются прочесть министрамъ нотацію, если тѣ задѣваютъ ихъ интересы или не спрашиваютъ ихъ мнѣнія относительно проектируемыхъ мѣро-

Digitized by Google

пріятій, причемъ въ большинствѣ случаевъ организаціи капиталистовъ удается настоять на своемъ. Какъ въ Государственной Думѣ, такъ и въ Государственномъ Совѣтѣ капиталъ имѣетъ своихъ спеціальныхъ защитниковъ. Какъ извѣстно, изъ членовъ обоихъ законодательныхъ учрежденій образовалась особая Торгово-промышленная группа, въ которую вошли всѣ члены Государственнаго Совѣта, выбранные отъ торговли и промышленности, а также нѣсколько другихъ членовъ Совѣта, въ томъ числѣ гр. Витте, и многіе члены Государственной Думы, въ томъ числѣ баронъ Крюденеръ-Струве, А. И. Гучковъ и В. В. Жуковскій (когда рѣчь идетъ о защитѣ святого процента, г. Гучковъ и г. Жуковскій охотно забываютъ свои національно-политическіе счеты). Торгово-промышленная группа ставитъ себѣ задачей предварительное обсужденіе всѣхъ законопроектовъ, поступающихъ въ Государственную Думу и въ Государственный Совѣтъ по вопросамъ промышленности, торговли и финансовъ, а равно и всѣхъ вообще экономически-финансовыхъ вопросовъ. Эта группа тѣснѣйшимъ образомъ связана съ классовой организаціей капитала: она собирается въ помѣщеніи съѣздовъ представителей торговли и промышленности, а предсѣдательствуетъ въ ея собраніяхъ г. Авдаковъ, онъ же предсѣдатель Совѣта Съѣздовъ. Такимъ образомъ, торгово-промышленная группа является ничѣмъ инымъ, какъ политической представительницей классовыхъ интересовъ крупной буржуазіи.

Послѣ всего вышесказаннаго говорить объ аполитизмѣ классовой организаціи капитала было бы смѣшно. Но помимо того, въ силу естественной логики вещей, эта организація съ каждымъ днемъ должна все болѣе втягиваться въ политику, даже въ болѣе узкомъ и специфическомъ смыслѣ этого слова. Несмотря на то, что въ послѣднее время наблюдаются признаки, какъ бы свидѣтельствующіе о растущемъ вывозѣ нашихъ промышленныхъ продуктовъ за-границу (сахаръ, руда, уголь, желѣзо, рельсы), наши капиталисты понимаютъ, что въ ближайшемъ будущемъ серьезно разсчитывать на внѣшніе рынки они пока не могутъ. Остается все тотъ же внутренній рынокъ; но при современныхъ условіяхъ и, главнымъ образомъ, при нищетѣ многомилліонной крестьянской массы, этотъ рынокъ оказывается узкимъ, даже при сравнительно слабомъ развитіи русской индустріи. Расширеніе промышленности наталкивается на русское варварство, и какъ бы промышленники ни уклонялись отъ рѣшенія аграрнаго вопроса, чтобы не возстановить противъ себя „благородное сословіе“, но имъ придется волей-неволей обратить свое просвѣщенное вниманіе именно въ эту сторону. Сюда ихъ толкаютъ собственные здраво сознанные интересы: достаточно сказать, что въ нашей деревянной и соломенной странѣ уже замѣчается перепроизводство кровельнаго желѣза, и промышленникамъ не разъ придется вспомнить слова г. Крестовникова: „въ голодной странѣ никакое развитіе немыслимо“.

Digitized by Google

Но если промышленники пока не обнаруживают никакой охоты забираться въ осиное гнѣздо аграрнаго вопроса, если горнопромышленники уральской области выказываютъ даже склонность обобрать своихъ горнозаводскихъ крестьянъ, то тамъ, гдѣ задѣты ихъ интересы, они, напротивъ, ничуть не намѣрены считаться съ наслѣдственными привиллегіями родовой землевладѣльческой знати. Такъ, напримѣръ, XXXII-ой съѣздъ горнопромышленниковъ юга Россіи, обсуждая вопросъ объ отношеніяхъ горнопромышленныхъ предпріятій юга къ земскимъ и городскимъ самоуправленіямъ горнозаводскаго района, призналъ „необходимость установленія самаго широкаго и справедливаго представительства въ земскихъ учрежденіяхъ и *устраненія несправедливыхъ привиллегій* по представительству въ земскихъ собраніяхъ *землевладѣльческаго класса*, допущенныхъ въ дѣйствующемъ Положеніи и по проекту министерства внутреннихъ дѣлъ, и рѣшилъ въ виду сего возбудить ходатайство о томъ, чтобы представители совѣщательныхъ по торговлѣ и промышленности учрежденій были приглашены къ участію въ работахъ по пересмотру Положенія о земскихъ учрежденіяхъ".

Въ этой плоскости возможно столкновеніе между крупной буржуазіей и помѣстной аристократіей въ борьбѣ за власть. Но до послѣдняго времени оба эти основные элемента высшихъ классовъ въ Россіи умѣли полюбовно размежевываться и мирно дѣлить между собою господство надъ страной. До сихъ поръ вліяніе на политику правительства оказывалъ исключительно Объединенный Совѣтъ Дворянскихъ Обществъ, закулисная дѣятельность котораго сдѣлалась извѣстной благодаря похвальной откровенности дворянина Зыбина. Теперь наряду съ Совѣтомъ Объединенныхъ Дворянскихъ Обществъ становится Совѣтъ Съѣздовъ представителей промышленности и торговли, національная организація крупнаго капитала. Мы видѣли уже, какимъ широкимъ вліяніемъ на правительство пользуется эта новосозданная организація. И принимая во вниманіе процессъ экономической эволюціи въ Россіи, съ желѣзной необходимостью превращающій ее въ капиталистическую страну, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что недалекъ тотъ день, когда передъ ослѣпительнымъ блескомъ золотого тельца поблекнутъ и потускнѣютъ облинялые гербы аристократіи. И не даромъ Совѣтъ Съѣздовъ печатаетъ жирнымъ шрифтомъ во главѣ своего органа слѣдующія многознаменательныя строки: „Сельское хозяйство дало въ 1904 году цѣнностей на 5.492.000.000 рублей, а промышленность съ торговлей на 8.709.000.000 рублей. Промышленность и торговля доставляютъ средства къ существованію 30.000.000 душъ населенія Россіи".

И что важнѣе всего—старый господствующій классъ чувствуетъ, что жизненный нервъ его подорванъ, онъ ощущаетъ могильный холодъ въ костяхъ своихъ, въ то время какъ выступающій на историческую арену новый владыка жизни, капиталъ, сознаетъ, что каждый шагъ экономиче-

Digitized by Google

скаго прогресса вливаетъ въ его жилы новыя силы и увеличиваетъ твердость его поступи и увѣренность его дѣйствій.

Что же можетъ противопоставить этой гигантской силѣ концентрированнаго капитала русскій рабочій классъ? Въ состояніи ли его слабыя организаціи съ ихъ незначительными кассами успѣшно сопротивляться организованному и по европейски вымуштрованному капиталу? Можетъ ли онъ въ настоящее время разсчитывать, не говоримъ уже на поддержку, но просто на терпимость со стороны правящихъ сферъ? И какими средствами можетъ онъ предотвратить надвигающуюся на него грозную опасность со стороны объединенныхъ предпринимателей?

Эти вопросы достаточно поставить.

Ю. М. Стекловъ.

Digitized by Google

Литературные отклики.

Симптомы современныхъ переживаній и настроеній.

„Когда начинаются разсужденія о литературѣ и поэтическомъ творчествѣ, мною овладѣваетъ мучительная скука и безпомощная тоска... Критика, какъ критика, есть нонсенсъ".

Такъ сказалъ К. Д. Бальмонтъ, усаживаясь писать для „Золотого Руна" (№ 11—12 пр. года) критическую статью, посвященную оцѣнкѣ современной русской литературы.

Категорическій тонъ этихъ первыхъ вступительныхъ строкъ проходитъ черезъ всю критическую статью Бальмонта: онъ отнесся къ нашей художественной литературѣ съ суровымъ и рѣшительнымъ осужденіемъ. И такъ какъ въ былыя и даже не столь еще давнія времена Бальмонтъ былъ однимъ изъ самыхъ восторженныхъ поклонниковъ тѣхъ, кого онъ теперь безповоротно отвергаетъ, то, думаю, читатель не безъ интереса познакомится съ новыми взглядами нашего критика на явленія современной русской словесности.

О прозаикахъ Бальмонтъ говоритъ съ видимой неохотой. По его мнѣнію, они, „за двумя—тремя исключеніями, непристойны по своей повторности, по изношенности пріемовъ, по вульгарности своего языка... Оперный пѣвецъ русской прозы, Леонидъ Андреевъ сталъ вчерашнимъ днемъ, и потому его творчество какъ разъ подстать для большой международной публики. Для нея же пишетъ свои компилятивные романы Мережковскій. Зинаида Гиппіусъ безшумно увяла. Любопытны Зайцевъ и Ремизовъ, но не приковываютъ вниманія. Въ томъ или иномъ смыслѣ можно назвать еще нѣсколько именъ. Но здѣсь нѣтъ живого дуновенія"...

О современныхъ русскихъ поэтахъ Бальмонтъ также не высокаго мнѣнія. Однако онъ все-таки чего то ждетъ отъ нихъ. Отъ кого же? Отъ Брюсова? Но Брюсовъ „такъ весь проникся многоразличными вліяніями французской литературы, что, когда начинаешь выяснять, что есть собственно Валерій Брюсовъ", то... „въ смыслѣ элементовъ мало что находишь доподлинно Брюсовскаго". Вячеславъ Ивановъ—„книжникъ", и въ

Digitized by Google

огромномъ большинствѣ своихъ произведеній онъ—„не болѣе какъ словесникъ—дистилляторъ". Нѣсколько снисходительнѣе отнесся авторъ къ Сологубу, но и этотъ „по свойству своего обличія часто говоритъ не долженъ, а то впечатлѣніе получается не искомое". Блокъ неясенъ. Городецкій- „выпущенный изъ клѣтки щегленокъ", и о немъ пока много говорить нечего. Кузминъ—имитаторъ. Даже Андрей Бѣлый, къ поэтическому дарованію котораго Бальмонтъ еще такъ недавно относился почти съ обожаніемъ, теперь для него только „разудалый журналистъ" и „незначительный стихотворецъ".

Критическая статья Бальмонта далеко не охватываетъ нашей художественной литературы послѣдняго времени, въ ея наиболѣе замѣтныхъ проявленіяхъ. Многое она тенденціозно замалчиваетъ, а въ сказанномъ довольно явственно чувствуются мѣстами какія то затаенныя личныя обиды, какіе то личные счеты поэта. Но общее настроеніе критика найдетъ созвучные отклики въ каждомъ, кто интересуется нашей литературой, кто слѣдитъ за ея перемѣнчивыми судьбами. Общій итогъ статьи подведенъ чуткой и вдумчивой мыслью, и съ нимъ нельзя не согласиться. Въ области русскаго художественнаго творчества Бальмонтъ отмѣчаетъ именно наступленіе „мутной осени",—„нѣтъ, или мало, крупныхъ талантовъ; чрезвычайно много маленькихъ талантовъ и дарованьицъ, которыя, обрадовавшись готовымъ формуламъ, безъ конца занимаются словеснымъ спортомъ".

Да, при чрезвычайномъ изобиліи талантовъ по части художественной техники, замѣтно чувствуется оскудѣніе творческой энергіи. И это—особенность послѣ-революціоннаго періода нашей жизни.

Оглянитесь немного назадъ, и вы вспомните блестящую художественную производительность М. Горькаго. Вы вспомните яркую фигуру купца Маякина и всѣхъ этихъ „бывшихъ людей", обрѣвшихъ для себя такой эффектный эпилогъ—синтезъ въ драмѣ „На днѣ". Дальше вы вспомните тѣ нѣсколько большихъ и яркихъ полотенъ, въ которыхъ такъ правдиво отразились предъ-революціонныя переживанія нашей жизни,—„Поединокъ" Куприна, „Еврей" Юшкевича, „Страна отцовъ" Гусева-Оренбургскаго, „Василій Өивейскій" и „Красный смѣхъ" Леонида Андреева.

Но вотъ на облачномъ небѣ нашихъ пасмурныхъ дней заалѣлась заря революціи. Наступили дни, которые, казалось, въ одномъ властномъ и единодушномъ порывѣ объединили всю страну. Но не стойкимъ и не продолжительнымъ оказался этотъ энтузіазмъ. И наша художественная литература, обыкновенно очень чуткая ко всѣмъ общественнымъ переживаніямъ родины, на этотъ неожиданный приливъ революціонной волны успѣла откликнуться только лирикой.

Поэты, поспѣшая другъ передъ другомъ, настраивали свои лиры въ честь и славу революціи. И скоро въ огромной плеядѣ пѣвцовъ возмущенной стихіи оказались чуть ли не всѣ представители русской поэзіи. Пере-

Digitized by Google

городки, вчера еще наглухо отгораживавшіе декадентовъ и модернистовъ отъ поэтовъ старой школы, рухнули, и въ дружномъ хорѣ, восхвалявшемъ гимнъ революціи, слились голоса Якубовича и Брюсова, Тана и Бальмонта, Галиной и Минскаго, Лукьянова и Рукавишникова... Въ этомъ большомъ и разноликомъ хорѣ можно было увидѣть и новыхъ, мало чѣмъ до того проявившихъ себя поэтовъ, изъ которыхъ одинъ (Анаръ), обративъ на себя общее вниманіе восторженнымъ гимномъ революціи, такъ и замолкъ съ отливомъ стихіи, оставшись невѣдомымъ пѣвцомъ недоваго мѣсяца русскаго революціоннаго движенія.

Что же касается нашихъ беллетристовъ, то они просто не успѣли отразить въ своихъ картинахъ короткій моментъ революціоннаго подъема страны. Неожиданное зрѣлище пробужденнаго народа застало ихъ врасплохъ, а всматриваться въ эти какъ будто новыя лица было некогда да и нельзя,—ибо никто не могъ въ бурные дни первой революціонной вспышки оставаться зрителемъ. Можно было уйти въ ряды одной изъ борющихся партій, какъ сдѣлалъ это М. Горькій. Можно было превратиться въ лирическаго поэта, что случилось, напримѣръ, съ Гусевымъ-Оренбургскимъ, справившимъ чудную тризну въ первую годовщину 9-го января. Можно было сдѣлаться страстнымъ обличителемъ-корреспондентомъ, какъ это и сталось съ Куприннымъ, призваннымъ теперь къ отвѣтственности за севастопольскую корреспонденцію. Все можно было. Только нельзя было найти въ себѣ достаточнаго спокойствія для художественнаго созерцанія выбившейся изъ своихъ устоевъ жизни.

Выходъ, найденный Куприннымъ, пришелся по-сердцу нашимъ беллетристамъ. И когда изъ-за единодушія политическихъ лозунговъ обрисовались разнообразные, часто враждебные другъ другу соціальные интересы; когда контръ-революціонныя силы въ этомъ разнообразіи и враждѣ сознали прочную опору для своего рѣшительнаго выступленія,—тогда многіе, можетъ быть, даже большинство беллетристовъ, превратились въ корреспондентовъ. Но они не называли точно время и мѣсто дѣйствія изображаемыхъ ими событій; настоящія имена они заменяли вымышленными. Пытаясь дать „художественное обобщеніе“ какому-нибудь поразившему ихъ кровавому событію, они умышленно стирали съ него самыя яркія краски и превращали его въ блѣдную и фальшивую копію дѣйствительности. И въ то же время сама попытка обобщить необобщаемые патологическіе факты одичанія и озвѣренія производила отталкивающее впечатлѣніе лжи и грубой клеветы на человѣка.

Объединеніе лирики на почвѣ гражданскаго пафоса и превращеніе беллетристики въ политическую корреспонденцію—таковы наиболѣе характерные моменты въ переживаніяхъ нашей художественной литературы въ революціонный періодъ.

Но... „догорѣли огни“, допѣты торжественные гимны лириковъ, допи-

Digitized by Google

саны послѣдніе разсказы—корреспонденціи... Печать усталости и творческаго безсилія лежитъ на новой поэзіи и новой прозѣ. И тщетно отвращаютъ художники лицо свое отъ смутившей ихъ современности, тщетно замаскировываютъ они свое смущеніе нервной погонею за экзотическими сюжетами и формами,—жестокая правда не укроется отъ читателя. Не укроется отъ него и то, что такъ называемыя „исканія", которыми особенно гордятся отдѣльныя литературныя группы, въ значительной мѣрѣ являютъ собою поиски вчерашняго дня.

„Вчерашній день"—это выраженіе, какъ помнитъ читатель, принадлежитъ Бальмонту. Вчерашнимъ днемъ онъ назвалъ Леонида Андреева, и въ этомъ—самая крупная погрѣшность критической статьи Бальмонта. Потому что Андреевъ—какъ разъ именно нынѣшній день русской литературы и русской дѣйствительности. И въ этомъ его привлекательность и исключительный интересъ къ нему. Мрачныя произведенія Андреева болѣзненны, какъ болѣзненно и породившее ихъ время. Но если когда нибудь впослѣдствіи историкъ захочетъ ярко освѣтить наше время, захочетъ изучить его не только въ причинной цѣпи внѣшнихъ событій, но и во внутреннихъ переживаніяхъ живыхъ людей, то безъ помощи факела, который зажегъ Андреевъ, ему не удастся осуществить свое желаніе. При своемъ огромномъ талантѣ, Андреевъ остается вмѣстѣ съ тѣмъ единственнымъ пока художникомъ, отразившимъ наше время въ его больной мечтѣ („Къ звѣздамъ", „Савва") и въ его больномъ же разочарованіи („Такъ было", „Іуда", „Елеазаръ", „Тьма").

Какъ разъ на дняхъ только появилась удивительная исповѣдь, которая можетъ быть понята развѣ лишь при свѣтѣ Андреевскаго факела. Я говорю объ исповѣди публициста М. А. Энгельгарда („Свободн. Мысли", № 35).

Свои публицистическіе концерты Энгельгардъ все время давалъ на эсъ-эровской скрипкѣ. При этомъ, нажимомъ пальцевъ, онъ до послѣднихъ предѣловъ укорачивалъ струны и извлекалъ изъ нихъ звуки такого высокаго напряженія, что каждый разъ становилось страшно и за музыканта, у котораго вотъ-вотъ лопнутъ струны, и за слушателей, у которыхъ вотъ-вотъ лопнутъ барабанныя перепонки.

Пѣсни Энгельгарда, главнымъ образомъ, сводились къ тому, что русскій мужикъ—соціалистъ по своей природѣ и что не сегодня—завтра онъ, не смотря ни на что, оснуетъ волшебное царство соціализма... Струны не выдержали и лопнули. И теперь, вмѣсто того, чтобы винить въ этомъ несчастьи самого себя, Энгельгардъ, со свойственной ему рѣзкой грубостью, обрушивается на несчастный русскій народъ, не оправдавшій его ожиданій. Народъ нашъ—ругается публицистъ—вовсе не богатырь, а „фефела", не Илья Муромецъ, а „только Поприщинъ, который вообразилъ себя Фердинандомъ VII, королемъ испанскимъ, и давай чертить"... „Мы духали,

Digitized by Google

передъ нами вулканъ, онъ оказался пузырь. Пнулъ его носкомъ господскій сапогъ—и весь революціонный духъ изъ пузыря вонъ"...

И всю эту неистовую ругань Энгельгардъ выдаетъ теперь за „правду", которую мы „мужественно" должны изъ его рукъ принять.

И вѣдь, пожалуй, доля „правды" въ этой исповѣди дѣйствительно есть.

За нами только что окончившійся короткій, но значительный періодъ русской исторіи,—періодъ головокружительно высокихъ подъемовъ и бездонныхъ проваловъ, періодъ мечтательныхъ иллюзій и мрачныхъ разочарованій. Такова была жизнь. Андреевъ—ея художественное отображеніе. Энгельгардъ—карикатура на нее.

Наша революція была собственно конвульсивнымъ движеніемъ соціальнаго организма, изжившаго тѣ формы произвола и насилія, которыя государство культивировало въ затянувшійся у насъ періодъ капиталистическаго накопленія. Ничего новаго въ міровую сокровищницу идей мы не внесли и только почти повторили у себя, повторили болѣе страстно и болѣе болѣзненно, германскую революцію 1848 г. Повидимому, и наша литература по-революціоннаго періода собирается повторить исторію нѣмецкой литературы 50-хъ и 60-хъ гг. прошлаго столѣтія.

Эти два десятилѣтія, по свидѣтельству Рихарда Мейера, были отмѣчены полной безцвѣтностью нѣмецкой художественной литературы. Національный творческій геній какъ бы изсякъ на время въ этой области. Правда, и въ этомъ періодѣ появилось въ Германіи много новыхъ талантовъ, но они шли проторенными раньше путями и не создали ничего новаго, ничего оригинальнаго. И то, чего недоставало художникамъ,—даръ наблюдательности и критики, въ сочетаніи съ творческой силой воображенія—переходитъ теперь въ распоряженіе научной мысли и дѣятельности. Здѣсь появляются теперь такія крупныя (epochemachende) фигуры, какъ Момсенъ и Буркгардтъ, и произведенія такого значенія, какое имѣли труды Геттнера, Грегоровіуса и Куно Фишера [1]).

Было бы смѣшно, конечно, гадать теперь о появленіи у насъ собственныхъ Момсеновъ и Куно Фишеровъ. Но говорить о пробужденіи у насъ серьезнаго интереса къ гуманитарному знанію уже можно. Одинъ только прошлый годъ выдвинулъ цѣлый рядъ серьезныхъ работъ въ этой области. Назовемъ, напримѣръ, обширныя, широко задуманныя: „Исторію Россіи въ XIX вѣкѣ" въ изданіи Граната и „Исторію русской литературы" подъ редакціей Аничкова, Вороздина и Овсянико-Куликовскаго. Назовемъ отдѣльныя изданія историко-литературныхъ изслѣдованій того же Овсянико-Куликовскаго, Венгерова, Н. А. Котляревскаго, Гершензона, Иванова Ра-

---

[1]) Dr. Richard M. Meyer. „Die deutsche Litteratur des XIX Jahrhunderts". Berlin. 1900 г. См. стр. 509 и слѣд.

Digitized by Google

зуминка. И надобно замѣтить, что труды эти не только издаются, но и хорошо расходятся,—предложеніе пошло на встрѣчу уже существующему и осознанному спросу.

Заговоривъ о пробужденіомъ и обострившемся интересѣ къ гуманитарнымъ знаніямъ, нельзя обойти молчаніемъ и такого характернаго въ этой области симптома, какимъ является учрежденіе въ Петербургѣ кружка имени А. И. Герцена.

Симптоматическое значеніе этого кружка даже, такъ сказать, раздвояется въ моихъ глазахъ. Я вижу въ немъ симптомъ—воспользуюсь медицинской терминологіей—не только объективнаго, но и субъективнаго значенія: не только симптомъ *интереса*, но и симптомъ *настроенія*. Иначе говоря, мнѣ сильно сдается, что въ научные интересы кружка въ значительной долѣ привходятъ жгучіе элементы злободневности.

Рядомъ съ кружкомъ имени Герцена я представляю себѣ такіе же кружки имени Пушкина; имени Бѣлинскаго, котораго, кстати сказать, Тургеневъ совершенно справедливо считалъ „центральной фигурой“; имени Чернышевскаго... Ихъ нѣтъ, этихъ кружковъ, но они могли бы быть, они могутъ быть. Но дѣло въ томъ, что такіе кружки едва-ли способны были бы въ данный моментъ создать вокругъ себя ту атмосферу нравственнаго притяженія, какую создалъ кружокъ имени Герцена, при самомъ своемъ возникновеніи втянувшій въ себя самыхъ разнообразныхъ представителей политической мысли. Любовная память къ благородному „рыцарю истины“,—какъ самъ себя назвалъ Герценъ—разбила партійныя узы и объединила ищущихъ въ одномъ тѣсномъ кружкѣ.

Въ рѣчи, произнесенной въ кружкѣ 9-го января (напечатана въ № 8 „Рѣчи“), П. Б. Струве сдѣлалъ интересную попытку выявить и формулировать то основное, чѣмъ Герценъ „милъ намъ, дорогъ, великъ и вѣченъ“. Струве полагаетъ, что ему удалось найти „одно слово, которымъ можно, правда блѣдно и бѣдно, сказать, чѣмъ же былъ Герценъ. Это слово: *свобода*“.

„Герценъ—говорилъ Струве—былъ воплощеніемъ свободы, какъ вѣчной стихіи человѣческаго духа. Онъ всегда боролся, всегда сомнѣвался, всегда искалъ—и въ этой борьбѣ съ другими и съ собой, въ этихъ исканіяхъ всегда былъ свободенъ.

„Это—человѣческій типъ, которому ничто человѣческое не чуждо, все понятно, но который самъ неспособенъ быть однимъ—деспотомъ. Герценъ понималъ даже деспотизмъ,—вспомните, какъ говорилъ онъ о Петрѣ Великомъ. Но деспотизмъ былъ для него внутренне чуждой стихіей. Вотъ почему у Герцена было такое отталкиваніе отъ тончайшей, наиболѣе духовной формы деспотизма, отъ догматизма. Такіе люди способны на всякую страсть,

Digitized by Google

кромѣ самой жестокой — догматической. Такіе люди иногда умираютъ на баррикадахъ, но они никогда не призываютъ другихъ на баррикады и не тащатъ ихъ на эшафотъ".

„Одинъ изъ національныхъ героевъ духа, Герценъ не принадлежитъ къ какой-либо партіи и какому-либо направленію. Не готовыя рѣшенія и утвержденные рецепты, а духъ свободы и культуры и сіяніе красоты обрѣтаемъ мы въ его твореніяхъ."

Рѣчь Струве, не чуждая злободневныхъ намековъ даже въ приведенныхъ здѣсь небольшихъ извлеченіяхъ изъ нея, заканчивается прямымъ обращеніемъ къ современности:

„Русскіе люди—изъ всѣхъ человѣческихъ стихій—съ наибольшею страстью искали свободы и всего полнѣе извѣдали и испили деспотизма. Не только въ смыслѣ политическомъ, но и въ смыслѣ духовномъ. Самый послѣдній перегонъ нашей исторіи, тотъ, отъ котораго мы теперь отдыхаемъ въ еще болѣе утомительномъ затишьѣ, измоталъ насъ всяческимъ деспотизмомъ. Здоровый инстинктъ толкаетъ насъ искать возрожденія въ свободѣ. Въ такое время тѣснѣйшее духовное общеніе съ Герценомъ и его твореніями будетъ обращеніемъ къ подлинному источнику воды живой."

Можно любить Герцена. Я не знаю даже, можно ли не любить его. Можно считать его великимъ и вѣчнымъ, потому что величіемъ неумирающаго духа вѣетъ со страницъ его правдивой исповѣди,— его книгъ,— развертывающихъ потрясающую трагедію мятежной, ищущей мысли. И все же не въ его твореніяхъ надо искать „подлиннаго источника воды живой".

Бѣлинскій сравниваетъ гдѣ-то свое поколѣніе съ израильтянами, блуждающими по степи въ тщетныхъ поискахъ обѣтованной земли. Герцена можно было бы назвать Моисеемъ этого поколѣнія; Іисусомъ Навиномъ во всякомъ случаѣ онъ не былъ.

Искусно построенная характеристика Герцена въ рѣчи Струве грѣшитъ, мнѣ кажется, однимъ весьма существеннымъ недостаткомъ: ораторъ далъ слову „свобода" слишкомъ широкое, слишкомъ распространительное толкованіе. Невольно вспомнился старинный анекдотъ о „свободномъ" извощикѣ, котораго какіе то шалуны заставляли кричать „ура" въ честь свободы.

Въ самомъ дѣлѣ. Въ освѣщеніи Струве свобода Герцена пріобрѣтаетъ удивительно красивую видимость. Можно подумать, что это былъ какой то особенно пріятный даръ, которымъ боги осчастливили Герцена и которому мы, простые смертные, пренебреженные небожителями, можемъ только завидовать.

Но вѣдь въ дѣйствительности было совсѣмъ не то. Идеализируемая Струве свобода въ дѣйствительности была для Герцена не даромъ, а проклятіемъ,—сплошной драмой его жизни. И напрасно Струве противопоставляетъ Герцена Достоевскому, который „искалъ Бога и боролся съ нимъ,—

Digitized by Google

но всегда съ чуждою Герцену догматическою страстью обрѣсти окончательное, послѣднее, покоряющее, освобождающее отъ исканій рѣшеніе". Исканія Герцена лежали не въ той плоскости, гдѣ искалъ Достоевскій, но то, что Струве называетъ „догматическою страстью", не могло быть чуждо Герцену.

Догматъ есть конечная цѣль всякаго исканія. И о „догматической страстности" Герцена можно судить по тѣмъ мѣнявшимся догматамъ, которые—по его же собственнымъ признаніямъ—служили маяками на его трудномъ, извилистомъ пути. Да, этотъ, по Струве, далекій отъ догматизма человѣкъ, страстно жаждалъ „послѣдняго и окончательнаго" догмата. Ему не удалось обрѣсти таковой, но не онъ ли, начавъ съ догмата Запада, въ который увѣровалъ, „какъ христіане вѣрятъ въ рай", кончилъ догматомъ русскаго мессіянизма?

„Врагъ мистицизма и абсолютизма, ты—писалъ Герцену Тургеневъ:—мистически преклоняешься передъ русскимъ тулупомъ и въ немъ то видишь великую благодать и новизну и оригинальность будущихъ общественныхъ формъ—das Absolute—однимъ словомъ—то самое Absolute, надъ которымъ ты такъ смѣешься въ философіи. Всѣ твои идолы разбиты, а безъ идола жить нельзя,—такъ давай воздвигать алтарь этому новому невѣдомому богу, благо о немъ почти ничего не извѣстно—и опять можно молиться, и вѣрить, и ждать"...

Итакъ, *рай*—на меньшемъ не мирился Герценъ—вотъ его догматъ, его абсолютъ. Сначала рай въ далекой, неизвѣстной Европѣ, въ концѣ—рай опять-таки въ далекой и неизвѣстной Россіи. Это были два полюса, двѣ снѣговыя вершины, у подножья которыхъ лежала скорбная долина разочарованія. Съ одной изъ этихъ вершинъ, подобно грозной всеразрушающей лавинѣ, скатилась мысль Герцена для того, чтобы потомъ изнемочь въ тщетныхъ усиліяхъ преодолѣть другую.

И здѣсь-то, въ долинѣ, стѣсненной двумя колоссальными горными кряжами, Струве увидѣлъ и радостно привѣтствовалъ „свободнаго" Герцена.

И развѣ, въ самомъ дѣлѣ, не здѣсь получилъ Герценъ ту свободу, которую такъ славитъ Струве?

Когда-то, познакомившись съ ранними произведеніями Герцена, Бѣлинскій воскликнулъ: „У него страшно много ума, такъ много, что я не знаю, зачѣмъ его столько одному человѣку!" И вотъ теперь этотъ умъ, слишкомъ большой умъ для одного человѣка, пытливый, глубокій и отважный умъ, вдругъ, силою той страшной стихіи, которая зовется исторіей, оказался выбитымъ изъ завоеванныхъ было позицій и низвергнутымъ въ пропасть. Казалось, что страстная мечта жизни, наконецъ, близка къ воплощенію, что одинъ только шагъ остается до сверкающей вершины... и вдругъ вмѣсто лучезарнаго царства свободы—тѣ же отточенные солдатскіе штыки, только теперь направляемые рукою новаго властелина; вмѣсто соціализма—пошлая бухгалтерія буржуазной конторы".

Digitized by Google

Западъ горько обманулъ революціонныя иллюзіи Герцена, и добровольный изгнанникъ почувствовалъ себя въ чужомъ для него мірѣ безъ дороги, безъ выхода.

„Безъ выхода". Вѣдь это какъ разъ то положеніе, въ какомъ объявилъ себя Энгельгардъ. „Совсѣмъ, какъ Герценъ"—можетъ онъ сказать про себя. Совсѣмъ, да не очень. Герценъ не посыпалъ пепломъ свою главу, не выходилъ въ рубищѣ нищаго на большую дорогу для слезливаго покоянія. Онъ съ гордостью побѣжденнаго, но не сдавшагося сказалъ про себя: „признать, что никакого выхода нѣтъ,—тоже выходъ". Вотъ гдѣ сказалась дѣйствительно мужественная и свободная мысль Герцена. Но такая свобода покупается черезъ-чуръ дорогою цѣною.

Въ 1851 г. Герцена постигло тяжелое горе: въ морѣ погибли его мать и младшій сынъ. Мнѣ это событіе представлялось всегда полнымъ символическаго значенія. Потому что не является ли вся жизнь Герцена непрерывнымъ рядомъ подобныхъ крушеній, жестоко разбивавшихъ наиболѣе дорогія ему иллюзіи?

Со свойственнымъ его разсказу трепетаніемъ глубокой правды пережитаго подводитъ онъ въ „Западныхъ Арабескахъ" печальные итоги:

„Камня на камнѣ не осталось отъ прежней жизни. Я уже не жду ничего; ничто, послѣ видѣннаго и испытаннаго мной, не удивитъ и не обрадуетъ глубоко; удивленіе и радость обузданы воспоминаніями былого, страхомъ будущаго. Почти все стало мнѣ безразлично, и я равно не желаю ни завтра умереть, ни очень долго жить; пускай себѣ конецъ придетъ такъ же случайно и безсмысленно, какъ начало. А вѣдь я нашелъ все, чего искалъ, даже признаніе со стороны стараго себялюбиваго міра—да рядомъ съ этимъ утрату всѣхъ вѣрованій, всѣхъ благъ".

Послѣ этой трогательной исповѣди перечитайте вновь тѣ строки дневника, гдѣ молодой, жизнерадостный Герценъ провозглашаетъ, что „цѣль жизни—жизнь"; что въ „полнотѣ наслажденія" каждой минутой, каждымъ увлеченіемъ—счастье. Съ юношескимъ задоромъ вооружается онъ здѣсь противъ всякихъ „фантомовъ", мѣшающихъ „полнотѣ наслажденія" проходящей минутой, и призываетъ къ сліянію съ общей жизнью.

И въ результатѣ—неудавшаяся, разбитая жизнь. Вмѣсто сліянія съ общей жизнью—одиночество, а на склонѣ дней—даже брошенность. И основною причиною этого безпримѣрнаго крушенія цѣлой программы—лживый „фантомъ".

Собственно говоря, сліяніе съ общей жизнью—это была задача, вообще непосильная для Герцена во всѣ періоды его жизни.

Русскій баринъ, щедро надѣленный природою острымъ, испытующимъ умомъ, онъ слишкомъ пристально разглядывалъ приближающихся къ нему людей, чтобы не замѣчать ихъ индивидуальныхъ недостатковъ. Безпощадный къ самому себѣ, онъ не имѣлъ основаній щадить и другихъ. И какъ

Digitized by Google

это ни странно, одной изъ основныхъ причинъ его добровольной эмиграціи послужило то обстоятельство, что ему стали „противны“ въ Москвѣ „даже люди выше обыкновенныхъ“. А вѣдь только съ такими, такъ сказать, высшаго сорта людьми, Герценъ и находился въ общеніи въ это время. Но они ему надоѣли теперь, и недостатки ихъ нервируютъ его: „этотъ суетный, сорокалѣтній парень Хомяковъ, просмѣявшійся цѣлую жизнь и ловившій нелѣпый призракъ русско-византійской церкви“, Аксаковъ, „безумный о Москвѣ“, даже „благородный и чистый“ Чаадаевъ кажется ему теперь приниженнымъ „тяжелой атмосферой сѣвера“ до уровня „ничтожной жизни маленькихъ преній“ и пустыхъ ненужныхъ словъ. „Чѣмъ больше, чѣмъ внимательнѣе всматриваешься въ лучшихъ, благороднѣйшихъ людей,—писалъ тогда въ дневникѣ Герценъ,—тѣмъ яснѣе видишь, что это неестественное распаденіе съ жизнью ведетъ къ идіосинкразіямъ, ко всякимъ субъективнымъ блажнямъ“.

За-границу Герцену посчастливилось попасть въ моментъ, какъ нельзя болѣе благопріятный для осуществленія поставленной имъ себѣ задачи—сліянія съ общей жизнью. Но здѣсь-то и произошло крушеніе его завѣтнѣйшей мечты.

Правда, онъ не сторонился событій. Онъ принималъ въ нихъ живое и дѣятельное участіе, но это участіе оставалось почти исключительно теоретическимъ. Правда, онъ вошелъ здѣсь въ общеніе съ выдающимися общественными и литературными дѣятелями чуть ли не всѣхъ европейскихъ народностей и государствъ. Его замѣчательныя характеристики многихъ изъ нихъ хранятъ объ этомъ яркое воспоминаніе. Но, поглощенный непрерывающейся внутренней работой, онъ не останавливаетъ, не удерживаетъ ихъ, и они—по скорбно-ироническому замѣчанію его жены—проходятъ мимо, разнообразные, какъ „арлекины“, мелькающіе, какъ „китайскія тѣни“. Не самъ онъ собираетъ вокругъ себя этихъ людей,—событія пропускали ихъ мимо Герцена. И когда вызвавшія ихъ событія закончились, вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилось и мельканіе „китайскихъ тѣней“ вокругъ Герцена.

Но если общеніе съ выдающимися людьми Европы могло по крайней мѣрѣ создать иллюзію сліянія съ общей жизнью, то отношеніе Герцена къ европейскимъ массамъ окончательно уничтожало эту иллюзію. Вѣдь онѣ, эти массы, превратили чудный „рай“ Герцена въ базаръ, въ мелочную лавку. И за это личное ему, Герцену, оскорбленіе онъ заклеймилъ эти массы, заклеймилъ всю буржуазную культуру Запада хлесткимъ, ядовитымъ словечкомъ: „мѣщанство“. Это была месть титана: всю силу своей разрушительной критики, все богатство своего неподражаемаго стиля, весь свой смертоносный сарказмъ, все пустилъ въ ходъ Герценъ, чтобы заглушить боль причиненной ему обиды. И дѣйствительно, страницы, посвященныя

Digitized by Google

нимъ западно-европейскому „мѣщанству“, поражаютъ беззавѣтной страстностью наносимыхъ ударовъ. Это даже не бичь, а скорпіоны сатиры.

Нельзя однако не отмѣтить удивительной судьбы этой сатиры. Она имѣла и, какъ я сейчасъ покажу, имѣетъ колоссальнѣйшій успѣхъ у насъ, у которыхъ собственно для скорпіоновъ Герцена нѣтъ достаточнаго примѣненія. А между тѣмъ въ Западной Европѣ, для которой скорпіоны эти исключительно и предназначались, сатира не произвела эффекта. Пусть кто нибудь другой освѣтитъ этимъ вопросъ съ точки зрѣнія толстокожести европейскаго мѣщанина, а я пока укажу на основную ошибку сатиры.

Энергія, вложенная Герценомъ въ сатиру, не поддается измѣренію. Ударъ сатиры могъ бы быть смертоноснымъ, если бы онъ былъ направленъ въ какую нибудь опредѣленную точку. Но русскій варваръ, которому „исторія ничего не завѣщала“, не разсчиталъ своихъ силъ и размахнулся черезъ чуръ широко. Нацѣлившись въ европейскую буржуазію, онъ широкимъ русскимъ размахомъ ударилъ по всему культурному человѣчеству, и, конечно, человѣчество даже не узнало о томъ, что кто-то собирается его зашибить.

Вотъ, напримѣръ, нѣсколько строкъ изъ одной такой сатиры:

„Всѣ партіи и оттѣнки мало-по-малу раздѣлились въ мірѣ мѣщанскомъ на два главные стана: съ одной стороны, мѣщане-собственники, упорно отказывающіеся поступиться своими монополіями, съ другой — неимущіе мѣщане, которые хотятъ вырвать изъ рукъ ихъ достояніе, но не имѣютъ силы, т. е. съ одной стороны скупость, съ другой—зависть. Такъ какъ дѣйствительно нравственнаго начала во всемъ этомъ нѣтъ, то и мѣсто лица въ той или другой сторонѣ опредѣляется внѣшними условіями состоянія—общественнаго положенія“.

Итакъ, стало быть, имущіе и неимущіе, собственники и пролетаріи, всѣ они мѣщане; ихъ характеръ противенъ, тѣсенъ для искусства; ихъ нивелирующаяся посредственность стираетъ личность, губитъ все индивидуальное.

Гдѣ же, однако, не—мѣщане? Увы, ихъ нѣтъ совсѣмъ на бѣломъ свѣтѣ. Они могли бы, пожалуй, отыскаться въ европейскомъ „раю“ Герцена, но, за упраздненіемъ рая, они насильственно прекратили свое существованіе.

Чувствую что, заговоривъ объ исторической личности Герцена, я начинаю трактовать эту неприкосновенную для злободневности фигуру въ злободневномъ тонѣ. Быть можетъ, читатель замѣтилъ эту мою непростительную оплошность раньше меня. Жалѣю, что онъ не могъ во время остановить меня. Теперь же я могу сказать только одно: виновенъ, но заслуживаю снисхожденія. И право свое на снисхожденіе я основываю на томъ, что современная литература, опередивъ Струве, самостоятельно обрати-

Digitized by Google

лась къ Герцену, какъ къ „подлинному источнику воды живой“, и черпаетъ изъ этого источника наиболѣе замутившіяся его струи.

Вотъ предо мной лежатъ два солидныхъ тома (800 страницъ) „Исторіи русской общественной мысли“ Иванова-Разумника. Въ теченіе прошлаго года работа эта потребовала двухъ изданій,—она нашла широкую дорогу къ читателю. И дѣйствительно, нельзя не отнестись съ почтеніемъ къ огромному труду, вложенному авторомъ въ эту книгу. Нельзя не оцѣнить того серьезнаго вниманія, съ какимъ подходитъ Ивановъ-Разумникъ къ каждому изъ разсматриваемыхъ имъ авторовъ. И тѣмъ не менѣе, нельзя не отнестись съ полнымъ отрицаніемъ къ этой работѣ, цѣликомъ построенной на расплывающемся положеніи Герцена объ анти-культурной миссіи мѣщанства.

Подзаголовокъ книги Иванова-Разумника точнѣе опредѣляетъ ея содержаніе: „Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX в.“ Цѣль книги—выяснить взаимоотношеніе между литературой и средой.

Литература, по Иванову-Разумнику,—это органъ, въ которомъ выражаетъ себя интеллигенція,—„Евангеліе русской интеллигенціи“. Среда—это мѣщанство, а мѣщанство—„это *узость, плоскость и безличность* (курсивъ Иванова-Разумника), узость формы, плоскость содержанія и безличность духа“. Вся исторія нашей литературы представляется автору непрерывной борьбой интеллигенціи и мѣщанства—„это двѣ силы, дѣйствующія въ діаметрально противоположенныхъ направленіяхъ, двѣ непримиримо враждебныя силы: мѣщанство—это та среда, въ неустанной борьбѣ съ которой происходилъ процессъ развитія русской интеллигенціи. *Борьба съ мѣщанствомъ*—подчеркиваетъ авторъ—вотъ та точка зрѣнія, съ которой мы будемъ изучать содержаніе исторіи русской интеллигенціи, процессъ ея развитія (т. I, стр. 16)“.

Сатира Герцена легла въ основу научнаго историческаго изслѣдованія,—случай, мнѣ кажется, исключительный въ области научнаго мышленія.

Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ двумя враждебными силами,—съ интеллигенціей и мѣщанствомъ. Мы встрѣчаемся съ ними на каждой страницѣ обширной работы Иванова-Разумника и вправѣ потребовать отъ него возможно точнаго ихъ опредѣленія. Въ только что приведенномъ здѣсь положеніи автора силы эти представлены намъ въ весьма загадочномъ, мистическомъ свѣтѣ. Мѣщанство узко, плоско, безлично. Пусть такъ. Но почему же и какими таинственными процессами это безличное мѣщанство съ такимъ упорнымъ постоянствомъ систематически выдѣляетъ изъ своей среды и на свою же голову непримиримыхъ враговъ себѣ? И мало того, что

Digitized by Google

выдѣляетъ,—вѣнчаетъ лаврами наиболѣе сильныхъ изъ нихъ, окружаетъ ихъ почетомъ, создаетъ славу?

Увы! Этотъ таинственный процессъ взаимодѣйствія среды и ея интеллигенціи остается скрытымъ въ изслѣдованіи Иванова-Разумника. Авторъ старательно обходитъ этотъ кардинальный вопросъ своей темы, и въ его представленіи мѣщанство и интеллигенція стоятъ особнякомъ, въ вѣковѣчной враждѣ другъ съ другомъ. Мѣщанство само по себѣ, интеллигенція сама по себѣ. Мѣщанство опредѣляется тѣмъ, что „интеллигенція не входитъ въ эту группу", а интеллигенція тѣмъ, что „въ группу интеллигенціи не входятъ мѣщане" (стр. 14). Общее же между ними то, что обѣ эти группы „преемственныя, внѣклассовыя и внѣсословныя". Далѣе мы узнаемъ, что „мѣщанство, въ противоположность интеллигенціи, должно (!) характеризоваться отсутствіемъ творчества, отсутствіемъ активности; новые идеалы, новыя формы, активное проведеніе ихъ—все это несвойственно мѣщанству". Напротивъ, интеллигенція характеризуется „творчествомъ новыхъ формъ и *активнымъ* проведеніемъ ихъ въ жизнь *въ направленіи* (курсивъ въ обоихъ случаяхъ принадлежитъ Ив.-Разумнику) къ физическому и умственному, общественному и личному освобожденію личности". Словомъ, творчество русской интеллигенціи состоитъ въ ея „борьбѣ за индивидуальность".

Съ такими безформенными опредѣленіями основныхъ своихъ положеній приступилъ Ивановъ-Разумникъ къ научной исторической работѣ. Разумѣется, она не удалась ему. Вмѣсто „исторіи общественной мысли" вышла сказка про бѣлаго бычка, съ безконечными повтореніями, не только не уясняющими, но все больше и больше запутывающими смутную мысль автора. Читатель помнитъ, конечно, что въ сказкѣ о бычкѣ все разнообразіе утомительнаго разсказа сводится къ перемѣнамъ окраски животнаго:—сначала рѣчь идетъ о бѣломъ бычкѣ, потомъ о черномъ, о рыжемъ. При достаточномъ терпѣніи разсказчика и слушателя, бычокъ въ дальнѣйшемъ теченіи повѣствованія окрашивается, наконецъ, въ цвѣта фантастическіе и во всякомъ случаѣ совершенно несвойственные скромному четвероногому. Точь въ точь такой же передѣлкѣ подвергаетъ Ивановъ Разумникъ въ своей работѣ содержаніе „индивидуализма", который, какъ признакъ, всюду сопутствуетъ у него русской интеллигенціи. Индивидуализмъ этическій, соціологическій, философскій, этико-соціологическій, эстетическій, метафизическій, религіозный, гносеологическій и т. д. и т. д. пестритъ на страницахъ „исторіи" Иванова Разумника, но отъ этого она не перестаетъ быть невразумительной, а главное, скучной.

На пространствѣ двухъ увѣсистыхъ томовъ Ивановъ-Разумникъ далъ только одну веселую страничку и ту онъ, должно быть, въ цѣляхъ эффектнаго заключенія своего изслѣдованія, приберегъ къ самому концу книги.

„Ортодоксальные русскіе марксисты—утверждаетъ Ивановъ-Разумникъ—

Digitized by Google

пророчатъ русской интеллигенціи быстрое увяданіе и вымираніе. Интеллигенція, говорятъ они, должна испытать процессъ разложенія и смерти, будучи такимъ же застарѣлымъ пережиткомъ до-конституціоннаго строя, какъ и поземельная община: вѣдь на Западѣ теперь нѣтъ ни общины, ни „интеллигенціи“, въ ея русскомъ значеніи... Мы не стоимъ на такой точкѣ зрѣнія, такъ какъ не считаемъ сильнымъ аргументомъ старое, истрепанное положеніе: на Западѣ когда-то *было* то, что у насъ теперь *есть* а слѣдовательно у насъ когда-нибудь *будетъ* то, что есть теперь на Западѣ... По-истинѣ, удивительный силлогизмъ!.. Вотъ почему мы не придаемъ вѣса ихъ кассандровскимъ пророчествамъ о грядущей скорой гибели русской внѣсословной и внѣклассовой интеллигенціи; наоборотъ, мы предвидимъ дальнѣйшій ростъ и разцвѣтъ этой интеллигенціи, къ которой мы хотѣли бы имѣть право приложить знакомыя намъ слова: ея прошлое—изумительно, ея будущее—невообразимо“...

Вотъ вѣдь какимъ напослѣдокъ шутникомъ оказался Ивановъ-Разумникъ!—Мало ему показалось собственнаго „невообразимаго“ толкованія интеллигенціи, такъ онъ еще и русскому марксизму навязываетъ какую-то невообразимую чепуху и даже полемизируетъ съ ней.

Гдѣ и когда „ортодоксальные русскіе марксисты“ пророчили русской интеллигенціи „быстрое увяданіе и умираніе“? Гдѣ и когда сопоставляли они судьбу интеллигенціи съ судьбами русской общины? Гдѣ и когда строили они тѣ „по-истинѣ, удивительные силлогизмы“, которые имъ приписываетъ Ивановъ-Разумникъ?

Нигдѣ и никогда—долженъ будетъ отвѣтить намъ самъ авторъ этой игривой выходки. Вѣдь онъ, такъ добросовѣстно-точно цитирующій чужія слова, старательно сопровождающій каждую взятую имъ цитату ссылкой на соотвѣтствующаго автора и даже на страницу, здѣсь въ интерпретаціи марксистской позиціи, даже не намекнулъ о томъ, отъ кого онъ могъ слышать весь этотъ вздоръ.

Конечно, это была невинная шутка автора. Я увѣренъ въ этомъ тѣмъ болѣе, что марксистская точка зрѣнія на этотъ сложный для Иванова-Разумника вопросъ очень проста и легко усвояема. Надобно только признать, что русская интеллигенція—не ананасъ, а остальное дастся затѣмъ само собою. Въ самомъ дѣлѣ, разъ только допустить, что интеллигенція—не ананасъ, что ее не привозятъ къ намъ изъ заморскихъ странъ, то затѣмъ уже придется признать ее доморощеннымъ продуктомъ данной соціальной среды. Въ средѣ, мало дифференцированной, интеллигенція представляется болѣе или менѣе однороднымъ, компактнымъ цѣлымъ. По мѣрѣ дифференціаціи среды дифференцируются и ея интеллектуальныя силы, ея интеллигенція. Не о гибели, нѣтъ,—о ростѣ интеллигенціи, въ связи съ культурной эволюціей человѣчества, могутъ говорить

Digitized by Google

марксисты, но, разумѣется, „интеллигенція“ въ ихъ представленіи мало похожа на „невообразимый“ ананасъ Иванова-Разумника.

Отъ тяжеловѣснаго историческаго изслѣдованія Иванова-Разумника, которое читается съ трудомъ, требуя частыхъ и продолжительныхъ отдыховъ, я непосредственно перейду къ критическимъ очеркамъ К. Чуковскаго: „Отъ Чехова до нашихъ дней“. Живо написанная книжка Чуковскаго, въ противоположность изслѣдованію Иванова-Разумника, читается чрезвычайно легко: я лично потратилъ на ея прочтеніе ровно часъ времени. И все-таки между обоими этими авторами чувствуется несомнѣнная связь.

Чуковскій—Никодимъ Иванова-Разумника, тайный ученикъ его. Тайный,—потому что, воспринявъ отъ Иванова-Разумника, а черезъ него, слѣдовательно, и отъ Герцена, смутныя представленія о мѣщанствѣ, объ интеллигенціи и индивидуализмѣ, Чуковскій почему-то стыдится открыто признать своихъ учителей. Такъ, имя Иванова-Разумника ни разу не названо въ книгѣ. О Герценѣ онъ вспоминаетъ какъ-то мимоходомъ, вскользь, притомъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ бы слѣдовало. Тамъ же, гдѣ слѣдуетъ, Чуковскій почему-то прячетъ Герцена.

Въ первой же статьѣ сборника („А. Чеховъ“) Чуковскій говоритъ о перемѣщеніи центра тяжести русской исторіи въ города. „Одно изъ первыхъ дѣлъ города заключалась въ томъ—поясняетъ авторъ,—что господинъ превратился въ хозяина, въ городского собственника, въ мѣщанина. Съ его приходомъ дворянская, помѣщичья, „рыцарская честь замѣнилась бухгалтерской честностью, гордость—обидчивостью, изящные нравы—нравами чинными, вѣжливость—чопорностью, парки—огородами, дворцы—гостинницами, открытыми для всѣхъ, т. е. для всѣхъ имѣющихъ деньги“.

Чуковскій, по какимъ-то, одному ему извѣстнымъ соображеніямъ, умолчалъ о томъ, что все, отмѣченное имъ кавычками, и кое-что, не отмѣченное имъ этимъ знакомъ, принадлежитъ Герцену и относится къ феодальному рыцарству З. Европы.

А вѣдь иной наивный читатель подумаетъ, что авторъ цитируетъ собственныя свои раннія произведенія; подумаетъ и удивится: о какомъ-такомъ русскомъ рыцарствѣ, котораго у насъ никогда не было, трактуетъ Чуковскій?

Ученикъ Иванова-Разумника, Чуковскій не просто копируетъ учителя, но, проявляя значительную долю самостоятельности, кое въ чемъ дополняетъ и даже, по своему, исправляетъ учителя. Такъ, къ 1001 виду индивидуализма Иванова-Разумника онъ прибавляетъ два-три собственныхъ, новыхъ,—напримѣръ, мѣщанствующій индивидуализмъ, ложный индивидуализмъ. Исправляя учителя, Чуковскій утверждаетъ, что въ нашей

Digitized by Google

послѣ-чеховской литературѣ утвердилась „мѣщанственность“, и что эта самая мѣщанственность,—здѣсь Чуковскій высказывается совсѣмъ на-перекоръ учителю —пользуется индивидуализмомъ, какъ наиболѣе „присущей русскому мѣщанству формой“. Впрочемъ, пятью строками ниже Чуковскій, какъ бы испугавшись такой явной ереси, беретъ свои слова назадъ и обвиняетъ послѣ-чеховскую литературу въ „полнѣйшемъ забвеніи“ индивидуализма (стр. 10 и 11).

Само собою разумѣется, что подобнаго свойства дополненія и поправки къ исторической системѣ Иванова-Разумника не только не помогли его талантливому ученику, но, напротивъ, окончательно смутили и запутали его. Смущенностью Чуковскаго только и можно объяснить, такой, напримѣръ, казусъ, что на небольшомъ пространствѣ своей книжечки критикъ не одинъ разъ высказываетъ положенія, взаимно другъ друга исключающія.

Примѣры:

На стр. 70-й Чуковскій рѣзко обрушивается на М. Горькаго за обнаруженное этимъ писателемъ, по мнѣнію критика, „неуваженіе къ личности“. Горькій—возмущается критикъ — „придавилъ свою личность, съузилъ ее, обкарналъ—и не только свою, но и личность всѣхъ тѣхъ, кого онъ вывелъ въ своихъ писаніяхъ, отнимая у тѣхъ конкретныя черты“. Горькій „высказываетъ полнѣйшее равнодушіе къ человѣку конкретному, къ неповторяемой живой личности“.

На стр. 121-й тотъ же критикъ, во имя страстной любви своей къ живой личности и къ русской литературѣ, обрушивается, опять же за „неуваженіе къ личности“, на Бориса Зайцева. Но на этомъ разъ, въ противовѣсъ и въ поученіе молодому художнику, онъ выдвигаетъ М. Горькаго, который, по глубокому убѣжденію критика, „во главу угла полагаетъ личность, конкретную, вотъ эту, съ такими-то глазами, съ такими-то мыслями“.

Съ такою же рѣшительною категоричностью и съ такою же легкомысленной небрежностью говоритъ Чуковскій объ индивидуализмѣ Горькаго. Вмѣстѣ съ Арцыбашевымъ, Каменскимъ, Юшкевичемъ, Кузминымъ и другими, М. Горькій сопричисленъ критикомъ къ представителямъ „ложнаго индивидуализма“. Въ предисловіи Горькій объявленъ „мѣщаниномъ съ головы до ногъ“. Но, если вы дойдете до страницы 126-й книги, вы увидите тамъ Горькаго уже въ роли представителя „этическаго индивидуализма“. А между тѣмъ, по „системѣ“ Чуковскаго, „ложный индивидуализмъ“ отличается отъ „этическаго“ какими-то весьма и весьма существенными признаками. Ибо онъ душевно скорбитъ о „кризисѣ этическаго индивидуализма“ и мечетъ громы искреннѣйшаго негодованія по адресу „ложнаго индивидуализма“.

Я почти не сомнѣваюсь въ томъ, что, если написанныя выше строки

Digitized by Google

когда-нибудь попадутся на глаза Чуковскому, то онъ покраснѣетъ отъ стыда... не за себя, конечно, не за свои критическіе промахи, а за меня, за мой педантизмъ.

— „Эка невидаль—противорѣчія!—скажетъ онъ, вѣроятно:—таково ужъ свойство нашихъ капризныхъ впечатлѣній. А вѣдь впечатлѣніями, только впечатлѣніями долженъ быть занятъ современный критикъ. Когда я началъ писать о Горькомъ, на дворѣ стояла отвратительная погода, у меня былъ насморкъ (объ этомъ даже въ „Календарѣ писателя“ было пропечатано), вотъ и получалось впечатлѣніе о Горькомъ, какъ о ненавистникѣ живого, конкретнаго человѣка. Черезъ три дня небо прояснилось, я поправился и даже получилъ въ редакціи авансъ, и все это не могло не настроить меня на болѣе миролюбивый ладъ. Ничего удивительнаго въ этой смѣнѣ настроеній нѣтъ, и только какой-нибудь журнальный педантъ можетъ не оцѣнить моего живого отношенія къ дѣлу.“

Да, Чуковскій—критикъ „новой школы“. Вмѣстѣ со своими „молодыми“ товарищами онъ любитъ противопоставлять пріемы новыхъ критиковъ „отжившей и увядающей старой критикѣ“ или, по ихъ терминологіи, „критикѣ толстыхъ журналовъ“: ей—„время тлѣть“, а имъ—„цвѣсти“. Ихъ интересуетъ не произведеніе художника, а ихъ собственное мимолетное впечатлѣніе, которое сейчасъ же, послѣ минутнаго раздумья, можетъ радикальнѣйшимъ образомъ измѣниться; имъ часто нѣтъ никакого дѣла до дѣйствительнаго, живого облика писателя,—ихъ больше занимаютъ тѣ, бульварнаго парижскаго стиля, vies imaginaires, въ которыхъ серьезное изученіе писателя замѣняется необузданнымъ разгуломъ фантазіи критика.

Почти на дняхъ только, на почвѣ такого пониманія критики, завязался на страницахъ столичной прессы любопытный споръ. Одинъ изъ „новыхъ“ критиковъ, Максимиліанъ Волошинъ, начерталъ въ „Руси“ довольно-таки удивительный портретъ Валерія Брюсова. Выходило такъ, что поэтъ родился и выросъ у дверей публичнаго дома, и что это обстоятельство разъ и навсегда опредѣлило отношеніе поэта къ женщинѣ, какъ къ проституткѣ. Внѣ проституціи Брюсовъ не можетъ мыслить женщину ни въ современности, ни даже въ прошломъ и будущемъ.

Брюсовъ сдѣлалъ было попытку указать на непристойность подобной „критики“, но встрѣтилъ со стороны Волошина энергичный и стойкій отпоръ: современной критикъ не обязанъ-де копаться въ біографіи и въ произведеніяхъ писателей; заглаза достаточно съ нихъ и того, что критикъ, даетъ себѣ трудъ сочинить ихъ vies imaginaires.

И, вѣдь, замѣтьте, что Максимиліанъ Волошинъ сочинилъ этотъ занимательный некрологъ Брюсова отъ избытка самыхъ благородныхъ чувствъ, потому что онъ—поклонникъ поэта. А вотъ Чуковскій подошелъ съ тѣми же пріемами критики къ Горькому съ другими побужденіями, и по-

Digitized by Google

этому имъ написанная vie imaginaire Горькаго (стр. 65 и др.) производитъ еще болѣе тяжелое впечатлѣніе.

Изъ писателей, подвергнутыхъ оцѣнкѣ въ книгѣ Чуковскаго, я остановился главнымъ образомъ на Горькомъ съ предвзятымъ намѣреніемъ. Одна огромная полоса въ художественной дѣятельности Горькаго можетъ считаться вполнѣ законченной. И казалось что критикъ, хотя бы даже и самой новѣйшей школы, могъ успѣть составить себѣ болѣе или менѣе опредѣленный взглядъ на пройденный уже писателемъ путь, внѣ зависимости отъ капризовъ петербургской погоды. Чуковскій этого сдѣлать не успѣлъ. И теперь, демонстрировавъ безпомощность критика въ его одной оцѣнкѣ, я чувствую себя вправѣ, не приводя дальнѣйшихъ доказательствъ, коротко, въ двухъ словахъ, высказать свое мнѣніе о всей книгѣ Чуковскаго:—она феноменальна по количеству собраннаго въ ней легкомыслія.

Мелькаютъ имена, мелькаютъ остроты, среди которыхъ не мало удачныхъ, мелькаютъ коротенькія, отрывочныя мысли, изъ которыхъ многія обнаруживаютъ порою недюжинную наблюдательность автора, но все это—и имена, и остроты, и мысли—какъ-то плохо цѣпляются другъ за друга. Нѣтъ связи, а въ замѣчаніяхъ автора, даже въ наиболѣе цѣнныхъ изъ нихъ, чувствуется, что они скользятъ по гладкой поверхности, не имѣя силы пробить ее и проникнуть въ глубину вопроса.

Лучше другихъ удались Чуковскому литературные портреты Бальмонта и Дымова. Характеристику этого послѣдняго писателя нельзя не назвать даже блестящей, такъ что Чуковскій, впредь до завоеванія иныхъ литературныхъ лавровъ, смѣло могъ бы претендовать на всеобщее признаніе за нимъ почетнаго титула:—„критикъ Дымова“.

Вл. Кранихфельдъ.

Digitized by Google

За рубежомъ.

I

Вмѣсто вступленія.

Захваченные вихремъ событій въ своей родной странѣ, мы въ послѣдніе годы мало слѣдили за тѣмъ, что происходило за рубежомъ. Мы не только мало интересовались, мало считались съ богатымъ опытомъ западно-европейскихъ странъ,—мы мнили пойти своимъ особымъ „самобытнымъ“ путемъ, мы, которые такъ много боролись, такъ много высмѣивали тѣхъ, кто говорилъ о самобытныхъ судьбахъ, самобытной исторической миссіи Россіи и славянства. „Ученики“, тѣ самые ученики, которыхъ поносили за „рабское подражаніе германскимъ образцамъ“, за „слѣпое перенесеніе“ западныхъ ученій на русскую почву, не считаясь ни съ ея общественно-экономическимъ укладомъ, ни съ многовѣковыми русскими традиціями, ни съ психологіей русскаго крестьянства,—эти ученики горделиво заявляли, что „гнилой Западъ“ съ его „жалкимъ парламентаризмомъ“ Россіи не указъ, что Россія именно въ виду совсѣмъ особенныхъ русскихъ отношеній, произведетъ совершенно особенную революцію. Сколько бумаги было изведено, сколько силъ было потрачено на споры о томъ, какъ болѣе точно опредѣлить характеръ русской революціи: буржуазная ли она просто, или буржуазная съ сильно выраженнымъ соціальнымъ содержаніемъ, или какая-нибудь иная. И страстность этихъ споровъ, и слабое знакомство въ Европѣ съ подлинной русской дѣйствительностью, и составъ первыхъ двухъ Госуд. Думъ ввели въ заблужденіе даже очень опытныхъ и очень осторожныхъ западно-европейскихъ писателей, и мы видѣли, какъ на страницахъ „Neue Zeit“ не кто иной, какъ Карлъ Каутскій, дѣлалъ чудеса теоретическихъ построеній, историческихъ сопоставленій и просто фантастическихъ измышленій, чтобы опредѣлить ту линію между „буржуазнымъ“ и „соціальнымъ“, по которой идетъ россійская революція.

Исторія, съ которой мы такъ легкомысленно расправлялись, призвала насъ, выражаясь парламентскимъ языкомъ, къ порядку.

Digitized by Google

О, я вовсе не хочу преувеличивать ни роль „личности“, ни роль имѣвшихся въ Россіи партійныхъ организацій въ ходѣ событій, съ такой быстротой смѣнявшихъ другъ друга въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ. Я знаю, что, волей-неволей, они вынуждены были приспособляться къ „ситуаціямъ“, которыя повелительно преподносила имъ историческая дѣйствительность. Наоборотъ, если русская революція доказала что-нибудь,—и доказала блестяще,—такъ это именно очень слабую „творческую“ роль личности въ исторіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что если бы въ Россіи больше считались съ „теоріей“, выработанной на Западѣ, которая имѣетъ то преимущество, что она не выдумана, не сочинена, а вся вытекла изъ практики, является лишь ея обобщеніемъ, то этимъ избѣгнуто были бы много ошибокъ, которыя такъ щедро нагромождались другъ на другѣ.

Перестраивать дѣйствительность можно лишь оставаясь на почвѣ этой дѣйствительности, беря ее отправнымъ пунктомъ для всѣхъ дѣйствій, ни на минуту не отрываясь отъ нея. И именно поэтому, между прочимъ, каждый народъ долженъ собственными усиліями добывать себѣ свой опытъ. Строй современнаго общества, въ общемъ и цѣломъ, одинаковъ во всѣхъ капиталистическихъ странахъ; отношенія, устанавливающіяся между различными классами современнаго общества, въ общемъ и цѣломъ, тоже одинаковы. Но комбинаціи этихъ отношеній чрезвычайно разнообразны въ зависимости отъ данной ступени экономическаго и правового положенія данной страны. Понятно, что и воздѣйствія на дѣйствительность со стороны разныхъ общественныхъ классовъ, борющихся за свои интересы,—чрезвычайно разнообразны. Поэтому опытъ другихъ странъ никогда не можетъ переноситься въ готовомъ видѣ, въ видѣ точно выработанныхъ формулъ. Но этотъ опытъ всегда даетъ ключъ къ тому, чтобы ориентироваться въ лабиринтѣ событій, въ которомъ мы, въ противномъ случаѣ, терялись бы, какъ заблудившійся въ лѣсу.

Вотъ съ этимъ-то опытомъ и нужно намъ опять начать считаться, какъ считались мы съ нимъ въ наше „до-революціонное“ время,—но считаться уже не для построеній болѣе или менѣе публицистическаго или дидактическаго характера, а для практическихъ дѣйствій. Было время, когда „иностранные отдѣлы“ въ газетахъ и журналахъ служили тѣмъ клапаномъ, который позволялъ проводить наиболѣе завѣтныя идеи разнообразныхъ теченій нашей оппозиціи. Въ журнальныхъ и газетныхъ корреспонденціяхъ знакомили русскую читающую публику съ западно-европейскимъ рабочимъ движеніемъ, съ конституціонными формами жизни; картины европейской общественности „между строкъ“ противоставляли россійскому произволу и безправію; удачно подобраннымъ и надлежаще освѣщеннымъ примѣромъ свободныхъ странъ оттѣняли и критиковали факты россійской дѣйствительности. Какую огромную культурно-политическую роль играли

Digitized by Google

эти корреспонденціи изъ за-границы, показываетъ то, какъ разнообразные слои общества цѣнили берлинскія письма покойнаго Іоллоса, которому удалось въ теченіе пятнадцати лѣтъ систематически знакомить своихъ читателей съ обще-германской и прусской общественной и политической жизнью. Но—надо же правду сказать—публицистическія и дидактическія цѣли, которыя преслѣдовались въ „иностранныхъ отдѣлахъ“ нашихъ періодическихъ органовъ, накладывали сильный отпечатокъ на соотвѣтствующихъ статьяхъ. Этими цѣлями обусловливались часто и выборъ темъ, и ихъ освѣщеніе. Отрицательныя стороны свободно-буржуазныхъ формъ жизни или совсѣмъ замалчивались или окрашивались въ розовыя краски. О движеніяхъ народныхъ массъ, неудачно начатыхъ или приводившихъ къ неблагопріятнымъ результатамъ, считалось „нетактичнымъ“ разсказывать русскому читателю. Положительнымъ сторонамъ такъ называемаго правового строя придавалось преувеличенное значеніе. Пишущій эти строки можетъ по личному опыту засвидѣтельствовать, что не разъ редакціи передовыхъ органовъ отказывались печатать правдиво разсказанный и освѣщенный отчетъ о довольно важныхъ событіяхъ только потому, что недостаточно подготовленный читатель могъ бы ошибочно оцѣнить статью и сдѣлать неблагопріятныя для конституціонныхъ и демократическихъ началъ обобщенія. Словомъ, западно-европейскій „опытъ“ преподносили русскому читателю въ болѣе или менѣе „обработанномъ“ видѣ, примѣнительно къ тѣмъ пропагандистскимъ цѣлямъ, которыя стояли на первомъ планѣ. Но при такихъ условіяхъ, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ фактовъ, умышленно замалчивавшихся, затушевывалась и вся сложность конкретной политической дѣйствительности. Изъ всей массы фактовъ, изъ которыхъ составляется эта дѣйствительность, выбирались наиболѣе удобные для обработки въ желательномъ направленіи.

Теперь намъ нужно совсѣмъ не то. Мы только что пережили періодъ большихъ надеждъ и большихъ разочарованій. Во многомъ мы вернулись къ до-октябрьскимъ днямъ; кое въ чемъ мы шарахнулись еще дальше назадъ. Но не безслѣдно прошли пережитые годы. Какъ бы далеко не шагнула реакція, ей не вычеркнуть ни изъ нашей исторіи, ни изъ сознанія современнаго поколѣнія того, что мы пережили за это время. Не возстановить ей во всей красѣ и стараго порядка. Какъ бы притуплены ни были новыя орудія общественнаго воздѣйствія, мы ихъ все же сохранили еще и сохранимъ и впредь. Мы все же имѣемъ хотя бы нѣкоторыя открыто дѣйствующія политическія партіи. Пусть однѣ изъ нихъ снова отброшены разрастающейся реакціей въ подполье, но наличность политической организаціи однихъ классовъ населенія не можетъ остаться безъ вліянія на другіе классы. Мы имѣемъ печать, которая, какъ бы произвольно и сурово-придирчиво ни преслѣдовалась она, все же значительно свободнѣе, чѣмъ при старомъ режимѣ. Мы имѣемъ Государственную Думу, которая,

Digitized by Google

даже и приручённая, покорная, съ большинствомъ изъ представителей привилегированныхъ классовъ, не можетъ не поднимать и ставить хотя бы на нѣкоторое обсужденіе вопросы, касающіеся разнообразныхъ сторонъ общественно-политической жизни страны, начиная съ формы государственнаго устройства и кончая произвольными дѣйствіями администраціи. Мы имѣемъ въ этой Думѣ, въ которой ad hoc изданный избирательный законъ механически отдаетъ большинство привилегированнымъ классамъ, представителей и демократическихъ слоевъ населенія, вплоть до-незначительной, правда—соціалъ-демократической фракціи, избранной подъ развернутымъ знаменемъ рабочей партіи. Въ то же время въ широкихъ кругахъ населенія привилась или прививается привычка къ нѣкоторымъ формамъ культурныхъ и профессіональныхъ организацій. Все это создаетъ почву хотя бы для ограниченно-открытой общественно-политической жизни. Но дѣйствовать на этой почвѣ будетъ чрезвычайно трудно. Нужно много вѣры въ дѣло свободы, много выдержки, терпѣнія, энергіи. И нужно неизмѣнно сохранять живую связь съ реальной дѣйствительностью—conditio sine qua non всякой дѣйствительной общественно-политической дѣятельности.

И въ этомъ отношеніи западно-европейскій опытъ можетъ намъ сослужить большую службу. Но теперь этотъ опытъ намъ нуженъ уже не для распространенія идей только, а главнымъ образомъ для практическихъ дѣйствій. И для того, чтобы онъ могъ намъ служить, мы должны его воспринимать уже не въ томъ болѣе или менѣе симплицизированномъ видѣ, въ которомъ намъ преподносили его въ до-октябрьскіе дни, а во всей его жизненной сложности. Намъ нѣтъ надобности скрывать или хотя бы только затушевывать отрицательныя стороны буржуазно-правового строя западно-европейскихъ государствъ,—наоборотъ, мы должны ихъ вскрывать во всемъ ихъ неприглядномъ свѣтѣ и выяснять себѣ во всѣхъ подробностяхъ, какъ отстаивающая свои интересы демократія борется съ ними изо-дня въ день, при всякихъ условіяхъ. Намъ не нужно рисовать въ излишне радужныхъ краскахъ западно-европейскія формы жизни. Не легко давалось, не легко дается и теперь каждое новое завоеваніе, будь то въ области соціальной, политической и культурной, даже и въ самыхъ свободныхъ странахъ. Столько всякихъ „пріобрѣтенныхъ правъ“—пріобрѣтенныхъ разными путями—поднимается противъ всякой попытки измѣненія старыхъ формъ жизни и созданія новыхъ, что только напряженіемъ усилій всѣхъ группъ, населенія, заинтересованныхъ въ данной реформѣ, только умѣлой координаціей ихъ дѣйствій обыкновенно удается достигнуть какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ. Исторія всѣхъ извѣстныхъ намъ политическихъ переустройствъ, всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ реформъ, произведенныхъ въ западно-европейскихъ странахъ за послѣднія десятилѣтія, служитъ этому прекраснымъ доказательствомъ. А это-то главнымъ образомъ

Digitized by Google

и забывали всѣ тѣ, что меланхолически твердятъ теперь о „разбитомъ корытѣ“.

Положеніе дѣлъ, создавшееся въ Россіи,—законъ 3-го іюня и составъ Думы, полученный благодаря этому закону,—выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о демократизаціи избирательнаго права. Весьма вѣроятно, что именно на этомъ вопросѣ прежде всего сосредоточится постепенно вновь пробуждающееся вниманіе широкихъ народныхъ массъ. „Зарубежный“ опытъ въ этомъ отношеніи очень богатъ. Послѣдніе два года вообще ознаменовались не только въ Европѣ, но даже отчасти и въ Азіи широкою борьбою за демократизацію государственнаго строя вообще, избирательнаго права въ частности. Конституціонный строй введенъ и недавно восторжествовалъ противъ попытки реакціонной реставраціи въ Персіи, подготовляется въ Китаѣ и Турціи. Избирательныя системы болѣе или менѣе широко демократизированы уже—или реформа ихъ находится еще въ періодѣ парламентскаго обсужденія въ Австріи, Финляндіи, Швеціи, Норвегіи, Венгріи Голландіи. Въ другихъ странахъ, какъ Пруссія и Португалія, идетъ болѣе или менѣе удачное собираніе силъ для надвигающейся борьбы за эту же реформу. Въ то же время начинаетъ дѣлать успѣхи и распространеніе избирательнаго права на женскую половину человѣчества (Финляндія, Норвегія; въ Голландіи соотвѣтствующій законопроектъ вносится правительствомъ). Слѣдить за подобными движеніями, выяснять ходъ изъ развитія, указывать, какія комбинаціи силъ приводятъ къ ихъ положительному исходу и, наоборотъ, какими причинами обусловливается ихъ неудача,—является, конечно, одной изъ главныхъ задачъ обзоровъ „зарубежной“ жизни.

Но этимъ, разумѣется, задача „иностранныхъ отдѣловъ“ не исчерпывается. Если въ странахъ съ развитымъ парламентскимъ режимомъ формальное конституціонное право лишь крайне рѣдко подвергается измѣненію, то содержаніе его медленно, но постепенно расширяется — и расширяется оно въ пользу народнаго представительства. Даже и въ той области, которую исполнительная власть наиболѣе ревниво охраняла отъ вмѣшательства народнаго представительства—въ области внѣшней политики—парламенты начинаютъ обнаруживать свое, все болѣе возрастающее вліяніе, и не столько путемъ запросовъ, которые, въ сущности, никогда не были дѣйствительнымъ средствомъ оказывать давленіе на правительство въ области иностранной политики, сколько черезъ спеціальныя парламентскія группы, въ которыхъ представлены самыя разнообразныя политическія партіи. Извѣстно, напр., какую вліятельную роль сыграли соотвѣтствующія группы французской палаты депутатовъ и англійской палаты общинъ сперва на выясненіе и устраненіе тѣхъ враждебныхъ отношеній между этими двумя странами, которыя искусственно созданы были агрессивной колоніальной политикой оппортунистическихъ министерствъ, а затѣмъ и на постепенное

Digitized by Google

установленіе и укрѣпленіе между ними „entente cordiale", которая, въ свою очередь, послужила отправнымъ пунктомъ для новыхъ международныхъ группировокъ не только въ Европѣ, но и на всемъ земномъ шарѣ. А черезъ парламентскія политическія группы оказываютъ свое вліяніе на ходъ международной политики и внѣ-парламентскія организованныя общественныя силы. Такъ, въ агитаціи за установленіе соглашенія между Англіей и Франціей инціатива принадлежала англійскимъ трэдъ-юніонамъ и французскимъ рабочимъ синдикатамъ, взаимными демонстративными визитами и удачно составленными манифестами обратившими вниманіе широкихъ слоевъ населенія на этотъ вопросъ.

Съ другой стороны, и въ области чисто административныхъ функцій исполнительной власти народное представительство все болѣе и болѣе ощутительно оказываетъ свое вліяніе въ странахъ съ утвердившимся парламентскимъ режимомъ. Здѣсь парламентскіе запросы имѣютъ уже гораздо болѣе дѣйствительное значеніе; но, помимо запросовъ и рядомъ съ ними, представленныя въ парламентѣ партіи оказываютъ давленіе на правительства путемъ частныхъ переговоровъ съ президентомъ совѣта министровъ или съ соотвѣтствующимъ министромъ.

Такимъ образомъ, мы несомнѣнно присутствуемъ при постепенномъ крушеніи традиціонной теоріи о раздѣленіи властей и при столь же постепенномъ подчиненіи исполнительной власти народному представительству. И такое измѣненіе отношеній тѣмъ болѣе осуществляется безъ особенныхъ треній и конфликтовъ, что обѣ власти одинаково признаютъ своимъ источникомъ—суверенную волю народа. Слѣдить за этой эволюціей и отмѣчать различные ея моменты—вотъ еще важная задача, которую долженъ имѣть въ виду „иностранный отдѣлъ"

Международная политика — вотъ область, за которою „иностранный отдѣлъ" долженъ особенно внимательно слѣдить въ настоящее время. Русскій народъ слишкомъ дорого заплатилъ за свое индифферентное отношеніе къ внѣшней политикѣ стараго режима. Милліардами народныхъ денегъ, сотнями тысячъ молодыхъ жизней купилъ онъ себѣ право—и обязаность—зорко слѣдить за возможными авантюрами, которыя также неожиданно для него могутъ разразиться, если не въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ. Правда, соглашеніями съ Японіей и Англіей, если не окончательно ликвидировавшими, то, во всякомъ случаѣ отодвинувшими на задній планъ вопросы о Кореѣ, о „незамерзающемъ портѣ" въ Тихомъ океанѣ, о Тибетѣ и опредѣлившими „сферы вліянія" въ Персіи, какъ будто надолго устранены причины возможныхъ новыхъ авантюръ; но кто поручится за то, что онѣ не возникнутъ на „ближнемъ Востокѣ"? Не менѣе важною областью внѣшней политики являются торговые договоры, которые оказываютъ такое большое вліяніе на хозяйственную жизнь страны.

Въ странахъ, гдѣ правительства въ большей или меньшей степени под-

Digitized by Google

чинены контролю народнаго представительства и общественнаго мнѣнія вообще, авантюристская внѣшняя политика, конечно, встрѣчаетъ, какъ въ настоящее время во Франціи, сильный отпоръ со стороны демократической части народнаго представительства. Внѣшняя политика, почти исключительно имѣющая въ виду отстаиваніе и охрану интересовъ всѣхъ видовъ капитала, такъ тѣсно связана съ политикой внутренней, съ экономическимъ положеніемъ страны и интересами трудящихся слоевъ населенія, что демократія вообще, соціалъ-демократія въ частности слѣдятъ со все большею и большею зоркостью за всѣми перипетіями дипломатическихъ сношеній, поскольку, конечно, они доступны общественному мнѣнію страны. И примѣръ германской демократіи, которая въ моментъ чуть было не вспыхнувшей новой войны между Германіей и Франціей изъ-за Марокко сумѣла оказать благотворное давленіе на правительство, показываетъ, что даже въ странахъ съ мало зависимымъ отъ народнаго представительства правительствомъ общественное мнѣніе въ состояніи оказать соотвѣтствующее давленіе на профессіональную дипломатію, когда оно имѣетъ возможность оцѣнить причину конфликта.

Не послѣднее мѣсто въ иностранномъ отдѣлѣ должны занимать различныя формы рабочаго движенія. Это движеніе всюду встрѣчало на своемъ пути много препятствій и внѣшняго, и внутренняго характера. Въ Россіи эти препятствія особенно сильны и подчасъ кажутся прямо непреодолимыми. Помимо затрудненій, которыя рабочее движеніе встрѣчаетъ со стороны предпринимательскаго класса и государства, оно стоитъ передъ почти неразрѣшимой въ своей внутренней противорѣчивости задачей: необходимостью съ самыхъ первыхъ шаговъ своего развитія, съ одной стороны, въ той или другой формѣ „сотрудничать“ съ другими классами для достиженія необходимыхъ ему даже и самыхъ элементарныхъ политическихъ свободъ; съ другой — не только отмежевывать себя отъ всѣхъ другихъ классовъ, но и возможно рѣзче противопоставлять себя имъ — во имя созданія и укрѣпленія той организованной силы, которая могла бы бороться за постепенное осуществленіе его ближайшихъ и конечныхъ цѣлей. Если теоретически это внутреннее противорѣчіе разрѣшается довольно легко, то практически оно наталкивается на трудно преодолимыя препятствія не только въ Россіи, гдѣ оно не завоевало себѣ даже права на легальное существованіе, но даже и на Западѣ, гдѣ оно существуетъ и развивается уже не со вчерашняго дня и гдѣ свобода организацій, профессіональныхъ и политическихъ, свобода слова, собраній, печати являются мощными орудіями въ дѣлѣ правильнаго развитія и сочетанія различныхъ формъ рабочаго движенія.

На этой-то почвѣ и возникъ въ Европѣ чрезвычайно важный и сложный вопросъ, который служилъ въ послѣдніе годы, служитъ еще въ настоящее время предметомъ горячаго и всесторонняго обсужденія въ европейской партійной

Digitized by Google

и профессіональной печати,—вопросъ объ отношеніяхъ, организаціонныхъ и идейныхъ, которыя слѣдуетъ устанавливать между рабочими партіями и рабочими профессіональными союзами. Въ нѣкоторыхъ странахъ (скандинавскихъ) этотъ вопросъ рѣшенъ въ смыслѣ почти полнаго сліянія этихъ двухъ формъ движенія; въ другихъ (Австрія, отчасти Бельгія и Швейцарія)—установились между ними болѣе или менѣе тѣсныя идейныя и, отчасти, организаціонныя связи; въ третьихъ, наконецъ (Франція, Италія) онѣ не только обособлены другъ отъ друга, но находятся между собою во враждебныхъ отношеніяхъ временами переходящихъ въ открытую борьбу.

II.

Борьба за всеобщее избирательное право въ Пруссіи.

Самымъ крупнымъ явленіемъ „зарубежной“ жизни истекшаго мѣсяца является, несомнѣнно, начавшаяся въ Пруссіи кампанія въ пользу отмѣны существующей цензово-классовой избирательной системы и введенія всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права съ тайною подачею голосовъ. Впервые съ 1848 года на улицахъ Берлина демонстрировали огромныя толпы народа, требовавшія демократизаціи государственнаго строя. За столицею послѣдовали другіе города, и если въ нихъ не было уличныхъ столкновеній съ полиціею (если не считать легкихъ стычекъ въ Кельнѣ и Франкфуртѣ-на-Майнѣ), то возбужденіе не только среди рабочихъ, но и среди другихъ болѣе или менѣе демократическихъ слоевъ населенія нисколько не уступаетъ тому, которое можно было наблюдать въ столицѣ. Въ настоящее время на улицахъ спокойно, — „порядокъ возстановленъ“. Но даже бѣглаго просмотра германскихъ газетъ достаточно, чтобы убѣдиться, что мы присутствуемъ при зарожденіи широкаго народнаго и общественнаго движенія, которое, все углубляясь и расширяясь, приведетъ, сразу или частями, къ отмѣнѣ избирательной системы, которая по справедливости считалась до недавняго времени наиболѣе классовой, наиболѣе запутанной, наиболѣе негодной изо всѣхъ гдѣ-либо существующихъ избирательныхъ системъ и которая лишь въ послѣдній годъ превзойдена русскимъ избирательнымъ актомъ 3-го іюня. Чѣмъ болѣе категорично было то „non possumus“, которымъ прусское правительство, устами князя Бюлова, отвѣтило на выраженное народными массами желаніе, тѣмъ острѣе это отозвалось въ тѣхъ слояхъ населенія, которые въ той или иной мѣрѣ обойдены дѣйствующимъ избирательнымъ закономъ. Повсюду, начиная съ крупныхъ городскихъ центровъ и кончая небольшими промышленными поселеніями, происходятъ собранія, устраиваемыя не только рабочей партіей, но и свободомыслящими, и выносящія резолюціи, требующія, чтобы борьба за всеобщее избирательное право стала главнымъ лозунгомъ, главной за-

Digitized by Google

дачей дѣятельности этихъ партій, и чтобы для достиженія этой цѣли были установлены, въ случаѣ надобности, тѣ или другія формы совмѣстной дѣятельности соціалъ-демократіи и буржуазно-демократическихъ группъ.

Инициаторы зарождающагося движенія знаютъ, конечно, что борьба, которую они начинаютъ, должна быть разсчитана на болѣе или менѣе продолжительное время. Общее политическое положеніе, позиція, которую заняли разныя партіи по отношенію къ избирательной реформѣ, крайне неблагопріятны, и скораго успѣха ожидать пока нѣтъ никакихъ основаній. Но Пруссія имѣетъ предъ глазами примѣры другихъ странъ германской имперіи, гдѣ упорствомъ, выдержкой, умѣньемъ приспособляться къ обстоятельствамъ и использовать ихъ къ своей выгодѣ добились уже большей или меньшей демократизаціи избирательнаго права. И эти примѣры сыграли не послѣднюю роль въ томъ, что и Пруссія, въ свою очередь, стала ареной подобной же борьбы.

Въ теченіе долгаго времени рабочій классъ въ Германіи относился съ полнымъ равнодушіемъ къ мѣстнымъ ландтагамъ. Имѣя въ своихъ рукахъ всеобщее избирательное право для выборовъ въ общеимперскій рейхстагъ, рабочій классъ, естественно, направилъ всю свою энергію для завоеванія возможно большаго количества мѣстъ въ этомъ общеимперскомъ законодательномъ учрежденіи. При другихъ обстоятельствахъ, если бы сфера компетенціи этого учрежденія постепенно расширялась, если бы оно постепенно вводило въ кругъ своего вѣдѣнія область внутренняго общеполитическаго законодательства, — быть можетъ, рабочій классъ не имѣлъ бы никакихъ основаній мѣнять своего отношенія къ мѣстнымъ парламентамъ. Но извѣстно, что германскій рейхстагъ за свое почти уже сорокалѣтнее существованіе не только не расширилъ своихъ правъ, но не провелъ въ жизнь даже и нѣкоторыхъ изъ тѣхъ правъ, которыя формально отведены были ему общеимперской конституціей. Въ общемъ, германскій рейхстагъ остается однимъ изъ наиболѣе безправныхъ парламентовъ въ мірѣ. Въ то же время, въ области внутренняго законодательства союзныя государства сохранили широкую автономію. Естественно, поэтому, что рабочій классъ сталъ склоняться къ тому, чтобы проникнуть и въ мѣстныя законодательныя учрежденія. Но осуществленіе этого стремленія встрѣчало такія препятствія, какихъ рабочій классъ не зналъ, принимая участіе въ общеимперскихъ выборахъ. Всеобщее избирательное право — съ одной стороны, политическая слабость либерально-демократической буржуазіи — съ другой, давали возможность рабочей партіи сохранять полную самостоятельность не только въ самомъ рейхстагѣ, но въ значительной степени и въ избирательныхъ кампаніяхъ. Никакихъ формальныхъ соглашеній она съ буржуазными партіями не заключала. Фактически она всегда, конечно, содѣйствовала избранію болѣе демократическаго кандидата противъ юнкера или національ-либерала—тамъ, гдѣ она не могла проводить своего собственнаго канди-

Digitized by Google

дата. Но къ этой тактикѣ она должна была обращаться только во время перебаллотировокъ. При первыхъ же голосованіяхъ она всегда шла вполнѣ самостоятельно, подъ своимъ собственнымъ, развернутымъ, знаменемъ. Этимъ обезпечивалась полная принципіальность ея избирательныхъ кампаній.

Совсѣмъ другое положеніе представлялось ей въ избирательной борьбѣ въ отдѣльныхъ странахъ. Здѣсь цензово-классовое двустепенное избирательное право фактически оставляло за предѣлами избирательнаго корпуса не только рабочій классъ, но и значительную часть демократическаго населенія. Здѣсь рабочій классъ рѣдко могъ разсчитывать на проведеніе своихъ собственныхъ кандидатовъ. Во многихъ округахъ рабочіе своимъ участіемъ въ выборахъ могли въ лучшемъ случаѣ разсчитывать на возможность содѣйствовать проведенію какого-нибудь свободомыслящаго или демократа другого оттѣнка противъ сторонниковъ цензовой системы. Во всякомъ случаѣ, здѣсь полная самостоятельность и строгая принципіальность избирательныхъ кампаній встрѣчали значительныя препятствія, — тѣ или другія формы избирательныхъ соглашеній объективно навязывались рабочей партіи.

Такимъ образомъ, представлялась необходимость въ двойственной тактикѣ—одной для выборовъ въ рейхстагъ, другой—для выборовъ въ мѣстные ландтаги. Неудивительно, что въ теченіе долгаго времени рабочая партія отказывалась вступить на этотъ двойственный путь. Начавъ съ критическаго отношенія къ участію въ парламентахъ вообще (вспомнимъ извѣстный споръ въ концѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія между Бебелемъ, отстаивавшимъ необходимость и огромную выгоду участія въ парламентѣ, и Вильгельмомъ Либкнехтомъ, отрицавшимъ почти всякое участіе), потомъ ставъ партіей парламентской по преимуществу, германская соціалъ-демократія сосредоточивала всю свою избирательную энергію на выборахъ въ рейхстагъ. Лишь въ нѣкоторыхъ южныхъ государствахъ союза, гдѣ избирательныя системы были хотя бы нѣсколько демократичнѣе, она принимала участіе въ мѣстной избирательной борьбѣ. Въ Пруссіи же, гдѣ ея шансы хотя бы на минимальный успѣхъ были, правда, почти равны нулю, она возвела тактику бойкота выборовъ въ принципъ.

Но годы шли. Значеніе рейхстага не росло. Союзный совѣтъ (изъ представителей правительствъ союзныхъ государствъ), въ которомъ Пруссіи принадлежитъ разъ навсегда установленное большинство, продолжалъ властно распоряжаться. Устарѣвшія внутреннія классовыя законодательства оставались въ силѣ въ отдѣльныхъ странахъ. И постепенно въ рядахъ соціалъ-демократіи стали раздаваться голоса за участіе въ выборахъ въ прусскій ландтагъ. Долгіе годы длился споръ на этой почвѣ, споръ тѣмъ болѣе горячій, что, какъ указано было выше, участіе въ выборахъ могло имѣть смыслъ лишь при условіи соглашенія то съ демократами, то со свободомыслящими, то съ центромъ. Одними изъ первыхъ высказались за участіе

Digitized by Google

при такихъ условіяхъ Каутскій и Бернштейнъ. Вскорѣ къ нимъ присоединились также Ауэръ и Бебель, которые аргументировали свой взглядъ тѣмъ соображеніемъ, что бойкотъ выборовъ при данной избирательной системѣ фактически означаетъ несомнѣнную поддержку реакціонныхъ партій. Послѣдовательный въ своихъ выводахъ, Бебель, внеся на гамбургскомъ партейтагѣ (въ 1897 г.) предложеніе въ этомъ смыслѣ, присовокупляетъ въ своей резолюціи: „позволяется также избраніе такихъ выборщиковъ, которые принадлежатъ исключительно къ одной изъ буржуазныхъ оппозиціозныхъ партій.“ Это разрѣшеніе было необходимо потому, что, какъ мы указывали выше, при трехстепенныхъ выборахъ, первая стадія избирательной процедуры является часто рѣшающей, и желая дѣйствительно содѣйствовать проведенію болѣе демократически настроеннаго кандидата противъ реакціонера, соціалъ-демократы вынуждены голосовать въ нѣкоторыхъ округахъ на первой же стадіи за кандидата буржуазной оппозиціи. „Для боевой партіи, подобной нашей, — говорилъ онъ [1]), — цѣлью является одержаніе побѣды; если ее невозможно одержать собственными силами, — а такая попытка должна быть сдѣлана при всякихъ условіяхъ — то въ случаѣ нужды ее должно одержать съ помощью чорта и его бабушки — конечно, не продавая имъ своей души, въ данномъ случаѣ — принциповъ партіи“. Большинствомъ 160 голосовъ противъ 50 партейтагъ высказался за участіе въ выборахъ въ прусскій ландтагъ, но фактически онъ сдѣлалъ это участіе безцѣльнымъ и безплоднымъ, воспретивъ вступать въ избирательныя соглашенія съ буржуазно-оппозиціонными партіями. Это до такой степени было очевидно для всѣхъ, что уже въ слѣдующемъ году, на партейтагѣ въ Штуттгартѣ, это воспрещеніе было отмѣнено и постановлено, что въ тѣхъ округахъ, гдѣ это окажется по мѣстнымъ обстоятельствамъ возможнымъ и нужнымъ, такія соглашенія могутъ имѣть мѣсто.

Но трехстепенная, слишкомъ благопріятная привиллегированнымъ классамъ избирательная система мало привлекала рабочій классъ, а долголѣтній бойкотъ выборовъ пустилъ слишкомъ глубокіе корни въ настроеніе массъ,— голосованія гамбургскаго и штуттгартскаго партейтаговъ имѣли слабое практическое значеніе. И вотъ, въ 1900 году, въ Майнцѣ, партейтагъ сдѣлалъ еще одинъ шагъ впередъ и сдѣлалъ участіе въ выборахъ *обязательнымъ* для партійныхъ организацій, какъ оно обязательно въ общеимперскихъ выборахъ. Принятая имъ резолюція гласила: „Въ тѣхъ германскихъ государствахъ, въ которыхъ существуетъ трехклассная избирательная система, члены партіи *обязаны принять участіе въ ближайшихъ выборахъ*, выставляя всюду партійныхъ выборщиковъ“. Бебель, который былъ докладчикомъ по этому вопросу, такъ аргументировалъ это постановленіе: „О-

[1]) Здѣсь и въ двухъ мѣстахъ ниже цитир. по книгѣ С. Прокоповича „Рабочее движеніе въ Германіи“, 2-е изд., стр. 287—291.

Digitized by Google

компромиссахъ говорятъ съ извѣстнымъ презрѣніемъ. Но что такое компромиссъ? Соглашеніе съ другимъ взаимно поддерживать другъ друга, чтобы достичь чего-нибудь, для достиженія чего не хватаетъ собственныхъ силъ. Положеніе же вещей въ Пруссіи таково, что мы отдаемъ свои голоса не ради прекрасныхъ глазъ прогрессистовъ, или буржуазной демократіи, или лѣваго центра, а для того, чтобы въ нашемъ собственномъ партійномъ интересѣ усилить оппозицію въ прусскомъ ландтагѣ и помѣшать проведенію законовъ, которые прежде всего вредны намъ, нашей партіи. Съ другой стороны, мы требуемъ, чтобы помощь, нами оказанная, обязала получившихъ ее поддержать насъ, дабы и мы получили нѣсколько мѣстъ въ ландтагѣ. Такое соглашеніе совершенно не касается всей нашей остальной дѣятельности, нашей программы и т. д.“.

Такимъ образомъ, участіе въ выборахъ признано было обязательнымъ, но предложеніе Бебеля о томъ, чтобы при этомъ допущены были соглашенія съ буржуазными партіями, было все таки отклонено. Одна соціалъ-демократія, выступая самостоятельно, не могла разсчитывать при данной избирательной системѣ на проведеніе своихъ кандидатовъ, - что и было блестяще доказано на выборахъ въ прусскій ландтагъ, имѣвшихъ мѣсто въ 1908 году. Выборщики партіи собрали 314.149 голосовъ, т. е. 18,79% всѣхъ поданныхъ голосовъ,—и тѣмъ не менѣе она не завоевала ни одного мѣста въ ландтагѣ. Изъ 100 избирателей 3,36 принадлежало къ первому классу, 12,07—по второму, 84,57—къ третьему; но соціалъ-демократическіе голоса, принадлежащіе преимущественно къ третьему классу, были подавлены, благодаря трехклассной избирательной системѣ, голосами привиллегированныхъ классовъ. Либералы всѣхъ оттѣнковъ отказались поддержать соціалъ-демократическихъ кандидатовъ и голосовали одинаково противъ своихъ противниковъ справа и слѣва. Эта тактика лишь обезпечила торжество прежняго консервативнаго большинства ландтага.

Послѣ постановленія, принятаго въ Майнцѣ, во всѣхъ южныхъ государствахъ соціалъ-демократы принимаютъ самое дѣятельное участіе въ мѣстныхъ выборахъ. Въ настоящее время партія имѣетъ своихъ представителей въ слѣдующихъ ландтагахъ:

	Всего депутатовъ	1901 г.	1906 г.	1907 г.
Баварія	159	11	12	20
Саксонія	82	4	1	1
Вюртембергъ	93	5	7	15
Баденъ	63	7	12	12
Гессенъ	50	6	7	7
Веймаръ	33	2	2	3
Ольденбургъ	34	1	4	4
Мейнингенъ	24	6	7	7
Альтенбургъ	30	3	3	3
Кобургъ-Гота	30	10	6	6

Digitized by Google

	Всего депутатовъ	1901 г.	1906 г.	1607 г:
Шварцбургъ-Рудольштадтъ.	16	1	7	7
Рейссъ млад. лин	16	3	5	4
Рейссъ стар. лин	12	1	1	—
Липпе-Детмольдъ	21	3	3	3
Бременъ.	150	11	18	17
Гамбургъ	160	1	13	19
Любекъ	120	—	4	4
Ангальтъ	36	—	2	2
Шаумбургъ-Липпе. . . .	15	—	1	1
Эльзасъ-Лотарингія . . .	68	—	1	—
Пруссія	433	—	—	—
Брауншвейгъ.	48	—	—	—
Шварцбургъ - Зондерсгаузенъ	15	—	—	—
Вальдекъ	15	—	—	—
Всего . . .	—	75	116	135

Но рабочій классъ не только сталъ принимать, какъ видно изъ приведенной таблицы, дѣятельное участіе въ парламентской жизни отдѣльныхъ государствъ. Именно благодаря этому участію, благодаря тѣмъ „урокамъ жизни“, которые онъ воспринималъ во время избирательныхъ кампаній, онъ сталъ энергичнѣе бороться за демократизацію избирательнаго права. Такъ, онъ добился всеобщаго избирательнаго права въ Вюртембергѣ и Баденѣ, а въ другихъ странахъ, какъ Баварія, завоевалъ болѣе демократическую избирательную систему.

Участіе въ выборахъ въ прусскій ландтагъ въ 1903 году дало рабочей партіи, съ точки зрѣнія завоеванія мѣстъ, лишь отрицательные результаты. Она не провела, какъ мы видѣли, ни одного своего депутата. Она не только не ослабила консервативнаго большинства, но даже содѣйствовала своимъ участіемъ сближенію всѣхъ буржуазныхъ партій. Блестящій исходъ общеимперскихъ выборовъ, давшій въ томъ же 1903 году рабочей партіи 81 депутата и свыше 3.000.000 голосовъ, вызвалъ вообще въ странѣ сближеніе всѣхъ либеральныхъ и консервативныхъ партій во имя борьбы съ соціалъ-демократіей. И то же явленіе имѣло мѣсто и въ прусскомъ ландтагѣ, какъ только выяснилось, что соціалъ-демократія намѣрена направить свою энергію если не на завоеваніе послѣдняго, что при данныхъ условіяхъ невозможно, то хотя бы на то, чтобы проникнуть въ это учрежденіе и способствовать усиленію въ немъ демократической оппозиціи. Создался, подъ руководствомъ кн. Бюлова и даже въ значительной степени по его иниціативѣ, такъ называемый „блокъ“ либеральныхъ и консервативныхъ партій. Хотя на первый взглядъ могло казаться, что этотъ „блокъ“, нѣсколько враждебно относившійся къ католическому центру, означаетъ

Digitized by Google

нѣкоторый поворотъ общеимперской и, въ частности, прусской правительственной политики въ сторону либерализма, однако событія показали, что „блокъ“ выступалъ противъ центра, не какъ консервативной и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, реакціонной силы, а за тѣ демократическія тенденціи, которыя свойственны центру, какъ партіи, связанной съ католическими народными массами и которыя незадолго до того особенно сказались въ Баваріи, гдѣ при дѣятельномъ участіи этой партіи проведена была реформа избирательной системы [1]). Такимъ образомъ, „блокъ“ имѣлъ этого консервативный характеръ, который проявился съ особенною силою въ послѣднее время, когда демократы выступили въ прусскомъ ландтагѣ съ предложеніемъ о введеніи всеобщаго избирательнаго права.

Но если таковъ былъ непосредственный парламентскій результатъ перваго энергичнаго участія рабочей партіи въ мѣстныхъ прусскихъ выборахъ, то, съ другой стороны, это же участіе оказало огромное вліяніе на настроеніе рабочихъ массъ. Здѣсь еще лишній разъ можно было убѣдиться, въ какой степени антиполитической по существу является тактика бойкота. Каждое политическое *дѣйствіе* важно не только само по себѣ, но, главнымъ образомъ, потому, что оно неизбѣжно влечетъ за собою рядъ другихъ, болѣе сложныхъ и потому болѣе важныхъ, политическихъ дѣйствій— хотя бы потому уже, что политическое дѣйствіе обязательно вовлекаетъ его участниковъ въ сложный круговоротъ реальной жизни. Тактика же бойкота, которая есть по существу *отказъ отъ дѣйствія*, оставляетъ придерживающихся ея въ значительной мѣрѣ внѣ того узла, который завязывается ходомъ общественно-политической борьбы. Такъ было и въ Пруссіи. Пока рабочія массы поворачивались спиною къ ландтагу въ виду существованія данной избирательной системы, онѣ „принципіально“, конечно, были за ея отмѣну и за установленіе всеобщаго избирательнаго права, но *фактически* онѣ ничего для этого не дѣлали и, главное, у нихъ не было *дѣйствительнаго* стремленія дѣлать что-либо въ этомъ направленіи. Но какъ только онѣ одинъ разъ приняли энергичное участіе въ избирательной кампаніи, и всѣ специфическія особенности трехклассной системы съ обязательно-открытою подачею голосовъ предстали предъ ними въ оголенномъ видѣ; какъ только онѣ во-очію увидѣли, что милостью закона какихъ-нибудь 10—12% избирателей получаютъ подавляющее большинство въ законодательномъ учрежденіи страны, между тѣмъ какъ остальные 88—90% избирателей представлены незначительнымъ меньшинствомъ, а почти 20% соціалъ-демократическихъ избирателей не имѣютъ ни одного представителя; какъ только онѣ, заинтересовавшись ландтагомъ, убѣдились,

---

[1]) См. интересныя соображенія по этому вопросу въ статьѣ Wolfgang Heine“ Der Kampf um die preussische Wahlrechtsreform“ во второй январьской Кн. „Sos Monatshefe“ за тек. годъ.

Digitized by Google

что верхніе привиллегированные классы фактически произвольно распоряжаются законодательнымъ аппаратомъ страны, между тѣмъ какъ не только рабочій классъ, но и всѣ болѣе или менѣе демократическіе слои страны de facto лишены возможности оказывать на законодательную работу хотя бы слабо замѣтное вліяніе, —у нихъ зародилось стремленіе дѣйствительно переустроить существующее положеніе вещей и отвоевать мощное орудіе, монополизированное привиллегированными классами. Всѣ наблюдатели прусской общественно-политической жизни въ одинъ голосъ говорятъ, что выборы 1903 года были какъ бы откровеніемъ для прусскихъ рабочихъ. „Это было, четыре года тому назадъ,—говоритъ, напр., новый органъ Жюля Геда „Le Socialisme“ въ номерѣ 19 января, характеризуя послѣднее движеніе въ пользу всеобщаго избирательнаго права,—какъ бы представленной пролетріату демонстраціей особой чудовищности избирательной системы, существующей въ этомъ парламентѣ (ландтагѣ)“. Одно политическое *дѣйствіе* оказалось сильнѣе десятковъ лѣтъ пропаганды и словесной агитаціи только потому, что оно повлекло за собою рядъ другихъ дѣйствій..

Какова же та избирательная система, которая съ такой выпуклостью предстала предъ рабочими массами?

Эта избирательная система, названная даже Бисмаркомъ въ откровенную минуту „самой жалкой изъ всѣхъ системъ“, впервые введена была королевскимъ декретомъ 30 мая 1849 года. Съ тѣхъ поръ она, въ основныхъ своихъ принципахъ, остается неизмѣнной. Пересмотръ, которому она подверглась недавно, имѣлъ цѣлью лишь „задѣлать тѣ трещины, которыя время произвело въ зданіи, и устранить нѣкоторыя аномаліи, вызванныя перемѣной въ экономическихъ отношеніяхъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе измѣненія фискальныхъ законовъ“ [1]).

По дѣйствующему закону, избиратели дѣлятся на три класса, соотвѣтственно размѣрамъ уплачиваемыхъ ими налоговъ. Съ этой цѣлью въ каждой общинѣ составляется списокъ всѣхъ избирателей въ порядкѣ причитающейся на ихъ долю суммы налоговъ. Лица, уплачивающія наивысшую сумму, вносятся въ *первый классъ*, пока уплачиваемая ими сумма составитъ третью часть всѣхъ падающихъ на общину податей. Наиболѣе обложенные изъ остальныхъ избирателей составляютъ *второй классъ*, который также представляетъ третью часть всей суммы податей. Наконецъ, наименѣе обложенные, уплачивающіе вмѣстѣ послѣднюю треть, составляютъ *третій классъ*. Если при этомъ принять во вниманіе, что каждый классъ располагаетъ одинаковой избирательной силой, то станетъ

---

[1]) О. Пифферунъ, „Европейскія избирательныя системы“, пер. Стеклова, Спб. 1905, стр. 5.—Ниже мы пользуемся этой работой при изложеніи прусскаго избирательнаго закона.

Digitized by Google

ясно, что при этой системѣ личное вліяніе каждаго избирателя пропорціонально суммѣ его повинностей, ибо число избирателей перваго класса, конечно, гораздо меньше, чѣмъ число избирателей второго, а послѣднее меньше, чѣмъ въ третьемъ классѣ. Нерѣдко случается, что одинъ или два избирателя, составляющіе весь первый классъ, располагаютъ такой же избирательной силой, какъ сотни или тысячи избирателей третьяго класса. Какіе курьезы создаются на почвѣ такой системы—видно, напр., изъ слѣдующаго: „Въ томъ избирательномъ участкѣ Берлина, который населенъ министрами, къ низшему третьему классу выборщиковъ, во главѣ нѣсколькихъ министровъ, принадлежитъ и имперскій канцлеръ, кн. Бюловъ, и всѣ они сообща со своими швейцарами и лакеями выбираютъ въ третьемъ классѣ; въ первомъ классѣ сосѣдняго съ министрами избирательнаго участка выбираютъ всего два человѣка: издатель газеты „Berliner Tageblatt“ и банкиръ Блейхредеръ; а неподалеку отъ министерскаго квартала единственнымъ избирателемъ I-го класса является придворный мясникъ Гефтеръ, который, слѣдовательно, своей толстой ношной побиваетъ сотни избирателей остальныхъ двухъ классовъ“ [1]).

Съ теченіемъ времени, однако, преимущества перваго и второго классовъ по сравненію съ третьимъ классомъ разростались еще, благодаря тому, что приняты были мѣры для расширенія числа избирателей 3-го класса (путемъ фиктивной записи прямого налога въ 3 марки за всѣми избирателями). Такъ, въ Берлинѣ въ 1880 году насчитывалось 2,20% избирателей I-го класса, 10,10% второго и 87,70% третьяго. Послѣ цѣлаго ряда измѣненій цифры эти стали въ 1899 г. такими: 0,24, 2,41 и 97,35%.

Чтобы попасть въ первый классъ, нужно было уплачивать въ 1899 году:

въ Берлинѣ	8,330,80	марокъ налога.
„ Аахенѣ	2,306	„ „
„ Гладбахѣ	3,246	„ „
„ Дюренѣ	17,566	„ „

Какъ фактически распредѣлялись избиратели въ нѣкоторыхъ городахъ—видно изъ слѣдующаго факта. „Въ Эссенѣ, городѣ, имѣющемъ около 100,000 жителей, въ качествѣ избирателя перваго класса какъ-то явился одинъ только человѣкъ: его вліяніе было равно вліянію 2,000 избирателей третьяго класса. Статистическія данныя относительно послѣдующихъ выборовъ показали, что здѣсь насчитывалось избирателей:

въ	I	классѣ	4	внесенныхъ	въ списки и	2	вотирующихъ.
„	II	„	353	„	„ „	243	„
„	III	„	4,297	„	„ „	2,367	„

---

[1]) „Государственный строй и политич. партіи въ Зап. Евр. и С.-А. С. Шт.“, т. II, стр. 204.

Digitized by Google

„Это было уже не управленіе плательщиковъ налоговъ, а управленіе плутократовъ“,—замѣчаетъ даже въ общемъ очень симпатично относящійся къ прусской избирательной системѣ проф. Пифферунъ“ [1]).

Эта система, долгое время однако примѣнявшаяся какъ при общинныхъ, такъ и при парламентскихъ выборахъ, была нѣсколько улучшена для первыхъ выборовъ законами 1893 и 1900 годовъ. Но для парламентскихъ выборовъ она остается неизмѣнной. И даже оффиціальный панегиристъ этой системы, Эвертъ, долженъ признать въ „Zeitschrift des K. Preuss stat. Bureau's“ (1895 г.), что на 24,130 избирательныхъ бюро всей страны можно насчитать 575 такихъ, въ которыхъ избиратели первой степени, уплачивающіе не менѣе *трехсотъ* марокъ налоговъ (т. е. получающіе доходъ не ниже *10,000 марокъ*), не состоятъ въ одномъ изъ двухъ первыхъ классовъ. Этотъ фактъ, который Эвертъ приводитъ въ доказательство того, что „дѣйствіе существующей системы не такъ уже неравномѣрно“, достаточно краснорѣчиво характеризуетъ намъ распредѣленіе избирателей по классамъ. Поистинѣ, едва ли какая-либо избирательная система можетъ съ нею поспорить!

Слѣдующая таблица, охватывающая данныя относительно 289 городовъ съ населеніемъ свыше 10,000 жителей, 23 промышленныхъ поселковъ и 66 другихъ селъ, даетъ намъ распредѣленіе по классамъ каждыхъ 100 избирателей:

	Въ городахъ	Въ промышл. поселкахъ	Въ другихъ селахъ
I классъ	3,31	3,27	4,14
II классъ	10,36	16,17	13,48
III классъ	86,93	80,56	82,39

Если же взять одни только города, населеніе которыхъ превышаетъ 10,000 человѣкъ, то неравенство окажется еще болѣе вопіющимъ: на 100 избирателей здѣсь на первый классъ приходится 2,39%, на второй—8,98%, на третій—88,62%. И такъ какъ первый и второй классъ, за рѣдкими исключеніями, голосуютъ вмѣстѣ, то, какъ общее правило, нужно установить, что 11 человѣкъ первыхъ двухъ классовъ всегда оказываются сильнѣе 89 человѣкъ третьяго класса. Эти 11% избирателей наполняютъ скамьи ландтага и опредѣляютъ всю дѣятельность законодательнаго учрежденія страны, между тѣмъ какъ 89% избирателей лишены почти всякаго представительства и, слѣдовательно, всякаго вліянія на характеръ этой дѣятельности.

Эта „самая жалкая изъ всѣхъ избирательныхъ системъ“ имѣетъ вполнѣ достойный себя во всѣхъ отношеніяхъ вѣнецъ, которому не осталось уже теперь равнаго, кажется, ни въ одной странѣ. Мы говоримъ объ *откры-*

---

[1]) Пифферунъ, op. cit., стр. 28.

Digitized by Google

той подачѣ голосовъ. Цѣль открытой подачи голосовъ слишкомъ ясна: заставлять экономически и соціально зависимыхъ избирателей голосовать за кандидатовъ привиллегированныхъ классовъ. Мы видѣли, что и безъ того голоса третьяго класса почти всегда перевѣшиваются голосами первыхъ двухъ классовъ. Открытая подача голосовъ должна обезпечить эту побѣду. Въ менѣе крупныхъ центрахъ во второй классъ иногда попадаютъ избиратели, уплачивающіе нѣсколько десятковъ марокъ налоговъ,—слѣдовательно принадлежащихъ къ той мелкой буржуазіи, которая зависима въ своемъ существованіи отъ юнкера-помѣщика или отъ національ-либерала фабриканта; въ третьемъ классѣ во всѣхъ избирательныхъ округахъ такихъ зависимыхъ элементовъ очень много. И вотъ, когда этотъ зависимый избиратель знаетъ, что въ книгѣ голосованій будетъ отмѣчено, за выборщика какой партіи онъ голосовалъ, что завтра же онъ за неугодное своему „патрону“ голосованіе будетъ выброшенъ на улицу, лишенъ аренды, заказовъ, или мѣста, составлявшихъ единственный источникъ пропитанія для его семьи и для него самого,—онъ, конечно, вынужденъ, со скрежетомъ зубовнымъ, голосовать такъ, какъ угодно его хозяину или заказчику. Изъ всѣхъ специфическихъ особенностей прусской избирательной системы—это, несомнѣнно наиболѣе цинично-откровенная особенность.

Такова была избирательная система, которая предстала во всемъ своемъ оголенномъ видѣ рабочему классу. И его, естественно, охватило страстное стремленіе такъ или иначе покончить съ нею. Что необходимо отнынѣ принимать участіе въ избирательной борьбѣ, что необходимо всѣми силами стараться пробить брешь въ ландтагѣ—этой цитадели прусской юнкерской реакціи,—въ этомъ разногласій уже не было. Вопросъ сводился теперь только къ тому, какъ организовать, какъ вести борьбу за избирательную реформу. Для германской и, въ частности, для прусской соціалъ-демократіи вопросъ имѣлъ чрезвычайно важное значеніе. Это былъ вопросъ о серьезномъ измѣненіи привычной тактики. Въ теченіе десятковъ лѣтъ практиковалась одна лишь парламентская тактика. И всеобщее избирательное право для имперскихъ выборовъ, и распредѣленіе общественно-политическихъ силъ заставляли строго придерживаться этой тактики, не позволяя себѣ ни на іоту отклоняться отъ нея. Но въ Пруссіи парламентская тактика была невозможна хотя бы потому уже, что представители партіи въ парламентъ проникнуть не могли. А тамъ, гдѣ парламентская тактика невозможна, съ необходимостью естественнаго закона выдвигается другая тактика. Примѣры другихъ странъ какъ разъ въ это время показали возможность и цѣлесообразность другихъ методовъ борьбы. Удачный исходъ всеобщей политической забастовки въ Россіи, успѣхъ австрійской соціалъ-демократіи, грандіозныя и хорошо организованныя уличныя

Digitized by Google

демонстраціями и угрозой всеобщей забастовки добившейся давно требуемаго введенія всеобщаго избирательнаго права, наконецъ—всеобщія забастовки въ Италіи сдѣлали въ теченіе нѣкотораго времени популярными эти средства борьбы и въ Пруссіи,—правда, пока только in abstracto. На ежегодныхъ партейтагахъ горячо обсуждался вопросъ о значеніи, если не всеобщей стачки, то такъ называемой grève généralisée, какъ средства политической борьбы, и такіе дѣятели, какъ Бебель и Каутскій, которые долгіе годы придерживались того взгляда, что „всеобщая стачка есть всеобщая глупость", теперь стали менѣе враждебно относиться къ ней, допуская, что при извѣстныхъ условіяхъ она можетъ служить удобнымъ средствомъ политической борьбы, но продолжая отрицать ея значеніе, какъ главнаго орудія коренного соціальнаго преобразованія, какимъ считаютъ ее анархисты и революціонные синдикалисты. Для германскаго профессіональнаго движенія характерно, что именно изъ его среды, въ противоположность огромному большинству другихъ странъ, исходило наиболѣе отрицательное отношеніе не только къ всеобщей забастовкѣ, но и къ grève généralisée. И отчасти подъ вліяніемъ именно дѣятелей профессіональнаго движенія эта оцѣнка всобщей забастовки, какъ средства политической борьбы, оцѣнка, не переходившая, впрочемъ, за предѣлы чисто-принципіальнаго, теоретическаго обсужденія, снова стала примѣняться въ направленіи болѣе критическаго отношенія.

Настроеніе рабочихъ массъ возрастало и поднималось. Отъ митинговъ, устраивавшихся одновременно во всѣхъ углахъ страны, рвались къ какимъ-нибудь политическимъ *дѣйствіямъ*. Это настроеніе обнаружилось съ особенною силою на послѣднемъ партейтагѣ, гдѣ принята была резолюція въ пользу энергичной, всѣми средствами, въ томъ числѣ и уличными демонстраціями, борьбы за избирательную реформу. Первые дни наступившаго 1908 года были свидѣтелями этихъ первыхъ дѣйствій. Намъ нѣтъ надобности останавливаться здѣсь на изложеніи фактической стороны разыгравшихся въ Пруссіи и, въ частности, въ Берлинѣ событій: она достаточно извѣстна читателямъ изъ ежедневной прессы. Мирныя демонстраціи десятковъ тысячъ рабочихъ, встрѣтившія яростный отпоръ полиціи,—нѣсколько десятковъ раненыхъ, нѣсколько десятковъ арестованныхъ (совсѣмъ пустяки, съ точки зрѣнія гражданъ Россіи, гдѣ подобное же желаніе народа обратить вниманіе общественнаго мнѣнія на необходимость избирательной реформы вызвало бы неизмѣримо больше гораздо болѣе тяжелыхъ жертвъ),—вотъ балансъ главнаго „дня всеобщаго избирательнаго права", какъ прозвали его въ европейской печати, балансъ, который, съ точки зрѣнія болѣе или менѣе свободныхъ странъ, служитъ краснорѣчивымъ показателемъ серьезнаго обострѣнія отношеній между борющимися сторонами. Гораздо важнѣе остановиться на внутренней сторонѣ дѣла.

Извѣстно, что предложеніе объ отмѣнѣ существующей избирательной системы и введеніи всеобщаго избирательнаго права было сдѣлано 10 января

Digitized by Google

нов. ст. въ прусскомъ ландтагѣ свободомыслящими группами. Въ отвѣтъ на это предложеніе кн. Бюловъ сдѣлалъ, отъ имени прусскаго правительства, краткое, но категорическое заявленіе, которое мы и приведемъ здѣсь по оффиціальной стенограммѣ со всѣми характерными перерывами со стороны аудиторіи. „Милостивые государи,—сказалъ князь,—прусское правительство уже озабочивалось тѣмъ, чтобы внести въ прусское избирательное право тѣ улучшенія, потребность въ которыхъ съ особенной силою давала себя чувствовать. Оно признаетъ, что дѣйствующая избирательная система еще въ настоящее время обнаруживаетъ недостатки, и уже давно изыскивало средства, которыя могли бы устранить эти недостатки. Можетъ ли это быть проведено въ рамкахъ дѣйствующаго избирательнаго права или для этого понадобится коренное его измѣненіе,—въ настоящее время еще окончательно не выяснилось. Однако уже и въ настоящее время необходимо заявить, что для королевскаго правительства теперь, какъ и прежде, ясно, что *перенесеніе имперскаго избирательнаго права въ Пруссію не будетъ отвѣчать благу государства* (*браво* справа, возгласы) и поэтому *должно быть отклонено* (снова *браво* справа). Здоровая реформа прусскаго избирательнаго права сохранитъ и обезпечитъ вліяніе широкихъ слоевъ среднихъ классовъ на выборы и должна будетъ обратить вниманіе на справедливое распредѣленіе избирательныхъ голосовъ (*браво* справа). Это и покажетъ, можетъ ли указанная цѣль быть достигнута простымъ облегченіемъ налогового бремени или же—и въ какой степени—право голоса будетъ устанавливаться и по другимъ признакамъ, каковы возрастъ, имущество, образованіе и т. п., (*браво* справа и на скамьяхъ національ-либераловъ). Какъ только королевское правительство найдетъ твердое основаніе для своихъ предположеній, что, во всякомъ случаѣ, не можетъ уже имѣть мѣсто въ текущую сессію (*слушайте, слушайте*! слѣва), оно внесетъ въ ландтагъ соотвѣтствующее предложеніе (*продолжительные апплодисменты справа и у національ-либераловъ. Волненіе слѣва и у поляковъ*).

Приблизительно такое же заявленіе кн. Бюловъ сдѣлалъ и въ рейхстагѣ, гдѣ вскорѣ затѣмъ внесенъ былъ запросъ по поводу избирательной реформы въ Пруссіи,—съ тѣмъ лишь добавленіемъ, что Пруссія вполнѣ автономна, какъ и всѣ другія союзныя государства, въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, а потому вмѣшательство рейхстага въ происходящія въ Пруссіи событія ни въ какомъ случаѣ не допустимо. Нѣтъ надобности добавлять, что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, какъ кн. Бюловъ, такъ и другіе представители прусскаго правительства—завѣряли представительныя учрежденія въ томъ, что всякія попытки нарушить общественное спокойствіе и порядокъ встрѣтятъ самый энергичный отпоръ со стороны правительства и его агентовъ.

Итакъ, правительство, въ лицѣ министра-президента, высказалось са-

Digitized by Google

мымъ рѣзкимъ образомъ противъ предложенія свободомыслящихъ о введеніи всеобщаго избирательнаго права. Одного этого обстоятельства было бы, конечно, недостаточно для правильнаго прогноза даже относительно ближайшихъ судебъ этого предложенія. Невольно вспоминается при этомъ инцидентъ, происшедшій во французской палатѣ депутатовъ въ 1847 году, незадолго до февральской революціи. Законодательные выборы 1846 года дали министерству Гизо полную побѣду; несмотря на сильное движеніе въ странѣ въ пользу избирательной реформы, цензовый избиратель голосовалъ только за своихъ кандидатовъ. Въ 1847 году очень умѣренная партія Одилона-Барро внесла предложеніе только о расширеніи избирательнаго права, оставивъ въ силѣ систему ценза. Радикалы изъ группы „National“, сторонники всеобщаго голосованія, ее поддержали. Гизо, сильный своей побѣдой, конечно, отказалъ. Во время преній по этому вопросу зашла, между прочимъ, рѣчь и о всеобщемъ избирательномъ правѣ.

— Наступитъ день и для него!—воскликнулъ Гарнье-Паже.

Гизо, съ самоувѣренностью истаго доктринера, отвѣтилъ:

— Не будетъ никогда дня для всеобщаго избирательнаго права.

Какъ извѣстно, день этотъ наступилъ очень скоро.

Но въ Пруссіи, не только противъ всеобщаго избирательнаго права, но и противъ всякой сколько-нибудь широкой избирательной реформы высказывается не только правительство. Съ нимъ вполнѣ солидарны въ этомъ отношеніи всѣ консервативныя группы, наиболѣе заинтересованныя въ сохраненіи существующаго положенія; его поддерживаютъ и національ-либералы, давно уже растерявшіе всѣ свои либеральныя вожделѣнія. Если католическій центръ, отчасти связанный съ народными массами, принципіально никогда не высказывается противъ расширенія избирательнаго права, если онъ и въ Пруссіи сейчасъ заявляетъ, что поддержитъ всякую „разумную“ избирательную реформу, то нѣтъ никакихъ основаній разсчитывать на то, чтобы онъ проявилъ хотя какую-либо активность въ завязавшейся борьбѣ за всеобщее избирательное право, которое прежде всего, при данныхъ условіяхъ, послужитъ къ укрѣпленію его злѣйшаго врага—соціалъ-демократической партіи; на это нѣтъ основаній разсчитывать, несмотря даже на то, что „блокъ“, создавшійся въ ландтагѣ подъ руководствомъ правительства, направленъ не только противъ соціалъ-демократіи, но и противъ центра: какъ мы уже указывали выше, центръ возстановляетъ противъ себя партіи „блока“ не своими реакціонными тенденціями, а тѣми слабыми демократическими тенденціями, отъ которыхъ онъ не можетъ отказаться совсѣмъ, если хочетъ сохранить какую-нибудь связь съ католическими народными массами; но именно въ области этихъ своихъ демократическихъ тенденцій онъ и сталкивается съ соціалъ-демократіей. Если онъ, такимъ образомъ, не можетъ въ вопросѣ избирательной реформы стать всецѣло на сторону правительства и консервативныхъ партій, то

Digitized by Google

не захочетъ онъ, съ другой стороны, поддержать и своихъ противниковъ слѣва. Конечно, поскольку вопросъ будетъ оставаться на почвѣ чисто-парламентскаго обсужденія, центръ будетъ голосовать за реформу. Но во всемъ, что будетъ касаться внѣ—парламентской дѣятельности, онъ будетъ держаться въ сторонѣ отъ движенія.

Остаются группы свободомыслящихъ. Въ большей или меньшей степени онѣ также поддерживали „блокъ", прельстившись тѣмъ, что онъ развернулъ знамя борьбы съ центромъ. Правда, позиція, занятая правительствомъ и „блокомъ" въ вопросѣ объ избирательной реформѣ, слишкомъ оголила истинный характеръ этой политической коалиціи, и въ огромномъ своемъ большинствѣ свободомыслящіе отъ нея отпадаютъ, тѣмъ болѣе, что всѣ болѣе или менѣе демократическіе элементы страны, на которые они опираются, этого энергично требуютъ и въ печати, и на многочисленныхъ митингахъ, происходящихъ теперь въ странѣ. Правда также и то, что именно свободомыслящіе внесли въ ландтагъ предложеніе о всеобщемъ избирательномъ правѣ и тѣмъ взяли на себя моральное и политическое обязательство поддерживать начавшееся движеніе до конца, обязательство, которое имъ трудно будетъ нарушить въ виду настроенія ихъ избирателей. Но все прошлое этихъ группъ, политическая слабость и дряблость демократіи въ Германіи вообще, въ Пруссіи въ особенности, самая возможность ихъ вчерашняго „сотрудничества" съ „блокомъ" заставляютъ сильно сомнѣваться въ томъ, чтобы эти группы способны были проявить хоть какую-нибудь рѣшительность въ борьбѣ за избирательную реформу. Поскольку вопросъ будетъ оставаться въ стадіи парламентскаго обсужденія, свободомыслящіе, конечно, будутъ поддерживать всеобщее избирательное право, но въ области внѣ-парламентскаго давленія движеніе на нихъ, какъ *на партію въ цѣломъ*, не имѣетъ основанія разсчитывать. Оно можетъ разсчитывать лишь на отдѣльные радикальные и демократическіе элементы, которые либо не принадлежатъ къ этимъ партійнымъ организаціямъ, либо покинутъ ряды этихъ организацій, чтобы пріобрѣсти болѣе широкую свободу дѣйствій.

Такимъ образомъ, послѣдовательными до конца, наиболѣе заинтересованными сторонниками широкой избирательной реформы являются только рабочіе. Но именно ихъ партія въ парламентѣ не представлена—и всѣ свои надежды она можетъ, поэтому, возлагать только на внѣ-парламентскую дѣятельность. Сейчасъ она съ давно невиданной въ Пруссіи энергіей заявила о своемъ требованіи избирательной реформы. Но какъ всегда, когда общественно-политическія отношенія запутаны, когда не предвидится *сейчасъ* возможности провести данную реформу парламентскимъ путемъ,—предъ глазами не только непосредственныхъ участниковъ движенія, но и сторонніхъ наблюдателей не развертывается ясная и широкая перспектива. Кажется, что движеніе попало въ тупикъ, изъ котораго

Digitized by Google

выхода нѣтъ. Но это только такъ кажется. Исторія не только создаетъ затрудненія, не только завязываетъ сложные и запутанные узлы,—она умѣетъ и развязывать ихъ, иногда самымъ неожиданнымъ, самымъ непредвидимымъ образомъ. Не можетъ въ обществѣ расти какая-нибудь организованная общественная сила безъ того, чтобы она не оказывала все усиливающагося давленія на другія организованныя силы, не привела къ тому или другому ихъ столкновенію, форму и проявленія котораго нѣтъ никакой возможности предвидѣть,—не вызывала нарастанія настроенія, которое рано или поздно приведетъ къ осуществленію выставленнаго требованія. Политическій дѣятель не долженъ въ такихъ случаяхъ смущаться отсутствіемъ перепективы. Важно, чтобы онъ не отказывался отъ какихъ бы то ни было *дѣйствій*, потому что невозможны тѣ рѣшительныя дѣйствія, которыя ему казались бы желательными, потому что они могли бы, по его представленію, разрубить завязанный исторіею узелъ. Важно, чтобы онъ дѣлалъ то, что *сейчасъ* представляется возможнымъ дѣлать. И по мѣрѣ того, какъ одно политическое дѣйствіе будетъ неизбѣжно вызывать другое и т. д. политическое дѣйствіе, по мѣрѣ того, какъ эти дѣйствія будутъ становиться центромъ общественно-политической жизни страны, будетъ развертываться и перепектива.

Такое отсутствіе политической перспективы, несомнѣнно, наблюдается теперь въ Пруссіи. Оно налагаетъ сильный отпечатокъ на всю текущую политическую публицистику. Политическія отношенія, анализъ которыхъ сдѣланъ нами выше, слишкомъ очевидны, чтобы люди не чувствовали того тупика, въ который они попали. И они, естественно, ищутъ изъ него выхода, ищутъ съ тѣмъ большимъ смущеніемъ, что закрытъ именно тотъ привычный, проторенный путь, по которому они до сихъ поръ двигались. Какъ идти дальше? Куда идти? Вотъ вопросы, которые теперь ставятся. И такъ какъ, по самому существу, на нихъ нельзя давать ясныхъ отвѣтовъ, т. е. такихъ отвѣтовъ, которые представляли бы собою цѣлую программу дѣйствій, такую программу, которая открывала бы ясную перспективу,—то эти отвѣты не даютъ удовлетворенія тѣмъ, кто отъ политической публицистики требуетъ невозможнаго—рѣшенія вопроса о томъ, какъ будетъ развязанъ узелъ, который теперь только завязывается. Вѣдь, политическій вопросъ не поставленъ еще во всей своей общественно-политической сложности, когда онъ формулированъ данной группой. Чтобы онъ былъ дѣйствительно поставленъ во всей своей жизненной сложности, какъ предметъ дѣйствительной общественно-политической борьбы, нужно, чтобы на его почвѣ, чтобы вокругъ него организовались борющіяся между собою общественныя силы.

Естественно, что теперь предлагаются въ Пруссіи всевозможныя средства. Говорятъ о необходимости новыхъ уличныхъ демонстрацій; снова обсуждаютъ всеобщую забастовку, какъ средство политической борьбы; пред-

Digitized by Google

лагается создать лигу всеобщаго избирательнаго права, въ которую вошли бы люди разныхъ партій, высказывающихся за эту реформу; возобновляются предложенія о тѣхъ или другихъ формахъ соглашеній съ свободомыслящими и демократами разныхъ оттѣнковъ. Конечно, каждая, изъ этихъ мѣръ имѣетъ своихъ горячихъ сторонниковъ и не менѣе страстныхъ противниковъ. Но споры ведутся оживленно—и это служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что настроеніе есть, что оно наростаетъ, что развязывающійся теперь историческій узелъ такъ или иначе будетъ развязанъ.

Е. Смирновъ.

Digitized by Google

На родинѣ.

Интеллигенція и культурная работа.

I.

Январскій съѣздъ дѣятелей народныхъ университетовъ имѣетъ важное симптоматическое значеніе въ развитіи нашихъ общественныхъ настроеній. Онъ явился въ моментъ все болѣе оживляющихся,—хоть, и нельзя сказать, чтобы очень одушевленныхъ,—толковъ о необходимости культурной работы. Съѣздъ происходилъ въ достаточно уже опредѣленной политической обстановкѣ реакціонной побѣды. И толки и обстановка, каково бы ни было ихъ взаимоотношеніе, выражали къ этому времени достаточно полно итоги общественной борьбы со старымъ порядкомъ. Эти два очевидныхъ факта,—свѣтъ культурнаго житія, что нынче только и брезжитъ въ сердцахъ широкихъ общественныхъ слоевъ, и тьма что окутываетъ страну,—однако, не съ астрономической точностью опредѣляютъ время съѣзда. Разсвѣтъ ли это?—Этого никто не скажетъ. Закатъ ли надеждъ и гражданскихъ вдохновеній?..

По всей видимости, мы переживаемъ что-то вродѣ бѣлой ночи въ движеніи русскаго общества по историческимъ путямъ. И восходъ и заходъ слиты въ одномъ промежуточномъ явленіи: все видно, какъ будто бы и днемъ, но жизнь замерла въ ночномъ оцѣпенѣніи.

Предъ участниками съѣзда стояла великая культурно-просвѣтительная задача демократизаціи науки и знаній. Бѣлая ночь, какъ извѣстно, все представляетъ въ необычномъ видѣ и знакомыя вещи окрашиваетъ въ новые цвѣта. Несмотря на то, что и сущность поставленной съѣзду задачи и условія просвѣтительной дѣятельности слишкомъ хорошо знакомы обществу, настоящій моментъ показываетъ культурную работу не въ будничномъ освѣщеніи. Съѣздъ имѣлъ дѣло именно съ такими необычно освѣщенными вещами, и на его занятіяхъ это обстоятельство характерно отразилось. Здѣсь можно было найти и мирное культурничество и политическій подъемъ, но взаимодѣйствіе культуры и политики не создало въ этомъ случаѣ опредѣленнаго движенія коллективной мысли съѣзда.

Digitized by Google

Нѣкоторыя историческія воспоминанія при этомъ всплываютъ невольно. Они помогутъ лучше разобраться въ томъ, что съѣздъ далъ.

Мы вспоминаемъ однородные по своей культурной важности съѣзды въ дооктябрьскій періодъ нашей общественности. Труды Пироговскихъ, напримѣръ, съѣздовъ могутъ служить хорошимъ пособіемъ при изученіи всѣхъ стадій, какія прошла культурная работа въ условіяхъ приближенія къ этому моменту. Съ каждымъ разомъ—въ теченіе двадцати пяти лѣтъ—Пироговскіе съѣзды обнажали все глубже нашу антикультурную почву. Съ самой педантичной осторожностью послѣ строжайшей критики вносимыхъ предложеній Пироговское общество врачей принимало постановленія въ интересахъ народнаго здравія. Пироговскіе съѣзды отлично знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Зарываясь въ своихъ нарочито мирныхъ занятіяхъ все ближе къ политическимъ корнямъ россійской культуры, они съ особенной осмотрительностью выносили на верхъ изъ своихъ раскопокъ... ходатайства. Да и то, какъ мы сказали, не всякое ходатайство,—а такое, которое само кричало бы, если бы его не поспѣшили выложить на самую легальную бумагу. За время съ 1883 года по 1903-й рѣшеній общества о заявленіи ходатайствъ передъ центральными правительственными органами было 88, а изъ нихъ дѣйствительно заявленныхъ было лишь 72. Это была подлинная культурная работа, черная и утомительная. Наиболѣе важная и многочисленная группа этихъ ходатайствъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ общественнаго здравоохраненія имѣла слѣдующій успѣхъ: 58,5% ихъ „не удостоены отвѣтомъ“, а 17% получили отрицательный отвѣтъ,—итого 4/5 всѣхъ ходатайствъ остались безрезультатными. Это была эпоха чистаго, безпримѣснаго культурнаго воздѣйствія на несовершенства нашей жизни.

Девятый съѣздъ общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, состоявшійся въ началѣ января 1904 года закончилъ эту эпоху. Углубившись мирнымъ культурнымъ путемъ до самыхъ нѣдръ россійской дѣйствительности, общество приняло для руководства въ своихъ занятіяхъ на девятомъ съѣздѣ слѣдующее рѣшеніе: „Въ виду того, что большинство ходатайствъ пироговскихъ съѣздовъ осталось безъ отвѣта или удовлетворенія, рѣшено въ настоящее время ограничиться лишь принципіальными постановленіями, не возбуждая новыхъ ходатайствъ“.

Громадное количество чисто культурныхъ весьма детализованныхъ изысканій и опытовъ къ январю 1904 года сразу перешло въ одно опредѣленное качество рѣзкаго политическаго протеста противъ существующаго режима. Предѣлы культурнаго углубленія стали, такимъ образомъ, и вершинами политическаго подъема демократической интеллигенціи. Происходившій около того же времени технический съѣздъ точно также превратился въ сильную политическую демонстрацію. Одни и тѣже причины вызывали всюду одно и тоже слѣдствіе. Долголѣтній упорный культурный

Digitized by Google

трудъ независимо отъ воли мирныхъ работниковъ далъ въ концѣ концовъ только политическій эффектъ. Но историческая и соціальная законность такого превращенія была настолько ясной, что только слѣпой могъ бы отрицать истинно культурное значеніе резолюцій 1904 года.

Наиболѣе важныя основы культурнаго общежитія, представленныя въ видѣ требованій съ исчерпывающей аргументаціей, могли создать всѣ вмѣстѣ только одно гармоническое цѣлое—политику. Демократической массѣ оставалось уже безъ особыхъ усилій взять это цѣлое и послѣ долгихъ скитаній по культурнымъ тропинкамъ войти въ единственно открывшіяся ворота. Наступилъ періодъ чисто политической борьбы либерально-демократической интеллигенціи.

Наступило время многообразныхъ дѣлъ, многообразныхъ усилій. Въ вихрѣ революціонныхъ событій можно было видѣть не только возникновеніе новыхъ политическихъ формъ, но и великое богатство серьезныхъ культурныхъ начинаній. Каждая общественная группировка, политическая организація являлись центрами разнообразныхъ творческихъ актовъ. Дѣлалось ли все на спѣхъ или съ солиднымъ разсчетомъ на прочное существованіе,—и въ томъ и въ другомъ случаѣ проявлялась остро ощутимая потребность въ коренномъ переустройствѣ всей жизни.

Была эта интенсивная работа только политической или только культурной? Одни считали ее политической и всячески сводили ее на квалифицировано-политическую степень. Другіе доходили до геркулесовыхъ столбовъ въ иномъ направленіи и культурное значеніе общественнаго творчества оцѣнивали, какъ полное превращеніе всѣхъ нынѣшнихъ культурныхъ основъ, какъ пришествіе соціалистическаго строя,—и знать не хотѣли никакого политическаго посредничества.

Долгіе и ожесточенные споры по этому вопросу сами собой погасли уже давно. А одна изъ спорящихъ сторонъ, между прочимъ, въ настоящее время и сама себя разбиваетъ безъ всякой жалости. Несомнѣннымъ остается одно: происходила рѣзкая и глубокая перемѣна. Общество работало и надъ государственными формами и надъ упорядоченіемъ своихъ внутреннихъ отношеній, но не было занято ни просто культурой ни просто политикой. Это былъ высшій синтезъ общественной жизни, въ которомъ старые элементы получили новое значеніе. Отъ этого измѣнилась не только имя, названіе вещи, но и ея сущность.

По наслѣдству отъ этого времени лихорадочнаго строительства къ намъ перешло въ томъ или иномъ видѣ достаточное количество крупныхъ учрежденій. Они носятъ на себѣ еще свѣжіе и явные слѣды своего происхожденія и теперь волей неволей должны приспособить свою натуру къ условіямъ и перемѣнамъ „успокоительнаго“ періода. Это значитъ, что имъ предстоитъ разрѣшить на себѣ, на собственномъ существованіи, задачу: къ чему они относятся, къ культурѣ или къ политикѣ. Въ послѣднемъ случаѣ утвердительный от-

Digitized by Google

вѣтъ, само собой понятно, дѣйствуетъ губительно на жизнь учрежденія. Впрочемъ, то же самое происходитъ и въ первомъ случаѣ, когда начинаніе рѣшитъ облечься въ укороченную одежду культурной работы. Здѣсь, такимъ образомъ, практика стараго режима приходитъ на помощь новѣйшимъ „успокоительнымъ“ средствамъ.

Діалектика общественнаго развитія привела къ этой задачѣ. Подвинувшись отъ культурной работы къ политикѣ, демократическая интеллигенція находится теперь подъ знакомъ кризиса и пытается осуществить движеніе отъ политики.

Но куда, съ какимъ соціально-политическимъ устремленіемъ?

II.

Отвѣтить на этотъ важный вопросъ впервые за время „успокоенія“ предстояло съѣзду дѣятелей народныхъ университетовъ. Важность опредѣленнаго отвѣта заключается, конечно, не въ томъ, что тѣмъ или инымъ рѣшеніемъ можно было бы обезопасить мирное теченіе просвѣтительной дѣятельности. Съ этой стороны никакія намѣренія, никакіе резоны не въ состояніи уничтожить слишкомъ хорошо установившихся прецедентовъ. Преслѣдованія культурныхъ работниковъ, искорененіе просвѣтительныхъ организацій совершается, вѣдь, у насъ безъ борьбы, безъ думы роковой—и не требуетъ никакихъ иныхъ соображеній, кромѣ охранительныхъ. Мѣстность на положеніи какой-либо изъ охранъ,—а, слѣдовательно, подлежитъ сохраненію лишь сама охрана. Все прочее предается огню и мечу. Но, помимо этихъ, извѣстныхъ еще встарь административныхъ манеръ, условія культурной работы настоящаго времени представляютъ и новыя осложняющія дѣло обстоятельства. Оформленная событіями буржуазія спѣшитъ использовать и свои права,—чего старые культурные дѣятели не видали,—на ухаживаніе за нѣжнымъ цвѣткомъ охраны. Нижегородская городская дума, сдѣлавшая въ 1905 году 18 октября постановленіе ассигновать 100 тысячъ рублей на народный университетъ, черезъ полгода уже вошла въ мѣру буржуазнаго возраста и взяла назадъ свое рѣшеніе. Нынѣшнія земскія собранія идутъ уже безъ ошибокъ и безъ запоздалыхъ поправокъ по правому пути.

— „Кутузка есть необходимое средство культуры, а потому всѣ и должны почести расходы по ея содержанію“, — такой принципъ провозглашенъ гласнымъ Келлеромъ при обсужденіи въ ялтинскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи вопроса о содержаніи земствомъ арестныхъ помѣщеній. Даже лоскъ административныхъ манеръ усвоенъ буржуазіей.

Пироговское общество, какъ мы ужъ упомянули, на громадное большинство своихъ ходатайствъ не получало никакого отвѣта отъ центральныхъ

Digitized by Google

властей. А теперь, напримѣръ, совѣтъ псковскаго общества народныхъ университетовъ обращался—не къ правительству, а въ комитетъ попечительства о народной трезвости—и то всего съ просьбой разрѣшить пользоваться аудиторіей при домѣ трудолюбія,—но только черезъ *девять мѣсяцевъ* совѣтъ удостоился получить отвѣтъ и то *отрицательный*". („Псков. Жизнь").

Въ общемъ, нынѣшнія условія культурной работы настолько ясны, препятствія такъ „естественны", что г. Крашевскій, цѣлавшій сообщеніе съѣзду дѣятелей народныхъ университетовъ о варшавскомъ „университетѣ для всѣхъ", отказался говорить объ этихъ препятствіяхъ, ибо „это понятно само собой" („Нашъ Вѣкъ").

Важность культурнаго или политическаго самоопредѣленія народныхъ университетовъ лежитъ въ иной плоскости. Оно имѣетъ не прикладную, а самостоятельную цѣнность, какъ показатель того политическаго движенія, которое совершаетъ интеллигентное сознаніе. Настоящее безвременье служитъ серьезнымъ испытаніемъ для всѣхъ общественныхъ слоевъ, такъ или иначе осѣненныхъ прогрессивнымъ духомъ. Для интеллигенціи оно имѣетъ и сугубое значеніе, опредѣляя зависимость ея идеологіи отъ смѣны текущихъ событій. Мы имѣемъ въ виду не зыбкость широкихъ общественныхъ настроеній, за которыми часто не услѣдишь,—такъ быстро иногда они превращаются,—а систематическое измѣненіе угла зрѣнія на вполнѣ уже установившіяся явленія.

Такимъ точно установленнымъ характеромъ обладаютъ народные университеты. Ихъ появленіе въ большей части, а особенно ихъ широкое неудержимое распространеніе обусловлено безпримѣрнымъ подъемомъ массъ и обострившей всѣ народныя потребности политической борьбой. Это положеніе считалось очевиднымъ, какъ кажется, для всѣхъ участниковъ съѣзда. Массовое движеніе къ самообразованію — это законорожденное дѣтище событій послѣднихъ лѣтъ. Кромѣ того стоитъ только присмотрѣться къ путямъ интенсивнаго распространенія духовнаго голода, чтобы убѣдиться, что онъ „поражаетъ" и наиболѣе голодные физически общественные слои. Вынесшіе на своихъ плечахъ всю тяжесть политическаго подъема крестьяне и рабочіе являются въ настоящій моментъ и преимущественными носителями культурнаго возрожденія страны. Народные университеты, рабочіе клубы, рабочія общества самообразованія, лекціи, книги,—всѣ эти разнообразныя культурно-просвѣтительныя средства сами собой стягиваются для насыщенія самаго демократическаго по своему классовому положенію мозга. Никакіе другіе общественные круги, кромѣ этихъ не могутъ претендовать на то, что современное культурное движеніе порождено и опредѣлено ими.

Любопытные и знаменательные факты на этотъ счетъ, приведенные и въ хроникѣ періодической печати и на съѣздѣ дѣятелей народныхъ уни-

Digitized by Google

верситетовъ, даютъ довольно яркую картину этого движенія. Что касается деревни, то къ сожалѣнію, свѣдѣнія слишкомъ ограничены. Но и то немногое, что вышло на свѣтъ, создаетъ внушительное впечатлѣніе. Г. Смирновъ собралъ въ „Рѣчи“ нѣкоторые относящіеся сюда факты. Останавливаетъ вниманіе прежде всего усиленное требованіе на дешевую книгу. „Изъ глуши псковской и новгородской губерній,—пишетъ г. Смирновъ,—несутся требованія на дешевую популярную учебную книгу по исторіи, географіи, „о землѣ“ и пр., причемъ просятъ, чтобы была надпись „одобрено *ученымъ* комитетомъ“. Оказывается, крестьяне придаютъ большое значеніе этой рекомендаціи, какъ *ученаго* учрежденія, какъ гарантіи, что книга, значитъ, издана не „бюрократіей“. Петербургскіе оптовые книгопродавцы говорятъ, что эти требованія дешевой учебной книги такъ теперь велики, что они не могутъ удовлетворить ихъ, да и нѣтъ у насъ вообще подходящихъ для этого изданій“.

„Интересныя явленія наблюдаемъ мы теперь среди крестьянской молодежи винницкаго уѣзда,—пишетъ корреспондентъ „Вѣстника Волыни“.—Грубыя развлеченія уступили мѣсто чтенію газетъ и книгъ. Парни и дѣвицы начали складчину выписывать газеты и по праздникамъ читаютъ ихъ“. Отчетъ вел.-устюгскаго уѣзднаго земства о народныхъ библіотекахъ приводитъ интересныя цифры объ усиленномъ требованіи книгъ крестьянами. Въ 1904—1906 гг. изъ 12 библіотекъ было выдаваемо книгъ 8—9 тысячъ ежегодно. Въ 1907 году это число сразу поднялось до 11 тысячъ. Даже весьма немудренныя чтенія съ туманными картинами пользуются въ настоящее время, за недостаткомъ лучшаго, хорошимъ успѣхомъ. По отчету пензенской губернской земской управы въ 20 пунктахъ губерніи за истекшій годъ было устроено 363 чтенія, на которыхъ перебывало 53½ тысячъ слушателей, т. е. по 159 человѣкъ на каждомъ. Въ саратовской губерніи на чтеніяхъ съ туманными картинами бывало по 200 и по 300 слушателей.

Движеніе къ самообразованію въ городахъ имѣетъ болѣе организованный характеръ, болѣе богато средствами и носитъ явственные слѣды своего соціально-политическаго происхожденія. Рабочіе клубы и общества самообразованія ведутъ свое непосредственное начало отъ интересовъ и событій недавняго общественнаго подъема. Все время они поддерживаютъ упорную борьбу за существованіе, цѣпляясь за малѣйшую возможность продолжать свою просвѣтительную работу. Народные университеты возникаютъ въ значительной части случаевъ около того же времени. Общеобразовательные курсы въ Симферополѣ основаны осенью 1905 года, воронежское общество народныхъ университетовъ, Тифлисское, варшавскій „университетъ для всѣхъ“, возникли въ началѣ 1907 года и т. д. Тѣ учрежденія, которыя существовали до освободительнаго движенія и, вообще, всѣ народные университеты съ этого историческаго момента, политическаго

Digitized by Google

народнаго подъема, должны были приспособить свою дѣятельность къ запросамъ демократическихъ массъ. Они должны были даже не просто демократизироваться, но часто вступать въ болѣе организованныя соглашенія именно съ мѣстнымъ пролетаріатомъ, дающимъ главный контингентъ слушателей.

Кое-какія цифры и факты заслуживаютъ того, чтобы ихъ привести для конкретной характеристики городского движенія въ образованію. Въ Петербургѣ въ настоящее время насчитывается девять рабочихъ клубовъ, число членовъ которыхъ въ общемъ достигаетъ 3,000. Крупнѣйшій изъ нихъ „Образованіе“ имѣетъ 700 членовъ; членскій взносъ опредѣленъ въ 25 коп. Въ обществѣ „Просвѣщеніе“ 600 членовъ, уплачивающихъ 20 коп. Общество рабочихъ Нарвскаго района состоитъ изъ 400 членовъ,—взносъ 15 коп. Клубъ рабочихъ балтійскаго завода „Наука и Жизнь“ насчитываетъ 35 членовъ, но на лекціяхъ обыкновенно присутствуетъ 400—500 человѣкъ (лекціи могутъ посѣщать жены рабочихъ и не члены клуба). Вступительный взносъ здѣсь опредѣленъ въ 50 коп., членскій—25 к. Общество „Наука“ имѣетъ 100 членовъ (вступительный взносъ 25 коп., членскій—20). „Женскій клубъ самообразованія“ насчитываетъ сейчасъ свыше 300 членовъ (взносъ—15 к.) и пр. Лекціи во всѣхъ клубахъ читаются не только по праздникамъ, но и среди недѣли по вечерамъ, 2—3 раза въ недѣлю. Ежедневныя лекціи, какъ-то было въ клубѣ „Образованіе“ вскорѣ послѣ его открытія, встрѣтили административныя репрессіи.

Въ московскомъ обществѣ народныхъ университетовъ за истекшее полугодіе въ одномъ только центральномъ отдѣленіи (Политехническій музей) было прочитано 127 лекцій. По всѣмъ отдѣламъ (литературному, юридическому, естественному, медицинскому и экономическому) было сдѣлано около 49½ тысячъ посѣщеній. Средняя посѣщаемость на каждую лекцію около 400 человѣкъ. Во всѣхъ аудиторіяхъ народнаго университета за 2½ мѣсяца перебывало около 58,000 слушателей, а за весь истекшій годъ—около 100 тысячъ. По требованію рабочихъ въ обществѣ проводится принципъ децентрализаціи: образованы районные народные университеты. За 2½ мѣсяца въ четырехъ районахъ были организованы 88 лекцій при средней посѣщаемости на каждую лекцію въ 249 человѣкъ.

Варшавскій „университетъ для всѣхъ“ за восемь мѣсяцевъ его существованія посѣтило около 85 тысячъ человѣкъ. Руководство университетомъ сосредоточено не въ правленіи, а сильно децентрализовано. Организація районныхъ отдѣленій предоставлена рабочимъ и интеллигентамъ, которые сперва образуютъ заводскіе кружки; нѣсколько заводскихъ кружковъ составляютъ районное отдѣленіе „университета для всѣхъ“.

Тифлисское общество народныхъ университетовъ организуетъ школы грамоты, гдѣ начальное обученіе ведется на шести языкахъ, и лекціи, читающіяся на пяти языкахъ; 70% контингента слушателей составляютъ

Digitized by Google

рабочіе. Рабочіе входятъ и въ составъ правленія (безпартійнаго, имѣющаго и представителей разныхъ національностей),—делегируемые профессіональными союзами.

Симферопольскіе курсы имѣютъ постоянныхъ слушателей 145, число же посѣщающихъ курсы по разовымъ билетамъ считается около 500. По предложенію представителей профессіональныхъ рабочихъ союзовъ правленіе организовало для рабочихъ болѣе доступныя по содержанію лекціи и понизило входную плату. Средняя посѣщаемость лекцій воронежскаго общества народныхъ университетовъ—около 170. Контингентъ слушателей составляютъ преимущественно приказчики, рабочіе и учащіеся. Нижегородскимъ обществомъ было устроено 562 лекціи, привлекшихъ 42886 слушателей. „Столь большой интересъ къ лекціямъ,—передаетъ содержаніе прочитаннаго на съѣздѣ заклада „Нашъ Вѣкъ",—объясняется какъ содержаніемъ самихъ лекцій, такъ и содѣйствіемъ профессіональныхъ союзовъ. Съ закрытіемъ послѣднихъ число слушателей значительно уменьшилось. Курсы посѣщались преимущественно пролетарскимъ элементомъ". Слѣдуетъ отмѣтить особо роль освободительнаго движенія въ развитіи дѣятельности нижегородскихъ курсовъ: оно создало такой спросъ на лекціи, что едва одна пятая желающихъ могла получить удовлетвореніе. Въ составъ правленія закрытаго недавно харьковскаго народнаго дома входятъ представители отъ рабочихъ, по преимуществу паровозостроительнаго завода. Кіевское общество содѣйствія начальному образованію, возникшее въ 1882 году, въ настоящее время должно было приблизиться къ типу нынѣшнихъ народныхъ университетовъ, и устройство публичныхъ лекцій составляетъ теперь основную дѣятельность общества.

Этотъ неполный обзоръ изъ практики нынѣшнихъ просвѣтительныхъ учрежденій даетъ, какъ намъ кажется, представленіе о томъ, откуда вышли новѣйшія просвѣтительныя начинанія, кѣмъ ихъ характеръ опредѣляется, къ какому соціальному центру они тяготѣютъ. Имѣя въ виду спеціально народные университеты, которыхъ нѣтъ еще въ деревнѣ, можно сдѣлать заключеніе о выдающейся роли городского пролетаріата въ созиданіи и направленіи дѣятельности культурно-просвѣтительныхъ учрежденій. Если рабочіе не имѣютъ возможности собственными силами основать свой клубъ, общество самообразованія, то силою вещей они становятся ближайшими участниками и сотрудниками народныхъ университетовъ.

III.

Естественная тенденція этого факта раскрывается сама собой. Еще на первомъ общемъ засѣданіи М. М. Ковалевскій, открывая съѣздъ, сдѣлалъ слѣдующее заключеніе, какъ результатъ своего долговременнаго опыта въ качествѣ лектора въ народныхъ университетахъ Запада. „Какъ бы демо-

Digitized by Google

кратично ни былъ поставленъ университетъ,—передастъ содержаніе его рѣчи „Нашъ Вѣкъ“,—онъ не будетъ охотно посѣщаться широкими слоями рабочихъ, если лекціи будутъ читаться не въ народныхъ учрежденіяхъ. Въ Брюсселѣ одна и та же лекція, прочитанная въ maison du peuple привлекала въ десятки разъ больше слушателей, чѣмъ въ демократическомъ университетѣ. Рабочіе больше любятъ быть у себя дома, нежели въ гостяхъ“.

На почвѣ этой тенденціи произошли наиболѣе острыя пренія, опредѣлившія характеръ съѣзда и его симптоматическое значеніе для текущаго момента. Необходимость поставить точку надъ і, подчеркнуть тѣсную связь между рабочими организаціями и народными университетами, опредѣлить направленіе демократизаціи культурно-просвѣтительныхъ учрежденій,—эта простая задача съ очевиднымъ ея рѣшеніемъ встрѣтила знаменательное несочувствіе доброй половины съѣзда. Демократизація,—да, сколько угодно,—соглашались противники детализованнаго рѣшенія,—но только вообще. Насколько это „вообще“ было общимъ мѣстомъ, можно усмотрѣть хотя бы изъ судьбы той резолюціи съѣзда, которая говоритъ объ организаціи и постановкѣ дѣла въ народныхъ университетахъ. Начало этой резолюціи говоритъ о необходимости демократическихъ началъ, самоуправленія и самодѣятельности, въ основѣ просвѣтительныхъ учрежденій. Вторая часть нѣсколько ближе подходитъ къ этимъ началамъ и рекомендуетъ устройство отдѣленій университета въ районахъ „трудового населенія“, участіе слушателей въ выборахъ всѣхъ должностныхъ лицъ, въ выработкѣ общаго плана занятій, опредѣленія отдѣльныхъ темъ и пр. Организаціонное бюро съѣзда предложило принять только первую часть и отклонить вторую. Но, вѣроятно, принятыя раньше поправки спасли резолюцію: она была принята 185 противъ 99. Но и такая пропорція голосовъ уже достаточно характерна для настроенія демократическаго съѣзда.

Значительно рѣзче съѣздъ отнесся къ другой резолюціи, которая подвергала его болѣе рѣшительному испытанію. Представителями рабочихъ организацій была предложена на обсужденіе первой секціи съѣзда слѣдующая резолюція. Мы приводимъ ее цѣликомъ по важности ея содержанія.

„Съѣздъ признаетъ, что 1) народные университеты и другія просвѣтительныя учрежденія частной иниціативы, ставящія себѣ цѣлью распространеніе знаній въ рабочихъ массахъ, заинтересованы въ томъ, чтобы въ ихъ работѣ принимали участіе профессіональные союзы и другія рабочія организаціи, ближе всего знакомыя съ культурнымъ уровнемъ и умственными запросами этихъ массъ; 2) работа эта будетъ итти тѣмъ лучше и успѣшнѣе, чѣмъ демократичнѣе будетъ весь строй народныхъ университетовъ и чѣмъ болѣе будутъ они въ своей дѣятельности считаться съ тѣми запросами и требованіями, которыя выдвигаются рабочими организаціями, какъ выразителями истинныхъ потребностей рабочихъ массъ; 3) нахо-

Digitized by Google

что содержаніе этой работы и ея организаціонныя формы, вообще зависящія отъ мѣстныхъ условій, должны каждый разъ опредѣляться свободнымъ соглашеніемъ обѣихъ сторонъ, съѣздъ полагаетъ, однако, что необходимымъ условіемъ соглашенія должно быть: а) признаніе особаго представительства рабочихъ организацій, б) признаніе за этими организаціями права опредѣлять какъ программу занятій по общественнымъ наукамъ, такъ и намѣчать для этихъ занятій желательныхъ лекторовъ".

Предложенная первой секціи резолюція, какъ видимъ, констатируетъ только факты, уже установленные практикой народныхъ университетовъ, и почти ничего не прибавляетъ къ самой практикѣ. Это ужъ достаточно ясно изъ приведеннаго нами выше обозрѣнія. Предлагая *эту* резолюцію,— объяснялъ одинъ изъ рабочихъ во время возникшихъ по поводу нея преній,—рабочіе стали не на почву классовой обособленности, а разсуждаютъ исключительно съ точки зрѣнія установленія нормальныхъ отношеній между тѣми, кто учитъ и тѣми, кто учится. „Мы уже достаточно выросли,—сказалъ онъ,—чтобы самимъ знать, что намъ нужно". Повторяемъ, это въ сущности не доводъ въ пользу ближайшаго сотрудничества рабочихъ въ большомъ культурномъ дѣлѣ, а указаніе на установленный современнымъ движеніемъ россійской культуры фактъ.

Этого не могли не признать противники резолюціи. Соглашаясь съ тѣмъ, что почти всюду такъ и дѣлается, они однако возставали противъ представительства отъ *рабочихъ организацій*. По ихъ мнѣнію фактъ говоритъ только объ участіи слушателей, но не представителей профессіональныхъ союзовъ, да послѣдніе, по своей молодости, и не могутъ претендовать на представительство отъ всего класса. Съ другой стороны, говорили они, народные университеты имѣютъ только одну задачу—дать слушателямъ возможно больше знаній по обще-образовательнымъ предметамъ, предложенная же резолюція открываетъ, по ихъ мнѣнію, двери разсадниковъ науки политикѣ, да еще политикѣ классовой. А политика—это погибель для университета. Эта мысль раздавалась и на секціонныхъ и на общихъ засѣданіяхъ съѣзда. Г. П. Н. Сыромятниковъ неоднократно пропагандировалъ ее, предостерегалъ и аргументировалъ свое положеніе не опасеніями репрессій со стороны администраціи, а исключительно исходя изъ интересовъ популяризаціи науки. Только усвоивши хотя бы начала науки, говорилъ онъ, народъ окажется непобѣдимымъ въ политической жизни.

Но послѣдній аргументъ, кажется, есть своего рода политическій соблазнъ, отъ котораго самъ же г. Сыромятниковъ предостерегалъ? И притомъ соблазнъ, принаровленный къ искушенію политически невинныхъ людей, что ужъ совсѣмъ нехорошо? Въ самомъ дѣлѣ, тщательное отдѣленіе культурно-просвѣтительной дѣятельности отъ политики — старый добрый пріемъ когда-то погребеннаго культурничества. Онъ былъ разсчитанъ не

Digitized by Google

только на предметъ счастливой жизни „малаго дѣла“, но и на политически-слѣпую общественную среду. Только въ безпросвѣтную сумеречную эпоху можно было думать и увѣрять другихъ, что накопленіе и распространеніе знаній, совершенно очищенныхъ отъ политической конкретности, приводитъ къ нарощенію политической силы. Политическая мощь расцвѣтаетъ гдѣ-то въ будущемъ сразу пышнымъ цвѣткомъ, а теперь—знайте, накопляйте и распространяйте! Политика, отброшенная на неопредѣленное время въ будущее, истила, какъ извѣстно, за себя тѣмъ, что скрытно появлялась и производила свои опустошенія въ самомъ процессѣ накопленія и распространенія невинныхъ наукъ. Очищенная наука принуждена была пользоваться сугубо загрязненными путями: какъ капиталъ въ свое время, она у насъ до сихъ поръ не выходитъ изъ стадіи „первоначальнаго накопленія“ хищническими, подпольными средствами.

Для настоящаго времени этотъ типичный возвратъ къ культурничеству тѣмъ болѣе разителенъ, что онъ намѣренно закрываетъ глаза на измѣнившуюся именно въ политическомъ отношеніи среду алчущихъ знанія. Нарожденіе рабочей интеллигенціи,—фактъ, подчеркнутый защитниками резолюціи,—совершенно игнорируется при этомъ. Опасеніе сдѣлать изъ школы орудіе политической борьбы сдѣлало въ своемъ крайнемъ выраженіи то, что изъ рабочей аудиторіи насильно, грубо вырывается ея политическое содержаніе, пріобрѣтенное кровавыми уроками послѣдней исторіи. Увѣренія рабочихъ, что они желаютъ только учиться въ народномъ университетѣ, что для своей борьбы они имѣютъ другія организаціи,—было, очевидно, мало-убѣдительнымъ для противниковъ. Задачей народныхъ университетовъ, продолжали они твердить, не можетъ быть воспитаніе классового самосознанія среди рабочихъ, народный университетъ не знаетъ ни классовъ, ни сословій, ни національностей, народный университетъ не можетъ, „объзить“ своей дѣятельности и пр. въ этомъ родѣ.

Разговоръ велся, такимъ образомъ, на языкахъ двухъ политическихъ эпохъ. Одинаково звучащіе на томъ и другомъ языкѣ термины, оказалось, имѣли различное содержаніе. Одни, защитники резолюціи рабочихъ, имѣли въ виду культуру во всей сложности того ея значенія, которое дано ей подъемомъ духовныхъ силъ народа. Эти культурные всходы нельзя отдѣлить отъ почвы, вскормившей ихъ, но слѣдуетъ брать ихъ такъ, какъ они есть, безъ искусственной абстракціи чисто просвѣтительныхъ результатовъ отъ вполнѣ опредѣленныхъ соціальныхъ корней. При такомъ отношеніи культурныя задачи современности совсѣмъ не становятся средствомъ политическихъ намѣреній, но только потому, что онѣ безбоязненно вскрываютъ и выражаютъ наиболѣе глубокую связь между всѣми сторонами жизни, потому, что онѣ упорядочиваютъ и ставятъ на свое мѣсто и политическую и просвѣтительную и пр. дѣятельность.

Языкъ противниковъ резолюціи оперировалъ съ тѣмъ оскопленнымъ

Digitized by Google

понятіемъ культуры, которое развивается въ схоластической чистотѣ и цѣломудріи, неоплодотворенное органическимъ сліяніемъ съ жизнью народа. Предъ ними очевиднѣйшій фактъ стихійнаго тяготѣнія къ просвѣщенію. Они берутъ этотъ фактъ и предлагаютъ ему... матрикулироваться. Съ этого момента общественная волна, хлынувшая въ народные университеты, общеобразовательные курсы, клубы и т. д., разбивается на капли—слушателей, и каждая капля насыщается такой-то порціей научныхъ элементовъ по новѣйшей педагогической методѣ. Въ храмѣ науки нѣтъ сословій, нѣтъ классовой борьбы, но почему же отсюда слѣдуетъ, что тамъ нѣтъ и живыхъ людей, во всей ихъ соціальной плоти, а только „слушатели"? Этотъ взглядъ, точь-въ-точь совпадающій съ казеннымъ образцомъ культуры, роковымъ образомъ навязывается „вообще"—демократической интеллигенціи, несмотря на ея политическій радикализмъ.

Никогда, можетъ быть, неловкость въ обращеніи съ фактами въ натуральную величину такъ зло не отзывалась на нашей интеллигенціи, исторически воспитанной на уменьшенныхъ копіяхъ съ общественныхъ явленій. Уже послѣ того, какъ жизнь развернулась въ естественномъ масштабѣ, „вообще — демократы" продолжаютъ отмѣривать ее мѣркой въ сотую долю. И что же удивительнаго, если, неожиданно для нимъ самихъ, они попадаютъ въ положеніе совсѣмъ не демократическое. Мы видѣли только что ихъ невольное бюрократическое согрѣшеніе. Представители рабочихъ уличили ихъ и въ предпринимательскомъ грѣхѣ. Они объяснили имъ, что во взглядѣ, будто „рабочія организаціи не имѣютъ права говорить отъ имени всего рабочаго класса, кроется большое недоразумѣніе. Такой взглядъ на рабочія организаціи поддерживается всегда предпринимателями, не желающими признавать рабочія организаціи. Прогрессивная же часть современнаго общества всегда признавала, что рабочія организаціи, объединяющія наиболѣе культурную, сознательную и передовую часть рабочаго класса, несомнѣнно являются вѣрными выразителями нуждъ и стремленій всего класса рабочихъ".

Этотъ элементарный урокъ соціальной азбуки былъ не только вполнѣ заслуженъ, но и необходимъ. Культурная работа, къ которой теперь приливаютъ интеллигентскія силы, не совсѣмъ такъ обставлена, какъ въ былыя времена, чтобы за нее браться, не ознакомившись заранѣе съ ея требованіями. Раньше достаточно было неопредѣленно-демократическаго устремленія для того, чтобы произвести культурный эффектъ въ аморфной общественной средѣ. Маленькое просвѣтительное дѣло не могло произвести какихъ-либо неожиданныхъ послѣдствій: былъ только незамысловатый культурный свѣтъ, побольше или поменьше, отчего, впрочемъ, всѣ кошки оставались сѣрыми.

Нынѣшнія условія культурной работы изобилуютъ тѣми же препонами, что и прежде не скупо давали знать себя. Но зато внутренняя

Digitized by Google

„обстановка“ настолько опредѣленно разставлена, что въ ней можно безъ руководящаго компаса попасть не на то мѣсто, куда мѣтишь. Это и случилось съ объясняющимися на церковно-славянскомъ языкѣ нашей общественности. Несмотря на видимо искреннюю, демократичность ихъ настроенія, они неожиданно попали въ положеніе бюрократовъ и предпринимателей.

А, можетъ быть, и не совсѣмъ неожиданно. Первая секція съѣзда послѣ долгихъ преній приняла вышеприведенную резолюцію рабочихъ. На соединенномъ засѣданіи всѣхъ секцій споры по этому же поводу повторились, резолюція была поставлена на голосованіе,—и большинствомъ 110 противъ 105 отвергнута.

IV.

Еще одна заключительная деталь о занятіяхъ съѣзда. Острое столкновеніе между членами съѣзда и организаціоннымъ бюро вызвала резолюція по вопросу о преподаваніи въ школахъ на родномъ языкѣ мѣстнаго населенія. Политическій характеръ этой резолюціи, принятой въ первой секціи, вызвалъ противодѣйствіе бюро. Оно отказалось даже огласить эту страшную резолюцію, въ которой самымъ страшнымъ было упоминаніе о „правящей бюрократіи“, и предложило иную, смягченную редакцію. Послѣдовали „инциденты“: сначала предсѣдатель покинулъ свой постъ, затѣмъ вступилъ, а дальше и большинство членовъ съѣзда протестуя покинули собраніе. Оставшіеся приняли „мягкую“ резолюцію.

Такъ нерожденъ съѣздъ дѣятелей народныхъ университетовъ кризисъ нынѣшняго безвременья. Его спасали отъ страшныхъ политическихъ словъ, и, несмотря на протесты, спасли. Съѣздъ въ своихъ резолюціяхъ не вышелъ изъ „рамокъ“. Внутри съѣзда велась сильная оборона противъ „классовой“ политики,—и здѣсь точно также побѣда осталась на сторонѣ противниковъ политики.

Что означаетъ это положеніе культурныхъ работниковъ? Ихъ движеніе къ самоопредѣленію, что выразилось въ самомъ созывѣ съѣзда, являлось однимъ изъ результатовъ объективнаго хода вещей. Демократическая интеллигенція, сброшенная съ политическихъ высотъ, должна была схватиться за культурную работу, какъ за свое спасеніе. Въ этого рода общественной дѣятельности открывался для нея выходъ изъ историческаго тупика. Но невольное паденіе внизъ не могло, конечно, способствовать планомѣрному вступленію въ этотъ выходъ. Вмѣсто „блестящаго отступленія“ со всѣмъ обозомъ соціально-политическихъ цѣнностей, добытыхъ тамъ наверху, получилось безпорядочное бѣгство. Къ политикѣ эта общественная группа подошла, нагруженная всѣмъ долголѣтнимъ опытомъ „культурной работы“. Отъ нея движется столь же нагруженная, но ужъ не зная, что дѣлать со своимъ запасомъ.

Digitized by Google

Въ этомъ смыслѣ явной неувѣренности въ своихъ дѣйствіяхъ и характерно прежде всего положеніе съѣзда. Здѣсь присутствовали и люди съ опредѣленными политическими убѣжденіями, и люди просто съ политическимъ настроеніемъ, и „культурники", и профессіональные дѣятели просвѣщенія. Всѣ собрались для одной намѣчаемой жизнью цѣли и во имя ея. Эта цѣль и предстоящая культурная работа,—говорилось въ радикальной печати,—должна объединить политически раздѣлившуюся интеллигенцію. Пріютъ солидарности, казалось, готовъ былъ гостепріимно раскрыться и успокоить истерзанныя программами, платформами и пр. чувства интеллигентовъ.

Почему бы и не такъ? Образованіе—великое для всѣхъ дѣло, да и отдохнуть въ полномъ согласіи со своимъ ближнимъ—тоже вещь пріятная. Всѣ условія дружной работы на лицо. Однако, солидарность не только не обнаружилась, но даже хуже того: проявилась очевидная неспособность неопредѣленно-демократической смѣси, которая и составляла съѣздъ, къ культурной кристаллизаціи. Будто всѣ организаціонныя силы были использованы въ предшествовавшій историческій періодъ, и обезсиленная интеллигенція только по инерціи катится еще совокупной слабо сцѣпленной массой. Она задержалась еще въ значительной части на культурной заботѣ, но не послѣдняя ли это остановка передъ тѣмъ, какъ разсыпаться въ сѣрый, косный прахъ?

Борьба съ классовыми „поползновеніями" профессіональныхъ союзовъ и рабочихъ организацій, вообще, наглядно показываетъ неустойчивое положеніе интеллигенціи на культурно-просвѣтительной опорѣ. Голоса раздѣлились поровну. Если вспомнить важнѣйшую роль городского пролетаріата, какъ двигательной силы просвѣтительныхъ учрежденій частной инициативы, если вспомнить, что эта роль ясна для всѣхъ участниковъ съѣзда, то нельзя не признать, что вопросъ, расколовшій съѣздъ пополамъ, является для него кардинальнымъ. Поэтому результатъ голосованія далеко не случайный фактъ. Онъ неизмѣримо важнѣе для характера занятій съѣзда, чѣмъ тотъ внѣшній фактъ, что съѣздъ выполнилъ всю намѣченную работу и даже положилъ начало второму съѣзду.

Внимательно присматриваясь къ существу спора и къ позиціямъ двухъ опредѣлившихся сторонъ, можно отмѣтить и слѣдующую замѣчательную черту. Мы ужъ сказали, что къ культурной работѣ интеллигенція въ массѣ не столько планомѣрно приближалась, сколько была „оброшена" къ ней. Съ другой стороны, массовое культурное движеніе, усиленное тяготѣніе къ образованію совершенно естественно развивалось и наростало въ общемъ потокѣ обостренныхъ нуждъ и желаній. Послѣдній процессъ трансформировался разными историческими событіями. Онъ совершался неровно, то оскудѣвалъ, то вдругъ обогащался притокомъ новыхъ силъ. Но всегда онъ оставался непрерывнымъ развитіемъ одного и того же явленія. Событія по-

Digitized by Google

слѣднихъ лѣтъ поставили его на высокую степень, и нынѣшняя стадія въ состояніи этого процесса не только не отказывается отъ этого наслѣдства, но, какъ и слѣдовало ожидать отъ подлинно массоваго движенія, сохраняетъ всѣ слѣды предшествовавшаго періода. Эти слѣды неуничтожаемы. Замѣтимъ, между прочимъ, что историческая закономѣрность такого усиленнаго стремленія къ образованію въ связи съ дѣятельностью профессіональныхъ союзовъ и кооперативовъ подтверждается и аналогичными фактами въ соціальномъ движеніи другихъ странъ въ тотъ моментъ, когда они переживаютъ подобный же соціально-политическій кризисъ (напомнимъ, напримѣръ, Францію послѣ 1851 года).

Не менѣе важнымъ доказательствомъ цѣлостности нынѣшняго культурнаго движенія соціальныхъ низовъ кажется намъ предшествовавшее конституціонному времени содержаніе этого процесса. Мы имѣемъ въ виду пропагандистскую работу въ кружкахъ рабочихъ. Критика политическаго, тактическаго и организаціоннаго значенія кружковъ уже сдѣлала свое дѣло, и объ этихъ ячейкахъ можно въ настоящее время говорить спокойно, не опасаясь впасть въ переоцѣнку. И при такомъ нынѣ уже безпристрастномъ отношеніи нельзя не обратить вниманія на большое культурное дѣло, которому служили кружки рабочихъ. Пропагандистскія усилія, несмотря на собственныя политическія увлеченія, на крайнюю скудость педагогическихъ силъ и техническихъ средствъ, съумѣли создать кадръ сознательныхъ рабочихъ. Культурный свѣтъ, исходившій изъ этой передовой группы пролетаріата, былъ неизмѣримо сильнѣе легальнаго свѣтильника. И не только сильнѣе, но — и это самое важное, — онъ былъ богаче, онъ переливалъ всѣми красками истинной, полной культуры. Кружковая пропаганда какъ-ни-какъ, но стремилась передать всю цѣнность культуры. Передача была, повторяемъ, весьма несовершенной. И здѣсь можно указать много существенныхъ промаховъ и недочетовъ. Но нельзя забывать, что это былъ не обезцвѣченный кусочекъ знаній, а *вся* система, *вся* душа культурнаго совершенствованія человѣчества.

Это богатое, но нераскрытое еще въ пропагандистскихъ кружкахъ содержаніе культурнаго движенія низовъ было развернуто событіями послѣднихъ лѣтъ. И теперь рабочія массы продолжаютъ онерировать съ той же полновѣсной культурой, которой пользовались ихъ сознательные верхи до этого времени, которую оно показало и низамъ.

Этотъ цѣлостный процессъ пролетаріата въ настоящій моментъ скрестился въ своемъ развитіи съ движеніемъ, совершаемымъ демократической интеллигенціей по случаю ея „паденія“ отъ политики. Съ одной стороны, увѣренное развитіе издавна заложенныхъ началъ, съ другой,—неувѣренное состояніе, которое мы выше обрисовали. Пришли и тѣ и другіе къ одному этапу, но пришли разными путями въ иномъ порядкѣ. Если можно было во время оно наблюдать нѣкоторый параллелизмъ въ движеніяхъ

Digitized by Google

низовъ и интеллигенціи къ политикѣ, если переходныя ступени и тамъ и здѣсь являлись политически высшими относительно пройденныхъ, и либеральная интеллигенція все больше обогащала свой культурный опытъ и доводила, такимъ образомъ, содержаніе своей культуры до ея международнаго, полновѣснаго значенія,—то въ настоящій моментъ такой параллелизмъ совершенно отсутствуетъ. Интеллигенція совершаетъ понятное движеніе, расширая культурную цѣнность.

Борьба мнѣній на съѣздѣ, такимъ образомъ, означаетъ не просто столкновеніе двухъ общественныхъ теченій, а споръ изъ-за неоспариваемой до сихъ поръ вещи. Просвѣщеніе массъ до недавняго времени дѣйствительно было или казалось дѣломъ, не возбуждающимъ никакихъ сомнѣній среди разнообразныхъ слоевъ демократической интеллигенціи. Здѣсь было ясно, что дѣлать, хотя совсѣмъ неизвѣстно, какъ дѣлать: все равно пути къ массамъ были закрыты. Нынче, наоборотъ, вопросъ, какъ по-настоящему дѣлать культурную работу не вызываетъ особенныхъ преній. Демократизація всей жизни намѣтила основныя черты новѣйшихъ культурныхъ методовъ и создала соотвѣтствующія учрежденія въ видѣ рабочихъ клубовъ, народныхъ университетовъ и прочихъ мѣстъ внѣшкольнаго образованія. Даже вопросъ о воздѣйствіи самихъ слушателей на педагогическіе методы (разработка съ ихъ участіемъ учебныхъ программъ, приглашеніе желательныхъ имъ лекторовъ), даже этотъ вопросъ не такъ ужъ сильно раздѣлялъ съѣздъ. Онъ получилъ отрицательное рѣшеніе въ числѣ пунктовъ второй изъ приведенныхъ нами резолюцій и получилъ большинство голосовъ съѣзда въ числѣ пунктовъ резолюціи объ общей демократизаціи народныхъ университетовъ.

Непримиримую вражду вызвала другая сторона культурно-просвѣтительнаго движенія, — что дѣлать. На этомъ вопросѣ произошло скрещеніе двухъ путей, интеллигентскаго и рабочаго, и теперь ужъ нельзя сказать, чтобы встрѣча прошла благополучно. Она послужила къ самоопредѣленію интеллигентской роли въ массовомъ культурномъ движеніи, самоопредѣленію не преднамѣренному, но необходимо вызванному всей окружающей обстановкой.

Какъ бы чувствуя всю опасность своего положенія, противники рабочей резолюціи старались перевести занятія съѣзда къ разработкѣ именно педагогическихъ методовъ распространенія знаній въ массахъ, т. е. къ вопросу, который не могъ бы сильно расколоть участниковъ съѣзда. Но то, что такъ избѣгали подчеркивать, само собой было выдвинуто на первый планъ освѣщеніемъ нашей „бѣлой ночи“. Съѣздъ не желалъ ни просто политики, ни классовой политики, но неоформленная политически свѣтотѣнь дала не менѣе рѣзкіе контуры и отъ огня непосредственныхъ соціальныхъ взаимоотношеній.

Неувѣренное, неоживленное отношеніе съѣзда въ цѣломъ къ культур-

Digitized by Google

ной работѣ осложнилось, такимъ образомъ, и особеннымъ состояніемъ распада культурнаго единства интеллигенціи. Въ какую сторону совершается движеніе интеллигентской мысли, въ сторону ли чисто культурной работы или „политики", на этотъ знаменательный вопросъ современности съѣздъ далъ въ лучшемъ случаѣ,—если считаться не съ принятыми резолюціями, а съ фактическимъ содержаніемъ его занятій, — весьма нерѣшительный отвѣтъ. Можно, пожалуй, утверждать, что съѣздъ сказалъ „да — нѣтъ, нѣтъ—да", но вѣрнѣе, онъ не пожелалъ сказать ни „да", ни „нѣтъ".

Нынѣшняя культурная работа, такимъ образомъ, не получила оффиціальной интеллигентской печати. Печать оказалась сломанной. Каждая изъ общественныхъ группъ, принимавшихъ участіе въ занятіяхъ съѣзда, оперировала съ своей половинкой, рѣшительно отказывая признавать законность удостовѣренія, которое накладывала на культурную работу другая группа своей половинкой печати. Слѣдуетъ ли отсюда, что культурной заботѣ суждено остаться безъ опредѣленной физіономіи? Конечно, нѣтъ. Мы ужъ видѣли черты, придающія большое значеніе и яркій смыслъ событіямъ въ этой области. Такого рода факты не могутъ остаться въ неопредѣленномъ туманѣ случайнаго существованія, не могутъ не собраться въ одно массовое явленіе внѣ опредѣленнаго общественнаго порядка.

Другое дѣло—положеніе самихъ культурныхъ работниковъ изъ тѣхъ соціальныхъ круговъ, которые обыкновенно поставляли дѣятелей просвѣщенія. Въ своемъ движеніи отъ политики они спѣшатъ перейти прямо къ мирному просвѣтительному труду, минуя политическое испытаніе. Возможно ли сдѣлать такой скачокъ, сохранивъ въ цѣлости накопленныя послѣдней исторіей и культурныя средства и объекты культурнаго воздѣйствія, — покажетъ ближайшее будущее. Столкновеніе съ рабочими организаціями позволяетъ сдѣлать неблагопріятный прогнозъ въ этомъ отношеніи. Серьезная опасность большихъ потерь на лицо.

Что же касается благополучія самого прыжка, то слѣдуетъ констатировать фактъ: политика, — хотя бы въ лицѣ организаціоннаго бюро,— удачно настигала членовъ съѣзда.

І. Ларскій.

Digitized by Google

Вопросы текущей жизни.

Кризисъ интеллигенціи.

Послѣдніе годы напряженной политической борьбы потребовали тяжелыхъ жертвъ отъ всѣхъ классовъ и слоевъ русскаго населенія; экономическій и политическій кризисъ, переживаемый страной, разрушилъ старый укладъ общественной жизни не только въ цѣломъ, но и въ составныхъ его частяхъ. Каждая отдѣльная соціальная группа должна была измѣнить свое внутреннее строеніе, согласно съ требованіями новаго времени. Капиталисты и рабочіе, землевладѣльцы и крестьяне, мелкая буржуазія городовъ и селъ,—всѣ эти общественныя группы были выбиты революціей изъ старой колеи и возвратились въ нее уже измѣнившимися подъ вліяніемъ богатаго опыта пережитой политической и экономической борьбы.

Но для тѣхъ группъ, которыя образуютъ матеріальный скелетъ общества, всѣ измѣненія, вызванныя революціей, ограничились преимущественно перемѣнами внутренняго характера; ни одна изъ этихъ общественныхъ группъ не только не сошла со сцены, но, наоборотъ, каждая еще болѣе развила и укрѣпила тенденціи, свойственныя ея соціальной природѣ. Въ совершенно иномъ положеніи оказалась послѣ 17 октября многочисленная группа, игравшая громадную роль въ дореволюціонный періодъ русской жизни,—группа демократической интеллигенціи.

Политическая буря почти уничтожила интеллигенцію, какъ самостоятельную соціальную величину. Если пока еще не окончательно выяснились глубокія перемѣны и въ общественномъ положеніи и въ групповой психологіи демократической интеллигенціи, то уже и теперь совершенно ясно, что интеллигенція переживаетъ серіозный кризисъ, переживаетъ коренной переломъ, послѣ котораго она едва-ли когда-нибудь займетъ свое прежнее мѣсто въ русской жизни.

Вліяніе этого кризиса сказывается во всѣхъ проявленіяхъ интеллигентскаго существованія. Оно сказывается и въ той безработицѣ интеллигентнаго пролетаріата, которая достигаетъ въ настоящее время небывалыхъ размѣровъ и сопровождается небывало тяжелыми послѣдствіями, начиная

Digitized by Google

отъ участія интеллигентовъ въ экспропріаторскихъ шайкахъ, и кончая голодными смертями и самоубійствами подъ гнетомъ крайней нужды. Оно сказывается и въ разрушеніи той духовной связи, которая до 17 октября объединяла интеллигентовъ въ своеобразную общину и превращала ихъ разрозненные ряды въ организованное цѣлое, скрѣпленное невидимыми, но прочными нитями. Оно сказывается и въ той душевной тревогѣ, которую переживаетъ теперь демократическая интеллигенція, и въ тѣхъ робкихъ призывахъ къ новому сплоченію, которые раздаются изъ ея рядовъ, разстроенныхъ и разбросанныхъ порывомъ налетѣвшей бури. Оно сказывается и въ безплодности объединительныхъ призывовъ. Оно сказывается и въ появленіи среди интеллигенціи новыхъ элементовъ съ новыми нравами, съ новыми запросами, съ новой психологіей, во многомъ коренныхъ образомъ отличающихся отъ прежнихъ.

Нѣтъ никакихъ основаній разсчитывать на то, что этотъ кризисъ быстро окончится, и интеллигентская жизнь потечетъ по прежнему руслу. Его причины и его послѣдствія слишкомъ глубоки, чтобы не повліять коренныхъ образомъ на судьбы русской интеллигенціи, какъ самостоятельной соціальной величины.

II.

Въ дореволюціонный періодъ, русская интеллигенція и количественно и качественно играла выдающуюся роль въ жизни страны. Несмотря на суровый гнетъ абсолютизма, на безпощадное подавленіе общественной самодѣятельности, развитіе капиталистическихъ отношеній и непрерывный ростъ потребностей буржуазнаго общества создали многочисленный слой интеллигентныхъ работниковъ, по всѣмъ условіямъ своего существованія проникнутый соціальными и демократическими симпатіями. Старый режимъ тратилъ много силъ на борьбу съ этимъ слоемъ, но даже онъ, поскольку и для абсолютизма было необходимо выполненіе нѣкоторыхъ культурныхъ функцій государства, не могъ не прибѣгать къ услугамъ интеллигенціи; общественныя же учрежденія городскаго и земскаго самоуправленія всецѣло жили трудами третьяго элемента: и чѣмъ болѣе расширялась дѣятельность бюрократическихъ и общественныхъ органовъ государства, тѣмъ болѣе росла интеллигенція численно и тѣмъ болѣе усиливалась идейно. Съ теченіемъ времени она сложилась въ своеобразную группу, связанную не только общностью основныхъ взглядовъ, но и общностью происхожденія и судьбы.

Принадлежность къ интеллигенціи никогда не опредѣлялась наслѣдственными правами. Обыкновенно ряды демократической интеллигенціи пополнялись тѣми активными элементами, которые или самоучкой поднимались до извѣстнаго уровня политическаго и умственнаго развитія или тѣми, кого выбрасывала за-бортъ средняя и высшая школа полицейскаго

Digitized by Google

государства. Развитіе студенческихъ волненій и массовыя исключенія изъ университетовъ въ особенности усилили кадры демократической интеллигенціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ростъ революціоннаго движенія и система административной высылки и ссылки населяли провинціальные города активными демократическими и радикально настроенными элементами, уже болѣе зрѣлыми и болѣе опытными. Старшее и младшее поколѣнія демократической интеллигенціи встрѣчались и объединялись на почвѣ общихъ стремленій. Въ каждомъ городѣ создавалась, такимъ образомъ, значительная группа лицъ, чуждыхъ повседневныхъ обывательскихъ заботъ и проникнутыхъ глубокимъ оппозиціоннымъ чувствомъ.

Эта группа никогда не замыкалась въ предѣлахъ одного города или губерніи. Знакомства, завязанныя на университетской скамьѣ, или скрѣпленныя годами совмѣстной жизни въ ссылкѣ, не прерывались, но дѣятельно поддерживались самыми условіями интеллигентскаго существованія.

Чужестранцы, какъ одно время любили называть себя представители третьяго элемента, никогда не могли чувствовать себя въ тихой пристани. Обыкновенно, они жили подъ надзоромъ полиціи,—слѣдовательно, подъ постоянной угрозой новаго невольнаго переселенія въ совершенно непредвидѣнныя мѣста. Затѣмъ, какъ поднадзорные, они не имѣли права заниматься какимъ-либо трудомъ, свойственнымъ ихъ привычкамъ, и зависѣли отъ усмотрѣнія начальства, которое могло или закрывать глаза на нарушеніе невѣроятныхъ требованій устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій или, наоборотъ, безпощадно требовать его исполненія и обрекать поднадзорныхъ на голодную смерть. Поэтому, представители демократической интеллигенціи сплошь и рядомъ были вынуждены вести кочевой образъ жизни въ поискахъ наиболѣе гибкаго и разумнаго администратора.

Кромѣ того, самыя условія той работы, которую интеллигенты получали въ провинціи, развивали въ нихъ кочевыя привычки. Главнымъ убѣжищемъ, въ которомъ находила пріютъ демократическая интеллигенція, были земскія учрежденія. Развитіе земской дѣятельности, въ особенности развитіе оцѣночно-статистическихъ работъ и страхового дѣла, вызвало потребность въ многочисленныхъ агентахъ, главный контингентъ которыхъ былъ навербованъ изъ среды демократической интеллигенціи. Но земская служба, даже въ эпоху земскаго либерализма, находилась въ большой зависимости отъ измѣнчивыхъ и случайныхъ настроеній. Постоянная склонность къ протесту, высоко развитое чувство собственнаго достоинства вызывали частыя столкновенія земскаго служилаго элемента съ хозяевами земства—землевладѣльцами и съ администраціей. Сплошь и рядомъ такіе конфликты приводили къ тому, что земскіе агенты должны были бросать насиженныя мѣста и снова искать пристани, гдѣ можно было бы временно бросить якорь.

Digitized by Google

И не только личныя отношенія не давали возможности демократической интеллигенціи прочно осѣсть и, по русскому обычаю, обрости имѣніемъ. Часто земскія работы носили временный характеръ. Оканчивалось какое нибудь статистическое изслѣдованіе, или земское собраніе отказывало въ ассигновкѣ на дальнѣйшее продолженіе работъ, — и цѣлый рядъ земскихъ работниковъ освобождался отъ занятій и долженъ былъ перекочевывать въ другое мѣсто.

Участіе въ политической жизни, которое всегда составляло отличительную черту демократической интеллигенціи и которое въ прежнее время было возможно только въ формѣ нелегальной, подпольной работы, также, разумѣется, не способствовало прочности и устойчивости интеллигентскаго существованія. Тюремное заключеніе часто прерывало служебную карьеру интеллигента; высылка и ссылка отрывали его отъ мѣстности, гдѣ у него завязывались длительныя связи.

Вслѣдствіе этого, демократическая интеллигенція всегда находилась въ самомъ живомъ общеніи между собой, уже только для того, чтобы постоянно освѣдомлять и поддерживать другъ друга въ перемѣнчивыхъ и трудныхъ обстоятельствахъ кочевой жизни. Оживленныя сношенія, въ свою очередь, способствовали развитію среди демократической интеллигенціи чувства взаимной солидарности и привычки къ организованнымъ дѣйствіямъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, создавали изъ демократическаго интеллигента особый психическій типъ, прекрасно приспособленный къ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ интеллигенція выполняла свою историческую миссію.

III.

Матеріальныя удобства жизни, родственныя связи, традиціонныя отношенія, соображенія карьеры,—весь этотъ жизненный мусоръ, который тянетъ къ землѣ обывателя и дѣлаетъ его неподвижнымъ и робкимъ, для демократической интеллигенціи имѣлъ самое ничтожное значеніе. Не обремененный никакимъ недвижимымъ имуществомъ, оторванный отъ роднаго угла и потерявшій связи съ семьей, интеллигентный разночинецъ чувствовалъ себя одинаково во всѣхъ пунктахъ Россіи и жилъ исключительно среди такихъ же, какъ онъ, разночинцевъ. Обывательскій міръ былъ для него только объектомъ воздѣйствія, но нисколько не опредѣлялъ ни его взглядовъ, ни его привычекъ, ни его поведенія. Костюмъ разночинца отличался—въ большинствѣ случаевъ поневолѣ — крайнею демократичностью; обстановка интеллигентскихъ квартиръ поражала своею чрезвычайною простотою. Обыкновенно „чужестранцы“ разселялись по окраинамъ тѣхъ городовъ, куда ихъ забрасывала прихотливая судьба, въ скромныхъ комнатахъ, нанятыхъ у ремесленниковъ или бѣдныхъ мѣщанъ. Колченогій столъ, подъ одну изъ ножекъ котораго всегда приходилось подкладывать или

Digitized by Google

щепку или бумагу, скрипучій стулъ, полка съ книгами, узкая кровать, подъ которой помѣщался старый ободранный чемоданъ,—вѣрный спутникъ, совершившій съ хозяиномъ много тысячъ верстъ и по желѣзной дорогѣ и на перекладныхъ, — вотъ обычная обстановка кочевника-интеллигента даже тогда, когда его заработокъ достигалъ относительно большой суммы.

При такихъ условіяхъ необходимость перемѣны мѣстожительства не вызывала затрудненій и не сопровождалась тяжелыми лишеніями. Никакой административный произволъ не могъ разрушить матеріальнаго благополучія, потому что этого благополучія и не было. Разночинная интеллигенція обладала возможностью бороться съ несвязанными руками, и она дѣйствительно сдѣлала своей профессіей борьбу противъ произвола и гнета, какъ со стороны бюрократіи, такъ и со стороны правящихъ классовъ стараго общества. По извѣстному выраженію, она стала революціонной бациллой, разносившей освободительныя идеи по всему лицу русской земли.

Съ тѣхъ поръ, какъ начался политическій подъемъ, закончившійся октябрьской революціей, демократическій авангардъ привлекъ къ себѣ и подчинилъ своему не только идейному, но и организаціонному вліянію ту часть разночинной интеллигенціи, которая успѣла прочно осѣсть на мѣста, занять какое-нибудь опредѣленное общественное положеніе и, поэтому, отошла отъ борющейся демократіи. Въ послѣдніе годы передъ революціей изъ рядовъ осѣдлаго „третьяго элемента“ вышло много работниковъ, занявшихъ видныя мѣста въ тайныхъ организаціяхъ и порвавшихъ съ удобствами болѣе или менѣе обезпеченнаго легальнаго существованія.

Одновременно демократическая интеллигенція сумѣла завязать тѣсныя связи и оказать глубокое вліяніе и на либеральную оппозицію. Земское движеніе, сыгравшее такую крупную политическую роль, и по своей формѣ и по своему содержанію всецѣло зависѣло отъ участія въ немъ демократической интеллигенціи, проникшей во всѣ поры земскаго тѣла. Значеніе земской интеллигенціи было настолько велико, что она заставила встревожиться даже государственную власть, и Плеве предпринялъ нашумѣвшую въ свое время кампанію противъ земскихъ служащихъ, какъ противъ самостоятельной и враждебной абсолютизму политической силы.

Всемогущій министръ настолько опасался политическаго вліянія земской интеллигенціи, что, когда въ совѣтѣ министровъ зашла рѣчь объ улучшеніи деревенскихъ дорогъ и было внесено предложеніе передать вопросъ на предварительное обсужденіе земскихъ собраній, то Плеве отвергъ это предложеніе исключительно изъ страха предъ политической агитаціей земскихъ служащихъ. По мнѣнію министра, отвѣтъ земскихъ собраній можно было предугадать заранѣе, такъ какъ этотъ отвѣтъ будетъ составленъ третьимъ элементомъ, который, несомнѣнно, скажетъ: „пока нѣтъ конституціи, никакое улучшеніе дорогъ невозможно“. Земскіе гласные будутъ вынуждены согласиться съ такимъ заключеніемъ, потому что земская

Digitized by Google

интеллигенція, въ тиши тюремныхъ камеръ, гдѣ она провела достаточное количество времени, пріобрѣла солидный запасъ свѣдѣній и умѣетъ обставлять свои предложенія убѣдительными научными аргументами.

Плеве былъ полицейскимъ философомъ, его мудрость не шла дальше открытія пагубнаго вліянія кучки злонамѣренныхъ агитаторовъ, но внѣшнюю сторону явленія онъ улавливалъ правильно. Несомнѣнно, на вопросъ объ улучшеніи деревенскихъ путей сообщенія земскія собранія 1904 года въ очень осторожныхъ и двусмысленныхъ выраженіяхъ, но совершенно опредѣленно отвѣтили бы, что безъ конституціи невозможно даже самое существованіе деревенскихъ дорогъ; и, несомнѣнно, что этотъ отвѣтъ былъ бы и составленъ и подсказанъ земскою интеллигенціей.

Дальнѣйшее развитіе освободительнаго движенія сдѣлало демократическую интеллигенцію еще болѣе вліятельной и сильной. Тотъ періодъ, когда благочестивые либералы вотировали на земско-городскихъ съѣздахъ необходимость учредительнаго собранія и основывали конституціонно-демократическую партію съ ея первоначальною программою, навсегда останется яркою страницею въ лѣтописи политическихъ побѣдъ русской демократіи. Разночинная интеллигенція съумѣла заставить колеблющійся владѣльческій либерализмъ признать политическія требованія народныхъ партій и до извѣстной степени и съ извѣстными оговорками присоединиться къ нимъ.

Но громадное вліяніе разночинной интеллигенціи, конечно, зависѣло не отъ ея агитаціоннаго искусства, и не отъ дряблости и безпечности имущихъ классовъ,—ея успѣхъ обусловливался тѣмъ, что направленіе интеллигенціи выражало направленіе національнаго движенія.

IV.

Демократическая интеллигенція явилась носительницей идеи національнаго освобожденія. Среди общественныхъ группъ до-революціонной Россіи она сыграла роль сословія, которому въ революціонныя эпохи выпадаетъ на долю представительство интересовъ націи въ цѣломъ. Сила сословій, которымъ выпадаетъ такая историческая миссія, заключается въ томъ, что они наиболѣе полно воспринимаютъ всѣ недостатки отжившаго хозяйственнаго и, опирающагося на него, политическаго строя, и наиболѣе ясно сознаютъ необходимость новой соціально-политической организаціи общества.

Въ европейскихъ революціяхъ, ниспровергнувшихъ феодальный порядокъ, носителемъ національной идеи выступило среднее сословіе, буржуазія, которая и довела съ большею или меньшею твердостью и послѣдовательностью до конца дѣло національнаго освобожденія. Въ Россіи процессъ преобразованія стараго общества въ новое совершился при иныхъ, гораздо болѣе сложныхъ, историческихъ условіяхъ. Крупная буржуазія не могла выступить въ роли народнаго вождя, такъ какъ она вела въ значительной

Digitized by Google

степени паразитическое существованіе на тѣлѣ полицейско-бюрократическаго государства. Тѣ же элементы, которые на Западѣ образовали сильную мелкую и среднюю буржуазію, въ Россіи, вслѣдствіе особенностей ея хозяйственнаго развитія, имѣли весьма малое значеніе.

Но мѣсто мелкой и средней буржуазіи и въ Россіи не оставалось пустымъ. Если на Западѣ только теперь, подъ вліяніемъ высокаго развитія капитализма, исчезаетъ мелкая буржуазія, въ старомъ смыслѣ слова, и замѣщается постоянно увеличивающеюся въ численности интеллигенціею, то въ Россіи капитализмъ вызвалъ образованіе и ростъ многочисленной интеллигенціи еще въ нѣдрахъ полуфеодальнаго общества.

Ростъ крупной промышленности, которая занимаетъ абсолютно очень большое количество рабочихъ силъ, потребовалъ громаднаго количества техническаго и вообще спеціально подготовленнаго персонала не только техниковъ, но и ученыхъ, адвокатовъ, врачей и даже художниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отмѣна крѣпостнаго права и уничтоженіе сословно-попечительной системы управленія въ шестидесятыхъ годахъ имѣли послѣдствіемъ все большую и большую передачу государственныхъ функцій изъ рукъ господствующихъ сословій въ руки продающихъ свой трудъ интеллигентныхъ рабочихъ. Это создавало громадную потребность въ интеллигентныхъ силахъ.

Представляя собою продуктъ капитализаціи хозяйственныхъ отношеній и демократизаціи государственнаго строя, интеллигенція естественно связывала свои интересы съ интересами общественнаго развитія, направленнаго по линіямъ политическаго демократизма и экономической свободы. Самое существованіе интеллигенціи находилось въ зависимости отъ экономическихъ и политическихъ реформъ, недоступныхъ абсолютизму. Поэтому представляется совершенно неизбѣжнымъ то руководящее положеніе, которое заняла демократическая интеллигенція, при первыхъ же раскатахъ революціонной грозы. Наиболѣе остро чувствовавшая весь гнетъ безправія и наименѣе заинтересованная непосредственно въ эксплуатаціи народныхъ массъ, интеллигенція должна была съ наибольшимъ успѣхомъ выразить всѣ нужды и надежды національнаго освободительнаго движенія. Система интеллигентской идеологіи дореволюціонной эпохи соотвѣтствовала системѣ производственныхъ отношеній грядущаго свободно-буржуазнаго общества. Вотъ почему интеллигенція могла въ извѣстный періодъ, если не убѣдить, то подчинить даже такіе элементы населенія, которые теперь находятъ свой символъ вѣры, главнымъ образомъ, въ октябристской платформѣ и для которыхъ крайнимъ предѣломъ либерализма является правое крыло кадетской партіи. Пока старый порядокъ одинаково подавлялъ всѣ элементы населенія, жившіе интересами будущаго, а не прошлаго, пока онъ ставилъ препятствія назрѣвшей новой организаціи производственныхъ отношеній, до тѣхъ поръ, демократическая интеллигенція вела борьбу въ качествѣ уполномоченнаго всей націи, не исключая даже такъ называемаго „общества“.

Digitized by Google

Наоборотъ, послѣднее въ то время—недавнее, но далекое—совсѣмъ не отличалось военно-полевыми добродѣтелями.

По словамъ одной оффиціальной записки 1905 года, „не находя себѣ законныхъ формъ, дѣятельность общества поневолѣ выливалась въ незаконныя; при этомъ одна часть ограничивалась осторожными выраженіями недовольства существующимъ строемъ, другая—всячески поддерживала противоправительственныя движенія и снабжала ихъ матеріальными средствами, и, наконецъ, третья, наиболѣе энергичная и смѣлая, сама принимала въ нихъ активное участіе.

Противоправительственная агитація почти не встрѣчала противодѣйствія въ обществѣ. Происходило это отчасти потому, что даже лица, принципіально ей не сочувствующія, не считали себя вправѣ выступать противъ нея, находя, что при существовавшемъ тогда положеніи борьба можетъ происходить только въ слишкомъ неравныхъ условіяхъ, а именно, въ то время, какъ одна сторона—за правительство—имѣетъ право все говорить открыто и безбоязненно, другая—противъ правительства—рискуетъ подвергнуться самому строгому наказанію, вплоть до лишенія свободы на многіе годы, за одно неосторожное слово или за самый фактъ обнаруженія своего образа мыслей. Невозможность вести борьбу при столь неравныхъ условіяхъ заставляла молчать лучшую часть благонамѣреннаго общества, худшая же его часть своею нетактичностью, а иногда и недостаточною разборчивостью въ пріемахъ борьбы, только дискредитировала дѣло правительства въ глазахъ общества".

Нежеланіе общества вмѣшиваться въ неравную борьбу якобы по нравственнымъ мотивамъ и фактическая помощь революціонному движенію, вѣрно подмѣченныя оффиціальнымъ публицистомъ, объясняются исключительно тѣмъ, что борьба, которую вели разночинцы, носила національный характеръ, была „общимъ дѣломъ".

Въ этомъ и заключается секретъ громаднаго вліянія и безпримѣрнаго успѣха демократической интеллигенціи въ періодъ политическаго подъема, когда она или стояла во главѣ или была главнымъ дѣятелемъ всѣхъ борющихся организацій—и буржуазныхъ и пролетарскихъ.

V.

Широкія соціальныя реформы и политическое народовластіе—вотъ тѣ лозунги, съ которыми шли въ бой демократическая интеллигенція и сплотившіеся вокругъ нея передовые слои трудящихся классовъ. Этой арміи, какъ извѣстно, удалось пробить брешь въ крѣпостныхъ стѣнахъ стараго порядка, но занять самой крѣпости не удалось. Сквозь пробитую брешь въ крѣпость проникъ буржуазный арріергардъ освободительной арміи и, соединившись съ силами стараго режима, отбросилъ демократію назадъ.

Digitized by Google

Очевиднымъ и несомнѣннымъ результатомъ двухлѣтней борьбы является затѣмъ разрывъ между „обществомъ“ и „интеллигенціей“. Сначала „октябризмъ“, а, послѣ, и „кадетство“ отграничили себя рѣзкою чертою отъ вчерашнихъ демократическихъ союзниковъ, отъ вчерашнихъ друзей „слѣва“ и, наконецъ, открыли противъ нихъ огонь по всей линіи. По шаблонному рецепту, захватанному контръ-революціонерами всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, лѣвая демократія была провозглашена анархической, стремящейся къ разрушенію священныхъ основъ общественной и государственной жизни.

Дѣятели земско-городскихъ съѣздовъ, ораторы губернскихъ и уѣздныхъ собраній, которые еще недавно украшали себя красными гвоздиками на банкетахъ и толковали объ учрежденіи городской и земской милиціи, признаютъ теперь только голубой цвѣтъ жандармскихъ мундировъ и организовываютъ муниципальную полицію для борьбы съ революціонерами. И—что въ особенности поучительно—въ рядахъ контръ-революціонной арміи находятся не одни исконные реакціонеры, но и недавніе либералы.

Каковы бы ни были причины этого явленія, но оно съ убѣдительною ясностью показываетъ, что цѣлые слои „общества“, еще недавно, по меньшей мѣрѣ, пассивно сочувствовавшіе революціи, въ данный моментъ считаютъ себя настолько удовлетворенными, что находятъ несвоевременной и вредной дальнѣйшую борьбу противъ стараго порядка и готовы всѣми силами бороться съ тѣми, кто думаетъ иначе. Если въ прежнее время реакціонеры заботливо прятались отъ дневнаго свѣта, если реакціонные органы въ родѣ „Московск. Вѣдомостей“ и „Гражданина“ возбуждали всеобщее отвращеніе и влачили жалкое существованіе, то теперь „правыя“ партіи шумно и нагло лѣзутъ впередъ, откровенно показывая свои карты и въ прессѣ, и въ парламентѣ, и въ общественной жизни. Думская дѣятельность контръ-революціоннаго блока „Гучковъ—Крупенскій“ отличается вызывающею прямотою. Въ то же время отпоръ, даваемый стремительнымъ аттакамъ правыхъ со стороны оппозиціи, страдаетъ робостью и неувѣренностью.

Преобладаніе среди оппозиціи конституціоналистовъ-демократовъ только отчасти объясняетъ нерѣшительность и вялость думской лѣвой, потому что и безпартійная демократія и даже соціалъ-демократія третьей Думы не обнаруживаютъ прежняго огня. Ихъ давитъ враждебная атмосфера. То же явленіе наблюдается и въ жизни. Наиболѣе активный и передовой слой демократіи—разночинная интеллигенція—подавленъ непримиримою злобностью реакціи, которая усиливается равнодушіемъ и разочарованіемъ народныхъ массъ.

Еслибы даже враждебность соціальной среды, окружающей интеллигенцію, носила исключительно моральный характеръ, то и тогда она была бы крайне тяжелой. Но ни реакція правительственная, ни реакція общест-

Digitized by Google

венная не имѣютъ обыкновенія прибѣгать къ моральному воздѣйствію. Великіе историческіе конфликты не разрѣшаются мирными словами убѣжденія. Гоненія, обрушившіяся на интеллигенцію, настолько велики, что ихъ хватило бы на нѣсколько поколѣній.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ г. А. В. Вентинымъ въ газетѣ „Товарищъ“ (6 января 1908 г.) и, вѣроятно, далеко не исчерпывающимъ судебныхъ репрессій по политическимъ дѣламъ, съ 1 января по 31 декабря 1907 года число осужденныхъ равняется 11.066 человѣкъ. Изъ нихъ 1.692 челов. приговорено къ смертной казни. Къ другимъ наказаніямъ было приговорено судами 9.374 человѣка. Изъ послѣднихъ 477 челов. приговорены къ безсрочной каторгѣ; 1.978 чел.—къ срочной каторгѣ въ общей сложности на 18.714 лѣтъ; 418 чел. къ ссылкѣ на поселеніе; къ заключенію: въ тюрьму—3.311 чел. 2.771 годъ; въ арестантскія роты—1.041 чел. на 2.376 лѣтъ; въ крѣпость 981 чел. на 1.427 лѣтъ; къ аресту при тюрьмѣ и полиціи 779 чел. на 128 лѣтъ; въ дисциплинарные батальоны—427 чел. на 949 лѣтъ. Такимъ образомъ, кромѣ смертной казни, безсрочной каторги и поселенія, разные виды тюремнаго заключенія отняли у страны 26.365 лѣтъ. Принимая среднюю продолжительность человѣческой жизни около 60 лѣтъ, мы можемъ считать, что изъ національнаго запаса культурныхъ силъ, изъяты въ теченіе одного 1907 года 440 человѣческихъ жизней только путемъ тюремнаго заключенія.

Слѣдующая таблица показываетъ, къ какимъ сословіямъ и профессіямъ принадлежали пострадавшіе отъ судебныхъ приговоровъ въ 1907 году.

Крестьянъ	4.404	Арестантовъ	158
Военныхъ	2.130	Чиновниковъ	156
Рабочихъ	1.603	Финляндцевъ	98
Мѣщанъ	599	Дворянъ	22
Учащихся	446	Купеческаго званія. . . .	18
Лицъ свободныхъ профессій	373	Полицейскихъ чиновниковъ	12
В. депутатовъ I и II Думъ .	211	Духовнаго званія	12
Женщинъ	178	Иностранныхъ подданныхъ	12
Редакторовъ період. изданій.	176	Неизвѣстныхъ профессій. .	458

Эта таблица не даетъ возможности точно опредѣлить количество интеллигенціи среди осужденныхъ: дѣленіе ихъ по профессіямъ и по сословіямъ допускаетъ значительныя ошибки; но даже при такомъ грубомъ методѣ группировки мы видимъ, что лица высшихъ сословій и профессій составляютъ 15,4 проц. всего числа осужденныхъ.

А сколько ихъ среди административно сосланныхъ? На этотъ вопросъ мы не имѣемъ точнаго цифроваго отвѣта. По даннымъ, представленнымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ Государственную Думу, общій размѣръ расхода казны на содержаніе ссыльныхъ въ 1907 году выразился

Digitized by Google

въ суммѣ около 900.000 рублей. Въ 1908 году министерство исчисляетъ расходъ на ссыльныхъ въ суммѣ 1.164.000 рублей, предполагая, что ссыльныхъ окажется не менѣе 9.700 человѣкъ. Болѣе милліона рублей требуется для того, чтобы поддерживать полуголодное существованіе десяти тысячъ работоспособныхъ людей, выбитыхъ изъ обычной колеи и высланныхъ въ отдаленныя мѣстности только по подозрѣніямъ низшихъ органовъ администраціи! Значительная часть поднадзорныхъ и высланныхъ несомнѣнно, принадлежитъ къ демократической интеллигенціи и расплачивается за ту роль, которую эта общественная группа сыграла въ революціонный годъ.

Какъ ни велики современныя правительственныя репрессіи, однако, сами по себѣ онѣ не представляли бы для демократической интеллигенціи ничего качественно новаго. Исторія освободительнаго движенія закалила русскую интеллигенцію. Но въ настоящее время репрессіи правительства осложняются репрессіями со стороны имущихъ хозяевъ жизни. Въ острый періодъ политической борьбы изъ земскихъ учрежденій было изгнано около 22 тысячъ учителей, около 8 тысячъ врачей, 5½ тысячъ низшаго медицинскаго персонала и 5 тысячъ прочихъ служащихъ. Теперь изгнаніе третьяго элемента продолжается съ систематичностью и настойчивостью, свойственными реакціоннымъ политическимъ системамъ.

Земства, попавшія въ полное распоряженіе реакціонныхъ элементовъ, уничтожаютъ всѣ культурныя начинанія либеральной эпохи, начиная съ народной школы и кончая организаціями агрономической и врачебной помощи населенію.

Мотивы дѣятелей новаго курса всецѣло исчерпываются политической злобой къ разночинной демократіи. Тысячи и десятки тысячъ людей отрываются отъ привычнаго для нихъ и необходимаго для народа дѣла только потому, что ихъ политическіе взгляды возбуждаютъ вражду помѣщичьяго земства.

Тѣ же явленія, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, наблюдаются и на желѣзныхъ дорогахъ и даже на частной службѣ. Интеллигенція, еще вчера бывшая солью земли, сегодня превращается въ ненавистнаго изгоя, не знающаго, гдѣ преклонить голову.

VI.

Черные годы надвинулись на русскую интеллигенцію. Разбитая въ политической борьбѣ, она вытѣсняется изъ всѣхъ учрежденій, гдѣ господствующіе классы свили прочное гнѣздо. На границѣ земли обѣтованной она снова обрекается на странствованіе, еще горшее, чѣмъ раньше. Ей угрожаютъ всѣ муки голода и безработицы. Но еще болѣе тяжелъ для нея тотъ идейный кризисъ, который является слѣдствіемъ ея измѣнившагося соціальнаго положенія.

Digitized by Google

Почетная роль носительницы національной идеи утрачена, и трудно ожидать, чтобы эта роль снова выпала ей на долю въ ближайшемъ будущемъ. Подъ вліяніемъ сложныхъ историческихъ причинъ буржуазія готовится къ сдѣлкѣ со старымъ порядкомъ. Организаторы капиталистическаго производства, повидимому, получаютъ тѣ экономическія уступки, при которыхъ они удовлетворятся самыми ничтожными политическими реформами, расширяющими права имущихъ классовъ. Старый режимъ перестаетъ служить препятствіемъ къ обогащенію буржуазіи. Національная идеологія, при такихъ условіяхъ, совершенно измѣняется. Точно также идеологія общественнаго слоя, привыкшаго руководить мыслью и совѣстью всей страны, обречена на коренной пересмотръ. Распадъ освободительной арміи затемнилъ самую идею національнаго освобожденія и замѣнилъ ее мало прикрытой борьбой классовыхъ группъ за наибольшую свободу для каждаго класса. Интеллигенція, гордившаяся своимъ „внѣклассовымъ“ положеніемъ въ современномъ обществѣ, болѣзненно чувствуетъ невозможность сохранить историческую позицію.

Она ищетъ новыхъ точекъ опоры и разсѣевается между различными классами, борьба которыхъ все болѣе и болѣе обостряется. Многія группы демократической интеллигенціи, очевидно уйдутъ, если уже не ушли, въ лагерь тѣхъ, кто одержалъ побѣду. Даже среди учащейся молодежи можно наблюдать теперь настроенія и переживанія, которыя или прямо реакціонны или имѣютъ реакціонное значеніе по своимъ косвеннымъ послѣдствіямъ. Буржуазныя дѣти, вопреки распространенному предразсудку, спѣшатъ по стопамъ отцовъ. Но многіе еще остались и останутся вѣрными тому знамени, подъ которымъ они такъ долго боролись за народныя права, и опредѣленно примкнутъ къ тому классу, освобожденіе котораго не влечетъ за собою ничьего порабощенія, но снимаетъ цѣпи духовнаго и экономическаго рабства со всего человѣчества.

Для этого интеллигенція должна разстаться съ горделивымъ стремленіемъ быть „внѣклассовой“ группой. Предметомъ ея гордости должна стать именно принадлежность къ опредѣленному классу, и, слѣдовательно, опредѣленная не только политическая, но и соціальная идеологія. Внѣклассовая интеллигенція всѣмъ ходомъ исторіи обязывается превратиться въ классовую.

Только на этомъ пути демократическая интеллигенція справится съ современной растерянностью и снова найдетъ себя—уже въ качествѣ носительницы идеи „послѣдняго“ освобожденія.

Ник. Іорданскій.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФІЯ и КРИТИКА.

К. Д. Бальмонтъ. Бѣлыя зарницы.—*Осипъ Дымовъ.* Земля цвѣтетъ.—*Л. Андрусонъ.* Сказка любви.—*А. Нѣмоевскій.* Письма ненормальнаго человѣка.—*А. Нѣмоевскій.* Изъ подъ пыли вѣковъ.—*Адольфъ Гарнакъ.* Сущность христіанства.—*Н. Павловъ-Сильванскій.* Феодализмъ въ древней Руси.—*Проф. А. Трачевскій.* Новая исторія. Т. I.—*Эмэ Шэрэ.* Паденіе стараго режима.—*Фр. Мерингъ.* Просвѣщенный обсолютизмъ Фридриха Великаго.—*С. Солнцевъ.* Рабочіе бюджеты въ связи съ теоріей „обѣдненія".—*Сборникъ статей: П. Масловъ.* Аграрный вопросъ въ Россіи (т. I.)—*А. Билимовичъ.* Землеустроительныя задачи и землеустроительное законодательство въ Россіи.—*Вл. Ильинъ.* Аграрный вопросъ. Ч. I.—*А. А. Борисовъ.* У самоѣдовъ.

К. Д. Бальмонтъ. Бѣлыя зарницы. Мысли и впечатлѣнія. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к. Когда несомнѣнный и крупный художникъ говоритъ о художникахъ и поэтахъ иныхъ временъ и странъ, слова его, мнѣ кажется, не могутъ не быть значительными и интересными—все равно, правъ онъ или нѣтъ въ сужденіяхъ своихъ и приговорахъ, все равно, вѣрнымъ или обманывающимъ свѣтомъ освѣщены въ бѣлыхъ зарницахъ его мысли вершины человѣческой мечты. Сильный или нѣтъ, ровный или прерывистый—свѣтъ этотъ всегда свой, не заемный свѣтъ; даже ложно направленный, онъ осѣтитъ подчасъ донынѣ незамѣченные глетчеры, и пропасти, и новые пики, и красивыя массы розовыхъ снѣговъ на „горныхъ вершинахъ", что высятся въ близкихъ намъ вѣкахъ и въ вѣкахъ отдаленныхъ.

Не въ первый разъ г. Бальмонтъ собираетъ свои критическія статьи въ отдѣльную книгу; неизмѣняющая ему чуткость и прежняя вѣрность взгляда дѣлаютъ новую книгу его такой же интересной. Посвятивъ первую, сжатую и красивую статью „избраннику зеленой земли", Гете, въ дальнѣйшихъ онъ говоритъ съ вами объ Уайльдѣ (о которомъ далъ болѣе подробный этюдъ въ „Горныхъ Вершинахъ"), въ интересной статьѣ даетъ характеристику творчества Метерлинка и цѣлыхъ двѣ статьи отдаетъ „пѣвцу личности и жизни"—Уитману; эти двѣ статьи надо признать самой цѣнной частью содержанія книги.

Несомнѣнный и крупный художникъ, г. Бальмонтъ останавливается надъ „тайной одиночества и смерти", передаетъ любовно стихи поэта, „у котораго были сѣдые волосы въ молодости и молодые глаза въ старости", и въ предѣлахъ художественныхъ характеристикъ остается поэтомъ. Можно ли, однако, до конца остаться только поэтомъ въ книгѣ, гдѣ каждая страница такъ или иначе заставляетъ вспомнить о современности

Digitized by Google

и коснуться перстами гвоздиныхъ язвъ ея? Уже во второй статьѣ объ Уитманѣ г. Бальмонту приходится сочувственно подчеркнуть наивное соображеніе о томъ, что „демократическая идея, надлежащимъ образомъ ухваченная (!) и систематически приложенная къ поведенію, вполнѣ достаточна, чтобъ перестроить общество на здоровомъ основаніи". Уголичность такого взгляда еще полнѣе выявляется дальнѣйшимъ: „мы—люди, мы—строители, неужели не властны мы выстроить все, что подскажетъ намъ чувство, и нарисуетъ мысль!" Все таки—что же подсказываетъ чувство, что рисуетъ мысль поэту, усталому отъ „унылыхъ ликовъ, душныхъ домовъ и трусливыхъ мыслей"? Въ какія уносится онъ страны и времена „отъ нашей тусклой, раздробленной и некрасивой Современности"? Въ грядущее смотритъ? Его облики проводитъ? Нѣтъ, въ *прошломъ* (стр. 40) „освѣжается" отъ настоящаго, съ *прошлымъ* связываетъ свои мало убѣдительные и скучные стихійные гимны въ статьѣ о „Поэзіи Стихій". Когда же современность обступитъ его, вплотную къ нему подойдетъ, онъ разсказываетъ о „Флейтахъ изъ человѣческихъ костей", передаетъ будто бы страшный полубредъ-полусонъ, полный наивныхъ аллегорій на темы политическія и соціальныя и безжалостно обнажающій полную политическую невинность художника. Не думаю, что подобныя статьи могутъ имѣть какую-либо эстетическую цѣнность; не думаю, что онѣ могутъ быть кому либо интересны; увѣренъ, что „отупѣвшіе человѣка", „въ духотѣ и тѣснотѣ" производящіе „элементарныя полезности тусклыхъ существованій", не спросятъ у г. Бальмонта о средствахъ избавленія отъ всѣхъ и всяческихъ чудищъ...

Читатель со скукой просмотритъ малоцѣнную замѣтку о „Символизмѣ народныхъ повѣрій", съ нетерпѣніемъ будетъ перелистывать страницы о „Поэзіи Стихій", съ досадой прочтетъ послѣднія въ книгѣ страницы, гдѣ обычно пряный языкъ г. Бальмонта становится пряннымъ до уродливости, отмѣтитъ тамъ, навѣрно, примѣчательную строку стиховъ:

Въ эту минуту умножилось въ мірѣ число поблѣднѣвшихъ людей

(авторъ хочетъ сказать, что онъ поблѣднѣлъ), и пожалѣетъ, что эти страницы нашли себѣ мѣсто въ хорошей и интересной книгѣ.

Евг. Тарасовъ.

Осипъ Дымовъ. Земля цвѣтетъ. Книгоиздательство „Грифъ". Москва. 1908. Ц. 1 р. Нѣтъ ничего болѣе страшнаго для писателя, какъ быть смѣшнымъ, желая казаться глубокомысленнымъ и трагическимъ. А г. Дымовъ серьезно подвергается этой опасности. Онъ претенціозно стремится увеличить удѣльный вѣсъ своего небольшого, но несомнѣннаго дарованія надуманною изломанностью и напряженною вычурностью чувствъ и выраженій; онъ старается философствовать вмѣсто того, чтобы разсказывать. Выпуская сборникъ весьма разнородныхъ разсказовъ, онъ увѣряетъ, будто они связаны, единою высшею идеею. „Авторъ,—утверждаетъ г. Дымовъ въ предисловіи, которое онъ для оригинальности именуетъ „программою",—даетъ не рядъ разрозненныхъ разсказовъ, а единое цѣльное повѣствованіе. По мысли автора, это единство достигается и безъ соблюденія общей внѣшней связи, даже—видимо—безъ общихъ дѣйствующихъ лицъ. „Земля цвѣтетъ"—это—повѣсть о женской и мужской душѣ, а онѣ объ—герои произведенія; въ ихъ встрѣчахъ, въ сближеніи и разрозненности, прощаніи и смерти—„интрига" повѣсти. Словно быстро переодѣвшись гдѣ-то за кулисами, герои книги въ новой обстановкѣ, въ новомъ

Digitized by Google

внѣшнемъ обманѣ вновь появляются на сценѣ. Глава „Вчера, сегодня, завтра“ служитъ вступленіемъ. Далѣе отдѣльныя пьесы (главы) неизмѣнно группируются по двѣ, представляя какъ бы двѣ волны одного и того же мгновенія мысли—ея день и ночь—начала мужское и женское. Съ отдѣломъ VI женская мелодія замолкаетъ, вѣетъ вѣтеръ безумія, но въ послѣдней части—„Формула“—уже слышатся звуки новой робко расцвѣтающей жизни“. Эти претенціозныя „волны мгновенія, вѣтры безумія, столкновенія началъ мужского и женскаго“ выдвинуты съ единственною цѣлью показать, что авторъ владѣетъ тою модною теперь мистическою „мудростью“, которая якобы позволяетъ видѣть какую то таинственную, лежащую за предѣлами внѣшняго міра сущность жизненныхъ явленій и понимать ихъ сверхчувственную связь. Но на самомъ дѣлѣ даже этою пресловутою „мудростью“ г. Дымовъ не владѣетъ; въ немъ нѣтъ ни глубины, ни цѣльности мистическихъ заблужденій, нѣтъ хотя бы ошибочнаго, но философскаго взгляда на жизнь. Первая часть его сборника состоитъ изъ небольшихъ разсказовъ въ духѣ П. Альтенберга и Мопассана, разсказовъ посвященныхъ утонченнымъ любовнымъ переживаніямъ современнаго пресыщеннаго и ищущаго человѣка. Это—наиболѣе удачныя произведенія сборника. Буржуазный человѣкъ большого города съ усталыми и болѣзненными чувствами, капризными и сложными симпатіями и антипатіями намѣченъ у Дымова чертами, иногда тонкими и мѣткими. Къ сожалѣнію, даже здѣсь, въ наиболѣе родной ему области, авторъ не можетъ отдѣлаться отъ вымученныхъ образовъ и вычурныхъ до смѣшного выраженій. Улица, по его мнѣнію, похожа „на арлекина, у котораго одна нога одѣта въ красное, другая—въ желтое“. Поэтъ говоритъ: „письмо *прибывало* вечеромъ“,—очевидно стараясь быть столь же изящнымъ въ стилѣ, какъ гоголевская дама, которая „обходилась посредствомъ платка“. Одинъ изъ героевъ пишетъ о себѣ любимой женщинѣ, что у него „польются слезы, не искрививъ лица“. Вычурность—общій недостатокъ этихъ мелкихъ разсказовъ, проникнутыхъ дешевымъ уличнымъ скептицизмомъ и неразрывной съ нимъ меланхолической вѣрою въ какія-то невѣдомыя таинственныя силы. Но вторая серія разсказовъ, гдѣ г. Дымовъ пытается погрузиться въ философскія глубины, не только вычурна, она—скучна. Длинныя пантеистическія разсужденія сумасшедшаго художника (по „программѣ“—вѣтеръ безумія) въ достаточной мѣрѣ банальны, а разсказъ „Формула“, въ которомъ авторъ, послѣ предшествующихъ мытарствъ, будто бы утѣшаетъ читателя „звуками новой жизни“ — просто сантиментальный анекдотъ съ весьма темной моралью. Нѣкій Охотинъ математическими выкладками доказываетъ право революціонеровъ убить реакціоннаго министра. Во время реферата, когда Охотинъ пишетъ окончательную формулу, въ открытое окно комнаты влетаетъ бабочка и разбивается о черную доску? Охотинъ теряетъ увѣренность и кончаетъ рефератъ машинально безъ огня и оживленія. Гдѣ здѣсь звуки новой жизни,—это остается тайной автора, какъ и то, почему разсказъ о смерти бабочки долженъ увѣнчать всѣ предшествующіе наброски о любви, безуміи и смерти. Окончивъ книжку, читатель съ недоумѣніемъ возвратится къ глубокомысленному предисловію и съ добродушнымъ смѣхомъ вспомнитъ о трагическихъ предчувствіяхъ, вызванныхъ и обманутыхъ г. Дымовымъ.

Н. И.

Digitized by Google

Л. Андрусонъ. Сказка любви. Издательство „Жизнь“ Спб. 1908 г. Ц. 1 р. Сказка любви?

Тащусь утомленный и пьяный
По улицѣ темной.
. . . . . .
Проклинаю ночи скитаній
И женщинъ продажныхъ объятья

это—сказка любви? *это*—всегда наивная, всегда свѣтлая сказка? Это конецъ ея, печальный конецъ печальной, хорошо знакомой вамъ „старой исторіи“: sie war liebenswürdig, und er liebte sie; er aber war nicht liebenswürdig, und sie liebte ihn nicht. Вамъ хорошо знакомо и начало ея:

Не любила она. Не сказала она
Никогда мнѣ ни слова любви.
Ей казалась любовь моя только смѣшна
И смѣшными страданья мои.

Стихи, которыми разсказана эта печальная исторія, такъ же плохи въ среднемъ, какъ только что приведенные; ни богатствомъ рифмы, ни разнообразіемъ размѣровъ они не блещутъ; въ нихъ вы не часто встрѣтите оригинальный эпитетъ или образъ; немало такихъ промаховъ:

Безъ тебя *скучно* мнѣ (стр. 13),
Въ голубомъ *небѣ* звѣзды горятъ (стр. 22)

отмѣченныя курсивомъ слова лишены ударенія; на стр. 54 „*на кручи* сѣрыя... *столпились тучи* темными стадами“; стихотвореніе на стр. 113 не только общимъ колоритомъ, но и отдѣльными стихами черезчуръ сходно съ бальмонтовской „Чайкой“; на стр. 115 – тѣ же „колокольчики—бубенчики звенятъ“, что нравились вамъ у Скитальца,—но сумѣйте, отмѣтивъ всѣ эти минусы, пройти мимо нихъ: передъ вами развернется подлинная сказка, наивная, какъ всякая сказка любви, иногда сантиментальная, иногда утомительная въ подробностяхъ, но захватившая ваше вниманіе до конца, до своего жалкаго скорѣе, чѣмъ печальнаго конца:

Буду съ женщиной голой валяться
На измятой постели часами.
Будемъ пить и смѣяться, смѣяться
Надъ погибшими снами.

Авторъ умѣетъ васъ подкупить непосредственностью, безыскусственностью передачи своихъ переживаній, большею частью тусклыхъ, безвольныхъ и однообразныхъ: онъ не говоритъ о той порѣ, когда

Дни свѣтлой юности были,
Былъ смѣхъ веселый.

Только „одинокую“ любовь знаетъ онъ теперь, знаетъ только цѣпи, которыхъ „не забыть, не разбить“, свободнымъ себя чувствуетъ—только во снѣ („Сонъ“). Вѣрно оцѣнивая свои силы, онъ не обѣщаетъ болѣе того, что можетъ дать; правда, онъ немного злоупотребляетъ вольнымъ стихомъ, онъ слишкомъ охотно отказывается отъ строкъ, строго рифмованныхъ, но такія его стихотворенія, какъ „Надолго разстаемся“ и „Рабъ“—безспорно хороши (пусть потому только, что наивнѣе другихъ). Со „Сказкой любви“ (очевидно умышленно) переплетены иные, чуждые ей побѣги; едва ли это дѣлаетъ книжку болѣе цѣнной. Во всякомъ случаѣ неожиданной силой

Digitized by Google

отчаянья вѣетъ отъ прекраснаго стихотворенія „Каменьщикъ“; слабѣе, но все же хороши „Узники“ (2) и „Дѣти труда“ (1). *Евг. Тарасовъ.*

А. Нѣмоевскій. Письма ненормальнаго человѣка. Авторизованный переводъ М. Троповской: Спб. 1908. Изд. „Ad astra“. Ц. 80 к. Письма принадлежатъ „ненормальному“ человѣку, но съ первыхъ же строкъ повѣсти авторъ старательно подчеркиваетъ, что этотъ ненормальной человѣкъ, въ дѣйствительности, является нормальнымъ изъ нормальныхъ и что онъ названъ ненормальнымъ только для того, чтобы еще рѣзче оттѣнить моральную извращенность современнаго общества. Пріемъ старый, какъ міръ! И, какъ міръ же, стара исторія, которая разсказывается съ такимъ подходомъ. Красивая натурщица Бронка, „погубленная“ безпутными художниками, развращенные художники, два добрыхъ литератора, изъ которыхъ одинъ твердъ въ добродѣтеляхъ, какъ алмазъ, а другой, повидимому, еще не кристаллизовался и обнаруживаетъ иногда предосудительную мягкость,—вотъ герои повѣсти Нѣмоевскаго. Заранѣе извѣстно, что добродѣтельные литераторы попытаются спасти несчастную жертву художественнаго темперамента, красавицу Бронку, что одинъ изъ нихъ рѣшится сочетаться съ ней законнымъ бракомъ и что она, запутавшись въ сѣтяхъ своего горькаго прошлаго, не найдетъ другого выхода, какъ утопиться въ волнахъ Вислы. Эта вѣчная и грустная сказка освѣжена тѣмъ, что дѣйствіе совершается въ кругу польскихъ писателей и художниковъ-модернистовъ. Нѣмоевскій не жалѣетъ черныхъ тоновъ для изображенія польскихъ жрецовъ новаго искусства; онъ настолько щедръ, что вмѣсто сатиры даетъ каррикатуру. Въ результатѣ, усердіе автора возбуждаетъ недовѣріе, и въ читателѣ является увѣренность, что „эстеты“ не могутъ быть столь безпросвѣтно глупыми и пошлыми, какъ ихъ изобразилъ Нѣмоевскій, тѣмъ болѣе, что далеко не всѣ разсужденія и дѣйствія добродѣтельныхъ героевъ блещутъ умомъ. При всѣхъ недостаткахъ художниковъ новой школы, едва ли можно обвинять ихъ въ исключительной распущенности нравовъ. По крайней мѣрѣ, автору не удалось доказать, что художники и натурщицы старой школы отличались особою строгостью и чистотою поведенія. Связывать новое искусство съ личною безнравственностью и разражаться благороднымъ негодованіемъ нѣтъ никакихъ основаній. Нѣмоевскій не сокрушилъ новаго искусства своими нападками, но, несомнѣнно, превратилъ свою повѣсть въ скучный и тягучій дидактическій трактатъ. *Н. Ив.*

А. Нѣмоевскій. Изъ-подъ пыли вѣковъ. II Ашуръ и Мукуръ. Переводъ Е. и И. Леонтьевыхъ. Изданіе ихъ же. Спб. 1908. 160 стр. Ц. 1 р. Второй Сборникъ „легендъ“ популярнаго польскаго беллетриста, тщательно переведенный г.г. Леонтьевыми, едва-ли удовлетворитъ художественные запросы русскихъ читателей. Финикійскія, египетскія и іудейскія имена, которыя пестрятъ страницы легендъ, не могутъ замѣнить глубокаго проникновенія въ жизнь изображаемой эпохи. Искусственные и надуманные разсказы Нѣмоевскаго холодны и безжизненны. Ни одна изъ „легендъ“ не захватываетъ вниманія непосредственностью и силою изображенія давно пережитыхъ вѣрованій и настроеній. Нѣкоторое исключеніе составляетъ мифъ о Таммузѣ и Истарѣ, въ которомъ олицетворяется борьба осени и лѣта. Но совсѣмъ уже ни къ чему помѣщенный въ сборникѣ разсказъ: „Мумія царя Табиннта“, гдѣ описывается пробужденіе финикійской муміи въ современномъ музеѣ и трагикомическія пере-

Digitized by Google

живанія, вызванныя въ ней столь необычными обстоятельствами. Подобные мотивы всецѣло относятся къ области святочной литературы. Трудно найти что-либо легендарное и въ разсказѣ „Хавага", гдѣ молодой европеецъ на вершинѣ пирамиды получаетъ письмо съ родины: „твоя Людмила вышла за Чайковскаго". Печальное, но обыденное событіе, которое вставлено авторомъ въ экзотическую обстановку египетской ночи. Для обстановки, повидимому, написанъ и весь разсказъ. Но сочетаніе душевныхъ страданій европейца съ переживаніемъ египетской природы не дало автору оригинальныхъ и красивыхъ эффектовъ.

Очевидно, авторъ не способенъ перевоплотиться въ своихъ героевъ, не живетъ ихъ наивными первобытными настроеніями. Онъ возсоздаетъ прошлое, какъ техникъ, а не какъ художникъ. Поэтому, его „легенды" бездушны и искусственны. *Н. Ив.*

Адольфъ Гарнакъ. Сущность христіанства, переводъ съ нѣмецкаго Л. М. Цѣна 1 руб. Спб. 1907. Изд. Пирожкова. Въ послѣднее время, отвѣчая повышенному интересу русской читающей публики къ недавно еще запретнымъ сочиненіямъ иностранныхъ ученыхъ по основнымъ вопросамъ богословія и исторіи религіи, появилось довольно много переводовъ такихъ сочиненій, весьма разнообразныхъ по направленію и научной цѣнности, отъ Ренана до Гарнака.

Не лишнимъ вкладомъ въ эту литературу является переводъ шестнадцати лекцій Гарнака (въ Берлинскомъ университетѣ, за 1899—1900 г.) изданныхъ имъ подъ заглавіемъ—„Das Wesen des Christentums. Для правильной оцѣнки этой книги необходимо вспомнить о томъ общемъ источникѣ, изъ котораго Гарнакъ, какъ и рядъ представителей современнаго историческаго богословія, почерпалъ, сознательно и безсознательно, многое въ своихъ взглядахъ и пріемахъ, а именно: о Тюбингенской исторической школѣ и ея ближайшихъ преемникахъ. Основной принципъ этой школы—*принципъ примѣненія къ церковно-религіозной исторіи методовъ научнаго историческаго изслѣдованія*—имѣлъ своихъ провозвѣстниковъ уже въ XVIII вѣкѣ, между прочимъ, въ лицѣ прекраснѣйшаго изъ свѣточей раціонализма, Боруха Спинозы [1]). Но лишь въ XIX вѣкѣ принципъ этотъ оказался впервые широко и смѣло проведеннымъ на практикѣ въ знаменитомъ трудѣ Штрауса „Das Leben Jesu", и затѣмъ, отчасти благодаря вліянію Штрауса, былъ окончательно разработанъ въ научную систему истиннымъ главою Тюбингенской школы Бауромъ. Бауръ освѣтилъ всю литературу извѣстныхъ въ его время (тридцатые, сороковые годы XIX в.) христіанскихъ памятниковъ строгою научною критикою и показалъ, насколько христіанство, въ томъ видѣ, въ какомъ унаслѣдовала его исторія, не является неизмѣннымъ ученіемъ, разъ навсегда завѣщаннымъ основателями или основателемъ, а представляетъ собою продуктъ сложнаго взаимодѣйствія разнообразныхъ факторовъ: іудейства, эллино-римскаго міра, позднѣе различныхъ (часто враждебныхъ другъ другу) христіанскихъ школъ, языческой государственности и т. д.

При всемъ различіи, существующемъ между взглядами Баура и позднѣйшихъ изслѣдователей, пріемы изслѣдованія, примѣненные ими, стали, въ своихъ существенныхъ особенностяхъ, прочнымъ и не утрачивающимъ цѣнности достояніемъ исторической критики въ области церковно-религіоз-

[1]) См. Tractatus theologico-politicus.

Digitized by Google

ной исторіи. Безъ критическаго анализа, сличенія, датировки христіанскихъ памятниковъ и отбора среди нихъ подлиннаго матеріала—не можетъ обойтись въ настоящее время серьезный историкъ христіанства, какихъ бы воззрѣній онъ ни придерживался.

Адольфъ Гарнакъ, одинъ изъ талантливѣйшихъ представителей современнаго протестантскаго богословія, связанъ съ тюбингенскою школою именно общностью пріемовъ изслѣдованія, а также рѣзкостью, съ которою онъ подвергаетъ критикѣ всѣ памятники христіанской письменности. Но по воззрѣніямъ своимъ на самое христіанство Гарнакъ далекъ отъ Баура и въ особенности отъ крайнихъ представителей тюбингенской школы, находившихъ возможнымъ отрицать или оспаривать подлинность всей почти древне-христіанской литературы и, прежде всего, принадлежность существеннѣйшаго въ христіанствѣ—единому Основателю. Гарнакъ, напротивъ, настаиваетъ на созидающей роли Іисуса Христа въ возникновеніи христіанскаго ученія, и на соотвѣтствіи Евангелія этому ученію въ его первоначальномъ видѣ. Здѣсь Гарнакъ впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе; критическое отношеніе его къ христіанской литературѣ апостольскаго и послѣ апостольскаго вѣка, признаніе имъ вліянія церковной партійности и внѣшнихъ воздѣйствій на установленіе „канонической“ литературы — не совсѣмъ мирятся съ отстаиваніемъ достовѣрности канонническаго Евангелія, какъ истиннаго выраженія сущности христіанства. Впрочемъ, это противорѣчіе не столько сказывается въ курсѣ о „Сущности христіанства“, сколько явствуетъ изъ разсмотрѣнія всей совокупности его трудовъ, въ особенности со включеніемъ статей по отдѣльнымъ вопросамъ [1]).

„Сущность христіанства“ распадается на два отдѣла. Въ первомъ дано всестороннее разсмотрѣніе Евангелія, какъ со стороны основныхъ чертъ (Grundzüge) его ученія (Царство Божіе, заповѣдь любви, и т. д.), такъ и со стороны его отношенія къ главнѣйшимъ изъ отдѣльныхъ проблемъ религіознаго міровоззрѣнія: къ міру, къ праву, къ труду и проч. Затѣмъ слѣдуетъ обзоръ исторической судьбы Евангелія, въ апостольскую и послѣ-апостольскую эпоху, потомъ въ вѣкъ возникновенія католической церковности, наконецъ въ современныхъ христіанскихъ церквахъ: римско-католической, греческой и протестантской. Этотъ второй отдѣлъ книги Гарнака не лишенъ слабыхъ пунктовъ: въ немъ черезчуръ сказывается явно-пристрастный къ своему исповѣданію протестантскій богословъ—вопреки всѣмъ его оговоркамъ о несовершенствѣ современнаго протестантизма. Наряду съ вполнѣ справедливыми указаніями на обиліе не-евангельскихъ, не-христіанскихъ, даже анти-христіанскихъ элементовъ въ ортодоксальной Церкви—Восточной и Западной—встрѣчаются партійныя крайности въ отдѣльныхъ положеніяхъ, вродѣ отрицанія за римскимъ католицизмомъ „всякой связи съ Евангеліемъ“ (стр. 163 оригинала, изд. 1902 г. Лейпц.) въ основныхъ церковныхъ догматахъ. Къ Восточной церкви Гарнакъ относится мягче, но и тутъ дѣло не обходится безъ преувеличеній, при общей правильности историческаго построенія. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, доказывать—безъ передержекъ ad majorem Lutheri gloriam—что въ греческой церкви „христіанская вѣра сводится къ исполненію обрядовъ, а христіанская нравственность—къ соблюденію постовъ“ (ст. 150).

Съ другой стороны, Гарнакъ, какъ и слѣдовало ожидать, идеализи-

[1]) Напр., статьи объ отношеніи древней Церкви къ Государству.

Digitized by Google

руетъ протестантизмъ, руководясь въ оцѣнкѣ послѣдняго не тѣмъ, каковъ онъ на дѣлѣ, а тѣмъ, какимъ бы онъ долженъ быть; т. е. прилагаетъ къ нему совершенно иную мѣрку, чѣмъ къ остальнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ.

За вычетомъ этихъ „партійно-религіозныхъ“ недостатковъ, книга Гарнака должна быть признана цѣнной и нужной, богатой матеріаломъ и подкупающей стройностью изложенія.

Переводъ сдѣланъ хорошо, хотя своеобразный языкъ Гарнака — сильный, но угловатый—невыгодно отразился и на языкѣ перевода. Въ главѣ о Восточной церкви переводчикъ, повидимому, все-таки стѣсненъ былъ цензурными соображеніями—судя по характеру неточностей, допущенныхъ именно въ этой главѣ. Издана книга аккуратно. *С. Свириденко.*

Н. П. Павловъ-Сильванскій. Феодализмъ въ древней Руси. (Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время, подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго). Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. С.-Петербургъ 1907 г. Книга Н. П. Павлова-Сильванскаго является интересной и цѣнной новинкой текущей исторической литературы. Уже давно обратили заслуженное вниманіе отдѣльныя статьи автора („Иммунитетъ въ Удѣльной Руси“, „Феодальныя отношенія въ Удѣльной Руси“ и др.), помѣщенныя въ спеціальныхъ изданіяхъ и представляющія части большого научнаго изслѣдованія. Выборъ и постановка вопросовъ, ихъ оригинальное трактованье вызвали оживленный обмѣнъ мнѣній въ спеціальной и общей исторической литературѣ; можно сказать, что активная разработка вопроса о феодализмѣ въ Россіи поставлена на очередь работами г. Павлова-Сильванскаго.

Въ настоящей книгѣ авторъ даетъ обобщенія своего спеціальнаго изслѣдованія, которое не замедлитъ появленіемъ въ свѣтъ въ полномъ видѣ. Г. П.-Сильванскій широко разрабатываетъ поставленную тему, даетъ очень полное сравнительно-историческое освѣщеніе; на ряду съ этимъ, онъ ставитъ и общій вопросъ о дѣленіи на періоды русскаго историческаго развитія. Въ постановкѣ этого вопроса авторъ расходится съ традиціонными взглядами русской исторіографіи и потому особенный интересъ представляетъ первая глава книги, посвященная критикѣ теорій русской исторіи. Г. П.-Сильванскій подробно разсматриваетъ возникновеніе взглядовъ, формулирующихъ развитіе русской и западно-европейской исторіи. Послѣ разбора теоретическихъ построеній славянофиловъ и западниковъ авторъ особенно внимательно останавливается на соціологической теоріи Соловьева; эта теорія, развитая въ XIII томѣ „Исторіи Россіи“ и статьяхъ 70-хъ годовъ, создалась подъ непосредственнымъ вліяніемъ Бокля и выдвигаетъ на первый планъ въ объясненіе осново-причинъ „условія природныя“—географическій факторъ. Соловьевъ формулируетъ знаменитую антитезу между исторіей Россіи и исторіей Запада, противополагая осѣдлому Западу подвижную и бродячую Русь, гдѣ все похоже на степную траву „перекати поле“; эта антитеза оставила сильный слѣдъ и на трудахъ дальнѣйшихъ изслѣдователей; она только варьируется и видоизмѣняется въ формѣ.

Очень остроумно и тонко разбираетъ г. П.-Сильванскій „теорію контраста“ Милюкова и съ фактами въ рукахъ доказываетъ, какъ постепенно авторъ „Очерковъ по исторіи русской культуры“ отступалъ съ занятыхъ позицій и долженъ былъ вносить серьезныя оговорки въ свои построенія.

Digitized by Google

Первая глава заканчивается разборомъ „вотчинной теоріи“ Ключевскаго, которой авторъ придаетъ особое значеніе, какъ извѣстному приближенію къ новой постановкѣ основныхъ проблемъ. По мнѣнію автора въ трудахъ Ключевскаго блестяще выяснены основныя начала удѣльнаго порядка — нашего феодальнаго средневѣковья; но Ключевскій является сторонникомъ антитезы Россіи и Запада и, находясь подъ вліяніемъ теоріи, вступаетъ въ противорѣчіе съ собой, какъ съ изслѣдователемъ (§ 11 „Возраженія Ключевскаго самому себѣ“ стр. 32—35). Г. П.-Сильванскій упрекаетъ Ключевскаго въ томъ, что онъ, затушевывая черты сходства, выдвигаетъ черты отличія; надо тутъ же слѣдуетъ замѣтить, что самъ авторъ настоящей работы виновенъ какъ разъ въ обратномъ. И, можетъ быть, тогда не всѣ возраженія Ключевскому могутъ быть приняты. При разборѣ теорій авторъ особенно подчеркивалъ ихъ отступленія и ихъ взаимныя противорѣчія. Основной причиной ихъ неудачи г. П.-Сильванскій считаетъ невѣрность главнаго тезиса— противоположенія („контраста“) историческаго развитія Запада и Россіи. Авторъ предлагаетъ новое дѣленіе русской исторіи на періоды, дѣленіе аналогичное внѣшнимъ моментамъ западно-европейскаго историческаго развитія: 1) періодъ господства общины или міра (отъ древнѣйшихъ временъ до XII вѣка), 2) періодъ преобладанія крупнаго землевладѣнія, господства боярщины—сеньоріи (съ XIII до половины XVI вѣка) и 3) періодъ сословнаго государства, распадающійся на двѣ эпохи: эпоху московской сословной монархіи и эпоху петербургской имперіи (съ XVI по XIX в). Предложенное авторомъ дѣленіе очень интересно и съ нимъ необходимо серьезно считаться; развитіе положеній этой теоріи до извѣстной степени представляетъ настоящая книга, а также подготовляемыя изслѣдованія. Естественно, что автору особенно необходимо было обосновать второй періодъ (установленіе перваго и третьяго періода представляется менѣе спорнымъ), иными словами—доказать существованіе феодализма въ Россіи; этому вопросу и посвящена большая часть книги.

Широкая эрудиція автора, его начитанность въ источникахъ и знакомство съ западно-европейской исторической и историко-юридической литературою даютъ возможность поставить изслѣдованія на сравнительно—историческую точку зрѣнія. Г. П.-Сильванскій все время на основаніи тщательнаго и детальнаго изученія порядковъ феодальнаго Запада устанавливаетъ основныя линіи удѣльнаго „феодальнаго“ строя древней Руси. Весьма любопытна вторая глава книги „Сеньоріальныя основы удѣльнаго порядка“; эта глава представляетъ экстрактъ спеціальнаго изслѣдованія о боярщинѣ и общинѣ, но, благодаря тому, что тезисы явились раньше обоснованій, эта глава вызываетъ нѣкоторые вопросы и возраженія. Г. Павловъ-Сильванскій вполнѣ правильно отмѣчаетъ значеніе крупнаго землевладѣнія, какъ базиса феодализма; далѣе онъ и переходитъ къ изученію крупнаго землевладѣнія въ древней Руси. На нашъ взглядъ авторъ очень удачно переходитъ и сближаетъ понятія: нѣмецкое „Grundherrschaft“, англійское „Mond“, французское „Seigneurie“ съ русскимъ „боярщина“. Сеньорія—боярщина—вотъ основа удѣльнаго періода въ древней Руси. Переходя къ изученію литературы боярщины, авторъ прежде всего занимается вопросомъ о происхожденіи общины и надо сказать, что немногія страницы, посвященныя этому сюжету, мало что даютъ для разрѣшенія этого сложнаго и запутаннаго вопроса. Аналогіи между германской марковой общиной и русской общиной удѣльнаго времени характерны; но, въ общемъ, подтвержденія и развитія отдѣль-

Digitized by Google

ныхъ положеній автора надо ждать въ спеціальной работѣ. Вызываетъ возраженія и глава о господскихъ крестьянахъ; здѣсь проявилось стремленіе автора не видѣть чертъ различія. Представляется очень рискованнымъ провести полную аналогію между крѣпостнымъ сервомъ (и даже виллановъ) и русскимъ крестьяниномъ удѣльнаго времени; особенно трудно установить это сходство въ сферѣ юридическихъ отношеній. Г. П.-Сильванскій усиленно сближаетъ право „отказа“ у насъ съ правомъ „desaveu“ французскаго крестьянина, но здѣсь необходимо прежде всего установить точно хронологическія рамки и болѣе подробно охарактеризовать распространенность послѣдняго и условія его; несомнѣнно болѣе сходства представляетъ „formariage“ и „выводная куница“ (свадебная пошлина при бракахъ крестьянъ различныхъ помѣщиковъ). Но г. П. Сильванскій не говоритъ о важномъ правѣ средневѣковаго сеньора—правѣ преслѣдованія крестьянъ-бѣглецовъ (droit de suite); оно очень характерно въ данномъ отношеніи и ярко иллюстрируетъ извѣстныя стороны юридическаго положенія сервовъ. Далѣе, самъ авторъ признается, что онъ не нашелъ у насъ наслѣдственныхъ пошлинъ (англійскій геріотъ); въ доказательство существованія „права мертвой руки“ (droit de main morte), которое такъ характерно для сервовъ, приводится только одно мѣсто древнѣйшей „Русской Правды“.

Можно привести цѣлый рядъ другихъ особенностей юридическаго положенія средневѣковаго крестьянина, которыя не находятъ себѣ подтвержденія или просто не имѣютъ мѣста въ удѣльной Руси. Въ противоположность этой наименѣе обоснованной части книги необходимо отмѣтить интересныя соображенія автора о подвижности населенія и значеніи колонизаціи (стр. 63—67). Г. П.—Сильванскій совершенно справедливо отмѣчаетъ основную невѣрность традиціоннаго представленія о чрезвычайной подвижности населенія древней Руси въ противоположеніе осѣдлому Западу; фактъ роста и повсемѣстнаго распространенія крупнаго землевладѣнія является основнымъ и убѣдительнымъ возраженіемъ. Но кромѣ того и самъ фактъ колонизаціи не противорѣчитъ основнымъ положеніямъ; колонизація совершалась (и въ очень широкихъ размѣрахъ) и на миноосѣдломъ Западѣ. Въ добавленіе къ соображеніямъ г. П.—Сильванскаго надо указать на роль крупнаго землевладѣнія въ дѣлѣ германизаціи славянскихъ при-эльбскихъ странъ, на значеніе крестьянскихъ налоговъ и т. п.; въ настоящее время выдвинутъ историками вопросъ о значеніи большого помѣстья, какъ фактора колонизаціи. Третья глава книги—„Феодальныя основы удѣльнаго періода“, уже въ извѣстной степени знакомая по напечатаннымъ спеціальнымъ статьямъ, даетъ очень яркую картину феодальныхъ отношеній въ Россіи; при проведеніи аналогій и сравненій авторъ, главнымъ образомъ, пользуется данными французскаго классическаго феодализма. Г. П.-Сильванскій превосходно выяснилъ основы феодальныхъ отношеній, умѣло разобрался въ сложной и запутанной іерархіи отношеній, охарактеризовалъ подробно юридическое положеніе и взаимоотношенія различныхъ представителей феодальнаго общества. Особенно надо отмѣтить параграфъ „процессъ раздробленія верховной власти“ (стр. 87—92); здѣсь, развивая мысли новѣйшихъ изслѣдователей, авторъ ставитъ на первый планъ въ процессѣ раздробленія—перенесеніе власти съ центра на мѣста, экономическій факторъ, господство замкнутаго натуральнаго хозяйства. Судьба Каролингской монархіи (превосходно изученная съ этой точки зрѣнія въ

Digitized by Google

работѣ Габріеля Моно) служитъ яркимъ примѣромъ шаткости грандіозной политической надстройки на примитивномъ экономическомъ базисѣ. Процессъ феодализаціи объясняется этой осново-причиной; узурпація власти (что такъ выдвигалось прежде) графами и баронами имѣетъ второстепенное значеніе и отсутствіе этого факта въ Россіи не является серьезнымъ и опаснымъ возраженіемъ. Отмѣтимъ еще отдѣлы о „службѣ съ земли“ и о „боярахъ и княжатахъ“ (стр. 107—117 и 117—123). Послѣдняя глава книги даетъ общую и нѣсколько конспективную характеристику государства XVI – XVIII в.; здѣсь авторъ высказываетъ рядъ интересныхъ соображеній и надо надѣяться, что они въ дальнѣйшемъ будутъ имъ развиты подробнѣе.

Мы остановились въ самыхъ общихъ чертахъ на основныхъ положеніяхъ новой книги г. Павлова-Сильванскаго; можно было бы указать цѣлый рядъ другихъ интересныхъ и любопытныхъ пунктовъ. Въ заключеніе еще разъ отмѣтимъ серьезное и капитальное значеніе работъ г. Павлова-Сильванскаго. *И. Бороздинъ.*

Профессоръ А. Трачевскій. Новая исторія. Томъ I. 1750—1848 гг. Спб. 1908. стр. 720. Цѣна 3 р. Книга проф. Трачевскаго—среднее между распространеннымъ учебникомъ и популярною работою для ищущей самообразованія публики. Она написана живо, связно, избѣгнуты сколько-нибудь значительные пропуски—и о *политической* исторіи Европы съ средины 18-го по средину 19-го вѣка она дастъ, въ общемъ, ясное представленіе.

Но тѣмъ необходимѣе указать на недостатки этой книги. Приведемъ для примѣра нѣсколько—и крупныхъ, и мелкихъ. Прежде всего—въ изложеніе вкрались неточности. На стр. 40, напр., читаемъ о Тюрго: „онъ даже воображалъ, что мирно отмѣнитъ феодализмъ, не упразднивъ привиллегированныхъ, гнѣздо которыхъ—парламентъ онъ даже старался возстановить вопреки всеобщимъ совѣтамъ“. Это—діаметрально противоположно истинѣ: Тюрго—былъ самымъ рѣшительнымъ и безусловнымъ врагомъ парламентовъ и всецѣло высказывался противъ ихъ возстановленія; возстановлены же они были, къ прискорбію Тюрго, благодаря вліянію королевы, графа д'Артуа и принцевъ крови вообще (кромѣ старшаго изъ королевскихъ братьевъ). На стр. 37 читаемъ о школѣ физіократовъ: „она провозглашала, что все дѣло въ „природѣ“ или въ нашей кормилицѣ-землѣ, и что одни крестьяне или пахари—полезный производительный классъ на свѣтѣ“. Авторъ повторяетъ тутъ давно отвергнутый ложный взглядъ на физіократовъ: они противополагали *занятіе* земледѣліемъ, сельскимъ хозяйствомъ—занятіямъ прочимъ, которыя признавались съ ихъ точки зрѣнія непроизводительными; но ни въ какомъ случаѣ они не исходили изъ антагонизма собственниковъ и несобственниковъ, помѣщиковъ и крестьянъ, крестьянъ-владѣльцевъ и крестьянъ пролетаріевъ. Коренныя различія, раздѣляющія всю массу людей, которые заняты агрикультурой, для физіократовъ не имѣли никакого почти интереса. Вообще ихъ интересовало больше всего увеличеніе производства, а распредѣленіе занимало ихъ очень мало. Ожерелье, ставшее причиной знаменитаго процесса Рогана, почему-то названо фальшивымъ, хотя вовсе таковымъ не было, и не только всему этому дѣлу посвящено всего 4 строчки, но и освѣщеніе ему дается неправильное. Въ событіяхъ ночи на 4-е августа авторъ тоже согласно старому взгляду усматриваетъ (стр. 143) „безпримѣрную рыцарственность“, „борьбу велико-

Digitized by Google

душія“ и т. д. На стр. 149 съ удивленіемъ узнаемъ, что въ 1789 году „уже *зарождался* новый классъ, названный потомъ (?) буржуазіей“; это „показываетъ“ автору имущественный цензъ, установленный учредительнымъ собраніемъ. Финансовый кризисъ временъ революціи характеризуется коротко, но совершенно невѣрно: „эмигранты увезли золото, а банкажи довели массу до такой нищеты, что пролетаріи совсѣмъ вознегодовали на знать“ (стр. 149). На стр. 178 авторъ говоритъ (о законѣ Шапелье): „въ 1791 году одно важное дѣло двинуло пролетарское сознаніе“. Это-то и характерно, что законъ Шапелье прошелъ почти незамѣченнымъ и ничуть „пролетарскаго сознанія“ не двинулъ! Якобинцевъ столичной коммуны временъ террора авторъ почему-то называетъ „крайняя партійка съ соціалистическимъ оттѣнкомъ“ (стр. 204). Тому обстоятельству, что Бонапартъ нарушилъ „хартію закона“ 18 Брюмера, авторъ приписываетъ колоссальныя послѣдствія: „это роковое противорѣчіе сгубило его самого и пріостановило прогрессъ новѣйшей исторіи“ и т. д. (стр. 268). Не значитъ-ли это слишкомъ далеко идти въ „субъективизмѣ“? Ріего названъ „испанскимъ Робеспьеромъ“ (стр. 453), хотя ровно ничего общаго между этими двумя лицами нѣтъ.

Говоря о Каннингѣ, авторъ не сказалъ ничего о тѣхъ *экономическихъ* выгодахъ для Англіи, которыя обусловили въ серьезной степени „освободительную“ внѣшнюю политику англійскаго министра. Ученіямъ Сенъ-Симона, Фурье, Луи-Блана и Прудона посвящено въ общей сложности 2 страницы и охарактеризованы эти системы не только необычайно бѣгло, но и очень произвольно. Относительно эпохи 1831—32 гг. авторъ говоритъ (стр. 667): „Въ Ирландіи О'Коннель проповѣдывалъ революцію“. Ничего подобнаго О'Коннель ни тогда, ни позже не проповѣдывалъ. На стр. 683 читаемъ (о 1830 годахъ въ Англіи): „Даже виги, ослѣпленные индивидуализмомъ, не могли взять въ толкъ новаго, соціалистическаго направленія массъ“. Тутъ удивительно это „*даже*“ когда рѣчь идетъ о *болѣе* смертельныхъ врагахъ рабочей массы, чѣмъ тори; а также странно, что дѣло объясняется „ослѣпленіемъ“ отъ индивидуализма. Оптимистически судитъ проф. Трачевскій о родѣ человѣческомъ!

Къ числу недостатковъ книги относятся слишкомъ ужъ непринужденный стиль: Наполеонъ I—для автора нашего—то „шахиншахъ“, то „капралишка“ (такъ онъ переводитъ „le petit caporal“), то „толстый буржуйчикъ“. А о смертныхъ попроще—и говорить уже нечего! Все это à la longue утомляетъ читателя и, главное, было бы чрезвычайно легко отъ подобныхъ украшеній воздержаться. *Т.*

Эмэ Шэрэ. Паденіе стараго режима (1787—1789). Перев. съ фр. Т. Богдановичъ и Э. Пименовой, подъ ред. Е. В. Тарле. Изд. Брокгаузъ и Эфронъ. Спб. 1907 г. Т. I въ двухъ выпускахъ. Стр. 387. Цѣна каждаго выпуска 1 р. 25 коп.

У насъ очень много читаютъ по исторіи великой французской революціи, и у насъ весьма мало знаютъ о томъ, что непосредственно предшествовало „паденію стараго режима“. Въ этомъ отношеніи большинство витателей склонно ограничиваться тѣми „введеніями“, которыя обыкновенно предшествуютъ всякому труду по исторіи революціи, либо—въ лучшемъ случаѣ—прекрасной, но сжатой книгой Токвиля.

Но слѣдуетъ ли много распространяться о томъ, что безъ дѣйствительно хорошаго знакомства съ дореволюціоннымъ „порядкомъ“, многое ускользаетъ — а подчасъ остается даже неяснымъ — при изученіи самой

Digitized by Google

революціи. Недаромъ Жоресъ весьма подробно—поскольку это возможно въ рамкахъ его сочиненія—останавливается на годахъ, непосредственно предшествовавшихъ революціи.

Находящійся предъ нами трудъ—пока вышелъ еще только 1-й томъ—заполняетъ этотъ несомнѣнный пробѣлъ. Книга Шэрэ тѣмъ болѣе интересна, что по собственному признанію автора—консерватора по убѣжденіямъ—изученіе промежутка между 1787—1789 гг. заставило его кореннымъ образомъ измѣнить свое отношеніе къ французской революціи.

„Что касается меня, — пишетъ онъ, — то я долженъ сознаться, что, когда я приступилъ къ изысканіямъ, результаты и выводы которыхъ я теперь опубликовываю, я былъ расположенъ къ снисходительности по отношенію къ старому режиму... Будучи рѣшительнымъ консерваторомъ, я былъ бы счастливъ, если бы могъ установить, что, вмѣсто того, чтобы подвергать страну ужаснымъ испытаніямъ революціи, наши предки могли бы основать новую Францію путемъ одного только прогресса идей, одной только силою вещей, самымъ законнымъ и мирнымъ образомъ, не накопляя около ея колыбели обломковъ старой Франціи. Но чѣмъ больше я углублялся въ изученіе подробностей дѣйствительности, тѣмъ больше я приходилъ къ противоположному выводу. Теперь я готовъ закричать всѣмъ консерваторамъ моего времени: ради Бога, не оспаривайте ни необходимости, ни законности революціи, которая сдѣлала насъ такими, какъ въ настоящее время, и безъ которой мы никогда не могли достигнуть, ни даже издали увидѣть пристани! Не возбуждайте ни противъ себя, ни противъ насъ всѣхъ опаснаго недовѣрія, превознося такую систему, которую ничто не оправдываетъ. Въ особенности же не заставляйте подозрѣвать симпатіи къ такому режиму, который заслужилъ въ памяти народныхъ массъ справедливое осужденіе“ (стр. 23).

Эта краснорѣчивая цитата достаточно говоритъ въ пользу полнѣйшей объективности автора, которая красной нитью проходитъ черезъ трудъ Эмэ Шэрэ. Онъ мало анализируетъ и главнымъ образомъ повѣствуетъ. Но это повѣствованіе такъ ярко и такъ убѣдительно говоритъ фактами, что независимо отъ историко-философской точки зрѣнія автора, убѣждаешься въ той закономѣрности, съ какой вытекали изъ 1787—1789 годовъ послѣдующіе годы... Изъ главъ перваго тома, который доводитъ исторію этихъ лѣтъ до 1788 г., особеннаго вниманія заслуживаютъ главы II, IV, VI, VIII. Первая изъ нихъ: „Дефицитъ и созваніе нотаблей“ даетъ такую картину разстроенныхъ финансовъ и растерянности власти, какую по силѣ изображенія трудно встрѣтить, по крайней мѣрѣ въ литературѣ даннаго предмета, имѣющейся на русскомъ языкѣ. Не менѣе красочно изображены въ IV и VI главахъ полнѣйшій распадъ стараго режима и старой власти и первая неудачная попытка короля предотвратить революцію соглашеніемъ съ парламентами. И, наконецъ, послѣдняя изъ отмѣченныхъ нами главъ посвящена революціи въ провинціи, точнѣе тѣмъ революціоннымъ вспышкамъ, которыя предшествовали общему взрыву. Эта глава заслуживаетъ особеннаго вниманія еще и потому, что „провинціальная революція“ даже у Олара, Жореса, Мишле и друг. занимаетъ второстепенное мѣсто. Между тѣмъ знакомство съ провинціальной Франціей даетъ ключъ къ пониманію того явленія, что въ первую французскую революцію Парижъ не оставался одинокимъ, какъ это случилось съ нимъ въ 1848 г., и какъ это особенно рѣзко проявилось въ революцію 1871 г.

Digitized by Google

Мы горячо рекомендуемъ книгу Эмэ Шэрэ всякому, желающему изучить исторію Франціи начала прошлаго столѣтія. Это прекрасное пособіе, написанное къ тому же легкимъ и увлекательнымъ языкомъ, не потерявшимъ въ своей стильности и силѣ въ предлагаемомъ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ подъ авторитетной редакціей Е. В. Тарле.

Переводъ книги Шэрэ тѣмъ болѣе цѣненъ, что французское изданіе, быстро разошедшееся, представляетъ собою библіографическую рѣдкость даже во Франціи. *Л. Герасимовъ.*

Фр. Мерингъ. Просвѣщенный абсолютизмъ Фридриха Великаго (къ исторіи Германіи). Перев. съ нѣм. А. И. Израилитина. Изд. „Просвѣщенія". Спб. Стр. 172. Ц. 60 коп. Изданная „Просвѣщеніемъ" книжка Фр. Мерингa представляетъ собою сборникъ статей, печатавшихся въ „Neue Zeit.".

Публицистическій талантъ и историческая эрудиція автора говорятъ достаточно въ пользу данной монографіи. И поскольку рѣчь идетъ о томъ, чтобы совѣтовать читателю познакомиться съ нею, много говорить не приходится. „Просвѣщенный абсолютизмъ", какъ и всѣ соч. Франца Мерингa является прежде всего шедевромъ въ смыслѣ примѣненія метода историческаго матеріализма. Названіе книги ясно говоритъ о той эпохѣ, которую изслѣдуетъ Мерингъ. Эта эпоха дѣйствительно достойна всяческаго вниманія. Между прочимъ, въ извѣстныхъ кругахъ нѣмецкаго общества, по преимуществу консервативныхъ и либеральныхъ, особой популярностью пользуется, такъ называемая „гогенцолернская легенда" (Die Hohenzolern legende). Эта легенда, относящаяся къ дѣяніямъ царствующей въ Пруссіи династіи, рисуетъ ее не только, какъ собирательницу „земли нѣмецкой", но и какъ неутомимую благодѣтельницу „простого народа" за счетъ привиллегированныхъ слоевъ. Послѣдняя мысль особенно выдвигается на первый планъ при изображеніи дѣятельности Фридриха Великаго. И понятно, что легенда, которую когда-то покойный Либкнехтъ обозвалъ „сплетней", поддерживается не только въ трудахъ оффиціальныхъ историковъ, но и въ историческихъ учебникахъ народныхъ и среднихъ школъ. Германская соц.-дем. борется съ этой легендой самымъ энергичнымъ образомъ. И поскольку рѣчь идетъ о борьбѣ съ нею путемъ историческаго изслѣдованія, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ упомянуть труды Мерингa, между прочимъ и данное сочиненіе.

Съ безпощадностью строгаго и безпристрастнаго аналитика срываетъ Мерингъ съ „великаго Фрица" не только тогу народолюбія, но и величія. Отдавая должное его нѣкоторымъ личнымъ качествамъ, авторъ однако документально, съ цифрами и фактами въ рукахъ, обнаруживаетъ полнѣйшую зависимость Фридриха Великаго отъ класса „юнкеровъ" и окружавшихъ его экономическихъ условій. Авторъ подробно останавливается на семилѣтней войнѣ и показываетъ, что она явилась лишь въ результатѣ тѣхъ экономическихъ условій, которыя создались не только въ Пруссіи, но и на всемъ европейскомъ континентѣ, а отнюдь не благодаря завоевательнымъ и народолюбивымъ стремленіямъ Фридриха (стр. 136, 137, 138, 189 и пр.). Фридрихъ Великій во всей своей внѣшней и внутренней политикѣ оставался реакціонеромъ и по существу находился на службѣ дворянства, какъ фактически находятся на этой службѣ его потомки до сихъ поръ.

Книга Мерингa читается легко и съ живѣйшимъ интересомъ. Переводъ

Digitized by Google

хорошъ, хотя слѣдуетъ пожалѣть, что не указаны нѣкоторыя опечатки, такъ напр., на стр. 26 вмѣсто „полемика“ напечатано „политика“, что совершенно искажаетъ смыслъ фразы. *Л. Г.*

С. Солнцевъ. Рабочіе бюджеты въ связи съ теоріей „обѣдненія“. Соціально экономическій очеркъ. 1907 годъ. 123 стр. Цѣна 75 коп. — Теорія „обнищанія“ рабочаго класса одно изъ тѣхъ положеній въ доктринѣ научнаго соціализма, которыя больше всего вызвали нападокъ, какъ со стороны буржуазныхъ критиковъ, такъ и со стороны ревизіонистовъ. Объясняется это двумя причинами. Во первыхъ тѣмъ, что теорія „обнищанія“ непосредственно связана съ наиболѣе ненавистной для буржуазіи и ея апологетовъ теоріей Zusamenbruch'a, а во вторыхъ тѣмъ, что въ трудахъ творцовъ научнаго соціализма она формулирована неясно и даже противорѣчиво. Въ ученіи Маркса на „обнищаніи“ основано доказательство все растущаго недовольства рабочихъ современнымъ строемъ и озлобленія противъ него, долженствующаго въ концѣ концовъ привести къ всеобщему перевороту, и въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ это „обнищаніе“ какъ будто понимается въ буквальномъ смыслѣ. „Современный рабочій, говорится тамъ, вмѣсто того, чтобы подниматься вмѣстѣ съ прогрессомъ промышленности, все болѣе опускается ниже условій существованія своего собственнаго класса. Рабочій становится бѣднякомъ и бѣдность развивается еще быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство“. Но въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Маркса, напримѣръ въ I томѣ „Капитала“ [1]), подъ „обнищаніемъ“ понимается уже нѣчто другое. „Условія существованія класса“ уже рѣзко отличаются отъ условій физическаго существованія въ каждый данный историческій моментъ; они могутъ подниматься и улучшаться. И вся практическая дѣятельность Маркса, его борьба за рабочее законодательство, сокращеніе рабочаго дня, отношеніе къ профессіональнымъ организаціямъ рабочихъ, его суровое осужденіе Лассалевскаго „желѣзнаго“ закона заработной платы ясно показываютъ, что „обнищаніе“ онъ понималъ совсѣмъ не такъ, какъ пытаются приписать ему на основаніи „Коммунистическаго Манифеста“. Эта неясность побудила ортодоксальныхъ марксистовъ остановиться на вопросѣ и выяснить теорію „обѣдненія“ точнѣе. Каутскій говоритъ про относительное „обнищаніе“ въ сравненіи съ классомъ капиталистовъ:—„По сравненію съ условіями жизни класса капиталистовъ и съ накопленіемъ капитала положеніе пролетаріата ухудшается, его доля въ продуктѣ его труда постоянно и все болѣе уменьшается, его эксплоатація растетъ. Кромѣ того и абсолютное „обнищаніе“ рабочихъ въ капиталистическомъ обществѣ всегда и постоянно существуетъ въ видѣ тенденціи, и они могутъ избѣжать его, только ведя непрерывную и упорную борьбу съ буржуазіей.“

Авторъ разсматриваемаго сочиненія пытается съ экономической точки зрѣнія обосновать теорію „обнищанія“ такъ, какъ понималъ ее, по его мнѣнію, Марксъ въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ. Абсолютнаго „обнищанія“ рабочихъ не наблюдается. Наоборотъ и денежная и реальная заработная плата ростетъ, рабочему сдѣлалось доступнымъ многое такое, о

---

[1]) „Размѣры такъ называемыхъ необходимыхъ потребностей, такъ же какъ и способъ ихъ удовлетворенія, представляютъ продуктъ историческаго развитія и обусловлены поэтому по большей части культурнымъ уровнемъ страны“. Карлъ Марксъ, томъ I.

Digitized by Google

чемъ еще недавно онъ не смѣлъ и мечтать, но „условія существованія класса", благодаря общему культурному развитію, тоже поднимаются, необходимыя потребности рабочаго растутъ и растутъ быстрѣе, чѣмъ средства удовлетворенія ихъ. Вопросъ о ростѣ потребностей не новый; такъ или иначе о немъ говорили всѣ, но такъ какъ потребности больше относятся къ области физіологіи и психологіи, то экономисты не пытались подвергнуть ихъ разсмотрѣнію и изученію съ экономической точки зрѣнія. Авторъ дѣлаетъ эту попытку и почвой для него служатъ рабочіе бюджеты.

Подвергнувъ детальному и всестороннему изученію данныя берлинскихъ бюджетной анкеты 1903 года, авторъ констатируетъ развитіе новыхъ потребностей на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія рабочаго благосостоянія. Эти потребности оказываются настолько сильными и могущественными, что не только давятъ на другія, задерживая ихъ развитіе, но даже оказываются наиболѣе устойчивыми въ сравненіи съ прежними болѣе примитивными и казалось бы болѣе „необходимыми" потребностями. На первомъ планѣ здѣсь идутъ духовныя потребности, на которыя тратится все большій % рабочаго бюджета. Благодаря этому ни одна потребность рабочаго не получаетъ полнаго удовлетворенія, вездѣ чувствуется недохватка, и чѣмъ выше бюджетъ, чѣмъ, значитъ, полнѣе развиты потребности, тѣмъ сильнѣе ихъ взаимное давленіе, „тѣмъ напряженнѣе рабочій бюджетъ, тѣмъ болѣе онъ сжатъ и ограниченъ во всѣхъ своихъ частяхъ". Отсюда прямой выводъ — тѣмъ болѣе рабочій чувствуетъ неудовлетворенность, тѣмъ энергичнѣе онъ ищетъ выхода. Неудовлетворительность питанія, сказывающаяся даже на высшихъ ступеняхъ въ недостаточномъ потребленіи мяса и замѣнѣ его картофелемъ и хлѣбомъ ведетъ къ усиленію потребленія предметовъ нервнаго возбужденія — алкоголя и табака, а незначительность заработной платы, которая далеко отстаетъ отъ условій существованія рабочаго класса, гонитъ женъ и дѣтей рабочаго на фабрику, заставляетъ искать побочнаго заработка, въ видѣ сдачи комнатъ и угловъ, проституціи и проч....

Можно не согласиться со всѣми выводами автора, можно оспаривать съ методологической точки зрѣнія его пріемъ замѣны разницы въ бюджетахъ во времени разницею въ пространствѣ, наконецъ можно сомнѣваться въ правильности его заключеній вслѣдствіе недостаточности данныхъ, но нельзя не привѣтствовать его попытки поставить вопросъ о развитіи потребностей на строго научную почву и не пожелать дальнѣйшихъ работъ въ томъ же направленіи.

Книжка издана тщательно, но цѣна ея слишкомъ высока.

П. Глѣбовъ.

Масловъ Петръ. Аграрный вопросъ въ Россіи. Т. I. (Условія развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. 4-ое дополненное изданіе. Съ прилож. ст.: 1) о принципіальныхъ основахъ аграрной программы и 2) моимъ критикамъ. СПБ. 1908 г. Работа П. П. Маслова за короткое время выходитъ четвертымъ изданіемъ — на русскомъ языкѣ, а недавно она появилась въ нѣмецкомъ переводѣ въ изданіи Дитца. Такое вниманіе, оказанное названной выше работѣ, объясняется несомнѣнно не только актуальностью затрагиваемой темы, но прежде всего вызвано крупной цѣнностью труда г. Маслова. Блестящій анализъ „условій развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи", — анализъ продовольственной ренты и аренды, затѣмъ широкая принципіальная

Digitized by Google

постановка вопроса о „борьбѣ крупнаго и мелкаго хозяйствъ“, въ связи съ этимъ выясненіе вопроса о роли *техники* и *культуры* сельскаго хозяйства, а также выясненіе проблемы народонаселенія въ связи съ общими тенденціями экономическаго развитія страны, составляетъ на нашъ взглядъ крупную, неоспоримую заслугу изслѣдованія П. П. Маслова. Болѣе можно возразить противъ другой части работы,—именно противъ конструкціи теоріи земельной ренты, выдвигаемой авторомъ. Какъ извѣстно, г. Масловъ выставляетъ то положеніе, что „абсолютной ренты въ томъ смыслѣ, въ какомъ это выраженіе употребляетъ Марксъ, не существуетъ... „При условіяхъ капиталистическаго развитія она не можетъ существовать“ (стр. 108); „капиталистическое землевладѣльческое хозяйство не можетъ дать землевладѣльцу ничего, кромѣ *дифференціальной* ренты, получающейся благодаря различію производительности затратъ капитала“ (105).

Аргументація Маслова въ защиту этого положенія обладаетъ присущими автору тонкостью и осторожностью анализа, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней есть одно слабое мѣсто. Именно, въ основѣ всей этой аргументаціи лежитъ признаніе закона убывающаго плодородія земли *въ томъ видѣ, какъ его формулировали Рикардо и Милль*; самостоятельнаго анализа этого закона авторъ не даетъ: онъ просто констатируетъ „фактъ“. При этомъ не совсѣмъ ясно, есть ли это только „фактъ“, какъ выражается въ однихъ мѣстахъ П. П. Масловъ (стр. 61), или это—„теорія“ (стр. 74), которая „имѣетъ мѣсто при всѣхъ формахъ хозяйства“ (61).

Мы вовсе не отрицаемъ крупнаго значенія указаннаго „факта“, но мы отнюдь не можемъ придавать ему такого *абсолютнаго* значенія, какое онъ играетъ въ построеніяхъ П. П. Маслова. Для насъ этотъ „фактъ“ ограниченъ во времени и пространствѣ и мы не считаемъ, что онъ „имѣетъ мѣсто при всѣхъ формахъ хозяйства“. Намъ кажется болѣе правильной точка зрѣнія, выставленная итальянскими экономистами Валенти и Гитье и защищавшаяся Л. Крживицкимъ. Противъ закона уменьшающейся производительности новыхъ затратъ Валенти выставилъ законъ производительности, увеличивающейся „до предѣла насыщенія“. Гитье, пользуясь данными агрономической станціи въ Фреонѣ, настаиваетъ на томъ, что отношеніе урожаевъ къ затратамъ, вложеннымъ въ землю, вытекаетъ изъ современнаго прогресса земледѣльческаго искусства. „Производительность (земли), говоритъ онъ, остается пропорціональной“ (къ количеству вложеннаго труда и капитала) до нѣкотораго предѣла, который въ теченіе послѣдняго полувѣка сильно отодвинулся, а въ будущемъ, быть можетъ, отдалится еще больше“.

Л. Крживицкій, изъ работы котораго мы заимствуемъ эту ссылку („Аграрный вопросъ“, стр. 177—176. Изд. „Знаніе“), такъ резюмируетъ серьезность вопроса. „Агрономическое искусство послѣдняго времени,—говоритъ онъ,—показало на практикѣ, какъ опасно и ошибочно выводить законъ на основаніи незначительнаго запаса фактовъ. Классическій тезисъ объ уменьшеніи производительности новыхъ затратъ былъ опровергнутъ на столькихъ примѣрахъ, что мы можемъ считать его лишь отчасти соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Этотъ тезисъ долженъ уступить мѣсто другому—принципу постоянной продуктивности новыхъ затратъ, увеличивающейся до предѣловъ насыщенія. А когда онъ будетъ достигнутъ, это можетъ опредѣлить только практическій опытъ передовыхъ дѣятелей сельскаго хозяйства“.

Въ короткой замѣткѣ мы не имѣемъ возможности останавливаться на

Digitized by Google

этомъ вопросѣ подробнѣе; мы хотѣли лишь показать, что, если г. Масловъ, базировалъ свою конструкцію теоріи ренты на „фактѣ“ уменьшающагося плодородія почвы, то онъ долженъ былъ остановиться на анализѣ этого „факта“ и опредѣленно сказать, какую сферу примѣненія онъ отводитъ этому „факту“. Если Марксъ ошибочно отрицалъ наличность этого „факта“ при извѣстномъ состояніи производительныхъ силъ, то не менѣе ошибочно, намъ думается, поступаетъ Масловъ, когда, слѣдуя за Рикардо, Миллемъ, Булгаковымъ и др. экономистами, возводитъ „фактъ“ въ значеніе абсолютнаго закона, имѣющаго мѣсто „при всѣхъ формахъ хозяйства“.

Спеціально по поводу 4-го изданія труда П. П. Маслова мы можемъ указать, что, хотя авторъ и сдѣлалъ нѣкоторыя дополненія *въ текстѣ*,— дополненія гл. обр. цифровыя,—онъ все же оставилъ не мало пробѣловъ. Такъ, напр., въ главѣ о регулированіи сельско-хозяйственнаго найма авторъ ни словомъ не упомянулъ о законѣ 15 апрѣля. Затѣмъ, въ вопросѣ объ общинѣ, П. П. Масловъ, критику яточки зрѣнія сторонниковъ и противниковъ общины, совершенно обходитъ вопросъ о новѣйшихъ теченіяхъ въ этомъ вопросѣ среди с.-д.; не пополнены авторомъ позднѣйшими данными главы о переселеніи крестьянъ, о дѣятельности Крестьянскаго Банка и нѣкоторыя другія. Въ большинствѣ случаевъ эти пробѣлы не измѣняютъ дѣла по существу, но въ иныхъ случаяхъ они весьма существенны. Напр., у П. П. Маслова мы встрѣчаемъ мало обоснованное утвержденіе относительно того, что въ земледѣльческомъ раіонѣ Россіи урожайность (крестьянскихъ земель) падаетъ. Вопросъ этотъ однако въ высшей степени спорный. Въ др. мѣстѣ (см. нашу статью „Соціально-экономическія причины неурожаевъ въ Россіи“. („Образованіе“ 1907 г., № 4), анализируя различныя статистическія данныя,—мы пришли къ иному заключенію.

Все это однако вопросы частнаго характера (кромѣ вопроса о законѣ уменьшающаго плодородія почвы) и въ данномъ случаѣ существеннаго значенія не имѣющіе.

Въ приложеніи къ книгѣ П. П. Масловъ даетъ двѣ статьи, въ которыхъ приводитъ наиболѣе существенныя возраженія противъ выдвинутыхъ относительно его *теоретической* концепціи замѣчаній въ литературѣ.

Въ предѣлахъ рецензіи трудно исчерпать или даже охватить полноту содержанія цѣннаго труда г. Маслова. Такой задачи мы себѣ и не ставили. Всякій, кто сколько-нибудь интересуется аграрнымъ вопросомъ долженъ удѣлить серьезное вниманіе труду г. Маслова и основательно проштудировать его. *Б. Веселовскій.*

Билимовичъ, Ал., прив.-доц. Землеустроительныя задачи и землеустроительное законодательство въ Россіи. Стр. 198. Ц. 1 р. 50 к. К. 1908 г. Работа прив.-доцента Билимовича посвящена одному изъ жгучихъ вопросовъ современности, около котораго сконцентрировалось столько всевозможныхъ интересовъ, что при рѣшеніи его приходится подвергать самому тщательному анализу конкретныя условія выполненія „землеустроительныхъ задачъ“. А между тѣмъ такого именно анализа въ книгѣ г. Билимовича мы и не находимъ. Разсуждая о „землеустроительныхъ задачахъ“, онъ совершенно отвлекается отъ тѣхъ соціально-политическихъ и экономическихъ условій, при которыхъ надлежитъ осуществлять эти задачи, и въ силу этого обнаруживаетъ поэтъ-часъ легкомысленное отношеніе къ самымъ серьезнымъ вопросамъ. Напр., отказъ „радикальныхъ земствъ“ (1906 г.) и крестьянъ участвовать въ землеустрон-

Digitized by Google

тельныхъ комиссіяхъ объясняется, по его мнѣнію, „недомысліемъ теперешняго состава нѣкоторыхъ земствъ, отличительной чертой котораго является отрицательное отношеніе ко всякому бюрократическому творчеству". Удивительно легко г. Билимовичъ раздѣлывается также и съ защитниками принудительнаго отчужденія частныхъ земель: онъ не входитъ въ разборъ существа ихъ доводовъ примѣнительно къ русскимъ условіямъ, а ограничивается лишь пространными ссылками на ученіе экономиста Вагнера о принудительномъ отчужденіи вообще, попутно обвиняя депутатовъ первой Думы въ „усиленныхъ подговорахъ крестьянъ къ насильственному захвату земель и разгрому помѣщичьихъ усадебъ". Съ обширной кадетской литературой о принудительномъ отчужденіи г. Билимовичъ раздѣлывается по нахѣднически: онъ просто объявляетъ ихъ позицію „ложной". Этой же ложностью позиціи к.-д. продиктовано также, по его мнѣнію, и стремленіе к.-д. установить вознагражденіе за землю ниже рыночной ея цѣны.

Затѣмъ, говоря о землеустроительныхъ задачахъ, г. Б. совершенно не касается того, какъ эти „задачи" уже осуществляются теперь правительствомъ. Читатель ошибется, если будетъ надѣяться встрѣтить въ книжкѣ г. Билимовича оцѣнку „бюрократическаго творчества", практикуемаго на нашихъ глазахъ въ области „землеустройства": г. Билимовичъ лишь беретъ подъ свою защиту творчество бюрократіи вообще, не пытаясь взглянуть прямо въ глаза русской дѣйствительности. Эта послѣдняя у него всюду заслоняется примѣрами Западной Европы. Въ Пруссіи, напр., генеральныя комиссіи изъ чиновниковъ удовлетворительно справляются съ „землеустроеніемъ",—и у насъ иначе не можетъ быть; проявлять недовѣріе къ творчеству русской бюрократіи,—значитъ обнаруживать „недомысліе".

Словомъ, мы не найдемъ у г. Билимовича анализа русской дѣйствительности при рѣшеніи „землеустроительныхъ задачъ". Не лучше обстоитъ дѣло и съ „землеустроительнымъ законодательствомъ". Такъ, г. Билимовичъ о дѣятельности крестьянскаго банка, о переселеніяхъ и т. п. упоминаетъ лишь въ 2—3 словахъ, не давая общеосвѣщающей эту дѣятельность точки зрѣнія. До сихъ поръ банкъ работалъ въ руку главнымъ образомъ зажиточныхъ слоевъ крестьянства. Это г. Б. признаетъ. Ну, а дальше какъ? Объ этомъ мы не находимъ у г. Б. ни слова.

На „отрубахъ" и „хуторскихъ" хозяйствахъ г. Б. останавливается нѣсколько больше, но и тутъ читатель не встрѣтитъ ничего оригинальнаго; къ тому же у г. Кофода все это изложено подробнѣе, чѣмъ въ позаимствованіи г. Билимовича.

Болѣе полно изложены отдѣлы о сервитутахъ и чрезполосицѣ, но оригинальнаго и тутъ читатель ничего не найдетъ. Вообще слѣдуетъ сказать, что работа г. Билимовича можетъ дать нѣкоторыя свѣдѣнія читателю неспеціалисту о западно-европейскомъ законодательствѣ относительно „землеустройства", но своему главному назначенію—дать анализъ „землеустроительныхъ задачъ" въ Россіи—она совершенно не удовлетворяетъ.

Б. Веселовскій.

Вл. Ильинъ. Аграрный вопросъ, ч. I. Книга Ильина заключаетъ въ себѣ три совершенно самостоятельныхъ и не связанныхъ одна съ другою статьи, касающихся различныхъ вопросовъ и имѣющихъ неодинаковую цѣнность.

Первая статья „Къ характеристикѣ экономическаго романтизма" имѣетъ

Digitized by Google

археологическій интересъ, такъ какъ посвящена разбору произведеній экономиста Сисмонди и полемикѣ съ народниками. Статья была написана еще въ 90-хъ годахъ, когда Ильинъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ „легальныхъ марксистовъ".

Гораздо больше интереса представляетъ другая статья автора „Кустарная перепись 1894—5 года въ Пермской губерніи" и общіе вопросы „кустарной промышленности", хотя вопросъ о кустаряхъ лишь съ нѣкоторой натяжкой можно отнести къ „аграрному вопросу". Въ этой статьѣ авторъ дѣлаетъ анализъ статистическихъ данныхъ переписи и очень удачно доказываетъ капиталистическій характеръ промысловъ, которые разсматривались народниками, какъ „народное производство", и противопоставлялись капиталистическому производству. Хотя статья написана давно, но разбираемые въ ней матеріалы имѣютъ интересъ и въ настоящее время.

Третья статья „Аграрный вопросъ и критики Маркса" является наиболѣе слабой, потому что авторъ совершенно не справляется съ теоретическими вопросами, особенно съ теоріей ренты.

Доказывая, совершенно справедливо, несостоятельность теоретическихъ взглядовъ г. Булгакова, авторъ защищаетъ Маркса такъ, что по существу вздорная теорія ренты Булгакова *можетъ показаться* правильнѣе теоріи ренты Маркса, излагаемой Ильинымъ. Напримѣръ: „Условіемъ, хотя и не источникомъ возникновенія земельной ренты,—пишетъ г. Булгаковъ,—является то же самое, что вызвало и возможность монополизаціи земли,—ограниченность производительныхъ силъ земли и безгранично растущая потребность въ нихъ человѣка". Вмѣсто „ограниченность производительныхъ силъ земли" надо было сказать „ограниченность земли", поправляетъ г. Булгакова Ильинъ.

Но вѣдь если бы „производительность силъ земли" не была ограничена, если бы съ каждой десятины земли можно было бы, увеличивши пропорціонально затраты, получать одну, двѣ, три и т. д. тысячи пудовъ хлѣба, тогда и „ограниченность земли" не могла бы дать ренты даже при монополизаціи земли. Ясно, что ограниченность производительныхъ силъ при данныхъ техническихъ условіяхъ вызвала возможность монополизаціи земли и земельной ренты, ясно, что „защитникъ" Маркса оказался болѣе слабымъ, чѣмъ его критикъ. Разумѣется, въ этомъ менѣе всего виноватъ Марксъ.

Вставши на ложный путь, авторъ не могъ уже съ успѣхомъ бороться съ критиками.

Гораздо удачнѣе его полемика по вопросамъ, менѣе связаннымъ съ чистой теоріей, возраженія Герцу, Чернову, Давиду и др.

П. Масловъ.

А. А. Борисовъ. У самоѣдовъ. Отъ Пинеги до Карскаго моря. Путевые очерки. Спб. Изд. Девріена (1907). М. М. Пришвинъ. Въ краю непуганныхъ птицъ. Очерки Выговскаго края. Спб. Изд. Девріена. (1907). Мы не богаты хорошими изданіями общаго характера по Сѣверу, и потому особенно пріятно отмѣтить книги П. Борисова и Пришвина. Первая изъ нихъ вполнѣ можетъ быть отнесена къ разряду художественныхъ изданій: она снабжена по истинѣ прекрасными воспроизведеніями съ 36 картинъ автора, изъ которыхъ 15 даны въ краскахъ. Какъ извѣстно, авторъ-художникъ и уроженецъ Сѣвера, спеціализовавшійся на изображеніи подавляюще-величавыхъ и столь же

Digitized by Google

подавляюще-грустныхъ сѣверныхъ красотъ. Его картины переносятъ воображеніе въ полярныя тундры, на берега Карскаго моря, къ ледянымъ горамъ, озареннымъ въ недолгіе лѣтніе дни незаходящимъ солнцемъ; онѣ проникнуты жутвой поэзіей вѣчнаго молчанія, холоднаго молчанія смерти. Но г. Борисовъ особенно охотно останавливается въ своихъ сюжетахъ на томъ, какъ совершается жизнь въ непригляднихъ условіяхъ полярнаго бытованья: онъ изображаетъ самоѣда въ его обстановкѣ—среди тундры, съ неизмѣннымъ (кстати сказать, на нашихъ глазахъ вымирающимъ) оленемъ, въ чумѣ, на моржевой охотѣ, и вездѣ подмѣчаетъ поражающіе глазъ контрасты, свѣтотѣни, необычные красочные эффекты. Изложеніе г. Борисова отличается бѣглымъ, но живымъ, мѣстами нѣсколько дѣловитымъ характеромъ. Въ его очеркахъ менѣе чувствуется та поэзія Сѣвера, которая оживляетъ многія изъ его картинъ, но зато въ нихъ много цѣнныхъ наблюденій, сдѣланныхъ не случайнымъ туристомъ, а человѣкомъ, сжившимся съ сѣверной природой и бытомъ. Удѣляя очень мало, къ сожалѣнію, вниманія пріемамъ нашего административнаго хозяйничанья на Сѣверѣ и давая скорѣе почувствовать, чѣмъ осознать типичную для этого хозяйничанья культурную беззаботность, авторъ всю бѣду видитъ въ нерадѣніи къ нуждамъ родины со стороны интеллигенціи и молодежи! Такъ, онъ дѣлаетъ неожиданный и нѣсколько наивный „выпадъ“: „Стыдно намъ, господа, стыдно! Стыдитесь вы, интеллигентные люди, передовые и образованные, а въ особенности стыдитесь вы, молодежь, вышедшая изъ народа! Наши братья, поморы (Бѣлаго моря), покупаютъ себѣ деревянныя суда въ Норвегіи, построенныя изъ нашего же лѣса. Не на васъ ли лежитъ благородная задача, чтобы были у насъ соотвѣтственныя школы, чтобы были у насъ соотвѣтственныя мастерскія—верфи“... Далѣе авторъ совѣтуетъ, по примѣру великаго Петра, ѣздить въ Норвегію учиться кораблестроенію, а по возвращеніи „научить своихъ соотечественниковъ этому же искусству“. Читатель видитъ, что книга г. Борисова сослужила бы хорошую службу не только въ художественномъ и въ этнографическомъ отношеніи, если бы авторъ точнѣе зналъ адресъ, куда направлять свои упреки по поводу невѣжества и культурной запущенности сѣверной окраины, если бы онъ усматривалъ нѣкоторыя связи между опаиваніемъ и обнищаніемъ самоѣдовъ и нѣкоторыми сторонами общегосударственнаго хозяйства, напримѣръ—винной монополіей. Но не будемъ требовать отъ автора того, чего онъ и не собирался давать; въ задуманныхъ предѣлахъ это—хорошая и полезная книга.

Живостью изложенія и мѣткостью наблюденій отличается и книга г. Пришвина. Его наблюденіе относится къ категоріи той своеобразной художественной этнографіи, которая отъ автора требуетъ прежде всего чуткости — къ природѣ и къ человѣку въ ихъ необычныхъ для интеллигентнаго человѣка сочетаніяхъ. Оглавленія нѣкоторыхъ главъ его книги даютъ наглядное представленіе о характерѣ его наблюденій: „лѣсъ, вода и камень“, „вопленница“, „ловцы“, „пѣвецъ былинъ“, „полѣсникъ“, „колдуны“, „выговская пустынь“, „скрытники“...

Въ свое изложеніе, иллюстрированное многочисленными снимками, авторъ ввелъ и эпическій элементъ изъ записанныхъ имъ пѣсенъ и сказаній, и немножко исторіи, и впечатлѣнія. Все это въ мѣру скрашено поэтическимъ колоритомъ, который заставляетъ, начавъ книгу, дочесть ее до конца. Особенное вниманіе удѣляетъ авторъ памятникамъ старины и

Digitized by Google

расколу; параллель, которую проводитъ г. Пришвинъ, въ религіозномъ настроеніи раскольничьей молельни и православной церкви, не лишена интереса: „въ одной церкви, говоритъ онъ въ концѣ, давитъ какое-то непосильное окаменѣніе духа, въ другой скучно, обыкновенно". На расколъ авторъ смотритъ, впрочемъ, какъ на „усиленное православіе" и потому видитъ въ немъ лишь одну сторону, связанную съ исторіей религіознаго быта.

Издана книга по обычному образцу Девріеновскихъ изданій—хорошая бумага, отчетливые шрифты, старательно приправленные рисунки; но брошировка обѣихъ книгъ оставляетъ желать много лучшаго. *Евг. Л.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(СЪ 20-ГО ДЕКАВРЯ 1907 Г. ПО 1-ГО ЯНВАРЯ 1908 Г.).

(Контора не принимаетъ на себя выполненія заказовъ подписчиковъ на эти книги, т. к. онѣ поступаютъ въ редакцію въ одномъ лишь экземплярѣ).

Абрамовичъ Н. Я. Человѣкъ будущаго. (Очеркъ философ. утопіи Ф. Ницше). Спб. 1908. 99 стр. Ц. 50 к. Изд. „Прометей".

Андрусонъ. А. Сказка любви (стихотворенія) Спб. 1908. 159 стр. Ц. 1 р. Изд. „Жизнь".

Балу А. Ученіе о христ. непротивленіи злу насиліемъ; пер. съ англ. съ пред. И. Горбунова-Посадова. Москва 1908. 151 стр. Ц. 45 к. Изд. „Посредника".

Барановъ И. П. М. Арцыбашевъ, какъ художникъ-психологъ и импрессіонистъ и какъ пѣвецъ смерти стараго и жизни новаго человѣка. Кіевъ 1908. 76 стр. Ц. 35 коп. Изд. Иванова.

Бахъ А. Экономическіе очерки. ч. 2. Мск. 1907. 79 стр. Ц. 15 к. Изд. „Новыя силы".

Бодлэръ Ш. Исканія рая. Спб. 1908. 191 стр. Ц. 1 р. Изд. „Западъ".

Брандтъ Н. Г. Тихія пѣсни. (Стихотвор.) Кіевъ. 1907 г. 71 стр. Ц. 50 к. Изд. автора.

Васнецовъ А. Художество (опытъ анализа понятій, опредѣленіе искусства живописи). Москва. 1908. 133 стр. Ц. 1 р. Изд. І. Кнебель.

Ведекиндъ Н. кн. І (Гидалла. Музыка) Спб. 1908. 136 стр. Ц. 1 р. 20 к. Изд. „Шиповникъ".

Ветуховъ А. Заговоры, заклинанія, обереги и др. внды народн. врачеванія. в. 1 и 2. Варш. 1907. 509 стр. Ц. 4. р. Изд. „Русск. Фил. Вѣстникъ".

Вечерніе курсы съѣзда нефтепромышл. для рабочихъ въ $190^{6/7}$ уч. году. 22 стр.

Вовчокъ Вас. Нѣдра земли въ Россіи и ихъ обобществленіе (факты, цифры, выводы). Спб. 1908. 164 стр. Ц. 1 р. Изд. „Трудъ и борьба".

Волховской Ф. Швейцарская военная система. Мск. 1908. 87 стр. Ц. 20 к. Изд. „Новыя силы".

Вопросы колонизаціи, періодическій сборникъ подъ ред. А. Успенскаго и Г. Чиркина. № 2. Спб. 1908. 492 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Гарднеръ Вадимъ. Стихотворенія (сборн.) Спб. 1908. 48 стр. Ц. 75 к.

Гершензонъ М. Исторія „Молодой Россіи". Москва 1908. 304 стр. Ц. 1 р. 50.

Гиппіусъ З. Черное по бѣлому (разсказы). Спб. 1908. 270 стр. Ц. 1 р. 25 к. Изд. Пирожкова.

Головкинъ-Хвощинскій Ю. Н. Аграрный вопросъ. Кіевъ 1907—25 стр. Ц. 15 к.

Горнбергъ Б. Эмиграція и иммиграція. Вильна 1907. Ц. 25 Изд. „Трибуна".

Горькій М. Разсказы Т. І Спб. 1908. 306 стр. Ц. 1 р. Изд. 10-е „Знанія".

Грановскій А. Б. Общественное здравоохраненіе и капитализмъ. Мск. 1908. 62. стр. Ц. 35 к.

Гринъ А. С. Шапка невидимка. Спб. 1908. 179 стр. Ц. 80 коп. Изд. „Наша Жизнь".

Digitized by Google

Добржинскій С. И. Опытъ оцѣнки питательнаго достоинства хлѣба. Спб. 1907 г. 93 стр. Ц. 60.

Ди Вельтъ № 2 Литературный сборникъ. Вильна 1907. 93 стр. Изд. „Ди Вельтъ".

Добрышинъ Б. В. Задачи современной интеллигенціи. Спб. 1908—59 стр. Ц. 25 к. Изд Т-ва „Общ. Польза".

Дубровскій Ник. Оффиціальная наука въ Царствѣ Польскомъ. Спб. 1908. 138 стр. Ц. 75 коп.

Дымовъ О. Земля цвѣтетъ. Мскв. 1908. 122 стр. Ц. 1 р. Изд. Грифъ.

Ермановскій А. Кому распоряжаться государственной казной? (Бюджетное право). Спб. 1908. 92 стр Ц. 30 к.

Ернефельтъ А. Чада земли (разсказъ); пер. съ фин. М. Благовѣщенской Москва 1908. 110 стр. Ц. 45 коп. Изд. „Посредника".

„Западные сборники" книга I. (Маннъ. Каленбергъ. Гофмансталь. Вассерманъ. Альтенберъ. Голендеръ. Шлафъ). пер. съ нѣм. Мих. Кадимъ Москва. 1908. 301 стр. Ц. 1 р. Изд. „Соврем. проблемы".

Ибсенъ Генрихъ. Полное собраніе сочиненій. Пер. съ датско-норвежскаго А. и П. Ганзенъ. т. I. Мск. 1908. 604 стр. Ц. 2 р. 20 к. Изд. С. Скирмунта.

Избранныя мысли Лабрюйера, съ приб. избр. афоризмовъ и максимъ Ларошфуко, Вовенарга и Монтесье; перев. съ фр. Г. Русанова и Л. Толстого съ пред. Л. Н. Толстого. М. 1908. 252 стр. Ц. 75 к. Изд. „Посредника".

Избранныя произведенія Русской поэзіи, сост. В. Бончъ-Бруевичъ. СПБ. 1908. 319 стр. Ц. 2 р. Изд. 3-ье, вновь пересмотр. и знач. дополн.

Ильинскій Вл. Общественное служеніе женщины въ христ. церкви. СПБ. 1908—73 стр. Ц. 40 к.

Ильинъ Вл. Аграрный вопросъ. Часть I. СПБ. 1908. 262 стр. Изд. „Зерно". Ц. 50 коп.

Исторія русской литературы подъ ред. Е. Аничкова, А. Бороздина и Д. Овсянйко-Куликовскаго. Т. I. в. II. Москва 1908. Изд. Сытина и Т-ва. „Міръ".

Казминъ-Вьюговъ Н. О религіозномъ воспитаніи дѣтей. Спб. 1908—46 стр. Ц. 35 к. Т-во. „Издат. Бюро".

Карпентеръ Эдвардъ. Я поднимаюсь изъ тьмы. Избр. стихотвор. въ прозѣ. Перев. Орловскаго. Мск. 1908 г. 51 стр. Ц. 25 к. Изд. „Посредника".

Кедровъ П. И. д-ръ Вознагражденіе увѣчныхъ рабочихъ по закону 2 Іюня 1903 г. Мск. 1908. 50 стр. Ц. 10 к. I рис. Изд. Музея сод. труду.

Клуниый. Окончившіе учительскіе институты стучатся въ закрытую дверь университета. СПБ. 1907. 16 стр. Перепеч. изъ журн. „Русская Школа".

Ковальскіе К. и О. „Тамъ за желѣзными дверями". (драма юности). СПВ. 1908. 81 стр. Ц. 50 коп. Изд. „Прялка".

Кошевниковъ П. Разсказы. М. 1908. 150 стр. Ц. 80 к. Изд. „Мятели".

Кораблевъ В. Н. Литературныя замѣтки. Спб. 1908. 257 стр. Ц. 1 р.

Котикъ Н. д-ръ Непосредственная передача мыслей. Мск. 1908 168 стр. Ц. 1 р. Изд. Соврем. проблемы.

Краткій очеркъ состоянія Бакинской нефтяной промышленности въ 1907 г. Баку 1907. 102+78 стр. Ц. 2 р. Изд. Стат. бюро Совѣта съѣзда нефтепром.

Крыницкій М. Разсказы. т. I СПБ. 1908. 210 стр. Ц. 1 р. Изд. „Шиповникъ".

Купринъ А. Слонъ (разск. для дѣтей) Съ рис. Allegro. СПБ. 1908. 23 стр. Ц. 20 к. Изд. Журн. „Тропинка".

Курчинскій М. А. Муниципальный соціализмъ и развитіе городской жизни. СПВ. 1907. 110 стр. Изд. Брокгаузъ—Эфронъ.

Къ пересмотру аграрной программы и ея обоснованія (Фирсовъ Д.—Соціализація земли и право на землю. Якобій М. Движущія силы сельскаго хозяйства) Москва. 1908. 323 стр. Ц. 1 р. 50 к. Изд. „Эра".

Лебедевъ А. И. Дѣтская и народная литература вып. I. Ниж. Новг. 1908. 132 стр. Ц. 50 к. 5-ое перераб. изд. автора.

Лебедевъ А. И. Что читать крестьянамъ и рабочимъ. Нжн. 1907 88 стр. Ц. 12. к.

Литература партіи „Народной воли". Москва 1907. 491 стр. Ц. 2 р. Изд. „Борьба и право".

Львовъ Т. Ушла. Мск. 1908. 80 стр. Ц. 50 к.

Матюшинскій А. И. Отъ воровства къ анархизму. СПВ. 1908. 176 стр. Ц. 75 коп.

Мельгуновъ С. Студенческія организаціи 80—90 г г. въ Моск. универ. Москва 1908. 103 стр. Ц. 50 к. Изд. „Своб. Россія."

Метерлинкъ. Томъ III. пер. Вилькиной. СПВ. 1907. 494 стр. Изд. Пирожкова. Ц. 2 р.

Милюковъ П. Вторая Дума (публицист. хроника 1907). СПВ. 1908. 302 стр. Ц. 1 р. 50 к. изд. „Общ. Польза".

Digitized by Google

Мирбо Октавъ. Голгоѳа; пер. съ франц. Мск. 1908. 233. стр. Ц. 1. р.

Мирбо Октавъ. „628—е—8". Путешествіе въ автомобилѣ. СПВ. 1908. 321 стр. Ц. 1 р. 25 коп. Изд. „Шиповникъ".

Мошинъ А. Новое о великихъ писателяхъ. СПВ. 1908—129 стр. Ц. 60 к. 2-ое доп. изд. автора.

Наша трибуна. (Сборникъ) Книга 1-ая. Вильна 1907. 89 стр. Ц. 25 коп. изд. „Трибуна".

Немоевскій Андрей. Письма ненормальнаго человѣка. Перев. М. Троповской. СПБ. 1908. 175 стр. Ц. 80 к. Изд. Шиповника.

Никольскій А. М. проф. Подъ открытымъ небомъ (разсказы для дѣтей) Харьковъ 1908. 250 стр. Ц. 1. р 80 к.

Никольскій В. И. проф. О русскомъ національн. самосознаніи. Спб. 1907. 53 стр.

Новиковъ И. Золотые кресты (романъ) Мск. 1908. 304 стр. Ц. 1 р. 40 к.

Отчетъ Одесской обществ. б-ки. Одесса 1907—30 стр.

„Очерки по философіи марксизма" (философскій сборникъ) статьи В. Базарова, Я. Вермана, А. Луначарскаго, П. Юшкевича, А. Богданова, І. Гельфонда и С. Суворова. Спб. 1908. 328 стр. Ц. 2 р. 50 к. Изд. „Зерно".

Парвусъ. По тюрьмамъ во время революціи. Мой побѣгъ изъ Сибири. Спб. 1908. 218 стр. Ц. 30 к. Изд. „Шиповникъ".

Петровская Нина. Разсказы. Мск. 1908. 123 стр. Ц. 60 к. Изд. „Грифъ"

Покровскій А. Хищники. Серія научно-попул. книгъ. Спб. 1908—53 стр. Ц. 10 к. Изд. Т-ва М. Д. Орѣховъ и К°.

Протоколы конференціи росс. національно-соціалистическихъ партій. (16—20 апр. 1907.) Спб. 1908. 151 стр. Ц. 60 к. Изд. „Сеймъ",

Профессіональные союзы во Франціи (Сборникъ статей Гриффеля, Дельзаля, Лягарделля, Лятапи, Пуже) пер. съ франц. Мск. 1908. 119 стр. Ц. 40 к. Изд. Иванова.

Пыпинъ А. Н. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Спб. 1908. 662 стр, Ц. 3 р. 50 к. Изд. 2-е съ допол. и примѣч. Е. А. Ляцкаго. К-во „Колосъ.

Рамакришна Т. Падмини. (Разсказъ изъ индійской жизни) пер. подъ редакціей С. И. Сыромятникова. Спб. 1907. 177 стр. Ц. 40 к.

Ратнеръ М. Б. Аграрный вопросъ и соціалдемократія. Москва 1908. 250 стр. Ц. 1 р. 20 к. Изд. „Новыя силы".

Рах-овъ. Н. Къ философіи марксизма (двѣ статьи о русскихъ эмпиріокритикахъ) Рига. 1908. 86 стр. Ц. 30 к. Изд. „Научная мысль".

„Рукописи" Жизнь Спасителя въ изображеніи Г. Френсена. Спб. 1908. 160 стр. Ц. 75 коп. Изд. 2-е перераб. и дополн. съ портретомъ съ вступ. статьями А. Горнфельда и И. Гюберта.

Русская исторія въ картинкахъ (на 18 листахъ) Изд. Сытина для школъ.

Сасинъ М. Черные розы Стихотворенія. в. 1. Оренб. 1908—105 стр. Ц. 25 к. Изд. Кн. м. „Польза".

„Сборникъ Т-ва Знаніе" № 19 (произведенія М. Горькаго, Н. Гарина, В. Вересаева и Шоломъ Аша). Спб. 1907. 329 стр. Ц. 1 р.

Сведенборгъ Э. Поясненіе первыхъ четырехъ главъ книги „Бытія" (изъ „Arcana Coelestia") Спб. 1908. 172 стр. Ц. 70.

Сводъ свѣдѣній о финансовыхъ результатахъ и главныхъ оборотахъ по казенной продажѣ питей за 1906 г. Спб. 1907 Оффиц. изд.

Сергѣевъ-Ценскій С. Смерть. (пьеса). Спб. 1908. 160 стр. Ц. 75 к. Изд. „Шиповникъ".

Серпъ. (Сборникъ первый) Спб. 1908. 281 стр. Ц. 50 коп. Изд. „Серпъ".

Серпъ. (Сборникъ второй) Спб. 1908. 403 стр. Ц. 1 р. Книгоизд. „Серпъ".

Сиземскій Л. Обученіе чтенію въ семьѣ. Нормальная постановка. Спб. 1908. 61 стр. Ц. 35 к.

Словарь литературныхъ типовъ т. І. Тургеневъ. Спб. 1908. 144 стр. Ц. 1 р. Изд. журнала „Всходы".

Соколовская Т. Русское Масонство и его значеніе въ исторіи обществ. движенія Спб. 1907. 182 стр. Ц. 80 к. Изд. Н. Глаголева.

Сухановъ Н. Земельная рента и основы земельнаго обложенія (къ вопросу о соціализаціи земли), съ пред. В. Чернова. Москва 1908. 184 стр, Ц. 85 к. Изд. „Новыя силы."

Сэндерлэндъ І. Т. Библія (ея происхожденіе, развитіе и отличит. свойства); пер. съ англійск. подъ ред. П. Черткова. Москва 1908. 272 стр. Ц. 50 к. Изд. „Посредника".

Таганскій В. Femina Sapiens. СПВ. 1908. 119 стр. Ц. 75 коп. „Изд. Мысль".

Театръ (книга о новомъ театрѣ). Сборникъ статей А. Луначарскаго, Е. Аничкова, А. Горнфельда, А. Венуа, В. Мейерхольда, Ѳ. Сологуба. Г. Чулкова, С. Рафаловича, В. Брю-

Digitized by Google

ева и А. Вѣлаго. Спб. 1908. 289 стр. Ц. 2 р. Изд. „Шиповника".

Толстой Л. Н. Вѣрьте себѣ. Новыя произведенія в. 4. Мск. 1908—4 стр. ц. 4 к. Изд. „Посредника".

Толстой Л. Н. Недѣланіе. Мск. 1908—32 стр. ц. 5 коп. Изд. „Посредника".

Толстой Л. Н. Религія и нравственность. Мск. 1908 29 стр. ц 5 к. Изд. „Посредника".

Троцкій Н. О германской соціалъ-демократіи. Мск. 1908. 60 стр. Ц. 30 коп. Изд. „Зерно".

Тэнъ И. Происхожденіе соврем. Франціи. Пер съ франц. Спб. 1907 г. 312 стр. Изд. „Вѣстн. ин. литературы".

Украинскій В. Крестьянская община и аграрная реформа. М. 1907. 117 стр. Ц. 50 к. Изд. „Новыя силы".

Умова О. Въ тяжелые дни (сборникъ стиховъ). Спб. 1908 г. 62 стр. Ц. 50 к.

Фальбекъ, проф. Соврем. парламентаризмъ; пер. съ франц. Н. Сорина. Спб. 1907 г. 120 стр. Ц. 40 к. Изд. „Просвѣщеніе".

Фейербахъ Л. Сущность христіанства. пер. съ нѣм.; подъ ред. Антоновскаго Спб. 1908 г. 335 стр. Ц. 1 р. 50 к. Изд. „Прометей".

Ферри. Преступные типы въ искусствѣ и литературѣ. Спб. 1908. 174 стр. Ц. 1 р. Изд. Коренева.

Foerster E. Die Frauenfrage in den Romanen Englischer Schriftstellerinnen der Gegenwart. Marburg. 1907. 78 p.

Форнсъ Ольга Рыцарь изъ Нюренберга. Кіевъ 1908. 28 стр. ц. 75 к. Изданіе Пирожкова.

Хавкинъ Л. Б. Индія. Популярный очеркъ со многими рис. и картой. Мск. 1908. 205 стр. Ц. 80 к. Изд. Т-ва Сытина.

Чижовъ Е. Тайны и чудеса Божьяго міра, съ рис. Москва 1907. 254 стр. Ц. 60 к. Изд. 4-ое „Посредника".

Чириковъ Е. Марія Ивановна (комедія въ 4-хъ дѣйсвіяхъ) Спб. 1908. 134 стр. Ц. 60 к. Изд. „Шиповникъ".

Шаховъ А. Вольтеръ и его время. Спб. 1907, 350 стр. Ц. 1 р. 25 коп.

Ш—чъ Л. Трагедія шести-милліоннаго народа. Спб. 1908—22 стр. ц. 10 к. Изд. III.

Шершеневичъ Г. Ф. Общее ученіе о правѣ и государствѣ (лекціи). М. 1908. 159 стр. Ц. 40 к.

Шницлеръ. Маріонетки. Перев. съ нѣм. А. Будкевичъ. Спб. 1908 г. 163 стр. Ц. 75 к. Изд. „Изд. бюро".

Штейнгауэръ И. С. Первые уроки географіи. Спб. 1907. 126 стр. ц. 45 к. Изд. 14 Н. П. Карбасникова.

Юшкевичъ С. Разсказы и пьесы. Т. V. Спб. 1908. 296 стр. Ц. 1 р. Изд. „Знаніе".

Якобій П. А—ръ. Глухонѣмые. Этюдъ демографіи и сравнит. педагогики. Могилевъ 1907 г. 157 стр.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Изданія С. В. Бунина.

(*С.-Петербургъ, Преображенская, 5. Телефонъ № 73—10*).

Мих. Лемке.— НИКОЛАЕВСКІЕ ЖАНДАРМЫ И ЛИТЕРАТУРА 1826—1855 г.г. По подлиннымъ дѣламъ III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи. Съ портретами шефовъ жандармовъ и ихъ помощниковъ. Спб., 1908 г. Цѣна 3. руб. 50 коп.

Отзывы печати 1907 г.: „Новости Одессы"—27 октября, „Утро" (Харьковъ)—2 ноября, „Товарищъ"—1 декабря, „Русск. Вѣдом."—25 декабря, „Пріазовскій край"—№ 287, „Критич. Обозр."—кн. V, „Современ. міръ"—декабрь, „Русская мысль"—декабрь, „Нива"—декабрь и „Вѣстн. Европы"—Январь 1908 г.

Владиміръ Берештамъ. ОКОЛО ПОЛИТИЧЕСКИХЪ. Съ 7 картинами, изъ которыхъ 6 на отдѣльныхъ листахъ мѣловой бумаги, и 18 автобіографіями политическихъ ссыльныхъ. Спб., 1908 г. Цѣна 1 руб.

Отзывы печати 1907 г.: „Товарищъ"—5 октября, „Казанск. Телегр."—28 окт., „Рѣчь"—1 ноября, „Пріазовскій Край"—№ 280, „Кіевск. Вѣсти"—5 ноября, „Вѣстн. Евр."—октябрь, „Образованіе"—октябрь, „Русск. Богат."—ноябрь, „Нива"—ноябрь, „Современ. міръ"—декабрь.

А. М. Ѳедоровъ (авторъ романовъ: Камни, Природа, Земля и др.). **РАЗСКАЗЫ** (новые). Въ художествен. обложкѣ работы М. Соломонова. Спб., 1908 г. Цѣна 1 рубль.

Отзывы печати 1907 г.: „Новости Одессы"—27 окт., еженед. „Новая Книга" № 14—31 окт., „Русск. Вѣдом."—11 декабря, „Кіевск. Вѣсти"—17 декабря.

Ивановъ—Разумникъ. ЧТО ТАКОЕ „МАХАЕВЩИНА"? Къ вопросу объ интеллигенціи. Спб., 1908 г. Цѣна 50 коп.

В. Кильчевскій. БОГАТСТВА И ДОХОДЫ ДУХОВЕНСТВА, 2-е значительно дополн. изданіе 1908 г., ц. 15 к.

Отзывы печати: 1907 г.—„Часъ" (Москва) 1 ноября, „Товарищъ"—1 декабря и „Столичная почта"—1 янв. 1908 г.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ (о томъ, какъ сообща можно выгоднѣе устраивать свои хозяйственныя дѣла). 2-е переработанное и значительно дополненное изданіе. Спб. 1908 г. Цѣна 30 коп.

1-е изданіе („Русск. Богат.") было рекомендовано всѣми наиболѣе прогрессивн. библіограф. указателями (Н. А. Рубакинъ, Шейнкманъ, Гр. Нестроевъ, календарь „Сѣятель" и мн. друг.).

Первыя 4 книги находятся и у издателя, и въ складѣ М. М. Стасюлевича (Спб., В. о., 5 л., 28).

Некнигопродавцы, выписыв. отъ издателя С. В. Бунина (Спб., Преображенская, 5) на рубль и болѣе, за пересылку не платятъ, **что должно быть особенно важно для тѣхъ районовъ, гдѣ продажу первыхъ двухъ книгъ** (г. г. Лемке и Берештама) **мѣстная администрація, по какому то непонятному недоразумѣнію, книжнымъ магазинамъ не дозволяетъ.**

Digitized by Google

НИВА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 Г.

Кромѣ 52 №№ самаго журнала и др. къ нему приложеній ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

Полное собраніе сочиненій въ

28 книгахъ Глѣба Ив. УСПЕНСКАГО

Съ обширной критико-біографической статьей Н. К. Михайловскаго.

Полное собраніе сочиненій въ

10 книгахъ Гергарта ГАУПТМАНА

Въ образцовыхъ переводахъ извѣстныхъ писателей, съ критико-біогр. очеркомъ.

Дневникъ и письма въ

2 книгахъ гр. А. К. ТОЛСТОГО,

которые представятъ цѣнное дополненіе къ „Собр. соч." въ видѣ IV тома.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ", ВСЕГО 52 КНИГИ, *т.-е., независимо отъ друг. приложеній,*

ПО ОДНОЙ КНИГѢ ПРИ КАЖДОМЪ № „НИВЫ".

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" Со всѣми приложеніями на годъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: безъ доставки — 6 р. 50 к. съ доставкою — 7 р. 50 к.	СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВО ВСѢ МѢСТА РОССІИ 8 р. За границу—12 р.	Разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока.

Гг. новые подписчики на 1908 г. могутъ получить, кромѣ „Нивы" 1908 г. еще 10 книгъ гр. А. К. ТОЛСТОГО за 1907 г. за единовременную доплату безъ доставки 2 р., съ дост. и перес 2 р. 50 к.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается безплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА" улица Гоголя, № 22.

А. М. ѲЕДОРОВЪ

Новыя книги изд. 1908 г.

Стихи. Ц. 1 р.

Разсказы. Ц. 1 р.

Скл. изд. Спб. Вас. О. 5 л., 28. Кн. скл. Стасюлевича.

Во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ можно получить

НОВОЕ ИЗДАНІЕ

Сервантесъ—ДОНЪ КИХОТЪ ЛАМАНЧСКІЙ

первый и единственный полный и точный переводъ съ испанскаго ***М. В. Ватсонъ.***

Имѣется въ 2 изд.: роскошно иллюстрированное—за 2 тт. 7 р.; съ рисунками лишь въ текстѣ—2 тт.—3 руб.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА.
на
Библіотеку италіанскихъ писателей.
Рядъ критико-біографическихъ очерковъ (съ портретами писателей)
М. ВАТСОНЪ.

Библіотека состоитъ изъ десяти выпусковъ:
1-й) *Ада Негри;* 2-й) *Дж. Кардучи;* 3-й) *Джузеппе Джусти;* 4-й) *Алессандро Манцони;* 5-й) *Джакомо Леопарди;* 6-й) *Витторіо Альфіери;* 7-й) *Джузеппе Мадзини;* 8-й) *Эдмондо де Амичисъ;* 9-й) *Бокаччіо;* 10-й) *Данте.*

Подписка принимается у автора: С.-Петербургъ, Озерной пер., д., 9, кв. 4, и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

При подпискѣ уплачивается 1 р. 50 к. (безъ пересылки) и выдаются первые шесть выпусковъ. 50 к. уплачивается по выходѣ 7 8 выпуска, и остальные 50 к. по выходѣ 9 и 10 выпусковъ. Отдѣльно каждый выпускъ Библіотеки Итальянскихъ писателей—50 к.

Готовятся къ печати:
Вып. 7-й—Джузеппе Мадзини; вып. 8-й—Эдмондо де-Амичисъ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „МІРЪ БОЖІЙ“.

С.-Петербургъ. Разъѣзжая ул. 7.

ВЫШЛИ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ КНИГИ:

А. Куприхъ. т. I. **Разсказы:** Молотъ. — Ночная смѣна. — Болото. — Походъ. — Одиночество. — Ночлегъ. — Лѣсная глушь.—Дознаніе.—Въ циркѣ.—На покоѣ. Спб. 1907. 318 стр. Изд. 3-е Ц. 1 р.

Его-же. т. III. **Разсказы:** Трусъ. — Мирное житіе. — Корь. — Жидовка.—Конокрады.—Штабсъ-капитанъ Рыбниковъ.—Обида.—Рѣка жизни. — **Мелкіе разсказы:**—Allez.—Вечерній гость. — Собачье счастье.—Убійца.—Брилліанты.—Бѣлыя ночи. — Пустыя дачи. Спб. 1907. 273 стр. Изд. 2-ое. Ц. 1 руб.—

А. Федоровъ. Камни. Романъ. Спб. 1907. 254 стр. Ц. 1 р.

А. Розенбергъ. Исторія искусствъ съ древнихъ временъ до нашихъ дней. Съ многоч. иллюстр. Вып. I. Съ древн. до эпохи возрожденія включ. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. Павловскаго. Спб. 1906. Стр. 348. Рис. 201. Ц. 2 р.

Digitized by Google

Digitized by Google

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the
NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

- 2-month loans may be renewed by calling (510) 642-6753
- 1-year loans may be recharged by bringing books to NRLF
- Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date.

DUE AS STAMPED BELOW

OCT 11 2002

12,000 (11/95)

Digitized by Google

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C005250630

Digitized by Google

Digitized by Google